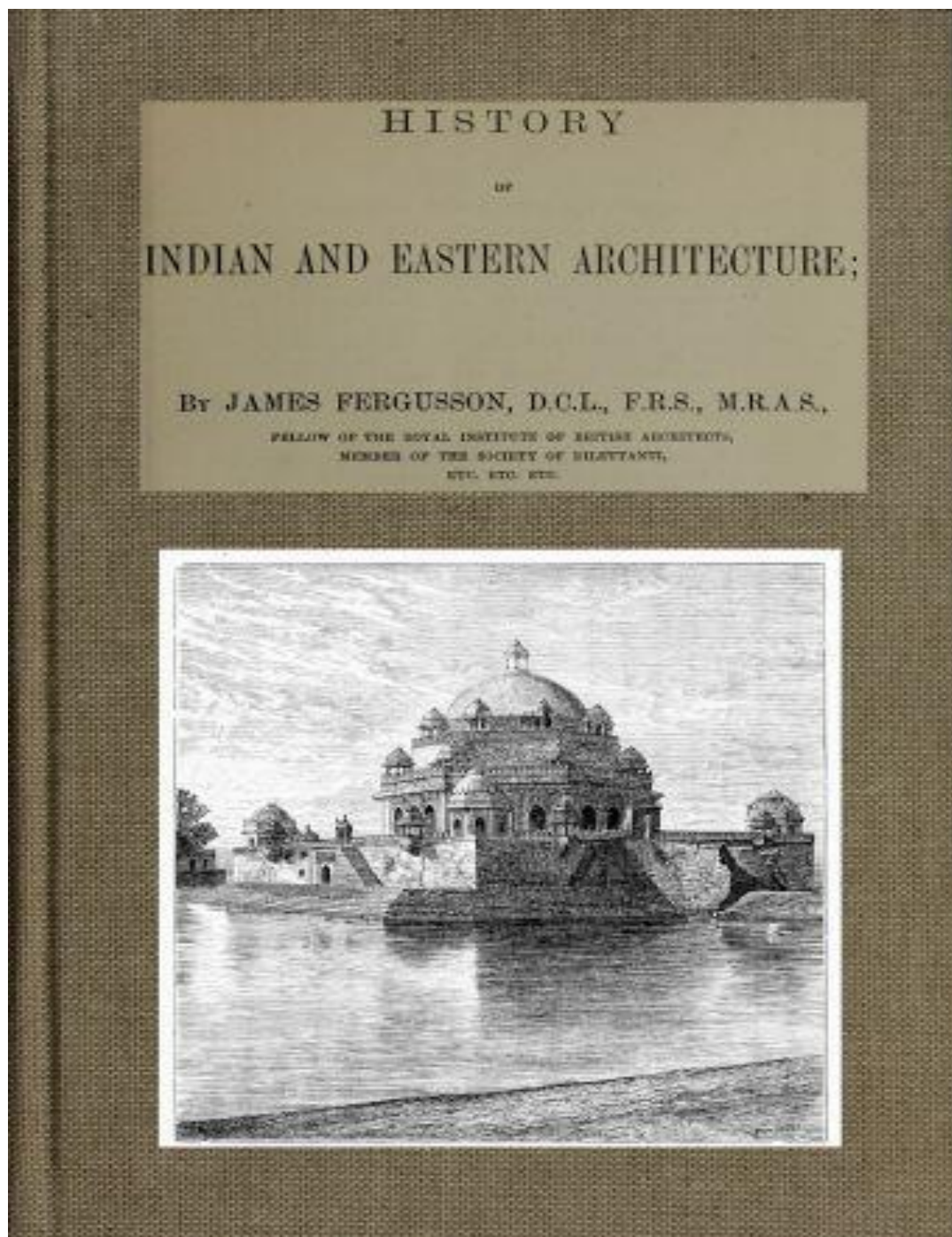

История индийской и восточной архитектуры

Джеймс Фергюсон

Содержание

ИСТОРИЯ ИНДИЙСКОЙ И ВОСТОЧНОЙ АРХИТЕКТУРЫ:

РАБОТЫ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ПРИМЕЧАНИЕ.

СОДЕРЖАНИЕ.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

ИСТОРИЯ ИНДИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ.

ВВЕДЕНИЕ.

КНИГА I. БУДДИСТСКАЯ АРХИТЕКТУРА. ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ.

ГЛАВА II. СТАМБХИ ИЛИ ЛАТЫ.

ГЛАВА III. СТУПЫ.

ГЛАВА IV. РЕЛЬСЫ.

ГЛАВА V. ЧАЙТЯ-ЗАЛЫ.

ГЛАВА VI. ВИХАРЫ[158] ИЛИ МОНАСТЫРИ.

ГЛАВА VII. МОНАСТЫРИ ГАНДХАРЫ.

ГЛАВА VIII. ЦЕЙЛОН.

КНИГА II. АРХИТЕКТУРА ДЖАЙН. ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА II. СТРОИТЕЛЬСТВО.

ГЛАВА III. СЕВЕРНЫЙ СТИЛЬ ДЖАЙНЫ.

ГЛАВА IV. СОВРЕМЕННЫЙ СТИЛЬ ДЖАЙНЫ.

ГЛАВА V. СТИЛЬ ДЖАЙНА В ЮЖНОЙ ИНДИИ.

КНИГА III. АРХИТЕКТУРА В ГИМАЛАЯХ. ГЛАВА I. КАШМИР.

ГЛАВА II. НЕПАЛ.

КНИГА IV. ДРАВИДИЙСКИЙ СТИЛЬ. ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА II. ДРАВИДСКИЕ СКАЛЬНЫЕ ХРАМЫ.

ГЛАВА III. ДРАВИДСКИЕ ХРАМЫ.

ГЛАВА IV. ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА.

КНИГА V. ЧАЛУКЬЯНСКИЙ СТИЛЬ. ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ.

КНИГА VI. СЕВЕРНЫЙ ИЛИ ИНДОАРИЙСКИЙ СТИЛЬ. ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА II. ОРИССА.

ГЛАВА III. ЗАПАДНАЯ ИНДИЯ.

ГЛАВА IV. ЦЕНТРАЛЬНАЯ И СЕВЕРНАЯ ИНДИЯ.

ГЛАВА V. ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА.

КНИГА VII. ИНДИЙСКАЯ САРАЦЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРА. ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА II. ГАЗНИ.

ГЛАВА III. ПАТАНСКИЙ СТИЛЬ.

ГЛАВА IV. ДЖАУНПОР.

ГЛАВА V. ГУДЖАРАТ.

ГЛАВА VI. МАЛВА.

ГЛАВА VII. БЕНГАЛИЯ.

ГЛАВА VIII. КАЛБУРГА.

[ГЛАВА IX. БИДЖАПУР.](#)

[ГЛАВА X. АРХИТЕКТУРА МОГУЛОВ.](#)

[ГЛАВА XI. ДЕРЕВЯННАЯ АРХИТЕКТУРА.](#)

[КНИГА VIII. ДАЛЬНЕЙШАЯ ИНДИЯ. ГЛАВА I. БИРМА.](#)

[ГЛАВА II. СИАМ.](#)

[ГЛАВА III. ЯВА.](#)

[ГЛАВА IV. КАМБОДЖА.](#)

[КНИГА IX. КИТАЙ. ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ.](#)

[ГЛАВА II. ПАГОДЫ.](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ.](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ А. О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ МОМЕНТАХ ИНДИЙСКОЙ
ХРОНОЛОГИИ.](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ В.](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ В. ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ТИРТХАНКАРА ДЖАЙНОВ.](#)

[УКАЗАТЕЛЬ.](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта «Гутенберг» « » («Архитектура и искусство Индии») История индийской и восточной архитектуры

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: История индийской и восточной архитектуры

Автор: Джеймс Фергюсон

Дата выпуска: 15 января 2020 г. [электронная книга № 61178]

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

Язык: английский

Благодарности: Произведено Чаком Грейфом и командой онлайн-корректоров

<http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, доступных в Интернет-архиве)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИСТОРИЯ ИНДИЙСКОЙ И ВОСТОЧНОЙ АРХИТЕКТУРЫ» ***

[Содержание.](#)

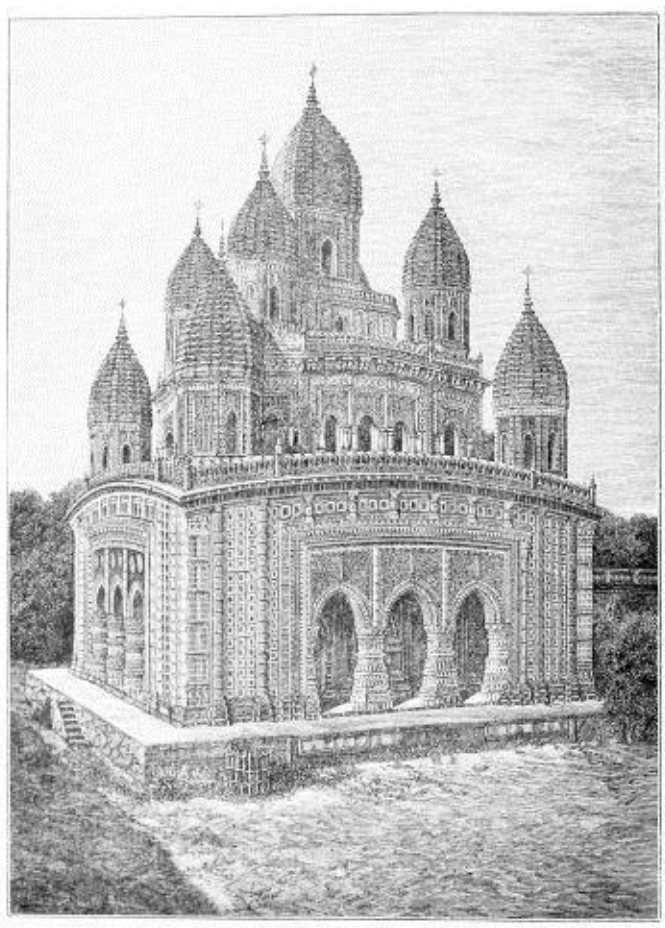
[Приложение](#)

[Указатель:](#) [A](#), [B](#), [C](#), [D](#), [E](#), [F](#), [G](#), [H](#), [I](#), [J](#), [K](#), [L](#), [M](#), [N](#), [O](#), [P](#), [Q](#), [R](#), [S](#), [T](#), [U](#), [V](#), [W](#), [Y](#), [Z](#)

Было исправлено несколько незначительных типографских ошибок. Некоторые имена в оригинале написаны по-разному. Не было предпринято никаких попыток исправить или унифицировать различные варианты написания.

[Список иллюстраций](#)

(примечание переписчика электронного текста)

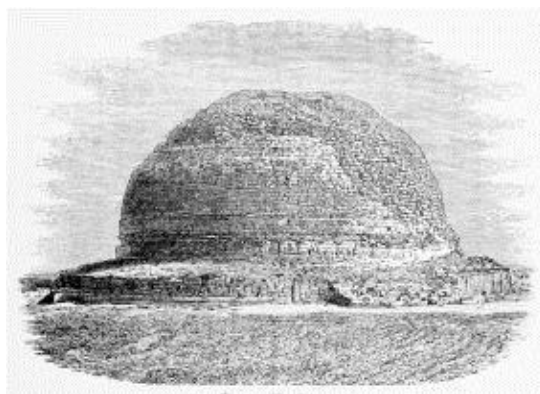

ХРАМ В КАНТОНУТТУРЕ, ДИНАДЖЕПУР.

ИСТОРИЯ ИНДИЙСКОЙ И ВОСТОЧНОЙ АРХИТЕКТУРЫ;

ДЖЕЙМС ФЕРГЮСОН, D.C.L., F.R.S, M.R.A.S.,

ЧЛЕН КОРОЛЕВСКОГО ИНСТИТУТА БРИТАНСКИХ АРХИТЕКТОРОВ, ЧЛЕН ОБЩЕСТВА ДИЛЕТТАНТОВ И Т. Д. И Т. Д.
И Т. Д.

Топ в Маникалья.

СОСТАВЛЯЮЩИЙ ТРЕТИЙ ТОМ НОВОГО ИЗДАНИЯ

«ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ».

ЛОНДОН:
ДЖОН МУРРЕЙ, АЛБЕМАРЛ-СТРИТ.
1891.

Права на перевод защищены.

РАБОТЫ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

- ИЛЛЮСТРАЦИИ СКАЛЬНЫХ ХРАМОВ ИНДИИ. 18 листов в цветной литографии, фолио: с томом текста, планами и т. д. в формате 8vo. *2 фунта 7 шиллингов 6 пенсов.* Лондон, Weale, 1845.
- ЖИВОПИСНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ДРЕВНЕЙ АРХИТЕКТУРЫ В ХИНДУСТАНЕ. 24 листа в цветной литографии, с планами, гравюрами на дереве, пояснительным текстом и т. д. *4 фунта 4 шиллинга.* Лондон, Hogarth, 1847.
- ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТИННЫХ ПРИНЦИПОВ КРАСОТЫ В ИСКУССТВЕ, в особенности в отношении архитектуры. Королевский 8vo. *31 шиллингов 6 пенсов.* Лондон, Longmans, 1849.
- ВОССТАНОВЛЕННЫЕ ДВОРЦЫ НИНЕВИИ И ПЕРСЕПОЛИСА: Очерк о древней ассирийской и персидской архитектуре. 8vo. 16s. Лондон, Murray, 1851.
- ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СПРАВОЧНИК ПО АРХИТЕКТУРЕ. Краткое и популярное описание различных стилей, преобладающих во все времена и во всех странах. С 850 иллюстрациями. 8vo. *26 шиллингов.* Лондон, Murray, 1859.
- РУБЛЕННЫЕ КАМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВО ВСЕХ СТРАНАХ, ИХ ВОЗРАСТ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ. С 234 иллюстрациями. 8vo. Лондон, Мюррей, 1872.
- ПОКЛОНЕНИЕ ДЕРЕВЬЯМ И ЗМЕЯМ, ИЛИ ИЛЛЮСТРАЦИИ МИФОЛЕГИИ И ИСКУССТВА ИНДИИ в I и IV веках нашей эры, 100 гравюр и 31 ксилография. 4to. Лондон, India Office; и W. H. Allen & Co. 2-е издание, 1873.
- МАВЗОЛЕЙ В ГАЛИКАРНАССЕ, ВОССТАНОВЛЕННЫЙ В СООТВЕТСТВИИ С НЕДАВНО ОБНАРУЖЕННЫМИ ОСТАНКАМИ. Иллюстрации 4to. *7 шиллингов 6 пенсов.* Лондон, Murray, 1862.
- Очерк о древней топографии Иерусалима; с восстановленными планами Храма, а также планами, разрезами и деталями церкви, построенной Константином Великим над Гробом Господним, ныне известной как мечеть Омара. *16 шиллингов.* Уиле, 1847.
- СВЯТОЙ ГРОБ И ХРАМ В ИЕРУСАЛИМЕ. Суть двух лекций, прочитанных в Королевском институте на Альбемарл-стрит 21 февраля 1862 года и 3 марта 1865 года. Гравюры на дереве. 8vo. *7 шиллингов 6 пенсов.* Лондон, Murray, 1865.
- ЭССЕ О ПРЕДЛАГАЕМОЙ НОВОЙ СИСТЕМЕ УКРЕПЛЕНИЙ, с советами по ее применению в нашей национальной обороне. *12 шиллингов 6 пенсов.* Лондон, Уэйл, 1849.
- ОПАСНОСТЬ ПОРТСМУТА. ФРАНЦУЗСКИЙ ФЛОТ И АНГЛИЙСКИЕ ФОРТЫ. План. 8vo. *3 шиллинга.* Лондон, Murray, 1853.
- НАБЛЮДЕНИЯ О БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ, НАЦИОНАЛЬНОЙ ГАЛЕРЕЕ И НАЦИОНАЛЬНОМ АРХИВЕ; с предложениями по их улучшению. 8vo. Лондон, Уэйл, 1859.
- ЛОНДОН. WM. CLOWES AND SONS, LIMITED, STAMFORD STREET AND CHARING CROSS.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

За девять лет, прошедших с тех пор, как я в последний раз писал на эту тему,^{[\[1\]](#)} был достигнут значительный прогресс в разъяснении многих проблем, которые до сих пор озадачивают исследователей истории индийской архитектуры. Публикация пяти томов «Археологических отчетов» генерала Каннингема пролила новый свет на многие неясные моменты, но в целом с археологической, а не с архитектурной точки зрения; а исследования г-на Берджесса в западных пещерах и структурных храмах президентства Бомбея значительно дополнили не только наши запасы информации, но и точность наших знаний о них.

Однако для такой работы, как эта, фотография, вероятно, сделала больше, чем все, что было написано. В настоящее время в Индии осталось очень мало зданий — по крайней мере, имеющих какое-либо значение — которые не были сфотографированы более или менее полностью; и для целей сравнения такие коллекции фотографий, которые сейчас доступны, просто неоценимы. Для выявления сходств или различий между образцами, расположенными на расстоянии друг от друга, фотографии почти не уступают личному осмотру и, при достаточном количестве, дают представление об индийском искусстве, которое имеет огромное значение для любого, кто пытается его описать.

Эти новые средства, добавленные к нашему прежнему запасу знаний, вероятно, достаточны, чтобы оправдать наше стремление рассмотреть архитектуру собственно Индии практически исчерпывающим образом, как это сделано на первых 600 страницах этой работы. Ее описание, конечно, можно было бы легко расширить даже за эти пределы, но без планов и более точных архитектурных деталей, чем те, которыми мы располагаем в настоящее время, любые такие дополнения практически мало что добавили бы к информации, уже содержащейся в этой работе.

Дело обстоит иначе, когда мы обращаемся к Дальней Индии. Вместо всего лишь 150 страниц и 50 иллюстраций, обе эти цифры должны быть как минимум удвоены, чтобы привести эту ветвь темы к той же степени полноты, что и описание архитектуры собственно Индии. Однако для этого в настоящее время нет материалов. О Японии мы почти ничего не знаем, кроме фотографий, без планов, размеров или дат; и, за исключением Пекина и договоренных портов, мы почти столько же мало знаем о Китае. Мы много знаем об одном или двух зданиях в Камбодже и на Яве, но наша информация обо всем остальном настолько фрагментарна и неполна, что ее трудно использовать для целей общей истории, и то же самое можно сказать о Бирме и Сиаме. Через десять лет этот пробел, возможно, будет восполнен, и тогда, возможно, удастся привести все в соответствие. В настоящее время все, что можно сделать, — это набросать легкий эскиз, указывающий относительное положение каждого из них и их связь со стилями собственно Индии.

Хотя настоящая книга является третьим томом второго издания «Общей истории архитектуры», ее можно считать самостоятельным и оригинальным произведением. В последнем издании главы, посвященные Индии, занимали всего около 300 страниц с 200 иллюстрациями ([12](#)), и хотя большинство гравюр на дереве повторяются в настоящем томе, более половины оригинального текста было удалено, и, следовательно, по крайней мере 600 страниц настоящего труда являются оригинальным материалом, а 200 иллюстраций — и эти, безусловно, самые важные — были добавлены. Вместе с новыми хронологическими и топографическими деталями они представляют английскому читателю эту тему в более компактной и полной форме, чем это было сделано в любой другой работе по индийской архитектуре, опубликованной до сих пор. Как я слишком хорошо понимаю, она не содержит всей информации, которую хотелось бы иметь, но, боюсь, она содержит почти все, что можно использовать из имеющихся в настоящее время материалов в общей истории этого стиля.

Когда тридцать лет назад я опубликовал свою первую работу по индийской архитектуре, меня упрекнули в том, что я делаю догматические утверждения и выдвигаю теории, которые я даже не пытался обосновать. Боюсь, что этот недостаток был неизбежен. Мои выводы были основаны на изучении реальных зданий в трех президентствах Индии и в Китае в течение десяти лет проживания на Востоке, и чтобы представить миру множество деталей, которые лежали в основе моих обобщений, потребовалось бы дополнительное количество описаний и гравюр, что не оправдывалось интересом к этой теме в то время. Многочисленные гравюры в настоящем томе, обширный текст и ссылки на работы более поздних исследователей в широкой области индийской архитектуры значительно уменьшат, но не могут полностью устранить старое возражение. Ни один человек не может сорок лет посвящать свой ум серьезному изучению какой-либо области

знаний и не познакомиться с множеством деталей, а также приобрести ( ) такой вид понимания, который ни время, ни пространство, ни, возможно, ресурсы языка не позволят ему воспроизвести в полной мере. Я владею, чтобы привести один пример, более чем 3000 фотографиями индийских зданий, с которыми постоянное использование сделало меня знакомым, как с любым другим объектом, который постоянно находится перед моими глазами, и подытожить всю информацию, которую они передают при длительном тщательном изучении, было бы бесконечным, если не невозможным делом. Необходимость дела требует, чтобы часто приводились общие результаты, когда доказательства утверждений должны быть лишь указаны или значительно сокращены, и если выводы иногда выходят за рамки приложенных доказательств, я могу только просить своих читателей поверить, что эти утверждения не являются спекулятивными фантазиями, а являются выводами из фактов. С самого начала я стремился представить четкое представление об общих принципах, которые определяли историческое развитие индийской архитектуры, и я надеюсь, что те, кто будет изучать эту тему за пределами страниц настоящей работы, обнаружат, что изложенные мною принципы позволяют упорядочить многообразные детали, а детали, в свою очередь, подтверждают эти принципы. Хотя огромный объем новых знаний, накопленных с тех пор, как я начал свои исследования в области « », позволил мне исправить, изменить и расширить свои взгляды, тем не менее, принятая мной классификация и историческая последовательность, на которую я указал тридцать лет назад, в своих основных чертах подтвердились и, я надеюсь, будут оставаться актуальными. Многие второстепенные вопросы остаются нерешенными, но у меня сложилось впечатление, что немалое количество противоречивых мнений, которые можно наблюдать, возникает в основном из-за разных подходов, которые исследователи использовали в своих исследованиях. Некоторые выдающиеся и ученые люди, более знакомые с книгами, чем со зданиями, естественно черпали свои знания и выводы из письменных источников, ни один из которых не является современником описываемых событий, и все из которых, по общему признанию, были изменены и фальсифицированы в более позднее время. Мои источники, напротив, в основном представляют собой нерушимые записи на скалах или на скульптурах и резных изделиях, которые в то время обязательно отражали веру и чувства тех, кто их создавал, и которые сохранили свой первоначальный вид до наших дней. В такой стране, как Индия, по моему мнению, резцы ее скульпторов заслуживают гораздо большего доверия, чем перья ее авторов. Однако эти второстепенные вопросы вполне могут подождать решения, которое, несомненно, принесет время и дальнейшие исследования. А пока я осуществляю свою давнюю мечту, если мне удастся популяризировать эту тему, сделав ее принципы общепонятными, и тем самым дать импульс ее изучению и помочь установить индийскую архитектуру на прочной основе, чтобы она заняла свое истинное место среди других великих стилей, которые облагородили искусство человечества.

Публикация этого тома завершает историю «Архитектуры во всех странах, от древнейших времен до наших дней, в четырех томах», и на этом она должна пока остановиться. Согласно первоначальному замыслу, планировалось добавить пятый том «Грубые каменные памятники», который все еще необходим для полноты серии; но, как объясняется в предисловии к моей работе с таким названием, на момент написания эта тема еще не была готова для исторического исследования, и собранные материалы были в результате использованы в аргументативном эссе. С момента публикации этой работы в 1872 году ни один компетентный орган не провел серьезного анализа ее аргументов, в то время как каждый новый факт, который всплывал на поверхность — особенно в Индии — все больше убеждал меня в правильности принципов, которые я тогда пытался установить.^[3] Однако, если этот вопрос не будет серьезно рассмотрен и пересмотрен теми, кто, благодаря своему положению, имеет влияние на общественность в этих вопросах, не будет достигнут такой прогресс, который оправдал бы публикацию второй работы на ту же тему. Вследствие этого я не вижу никакой возможности вернуться к этой теме, чтобы описать ее объекты более последовательно и исчерпывающе, чем это было сделано в упомянутой работе.

Будда проповедует.
(Из фрески в Аджунте.)

ПРИМЕЧАНИЕ.

Одной из больших трудностей, с которой сталкивается каждый, кто пытается писать на индийские темы в настоящее время, является знание того, как правильно писать индийские имена собственные. Метод Гилкрита с использованием двойных гласных, который был модным пятьдесят лет назад, теперь полностью исчез, поскольку противоречит духу индийской орфографии, хотя, безусловно, это метод, который позволяет обычному англичанину произносить индийские имена с наибольшей легкостью и уверенностью. С другой стороны, в настоящее время предпринимаются попытки сформировать из обычного английского алфавита более расширенный, с помощью акцентов над гласными, точек под согласными и других приёмов, чтобы каждая буква деванагари или арабского алфавита имела точный эквивалент в этом алфавите.

При попытке напечатать санскритские или персидские книги латинскими буквами такая система незаменима, но если ее использовать для печати индийских имен в английских книгах, предназначенных в основном для англичан, то, как мне кажется, это не только значительно усугубляет отталкивающий характер предмета, но и приводит к самым нелепым ошибкам. Например, согласно этому алфавиту, *ḍ* с точкой под ним обозначает согласную, которую мы произносим как *г*; но поскольку ни один образованный англичанин из 10 000 не знает об этом, он читает такие слова, как *Kattiwad*, *Chîtoḍ* и *Himarḍpanti*, как будто они написаны буквально с *d*, хотя они произносятся как *Kattiwar*, *Chittore* и *Himarpanti*, и так написаны во всех книгах, изданных до сих пор, а первые два слова так написаны на всех картах, выгравированных до сих пор. Через сто лет, когда санскрит и индийские алфавиты будут преподаваться во всех школах Англии, ситуация может измениться, но в нынешнем состоянии знаний по этому вопросу более целесообразным представляется какой-нибудь более простой план.

На следующих страницах я, следовательно, использовал систему Джонса, насколько это возможно, так же, как ее использовали Принсеп или покойный профессор Уилсон, но по возможности избегая всех акцентов, за исключением тех, которые были необходимы для произношения гласных. В таких словах, как *Nâga*, *Râjâ* или *Hindû* — как в *Tree* и *Serpent worship* — я вообще опустил акценты, поскольку они совершенно не нужны для произношения. Однако акцент кажется незаменимым над *â* в *Lât*, чтобы предотвратить его чтение как *Lath* в английском языке, как я слышал, или над *î* в таких словах, как *Hullabîd*, чтобы предотвратить его чтение как короткое *bîd* в английском языке.

Названия известных мест я во всех случаях старался оставлять в том виде, в каком они обычно пишутся и встречаются на картах. Например, я оставил *Oudeypore*, столицу государства Раджпут,

написанным как Tod и другими всегда писали, но, чтобы не путать два места, взял на себя смелость написать название небольшой неизвестной деревни, где находится храм, Udaipur — хотя я считаю, что названия одинаковы. Короче говоря, я постарался привести свое написание в максимально возможное соответствие с нынешним состоянием знаний или незнания английской публики, не обращая особого внимания на научную точность, поскольку я уверен, что таким образом номенклатура может стать гораздо менее отталкивающей, чем она обычно бывает для обычного английского студента, изучающего индийскую историю и искусство.

СОДЕРЖАНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ

Страница
3

КНИГА I.

БУДДИСТСКАЯ АРХИТЕКТУРА.

ГЛАВА	СТРАНИЦА
<u>I. ВВЕДЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ</u>	<u>47</u>
<u>II. СТАМБХИ или ЛАТЫ</u>	<u>52</u>
<u>III. СТУПЫ — Бхилса Топес — Топес в Сарнатхе и в Бехаре — Амравати Топе — Гандхара Топес — Джелалабад Топес — Маникьяла Топе</u>	<u>57</u>
<u>IV. Рельсы — рельсы в Бархуте, Муттра-Санчи и Амравати</u>	<u>84</u>
<u>V. ЗАЛЫ чайтъя — пещеры Бехар — западные залы чайтъя и т. д.</u>	<u>105</u>
<u>VI. ВИХАРЫ или монастыри — Структурные вихары — Бенгальские и западные пещеры-вихары — Вихары Нассик, Аджунта, Баг, Дхумнар, Холви и Эллора — Круглая пещера в Джунире</u>	<u>133</u>
<u>VII. Монастыри ГАНДХАРЫ — монастыри в Джамалгири, Тахт-и-Бахи и Шах-Дехри</u>	<u>169</u>
<u>VIII. Цейлон — Введение — Анурадхапура — Поллонарува</u>	<u>185</u>

КНИГА II.

АРХИТЕКТУРА ДЖАЙНЫ.

<u>I. ВВЕДЕНИЕ</u>	<u>207</u>
<u>II. Конструкция — Арки — Купола — Планы — Сикрас</u>	<u>210</u>
<u>III. СЕВЕРНЫЙ ДЖАЙНСКИЙ СТИЛЬ — ПАЛИТАНА — ГИРНАР — МАУНТ-АБУ — Париснат — Гуайол — Каджурахо</u>	<u>226</u>
<u>IV. СОВРЕМЕННЫЙ ДЖАЙНСКИЙ СТИЛЬ — джайнский храм, Дели — джайнские пещеры — переоборудованные мечети</u>	<u>255</u>
<u>V. ДЖАЙНСКИЙ СТИЛЬ в ЮЖНОЙ ИНДИИ — БЕТТУС — БАСТИС</u>	<u>265</u>

КНИГА III.

АРХИТЕКТУРА В ГИМАЛАЯХ.

I.	<u>Кашмир — Храмы — Марттанд — Авантипор — Бханияр</u>	<u>279</u>
II.	<u>НЕПАЛ — ступы или чайтии — деревянные храмы — Тибет — храмы в Кангре</u>	<u>298</u>

КНИГА IV.

ДРАВИДИЙСКИЙ СТИЛЬ.

I.	<u>ВВЕДЕНИЕ</u>	<u>319</u>
II.	<u>ДРАВИДИЙСКИЕ ХРАМЫ, ВЫСЕЧЕННЫЕ В СКАЛАХ — МАХАВЕЛЛИПОР — Килас, Эллора</u>	<u>326</u>
III.	<u>ДРАВИДИЙСКИЕ ХРАМЫ — ТАНДЖОР — ТИРУВАЛУР — СЕРИНГАМ — ЧИЛАМБАРАМ — РАМИССЕРАМ — МАДУРА — ТИННЕВЕЛЛИ — КОМБАКОНУМ — КОНДЖЕВЕРАМ — ВЕЛЛОР И ПЕРООР — ВИДЖАЯНАГАР</u>	<u>340</u>
IV.	<u>ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА — дворцы в Мадуре и Танджоре — садовый павильон в Виджаянагаре</u>	<u>380</u>

КНИГА V.

СТИЛЬ ЧАЛУКЯН.

I.	<u>Введение — Храм в Бухропулли — Кирти Стамбха в Ворангуле — Храмы в Сомнатхпуре и Байллуре — Каит Ишвара в Хуллабиде — Храм в Хуллабиде</u>	<u>386</u>

КНИГА VI.

СЕВЕРНЫЙ ИЛИ ИНДОАРИЙСКИЙ СТИЛЬ.

I.	<u>ВВЕДЕНИЕ — дравидийские и индоарийские храмы в Бадами — современный храм в Бенаресе</u>	<u>406</u>
II.	<u>ОРИССА — история — храмы в Бхуванешваре, Канаруке, Пури, Джаджепуре и Куттаке</u>	<u>414</u>
III.	<u>ЗАПАДНАЯ ИНДИЯ — ДХАРВАР — брахманические скальные храмы</u>	<u>437</u>
IV.	<u>ЦЕНТРАЛЬНАЯ И СЕВЕРНАЯ ИНДИЯ — храмы в Гуайоре, Каджурахо, Удайпуре, Бенаресе, Биндрабуне, Кантонугуре, Амритсуре</u>	<u>448</u>
V.	<u>ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА — Кенотафы — Дворцы в Гуайоре, Амбере, Диге — Гаты — Водохранилища — Плотины</u>	<u>470</u>

КНИГА VII.

ИНДИЙСКАЯ САРАЦЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРА.

I.	<u>ВВЕДЕНИЕ</u>	<u>489</u>
II.	<u>Газни — Гробница Махмуда — Ворота Сомнатха — Минареты на равнине</u>	<u>494</u>
III.	<u>ПАТАНСКИЙ СТИЛЬ — Мечеть в Старом Дели — Кутб-Минар — Гробница Ала-уд-Дина — Патанские гробницы — Украшения патанских гробниц</u>	<u>498</u>
IV.	<u>Джаунпор — мечети Джумма-Мусджид и Лалл-Дурваза</u>	<u>520</u>
V.	<u>Гуджарат — Джумма-Мусджид и другие мечети в Ахмедабаде — Гробницы и мечети в Сиркедже и Бутве — Здания в провинциях</u>	<u>526</u>
VI.	<u>МАЛЬВА — Великая мечеть в Манду</u>	<u>540</u>
VII.	<u>Бенгалия — мечеть Кудам уль-Русул, Гаур — мечеть Адина, Мальда</u>	<u>545</u>
VIII.	<u>Кальбурга — мечеть в Кальбурге</u>	<u>552</u>
IX.	<u>Биджапур — Джумма-мусджид — Гробницы Ибрагима и Махмуда — Аудиенц-зал — Гробница Наваба Амира Хана, недалеко от Татты</u>	<u>557</u>
X.	<u>АРХИТЕКТУРА МОГОЛОВ — Династии — Гробница Мохаммада Гауса, Гуалиор — Мечеть в Футтепхоре Сикри — Гробница Акбара, Секундра — Дворец в Дели — Тадж-Махал — Мути-Мусджид — Мечеть в Дели — Имамбара, Лакхнау — Гробница покойного Наваба, Джунагур</u>	<u>569</u>
XI.	<u>ДЕРЕВЯННАЯ АРХИТЕКТУРА — Мечеть Шаха Хамадана, Сринуггер</u>	<u>608</u>

КНИГА VIII.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ИНДИИ.

I.	<u>Бирма — Введение — Руины Татуна, Проме и Пагана — Круглые дагобы — Монастыри</u>	<u>611</u>
II.	<u>СИАМ — Пагоды в Аютхьи и Бангкоке — Зал аудиенций в Бангкоке — Общие замечания</u>	<u>631</u>
III.	<u>ЯВА — История — Боро Буддор — Храмы в Мендоете и Брамбанаме — Храмы Древа и Змеи — Храмы в Джинг и Суку</u>	<u>637</u>
IV.	<u>КАМБОДЖА — Введение — Храмы Накхон Ват, Онгкор Том, Патен та Пром и др.</u>	<u>663</u>

КНИГА IX.

КИТАЙ.

I.	<u>ВВЕДЕНИЕ</u>	<u>685</u>
II.	<u>ПАГОДЫ — Храм Великого Дракона — Буддийские храмы — Таас —</u>	<u>689</u>

ПРИЛОЖЕНИЕ	711

ИНДЕКС: <u>A</u>, <u>B</u>, <u>C</u>, <u>D</u>, <u>E</u>, <u>F</u>, <u>G</u>, <u>H</u>, <u>I</u>, <u>J</u>, <u>K</u>, <u>L</u>, <u>M</u>, <u>N</u>, <u>O</u>, <u>P</u>, <u>Q</u>, <u>R</u>, <u>S</u>, <u>T</u>, <u>U</u>, <u>V</u>, <u>W</u>, <u>Y</u>, <u>Z</u>	749

ПОДРОБНЫЕ УКАЗАНИЯ К МЕСТУ НАХОЖДЕНИЯ БИНД

Карта местности, где проживают буддисты и джайны	<i>Напротив</i> 47
Карта индоарийских, чалукйских и дравидийских местностей	<i>Напротив</i> 279

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

№		СТРАНИЦА
1.	Народ нага поклоняется Трисулу - эмблеме Будды на огненном столбе	46
2.	Шри, сидящая на Лотосе, и два слона поливают ее водой	51
3.	...Лат в Аллахабаде	53
4.	Ассирийское украшение из жимолости из столицы Лат в Аллахабаде	53
5.	Столица Санкисса	54
6.	Столица Лат в Тирхуте	54
7.	Сурх Минар, Кабул	56
8.	Реликтовая шкатулка Моггаланы	62
9.	Реликтовая шкатулка Шарипутры	62
10.	Вид на Великую вершину в Санчи.	63
11.	План Великой вершины в Санчи	63
12.	Участок Великой вершины в Санчи	63
13.	Тройник, вырубленный в скале на Дагобе в Аджунте.	64
14.	Топи в Сарнатхе, недалеко от Бенареса	66
15.	Панно на вершине в Сарнатхе	68
16.	Храм в Будх-Гайе с деревом Бо	70
17.	Изображение выступа из перил в Амравати	72
18.	Вершина в Бимеране	78
19.	Вершина, Султанпур	78
20.	Шкатулка с реликвиями из вершины в Маникьяле	80

21. Вид на вершину Маникьялы	81
22. Восстановленная высота вершины в Маникьяле	81
23. Высота и участок цоколя вершины в Маникьяле	82
24. Шкатулка с реликвиями, Маникьяла	82
25. Поклонение дереву: Рельс Будх-Гая	86
26. Шкатулка с реликвиями: рельс Будх-Гая	86
27. Часть рельса в Бхархуте, обнаруженная впервые	88
28. Поклонение дереву и Змее в Бхархуте	90
29. Рельс в Санчи	92
30. Рельс, Топ № 2, Санчи	93
31. Изображение рельса	93
32. Рельс в пещере Гаутамипутра, Насик	94
33. * Северные ворота Топе в Санчи	96
34. Барельеф на левой колонне, Северные ворота	97
35. Орнамент на правой Столп, Северные ворота	97
36. Внешнее возвышение Грейт-Рейл в Амравати	100
37. Угловая стойка в Амравати	101
38. Плита из внутренней рейки, Амравати	101
39. Дагоба (из плиты), Амравати	102
40. Герб Трисула	104
41. План зала Чайтъя, Санчи	105
42. Пещера Нигопе, группа Сат Гурба	108
43. Фасад пещеры Ломас Риши	109
44. Пещера Ломас Риши	109
45. Пещера Чайтъя, Бхаджа	110
46. Фасад пещеры Бхаджа	111
47. Перед залом Чайтъя	111
48. Трисул. Щит. Чакра. Трисул	112
49. План пещеры в Бедсе	113
50. Капитель колонны перед пещерой в Бедсе	114
51. Вид с веранды пещеры в Бедсе	114
52. Пещера Чайтъя в Насике	115
53. Часть пещеры в Карли	117
54. План пещеры в Карли	117
55. Вид пещеры в Карли	118
56. Вид на внутреннюю часть пещеры в Карли	120
57. Интерьер пещеры Чайтъя № 10 в Аджунте	123

58.	<u>Поперечный разрез пещеры № 10 в Аджунте</u>	123
59.	<u>Чайтья № 19 в Аджунте,</u>	124
60.	<u>Вид на фасад пещеры Чайтья № 19 в Аджунте</u>	125
61.	<u>Высеченная в скале Дагоба в Аджунте</u>	126
62.	<u>Маленькая модель, найденная в топе в Султанпуре</u>	126
63.	<u>Фасад пещеры Вишвакарма в Эллоре</u>	128
64.	<u>Ограждение перед Большой пещерой, Кенхери,</u>	130
65.	<u>Пещера в Думнаре</u>	131
66.	<u>Великий Рат в Махавеллипоре</u>	134
67.	<u>Схема, поясняющая расположение буддийской вихары высотой в четыре этажа</u>	134
68-69.	<u>Квадратные и продолговатые ячейки с барельефа в Бхархуте</u>	135
70.	<u>Пещера Ганеша</u>	140
71.	<u>Колонна в пещере Ганеша, Каттак,</u>	140
72.	<u>Верхний этаж, Рани Гумпха,</u>	140
73.	<u>Пещера тигра, Каттак</u>	143
74.	<u>Пещера № 11 в Аджунте</u>	145
75.	<u>Пещера № 2 в Аджунте</u>	146
76.	<u>Будьте осторожны</u>	146
77.	<u>Пещера Дурбар, Сальсетт</u>	147
78.	<u>Нахапана Вихара, Насик</u>	149
79.	<u>Колонна в пещере Нахапана, Насик,</u>	150
80.	<u>Колонна в пещере Гаутамипутра, Насик,</u>	150
81.	<u>Пещера Ядня Шри, Насик</u>	151
82.	<u>Колонна в пещере Ядня Шри</u>	152
83.	<u>План пещеры № 16 в Аджунте</u>	154
84.	<u>Вид изнутри Вихары № 16 в Аджунте</u>	154
85.	<u>Вид пещеры № 17 в Аджунте</u>	155
86.	<u>Колонна в Вихаре № 17 в Аджунте</u>	156
87.	<u>Великая Вихара в Баге</u>	160
88.	<u>План Дехрварры, Эллора</u>	163
89.	<u>Круглая пещера, Джунир</u>	167
90.	<u>Секция круглой пещеры, Джунир</u>	167
91.	<u>Круглый храм и часть дворца с барельефа в Бхархуте</u>	168
92.	<u>План монастыря в Джамалгири</u>	171
93.	<u>План монастыря в Тахт-и-Бахи</u>	171
94.	<u>Коринфская столица из Джамалгири</u>	173
95.	<u>Коринфская капитель из Джамалгири</u>	173

<u>96. План Ионического монастыря, Шах Дехри</u>	<u>176</u>
<u>97. Ионическая колонна, Шах Дехри</u>	<u>176</u>
<u>98. Возвышение перед лестницей, Руанвелли Дагоба</u>	<u>190</u>
<u>99. Вид на фасад лестницы, Руанвелли Дагоба</u>	<u>191</u>
<u>100. Стела в конце лестницы, Абхаягири Дагоба</u>	<u>192</u>
<u>101. Тупарамайя Топе</u>	<u>192</u>
<u>102. Ланкарамайя Дагоба, 221 г. н. э.</u>	<u>194</u>
<u>103. Павильон со ступенями в Анурадхапуре</u>	<u>197</u>
<u>104. Лунный камень у подножия Ступеней, ведущих к платформе дерева Бо, Анурадхапура</u>	<u>197</u>
<u>105. Джайта Вана Рама—Руины Поллонаруа</u>	<u>201</u>
<u>106. Сат Мехал Прасад</u>	<u>202</u>
<u>107. Круглый дом, называемый Ватте Дадже в Поллонаруа</u>	<u>203</u>
<u>108. Вид на городские ворота, Биджанагур</u>	<u>211</u>
<u>109. Ворота, Джинджуварра</u>	<u>211</u>
<u>110. Расходящаяся арка</u>	<u>213</u>
<u>111. Горизонтальная арка</u>	<u>213</u>
<u>112. Схема Кровля</u>	<u>213</u>
<u>113-114. Схемы кровли</u>	<u>214</u>
<u>115. Схема кровли</u>	<u>214</u>
<u>116. Схема индийского строительства</u>	<u>215</u>
<u>117. Схема расположения столбов джайнского купола</u>	<u>216</u>
<u>118. Схема джайнского крыльца</u>	<u>216</u>
<u>119. Схема джайнского крыльца</u>	<u>217</u>
<u>120. Старый храм в Айвулли</u>	<u>219</u>
<u>121. Храм в Айвулли</u>	<u>220</u>
<u>122. План храма в Питтадкуле</u>	<u>221</u>
<u>123. Восстановленная высота Черной пагоды в Канаруке</u>	<u>222</u>
<u>124. Схема плана и разреза Черной пагоды в Канаруке</u>	<u>223</u>
<u>125. Священный холм Сутрунджа, недалеко от Палитаны</u>	<u>227</u>
<u>126. Храм Неминатхи, Гирнар</u>	<u>230</u>
<u>127. План храма Теджпалы и Ваступалы</u>	<u>232</u>
<u>128. План храма в Сомнатхе</u>	<u>232</u>
<u>129. Храм Вимала Сах, гора Абу</u>	<u>235</u>
<u>130. Храм Вимала Сах, гора Абу</u>	<u>236</u>
<u>131. Подвеска в куполе храма Вимала Сах в Абу</u>	<u>237</u>
<u>132. Колонны в Чандравати</u>	<u>238</u>

133. <u>План храма в Садри</u>	240
134. <u>Вид в храме в Садри</u>	241
135. <u>Внешний вид храма в Садри</u>	242
136. <u>* Джайнский храм в Гвалиоре</u>	244
137. <u>Храм Парсванатхи в Кхаджурахо</u>	245
138. <u>Чонсат Джогини, Кхаджурахо</u>	246
139. <u>Гантай, Кхаджурахо</u>	248
140. <u>* Храм в Гираспоре</u>	249
141. <u>Крыльцо джайнского храма в Амве, недалеко от Аджунты</u>	251
142. <u>Джайнская башня Шри Аллат Читторе</u>	252
143. <u>Башня Победы, возведенная Кхумбо Раной в Читторе</u>	253
144. <u>* Вид на джайнские храмы Сонагур, в Бундельканде</u>	256
145. <u>Вид на храм Шет Хаттисинг в Ахмедабаде</u>	257
146. <u>Верхняя часть крыльца Джайнского храма в Дели</u>	259
147. <u>Вход в пещеру Индра Субха в Эллоре</u>	262
148. <u>Колоссальная статуя в Яннуре</u>	268
149. <u>Джайнский Басти в Шравана Белгула</u>	270
150. <u>Джайнский храм в Мудбидри</u>	271
151. <u>Джайнский храм в Мудбидри</u>	271
152. <u>Колонна в храме, Мудбидри</u>	273
153. <u>Павильон в Гүру-Санкери</u>	274
154. <u>Гробницы священников, Мудбидри</u>	275
155. <u>Стамбха в Гүрусанкерри</u>	276
156. <u>Гробница Зейн-уль-аб-уд-дина. Возвышение арок</u>	281
157. <u>Такт-и-Сулейман. Высота арок</u>	282
158. <u>Модель храма в Кашмире</u>	283
159. <u>Колонна в Сринагаре</u>	284
160. <u>Храм Марттанда</u>	286
161. <u>Вид на храм в Марттанде</u>	287
162. <u>Центральная камера двора в Марттанде</u>	288
163. <u>Ниша с фигурой Наги в Марттанде</u>	290
164. <u>Софит арки в Марттанде</u>	291
165. <u>Колонна в Авантипоре</u>	292
166. <u>Вид во дворе храма в Бханияре</u>	293
167. <u>Храм в Пандретане</u>	294
168. <u>Храм в Пайече</u>	295
169. <u>Храм в Мулоте на Соляном хребте</u>	296

170. Храм Сваямбунатх, Непал	302
171. Непальский Костакар	303
172. Храм Деви Бховани, Бхатгаон,	304
173. Храм Махадео и Кришны, Патан	306
174. Дверной проем Дурбара, Бхатгаон	307
175. Монолиты в Димапуре	309
176. Дверной проем храма в Тассидинге	313
177. Притвор храма в Пемионгчи	314
178. Храмы в Кираграме, недалеко от Котэ Кангры	316
179. Колонна в Эруне эпохи Гуптов	317
180. Капитель полуколонны из храма в Ориссе	317
181. Ратх, Махавеллипор	328
182. Ратх Махавеллипор Арджуны	330
183. Пагода Перумал, Мадур	331
184. Вход в индуистский храм, Коломбо,	332
185. Пещера тигра в Салуван Куппан	333
186. Килас в Эллоре	334
187. Килас, Эллора	335
188. Дипдан в Дарваре	337
189. План Великого храма в Пурудкуле	338
190. Схема пагоды Танджор	343
191. Вид Великой пагоды в Танджоре	344
192. * Храм Субраманьи, Танджор	345
193. Внутренний храм в Тирувалуре	346
194. Храм в Тирувалуре	346
195. * Вид на восточную половину Великого Храма в Серингеме	349
196. План храма в Чилламбараме	351
197. Вид крыльца в Чилламбараме	353
198. Часть крыльца храма в Чилламбараме	353
199. * Панорамированный храм или пагода в Чилламбараме	354
200. План Великого храма в Рамиссераме	356
201. Центральный коридор, Рамиссерам	358
202. План храма Тирумиллы Наяка	361
203. Колонна в храме Тирумиллы Наяка	361
204. * Вид в храме Тирумиллы Наяка, Мадур	363
205. Полуплан храма в Тинневелли	366
206. * Гопура в Комбаконуме	368

207. <u>Портик храма в Веллоре</u>	371
208. <u>Составной столб в Веллоре</u>	372
209. <u>Составной столб в Пероре</u>	372
210. <u>Вид на крыльцо храма Витоба в Виджаянагаре</u>	375
211. <u>* Вход через Гопуру в Тарпутри</u>	376
212. <u>* Часть Гопуры в Тарпутри</u>	377
213. <u>Зал во дворце Мадура</u>	382
214. <u>Двор во дворце, Танджор</u>	383
215. <u>Садовый павильон в Виджаянагаре</u>	384
216. <u>Храм в Бухропулли</u>	389
217. <u>Вход в Великий Храм в Хаммонконде</u>	390
218. <u>Кирти Стамбха в Ворангуле</u>	392
219. <u>Храм в Сомнатпуре</u>	394
220. <u>План Великого храма в Байлуре</u>	395
221. <u>Вид части крыльца в Байлуре</u>	396
222. <u>Павильон в Байлуре</u>	397
223. <u>Кайт Ишвара, Хуллабид</u>	398
224. <u>План храма в Хуллабиде</u>	399
225. <u>Восстановленный вид храма в Хуллабиде</u>	400
226. <u>Центральный павильон Хуллабида , Восточный фронт</u>	402
227. <u>Дравидийские и индоарийские храмы в Бадами</u>	411
228. <u>Современный храм в Бенаресе</u>	412
229. <u>Схема-план индуистского храма</u>	412
230. <u>Храм Парашурамешвары</u>	418
231. <u>Храм Муктешвары</u>	419
232. <u>План Великого храма в Бхуванешваре</u>	421
233. <u>Вид на Великий Храм в Бхуванешваре</u>	422
234. <u>Нижняя часть Великой башни в Бхуванешваре</u>	423
235. <u>План храма Радж Рани</u>	424
236. <u>Дверной проем в храме Радж Рани</u>	425
237. <u>План храма Джуганат в Пури</u>	430
238. <u>Вид на башню храма Джуганат</u>	431
239. <u>Индуистская колонна в Джаджепуре</u>	433
240. <u>Индуистский мост в Каттаке</u>	434
241. <u>Вид на храм Папанатхи в Питтадкуле</u>	438
242. <u>Колонна в Киласе, Эллора</u>	443
243. <u>План пещеры № 3, Бадами</u>	444

244. <u>Секция пещеры № 3, Бадами</u>	444
245. <u>Пещера Думнар Лена в Эллоре</u>	445
246. <u>Высеченный в скале храм в Думнаре</u>	446
247. <u>Храм Шайвы близ Пуна</u>	446
248. <u>Храм в Чандравати</u>	449
249. <u>Храм в Баролли</u>	450
250. <u>План храма в Баролли</u>	450
251. <u>Колонна в Баролли</u>	451
252. <u>* Тели ка Мандир, Гуалиор</u>	453
253. <u>* Кандарья Махадео, Кхаджурахо</u>	455
254. <u>План Кандарьи Махадео, Кхаджурахо</u>	456
255. <u>Храм в Удайпуре</u>	457
256. <u>Схема, поясняющая план храма Миры Байе, Читторе</u>	458
257. <u>* Храм Вриджи, Читторе</u>	459
258. <u>Храм Вишвешвара</u>	460
259. <u>Храм Матери Скиндии, Гвалиор</u>	462
260. <u>План храма в Биндрабуне</u>	463
261. <u>Вид храма в Биндрабуне</u>	464
262. <u>Балкон в храме в Биндрабуне</u>	465
263. <u>Храм в Кантонуггуре</u>	467
264. <u>* Золотой храм в Священном Резервуаре в Амритсуре</u>	468
265. <u>* Кенотаф Синграм Синг в Удейпуре</u>	471
266. <u>* Кенотаф в Маха Сати в Удейпуре</u>	472
267. <u>* Гробница раджи Бактавара в Ульваре</u>	474
268. <u>* Дворец в Даттии</u>	477
269. <u>* Дворец в Урче, Бунделькунд</u>	478
270. <u>Балкон в обсерватории, Бенарес</u>	481
271. <u>Зал в Деег</u>	482
272. <u>Вид из Центрального павильона Дворца в Диге</u>	483
273. <u>Гусла Гхат, Бенарес</u>	485
274. <u>Набережная озера Раджсамундра</u>	487
275. <u>Минар в Газни</u>	495
276. <u>Украшения из гробницы Махмуда в Газни</u>	496
277. <u>План руин Старого Дели</u>	501
278. <u>Фрагмент части Восточной колоннады в Кутубе, Старый Дели</u>	503
279. <u>Центральный ряд арок в Кутубе</u>	504
280. <u>Минар Кутуба</u>	505

281. Железный столб в Кутубе	507
282. Интерьер гробницы в Старом Дели	509
283. Мечеть в Аджмире	511
284. Большая арка в мечети в Аджмире	512
285. Гробница патанов в Шепри, недалеко от Гвалиора	515
286. Гробница в Старом Дели	516
287. Гробница Шер-шаха в Сассераме	516
288. Гробница Шер-шаха	517
289. Подвеска из мечети в Старом Дели	519
290. План западной половины внутреннего двора Джумма Мусджид, Джаунпур	522
291. Вид на боковые ворота Джумма Мусджид, Джаунпур	522
292. Мечеть Лалл Дурваза, Джаунпур	523
293. План Джумма Мусджид, Ахмадабад	528
294. Высота Джумма Мусджид	528
295. План мечети королевы, Мирзапор	529
296. Высота мечети королевы, Мирзапор	529
297. Фрагмент схемы, поясняющий расположение мечетей в Ахмадабаде	529
298. План гробниц и мечети в Сиркедже	531
299. Павильон перед гробницей в Сиркедже	532
300. Мечеть Мухафиз-хана	532
301. Окно в Бхуддере в Ахмадабаде	533
302. Гробница Меер Абу Тураба	534
303. План и высота гробницы Сида Османа	534
304. Гробница Кутуб-уль-Алума, Бутва	536
305. Планы гробниц Кутуб-уль-Алума и его сына, Бутва	536
306. План гробницы Махмуда Бегурры близ Кайры	538
307. Гробница Махмуда Бегурры, близ Кайры	538
308. План мечети в Манду	542
309. Внутренний двор Большой мечети в Манду	543
310. Современная изогнутая форма крыши	546
311. Мечеть Куда уль-Руссул, Гаур	548
312. План мечети Адина, Малда	549
313. Минар в Гауре	550
314. Мечеть в Кальбурге	554
315. Полувысота, полусекция мечети в Кальбурге	555
316. Вид на мечеть в Кальбурге	555
317. План Джумма Мусджид, Биджапур	559

<u>318. План и разрез меньших куполов Джумма-Мусджид</u>	<u>560</u>
<u>319. Разрез на линии А В, проходящей через Большой купол Джумма-Мусджид</u>	<u>560</u>
<u>320. Гробница Розы Ибрагима</u>	<u>561</u>
<u>321. План гробницы Махмуда в Биджапуре</u>	<u>562</u>
<u>322. Подвески гробницы Махмуда, смотрящие вверх</u>	<u>563</u>
<u>323. Секция гробницы Махмуда в Биджапуре</u>	<u>564</u>
<u>324. Схема, иллюстрирующая купольное строительство</u>	<u>565</u>
<u>325. Зал аудиенций, Биджапур</u>	<u>566</u>
<u>326. Гробница Наваба Амир-хана, близ Татты, н.э. 1640</u>	<u>568</u>
<u>327. План гробницы Мохаммеда Гауса, Гвалиор,</u>	<u>576</u>
<u>328. Гробница Мохаммеда Гауса, Гуалиор</u>	<u>577</u>
<u>329. Резные колонны в киоске султанши, Футтехпор Сикри</u>	<u>579</u>
<u>330. Мечеть в Футтехпор Сикри</u>	<u>580</u>
<u>331. Южные ворота мечети, Футтехпор Сикри</u>	<u>581</u>
<u>332. Зал во дворце в Аллахабаде</u>	<u>583</u>
<u>333. План гробницы Акбара в Секундре</u>	<u>584</u>
<u>334. Схема сечения половины гробницы Акбара в Секундре с пояснением ее устройства</u>	<u>585</u>
<u>335. Вид на гробницу Акбара, Секундра</u>	<u>586</u>
<u>336. Дворец в Дели</u>	<u>592</u>
<u>337. * Вид на Тадже Мехал</u>	<u>596</u>
<u>338. План Тадже Мехала, Агра</u>	<u>597</u>
<u>339. Участок Тадже Мехала, Агра</u>	<u>597</u>
<u>340. План Мути Мусджид</u>	<u>599</u>
<u>341. Вид во внутренний двор Мути Мусджид, Агра</u>	<u>600</u>
<u>342. Великая мечеть в Дели с Северо-Востока</u>	<u>601</u>
<u>343. План Имамбары в Лакхнау</u>	<u>605</u>
<u>344. Гробница покойного наваба Джунагура</u>	<u>606</u>
<u>345. Мечеть Шаха Хамадана, Шринаггер</u>	<u>609</u>
<u>346. План храма Ананды</u>	<u>615</u>
<u>347. План Тапиньи</u>	<u>615</u>
<u>348. Участок Тапиньи</u>	<u>616</u>
<u>349. Вид на храм Гаудапален</u>	<u>617</u>
<u>350. Конг Мадуга</u>	<u>620</u>
<u>351. Пагода Шумаду, Пегу</u>	<u>621</u>
<u>352. Полуплан пагоды Шумаду</u>	<u>621</u>
<u>353. Вид пагоды в Рангуне</u>	<u>623</u>
<u>354. Круглая пагода в Менгуне</u>	<u>625</u>

355. <u>Фасад королевского дворца, Бирма</u>	627
356. <u>Бирманский Киум</u>	628
357. <u>Монастырь в Мандале</u>	629
358. <u>Руины пагоды в Аютии</u>	632
359. <u>Руины пагоды в Аютии</u>	633
360. <u>Великая башня пагоды Ват-Чинг в Бангкоке</u>	634
361. <u>Зал аудиенций в Бангкоке</u>	635
362. <u>Полуплан храма Боро Будд</u>	645
363. <u>Высота и разрез храма Боро Будд</u>	645
364. <u>Разрез одного из меньших куполов в Боро Будд</u>	646
365. <u>Высота главного купола в Боро Будд</u>	646
366. <u>Вид центрального входа и лестницы в Боро Будд</u>	649
367. <u>Малый храм в Боро Будд Брамбанам</u>	652
368. <u>Террасный храм в Панатараме</u>	655
369. <u>Вид на Маха Вихару, Анурадхапура</u>	657
370. <u>План храма Накхон Ват</u>	668
371. <u>Высота храма Накхон Ват</u>	670
372. <u>Схема участка коридора, Накхон Ват</u>	671
373. <u>Вид снаружи храма Накхон-Ват</u>	671
374. <u>Вид на интерьер коридора, Накхонват</u>	672
375. <u>Общий вид храма Накхон Ват</u>	675
376. <u>Колонна крыльца, Накхон Ват</u>	676
377. <u>Нижняя часть пилястры Накхон Ват</u>	677
378. <u>Одна из башен храма в Онгкор-Томе</u>	680
379. <u>Храм Великого Дракона</u>	690
380. <u>Монументальные ворота буддийского монастыря, Пекин</u>	693
381. <u>Храм в Макао</u>	694
382. <u>Фарфоровая башня, Нанкин</u>	695
383. <u>Пагода в Летнем дворце, Пекин</u>	696
384. <u>Пагода Тунчоу</u>	697
385. <u>Китайская могила</u>	699
386. <u>Китайская гробница</u>	699
387. <u>Группа гробниц близ Пекина</u>	700
388. <u>Пайлу близ Кантона</u>	701
389. <u>Пайлу в Амое</u>	702
390. <u>Схема китайского строительства</u>	703
391. <u>Павильон в Летнем дворце, Пекин</u>	705

<u>392.</u>	<u>Павильон в Летнем дворце, Пекин</u>	<u>706</u>
<u>393.</u>	<u>Вид в Зимнем дворце, Пекин</u>	<u>707</u>
<u>394.</u>	<u>Арка на перевале Нанкау</u>	<u>709</u>

ПРИМЕЧАНИЕ.—Гравюры на дереве в приведенном выше списке, отмеченные звездочкой, позаимствованы из "Семьи раджей", опубликованной издательством Hachette et Cie, Париж, переведенной и переизданной в этой стране господами Дж. Чэпмен и Холл.

ИСТОРИЯ индийской архитектуры.

Введение.

Ит Возможно, напрасно ожидать, что литература или искусство какого-либо другого народа могут быть так же интересны даже самым образованным европейцам, как литература или искусство их собственной страны. До тех пор, пока это не привлечет их внимание, мало кто осознает, как много значит образование для концентрации внимания в очень узком поле наблюдения. В детской мы знакомимся с именами героев греческой и римской истории. В каждой школе преподают их историю и искусство, памятники их величия встречаются нам на каждом шагу жизни, а их мысли и устремления становятся как бы частью нас самих. То же самое и со средневековьем: их религия - наша религия; их архитектура - наша архитектура, а их история так незаметно сливается с нашей собственной, что мы не можем провести демаркационную линию, которая отделяла бы нас от них. Насколько иным становится состояние чувств, когда из этого знакомого дома мы оказываемся в такой стране, как Индия. Ее географию почти не преподают в школах, и ею редко овладевают в совершенстве; ее история - головоломка; ее литература - мифический сон; ее искусство - причудливая загадка. Но, прежде всего, имена ее героев и великих людей настолько незнакомы и настолько непроизносимы, что, за исключением немногих из тех, кто едет в Индию, вряд ли кто-либо когда-либо настолько знакомится с ними, чтобы они вызывали какие-либо приятные воспоминания или на них стоило остановиться.

Если бы не это, вероятно, ни одна страна — по крайней мере, за пределами Европы, — не удостоилась бы такого внимания, как Индия. Ни один, где все проблемы естествознания или искусства не были бы представлены нам в такой отчетливой и приятной форме. Нигде природа не проявляет себя в таких величественных и роскошных чертах, и нигде человечество не существует в более разнообразных и приятных условиях. Бок о бок с интеллектуальной кастой брахманов и рыцарственными раджпутами встречаются дикие бхилы и обнаженные гонды, не враждующие друг с другом, как везде, но живущие сейчас так, как они жили тысячи лет, каждый доволен своей участью и готов без ропота следовать по стопам своих предков.

Конечно, нельзя ни на минуту утверждать, что Индия когда-либо достигала интеллектуального превосходства Греции или морального величия Рима; но, хотя она стоит на более низкой ступени лестницы, ее искусства более оригинальны и разнообразны, а формы ее цивилизации представляют постоянно меняющееся разнообразие, какого больше нигде нельзя найти. Что, однако, действительно делает Индию таким интересным объектом изучения, так это то, что в настоящее время она является живым существом. Греция и Рим мертвы и канули в лету, а мы живем настолько глубоко в гуще современной Европы, что не можем выйти за ее пределы, чтобы созерцать ее как единое целое. Но Индия сама по себе является целостным космосом; ограничена на севере Гималаями, на юге морем, на востоке непроходимыми джунглями, и только на западе имеет единственную дверь сообщения, через Инд, открытую в другой мир. По ту сторону этого потока нация за нацией вливали свои мириады сил в ее желанные владения, но никакие рефлекторные волны никогда не смешивали ее народ с теми, кто находится за ее пределами.

Вследствие всего этого, любую проблему антропологии или этнографии здесь изучать легче, чем где-либо еще; каждое искусство имеет своего живого представителя, и часто в самой приятной форме; каждая наука имеет свои иллюстрации, и многие в масштабах, которые нелегко найти в другом месте. Но, несмотря на все это, в девяти случаях из десяти Индия и индийские дела не вызывают интереса, потому что для большинства людей они новы и незнакомы. Азбуки не были освоены в юности, и, повзрослев, мало у кого есть досуг или склонность приступить к изучению форм нового мира, требующих как заботы, так и изучения; и пока это не достигнуто, вряд ли можно надеяться, что искусство и архитектура Индии заинтересуют европейского читателя в той же степени, что и стили, рассмотренные в предыдущих томах этого труда.

Несмотря на эти недостатки, все же возможно представить предмет индийской архитектуры в такой форме, которая будет интересной, даже если не привлекательной. Однако для этого необходимо придерживаться повествовательной формы, насколько это совместимо с таким предметом. Следует избегать всех технических и незнакомых названий, где это возможно, и все это сопровождать достаточным количеством иллюстраций, чтобы можно было без труда освоить их формы. Даже если обратить на это внимание, ни один том не сможет полностью рассказать о столь разнообразной и сложной истории. Вряд ли можно ожидать, что без предварительного или последующего изучения можно охватить столь новый и обширный предмет; но один том может содержать полное изложение целого и дать возможность любому, кто желает получить дополнительную информацию, знать, где ее искать или как оценить, когда она будет найдена.

Независимо от того, успешна попытка заинтересовать публику индийским архитектурным искусством или нет, кажется стоящей того, чтобы попытаться; во-первых, потому, что художник и архитектор, несомненно, приобретут более широкие и разнообразные взгляды на свое искусство в результате его изучения, чем они могут получить из любого другого источника. Более того, любой, кто овладеет предметом в достаточной степени, чтобы быть способным понимать их искусство в его лучших и наивысших формах, выйдет после изучения с более добрым чувством по отношению к народам Индии и более высокой — безусловно, более правильной — оценкой их социального статуса, чем это можно было бы получить из их литературы или из чего-либо, что сейчас существует при их аномальном социальном и политическом положении.

Несмотря на все это, многие могут задаться вопросом, стоит ли изучать все географические и исторические детали, необходимые для распутывания такой запутанной паутины, как эта, а затем пытаться настолько ознакомиться с их постоянно меняющимися формами, чтобы не только уметь различать различные стили, но и следовать за ними во всех их непрерывных изменениях?

У меня сложилось впечатление, что на этот вопрос можно с уверенностью ответить утвердительно. Никто не имеет права говорить, что он разбирается в истории архитектуры, если упускает из виду произведения огромной части человечества, которое всегда проявляло себя столь способным к художественному развитию. Но, более того, архитектура в Индии все еще остается живым искусством, практикуемым по принципам, которые обусловили его замечательное развитие в Европе в 12-13 веках; и, следовательно, там, и только там, изучающий архитектуру имеет шанс увидеть настоящие принципы искусства в действии. В Европе в наши дни архитектура практикуется настолько необычным образом, что до сих пор мало кто, если вообще кто-либо, был способен избавиться от влияния ложной системы и увидеть, что искусство декоративного строительства может основываться на принципах здравого смысла; и что при таком подходе результат не только является, но и должен быть удовлетворительным. Те, у кого есть возможность увидеть, какие совершенные здания сейчас возводят невежественные необразованные уроженцы Индии, легко поймут, как может быть достигнут успех, в то время как те, кто наблюдает, какие неудачи постоянно совершают самые образованные и талантливые архитекторы Европы, могут, изучив индийские модели, легко увидеть, почему это неизбежно должно быть результатом. Только в Индии сейчас можно наблюдать, как эти две системы практикуются бок о бок — образованный и интеллектуальный европеец всегда терпит неудачу, потому что его принципы неверны, а слабый и

необразованный туземец неизбежно добивается успеха, потому что его принципы верны. Индийские строители *думают* только о том, что они делают, и о том, как они могут наилучшим образом добиться желаемого эффекта. В европейской системе считается более важным, чтобы здание, особенно в его деталях, было правильной *копией* чего-то другого, чем хорошим само по себе или соответствующим своему назначению; отсюда разница в результате.

Еще в одном отношении Индия представляет собой исключительно благоприятное поле деятельности для изучающих архитектуру. Ни в одной другой стране такого масштаба нет такого количества различных национальностей, каждая из которых сохраняет свою старую веру и свои старые чувства и воплощает их в своем искусстве. Следовательно, нет такой страны, где контуры этнологии применительно к искусству могли бы быть так легко восприняты, а их применение для выяснения различных проблем столь исключительно важно. Способ, которым это искусство практиковалось в Европе на протяжении последних трех столетий, был очень запутанным. В Индии это ясно и доходчиво. Никто не может смотреть на предмет, не видя его важности, и никто не может изучать искусство, практикуемое там, не понимая, каковы на самом деле принципы этой науки.

Однако в дополнение к этим научным преимуществам те, кто знаком с предметом, несомненно, признают, что по определенным качествам индийским зданиям нет равных. Они демонстрируют буйство фантазии, расточительность труда и проработку деталей, которых больше нигде нет. Возможно, в них нет ничего столь возвышенного, как зал в Карнаке, ничего столь интеллектуального, как Парфенон, и столь конструктивно величественного, как средневековый собор; но по некоторым другим качествам — возможно, не самым высоким, но очень важным в архитектурном искусстве — индийские здания стоят особняком. Следовательно, они заполняют большой пробел в наших знаниях о предмете, который без них остался бы пустотой.

История.

Одна из величайших существующих трудностей — возможно, самая большая — в возбуждении интереса к индийским древностям проистекает из того факта, что у Индии не было истории в собственном смысле этого слова до вторжения магометан в 13 веке. Если бы Индия была великим объединенным королевством, подобным Китаю, с длинной чередой династий и хорошо записанными датами, связанными с ними, задача была бы сравнительно легкой; но ничего подобного не существует и никогда не существовало в пределах ее границ. Напротив, насколько нам известно, Индия всегда была населена тремя или четырьмя различными расами человечества, которые никогда не сливались в один народ, и каждая из этих рас снова подразделялась на многочисленные племена или небольшие народности, почти, иногда полностью независимые друг от друга, — и, что хуже всего, ни одна из них никогда не вела хронику или не сохранила ряд дат, начинающихся с какой-либо хорошо известной эпохи.^[4]

Отсутствие каких-либо исторических свидетельств тем более поразительно, что Индия обладает письменной литературой, равной, если не превосходящей по разнообразию и размаху, той, которой обладала любая другая нация до изобретения или, по крайней мере, до принятия и использования книгопечатания. Сами Веды с их Упанишадами и брахманами и комментариями к ним сами по себе образуют обширную литературу, некоторые части которой столь же старые, возможно, даже старше, чем любые известные ныне письменные произведения; а Пураны, хотя и сравнительно современные, составляют свод доктрин, смешанных с мифологией и традицией, какими могут похвастаться немногие народы. Однако, помимо этого, есть два великих эпоса, превосходящих по объему, если не по достоинству, произведения любого древнего народа, и драма необычайной красоты, написанная в периоды, растянувшиеся на долгий ряд лет. В дополнение к ним у нас есть трактаты по праву, по грамматике, по астрономии, по метафизике и математике, почти по каждой отрасли ментальных наук — литература, фактически насчитывающая около 10 000 или 11 000 работ, но во всем этом нет ни одной книги, которую

можно было бы назвать исторической. Насколько известно, ни одному человеку в Индии никогда не приходило в голову записывать события своей собственной жизни или повторять предыдущий опыт других, и только в какой-то момент после христианской эры им пришла в голову мысль установить эпохи, от которых можно датировать поступки или события.

Все это тем более любопытно, что на Цейлоне мы имеем, в "Махавансо" и других книгах подобного рода, последовательную историю этого острова с датами, на которые можно полагаться с очень малой погрешностью, для периодов, простирающихся от 250 года до н.э. до настоящего времени. На другом конце Индии у нас также есть "Раджа Тарангини из Кашмира", произведение, которое профессор Уилсон охарактеризовал как "единственное из обнаруженных на санскрите сочинений, к которому можно с полным основанием применить название "История"".^[5] Однако в том виде, в каком мы в настоящее время ею располагаем, она вряд ли поможет нам получить какие-либо исторические данные ранее христианской эры, и даже после этого ее даты на несколько столетий ни в коем случае не являются фиксированными и определенными.

Однако в самой Индии у нас нет таких руководств, как даже эти, но письменная история почти полностью зависит от Пуран. Они действительно предоставляют нам единый список имен королей с указанием продолжительности их правления, настолько явно достоверный, что на него можно, в узких пределах, положиться. Однако они принадлежат только к одному ряду династий — вероятно, однако, главенствующей — и простираются только от восшествия на престол Чандрагупты — греческого Сандрокотта — в 325 году до н.э. до упадка династии Андры, примерно в 400 или 408 году н.э. Представляется вероятным, что мы сможем найти достаточное подтверждение этим спискам еще в эпоху Анджана, 691 г. до н.э., чтобы с достаточной степенью уверенности включить период, отмеченный жизнью и трудами Сакья Муни — нынешнего Будды - в нашу хронологию. Вся хронология, предшествовавшая этому периоду, намеренно и открыто фальсифицирована введением системы югов, чтобы перенести происхождение брахманической системы в регионы самой сказочной древности. Начиная с 5 века, когда Пураны начали облекаться в их нынешнюю форму, вследствие возрождения брахманической религии, вместо того, чтобы фиксировать современные события, они намеренно смешивали их, чтобы сохранить их пророческий характер и предотвратить обнаружение ложности их притязаний на древность, равную древности Вед. Следовательно, что касается истории Индии после 5 века, то в основном нам приходится обращаться к надписям на памятниках или на медных пластинах, к монетам и к работам иностранцев в поисках необходимой информации, которой коренные жители самой страны пренебрегли снабдить нас. Вероятно, в конечном итоге будет установлено, что их, по крайней мере, достаточно для целей хронологии. В расшифровке надписей и расположении монет уже достигнут такой прогресс, что все династии могут быть расположены последовательно, и даже даты правления почти всех королей севера Индии уже приблизительно установлены. На юге Индии так много еще не сделано, но это скорее из-за того, что на местах было меньше рабочих рук, чем из-за нехватки материалов. На юге существуют буквально тысячи надписей, которые не были скопированы, и из немногих собранных лишь очень небольшое количество было переведено; но они дают нам надежду, что, когда над ними будет потрачено необходимое количество труда, мы сможем установить хронологию царей юга со степенью достоверности, достаточной для всех обычных целей.^[6]

Гораздо более трудная задача - установить, восстановим ли мы когда-нибудь историю Индии до пришествия Будды или до эпохи Анджана, 691 г. до н.э.. Здесь мы, конечно, не найдем ни монет, ни надписей, которые могли бы указать нам путь, ни зданий, иллюстрирующих искусство, или отмечающих расположение городов, в то время как все этнографические следы стали настолько размытыми, если не стерлись совсем, что они мало служат нам проводниками в лабиринте. Однако, с другой стороны, существует такая большая масса литературы — такой, какая она есть, — относящаяся к этому предмету, что мы не можем не надеяться, что, когда к ней будет применен достаточный объем знаний, можно будет восстановить ведущие черты истории даже того периода. Однако для того, чтобы сделать ее доступной, потребуется не столько трудолюбие, сколько

суровый дух критики, чтобы отсеять несколько зерен полезной истины из массы бесполезной мякоти, содержащейся в этой литературе. Но, по-видимому, не стоит ожидать даже этого от сурово критического духа эпохи. Между тем, основные факты дела, по-видимому, сводятся примерно к следующему, в той мере, в какой необходимо их изложить, чтобы сделать дальнейшее понятным.

Арийцы.

В какой—то очень отдаленный период мировой истории - по причинам, изложенным в Приложении, я полагаю, что это было примерно в эпоху, называемую индусами Кали Юг, или 3101 год до н.э.— арийцы, народ, говоривший на санскрите, проникли в Индию через Верховья Инда, придя из Центральной Азии. Долгое время они оставались оседлыми в Пенджабе или на берегах Сарасвати, тогда более важного потока, чем сейчас, однако основная масса все еще оставалась к западу от Инда. Однако, если мы можем доверять нашей хронологии, мы обнаружим, что они обосновались за 2000 лет до христианской эры в Айодхье, а затем достигли расцвета своего могущества. По-видимому, примерно в это время произошло событие, которое легло в основу гораздо более современной поэмы, известной как "Рамаяна". Чистые арийцы, еще не запятнанные примесью крови туземцев, тогда, по-видимому, достигли вершины своего процветания в Индии и занесли свое победоносное оружие, возможно, даже на юг, до Цейлона. Однако нет оснований предполагать, что в то время они основали какие-либо постоянные поселения на Декане, но, во всяком случае, он был открыт для их миссионеров и постепенно впитал то количество брахманизма, которое в конечном итоге распространилось по всему югу. Через семьсот или восемьсот лет после этого, а может быть, примерно в 1200 году до н.э. или раньше, произошли события, составляющие тему более древнего эпоса, известного как "Махабхарата", который открывает совершенно новый взгляд на общественную жизнь Индии. Если герои этой поэмы вообще были арийцами, то они принадлежали к гораздо менее чистому типу, чем те, кто слагал песни Вед или изображен в стихах "Рамаяны". Их полиандрия, запой, пристрастие к азартным играм и любовь к дракам отличают их как расу, сильно отличающуюся от мирных иммигрантов-пастухов более ранней эпохи, и гораздо отчетливее указывают на татарское, трансгималайское происхождение, чем на колыбель арийского племени в Центральной Азии. Как бы в знак различия, существование которого они сами ощущали, они выделили себя по имени как принадлежащих к Лунной расе, отличной от Солнечной расы и в целом антагонистичной Ей, которая была гордым отличием более чистых и ранних арийских поселенцев в Индии.

Через пятьсот или шестьсот лет после этого, или около 700 года до н.э., мы снова обнаруживаем совершенно иное положение дел в Индии. Арийцы больше не существуют как отдельная национальность, и ни Солнечная, ни Лунная расы не являются правителями земли. Брахманы стали кастой жрецов и делят власть с кшатриями, расой гораздо менее чистого происхождения. Вайшьи, как торговцы и земледельцы, стали силой, и даже шудры признаны частью политической системы; и, хотя наги, или Змеиный народ, не упоминаются в Священных Писаниях, они стали наиболее влиятельной частью населения. Впервые они упоминаются в 'Махабхарате', где сыграли важнейшую роль в смерти Парикшита, что привело к великому жертвоприношению Джанемаджайи ради уничтожения Нагов, которое практически завершает историю того времени. Уничтожены, однако, они не были, поскольку именно при династии Нага, взойшедшей на трон Магадхи в 691 году, родился Будда, 623 год до н.э., и наги были людьми, обращение которых обеспечило буддизму надежную основу в Индии и привело к его окончательному принятию Ашокой (250 год до н.э.) в качестве государственной религии.^[7]

Хотя буддизму впервые научил принц Солнечной расы и, следовательно, чисто арийской крови, и хотя его первыми учениками были брахманы, он имел такое же мало общего с религией Вед, как христианство с Пятикнижием, и судьба его была той же. Единая религия была преподана евреям и для евреев человеком еврейского происхождения; но в конечном счете они отвергли ее и

приняли язычники, у которых не было расового или религиозного сходства с жителями Иудеи. Хотя первоначально буддийская религия, без сомнения, предназначалась для арийцев, она была в конечном счете отвергнута брахманами, которые, следовательно, были полностью затмлены и вытеснены ею почти на тысячу лет; и мы почти ничего не слышим о них и их религии, пока они вновь не появились при дворе великого Викрамадитьи (490-530), когда их религия начала принимать ту странную форму, которую она все еще сохраняет в Индии. В своей новой форме она настолько непохожа на чистую религию Вед, насколько возможно представить себе, что одна религия отличается от другой; непохожа также на более старые части 'Махабхараты'; но представляет собой запутанную мешанину местных суеверий и импортированных мифов, прикрывающих ведантические и буддийские доктрины, которые иногда могут быть обнаружены как лежащие в ее основе. Однако, что бы это ни было, это не может быть религией арийца или даже чисто туранского народа, потому что она была изобретена для самого смешанного населения, какое, вероятно, когда-либо было собрано в одной стране, - народа, чувства и суеверия которого она слишком верно отражает.

ДРАВИДЫ.

Хотя, следовательно, как было указано выше, не могло бы возникнуть большой трудности в восстановлении всех основных событий и ведущих черт истории ариев, начиная с их первого проникновения в Индию и заканчивая их полным поглощением массой населения незадолго до христианской эры, не могло быть большей ошибки, чем предположить, что их история полностью отражает древнюю историю страны. Дравиды - это народ, который в исторические времена, по-видимому, был, вероятно, таким же многочисленным, как чистокровные арийцы, и в настоящее время составляет пятую часть всего населения Индии. Как туранцы, которыми они, несомненно, являются, они принадлежат, это правда, к более низкому интеллектуальному статусу, чем арийцы, но они сохранили свою национальность чистой и несмешанной, и такими, какими они были на заре истории, такими они кажутся и сейчас.

Их поселение в Индии простирается до таких отдаленных доисторических времен, что мы не можем быть уверены даже в том, что нам следует рассматривать их как иммигрантов или, по крайней мере, как завоевателей или колонистов в больших масштабах, а скорее как аборигенов в том смысле, в каком обычно понимается этот термин. Обычно предполагается, что они проникли в Индию через Низовья Инда, оставив родственный им брахми в Белочистане в качестве обозначения дороги, по которой они пришли, и, поскольку их язык, по-видимому, близок к угорским и северным туранским языкам, эта точка зрения кажется вероятной.^[8] Но они определенно не оставили никаких следов своих миграций где-либо между Индом и Нербуддой, и все факты их истории, насколько они известны, по-видимому, приводят к противоположному выводу. Гипотеза, которая наиболее точно отражала бы то, что мы знаем об их истории, поместила бы их первоначальное местонахождение на крайнем юге, где-то, вероятно, недалеко от Мадуры или Танджора, а оттуда веерообразно распространялась на север, пока они не встретились с арийцами в горах Виндхья. Этот вопрос, опять же, не имеет большого значения для наших нынешних целей, поскольку они, по-видимому, ни в один период до христианской эры не достигли такого уровня цивилизации, который позволил бы им успешно практиковать любое из искусств цивилизованной жизни, чтобы включить их в рамки работы, посвященной истории искусства.

Возможно, что в какой-то будущий период, когда мы узнаем о древнем искусстве этих дравидов больше, чем сейчас, и познакомимся с останками аккадцев или ранних туранцев жителей Вавилонии, мы сможем обнаружить сходство, которое может пролить некоторый свет на эту очень темную часть истории. В настоящее время, однако, указания слишком туманны, чтобы на них вообще можно было полагаться. Однако с географической точки зрения одна вещь кажется достаточно ясной. Если дравиды пришли в Индию в исторические времена, то они

мигрировали не из Центральной Азии, а из Вавилонии или какого-то подобного южного региона Азиатского континента.

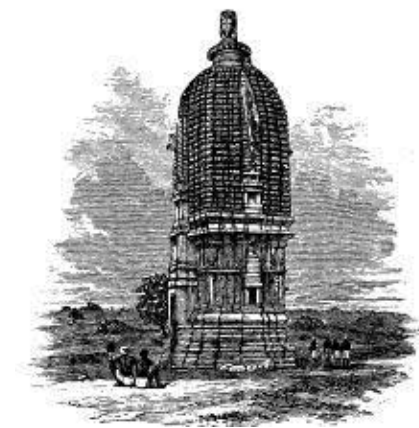
ДАСЬЮС.

В дополнение к этим двум великим различным и противоположным национальностям, в Индии существует третья, которая в добуддийские времена была столь же многочисленна, возможно, даже больше, чем арийцы или дравиды, но об истории которой мы знаем еще меньше, чем о двух других. Этнологи до сих пор не смогли даже договориться о названии, которым их можно было бы назвать. Я предложил дасью,^[9] народ рабов, поскольку именно так называли их арийцы, когда нашли их там при первом въезде в Индию и подчинили своему влиянию. Кем бы они ни были, они, по-видимому, были народом с очень низкими интеллектуальными способностями по сравнению с арийцами или дравидами, и ни в коем случае не ясно, могли ли они когда-либо сами по себе подняться до такого статуса, чтобы либо сформировать великое сообщество, способное управлять собой и, следовательно, имеющее историю,^[10] или они всегда должны были оставаться в том низком и варварском положении, в котором мы сейчас находим некоторые из их ветвей. Когда арии впервые вошли в Индию, они, по-видимому, обнаружили, что занимают всю долину Ганга - фактически всю страну между Виндхьей и Гималаями.^[11] В настоящее время они встречаются в сколько-нибудь подобном виде только в горных цепях, которые ограничивают эту великую равнину. Там они известны как бхилы, коулы, сонталы, наги и другие горные племена. Но они, безусловно, составляют низший слой населения на всей Гангской равнине.^[12] Насколько было установлено их родство, они относятся к трансгималайскому населению, и либо они проникли в Индию через перевалы этого великого горного хребта, либо, возможно, правильнее было бы сказать, что тибетцы являются фрагментом огромного населения, которое занимало как северный, так и южный склоны этой великой цепи холмов в какое-то очень отдаленное доисторическое время.

Кем бы они ни были, это были люди, которые в отдаленные времена, по-видимому, поклонялись Деревьям и Змеям; но что нас в них интересует больше и делает исследование их истории более желательным, так это то, что они были людьми, которые первыми приняли буддизм в Индии, и они или их сородичи - единственные люди, которые в исторические времена, как и сейчас, придерживались или все еще придерживаются этой формы веры. Ни один чисто арийский народ никогда не был и не мог быть буддистом, и, насколько я знаю, ни одна дравидийская община никогда не обращалась в эту веру. Но в Бенгалии, на Цейлоне, в Тибете, Бирме, Сиаме и Китае, везде, где существует тибетский народ или союзный ему народ, буддизм процветал и сейчас преобладает. Но в Индии дравиды сопротивлялись этому на юге, а возрождение арианства уничтожило это на севере.

С архитектурной точки зрения определить границы провинции Дасью нетрудно: везде, где есть квадратный храм, похожий на башню, с перпендикулярным основанием, но с криволинейными очертаниями вверху, как показано на гравюре на дереве на следующей странице, мы можем быть уверены в существовании, прошлом или настоящем, народа происхождения Дасью, сохраняющего свою чистоту почти в прямом соотношении с количеством таких храмов, найденных в округе. Следовательно, если бы не сложность введения новых названий и получения признания к тому, что незнакомо, собственными названиями для стиля, преобладающего в северной Индии, были бы стиль Дасью, а не индоарийский или дасьюарийский, которые я чувствовал себя вынужденным принять. Никто не может обвинить чистокровных ариев в введении этой формы в Индии, или в строительстве храмов вообще, или в поклонении изображениям Шивы или Вишну, которыми заполнены эти храмы, и, следовательно, у них мало прав, чтобы присвоить стилю свое название. Однако кровь арийцев стала настолько нечистой еще до того, как были возведены эти храмы, они были настолько смешаны с дасью и оказали такое влияние на их религию и искусство, что, возможно, будет лучше сохранить название, которое звучит знакомо и не слишком резко

предопределяет суть вопроса. Как бы то ни было, одна вещь кажется достаточно ясной, что регионы, занятые ариями в Индии, совпадали с регионами дасью, или, другими словами, что арии покорили всех аборигенов или туземные племена, населявшие равнины северной Индии, и правили ими до такой степени, что существенно повлияли на их религию и искусство, а также очень существенно изменили даже их язык. Действительно, настолько, что после примерно четырех или пяти тысяч лет господства мы не удивились бы, если бы столкнулись с некоторыми трудностями в восстановлении следов первоначального населения, и, вероятно, не смогли бы этого сделать, если бы некоторые фрагменты народа не искали убежища в холмах на севере и юге великой Гангской равнины и там остались окаменелыми или, по крайней мере, достаточно постоянными для целей исследования.

Индустский храм, Банкора.

Династия Сисунага, сПо325 гг. до н. э..

Оставляя эти времена, которые, по крайней мере, в настоящее время, следует рассматривать как практически доисторические, мы вступаем на более прочную почву, когда приближаемся к периоду, когда родился Будда и посвятил свою жизнь спасению человека от греха и страданий. Кажется, очень мало оснований сомневаться в том, что он родился в 623 году правления Бимбасары, пятого царя этой династии, и умер в 543 году до н.э. в возрасте восьмидесяти лет, на восьмом году правления Аджаттасатру, восьмого царя. Новые источники информации об этих временах открываются так быстро, что, кажется, нет никаких сомнений в том, что вскоре мы сможем восстановить совершенно достоверный отчет о политических событиях того периода и столь же точную картину нравов и обычаев тех дней. Однако совершенно верно, что те, кто писал биографию Будды в последующие эпохи, настолько обложили простое повествование о его жизни баснями и нелепостями, что сейчас трудно отделить зерна от плевел; но у нас есть скульптуры, датированные тремя столетиями после его смерти, и в это время мы можем справедливо предположить, что должна была преобладать более чистая традиция и более корректная версия Священных Писаний. Исходя из того, что недавно произошло, мы можем надеяться проникнуть еще дальше в прошлое и, в конечном счете, найти ранние иллюстрации, которые позволят нам подвергнуть книги настолько здоровой критике, что позволят нам восстановить жизнь Будды до такой степени, чтобы поместить ее среди подлинных записей о благодетелях человечества.

За последние тридцать или сорок лет был достигнут огромный прогресс в исследовании происхождения буддизма и распространении его доктрин в Индии, а также в распространении полученных таким образом знаний среди общественности в Европе. Многое, однако, еще предстоит сделать, прежде чем история будет завершена и избавлена от всех нелепостей, которыми ее облекли последующие комментаторы; и еще больше должно быть сделано, прежде чем публика сможет ознакомиться с тем, что по существу является для нее новым. Тем не менее, основные события в жизни основателя религии просты и достаточно достоверны для всех практических целей.^[13]

Основатель этой религии был одним из последних в длинной череде королей, известных как Солнечные династии, которые с периода, следовавшего вскоре за приходом ариев в Индию, имели первостепенное влияние в Айодхье - современном Уде. Примерно в 12 или 13 веке до н.э. они были вытеснены другой расой гораздо менее чисто арийской крови, известной как Лунная раса, которая перенесла центр власти в столицы, расположенные в северных частях Доаб. Вследствие этого прямые потомки Солнечных царей были низведены до маленького княжества у подножия Гималаев, где Сакья Муни родился около 623 г. до н.э. В течение двадцати девяти лет он наслаждался удовольствиями и занимался делами, обычными для людей его ранга и положения; но в том возрасте, оказавшись под болезненным впечатлением от страданий, сопутствующих человеческому существованию, он решил посвятить остаток своей жизни попытке облегчить его. Ради этой цели он оставил своих родителей и жену, бросил друзей и все преимущества своего положения и в течение следующих пятидесяти одного года неуклонно посвящал себя задаче, которую поставил перед собой. Годы были потрачены на размышления и умерщвление плоти, необходимые для того, чтобы подготовить себя к своей миссии; остальная часть его долгой жизни была посвящена скитаниям из города в город, обучению и проповеди и выполнению всего, что могли сделать мягкие средства для распространения доктрин, которые, по его мнению, должны были возродить мир и избавить людей от страданий.

Он умер, или, по терминологии его последователей, обрел Нирвану — был поглощен божеством — в Кусинаре, на севере Бехара, на 80-м году жизни, 543 года ^[14] до н.э.

Учитывая информацию, которая сейчас быстро накапливается по этому вопросу, кажется, нет большой трудности понять, почему миссия Сакья Муни была столь успешной, какой она оказалась. Он родился в то время, когда чистота арийских рас в Индии была настолько подорвана постоянным притоком менее чистых племен с севера и запада, что их могущество и, следовательно, влияние быстро угасали. Также в то время, по-видимому, коренные расы благодаря долгому знакомству с арийцами приобрели такую степень цивилизации, которая привела их к желанию чего-то вроде равенства со своими хозяевами, которые, вероятно, всегда были в численном меньшинстве в большинстве районов долины Ганга. При таком положении вещей проповедник был уверен в доброй аудитории, которая провозглашала отмену касты и учила, что все люди, какой бы нации или степени они ни были, имеют равные шансы достичь счастья и, в конечном счете,рая, практикуя добродетель, и только так. Подчиненные расы — туранские дасью - приветствовали его как освободителя, и именно ими была принята и провозглашена религия, а религия арийских брахманов была на время уничтожена или, по крайней мере, затмевена.

Ни в коем случае не ясно, насколько Будде удалось обратить множество людей в свои доктрины при его жизни. После его смерти в Раджагрихе состоялся первый синод, и, как говорят, по этому случаю там собрались пятьсот монахов высшего ордена, ^[15] и если это так, то они, должно быть, представляли великое множество. Но отчеты об этом, а также о втором созыве, состоявшемся 100 лет спустя в Вайсали, на Гандуке, еще не получили полного освещения в ходе недавнего расследования. Действительно, все летописи династии Нага, начиная со смерти Будды в 543 году до н.э. до восшествия на престол Чандрагупты в 325 году, являются наименее удовлетворительными из того периода. Данные о Цейлоне были намеренно фальсифицированы, чтобы отнестивысадку Виджьи, первого завоевателя из Калинги, к периоду, совпадающему с датой смерти Будды, в то время как между этими двумя событиями, по-видимому, прошло по меньшей мере шестьдесят лет. Все это, однако, можно смело оставить будущим исследователям. У нас есть летописи и монеты, ^[16] и мы можем восстановить надписи и скульптуры, относящиеся к этому периоду, и, хотя крайне маловероятно, что мы восстановим какие-либо архитектурные остатки, очевидно, существуют материалы, которых при использовании может быть достаточно для этой цели.

Цари этой династии, по—видимому, считались представителями низкой касты и, следовательно, не пользовались благосклонностью ни брахманов, ни, в то время, буддистов; и

никакие события, которые, по-видимому, считались достойными упоминания, за исключением второго созыва, не зафиксированы как происходившие в период их правления после смерти великого Аскета - или, во всяком случае, не были занесены в те летописи, которыми мы располагаем.

Династия МАУРЬЕВ, с ПО188 гг. до н. э..

Совершенно иначе обстояло дело с династией Маурьев, которая, безусловно, была одной из самых блестящих и, к счастью, является одной из самых известных древних династий Индии. Первым царем был Чандрагупта, греческий Сандрокотт, к которому Мегасфен был направлен в качестве посла Селевком, преемником Александра в западных частях его азиатской империи. Именно из его рассказа, ныне, к сожалению, утраченного, греки почерпнули почти все знания, которыми они обладали об Индии того периода. Затем страна была разделена на 120 более мелких княжеств, но маурья, проживавшие в Палиботре — современной Патне, — по-видимому, имели первостепенное влияние на всю территорию. Однако не этот царь, а его внук, великий Ашока (с 272 по 236 год до н.э.), поднял эту династию на высшую ступень процветания и могущества. Хотя грекам он совершенно неизвестен, из местных источников мы располагаем более полной картиной событий его правления, чем о каком-либо древнем правителе Индии. Великим событием, сделавшим его знаменитым в истории буддизма, было его обращение в эту веру и усердие, которое он проявил в распространении доктрин своей новой религии. Фактически, он сделал для буддизма то же самое, что Константин сделал для христианства, и примерно через такое же время после смерти основателя веры. Из борющейся секты он сделал ее государственной религией и установил на той основе, на которой она сохраняла свое верховенство почти 1000 лет. Чтобы ознакомить своих подданных с доктринами своей новой веры, он приказал выгравировать серию эдиктов, воплощающих их, на скалах близ Пешавура, в Гуджерате, в долине Дхун под Гималаями, в Каттаке и в нескольких промежуточных местах. Он провел третье и величайшее собрание верующих в своей столице Патне, а после его роспуска послал миссионеров распространять веру в стране Явана, столицей которой была Александрия, недалеко от нынешнего города Кабул. Другие были отправлены в Кашмир и Гандхару; один был отправлен в Химаванту — долины Гималаев и, возможно, часть Тибета; другие были отправлены в страну Махаратта и в три других места в Центральной и Западной Индии, которые еще не были идентифицированы с уверенностью. Два миссионера были отправлены в Суверна Бхуми, местечко, ныне известное как Тэтун, на реке Ситанг, в Пегу, а его собственные сын и дочь были командированы на Цейлон.^[17] Фактически все те страны, которые можно было бы назвать иностранными, но которые были населены расами, которые каким-либо образом можно было бы считать союзниками бенгальских дасью, затем пытались обратить в веру. Он также заключил союзы с Антиохом Великим, Антигоном, а также с Птолемеем Филадельфом и Магасом Киренским для создания больниц и защиты своих единоверцев в их странах. Более того, он построил бесчисленные вершины и монастыри по всей стране; и, хотя ни один из ныне существующих не может быть однозначно идентифицирован как действительно построенный им, кажется, нет никаких оснований сомневаться в том, что скульптурные ограждения в Буддх-Гайе и Бхархуте, пещеры в Бхарабаре в Бехаре, некоторые из них в Удьягири в Каттаке и старейшие из них в Западных Гатах были возведены или раскопаны во время существования этой династии, если не им самим. Они, с надписями и монетами, а также такими историями, какие существуют, составляют массу материалов для представления Индии во времена этой династии, каких не может представить никакая другая; и, прежде всего, они предлагают полное представление о религиозных формах и верованиях королей и народа, которые делают невозможной любую ошибку относительно них. Это был буддизм, но без личного Будды, с поклонением Деревьям и Змеям, возникающим в каждом неожиданном уголке.

Во всей древнеиндийской истории, безусловно, нет династии, которая лучше вознаградила бы за труд по исчерпывающему исследованию, чем династия этих царей маурьев. Они были не только первыми в исторические времена, кто, насколько нам известно, объединил всю Индию в одно великое королевство, но и практически первыми, кто соприкоснулся с европейской цивилизацией и западной политикой. Более того, вероятно, именно благодаря действиям третьего короля этой династии буддизм из религии малоизвестной секты превратился в одно время в веру трети человечества и оказал влияние на веру и моральные чувства большего числа людей, чем любая другая религия, которую можно назвать.

К счастью, материалы для такой монографии, какие требуются, имеются в изобилии, и с каждым днем их становится все больше. Именно к этой династии, и только к ней, следует применять все те отрывки классических авторов, которые описывают внутреннее состояние Индии, и они не являются ни немногочисленными, ни незначительными. Хотя нельзя сказать, что сами индусы внесли большой вклад в историю, они дали нам в "Мудра Ракшасе", ^[18] поэтическую версию причин революции, которая посадила Маурьев на трон. Но, оставляя это в стороне, их собственные надписи дают нам даты и совершенно достоверный современный отчет о религиозной вере и чувствах того периода; в то время как многочисленные барельефы рельсов в Буддхаге и Бхархуте дают представление о манерах, обычаях и костюмах того времени, а также показатель, по которому мы можем оценить их художественный статус и судить, насколько их искусство было местным, насколько сильно на него повлияли иностранные элементы. Даты правления царей этой династии также прекрасно известны, ^[19] и вся структура их истории настолько полностью зависит от современных местных памятников, что не должно быть никакой реальной неопределенности относительно каких-либо очертаний картины, когда предмет достаточно понятен и тщательно обработан.

Это самая твердая точка зрения, с которой мы можем судить об индийской цивилизации и истории, независимо от того, смотрим ли мы в прошлое или в будущее, и она дает очень хорошее представление о положении, которого достигли индусы до того, как они практически соприкоснулись с цивилизацией Запада.

ДИНАСТИЯ СУНГА, г. до н. э. 188 ТО76.
ДИНАСТИЯ КАНВА, с 76 По 31 год до н. э.

История мало что дает нам, кроме дат правления царей следующих двух династий, но, кажется, нет причин сомневаться в общей правильности, с которой они описаны в Пуранах, и постепенно мы собираем надписи и находим пещеры, которые, несомненно, относятся к их времени, так что мы можем надеяться вдохнуть жизнь в то, что до сих пор представлялось лишь сухим списком имен. Надписи с их именами пока обнаружены только в западных пещерах в Карли, Насике и подобных местах, но, похоже, нет причин сомневаться в том, что они правили также в Магадхе и, если это так, в Ориссе, так что мы можем поискать дополнительную информацию о них как в восточной, так и в западной части Индии. Однако эти династии, по-видимому, не были известны грекам, и, будучи буддийскими, пураны относительно умалчивают об этих династиях. Таким образом, только по их памятникам мы можем надеяться восстановить их историю. До настоящего времени те, кто идентифицирован как принадлежащий к ним, немногочисленны, но их еще не искали систематически, и пока это не сделано, нет причин отчаиваться в конечном успехе.

ДИНАСТИЯ АНДРА, с 31 года до н. э. По 429 год нашей эры.

Династия, сменившая этих Рои файнеантов, является — после Маурьев — самой важной из всех династий, относящихся к этому периоду индийской истории. Классическим авторам они известны как Андре, в Пуранах — как Андрабриты, а в надписях — как сатакарни или Сатаваханы;

но под каким бы названием они ни назывались, несмотря на периодические периоды депрессии, они играли важнейшую роль в истории Индии на протяжении более чем четырех с половиной столетий. В последнее время их очень часто упускали из виду из-за того, что они не оставили после себя монет, в то время как точность большей части истории этого периода была придана, главным образом, нумизматическим исследованиям. Однако династии в Индии, которые практически ввели чеканку монет в ее пределах, все пересекали Инд как чужаки, приносящие с собой искусство, которому они научились у бактрийцев или у тех, кто сменил их на северо-западе. Андрасы, будучи коренной династией Центральной Индии, не имели важной чеканки монет, и, следовательно, им нет места в этих нумизматических исследованиях; однако они оставили множество интереснейших надписей в западных пещерах, и следы их существования встречаются во многих частях Индии.

С архитектурной точки зрения их история начинается с ворот Топе в Санчи; южные или старейшие из них почти наверняка были возведены во времена правления первого Сатакарни в первой четверти 1 века, когда Христос учил в Иерусалиме, а остальные три — в течение того же столетия. Это заканчивается завершением строительства железной дороги в Амравати, которое с почти такой же уверенностью было начато в первой четверти IV века и завершено около А.Д. 450.

Между этими двумя памятниками нет большой трудности дополнить архитектурную картину пещер в Насике, Аджунте и других местах западной Индии, и, несомненно, со временем будут обнаружены новые материалы.

История этой династии более чем обычно интересна для наших целей, поскольку охватывает почти весь период, в течение которого буддизм почти безраздельно господствовал в Индии. Это правда, что она стала государственной религией двумя столетиями ранее, при Ашоке, но нет никаких оснований полагать, что ведическая религия или брахманизм исчезли сразу. Однако в течение первых четырех столетий христианской эры у нас нет ни следа индуистского здания или пещеры, и, насколько позволяют судить какие-либо материальные свидетельства, похоже, что буддизм в то время был религией страны. Конечно, нельзя предположить, что индуистская вера была полностью уничтожена, но она определенно пребывала в состоянии покоя, и, используя буддийское выражение, желтые одежды сияли вдоль и поперек страны.

Именно во время правления этих Андра, хотя и не ими, четвертый созыв был проведен Канишкой на севере Индии, и новое учение, Махаяна, было введено Нагарджуной — изменение, аналогичное тому, которое внес Григорий Великий, когда он основал Церковь в противовес примитивным формам христианства, примерно через то же время после смерти основателя религии. У меня сложилось впечатление, что этот созыв состоялся в последней четверти первого века нашей эры, вероятно, в 79 году. По крайней мере, несомненно, что примерно в то же время буддизм был впервые практически введен в Китай, Тибет и Бирму, и, по-видимому, миссионерами, посланными оттуда, поскольку они были из третьего созыва.

Ближе к концу правления Андраша Фа Хиан посетил Индию (400 г.н.э.). Поскольку его цели при этом были исключительно религиозного характера, он не ссылается на мирскую политику и не называет нам имя короля, которое мы можем идентифицировать; но картина, которую мы извлекаем из его повествования, — это картина мира и процветания в той мере, в какой это касается страны, и превосходства его религии. Еретики, это правда, иногда упоминаются, но их немного, и они далеко друг от друга. Буддизм, несомненно, был тогда религией севера, особенно на северо-западе Индии; но даже тогда наблюдались признаки перемен в центральных провинциях и отдаленных частях страны.

ГУПТАС, 319 ПО 465.
БАЛЛАБХИС, С 465 ПО 712 (?).

В то время, когда Фа Хянь посещал священные места Индии, власть династии Андры уходила в прошлое. Кульминацией этого стала Гаутамипутра (312-333), и они быстро опускались на второсортное положение среди индийских принцев. Сменившей их династией была династия Гуптов, которые в конце четвертого века нашей эры, по-видимому, достигли положения верховных правителей в северной Индии. Они датируют свои надписи, которые многочисленны и интересны, эпохой, установленной царем Андры Гаутамипутра, четырьмя циклами по 60 лет каждый, или через 240 лет после сакской эры в А.Д. 79 году н.э., или в 319 году; но, по-видимому, только при третьем царе Самудре, около 380 года, они действительно получили империю северной Индии, которую они сохраняли до смерти Скандагупты, примерно до 465 года, или, возможно, немного позже.

Именно во время их правления мы впервые замечаем в высших кругах зародыши тех перемен, которые постепенно проникали в религиозную систему Индии. То, что гупты были покровителями буддизма, очевидно из подарков, которые Чандрагупта II сделал топе в Санчи в 400 году и зафиксировал на перилах этого Памятника, но другие их надписи, на лацканах в Аллахабаде и Бхитари, демонстрируют решительную тенденцию к индуизму, но к тому направлению индуизма, которое все еще было далеко от дикой экстравагантности Пуран. Кажется, нет никаких сомнений в том, что кабан в Еруне и тамошние здания принадлежат этой династии и, следовательно, являются одними из самых ранних, если не самыми старыми храмами в Индии, посвященными новой религии, которая тогда поднимала голову вопреки буддизму.

Судя по их монетам и надписям, мы можем быть уверены, что гупты владели, когда были в расцвете своего могущества, всей северной Индией с провинцией Гуджерат, но насколько оправданы хвастовства Самудры Гупты на Аллахабадской колонне, ни в коем случае не ясно. Если верить этой надписи, вся южная страна вплоть до Цейлона, вместе с Ассамом и Непалом, находилась под их властью. Каким бы блестящим оно ни было, их могущество было недолговечным. Гуджерат и все западные провинции были отторгнуты у них баллабхи примерно в 465 году, и тогда династия, носившая это имя, основала новое королевство, которое просуществовало до великой катастрофы, которая примерно два с половиной столетия спустя произвела революцию в Индии.

Династия Удджайн.

Хотя во времена гуптов стало очевидно, что в религиозных верованиях Индии происходят перемены, не тогда был нанесен удар, который в конечном итоге оказался смертельным, а династией, сменившей их в Центральной Индии. Будучи индусами, мы знаем меньше достоверного об их истории, чем о буддийских династиях, которые жили, чтобы начертать свои имена на скалах и в пещерах; но, кажется, почти нет сомнений в том, что великий Викрамадитья правил в Малва с 495 по 530 год, хотя индусы, чтобы связать его имя с эпохой, которую они сочли подходящей установить за 56 лет до н.э., сделали все возможное, чтобы мистифицировать и затемнить хронологию этого периода. Несмотря на это, кажется совершенно очевидным, что примерно в это время в центральной Индии правил царь, который своей щедростью и великолепием приобрел среди индусов известность, уступающую лишь Соломону среди евреев. Благодаря его покровительству литературе и поощрению искусства его слава распространилась по всей стране, и по сей день его имя упоминается как символ всего великого и величественного в Индии. Что более важно для нашей настоящей цели, он был несомненным покровителем брахманической религии, поклонялся Шиве и Вишну, и ни одна традиция прямо или косвенно не связывает его имя с чем-либо, связанным с буддизмом. К сожалению, у нас нет ни зданий, которые можно было бы приписать ему, ни надписей. Но главный факт того, что в то время в Центральной Индии правил царь-брахман и приобрел такое влияние, слишком знаменателен для упадка позиций буддийской религии в тот период.

Его преемник, Силадитья, похоже, вернулся к старой вере и в течение своего долгого шестидесятилетнего правления придерживался буддийских доктрин.

В начале следующего столетия, после короткого периода анархии, мы находим второго Силадитью, восседающего на троне Кануджа в качестве верховного лорда Индии и в течение процветающего правления продолжительностью от тридцати восьми до сорока лет осуществляющего верховную власть в этой стране. Именно во время его правления китайский паломник Хиуэн Тхан посетил Индию и дал гораздо более полный и наглядный отчет об увиденном, чем его предшественник Фа Хянь. Ничто не может быть более характерным для состояния религиозных чувств и господствовавшего тогда духа терпимости, чем праздник, устроенный этим царем в Аллахабаде в 643 году, на котором присутствовали цари Баллабхи и Камарупы (Ассам). Поскольку царь сам был буддистом, первые дни были посвящены распределению между последователями этой религии сокровищ, накопленных за предыдущие пять лет, но затем настала очередь брахманов, к которым относились с таким же почетом и щедростью; затем последовал праздник других сект, среди которых джайны кажутся заметными. Все были накормлены и чествованы и отправлены восвояси, нагруженные подарками и памятными вещами, свидетельствующими о великолепии и щедрости великого короля.

Как ни приятна эта картина, очевидно, что такое положение дел вряд ли могло быть стабильным, и было напрасно ожидать, что мир может долго сохраняться между восходящей и амбициозной сектой и сектой, которая быстро приходила в упадок; очевидно, под бременем разросшегося духовенства. Соответственно, мы обнаруживаем, что через десять лет после смерти Силадитьи начались неприятности, как и было предсказано,^[21] и вскоре опускается занавес над великой драмой истории северной Индии, который не поднимался снова в течение почти трех столетий. Это правда, мы все еще можем немного дольше следить за историей баллабхи, и было бы удовлетворительно, если бы мы могли точно установить дату их уничтожения, поскольку это было событие, которое в сознании индусов считается заключительным актом драмы. Если он был разрушен иностранным врагом, то это должно было быть сделано мусульманами либо до, либо во времена Мохаммеда Касима, г.х. 712, 713 гг. Это был процветающий город в 640 году, когда его посетил Хиуэн Тханг, и с того времени, до смерти Касима, мусульмане были в таком могуществе на Инде, а их историки рассказывают нам о событиях тех лет в таких деталях, что ни один другой иностранец не смог бы пересечь реку в тот период. Если она погибла в результате какой-то внутренней конвульсии, что более вероятно, то она лишь разделила судьбу, постигшую примерно в этот период всю северную Индию. Странно, но даже мусульмане, находившиеся тогда в расцвете своего могущества во время Багдадского халифата, отказались от своих индийских завоеваний, как будто кипящий котел был слишком горяч, чтобы даже они могли существовать в его пределах.

Более южная династия Чалукьев из Кальяна, по—видимому, сохраняла свою власть примерно до 750 года и, возможно, до этого времени частично господствовала к северу от Нербудды, но после этого мы совсем теряем их из виду; в то время как в качестве заключительного акта великой драмы Раджа Тарангини представляет короля Кашмира — Лалитадитью - завоевавшим Индию с севера на юг и подчинившим все пять королевств, на которые она была номинально разделена, своей властной власти.

Нам нет необходимости останавливаться сейчас, чтобы выяснить, было ли именно это или нет. Для настоящих целей достаточно знать, что примерно в середине VIII века темная туча опустилась над севером Индии, и что в течение следующих двух столетий она была раздираема на части внутренними неурядицами, которые не оставили ничего, кроме негативных свидетельств своего существования. За этот период не произошло ни одного события, о котором у нас есть какие-либо записи; ни одна династия не достигла достаточного положения, чтобы быть упомянутой даже в списках бардов; не появилось ни одного прославленного имени, чьи деяния были записаны; не было возведено зданий, о которых у нас есть следы,^[22] и лишь несколько выгравированных

надписей. Темная ночь, кажется, опустилась на землю, и сможем ли мы когда-нибудь проникнуть в ее тайны, кажется более чем сомнительным.

Когда в середине 10 века снова появляется свет, сцена чудесным образом меняется. Буддизм практически исчез, по крайней мере, на севере и западе, хотя он все еще сохранялся в Бенгалии, и джайнизм вытеснил его в большинстве мест; но масса людей стала последователями Вишну или Шивы. Возникли новые династии, которые, хотя и пытаются проследить свою родословную до смутных времен, когда пал Баллабхи, были новыми для индийской истории. Старая Индия ушла в прошлое, и история современной Индии вот-вот должна была открыться. Старые династии вымерли, и расы раджпутов весело выступили вперед, чтобы занять их места — увы, слишком рано! быть вовлеченным в борьбу не на жизнь, а на смерть с самым непримиримым врагом своей расы и религии, которого когда-либо знала Индия. Жестоким Возмездием было то, что за их победами над буддистами вскоре последовали роковая осада Сомнатха в 1024 году и битва на берегах Гагара в 1193 году, которые практически положили Индию к ногам мусульманского захватчика и изменили весь ход ее последующей карьеры. Но, как указывалось выше, с появлением на сцене мусульманина наши хронологические трудности исчезают, и поэтому нет необходимости продолжать эту тему в этом введении.

ИММИГРАЦИЯ.

Из приведенного выше краткого очерка истории древней Индии можно сделать вывод, что сомнительно, сможем ли мы когда-либо облечь плотью скелет истории, который является всем, чем мы обладали до пришествия Будды. Возможно также, что благочестивые мошенники настолько перепутали последовательность событий между его смертью и возвышением Маурьев, что восстановить этот период до какой-либо полноты будет очень трудно. Но за тысячу лет, прошедших между “мстью Чанакьи” и падением Баллабхи, материалов накопилось предостаточно, и при достаточном усердии, приложенном к их разъяснению, нет никаких сомнений в том, что все может быть сделано ясным и вразумительным. Попытка решения такой задачи не входит в рамки данной работы; но необходимо попытаться прояснить ее очертания, поскольку без этого дальнейшее будет совершенно непонятным; в то же время одна из основных целей этой работы - указать, как архитектура, которая является одной из важных ветвей доказательств, может быть применена к данному предмету.

Однако никаких прямых свидетельств, почерпнутых только из событий, происходивших в самой Индии, было бы недостаточно, чтобы прояснить феномены ее истории, без учета последовательных миграций племен и народов, которые во все века, насколько нам известно, переправлялись через Инд с запада и заселяли ее плодородные равнины.

Как упоминалось выше, главный факт, объясняющий почти все, что мы знаем о древней истории Индии, - это то, что за две или три тысячи лет до рождения Христа народ, говорящий на санскрите, мигрировал из долин Оксуса и Джаксарта. Они пересекли Инд в таком количестве, что произвели впечатление своей цивилизацией и своим языком на весь север Индии, и это в такой степени, что практически стерло с лица земли, насколько это касается истории, исконных обитателей долины Ганга, кем бы они ни были. В то время, когда произошла эта миграция, могущество и цивилизация Центральной Азии были сосредоточены в низовьях Евфрата, и Вавилонская империя, по-видимому, никогда не простиралась через Карманийскую пустыню на восток. Следовательно, дорога между Бактрией и Индией была открыта, и народы могли проезжать и возвращаться между двумя странами, не опасаясь помех со стороны каких-либо других народов.

Если какая-либо из древних династий Вавилонии и распространяла свою власть на Восток, то это было вдоль побережья Гедросии, а не в северо-восточном направлении. Действительно, ни в коем случае нельзя считать невероятным, как указывалось выше, что происхождение дравидов может быть обнаружено среди аккадцев или у некоторых туранских народов, населявших южную

Вавилонию в древние времена и которые, возможно, морем или по суше добрались до западных берегов Индии. Однако до тех пор, пока не будет доступна дополнительная информация, это всего лишь предположение, хотя, вероятно, в том направлении, в котором впоследствии можно будет найти истину.

Когда центр власти был перенесен на север, в Ниневию, ассирийцы, по-видимому, оккупировали страну к востоку от Каспия достаточными силами, чтобы предотвратить любую дальнейшую миграцию. По крайней мере, после того времени — скажем, 1000 г. до н.э. — у нас больше нет следов того, чтобы какое-либо арийское племя пересекало Инд в восточном направлении, и, по-видимому, главным образом следствием этого прекращения притока свежей крови стало то, что чистота их расы в Индии была настолько ослаблена, что позволила буддийской реформе укорениться и быть принятой в той степени, в какой она впоследствии была достигнута.

В период ахеменидского владычества персы, несомненно, оккупировали страны вокруг Окса достаточными силами, чтобы воспрепятствовать любому перемещению народов. Бактрия и Согдиана настолько фактически стали частями Персидской империи, что Александр был вынужден свернуть со своего прямого пути, чтобы завоевать их, а также остальную часть царства Дария, прежде чем двинуться на Индию.

Независимо от того, было ли оно основано с этой целью или нет, маленькое греческое королевство Бактрия, пока оно существовало, было достаточно могущественным, чтобы держать варваров в узде; но когда примерно в 127-126 годах до н.э., юэчи и другие родственные племена вторглись в Согдиану и, наконец, около 120 года до н.э. покорили всю Бактрию,^[23] они открыли новую главу в истории Индии, последствия которой ощущаются и по сей день.

Пока не совсем ясно, как скоро после разрушения Бактрийского царства эти туранские племена завоевали Кабул и заняли территорию между этим городом и Индом. Несомненно, однако, что они прочно обосновались на берегах этой реки еще до христианской эры, а при великом короле Канишке превратились в индийскую державу весьма значительного значения. Дата правления этого царя, к сожалению, является одной из тех маленьких загадок, которые еще предстоит разгадать. Как правило, предполагается, что он правил примерно через двадцать-сорок лет после Рождества Христова.^[24] Однако недавно были обнаружены свидетельства, которые, по-видимому, доказывают, что он был основателем сакской эры, A.D. 79 г. н.э.

Как бы то ни было, кажется вполне очевидным, что власть этих королей Туруски распространилась по всему Пенджабу и простиралась по крайней мере до Муттры на Джамне в первом веке христианской эры.

В то же время другая орда, известная нам только по монетам и надписям, в которых они называют себя сахами или королями Сахов, пересекала Инд ниже по течению и заняла всю провинцию Гуджерат. Не совсем ясно, был ли первый из них, Нахапана, только наместником одного из этих северных королей — вероятно, самого Канишки, — хотя впоследствии он и его преемники стали независимыми и основали собственное королевство. Они, похоже, датируют свои монеты и надписи сакской эпохой, A.D. 79 годом н.э., а серия простирается от этой даты до 349, or at latest to 371. Таким образом, получается, что, хотя Гаутамипутра, царь Андры (312-333), хвастается тем, что смирил их,^[27] на самом деле от них окончательно избавились только с возвышением гуптов.

Насколько нам известно, ни одна другая иностранная раса, по-видимому, не пересекала Низовья Инда и не проникала в Индию. Но вся внешняя история северной Индии со времен Канишки до Ахмеда шаха Дурани (1761) - это повествование о непрерывной череде племен скифского происхождения, хлынувших через Верхний Инд в Индию, каждое из которых было более туранским, чем предшествовавшее, пока все это не завершилось завоеванием Индии могилами в 15 веке народом, столь же отличным от арийцев по крови, как и любое другое из существующих.

Что касается более древних рас, то представляется вероятным, что яванов следует отличать от туранцев. Вряд ли сейчас будут утверждать, что они были чистокровными греками, хотя их название может быть просто неправильным произношением ионического. Этот термин, по-видимому, применялся индийскими авторами к любой иностранной расе, пришедшей с запада, которая не принадлежала ни к одному из известных им признанных королевств. Как таковой, он применим к любым западным авантюристам, которые во время существования Бактрийского королевства стремились основать поселения в любой части Индии, а также применим к самим бактрийцам, изгнанным из своих домов юэчи за 120 или 130 лет до н.э. Только в этом смысле мы можем объяснить их присутствие в Ориссе до Христианской эры и около нее, но на западе этот термин, возможно, применялся более свободно. Камбохи, по-видимому, были народом, населявшим страну между Кандагаром и Кабулом, который, когда прилив переместился на восток, присоединился к толпе и искал поселения в более плодородных странах в пределах Инда.

Саки были хорошо известны классическим авторам как саки, или скифы. Они продвигались вперед вместе с остальными и, по-видимому, стали самыми грозными в течение первых четырех столетий христианской эры. Очевидно, именно их поражение от великого Викрамадитьи в битве при Коруре, на берегах Инда, в 524 или 544 году н.э., подняло популярность этого монарха до наивысшего уровня и побудило индусов в последующую эпоху учредить эпоху, известную под его именем за 600 лет до его времени, и другую, названную его другим именем, Шри Харша, за 1000 лет до даты битвы при Коруре.^[28]

Другой важной ордой были эфталиты, или Белые гунны, которые пришли в Индию, по-видимому, в 4 веке, и один из царей которых, если мы можем доверять Косме Индикоплусту, был главой могущественного государства в северной Индии примерно в 535 году. Они тоже, по-видимому, были завоеваны примерно в то же время индусами, и, поскольку и саки, и хуна, несомненно, были буддистами, возможно, именно их уничтожение сначала ослабило основы этой религии и привело к ее окончательному поражению немногим более века спустя.

В темные века, с 750 по 950 год, мы не знаем ни о какой орде, переправлявшейся через Инд. Мусульмане, вероятно, были слишком сильны на границе, чтобы признать, что это было сделано, и после этого они — и только они — проводили различные вторжения, которые полностью изменили лицо и характер северной Индии. В течение семи столетий они продолжались лишь со случайными перерывами и, наконец, привели к установлению магометанской власти практически над всей Индией, но только для того, чтобы развалиться, как картонный домик, от прикосновения западной цивилизации. Все это, однако, написано, и написано так отчетливо, в стольких книгах, что нет необходимости здесь пересказывать.

Южная Индия.

Если сведения о древней истории северной Индии неудовлетворительны и не заслуживают доверия, то сведения о южной части полуострова по меньшей мере в десять раз более достоверны. У дравидов нет такой древней литературы, как Веды. У них нет традиций, указывающих на какое-либо происхождение их расы за пределами Индии или на то, что они мигрировали из какой-либо страны, с жителями которой они могут считать себя в родстве. Насколько им известно, они являются коренными жителями. Предельная степень, до которой простираются даже их традиции, заключается в том, что их ведущая раса царей — пандьи — ведет свое происхождение от Арджуны, одного из героев "Махабхараты". Говорят, что во время своих странствий он женился на местной принцессе, и она родила одноименного героя их расы, отсюда и их название. Это действительно правда, что они составляют длинные списки царей, которые, как они утверждают, восходят ко временам Панду. Они были исследованы покойным профессором Уилсоном в 1836 году, и он предположил, что они могут восходить к 5-му или 6-му веку до нашей эры.^[29] Но все, что с тех пор стало известно, как правило, показывает, что даже это может быть завышенной оценкой их древности. Однако, если, как полагает доктор Керн, Чода, Пада и Кералапутра из

второго эдикта Ашоки действительно представляют чолы, Пандьи, чера нового времени, то эта триархия существовала в третьем веке до н.э.; но на пути этой идентификации есть трудности, которые до сих пор не устранены. Фактически, все, что мы действительно знаем, это то, что в классические времена в стране, впоследствии известной как Пандийское королевство Мадур, существовал регион Пандионис, и было высказано предположение, что король, отправивший посольство к Августу в 27 году до н.э.^[30], был не Пором, что указывало бы на северную расу, а этим самым королем юга. Как бы то ни было, из частых упоминаний этой страны классическими авторами мы знаем, что она была, по крайней мере, достаточно цивилизованной в первые века нашей эры, чтобы вести значительную торговлю с западными странами, и, следовательно, нет ничего невероятного в том, что по крайней мере одна могущественная династия могла тогда утвердиться на юге. Если так, то эта династия, безусловно, была пандьянской. Чола и Чера стали важными государствами гораздо позже.

Когда мы обращаемся к их литературе, мы не находим ничего, что вселяло бы надежду на то, что мы сможем проникнуть в их историю глубже, чем нам удавалось до сих пор. Доктор Колдуэлл, лучший и новейший авторитет в этой области, относит старейшую работу на тамильском или любом другом южном языке к 8-9 веку нашей эры,^[31] и ее даже тогда вряд ли можно назвать родной, поскольку она, несомненно, принадлежит джайнам, которые, несомненно, являются северной сектой. Согласно тому же авторитету, она была заменена вайшнавской литературой примерно 12 или 13 века, и это снова уступило место одной из шиваитских тенденций относительно последней даты. На юге нет никаких следов буддийской литературы и, следовательно, ничего такого, что позволило бы нам связать историю юга с достаточно хорошо установленной хронологией Цейлона или Северной Индии, и я также не знаю о существовании каких-либо древних буддийских памятников на юге, которые помогли бы нам в решении этой проблемы.^[32]

Поскольку дравиды не проезжали через Бактрию и не контактировали с какими-либо людьми, делающими или использующими монеты, у них нет своих собственных, и, следовательно, этот источник информации недоступен. Какие бы клады древних монет ни были найдены в Мадрасском президентстве, они были чисто римского происхождения, привезены туда с целью торговли и захоронены, чтобы защитить их от разграбления.

Надписи, которые буквально бесчисленны по всему Президентству, являются единственным источником, из которого мы можем надеяться, что новый свет может быть пролит на историю страны, но ни одна из тех, что до сих пор были обнаружены, не восходит к 5-му или 6-му веку, и неясно, могут ли быть найдены более ранние.^[33] Во всяком случае, это самая обнадеживающая область, которая открыта будущим исследователям в этих темных областях. Однако нет ничего, что заставило бы нас ожидать найти какие-либо надписи на тамильском или туземном языке в стране, простирающейся так далеко, назад, в эпоху Константина. Те, что находятся на равнинах в Махавеллипоре или в пещерах в Бадами, которые могут быть такими же древними, как эпоха Юстиниана, написаны на санскрите и, следовательно, выглядят скорее как свидетельство продвижения северных рас на юг, чем как свидетельство того, что южные расы распространились на север или были достаточно развиты в цивилизации, чтобы воздвигнуть для себя памятники, на которых найдены эти надписи.

Изучая архитектуру юга, мы приходим к точно таким же выводам относительно древности дравидийской цивилизации, к которым доктор Колдуэлл пришел на основе изучения их литературы. Единственный важный буддийский памятник, пока обнаруженный в Президентстве, находится в Амравати, на Кистне,^[34] но это явное иностранное вторжение. Это была колония или поселение, основанное северными буддистами в порту отправления на Яву и их восточных поселениях или поблизости от них. Высеченные в скале храмы в Махавеллипоре и Бадами, по-видимому, являются творениями северных индусов, продвинувшихся на юг в 5 или 6 веке и выгравировавших свидетельства своей религии на нетленной скале. Насколько пока известно, не было обнаружено ни одного местного храма, построенного каким-либо местным королем, или с надписями на каком-либо южном языке, дату которого можно было бы отнести более чем к 8 веку. С того времени их строительная деятельность была огромной. Кульминацией стиля стали 16-17 века, чтобы погибнуть в 18 веке под влиянием иностранного и несимпатичного захватчика. Однако ни в коем случае не исключено, что будущие исследования позволят нам заполнить хотя бы часть разрыва, существующего между 5-м и 8-м веками. Возможно, существуют еще неописанные здания, которые старше всех известных нам сейчас. Но если они действительно переносят нас обратно в 5 век, что больше, чем можно разумно ожидать, они все еще отстают на семь или восемь столетий от того, что, как мы точно знаем, существовало на севере. Там, безусловно, есть здания и пещеры, восходящие к 250 году до н.э., и ни в коем случае не кажется невозможным, что с помощью скульптур, монет, надписей и письменных документов мы, возможно, когда-нибудь сможем перебросить мост через пропасть, существующую между

смертью Будды и воцарением Маурьев. Другими словами, исторические материалы Севера Индии переносят нас с той же относительной степенью достоверности более чем на тысячу лет назад, чем материалы, найденные на юге, позволяющие нам проследить ее историю или искусство.

Когда история юга приобретает нечто похожее на последовательность, она принимает форму триархии малых государств. Старейшее и самое важное королевство Мадур, названное так в честь Муттры на Джамне, было также самым цивилизованным и дольше всех просуществовало как единое и независимое королевство.

Чола пришли к власти на берегах Кавери и к северу от него примерно в 1000 году, хотя, без сомнения, они существовали как небольшое государство около Конджеверама за несколько столетий до этого времени. Третья, чера, была расположена в южной части Майсура и, вероятно, простиралась до побережья еще в 4 или 5 веке, постепенно продвигаясь на север, и стала настолько могущественной, что есть основания полагать, что в темные века севера (с 750 по 950 год) их власть распространилась на Нербудду, и, возможно, именно им мы обязаны Киласом и другими раскопками в Эллоре, возведенными в южном стиле примерно в то время. Однако они были вытеснены, сначала чолами, около А.Д., и, наконец, их затмила хойсала Беллала, примерно столетие спустя. Эти последние стали верховной властью на юге, пока их столица — Хулабид — не была взята, а их династия уничтожена магометанами в 1310 году.

С появлением на сцене магометан трудности индийской хронологии исчезают как на юге, так и на севере. С этого времени история Индии содержится в таких произведениях, как те, что написаны Фериштой или Абул Фазлом, и была обобщена в многочисленных работах почти на всех европейских языках. Следует признать, что все еще существуют небольшие расхождения и трудности в отношении последовательности некоторых событий в истории местных княжеств. Они, однако, не настолько важны, чтобы повлиять, а тем более опровергнуть любые рассуждения, которые могут быть выдвинуты относительно истории или сходства каких-либо зданий, и это тот класс доказательств, который в основном касается того, что написано на следующих страницах.

СКУЛЬПТУРЫ.

Чтобы сделать тему, рассматриваемую на следующих страницах, достаточно полной, ей, без сомнения, должно предшествовать введение, описывающее сначала скульптуру, а затем мифологию индусов в той мере, в какой они нам в настоящее время известны. На самом деле, мало найдется работ, связанных с этой темой, которые были бы более востребованы в наши дни, чем хороший трактат на эти темы. Когда майор Мур опубликовал 'Индуистский пантеон' в 1810 году, тема была сравнительно новой, и в нашей стране не существовало материалов для полной и удовлетворительной иллюстрации ее во всех ее разделах. Когда в 1832 году Коулман опубликовал свою "Мифологию индусов", более поздние исследования Коулбрука и Уилсона позволили ему значительно улучшить текст, но его иллюстрации сильно уступают иллюстрациям его предшественника. Мур выбирал свои работы из бронзы или мрамора, которые имелись в наших музеях. Работы Коулмана обычно брались с современных рисунков или безвкусных гипсовых изображений, сделанных для Дурга пуджи бенгальских бабу. С помощью фотографии любой, кто сейчас пытается выполнить эту задачу, смог бы отобрать совершенно аутентичные образцы из индуистских храмов лучшей эпохи. Если бы это было сделано разумно, а образцы тщательно выгравированы, это не только дало бы более удовлетворительную иллюстрацию мифологии индусов, чем та, которая до сих пор была представлена публике, но и могло бы стать историей искусства скульптуры в Индии во все известные нам эпохи. Однако сомнительно, что такая работа могла бы быть успешно проведена в нашей стране в настоящее время. Существующие фотографии различных божеств, как правило, были сделаны с изображением их только в том виде, в каком они появляются в качестве украшений храмов, без особого упоминания их мифологического характера. Их достаточно, чтобы показать, что задумал скульптор, но не настолько подробно, чтобы можно было отчетливо разглядеть все их эмблемы или характеристики. Чтобы быть

удовлетворительными в качестве иллюстраций мифологии, необходимо, чтобы все эти моменты были четко изложены. В то же время следует опасаться, что вряд ли найдется кто-либо в этой стране, настолько знакомый со всеми деталями эмблем и символов, чтобы быть способным передать точное значение всего, что на них изображено. Потребовалась бы помощь какого-нибудь пандита, воспитанного в вере и знакомого со значением всех эмблем, чтобы донести до других истинное значение этих бесчисленных резных изображений. В Индии этого можно было бы легко достичь, и, следовательно, есть надежда, что вскоре там это будет предпринято.

По самой своей природе очевидно, что скульптура вряд ли когда-либо может быть столь же важна, как архитектура, как иллюстрация прогресса искусств или родства народов. Привязанная к воспроизведению неизменной человеческой фигуры, скульптура вряд ли допускает такое же разнообразие или такое же развитие, как такое искусство, как архитектура, задачей которого является удовлетворение всех разнообразных потребностей человечества и выражение разнообразных устремлений человеческого разума. Тем не менее, у скульптуры есть история, которая порой может передать ее смысл со значительной отчетливостью. Никто, например, не может взять такую книгу, как у Чиконьяры, [\[35\]](#) и проследить постепенное развитие искусства, как он его описывает, от первых грубых рисунков византийской школы до возвращения в наши дни к механическому совершенству древнегреческого искусства, хотя и без его облагораживающего духа, и не почувствовать, что перед ним довольно отчетливая иллюстрация прогресса человеческого разума в тот период. Скульптура в Индии может справедливо претендовать на то, чтобы встать в один ряд по силе выражения со средневековой скульптурой в Европе и с равной отчетливостью рассказывать о своем расцвете и упадке; но она также интересна тем, что обладает той любопытной индийской особенностью, что пишется в упадке. История, которую рассказывает Чиконьяра, - это история неуклонного продвижения к более высоким целям и лучшему исполнению. Индийская история - это история обратного упадка, начиная со скульптур топесов Бхархут и Амравати и заканчивая иллюстрациями к "Индуистской мифологии" Коулмана.

Когда индуистская скульптура впервые предстает перед нами на рельсах в Буддх-Гайе и Бхархуте, 200-250 гг. до н.э., она совершенно оригинальна, абсолютно без следа иностранного влияния, но вполне способна выражать свои идеи и рассказывать свою историю с отчетливостью, которая никогда не была превзойдена, по крайней мере, в Индии. Некоторые животные, такие как слоны, олени и обезьяны, представлены здесь лучше, чем в любых скульптурах, известных в любой части мира; то же самое можно сказать и о некоторых деревьях, а архитектурные детали вырезаны с элегантностью и точностью, которые вызывают восхищение. Человеческие фигуры тоже, хотя и сильно отличаются от наших стандартов красоты и грации, верны природе и, будучи сгруппированы вместе, выражают задуманное действие с исключительным блаженством. Для такого честного вида искусства, как искусство прерафаэлитов, вероятно, нигде нельзя найти ничего лучше.

Искусство, безусловно, пришло в упадок, когда в первом веке христианской эры были выполнены ворота в Санчи. Возможно, тогда они немного выиграли в широте обращения, но оно, безусловно, сильно потеряло в деликатности и точности. Однако затем его нисходящий прогресс был остановлен, по-видимому, возникновением на крайнем северо-западе Индии школы скульптуры, прочно пропитанной традициями классического искусства. Пока не ясно, возникло ли это благодаря художественной школе, насажденной на этой земле бактрийскими греками, или же оно поддерживалось благодаря прямым связям с Римом и Византией в первые века христианской эры. Вероятно, обе причины действовали одновременно, и однажды мы, возможно, сможем различить, что связано с каждой из них. На данный момент достаточно знать, что квазиклассическая школа скульптуры действительно существовала в Пенджабе и к западу от Инда в течение первых пяти веков после Рождества Христова, и вряд ли она могла процветать там так долго, если бы ее присутствие не ощущалось в Индии.

Его влияние, безусловно, было очевидно в Амравати в IV и V веках, где была развита школа скульптуры, вобравшая в себя особенности как Центральной Индии, так и запада. Хотя это может в некоторых отношениях уступать любому из родительских стилей, степень совершенства, достигнутого искусством скульптуры в Амравати, вероятно, можно рассматривать как кульминационную точку, достигнутую этим искусством в Индии.

Когда мы снова встречаем его в ранних индуистских храмах и более поздних буддийских пещерах, оно утратило большую часть своих высших эстетических и фонетических качеств и часто прибегает к таким приемам, как придание достоинства главным персонажам, увеличивая их вдвое по сравнению с менее важными персонажами, и для отличия богов от людей, наделяя их большим количеством голов и рук, чем смертный человек может использовать или понять.

Следует признать, что все это развивается со значительной энергией и богатством воздействия в храмах Ориссы и Майсура вплоть до 13-14 века. После этого на севере это было остановлено присутствием мусульман; но на юге некоторые из самых замечательных групп и статуй — а они очень примечательны — были выполнены после этого времени и продолжали выполняться в значительном совершенстве вплоть до середины прошлого века.

Как мы увидим в дальнейшем, архитектурное искусство продолжает практиковаться со значительным успехом в частях Индии, удаленных от европейского влияния; настолько, что требуется опытный глаз, чтобы отличить новое от старого. Но в тот момент, когда появляются какие-либо фигуры, особенно если они в действии, иллюзия исчезает. Тогда ошибка невозможна, ибо самый настоящий новичок может увидеть, как болезненно низко пало искусство скульптуры. Если бы не это, некоторые из современных храмов Гуджерата и Центральной Индии были бы достойны того, чтобы встать в один ряд с храмами прошлых веков; но их росписи и скульптурные украшения вызывают только чувство смущения и приводят в отчаяние от того, что истинное искусство когда-либо снова возродится на Востоке.

Для тех, кто знаком с принципами, на которых практикуются эти искусства, причина такого различия достаточно очевидна. Архитектура является техническим искусством, ее формы могут передаваться традиционно, а ее принципы применяться на практике почти механически. Однако высшие фонетические искусства, такие как скульптура и живопись, не допускают такой механической обработки. Они требуют индивидуального совершенства и более высокого уровня интеллектуальной выразительности, чтобы обеспечить свое успешное развитие. Архитектура, следовательно, может сохраниться на фоне значительного политического упадка; но, как и литература, фонетические искусства могут успешно культивироваться только там, где преобладает более высокий моральный и интеллектуальный уровень, чем, как опасаются, в настоящее время в Индии.

Мифология.

Всякий раз, когда кто-либо всерьез возьмется за написание истории скульптуры в Индии, он обнаружит изобилие материалов и отнюдь не трудность следовать последовательности; но в отношении мифологии дело обстоит иначе. Нельзя, однако, сказать, что материалов недостаточно и для этой области исследования; но они носят гораздо менее осязаемый или удовлетворительный характер и стали настолько запутанными, что чрезвычайно трудно получить какие-либо четкие представления относительно них; и следует опасаться, что они должны оставаться такими до тех пор, пока те, кто исследует этот предмет, не снизойдут до изучения архитектуры и скульптуры страны, а также ее книг. Последние содержат много информации, но они не содержат всей доступной информации по данному вопросу, и они требуют подтверждения тем, что построено или вырезано, что само по себе может придать точность и содержательность написанному.

Большая часть путаницы идей, которая преобладает по этому вопросу, без сомнения, проистекает из преувеличенного значения, которое в последние годы вошло в моду приписывать Ведам как объясняющим все, что связано с мифологией индусов. Действительно, было бы

невозможно переоценить ценность этих трудов с филологической или этнологической точки зрения. Их открытие и разработка произвели революцию в наших представлениях о миграциях рас в отдаленные века древности и установили принадлежность арийских рас на основе, которая кажется абсолютно неопровержимой; но нельзя слишком сильно настаивать на том, что арийцы - это раса чужаков в Индии, отличная от самого индийского народа. Возможно, как указывалось выше, они пришли в Индию примерно за три тысячи лет до Рождества Христова и, возможно, сохраняли свою чистоту крови и веры в течение двух тысяч лет; но с началом политической Кали—Юга - или, говоря более корректно, во время событий, подробно описанных в "Махабхарате", скажем, за 1200 лет до н.э. — они утратили многое из того и другого; в то время как каждая последующая волна иммиграции, пересекавшая Инд в течение последних трех тысяч лет, подрывала чистоту их расы. По этой причине и из—за их смешения с аборигенами, вероятно, можно с уверенностью утверждать, что в настоящее время среди нынешнего населения Индии нет пяти процентов — возможно, и одного - чистокровных арийцев, и, следовательно, религия Вед не составляет одной двадцатой части современной религии народа.

Хотя это может быть абсолютно так, не следует упускать из виду, что есть несколько вещей, более замечательных, имеющих отношение к этому предмету, чем необычайное интеллектуальное превосходство ариев над дасью, или как бы мы ни называли народ, который они обнаружили в Индии, когда вошли в нее. Этого превосходства было достаточно, чтобы позволить им подчинить страну, хотя они, вероятно, бесконечно уступали по численности покоренному народу, и удерживать его в подчинении на долгие века. Даже сейчас, когда чистота их крови настолько ослабла, что они почти затерялись среди людей, их интеллект, запечатленный в их трудах, оставил свой отпечаток в каждом уголке страны, и к нему все еще обращаются как к откровению воли Бога человеку.

Однако в данной работе нам предстоит очень мало работы с Ведами. Поклонение, которое они предвещают, относится к классу слишком чисто интеллектуальных, чтобы требовать помощи каменщика и резчика для его выражения. Поклонение арийцев было обращено к солнцу и луне. Небесный свод и все его воинство; несущее дождь облако; предвещающий рассвет; все, что было прекрасного в небесах или благодетельного на земле, воспевалось ими в гимнах возвышенной хвалы и выражалось в терминах благоговения или нежности, когда страх или надежда преобладали в груди поклоняющегося.^[36] Если бы это продолжалось еще некоторое время, объекты, которым поклонялись арийцы в Индии, могли бы стать богами, подобными богам Греции и Рима, наделенными всеми чувствами и всеми недостатками человечества. В Индии все было иначе; божества были свергнуты с трона, но никогда не унижались. В ведические времена, насколько известно в настоящее время, нет и следа того, чтобы Индра или Варуна, Агни или Ушас были представлены в дереве или камне, или чтобы им требовались дома или храмы для укрытия. Действительно, ласковые слова, с которыми к ним обращаются, часто подобны тем, которые смертные используют, говоря друг о друге; но как иначе человек может выразить свое чувство любви или страха или обратиться со своей мольбой к существу, чьей помощи он просит?

Великая красота Веды в том, что она останавливается незадолго до того, как силы природы становятся ничтожными в человеческих формах, и когда каждый человек остается независимым сам по себе и стремится через вмешательство всего великого и славного на земле или в небесах приблизиться к великому духу, который находится за пределами и выше всего сотворенного.

Если бы арийцы когда-либо составляли численное большинство в Индии и, следовательно, были способны сохранять свою кровь и касту в сносной чистоте, религия Индии никогда не смогла бы пасть так низко, как это произошло, хотя она могла бы упасть ниже уровня Вед. Что действительно разрушало это, так это то, что каждая последующая иммиграция менее чистых арийских или туранских рас делала их численное большинство относительно все меньшим и меньше, в то время как их неизбежное влияние настолько воспитывало подчиненные расы, что делало их моральное большинство еще менее важным. Эти процессы продолжались неуклонно и

непрерывно, пока во времена Будды местные религии не сравнялись с арийскими, а затем на некоторое время затмили их. В конечном счете Веды были спасены от абсолютного уничтожения только в Индии, благодаря тому, что были внедрены в вайшнавские и шиваитские суеверия, где их неодоушевленные формы все еще можно распознать, но они болезненно деградировали с их первобытной высоты.

Когда мы отворачиваемся от Вед и пытаемся исследовать происхождение тех религий, которые сначала противостояли Ведам, а затем поглотили их в своих мерзостях, мы обнаруживаем, что наши средства информации болезненно скудны и неудовлетворительны. Как выяснится в дальнейшем, все, что было написано в Индии и что стоит прочитать, было написано арийцами; все, что было построено, было построено туранцами, которые практически ничего не написали. Но известные здания относятся только к 3 веку до н.э., в то время как книги написаны на десять веков раньше, или, возможно, даже больше, в то время как, как и следовало ожидать, гордые арийцы лишь случайно и в самых презрительных выражениях упоминают презренных Дасью или свою религию. Следовательно, то, что мы практически знаем о них, - это немногим больше, чем выводы, сделанные на основе результатов и того, что мы сейчас наблюдаем в Индии.

Несмотря на признанное несовершенство материалов, кажется, с каждым днем становится все более очевидным, что у нас на севере Индии существует одна большая группа местных или, по крайней мере, туранских религий, которые мы знаем по их последнему развитию как буддийские, джайнские и яишнавские религии. Первое из названных нам известно только в том виде, в каком его проповедовал Сахья Муни перед своей смертью в 543 г. до н.э., но никто, я полагаю, не предполагает, что он был первым, кто изобрел эту форму веры, или что она не была основана на каких-то предыдущих формах. Сами буддисты, согласно кратчайшему подсчету, признают существование четырех предшествующих Будд — согласно более обычным представлениям, двадцати четырех. Каждому из них отведено место, где он родился, а когда он умер, записано имя отца и матери, а также название дерева Бодхи, под сенью которого он достиг Состояния Будды. Даты, присвоенные каждому из них, по-детски сказочны, но, кажется, нет причин сомневаться в том, что они могли быть реальными персонажами, и их даты восходят к очень отдаленной древности.^[37]

Джайны подобным же образом утверждают о существовании двадцати четырех Тиртханкаров, включая Махавиру последнего. Места их рождения и смерти одинаково записаны, все они находятся в северной Индии, и хотя о них больше мало что известно, они тоже могли существовать. Сериал заканчивается рассказом о Махавире, который был современником — некоторые говорят, наставником — Сахья Муни.

Серия вайшнавов короче, состоит всего из девяти Аватар, но и она замыкается в то же время, сам Будда является девятым и последним. Его пятая Аватара возвращает нас к Раме, который, если наша хронология верна, возможно, жил в 2000 году до н.э.; четвертая - Нарасинха, или человек-лев, — указывает на время, когда арийцы вошли в Индию. Три первых касаются сотворения мира и событий, предшествовавших появлению человека на земле. В этом отношении список вайшнавов отличается от двух других. Они лишь повествуют о существовании людей, которые достигли величия, практикуя добродетель, и бессмертия, обучая человека путям Божьим. Вайшnavы принесли Бога на землю, чтобы смешивать и вмешиваться в мирские дела таким образом, который никогда не снился ни арийцам, ни буддистам, и таким образом низвели более чистую религию Индии до чудовищной системы идолопоклонства, которая сейчас преобладает в этой стране.

Насколько мне известно, не было предпринято никаких попыток объяснить происхождение религии шиваитов или даже установить, было ли это чисто местным суеверием или оно было завезено из-за границы. Самое раннее достоверное письменное упоминание об этом, по-видимому, принадлежит послу Индии в Бардасанесе (г.н.э. 218, 222), который описал пещеру на севере Индии, в которой находилось изображение бога, получеловека-полуженщины.^[38] Это, без сомнения, ардханарийская форма Шивы, столь знакомая впоследствии в Элефанте и во всех частях Индии.

Самые ранние выгравированные изображения этого бога, по-видимому, находятся на монетах Кадфисеса (80-100 гг. до н.э. [\[39\]](#)), где фигура с трезубцем и Быком, безусловно, является прообразом главного персонажа этой религии. Однако, как ни странно, его или ее всегда сопровождает буддийская эмблема трисул, как будто король или, по крайней мере, его подданные одновременно исповедовали обе религии. Помимо всего этого, теперь кажется достаточно достоверным, что практика наделения богов бесконечным числом конечностей получила более раннее и, несомненно, большее развитие в Тибете и трансгималайских странах, чем в Индии, и что самые дикие тантрические формы Дурги более распространены и развиты в Непале и Тибете, чем даже в самой Индии. Если это так, то, судя по имеющимся сейчас доказательствам, кажется довольно очевидным, что шиваизм - это северное суеверие, завезенное в Индию юэчи или некоторыми из северных орд, которые мигрировали в Индию либо непосредственно перед христианской эрой, либо в первые столетия после нее.

Поначалу кажется, что она не достигла большого прогресса в долине Ганга, где земли были заняты группой вайшнавов, но была широко принята в Раджпутане, особенно среди джатов, которые почти наверняка были потомками Белых гуннов или эфталитов, и, по-видимому, также была рано перенесена на юг брахманами, когда они взялись обучать дравидов религии Пуран. Содержание Вед, по-видимому, никогда не было известно на юге, и только после того, как Веды были вытеснены новой системой, брахманическая религия была введена среди южан. Следует опасаться, что также совершенно верно, что до сих пор не было предпринято попыток установить, какой была религия дравидов до того, как северные брахманы побудили их принять джайнскую, вайшнавскую или шайвитскую формы веры. Вполне возможно, что среди Панду Колис и других форм "Грубых каменных памятников", которые встречаются повсюду на юге, мы можем найти ископаемые остатки старой дравидийской веры до того, как они приняли веру индусов. Эти памятники, однако, не были исследованы с той тщательностью, которая необходима для решения подобной проблемы, и пока это не будет сделано, мы должны довольствоваться своим невежеством. [\[40\]](#)

На севере нам повезло несколько больше, и теперь известно достаточно, чтобы прояснить, что, как только исследователи смогут согласиться отбросить личную зависть и серьезно взяться за решение задачи, мы, возможно, узнаем достаточно, чтобы сделать общий план по крайней мере сносно ясным. Когда я впервые опубликовал свою работу о 'Поклонении дереву и змее' семь лет назад, никто не подозревал, по крайней мере, никто не намекал печатно, что такая форма религии существует в Бенгалии. Однако с тех пор на эту тему было написано так много, и доказательство за доказательством накапливалось с такой быстротой, что теперь мало у кого хватит смелости отрицать, что в древности в Индии поклонялись деревьям и что действительно существовал народ нага, особенно на северо-западе, который питал странное почтение к змеям. Возможно, в настоящее время утверждать, что ни один человек не стал буддистом, если ранее не поклонялся змеям, было бы слишком смелым обобщением, но это, безусловно, ближе к истине, чем кажется на первый взгляд. Во всяком случае, совершенно очевидно, что в основе буддизма мы повсюду находим свидетельства поклонения Деревьям и змеям. Иногда это может быть подавлено и затемнено, но в других случаях это всплывает снова, и в определенной степени поклонение Дереву и Змее в определенное время и в определенных местах почти вытесняет поклонение самому основателю религии.

Пяти-, или семиглавый, или тысячеглавый Наг повсюду присутствует в храмах джайнов и пронизывает всю религию вайшнавов. В великом акте творения Нага играет главную роль во вспенивании океана, и почти в каждом изображении Вишну он появляется либо как поддерживающий и наблюдающий за ним, либо как выполняющий какую-то вспомогательную роль в этой сцене. Фактически, именно нага связывает воедино и придает единство этой великой группе религий, и именно наличие поклонения дереву и Змее, лежащего в основе буддизма, джайнизма и вишнуизма, кажется, почти неопровержимо доказывает, что на севере Индии существовал народ, называем ли мы его дасью, нишадхами или любым другим именем, который

поклонялся Дереву и Змее, прежде чем принял какую-либо из индуистских форм веры. Ничто не может быть более враждебным мыслям и чувствам любой арийской расы, чем такие формы богослужения, и нет ничего более полностью антиведического, чем их обряды. Похоже, это также не имеет никакого отношения к шиваизму.^[41] Также нет никаких следов этого среди дравидов. На самом деле, кажется, что разрешить эту загадку невозможно, кроме как предположить, что это было суеверие аборигенов севера Индии, и именно обращение людей, которым оно принадлежало, породило ту триархию религий, которые сменяли друг друга на севере в течение последних двух тысяч лет.

У такого решения проблемы есть еще одно преимущество, заключающееся в том, что оно сразу же ясно объясняет то, о чем филология лишь смутно догадывается, хотя вся ее тенденция сейчас, по-видимому, движется в том же направлении. Если этот взгляд на мифологию верен, то представляется несомненным, что на севере Индии, до прихода ариев, существовал народ, который был полностью связан с тибетцами, бирманцами, сиамцами и другими трансгималайскими народами и который определенно не был драмидами, хотя, возможно, был тесно связан по крайней мере с одной группой жителей Цейлона.

Обе доарийские расы Индии принадлежали, конечно, к туранской группе; но мое нынешнее впечатление, как указывалось выше, таково, что дравиды принадлежат к той ветви великой изначальной семьи человечества, которая была развита в Месопотамии и странах к западу от Каспия. Дасью, напротив, имеют все свои сходства с теми, кто живет к востоку от этого моря, и, следовательно, их можно было бы назвать западными и восточными, или скифскими и монгольскими туранцами. Такое разграничение, безусловно, лучше отражало бы наши нынешние знания о предмете, чем рассмотрение всего в целом как одной семьи, что слишком часто имеет место в наши дни.

Однако это спекуляции, которые вряд ли допускают доказательства при нынешнем состоянии наших знаний и, следовательно, были бы здесь совершенно неуместны, если бы не то, что какая-то подобная теория не кажется необходимой для объяснения феноменов архитектурной истории Индии. Культура севера настолько существенно отличается от культуры юга, что они никак не могут принадлежать одному и тому же народу. Ни один из них определенно не является арийским; и если мы не признаем, что две части страны были населены людьми, существенно отличающимися по крови, хотя все еще принадлежащими к строительным расам человечества, мы, вероятно, не сможем понять, как они всегда практиковали и используют в настоящее время стили, столь существенно отличающиеся. До тех пор, пока эти различные этнографические и мифологические проблемы не будут поняты и оценены по достоинству, стили архитектуры в Индии кажутся хаосом без цели и смысла. Однако, как только они осознаются и применяются, их история приобретает достоинство и важность, гораздо большие, чем из-за каких-либо чисто эстетических достоинств, которыми они могут обладать. Однако даже это во многих отношениях примечательно и в сочетании с научной ценностью стилей, по-видимому, делает их такими же достойными изучения, как и у любого другого народа, с искусством которого мы знакомы.

СТАТИСТИКА.

Было бы очень важно внести ясность в то, что следует далее, если бы было возможно составить какие-либо статистические таблицы, которые представляли бы с какой-либо точностью способ распределения населения Индии либо в отношении их религиозных верований, либо в отношении их этнографических связей. Поздняя перепись 1871-72 годов предоставила массу нового материала для этой цели, но информация распределена по пяти фолиантам таким образом, что чрезвычайно сложно абстрагировать то, что требуется, чтобы сделать это понятным для широкого читателя. Однако даже если бы это было сделано, результат вряд ли был бы удовлетворительным по нескольким причинам. Во-первых, перепись - это первая попытка, и трудность сбора и систематизации такой массы новых материалов была задачей чрезвычайной

сложности. Однако вина за любые недостатки лежит скорее на перечисленных, чем на счетчиках. Мало кто из местных жителей знает что-либо об этнографии или может дать внятный ответ относительно своей расы или происхождения; и даже в отношении религии их представления столь же туманны. Возьмем, к примеру, таблицу на странице 93 Бомбейского отчета. Составители там делят индусов того Президентства на три класса: —

3,465,349 шиваитов.

1,419,233 вайшнавов.

8,029,989 Смешанных.

12,914,571

Смешанный класс они продолжают определять как “всех, кто просто поклоняется какому-либо богу или богине, ничего не зная о теологии” — описание, которое, вероятно, с равной степенью достоверности применимо к двум третям индуистского населения других президентств. Высшие и образованные классы знают теперь, к какой секте они принадлежат, и секты обозначены так отчетливо, что не допускают сомнений; но даже это не было так ясно в прежние дни.

Однако большим недостатком переписи является то, что она не включает население коренных штатов, оцениваемое в 46 245 000 человек, или пятую часть всего населения Индии; и, хотя было бы справедливо предположить, что пропорции рас и их верований такие же, как в соседних штатах, находящихся под британским правлением, это всего лишь предположение, и как таковое должно сводить на нет любые попытки точности в заявлениях относительно всей Индии.

Несмотря на эти трудности или недостатки, здесь может быть полезно указать, что население всей Индии — за исключением, конечно, британской Бирмы - согласно последней переписи, составляло 235 000 000 душ. Из них около 7-10—х или, точнее, 15-20-х, или 175 000 000, принадлежали к различным ветвям индуистской религии; более 1/5-х или 4-20-х, или 50 000 000, исповедовали магометанскую веру; а оставшаяся 1/20-я состояла в основном из нецивилизованных горных племен и различных второстепенных сект, которые нельзя правильно отнести к последователям Шивы и Вишну. В эту последнюю группу из 11 000 000 человек входят джайны и христиане, которые, хотя и обладают таким влиянием благодаря своему богатству или интеллекту, численно составляют лишь очень малую часть всего населения.

Таблицы переписи, к сожалению, предоставляют нам очень мало удовлетворительной информации о расовом распределении населения. Из нового издания "Грамматики дравидийского языка" Колдуэлла мы узнаем, что более 45 000 000 человек являются дравидийцами или говорят на тамильском или родственном этому диалекту языках.^[42] Это может быть несколько завышенной оценкой, но, принимая ее как есть, на нее приходится лишь 1/5 населения; а что мы можем сказать относительно остальных 4-5, или 190 000 000 душ? Четыре или пять миллионов могут быть отнесены, с одной стороны, к колесам, бхилам, сонталам, нагам и т. Д. — горным племенам различных классов, родство которых еще никоим образом не установлено, но чьи этнические отношения имеют очень незначительное значение по сравнению с теми, что остались у 185 000 000 человек.

Поскольку перепись оставляет нас в полном неведении по этому вопросу, предположим, мы предположим, что половина, или 90 000 000 больше или меньше, жителей северной Индии являются потомками коренных жителей страны — дасью, Нишадхов, или как мы их там называем. Давайте далее разделим оставшиеся 90 000 000 человек на три части и предположим, что одна треть - прямые потомки ариев, вторгшихся в Индию до времен Будды; одна треть - потомки яванов, саков, гуннов и других скифских племен, которые пересекли Инд между христианской эрой и временем магометанского вторжения; и что остальные - это мусульманские расы или их потомки, которые вторглись в Индию за последние 800 лет. Такая схема может почти соответствовать фактам дела, но, по-видимому, она почти наверняка преувеличивает важность иностранного иммигрантского элемента. Если взять, к примеру, последнее, о котором мы знаем

больше всего, то кажется маловероятным, что со времен Махмуда Гузни такое количество племен, исповедующих магометанскую религию, могло проникнуть в Индию, чтобы иметь возможность произвести на свет население в 30 000 000 душ, даже если предположить, что они привезли с собой своих женщин — чего они, конечно, не делали, за исключением самых исключительных случаев. Два или три миллиона воинов, возможно, пересекли Инд за это время и поселились в Индии, и, женившись на местных женщинах, могли иметь многочисленное потомство; но тридцать миллионов — это огромное население по прямому происхождению, особенно если учесть, что мы знаем, сколько мусульман Индии было набрано из рабов, купленных и воспитанных в вере их хозяев. Особенно в Бенгалии, где их больше всего, это чистые и незатейливые бенгальцы, многие, возможно, большинство из которых приняли эту веру совсем недавно по мотивам, которые нетрудно понять или объяснить. Хотя, следовательно, в настоящее время в Индии может насчитываться 50 000 000 мусульман, мы можем быть совершенно уверены, что не половина из этого числа являются иммигрантами или потомками эмигрантов, прибывших в Индию за последние восемь столетий.

То же самое, вероятно, верно и в отношении туранских рас, которые пришли в Индию в первые десять веков после нашей эры. Крайне маловероятно, что они были достаточно многочисленны, чтобы стать прародителями тридцати миллионов человек, и, если это было так, матери в девяти случаях из десяти, скорее всего, были уроженками Индии.

Об арийцах мы знаем меньше; но, если такое большое число, как тридцать миллионов, может проследить что-либо похожее на прямое происхождение от них в наши дни, количество чистой арийской крови в их жилах должно быть бесконечно малым. Но, хотя их кровь может быть разбавлена, влияние их интеллекта остается настолько сильным на все институты страны, что, даже если бы они полностью исчезли, их прежнее присутствие все еще является элементом первостепенной важности в этнических отношениях страны.

Другая перепись, возможно, позволит нам говорить с большей точностью об этих различных подразделениях массы народа Индостана, но пока что элемент, который кажется наиболее важным, хотя и наименее исследованным до сих пор, — это распространенность аборигенной расы. До сих пор это настолько упускалось из виду, что оценка в девяносто миллионов может показаться многим преувеличением. Его интеллектуальная неполноценность удерживала его на заднем плане, но его присутствие повсюду кажется мне единственным средством объяснить большинство явлений, с которыми мы сталкиваемся постоянно, особенно тех, которые связаны с историей архитектуры страны. За исключением некоторых гипотез, подобных только что изложенной, я не знаю, как нам объяснить присутствие определенных местных форм зданий, которые мы находим на севере, или постоянство, с которым они сохранялись.

Когда от этих чисто этнографических рассуждений мы переходим к вопросу о том, насколько совпадают религия и раса, у нас остается еще меньше информации надежного характера. Как правило, дравиды — это шайвы, причем шайвы в точной пропорции к чистоте своей крови. Другими словами, на крайнем юге Индии они составляют подавляющее большинство. В Танджоре последователей Вишну 7 к 1; в Мадуре 5 к 1; в Тричинополи 4 к 1; и в Салеме, и вообще на юге, 2 к 1;^[43] но по мере продвижения на север они становятся равными, и в некоторых северных округах президентства Мадрас пропорции меняются на противоположные.

В Бенгалии и везде, где когда-то господствовал буддизм, вайшнавские секты, как и следовало ожидать, самые многочисленные. В самом деле, если бы не то, что столь значительная часть нынешней индуистской религии была импортирована на юг и была преподана дравидам брахманами с севера, было бы трудно понять, как вайшнавская религия вообще пустила корни там, где сам буддизм существовал лишь в незначительной степени, и где он тоже был импортирован. Если, однако, правильно предположить, что шиваизм возник к северу от Гималаев, среди татарских племен этих регионов, то нетрудно понять его присутствие в Бенгалии в той степени, в какой он там преобладает. Но, с другой стороны, ничто не может быть более

естественным, чем то, что аборигенный народ нага, поклонявшийся деревьям и змеям, стал буддистами, как буддизм понимался изначально, и, будучи буддистами, скатился вниз, к искажениям нынешней вайшнавской формы веры, которая, по общему признанию, является самой модной и наиболее распространенной на севере Индии.

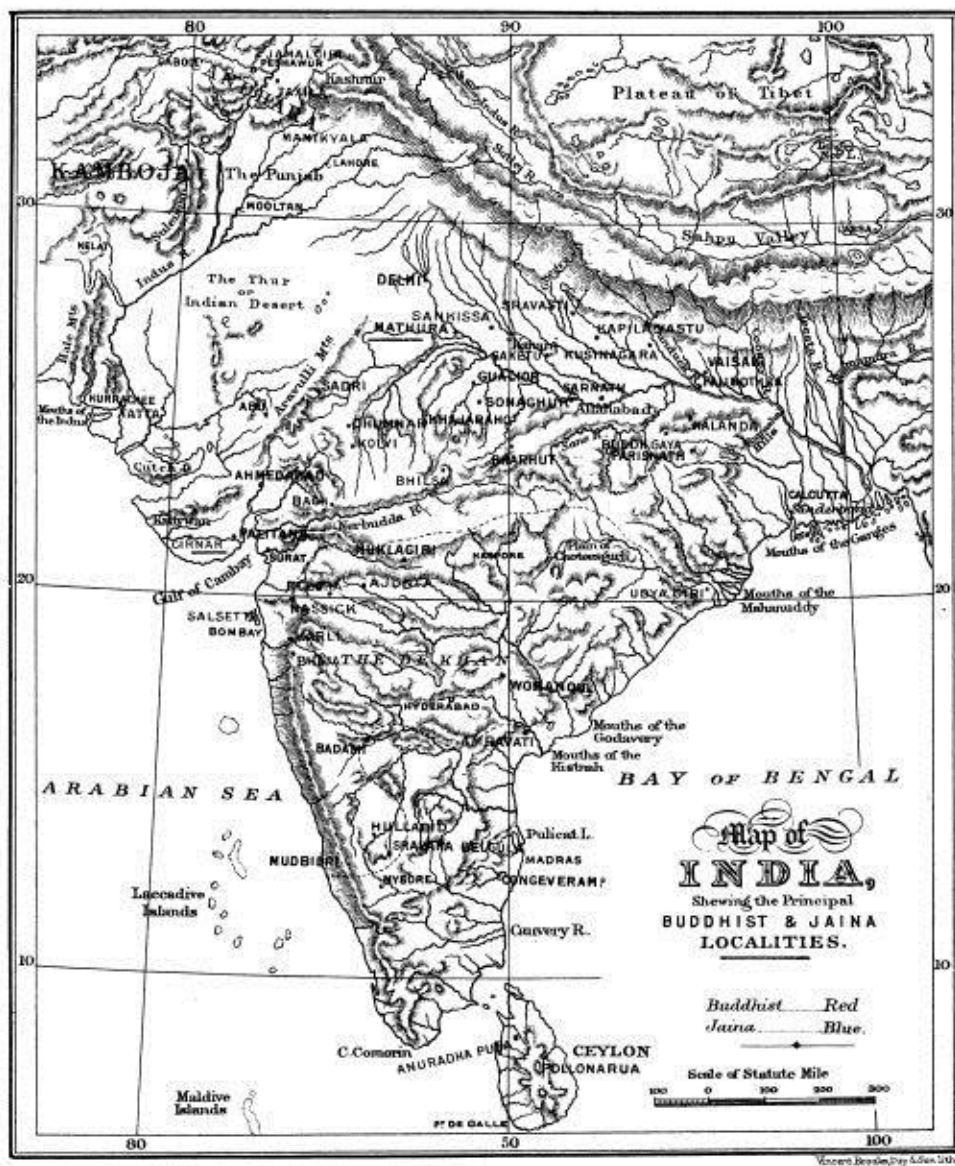
Одним из самых поразительных фактов, выявленных последней переписью, является открытие, что почти треть населения Восточной Бенгалии составляют мусульмане — 20 500 000 из 66 000 000, — в то время как в северо-западных провинциях мусульман меньше 1/6-го - 4 000 000 из 25 000 000; и в Ауде немногим более 1/10-го. Таким образом, это больше похоже на вопрос чувств, чем расы; похоже, что, поскольку жители Бенгалии были буддистами и придерживались этой веры долгое время после того, как она была отменена в других частях Индии, они соприкоснулись с мусульманской религией до того, как приняли современную форму вишнуизма, и, естественно, предпочли веру, которая не признавала касты и освободила их от поборов и тирании господствующего духовенства. Магометанская религия на самом деле гораздо больше похожа на буддизм, чем любая из современных форм индуизма, и когда это неарийское население без касты соприкоснулось с ней, до того, как они приняли новую веру и получили свободу выбора, после таинственного исчезновения их старых верований, они, естественно, приняли религию, наиболее похожую на ту, в которой они были воспитаны. Только таким образом представляется возможным объяснить преобладание мусульманской веры в Нижней Бенгалии и в Пенджабе, где последователи Пророка численно превосходят индусов в соотношении 3 к 2, или 9 000 000 к 6 000 000.

Там, где преобладал буддизм, выбор, казалось, лежал между Вишну или Магометом. Шиваизм проник, по-видимому, среди тех рас, которые были туранцами или имели сходство с татарскими расами, иммигрировавшими с севера между христианской эрой и эпохой магометанского завоевания.

Большинству людей это может показаться опрометчивыми обобщениями, и на данном этапе расследования таковыми бы и были на самом деле, если бы не было представлено дополнительных доказательств. Прочитав следующие страницы, я надеюсь, что, по крайней мере, большинство из них будут построены на прочной основе честных выводов из приведенных фактов. Следовательно, могло бы показаться более логичным отложить эти утверждения до конца работы, вместо того чтобы помещать их в начале. Однако, если сначала не прочитать и не освоить их, многое из того, что изложено на следующих страницах, будет непонятным, а объем и цель работы невозможно ни понять, ни оценить по достоинству.

1. Народ нага, поклоняющийся Трисул-эмблеме Будды на огненном столбе.
(С барельефа в Амравати.)

Карта ИНДИИ с основными BUDDHIST & JAINA НАСЕЛЕННЫМИ ПУНКТАМИ.LOCALITIES.

КНИГА I.

БУДДИЙСКАЯ АРХИТЕКТУРА.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ.

Это может вызвать у некоторых чувство разочарования, когда им говорят, что в Индии нет каменной архитектуры старше, чем за два с половиной столетия до христианской эры; но, с другой стороны, возможность утверждать, что Индия обязана введением использования камня в архитектурных целях, как и буддизмом как государственной религией, великому Ашоке, который правил с 272 по 236 год до н.э..

Это, конечно, не означает, что до этой даты у народа Индии не было архитектуры; напротив, можно доказать, что они владели дворцами и залами собраний, возможно, даже храмами, отличавшимися огромным великолепием задолго до восшествия на престол Ашоки; но, подобно зданиям бирманцев в наши дни, все они были деревянными. Камень в те дни, по-видимому, использовался только для фундаментов зданий или в инженерных сооружениях, таких как городские стены и ворота, мосты или набережные; все остальное, как станет ясно из дальнейшего, было изготовлено плотницким способом. Как бы мы ни сожалели об этом сейчас, поскольку все эти постройки впоследствии погибли, не так очевидно, как может показаться на первый взгляд, что индейцы ошибались в этом, поскольку во всех отношениях, кроме долговечности, дерево является лучшим строительным материалом, чем камень. Его гораздо легче резать, большие пространства можно покрыть меньшим количеством точек опоры, чем это возможно при использовании камня, а цвет и позолоту гораздо легче наносить на дерево, чем на камень. При тех же затратах можно покрыть вдвое большее пространство и более чем в два раза увеличить великолепие, получаемое за счет использования более скоропортящегося материала, единственным большим недостатком которого является то, что он эфемерен. Ему также не удастся произвести то впечатление долговечности, которое так важно для архитектурного эффекта; в то же время легкость, с которой его можно вырезать и украсить, имеет тенденцию создавать варварское великолепие, гораздо менее удовлетворяющее, чем более строгие формы, обусловленные использованием менее податливого материала.

Как бы то ни было, если я не ошибаюсь, при изучении самых ранних “высеченных в скале храмов” станет совершенно ясно, что то ли по невежеству, то ли по собственному выбору индийцы использовали дерево, и то только при строительстве своих декоративных зданий до времен Ашоки.^[44] Из этого кажется неизбежным вывод, что к этому изменению привело соприкосновение Индии с западным миром, сначала в результате набега Александра, а затем основания Бактрийского царства в непосредственной близости от нее. Мы еще не знаем точно, как рано Бактрийское царство распространилось до Инда, но мы чувствуем его влияние на чеканку монет, скульптуру и вообще на искусство Индии с очень ранних времен, и кажется, что вскоре мы сможем с точностью установить не только даты, но и формы, в которых искусство западного мира оказывало свое влияние на искусство Востока. Это, однако, станет яснее в дальнейшем. Пока же, возможно, будет достаточно заявить здесь, что мы абсолютно ничего не знаем о храмах или архитектуре различных народов или религий, населявших Индию до возникновения буддизма,^[45] и только путем умозаключений мы знаем что-либо о храмах буддистов до эпохи Ашоки. С того времени, однако, все ясно и доходчиво; у нас есть достаточное количество примеров, даты и формы которых известны, чтобы позволить нам написать совершенно последовательную историю буддийского стиля в течение 1000 лет, в течение которых он практиковался в Индии, и, следовательно, проследить его различные изменения в странах за пределами Индии, куда он был перенесен и где он все еще практикуется по сей день.^[46]

Если наша этнография не ошибается, было бы напрасно искать в Индии какую-либо более раннюю архитектуру, имеющую какое-либо значение до времен Ашоки. Арийцы, которые были

доминирующим народом до возникновения буддизма, по сути, были нехудожественной расой. Они писали книги и выражали свои идеи словами, как их сородичи по всему миру, но, похоже, нигде они не успешно культивировали эстетические искусства или не стремились к бессмертию через величие или долговечность своих зданий. Это всегда было стремлением менее интеллектуальных туранских рас, и именно этому обстоятельству мы обязаны тем, что нам удалось с такой уверенностью описать историю их взлета и падения, о чем свидетельствуют их архитектурные творения.

Нет *априорной* невероятности, что дравидийские расы юга Индии или коренные расы севера, возможно, не возводили храмы или другие сооружения в очень ранние времена, но если это так, все, что можно сказать, это то, что все следы их утрачены. Когда мы впервые встречаемся с буддийским стилем, он находится в зачаточном состоянии — деревянный стиль мучительно пытается обрести каменные формы, — и у нас нет оснований предполагать, что другие стили были тогда более развитыми. Однако, когда мы впервые встречаем их, примерно шесть или семь столетий спустя, они настолько совершенны во всех своих деталях и настолько по-настоящему каменны по своим формам, что до сих пор сводили на нет все попытки проследить их происхождение до их первоначальных типов, будь то в деревянной или кирпичной обработке, от которой они, возможно, произошли. Действительно, все предыдущие примеры были стерты настолько полностью, что теперь возникает сомнение в том, что недостающие звенья когда-либо могут быть заменены. Тем не менее, поскольку один-единственный пример индуистского храма, датированного до христианской эры, мог бы решить проблему, мы не должны отчаиваться в том, что такой храм будет найден, в то время как центральные провинции Индии остаются столь же совершенно неисследованными, как и сейчас. Там, где при обычных обстоятельствах мы должны были бы их искать, были бы развалины древних городов, некогда заполнявших долину Ганга; но там безжалостные мусульмане или беспечные индусы полностью стерли все следы того, что могло когда-либо существовать. В отдаленных долинах Гималаев или Центральной Индии, однако, могут существовать остатки, которые сделают происхождение и прогресс индуистской архитектуры столь же ясными и несомненными, как и буддийской; но пока они не обнаружены, наша история, естественно, начинается с архитектуры буддийской. Помимо этого, однако, благодаря счастливой случайности, что буддисты очень рано переняли способ выкапывания своих храмов в живой породе, их останки навечно сохранились для нас, в то время как очень вероятно, что останки индуистов, находясь в менее долговечных формах, могли исчезнуть. Первые, таким образом, легко классифицируются и датируются, в то время как происхождение последних в настоящее время, кажется, теряется в тумане ранних эпох индийского искусства. Между тем, знание того, что история архитектуры Индии начинается в 250 году до н.э. и что все известные нам памятники были буддийскими по крайней мере в течение пяти или шести столетий после этого времени, являются кардинальными фактами, на которых не могут слишком сильно настаивать те, кто хочет прояснить многое из того, что до сих пор делало предмет неясным.

КЛАССИФИКАЦИЯ.

Для удобства описания, вероятно, будет сочтено целесообразным классифицировать различные объекты буддийского искусства по пяти следующим группам, хотя, конечно, иногда невозможно полностью отделить их друг от друга, а иногда два или более из них приходится рассматривать вместе как части одного памятника.

1. *Стамбхи, или Латы.* - Эти колонны характерны для всех стилей индийской архитектуры. У буддистов они использовались для нанесения надписей на древки, с эмблемами или животными на их капителях. У джайнов это были, как правило, дипданы, или фонарные столбы; у вайшнавов на них, как правило, стояли статуи Гаруды или Хунамана; у шайв они были флагштоками; но, независимо от их назначения, они всегда были одними из самых оригинальных и часто самых элегантных произведений индийского искусства.

2. *Ступы, или Вершины.* Их, опять же, можно разделить на два класса в зависимости от их назначения: во-первых, настоящие Ступы или башни, возведенные в память о каком-либо событии или обозначающие какое-либо священное место, дорогое последователям религии Будды; во-вторых, Дагобы, или памятники, содержащие реликвии Будды или какого-либо буддийского святого. ^[47] Если бы это было возможно, эти два объекта всегда следовало бы разделять, но пока не обнаружено никаких внешних признаков, по которым их можно было бы отличить друг от друга, и пока это не так, их следует рассматривать, по крайней мере архитектурно, как одно целое.

3-й. *Рельсы.*— Недавно было обнаружено, что они являются одной из важнейших особенностей буддийской архитектуры. Обычно их находят вокруг вершин, но они также представлены в виде ограждающих священных деревьев, храмов, колонн и других объектов. Могут возразить, что рассматривать их по отдельности - все равно что описывать перистиль греческого храма отдельно от целлы. Буддийские перила, однако, по крайней мере в ранние века, никогда не прикреплялись к топе и использовались для стольких других и столь разнообразных целей, что, несомненно, прояснится то, что последует дальше, если рассматривать их отдельно.

4. *Чайтьи, ^[48] или Актывые залы.*—Эти элементы буддийского искусства во всех отношениях перекликаются с церквями христианской религии. Их планы, расположение алтаря или ларца с реликвиями, проходы и другие особенности одинаковы в обоих, и их использование идентично, поскольку ритуальные формы одной религии похожи на формы другой.

5. *Вихары, или Монастыри.*—Подобно чайтьям, они очень похожи на соответствующие институты среди христиан. В более ранние века они сопровождали чайтьи или церкви, но были отделены от них. В более поздние времена они были оборудованы часовнями и алтарями, в которых богослужение могло совершаться независимо от залов Чайтьи, которые могли находиться поблизости, а могли и не находиться.

2. Шри, сидящая на Лотосе, и два Слона поливают ее водой.

(Из современной скульптуры из Индаура.)

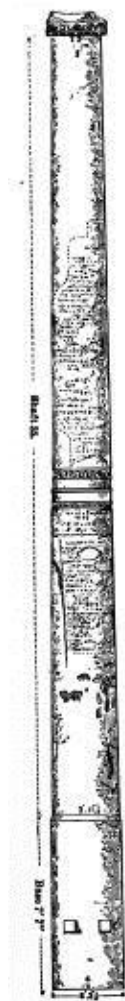
ГЛАВА II.

СТАМБХИ Или ЛАТИНЫ.

Ит Не ясно, должны ли мы утверждать о деревянном происхождении этих предметов, как мы можем утверждать обо всех других объектах буддийской архитектуры. Несомненно, однако, что латы Ашоки с древками высотой в среднем двенадцать диаметров гораздо больше похожи на деревянные столбы, чем на любые формы, заимствованные из каменной архитектуры, и в эпоху, когда деревянные столбы, несомненно, использовались для поддержания крыш залов, гораздо более вероятно, что для целей, для которых применялись эти стамбхи, следует использовать тот же материал, чем более неподатливый материал камень.

Самыми старыми достоверными образцами этих латов, с которыми мы знакомы, являются те, которые царь Ашока установил на двадцать седьмом году после своего посвящения - тридцать первом году своего правления, — чтобы на них были надписи, передающие его подданным ведущие доктрины новой веры, которую он принял. Высеченные в скале указы того же короля датированы двенадцатым годом его правления и передают в менее сжатой форме ту же информацию - буддизм без Будды, — но прививают уважение к родителям и священникам, доброту и милосердие ко всем людям и, прежде всего, нежность к животным. [\[49\]](#)

Наиболее известной из этих лац является та, что была установлена Ферозе шахом в его Котиле в Дели, однако он ни в малейшей степени не был осведомлен о первоначальной цели, с которой она была возведена, или о содержании надписи. Фрагмент второго был недавно найден лежащим на земле возле дома Хинду Рао к северу от Дели. [\[50\]](#)

3. Лат в Аллахабаде.

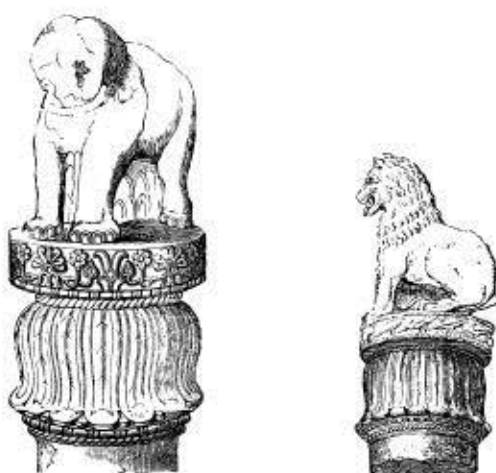
Два других находятся в Тирхуте в Радхии и Маттиахе, а фрагмент другого, как было установлено, использовался в качестве катка для станционных дорог утилитарным сотрудником государственной службы Бенгалии. Однако наиболее полным является тот, который в 1837 году был найден лежащим на земле в форте в Аллахабаде, а затем вновь установлен на пьедестал по проекту капитана Смита.^[51] Эта колонна более чем обычно интересна, поскольку в дополнение к надписям Ашоки на ней содержится надпись Самудры Гупты (380-400 гг. н.э.), подробно описывающая славу его правления и великие деяния его предков.^[52] Кажется, он снова был разрушен и был воздвигнут заново, как сообщает нам персидская надпись, Джахангиром (г.н.э. 1605 г.) в ознаменование его восшествия на престол. Он представлен без пьедестала ([Гравюра на дереве № 3](#)). Можно заметить, что шахта имеет ширину более 3 футов у основания и уменьшается до 2 футов 2 дюйма. на вершине, которая в длину составляет 33 фута.^[53] больше похоже на сужение ствола дерева — например, сосны деодар, — чем на что-либо, выполненное из камня. Как и все другие изделия этого класса, этот лат утратил свое венчающее украшение, которое, вероятно, было буддийской эмблемой — колесо или орнамент в виде тризуба^[54] — но горловина все еще остается ([гравюра на дереве № 4](#)) и является почти буквальной копией столь знакомого нам орнамента из жимолости, который использовался греками в ионическом ордере.

4. Ассирийское украшение из жимолости из столицы Лат, Аллахабада.

Однако в данном случае маловероятно, что оно было введено непосредственно греками, но более вероятно, что оно было заимствовано из его родной страны Ассирии, откуда греки также первоначально получили его. Орнамент из жимолости, опять же, встречается в качестве венчающего элемента колонны в Санкиссе, в Доабе, на полпути между Муттра и Канужем ([гравюра на дереве № 5](#)), и на этот раз венчает капитель настолько персеполитического типа, что не может быть никаких сомнений в том, что дизайн всей капители пришел из Центральной Азии. Эта колонна, которая имеет гораздо более толстые и короткие пропорции, чем указ лац, увенчана слоном, но настолько изуродованным, что даже в VII веке китайский путешественник Хиуэн Тхан принял ее за льва, если это действительно то изображение, на которое он смотрел, как предполагает генерал Каннингем,^[55] что, однако, отнюдь не так однозначно, как может показаться на первый взгляд.

5. Столица в Санкиссе.

6. Столица Лат в Тирхуте.

(С рисунка Ген. Каннингема.) (С рисунка покойного капитана. Киттоу.)

Еще одна капитель, похожая на описанную в прошлый раз, венчает храм в Беттии в Тирхуте — на этот раз ее венчает лев смелого и хорошего рисунка ([Гравюра на дереве № 6](#)). Однако в данном случае орнамент из жимолости заменен более чисто буддийским орнаментом в виде стаи священных ханзасов или гусей. В обоих случаях в качестве шеек используются канатные украшения, а также бусины и катушка, столь знакомые изучающим классическое искусство. Последняя названная форма, однако, также встречается в Персеполе. Следует отметить, что эти черты встречаются только на латах Ашоки и никогда впоследствии не встречаются в Индии, хотя долгое время были распространены в Гандхаре и в бассейне Инда, что, по-видимому, является достаточно ясным указанием на то, что именно из Персии, хотя, вероятно, по предложению греков, он получил те намеки, которые в Индии привели к преобразованию деревянной архитектуры в каменную. После его смерти эти классические черты исчезают, и деревянные формы возобновляют свое господство, хотя персидская форма заглавной буквы еще долго сохраняла свои позиции в индийском искусстве.

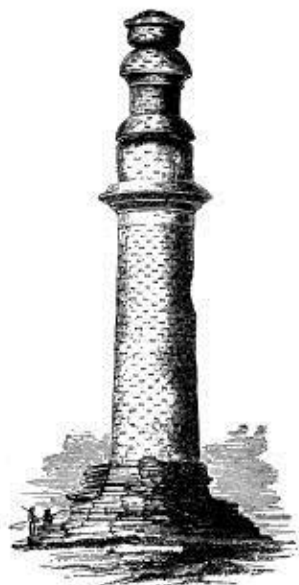
Более чем вероятно, что каждый из этих ашокалатов стоял перед какой-либо ступой или сооружением какого-либо типа или в связи с ними; но все они исчезли, а сами латы — по крайней мере, некоторые из них — перемещались несколько раз, так что сейчас это невозможно доказать. Однако до сих пор, как теперь можно установить, одна или две стамбхи стояли перед каждым воротами каждой великой башни или рядом с ними, и одна или две перед каждым залом чайтьи. По крайней мере, мы знаем, что шесть или семь теперь можно проследить в Санчи и почти столько же в Амравати,^[56] и в представлении вершин в последнем месте эти вершины часто представлены как снаружи, так и внутри рельсов.

В Карли до сих пор можно увидеть огромную пещеру, увенчанную четырьмя львами, которые, судя по аналогии, когда-то несли чакру или колесо, вероятно, металлическое.^[57] Соответствующая колонна, вероятно, когда-то стояла на противоположной стороне входа с какой-то похожей эмблемой. Два таких изображены на этих позициях перед большой пещерой в Кенхери, которая является точной, но уменьшенной копией большой пещеры Карли.^[58]

Две латы в Еруне и железный столб в Дели, хотя и похожи во многих отношениях на только что описанные, по-видимому, определенно относятся к эпохе гуптов в конце четвертого или начале пятого века нашей эры и посвящены вайшнавской вере, и, следовательно, относятся к последующей главе. Это в Патхари не вписано или, по крайней мере, неотредактировано, и хотя оно выглядит старым, также может относиться ко временам гуптов.

Следует признать, что это скудный отчет о буддийских молитвах, которые, вероятно, когда-то можно было насчитать сотнями в важных буддийских населенных пунктах Бенгалии; но, боюсь, мы вряд ли сможем добавить еще много к нашему списку. Они так легко разрушаются и так легко используются в густонаселенных районах, что все следы большинства из них, вероятно, безвозвратно утеряны, хотя еще один или два примера, вероятно, можно найти в отдаленных, труднодоступных местах.

Насколько мне известно, нет ни одного экземпляра построенной монументальной колонны, которая сейчас стоит в Индии. Это в достаточной степени объясняется легкостью, с которой их можно было сбросить, а их материалы убрать, когда они утратили святость, которая единственная их защищала. Однако среди вершин Кабула есть две такие колонны, очевидно, ровесницы им, которые теперь называются Сурх-минар ([Гравюра на дереве № 7](#)) и Минар Чакри. Местные традиции приписывают их Александру Македонскому, хотя они, очевидно, являются буддийскими памятниками, предназначенными для обозначения какого-то священного места или в ознаменование какого-то события, память о котором канула в лету. Не может быть никаких сомнений в том, что их верхние элементы должны быть копиями высоких капителей персеполитанских колонн, которые, вероятно, были распространены также в Ассирии и по всей этой части Азии, но их форма и очертания демонстрируют большое отличие от более чистых форм, с которых началась эта архитектура в Индии, и которые там сохранились в своей чистоте до гораздо более позднего периода, чем в этой отдаленной провинции. По-видимому, не существует надежных данных, позволяющих установить возраст этих памятников. Вероятно, это было третье или четвертое столетие нашей эры, а может быть, и раньше.

---

7. Сурх Минар, Кабул.

(С рисунка мистера Массона из "Арианы Антиква" Уилсона.)

ГЛАВА III.

СТУПЫ.

Содержание.

Вершины Бхилса—Вершины в Сарнатхе и в Бехаре—Амравати Топе—Вершины Гандхара—Вершины Джелалабад—Вершины Маникьяла.

СУЩЕСТВУЕТ немного подобных предметов, которые могли бы лучше вознаградить труд компетентного исследователя, чем исследование происхождения культа реликвий и его последующего распространения по большей части старого света. Насколько в настоящее время известно, его не существовало ни в Египте, ни в Греции, ни в Риме в классические времена, ни в Вавилоне, ни в Ассирии. В некоторых из этих стран к останкам ушедшего величия проявлялось максимально возможное уважение, и кости и прах людей, которых уважали при жизни, сохранялись с заботой и любовью; но не было человека настолько уважаемого, чтобы волос с его головы, зуб или ноготь от ногтя, даже одежда или посуда, которыми он пользовался, считались самым ценным сокровищем после его смерти. Ни в одной из этих стран, по-видимому, никому не приходило в голову, что кость или горшок для подаяния умершего святого были вещью, за которую стоило бороться; или что почести, оказанные таким вещам, были достойным поступком, и что молитвы, обращенные к ним, скорее всего, будут удовлетворены. Тем не менее, эти чувства, по-видимому, настолько укоренились среди последователей Будды, что трудно поверить, что первым случаем, при котором это чувство возникло, было распределение его останков по случаю достижения им Нирваны в Кусинагаре, г. до н.э. 543 г. до н.э. Говорят, что в тот раз восемь городов или королевств боролись за честь обладания его бранными останками, и трудность была преодолена путем выделения доли каждой из противоборствующих сторон, которые, как говорят, воздвигли ступы для их хранения в каждом из своих соответствующих населенных пунктах.^[59] Ни одно из них сейчас не может быть идентифицировано с уверенностью — все в будущие эпохи будет приписываться Ашоке, который, согласно популярной традиции, как говорят, воздвиг невероятное количество из 84 000 реликвийных святилищ, или башен, для обозначения священных мест.^[60] Некоторые из них могут быть теми, что мы видим сейчас, или заключены в их купола; но если это так, то они, как и все остальное архитектурное сооружение в Индии, являются самыми ранними вещами, которые мы там находим. Это правда, говорят, что великая пагода — Шева Дагон — в Рангуне содержит реликвии всех четырех Будд нынешней калпы, посох Каксанды; ковш для воды Конагаммы; купальное одеяние Кашьяпы и восемь волос с головы Гаутамы Будды;^[61] но если предположить, что это правда, мы только сейчас видим последнюю и самую современную, которая прикрывает более старые сооружения. Так, по крайней мере, обстоит дело с великой Дагобой в Бинтенне, недалеко от Канди, на Цейлоне, в которой хранится грудная кость великого аскета. ‘Махавансо’, или великая буддийская история Цейлона, описывает способ возведения этого последнего здания путем последовательных пристроек, настолько иллюстрируя принцип, по которому были достроены эти реликтовые святилища, что его стоит процитировать: “Вождь дэвов, Сумано, молил божество, достойное подношения за подношение. Победитель, проведя рукой по его голове, подарил ему пригоршню своих чистых голубых прядей из растущих волос на голове. Получив и поместив его в великолепную золотую шкатулку на том месте, где стоял божественный учитель, он заключил замок в изумрудную дагобу и склонился в знак поклонения.

“Теро Сарабху после кончины верховного Будды, получив на своем погребальном костре Грудную кость, принес и поместил ее в эту идентичную дагобу. Этот вдохновенный персонаж

приказал воздвигнуть дагобу высотой в 12 локтей, чтобы закрепить ее, и на ней удалился. Младший брат короля Девенампиатиссо (259 год до н. э. до н.э.), обнаружив эту чудесную дагобу, построил еще одну, окружавшую ее, высотой 30 локтей. Царь Даттагамини (161 г. до н.э.), проживая там во время своего покорения малабарцев, построил окружавшую его дагобу высотой 80 локтей.” Это была “завершенная Махиянгана дагоба”.^[62] Возможно, что при каждом последующем добавлении происходило какое-то новое отложение; по крайней мере, большинство исследованных вершин в Афганистане и Пенджабе, которые демонстрируют признаки этих последовательных приращений, по-видимому, также имели последовательные отложения, расположенные одно над другим.

Из всех реликвий Будды самой знаменитой является левый клык. При первоначальном распределении он, как говорят, достался на долю Ориссы и был закреплен в городе, названном из-за этого обстоятельства “Дантапура”. Скорее всего, это был современный город Пури, и знаменитый храм Джаггернатха, который сейчас процветает там, не только, по всей вероятности, занимает то же самое место, но и богослужение, которое сейчас там совершается, является таким же, *mutato nomine*, как и то, которое когда-то совершалось в честь этого зуба. Как бы то ни было, он, по-видимому, оставался там в мире более восьми столетий, когда король страны, привлеченный некоторыми совершаемыми им чудесами и поведением священников, обратился из брахманической веры, к которой он принадлежал, в религию Будды. Обездоленные брахманы жалуются на это своему сюзерену, проживающему в Палиботре, в повествовании названному только по титулу Панду, но почти наверняка Гаутамипутре из династии Андрабхитья. Он приказал доставить зуб в столицу, когда из-за чудес, которые он демонстрировал, он тоже был обращен; но это и вызванный им ажиотаж привели к тому, что в конечном итоге его тайно перевезли на Цейлон, куда он прибыл примерно в 311 году;^[63] и, несмотря на различные превратности, он все еще остается под стражей Великобритании, Палладием королевства, как это было на протяжении последних пятнадцати с половиной столетий.^[64]

Примерно в то же время (A.D. 324^[65]) another tooth of Buddha was enshrined in a tope on the island of Salsette, in Bombay harbour, apparently in the time of the same Gautamiputra, but what its subsequent fate was is not known. Когда гроб был открыт для доктора Берда, его там не было, а только медная табличка, на которой было записано, что он был сохранен благородным мирянином по имени Пушьяварман.^[67]

Почти таким же знаменитым был горшок для подаяния Сакья Муни, который долгое время хранился в дагобе, или вихаре, воздвигнутой Канишкой в Пешавуре, и которому поклонялись с величайшим почтением.^[68] После посещения Бенареса,^[69] ее перевезли в Кандагар, и, как говорят, мусульмане до сих пор хранят ее там, и даже они считают ее самой ценной реликвией.^[70]

Все это станет яснее по мере того, как мы продолжим, поскольку мы обнаружим, что каждая буддийская местность освящена присутствием реликвий, и что им, по-видимому, поклонялись с момента смерти основателя религии до наших дней. Если бы это можно было сделать в этом месте, было бы интересно попытаться проследить путь, по которому и в какое время эта вера в действенность реликвий распространилась на запад, и как и когда она была впервые принята раннехристианской церковью и стала у них таким же важным элементом богослужения, как и у буддистов. Для этого потребовался бы целый том; между тем, что более важно для нашей настоящей цели, так это знание того, что это поклонение реликвиям привело к строительству этих великих дагоб, которые являются наиболее важной особенностью буддийского архитектурного искусства.

Я полагаю, никто не может сомневаться в том, что буддийская дагоба является прямым потомком могильных курганов туранских рас, найденных в Этрурии, Лидии или среди скифов северных степей. Однако индейцы, по-видимому, никогда не хоронили своих мертвецов, а всегда сжигали их, и, следовательно, никогда, насколько нам известно, среди них не было никаких

курганов. Возможно, вследствие этого дагобы даже в древнейшие времена имели округлую или куполообразную форму, в то время как все курганы, будучи земляными, обязательно принимали форму конусов. Не только снаружи, но и в самых ранних пещерах формы дагоб всегда округлые; и до сих пор не обнаружено ни одного примера прямого конуса, покрывающего дагобу. Эта особенность, будучи настолько универсальной, по-видимому, указывает на то, что они использовались задолго до появления самого раннего известного примера, и что при их строительстве использовался какой-то другой материал, кроме земли; но у нас пока нет никаких намеков на то, когда впервые была использована округлая форма, и почему от конической формы кургана отказались, когда его переделали в реликтовое святилище. Действительно, из пещер и самых ранних барельефов мы знаем, что все крыши индейцев были криволинейными; и если кто-то может представить себе круглое помещение с куполообразной крышей — не из камня, конечно, — как первоначальное вместилище реликвии, мы можем представить, что форма была заимствована отсюда.^[71]

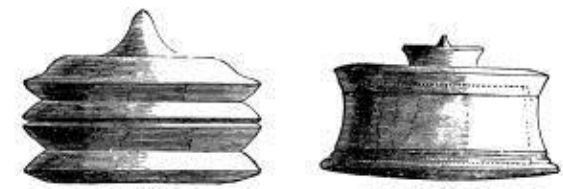
БХИЛСА ТОПЕС.

Самая обширная и, в целом, возможно, самая интересная группа вершин в Индии известна как вершины Бхилса по названию города с таким названием в королевстве Бхопал, недалеко от которого они расположены. Там, в пределах района, не превышающего десяти миль к востоку и западу и шести к северу и югу, расположены пять или шесть групп вершин, содержащих в общей сложности от двадцати пяти до тридцати отдельных экземпляров. Главный из них, известный как великий топ в Санчи, часто описывался, более мелкие известны только по описаниям генерала Каннингема;^[72] но в целом они привлекли к себе столько внимания, что, возможно, известны лучше, чем любая группа в Индии. Однако, возможно, у нас нет оснований предполагать, исходя из большей численности этой группы в том виде, в каком она существует сейчас, что она обладала таким же превосходством во времена буддизма. Если бы мы могли сейчас увидеть вершины, которые когда-то украшали любое из великих буддийских мест в Доабе или Бехарах, группа Бхилса могла бы кануть в лету. Возможно только, что, находясь в отдаленной и малонаселенной части Индии, они не подвергались разрушительной энергии противостоящих сект индуистской религии, и фанатичному мусульманину не понадобились их материалы для возведения своих мечетей. Следовательно, они остаются для нас, хотя, возможно, более благородные и обширные группы памятников были сметены с лица земли.

Несмотря на все, что было написано о них, мы знаем очень мало определенного об их объекте и их истории. Наши обычные проводники, китайские паломники, здесь нас подводят. Фа Хиан никогда не был ближе чем в нескольких сотнях миль от этого места; и если Хиуэн Тхан когда-либо был там, то это было после отъезда из Баллабхи, когда его дневник становится таким диким и кратким, что всегда трудно, а иногда и невозможно, следить за ним. Во всяком случае, он не оставил описания, по которому мы могли бы сейчас определить это место, и ничего, что могло бы сказать нам, с какой целью был возведен большой топ или любой из более мелких. ‘Махавансо’, это правда, немного помогает нам в наших трудностях. Там рассказывается, что Ашока, направляясь в Уджени (Ujjain), губернатором которого он был назначен, задержался на некоторое время в Четьягири, или, как его называют в других местах, Вессанагаре, современном Беснагаре, недалеко от Санчи. Там он женился на Деви, дочери вождя, и от нее у него родились сыновья-близнецы Удженио и Махиндо, а впоследствии дочь Сангхамитта. Двое последних стали священнослужителями и сыграли важнейшую роль во внедрении буддизма на Цейлоне. Прежде чем отправиться на эту миссию, Махиндо навел свою царственную мать в Четьягири и был поселен в “великолепной вихаре”, которую возвела она сама.^[73] Во всем этом нет упоминания о великой вершине, которая, возможно, существовала до этого времени; но пока в Индии не будет найдено какое-либо сооружение, существование которого можно доказать до этой эпохи, можно с уверенностью предположить, что это одна из 84 000 вершин, которые, как говорят, были возведены им. Если бы Санчи был одним из восьми городов, получивших мощи Будды на

погребальном костре, дело могло бы обстоять иначе; но его раскопали, и оказалось, что это ступа, а не дагоба. Следовательно, он был воздвигнут в ознаменование какого-то священного места или в ознаменование какого-то события, и у нас нет оснований полагать, что это было сделано где-либо до Ашоки.

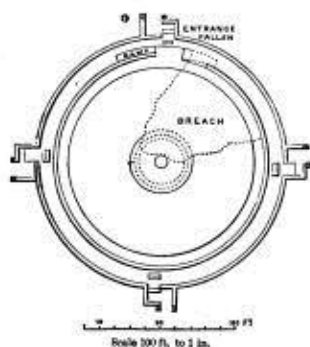

8. Реликтовая шкатулка Моггаланы. 9. Реликтовая шкатулка Шарипутры.

С другой стороны, две вершины поменьше на той же платформе содержали реликвии несомненного исторического характера. В том, что называлось Топом № 2, содержались имена десяти буддийских учителей, которые принимали участие в третьем великом собрании, проводимом при Ашоке, и некоторые из которых были отправлены с миссиями в зарубежные страны для распространения устоявшихся тогда доктрин, а Топе № 3 содержал две шкатулки с реликвиями, представленные на прилагаемых гравюрах на дереве (№ 8 и 9). В одном из них хранились реликвии Маха Моггаланы, в другом - Шарипутры, друзей и спутников самого Будды, которых обычно называли его правой и левой рукой-учениками.^[74] Из этого, конечно, не следует, что эта дагоба так же стара, как времена Будды; напротив, должно пройти несколько столетий, прежде чем кость или тряпка, принадлежащие любому смертному, станут настолько ценными, что для их хранения будет возведен купол. Представляется весьма вероятным, что эти реликвии были помещены туда самим Ашокой, в непосредственной близости от священного места, в память о котором был воздвигнут великий топ. Топ, содержащий реликвии его современников, конечно, должен быть гораздо более современным, вероятно, современником ворот, которые появились после христианской эры.^[75]

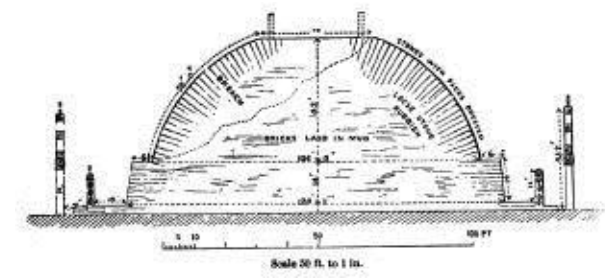
10. Вид на великую вершину в Санчи.

11. План великого переворота в Санчи.

Масштаб от 100 футов до 1 дюйма

12. Участок большой Топи в Санчи.

Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

Общий вид Топе Санчи будет понятен по его изображению на гравюре на дереве № 10, а его форма и расположение - по плану и разрезу, № № 11 и 12. Из них видно, что главное здание состоит из купола, несколько меньшего, чем полусфера, диаметром 106 футов и высотой 42 фута.[\[76\]](#)

13. Тройник, вырубленный в скале на Дагобе в Аджунте.

На вершине холма находится плоское пространство диаметром около 34 футов, ранее окруженное каменными перилами, некоторые части которых все еще лежат там; и в центре этого когда-то стояло сооружение, известное индийским археологам как Тройник. Гравюра на дереве (№ [13](#)), вырезанная в скале в Аджунте, представляет обычную форму в этом возрасте. Нижняя часть украшена обычной буддийской решеткой (будет описана ниже), верхняя - обычным окном - двумя универсальными элементами. Его венчает крышка из трех пластин, и, без сомнения, это был либо имитированный ларец с реликвиями. Ни одна вершина и ни одно изображение вершины — а у нас их сотни — не лишены этой функции, и обычно она увенчана или была увенчана одним или несколькими дисками, представляющими государственные зонтики; в наше время их целых девять. Единственный древний деревянный памятник, о котором сейчас известно, находится в пещере в Карли ([Гравюра на дереве № 56](#)), но их изображений в камне и живописи насчитываются буквально тысячи.

Купол опирается на наклонное основание высотой 14 футов и диаметром 120 футов, имеющее смещение на вершине шириной около 6 футов. Он, судя по изображениям топов на скульптурах, должно быть, был окружен балюстрадой и поднимался по широкому двойному пандусу с одной стороны. Вероятно, он использовался для процессий вокруг памятника, которые, по-видимому, были одними из самых распространенных буддийских церемоний. Центр этого большого кургана довольно прочный, сложен из кирпичей, выложенных глиной, но снаружи облицован обработанными камнями. Поверх них было нанесено цементное покрытие толщиной почти 4 дюйма, которое, без сомнения, первоначально было украшено либо росписью, либо рельефными орнаментами.

Помимо группы в Санчи, состоящей из шести или семи вершин, в Сонари, в шести милях отсюда, есть еще одна группа из восьми вершин. Два из них являются важными сооружениями,

окруженными квадратными внутренними дворами, и в одном из них исследователи обнаружили многочисленные реликвии.

В Сатдхаре, тремя милями дальше, находится огромная ступа диаметром 101 фут, но которая, как и ступа в Санчи, по-видимому, была ступой и не сохранила никаких реликвий. Однако в № 2, хотя и всего 24 фута в диаметре, были обнаружены реликвии Шарипутры и Моггаланы, как и в № 3 в Санчи. Кроме этих, есть еще несколько других, все маленькие и очень сильно разрушенные.

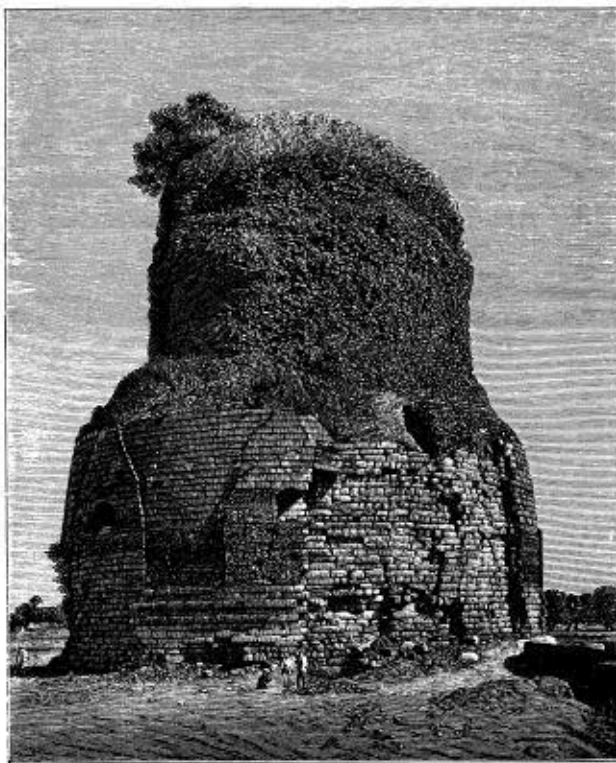
Однако самая многочисленная группа находится в Бходжпуре, в семи милях от Санчи, где тридцать семь различных вершин сгруппированы вместе на различных платформах. Самый большой из них имеет 66 футов в диаметре, но № 2 описывается как один из самых совершенных в округе и, как и несколько других в этой группе, содержал важные реликвии.

В Андхере, примерно в пяти милях к западу от Бходжпура, есть прекрасная группа из трех небольших, но очень интересных вершин. С учетом перечисленных выше, это составляет около шестидесяти отдельных вершин в этом небольшом районе, который, безусловно, не был одним из самых важных в Индии с религиозной точки зрения, и, следовательно, вероятно, был превзойден многими не только по количеству, но и по великолепию своих религиозных зданий.^[77]

Без большего количества данных, чем мы имеем в настоящее время, конечно, невозможно с уверенностью говорить о возрасте этой группы вершин, но, насколько можно в настоящее время установить, кажется, нет оснований предполагать, что какая-либо из них датируется более ранней эпохой Ашоки, 250 г. до н.э., и маловероятно, что какая-либо из них может быть датирована более поздней эпохой Саливаханы, A.D. 79 г. н.э., или, скажем, после первого века нашей эры. Возможно, они появились позже, но сами вершины, похоже, были созданы в течение этих трех с половиной столетий.

ВЕРШИНЫ В САРНАТХЕ И В БЕХАРЕ.

В самой Индии не только нет другой группы вершин, которые можно было бы сравнить ни по протяженности, ни по сохранности с вершинами Бхилсы, но и наши знания об этом предмете в настоящее время настолько полны, что, вероятно, можно с уверенностью утверждать, что между Сатледж и морем существуют только две или, самое большее, три вершины, достаточно совершенные, чтобы можно было различить их форму и архитектурные особенности. Конечно, рядом со всеми буддийскими городами есть многочисленные курганы, отмечающие это место, и многие из них, вероятно, скрывают останки некоторых из сотен ступ или дагоб, упомянутых китайскими паломниками, помимо многих, которые они не смогли различить. Однако все они, за наименьшим возможным исключением, погибли; и нетрудно понять, почему это должно быть так. Все или почти все они были сложены из кирпича или мелких камней, уложенных либо без раствора, либо с цементом, который был немногим лучше глины. Следовательно, когда они были осквернены и покинуты, они образовали такие удобные каменоломни для жителей деревни, что почти все они были использованы для строительства хижин и домов индусов или мечетей мусульман-иконоборцев. Их перила, сложенные из более крупных камней, которые не так легко удалить, в некоторых случаях сохранились, и некоторые, без сомнения, будут восстановлены при поиске; и поскольку они, по крайней мере в более ранние века, были иконостасом храма, их восстановление в значительной степени компенсирует потерю верхних частей, которые они окружали.

14. Топ в Сарнатхе, недалеко от Бенареса.

(С фотографии.)

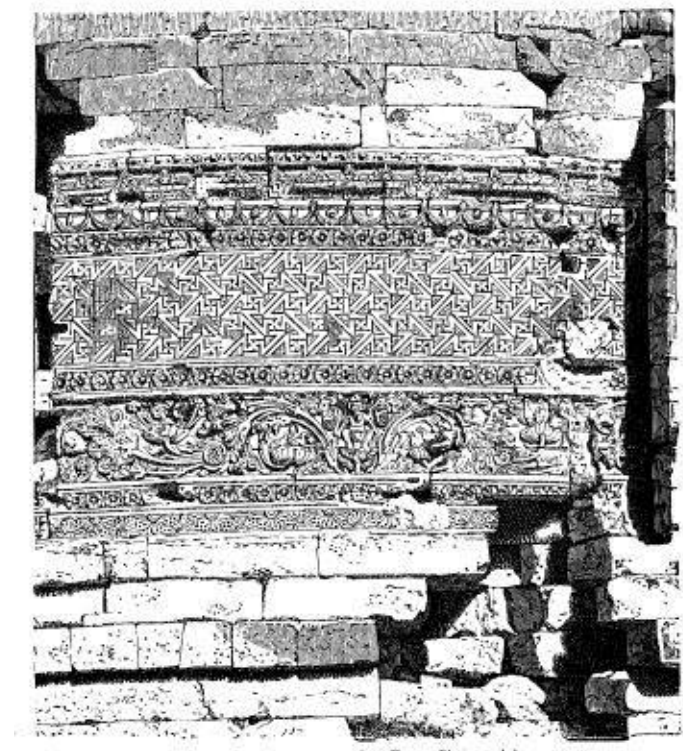
Наиболее известной, а также лучше всего сохранившейся из бенгальских топесов является топес в Сарнатхе, недалеко от Бенареса ([Гравюра на дереве № 14](#)). Она была тщательно исследована генералом Каннингемом в 1835-36 годах и оказалась ступой, а именно, не содержащей реликвий, но воздвигнутой в знак какого-то места, освященного присутствием Будды или каким-то его деянием во время его длительного пребывания там. Он расположен в Оленьем парке, где он поселился со своими пятью учениками, когда впервые покинул Гайю, достигнув Состояния Будды и начав свою миссию учителя. В память о каком акте он совершен, мы, вероятно, никогда не узнаем, поскольку по соседству находится несколько курганов, а описания китайских паломников недостаточно точны, чтобы мы могли сейчас различить их.

Здание состоит из каменного фундамента диаметром 93 фута и построено прочно, камни скреплены железом на высоте 43 фута. Выше он выложен кирпичом и возвышается на высоту 110 футов над окружающими руинами и 128 футов над равниной.^[78] Внешне нижняя часть облегчена восемью выступающими гранями, каждая 21 фут 6 дюймов. в ширину и на расстоянии 15 футов друг от друга. В каждой из них есть небольшая ниша, предназначенная, по-видимому, для размещения сидящей фигуры Будды, а под ними, опоясывая памятник, находится полоса скульптурного орнамента самой изысканной красоты. Центральная часть состоит — как будет видно по вырезке на следующей странице — из геометрических узоров большой сложности, но в сочетании с исключительным мастерством; а сверху и внизу одинаково хорошо проработана листва, настолько похожая на ту, что вырезали индуистские художники на самых ранних магометанских мечетях в Аджири и Дели, что мы уверены, что они не могут быть очень отдаленными по времени.

Резьба вокруг ниш и на выступах осталась настолько незаконченной — в некоторых случаях только намеченной, — что невозможно догадаться, какую окончательную форму она могла им придать. Верхняя часть башни, похоже, вообще не была закончена, но, исходя из наших знаний о вершинах Афганистана, мы можем предположить, что предполагалось окружить ее рядом

пилястр, а затем несколькими смелыми лепными украшениями, прежде чем покрыть ее полусферическим куполом.

Во время своих раскопок генерал Каннингем обнаружил, погребенный в сплошной каменной кладке, на глубине 10½ футов от вершины, большой камень, на котором была выгравирована обычная буддийская формула “Йе дхармма хету” и т.д., иероглифами, относящимися к 7 веку, из чего он делает вывод, что памятник относится к 6 веку. Мне кажется настолько невероятным, что люди могли тщательно выгравировать такую формулу на камне, а затем зарыть ее на десять или двенадцать футов в массу каменной кладки, которая, как они, должно быть, надеялись, сохранится вечно, что я не могу согласиться с таким выводом. Мне кажется гораздо более вероятным, что это могло принадлежать какому-то зданию, которое это здание должно было заменить, или быть пьедесталом какой-то статуи, которой не пользовались, но которая со своего возраста стала почтенной и, следовательно, использовалась для освящения этого нового сооружения. Следовательно, я гораздо более склонен принять традицию, сохраненную капитаном Уилфордом,^[79] о том, что памятник Сарнатху был воздвигнут сыновьями Мохи Пала и разрушен (прерван?) магометанами в 1017 году, до его завершения.^[80] Форма памятника, характер его скульптурных украшений, незавершенное состояние, в котором он находится, и, действительно, все обстоятельства дела делают эту дату настолько вероятной, что я склонен принять ее почти без колебаний.

15. Панно на вершине в Сарнатхе.

(С фотографии.)

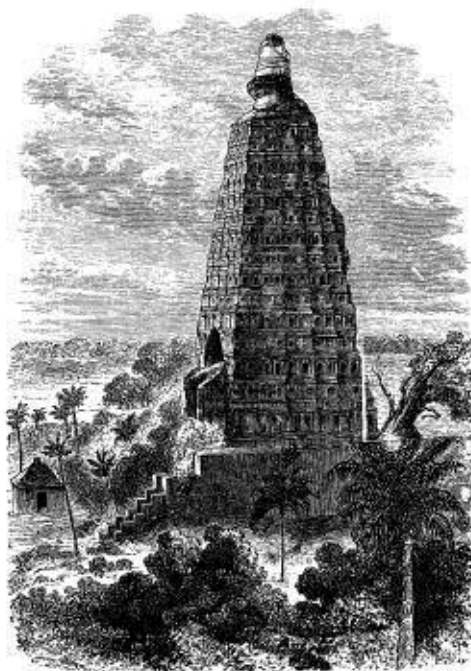
Другой бенгальский топ, существующий почти целиком, известен как Джарасандха Ка Байтхак. Генерал Каннингем утверждает, что его размеры составляют 28 футов в диаметре и 21 фут в высоту, он опирается на фундамент высотой 14 футов, так что его общая высота, когда он будет завершен, могла составлять около 55 футов.^[81] Поскольку он не был упомянут Фа Хианом, А.Д. 400 г. н.э., а принадлежит Хиуэн Тхсангу, 640 г. н.э., его возраст, вероятно, промежуточный между этими датами, или около 500 г. н.э.^[82] Это смелая, прекрасная башня, очевидно, более ранняя, чем та, что в Сарнатхе, и в ней нет ничего от тенденции к индуистским формам, которые там проявлялись. Здесь также сохранились остатки дорожки для процессий, или расширенного

подвала, которого совершенно нет в Сарнатхе, но который всегда встречается в более ранних памятниках. Он был воздвигнут, как рассказывает нам Хиуэн Тханг, в честь ганзы—гуся, посвятившего себя удовлетворению потребностей голодающей общины бхикшу.^[83]

Третья ступа, если ее можно так назвать, - это знаменитый храм в Будд-Гайе, который стоит непосредственно перед знаменитым деревом Бодхи (*Ficus religiosa*)^[84] под сенью которого Будда достиг полного просветления на тридцать пятом году своей жизни, 588 г. до н.э.. Его история так подробно рассказана Хиуэном Тхсангом^[85], что, кажется, мало сомнений относительно основных фактов дела. Согласно этому авторитету, Ашока построил здесь небольшую вихару, но много времени спустя ее заменил храм высотой 160 футов. высота и 60 футов (20 шагов) в ширину, что является точными размерами нынешнего здания, по словам Каннингема,^[86] и далее нам говорят, что оно было возведено брахманом, которого Махешвара (Шива) в видении предупредил выполнить эту работу. В этом храме была целла, соответствующая размерам найденной там, в которую Брахман поместил статую Будды, сидящего со скрещенными ногами, одной рукой указывая на землю. Кем был этот Брахман, мы узнаем из надписи, переведенной мистером Уилкинсом в первом томе "Азиатских исследований" (стр. 284), поскольку вряд ли можно сомневаться в том, что Брахман китайского паломника идентичен Амара Деве из надписи, который был одним из украшений двора Викрамадитьи из Малвы, А.Д. 495-530 гг. н.э. Из бирманской надписи на этом месте, впервые переведенной полковником Берни, мы далее узнаем, что это место, пришедшее в упадок, было восстановлено бирманцами в 1306-1309 годах.^[87]

Из данных, которые предоставляют нам эти отчеты, мы с весьма сносной уверенностью заключаем, что здание, которое мы сейчас видим перед собой ([гравюра на дереве № 16](#)), по сути, возведено брахманом Амарой в начале VI века, но ниши, которые видел Хиуэн Тханг, с золотыми статуями Будды, не могут быть существующими в настоящее время, и скульптурам, которые он упоминает, нет места в нынешнем проекте; и амалаки из позолоченной меди, которые венчали все, как он это видел, исчезли. Изменения в деталях, а также введение расходящихся арок в интерьере, как мне кажется, должны относиться к бирманской реставрации в начале 14 века. Хотя они, следовательно, могли изменить его внешний вид в деталях, вполне вероятно, что перед нами все еще прямолинейный пирамидальный девятиэтажный храм 6 века, сохранивший все свои основные формы - аномальный и непохожий ни на что другое, что мы находим в Индии ни до, ни после, но, вероятно, прародитель многих девятиэтажных башен, найденных за Гималаями, как в Китае, так и в других местах.

16. Храм в Будд-Гайе с деревом Бо.
(С фотографии г-на Пеппе, К.Э.н.)

Со временем мы можем обнаружить другие примеры, которые могут сделать эту благородную башню менее исключительной, чем она кажется сейчас; но, возможно, ее аномальные особенности могут быть связаны с тем фактом, что она была возведена брахманами для буддийских целей в эпоху крайней терпимости,^[88] когда было сомнительно, склонится ли чаша весов в сторону буддийского или брахманического превосходства. Менее чем через полтора столетия после его возведения разразился шторм (A.D. 648 г. н.э.), который в конечном итоге решил судьбу буддизма в Центральной Индии, и после этого лампа лишь прерывисто мерцала во время затишья во время бури.,,,

В Кесерии, в Тирхуте, примерно в 20 милях к северу от Бакры, где находится один из упомянутых выше столпов Ашоки, находятся руины того, что, по-видимому, было очень большим топом. Однако внешне он полностью разрушен и никогда не исследовался, так что мы не можем сказать, какова была его первоначальная форма или назначение.^[89] По всей этой части страны найдено множество буддийских останков, все более или менее разрушенные, и они еще не были исследованы с той тщательностью, которая необходима для установления их формы. Об этом тем более следует сожалеть, поскольку это была родина основателя религии и место, где, по-видимому, первоначально были провозглашены его доктрины. Если в Индии сохранилось что-то старше эпохи Ашоки, то, вероятно, искать это следует в этом районе.

АМРАВАТИ.

Хотя от центральной дагобы в Амравати *in situ* не осталось и следа, если собрать воедино ее фрагменты в Индийском музее, как это сделано на странице 93 "Поклонение дереву и змее", не составит большого труда установить, каковы были ее размеры и общий вид. Он был небольшим, всего от 30 до 35 футов в диаметре, или около 100 футов в окружности, и 50 футов в высоту. Перпендикулярная часть высотой 34 фута была покрыта скульптурами с низким рельефом, изображающими сцены из жизни Будды. Купольная часть была покрыта лепниной, венками и медальонами, выполненными либо рельефно, либо раскрашенными. Не сохранилось ни одного фрагмента, по которому можно было бы установить, какой способ украшения был принят.

В целом, кажется несомненным, что изображение топа на следующей странице ([Гравюра на дереве № 17](#)), скопированное с внутренней ограды в Амравати, точно отражает центральное здание там. На этом рельсе было, вероятно, сорок восемь таких изображений дагобаса. В каждом из них тематика скульптуры различна, но общий дизайн везде один и тот же; и, в целом, гравюру на дереве можно рассматривать как представляющую способ украшения буддийской дагобы в 4-м или 5-м веке, то есть в то время, когда стиль, по-видимому, достиг своей высшей точки развития, по крайней мере, в Индии.

17. Изображение выступа с рельсов в Амравати. (С барельефа в Музее Индии.)

ВЕРШИНЫ ГАНДХАРЫ.

Крайняя скудость образцов, сохранивших свою архитектурную форму в долине Ганга, в какой-то степени компенсируется существованием очень широкого спектра образцов в Афганистане и западном Пенджабе. В своих воспоминаниях об этих топах, опубликованных профессором Уилсоном в его книге "Ариана Антиква", мистер Массон перечисляет и описывает более или менее подробно около шестидесяти примеров, или почти точно такое же количество, которое, по словам генерала Каннингема, существовало в Бхилсе. Однако в данном случае они простираются на 200 миль от Кабула до Инда, вместо всего лишь 16 или 17 миль от Сонари до Андхера. К ним следует добавить примерно пятнадцать или двадцать примеров, найденных в Маникьяле или в ее окрестностях, и, вероятно, примерно столько же до сих пор существует неописанных, всего в этой провинции около 100 ступ.

Несмотря на такое обилие примеров, мы упускаем один, который, вероятно, был лучшим из всех. Когда Фа Хиан проезжал через провинцию в 400 году н.э., он описывает дагобу, которую царь Канишка воздвиг в Пешавуре, как "более 470 футов в высоту и украшенную всевозможными драгоценными материалами, так что все, кто проходил мимо и видел изысканную красоту и изящные пропорции башни и пристроенного к ней храма, восхищенно восклицали, что она ни с чем не сравнима по красоте"; и он добавляет: "Традиция гласит, что это была самая высокая башня в Джамбудвипе".^[90] Когда Хиуэн Тханг проходил этим путем более двухсот лет спустя, он сообщает, что высота башни составляла 400 футов. высокий, но затем он был разрушен — "та часть, которая осталась, полтора ли в окружности (1500 футов) и 150 футов в диаметре". высоко";

и он добавляет, что на двадцати пяти ступенях башни находилось “хо” -10 бушелей реликвий Будды.^[91] В настоящее время от этого памятника не осталось и следа.

Эти северо-западные вершины настолько важны для нашей истории, и у всех них так много общего, и они по стольким характеристикам отличаются от тех, что характерны для собственно Индии, что было бы чрезвычайно удобно, если бы мы могли найти какой-нибудь термин, который описывал бы их, не прибегая ни к теории, ни к географической ошибке. Термин "Афганские вершины", которым их обычно обозначают, слишком современный и имеет тот недостаток, что не включает Пешавур и западный Пенджаб. “Ариана”, как определено профессором Уилсоном, очень близко описывает правильные границы провинции; ибо, хотя она включает Бактрию и долину Верхнего Оксуса, где еще не найдено ни одной вершины, мы знаем от китайских паломников, что в 5 и 7 веках эти страны, вплоть до Хотена, были глубоко буддийскими, и памятники должны существовать, и, без сомнения, их можно найти, если поискать. Название, однако, имеет тот недостаток, что оно, по-видимому, подразумевает существование в этом регионе арийского народа и, следовательно, арийской религии. В то время, на которое он ссылался, это, несомненно, имело место, и поэтому, с точки зрения профессора, это название было применено правильно.

Когда расы, говорящие на санскрите, впервые покинули свои первоначальные поселения в долине Оксуса, они прошли через долину реки Кабул по пути в Индию и задержались, по всей вероятности, как там, так и в Пенджабе, прежде чем достичь своего первого постоянного места на Сарасвати - истинной “Арья Варта”— между Сатледж и Джамной. Также почти наверняка они оставались доминирующей кастой в этих странах вплоть до вторжения Александра и во время господства Бактрийского царства. Однако примерно за 130 лет до христианской эры, если мы можем доверять китайским источникам,^[92] юэчи и другие племена татарского происхождения двигались в этом направлении. Примерно в то же время они свергли бактрийскую монархию и, по-видимому, с тех пор постоянно оккупировали свою страну. Неясно, сразу ли они или через какой промежуток времени проникли в долину Кабул; но между тем временем и христианской эрой последовательные орды юэчи, саков, турусов и хуна хлынули в долину и западный Пенджаб до такой степени, что уничтожили или, по крайней мере, на время вытеснили арийское население и заменили его людьми туранского происхождения, и с этой сменой расы произошла неизбежная смена религии. Следовательно, Турания для наших целей была бы более описательным названием, чем Ариана; но оно недостаточно точное или четко определенное. Насколько известно, ни один народ, когда-либо принимавший буддийскую религию и придерживавшийся ее, не имел в своих жилах большой доли туранской крови, и, следовательно, это название будет включать всех людей, принявших эту веру. Гандхара, напротив, местное название, которое, безусловно, в ранние времена включало лучшую часть этой провинции, а во времена Канишки, похоже, включало все, над чем он правил, и, если это так, то это был бы наиболее подходящий термин, который мы смогли найти.

Более того, у нее есть то преимущество, что она по сути буддийская. Во времена Ашоки он посылал своих миссионеров в Кашмир и Гандхару, и с тех пор Гандхара - это термин, которым во всех буддийских книгах описывается это царство, столицей которого была Таксила и которое, насколько теперь можно установить, почти совпадает с нашей архитектурной провинцией.

Неясно, был Канишка первым буддийским королем этой страны или нет; но, насколько в настоящее время известно, он, похоже, сделал для буддизма в Гандхаре именно то, что Ашока сделал для этой религии в центральной Индии. Он поднял ее с положения борющейся секты до положения государственной религии. Мы знаем, однако, что сам Ашока посылал миссионеров в эту страну;^[93] и, более того, что он выгравировал полный набор своих эдиктов на скале в Капурдири, в 30 милях к северо-востоку от Пешавара, но мы не знаем, какого успеха достигли они или он сам. Несомненно, как замечает профессор Уилсон, “ни в одной из коллекций никогда не встречалась монета греческого принца Бактрии”.^[94] Все местные монеты, которые найдены в них, принадлежат династиям, возникшим после разрушения Бактрийского королевства, и,

согласно тому же авторитетному источнику (стр. 322), “были отобраны из преобладающей валюты, которая не имела никакого отдаленно предшествующего выпуска”; “в то время как греческие бактрийские монеты давно перестали быть в ходу, хотя, возможно, они не стали настолько редкими, чтобы храниться как раритеты” (стр. 44). В этих обстоятельствах профессор Уилсон приходит к выводу, что все топесы “несомненно, относятся к периоду после христианской эры” (стр. 322). Это правда, что некоторые из царей, монеты которых найдены в топах, такие как Гермей, Азес, Кадфис и другие, возможно, жили до этой эпохи, но ни на одной из их монет нет и следа буддизма. Также верно, что на реверсе монет последнего названного короля мы находим буддийскую эмблему в виде тризуба, но она сочетается с быком и трезубцем Шивы столь примечательным образом, что вряд ли можно сомневаться в том, что монарх был последователем индуистской религии, хотя и признавал присутствие буддизма в своем царстве.^[95] Однако в Kanishka все это изменено. Вне всякого сомнения, он был буддистом; он провел собрание, называемое северными буддистами третьим, а южными — четвертым, на котором Нагарджуна, по-видимому, был председательствующим гением. С этого времени тибетцы, бирманцы и китайцы датируют внедрение буддизма в своих странах: однако не старого простого буддизма, известного как хинаяна, который преобладал раньше, а искаженной махаяны, которая, по легенде, была сохранена нагами со времени смерти Будды, от которых ее перенял Нагарджуна и распространил из Пешавара по всей северной и восточной Азии. Это была точно такая же революция, которая произошла в христианской церкви, примерно в то же время после смерти ее основателя. Через шестьсот лет после Рождества Христова Григорий Великий установил иерархическую римско-католическую систему, вытеснив более простые примитивные формы. Шестьсот лет спустя после Нирваны Нагарджуна представил сложную и идолопоклонническую Махайну,^[96] хотя, как мы узнаем от китайских паломников, впоследствии небольшое меньшинство все еще придерживалось малой колесницы, или системы Хинаяны.

Хотя, следовательно, мы, вероятно, можем с уверенностью утверждать, что ни одна из вершин Гандхары не датируется ранее христианской эры, это не потому, что существует какая-либо неотъемлемая, *априорная* невероятность того, что они должны датироваться раньше Канишки, поскольку существует вероятность того, что вершины собственно Индии не могут простираются дальше Ашоки. Здесь нет и следа деревянного строительства. Все построено из камня и, вероятно, скопировано с бактрийских оригиналов, которые, возможно, существовали двумя столетиями ранее. Их даты зависят главным образом от монет, которые почти всегда находят в этих топах вместе с реликвиями. Насколько мне известно, ни в одной индийской топе не было найдено ни одной монеты. Они встречаются сотнями в этих северо-западных районах и всегда устанавливают дату, после которой топоним не может быть перенесен назад, и, как правило, позволяют нам очень близко приблизиться к истинной дате создания рассматриваемого памятника. Если работы Канишки самые ранние, что, по-видимому, так и есть, то великая, которую он начал в Маникьяле, вероятно, также является последней, завершенной в ее нынешнем виде, поскольку под 12 футами сплошной каменной кладки была найдена монета Ясовермы из Канужи, и его дату нельзя перенести дальше 720 г. н.э.. Следовательно, между этими датами должна располагаться вся эта великая группа буддийских памятников.

Вероятно, до Канишки в Гандхаре не было крупных буддийских учреждений, и так же мало, если вообще были, после Ясовермы, однако мы узнаем, что между этими датами эта провинция была по сути такой же буддийской, как и любая другая часть Индии. Фа Хиан настойчиво говорит нам, что закон Будды почитается повсеместно, и перечисляет 500 монастырей,^[97] а Хиуэн Тхан не жалуется на еретиков, в то время как оба пребывают в экстазе от богатства реликвий, выставленных повсюду. Части черепа, зубы, одежды, посохи, сосуды с изображением Будды — отпечатки его стоп, даже его тень — можно было увидеть в этом привилегированном районе, который, кроме того, был освящен многими действиями, увековеченными башнями, возведенными на том месте, где совершались эти достойные деяния. Многие из этих мест были идентифицированы, и еще больше, без сомнения, вознаградит усердие будущих исследователей,

но пока известно достаточно, чтобы сделать эту провинцию одной из самых интересных во всей Индии для изучения традиций или искусства средневекового буддизма.

Древности западной части провинции были впервые исследованы доктором Хонигбергером в 1833-34 годах,^[98] и результаты его нумизматических открытий опубликованы в Париже и других местах; но единственный отчет, который у нас есть о самих зданиях, - это отчет мистера Массона, который с исключительной настойчивостью и проницательностью завершил то, что доктор Хонигбергер оставил незавершенным.^[99] Те Восточного округа и об Manikyala впервые были исследованы общие Вентура и М. Суд, офицеры на службе Runjeet петь, и результатом их исследований опубликованы Принсепия в третьем томе его "журнале" в 1830 году, но значительно больше света был брошен на них исследования общие Каннингем, и опубликовал в своем 'археологические отчеты за 1863-1864.

ВЕРШИНЫ ДЖЕЛАЛАБАДА.

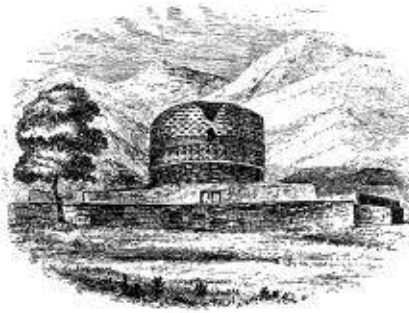
Вершин, исследованных и описанных мистером Массоном как существующих вокруг Джелалабада, насчитывается тридцать семь, а именно восемнадцать относятся к группе Дарунта, шесть в Чахар Баге и тринадцать в Хидде. Примерно в половине из них были найдены монеты и реликвии более или менее важной важности, что доказывало, что даты их возведения простираются от христианской эры или, возможно, за несколько лет до нее, до 7-го или 8-го века.

Одним из наиболее примечательных из них является дом № 10 в Хидде, в котором, помимо целого музея драгоценных камней и колец, хранились пять золотых солидов императоров Феодосия (408 г. н.э.), Маркиана и Льва (474 г.); две золотые монеты Кануж и 202 сасанидские монеты, простирающиеся до Хиджры, если не дальше.^[100] Следовательно, этот топ, должно быть, относится к VII веку и был бы наиболее удобной вехой в истории архитектуры, если бы не то, что весь его внешний вид полностью ободран, так что не осталось никаких архитектурных украшений, и, по-видимому, из-за трудности их определения, в тексте не указаны размеры.^[101] Около половины остальных содержали реликвии, но ни одна из них не была найдена такой богатой, как эта.

По общему виду они значительно отличаются от только что описанных великих индийских вершин, поскольку все они выше по сравнению с их шириной и имеют гораздо более башнеобразный вид, чем любые другие, найденные в Индии, за исключением Сарнатха. Они также меньше, самый большой в Дарунте имеет всего 160 футов в окружности. Это примерно обычный размер топов первого класса в Афганистане, высота второго класса составляет чуть более 100 футов, в то время как многие из них намного меньше.

Почти в каждом случае они, по-видимому, стояли на квадратном основании, хотя во многих оно было удалено, а в других завалено мусором. Над ним возвышается круглое основание или барабан, увенчанный поясом, иногда состоящим просто из двух архитектурных струнных рядов с разноцветными камнями, расположенными между ними в виде узора из подгузников. Иногда это пространство занимает ряд простых пилястр. В более общем плане пилястры соединены арками, иногда круглыми, иногда круглой формы. В одном из примеров — Red Tоре — они представляют собой попеременно круглые и трехсторонние арки. В том, что этот пояс представляет собой ограждающий рельс в Санчи и пилястрированное основание в Маникьяле, сомневаться не приходится. Однако это свидетельствует об очень значительном изменении стиля - обнаружить, что он поднят так высоко над памятником, как здесь, и настолько полностью отличается от своего первоначального назначения.

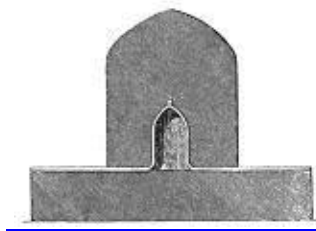

18. Топ в Бимеране.

(С рисунка мистера Массона из "Арианы Антиква" Уилсона.)

Вообще говоря, купол или крыша возвышаются непосредственно над этим, но ни один пример из этой группы не сохраняет свое окончание в идеальном состоянии. Некоторые, по-видимому, имели полусферические крыши, некоторые более или менее конические, большей или меньшей крутизны; а некоторые (как та, что представлена на гравюре на дереве № 18), вероятно, были плоскими или лишь с небольшим возвышением в центре. Представляется вероятным, что могла существовать какая-то связь между формой крыши и целью, с которой был возведен выступ. Но у нас нет никаких доказательств, которые привели бы нас к какому-либо решению по этому вопросу.

19. Топ, Султанпур.

(С рисунка мистера Массона из "Арианы Антиква" Уилсона.)

Одна интересная особенность была выявлена мистером Массоном при раскопках топа в Султанпуре и показана в прилагаемом разделе ([Гравюра на дереве № 19](#)). Доказано, что первоначально памятник состоял из небольшого выступа на большом квадратном основании, на вершине которого находилась реликвия. Впоследствии он был увеличен в размерах за счет постройки над ним второй башни.

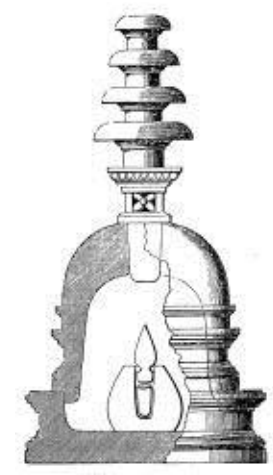
Помимо уже упомянутых, в окрестностях Кабула есть еще около двадцати или тридцати вершин, но все они сильно разрушены и мало что имеет сколько-нибудь заметный вид. Так, по крайней мере, мы можем заключить из очень краткого упоминания о них г-на Массона. Без сомнения, многие другие все еще остаются в местах, доселе не посещавшихся европейцами.

В непосредственной близости от всех этих вершин находятся пещеры и курганы, первые из которых являются резиденциями жрецов, вторые по большей части являются местами захоронений, возможно, в некоторых случаях небольшими святилищами-реликвиями. Их точное назначение не может быть установлено без тщательного расследования лицами, досконально знакомыми с предметом. Однако по-прежнему остается много вопросов, представляющих большой интерес, которые требуют прояснения путем фактического изучения. Когда это будет сделано, мы можем надеяться, что сможем с некоторой уверенностью судить об их сходстве с индийскими постройками, с одной стороны, и с постройками Персии - с другой.

МАНИКЯЛА.

Однако наиболее важной группой вершин Гандхары является группа вершин Маникьялы в Пенджабе, расположенная между Индом и Джелумом, или Гидаспом. В этом месте найдено пятнадцать или двадцать образцов, большинство из которых были открыты генералом Вентурой и М. Кортон примерно в 1830 году, когда в нескольких из них были обнаружены реликвии огромной ценности, хотя никаких записей о большей части их раскопок не сохранилось. В одном из них, открытом М. Кортон, была обнаружена квадратная камера на высоте 10 футов над уровнем земли. В ней находился золотой цилиндр, заключенный в цилиндр из серебра, а тот снова в цилиндр из меди. Во внутреннем находились четыре золотые монеты, десять драгоценных камней и четыре жемчужины. Это, без сомнения, были реликвии, которые топ должен был сохранить. Надпись прочитана лишь частично, но, безусловно, содержит имя Канишки, [\[102\]](#), чтобы мы могли быть уверены, что она была возведена во время его правления. Некоторые римские монеты были найдены сильно изношенными, как будто от длительного использования, [\[103\]](#) до того, как они достигли этой отдаленной местности; и, поскольку они датируются 33 годом до н.э., [\[104\]](#) памятник был установлен после этой даты. Все золотые монеты принадлежали Канишке. Следовательно, эта башня вряд ли могла быть возведена ранее, чем за двадцать лет до Рождества Христова; насколько позже, мы сможем сказать только тогда, когда узнаем больше о дате и истории монарха, которому она обязана своим происхождением. Для антиквара это исследование представляет значительный интерес, но в меньшей степени для архитектора, поскольку топол настолько полностью разрушен, что теперь невозможно различить ни его форму, ни размеры.

Другой был недавно открыт генералом Каннингемом, в камере хранения реликвий которого он нашел медную монету, принадлежащую сатрапу Зейонису, который, как предполагается, правил этой частью страны примерно в христианскую эру, и поэтому мы можем предположить, что башня была возведена им или в его время. Эта и другие реликвии были заключены в стеклянный сосуд с пробкой, помещенный в миниатюрное изображение самого столба, 4½ дюйма. ширина у основания 8½ дюйма. высокий ([Гравюра на дереве № 20](#)), который можно рассматривать как точное представление о том, каким был топ или каким должен был быть в те времена. Однако он, возможно, выше, чем был бы пример конструкции; и тройник с его четырьмя зонтиками, без сомнения, преувеличен.

20. Шкатулка с реликвиями из Топы в Маникьяле. (Найдена и нарисована генералом. Каннингем. [\[105\]](#))

Главный вид этой группы, пожалуй, самый замечательный в своем классе в Индии, хотя и уступает по размерам нескольким видам на Цейлоне. Впервые это заметил Маунтстюарт Эльфинстон, и он опубликовал очень правильный взгляд на это вместе с рассказом о своей миссии в Кабул в 1815 году. Впоследствии, в 1830 году, он был тщательно исследован генералом

Вентурой, и Принсеп опубликовал полный отчет о его исследованиях в третьем томе своего 'Дневника'. С тех пор его подвал был очищен от мусора, который скрывал его на глубину от 12 до 15 футов. повсюду работали сотрудники Департамента общественных работ. Они также составили тщательные планы и разделы всего комплекса, рукописные копии которых сейчас передо мной.

Из них следует, что купол представляет собой точную полусферу диаметром 127 футов и, следовательно, насколько это возможно, 400 футов в окружности. Внешний круг имеет аналогичные размеры 159 футов 2 дюйма, или 500 футов в окружности, и на него ведут четыре очень величественных лестничных пролета, по одному с каждой стороны, ведущие к дорожке для процессий шириной 16 футов, украшенной как сверху, так и снизу рядом карликовых пилястр, представляющих собой отдельно стоящие перила древних индийских памятников. Действительно, одной из наиболее заметных характеристик этих вершин Гандхары является то, что ни одна из них не имеет или, кажется, когда-либо имела каких-либо следов независимых перил; но все они имеют декоративный пояс пилястр, соединенных, как правило, арками, имитирующими оригинальные перила. Вряд ли это ранняя архитектурная форма, и это наводит на подозрение, что, несмотря на их отложения, их внешняя оболочка может быть намного более современной, чем монеты, которые они содержат.

О внешнем виде вершины Маникьяла в ее нынешнем полуразрушенном состоянии можно судить по виду ([Гравюра на дереве № 21](#)). Все, что действительно требуется для завершения его очертаний, - это тройник, который был неизменным дополнением к этим зданиям; ни одна другая особенность не исчезла полностью. Восстановленный фасад, полусекция, полуповышение ([Гравюра на дереве № 22](#)) в обычном масштабе, от 50 футов до 1 дюйма, позволит [сравнить его с другими памятниками; а сечение и высота основания](#) ([гравюра на дереве № 23](#), следующая страница) объяснят его архитектурные детали, насколько их можно разглядеть.....

21. Вид на вершину Маникьяла.
(С фотографии.)

24. Шкатулка с реликвиями, Маникьяла.

Если бы это было все, было бы легко утверждать, что первоначальная вершина меньшего размера, как показано в разделе ([Гравюра на дереве № 22](#)), была возведена Канишкой или в его эпоху, и что квадратный блок на ее вершине был первоначальной вершиной, и что в 8 веке к ней была пристроена оболочка толщиной 25 футов, но сохранившая первоначальную форму, и благодаря расширенному пути процессии она приняла свой нынешний вид, который намного ниже, чем мы могли бы ожидать, исходя из ее возраста.

Однако против этой теории есть один неприятный маленький факт. Говорят, что фрагмент^[107] или, как напечатано, три сасанидские монеты были найдены на глубине 64 футов (69 футов от готовой поверхности); и если это было так, поскольку вся каменная кладка была найдена совершенно твердой и нетронутой от поверхности до основания, весь памятник должен соответствовать возрасту этой монеты. Однако, как выгравировано, это такой фрагмент,^[108] что вряд ли на нем можно основываться. Если только генерал не обнаружил его сам и не обратил на него внимания в то время, он мог быть так легко неправильно маркирован или перепутан с другими сасанидскими фрагментами, принадлежащими к верхним отложениям, что его местоположение могло быть неверно описано. Если, однако, их было трое, этого объяснения будет недостаточно. Возможно, однако, что основное месторождение было доступно, как, как мы знаем, иногда случалось^[109] в данном случае, на дне открытого колодца или боковой галереи, до начала перестройки в 8 веке, и только тогда оно было застроено прочно. Если, однако, ни одного из этих объяснений недостаточно, то гора Маникьяла - это тайна и загадка, которую я не могу разгадать. Если мы можем пренебречь этим месторождением, его история кажется самоочевидной, как объяснено выше. Но каким бы ни было его внутреннее устройство, кажется совершенно очевидным, что его нынешний внешний вид обусловлен перестройкой в начале VIII века.

Генерал Каннингем идентифицирует вершину М. Корта как Хута Мурта, одну из самых знаменитых вершин в провинции, воздвигнутую в память о Будде на предыдущей стадии существования, предложившем свое тело, чтобы утолить голод тигра, и — согласно другой версии — его семи голодающих детенышей;^[110] но, как уже отмечалось, от ее внешнего покрытия теперь ничего не осталось. К сожалению, то же самое верно и для всех остальных пятнадцати вершин в этом месте, и, что еще хуже, для всех пятидесяти или пятидесяти пяти, которые все еще можно идентифицировать в Таксиле. Как замечает генерал Каннингем, из всех этих шестидесяти или семидесяти ступ нет ни одной, за исключением великой ступы Маникьяла, которая сохранила бы в своем первоначальном положении единственный обработанный камень внешней облицовки;^[111] следовательно, ни одна из них не имеет права на более подробное упоминание в работе, полностью посвященной архитектуре.

ГЛАВА IV.

РЕЛЬСЫ.

Содержание.

Рельсы в Бхархуте, Муттре, Санчи и Амравати.

Это только недавно наши быстро растущие знания позволили нам оценить важную роль, которую рельсы играют в истории буддийской архитектуры. Ограда большого моста в Санчи, это правда, известна давно; но это самая простая из когда-либо обнаруженных, и без надписей, которые на ней найдены, и шлюзов, которые впоследствии были к ней пристроены, представляет мало особенностей, способных заинтересовать кого-либо. В Санчи есть второй рельс, более орнаментированный и интересный, но он еще не был опубликован таким образом, чтобы сделать понятными его особенности или историю. То же самое, по крайней мере частично, верно и в отношении великой железной дороги в Будд-Гайе, хотя она является одной из старейших и прекраснейших в своем роде. Однако, когда скульптуры Амравати были извлечены на свет и собраны по кусочкам, [\[112\]](#) было замечено, что перила могут стать, и в данном случае стали, одной из самых сложных и декоративных особенностей стиля. С тех пор генерал Каннингем нашел два или три зарытых рельса в Муттре, и его кульминационное открытие большого рельса в Бхархуте ясно показало, что это была особенность, на которую ранние буддийские архитекторы расточали все ресурсы своего искусства, и от изучения которой мы, следовательно, можем ожидать наибольших знаний.

Две старейшие железные дороги, о которых нам что-либо известно в Индии, - это те, что в Буддх-Гайе, и те, что недавно обнаружены в Бхархуте. Первый, по мнению генерала Каннингема, не может быть намного более поздним, чем Ашока. [\[113\]](#) Последний в своем "Меморандуме", [\[114\]](#) он относит возраст этого монарха. Эти определения он основывает главным образом на форме символов, используемых в надписях на них, которые, безусловно, почти идентичны тем, которые используются на латах. Из них и деталей скульптур совершенно очевидно, что их возраст не может сильно отличаться от датировок, которые им присвоены. Однако в целом я склонен полагать, что железная дорога Будд-Гайя действительно была возведена Ашокой или во время его правления. Во всяком случае, мы знаем из пятнадцатой главы "Махавансо", что даже если он и не поклонялся этому дереву, он, безусловно, почитал его до такой степени, что, когда он послал свою дочь Сангамитту помочь в обращении Цейлона в истинную веру, он срезал и доверил ей ветку этого дерева, посаженную в золотой сосуд. Это дерево было пересажено с бесконечной церемонией в Анурадхапуре, и оно, или его прямой потомок, остается главным *нуменом* острова по сей день. Хиуэн Тхан говорит нам, что Ашока построил небольшую вихару к востоку от дерева на том месте, где стоит нынешний храм; [\[115\]](#) и, следовательно, нет ничего более вероятного, чем то, что он должен был добавить эту перекладину, которая концентрична его вихаре, но не дереву.

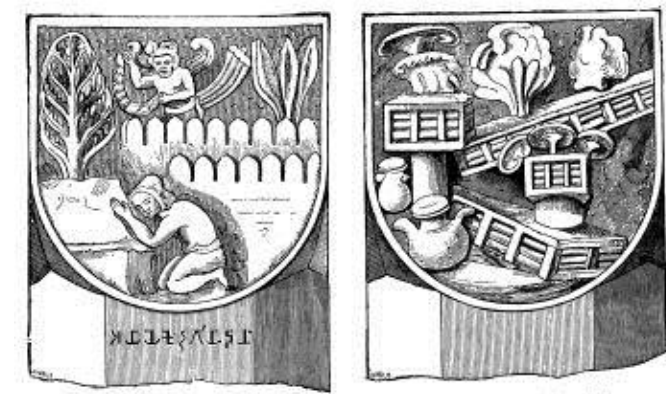
Конечно, нет ничего невероятного в том, что он должен был это сделать, поскольку вряд ли можно сомневаться в том, что это было то дерево, под сенью которого Сакья Муни достиг "полного просветления", или, другими словами, состояния Будды; и, следовательно, никакое место не могло считаться более священным в глазах буддиста и, скорее всего, не вызывало большего почтения с тех пор.

Перила Бхархута, согласно надписи на них, были возведены принцем Вадхой Палой, сыном Раджи Дханабхути, — имя, которое мы не можем узнать ни в одном списке, но вряд ли оно могло быть современником всемогущего и всепроникающего правления Ашоки, и, следовательно, должно было быть более поздним, поскольку, насколько нам теперь известно, до него в Индии не

было возведено подобных сооружений. Окончательное определение относительной даты этих двух памятников будет зависеть от тщательного сравнения их скульптур, а для этого в нашей стране нет соответствующих материалов. Благодаря доброте генерала Каннингема у меня есть почти полный набор фотографий скульптур Бхархута, но нет ни одной фотографии железной дороги Будд-Гайя. Это правда, что рисунки майора Киттоу из библиотеки Дома Индии намного лучше, чем те, что были опубликованы генералом Каннингемом в его отчете,^[116] но их недостаточно для этой цели. Однако пока, насколько позволяют судить имеющиеся в настоящее время свидетельства, кажется почти несомненным, что скульптуры Бхархута на полвека ближе к скульптурам ворот в Санчи, чем к скульптурам в Будд-Гайе; и, следовательно, мы можем, по крайней мере, на данный момент, предположить, что перила Будд-Гайи датируются 250 годами до н.э., что в Бхархуте 200 лет до н.э., а ворота в Санчи варьируются от 10 до, скажем, 70 или 80 года н.э.^[117]

Рельсы Будд-Гайя представляют собой прямоугольник размером 131 на 98 футов и сильно разрушены. Его размеры были, действительно, получены только путем раскопок. Столбы, по-видимому, имеют высоту всего 5 футов 11 дюймов. по высоте и обычно украшены полудисковым верхом и низом, содержащими одну фигуру или группу из нескольких. У них также есть центральный круглый диск с изображением животного или бюста в центре лотоса. Похоже, что ни одна часть верхней перекладины не была восстановлена, и ни одна из промежуточных перекладин между колоннами не скульптурна. Как самый древний скульптурный памятник в Индии, было бы чрезвычайно интересно полностью проиллюстрировать этот рельс,^[118] не столько из-за его художественных достоинств, сколько потому, что это самый ранний подлинный памятник, представляющий нравы и мифологию Индии. Его религия, как и следовало ожидать, состоит в основном из поклонения деревьям и Змеям, смешанного с почитанием дагоб, колес и буддийских эмблем. Бытовые сцены изображают занятия любовью и выпивку - все, что угодно, кроме Будды или буддизма, как мы впоследствии придем к пониманию этого термина.

25. Поклонение дереву: рельс Будд Гая. 26. Шкатулка с реликвиями: рельс Будд Гая.

БХАРХУТ.

Какой бы интерес ни вызывали рельсы в Буддхгае, они в десять раз превосходят недавно открытые рельсы в Бхархуте, которые в целом, пожалуй, являются самым интересным памятником — конечно, с исторической точки зрения — из известных в Индии. Сама вершина, которая, по-видимому, имела 68 футов в диаметре, полностью исчезла, поскольку использовалась туземцами для строительства своих деревень; но около половины перил, которые были частично сброшены и погребены под мусором, все еще сохранились. Первоначально он был 88 футов в диаметре и, следовательно, около 275 футов в длину. Он был разделен на четыре сектора четырьмя входами, каждый из которых охраняли статуи высотой $4\frac{1}{2}$ фута. высокие, рельефно вырезанные по углам колонны якшей и якшини, а также нага раджас — представители, собственно, тех народов, которые впоследствии стали буддистами. Только восточные ворота, по-видимому, были украшены Тораном — или, как сказали бы китайцы, “Пайлу”, — похожим на те, что были в Санчи. Один из его столбов показан на следующей гравюре на дереве (№ 27), и при раскопках было найдено достаточное количество фрагментов, чтобы генерал Каннингем мог восстановить его с почти абсолютной уверенностью. Судя по его реставрации, его длина составляла 22 фута 6 дюймов. на высоте от земли до вершины чакра, или колесо, которое было центральной эмблемой на вершине всего, поддерживалось орнаментом из жимолости необычайной красоты. На балках не было человеческих фигур, как в Санчи. На нижней была изображена процессия слонов, приносящих подношения дереву; на средней балке аналогичным образом были изображены львы; верхняя балка не была восстановлена, но концы балок украшены обычными крокодилами и изображены фасады зданий, нарисованные так правильно, что мы можем распознать все их особенности в ныне существующих зданиях, высеченных в скале.

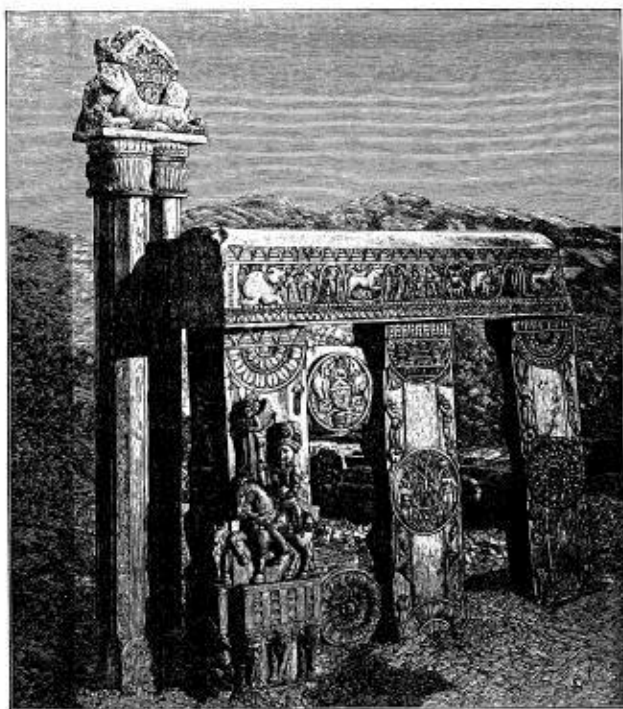
Торан, больше всего похожий на этот, возвышается над южным входом в Санчи, который по причинам, указанным в другом месте, [\[119\]](#) Я полагаю, что он не только самый старый из четырех найденных там, но и возведен в первой четверти первого века нашей эры (с 10 по 28 год н.э.). Этот, однако, настолько более деревянный, чем даже тот, и конструктивно настолько неполноценный, что я бы, исходя только из архитектурных соображений, был склонен утверждать, что он был по меньшей мере на столетие старше, и не вижу причин, почему бы ему не быть на два столетия древнее. Возраст рельса, однако, не зависит от этого определения, поскольку торан, возможно, был добавлен позже.

Рельс, по-видимому, имел высоту 9 футов, включая перекладину, и имел три диска на промежуточных рельсах. Внутренняя сторона верхней перекладины была украшена непрерывным рядом барельефов, отделенных друг от друга красивым струящимся завитком. Внутренняя сторона

дисков также была украшена подобным орнаментом, а на некоторых колоннах с трех сторон были изображены трехъярусные барельефы. В общей сложности, я полагаю, было найдено не менее сотни отдельных барельефов, все представляющие какую-либо сцену или легенду того времени, и почти на всех начертаны не только имена изображенных главных лиц, но и название джатаки, или легенды, так что их легко узнать в книгах, которые сейчас распространены в буддийских странах.

Это единственный памятник в Индии с такой надписью, и именно это придает ему такую ценность не только для истории искусства, но и для буддийской мифологии. [\[120\]](#)

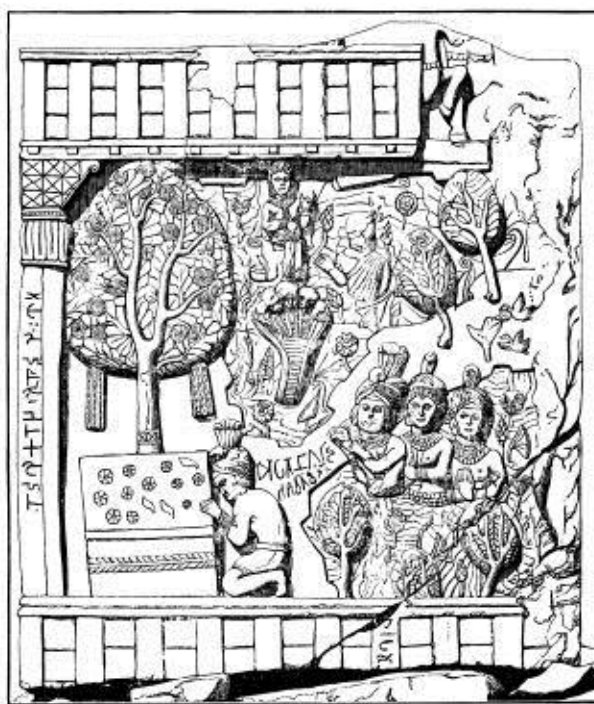
27. Часть рельсов в Бхархуте, обнаруженная впервые.

(С фотографии.)

Если бы эта работа претендовала на роль истории индийского искусства, включая скульптуру, было бы необходимо проиллюстрировать этот рельс в гораздо большей степени, чем делается сейчас; но поскольку с архитектурной точки зрения он едва ли важнее других, эту задачу вполне можно оставить на усмотрение его первооткрывателя. Между тем, однако, нельзя слишком сильно настаивать на том, что представленное здесь искусство является исключительно местным. Здесь нет абсолютно никаких следов египетского влияния. Это, действительно, во всех деталях противоположно этому искусству; здесь нет и следа классического искусства; и нельзя утверждать, что что-либо из здесь представленного могло быть заимствовано непосредственно из Вавилонии или Ассирии. Капители колонн действительно чем-то напоминают те, что в Персеполе, и орнаменты из жимолости указывают в том же направлении; но, за исключением этого, искусство, особенно фигурная скульптура, принадлежащая перилам, кажется искусством, разработанным на месте индийцами, и только индийцами. [\[121\]](#)

Предполагая, что эти факты соответствуют изложенным, они приводят к одному или двум выводам, которые имеют важное значение для наших исследований. Во-первых, архитектура этих рельсов с их тораном в большей степени деревянная, чем даже в Санчи, и, насколько это возможно, подтверждает вывод о том, что в период их возведения стиль переходил от дерева к камню. Однако, с другой стороны, скульптура настолько четкая, а каждая деталь так хорошо и умно выражена в твердом песчанике, из которого она вырезана, что столь же очевидно, что резчики были прекрасно знакомы с материалом, который они использовали. Это далеко не первая попытка. У них, должно быть, были долота и инструменты, вполне пригодные для обработки

самого твердого камня, и они, должно быть, были прекрасно знакомы с их использованием. Сколько времени им могло потребоваться, чтобы достичь такой степени совершенства в резьбе по камню, конечно, невозможно угадать без дополнительных данных; но, должно быть, прошли столетия. Хотя, следовательно, мы можем отчаяться найти какие-либо архитектурные сооружения старше времен Ашоки, ни в коем случае не исключено, что мы можем найти изображения или барельефы и надписи гораздо более ранней даты, и для истории Индии и ее искусства они были бы столь же полезны, как и более крупные примеры. Они, как и этот рельс, вероятно, погребены под каким-нибудь заброшенным курганом или руинами какого-нибудь забытого города и будут обнаружены только в результате раскопок или случайно.

28. Поклонение дереву и Змее в Бхархуте.
(С фотографии.)

Пока мы должны довольствоваться знанием того, что теперь мы прекрасно знаем, каково было состояние искусства в Индии, когда греки впервые посетили ее. Ни Буддхгая, ни бхархутских рельсов, правда, не существовало во времена Александра; но оба были возведены в пределах столетия, в котором Мегасфен посетил страну в качестве посла от Селевка, и главным образом от него мы знаем, какой была Индия в то время. Если он не видел этих памятников, то, должно быть, видел другие, подобные им, и, во всяком случае, видел резьбу, выполненную в том же стиле, а также деревянные чайтьи и храмы, похожие на те, что изображены на этих скульптурах. Но один из любопытных моментов, которые они выявляют, заключается в том, что религиозные обряды, свидетелем которых он был при дворе царя-брахмана Чандрагупты, - это не те, свидетелями которых он был бы, если бы был назначен своим буддийским внуком великим Ашокой. Там, как и везде в этом возрасте, все буддийское, но это буддизм без Будды. Он нигде не появляется ни как небесный человек, которому нужно поклоняться, ни даже как аскет. Ближайшее указание на его присутствие находится в сцене, где Аджатасатра — царь, в правление которого он достиг Нирваны, — преклоняет колени перед алтарем, перед которым сохранились отпечатки его стоп. Его ноги также, кажется, отпечатались на ступеньке тройной лестницы, по которой он спустился с Небес в Санкиссе; можно узнать сон Майи и спуск белого Слона, а также другие признаки, достаточные, чтобы убедить эксперта в том, что буддизм - это указанная религия. Но, как и в Санчи, безусловно, самыми многочисленными объектами поклонения в этих скульптурах являются деревья, одно из которых, как гласит надпись, является деревом Бодхи Сакья Муни.

Кроме того, на этих скульптурах изображены деревья шести или семи его предшественников, и как по их листве, так и по надписям мы можем легко узнать в них те, которые известны в наши дни как принадлежащие этим предыдущим Буддам.^[122]

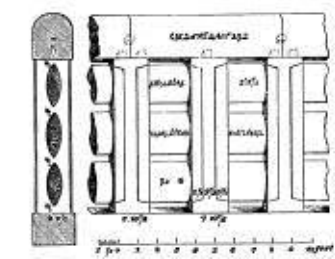
Народ нага и короли с их пятиглавыми змеиными капюшонами встречаются часто; но пока был выявлен только один случай, когда можно сказать, что змею поклонялись. Занятия любовью и выпивка здесь представлены не так, как в Санчи, и женщины не представлены обнаженными, как в Муттре. Все прилично одеты, по крайней мере, ниже пояса, и в целом манеры и обычаи в Бхархуте настолько же чище, насколько лучше искусство, чем в более современном примере в Санчи.

МУТТРА.

При раскопках в Муттре генерал Каннингем нашел несколько опор рельсов, которые, судя по стилю, скорее всего, примерно того же возраста, что и в Бхархуте, или, возможно, немного более современные, но все же определенно предшествующие христианской эре. Столбы, однако, имеют высоту всего 4½ фута. и никаких следов верхней направляющей или промежуточных дисков обнаружено не было. Каждая колонна украшена горельефной фигурой обнаженной женщины, исключительно хорошо выполненной, богато украшенной ожерельями и браслетами, а также поясом из бисера или связкой вокруг их середины. Каждый стоит на скорчившемся карлике, и над каждым, в отдельном отсеке, находятся бюсты двух фигур, мужской и женской, в несколько меньшем масштабе, либо занимающихся бурной любовью друг с другом, либо пьющих что-то покрепче воды.^[123]

Хотя скульптуры в Санчи и Каттаке познакомили нас с некоторыми странными сценами, которые можно было бы назвать антибуддийскими, этот рельс вряд ли может быть буддийским. Мы, действительно, не знаем, было ли оно прямым или круглым, или к какому классу зданий оно относилось. Если бы оно было частью дворца, это не вызвало бы возражений. Но если бы он принадлежал храму, то должен был быть посвящен Кришне, а не Будде. На самом деле не исключено, что какая-то форма вишнуизма могла сосуществовать с буддизмом в окрестностях Биндрабуна даже в столь раннем возрасте. Но это проблемы, существование которых до нас только доходит, и которые не могут быть исследованы в работе, подобной настоящей.

САНЧИ.

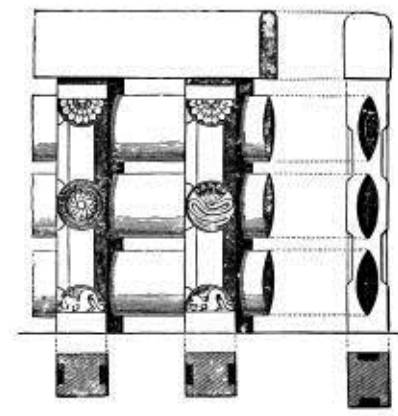

29. Рельсы в Санчи.

(С рисунка генерала. Каннингем.)

Хотя рельсы, окружающие вершушки в Санчи, сами по себе не так интересны, как рельсы в Буддхгае и Бхархуте, все же они полезны для демонстрации различных этапов, с помощью которых были разработаны способы декорирования рельсов, а тораны, или шлюзы великой железной дороги, не имеют себе равных среди других известных примеров, существующих в Индии. Ограждение, окружающее великую вершину, можно описать как круглое ограждение диаметром 140 футов, но не совсем правильное, имеющее форму эллипса с одной стороны, чтобы пропускать пандус или лестницу, ведущие к насыпи или дорожке для процессий, окружающей памятник. Как видно из прилагаемой гравюры на дереве (№ 29), он состоит из восьмиугольных

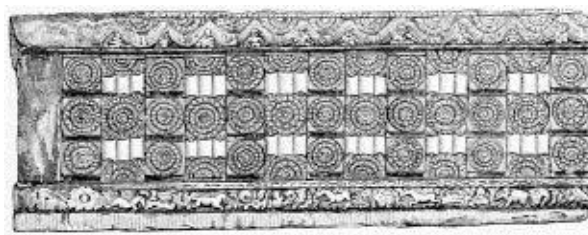
столбов высотой 8 футов, расположенных на расстоянии 2 футов друг от друга. Вверху они соединены рейкой глубиной 2 фута 3 дюйма, удерживаемой на своем месте с помощью шипа, вырезанного в верхней части столбов, как в Стоунхендже; между столбами расположены три промежуточных рейки, которые вставлены в отверстия в форме линз с обеих сторон, что в целом показывает, насколько по сути деревянная конструкция. Столбы, например, не могли быть установлены первыми, а рельсы добавлены позже. Должно быть, они были вставлены в правую или левую стойку и поддерживались, пока следующую стойку сдвигали вбок, так, чтобы охватить их концы, и когда верхняя рейка была убрана, все вместе стало зазубренным, как плотницкое изделие, но не так, как выполнялись какие-либо каменные работы ни до, ни после.

30. Рельс, № 2, Топ, Санчи.

(С рисунка полковника Мэйзи.)

Примером следующего этапа проектирования рельсов является работа № 2 Торе, Sanchi ([Гравюра на дереве № 30](#)); в центре каждой стойки добавлены круглые диски, а сверху и снизу - полукруглые пластины. В столярном деле круглые представляли бы собой большой гвоздь, предназначенный для удержания центральной планки на своем месте; полудиски, верхние и нижние, металлические пластины для укрепления соединений — и это, по-видимому, действительно могло послужить источником этих форм.

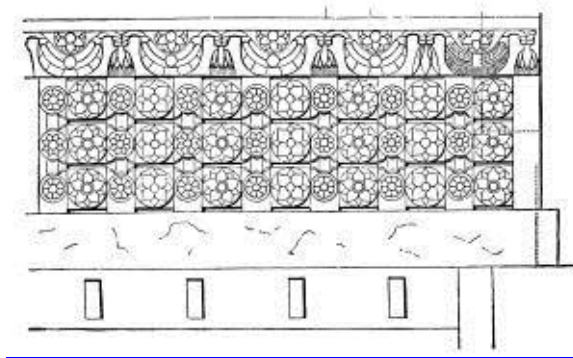

31. Изображение рельса.

(С барельефа в Амравати.)

Если исходя из этого мы попытаемся проследить прогресс, достигнутый в украшении этих рельсов, то, по-видимому, он был достигнут путем помещения круглого диска в каждый из промежуточных рельсов, как показано на гравюре на дереве (№ 31), скопированной с изображения внешней поверхности рельса Амравати, вырезанного на нем. В настоящих перилах стойки пропорционально выше, а промежутки несколько шире, но во всех остальных отношениях они те же — внизу тот же зоофор, а сверху те же обычные фигуры с наклоном, и обе эти особенности встречаются почти везде.

32. Перила в пещере Гаутамипутра, Насик.

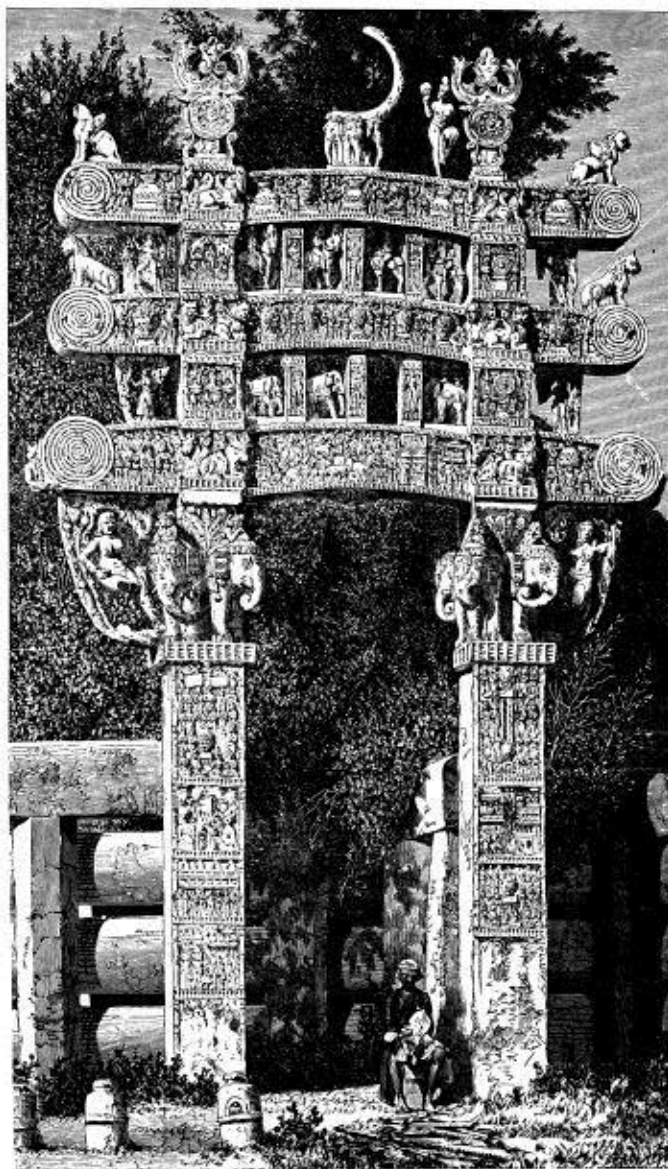
Была достигнута четвертая стадия в том, что показано на следующей гравюре на дереве (№ [32](#)), начиная с изображения рельса в пещере Гаутамипутра в Насике, с 312 по 333 гг. н.э., где на столбах, а также на направляющих имеются три полных диска, и, без сомнения, еще можно найти другие вариации; но и их достаточно, чтобы показать, как диски множились до тех пор, пока столбы почти не превратились в исчезающие величины в композиции.

Однако величайшим нововведением, которое имело место, была замена фигур-скульптур на дисках в виде лотоса или водяных листьев, если это можно назвать нововведением, которое, безусловно, имело место в деревянную эпоху архитектуры, до того, как появилась мысль воплотить эти вещи в камне. Самые ранние рельсы, которые мы знаем, в Буддх-Гайе и Бхархуте, показывают, что эти изменения уже завершены описанным выше способом. Следовательно, незамысловатость рельса или отсутствие фигурной скульптуры не являются показателем его большей или меньшей древности, хотя чрезмерное увеличение количества дисков, как показано в последнем примере, по-видимому, имело место незадолго до их прекращения.

Вернемся, однако, к этому отступлению. Ограждение, окружающее великую вершину в Санчи, вероятно, было начато сразу после ее возведения, которое, как объяснялось выше, было, вероятно, во времена Ашоки, 250 г. до н.э.; но поскольку каждое ограждение, как видно из надписи на нем, было подарком другого человека, [\[124\]](#) на возведение могло потребоваться 100 или 150 лет. Возраст торанов установить легче. На южных воротах есть надпись, которая, безусловно, является неотъемлемой, в которой говорится, что ворота были возведены во времена правления царя Сат Карни, и почти наверняка это относится к царю с таким именем, который правил с 10 по 28 год н.э. Поскольку эти ворота, безусловно, самые старые из четырех, это дает нам отправную точку для определения возраста остальных. Следующими были возведены северные. За ним последовал восточный— отливка которого находится в Южном Кенсингтоне, и последним был возведен западный. Стиль и детали всего этого демонстрируют последовательность и прогресс, которые вряд ли могли произойти менее чем за столетие, и, наряду с другими причинами, позволяют нам без особых колебаний утверждать, что четыре шлюза были добавлены к перилам великой башни в первом веке христианской эры, и их исполнение распространилось довольно равномерно в течение этого периода. [\[125\]](#) Северные ворота показаны на общем виде здания ([гравюра на дереве № 10](#)), но более подробно на вырезке (№ [33](#)) на следующей странице.

По конструкции и размерам все эти четыре шлюза очень похожи друг на друга. Северный - самый красивый, [\[126\]](#), а также несколько крупнее остальных. Его столбы, расположенные с нижней стороны нижней балки, имеют длину 18 футов, включая капители в виде слонов, а общая высота до верхней части эмблемы составляет 35 футов. Максимальная ширина нижней балки составляет 20 футов. Другие ворота несколько меньше по размерам, восточные - всего 33 фута в высоту. Двое других упали, и нелегко определить их точные размеры, когда они стояли.

Все эти четыре шлюза, или тораны, как их правильно называют, были покрыты самыми замысловатыми скульптурами как спереди, так и сзади - везде, где, по сути, их поверхность не была скрыта за счет крепления к перилам позади них. Как правило, скульптуры представляют сцены из жизни Будды, когда он был принцем Сиддхартхой, редко, если вообще когда-либо, после того, как он стал аскетом, и нигде он не изображен в общепринятых формах либо стоящим, либо сидящим со скрещенными ногами, которые впоследствии стали универсальными. В дополнение к этому приведены сцены из джатак, или легенд, повествующие о событиях или поступках, имевших место в течение пятисот рождений, через которые прошел Сакья Муни, прежде чем он очистился настолько, что достиг совершенного Состояния Будды. Один из них, Вессантара, или "джатака для раздачи милостыни", занимает всю нижнюю перекладину северных ворот и воспроизводит все события этой замечательной истории в точности так, как она изложена в современных цейлонских книгах.

33. Северные ворота Топе в Санчи.

(С фотографии.)

Помимо этих исторических сцен, поклонение деревьям представлено по меньшей мере семьдесят шесть раз; дагобам, или святыням-реликвиям, тридцать восемь раз; чакре, или колесу, эмблеме

Дхармы—закона, — десять раз; и Деви, или Шри, богине, которая впоследствии в индуистском пантеоне стала супругой Вишну, - десять раз. Эмблема трисула или трезубца, венчающая врата, может быть, и я склонен полагать, что так оно и есть, представляет самого Будду. На левой колонне северных ворот он венчает колонну, увешанную венками и эмблемами, в нижней части которой находятся священные ступни ([Гравюра на дереве № 34](#)). Все это выглядело как мистическая эмблема божества, и было запрещено представлять его в человеческом обличье. Соответствующая сторона противоположной колонны украшена архитектурными свитками, полностью лишенными какого-либо эзотерического значения, насколько это возможно обнаружить, но отличающимися большой красотой рисунка ([Гравюра на дереве № 35](#)).

34. Барельеф на левой колонне Северных ворот.

35. Орнамент на правой колонне Северных ворот.

Другие скульптуры изображают осады и сражения, а также следовавшие за ними триумфы, но, насколько можно судить, для приобретения реликвий или предметов, связанных с верой. Другие изображают мужчин и женщин, которые едят и пьют, занимаются любовью и другими занятиями, в манере, настолько непохожей на все, что мы до сих пор привыкли связывать с буддизмом, насколько это можно себе представить. Как бы то ни было, скульптуры этих ворот образуют идеальную Библию буддизма в том виде, в каком он существовал в Индии в первом веке христианской эры, и как таковые столь же важны исторически, сколь и интересны художественно. [\[127\]](#)

Малая топка (№ 3), расположенная на той же платформе, что и большая топка в Санчи, была окружена перилами, которые сейчас почти полностью исчезли. Однако в нем был один торан, колонны и одна балка которого сохранились до сих пор. Он всего лишь примерно вдвое меньше, чем на большом топе, и имеет размеры около 17 футов в верхней части верхней балки и 13 футов в поперечнике нижней балки. Очевидно, он несколько более современен, чем великие врата, и его скульптуры, похоже, отсылают к деяниям Шарипутры и Моггаланы, чьи мощи, как упоминалось выше, были помещены в его чрево.

Этот топ был всего 40 футов в диаметре, что примерно соответствует размеру топа № 2, содержащего мощи десяти апостолов, которые принимали участие в третьем созыве при Ашоке, а затем в распространении буддийской религии в странах, граничащих с Индией.

Как указывалось выше, рельсы в Буддх-Гайе и Бхархуте представляют собой аналогичную картину буддизма двумя-тремя столетиями ранее. На первый взгляд разница не столь разительна, как можно было бы ожидать, но при ближайшем рассмотрении становится слишком очевидным, что за это время выродились и искусство, и мораль. В скульптурах Бхархута есть точность и

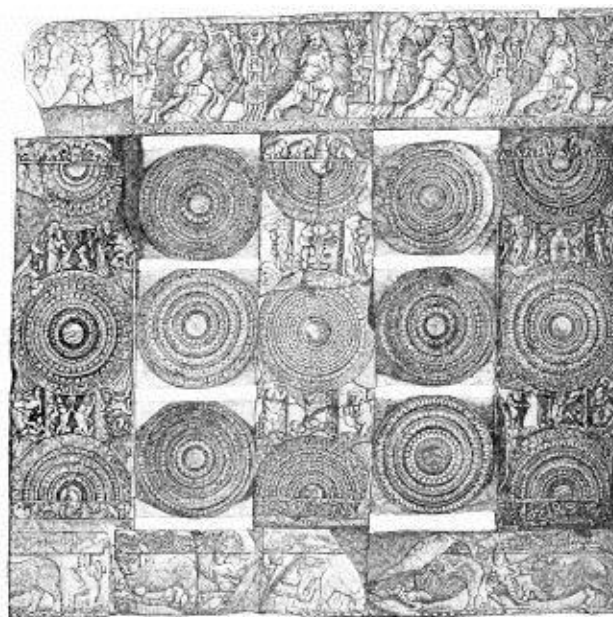
заостренность, которых здесь нет, а выпивка и занятия любовью не встречаются в более ранних скульптурах — они, однако, встречаются в Буддхгае - в той же степени, что и в Санчи. В Бхархуте нет ни одного примера полностью обнаженной фигуры; в Санчи нагота среди женщин - скорее правило, чем исключение. Объекты поклонения почти одинаковы в обоих примерах, но лучше выражены в более ранних, чем в более поздних примерах. Однако до тех пор, пока скульптуры Бхархута не будут опубликованы в тех же деталях, что и скульптуры Санчи, вряд ли справедливо слишком настаивать на каком-либо сравнении, которое может быть проведено между ними. Я полагаю, что знаю почти все, но до публикации работы генерала Каннингема публика не будет иметь такого же преимущества.

Прежде чем оставить эти тораны, возможно, было бы неплохо еще раз привлечь внимание к тому факту, что они, даже более очевидно, чем рельсы, так мало отличались от деревянных оригиналов, из которых они были изготовлены. Никто не может смотреть на них, каким бы небрежным это ни было, не замечая, что их формы таковы, какие мог бы представить себе плотник и сконструировать, но которые не могут быть изобретены ни одним из известных нам способов каменной или кирпичной кладки. Настоящее чудо состоит в том, что, когда была введена новая мода повторять в камне то, что ранее выполнялось только в дереве, у кого-то хватило смелости попытаться возвести такое сооружение из камня; и еще более удивительно то, что после завершения три из них простояли восемнадцать столетий, пока одно не было повалено какими-то неуклюжими англичанами, и что только одно — самое раннее, а следовательно, самое тонкое и деревянное — упало по естественным причинам.

Хотя эти Санчи-тораны не самые ранние образцы своего класса, полностью выполненные из камня, они также не последние. Правда, у нас нет возможности узнать, были ли те, что представлены в Амравати,^[128] выполнены из камня или дерева, но, судя по их различному внешнему виду, некоторые из них, скорее всего, были выполнены из более прочного материала. Во всяком случае, в Китае и Японии их потомки исчисляются тысячами. Пайлу в первой стране и тори во второй являются более или менее точными копиями этих ворот санчи и, подобно своим индийским прототипам, иногда выполнены из камня, иногда из дерева и часто состоят из обоих материалов в различных пропорциях. Что еще более любопытно, примерно за сорок лет до этих примеров Санчи перед Иерусалимским храмом был установлен торан с пятью перекладинами для ношения священной золотой виноградной лозы. Однако он был частично деревянным, частично каменным и был возведен взамен того, что украшал Храм Соломона, полностью выполненного из бронзы и поддерживаемого знаменитыми колоннами Иахин и Воаз.^[129]

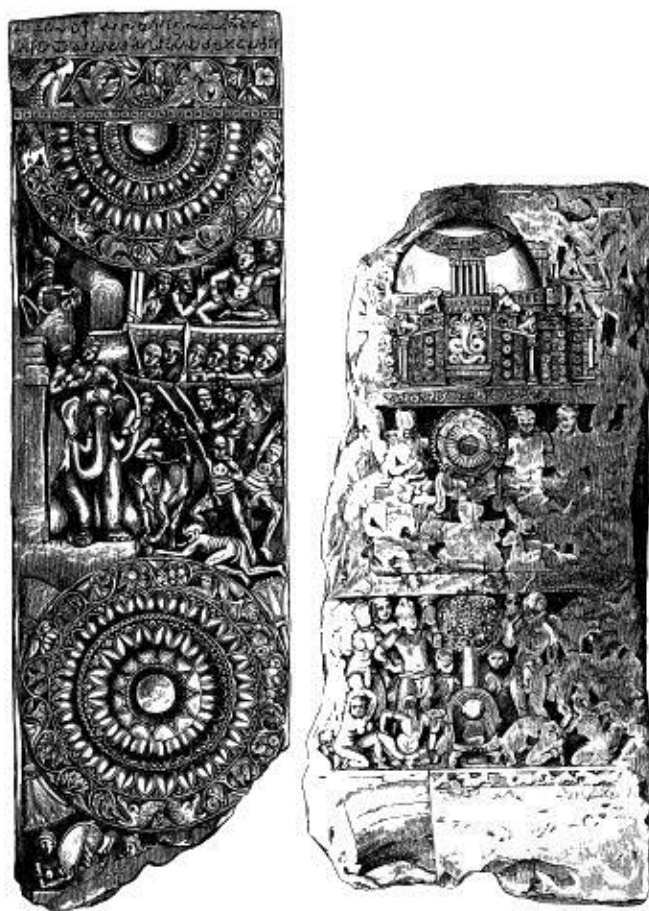
АМРАВАТИ.

Хотя железная дорога в Бхархуте является самой интересной и важной в Индии в историческом смысле, она далека от железной дороги в Амравати ни по проработке, ни по художественным достоинствам. Действительно, в этом отношении железная дорога Амравати, вероятно, является самым замечательным памятником в Индии. Во-первых, это более чем в два раза больше размеров рельса в Бхархуте, большой рельс имеет 195 футов в диаметре, внутренний - 165 футов, или почти ровно в два раза больше, чем в Бхархуте; между этими двумя была дорожка для процессий, которая в более ранних примерах проходила на самой вершине. Внешне общая высота большого рельса составляла около 14 футов; внутри он был на 2 фута меньше, в то время как внутренний рельс был сплошным и всего 6 футов в высоту.

36. Внешнее возвышение Грейт-Рейл в Амравати.

О внешнем виде большого рельса можно судить по прилагаемой гравюре на дереве (№ [36](#)), представляющей небольшой его фрагмент. Нижняя часть, или постамент, была украшена фризом с изображением животных и мальчиков, как правило, в нелепых позах. Колонны, как обычно, были восьмиугольными, украшенными полными дисками в центре и полудисками сверху и снизу, между которыми располагались фигурные скульптуры большей или меньшей важности. На трех направляющих стояли полные диски, все с самой искусной резьбой и все разные. Вверху изображена обычная волнообразная вальцовка, которая была универсальна во все века, [\[130\]](#) но здесь она богато перемежается фигурами и эмблемами. Внутренняя часть перил была очень богато украшена, чем внешняя, показанная на гравюре на дереве; весь центральный ряд дисков, как на столбах, так и на рельсах, был украшен фигурными сюжетами, как правило, очень проработанными и красивыми деталями, а верхняя перекладина представляла собой один непрерывный барельеф длиной более 600 футов. При возврате шлюзов была принята другая система, как показано на вышеприведенной гравюре на дереве (№ [37](#)).

37. Угловая стойка в Амравати. 38. Плита из внутренней рейки, Амравати.

Поскольку колонны были уже, а диски меньше, основная скульптура находилась в промежуточном пространстве: в этом случае король на своем троне принимает гонца, в то время как его армия впереди защищает стены; ниже пехота, кавалерия и слоны совершают вылазку в боевом порядке, в то время как один из врагов просит мира, что, вероятно, и является информацией, сообщаемой королю.

Внутренние перила, хотя и были ниже, были еще более богато украшены, чем основные, обычно фигурами дагобас — по-видимому, по двенадцать в каждом секторе — наиболее искусно вырезанными сценами из жизни Будды или из легенд. Одна из таких дагоб уже была представлена ([Гравюра на дереве № 17](#)). Между ними были колонны и плиты, украшенные орнаментом, либо как показано на ксилографиях № 38 и 39, либо буддийскими узорами или эмблемами, но все они, по крайней мере, такие же богатые, как эти; все это составляло серию изображений буддизма, как его понимали в IV и V веках, непревзойденных из всего, что, как сейчас известно, существует в Индии. Плита, представленная на ксилографии № 38 (стр. 101), хотя сейчас она сильно разрушена, интересна тем, что на ней изображены сразу три великих объекта буддийского поклонения. Наверху находится дагоба с перилами, но с пятиглавым Нагом на том месте, которое обычно занимает Будда. В центральном отделении находится чакра, или колесо, ныне общепризнанное как эмблема Дхармы, второго члена буддийской Троицы; под ним дерево, возможно, представляющее Сангу или общину; а впереди всего трон, на котором находится то, что я считаю реликвией, завернутой в шелковую ткань.

39. Дагоба (из плиты), Амравати.

Это сочетание повторяется снова и снова в этих скульптурах и может быть почти обозначено как краткий буддийский катехизис, или, скорее, исповедание веры, Будды, Дхармы, Санги. Последняя гравюра на дереве (№ 39) также интересна, поскольку показывает, помимо трех эмблем, форму колонн с двойными капителями в виде животных, столь обычную в сооружениях этой и более ранней эпохи.

Возраст этих рельсов не вызывает сомнений.^[131] Строительство внешнего, или большого рельсового пути, по-видимому, было начато около 319 г. н.э., в то время, когда реликтовый зуб посетил это место по пути из Пури на Цейлон, и его возведение, возможно, заняло всю оставшуюся часть того столетия. Внутренняя перекладина более современная и, по-видимому, была построена около А.Д., и вместе с некоторыми другими отдельными фрагментами она, возможно, ведет историю памятника к 500 году. В то же время ясно, что на этом месте существовал более старый памятник. Сохранившиеся фрагменты центрального выступа, безусловно, относятся к более раннему возрасту, а на некоторых плитах внутреннего ограждения на обратной стороне изображены скульптуры гораздо более раннего времени. Кажется, что они принадлежали какому-то заброшенному ранее зданию и были переделаны, когда их установили на новые места.

Когда Хиуэн Тханг посетил это место в 639 году, оно было заброшено уже более столетия, но он говорит о его великолепии и красоте этого места в более ярких выражениях, чем о почти любом другом памятнике в Индии. Среди других выражений он использует одно, которое нелегко понять с первого взгляда, поскольку он говорит: “Оно было украшено всем великолепием дворцов Бактрии”^[132] (Тахия). Однако теперь, когда мы знаем, каким было исконное искусство Индии, по скульптурам в Бхархуте и Санчи, и поскольку мы также почти знаем, каким было искусство Бактрии, по тем, что недавно были раскопаны близ Пешавура, особенно в Джамалгири, мы сразу видим, что именно благодаря сочетанию этих двух искусств возникла школа скульптуры Амравати, но с более сильным классическим влиянием, чем что-либо в этом роде, найденное где-либо еще в Индии. Теперь также вполне очевидно, что существование столь великолепного буддийского учреждения так далеко на юге, должно быть, было обусловлено тем фактом, что устья Кистны и Годавери были портами отправления, из которых буддисты северо-запада Индии в древности завоевали или колонизировали Пегу и Камбоджу, а со временем и остров Ява.

Все это станет яснее по мере продолжения. Пока же представляется вероятным, что на этом, безусловно, самом великолепном образце в своем классе, мы должны завершить нашу историю буддийских рельсов. Более поздних примеров, как известно, не существует; а вершины Гандхары,

которые обычно кажутся относящимися к этому возрасту или более поздним, имеют все направляющие, прикрепленные к их бокам в форме ряда пилястр. Если у них и были какие-то фигурные иллюстрации, то они, должно быть, были в виде рисунков по штукатурке на панелях между пилястрами. Вероятно, именно таким способом они были украшены, поскольку это определенно были не скульптуры, но мы не можем представить ни один буддийский памятник, существующий где бы то ни было, без того, чтобы джатаки или легенды не были изображены на его стенах в той или иной форме.

В Сарнатхе исчезли все упоминания о перилах и появился новый способ орнаментации, который не имел никакого сходства ни с чем, найденным на более ранних топах.

Хотя, следовательно, наша история рельсов может закончиться около А.Д., из этого никоим образом не следует, что еще не может быть обнаружено многих примеров, относящихся к семи с половиной столетиям, прошедшим между этой датой и эпохой Ашоки. Поскольку все они, несомненно, были созданы в большей или меньшей степени, когда они будут изучены и опубликованы, мы можем надеяться, что получим древнюю изобразительную историю Индии за те века, почти такую же полную, какой обладает любая другая страна мира. В настоящее время, однако, мы знаем только о десяти или двенадцати примерах, но их так легко отбросить и похоронить, что мы можем надеяться найти гораздо больше, когда будем их искать, и из них узнать всю историю буддийского искусства.

ПРИМЕЧАНИЕ. Центральное венчающее украшение на ксилографии № 33, стр. 96, представляет собой чакру или колесо в центре с эмблемами трисула справа и слева. На верхнем луче поклоняются пяти дагобам и двум деревьям; на промежуточных блоках - Шри и чакре; на среднем луче - семи священным деревьям с алтарями; на промежуточных блоках снова Шри и чакра. Нижний луч полностью занят ранними сценами из "Вессантара джатаки", которые продолжаютсся сзади. Все сюжеты на колоннах были описаны в "Поклонении дереву и змее", но выполнены в слишком малом масштабе, чтобы их можно было различить на гравюре на дереве.

40. Эмблема Трисула.
(Со скульптуры в Амравати.)

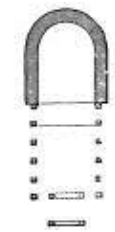
ГЛАВА V.

Содержание.

Пещеры Бехар—Западные залы Чайтья и др.

Хотя, если смотреть с чисто художественной точки зрения, вероятно, обнаружится, что рельсы являются самыми интересными буддийскими останками, дошедшими до нашего времени, тем не менее, в историческом или архитектурном смысле они, безусловно, превосходят залы чайтья. Это храмы религии, правильно так называемые, и точная копия христианских церквей не только по форме, но и по использованию.

Известно, что около двадцати или тридцати из них все еще существуют в состоянии большей или меньшей сохранности, но, за одним исключением, все они вырублены в скале. Что касается интерьера, это не имеет большого значения, но мешает нам судить об их внешней форме или эффекте, [\[133\]](#) и, что, возможно, хуже, это полностью скрывает от нас способ, которым были построены их крыши. Мы знаем, что они были сформированы из полукруглых деревянных ребер, и также почти наверняка на эти ребра были уложены доски в два или три слоя толщиной, но мы не можем даже догадаться, что покрывало доски снаружи. Вряд ли это мог быть металл или какой-либо другой вид войлока, и не хочется верить, что они были покрыты травой, хотя, признаюсь, учитывая имеющиеся в настоящее время доказательства, это кажется мне наиболее вероятным предположением. [\[134\]](#)

41. План Чайтья-холла, Санчи. Масштаб от 30 футов до 1 дюйма.

Единственное сооружение находится в Санчи и показано в плане на прилагаемой гравюре на дереве (№ [41](#)). Однако этого недостаточно, чтобы показать нам, как крыши проходов поддерживались снаружи. Что это действительно показывает, чего нет в пещерах, так это то, что когда проход, окружавший апсиду, мог быть освещен снаружи, апсида была поднята полностью. Во всех пещерах колонны, окружающие дагобу, отличаются от колонн нефа и более простые, чем они есть. На самом деле их держат настолько приглушенными, насколько это возможно, как будто считалось, что им здесь нечего делать, а они необходимы для того, чтобы пропускать свет в окружной проход апсиды.

Поскольку почти вся наша информация об этих чайтьях, а также о вихарах, которые образуют следующую группу, подлежащую описанию, почерпнута из образцов, вырубленных в скалах в Западной Индии, было бы удобно, если бы это было возможно, представить нечто вроде статистического отчета о количестве и распределении найденных там групп пещер. Однако опубликованные до сих пор описания этого пока не подтверждают.

Я сам посетил и описал все наиболее важные из них;^[135] и в интересной статье, переданной преподобному доктору Уилсону в Бомбейское отделение Азиатского общества, он перечислил тридцать семь различных групп пещер, более или менее известных европейцам.^[136] Это число не включает пещеры в Бенгалии и Мадрасе, и ежедневно обнаруживаются новые; поэтому мы можем справедливо предположить, что в самой Индии существует более сорока, а возможно, и почти пятьдесят групп пещер.

Некоторые из этих групп содержат до 100 различных и отчетливых раскопок, многие - не более десяти или дюжины; но в целом я убежден, что здесь можно найти не менее 1000 различных образцов. Из них, вероятно, 100 могут быть брахманического или джайнского происхождения; остальные 900 - буддийские, либо монастыри, либо храмы, причем первые являются несравненно более многочисленным классом; известно, что из последних существует не более двадцати или тридцати. Это различие возникло, без сомнения, из-за того, что большее количество вихар группировалось вокруг структурных вершин, как это всегда бывает в Афганистане и на Цейлоне; и, следовательно, им не требовалось никакого вырубленного в скале места поклонения, поскольку они располагали более обычным и подходящим зданием.

Фасады пещер в целом совершенны и составляют исключение из того, что было сказано о нашем незнании внешнего вида индийских храмов и монастырей, поскольку они выполнены в скале со всеми деталями, которые могли бы украсить здания, копиями которых они являются. При исследовании этих объектов совершенная неизменность храма, когда-то высеченного из живой скалы, является очень важным преимуществом. Никакой ремонт не может дополнить или даже почти не изменить общие черты того, что когда-то было выполнено таким образом; и не может быть никаких сомнений в том, что сейчас мы видим их во всех существенных чертах точно такими, как было задумано изначально. Это преимущество легко оценит любой, кто пытался нащупать свидетельства датировки в дизайне, который дают наши сильно измененные и часто реконструируемые соборы средневековья.

Географическое распределение пещер несколько необычно: более девяти десятых из известных в настоящее время находятся в пределах Бомбейского президентства. Остальные состоят из двух групп в Бенгалии; групп из Бехара и Каттака, ни одна из которых не является важной по размаху; известно только, что одна существует в Мадрасе, в Махавеллипуре; и две или три незначительные группы, которые были обнаружены в Афганистане и Пенджабе.

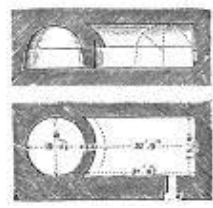
Одно время некоторые были склонны связывать это замечательное местное распространение со сравнительной близостью западной части Индии к египтянам и эфиопам, занимавшимся резкой камней. Но это совпадение проще объяснить наличием в обеих странах горных пород, идеально приспособленных для подобных работ. Район великих пещер в западной Индии состоит из горизонтальных слоев миндалевидных и других родственных им ловушечных образований, в целом имеющих очень значительную толщину и большую однородность текстуры, и обладающих, помимо того, преимуществом, что их края обычно обнажаются в идеально перпендикулярных скалах. Ни одна скала в любой части мира не могла быть ни более подходящей для этой цели, ни более удачно расположенной, чем эти образования. Они были легкодоступны и легко обрабатывались. В самых редких случаях имеются какие-либо изъяны, нарушающие единообразие конструкции; и, когда они завершены, они обеспечивают идеально сухой храм или жилище, исключительно равномерную температуру и более долговечные, чем храмы любого класса, найденные в любой другой части мира.

Со времен Ашоки, который за двести пятьдесят лет до Рождества Христова раскопал первую пещеру в Раджагрихе, до великого катаклизма в VIII веке этот ряд не прерывается; и, если их должным образом изучить и нарисовать, пещеры предоставят нам полную религиозную и художественную историю большей части Индии за десять или одиннадцать веков, самых темных и запутанных за все время ее существования. Но, хотя в течение этого длительного периода эта практика была обычной для буддистов, индуистов и джайнов, она прекратилась еще до

магометанского завоевания. С тех пор почти не производились раскопки, за исключением, возможно, нескольких грубых джайнских монолитов в скале в Гуалиоре, и, возможно, это один или два в южной Индии.

ПЕЩЕРЫ БЕХАР.

Как и следовало ожидать из того, что мы знаем об истории этих местностей, старейшие пещеры Индии расположены в Бехаре, по соседству с Раджагрихой, которая была столицей Бенгалии во времена пришествия Будды. Там действительно есть одна пещера, которая утверждает, что это пещера Сатапанни, перед которой состоялось первое собрание в 543 году до н.э.. Однако это всего лишь естественная пещера, очень слегка усовершенствованная искусством и не имеющая архитектурного значения.

42.

Пещера Нигопе, группа Сат Гурба.

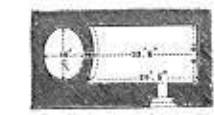
Самая интересная группа находится в местечке под названием Барабар, в шестнадцати милях к северу от Гайи. На одной из них, называемой Карна Чопар, есть надпись, повествующая о раскопках пещеры на девятнадцатом году правления Ашоки (245 год до н.э.).^[137] Он очень прост и, за исключением дверного проема с наклонными косяками, не имеет важных архитектурных особенностей. Вторая, называемая пещерой Судама или Нигопе ([Гравюра на дереве № 42](#)), содержит надпись, сделанную Ашокой на двенадцатом году его правления, том же году, которым датировано большинство его указов, 260 или 264 г. до н.э., и, следовательно, является старейшим образцом архитектуры в Индии. Он состоит из двух помещений: внешнего, 32 футов 9 дюймов в длину, и 19 футов 6 дюймов в ширину, а за ним круглое помещение диаметром 19 футов на месте, обычно занимаемом сплошной дагобой;^[138] перед которым крыша нависает и выступает так, как если бы она была задумана как соломенная. Наиболее интересной из этой группы является группа под названием Ломас Риши, на которой, хотя и нет надписи того времени, несомненно, она относится к той же эпохе. Фронтиспис особенно интересен тем, что представляет в скале форму структурных чайтьев той эпохи. Они, как видно из гравюры на дереве (№ [43](#)), по-видимому, были построены из прочных деревянных стоек, слегка наклоненных внутрь, поддерживающих продольные стропила, врезанные в их головки, в то время как три небольших блока с каждой стороны используются для поддержания формы крыши. Между столбами находился деревянный каркас, который служил опорой для пяти стропил поменьше. Над ними лежит крыша, по-видимому, сделанная из досок трех толщин или, вероятно, из двух деревянных планок, уложенных в обратном направлении, и одной из металла или какого-либо другого материала снаружи. Форма крыши представляет собой что-то вроде остроконечной арки с небольшим выступом на вершине, образующим водораздел. Дверь, как и все двери этой серии, имеет наклонные косяки^[139] — особенность, возникающая, как мы увидим позже, из-за линий проемов, следующих, как в данном случае, за линиями опор крыши.

43. Фасад пещеры Ломас Риши.

(С фотографии мистера Пеппе, К.Э.Н.)

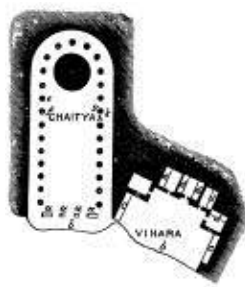
Интерьер, как видно из прилагаемого плана (№ 44), довольно прост по форме и, похоже, никогда не был полностью завершен. Он состоит из зала размером 33 на 19 футов, за которым находится помещение почти круглой формы, очевидно, предназначенное для представления топе или дагоба, но в том раннем возрасте архитекторы еще не совсем поняли, как добиться этого в высеченном в скале сооружении.

44. Пещера Ломас Риши.

Судя по надписям на этих пещерах, все они были раскопаны между датой Нигопе и датой так называемой пещеры доярки (которая была раскопана Дашаратхой, внуком Ашоки), вероятно, в течение пятидесяти лет после этой даты. Следовательно, они, по-видимому, относятся к периоду от 260 до 200 гг. до н.э., и Ломас Риши, вероятно, является самым современным^[140] — он, безусловно, наиболее богато украшен. Однако в этих примерах не обнаруживается большой проработки, поскольку материал, из которого они извлечены, представляет собой самый твердый и мелкозернистый гранит; и вряд ли можно было ожидать, что у народа, который совсем недавно не использовал в качестве строительного материала ничего, кроме дерева, хватит терпения для подобных работ. Они отполировали их изнутри, как стекло, и остались довольны этим.

ЗАПАДНЫЕ ЗАЛЫ ЧАЙТЬИ.

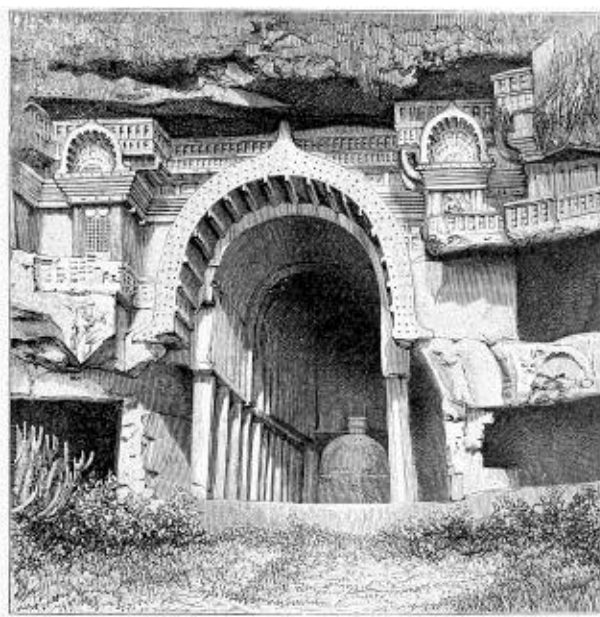
45. Пещера Чайтья, Бхаджа.

(Из плана мистера Берджесса.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

В Западных Гатах Бомбейского президентства есть пять или шесть важных пещер чайтья, даты которых можно определить либо по надписям, либо по внутренним свидетельствам с очень приблизительной точностью, и все они были раскопаны, если я не сильно ошибаюсь, до христианской эры. Старейший из них расположен в месте под названием Бхаджа, в четырех милях к югу от большой пещеры Карли в Бхоре Гхат. На нем нет надписи, но у меня есть план и несколько фотографий. По гравюре на дереве (№ 45) можно понять, что это зал чайтья обычного плана, но небольших размеров, расположенный всего в 60 футах от задней части апсиды до ниш (а а), в котором когда-то стояли опоры деревянной ширмы. Из гравюры на дереве (№ 46), взятой с одной из этих фотографий, видно, что колонны внутреннего убранства наклонены внутрь под значительным и самым неприятным углом. Руд-экран, который закрывает вход во все остальные пещеры этого класса, исчез. Во всех других примерах он сделан из камня и, следовательно, сохранился; но в этом случае, будучи деревянным, он исчез, хотя отверстия для установки его стоек и пазы, с помощью которых он крепился к стенам, все еще там. Фронтон оги был покрыт деревянными украшениями, которые исчезли, хотя сохранились отверстия для булавок, с помощью которых они крепились к камню. Каркаса, или фермы, которая заполняла верхнюю

часть большого переднего проема, больше не существует, но о том, каков был его внешний вид, можно судить по многочисленным изображениям самого себя, которыми он покрыт, или

46. Фасад пещеры в Бхадже.
(С фотографии.)

47. Перед залом Чайтья.
(С барельефа в Буддх-Гайе.)

с изображения фасада чайты на современных перилах в Буддх-Гайе ([Гравюра на дереве № 47](#)), а на перилах в Бхархуте есть несколько других, которые не только являются правильными возвышениями такого фасада, как этот, но и представляют собой деревянные резные орнаменты, которые — согласно этому авторитетному источнику — неизменно украшали эти фасады. Единственный существующий пример этой деревянной ширмы находится в Карли, но бесчисленные ее мелкие повторения не только здесь, но и во всех этих пещерах показывают не только ее форму, но и то, насколько универсальным было ее применение. Стропила крыши были деревянными, и многие из них, как можно видеть на гравюре на дереве, сохранились до наших дней. Фактически, все, что можно было сделать из дерева, оставалось в дереве, и только конструктивные детали, необходимые для устойчивости, были выполнены в скале.

Легко понять, что в первый раз, когда люди взялись повторять в камне формы, которые они привыкли возводить только в дереве, они должны были делать это буквально. Наклон внутрь колонн был необходим, чтобы противостоять выступу круглой крыши в деревянном здании, но в

камне это, должно быть, выглядело настолько неуклюже, что вряд ли часто повторялось. Поскольку, однако, это, вероятно, было почти универсальным решением в конструктивных зданиях, дверные проемы и проемы, естественно, повторяли одни и те же линии, отсюда и наклонные косяки. Хотя на практике они ни в коем случае не были такими нежелательными, они менялись в зависимости от линий опор, и по мере того, как они становились вертикальными, косяки становились параллельными. Точно так же, когда это было сделано, архитекторы не могли не заметить, что они впустую потратили время и труд, срезая камень, чтобы освободить место для деревянного экрана перед входом. Если бы они оставили его стоять, с гораздо меньшими затратами они могли бы получить более декоративное и долговечное сооружение. Это было настолько самоочевидно, что, насколько известно, никогда не повторялось, но прошло некоторое время, прежде чем колонны интерьера стали совершенно перпендикулярными, а косяки дверей - параллельными.

В этой пещере очень мало фигурных скульптур; внутри их нет, а то, что есть на фасаде, кажется, носит очень домашний характер. Но на колоннах внутри в *g* и *h* в плане ([Гравюра на дереве № 45](#)) мы находим две эмблемы, а в *a*, *e* и *f* еще три, выполненные несколько грубо, но которые встречаются так часто, что, возможно, стоит привести их здесь. Они известны как трисул, или трезубец, центральная точка которого обычно важнее, чем показано здесь, щит и чакра, или колесо. Первые два обычно встречаются в сочетании, как на ксилографии № 33, а колесо часто обрамлено орнаментом в виде тризубов, как в центральном отделении ксилографии № 38 из Амравати. Четвертой эмблемой здесь является трисул в сочетании с лицом, а пятой является та, которая часто повторяется на монетах и в других местах, но которой пока не дано названия.

48. Трисул. Щит. Чакра. Трисул.

Однако следующая группа пещер, расположенная в Бедсе, в десяти или одиннадцати милях к югу от Карли, демонстрирует значительный прогресс в области каменного строительства. Экран сделан из камня; колонны более вертикальные, хотя все еще слегка наклонены внутрь, косяки более параллельны, и фактически у нас есть почти все признаки хорошо спроектированной пещеры чайтья.

49. План пещеры в Бедсе.

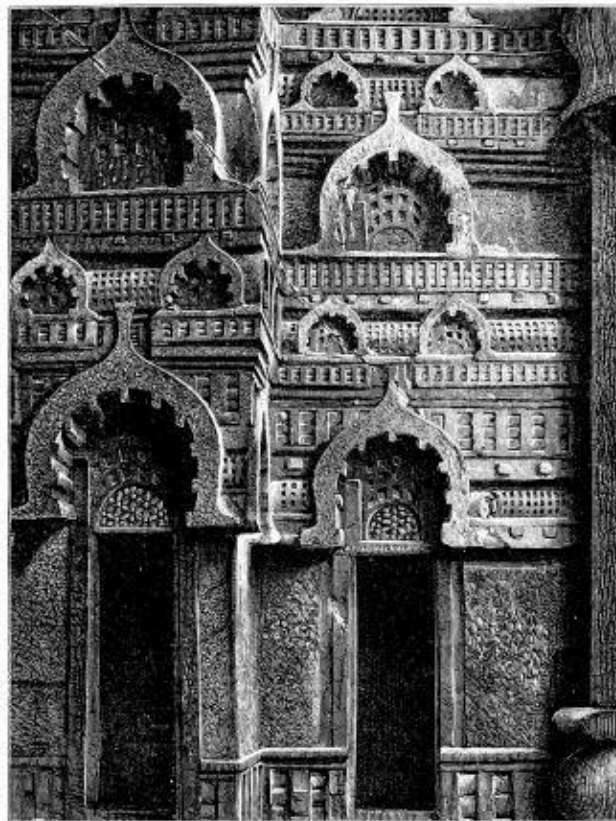
(По плану мистера Берджесса.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

50. Капитель колонны перед пещерой в Бедсе.

(С фотографии.)

Однако две колонны спереди, как видно из плана ([Гравюра на дереве № 49](#)), настолько велики по сравнению с остальными, что, очевидно, являются стамбхами и должны стоять свободно, а не поддерживать веранду. Их капители ([Гравюра на дереве № 50](#), стр. 113) больше похожи на персеполитанские, чем на любые другие в Индии, и каждая увенчана лошадьми и слонами, несущими мужчин и женщин смелой и свободной внешности.

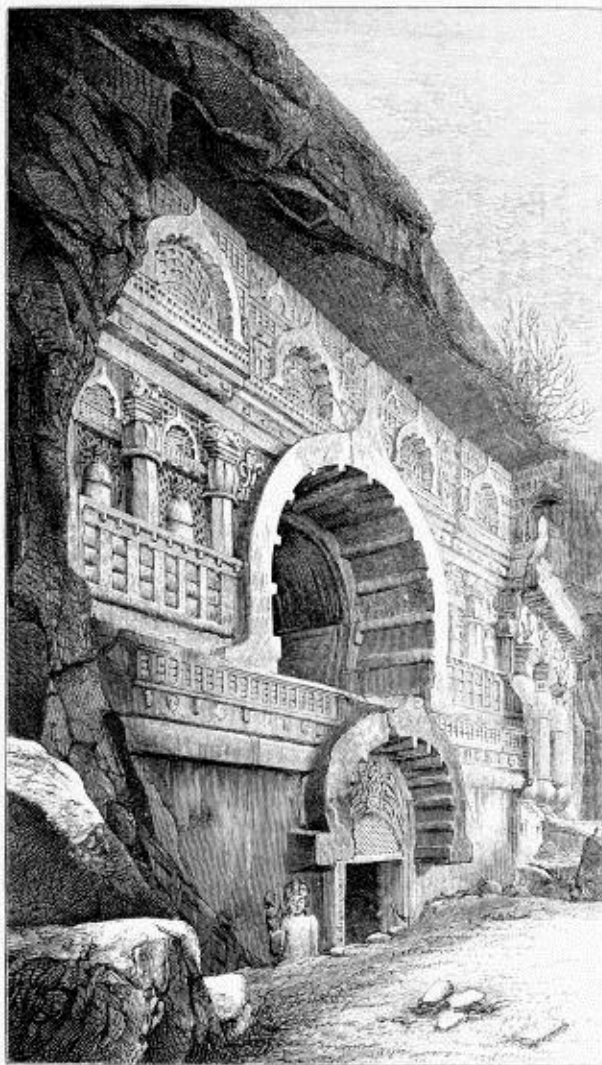

51. Вид с веранды пещеры в Бедсе.

(С фотографии.)

Из обзора ([Гравюра на дереве № 51](#)) видно, насколько поверхность покрыта рельсовым декором, повторяющим в небольшом масштабе рельсы, описанные в предыдущем разделе, и который, как здесь можно упомянуть, является справедливым критерием возраста любого здания. Он постепенно становится все менее и менее используемым со времени постройки этих двух пещер чайтья и полностью исчезает в IV или V веках, но в течение этого периода его большая или меньшая распространенность в любом здании является одним из самых верных указаний, которые мы имеем на относительный возраст любых двух примеров.

52. Пещера Чайтья в Насике.

(С фотографии.)

В этой пещере, как будет видно, почти весь орнамент состоит из миниатюрных перил и повторений оконных фасадов. У него также есть полукруглая ажурная лепнина, похожая на плетение корзин, которая встречается только в самых древних пещерах и, очевидно, настолько непригодна для обработки камня, что неудивительно, что ее выбросили очень рано. После христианской эры не известно ни одного подобного примера. В этой пещере есть надпись древним письмом, но недостаточно четкая, чтобы абсолютно точно установить ее возраст без дополнительных доказательств.

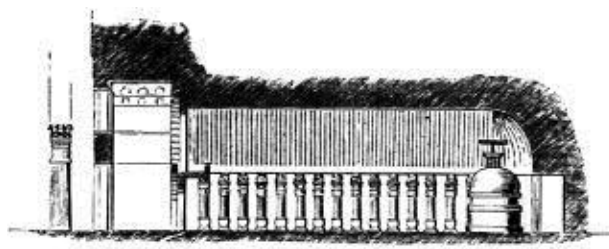
Третья пещера - чайтья в Насике. Его стойки внутри настолько перпендикулярны, что их наклон может остаться незамеченным, а дверные косяки почти параллельны.

Фасад, изображенный на гравюре на дереве (№ 52, стр. 115), представляет собой очень совершенный и законченный дизайн, но все его детали скопированы с деревянных форм, а в этой пещере из дерева не было выполнено ничего, кроме внутренних стропил крыши, которые обвалились.

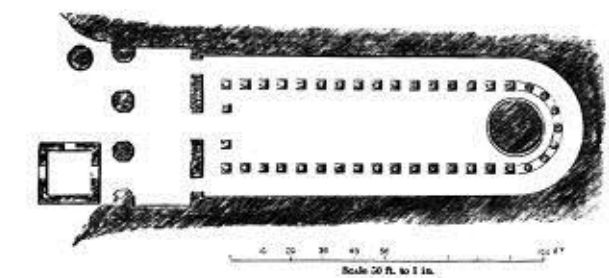
Снаружи этой пещеры, над дверным проемом, есть надпись, гласящая, что пещера была подарком гражданина Насика,^[141] в правление короля Кришны, второго из царей Андрабритьи, который правил незадолго до христианской эры,^[142] а внутри, на колоннах, еще одна надпись в более старой форме, гласящая, что он был раскопан в честь короля Бадракараки,^[143] который почти наверняка был пятым королем династии Сунга и взошел на трон около 129 года до н.э.. Вполне возможно, что более критическое изучение этих надписей сделает их показания менее абсолютными, чем это кажется сейчас, но, принимая их во внимание архитектуру, возраст этой пещеры вряд ли кажется сомнительным. Что касается меня, я не вижу причин для колебаний принять 129 год до н.э. в качестве даты его основания, хотя его завершение может произойти столетием позже, и, если это так, оно относит пещеры Бхаджа и Бедса к периоду значительно более раннему, в то время как, с другой стороны, оно, безусловно, старше пещеры Карли, которая, по-видимому, следует за ней по возрасту.

KARLI.

Четвертая пещера, упомянутая выше, известная как пещера в Карли, расположена на дороге между Бомбеем и Пуной и является самой прекрасной из всех — действительно, лучшей в своем классе. Это, безусловно, самая большая, а также наиболее полная пещера чайтья, обнаруженная до сих пор в Индии, и раскопана она была в то время, когда стиль был в наибольшей чистоте. В нем устранены все архитектурные дефекты предыдущих примеров; колонны нефа расположены совершенно перпендикулярно. Ширма украшена скульптурой — очевидно, она впервые появилась в таком положении, — и стиль достиг совершенства, которое впоследствии так и не было превзойдено.

53. Секция пещеры в Карли. Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

54. План пещеры в Карли.

В этой пещере есть надпись сбоку от крыльца и еще одна на львиной колонне перед входом, которые, безусловно, являются неотъемлемой частью и приписывают ее раскопки Махарадже Бхути или Деве Бхути,^[144] который, согласно Пуранам, правил в 78 году до н.э., и, если это так, они устанавливают возраст этого типичного примера без всяких придиорок.

Здание, как видно из прилагаемых иллюстраций (№ № 53, 54, 55), в очень большой степени напоминает раннехристианскую церковь по своему устройству: состоит из нефа и боковых нефов, заканчивающихся апсидой или полудомом, вокруг которого проходит проход. Общие размеры интерьера составляют 126 футов от входа до задней стены и 45 футов 7 дюймов в ширину. Боковые нефы, однако, намного уже, чем в христианских церквях, центральный из них составляет 25 футов 7 дюймов, так что остальные имеют ширину всего 10 футов, включая толщину колонн. В качестве масштаба для сравнения можно упомянуть, что его расположение и размеры очень похожи на хоры Норвичского собора или аббатства о Домм в Кане, за исключением внешних проходов в последних зданиях.

55. Вид пещеры в Карли.

(С рисунка мистера Солта, исправленного автором.)

Толщина опор в Норвиче и Кане почти соответствует ширине проходов в индийском храме. В росте, однако, Карли сильно уступает, его высота от пола до макушки составляет всего 42 фута или, возможно, 45 футов, насколько можно точно установить.

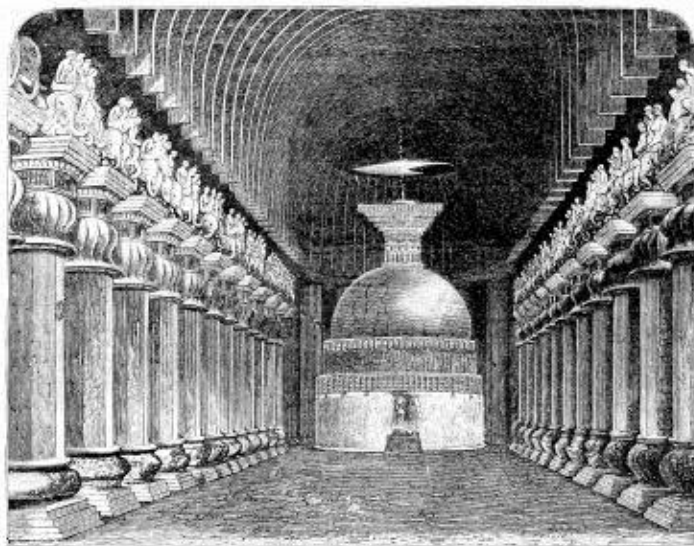
Пятнадцать колонн с каждой стороны отделяют неф от проходов; каждая колонна имеет высокое основание, восьмиугольную шахту и богато украшенную капитель, на которой стоят на коленях два слона, каждый из которых несет по две фигуры, обычно мужчину и женщину, но иногда и двух самок, и все они выполнены гораздо лучше, чем обычно подобные украшения. Семь колонн за алтарем представляют собой простые восьмиугольные опоры, без основания или капители, а четыре под входной галереей значительно отличаются от тех, что расположены по бокам. Скульптуры на капителях занимают место, обычно занимаемое фризом и карнизом в греческой архитектуре; и в других примерах то же пространство занимают простые окрашенные поверхности. Над ним возвышается крыша, полукруглая в общем сечении, но несколько сваевидная по бокам, так что ее высота больше, чем полудиаметр. Даже в наши дни он украшен рядом деревянных ребер, вероятно, ровесников раскопок, которые без тени сомнения доказывают, что крыша - это не копия каменной арки, а какая-то деревянная конструкция, которую мы сейчас не очень хорошо понимаем.

Непосредственно под полуподвалом апсиды, почти там, где в христианских церквях стоит алтарь, расположена дагоба, в данном случае простой купол, слегка приподнятый на круглом барабане. Поскольку сейчас на нем нет украшений и нет пазов для обработки дерева, он, вероятно, изначально был оштукатурен и раскрашен или, возможно, был украшен драпировками, которые,

как можно предположить по некоторым скульптурным изображениям, были обычным способом украшения этих алтарей. Он увенчан Тройником, основание которого похоже на то, что показано на гравюре на дереве № 13, и на нем до сих пор стоят остатки деревянного зонта, очень сильно истлевшего и деформированного от возраста.

Напротив этого находится вход, состоящий из трех дверных проемов, под галереей, точно соответствующей нашему чердаку, одна ведет в центр, а другая в каждый из боковых проходов; а над галереей весь конец зала открыт, как и во всех этих залах чайты, образуя одно большое окно, через которое проникает весь свет. Это большое окно имеет форму подковы и в точности напоминает те, что использовались в качестве украшений на фасаде этой пещеры, а также на тех, что были в Бхадже, Бедсе и ат-Насике, описанных выше, и которые встречаются повсюду в этом возрасте. Внутри арки находится свободно стоящий каркас или центровка из дерева ([Гравюра на дереве № 55](#)). Это, насколько мы можем судить, как и ребра внутренней отделки, ровесники зданию;^[145] в любом случае, если оно было обновлено, то является точной копией первоначальной формы, поскольку оно повторяется в камне во всех нишах фасада, над дверными проемами и вообще повсюду в качестве украшения, а буддийская “перекладина”, скопированная с Санчи, образует самое обычное украшение стиля.

56. Вид на внутреннюю часть пещеры в Карли.

(С фотографии.)

Наличие деревянных элементов является дополнительным доказательством, если таковое требуется, того, что ни в одном из этих буддийских зданий не было строительных арок. Их не было и нет ни в одном индийском здании до магометанского завоевания, и очень мало в любом индуистском здании впоследствии.

Возвращаясь, однако, к Карли, отметим, что внешнее крыльцо значительно шире корпуса здания, его ширина составляет 52 фута, и оно закрыто спереди экраном, состоящим из двух прочных восьмиугольных колонн, без основания или капители, поддерживающих то, что сейчас представляет собой простой массив скалы, но которое когда-то было украшено деревянной галереей, образующей главное украшение фасада. Над этим находилась карликовая колоннада или аттик из четырех колонн между пилястрами, пропускавший свет в большое окно, и оно снова было увенчано деревянным карнизом или каким-то орнаментом, хотя сейчас мы не можем его восстановить, поскольку сохранились только пазы, которые прикрепляли его к скале.

Перед этим экраном стоит львиная колонна, в данном случае простая шахта с тридцатью двумя канавками или, скорее, гранями, увенчанная капителью, похожей на ту, что есть в Кесарии ([гравюра на дереве № 6](#)), но в Карли она поддерживает четырех львов вместо одного, и, по

причинам, указанным выше (стр. 55), они почти наверняка поддерживали чакру или буддийское колесо. Похожая колонна, вероятно, стояла на противоположной стороне, но она либо упала, либо была снесена, чтобы освободить место для маленького храма, который сейчас занимает ее место.

Отсутствие деревянных украшений внешнего крыльца, а также наше незнание способа, которым этот храм был отделан сбоку, и примыкания крыльца к главному храму, не позволяют нам судить о том, каким был бы эффект фасада, если бы он принадлежал отдельно стоящему зданию. Но пропорции тех частей, которые сохранились, настолько хороши, а эффект от целого настолько приятен, что не может быть никаких колебаний в присвоении такому проекту достаточно высокого ранга среди архитектурных композиций.

Об интерьере мы можем судить в совершенстве, и он, безусловно, настолько торжественен и величествен, насколько вообще может быть любой интерьер, а способ освещения самый совершенный — один неразделенный поток света, проникающий через единственное отверстие над головой под очень выгодным углом и падающий прямо на алтарь или главный объект в здании, оставляя остальное в сравнительной темноте. Эффект значительно усиливается за счет близко посаженных толстых колонн, которые отделяют три прохода друг от друга, поскольку их достаточно, чтобы не было видно граничащих стен, а поскольку в стенах нет отверстий, обзор между колоннами практически неограничен.

Эти особенности более или менее развиты во всех других пещерах того же класса в Индии, изменяясь только с возрастом и постепенным переходом от более чисто деревянных форм этих пещер к каменной архитектуре более современных. Это основной критерий, с помощью которого можно определить их относительный возраст, и он неопровержимо доказывает, что пещера Карли была раскопана вскоре после того, как камень стал использоваться в Индии в качестве строительного материала.

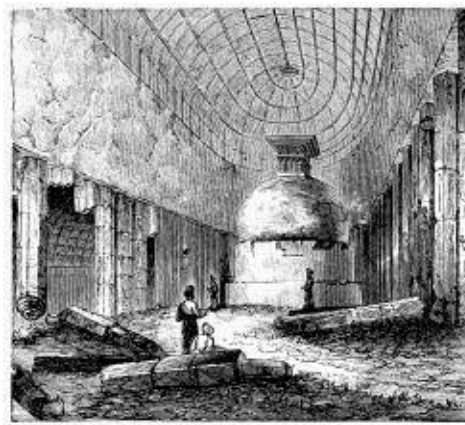
В Аджунте и, вероятно, в Юнире есть пещеры, которым столько же лет, сколько четверем только что описанным, и, когда история пещерной архитектуры будет написана *in extenso*, появятся подробности, которых не хватает в только что приведенных примерах. Между тем, однако, их форм достаточно, чтобы поставить историю на прочную основу и с достаточной отчетливостью объяснить происхождение и ранний прогресс стиля.

Судя по надписям и литературным свидетельствам, вряд ли можно сомневаться в том, что дата пещеры Карли - около 78 г. до н.э., а в Насике - около 129 г. до н.э. У нас нет литературных подтверждений для датировки двух более ранних пещер, но археологические свидетельства кажутся неопровержимыми. Пещера Бхаджа настолько идентична по стилю пещере Ломас Риши в Бехаре ([Гравюра на дереве № 43](#)), что они должны быть почти одного возраста. Их колонны и дверные проемы наклонены почти под одинаковым углом, а основная древесина — если можно так выразиться — обеих настолько одинакова, что, поскольку одна относится к эпохе Ашоки, другая не может быть далека от даты его правления. Пещера Бедса демонстрирует степень развития, находящуюся почти на полпути между примерами Бхаджа и Насик, что ее можно смело датировать 150-200 годами до н.э., и все четыре, таким образом, наиболее удовлетворительным образом демонстрируют развитие стиля за почти два столетия и образуют основу, исходя из которой мы можем рассуждать без особых колебаний.

АДЖУНТА. [\[146\]](#)

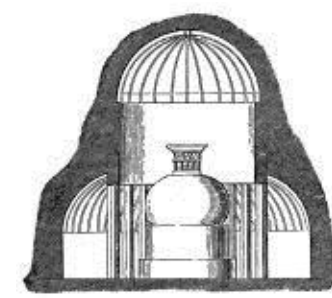
В серии Аджунта есть четыре пещеры чайтья, которые, хотя и не столь великолепны, как некоторые из четырех только что упомянутых, почти так же важны для целей нашей истории. Самый старый из них ([№ 9](#)) находится ниже всех на утесе и относится к самому маленькому классу, его ширина составляет всего 45 на 23 фута. Вся его деревянная отделка погибла, хотя было бы нетрудно восстановить его по оставшимся углублениям и изображениям самого здания на фасаде. Есть несколько надписей, но они не кажутся цельными. Они нарисованы на стенах и, судя по форме их символов, относятся ко 2-му или 3-му веку нашей эры, когда фрески, кажется, были

обновлены, так что настоящими критериями его возраста являются, во-первых, его положение в ряду, которое делает его, с сопровождающей его вихарой (№ 12), несомненно, старейшим в нем; другим критерием является архитектура его фасада, которая настолько напоминает архитектуру Насик чайтья (129 год до н. э. до н.э.), что он не может быть сильно устаревшим. Это, однако, может быть несколько более ранним, поскольку колонны во внутренней части наклонены внутрь под несколько большим углом, и, поскольку это является критерием возраста, это указывает на большую древность в примере с Аджунтой.

57. Интерьер пещеры Чайтья № 10 в Аджунте.
(По эскизу Автора.)

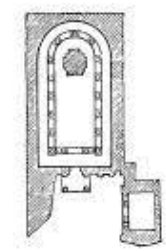
Следующая чайтья (№ 10) расположена очень близко к последней, однако немного выше в скале и почти вдвое больше ее по размерам. Это 94 фута 6 дюймов. в глубину на 41 фут 3 дюйма. в ширину внутри. Как видно из прилагаемого вида ([гравюра на дереве № 57](#)), неф отделен от проходов рядом простых восьмиугольных стволов, совершенно вертикальных, но без капителей или оснований. Пояс из трифория необычной высоты изначально был оштукатурен и покрашен. Следы этого все еще можно увидеть, хотя рисунок разобрать невозможно ([Гравюра на дереве № 58](#)). Одной из самых замечательных характеристик пещеры является то, что в ее архитектурных деталях видны признаки перехода от дерева к камню. Ребра проходов выполнены из камня, вырубленного в скале, но скопированы с деревянных форм предыдущих образцов. Свод нефа был украшен деревянными ребрами жесткости, пазы для которых сохранились до сих пор, и их следы все еще можно проследить на крыше, но само дерево исчезло.

58. Поперечный разрез пещеры № 10 в Аджунте. Масштаба нет.

В этой пещере есть две надписи, которые кажутся цельными, но, к сожалению, ни одна из них не содержит имен, которые можно идентифицировать; но по форме их знаков палеограф почти наверняка поместил бы их до христианской эры.^[147] Принимая, однако, во внимание все обстоятельства дела и чтобы не заходить слишком далеко, было бы, возможно, лучше пока предположить, что пещера относится к 1 веку нашей эры.

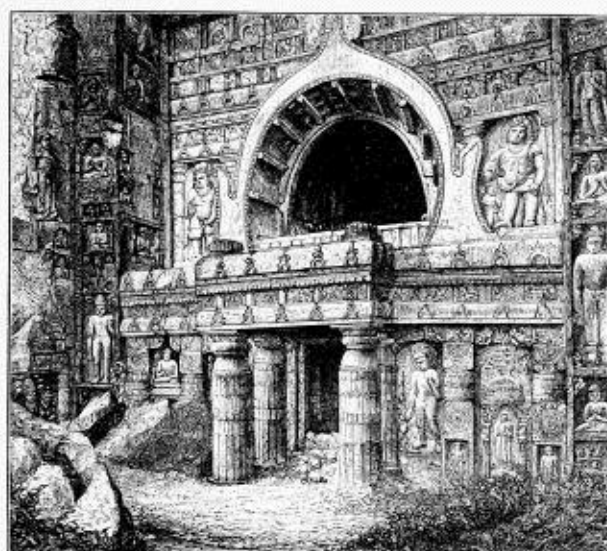
Фасады обеих этих пещер настолько разрушены обвалившейся скалой, что невозможно утверждать, что в нижних частях не было скульптур. Ничего подобного, конечно, нет во внутреннем убранстве, где все зависит от живописи; и, мягко говоря, очень маловероятно, что какая-либо фигура-скульптура когда-либо украшала самую старую, в то время как кажется вероятным, что даже № 10 полностью зависел от традиционных архитектурных форм для своего украшения.

59. Чайтья № 19 в Аджунте. Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

Следующая пещера чайтья в этой серии (№ [19](#)) отделена от этих двух очень большим промежутком времени. К сожалению, на нем нет надписи, которая помогла бы назначить ему какую-либо точную дату; но он принадлежит к группе вихар, № 16 и 17, дата которых, как мы увидим впоследствии, может быть установлена с достаточной уверенностью как относящаяся к 5 веку нашей эры. Сама пещера, как видно из плана ([гравюра на дереве № 59](#)), имеет наименьший размер, почти такой же, как № 9, или 46 футов 4 дюйма на 23 фута 7 дюймов, и ее расположение не сильно отличается, но ее детали принадлежат совершенно другой школе искусства. Все следы работы по дереву исчезли, но деревянные формы повсюду повторяются в камне, подобно триглифам и мозаикам дорического ордера, еще долгое время после того, как их первоначальное значение было утрачено. Более того, живопись в этот промежуток времени в значительной степени вышла из употребления как средство украшения, как внутреннего, так и внешнего, и скульптура заменила ее во всех монументальных произведениях; но величайшее изменение из всех заключается в том, что Будда во всех его позах представлен повсюду. На следующей гравюре на дереве (№ [60](#)) — вид фасада — будет видно, насколько полно фигурная скульптура вытеснила более простые архитектурные формы более ранних пещер. Орнамент на перилах тоже полностью исчез; оконные наличники уменьшились до простых обрамлений для масок; но что еще более важно, так это то, что от чистого теизма или, скорее, атеизма мы перешли к всепоглощающему идолопоклонству. В Карли восемь фигур, которые первоначально украшали крыльцо, — это вожди со своими женами, парами. Все фигуры Будды, которые появляются там сейчас, являются длинными последующими дополнениями. В более ранних пещерах не было изваяний, кроме смертных, и среди этих смертных Сакья Муни нигде не появляется. Здесь, напротив, он является Бхагаватом — Святым—Божеством— объектом поклонения и занимает позицию перед дагобой, или самым алтарем ([Гравюра на дереве № 61](#), стр. 126), увенчанный тройным зонтиком и являющийся нуменом этого места.

60. Вид фасада пещеры Чайтья № 19 в Аджунте.

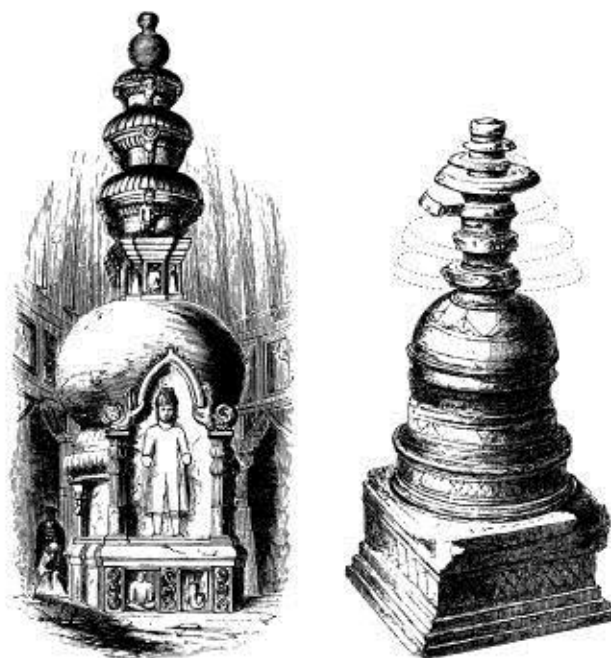
(С фотографии.)

На следующем этапе наших исследований мы, возможно, сможем более точно установить время, когда произошло это знаменательное изменение в буддийском ритуале. Пока достаточно отметить, что изображения Будды и поклонение им не были известны в Индии в 1 веке нашей эры и что революция завершилась в 5 веке.

Однако, прежде чем покинуть эту пещеру, было бы неплохо отметить изменения, произошедшие в облике дагоба за эти 500 лет. Если гравюру на дереве № 61 сравнить с дагобами в № 56 и 57, то станет видно, насколько низкая округлая форма ранних образцов была преобразована в высокий объект, похожий на шпиль. Барабан стал важнее купола и был украшен архитектурными элементами, которые применительно к нему не имеют никакого значения. Но еще более любопытной является форма, которую принял тройной зонт. Теперь он превратился в шпиль, достигающий потолка пещеры, и его первоначальная форма и значение вряд ли могли быть заподозрены теми, кто не был знаком с промежуточными ступенями.

Мне неизвестно, чтобы на какой-либо дагобе в пещерах было найдено более трех зонтиков, но прилагаемое изображение модели одного из них, найденного в Султанпуре, недалеко от Джелалабада ([гравюра на дереве № 62](#)), вероятно, примерно того же возраста, содержит шесть таких дисков; а в Бехаре найдены многочисленные модели с семью, составляющие с основанием и навершием девять этажей, ^[148] которое впоследствии в Китае стало условным числом для обозначения девяти -многоэтажные башни этой земли.

61. Высеченная в скале Дагоба в Аджунте. 62. Маленькая модель, найденная в Топе в Султанпуре.

(По рисунку автора.)

(Из "Арианы Антиква" Уилсона.)

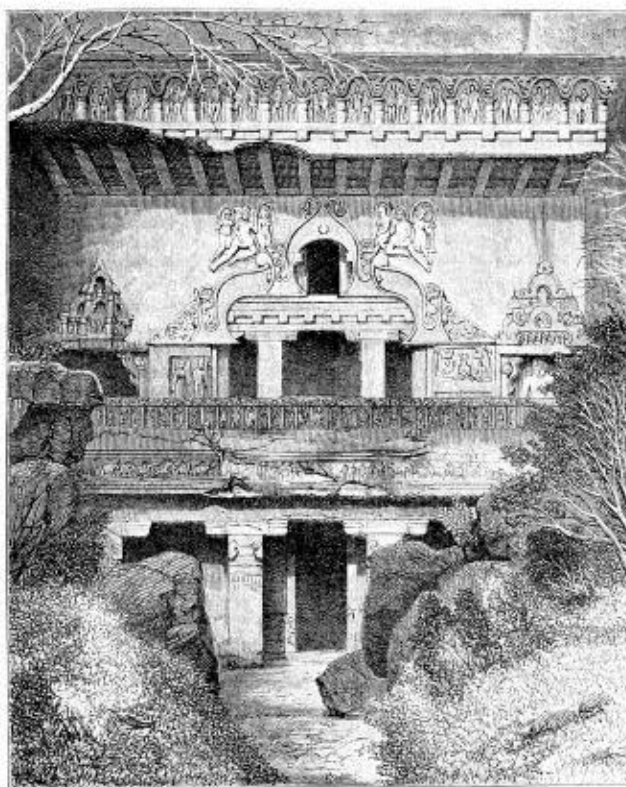
Последняя чайтья в Аджунте (№ [26](#)) среднего размера, 66 на 36 футов, с длинной надписью, которая, к сожалению, не содержит ничего, что позволило бы нам с уверенностью установить ее дату. Он, безусловно, более современен, чем предыдущий, его скульптуры более грубые, а их значение более мифологичное. Вероятно, мы не ошибемся, предположив, что он был раскопан ближе к концу 6-го или началу 7-го века; и что 600 год недалеко от его истинной даты. Его главный интерес состоит в том, чтобы показать, насколько буддизм был близок к брахманизму, когда произошла катастрофа, изгнавшая первый из страны его рождения.

ЭЛЛОРА.

Знаменитая пещера Вишвакарма в Эллоре - это чайтья первого класса, промежуточная по возрасту между двумя последними описанными пещерами в Аджунте, или она может быть такой же современной, как и последняя. К сожалению, нет ни надписей, ни каких-либо традиций [\[149\]](#), которые помогли бы установить его возраст, который, следовательно, должен полностью зависеть от его положения в ряду и его архитектурных особенностей.

Размеры этой пещеры значительны, 85 футов на 43 фута, а внутренний конец полностью перекрыт дагобой, которая вместо того, чтобы быть круглой, как во всех более старых примерах, имеет прикрепленный к ней фронтиспис большего размера, чем в пещере № 19 в Аджунте, что, как показано на гравюре на дереве № 60, делает ее квадратной спереди. На этом дополнении изображена фигура Будды, сидящего, опустив ноги, в окружении слуг и летающих фигур в новейшем стиле буддийского искусства. В крыше все ребра и орнаменты вырезаны в скале, хотя все еще скопированы с деревянных прототипов, а в трифории есть скульптурные фигуры, как в № 19 и 26 Аджуны. Однако его наиболее заметной характеристикой является фасад, где впервые мы упускаем из виду большой проем в виде подковы, который является наиболее заметной особенностью во всех предыдущих примерах. Мы все еще можем проследить воспоминание об этом в верхней части окна в центре ([Гравюра на дереве № 63](#), стр. 128); но, очевидно, в данном случае было сочтено необходимым уменьшить размер проема, и легко понять, почему это было

так. В Бедсе, Карли, Кенхери и других местах была веранда или крыльцо с сеткой перед большим окном, которая не позволяла прямым лучам солнца проникать в него, а во всех старых пещерах были деревянные ширмы, как в Карли, на которые можно было повесить занавески, чтобы изменять освещенность в любой желаемой степени. В Эллоре перед входом никогда не могло быть ширмы, а деревянные пристройки давно перестали использоваться, так что, следовательно, возникла необходимость уменьшить размер проема. В двух более поздних чайтьях в Аджунте это достигается простым уменьшением их размера. В Эллоре это было сделано путем их разделения. Если бы у нас были структурные примеры, в которых это изменение, вероятно, было внесено впервые, мы могли бы проследить его прогресс; но, поскольку это единственный имеющийся у нас пример разделенного окна, мы должны принять его как одну из последних модификаций фасадов этих чайтьев. Практически, это может быть улучшением, поскольку он все еще достаточно велик, чтобы удовлетворительно осветить интерьер; но с художественной точки зрения об этом, скорее, приходится сожалеть. В старом дизайне есть характер и величие, которых нам не хватает в этом более домашнем оформлении, хотя это все еще форма открытия, не лишенная красоты.

63. Фасад пещеры Вишвакарма в Эллоре.

(С фотографии.)

Благодаря наклонному характеру грунта, в котором она вырыта, эта пещера обладает обширным передним двором и очень элегантным дизайном, что придает ее фасаду важность, на которую он не имеет права из-за каких-либо собственных достоинств.

КЕНХЕРИ.

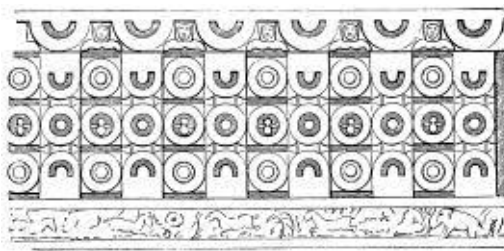
Одна из самых известных и наиболее часто описываемых чайтьев в Индии находится на острове Сальсетт, в Бомбейской гавани, известная как великая пещера Кенхери. По размерам он относится к первому разряду, имея размеры 88 футов 6 дюймов на 39 футов 10 дюймов, и у него есть то преимущество, что его дата теперь почти точно установлена. На веранде есть надпись, свидетельствующая о том, что знаменитый Буддагхоша посвятил одну из статуй среднего размера

на крыльце в честь господ Бхагавана,^[150] и на том же крыльце другая надпись повествует о выполнении великих статуй Будды “императорским потомком Готамипутры Шри Ядня Сат Карни”.^[151] Теперь мы знаем, что первый по имени Буддагхоша отправился со своей миссией на Цейлон, г.до н.э. 410,^[152] и неизвестно, возвращался ли он когда-либо в Индию; и всегда предполагалось, что Ядня Шри жил в 408-428 годах, как правило, следует признать ошибочную этимологию смешения его имени вместе с Юэгаем из Китая. Однако это, по-видимому, всего лишь перевод “возлюбленного царя Луны” и, следовательно, более применимо к Чандре Шри или Чандрагупте, который был его современником. Истинной основой для определения его даты является хронология Пуран, которая для этого периода кажется неоспоримой.^[153] Как бы то ни было, сочетание этих двух названий здесь, в этой пещере, определяет их дату, а также определяет возраст пещеры как относящейся к ранним годам 5 века, ко времени, когда Фа Хянь путешествовал по Индии.

Учитывая это, естественно было бы ожидать, что архитектура пещеры должна демонстрировать некоторую стадию прогресса, промежуточную между пещерой № 10 и пещерой № 19 Аджунты, но здесь ничего подобного не видно; пещера Кенхери - буквальная копия большой пещеры в Карли, но в настолько низшем художественном стиле, что, когда я впервые увидел ее, я был склонен приписать ее эпохе буддийского упадка, когда традиции истинного искусства ушли в прошлое, и люди судорожными усилиями пытались возродить мертвое искусство. Поскольку теперь доказано, что это не так, архитектуру этой пещеры можно рассматривать только как исключительную аномалию, принципы проектирования которой не похожи ни на что другое, что можно найти в Индии, и проистекают, вероятно, из какого-то индивидуального каприза, происхождение которого мы, вероятно, никогда теперь не сможем восстановить.

Внутри крыша была украшена деревянными стропилами, и хотя они обвалились, деревянные штыри, с помощью которых они крепились к скале, все еще сохранились; а экран спереди имеет все пазы и другие признаки, как в Карли, доказывающие, что его предполагалось покрыть деревянными галереями и каркасом. Что еще более любопытно, фигуры вождей с их женами, украшающие переднюю часть экрана в "Карли", здесь повторены буквально, но скопированы настолько плохо, что с первого взгляда их нелегко узнать. Это тем более странно, что произошло в эпоху, когда их место было отведено фигурам Будды, и когда в самом Карли вырезали старые скульптуры и надписи, чтобы ввести фигуры Будды, либо сидящего со скрещенными ногами, либо сидящего на лотосе, поддерживаемого фигурами нага у его основания.^[154]

Перед этой пещерой находится карликовая перекладина, которой, с учетом имеющихся у нас знаний, самой по себе было бы почти достаточно, чтобы установить возраст, несмотря на эти аномалии ([Гравюра на дереве № 64](#)). К сожалению, он настолько потрепан погодой, что трудно разглядеть все его детали; но сравнивая его с рельсом Гаутамипутры ([гравюра на дереве № 32](#)) и рельсом Амравати ([гравюра на дереве № 36](#)), будет видно, что он содержит все те усложнения, которые были введены в III и IV веках, но которые были прекращены в V и VI веках, когда рельс любой формы вышел из употребления в качестве архитектурного украшения.^[155]

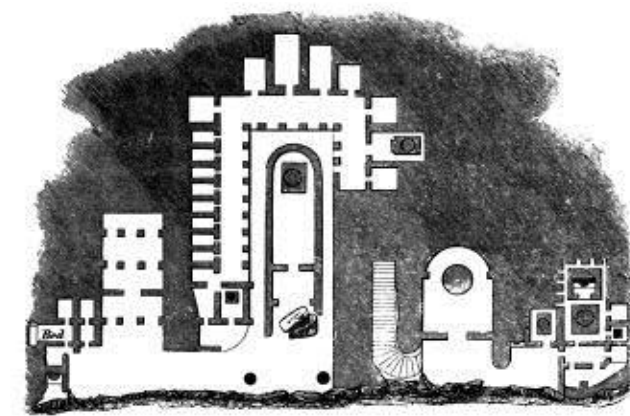
64. Перила перед Большой пещерой, Кенхери.

(С рисунка мистера Уэста.)

Фактически, доказательства того, что эта пещера была раскопана в первые годы V века, кажутся полными; но, признавая это, она остается аномалией, подобная которой, насколько мне известно, встречается только один раз в истории индийской архитектуры, и то в вихаре в Насике того же возраста, которая будет описана ниже.

ДУМНАР.

Примерно на полпути между Котохом и Удджайном, в Раджпутане, в местечке под названием Дхумнар, существует серия пещер значительной протяженности, но интерес, который можно было бы испытывать к ним, значительно снижается из-за того, что они вырублены в грубом латеритовом конгломерате, настолько грубом, что все мельчайшие архитектурные детали приходилось обрабатывать гипсом, и поскольку со временем они разрушились, теперь можно узнать только их планы и очертания. Среди шестидесяти или семидесяти найденных здесь раскопок одна представляет собой чайтью некоторой протяженности, представляющую особенности планировки, не встречающиеся больше нигде. Это практически чайтья челла, расположенная посреди вихары ([Гравюра на дереве № 65](#)). Клетка, в которой находится дагоба, имеет размеры всего 35 на 13 футов 6 дюймов, но к этому нужно добавить крыльцо, или прихожую, протяженностью 25 футов. далее, на целых 60 футов. С двух сторон, и с половины третьей, он окружен открытой верандой, ведущей к камерам. Третья сторона так и не была закончена, но в двух боковых камерах находятся дагобы меньшего размера — все это представляет собой беспорядочную массу камер и чайтьев, в которых смешаны все первоначальные части, а вся примитивная простота дизайна и расположения утрачена до такой степени, что без предварительных знаний их было бы трудно распознать.

65. Пещера в Думнаре.

(Из Плана Быт. Каннингем.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

Точных дат для определения возраста этой пещеры нет, но, как и у всех других пещер, она поздняя, вероятно, между 500 и 600 годами н.э. или даже позже, и ее большой интерес заключается в том, что, сравнивая ее с чайтьей и вихарой в Бхадже или Бедсе (гравюры на дереве № [46](#) и [49](#)),

мы можем осознать прогресс и изменения, которые произошли при проектировании этих памятников за семь или восемь столетий, прошедших между ними.

Холви.

Недалеко от Дхумнара находится еще одна серия пещер, не столь обширных, но интересных, поскольку это, вероятно, самая современная группа буддийских пещер в Индии. До сих пор не опубликовано ни одного подробного отчета о них,^[156] но известно достаточно, чтобы мы могли с уверенностью сказать, насколько они современны. Один из них, называемый Домом Арджуна, представляет собой богато украшенную дагобу, первоначально, по-видимому, около 20 футов в высоту, но верхняя часть, находившаяся в каменной кладке, обвалилась. Внутри находится открытая спереди камера, в которой находится сидящая со скрещенными ногами фигура Будды, демонстрирующая подход к индуистскому способу обращения с изображениями в своих храмах, который выглядит так, как будто буддизм находится на грани исчезновения.

То же самое устройство повторяется в единственном раскопе здесь, который можно назвать залом чайтьи. Внутри он имеет размеры всего 26 на 13 футов; но вся дагоба, которая имеет 8 футов в диаметре, была выдолблена, чтобы сделать ячейку, в которой хранится изображение Будды. Дагобы, на самом деле, здесь — их три стоят отдельно — превратились в храмы и отличаются от индуистских только своими круглыми формами.^[157]

Вероятно, вряд ли есть необходимость говорить больше на эту тему сейчас, поскольку большинство вопросов, как искусства, так и хронологии, будут снова затронуты в следующей главе при описании вихар, которые были прикреплены к чайтьям и фактически являлись частями тех же заведений. Как простым резиденциям, вихарам может не хватать того достоинства и единства, которые характеризуют чайтьев, но их количество и разнообразие в значительной степени компенсируют другие их недостатки; и в целом их описание составляет одну из самых интересных глав в нашей истории.

ГЛАВА VI.

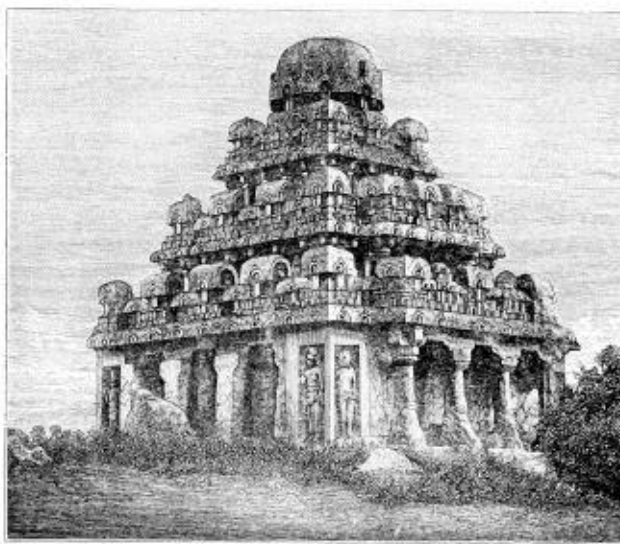
ВИХАР, ^[158] или монастыри.

Содержание.

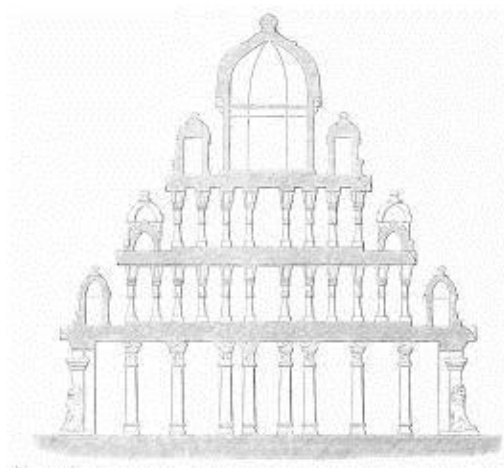
Структурный Вихарас —Бенгальские и Западные пещеры Вихара—Насик, Аджунта, Баг, Думнар, Холви и Эллора Вихарас—
Круглая пещера в Юнире.

СТРУКТУРНЫЕ ВИХАРЫ.

Наши знания о вихарах или монастырях буддистов едва ли не в большей степени зависят от примеров, высеченных в скалах, чем от их чайтьев или церквей: обстоятельство, о котором в данном случае следует сожалеть больше, чем в другом. В зале чайтья интерьер, естественно, является главным объектом, в котором искусство архитектора было бы в высшей степени щедрым. Следующим будет фасад. Стороны и апсида сравнительно незначительны и не украшены. Фасады и интерьер могут быть так же хорошо выражены в скале, как и в свободном состоянии; но с вихарами дело обстоит иначе. Двор или зал, окруженный камерами, не является внушительным архитектурным объектом. Там, где во дворе есть галереи высотой в два или три этажа, а поддерживающие их колонны украшены богатой резьбой, он может достигать той живописности, которую мы находим в наших старых гостиницах, или того уровня красоты, который преобладает во дворах испанских монастырей.^[159] Я полагаю, что такую форму могли принять многие индийские структурные вихары, но которые вряд ли могли быть повторены в скале; и, если некоторые изображения не будудобнаружены среди картин или скульптур, мы, вероятно, никогда не узнаем, хотя и можем догадываться, какими могли быть первоначальные изображения.

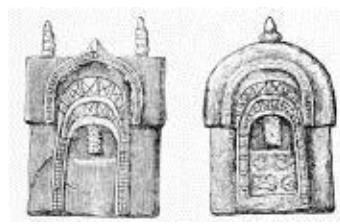

66. Великий Рат в Махавеллипоре.
(С фотографии.)

67. Схема, поясняющая расположение буддийской вихары высотой в четыре этажа.

Однако, я полагаю, существовала другая форма Вихары, еще менее способная быть повторенной в камне. Он имел пирамидальную форму и является оригиналом всех храмов южной Индии. Возьмем, к примеру, описание одного из них, упомянутого как Фа Хианом, так и Хиуэн Тхангом,^[160] хотя ни один из них, надо признаться, никогда его не видел, что отчасти объясняет некоторые нелепости в описании: “Здание, ” говорит Фа Хиан, “ в общей сложности пятиэтажное. Самый нижний имеет форму слона и имеет в себе 500 каменных ячеек; второй имеет форму льва и имеет 400 камер; третий имеет форму лошади и имеет 300 камер; четвертый имеет форму быка и имеет 200 камер; и пятый имеет форму голубя и имеет 100 камер” — и отчет, приведенный об этом Хиуэн Тхангом, практически совпадает.^[161] На первый взгляд это выглядит достаточно дико; но если мы заменим утверждение о том, что несколько этажей были украшены слонами, львами, лошадьми и т.д., мы получим способ украшения, который начался в Карли, где множество слонов украшают нижний этаж, и был продолжен вариациями до Хуллабида, где, как мы увидим далее, все эти пять животных в 13 веке накладывались друг на друга точно так, как здесь описано.

68. 69.

Квадратные и продолговатые ячейки с барельефа в Бхархуте.

Противоположная гравюра на дереве (№ 66), взятая из одного из храмов в Махавеллипоре, вероятно, правильно представляет такую структуру, и я полагаю, также форму очень многих древних вихар в Индии. Диаграмма (№ 67) предназначена для объяснения того, каким, вероятно, было внутреннее устройство такой структуры. Насколько можно понять из имеющихся у нас примеров, высеченных в скале, центр был занят залами различных размеров в зависимости от высоты, которые поддерживались деревянными столбами над первым этажом и использовались как общие дневные комнаты монахов. Спальные камеры (гравюры на дереве № 68, 69), по-видимому, находились на террасах и, возможно, были такими, какие часто изображены на барельефах в Бхархуте и в других местах. Попеременно они кажутся квадратными и продолговатыми, с небольшими помещениями между ними. Конечно, мы не должны

воспринимать слишком буквально изображение монастыря, вырубленного в скале для другой цели, как абсолютно правильное изображение его оригинала. Важность, однако, этой формы, объясняющей особенности последующей буддийской и дравидийской архитектуры, настолько велика, что ее стоит процитировать здесь, хотя в дальнейшем это будет более очевидно, чем может быть в настоящее время. При строительстве ширина структурного здания, вероятно, была бы больше пропорционально высоте, чем в этом примере, но это не имеет большого значения для наших нынешних целей.

Конечно, всегда трудно, а иногда и невозможно, понять форму зданий только по словесным описаниям, а китайские паломники не были знатоками архитектурных определений. И все же описание великого монастыря Наланда, сделанное Хиуэн Тхангом, важно и настолько относится к нашей нынешней теме, что его нельзя обойти стороной.

Этот знаменитый монастырь, который был Монте-Кассино Индии в течение первых пяти веков нашей эры, находился в тридцати четырех милях к югу от Патны и в семи милях к северу от старой столицы Раджагрихи. Если он и не был основан под покровительством знаменитого Нагарджуны в 1 веке, то, во всяком случае, проживал там, представляя Махаяну, или великий перевод, и сделав его резиденцией этой школы в Центральной Индии. После него шесть сменявших друг друга царей построили столько же вихар на этом месте, когда один из них окружил все это высокой стеной, которую до сих пор можно проследить, размером 1600 футов к северу и югу, по 400 футов к югу и ограждающей восемь отдельных дворов. Снаружи от этого ограждения располагались многочисленные ступы или башнеобразные вихары, десять или двенадцать из которых легко узнаваемы и были с большей или менее уверенностью идентифицированы генералом Каннингемом по описанию Паломника.^[162] Общий вид места можно составить из следующего: — “В разных дворах дома монахов были высотой в четыре этажа каждый. В павильонах были колонны, украшенные драконами, и балки, переливающиеся всеми цветами радуги, — стропила, покрытые богатой резьбой, — колонны, украшенные нефритом, выкрашенные в красный цвет и богато украшенные резьбой, и ажурные балюстрады. Перемычки дверей были элегантно украшены, а крыши покрыты глазурованной черепицей ярких цветов, которая умножалась за счет отражения и в каждый момент меняла эффект на тысячи ладов”. Или, как он восторженно резюмирует: “Сангхарамы Индии исчисляются тысячами, но нет ни одной, равной этой по величию, или богатству, или высоте их постройки”.^[163]

Из того, что мы знаем о влиянии бирманских монастырей на наши дни, это, вероятно, не преувеличение; и с его рощами манго и огромными резервуарами, которые сохранились до сих пор, это, должно быть, было, как он говорит, “очаровательной обителью”. Здесь в его время проживали - внутри стен и за их пределами — 10 000 священников и неофитов, и религии и философии обучали на сотне кафедр, и, следовательно, здесь наш Паломник пробыл пять лет, впитывая доктрины Закона Будды. Чем Клуни и Клерво были для Франции в Средние века, тем Наланда была для Центральной Индии хранилищем всех истинных знаний и основой, с которой они распространились по всем другим землям верующих; но все же, как и во всех случаях, связанных с тем странным параллелизмом, который существовал между двумя религиями, буддисты на пять столетий опередили христиан в изобретении и использовании всех церемоний и форм, общих для обеих религий.

Было бы действительно удовлетворительно, если бы удалось восстановить архитектуру этого знаменитого монастыря и внести ясность в его устройство. Кое-что было сделано Каннингемом^[164] в этом направлении, и раскопки были проведены мистером Бродли и капитаном Маршаллом. Есть опасения, что первый разрушил больше, чем восстановил, а его рисунки настолько несовершенны, что их совершенно невозможно разобрать. Последний еще не опубликовал свои открытия. Ничто, однако, не могло бы, вероятно, лучше вознаградить за систематическое исследование, чем это знаменитое место, если бы оно было предпринято кем-то,

кто привык к подобным исследованиям и способен составить подробные архитектурные чертежи того, что найдено.

Если, однако, окажется, как указывалось выше, что вся надстройка этих вихар была деревянной, то либо пожар, либо естественное разложение могли нанести такой ущерб всему, что от них осталось, что мало что могло вознаградить труды исследователя. То, что было сделано в этом направлении, безусловно, не дает большого повода надеяться на многое. В Султангунге, недалеко от Монгыра, железная дорога прорезала большую вихару, но, кроме одной замечательной бронзовой статуи Будды^[165], ничего важного найдено не было. Монастырь, по-видимому, состоял из двух больших дворов, окруженных кельями. Однако то, что было найдено, могло быть только фундаментом, поскольку не было ни дверных проемов в квартиры, ни средств сообщения друг с другом или с внешней средой.^[166]

Вихара, раскопанная капитаном Киттоу и мистером Томасом в Сарнатхе, по-видимому, определенно была уничтожена пожаром. Все, что осталось, - это ряд примерно из двадцати камер и четырех больших залов, окружающих окруженный колоннами двор площадью 50 квадратных футов. С одной стороны находились три кельи, очевидно, образующие святилище, как это часто встречается в более поздних образцах, высеченных в скале.^[167]

Раскопки, проведенные генералом Каннингемом в том же месте, едва ли более удовлетворительны по своим результатам. Два здания, которые он исследовал, похоже, имеют отношение друг к другу: вихара площадью 60 квадратных футов и храм размером чуть более половины этих размеров с выступающим крыльцом на каждой грани.^[168] Теперь остался только фундамент этих зданий, и ничего, что указывало бы на то, как они были изначально достроены.

Возможно, в конечном итоге мы придем к какому-то представлению, которое позволит нам сформировать определенные идеи по этому вопросу, но пока мы этого не сделаем, нам, вероятно, придется довольствоваться интерьерами, изображенными на примерах, вырезанных в скале.

БЕНГАЛЬСКИЕ ПЕЩЕРЫ.

Ни одну из пещер Бехар нельзя, собственно говоря, назвать вихарас в том смысле, в котором это слово обычно используется, за исключением, возможно, пещеры Сон Бхандар, которую, как упоминалось ранее, генерал Каннингем отождествляет с пещерой Саттапанни, перед которой состоялось первое собрание в 543 г. до н.э. Это простой прямоугольный раскоп, 33 фута 9 дюймов в длину, 17 футов в ширину и 11 футов 7 дюймов из-за изгиба изогнутой крыши.^[169] В нем есть одна дверь и одно окно, но оба, как и вся остальная пещера, без лепнины или каких-либо архитектурных особенностей, которые помогли бы определить его возраст. Косяки дверного проема слегка наклонены внутрь, но не настолько, чтобы дать представление о глубокой древности. Впереди была деревянная веранда, отверстия для врезки в которую до сих пор видны в передней стене.

Другие пещеры Барабара и Нагарджуны, если и не совсем чайтхи в том смысле, в каком этот термин применяется к западным пещерам, были, по крайней мере, ораториями, местами молитвы и богослужения, а не жилыми домами. Один архат или аскет, возможно, проживал в них, но с целью совершения необходимых услуг. В них нет отдельных келий или какого-либо деления, которое можно было бы рассматривать как отделяющее церемониальное использование пещеры от домашнего, и, следовательно, их следует, по крайней мере в настоящее время, классифицировать как чайтхи, а не вихары.

Ситуация сильно отличается, когда мы обращаемся к пещерам в Ориссе, которые являются одними из самых интересных, хотя в то же время и наиболее аномальных, из всех пещер Индии. Они расположены на двух изолированных холмах из песчаника, примерно в двадцати милях от Каттака и в пяти от Бхуванешвара. Самые старые находятся на холме под названием Удаягири; более современные в этой части называются Хандагири. Они стали джайнами примерно в 10 или

11 веке, а холм с последним названием увенчан джайнским храмом, возведенным махараттами в конце прошлого века.

То, что мы знаем о возрасте самых старых пещер, в основном почерпнуто из длинной надписи на фасаде самой старой, известной как Хатхи Гумпха, или Слоновья пещера.^[170] Из нее мы узнаем, что она была выгравирована королем по имени Айра, который вззошел на трон Калинги на двадцать четвертом году жизни и распространил свою власть путем завоевания соседних раджей. По-видимому, сначала он колебался между брахманической и буддийской верами, но в конце концов принял последнюю и раздавал бесконечную милостыню. Говорят, что среди других добрых дел он “построил подземные покои—пещеры, содержащие храм чайтья и колонны”.

Палеографически формы букв, использованных в этой надписи, идентичны тем, которые использовал Ашока в копии своих указов на скале Ашватама неподалеку и которые недавно были найдены в Аске, недалеко от северного края озера Чилкья. Таким образом, первое предположение состоит в том, что они могут быть примерно одной и той же даты. Это оправдывается упоминанием Нанды в прошедшем времени, хотя, кажется, нет причин сомневаться в том, что он был одним из царей с таким именем, которые непосредственно предшествовали революции, возводившей на трон Чандрагупту. Помимо них, в этой надписи есть и другие указания, которые, по-видимому, делают почти несомненным тот факт, что Айра был современником великой династии Маурьев в Магадхе; но предшествовал ли он Ашоке или следовал за ним, не совсем ясно. Тем не менее, представляется маловероятным, что Ашоке было бы разрешено опубликовать две копии своих эдиктов во владениях таких могущественных царей, какими, по-видимому, были Айра и его отец, и столь же маловероятно, что Айра сделал бы такую запись без какого-либо намека на ранее обнародованные эдикты, если бы они тогда существовали. В целом, я склонен полагать, что Айра жил до Ашоки, и, если это так, то это самая древняя надпись, найденная в Индии. Как бы то ни было, пещера, в которой он найден, безусловно, самая старая здесь. Это огромная естественная пещера, поверхность которой была сглажена, чтобы пропустить эту надпись, но все остальное сохранилось почти в естественном состоянии. Рядом с ним находится небольшая пещера, весь “фронтон” которой над дверным проемом занимает огромный трехглавый нага, и, возможно, она такая же древняя, как пещера Хатхи. Надпись на нем просто гласит, что это непревзойденная камера Чулакармы, который, по-видимому, также раскопал другую пещеру, называемую здесь Паван Габха,^[171] или Пещера Очищения.

Помимо этих и пещер поменьше, о которых пойдет речь ниже, большой интерес к пещерам Удаагири сосредоточен в двух — так называемой пещере Ганеша и пещере Радж Рани, или Рани Ханспур, по индуистской традиции, согласно которой она была раскопана Рани из Лелата Индры Кесари, знаменитого строителя храма Бхуванешвар в VII веке.

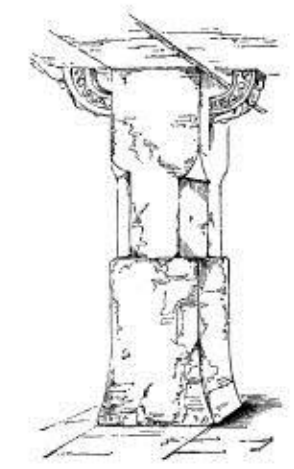
70. Пещера Ганеса.

(По плану мистера Локка.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

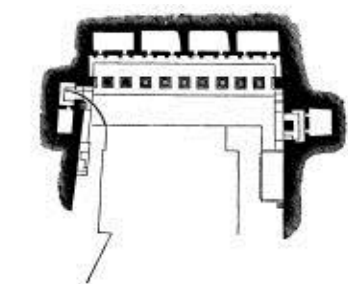
Первая представляет собой небольшую пещеру, состоящую из двух камер, вместе 30 футов в длину и 10 футов в ширину, перед которой находится веранда, немного длиннее, которая когда-то была украшена пятью колоннами, хотя сейчас стоят только три ([Гравюра на дереве № 70](#)). На этой пещере есть надпись иероглифами кутила, посвящающая ее Джаганатху; но это, очевидно, дополнение в наше время.^[172] О стиле архитектуры можно судить по прилагаемой гравюре на дереве, представляющей один из ее столпов ([Гравюра на дереве № 71](#)). Они чрезвычайно просты, представляют собой квадратные опоры, переходящие в восьмиугольники только в центре, и с небольшими кронштейнами очень деревянной конструкции на каждой грани. Дверные проемы,

ведущие в камеры, украшены обычными подковообразными навесами, скопированными с фасадов залов чайты, с которыми мы теперь так хорошо знакомы по скульптурам бхархутов и по проемам, общим для всех деревянных зданий того времени.

71. Колонна в пещере Ганеса, Каттак.
(По эскизу автора.)

72. Верхний этаж, Рани Гумпа.
(По плану Х. Х. Локка.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

Другая пещера намного больше, высотой в два этажа, оба из которых изначально были украшены верандами: верхняя длиной 62 футов, ведущая в четыре камеры ([гравюра на дереве № 72](#)), нижняя, высотой 44 футов, ведущая в три. Все двери, ведущие в эти камеры, имеют косяки, слегка наклоненные внутрь, что само по себе является достаточным указанием на то, что пещера предшествовала христианской эре, возможно, на столетие или около того. Из девяти колонн верхней веранды уцелели только две, да и те сильно изуродованы, в то время как все шесть колонн нижнего этажа погибли. Создается впечатление, что по неопытности экскаваторы не оставили достаточно материала, чтобы поддерживать каменную массу наверху; и, вероятно, в результате каких-то незначительных толчков землетрясения вышележащая масса обрушилась, увлекая за собой все, что находилось перед ней. Либо тогда, либо в какой-то последующий период была предпринята попытка восстановить нижнюю веранду из дерева, и с этой целью в скульптурах, украшавших ее заднюю стену, была прорезана выемка, а в остальном они были настолько изуродованы, что почти невозможно разобрать их значение. К счастью, верхние веранды относительно целы, хотя в некоторых местах с ними тоже очень плохо обращались.

Помимо этого, которое можно назвать основной частью здания, два крыла выступают вперед; то, что слева, на 40 футов, то, что справа, на 20 футов; и, поскольку в них были камеры на обоих этажах, все это позволяло разместить значительное количество заключенных.

Однако большой интерес этих двух пещер заключается в их скульптурах. В пещере Ганеша есть два барельефа. На первом изображен мужчина, спящий под деревом, и женщина, присматривающая за ним. К ним приближается женщина, ведущая мужчину за руку, как бы для того, чтобы познакомить его со спящим. За ними мужчина и женщина сражаются на мечах и щитах в очень близком бою, а позади них мужчина уносит на руках обнаженную женщину. [\[173\]](#)

Второй барельеф состоит из пятнадцати фигур и двух слонов. В нем могут быть две последовательные сцены, хотя у меня сложилось впечатление, что задумана только одна, в то время как я уверен, что так обстоит дело с первой. В пещере Радж Рани второй барельеф идентичен во всех существенных отношениях первому в Ганеше, но рельефы, которые предшествуют ему и следуют за ним, представляют совершенно разные сцены. Возможно, бесполезно гадать, какой эпизод представляет эта сцена изнасилования, возможно, это какая-то местная традиция, неизвестная где-либо еще; наибольший интерес для наших нынешних целей представляет то, что первая из них исключительно классическая по замыслу и исполнению, вторая более дикая, и как по действию, так и по костюму гораздо более чисто индийская. До открытия скульптур Бхархута вряд ли можно сомневаться в том, что мы объявили бы те, что находятся в пещере Ганеша, самыми древними, как наиболее совершенные. Скульптуры бхархутов, однако, показав нам, насколько совершенным было местное искусство в очень ранние времена, значительно изменили наше мнение по этому вопросу; а скульптуры в пещере Рани, являющиеся по своей сути индийскими по стилю, теперь кажутся мне самыми древними. Те, что изображены в Ганеша Гумпхе, как более классические, возможно, были выполнены каким-нибудь художником из Яваны в более позднюю эпоху, но все же оба кажутся предшествующими христианской эпохе. [\[174\]](#) Другие барельефы в пещере Радж Рани изображают сцены охоты, сражений, танцев, питья и занятий любовью — все, что угодно, кроме религии или молитвы в любой форме. Судя по скульптурам в Санчи и Бхархуте, мы были готовы ожидать, что не найдем никаких прямых свидетельств буддизма ни в каких скульптурах, датируемых первым веком христианской эры; но те, что находятся в этом месте, превосходят их в этом отношении. Ничто из приведенного здесь не может быть истолковано как относящееся к каким-либо сценам из жизни Сакья Муни или к какой-либо известной джатаке, и ни в коем случае не ясно, откроем ли мы когда-нибудь легенды, к которым они относятся. Помимо этих барельефов, в пещере Рани есть горельефная фигура женщины (?) верхом на льве. Позади него или нее солдат в килте, или, скорее, в одежде римского солдата, в ботинках со шнуровкой, доходящих до икры ноги, — на самом деле очень похожих на те, что изображены на фото 28, рис. 1, в "Поклонении дереву и змее", когда незнакомцы обращаются к трехэтажной дагобе, - а за ними, опять же, женщина очень иностранного вида.

В другой пещере той же группы, называемой Джодев Гарбха, и примерно того же возраста, между двумя дверными проемами, ведущими в камеру, поклоняются священному дереву. Он окружен обычным ограждением, и преданные и другие люди приносят подношения. [\[175\]](#)

В другом, вероятно, более древнем, чем любой из двух упомянутых выше, под названием Ананта Гарбха, есть два барельефа над двумя дверными проемами: один, как и предыдущий, посвящен поклонению Дереву, другой - почитанию Шри (*смотрите перед этим*, стр. 51). Она стоит на своем лотосе, и два слона, также стоящие на лотосах, поливают ее водой. [\[176\]](#) Одно и то же изображение встречается, по крайней мере, один раз в Бхархуте и десять раз в Санчи, и, насколько я знаю, это самый ранний пример почитания бога или человека в индийских скульптурах.

Прежде чем покинуть Удаягири, стоит упомянуть еще об одной пещере. Это большой валун, вырезанный в виде головы тигра с раскрытыми челюстями, а его горло, как и положено, представляет собой дверной проем, ведущий в одиночную камеру ([Гравюра на дереве № 73](#)). Это каприз, но он показывает, что те, кто его задумал, имели некоторый опыт в пластических искусствах, прежде чем взяться за него. Судя по форме выгравированных на нем символов, это, несомненно, предшествовало христианской эре, но насколько раньше, сказать трудно.

73. Пещера Тигра, Каттак.

С какой бы точки зрения на них ни смотреть, эти ориссанские пещеры настолько непохожи на все, что мы ранее привыкли считать буддийскими, что вполне может возникнуть вопрос, правомерно ли нам вообще приписывать их раскопки последователям этой религии. Здесь не только нет фигуры Будды в тех общепринятых формах и позах, по которым его впоследствии узнали, но и нет сцены, которую можно было бы интерпретировать как представляющую какое-либо событие в его жизни, или какой-либо из джатак, в которых было прообразом его будущее величие. В пещерах нет дагоба^[177] и не изображена в скульптурах, ни пещеры чайтья, ни эмблемы колеса, ни вообще чего-либо, что обычно считается символом этой религии.

Однако, приглядевшись к нему повнимательнее, мы обнаруживаем эмблему со свастикой и щитом, прикрепленную к надписи Айра, а также орнамент со щитом и тризубом над дверными проемами в более старых пещерах, и мы знаем, что они, как мы находим в Бхархуте, Санчи и в Бхадже (*ante*, стр. 112), считались буддийскими эмблемами в этих местах. Но были ли они исключительно такими? Орнамент трисул встречается на монетах Кадфисеса в сочетании с быком и трезубцем Шивы,^[178] и у нас нет оснований предполагать, что свастика, и это может быть даже щит, не использовались другими и более ранними сектами.

Истина, по-видимому, заключается в том, что до сих пор наши знания о буддизме черпались почти исключительно из книг, которые приняли свою нынешнюю форму только в четвертом или пятом веке нашей эры, или из памятников, воздвигнутых после искажения Махаяны, введенного Нагарджуной, и тех, кто помогал на четвертом собрании, проведенном Канишкой в первом веке нашей эры. Теперь мы можем понять по скульптурам Бхархута, этих пещер, врат Санчи и более старых западных пещер, каким на самом деле был буддизм между эпохами Ашоки и Канишки, и это сильно отличается от всего, что написано в книгах, которыми мы располагаем, или представлено впоследствии в скульптурах или картинах. Восстановим ли мы когда-нибудь какие-либо следы того, чем был буддизм между смертью Сакья Муни и Ашоки, более чем сомнительно. Если бы его нашли, он, вероятно, был бы еще более непохож на нынешний буддизм, чем буддизм промежуточного периода. Судя по тому, что мы до сих пор обнаружили, похоже, что это было чистое поклонение деревьям расы нага или змеепоклонников, на примитивной вере которых Ашока привил учение Сакья Муни. Конечно, до Ашоки в Индии были буддисты, но представляется сомнительным, были ли они достаточно могущественны, чтобы рыть пещеры или возводить памятники. По крайней мере, ни один из них еще не был обнаружен, и до тех пор, пока они не будут обнаружены, мы должны довольствоваться прекращением наших отсталых исследований с такой группой памятников, как эти пещеры Удагири.

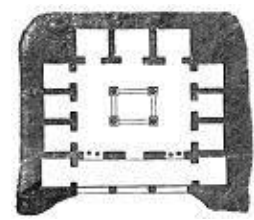
ПЕЩЕРЫ ЗАПАДНОЙ ВИХАРЫ.

Есть по крайней мере четыре Вихары, о которых мы точно знаем, что они были раскопаны до христианской эры. Их, вероятно, сорок, но они еще не были отредактированы с такой тщательностью, чтобы мы могли с уверенностью проставлять на них даты. Известны четыре

придела к чайтьям в Бхадже и Бедсе (гравюры на дереве № [45](#), [49](#)) и два старейших в Аджунте, № 12 и 11. Те, что находятся в Карли, вероятно, ровесники самой великой чайтьи, но, как ни странно, их никогда не рисовали и не исследовали, так что мы действительно мало или вообще ничего о них не знаем. В Джунире есть несколько очень древних памятников, а в Сане и Туладже, в Гуджерате, есть несколько очень древних памятников, но они, как и в Джунире, слишком плохо известны, чтобы их можно было приводить в качестве аутентичных примеров того периода.

Самый старый из них прикреплен к чайтье в Бхадже (*ante*, гравюра на дереве № 45). Он пятиклеточный; в трех из них установлены односпальные каменные кровати, в одной - двуспальная, а в одной, по-видимому, резиденции настоятеля, нет этого неудобного предмета мебели. Перед ними стоят две длинные каменные скамьи в обоих концах зала длиной 33 фута. Неясно, всегда ли этот зал был открыт, как сейчас, но если он и был закрыт, то деревянной ширмой, подобной чайтье рядом с ним, которая, несомненно, того же возраста. Они действительно являются частями одного дизайна. То же самое можно сказать и о Bedsa vihara, хотя они расположены немного дальше друг от друга. В данном случае, однако, на веранде чайтьи есть три камеры с каменными кроватями, а строительство четвертой было начато, когда, по-видимому, было решено перенести резиденцию немного дальше, и впоследствии, я полагаю, не встречается ни одного случая, когда они были бы так соединены, по крайней мере, до очень позднего времени, когда, как в Дхумнаре ([Гравюра на дереве № 65](#)), все части снова соединились вместе. Как видно из плана ([Гравюра на дереве № 49](#)), она исключительна по форме, поскольку расположена апсидально, как и сама чайтья. Неясно, является ли это копией какого-либо существующего деревянного сооружения, или же это была первая попытка построить независимую вихару в скале, и они подумали, что она должна напоминать чайтью по плану. У меня сложилось впечатление, что последнее является истинным объяснением; такое расположение в отдельно стоящем здании, предназначенном для проживания, было бы абсурдным, но мы здесь помогаем с “инкунабулой” стиля и не должны удивляться аномалиям.

Номер 12 в Аджунте - это просто квадратный зал размером 36 футов 7 дюймов. в каждую сторону. В нем нет колонн, и его единственное украшение состоит из семи подковообразных арок, четыре из которых находятся над дверями камер, остальные три только декоративные. К сожалению, скала над фасадом обвалилась, а вместе с ней и фасад, который, вероятно, был самой декоративной частью дизайна.

74. Пещера № 11 в Аджунте.

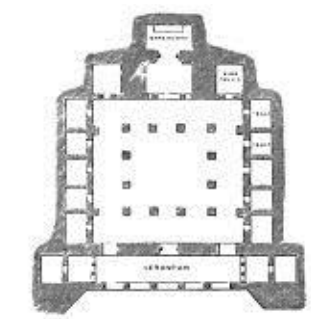
(По плану автора.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

Номер 11 является шагом вперед по сравнению с этим, поскольку в его центре расположены четыре колонны ([Гравюра на дереве № 74](#)). В нем девять камер, но нет никакого святилища или ритуального устройства. По возрасту он, по-видимому, совпадает с чайтьей № 10, к которой он, очевидно, принадлежит, и, подобно ей, может рассматриваться как переходный пример, датируемый примерно христианской эрой или, скорее, до этого времени.

Наиболее заметной характеристикой этих ранних вихар в западной части Индии является то, что, в отличие от их восточных современников, они полностью лишены фигурной скульптуры: никакие барельефы, даже эмблемы, не смягчают суровости их простоты. Над дверными проемами келий расположены обычные подковообразные арки, скопированные с окон великих чайтьев, и

неизменные буддийские перила, повторяющиеся повсюду в виде струн, с редкими колоннами или пилястрами, нарушающими монотонность.

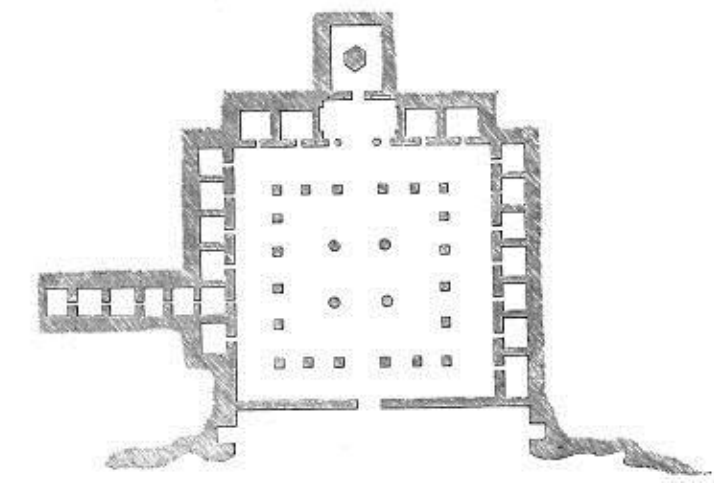
В настоящее время, по-видимому, не существует никаких данных, достаточных для удовлетворительного объяснения этого любопытного различия между изобилием фигурной скульптуры на востоке и ее полным отсутствием на западе в пещерах дохристианской эпохи, и проблема должна быть отложена для дальнейших исследований. Однако, глядя на прогресс, достигнутый за последние годы в этих областях, нет никаких сомнений в том, что ее решение не за горами и, когда оно будет достигнуто, прольет свежий свет на раннюю историю буддизма. Между тем, возможно, стоит отметить, что единственным живым изображением, общим для обеих частей Индии, является присутствие трехглавого Нага на фасаде Насик чайтья ([Гравюра на дереве № 52](#)), и его появление в аналогичном положении в пещерах Чулакарма и Ананта в Удайгири в Ориссе. Это указывает на важную черту в ранней истории буддизма, но не совсем на то, что мы сейчас ищем. Кроме того, трех-, пяти- или семиглавый Нага так часто встречается в Бхархуте, Санчи и других местах, что его присутствие здесь вряд ли можно назвать отличительной особенностью.

75. Пещера № 2 в Аджунте.

(По плану автора.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

Следующим шагом после введения четырех столбов для поддержки крыши, как в пещере № 11 в Аджунте ([Гравюра на дереве № 74](#)), было введение двенадцати столбов для поддержки крыши, не было промежуточного числа, которое делилось бы на четыре, и допускало отверстие в центре каждой стороны. Это расположение показано на гравюре на дереве (№ [75](#)), представляющей план пещеры № 2 в Аджунте. До того, как была достигнута эта стадия пещерной архитектуры, культ значительно утратил свою первоначальную чистоту; и в этих пещерах всегда есть святилище с изображением Будды. Кроме того, часто, как в рассматриваемом примере, имеются две боковые часовни, подобные католическим церквям, содержащие изображения второстепенных святых, иногда мужского, иногда женского пола.

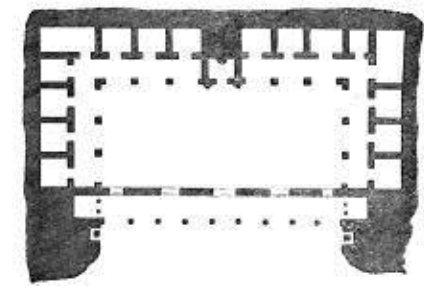
76. Пещера в Баге.

(Из Плана капитана Дэнджерфилда, опубликованного в "Трудах Бомбейского литературного общества".) Масштаб 50 футов на 1 дюйм.

Следующее и наиболее обширное устройство этих квадратных монастырских пещер - это то, в котором в пол вмонтированы двадцать колонн, поддерживающих крышу, по шесть с каждой стороны, считая угловые колонны дважды. В Аджунте и других местах есть несколько таких больших пещер; и одна в Багхе, на Тапти, представленная на последней гравюре на дереве (№ [76](#)), имеет, помимо обычного дополнения, четыре дополнительных столба в центре; они были установлены, очевидно, из-за того, что скала недостаточно однородна и совершенна, чтобы поддерживать себя без этой дополнительной меры предосторожности.

Они, которые можно было бы классифицировать в соответствии с терминами, используемыми в греческой архитектуре, как астиль, когда у них нет колонн; дистиль, когда у них по две колонны с каждой стороны; тетрастиль, с четырьмя; и гексастиль с шестью, образуют ведущее и наиболее характерное подразделение этих раскопок, и с небольшими изменениями их можно найти во всех современных сериях.

Однако формы многих из них настолько разнообразны и настолько ненормальны, что потребовалась бы гораздо более расширенная классификация, позволяющая нам описать и включить их все. Во многих случаях большая глубина пещеры, которой требовало это квадратное расположение, считалась неудобной; и была принята более продолговатая форма, как в пещере Дурбар в Сальсетте ([Гравюра на дереве № 77](#)), где, кроме того, святилище выступает вперед и помогает колоннами поддерживать крышу. В некоторых примерах это заходит еще дальше, и святилище, смело выступающее к центру зала, на самом деле является единственной опорой. Это, однако, поздняя аранжировка, и ее следует рассматривать скорее как экономичное, чем архитектурное усовершенствование. Действительно, из-за этого достоинство и красота всей композиции почти полностью разрушаются.

77. Пещера Дурбар, Сальсетт.

(По плану автора.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

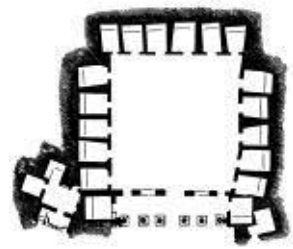
НАСИК ВИХАРАС.

Две наиболее интересные серии пещер для изучения истории более позднего развития системы Вихара - это пещеры в Насике и Аджунте. Последняя, безусловно, самая обширная, состоящая из двадцати шести первоклассных пещер, четыре из которых являются чайтьями. Последняя группа насчитывает, правда, семнадцать раскопок, но только шесть или семь из них можно назвать первоклассными, и в ней есть только одна чайтья. Остальные - небольшие раскопки, не представляющие особой ценности или интереса. Преимущество Аджунты также в том, что она сохранила большую часть картин, которые когда-то украшали стены всех вихар, возведенных впоследствии христианской эры, в то время как в Насике они почти полностью исчезли, хотя, кажется, почти нет сомнений в том, что стены всех больших вихар там когда-то были украшены таким орнаментом. Это действительно было одним из самых больших различий между ними и более ранними примитивными кельями монахов до христианской эры. Буддийская церковь между Ашокой и Канишкой находилась в том же положении, что и христианство между Константином и Григорием Великими. Именно последний из названных понтификов положил начало средневековой со всей его помпезностью и церемониалами. Следовательно, при определенных обстоятельствах было бы целесообразно сначала описать аджунта вихары; но в них на редкость мало хорошо сохранившихся надписей, содержащих узнаваемые имена. Насик, с другой стороны, особенно богат в этом отношении, и историю сериала можно представить с очень сносной приблизительной точностью. [\[179\]](#)

Единственная трудность заключается в начале серии. Если строительство пещеры чайтья было, как указано выше, начато за 129 лет до Рождества Христова, к ней должна была быть прикреплена вихара того же возраста, но таковой, по-видимому, не существует. Рядом с ним действительно есть небольшая вихара, но на более низком уровне, чем те, что сейчас находятся по обе стороны от него, и, следовательно, с большей вероятностью это то, что мы ищем, чем они. Это простой квадратный зал размером 14 футов в каждую сторону, с двумя квадратными ячейками по трем его сторонам, четвертая выходит на веранду с двумя восьмиугольными колоннами спереди. Единственным украшением интерьера является подковообразная арка над каждым проемом, соединенная простой буддийской перекладиной. Во всех деталях он фактически идентичен двум старым вихарам № № 12 и 11 Аджунта и, безусловно, предшествует христианской эре; но на нем есть надпись Кришны Раджи, и он почти наверняка является вторым представителем расы андрабритья, и он возшел на трон до н.э. 8, или на 120 лет позже того времени, которое мы ищем. [\[180\]](#) Если бы не это, архитектурные детали идеально соответствовали бы деталям чайтьи и приписываемому ей возрасту; но надписи, возможно, были добавлены позже. Если это не так, единственное предположение, которое приходит мне в голову, это то, что в первоначальном варианте у чайтьи был передний двор, и что камеры находились в нем, как в Бедсе и Сане, но из-за какой-то трещины в скале они были полностью удалены, и в последующее время то, что справа,

было добавлено на высоте 6 футов над уровнем пола чайтьи, то, что слева на высоте 12 футов, примерно на той же исходной точке,^[181] что вряд ли могло быть так, если бы они были частью первоначальной концепции.

Если перейти от них, которые практически относятся скорее к последней главе, чем к этой, то интерес сосредоточен на трех великих вихарах, старейшая из которых носит имя Нахапана ([Гравюра на дереве № 78](#)), вторая — Гаутамипутры, а третья - Ядньи Шри - если моя хронология верна, их даты указаны в круглых цифрах как 100, 300 и 400 гг. н.э..

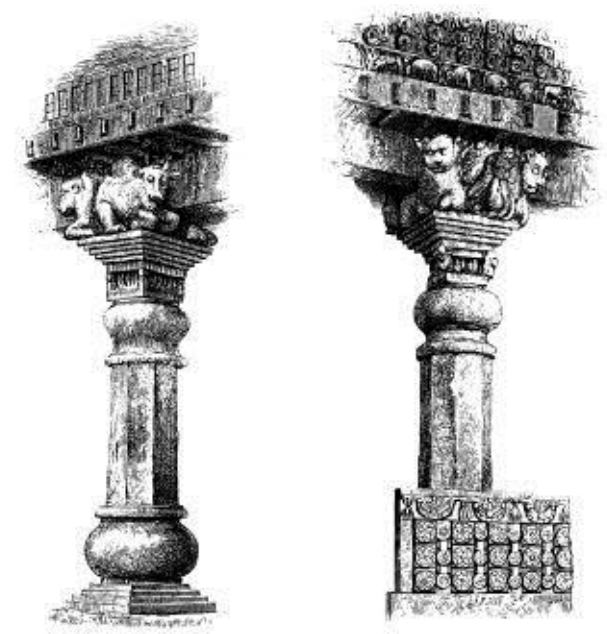
78. Нахапана Вихара, Насик.

(Из плана мистера Берджесса.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

Две главные вихары в Насике, № № 3 и 8, настолько похожи по размерам и во всех своих расположениях, что практически невозможно различить их планы на бумаге. Оба они представляют собой квадратные залы размером более 40 футов с каждой стороны, без каких-либо колонн в центре, и с трех сторон окружены шестнадцатью камерами почти одинаковых размеров. С четвертой стороны находится веранда с шестью колоннами, в одном случае с ячейкой на каждом конце, в другом - только с одной ячейкой, что является наиболее заметным различием между двумя планами. Архитектура тоже в некоторых отношениях настолько схожа, что мы без колебаний можем предположить, что одна из них является намеренной копией другой. На самом деле это проблема большой пещеры в Кенхери, являющейся копией той, что в Карли, повторенной здесь.^[182] Только разница в возрасте между двумя чайтьями составляет пять столетий, деградация стиля больше, чем здесь, где, кажется, чуть больше двух.

Колонны на веранде пещеры № 8 ([Гравюра на дереве № 79](#), стр. 150) настолько похожи на колонны в великой Карли чайтье, что, если окажется, как предполагает Джастис Ньютон^[183], что Нахапана был основателем эры Самват, 56 г. до н.э., в архитектуре не будет ничего, что противоречило бы такой дате. По словам мистера Уэста, “колонны короче в пропорциях, а человеческие фигуры более грубо выполнены”;^[184] но оправдывает ли интервал почти в два столетия, не совсем ясно. С другой стороны, ни одна известная мне вихара в этой части Индии не имеет фасада, столь богато украшенного, как эта. Те, что в Бхадже и Бедсе, довольно простые, а те, что вокруг Карли, хотя и богаче, намного уступают им, так что в целом архитектурные свидетельства явно относятся к эпохе, предшествующей христианской.

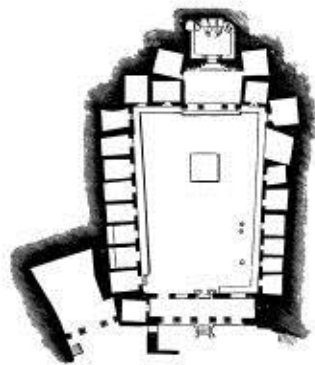
Надпись на этой пещере гласит, что она была раскопана Ушавадатой, зятем Нахапаны, вице-короля Кшахаратры,^[185] очевидно, иностранец, чье настоящее имя еще не обнаружено, но по причинам, указанным в Приложении, нет никаких сомнений в том, что сакская эра (A.D. 78-9 гг. н.э.) датируется его коронацией, и с тех пор должно было пройти несколько лет. я полагаю, что до того, как зять вице-короля смог взяться за подобную работу, 100 год н.э. - это недалеко от даты основания пещеры.

79. Колонна в пещере Нахапана, Насик. 80. Колонна в пещере Гаутамипутра, Насик.
(С фотографии.) (С фотографии.)

Колонны пещеры Гаутамипутра № 3, как будет видно из последней гравюры на дереве (№ [80](#)), в значительной степени утратили элегантность тех, что были описаны ранее. Вместо изящных персидских капителей в форме колоколов мы имеем формы для пудинга, которые впоследствии получили такое распространение. Стержни представляют собой прямые столбы и не имеют оснований, и в целом они демонстрируют неполноценность, с которой нельзя ошибиться. Богато украшенный резбой дверной проем также относится к гораздо более современной эпохе. Помимо этого, здесь есть три вещи, которые почти неопровержимо доказывают, что оно относится к тому же возрасту, что и Амравати топе, возведенный в 4 веке — перила спереди, уже приведенные ([гравюра на дереве № 36](#)), пилястра в конце веранды, [\[186\]](#) и барельеф дагобы, который занимает то же место на задней стене в этой пещере, что и человек с дубинкой в № 8. У него те же служители и тот же избыток зонтиков, что и там, [\[187\]](#) так что в целом возраст раскопок вряд ли можно считать сомнительным.

Пещера № 12 представляет собой небольшую вихару с центральным залом размером 30 на 23 фута и всего четырьмя камерами с одной стороны. Спустя некоторое время после первых раскопок в его интерьере были предприняты значительные изменения, чтобы приспособить его, по-видимому, для индуистского богослужения. Однако его веранда, состоящая из двух пристроенных и двух отдельно стоящих колонн, несомненно, того же возраста, что и пещера Нахапана № 8. Надпись на ней гласит, что она была раскопана Индрагнидаттой, принцем-правителем северного региона Патамитрака. [\[188\]](#) Ни одно из этих имен не может быть распознано, но они указывают на эпоху, когда иностранные короли, возможно, из Пенджаба, правили этой страной сатрапами.

81. Пещера Ядня Шри, Насик.

(По плану мистера Берджесса.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

Великая вихара за пещерой чайтья, на высоте 12 футов над ее уровнем, является одной из самых важных из серии, не только из-за ее размера, но и из-за ее таинства и даты ([Гравюра на дереве № 81](#)). Зал имеет 60 футов в глубину и 40 футов в ширину на внешнем конце, увеличиваясь до 45 футов на внутреннем, и по восемь камер с каждой стороны. Однако наиболее заметной особенностью является то, что во внутреннем конце храма находится обычное святилище с двумя богато украшенными резьбой колоннами спереди ([Гравюра на дереве № 82](#), стр. 152), а внутри - колоссальная фигура сидящего Будды с летающими и стоящими слугами, карликами и всем обычным сопровождением, которое обычно встречается в пятом и последующих веках, но никогда, насколько я знаю, раньше.

К счастью, в этой пещере есть надпись, содержащая хорошо известное имя. Говорят, что он был раскопан женой главнокомандующего императора Ядня Шри, Сат Карни, потомком короля Гаутамипутры, на седьмом году.^[189] Мы не можем установить точный год, к которому относится эта дата; вероятно, это было только царствование, но не кажется сомнительным, что этот король правил в первой четверти V века, и, следовательно, в этой пещере у нас есть фиксированная точка, на которой можно основывать наши расчеты примерно на том периоде времени.

82. Колонна в пещере Ядня Шри.

(С рисунка мистера Берджесса.)

За этим находится еще один раскоп № 17 — его вряд ли можно назвать вихарой — очень неправильной формы, покрытый скульптурами, датируемыми по меньшей мере на столетие

современнее, чем в пещере, описанной в последний раз. Будда представлен там во всех своих позах, стоя или сидя, в сопровождении носильщиков чаури, летающих фигур, карликов и т.д. С одной стороны изображена колоссальная лежащая фигура, изображающая его достигающим Нирваны, что является верным признаком очень современной даты. Помимо них, здесь есть дьяни-будды, бодхисатвы и весь современный пантеон буддизма, расположенный в вызывающем восхищение беспорядке, как и во всех самых современных пещерах. Надписи на нем нет, но по его скульптуре и форме колонн мы можем смело отнести его к последней эпохе буддийского искусства, скажем, примерно к 600 году или позже. Колонны очень близки по стилю к тем, что были найдены в Элефанте и в пещерах брахманов в Эллоре, которым, по другим свидетельствам, были присвоены даты, варьирующиеся от 600 до 800 лет нашей эры.

Возможно, о пещерах Насик было сказано больше, чем может показаться на первый взгляд, чтобы оправдать их архитектурное значение, но они являются одной из самых важных чисто буддийских групп, и в европейских книгах о них почти ничего не упоминается. Однако их большая заслуга заключается в том, что они принадлежат к одной из самых важных древних индийских династий, известной как Андрабритьи, Сата Карни или Сатаваханы. Будучи чисто индийского происхождения, они, однако, не чеканили деньги, как династии Пенджаба, или их современники и соперники - саханские короли Гуджерата, которые принесли это искусство с собой, когда пришли завоевателями с северо-запада, где они научились этому искусству у греков. Следовательно, нумизматы и другие люди упустили из виду эту династию, и восстановить ее можно только по их надписям и архитектурным произведениям, на которых они найдены.

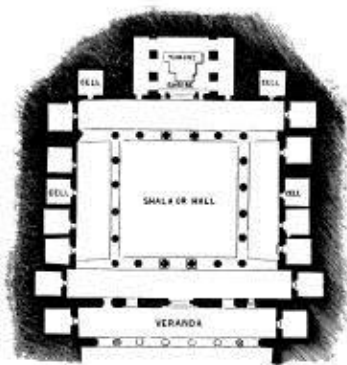
АДЖУНТА ВИХАРАС.

Как упоминалось ранее, центральная группа из четырех старейших пещер Аджунты образует ядро, от которого расходятся на север и юг пещеры — восемь в одном направлении и четырнадцать в другом. Однако, по-видимому, после первых больших усилий в раскопках пещер наступила пауза, и затем они были расширены, по крайней мере на некоторое время, в южном направлении. Таким образом, пещеры с 13 по 20 образуют сносно последовательный ряд, без какого-либо резкого разрыва. После этого, или одновременно с последним из названных, могут быть сгруппированы номера 8, 7 и 6; и, наконец, номера с 21 по 26 на одном конце ряда и (номера с [1](#) по [5](#) на другом) образуют самую последнюю и богато украшенную группу во всей серии. ^[190]

Как объяснялось выше, из четырех центральных три, безусловно, предшествуют христианской эре. Один из них, № 10, будучи переходным по некоторым своим чертам, может относиться к 1 веку и, следовательно, быть современным воротам в Санчи. Однако после этой первой попытки наступила пауза, о которой только что упоминалось, поскольку номера 13, 14 и 15, которые являются единственными пещерами, которые мы можем с уверенностью отнести к следующим трем столетиям, сравнительно незначительны ни по протяженности, ни по богатству деталей.

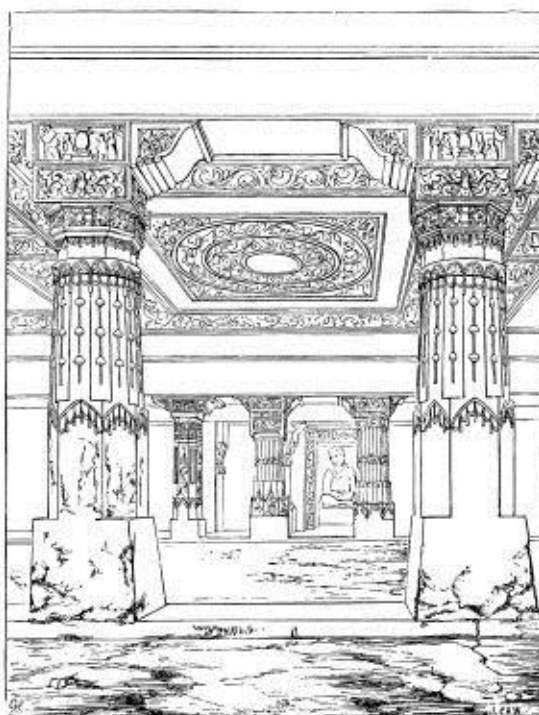
Оставив их, мы подходим к двум вихарам, № 16 и 17, которые здесь самые красивые и, взятые в сочетании с их росписями, вероятно, самые интересные вихары в Индии.

№ 16 представляет собой пещеру с двадцатью колоннами, размером около 65 футов в каждую сторону ([Гравюра на дереве № 83](#), стр. 154), с шестнадцатью кельями и обычным святилищем, в котором находится фигура сидящего Будды, опустившего ноги вниз. Об общем виде интерьера можно судить по следующей гравюре на дереве (№ [84](#)) в общих чертах, но только цветное изображение с гораздо большими деталями может дать представление о богатстве эффекта, производимого его декором.

83. План пещеры № 16 в Аджунте.

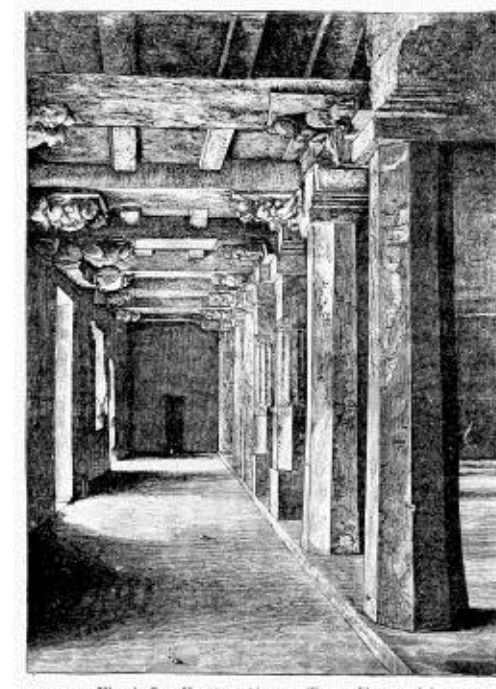
(По плану мистера Берджесса.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

84. Вид на внутреннюю часть Вихары № 16 в Аджунте.

(По эскизу Автора.)

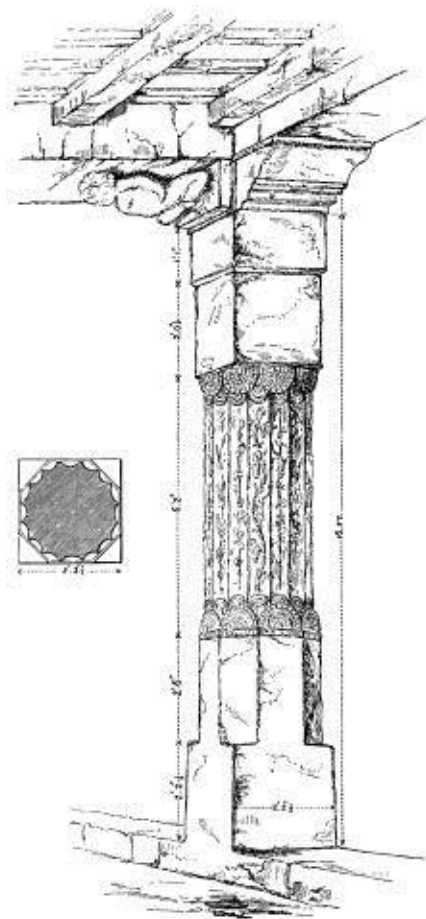
Все стены покрыты фресками, представляющими сцены из жизни Будды или из легенд о святых, а крыша и колонны украшены арабесками и орнаментами, как правило, необычайной красоты очертаний, подчеркнутых наиболее гармоничной расцветкой.

85. Вид в пещере № 17 в Аджунте.

(С фотографии.)

Очень похожая по плану пещера № 17 широко известна как Зодиакальная пещера из-за изображения буддийской чакры или колеса, нарисованного на одном конце ее веранды, которое первые посетители приняли за небесную эмблему. Общее впечатление от внутренней архитектуры здания можно получить из вышеприведенной гравюры на дереве (№ [85](#)) с фотографии или из следующей гравюры на дереве (№ [86](#)), изображающей одну из его колонн в более крупном масштабе, с которой любопытная деревянная конструкция крыши будет видна лучше, чем с фотографии. Фактически, это обычный способ формирования плоских или террасных крыш в настоящее время по всей Индии, и, следовательно, он, по-видимому, во всяком случае, не менялся с 5 века.

86. Колонна в Вихаре № 17, в Аджунте.

(По эскизу Автора.)

Как можно заключить из этих иллюстраций, колонны в этих пещерах почти бесконечно разнообразны, обычно парами, но ни одна колонна ни в одной пещере не похожа на колонны ни в одной другой. В каждой пещере, однако, присутствует общая гармония дизайна и форм, что не позволяет их разнообразию быть неприятным. Эффект, напротив, исключительно гармоничный и удовлетворительный. Однако большой интерес этих двух пещер заключается в их фресках, которые представляют буддийские легенды в таком масштабе и с такой отчетливостью, каких больше нет нигде в Индии. Скульптуры Амравати — некоторые из которых могут быть современными или лишь немного более ранними — наиболее приближены к ним; но, как и в большинстве случаев, живопись допускает большую свободу и большее разнообразие сюжетов, чем когда-либо скульптура, и, безусловно, в данном случае подтверждает свои претензии на большую фонетическую мощь. Многие орнаменты и архитектурные детали, нарисованные на крышах и колоннах этих зданий и в вихарах, также отличаются большой элегантностью и уместностью и в сочетании с архитектурой составляют целое, с которым в Индии несоперничают как по этнографической, так и по архитектурной красоте.

К счастью, возраст этих двух пещер не вызывает сомнений; на каждой есть длинная надпись, надо признать, сильно изуродованная, но из которой можно разобрать достаточно, чтобы показать, что они были раскопаны царями расы Виндхьясакти, один из которых, Праварасена, чье имя фигурирует в надписи на № 16, женился на дочери Махараджи Девы, по прозвищу Чандрагупта. [\[191\]](#) У нас есть надписи последнего царя, датированные 82 и 93 годами эры Гупта, или 400 и 411 годами Н.Э., а его зять, вероятно, правил несколькими годами позже. Следовательно, мы можем с уверенностью отнести эти две пещеры к первой половине V века. Таким образом, они немного

более современны, чем пещера Ядня Шри, № 15, в Насике, и это именно тот результат, которого мы ожидали бы достичь, исходя из их архитектуры и формы святилищ.

Таким образом, их большой интерес с исторической точки зрения заключается в том, что они являются почти уникальными образцами архитектуры и искусства Индии периода великих Гуптов при Феодосии II. был императором Востока, и, как говорят, в то время, когда Бахрам Гаур, сасанид, посетил Индию. Он правил с 420 по 440 год; если он и посетил Индию, то, должно быть, во время раскопок.^[192]

Номера 18, 19 и 20 следуют за этой группой как по расположению, так и по стилю и, вероятно, заняли оставшуюся половину 5 века строительством, сократив нашу историю примерно до A.D. 500 года нашей эры.

Прежде чем двигаться дальше в этом направлении, пещерники, по-видимому, повернули назад и раскопали номера 8, 7 и 6. Последняя из названных пещер - единственная двухэтажная пещера в Аджунте, и она была бы очень интересной, если бы не была так сильно разрушена сыростью и гниением из-за дефектной природы породы, в которой она вырыта. В доме № 7 есть необычайно элегантная веранда, разделенная двумя выступающими павильонами.^[193] Внутренне он небольшой, и его занимает целый пантеон Будд. Фактически, он напоминает дом № 17 в Насике почти во всех отношениях, с которым, без сомнения, является современником.

Все еще остаются пять первых пещер на северном конце и шесть последних на южном: одна из них - чайтья, остальные десять - вихары больших или меньших размеров. Некоторые из них только начаты, а два, № № 4 и 24, которые должны были стать лучшими из серии, остались в очень незавершенном состоянии: интересны, однако, тем, что показывают весь процесс раскопок от начала до завершения. Предполагалось, что это будут пещеры с 28 колоннами, а зал № 4 имеет размеры 84 на 89 футов

Пещеры № 1 и 2 являются одними из самых богато украшенных скульптурами пещер. Фасад дома № 1, действительно, является самым изысканным и красивым в своем классе в Аджунте, и с соответствующими пещерами на противоположном конце передает более высокое представление о совершенстве, которого достигла декоративная скульптура в ту эпоху, чем что-либо еще в Аджунте. Вместе с последней чайтьей, которая принадлежит к этой группе, эти пещеры, несомненно, несут нашу историю в 7 век. Я полагаю, что работа в недостроенных пещерах, должно быть, была приостановлена беспорядками, которые произошли в Центральной Индии около 650 года или вскоре после этого, когда, я полагаю, начались преследования буддистов, и после которых вряд ли у какой-либо общины этой веры нашлось бы свободное время или средства для выполнения каких-либо работ, по крайней мере, такого масштаба, как эти Аджунта вихары.

Конечно, невозможно без гораздо большего количества иллюстраций, чем это совместимо с характером этой работы, донести до тех, кто их не видел, какое-либо представление о различных достопримечательностях, обнаруженных в этих пещерах; но остается надеяться, что однажды миру будет представлена полная серия их иллюстраций. Материалы для этого почти нашлись, когда катастрофический пожар в Хрустальном дворце в 1860 году уничтожил факсимиле картин майора Гилла, которые сейчас вряд ли можно заменить.^[194] Однако многое может быть сделано и, как мы надеемся, будет сделано, поскольку они представляют собой полную серию примеров буддийского искусства без какой-либо примеси индуизма или любой другой религии, простирающуюся от 200 лет до Рождества Христова до 600 или 700 лет после его эры; и помимо иллюстрации искусств и чувств тех эпох, они образуют хронометрическую шкалу, по которой можно судить и синхронизировать другие известные серии, с которыми, однако, они отличаются несколькими важными деталями. Например, в Аджунте нет ни единого примера колоколообразных персидских капителей колонн с основаниями для кувшинов для воды; также нет ни одного примера животных с наездниками, венчающими капители, таких, какие встречаются в Бедсе, Карли, Насике, Сальсете и других местах в Гатах. Эти различия, по-видимому,

указывают на западное влияние, персидское, сакское или скифское, или каким бы именем мы ни называли его, которое не проникло так далеко вглубь страны, как Аджунта или Эллора, но было ограничено теми регионами, где, как мы знаем, иностранное влияние преобладало.

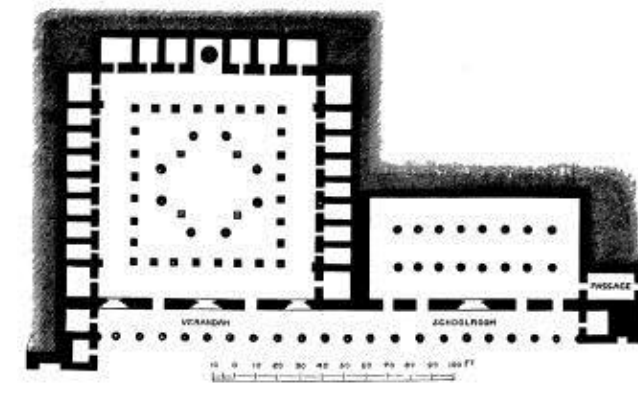
Эти и многие другие этнографические различия в архитектуре, без сомнения, будут выявлены путем тщательного изучения и сравнений, из которых, едва ли можно сомневаться, будут получены наиболее важные результаты.

БАГХ.

На расстоянии примерно 150 миль к северо-западу от Аджунты и в тридцати милях к западу от Манду, недалеко от маленькой деревни под названием Баг, существует серия вихар, лишь немногим менее интересных, чем более поздние серии в Аджунте. Они расположены в уединенном ущелье на склоне гряды холмов, ограничивающих долину Нербудды на севере, и впервые были посещены или, по крайней мере, впервые описаны лейтенантом Дэнджерфилдом во втором томе 'Трудов литературного общества Бомбея'. С тех пор они были описаны более подробно доктором Импи в пятом томе 'Журнала Бомбейского отделения Королевского азиатского общества'. К сожалению, листы, которые должны были сопровождать эту статью, не были опубликованы вместе с ней, но, поскольку автор передал их на хранение в библиотеку Индийского офиса, они сейчас передо мной, и из них, а также из этой статьи были почерпнуты основные детали, которые следуют далее.

Серия состоит из восьми или девяти вихар, некоторые из них самого первого класса, но ни зала чайтья, ни каких-либо раскопок такого класса здесь, похоже, никогда не предпринималось. С другой стороны, к более крупным вихарам, по-видимому, была пристроена шала или классная комната, которая также могла использоваться для богослужения. Тот факт, однако, что святилища вихар обычно украшены дагобой вместо изображения Будды, указывает на различие, которое в дальнейшем может оказаться ценным. В целом они чище и проще, чем последние в Ajunta, хотя, скорее всего, примерно того же возраста.

План одного из них уже был дан, но он не такой большой и архитектурно не такой важный, как великая вихара, показанная на плане, гравюра на дереве № 87. Его большой зал имеет площадь 96 квадратных футов, и в Аджунте он представлял бы собой пещеру с двадцативосьмью колоннами, как там № 4, но внутри нее находятся восемь колонн, расположенных восьмиугольно; а в более позднем возрасте, очевидно, из-за какого-то разрушения крыши, были введены четыре конструктивных колонны— более светлого оттенка. Из описания доктора Импи неясно, каким образом центральный восьмиугольник изначально был покрыт крышей. Он, похоже, считал, что изначально в центре стояла дагоба, которая, будучи разрушенной, обрушила крышу вместе с ней. Поскольку, однако, в святилище есть дагоба, это маловероятно, и гораздо более вероятным кажется, что это была копия структурного восьмиугольного купола, подобного тому, который, как мы находим, джайны неизменно использовали несколько столетий спустя. Если это так, было бы в высшей степени интересно, чтобы он был осмотрен каким-нибудь архитектором, способным конструктивно восстановить его по тем признакам, которые сохранились. У нас есть сотни, почти тысячи таких куполов, которые поддерживались на восьми колоннах после возрождения в 10 веке, но ни одного до него. Если это так, то это могло бы помочь восстановить недостающее звено в нашей цепочке доказательств.

87. Великая Вихара в Багхе.

(Из плана доктора Импи.)

Шала, соединенная с этой вихарой, имеет размеры 94 на 44 фута, и они соединены вместе верандой длиной 220 футов, украшенной двадцатью отдельно стоящими колоннами. Когда-то вся задняя стена этой галереи была украшена серией фресок, не уступающих по красоте и интересу фрескам Аджунты. Как и в тех, что были в Аджунте, непосвященный не смог бы обнаружить среди них никаких признаков буддизма в общепринятом понимании. Основными сюжетами являются процессии верхом на лошадях или на слонах. В последнем случае число женщин превышает число мужчин. Танцы и занятия любовью, как обычно, представлены на видном месте, и можно сказать, что только одна маленькая картинка с двумя мужчинами предназначена для поклонения.

За одним исключением, ни у одного мужчины или женщины нет никакого покрытия на голове, и у мужчин, как правило, коротко подстриженные волосы и только очень маленькие усики на лице. Около полудюжины из них такие же смуглые, как современные индейцы. Остальные намного светлее, многие такие же белокурые, как испанки, и почти все носят цветные платья.

В настоящее время мы не в состоянии сказать, и, возможно, еще долгое время не сможем быть уверены, что это за расы, изображенные на этих фресках или на фресках в Аджунте. Отрицательно мы, вероятно, можем быть правы, утверждая, что они не являются предками нынешних жителей Раджпутаны или какой-либо из местных рас — бхиллов, гондов или им подобных. Являются ли они саками, яванами или кем-либо из заиндийских племен, которые в первые века христианской эры переправились в Индию через эту реку, принеся с собой свое искусство и религиозные формы? Художественный стиль, особенно в Баге, очень похож на стиль Персии примерно того же времени.

Датировка этой группы пещер вряд ли вызывает сомнения. Самое раннее из них не могло быть начато намного раньше А.Д.; дату самого позднего, если наша хронология верна, вряд ли можно было бы перенести дальше 650 или 700 г., если только не считать того, что смуты, потрясшие остальную Индию после этой даты, достигли отдаленных долин Раджпутаны лишь некоторое время спустя.,,

САЛЬСЕТТ.

Одна из самых обширных, но одна из наименее удовлетворительных из всех групп индийских пещер, широко известная как пещеры Кенхери на острове Сальсетт в Бомбейской гавани. Большая пещера чайтья там, как упоминалось выше, является лишь плохой копией пещеры Карли и была раскопана в начале 5 века, и ни одна из вихар, похоже, не была создана раньше. Однако это место, должно быть, имело некоторую святость в более ранние времена, поскольку нет никаких сомнений в том, что зуб Будды хранился здесь в начале IV века, когда эти реликвии произвели революцию в буддийском мире, по крайней мере, в двух диаметрально противоположных точках побережья Индии, в Пури и на этом острове.^[195] Возможно, именно благодаря посещению этой

реликвии остров стал священным, и, возможно, именно потому, что это был остров, что его не затронули проблемы материка, и что практика раскопок пещер продолжалась здесь дольше, чем в любой из описанных выше серий. Как бы то ни было, пещеры здесь тянутся друг за другом, пока почти незаметно не сливаются с пещерами индуистской религии. Индуистские пещеры Монпезир, Кундоты и Амболи так похожи на них, и изменения происходят так постепенно, что иногда бывает трудно провести грань между двумя религиями.

Таким образом, хотя в Сальсете нет ни одной вихары, которая могла бы сравниться с таковой в Насике, Аджунте или Баге, и они нигде не образуют серии, которая могла бы помочь нам угадать их даты, тем не менее, только потому, что они такие поздние и так постепенно переходят в следующую фазу, они заслуживают большего внимания, чем им уделялось.

Поскольку эти пещеры находятся так близко от Бомбея и к ним так легко добраться, кажется странным, что в последнее время ими так пренебрегали, и, похоже, никто не посетил или, по крайней мере, не описал отдаленные группы. То, что мы знаем о рисунках Монпезира или Амболи, почерпнуто из рисунков Даниэля,^[196] сделанных в конце прошлого века, или из путешествий лорда Валентии или Нибура.^[197] Группа Кенхери более известна, и я могу говорить о них, исходя из личных знаний.

План одного из них уже был дан ([Гравюра на дереве № 77](#)). Это двухэтажная вихара, одна из лучших здесь, хотя в другом месте она не считалась бы замечательной. Другой, изображение которого приведено в моих "Высеченных в скале храмах", на фото 19, изображает Авалокитешвару с десятью головами - единственный известный мне экземпляр в Индии, хотя в наше время он распространен в Тибете.^[198] Остальные, как правило, представляют собой простые кельи или естественные пещеры, слегка усовершенствованные искусством, и вряд ли достойны иллюстрации в общей истории, хотя монография об этих пещерах была бы ценнейшим дополнением к нашему скудному запасу знаний.

ДУМНАР И ХОЛВИ.

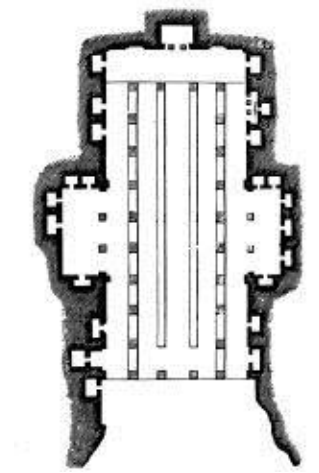
Ни в одном из этих мест нет вихар, которые могли бы сравниться ни по размерам, ни по интересу с уже описанными. Самая крупная из них в Дхумнаре уже представлена в сочетании с чайтьей, Гравюрой на дереве № 65, и, хотя она важна, очевидно, является переходом к другому положению вещей. Рядом с этим находится тот, который называется Великим Качери; но это всего лишь шестиклеточная вихара с залом площадью около 25 квадратных футов, перекрытым четырьмя колоннами на полу; а рядом с упомянутой выше чайтьей находится похожий зал, но меньшего размера и без камер. В Холви вообще нет ничего, что можно было бы правильно назвать вихарой. Действительно, есть один большой зал, называемый домом Бхима, размером 42 на 22 фута; но в нем нет камер, и он гораздо больше похож на то, что в Багхе называли бы шала, чем на вихару. Остальные - просто камеры, не имеющие архитектурного значения.^[199]

Дело, по-видимому, в том, что когда велись раскопки этих двух групп пещер, буддизм быстро терял свои первоначальные характеристики и превращался в пришедший ему на смену ублюдочный брахманизм. Когда это произошло, мы не можем в настоящее время точно сказать; но я не могу отделаться от мысли, что эта религия, возможно, сохранялась и процветала в отдаленных дебрях Раджпутаны^[200] или на острове Сальсетт еще долго после того, как ее изгнали из окрестностей больших городов и с густонаселенных и хорошо возделанных равнин; и эти пещеры, особенно пещеры Холви, возможно, были раскопаны в 8 или даже в 9 веке нашей эры.

ЭЛЛОРА.

В Эллоре есть многочисленные вихары, связанные с Вишвакармой, или великой чайтьей, описанной выше (стр. 128). Как бы то ни было, все они современные, но именно по этой причине интересны, поскольку более четко, чем где бы то ни было, демонстрируют этапы, по которым буддийская пещерная архитектура переходила в индуистскую. Здесь можно четко проследить

каждый этап процесса, хотя точная дата, когда произошло изменение, пока не может быть установлена с уверенностью.

88. План Дехрварры, Эллора.

(Из книги Дэниела "Виды".) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

Великая вихара, которая также, очевидно, является современницей чайтьи, известна как Дехрварра и, как будет видно из плана ([Гравюра на дереве № 88](#)), значительно отличается от любой из проиллюстрированных выше. Его размеры значительны, они составляют 110 футов в глубину и 70 футов в поперечнике центральных ниш, его главным недостатком является низкая крыша. Его форма тоже исключительна. Это больше похоже на чайтью с плоской крышей и тремя проходами, чем на обычную вихару; и такой она, вероятно, и была задумана, и, если это так, любопытно отметить, что в Бедсе ([Гравюра на дереве № 49](#)) у нас была одна из самых ранних завершенных вихар, похожая на чайтью в плане; и здесь мы имеем одну из последних, демонстрирующую ту же путаницу идей; вещь, очень распространенная в истории архитектуры, когда новый стиль или новое расположение обычно затрудняют себя копированием какой-нибудь неуместной формы. , который он отбрасывает в период своей полной сил зрелости, но к которому возвращается в своей дряхлости — верный признак того, что он уходит.

Рядом с Вишвакармой находится небольшая и очень красивая вихара, в которой святилище стоит свободно, с проходом вокруг него, как в некоторых пещерах Шайва дальше; и появление стражей по обе стороны от двери скорее заставило бы ожидать увидеть внутри изображение Шивы, чем Будды, который на самом деле занимает его. Однако детали его архитектуры те же, что и в большой пещере.

С этим зданием соединяется небольшая квадратная вихара, крышу которой поддерживают четыре колонны, выполненные в тех же деталях, что и Дукая Гур, пещера рядом с ним на севере; но, хотя она окружена кельями, в ней нет святилища или изображений.

Выше по холму, чем эти, находятся два других, содержащих множество келий, и одна с очень красивым залом, внешняя половина которого, к сожалению, обвалилась; однако сохранилось достаточно, чтобы показать не только его план, но и все детали, которые очень напоминают таковые у последней группы вихар в Аджунте.

В святилищах большинства этих пещер находятся фигуры Будд, сидящих ногами вниз. На каждой стороне изображения в главном изображены девять фигур Будд, или, скорее, бодхисаттв, сидящих со скрещенными ногами, а под ними три-три фигуры, одни со скрещенными ногами, другие стоящие, вероятно, преданные, и одна из них женщина.

Ни одна из этих пещер не была полностью достроена.

Есть еще одна группа таких маленьких вихар, называемая Чумарварра, или (если я правильно понимаю) квартал чумаров (или 'сапожников'). Первый - квадратный, с двенадцатью колоннами того же плана, что и в Аджунте, хотя детали схожи с Вишвакармой. Там есть кельи, а в святилище сидит Будда, опустив ноги; оно так и не было закончено и сейчас сильно разрушено.

Второй похож по плану, хотя колонны имеют подушкообразную форму Элефанты и Дехрварры, но капители гораздо лучшей формы, чем в последнем примере, и более орнаментированы; боковые галереи здесь содержат фигуры Будды, все как в святилище, сидящего ногами вниз, и с каждой стороны святилища всего по две кельи.

Последняя - небольшая равнинная вихара с кельями, но без колонн, сильно разрушенная.

Все пещеры этой группы настолько похожи друг на друга деталями и исполнением, что трудно проследить какую-либо последовательность между ними, и вполне вероятно, что все они были раскопаны в том же столетии, что и Вишвакарма.

Следующие три храма особенно интересны любителям старины, поскольку указывают на последовательные этапы, с помощью которых буддийские пещеры сливались в брахманические.

Первый - это До Тал, или Дукая Гур, буддийская двухэтажная вихара; большинство ее деталей настолько похожи на описанные выше, что можно предположить, что она, без сомнения, того же возраста. Она строго буддийская во всех своих деталях и проявляет не больше склонности к брахманизму, чем то, на что указывалось при разговоре о вишвакарме. Очевидно, предполагалось, что здание будет трехэтажным, но так и осталось недостроенным.

Следующий, или Тин Тал, очень похож на предыдущий по расположению и деталям, и все его скульптуры выполнены в буддийском стиле, хотя и настолько далеко отклоняются от обычной простоты этого стиля, что почти оправдывают брахманов, присвоивших их, как они это сделали.

Третья пещера, Дас Аватар, представляет собой еще одну двухэтажную пещеру, очень похожую во всех своих архитектурных деталях на две предыдущие, но все скульптуры принадлежат брахманам. На первый взгляд кажется, что раскопки производились буддистами, а затем были присвоены и завершены их преемниками. В определенной степени это может быть правдой, но при более тщательном рассмотрении кажется более вероятным, что мы полностью обязаны этим брахманам. Очевидно, что это самый ранний здешний брахманический храм, и естественно предположить, что, когда шиваиты впервые попытались соперничать со своими антагонистами в пещерных храмах, они должны были следовать единственным существовавшим образцам, просто приспособив их для своего собственного богослужения. Обстоятельство, однако, которое делает это наиболее вероятным, заключается в существовании псевдоструктурной мантапы, или святилища Нунди, во внутреннем дворе; очевидно, это должно было быть частью первоначального проекта, иначе камень не был бы оставлен здесь для него, и это модель обычного структурного здания, которое можно найти в храмах шиваитов в разных частях Индии. Это элемент плохой грамматики, в котором буддисты никогда не были виноваты; их раскопки всегда представляли собой пещеры, в то время как отличительной чертой брахманических раскопок, в отличие от раскопок их предшественников, является то, что они обычно копировали структурные сооружения: систему, которая достигла наибольшего расцвета в Килах, о которой будет рассказано далее. Буддийские раскопки, напротив, всегда представляли собой пещеры и ничего больше.

При нынешнем состоянии наших знаний нелегко определить, является ли буддийская группа Эллора более поздней или более ранней, чем буддийская группа Дхумнар и Холви. Он, безусловно, изящнее любого из них и более точно соответствует традициям стиля в его лучшие дни; но это может быть связано с местными условиями, о которых у нас нет точных сведений. Однако способ, которым она переходит в индуистскую группу, сам по себе достаточен, чтобы доказать, насколько она запоздала. Если мы возьмем A.D. 600 as the medium date for the Visvakarma and its surroundings, and A.D. 750 год нашей эры как время, когда последние следы буддизма

исчезли из западной Индии, мы, вероятно, не сильно ошибемся; но мы должны дождаться каких-либо надписей или более точных данных, прежде чем пытаться говорить с точностью по этому вопросу.,,

Многое еще предстоит сделать, прежде чем эта великая карикатура сможет быть наполнена чем-то подобным завершенности; но пока приятно знать, что в этих “высеченных в скале храмах”, дополненных немногими существующими структурными примерами, мы имеем полную историю искусств и богослужений буддистов за тысячу лет, которые варьировались от 250 г. до н.э. 250 г. до 750 г. н.э.; и что, когда любой человек с достаточным рвением и умом посвятит себя этой задаче, он сможет дать нам более яркое представление об искусстве и богослужениях буддистов. и гораздо более достоверный рассказ об этой замечательной форме веры, чем можно почерпнуть из любых книг, о существовании которых нам сейчас известно.

Юнир.

Когда история пещерных храмов западной Индии будет написана в сколько-нибудь полной и исчерпывающей форме, группы, расположенные недалеко от города Джунир и вокруг него, примерно на полпути между Насиком и Пуной, займут видное место в этой серии. Правда, в этой местности нет ни одной чайтья, столь великолепной, как в Карли, и, вероятно, не такой древней, как в Бхадже и Бедсе; но есть одна чайтья, как по плану, так и по размерам, очень похожая на чайтью в Насике и, вероятно, того же возраста, и, по крайней мере, одна вихара, не уступающая самой прекрасной в этом месте. Большой интерес серии, однако, заключается в том, что в ней есть примеры форм, неизвестных где-либо еще. Есть, например, две, возможно, три пещеры чайтья, с квадратными окончаниями и без внутренних колонн, и одна круглая пещера, которая, насколько нам известно в настоящее время, совершенно уникальна.

Эти пещеры давно известны любителям старины. В 1833 году полковник Сайкс опубликовал серию скопированных с них надписей, но без какого-либо описания самих пещер.^[201] В 1847 году доктор Берд заметил их в своих "Исторических исследованиях" с несколькими убогими литографиями, настолько плохими, что их почти невозможно разобрать; в 1850 году доктор Уилсон описал их в "Бомбейском журнале"; а в 1857 году доктор Стивенсон переиздал их надписи с переводами в восьмом томе того же журнала; и, наконец, мистер Синклер из государственной службы Бомбея написал о них статью в "Индийском антикваре" за февраль, 1874 год. Несмотря на все это, у нас по-прежнему нет рисунков или фотографий, которые позволили бы нам понять их особенности. Покойный доктор Бхауджи сделал несколько негативов, но никогда не разрешал снимать с них отпечатки; и когда мистер Берджесс посетил пещеры прошлой осенью, он не взял с собой фотографический аппарат, поскольку зависел от получения через правительство разрешения на использование негативов доктора Бхауджи. Это еще не сделано, и пока это не сделано, эта серия вряд ли доступна для целей нашей истории, но вряд ли ее можно обойти молчанием.

Большой особенностью группы является чрезвычайная простота составляющих ее пещер. Они слишком ранние, чтобы иметь какие-либо фигуры самого Будды, но нет даже ни одной из тех фигур мужчин и женщин, которые мы встречаем в Карли и других местах. Все в Юнире отличается простотой и суровостью, отчасти, конечно, из-за древности пещер, но, насколько известно в настоящее время, ему нет равных нигде. Одно исключение — но оно находится в самой современной здешней пещере — состоит в том, что Шри с двумя поливающими ее слонами занимает фасад пещеры чайтья.^[202] Хотя эта богиня столь вездесуща и постоянна во все века, редко бывает, чтобы она занимала столь важное положение, как здесь; но ее историю еще предстоит написать.

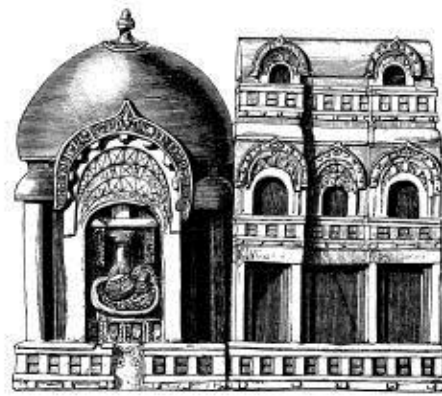
89. Круглая пещера, Юнир.

(По плану мистера Берджесса.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

90. Секция круглой пещеры, Юнир.

(По рисунку мистера Берджесса.) Масштаб от 25 футов до 1 дюйма.

Прилагаемый план и разрез (гравюры на дереве № [89](#), [90](#)) объясняют форму круглой пещеры, о которой говорилось выше. Он невелик, всего 25 футов 6 дюймов в поперечнике, а его крышу поддерживают двенадцать простых восьмиугольных колонн, которые окружают дагобу. Тройник был снят с дагобы, чтобы превратить его в лингам Шивы, в такой форме ему сейчас поклоняются; факт, который наводит на мысль — я полагаю, весьма вероятную, — что лингам на самом деле является миниатюрной дагобой, хотя теперь имеет другое значение, и что он действительно изначально был скопирован с этой буддийской эмблемы. Интерес к устройству этой пещеры станет более очевидным, когда мы перейдем к описанию дагоб на Цейлоне, которые были окружены колоннами таким же образом, как эта. Между тем прилагаемое изображение ([Гравюра на дереве № 91](#)) круглого храма из буддийских скульптур в Бхархуте может позволить нам понять, по крайней мере в некоторой степени, внешнюю форму этих храмов, которые, вероятно, были гораздо более распространены в древние времена, чем позволяют предположить любые остатки, которыми мы сейчас располагаем.

91. Круглый храм и часть дворца, с барельефа в Бхархуте.

Помимо этой группы в Джунире, есть еще одна, по-видимому, столь же обширная, близ Аурунгабада, и две другие, еще более обширные, в Дарасео, или Дарасинхе, и в Хазар-Котри, на территориях Низама; но они еще менее известны, чем Джунирская группа, и есть несколько других, о существовании которых нам известно только понаслышке. Если мистеру Берджессу удастся продолжить свои исследования еще на несколько лет, они, возможно, войдут в область истории. В настоящее время, как и в Юнире, они недоступны для каких-либо исторических или научных целей.

ГЛАВА VII.

МОНАСТЫРИ ГАНДХАРЫ.

Содержание.

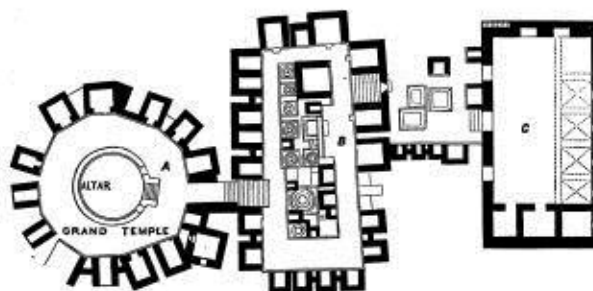
Монастыри в Джамалгири, Тахт-и-Бахи и Шах-Дехри.

Немногие из недавних открытий в Индии обещают дать более плодотворные и важные результаты для выяснения археологии Индии, чем те, которые были получены в результате недавних раскопок разрушенных монастырей в окрестностях Пешавара. Многое еще предстоит сделать, прежде чем мы сможем с уверенностью говорить об их возрасте или происхождении, но о них известно достаточно, чтобы убедиться в существовании материалов не только для решения вопроса о степени влияния классического искусства на искусство Индии, но и для решения многих проблем буддийской археологии и искусства.

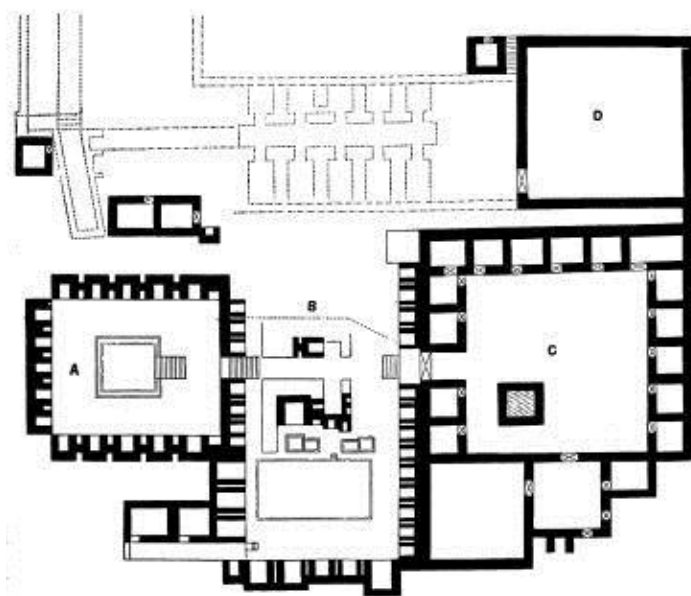
Как упоминалось выше, именно по их монетам, и только по ним, были восстановлены имена большинства царей Бактрии и их преемников; но мы еще не нашли ни следа здания, о котором можно было бы сказать, что оно было возведено ими или в их эпоху, ни одной скульптуры, которая, насколько нам теперь известно, могла быть выполнена до их падения, примерно в 130 году до н.э.. Это, однако, может быть связано с тем фактом, что сама Бактрия долгое время была населена мусульманами-фанатиками, которые уничтожают любые изображения человеческого облика, с которыми они сталкиваются, и в их стране до сих пор не проводились раскопки в поисках скрытых образцов; в то время как все еще неясно, насколько далеко простиралось влияние истинных бактрийцев на восток и действительно ли они когда-либо владели долиной Пешавур, где были найдены все обнаруженные скульптуры. Фактически, никто не подозревал об их существовании на нашей собственной территории, пока лейтенанты Ламсен и Стоукс в 1852 году частично не исследовали полузасыпанный монастырь в Джамалгири, который был обнаружен генералом Каннингемом в 1848 году. Он расположен примерно в тридцати шести милях к северо-востоку от Пешавара, и из него эти офицеры извлекли значительное количество скульптур, которые впоследствии перешли во владение достопочтенного Э. Клайва Бейли. Он опубликовал отчет о них в 'Журнале Бенгальского азиатского общества' в 1853 году и привез саму коллекцию в эту страну. К сожалению, они были полностью уничтожены в результате катастрофического пожара, произошедшего в Хрустальном дворце, где они выставлялись в 1860 году, и это до того, как их сфотографировали или предприняли какую-либо серьезную попытку сравнить их с другими скульптурами.

С тех пор другие коллекции были извлечены из другого монастыря в восьми милях к западу, в местечке под названием Тахт-и-Бахи, и доктором Белью в третьем населенном пункте, в десяти милях к югу, под названием Сахри Бхалол, некоторые из которых попали в эту страну; а два года назад доктор Лейтнер привез домой обширную коллекцию, в основном из Тахт-и-Бахи. Основная часть скульптур, найденных в этих местах, была передана на хранение в Лахорский музей, где в настоящее время существует более 800 образцов этого вида искусства, и многие из них добавляются каждый сезон. Некоторые из них были сфотографированы, [\[203\]](#) и этих изображений вместе с привезенными домой образцами достаточно, чтобы студент мог получить справедливое общее представление об искусстве, которое они представляют. Хуже всего то, что раскопки велись настолько бессистемно, что в большинстве случаев невозможно установить, откуда взялись скульптуры, [\[204\]](#) и почти ни в одном случае положение какой-либо одной скульптуры не может быть установлено с какой-либо определенностью. [\[205\]](#)

Следующие планы (ксилографии № [92](#), [93](#)) двух главных монастырей, раскопанных в окрестностях Пешавара, объясняют их расположение в той мере, в какой они еще не были сделаны. Как видно с первого взгляда, они очень похожи друг на друга, или, по крайней мере, состоят из одних и тех же частей.

92. План монастыря в Джамалгири. Масштаб 50 футов на 1 дюйм.

93. План монастыря в Тахт-и-Бахи. Масштаб 50 футов на 1 дюйм.

Сначала круглый или квадратный двор, АА, окруженный камерами, слишком маленькими для проживания и, очевидно, предназначенными для хранения изображений, хотя ни одно из них не было найдено *in situ*. В центре каждого из них стоит круглая или квадратная платформа или алтарь, к которому ведут ступени. Круглая церковь в Джамалгири украшена скрестившимися ногами, обычными сидящими фигурами Будды, квадратная в Тахт-и-Бахи - двумя рядами пилястр, расположенных одна над другой.^[206] За этим находится продолговатый двор, ВВ, называемый пантеоном, из-за количества изображений, маленьких моделей топесов и всевозможных подношений по обету, которые находятся в нем. Он, как и последний двор, окружен нишами для изображений. За ним снова вихара, или резиденция, СС, с обычными жилыми камерами. В Тахт-и-Бахи есть квадратный двор D, окруженный высокой стеной, в которую ведет только одна дверь. Соответствующий двор существует в Джамалгири, но настолько обособленный, что его нельзя было включить в гравюру на дереве. Это называется кладбищем, и, вероятно, не без причины, поскольку Тернер в своем "Посольстве в Тибет"^[207] описывает похожее ограждение в Тешу Лумбу, в котором тела умерших монахов были выставлены на съедение птицам, и то, что произошло там в 1800 году, вполне могло практиковаться в Пешаваре в гораздо более раннем возрасте.

Когда мы пытаемся сравнить эти планы с планами наших образцов, вырубленных в скале в Индии, мы сразу же осознаем сложность сравнения конструктивных примеров с примерами, вырубленными в скале. Монастырь или жилые кварталы - единственные, которые легко узнать. Пантеона, по-видимому, не существует в Аджунте, и ничего аналогичного ему нет в других сериях пещер, но группа небольших вырубленных в скале дагоба существует сразу за пещерой в Бхадже, и гораздо более обширная в Кенхери,^[208] и подобные группы, возможно, существовали в других местах. Множество маленьких моделей топесов и подношений по обету можно найти по соседству со всеми буддийскими учреждениями, и первоначально они, без сомнения, хранились в каком-нибудь подобном месте, подобном этому. Круглый или квадратный алтарь, однако, является для нас совершенно новым элементом и занимает место дагобы во всех высеченных в скале залах чайты. Судя по наличию ступеней для подъема к нему, кажется, что он предназначался либо для платформы, с которой можно было обращаться к прихожанам, либо для вознесения молитвы божеству. Однако, если это действительно был дагоба, как предполагает генерал Каннингем, эта трудность исчезает, и в целом я склонен полагать, что он, возможно, был прав в своем решении.

Одной из самых замечательных декоративных особенностей, украшающих этот монастырь, является серия барельефов, украшающих переднюю часть ступеней лестницы, ведущей из так называемого Пантеона в круглый двор Джамалгири. Их шестнадцать, и каждый украшен барельефом, содержащим двадцать, тридцать или сорок фигур в зависимости от тематики.^[209] Среди них можно легко распознать джатаки Вессантары и Сама,^[210] и другие, если внимательно изучить. Кроме того, здесь представлены погони, процессии, танцы и различного рода бытовые сцены.

94. Капитель Коринфская из Джамалгири.
(С фотографии.)

95. Столица Коринфии из Джамалгири.
(С фотографии.)^[211]

На самом деле вряд ли известно, что такая серия из шестнадцати барельефов, расположенных один над другим, существует где-либо еще, но здесь это лишь подходящая часть изобилия скульптурных украшений, которые вряд ли можно найти в любом другом здании такого класса на столь небольшом пространстве.

Архитектура этого монастыря, по-видимому, отличалась исключительным богатством. Генерал Каннингем увез с собой дюжину капителей коринфского ордена, а другие хранятся в Лахорском музее. Как видно из последних двух иллюстраций (№ № 94, 95), они безошибочно классичны, но имеют форму, которой на первый взгляд нелегко присвоить дату. Они больше греческие, чем римские по характеру своей листвы, но больше римские, чем греческие по форме своих волютов и общему дизайну. Возможно, было бы правильно сказать, что они более византийские, чем те или иные, но, пока у нас нет подробных рисунков и мы не узнаем больше об их окружении, трудно дать положительное заключение относительно их возраста.

Ни один из них не был найден *in situ*, и, по-видимому, ни один не был полностью обнаружен, так что их использование или расположение на первый взгляд неочевидны. Некоторые из них были квадратными, и, следовательно, нетрудно увидеть, что они, возможно, образовали шляпки муравьев с каждой стороны ячеек, и именно так они представлены на таблице генерала Каннингема (15). Если это так, то круглые камеры, должно быть, были установлены на коротких круглых столбах, по одному с каждой стороны, образуя крыльцо к камерам. По крайней мере, кажется, что один из них стоял свободно — как стамбха — и, как изображает Генерал на фото 48, возможно, нес на голове группу слонов.

Все эти капители, по-видимому, изначально были богато позолочены, и на большинстве из них, а также на некоторых из лучших скульптур по сей день видны следы позолоты,^[212] и, поскольку на других видны следы цвета, эффект от всего в целом, должно быть, был чрезвычайно великолепным. Исходя из аналогии с тем, что мы находим в современных пещерах в Аджунте и Багхе, а также в других местах, не может быть никаких сомнений в том, что фресковая живопись также использовалась: но никакой позолоты, насколько я знаю, в Индии найдено не было, равно как и какого-либо аналога коринфской капители. Все капители, найденные в Индии, либо выросли из дерева, необходимого для их собственного строительства, либо были скопированы с колоколообразных форм, с которыми мы знакомы по Персеполлю, где только в Центральной Азии они, по-видимому, были выполнены из камня. Однако нет никаких сомнений в том, что до времен ахеменидов те же формы использовались ассирийцами для обработки дерева;^[213] и они, возможно, использовались таким образом вплоть до времен Александра, если не позже. Во всяком случае, несомненно, что это была самая ранняя известная нам форма, использовавшаяся в каменной архитектуре Индии, и та, которая, несомненно, сохраняла там свое значение еще долгое время после христианской эры, а также среди скульптур Гандхары, вероятно, до очень позднего времени.

Нетрудно приблизительно восстановить фасад келий в этих монастырях по многочисленным их изображениям, найденным среди руин, где они используются в качестве обычных рам для скульптур. Вероятно, именно из-за того, что их фасады могли быть украшены картинами, изображающими сцены из жизни Будды, или эмблемами различного рода, эти миниатюрные изображения были использованы для передачи того же рисунка в скульптуре. Форма деревянного каркаса, который заполнял верхнюю часть всех больших окон залов чайтья, начиная с самых ранних известных образцов, также используется для той же цели в этих монастырях Гандхары. Мало что среди этих скульптур встречается чаще, чем эти полукруглые рамы, заполненные скульптурами самого разнообразного дизайна. На самом деле они являются аналогами того, что было бы выполнено из окрашенного стекла, если бы у них был такой материал.

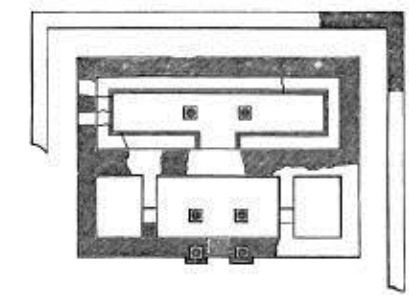
Следует опасаться, что вряд ли мы сейчас восстановим одну из этих келий или часовен в столь совершенном состоянии, чтобы быть уверенными в ее форме и украшении. Однако было бы огромным подспорьем для наших знаний об этом предмете, если бы таковой был найден, поскольку вряд ли безопасно полагаться на реставрации, сделанные по общепринятым представлениям.

Между тем в Индии есть один памятник, который — *с соответствующими изменениями* — воспроизводит их со значительной точностью. Небольшой отдельно стоящий храм в Махавеллипоре как по плану, так и по размерам, а также по дизайну является почти точным

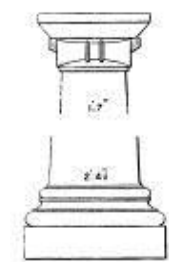
воспроизведением этих клеток Джамалгири. Нижняя часть фасада полностью открыта, по бокам от нее расположены две отдельно стоящие колонны. Над этим расположены две крыши с узким переходом между ними - надо признать, устроенные несколько иначе, но все же чрезвычайно похожие. В изображениях Джамалгири этих ячеек все упрощено до допущения демонстрации скульптуры. В Махавеллипоре сохранены все архитектурные особенности, но они по-прежнему удивительно похожи, настолько, что нет никаких сомнений в том, что эта малая ратха ([гравюра на дереве № 181](#), стр. 328) с ее круглым завершением является такой же точной копией буддийского зала чайтья на момент его создания, как и большая ратха ([гравюра на дереве № 66](#)) является точным воспроизведением буддийской вихары того же периода.

Если это так, то эти скульптуры Гандхары и эти ратхи представляют зал чайтья буддистов в гораздо более сложной и продуманной форме, чем мы находим в простых, но величественных образцах в Карли, Насике или Аджунте. Ячейки Джамалгири не обязательно должны быть такими современными, как ратх в Махавеллипоре, но они определенно приближаются к этому^[214] так же близки по дате, как и по форме.

Совсем недавно генерал Каннингем раскопал небольшую вихару в Шах Дехри, древней Таксиле, которая кажется более древней, чем эти монастыри Пешавура. Как видно из плана ([Гравюра на дереве № 96](#)), он не только невелик по размерам, но и прост по устройству — такой же простой, как любой из тех, что находятся в Каттаке или в западных Гатах. Как и у них, здесь есть приподнятая скамья, однако не разделенная на кровати, как там, а больше похожая на сплошное сиденье. Однако, без сомнения, она использовалась для обеих целей. Однако его самой замечательной особенностью является ионный порядок. Как будет видно, основания колонн имеют обычную форму и такие же правильные, как и любые, которые можно было найти в Греции или Риме, от дохристианской эры до эпохи Константина, и, хотя капитель разобрана не полностью, можно не сомневаться в том, что было задумано ([Гравюра на дереве № 97](#)); неподалеку были найдены двенадцать монет Азеса, из чего можно сделать вывод, что здание было его ровесником или относилось к первому веку до н.э.,^[215] и в архитектуре нет ничего, что могло бы противостоять этой идее. Кажется, это самая древняя вещь, когда-либо найденная в этой провинции.

96. План Ионического монастыря, Шах Дехри. (Из Плана генерала Каннингема.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

Необычайный классический характер и красота скульптур, найденных в этих монастырях Гандхары, представляют такой исключительный интерес для истории индийского искусства, что крайне важно определить их возраст, если это возможно. В настоящее время в этой стране не существует достаточного количества материалов, позволяющих широкой общественности сформировать хотя бы мнение по любому аргументу, который может быть выдвинут по этому вопросу; и они не будут в состоянии сделать это до тех пор, пока правительство не удастся убедить потратить ничтожную сумму, необходимую для доставки некоторых из них домой. Они совершенно выброшены там, где находятся сейчас; здесь их вряд ли превзошли бы по интересу какие-либо недавние открытия того же класса. Пока этого не сделано, читатель должен довольствоваться таким изложением аргументации, которое может быть выдвинуто теми, у кого есть доступ к фотографиям и таким материалам, которые недоступны широкой публике. ^[216] Понятно, что генерал Каннингем намерен опубликовать фотографии 165 предметов из своей коллекции. Когда это будет сделано, это в определенной степени удовлетворит потребность, но действительно правильное суждение может быть сформировано только при фактическом осмотре самих объектов.

Среди индийских антикваров существуют две различные точки зрения относительно возраста этих скульптур, относительно любой из которых многое можно утверждать со значительной степенью правдоподобия. Первый заключается в том, что бактрийские греки принесли с собой в Азию принципы греческой скульптуры и формы греческой архитектуры и либо во время своего господства, либо после изгнания из Бактрии основали школу классического искусства в долине Пешавур. Далее предполагается, что, когда буддизм утвердился там при Канишке и его преемниках, он расцвел в том богатом и разнообразном развитии, которое мы находим в этих монастырях Гандхары. Этой точки зрения придерживается генерал Каннингем, который, однако, признает, что, поскольку все скульптуры буддийские, самая ранняя должна быть ограничена возрастом Канишки, который, по его предположению, составляет около 40 г. до н.э., ^[217] и что они простираются до 100 г. н.э. или около того.

Другая теория в равной степени допускает присутствие классического элемента, унаследованного от предыдущего существования бактрийских греков, но распространяет развитие классического чувства через буддийское искусство на весь период, в течение которого оно существовало в долине, или с 1-го по 7-й или 8-й век нашей эры, и приписывает его особые формы в такой же степени, если не в большей, постоянному общению с Западом, от эпохи Августа до эпохи Юстиниана, а не первоначальному семени, посеянному там бактрийцами.

Максимально ограничивая аргумент приведенными выше примерами, можно сказать, что либо эти коринфские капители являются местным развитием форм, которые греки привезли с собой в Бактрию, либо они были выполнены под влиянием Запада, когда классические ордена потеряли свою первоначальную форму после эпохи Константина. Мы прекрасно знаем историю коринфских капителей в Италии, Греции и Сирии, во всяком случае, между эпохами Августа и Аврелиана (A.D. 270 г. н.э.); и мы знаем, что требуется опытный и хорошо образованный глаз, чтобы отличить капители Пантеона Агриппы от капителей, казненных последним в Баальбеке или Пальмире. Антаблемента демонстрируют значительный прогресс, но капители были настолько стереотипны, что очевидно, что если бы какие-либо греческие или римские художники проектировали капители в Гандхаре в только что упомянутый период, мы могли бы точно предсказать, какими они были бы. Однако после Константина дизайн капителей, если можно так выразиться, стал диким. Практика возведения из них арок вместо поддерживающих их горизонтальных наличников потребовала полного изменения, и на Западе это привело к точно таким же эффектам, которые мы находим в Гандхаре. Капители, например, в церквях Святого Димитрия и той, что сейчас известна как Эски Джума в Салониках, обе построены в начале 5 века и почти идентичны по дизайну

этим;^[218] и многие в церквях Сирии и Малой Азии^[219] демонстрируют тот же “отказ” от дизайна, хотя часто в другом исполнении. направление.

Присутствие маленьких фигурок Будды со скрещенными ногами среди листвы капителей - еще один признак сравнительно современной эпохи. Я полагаю, что первый яркий пример такой практики в классическом искусстве, по-видимому, можно найти в Банях Каракаллы в Риме (A.D. 312-330);^[220] but it certainly did not become common till long afterwards, and only general in what may be called mediæval art.^[221] Однако я бы настаивал не столько на наличии фигур Будды на этих заглавных буквах в качестве указания возраста, сколько на их присутствии в монастыре вообще.

Во-первых, я считаю правильным заявить, что в Индии не было найдено ни одной статуи Будды в любом из его традиционных положений, выполненной еще в христианскую эру. Те, что изображены на фасаде в Карли и в западных пещерах, явно относятся к 4-му или 5-му векам или позже. Нет ни одного, принадлежащего восточным пещерам; ни одного, найденного в Буддх-Гайе, Бхархуте или Санчи; я также не знаю ни одной в Индии, которую можно было бы датировать ранее 100 г.н.э. В этих монастырях Гандхары они встречаются очень часто и относятся к типу, который в Индии, несомненно, относится к IV или V веку; некоторые из них намного позже.

Это правда, что в буддийских книгах часто говорится о статуях Будды, которые были сделаны гораздо раньше.^[222] Но индийские книги имеют тот фатальный недостаток, что они представляют факты и верования в то время, когда они были написаны, или приобрели те формы, в которых мы их сейчас находим, без особых ссылок на современные авторитетные источники или факты в то время, когда они предположительно произошли. Следовательно, пока мы не получим какую-нибудь книгу, принявшую свою нынешнюю форму до A.D. 400,^[223] их свидетельства очень мало помогут в споре.В

Помимо этих фигур Будды, существует множество фигур, которые, по мнению генерала Каннингема, представляют королей. Вряд ли это может быть так, поскольку у всех у них на затылке есть нимбы или слава. У всех на лбу тика, как у Будды, и ни у кого нет никаких царственных атрибутов, но все носят одинаковые украшения и амулеты. Первым впечатлением было, что они могут представлять бодхисаттв, или буддийских святых; но, поскольку нигде в Индии не встречаются подобные фигуры, нелегко быть уверенным в этом. Если мне будет позволено высказать предположение, я бы предположил, что они могут представлять патриархов, которые руководили Церковью со времен Аманды до тех пор, пока она не перестала быть живым институтом в Индии. Нагарджуна был одним из самых важных из них, и, если эта теория верна, его статуя наверняка будет найдена среди этой серии; но, боюсь, этот момент следует оставить для дальнейшего изучения.^[224] Беда в том, что в Гандхаре до сих пор не найдено ни одной статуи с надписью, и, пока это не будет сделано, вся идентификация должна быть более или менее предположительной.

Более важным моментом, чем простое присутствие этих традиционных фигур Будды или святых в этих монастырях, является их чрезмерное дублирование, что делает вероятным, что они намного современнее, чем обычно предполагается.

В Индии не известно ни одного здания или пещеры с датой, предшествующей, скажем, 300 или 400 годам н.э., в которых было бы представлено более одной такой фигуры. Даже в Амравати они встречаются не на больших перилах, которые были возведены в начале IV века (*ante*, стр. 100), а сначала появляются на внутренних перилах, которые были добавлены столетием позже: и впервые они встречаются в таких пещерах, как № 19 и № 26 в Аджунте, и в более поздних пещерах на острове Сальсетт, ни одна из которых, по-видимому, не датируется ранее A.D. 500 годом н.э., если не раньше.

В монастырях Гандхары они существуют буквально сотнями — на основаниях алтарей или ступ, на стенах и в кельях. Последнее, действительно, является самой замечательной особенностью из всех. Насколько известно, ни в одном буддийском памятнике Индии монахов не выгоняли из их келий, чтобы освободить место для изображений. У джайнов эта практика

универсальна, и в новейших буддийских памятниках кельи игнорируются; но здесь мы имеем то, что во всех более ранних буддийских памятниках было бы кельями, окружающими дворы или залы, но все они заполнены изображениями Будды или святых. Это доведено до такой степени, что если бы мне представили планы этих монастырей с простым устным или письменным описанием их скульптур, я бы без колебаний объявил их джайнскими храмами 9-го или 10-го века. Скульптуры, конечно, не имеют подобного описания, но сходство их замыслов наиболее поразительно.

Следует также принять во внимание тот факт, что Махаяна, или Большой перевод, представленный на севере Индии Нагарджуной, значительно опережал школу Хинаяны в Центральной Индии во всех усложнениях ритуальных обрядов. Делая, однако, поправку на одно или даже два столетия, трудно поверить, что какой-либо из этих монастырей, о которых еще известно, датируется ранее 4-го или 5-го века.

Если я прав, относя внешнюю оболочку топе Маникьяла к началу VIII века (*ante*, стр. 83), то в этой точке зрения, безусловно, нет *априорной* невероятности. Пилястры, окружающие его основание, настолько похожи на те, что изображены на барельефах монастырей^[225], что они должны принадлежать почти к тому же возрасту. Изображения на топе, правда, менее классичны, чем изображения на барельефах, и, следовательно, могут быть более современными; но они не могут быть очень далеки друг от друга.

Все эти статуи Будды или буддийских святых в монастырях Гандхары обладают особенностью, которая заинтересует христианского археолога. Все без исключения они имеют венчик или круглый диск за головой. Такого не было ни в Санчи в 1 веке нашей эры, ни, насколько известно, ни в какой скульптуре, ни на каком рельефе, ни в какой-либо пещере, прежде чем оно появилось в Амравати на большом рельефе в 4 веке нашей эры. Можно найти более ранние образцы, но пока они не найдены, их наличие противоречит идее о том, что эти скульптуры могут быть датированы 1 веком после Рождества Христова, и, вместе с другими свидетельствами, по-видимому, указывают на гораздо более современную дату.

Еще один аргумент, по-видимому, имеет непосредственное отношение к этому вопросу. Из того, что было сказано выше (*ante*, стр. 76), следует, что возведение вершин в Гандхаре было распространено довольно равномерно на протяжении всего времени, прошедшего с христианской эры до тех пор, пока буддизм не перестал быть религией страны в VII или VIII веке; и что период наибольшего расцвета пришелся примерно на 400 год н.э., когда страну посетил Фа Хянь. Кажется разумным предположить, что возведение монастырей шло бы по одному и тому же пути и что мы могли бы ожидать, что их величайшее развитие будет происходить одновременно. Сжатие монастырей и их скульптур в пределах первого века после Рождества Христова, казалось бы, противоречит всем вероятностям данного случая.

В дополнение ко всем этим местным свидетельствам, когда мы начинаем сравнивать эти скульптуры с скульптурами западного мира, особенно с саркофагами или слоновой костью нижней империи, кажется невозможным не поразиться множеству точек сходства, которые они представляют. Есть много барельефов Гандхары, которые, если бы их передали в Латеранский музей и обозначили как “раннехристианские”, прошли бы проверку у девяноста девяти человек из ста, посещающих эту коллекцию. Возможно, есть один или два, которые можно было бы охарактеризовать как относящиеся к столь же ранней эпохе, как эпоха Адриана, но в целом они кажутся более поздними.

Среди изделий из слоновой кости, относящихся ко времени Константина, представлена примерно такая же мешанина классических ордеров, те же реминисценции классического искусства в фигурной скульптуре, смешанные с несоответствиями, заимствованными из посторонних источников, которые трудно объяснить; но как в своем совершенстве, так и в своих недостатках они кажутся настолько явно принадлежащими к одному классу искусства, что трудно поверить, что они не принадлежат к одной эпохе. Большая трудность здесь состоит в том, чтобы

понять, какое уравнение мы должны учитывать для расстояния в пространстве, которое может оказывать тот же эффект, что и время, вызывая видимые различия; но вряд ли это имело здесь большое значение.

Вопреки всему этому можно подчеркнуть трудность понимания того, как византийцы могли оказывать такое прямое и важное влияние в этой отдаленной провинции, не оставив никаких следов своего существования в искусстве парфян или сасанидов, чье царство лежало между ними, и не имея никаких письменных свидетельств о таких тесных отношениях. Конечно, это трудно, но, если факты таковы, как указано выше, такие негативные выводы должны уступить место положительным свидетельствам самих скульптур. До последних нескольких лет никто и не мечтал о том, что классическое искусство окажет такое влияние на искусство Гандхары в любом возрасте. Поскольку это установлено в противоречии со всеми ранее высказанными идеями, время, в которое это произошло, должно быть установлено со сравнительной легкостью; и, насколько это касается каких-либо письменных свидетельств, это могло быть с такой же вероятностью во времена Константина или после него, как и во времена Августа.

Было бы легко расширить этот аргумент до любой длины; но без представления данных, на которых он основан, или ссылок на рисунки и фотографии, которые не были опубликованы, он вряд ли убедил бы умы тех, у кого нет доступа к средствам информации, которые еще не стали достоянием общественности.^[226] Поэтому, возможно, мне будет позволено заявить, что, уделив самое пристальное внимание имеющимся в моем распоряжении материалам, я пришел к выводу, что, хотя некоторые из этих скульптур Гандхары, вероятно, относятся к 1 веку христианской эры, основная масса скульптур в Джамалгири и особенно в Тахт-и-Бахи, относятся к 3—му и 4-му, и что серия продолжается с 8-го по 8-й век, фактически, время, когда буддизм был уничтожен в этих странах.

Открытие какого-либо нового факта или надписи на скульптуре с датой или именем короля, которую можно распознать, может в любой день окончательно решить, какая из этих точек зрения правильная. Между тем, однако, учитывая имеющиеся в настоящее время доказательства, вряд ли можно сомневаться в том, что теория, которая присваивает этим скульптурам более современную дату, лучше всего согласуется со всем, что до сих пор было обнаружено, или с историей буддийской религии в том виде, в каком она известна в настоящее время.

Если это так, то очевидно, что термин греко-бактрийский или греко-буддийский, который применялся к этим скульптурам, является неправильным. Бактрийцы, возможно, и посеяли семена классического стиля в этих краях, но искусство, которое мы сейчас там находим, правильное было бы назвать индо-римским или индовизантийским, и оно, должно быть, питалось и поддерживалось постоянным общением между Востоком и Западом в период его наибольшего расцвета, который можно охарактеризовать как период между эпохой Константина и Юстиниана.

Из того, что было сказано выше о скульптурах Бхархута и Санчи, представляется очевидным, что у индийцев была собственная школа искусства еще до того, как они что-либо узнали об искусствах западного мира; но это местное искусство, по-видимому, оказало очень небольшое влияние на искусство Гандхары. Напротив, западные искусства, действующие в этой стране, по-видимому, оказали значительное влияние на искусство Индии в периоды, следовавшие за христианской эрой. Кажется, по крайней мере, почти невозможным избавиться от убеждения, что искусство Амравати и более поздних пещер, скажем, периода Гупта, являются наиболее заметными свидетельствами западного влияния, и кажется, что оно могло дойти до них только через Гандхару.

Все это настолько ярко выражено, что может стать предметом интересного исследования - не были ли греки первыми, кто научил индийцев идолопоклонству. Ни в Ведах, ни в законах Ману, ни в каких-либо других древних книгах или традициях индусов нет и следа изображений. Как неоднократно упоминалось, сохранилось так же мало следов какого-либо изображения Будды или буддийских фигур, устанавливавшихся для поклонения до христианской эры или в течение

столетия после нее. Но самые ранние, самые прекрасные и, по сути, классические изображения Будды находятся в Гандхаре, и, насколько нам в настоящее время известно, они датируются там более ранним временем, чем любое другое изображение, найденное в самой Индии.

Если бы скульптуры генерала Каннингема или содержимое Лахорского музея могли быть доступны только образованным людям в Европе вместе с необходимой местной информацией, они, я полагаю, сразу же вытеснили бы скудные и крайне неудовлетворительные письменные сведения, которые дошли до нас, и пролили бы поток света на одну из самых интересных, но и самых темных глав истории торговли и ранних сношений между западным и восточным миром.

Пока это не сделано, мы уже знаем достаточно, чтобы открыть нам глаза на многие вещи, которые обещают привести к самым интересным открытиям, и научить нас перестать удивляться многим вещам, которые до сих пор казались необъяснимыми. Если, например, неправда, что царь Таксилы в первом веке хорошо говорил по-гречески, как уверял нас Аполлоний Тианский, мы, по крайней мере, знаем, что он занимался греческой архитектурой. Если святой Фома не посетил Гондофареса, царя Гандхары, в том же столетии, то это сделали, по крайней мере, многие из его соотечественников, и нет *априорных* причин, по которым он не должен был этого сделать. Если в 'Бхагават-гите' есть следы христианской доктрины, а в других поэтических произведениях индусов - классического учения, то теперь мы, по крайней мере, знаем, откуда они могли взяться. Короче говоря, когда мы осознаем, насколько сильно европейское влияние преобладало в Гандхаре в первые пять или шесть веков после Рождества Христова, и думаем, сколько тысяч, а может быть, и миллионов, пересекли Инд, направляясь на восток в течение этого периода и через эту страну, мы не должны удивляться любому количеству западной мысли или искусства, которое мы можем найти в Индии. Это, однако, проблемы, которые только начинают осознаваться нами и которые, безусловно, еще не созрели для решения, хотя это может быть наиболее важным, о них следует заявить как можно раньше, поскольку кажется очевидным, что материалы, безусловно, существуют, из которых можно получить ранний ответ.

Между тем вопрос, который имеет самое непосредственное отношение к рассматриваемой сейчас теме, заключается в том, насколько несомненное классическое влияние, проявленное в этих скульптурах Гандхары, обусловлено семенами, посеянными бактрийскими греками во время существования там их королевства, и насколько прямым влиянием Рима и Византии между временами Августа и Юстиниана? Оба, скорее всего, сыграли свою роль в достижении этого замечательного результата; но, насколько мы в настоящее время знаем, кажется, что последнее было гораздо более важной причиной, чем первое, и что в первые века христианской эры цивилизация Запада оказала влияние на искусство и религию жителей этой части Индии гораздо большее, чем предполагалось до сих пор.

Стопы Будды. (С барельефа в Амравати.)

ГЛАВА VIII.

ЦЕЙЛОН.

Содержание.

Вводный—Анурадхапура—Поллонаруа.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕСЛОВО.

Если бы существовали материалы для написания ее в сколько-нибудь полной и удовлетворительной форме, в этой истории было бы мало глав, которые могли бы быть столь интересными или поучительными, как та, в которой рассказывается об архитектуре Цейлона. Только она из всех известных стран содержит полную серию буддийских памятников, простирающихся со времен Ашоки до наших дней, и в 'Махавансо' только она обладает настолько подробной и достоверной историей, что даты и назначение более ранних построек могут быть установлены с очень приемлемой точностью. Помимо его собственного внутреннего интереса, если бы было возможно сравнить этот непрерывный ряд с установленными датами с фрагментарными группами на континенте Индии, его параллелизм мог бы пролить много света на многие вопросы, которые являются темными и неопределенными, и все в целом приобрело бы последовательность, которой сейчас явно не хватает. К сожалению, на острове до сих пор не побывал никто, кто обладал бы необходимой квалификацией для предоставления информации, необходимой для этих целей. Книга сэра Эмерсона Теннента, опубликованная в 1859 году, до сих пор остается лучшей работой на эту тему. У него, однако, не было никакой специальной квалификации для выполнения этой задачи, кроме той, которую можно было ожидать от любого хорошо образованного талантливой джентльмена, и его описание зданий^[227] предназначено только для массового чтения.

Две статьи капитана Чэпмена в третьем томе 'Трудов' и тринадцатом томе 'Журнала Азиатского общества' по-прежнему являются лучшим описанием руин Анурадхапуры, и, помимо этих нескольких случайных заметок, это почти вся печатная продукция, на которую нам приходится полагаться. Около семи или восьми лет назад серия фотографий покойного мистера Лоутона пролила некоторый свет на этот вопрос, а совсем недавно вторая серия, сделанная капитаном Хоггом, Р.Э., кое-что добавила к нашим знаниям. Но фотографии без планов, размеров или описаний являются наиболее обманчивыми справочниками, и, поскольку ни одно из них не было предоставлено, они мало что добавляют к нашим научным знаниям об этом предмете. Это вызывает тем большее сожаление, что совсем недавно в Анурадхапуре были предприняты некоторые раскопки, которые, как рассчитывают, прольют значительный свет на структуру тамошних великих дагобас, но о которых в нашу страну не поступило никакой информации, кроме той, что дают эти фотографии.^[228]

Одной из самых поразительных особенностей цейлонского искусства по сравнению с искусством континента является почти полное отсутствие скульптуры, которую оно демонстрирует, и, возможно, это особенность, которая делает его гораздо менее полезным для сравнения, чем может показаться на первый взгляд. Наиболее очевидное предложение для решения этой проблемы - предположить, что скульптуры похоронены в скоплении руин, в городах, где найдены великие памятники, и будут обнаружены при проведении раскопок. Однако следует опасаться, что эта теория вряд ли выдерживает критику; Цейлон никогда не был оккупирован мусульманами или другими враждебными расами, и нет оснований предполагать, что в любое время статуи могли быть сброшены или барельефы уничтожены; кроме того, те раскопки, которые были проведены — а они проводятся в наиболее вероятных местах — не выявили ничего,

что заставило бы нас надеяться на лучшие результаты в других местах. Возможно, это не должно нас удивлять, поскольку почти то же самое происходит в Бирме. В этой стране существует неограниченное количество живописи и резьбы по дереву, но нет скульптуры в собственном смысле этого слова; и то же самое, возможно, произошло на Цейлоне. Насколько мы теперь можем видеть, все большие вершины были покрыты чунамом, который мог быть в той или иной степени раскрашен, а все вихары, как и в Бирме, были деревянными и, следовательно, непригодными для постоянной скульптуры. Кроме того, имеющаяся у нас информация позволяет предположить, что живопись была более любимым искусством островитян, чем скульптура. Например, когда Фа Хиан посетил остров в 412-413 годах, он следующим образом описывает сопровождение процессии с зубной реликвией: “Затем царь приказывает разместить по обе стороны дороги изображения 500 телесных форм, которые Бодисатва принимал во время своих последовательных рождений” (фактически, джатака). “Все эти фигурки, - добавляет он, - прекрасно раскрашены в разные цвета и выглядят очень реалистично”.^[229] Дело было не в том, что они не умели ваять из камня, поскольку, как мы сейчас увидим, некоторые из их резных изделий отличаются большой тонкостью и остроумием исполнения, но они, по-видимому, предпочитали цвет более постоянным формам изображения. Если это так, то это, безусловно, замечательно, когда мы думаем о богатстве скульптур, представленных такими памятниками, как Бхархут, Санчи или Амравати. Насколько нам известно, в одном-единственном монастыре Гандхары, таком, например, как Джамалгири, было больше скульптур, чем можно найти на всем острове Цейлон. Форма обнаруженных скульптур также почти столь же любопытна, сколь и редка. В Анурадхапуре пока обнаружена только одна древняя фигура Будды. Она может быть 3-го или 4-го века и расположена несимметрично в часовне перед Руанвелли дагоба. Повсюду, однако, есть статуи пяти- или семиглавых змей или людей со змеиными капюшонами, которые могут быть любого возраста, а у подножия каждого важного лестничного пролета стоят два карлика или привратника с этим странным придатком,^[230] и к каждому лестничному пролету всех более крупных и старых дагоба прикреплены фигуры самого великого Нага. Фактически, поскольку речь идет только о свидетельствах скульптур, мы были бы вынуждены заключить, что все великие памятники столицы были посвящены поклонению Змее, а не Будде, за одним исключением, однако; этот памятник посвящен дереву Бо, которое, как предполагается, было деревом, первоначально присланным Ашокой из Будд Гая более 2000 лет назад. Мы, конечно, знаем, что все это не так, но это свидетельство раннего распространения культа Деревьев и Змей на острове, столь же странного, сколь и неожиданного.

Другой особенностью памятников Цейлона является их расположение в двух столицах острова, поскольку, как уже было замечено, ни один из остатков буддийской архитектуры, описанных в предыдущих главах, не найден в великих столицах Империи. Это отдельно стоящие памятники, случайно уцелевшие в каком-нибудь отдаленном уголке страны, или высеченные в скалах образцы, найденные в отдаленных и уединенных долинах. Буддийская Палиботра полностью исчезла, как и Сраvasti и Вайшали; и мы с трудом можем идентифицировать Капилавасту, Кусинару и другие знаменитые города, чьи великолепные монастыри и ступы описаны китайскими путешественниками в пятом или седьмом веке нашей эры. В значительной степени это может быть связано с тем, что они были построены из кирпича и дерева; а в том климате растительность исключительно губительна для первого, а насекомые и гниение - для второго. Но во многом это связано и с тем, что страна была густо заселена с момента изгнания буддистов. Можно также отметить, что люди, населявшие равнины Бенгалии после изгнания буддистов, были либо последователями брахманической, либо магометанской религий — и той, и другой враждебны им или, по крайней мере, не уважали их останки.

На Цейлоне дело обстоит иначе. Хотя великие столицы рано опустели, люди теперь буддисты, какими они были последние 2000 лет, и, следовательно, города все еще украшены памятниками, которые, хотя и находятся в руинах, производят достаточное впечатление о том, какими, должно быть, были памятники Индии в дни ее славы.

Анурадхапура, по-видимому, стала столицей Цейлона примерно за 400 лет до Рождества Христова, или примерно через полтора столетия после смерти Будды и легендарного распространения его религии на острове. Однако только по прошествии еще 150 лет он стал священным городом и одной из главных столиц буддизма на Востоке, которой оставался примерно до 769 года, когда из-за неоднократных и разрушительных вторжений малабарцев столица была перенесена в Поллонаруа. Этот город достиг своего наивысшего расцвета и расширения, по-видимому, в правление Пракрама Баху в 1153-1186 годах, а затем в течение долгого и катастрофического периода пришел в упадок. Впоследствии резиденция правительства перемещалась туда-сюда, пока страна не попала в руки португальцев и голландцев и, наконец, не перешла под нашу власть.

АНУРАДХАПУРА.

Город Анурадхапура сейчас совершенно опустел посреди почти необитаемых джунглей. Его общественные здания, должно быть, серьезно пострадали от обстоятельств, при которых они погибли, на протяжении веков подвергаясь нападениям внешних врагов. Кроме того, буйная растительность Цейлона действовала в течение 1000 лет, стирая все следы гипсовых украшений и раскалывая каменную кладку во многих местах.

Однако само запустение этого места уберегло эти древние памятники от других, более серьезных опасностей. Ни один фанатичный мусульманин не разрушил их для строительства мечетей и памятников своей собственной веры; ни один ленивый индуист не позволил использовать их в личных целях или присвоить в качестве частной добычи; и ни один английский магистрат еще не предоставил их в распоряжение для ремонта железнодорожных путей и мостов. Поэтому мы можем быть уверены, что эти руины заслуживают величайшего внимания со стороны изучающих буддийскую архитектуру и что из них можно извлечь обширный фонд информации, если их достаточно изучить и описать.

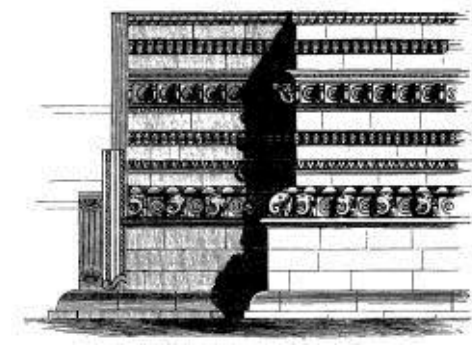
Особая удача Анурадхапуры заключается в том, что она оставалась столицей Цейлона в течение десяти столетий; и, единственный из всех буддийских городов, он сохранил нечто вроде полного ряда остатков своего величия в тот период. Более того, в 'Махавансо' и других цейлонских священных писаниях мы располагаем относительно достоверным описанием строительства всех этих памятников и целей, которым они были посвящены. Среди остатков его былого величия, которые еще можно найти, - руины семи куполообразных вершин, или дагоб, одного монастыря, здания, возведенного для содержания священного дерева Бо, и нескольких других руин и древностей. Среди них есть большой курган, называемый гробницей узурпатора Элаалы, но более вероятно, что это вершина, воздвигнутая царем Даттагаймуни в ознаменование победы над этим незванным гостем, которую он одержал на этом месте примерно в 161 году до н.э.. Поскольку сейчас это просто насыпь без каких-либо различимых очертаний, мы больше не будем упоминать о ней.

Две вершины имеют самый большой известный размер: одна, Абхаягири, была возведена в 88 году до н.э.; ее купол имеет форму точной полусферы и имеет радиус 180 футов, таким образом, его окружность превышает 1100 футов, а основание и шпиль составляют общую высоту 244 фута, что всего на 16 футов меньше традиционной высоты в 120 локтей, присвоенной ему в "Махавансо".^[231] Он был воздвигнут королем Валагамбаху в память о его отвоевании своего королевства у иностранного узурпатора, который сверг его и занимал его трон около шестнадцати лет.

Вторая вершина - Джетавана, возведенная царем Махасеной в 275 году нашей эры. По форме и размерам он почти идентичен последнему описанному, хотя и несколько совершеннее по очертаниям и на несколько футов выше, вероятно, из-за того, что он более современный, чем его конкурент. Эти два были памятными памятниками, а не реликтовыми святынями.

Рядом с ними, но гораздо более важным по своей святости, является Руанвелли дагоба, воздвигнутая королем Даттагаймуни между 161 и 137 годами до н.э. над очень внушительной коллекцией реликвий, полный отчет о которой дан в 31-й главе 'Махавансо'. Его размеры очень похожи на два последних описанных, но он был настолько сильно поврежден, частично в результате насилия, а частично, по-видимому, из-за провала фундамента, что нелегко установить ни его первоначальную форму, ни размер. Тот же король воздвиг другую вершину меньшего размера, диаметром 260 футов. Сейчас она известна как Мирисивеллия. Как и последний описанный, он сильно разрушен и не особенно интересен ни своей формой, ни историей.

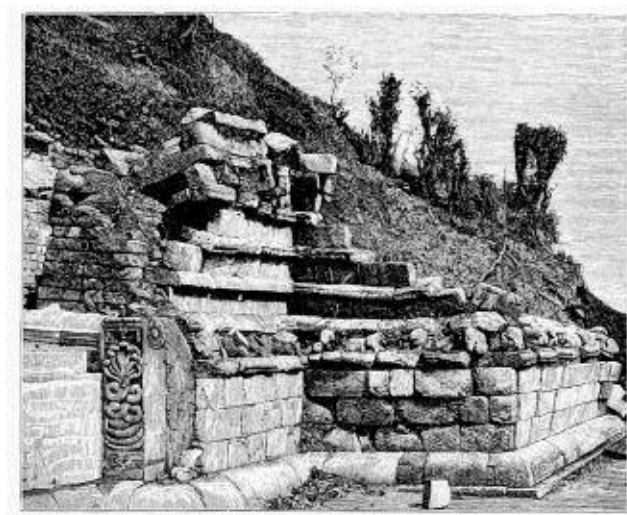

98. Высота передней части лестницы, Руанвелли Дагоба. Шкалы нет.

Недавно проведенные раскопки выявили тот факт, что у основания Руанвелли дагоба имелись три ответвления, или дорожки для процессий, поднимающиеся наподобие ступеней, одна позади другой и над ней, но без видимых сейчас украшений, за исключением простой буддийской ограды из двух перекладин по внешнему краю двух нижних и карниза в виде слона на верхней. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что внутренние фасады изначально были оштукатурены и расписаны историческими сценами. На каждом из четырех фасадов этой дагобы был декоративный выступ, содержащий и частично скрывающий лестничные пролеты, по которым велся доступ к этим галереям.^[232] На фотографиях неясно, где находились ступени, ведущие к первой, но ступени, ведущие от первой ко второй и третьей, были расположены так же, как на Санчи ([гравюра на дереве № 11](#)) за этим фронтисписом. Однако без плана трудно точно определить, какой могла быть договоренность.

На четырех гранях Абхаягири и Джетавана дагобас имеется точно такое же расположение лестниц, как показано на двух гравюрах на дереве № № 98, 99, и состоит оно в первую очередь из простого основания, над которым расположен фриз с изображением голов слонов с патерами между ними, очень похожий на те, что использовались в метопах римско-дорического ордера; над ним расположены три простые грани, разделенные рядами декоративных ниток. Затем снова карниз-скоба с патерами, а над ним еще два или три карниза. Над этим, вероятно, был парапет, имитирующий буддийскую ограду.

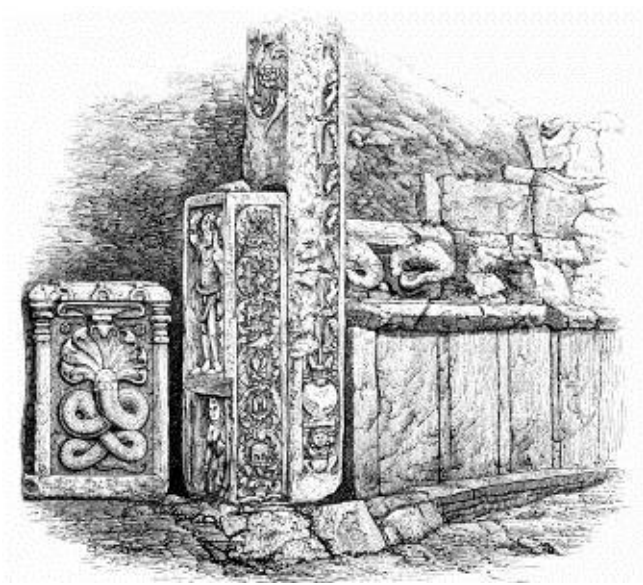
На каждом конце этого выступающего сооружения располагались две стелы — у Руанвелли внутренняя покрыта листовным узором, внешняя - семиглавым Нагом, как видно на гравюре на дереве № 99; у Абхаягири внутренняя стела украшена узором, настолько идентичным узору на колоннах западных ворот в Санчи,^[233] что нам не составит труда распознать в них принадлежность примерно того же возраста; хотя этот, конечно, старше из двух (104 год до н.э.). На другой стеле в этом топе ([гравюра на дереве № 100](#)) мы узнаем щит, свастику, тризуб, раковину (Вишну?) и все другие буддийские эмблемы, с которыми мы уже знакомы. У Нага здесь есть своя стела, отделенная от двух других.

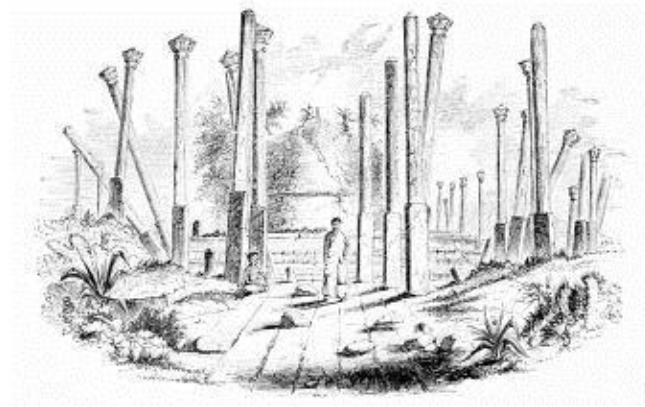
99. Вид на фасад лестницы, Руанвелли Дагоба. (С фотографии.)

Все это архитектурно настолько непохоже на что-либо, что мы находим того же возраста на индийском континенте, в то время как его скульптурные детали настолько почти идентичны, что, когда мы узнаем об этом больше, эти различия и сходства могут привести к наиболее важным выводам; но в настоящее время мы должны дождаться необходимой информации, которая позволит нам увидеть значение этих особенностей.

Помимо этих четырех больших зданий, есть два меньших, известные как Тупарамайя и Ланкарамайя, очень похожие друг на друга по размеру и расположению.

100. Стела в конце лестницы, Абхаягири Дагоба. (С фотографии.)

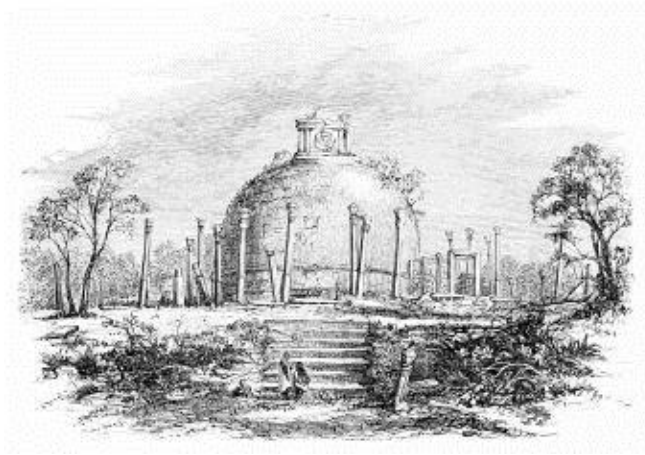
101. Тапарамайя Топе. (С неопубликованной литографии покойного Джеймса Принсеп.)

Первое из названных изображено на гравюре на дереве № 101. Сам купол, хотя и небольшой и несколько разрушенный, имеет необычайно элегантно колоколообразные очертания.^[234] Его диаметр и высота почти одинаковы, от 50 до 60 футов, и он стоит на платформе, приподнятой примерно на 9 футов над землей, на которой расположены три ряда колонн, которые на сегодняшний день являются самым важным архитектурным украшением здания. Внутренний круг находится примерно в 2 футах от дагобы, а два других - примерно в 10 футах друг от друга. Сами колонны представляют собой монолиты высотой 26 футов, нижняя часть которых, высотой 9 футов, оставлена квадратной, каждая сторона составляет около 1 фута. Следующий участок, 14 футов 6 дюймов в длину, имеет срезанные углы, как это обычно бывает в этом стиле, чтобы сформировать восьмиугольник; две части сделаны из одного куска гранита. Они поддерживают капитель из того же материала высотой 2 фута 6 дюймов.

Отчеты расходятся в количестве опор, поскольку мистер Найтон говорит, что первоначально их было 108;^[235] тогда как капитан Чепмен насчитал 149 и утверждает, что первоначальное число было 184.^[236]

Это святилище-реликвия было воздвигнуто знаменитым королем Девенампиатиссой около 250 года до н.э., чтобы содержать правую челюсть Будды, которая, как утверждают буддийские хронисты, спустилась с небес и поместилась на короне монарха. Будучи современником Ашоки, он принадлежит к самому интересному периоду буддийской истории и старше или, по крайней мере, столь же стар, как и все ныне существующее на континенте Индия; и есть все основания предполагать, что сейчас он существует, насколько это возможно, в том виде, в каком был изначально задуман, избежав изменений,^[237] и, что более необычно для буддийской святыни-реликвии, избежав увеличения. Когда знаменитая зубная реликвия была доставлена сюда из Индии в начале IV века, она была помещена в небольшое здание, возведенное специально для этой цели на одном из углов платформы этого здания, вместо того, чтобы быть помещенной, как, по-видимому, обычно имело место, в святилище на его вершине, и в конечном итоге стала центром нового и более протяженного сооружения. Возможно, этому помешало нежелание нарушать священный круг колонн, или, возможно, реликвии зуба по какой-то причине, которую мы сейчас не понимаем, не суждено было навсегда скрыться от глаз ее почитателей. Несомненно, что он был доступен в течение последних 2000 лет и является единственной реликвией своего класса, которая, по-видимому, аналогичным образом сохранилась и выставлялась.

Ланкарамайя ([Гравюра на дереве № 102](#)) чрезвычайно похожа на предыдущую, хотя и значительно современнее, так как была возведена в 221 году н.э., и выглядит еще более поздней, чем есть на самом деле, из-за проведенного некоторое время назад тщательного ремонта, который почти уничтожил ее более древние черты.,,

102. Ланкарамайя Дагоба, 221 г. н. э. (С фотографии.)

Как будет замечено, две последние упомянутые дагобы представляют нам особенность, не встречающуюся ни на одном примере, с которым мы до сих пор встречались, поскольку они окружены тремя кругами тонких монолитных колонн очень элегантного дизайна. Едва ли можно сомневаться, что они представляют собой перила северных крыш и заменяют их и служат той же цели, но каким образом, на первый взгляд не очень очевидно. Ссылаясь, однако, на то, что было сказано выше о цейлонцах, предпочитающих живопись скульптуре, не кажется трудным объяснить эту аномалию. Я полагаю, первоначально эти колонны были соединены друг с другом деревянными балками на их капителях, и к ним, возможно, были подвешены рамы или занавески, покрытые картинами, которые являются столь неотъемлемой частью буддийского убранства. Но могут возразить, почему три? или, как я полагаю, у Ланкарамайи изначально было четыре таких ряда столбов? Это правда, что в северных дагобах обычно была только одна ограда, но в Амравати их было две, и поскольку в больших дагобах здесь было три дорожки для процессий, в то время как ни в одной из северных не было больше одной, мы не должны удивляться, если в меньших дагобах также было три дорожки, хотя и по-другому расположенных, и даже тогда вряд ли способных отобразить такое же количество росписей. Когда мы перейдем к описанию великого храма Боро Будд на Яве, то увидим, что в нем было пять дорожек для процессий, и что их стены были украшены скульптурами, как внутри, так и снаружи, с таким количеством каменных украшений, которое ни одна из этих цейлонских башен не могла отобразить, даже в живописи, любым способом, который мы сейчас можем понять.

Есть еще один — Сайла дагоба — в черте города, но настолько разрушенный, что его архитектурные особенности неразличимы, хотя традиция заставляет нас предполагать, что он был самым старым в этом месте, относящимся к периоду, предшествующему еще Сакья Муни. Во всяком случае, говорят, что это место было освящено присутствием Кашьяпы, предыдущего Будды.

Кроме того, на холме Мехентеле, в нескольких милях к северо-востоку от города, находятся два важных святилища-реликвии: одно из первоклассных, воздвигнутое на его вершине, чтобы прикрыть волосы, росшие на лбу Будды над его левой бровью. Другой, расположенный на склоне холма непосредственно под этим, относится к тому же классу, что и Тапарамайя; небольшое центральное здание, окруженное концентрическими рядами гранитных колонн, которые, как, по-видимому, было обычным при использовании такого способа отделки, возвышались до половины высоты центрального холма.

В дополнение к этому, по равнине разбросано большое количество вершин различного рода, но является ли какая-либо из них особенно интересной либо с точки зрения архитектуры, либо с точки зрения истории, точно неизвестно, и не выяснится, пока место не будет обследовано гораздо тщательнее, чем это было до сих пор.

В Анурадхапуре есть еще одни руины, которые, будь они немного совершеннее, были бы еще интереснее, чем эти вершины. Он известен под названием Лоуа Маха Пайя, или Великий Медный монастырь. В "Махавансо" у нас есть полный отчет о его возведении благочестивым царем Даттагаймуни (161 год до н.э.), [\[238\]](#) согласно плану, ниспосланному с небес для этой цели, а также история его последующего разрушения и перестройки.

Говорят, что при первом возведении он имел площадь 100 локтей или 225 квадратных футов и был такой же высоты, как и в ширину; высота была разделена на девять этажей, каждый из которых содержал 100 келий для священников, помимо залов и других необходимых помещений. Почти через 200 лет после его возведения (A.D. 30) it required considerable repairs, but the first great disaster occurred in the reign of Mahasena, A.D. 285, who is said to have destroyed it utterly. Он был заново возведен его сыном, но всего в пять этажей вместо девяти; и после этого он так и не восстановил своего первоначального великолепия, а постепенно пришел в упадок еще до того, как резиденция правительства была перенесена в Поллонаруа. С тех пор он был полностью заброшен, и все, что сейчас осталось, - это 1600 колонн, которые когда-то поддерживали его. Обычно они состоят из необработанных гранитных блоков высотой около 12 футов; некоторые из центральных имеют скульптурную форму, а многие были разделены на две части, очевидно, во время великой перестройки после ее разрушения Махасеной; в нынешнем виде они стоят на расстоянии около 6 футов друг от друга от центра к центру компактной фалангой, по сорок с каждой стороны, и занимают пространство в 250 или 260 футов в каждую сторону. На колоннах, должно быть, был установлен прочный деревянный каркас, из которого поднимались остальные восемь этажей, как в современных бирманских монастырях, способом, который будет объяснен в следующей главе.

Насколько я могу судить, есть только одна трудность в понимании устройства надстройки этого здания, и это утверждение "Махавансо", что оно состояло из девяти этажей, а затем из пяти, каждый из которых содержал 100 квартир. Что касается меня, то я без колебаний отвергаю это утверждение как невозможное не только из-за сложности строительства и кровли такого здания, но и потому, что его форма совершенно противоречит всем традициям восточного искусства. Если мы обратимся к описанию великого монастыря Декхани Фа Хиана или Хиуэн Тханга (стр. 135) или к великой ратхе в Махавеллипуре ([Гравюра на дереве № 66](#)), или, действительно, к любому из 1001 храма южной Индии, каждый из которых имитирует трех-, пяти- или девятиэтажные жилые дома, мы получим четкое представление о том, каким могло бы быть такое здание, возведенное в индийском стиле. Это также было бы удобно и соответствовало бы климату, каждый этаж имел бы свою террасу для прогулок или сна на открытом воздухе, и все это было бы легко построить и содержать в порядке. Все это станет яснее в дальнейшем, но пока вряд ли вызывает сомнение тот факт, что Лоуа Маха Пайя изначально состоял из девяти, а затем и из пяти этажей, каждый из которых был меньше по размерам, чем тот, что находится под ним. Верхнее из них, как и в Махавеллипуре, было увенчано куполом, но в данном случае изготовленным из меди — отсюда и его название; и, каким бы позолоченным и украшенным оно ни было, это, без сомнения, должно было быть одно из самых великолепных зданий Востока. Он был высотой с верхушки и, хотя занимал не так много места, по кубическому объему не уступал самому большому из наших английских соборов, а корпус здания был выше любого из них, за исключением, конечно, шпилей, которые являются всего лишь украшениями.

Кроме того, по руинам Анурадхапуры разбросано около полудюжины, а может быть, и дюжина групп колонн, об использовании и назначении которых было бы чрезвычайно интересно что-нибудь узнать. Все они, кажется, возвышаются на платформе или стилобате, к которым ведет один или несколько лестничных пролетов, имеющих в высшей степени декоративный характер. Одна из них, ведущая к группе колонн, прикрепленных к Руанвелли дагоба, передаст некоторое представление об их общем характере ([Гравюра на дереве № 103](#)). У подножия лестницы находится полукруглый камень, широко известный на Цейлоне как лунный камень ([Гравюра на](#)

[дереве № 104](#)). Известно, что по меньшей мере дюжина из них существует в Анурадхапуре и столько же, вероятно, в Поллонаруа. Некоторые из них большие, а некоторые меньше других, но все они почти идентичны по дизайну и весьма характерны для Цейлона — ничего подобного еще не было найдено ни на континенте Индия, ни где-либо еще.

103. Павильон со ступенями в Анурадхапуре. (С фотографии.)

104. Лунный камень у подножия ступеней, ведущих к платформе дерева Бо, Анурадхапура. (С фотографии.)

Внутри внешнего орнаментального кольца изображена процессия животных, отделенная от следующего отделения богато проработанным завитком; внутри него снова ряд птиц с бутонами лотоса, а затем цветок лотоса с диском, украшенным кругами. Животные - это всегда слоны, львы, лошади и быки, птицы - либо ханзы, либо священные гуси, либо это могут быть голуби. Следует напомнить, что это те животные, которые, по описанию Фа Хиана и Хиуэн Тханга, украшали пять этажей великого монастыря Декхани и которые, как мы увидим позже, были также расположены в Хуллабиде в 13 веке точно таким же образом. В течение 1500 лет они, и только они, по-видимому, были выбраны для архитектурных целей, но почему это было так, мы пока не можем объяснить. [\[240\]](#)

Ступени этих лестниц, хотя и не украшены многоэтажными барельефами, как в монастыре Джамалгири в Гандхаре, все богато орнаментированы, разделены, как правило, на две части фигурами гномов и обрамлены лиственным бордюром, в то время как косяки или боковые камни также украшены либо фигурами животных, либо барельефами.

Если бы у нас были планы или какие-либо архитектурные детали павильонов, к которым вели эти ступени, вероятно, было бы легко сказать, для какой цели они предназначались и как были покрыты. Фотографии не позволяют нам сделать ни того, ни другого, но из них мы заключаем, что некоторые из этих залов определенно были обнесены стенами, поскольку внешняя сторона колонн оставлена грубой и нетронутой, в то время как те, что в центре, изваяны по всей окружности. Между тем, у меня сложилось впечатление, что это здания, которые Фа Хиан описывает как

проповеднические залы — чайтхи, или церемониальные залы, пристроенные к великим дагобам. В Индии они принимают форму залов с имитированными дагобами внутри, к которым было обращено богослужение, но когда существовала настоящая дагоба диаметром от 200 до 400 футов, требовался зал, в котором священники могли собираться для совершения своих литургий и из которого обращались со своими молитвами к великому объекту их почитания. Если бы это было так, то ось этих залов должна была быть обращена к дагобам, но было ли это так или нет, пока не установлено. [\[241\]](#)

Кроме того, в Анурадхапуре есть храм под названием Исурумунья, частично вырубленный в скале, частично структурный, относительно которого была бы чрезвычайно интересна некоторая информация. До последних нескольких лет столбы его крыльца все еще несли деревянные балки крыши, но было ли это первоначальным или последующим дополнением, ни в коем случае не ясно. Судя по углублениям в скале, я был бы склонен полагать, что она сохранилась, по крайней мере, в первоначальном виде, но в наше время здание было настолько разрушено и изменено, что с уверенностью говорить о нем невозможно. Насколько можно судить по тем фотографиям, которые дошли до нас, я был бы склонен отнести первоначальные раскопки к 6-му или 7-му веку. Архитектура ступеней и дварфов Нага выполнена по старому образцу, но более грубому и демонстрирующему безошибочные признаки упадка.

Для нас это самые интересные остатки древнего города, но для буддиста величайшим и наиболее священным из остатков прошлого является знаменитое дерево Бо. Сейчас его почитают и ему поклоняются даже среди запустения, в котором он стоит, и поклоняются на этом месте уже более 2000 лет; и таким образом, если не самый старый, то, безусловно, один из самых древних идолов, которые все еще вызывают обожание человечества.

Когда Ашока послал своего сына Махиндо и свою дочь Сангамитту внедрять буддизм на Цейлоне, одной из самых ценных вещей, которые они привезли, была ветка знаменитого дерева, которое до сих пор растет в Гайе [\[242\]](#) ([Гравюра на дереве № 16](#)). Ветвь, как гласит легенда, самопроизвольно отделилась от родительского стебля и поместилась в золотую вазу, приготовленную для ее приема. Согласно пророчеству, он должен был быть “всегда зеленым, никогда не расти и не увядать”, и, конечно, нынешний внешний вид во многом подтверждает это утверждение, поскольку, несмотря на свой возраст, он небольшой и, хотя и здоровый, кажется, не увеличивается. То, что он вечнозеленый, является лишь характеристикой его вида, *Ficus religiosa*; однако наше знакомство с ним должно продолжаться в течение более длительного ряда лет, чем это происходит до сих пор, прежде чем мы сможем с уверенностью говорить о его постоянных качествах.

Он растет на вершине небольшой пирамиды, которая возвышается тремя террасами, каждая высотой около 12 футов, в центре большого квадратного ограждения, называемого Маха Вихара. Но хотя это место большое, священное и украшено воротами с некоторой претензией, ни одна из архитектурных особенностей, которые в настоящее время окружают его, не такова, чтобы требовать внимания в произведении, подобном настоящему.

ПОЛЛОНАРУА. [\[243\]](#)

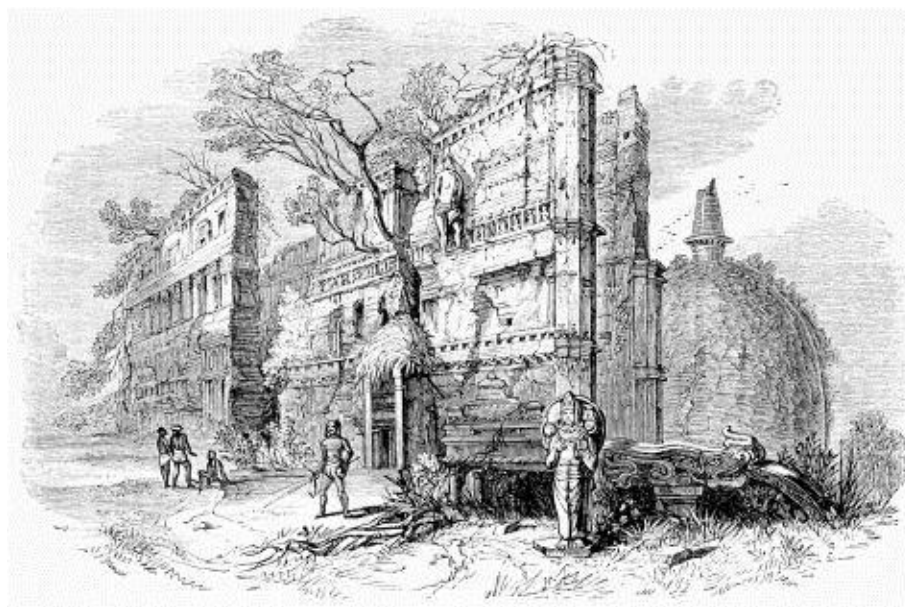
Хотя руины Поллонаруа гораздо более современные по времени и, следовательно, менее чисты по стилю, они едва ли менее интересны, чем руины северной столицы, на смену которой они пришли. Они образуют связующее звено между древним и современным стилями в то время, когда буддисты перестали существовать или, по крайней мере, застраиваться на индийском континенте, и, если их должным образом проиллюстрировать, позволят нам с уверенностью говорить о многом, что мы находим за пределами Ганга. Почти все, что мы знаем в настоящее время об этих руинах, благодаря публикациям сэра Эмерсона Теннента, [\[244\]](#) которые, хотя и являются наиболее ценным вкладом, далеко не исчерпывают тему. Согласно этому авторитетному источнику, основные руины тянутся в линию почти на север и юг примерно на полторы мили от

дворца до Гал Вихара и включают в себя две дагобы, помимо ряда зданий меньшего размера. Большая часть, по-видимому, была возведена во времена правления Пракрама Баху, 1153-86 гг., хотя, поскольку город стал столицей королевства в 8 веке, вполне вероятно, что разумный поиск выявил бы некоторые из них более ранней даты; в то время как, поскольку он не был заброшен до 1235 года, некоторые из них также могут быть более современными.

Если не самая старая, то, безусловно, самая интересная группа в Поллонаруа - это высеченные в скале скульптуры, известные как Гал Вихара. Это не высеченные в скале храмы в том смысле, в каком этот термин понимают в Индии, не являющиеся ни резиденциями, ни залами чайтйи. Слева, на поверхности скалы, находится фигура Будды, сидящего в обычной позе со скрещенными ногами, высотой 16 футов и опирающегося на чрезвычайно богатый трон: возможно, самый сложный образец такого класса, который, как известно, где-либо существует. Рядом с ней находится келья с двумя колоннами спереди, на задней стене которой изображена еще одна сидящая фигура Будды, но, безусловно, более современного вида, чем описанная ранее; такой внешний вид, однако, может быть вызван побелкой и краской, которые были нанесены на нее наиболее щедро. За ним находится фигура Будды, стоящего на открытом воздухе; и еще дальше справа другое его изображение, лежащее в обычной позе для достижения Нирваны. Эта фигура 45 футов в длину, в то время как стоящая - всего 25 футов в высоту.^[245] Эти фигуры Нирваны редки в Индии, но одна находится в самой современной пещере Аджунта, № 26, а другие - в новейших пещерах Насик и Сальсетт. Однако ни один из них, насколько мне известно, никогда не достигал в Индии таких масштабов, как эти. В другое столетие или два они могли бы это сделать, но достижение таких колоссальных масштабов - верный признак того, что они очень современны.

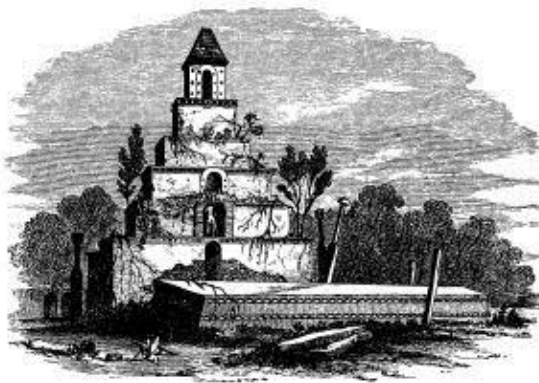
Перед Гал Вихарой стоит главная религиозная группа города, состоящая в первую очередь из храма Джайта Вана Рама длиной 170 футов и шириной 70 футов ([гравюра на дереве № 105](#)), в котором установлена статуя Будды высотой 58 футов.

105. Джайта Вана Рама — Руины Поллонаруа. (Из книги Теннента "Христианство на Цейлоне".)

С одной стороны от него находится Кири дагоба — справа от гравюры на дереве — с двумя верхушками поменьше, стоящими на приподнятых платформах, все пространство размером 577 на 500 футов, и, по-видимому, когда-то было полностью заполнено объектами религиозного поклонения. Все это, несомненно, относится к эпохе Пракрама-Баху. Однако он был построен из кирпича и оштукатурен, что придает ему вид неполноценности даже сверх того, что связано с неполноценным стилем того времени.

Следующим по важности после этого является Ранкот Дагоба, 180 футов в диаметре. Это, хотя и вдвое меньше, чем у некоторых из тех, что были в старой столице, все же больше, чем что-либо известное из существующих на континенте Индии. Его основание, как и в Бирме, окружено рядом небольших святилищ, которые в ту эпоху заменяли колонны или поручни, составлявшие столь важную часть конструкции более древних образцов.

106. Сат Мехал Прасад. (Из "Цейлона" сэра Дж. Э. Теннента.)

На некотором расстоянии от него, рядом с дворцом, стоит Сат Мехал Прасад ([Гравюра на дереве № 106](#)), которое является одним из самых интересных зданий этого места, поскольку это одно из наиболее совершенных изображений существующих семиэтажных храмов Ассирии, уже описанных, т. i, стр. 152, *и далее*. В том, что это прямой потомок Бирс Нимруд, вряд ли можно сомневаться. Это также интересно, поскольку дает намек на внешний вид пяти- или девятиэтажных монастырей, упомянутых на предыдущей странице (196). Это здание, однако, никогда не было резиденцией и не имитирует ее, как ратхи в Махавеллипоре или другие здания в дравидийском стиле, которые будут описаны в следующей главе.

Перед ним находится великолепный дольмен, или каменный стол, 26 футов в длину, 4 фута в ширину и 2 фута в толщину. Было бы интересно узнать, стоит ли дольмен на земле или опирается на три или более вертикальных камня — скорее всего, на последнее. Как и большинство индийских образцов, он выглядит квадратным и вырезанным повторением того, что в Европе мы находим только грубым и неотесанным. Резьба по его краю изображает несколько ханза, или священных гусей, — всегда излюбленный сюжет буддийских скульпторов.^[246] На одном конце этого камня выгравировано изображение Шри с двумя ее слонами с горшками для воды ([Гравюра на дереве № 2](#)); и мне кажется, я могу различить ее и на других фотографиях в других местах Цейлона, но не настолько отчетливо, чтобы быть уверенным.

107. Круглый дом, называемый Ватте Дадже, в Поллонаруа. (От сэра Дж. Э. Теннента.)

Рядом с Сат Мехал находится круглое здание, которое, насколько известно в настоящее время, уникально. Его можно почти описать как полуу дагобу, представляющую собой круглое помещение, окруженное стеной, но пустое в центре, по крайней мере, сейчас в нем ничего нет. Первоначально, возможно, в центре его находилось святилище или своего рода скиния, содержащая реликвию или, что более вероятно, священное Дерево. Он окружен дорожкой для процессий, огороженной декоративной ширмой, а за ней - второй галереей, украшенной рядом стройных колонн, подобных тем, что окружают дагобы в Анурадхапуре ([Гравюра на дереве № 107](#)); под ней, опять же, стилобат с богатой резьбой.

Четыре лестничных пролета ведут к его дорожкам для процессий, более великолепным и замысловатым, чем любые другие, которые до сих пор были обнаружены на Цейлоне. Все они украшены самыми искусными лунными камнями. Каждый из их подступенков украшен двенадцатью фигурами гномов, а их боковые части, или косяки, также отличаются исключительным богатством, и у каждого есть по паре гномов с головами нагов с каждой стороны верхнего пролета. Фотографий достаточно, чтобы показать, что это одно из самых интересных зданий на Цейлоне, а также одно из самых богатых скульптурными украшениями; но если древности Явы не прольют некоторый свет на этот предмет, мы должны довольствоваться невежественным восхищением, пока это место не посетит кто-нибудь, способный исследовать его историю. ^[247]

Помимо них, в Поллонаруа есть несколько таких групп колонн без крыш и стен, которые мы пытались описать, говоря об Анурадхапуре. Один из них, называемый Залом аудиенций, кажется, очень похож на другие в северной столице; другой, известный как Хетти Вихара, более обширный и, возможно, действительно является фундаментом вихары; но пока у нас нет планов и более подробных сведений, излишне рассуждать о том, какими они могли быть, а могли и не быть.

Хотя построенный из кирпича и сильно разрушенный, в Поллонаруа все еще сохранились дворец и вихара - Абхаягири, — которые на самом деле были резиденцией и осмотр которых, без сомнения, пролил бы значительный свет на устройство подобных зданий в Индии. Однако получить эту информацию может быть трудно, и до тех пор, пока не будут изучены и нарисованы более простые и монументальные здания, ее изучение вполне может быть отложено.

Помимо этого, Поллонаруа обладает еще одним интересным объектом, имеющим значительную важность, хотя вряд ли имеющим отношение к нашей нынешней теме. Среди его руин сохранилось несколько зданий в дравидийском архитектурном стиле, даты которых, как мне кажется, можно было бы легко установить хотя бы приблизительно. Один из них называется Далада Малигава, очевидно, из-за того, что когда-то у него был зуб-реликвия; поскольку маловероятно, что, мигрируя на юг из страха перед тамилами, они оставили бы свой драгоценный палладий. Если бы он был укрыт здесь, и это было первое здание, возведенное для его размещения, это было бы важнейшей вехой в очень расплывчатой хронологии этого стиля. Другой, хотя и называемый Вишну Дейанне Девала, несомненно, либо изначально, либо сейчас был посвящен поклонению Шиве, о чем свидетельствует присутствие быка рядом с ним, а также, по-видимому, на его крыше. Но как бы то ни было, это самое низкое и плоское из тех зданий, которые я когда-либо встречал, и оно больше похоже на прямую буквальную копию конструктивной вихары, чем даже ратхи в Махавеллипоре ([Гравюра на дереве № 181](#)). Это может быть связано либо с тем, что это копия настоящей вихары, существовавшей на момент ее постройки, либо с тем, что она очень старая. Те, что в Махавеллипоре, даже если они старше этого, возможно, прошли определенные стадии к своим нынешним традиционным формам, прежде чем были высечены в скале. Но подробнее об этом позже.

К несчастью для истории архитектуры Цейлона, старейшие и прекраснейшие из его высеченных в скале храмов - как, например, в Дамбуле и Дунумадала Канда - представляют собой всего лишь естественные пещеры, слегка усовершенствованные искусством; а упомянутые выше,

такие как Исурумунья в Анурадхапуре и Гал Вихара в Поллонаруа, помимо того, что они сравнительно современные, в них очень мало архитектуры, и эта пещера отнюдь не высокого класса. Вообще говоря, архитектура, которой действительно обладают эти цейлонские пещеры, основана на декоративных фасадах из каменной кладки, которые никогда не были ровесниками самих пещер и, как правило, больше отличались гротескностью, чем красотой. Кроме того, поскольку форма этих пещер случайна, они хотят привлечь тот интерес, который так сильно присущ пещерам Индии, поскольку они иллюстрируют религиозные формы и церемонии ранних буддистов. Действительно, их единственная достопримечательность, по-видимому, состоит в том, что они все еще используются для совершения тех же обрядов, которым они были первоначально посвящены 2000 лет назад.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Хотя приведенный выше набросок не может претендовать на то, чтобы быть чем-то вроде полного и исчерпывающего трактата на эту тему, его, вероятно, можно принять, насколько это возможно, за довольно правильное и доходчивое описание буддийской архитектуры в Индии. Мы определенно знаем начало стиля и столь же определенно его конец. Последовательность построек едва ли допускает сомнения, и их даты обычно устанавливаются с очень небольшими погрешностями. Конечно, предстоит сделать гораздо больше, прежде чем будут известны все примеры и заполнены все *пробелы*; но это делается быстро, и через несколько лет все, что необходимо для завершения истории, может быть доступно для этой цели. Однако маловероятно, что сейчас в Индии будет обнаружено что-либо, что существенно изменит взгляды, изложенные на предыдущих страницах. Другое открытие, подобное открытию генерала Каннингема в Бхархуте, может вознаградить трудолюбие исследователей; но даже это, хотя и придало широту и точность нашим исследованиям и так много добавило к нашим запасам знаний, мало изменило то, что было известно раньше. То, что было написано в моей работе о 'Поклонении дереву и змее' до того, как было сделано это открытие, почти во всех случаях было подтверждено, и ни в одном важном моменте не было изменено; и наши знания теперь настолько расширились, что, вероятно, то же самое будет и в других случаях. Однако трудно составить мнение о шансах на то, что какие-либо подобные открытия будут сделаны сейчас. Единственное важное здание, о котором мы упускаем из виду, сведения о котором дошли до нас, - это высеченный в скале монастырь, описанный китайскими паломниками (*ante*, стр. 135). Если он был высечен в скале, то почти наверняка существует и все еще может быть найден в некоторых неисследованных частях территории Низама. Если его обнаружат, это прольет больше света на буддийскую архитектуру первого века нашей эры, чем что-либо до сих пор обнаруженное. То, что он действительно существовал, вряд ли вызывает сомнение, поскольку в большом храме в Махавеллипоре ([Гравюра на дереве № 66](#)) мы имеем его буквальную копию — правда, в небольшом масштабе, но настолько совершенную, что это, безусловно, не первая попытка повторить в монолитной форме класс зданий, который, должно быть, был очень распространен в то время, когда это было предпринято.

Как бы то ни было, даже такого краткого обзора, как тот, что содержится на предыдущих страницах, достаточно, чтобы доказать, что почти невозможно переоценить важность архитектуры и связанных с ней искусств в прояснении и уточнении наших знаний об истории и мифологии буддизма с того времени, когда он стал государственной религией, и до его гибели в Индии. На рельсах в Буддх-Гайе и Бхархуте, с восточными пещерами, мы имеем полное представление о буддизме в том виде, в каком он существовал во времена великой династии Маурьев (с 325 по 188 год до н.э.). В Санчи и западных пещерах мы имеем максимально полное представление о том, какую форму они принимали с первого века до нашей эры по третий или четвертый после нее. В Амравати и монастырях Гандхары мы узнаем, какие изменения были внесены до и в течение 4 века; а из Аджунты и более поздних пещер мы прослеживаем его историю вплоть до периода упадка, пока он сначала не стал почти джайнским, а затем и вовсе исчез.

В течение первой половины этого тысячелетия у нас нет современных записей, кроме тех, что написаны на камне, а в течение последней у нас нет книг, на которые мы могли бы положиться; но архитектура с ее скульптурами и картинами сохранились и несут неизгладимый отпечаток мыслей, чувств и устремлений тех, кто их создавал, и снабжают нас огромным объемом точных знаний по этому предмету, которые невозможно получить никакими другими известными нам средствами.

КНИГА II.

ДЖАЙНСКАЯ АРХИТЕКТУРА.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

ТHERE Немногие проблемы, связанные с этой областью нашего предмета, столь же неясны и озадачивают, как проблемы, связанные с ранней историей архитектуры джайнов. Когда мы впервые практически сталкиваемся с ним в начале XI века в Абу или в Гирнаре, это стиль, завершённый и совершенный во всех своих частях, очевидно, результат длительного опыта и непрерывного художественного развития. С этого момента она прогрессирует в течение одного или двух столетий к большему богатству, но при этом теряет чистоту и совершенство, которых достигла в более ранний период, и с этой кульминационной точки ее нисходящий прогресс можно проследить на многочисленных примерах до наших дней. Однако, когда мы пытаемся проследить его восходящий прогресс, дело обстоит совершенно иначе. Генерал Каннингем недавно нашел несколько джайнских статуй в Муттре, на которых, по-видимому, указаны даты 99 и 177 г.н.э. ^[248] Если это так, то это самый ранний материальный след джайнизма, который еще был обнаружен, и они, должно быть, были связаны со зданиями, которые еще могут вознаградить исследователя. С этого времени и до 11 века у нас есть только фрагменты храмов неопределенного происхождения и даты, и все в настолько разрушенном состоянии, что они вряд ли помогут нам в наших исследованиях. И все же мы не можем сомневаться в том, что джайны действительно существовали в Индии и действительно строили храмы в течение всего этого периода, и открытие некоторых из них еще может вознаградить трудолюбие какого-нибудь будущего исследователя.

Между тем кажется вполне очевидным одно: религии буддистов и джайнов были настолько похожи друг на друга как по своему происхождению, так и по своему развитию и доктринам, что их архитектура также должна была когда-то быть почти одинаковой. Вследствие этого, если бы мы могли проследить джайнское искусство примерно с 1000 года, когда мы практически впервые с ним познакомились, до 600 или 700 года, когда мы теряем буддийское искусство из виду, мы, вероятно, обнаружили бы, что они очень похожи. Или, с другой стороны, если бы мы могли проследить буддийское искусство с A.D. 600 to A.D. 1000 г. н.э., мы, вероятно, обнаружили бы, что оно развивалось во что-то очень похожее на храмы на горе Абу и в других местах того периода времени.....

Сильное предположение о том, что архитектура двух сект была схожей, проистекает из того факта, что их скульптуры были настолько идентичны, что не всегда легко отличить, что принадлежит одной, а что другой; и во всех случаях требуется некоторый опыт, чтобы легко это сделать. Тиртханкары обычно изображаются сидящими в той же позе со скрещенными ногами, что и Будда, с теми же вьющимися волосами и тем же бесстрастным созерцательным выражением лица. Однако там, где можно распознать эмблемы, сопровождающие джайнских святых, этой трудности не существует. Другой, но менее определенный критерий возникает из того факта, что джайнские святые обычно изображаются обнаженными — дигамбарами, или облаченными в Небо, которые в древние времена, по-видимому, были самой многочисленной сектой, хотя другое подразделение, или светамбары, или облаченные в Белые одежды, были одеты во многом как буддисты. Следовательно, когда представитель этого класса представлен обнаженным, можно, конечно, предположить, что он принадлежит к секте джайнов, но обратное ни в коем случае не является столь несомненным. Если он одет, то может принадлежать и тому, и другому, и, как следствие, часто бывает трудно отличить позднебуддийские барельефы и скульптуры раннего джайна.

Насколько мы можем в настоящее время видеть, наиболее обнадеживающим источником информации о джайнской архитектуре, по-видимому, являются разрушенные монастыри страны Гандхара (Гравюры на дереве № [92](#), [93](#), [96](#)). Квадратный или многоугольный двор этих вихар,

окруженный ячейками с изображениями, есть во всех джайнских храмах. Квадратный или круглый алтарь, или место поклонения, легко может рассматриваться как прототип Сикры, окруженной кельями джайнов; и в целом эти вихары, хотя, вероятно, относятся к четвертому или пятому веку нашей эры, больше похожи на храмы в Абу и Гирнаре, чем на что-либо промежуточное. Действительно, с каждым днем становится все более очевидным, что вследствие того, что наши знания о буддийской архитектуре черпаются почти исключительно из образцов, высеченных в скалах, мы упускаем многое из того, что, если бы было получено из структурных зданий, вероятно, решило бы эту проблему среди других проблем, которые сейчас ставят нас в тупик.

Те же замечания в равной степени применимы и к джайнским пещерам. Те, что находятся в Эллоре и Бадами, не помогают нам в нашем исследовании, потому что они не являются копиями структурных зданий, а являются имитацией высеченных в скалах образцов индусов, которые выросли в свой собственный стиль, отличный от стиля структурных сооружений. Они, находясь между буддийским и джайнским стилями, разделяют их так же полностью, как если бы не существовало примеров, и мешают нам проследить какую-либо связь, которая могла существовать между двумя формами искусства.

Самый ранний намек на двенадцатиколонный купол, подобный тем, которые повсеместно использовались джайнами, находится в гробнице в Милассе, [\[249\]](#), вероятно, относящийся к 4 веку. Второй намек найден в большой пещере в Баге ([Гравюра на дереве № 87](#)) в 6 или 7 веке, и нет никаких сомнений в том, что другие будут найдены, если их поискать — но где? В долине Ганга и везде, где магометане селились в большом количестве, было бы напрасно искать их. Эти фанатики сочли стройные и элегантные колонны и богато украшенные резьбой горизонтальные купола джайнов настолько подходящими и так легко переделанными для своих целей, что они использовали все, что хотели не разрушить. Великие мечети Аджира, Дели, Кануджа, Дхара и Ахмедабада - все это просто реконструированные храмы джайнов. Однако ни в одном из них нет ничего, что, по—видимому, относилось бы к очень отдаленному периоду - фактически ничего, что можно было бы перенести во времена, далекие от 1000 года, если вообще можно было отнести к нему. Поэтому мы должны продолжать искать причину их потери.

Как упоминалось во введении, занавес опускается над драмой истории Индии примерно в 650 году или чуть позже, и на протяжении трех столетий у нас есть лишь самые слабые намеки на то, что происходило в ее пределах. Гражданские войны, кажется, бушуют повсюду, и религиозные преследования самого безжалостного рода. Когда занавес снова поднимается, перед нами предстает совершенно новая сцена и новые действующие лица. Буддизм полностью исчез, за исключением одного уголка Бенгалии, джайнизм занял его место по всему западу, а вишнуизм узурпировал его наследие на востоке. На юге массами людей была принята религия Шивы, и все эти три религии приняли новые и сложные формы в результате усвоения местных суеверий и сильно отличались от более простых форм более ранних верований. У меня сложилось впечатление, что именно в течение этих трех столетий неправильного правления исчезли более поздние храмы и вихары буддистов и более ранние храмы джайнов; и, следовательно, в нашей истории образовался пробел, который может быть заполнен новыми открытиями в отдаленных местах, [\[250\]](#) но который в настоящее время отделяет эту главу от предыдущей таким образом, что размышлять об этом отнюдь не приятно.

ГЛАВА II.

КОНСТРУКЦИЯ.

Содержание.

Arches—Domes—Plans—Sikras.

АРКИ.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ перейти к описанию устройства джайнских или индуистских храмов, для большей ясности дальнейшего, возможно, стоит сначала объяснить особые способы возведения арок и куполов, которые они неизменно использовали.

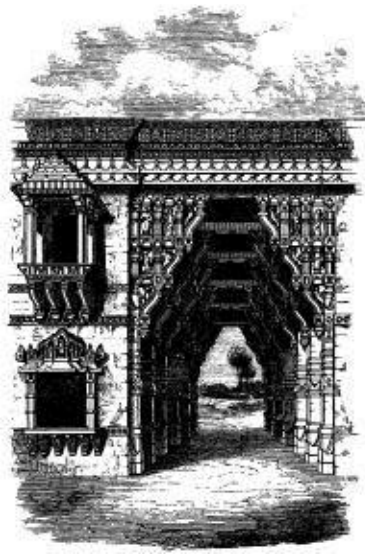
Как отмечалось выше, хотя мы не можем утверждать с абсолютной уверенностью, что буддисты никогда не использовали настоящую арку, в этом, по крайней мере, можно быть уверенным — что в Индии до сих пор не найдено ни одного примера конструкции и что все арочные или круглые формы, найденные в пещерах, без единого исключения являются копиями деревянных форм и нигде даже не имитируют каменные конструкции. С индусами и джайнами дело обстоит иначе: они используют каменные арки и каменные купола, которые вовсе не скопированы с деревянных форм; но это неизменно горизонтальные арки, которые никогда не были сформированы или предназначены для формирования с расходящимися потолками.

Говоря о пеласгическом искусстве, уже объяснялось, ^[251] насколько распространены были эти формы в Древней Греции и Малой Азии и как долго они продолжали использоваться даже после того, как принципы истинной арки были в совершенстве поняты. Однако в Индии приверженность этой форме строительства еще более примечательна. Как причудливо выражаются индусы, “арка никогда не спит”; и это правда, что расходящаяся арка действительно содержит в себе *vis viva*, которая всегда стремится выставить свои задние части наружу и доходит далеко до окончательного разрушения любого здания, где она используется: в то время как горизонтальные формы, используемые индусами, находятся в устойчивом равновесии и, если их не нарушить насильем, могут оставаться таковыми вечно.

Не может быть никаких сомнений в том, что индусы довели свой ужас перед аркой до крайности, что часто приводило их к худшим ошибкам на другой стороне. Например, в городских стенах, где с обеих сторон имеется слишком много опор для противодействия любому толчку, горизонтальный принцип совершенно неуместен. Если мы возьмем, к примеру, одни из городских ворот в Биджанагуре ([Гравюра на дереве № 108](#)), мы не можем не заметить, что при гораздо меньших размерах камней и меньших трудозатратах можно было бы получить гораздо более прочную конструкцию, если бы стена с обеих сторон оставалась целой. Чего опасались индусы, так это того, что если бы стена была разрушена, как мы это видим сейчас, арка упала бы, хотя горизонтальные слои все еще остаются на своих местах.

108. Вид на городские ворота, Биджанагур. (С фотографии.)

109. Врата, Джинджуварра. (Из "Рас Мала" Кинлоха Форбса.)

Вместо непрерывной скобки, подобной той, что показана в последнем примере, более обычной формой, по крайней мере в наше время, является форма нескольких отдельных скобок, расположенных на небольшом расстоянии одна от другой. При умеренном употреблении это более приятная форма из двух, и в южной Индии она обычно используется с большим успехом. На севере они склонны преувеличивать это, как в "воротах из Джинджуварры" в Гуджерате ([Гравюра на дереве № 109](#), стр. 211), когда это становится неприятным, хотя и исключительно характерным для стиля.

Именно этот горизонтальный или скобчатый способ строительства является формирующим принципом дравидийского или южного стиля индуистской архитектуры, каждая форма и каждый орнамент почти полностью зависят от него. Однако на севере другое развитие того же принципа можно найти в горизонтальном куполе, который неизвестен на юге, но который придал новый характер стилю и, как одна из его самых красивых особенностей, требует несколько подробного объяснения.

КУПОЛА.

Следует сожалеть, что, хотя так много написано об истории стрельчатой арки, так мало следовало сказать об истории куполов: первое является простой конструктивной особенностью, без которой вполне можно было бы обойтись; другое является самой благородной чертой в стилях, в которых оно преобладает, и, возможно, самым важным приобретением, которым наука обогатила архитектурное искусство.

Так называемые сокровищницы Микен и Орхомена, а также камеры в этрусских гробницах доказывают, что еще за десять или двенадцать веков до Рождества Христова пеласги научились искусству облицовки круглых камер каменными сводами, построенными не так, как мы, с расходящимися сводами, по принципу общей арки, а из последовательных слоев камней, сходящихся в точку и закрываемых сверху одним большим камнем.

Кто бы ни изобрел настоящую, или лучистую, арку, римляне были первыми, кто применил ее как обычный и существенный архитектурный элемент, и кто в то же время внедрил в архитектурное строительство ее дополнение - лучистый купол; в какой период сейчас неизвестно. Самый ранний пример, Пантеон, также является самым прекрасным и большим; но мы полностью упустили из виду бесчисленные этапы, по которым архитекторы, должно быть, медленно продвигались к столь смелому эксперименту.

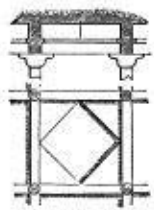
Однако между этими двумя классами куполов существует огромная разница, которую необходимо иметь в виду, чтобы понять нижеследующее.

Римская арка и римский купол всегда строятся ([Гравюра на дереве № 110](#)) по принципу вуссуаров, или усеченных клиньев, расходящихся лучами от центра. Это позволило римлянам покрыть своими куполами гораздо большие пространства, чем, возможно, было возможно по горизонтальному принципу; но это было сопряжено с неудобствами, связанными с сильными боковыми толчками, которые постоянно имели тенденцию раскалывать купол и разрывать здание на куски, и требовали огромных и массивных опор для противодействия их разрушительной энергии.

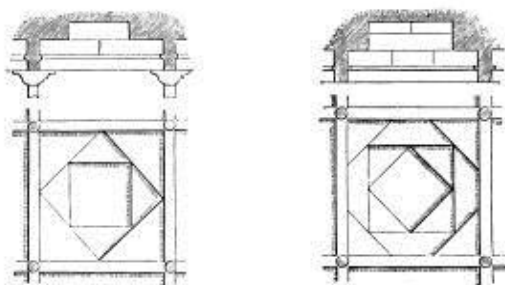
110. Лучистая арка. 111. Горизонтальная арка.

Индийский или горизонтальный купол никогда нельзя сделать круглым в сечении, за исключением случаев использования в наименьшем масштабе, но почти всегда он имеет форму более или менее заостренную ([Гравюра на дереве № 111](#)). Со времени строительства Микенской сокровищницы^[252] до рождения Христа у нас есть довольно полная серия арок и сводов, построенных по этому принципу, но несколько куполов, собственно так называемых. После христианской эры первый пример найден в уникальной гробнице в Милассе,^[253] недалеко от Галикарнаса,^[254] где купол демонстрирует все особенности конструкции, встречающиеся в джайнских храмах Индии. После этого мы теряем нить его истории, пока форма не появляется вновь в подъездах, подобных тем, что были построены в 11 веке на горе Абу, где это совершенно устоявшаяся архитектурная особенность, которая, должно быть, практиковалась задолго до того, как ее можно было использовать в том виде, в каком мы находим ее в этом здании. Сможем ли мы когда-нибудь восстановить утраченные звенья в этой цепи, более чем сомнительно, но для истории искусства это было бы очень интересно, если бы это было возможно сделать. В то же время нетрудно объяснить конструктивные шаги, с помощью которых сейчас достигается эта цель в Индии. Они также могут пролить некоторый свет на историю изобретения, хотя это, конечно, не поддается прямому доказательству.

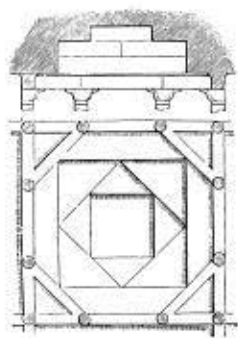
112. Схема устройства кровли.

Самый простой способ перекрытия небольшого квадратного пространства, поддерживаемого четырьмя столбами, - это просто проложить архитрав или каменную балку от каждого столба и закрыть промежуточное отверстие простой каменной плитой. Однако, если не доступны плиты больших размеров, то очень скоро этот способ строительства достигнет предела. Поэтому следующим шагом является уменьшение площади центрального пространства, которое должно быть покрыто, путем обрезки его углов; это делается с помощью треугольных камней, размещенных в каждом углу квадрата, как на гравюре на дереве № 112, таким образом, используется пять камней вместо одного. Таким образом, размер центрального камня остается прежним, сторона квадратного пространства, покрытого таким образом крышей, увеличивается в соотношении десять к семи, а фактическая площадь удваивается. Следующим шагом в этом процессе ([Гравюра на дереве № 113](#)) является использование трех ярусов и девяти камней вместо двух ярусов и пяти камней, что увеличивает площадь крыши в четыре раза. Таким образом, если центральный камень имеет высоту 4 фута, при втором способе перекрытие пространства составит около 5 футов 8 дюймов; при третьем - 8 квадратных футов; при четвертом способе ([гравюра на дереве № 114](#)) — с четырьмя ярусами и тринадцатью камнями — площадь перекрытия может составлять 9 или 10 футов, всегда предполагая, что центральный камень остается квадратным 4 фута. Все эти формы все еще используются в настоящее время в Индии, но с четырьмя столбами процесс редко заходит дальше этого; однако с другим ярусом и восемью столбами (как показано на гравюре на дереве № 115) его можно продвинуть на шаг дальше — точно в той степени, в какой это сделано в упомянутой выше гробнице в Милассе. В этом, однако, как и во всех экземплярах восьмиугольных куполов в этом стиле, вместо того, чтобы оставлять восьмиугольную форму как таковую, по углам всегда стоят четыре внешних столба, так что сохраняется квадратная форма с двенадцатью столбами, из которых восемь внутренних можно рассматривать как простые вставки для поддержки длинного архитрава между четырьмя угловыми столбами.

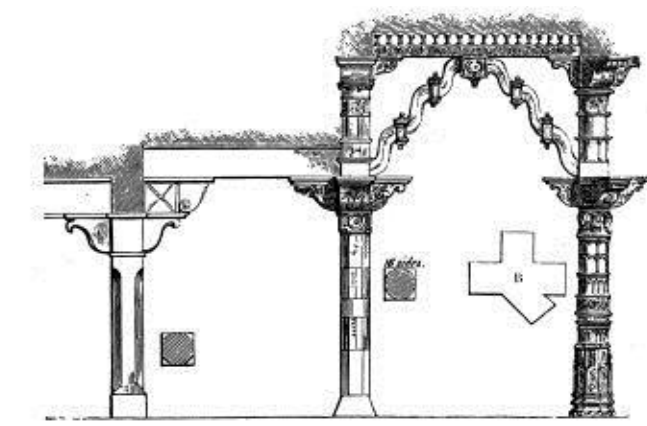
113. Схемы устройства кровли. 114.

115. Схема устройства кровли.

Очевидно, что здесь мы снова подходим к пределу, дальше которого мы не можем продвинуться, не используя большие и удлиненные камни. Иногда это удавалось сделать, обрезав углы восьмиугольника и сделав нижний ряд из шестнадцати сторон. Когда это было сделано, возникла неловкость при возвращении к квадратной форме. Этого удалось избежать во всех известных мне примерах, приняв круговые курсы для всего вышеперечисленного с шестнадцатью сторонами. Во многих случаях нижний ряд с шестнадцатью сторонами вообще опущен, а круги размещены непосредственно на восьмиугольнике, как в храме в Вимала Сах ([Гравюра на дереве № 130](#), стр. 236). Трудно сказать, как далеко можно было бы конструктивно продвинуть эту систему без опасности ослабления. Индийские купола редко превышают 30 футов в диаметре, но это, возможно, возникло скорее из-за трудности получения архитравов длиной более 12 футов или 13 футов для поддержки боковых сторон, чем из-за невозможности построить сами по себе купола большего диаметра. Эта последняя трудность была в некоторой степени преодолена благодаря системе скобок, с помощью которой более половины опоры архитрава было перекинута на капитель колонны, как показано на гравюре на дереве № 116. Конечно, этот метод мог быть применен в любой степени, так что для большого купола было бы достаточно очень короткого архитрава; но можно ли было бы сделать это с элегантностью - другой вопрос. Индейцы, похоже, так не думали; по крайней мере, насколько я знаю, они никогда не доводили это до какой-либо степени. Однако вместо скобок иногда использовали распорки, как показано на гравюре на дереве № 116, но сомнительно, что это когда-либо можно было сделать действительно полезным конструктивным приемом в каменной архитектуре.

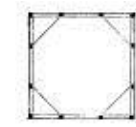
116. Схема индийского строительства.

Б. Форма капители-кронштейна в углу восьмиугольного купола.

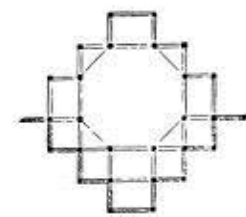
Большим преимуществом, которое можно извлечь из только что описанного способа возведения куполов, была возможность устанавливать их на колоннах, не опасаясь бокового толчка свода. Римляне никогда даже не пытались этого сделать, но всегда, так сказать, опускали

свои своды до земли или, по крайней мере, могли возводить их только на больших цилиндрах, которые ограничивали пространство со всех сторон. Византийские архитекторы, как мы видели, срезали большую часть основания, но, тем не менее, так и не смогли избавиться от огромных тяжелых опор, которые они были вынуждены использовать для поддержки своих куполов, и во все века были вынуждены использовать либо тяжелые опоры снаружи, либо загромождать свои интерьеры массивной кладкой, чтобы в значительной степени пожертвовать либо внешним эффектом, либо внутренним удобством своих зданий ради конструктивных требований своих куполов. В Индии такого никогда не было; все давление было вертикальным, и для обеспечения устойчивости требовалась только достаточная прочность опоры, чтобы выдержать направленное вниз давление массы — преимущество, важность которого нелегко переоценить.

Одним из последствий такого способа строительства было то, что все украшения индийских куполов были горизонтальными, или, другими словами, украшения располагались концентрическими кольцами, одно над другим, вместо того, чтобы располагаться вертикальными ребрами, как в римских или готических сводах. Такое расположение обеспечивает гораздо большее разнообразие, не ущемляя хорошего вкуса, и практически превратило некоторые индийские купола в самые изысканные образцы сложной кровли, которые только можно увидеть. Другим следствием такого способа строительства стало использование подвесок в центрах куполов, которые используются до такой степени, что удивили бы даже архитекторов эпохи тюдоров в нашей собственной стране. Однако для них подвеска была архитектурным *испытанием*, требующим большой конструктивной изобретательности и больших масс, чтобы уравновесить ее, и всегда имеет тенденцию разрушать здание, которое она украшает; в то время как индийская подвеска, напротив, только добавляет свой собственный вес к весу купола и не имеет другой пагубной тенденции. Его формы также, как правило, обладают легкостью и элегантностью, которые даже невозможно представить в готическом искусстве; он свисает с центра купола, больше похожий на блеск хрустальных капель, чем на сплошную массу мрамора или камня.

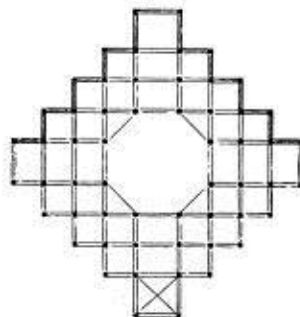
117. Схема расположения колонн джайнского купола.

118. Схема крыльца Джайны.

Как уже отмечалось, восемь колонн, поддерживающих купол, почти никогда не остаются сами по себе, основание делается квадратным за счет добавления еще четырех по углам. Есть много небольших зданий, построенных таким образом, всего с двенадцатью колоннами, как показано на прилагаемой схеме (№ [117](#)), но чаще добавляются еще две с каждой стороны, итого получается двадцать, как показано в верхней части прилагаемой схемы (№ [118](#)); или по четыре с каждой стороны, получается двадцать восемь; или снова по две перед этими четырьмя, или по шесть с каждой стороны, получается тридцать шесть; и та же система объединения продолжается до тех пор, пока количество колонн не достигнет пятидесяти шести ([Гравюра на дереве № 119](#)), что

является самым большим числом, которое я когда-либо видел вокруг одного купола; но любое количество этих куполов может окружать один храм или центральный купол, и, следовательно, их число можно умножать *до бесконечности*. Когда вводится такое большое количество колонн, как в последнем случае, обычно делают крайнее отделение на каждом лицевом квадрате и венчают его куполом меньшего размера. Это иногда, хотя и редко, делается даже с наименьшим числом.

119. Схема Джайнского крыльца.

Первым результатом такого расположения является то, что индусы получили необычайно разнообразные очертания в плане, создающие наилучшие эффекты света и тени при каждом изменении положения солнца. Другим результатом было то, что за счет подчеркивания выступающих и возвращающихся углов они создали те ярко выраженные вертикальные линии, которые придают готическим образцам такую высоту. Однако для достижения этой цели западные архитекторы были вынуждены использовать контрфорсы, башенки и другие конструктивные приемы. Индусы добились этого, изменив план, нигде не прерывая композицию. Эта форма контура также выражает внутреннее устройство крыльца лучше, чем это можно было бы сделать с помощью более простого контура в виде квадрата или круга, который обычно используется в Европе. Однако самым большим его достоинством является то, что длина больших проходов точно пропорциональна их относительной ширине по сравнению с длиной нижележащих проходов. Поскольку вход находится под углом, большой проход образует диагональ и, следовательно, находится в соотношении 10 к 7 по сравнению с тем, что было бы, если бы вход находился в центре боковой части, где мы обычно его размещаем. С появлением восьмиугольного купола в центре такая же пропорция (правильно 707 к 1000) преобладает между центральным и боковыми нефами, и это, опять же, пожалуй, самое приятное, что когда-либо было введено. В готических церквях главные нефы обычно в два раза шире боковых, но они также в два раза выше, что восстанавливает пропорции. Здесь, где высота всех предметов одинакова или почти одинакова, этой градации достаточно, чтобы придать разнообразие и отметить относительную важность частей, при этом одна не пересиливает другую, и ни одна из них не кажется ни слишком широкой, ни слишком узкой.

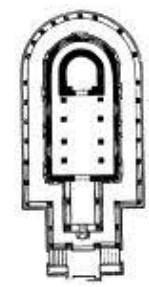
Тем, кто никогда не видел здания только что описанного класса, конечно, трудно судить о эффекте этих приспособлений; и они редко применялись в Европе. Есть, однако, одно здание, в котором они были использованы в значительной степени случайно и которое обязано всей своей красотой тому, как оно соответствует вышеописанному устройству. Это здание - церковь Святого Стефана сэра Кристофера Рена в Уолбруке. Внутренне его главной особенностью является купол, поддерживаемый восемью колоннами, с еще четырьмя по углам, и два основных прохода, пересекающих здание под прямым углом, с меньшими квадратными отсеками с каждой стороны. Эта церковь - шедевр великого архитектора, но она была бы значительно улучшена, если бы ее сходство с индуистским притвором было более полным. Необходимость ограничивать купол и проходы четырьмя стенами сильно ухудшает эффект по сравнению с индийскими образцами. Даже индийский план устройства кровли, описанный выше, мог бы быть использован в таком

здании с гораздо меньшими затратами и меньшей конструктивной опасностью, чем готический свод такой же протяженности.

ПЛАНЫ.

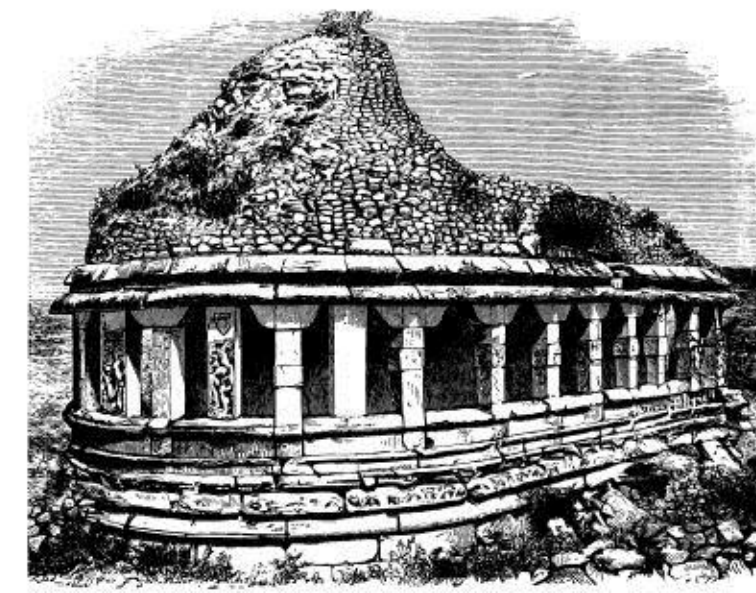
До настоящего времени в Индии был обнаружен только один храм, который дает нам хотя бы намек на то, как планы буддийских залов Чайтйи были преобразованы в планы джайнских и индуистских храмов. Однако, к счастью, его свидетельства настолько убедительны, что на этот счет может быть очень мало сомнений. Храм, о котором идет речь, расположен в деревне Айвулли, в Дхарваре, на западе Индии, недалеко от места, где, как предполагается, находилась первоначальная столица правителей Чалукьян, и недалеко от пещер Бадами, с одной стороны, и храмов Питтадула, с другой. О его дате свидетельствует надпись на внешних воротах, содержащая имя Викрамадитьи Чалукьи, который, как мы знаем из надписей, определенно умер в 680 году н.э., и с меньшей уверенностью можно сказать, что он начал править в А.Д. 650 году н.э. ^[255] Сам храм, возможно, немного старше, но последнее справедливо можно рассматривать как среднюю дату, отражающую его возраст. Таким образом, это не только самый старый храм, о котором известно, что он существует в западной Индии, но фактически единственный из пока обнаруженных, о котором можно с уверенностью сказать, что он был возведен до великого катаклизма начала VIII века.

Мистер Берджесс придерживается мнения, что изначально она была посвящена Вишну, ^[256] но это кажется не совсем понятным. Среди тех, кто когда-то украшал его, безусловно, есть фигуры джайнов; ^[257] и, похоже, фактом является то, что, хотя джайны допускали Шиву, Вишну и всех богов индуистского пантеона в свои храмы, нет никаких свидетельств обратного процесса. Индуисты никогда не признавали людей-тиртханкаров джайнов среди своих богов. Однако, к счастью, его первоначальное посвящение не имеет большого значения для наших нынешних целей. Религии джайнов и вайшнавов, как указывалось выше (стр. 40), были в те дни и долгое время после них настолько похожи, что провести различие между ними было невозможно. ^[258] Кроме того, эпоха, когда был возведен этот храм, была эпохой терпимости в Индии. Китайский путешественник Хуен Тхан оставил нам самое яркое описание большого пятилетнего фестиваля, на котором он присутствовал в Аллахабаде в 643 году н.э., на котором председательствовал великий царь Силадитья, раздававший милостыню и почести поочередно буддистам, брахманам и еретикам всех классов, собравшимся там десятками тысяч, и, похоже, не испытывавшим друг к другу зависти или соперничества, которое привело бы, по крайней мере, к каким-либо беспорядкам. ^[259] Это было накануне беспорядков, которые привели к самым ожесточенным столкновениям, но до того времени у нас нет ни следов разногласий между сектами, ни каких-либо оснований полагать, что не все они использовали похожие здания для своих религиозных целей, лишь с такими незначительными изменениями, каких могли потребовать их различные формулы ([Гравюра на дереве № 120](#)).

120. Старый храм в Айвулли. (С плана мистера Берджесса.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

Как бы то ни было, любой, кто сравнит план чайтьи в Санчи ([гравюра на дереве № 40](#)), который, безусловно, буддийский, с планом этого храма в Айвулли, который является либо джайнским, либо вайшнавским, вряд ли сможет не заметить, насколько почти идентичными они должны были быть в завершенном виде. Следует отметить, что в обоих случаях апсида является цельной, и, по-видимому, так всегда было в отдельно стоящих конструкциях чайтьев. По крайней мере, во всех примерах, высеченных в скале, насколько известно, колонны вокруг апсиды отличаются от тех, что отделяют неф от проходов; у них никогда не бывает капителей или оснований, и они являются просто импровизированными сооружениями. Из-за особенностей их расположения в скале свет не мог проникать в проход за апсидой снаружи, но должен был быть позаимствован спереди, и, следовательно, сплошная апсида была недопустима; но в отдельно стоящих примерах, таких как в Айвулли, было легко установить окна там или где угодно. Потребовалось еще одно изменение, когда из апсиды, приютившей святыню-реликвию, она превратилась в келью с изображением бога; тогда была необходима дверь, а также утолщение стены, когда это было необходимо. на ней должна была быть башня или сикра, чтобы обозначить положение целлы снаружи. За исключением веранды, другие изменения, внесенные в период между возведением этих двух примеров, являются лишь такими, которые потребовались для приспособления точек опоры в храме для несения тяжелой каменной крыши вместо легкой деревянной надстройки буддийской чайтьи. ([Гравюра на дереве № 121.](#))

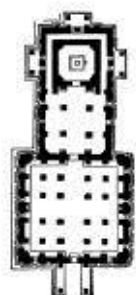

121. Храм в Айвулли. (С фотографии.)

Возможно, это вопрос, который нелегко разрешить при нынешнем состоянии наших знаний, были ли у буддийских чайтьев веранды, как в примере с Айвулли, или нет. Примеры, вырезанные в скалах, естественно, не дают нам никакой информации по этому вопросу, но, учитывая их чрезвычайную уместность в том климате, определенно можно предположить, что у них был этот придаток, по крайней мере, иногда, если не всегда.

Если от этого храма в Айвулли мы перейдем к соседнему храму в Питтадкуле, построенному, вероятно, парой столетий позже, мы обнаружим, что перешли границу, отделяющую древнюю архитектуру Индии от средневековой, по крайней мере, в том, что касается планов ([Гравюра на дереве № 122](#)). Круглые формы буддистов полностью исчезли, и келья стала основанием квадратной башни, какой она оставалась всегда после этого. Неф чайтьи превратился в четко очерченную мантапу, или крыльцо, расположенное перед кельей, но отличное от нее, и эти две особенности в бесконечном разнообразии форм и с различными второстепенными дополнениями являются существенными элементами планов джайнских и индуистских храмов всех последующих эпох.

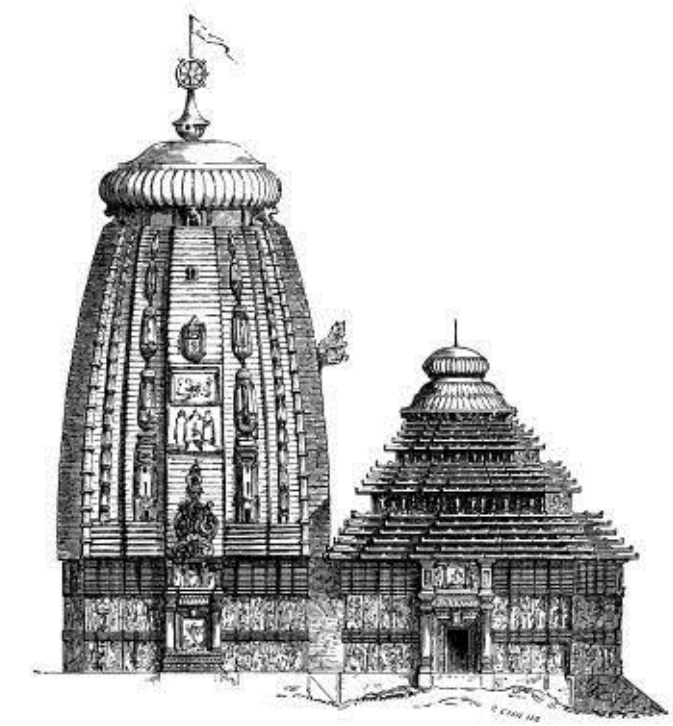

122. План храма в Питтадкуле. (С плана мистера Берджесса.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

Дорожка для процессий вокруг кельи, называемая Прадакшиной, как и дорожка вокруг апсиды, оставалась в течение нескольких столетий обычной, но не универсальной особенностью. Веранда исчезла. В камере без окон она была бесполезна, а портики с колоннами сами по себе обеспечивали все необходимые элементы укрытия или тени.

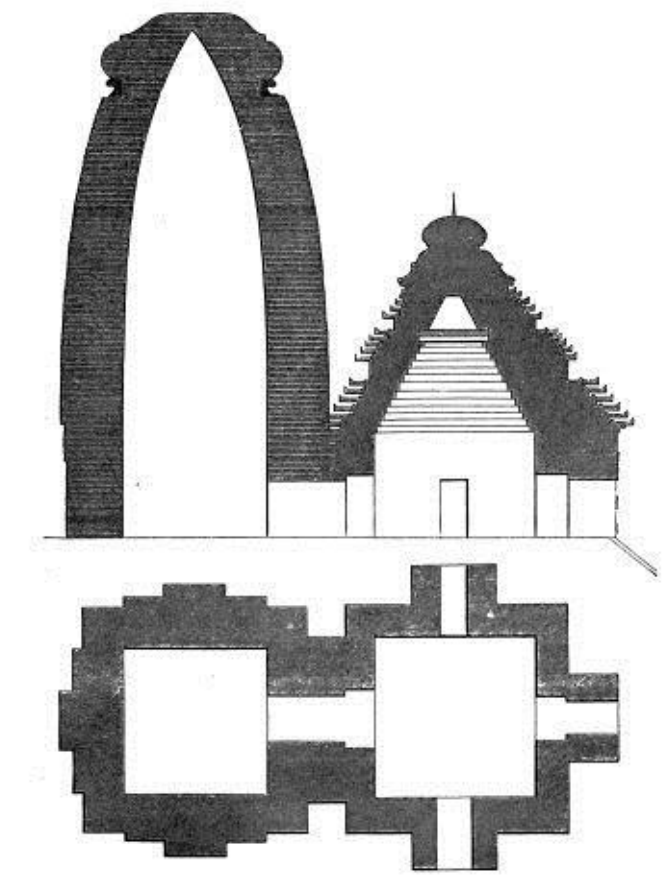
СИКРЫ.

Есть еще одна особенность, общая как для джайнской, так и для индуистской архитектуры севера Индии, на которую необходимо обратить внимание, прежде чем переходить к описанию конкретных примеров. Это форма башен или шпилей, называемых Сикрами, или Виманами, которые неизменно возвышаются над ячейками, в которых размещены изображения. Вероятно, правильно утверждать, что изображения тиртханкаров или индуистских божеств неизменно помещаются в квадратные, обычно кубические ячейки небольшого размера, и что свет в эти ячейки поступает только из дверного проема. Также кажется неизменным правилом, что наличие и положение камеры должно быть обозначено снаружи башней или шпилем, и что эти башни, хотя и квадратные или почти квадратные в плане, должны иметь криволинейные очертания по высоте. Если башня в Будд-Гайе (*ante*, стр. 70) сохраняет неизменной первоначальную форму, приданную ей при возведении в 5 или 6 веке, это изречение неприменимо к буддийской архитектуре. Однако, поскольку это пока единственная буддийская сикра, вряд ли справедливо делать какие-либо однозначные выводы из одного-единственного примера, в то время как с джайнскими или индуистскими башнями я не знаю исключений. Возьмем, к примеру, башню, представленную на следующей гравюре на дереве (№ [123](#)), которая претендует на то, чтобы быть возвышением знаменитой Черной пагоды в Канаруке в Ориссе, и может рассматриваться как типичный образец стиля, для которого ее можно рассматривать как образец средней руки. Верхняя часть башни в некоторой степени нависает над ее основанием. Он загибается внутрь, к вершине, и увенчан тем, что называется Амалакой из-за его предполагаемого сходства с одноименным плодом - *Phyllanthus emblica*. Это, однако, безусловно, ошибка. Если бы было сказано, что он скопирован с дыни или любой другой большой тыквы, разделенной снаружи на косточки, — если таковые имеются, — есть несколько ранних примеров, которые, казалось бы, подтверждают такую идею; но *филлант* настолько незначительная ягода, что ее вряд ли когда-либо использовали в качестве архитектурного образца. Кроме того, его своеобразная зазубренная форма часто встречается в старых примерах как своего рода блокирующий ход, разделяющий сикры по горизонтали на множество небольших отсеков, и кажется, что то, что используется там в прямой форме, использовалось в качестве круглого орнамента на вершине. Это очень красивое архитектурное решение, и, насколько я могу судить, оно было принято только потому, что так оно и было, и ярко контрастировало с плоскими орнаментами, с которыми оно использовалось. В настоящее время мы, по-видимому, не в состоянии объяснить его происхождение или происхождение множества других деталей, которые часто встречаются в индуистской архитектуре.

123. Восстановленное возвышение Черной пагоды в Ранаруке.
(С рисунка автора.) Масштаба нет.

Каким бы ни было его происхождение, эта амалака обычно увенчана плоским куполом обратной кривизны, в центре которого возвышается кулус, или вершина, в форме вазы, как правило, очень красивого и изящного дизайна.

124. Схема плана и разреза Черной пагоды в Канаруке, разработанная для объяснения строительства индуистских храмов.

Главный и, на первый взгляд, озадачивающий вопрос заключается в том, от какого оригинала происходит это любопытное сочетание форм? Он не похож ни на что, найденное где-либо за пределами Индии, и не похож ни на одну из известных нам утилитарных форм в Индии. Его нельзя вывести из куполообразных форм вершин. Они имеют круглую форму как в плане, так и по высоте. Сикры прямолинейны в плане, и их сечение никогда не является сегментом круга; оно не происходит от каких-либо многоэтажных зданий, как сикры или виманы дравидийской архитектуры юга Индии, которые, несомненно, были скопированы с многоэтажных вихар буддистов, и мы не можем представить себе ни одного класса бытовых построек, которые могли бы послужить моделью, по которой они могли бы быть разработаны. Одна любопытная вещь, которую мы знаем, заключается в том, что все древние крыши в Индии, независимо от того, изображены ли они на барельефах или скопированы в пещерах, были неизменно криволинейными - обычно круглыми или, скорее, угловатыми — с добавленным снаружи гребнем для отвода дождя от этой самой слабой части; но ни на одном барельефе или картине нет и намека на какое-либо здание, подобное этим сикрам.

Еще одно любопытное и сбивающее с толку обстоятельство, касающееся сикров, заключается в том, что когда мы впервые встречаемся с ними, например, в Бхуванешваре, или в Бенгальском заливе, или в Питтадуле в VII веке, на западном побережье Индии, стиль является законченным и устоявшимся во всех его частях. Никаких колебаний не было ни тогда, ни с тех пор. В течение двенадцати или тринадцати столетий, прошедших с момента возведения этих самых ранних известных образцов, они становились все более и более утонченными, пока не стали почти такими же остроконечными, как готические шпили, и степень их ослабления не является плохим показателем их возраста; но они никогда не менялись ни в одной существенной черте дизайна. Все детали, найденные в самых старых образцах, сохранены в самых последних, и их легко узнать в зданиях нынешнего века.

Единственная гипотеза, которая кажется мне достаточной для объяснения этой особенности, - это предположить, что это была конструктивная необходимость. Если мы возьмем, к примеру, предполагаемый участок диаграммы ([Гравюра на дереве № 124](#), стр. 223), то будет видно, как легко очень высокая остроконечная горизонтальная арка, подобная арке Сокровищницы в Микенах ([гравюра на дереве № 122](#), том i), соответствовала бы ее внешней форме. В этом случае мы могли бы предположить, что башня в Буддх-Гайе имела прямолинейную форму, подобную той, что представлена на гравюрах на дереве № 128, 129, том i., в то время как индусы приняли более изящную криволинейную форму, которая, безусловно, была более распространена в глубокой классической древности,^[260] и, поскольку она найдена в Ассирии, возможно, достигла Индии в отдаленный период.

Эта гипотеза не объясняет ни изменения квадратной формы верхней части на круглую, ни ее своеобразного орнамента; но это может быть связано с тем, что у нас нет ни одного из более ранних примеров. Когда мы впервые встречаемся с формой либо в Дхарваре, либо в Ориссе, она завершена во всех своих частях и, очевидно, достигла этого состояния совершенства путем долгих стадий пробного опыта. Открытие некоторых более ранних примеров, чем те, которые мы знаем сейчас, может однажды рассказать нам, какими шагами была достигнута эта степень совершенства, но пока, я боюсь, мы должны довольствоваться только что изложенной теорией, которую в целом можно считать достаточной, по крайней мере, для нынешних целей.^[261]

ГЛАВА III.

СЕВЕРНЫЙ джайнский СТИЛЬ.

Содержание.

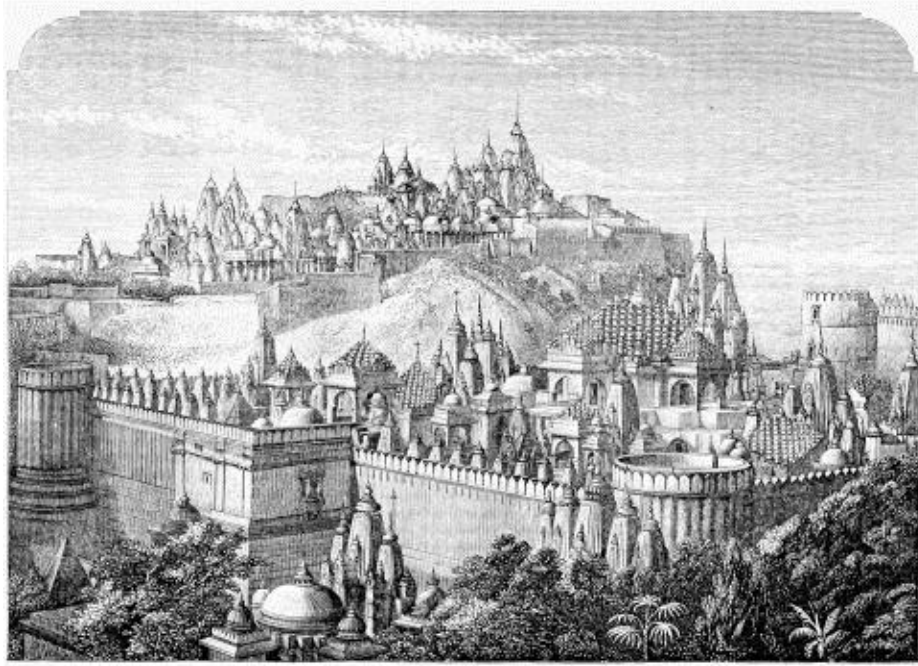
Палитана—Гирнар—Гора Абу—Париснатх—Гвалиор—Кхаджурахо.

ПАЛИТАНА.

ТНЕ Объединение их храмов в то, что можно назвать "Городами храмов", является особенностью, которую джайны практиковали в большей степени, чем последователи любой другой религии в Индии. Буддисты группировали свои ступы и вихары вблизи священных мест и вокруг них, как в Санчи, Маникьяле, Пешавуре и других местах; но они были разбросаны, и предполагалось, что каждая из них имеет особое значение или обозначает какое-то священное место. Индусы также группировали свои храмы, как в Бхуванешваре или Бенаресе, в большом количестве вместе; но во всех случаях, насколько нам известно, потому, что это были центры населения, которое верило в богов, которым были посвящены храмы, и хотело иметь их для целей своего поклонения. Однако ни одна из этих религий не располагает такой группой храмов, например, как в Сутрунджье, или Палитане, как его обычно называют, в Гуджерате, примерно в тридцати милях от Гого, на его восточном побережье ([Гравюра на дереве № 125](#)). Его еще не обследовали, и его храмы не были подсчитаны; но он занимает очень большое пространство, и его святилища сотнями разбросаны по вершинам двух обширных холмов и в долине между ними. Те, что побольше, расположены в туках, или отдельных вольерах, окруженных высокими укрепленными стенами; те, что поменьше, тянутся вдоль тихих улиц. Несколько яти, или священников, спят в храмах и совершают ежедневные службы, и несколько слуг постоянно находятся там, чтобы содержать место в чистоте, что они делают с самым усердным вниманием, или кормить священных голубей, которые являются единственными обитателями этого места; но в стенах нет человеческих жилищ, так называемых в собственном смысле этого слова. Паломник или незнакомец поднимается утром и возвращается, когда совершает свои религиозные обряды или удовлетворяет свое любопытство. Он не должен есть или, по крайней мере, не должен готовить себе пищу на священном холме, и он не должен там спать. Это город богов, предназначенный только для них, а не для использования смертными.

Джайнские храмы и святыни, конечно, можно найти в городах и там, где есть достаточное количество приверженцев, чтобы содержать храм, как и в других религиях; но, помимо этого, джайны, кажется, едва ли не больше, чем какая-либо другая секта, осознали идею о том, что построить храм и поместить в нем изображение само по себе было в высшей степени похвальным поступком, совершенно независимо от того, был ли он полезен кому-либо из их единоверцев.

125. Священный холм Сутрунджа, недалеко от Палитаны.

Строительство храма для них - это молитва в камне, которая, по их мнению, в высшей степени приемлема для божества и, вероятно, принесет им пользу как здесь, так и в будущей жизни.

Именно из-за того, что джайны в большей степени, чем другие индийские секты, верят в эффективность строительства храмов как средства спасения, их архитектурные достижения имеют гораздо большее отношение к их численности, чем у представителей других религий. Возможно также, что девять из десяти, или девяносто девять из ста, джайнских храмов являются подарками отдельных богатых людей среднего класса, что эти здания, как правило, невелики и лишены того величия пропорций, которое отличает здания, возведенные по королевскому приказу или принадлежащие важным организованным сообществам. Однако, возможно, именно из-за этого их здания отделаны более тщательно, чем здания, имеющие более важное государственное значение. Когда богатый человек из того класса, который строит эти храмы, желает потратить свои деньги на такой объект, он с гораздо большей вероятностью испытает удовольствие от тщательно продуманных деталей и изысканной отделки, чем от великой чистоты или величия замысла.

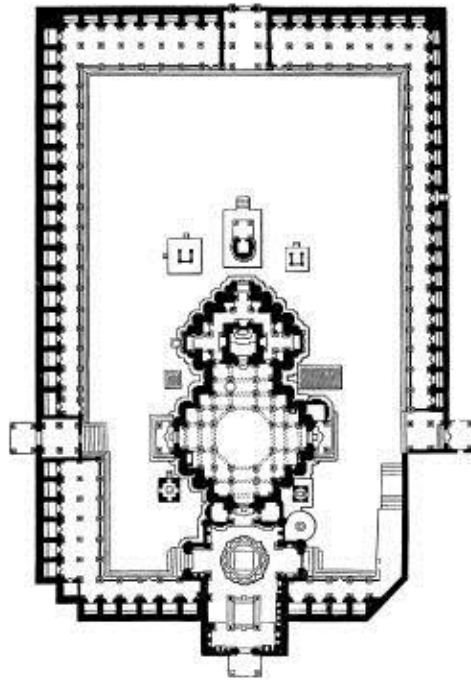
Все эти особенности обнаруживаются в Палитане в более выраженной степени, чем почти в любом другом известном месте, и, к счастью для изучающих стиль, они пронизывают все эпохи, в течение которых он процветал. Некоторым храмам столько же лет, сколько 11 веку, и они довольно равномерно распределены за весь прошедший период вплоть до нынешнего столетия. Но самое большое количество и некоторые из самых важных возводятся сейчас или были возведены в нынешнем столетии или в память о живущих людях. К счастью, эти современные образцы ни в коей мере не позорят эпоху, в которую они созданы. Их скульптуры уступают по качеству, а некоторым деталям не хватает смысла и выразительности; но в целом они равны или почти равны средним образцам более ранних эпох. Именно это делает Палитану одним из самых интересных мест, которое можно назвать в честь изучающего архитектурное искусство философа, поскольку там он может увидеть различные процессы, с помощью которых в средние века создавались соборы, осуществлявшиеся в большем масштабе, чем почти где-либо еще, и более естественным образом. Наблюдая за методами, которым до сих пор следуют при проектировании зданий в этой отдаленной местности, мы начинаем понимать, как получается, что некультурный индус может подняться в архитектуре до такой степени оригинальности и совершенства, которая не была достигнута в Европе со времен Средневековья, но которую можно легко восстановить, следуя тем же процессам.

ГИРНАР.

Холм Гирнар на южном побережье Гуджерата, недалеко от Путтун Сомнатха, является еще одним святилищем джайнов, таким же священным, но несколько не таким модным в наше время, как в Палитане. Следовательно, ему нужно то ошеломляющее великолепие, проистекающее из количества и разнообразия зданий всех эпох, которыми заполнен этот город-храм. Кроме того, сами храмы в Гирнаре теряют большую часть своих видимых размеров из-за того, что расположены на склоне холма, возвышающегося на 3500 футов над уровнем моря и состоящего из гранитных скал, разбросанных в самом живописном беспорядке.

Хотя у нас нет Гирнар Махатмья, чтобы распространять басни и фальсифицировать даты, как это делается в Сутрунджье, у нас есть надписи в Гирнаре, которые доказывают, что в древние времена это, должно быть, было место огромной важности. На скале за городом, у его подножия, называемой *по преимуществу* Джунагар — Старый форт — Ашока, 250 г. до н.э. вырезал копию своих знаменитых указов.^[262] На той же скале в А.Д. 151 году н.э. Рудра Дама, сахарский царь Саураштры, вырезал надпись, в которой он хвастался своими победами над Сат Карни, царем декхана, и записал, что он отремонтировал мост, построенный Маурьей Ашокой.^[263] Набережная озера Сударшана снова прорвалась и унесла этот мост, но была снова отремонтирована Скандой, последним из великих гуптов, в 457 году н.э.^[264] и другая надпись на том же камне фиксирует это событие.,,,

Можно было бы подумать, что место, где три таких царя сочли нужным записать свои деяния или провозгласить свои законы, должно было быть важным городом или местечком в то время; но то, что так характерно для Индии, происходит здесь, как и везде. Никаких материальных останков, свидетельствующих об этом факте, обнаружено не было.^[265] Нет никаких остатков древнего города, никаких храмов или руин, возраст которых может соответствовать возрасту надписей, и, если бы не их существование, мы не должны были бы знать, что это место было известно до 10 века. Правда, в Упаркоте есть несколько пещер, которые могут быть старыми; но они еще не были исследованы кем-либо, способным отличить древние предметы от современных, и до тех пор, пока они не будут посещены, их свидетельства недоступны.^[266] У меня сложилось впечатление, что они могут относиться к эпохе гуптов, которая была великой эпохой для раскопок пещер этого класса в Индии, но мы должны дождаться дополнительной информации, прежде чем принимать решение.

126. Храм Неминаты, Гирнар. (С плана мистера Берджесса.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

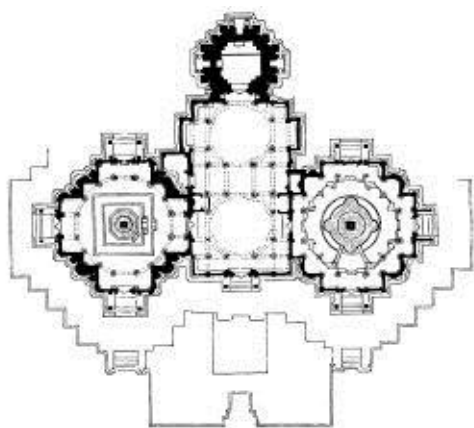
Основная группа храмов в Гирнаре, насчитывающая около шестнадцати, расположена на уступе примерно в 600 футах ниже вершины и, следовательно, все еще почти в 3000 футах над уровнем моря. Самым крупным и, возможно, также самым старым из них является картина Неминаты ([Гравюра на дереве № 120](#)). Надпись на нем гласит, что он был отремонтирован в 1278 году н.э., и, к сожалению, последующий реставратор наложил на него свою тяжелую руку, так что сейчас трудно понять, каким мог быть его первоначальный вид. К сожалению, это слишком часто случается с джайнскими храмами. Если индуистский храм или магометанская мечеть однажды заброшены и приходят в упадок, то после этого их никто никогда не ремонтирует, но материалы из них безжалостно используются для строительства нового храма или мечети в соответствии с новейшей модой того времени. С джайнами дело обстоит иначе. Если человек недостаточно богат, чтобы построить новый храм, он может, по крайней мере, восстановить старый, и поступок с ними кажется столь же похвальным, как это обычно считается у нас; но способ, которым они приступают к этому, обычно заключается в том, чтобы покрыть всю внешнюю часть толстым слоем чунама, заполнить и скрыть все детали и оставить только контур. Интерьер, как правило, украшают повторяющимися слоями побелки, что разрушительно для художественного эффекта, но не настолько непоправимо.

Однако план и очертания, как правило, остаются такими, какими они были изначально возведены, и именно так обстоит дело с храмом Немината. Он стоит во внутреннем дворе размером 195 на 130 футов по всей внешней поверхности. В самом храме есть два крылечка, или мантапаса, одно из которых индуистские архитекторы называют Маха Мантапой, другое Ардха Мантапой, ^[267] хотя не совсем ясно, к какому из двух следует применять термин Маха, или великий, в данном случае; я бы сказал, внутренний, хотя это, конечно, не тот смысл, в котором обычно понимают этот термин.

Вокруг внутреннего двора расположены семьдесят келий с крытым проходом перед ними, и в каждой из них находится сидящая со скрещенными ногами фигура Тиртханкара, которому посвящен храм, и, как правило, с барельефом или картиной, представляющей какой-либо поступок из его жизни. Если бы не падение скалы, здесь было бы еще девять или десять камер, и действительно, это повторение изображений святого, подобно увеличению храмов, по-видимому, было великой целью джайнских архитекторов. Как мы сейчас увидим в джайнском храме в

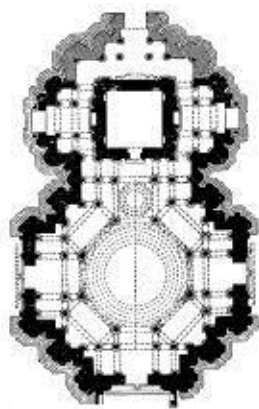
Брамбанаме на Яве, великий храм окружали 236 маленьких храмов или келий, и там, как и здесь, каждая из них должна была содержать аналогичное изображение одного из Тиртханкаров.

Сразу за храмом Неминатха находится тройной храм, возведенный братьями Теджпалой и Ваступалой, которые также возвели один из главных храмов в Абу. Судя по надписям на его стенах, он был возведен в 1177 году нашей эры. План представляет собой три соединенных вместе храма, расположение, нередко встречающееся на юге, но редкое на севере, о чем приходится сожалеть, поскольку оно способно к большому разнообразию эффектов и светотени в большей степени, чем более простые формы. В данном случае в центральной камере есть изображение Маллинатхи, 19-го Тиртханкара, но каждая боковая содержит замечательную массивную грудку каменной кладки, называемую Самосан, та, что на северной стороне называется Мера или Шумера — легендарная гора джайнов и индусов - с квадратным основанием ([гравюра на дереве № 127](#)); та, что на юге, называется Самет Сикхара—Париснатх, в Бенгалии — с почти круглым основанием. Каждое возвышается в четыре яруса уменьшающейся ширины, почти до крыши, и увенчано небольшим квадратным навесом над изображениями.^[268] Из этого следует, что у джайнов горы Гирнар, Сутрунджья, Абу и др. были не только святыми местами, но и святынями, и что у них — как и у сирийцев — поклонение высоким местам действительно было частью их религии.

127. План храма Теджпалы и Ваступалы. (По плану мистера Берджесса.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

Некоторые из других храмов в Гирнаре интересны своей историей и примечательны фрагментами древней истории, которые пережили слишком постоянные ремонты; но без их иллюстрации было бы только утомительно перечислять их названия или пытаться описать словами предметы, которые может оценить только опытный глаз индийского антиквара. Однако недалеко от холма, на берегу моря, стоит храм Сомнатх, исторически, возможно, самый знаменитый в Индии, начиная с кампании, предпринятой Махмудом Газни для его разрушения в 1025 году, и заканчивая важными результатами, которые эта кампания в конечном итоге оказала на судьбу Индии.

Как видно из прилагаемого плана ([гравюра на дереве № 128](#)), сам храм никогда не отличался особыми размерами, вероятно, он никогда не превышал 130 футов в общей сложности, но купол его притвора, который имеет 33 фута в поперечнике, самый большой из известных нам храмов его эпохи. Однако из имеющихся у нас отчетов об осаде очевидно, что он был окружен, подобно храму Неминаты ([гравюра на дереве № 126](#)), внутренним двором, и это, возможно, было превосходно. Несмотря на то, что он очень похож по плану, он почти вдвое больше Неминаты, и если бы его двор был пропорционально большим, это, возможно, действительно оправдывало бы все, что было сказано о его великолепии. Судя по сохранившимся фрагментам его скульптурных украшений, они тоже, должно быть, были необычайной красоты, вполне сравнимой со всем, что мы знаем об этом классе или об их эпохе. Однако до сих пор не определено, являются ли то, что мы сейчас видим, фрагментами храма, подвергшегося нападению Махмуда, и, следовательно, относятся ли они к 10-му или даже к 9-му веку, или же они могут быть результатом ремонта, который был произведен в 12-м веке. Как теперь рассказывается, после ухода Махмуда он был восстановлен Бхимой Дэвой из Ангилварра Путтуна, который правил в 1021-1073 годах, и украшен Сиддхой Раджой в 1093-1143 годах и, наконец, Кумарой Палой в 1168 году. Обычно считается, что то, что мы сейчас видим, принадлежит королю с последним именем. Любой человек на месте, досконально знакомый с предметом, мог бы выделить их и рассказать нам их историю. Насколько мы можем судить по фотографиям, кажется, что значительная часть того, что мы сейчас видим, принадлежит первоначальному храму, хотя и сильно измененному последующими реставраторами.

Еще одним спорным моментом является имя бога, которому был посвящен храм, когда мусульмане выступили против него. Судя по имени Сомесвара, обычно предполагается, что это был Шива. Однако, если бы это было так, изображение в святилище почти наверняка было бы лингамом. Магометанские историки, однако, отчетливо представляют его как существо с головой, глазами, руками и животом.^[269] В таком случае это должен был быть либо Вишну, либо один из Тиртханкаров. Я не могу найти никаких следов вишнуизма в Гуджерате в этот период, но что, как мне кажется, решает дело, так это то, что все вышеупомянутые цари, принимавшие участие в ремонте после ухода Махмуда, несомненно, были джайнами, и они вряд ли стали бы ремонтировать или перестраивать храм, принадлежащий другой секте.

ГОРА АБУ.

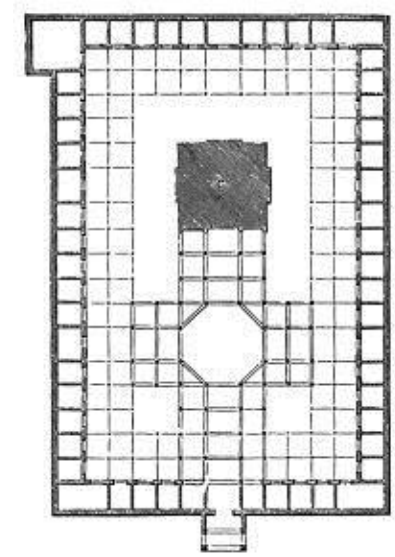
Вряд ли стоит удивляться тому, что гора Абу рано стала одним из священных мест для индусов и джайнов. Поднимаясь из пустыни так же резко, как остров из океана, он представляет собой почти со всех сторон недоступные уступы высотой 5000 или 6000 футов. высокий, и к вершине можно подойти только по ущельям, прорезанным в его склонах. Когда вершина достигнута, она открывается в одну из самых красивых долин, какие только можно себе представить, длиной шесть или семь миль и шириной две или три мили, повсюду изрезанную гранитными скалами самых фантастических форм, а промежутки между ними покрыты деревьями и пышной растительностью. Маленькое Нуки Талао, или Жемчужное озеро, является одной из прекраснейших жемчужин своего класса во всей Индии, и именно рядом с ним, в Дилварре, джайны выбрали место для своего Тирта, или священного места свиданий. Однако нельзя сказать, что это было излюбленным местом поклонения в наше время. Вероятно, причиной этого являются его удаленность и недоступность, и, следовательно, он не может соперничать ни с Палитаной, ни с Гирнаром по размаху своих построек; но в эпоху господства джайнизма он был украшен несколькими храмами, двум из которых по определенным качествам нет равных ни в одном храме Индии. Они построены полностью из белого мрамора, хотя в радиусе 300 миль от этого места, как известно, нет карьеров из этого материала, и транспортировка его на холм к месту расположения этих храмов, должно быть, значительно увеличила расходы предприятия.

Более современный из двух был построен теми же братьями, Теджпалой и Ваступалой, которые возвели тройной храм в Гирнаре ([Гравюра на дереве № 127](#)). Этот храм, как мы узнаем из надписей, был возведен между 1197 и 1247 годами, и по тонкости резьбы и красоте деталей ему почти нет равных даже в стране терпеливого и щедрого труда. [\[270\]](#)

Другой, построенный другим князем-торговцем, Вималой Сахом, по-видимому, около 1032 года н.э. [\[271\]](#) проще и смелее, хотя и настолько продуман, насколько это позволяет хороший вкус в любом чисто архитектурном объекте. Являясь одним из старейших, а также одним из наиболее полных известных примеров джайнского храма, его особенности служат удобным введением в стиль и, среди прочего, служат иллюстрацией того, насколько полным и совершенным он уже стал, когда мы впервые встретились с ним в Индии.

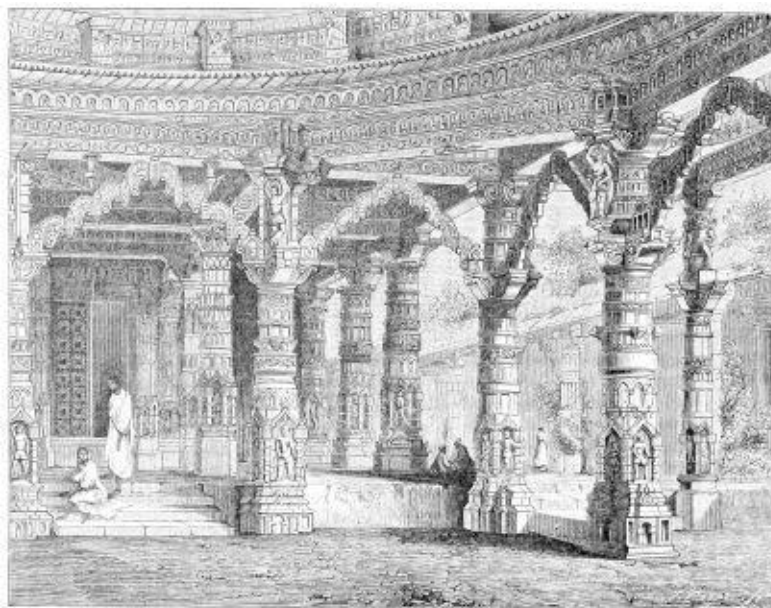
Прилагаемого плана ([гравюра на дереве № 129](#)) будет достаточно, чтобы объяснить общее устройство храма Вимала Сах, которое, как будет замечено, похоже на некоторые из тех, с которыми мы уже встречались, хотя, конечно, значительно отличается по размаху и деталям.

129. Храм Вимала Сах, гора Абу. (С плана автора.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

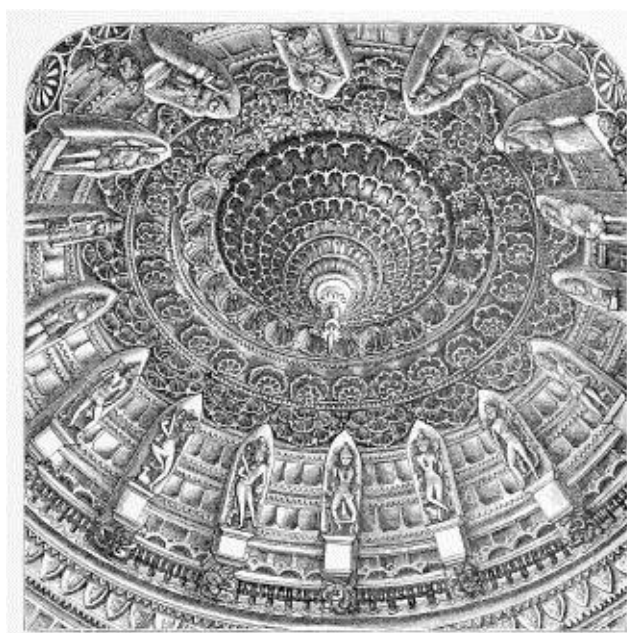
Главным объектом здесь, как и везде, является келья, освещаемая только дверью, в которой находится сидящая со скрещенными ногами фигура святого, которому посвящен храм, в данном случае Парсванатхи. Келья, как и во всех других примерах, заканчивается наверху сикрой, или пирамидальной крышей, похожей на шпиль, которая является общей для всех индуистских и джайнских храмов [\[272\]](#) эпохи на севере Индии. К нему, как и почти во всех случаях, пристроен портик, обычно значительной протяженности, и в большинстве примеров увенчанный куполом, опирающимся на восемь колонн, что действительно является отличительной чертой стиля, а также его самой красивой чертой. В этом примере портик состоит из сорока восьми отдельно стоящих колонн, что ни в коем случае не является необычным числом; и все это заключено в продолговатый внутренний двор размером примерно 140 на 90 футов, окруженный двойной колоннадой из колонн меньшего размера, образующих портики для ряда келий, числом пятьдесят пять, которые окружают его со всех сторон, точно так же, как это делается в буддийских вихарах. В этом случае, однако, каждая келья, вместо того чтобы быть резиденцией монаха, занята одним из тех изображений со скрещенными ногами, которые в равной степени принадлежат буддизму и джайнизму и между которыми столь многим трудно провести различие. Вот они, согласно джайнской практике, все повторения одного и того же образа Парсванатхи, а над дверью каждой камеры или на ее косяках изваяны сцены из его жизни.

В других религиях может быть множество отдельных похожих часовен, пристроенных к одному зданию, но ни в одной другой не было бы найдено пятидесяти пяти, как в этом примере, или семидесяти, окружающих храм Неминатхи в Гирнаре ([Гравюра на дереве № 126](#)), каждая из которых содержит изображение одного и того же святого, и все они настолько идентичны, что их невозможно отличить. У джайнов, по-видимому, самым важным моментом считается то, что божество или святой почитается количеством его изображений, и что каждому изображению должно быть предоставлено отдельное жилище. Однако в других примерах это всего лишь отдельная ниша. На некоторых джайнских памятниках изображение Тиртханкара повторяется сотни, можно сказать, почти тысячу раз, все изображения идентичны, а ниши расположены рядами рядом друг с другом и друг над другом, как голубятни в голубятне.

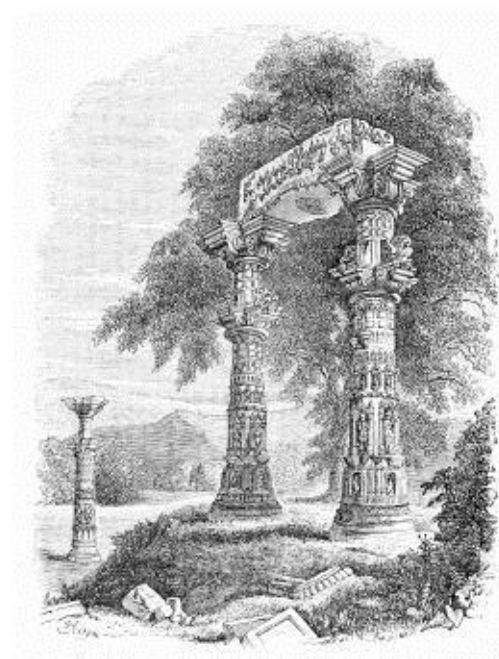
130. Храм Вимала Сах, гора Абу. (По эскизу автора.)

Внешне храм совершенно прост, и внутри нет ничего, что указывало бы на великолепие, за исключением шпиля кельи, выступающего над простой стеной, хотя даже это самая незначительная часть сооружения.

Гравюра на дереве (№ 130) даст некоторое представление об устройстве крыльца, но потребуется гораздо более обширный и проработанный рисунок, чтобы передать правильное впечатление о чрезвычайной красоте деталей и разнообразии дизайна. Большие колонны, как будет видно, той же высоты, что и меньшие внешние портики; и, подобно им, они заканчиваются обычной для Востока капителью-скобой; на ней установлена верхняя карликовая колонна, или аттик, если его можно так назвать, для придания им дополнительной высоты, и на этих верхних колоннах покоятся большие балки или архитравы, поддерживающие купол; однако, поскольку опора длинная, по крайней мере на вид, вес ее уменьшается за счет любопытной угловой стойки или фермы из белого мрамора, упомянутой выше (стр. 215), которая, в свою очередь, поддерживает купол. выступающий из нижней капители, он, по-видимому, поддерживает середину балки.

В том, что эта последняя особенность заимствована из какого-то деревянного или плотницкого оригинала, я думаю, едва ли можно сомневаться; но каким образом она была впервые введена в каменную кладку, неизвестно; вероятно, ее можно было бы легко обнаружить при более тщательном изучении зданий в этом районе. Он сохраняется как архитектурная особенность почти до наших дней, но постепенно становится все более и более ослабленным, пока, наконец, за исключением одного примера в Дели, который будет упомянут ниже, он не теряет всего своего конструктивного значения в качестве несущего элемента и не превращается в простое украшение.

132. Столпы в Чандравати. (Из книги Тода "Западная Индия".)

На образованном таким образом восьмиугольнике покоится купол, изгиб которого показан на гравюре на дереве № 130 (стр. 236). В этом случае достаточно одного блока в углах восьмиугольника, чтобы представить окружность. Над вторым рядом орнаментов установлены шестнадцать пьедесталов, поддерживающих статуи, а в центре находится подвеска самой изысканной красоты; вся она выполнена из белого мрамора и отделана тонкостью деталей и уместностью орнамента, которые, вероятно, не имеют себе равных ни в одном подобном экземпляре, который можно найти где-либо еще. Те, что были созданы готическими архитекторами в часовне Генриха VII в Вестминстере или Оксфорде, по сравнению с ними кажутся грубыми и неуклюжими. Трудно с помощью каких-либо иллюстраций передать правильное представление об исключительной красоте и изяществе этих подвесных украшений,

но гравюра на дереве на странице 237 (№ 131) с фотографии объяснит их форму, даже если она не может отразить их красоту.

Как уже упоминалось ранее, на горе Абу, похоже, никогда не было какого-либо важного города. Он был слишком недоступен для этой цели; но в нескольких милях к югу на равнине находятся остатки обширного города под названием Чандравати, где сохранились обширные остатки джайнских храмов того же возраста и стиля, что и храмы на горе, некоторые из них, вероятно, более современные, но все они по-прежнему относятся к лучшему возрасту. Это место, однако, было разрушено во время магометанского завоевания в середине 14 века и с тех пор оставалось совершенно заброшенным. В результате соседние города и деревни использовали его в качестве каменоломни, так что лишь немногие из его зданий сохранились в идеальном состоянии. Фрагмент, однако, показанный на гравюре на дереве № 132, может служить иллюстрацией стиля, в котором они были возведены, но поскольку нет двух абсолютно одинаковых колонн, потребовались бы сотни, чтобы представить их бесконечное разнообразие деталей.

ПАРИСНАТ.

Самая высокая точка Бенгальского хребта холмов, к югу от Раджмахала, что характерно, была присвоена джайнами как одна из их самых любимых вершин. Его первоначальное название, по-видимому, было гора Сикхар, и, как говорят, не менее девятнадцати из их двадцати четырех тиртханкаров умерли и были похоронены там, среди прочих Парсванатха, предпоследний, и, следовательно, он дал холму название, которое он сейчас носит.

К сожалению, ни один фотограф еще не посетил холм, равно как и никто другой, кто смог бы отличить новое от старого. Однако такие свидетельства, которыми мы располагаем, ни в коей мере не обнадеживают и не заставляют нас ожидать каких-либо особо примечательных архитектурных остатков. Храмов на холме множество, но все они кажутся современными или, по крайней мере, были настолько полностью отремонтированы в наше время, что их более древние черты сейчас невозможно различить. Что-то также может быть связано с тем фактом, что с момента возрождения этой религии Бенгалия никогда по сути не была джайнской страной. Бенгальская династия Пала, по-видимому, оставалась буддийской почти до магометанского завоевания (A.D., по-видимому, 1203 г. н.э.), когда они, по-видимому, внезапно отказались от этой религии и с головой окунулись в вайшнавские и шиваитские суеверия. То ли по этой, то ли по какой-то другой причине, которую мы сейчас не можем объяснить, джайнизм, похоже, так и не пустил корни в Бенгалии. В то время, когда он вместе с буддизмом зарождался в 6 веке до н.э., Бехар был интеллектуальным и политическим центром Индии, и буддизм долгое время сохранял свое влияние в стране своего зарождения. Однако до того, как джайнизм стал политически значимым, центр власти тяготел к Западу, и джайнизм, похоже, никогда не приобретал значения в стране, где он впервые появился. Если бы не это, нет никаких сомнений в том, что Париснатх был бы в их глазах важнее Палитаны или Гирнара; но это не так, и, следовательно, он занимает лишь очень незначительное место в истории архитектуры Индии.

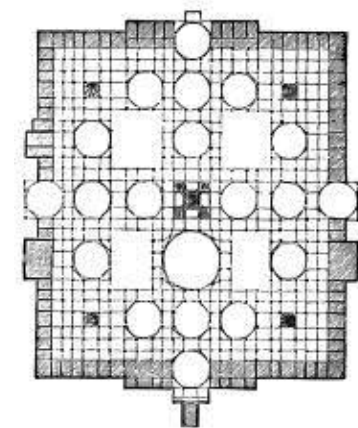
Помимо эффекта, которого джайны стремились добиться, размещая свои храмы на вершинах холмов, любовь к живописности, которую они, по-видимому, культивировали больше, чем любая другая секта в Индии, побудила их искать ее в совершенно противоположном направлении. Некоторые из их любимых видов обитают в глубоких и уединенных долинах. Например, один из них в Муктагири, недалеко от Гавелгура, расположен в глубокой, поросшей лесом долине, которую пересекает ручей, разбивающийся в своем течении на многочисленные живописные водопады.

Другой пример такой любви к живописному можно найти в Садри. В отдаленной долине, пронизывающей западный склон Аравуллы, есть группа храмов, не столь многочисленных и, возможно, не столь живописно расположенных, как в Муктагири, но представляющих больший

интерес с архитектурной точки зрения и расположенных в месте, очевидно выбранном за его природные красоты.

Главный храм здесь был возведен Кхумбо Раной из Удейпура. Похоже, он был ревностным сторонником джайнской религии и за время своего долгого и процветающего правления наполнил свою страну прекрасными зданиями, как гражданскими, так и церковными. Среди прочего, он построил этот храм Садри, расположенный в уединенной и безлюдной долине, врезающейся в западный склон Аравулли, ниже его любимого форта Комулмер. Несмотря на долгое запустение, он все еще почти совершенен и является самым сложным и обширным джайнским храмом, который я когда-либо имел возможность осмотреть.

133. План храма в Садри.

(По плану автора.) Масштаб от 100 футов до 1 дюйма

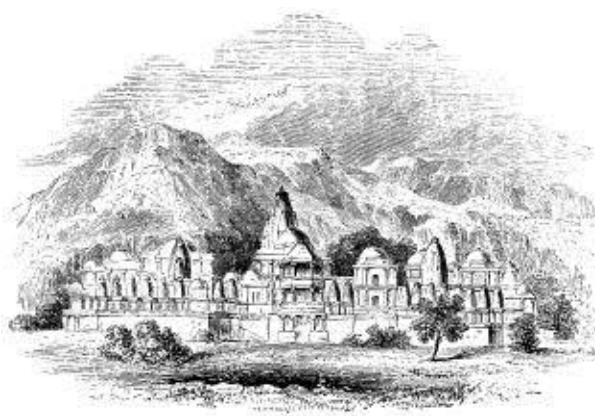
Из плана ([гравюра на дереве № 133](#)) видно, что это почти квадрат размером 200 на 225 футов, без учета выступов на каждой грани. В центре находится великое святилище, однако занятое, как обычно, не одной кельей, а четырьмя; или, скорее, четырьмя большими нишами, в каждой из которых установлена статуя Адинатхи, или Ришабдевы, первого и величайшего из джайнских святых. Над ней находятся четыре другие ниши, занятые таким же образом и выходящие на террасные крыши здания. Около четырех углов двора расположены четыре святилища поменьше, а вокруг них или с каждой стороны от них расположены двадцать куполов, поддерживаемых примерно 420 колоннами; четыре из этих куполов — центральные в каждой группе — имеют высоту в три этажа и возвышаются над остальными; и один — тот, что обращен к главному входу, — поддерживается очень необычным количеством из шестнадцати колонн и имеет 36 футов в диаметре, остальные - всего 24 фута. Свет проникает в здание через четыре открытых двора, и все оно окружено рядом камер, многие из которых сейчас незаняты, каждая из которых имеет собственную пирамидальную крышу.

134. Вид из храма в Садри. (По эскизу автора.)

О внутреннем эффекте этого леса колонн можно судить по виду ([Гравюра на дереве № 134](#)), сделанному в одном из его дворов; но невозможно, чтобы какой-либо вид мог воспроизвести бесконечное разнообразие перспектив и игру света и тени, которые являются результатом расположения колонн и куполов, а также способа подачи света. Замечательный эффект также достигается за счет количества ячеек, большинство из которых содержат изображения Тиртханкара, которые повсюду встречаются взгляду. Помимо двенадцати центральных сикр, внутри есть восемьдесят шесть келий самой разнообразной формы и размера, и все их фасады более или менее украшены скульптурой.

135. Внешний вид храма в Садри.

Об общем внешнем эффекте храма Садри можно судить по гравюре на дереве № 135; из—за высокого цоколя и большей высоты главных куполов он производит более благоприятное впечатление джайнского храма, чем это обычно бывает - самым большим недостатком этих зданий как архитектурных проектов является отсутствие орнамента на их внешних поверхностях; это, однако, в большей степени характерно для старых, чем для более современных храмов.

Огромное количество частей в здании и их общая компактность не позволяют ему претендовать на что-либо похожее на архитектурное величие; но их разнообразие, красота деталей — во всем здании нет двух абсолютно одинаковых колонн - изящество, с которым они расположены, со вкусом подобранное сочетание куполов разной высоты с плоскими потолками и способ подачи света в сочетании создают превосходный эффект. Действительно, я не знаю ни

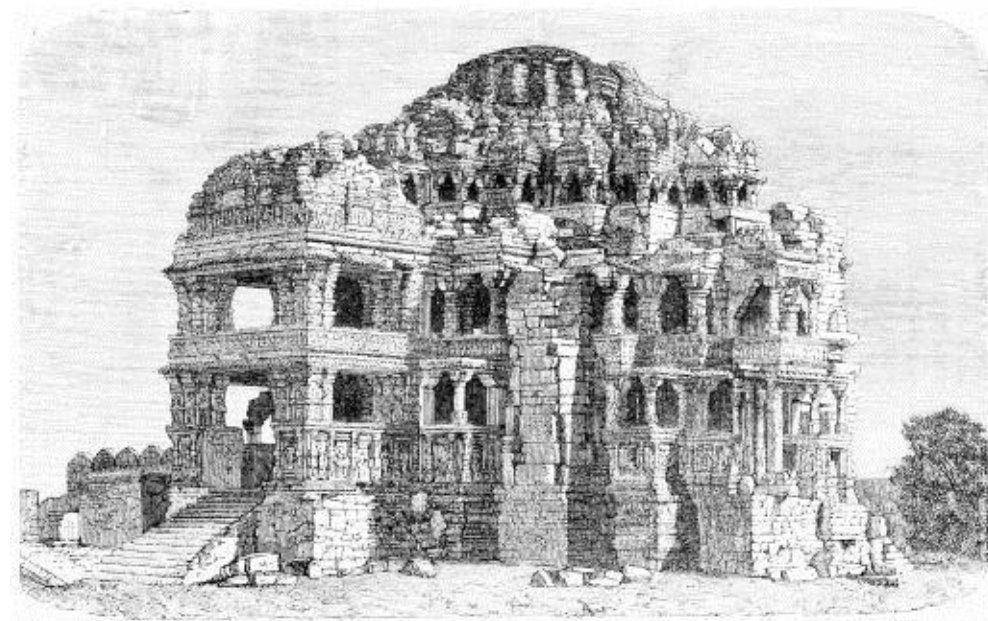
одного другого здания в Индии того же класса, которое оставляло бы столь приятное впечатление или давало бы столько намеков на изящное расположение колонн в интерьере.

Помимо достоинств дизайна, ни в коем случае нельзя пренебрегать его размерами; в общей сложности он занимает около 48 000 квадратных футов, или почти столько же, сколько любой из наших обычных средневековых соборов, и, принимая во внимание цокольный этаж, имеет почти такой же объем; в то время как по количеству труда и скульптурным украшениям он намного превосходит любой другой.

ВЕДУЩИЙ.

Скала в Гуалиоре является и, должно быть, всегда была одним из самых замечательных возвышенностей в Центральной Индии и, по-видимому, как таковая, рано была присвоена джайнами. Однако его положение и уступы привели к тому, что он был укреплен, и, как одно из самых сильных мест в Индии, он был атакован и взят штурмом Алтумшем, первым мусульманским императором Дели, в A.D. 1232 году н.э.; и с того времени и до падения империи Великих Моголов он удерживался магометанами или индуистскими королями, подчинявшимися их сюзеренитету. При таких обстоятельствах нам вряд ли следует ожидать найти в этом месте какие-либо обширные древние индуистские останки. Есть, однако, два очень замечательных храма: один, известный как Сас-баху, обычно считается джайнским сооружением и, по-видимому, назван так и посвящен Падманатхе, шестому Тиртханкаре. Генерал Каннингем сомневается в этом описании,^[273] из-за того, что стены украшены барельефами, принадлежащими, несомненно, сектам вайшнавов и шайв. Как и в случае с храмом Айвулли, иногда чрезвычайно трудно сказать, для какой секты изначально был возведен храм. Во времена, о которых мы сейчас говорим, секты не стали такими обособленными и антагонистичными, какими они были впоследствии. Различные божества были, подобно божествам греков и римлян, частями одной религии, которую все разделяли, и храмы часто носили в высшей степени пантеистический характер. Как бы то ни было, этот храм был закончен, по-видимому, в 1093 году нашей эры, и, несмотря на ужасные разрушения, до сих пор представляет собой наиболее живописный фрагмент. То, что осталось, - это крестообразное крыльцо храма, которое после завершения строительства имело размеры 100 футов спереди назад и 63 фута поперек подлокотников крыльца. От святилища с его сикрой не осталось ничего, кроме фундамента; но крыльцо высотой в три этажа конструктивно цело, хотя его детали — и в первую очередь детали крыши — сильно разрушены ([Гравюра на дереве № 136](#), следующая страница).

Более старый джайнский храм описан генералом Каннингемом, но поскольку он использовался как мечеть, более вероятно, что это полностью магометанское здание, хотя и составленное из джайнских деталей.^[274] Самая поразительная часть джайнских останков в Гуалиоре - это серия пещер или высеченных в скале скульптур, которые вырыты в скале со всех сторон и насчитывают, вместе взятых, едва ли меньше сотни больших и малых. Они, однако, очень непохожи на чайтхи или вихары буддистов, и еще меньше они похожи на брахманические пещеры, о которых будет сказано ниже. Большинство из них представляют собой простые ниши для статуй, хотя некоторые представляют собой кельи, которые, возможно, изначально предназначались для жилых помещений.

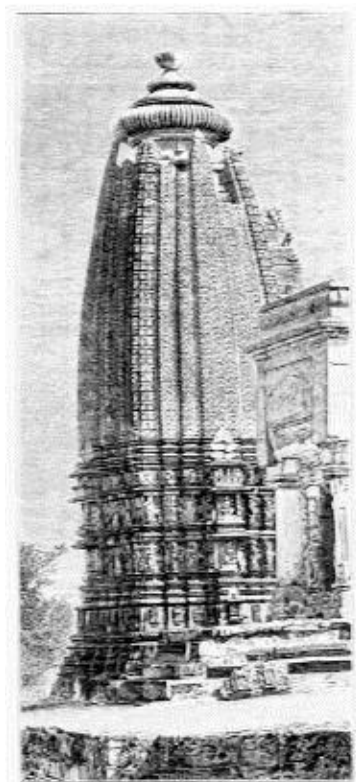
136. Джайнский храм в Гвалиоре.

(С фотографии.)

Одним любопытным фактом, касающимся их, является то, что, согласно надписям, все они были раскопаны в течение короткого периода примерно в тридцать три года, между А.Д. 1441 и 1474 годами н.э. Некоторые из фигур колоссальных размеров: одна, например, достигает 57 футов в высоту, что больше, чем любая другая на севере Индии, хотя на юге есть несколько, которые равны ей или превосходят ее, и, поскольку отдельно стоящие фигуры более выразительны и сложнее в исполнении.

КХАДЖУРАХО.

Город Кхаджурахо, древняя столица чанделов, расположен примерно в 125 милях к северо-западу от Аллахабада и примерно в 150 милях к юго-востоку от Гуалиора. Сейчас это жалкое заброшенное место, но внутри и вокруг него находится группа примерно из тридцати храмов, которые, насколько в настоящее время известно, являются самыми красивыми по форме, а также самыми элегантными в деталях из всех храмов, ныне стоящих в Индии. [\[275\]](#)

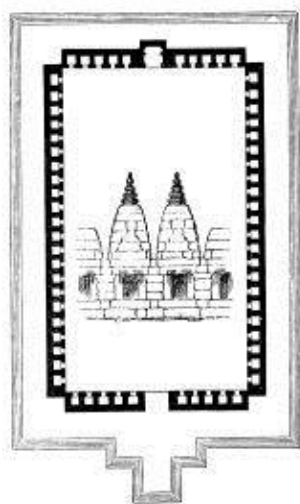

137. Храм Парсванатхи в Кхаджурахо. (С фотографии.)

Насколько можно судить по существующим надписям, а также по их стилю, кажется, что все эти храмы, за двумя незначительными исключениями, были построены одновременно и в пределах 11 века: и, что также любопытно, они, по-видимому, разделены, насколько это возможно, поровну между тремя религиями. В каждой группе есть одна, более крупная, чем остальные, — фактически это собор, — вокруг которого сгруппированы те, что поменьше. В шайванской группе это Кандарья Махадева, изображение которого будет дано далее; в вайшнавской группе это Рамачандра; а в джайнской — Джинанатха: все трое настолько похожи друг на друга, что требуется очень большое знакомство с фотографиями, чтобы отличить храм одной религии от храмов других. Это выглядит так, как будто все было построено одним принцем по какому-то соглашению, согласно которому ни одна секта не должна превосходить другую или завидовать ей. Либо из-за этого, либо по какой-то причине, которую мы не совсем понимаем, мы теряем здесь все особенности, которые мы обычно приписываем джайнским храмам того времени. Вимана или сикра важнее крыльца. Здесь нет внутренних дворов с расположенными по периметру кельями, нет выступающих куполов, да и вообще ничего, что отличало бы джайнскую архитектуру от индуистской. Если они и не находились под властью одного правителя, то, должно быть, были возведены в эпоху чрезвычайной терпимости, когда любое соперничество, которое существовало, должно было быть только между архитекторами в попытке создать самое красивое и изысканно украшенное здание.

В качестве иллюстрации одного из трех великих храмов, которая будет приведена далее, вида одного из меньших джайнских храмов, Парсванатхи ([Гравюра на дереве № 137](#)), будет достаточно, чтобы проиллюстрировать используемый здесь художественный стиль. Его крыльцо либо никогда не пристраивалось, либо было убрано и заменено в наше время кирпичным уродством со стрельчатыми арками. Это, однако, вряд ли мешает самому храму. Вероятно, в индуистской архитектуре нет ничего, что превосходило бы богатство ее трехэтажного основания в сочетании с чрезвычайной элегантностью очертаний и тонкими деталями верхней части.

138. Чонсат Джогини, Кхаджурахо. (Из Плана Быт. Каннингем.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

Два исключительных храма, о которых говорилось выше, - это, во-первых, храм, называемый Чонсат Джогини, или шестьдесят четыре демоницы женского пола. Он состоит всего лишь из внутреннего двора размером 105 на 60 футов, окруженного шестьюдесятью четырьмя небольшими ячейками, каждая из которых увенчана небольшим шпилем, как показано на гравюре на дереве (№ [138](#)). Это настолько джайнское сооружение (см., например, Храм Неминатхи — Гравюра на дереве № 126), что я почти не сомневаюсь, что изначально это был храм, принадлежащий этой религии. Сам храм, это правда, исчез, но если он был таким старым, как я полагаю, [\[276\]](#) нет ничего более вероятного, чем то, что он был деревянным, как древние буддийские чайтхи, и погиб. Если эта точка зрения верна, то это, вероятно, самый старый из когда-либо обнаруженных джайнских храмов.

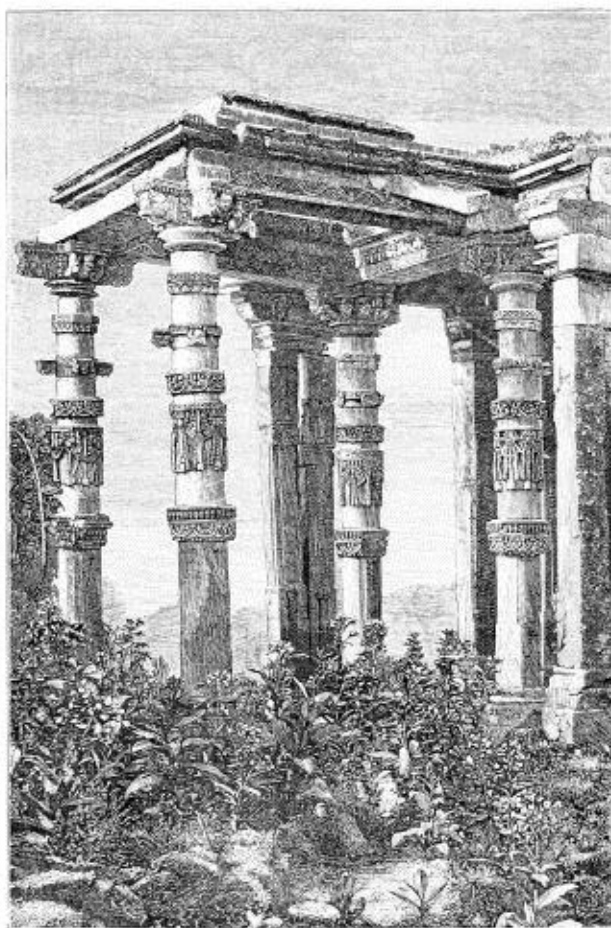
Другое исключительное здание имеет совершенно иной характер и так же примечательно своей чрезвычайной элегантностью, даже в Кхаджурахо, как и другое - своей грубостью. Он называется Гантай либо из-за колоколов, изваянных на его колоннах, либо по какой-то другой неизвестной причине. К сожалению, это всего лишь фрагмент — скелет без плоти — несколько колонн двойного портика, которые теперь стоят отдельно, без стен, которые когда-то их окружали ([Гравюра на дереве № 139](#), следующая страница).

Судя по форме нескольких букв в надписи, найденной среди этих руин, генерал Каннингем склонен полагать, что этот храм может относиться к шестому или седьмому веку нашей эры; это, насколько это возможно, дата, которую я бы приписал ему, исходя из характера его архитектурных деталей. Но когда в то же время, обнаружив буддийскую статую и короткую буддийскую надпись рядом с ними (стр. 431), он склоняется к отнесению их к этой религии, я прошу разрешения не согласиться. Однако до тех пор, пока мы не узнаем больше, чем знаем сейчас, о том, каковы были различия или сходства между архитектурой джайнов и буддистов в эпоху, когда был возведен храм, невозможно спорить по этому вопросу. Почти все, что мы знаем о буддийском искусстве того времени, почерпнуто из высеченных в скале образцов, у нас нет таких тонких колонн, как эти, но из этого ни в коем случае не следует, что их могло и не быть. Однако они неизвестны, в то время как многие примеры джайнства известны настолько близко к этим, что можно с уверенностью предположить, что они принадлежат к этой религии. План здания, насколько его можно разглядеть, совершенно не похож ни на что известное нам буддийское, но очень похож на многие из тех, что, безусловно, являются джайнскими. [\[277\]](#)

Как бы то ни было, эти колонны необычайно изящны по своей форме и элегантны в деталях и принадлежат к стилю, который, если бы было больше его примеров, я был бы склонен назвать “стилем гупта”. За исключением, однако, некоторых фрагментов в Еруне и этих колонн, у нас

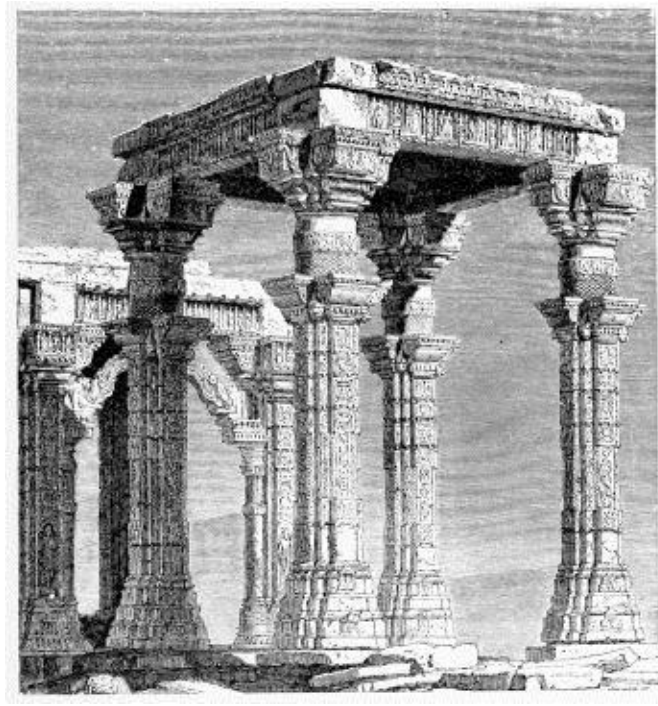

очень мало того, что мы можем с какой-либо уверенностью отнести к их возрасту, от 400 до 600 лет. Однако было бы очень интересно, если бы удалось обнаружить что-то еще, поскольку это эпоха, когда жил великий Викрамадитья, и когда индуистская литература достигла своей высшей точки совершенства, и, следовательно, один индуистский храм той эпохи пролил бы свет на многие проблемы. Однако некоторые буддийские пещеры и эти джайнские фрагменты - это все, что еще удалось обнаружить.

139. Гантай, Кхаджурахо. (С фотографии.)

Тем не менее, кажется, мало кто сомневается в том, что в Раджпутане и Центральной Индии существует нечто большее. В Гираспоре, недалеко от Бхилсы, в 140 милях к юго-западу от нее, есть группа колонн, расположенных подобным образом, и, подобно им, лишенных стен ([Гравюра на дереве № 140](#)).

140. Храм в Гираспоре. (С фотографии.)

На перевале Мокундра есть третий пример.^[278] Было ли так, что их стены были из обожженного на солнце кирпича? или просто из маленьких квадратных камней, которые, будучи легко извлекаемыми, были использованы? У меня сложилось впечатление, что имело место последнее; но как бы то ни было, эти гираспорские колонны, несомненно, являются остатками джайнского сооружения, но значительно более современного, чем Гантай. Вряд ли их при каких-либо обстоятельствах можно отнести к эпохе, предшествовавшей великой гражданской войне, начавшейся в 650 году н.э., но они почти наверняка предшествуют великому возрождению в 10 веке. В том же городе Гираспор находится очень величественный старый храм, по-видимому, примерно того же возраста, что и эти колонны. Его детали, по крайней мере, старые, но он был настолько разрушен, отремонтирован и почти перестроен, что чрезвычайно трудно сказать, какой могла быть форма или назначение первоначального сооружения. В деревне также есть необычайной красоты торан, вероятно, 11 века, и фактически по всему этому региону есть бесчисленные останки, частично ставшие известными нам по фотографии, но которых, если их исследовать с научной точки зрения, вероятно, было бы достаточно, чтобы заполнить некоторые из самых больших пробелов в нашей истории, и особенно в истории джайнской архитектуры.

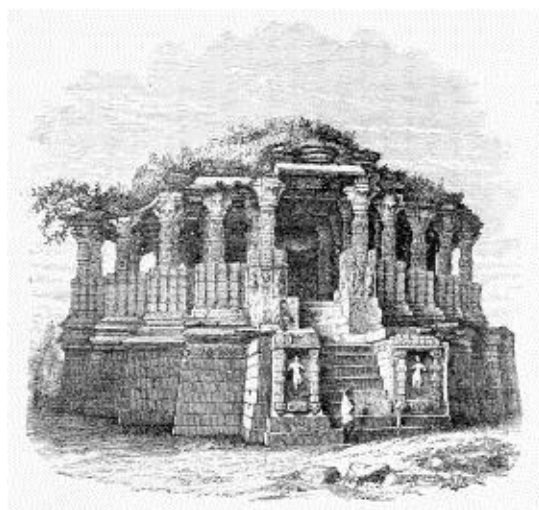
Например, в Бхангуре, на территории Алвар, есть несколько очень красивых джайнских храмов. Один из них в этом районе, сфотографированный капитаном Импи, относится к 10-му или 11-му веку и столь же красив, как любой представитель своего класса, будь то в Кхаджурахо или где-либо еще, а рядом с ним снова находится колоссальное джайнское изображение, называемое Нан Гунги, высотой около 20 футов, которое, по-видимому, того же возраста, что и храмы, и, следовательно, превосходит любой из колоссов в Гуалиоре или на юге Индии.^[279] Джайны как секта сейчас почти не известны в Раджпутане, и поэтому их храмы заброшены и приходят в упадок; хотя некоторые из них, достигшие наилучшего возраста и не отреставрированные, представляют чрезвычайный интерес для исследователя индийского искусства.

Среди них мало что более привлекательно, чем маленький храм в Амве, недалеко от Аджунты ([Гравюра на дереве № 141](#)). Это всего лишь фрагмент. Святилище со шпилем исчезло, остался только портик; а его крыша снаружи настолько разрушена, что ее дизайн можно с трудом разобрать. И все же он так удачно стоит на своем стилобате, а тридцать две небольшие колонны,

поддерживающие крышу снаружи, имеют такие правильные пропорции и так художественно скомпонованы, что оставляют желать лучшего.

Отличительной особенностью интерьера является купол диаметром 21 фут, опирающийся на двенадцать богато украшенных резьбой колонн с вкраплениями восьми колонн поменьше. Как и все индийские купола, он горизонтален по конструкции, а следовательно, и по орнаменту, но в том виде, в каком это сделано здесь, он такой же элегантный или больше, чем ребристые купола западного искусства. Этот купол простой в центре, без подвески, что, однако, является одной из самых заметных и приятных особенностей джайнских куполов, как можно понять из примера в храме Вимала Сах на горе Абу ([Гравюра на дереве № 131](#)).

Как упоминалось ранее, буддисты, хотя всегда использовали круглые крыши и во все века строили крыши, имеющие куполообразную форму снаружи, никогда, по-видимому, не пытались построить внутренний купол, по крайней мере, из камня. Индусы время от времени пытались робко подражать джайнам, но ни разу не добились большого успеха. По сути, это особенность джайнской архитектуры, причем почти исключительно среди северных индийцев, хотя, почему эта конкретная секта должна была принять ее, и почему они, и только они, должны были упорно использовать ее в течение столь длительного периода, - это вопросы, на которые мы пока не в состоянии ответить. Это было существенной чертой архитектуры мусульман до того, как они пришли в Индию, и поэтому они с энтузиазмом ухватились за купола джайнов, когда впервые прибыли туда, а впоследствии на их основе выработали тот купольный стиль, который является одной из наиболее заметных характеристик их искусства в Индии.

141. Крыльцо джайнского храма в Амве, недалеко от Аджунты. (С фотографии майора Гилла.)

Одним из самых интересных джайнских памятников того времени является башня Шри Аллат,^[280] которая до сих пор украшает лоб Читторе ([гравюра на дереве № 142](#), следующая страница) и, вероятно, является одним из множества подобных памятников, которые, возможно, когда-то существовали. Однако по своей форме они хрупки, а деревья и человеческое насилие так легко сокрушают их, что нам не следует удивляться, что их осталось так мало. Это исключительно элегантный образец своего класса, около 80 футов в высоту, украшенный скульптурой и лепниной от основания до вершины.^[281] У ее основания когда-то существовала надпись, в которой указывалась дата 896 г. н.э., и хотя плита была отделена, это настолько близко к дате, к которой мы пришли бы, исходя из стиля, что, кажется, мало сомнений в том, что она относилась к тому возрасту.

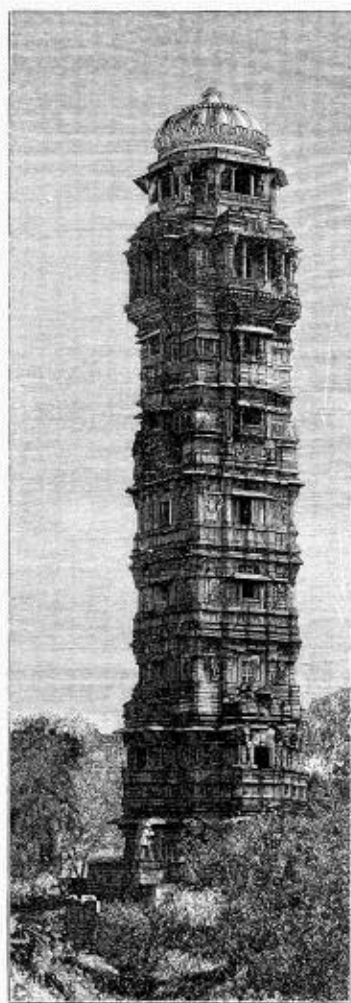

142. Джайнская башня Шри Аллат, Читторе. (С фотографии.)

Она была посвящена Аднатху, первому из джайнских тиртханкаров, и его фигура несколько сотен раз повторяется на фасаде башни, но, насколько я мог судить, не изображает никого из других джайнских святых.

Храм на переднем плане построен более современно, в основном из фрагментов старых зданий, которые исчезли.

143. Башня Победы, возведенная Кхумбо Раной в Читторе. (С фотографии.)

Большинство описанных выше зданий относятся к первой или великой эпохе джайнской архитектуры, которая продолжалась примерно до 1300 года или, возможно, немного позже. Похоже, тогда наступила пауза, по крайней мере, на севере Индии, но в 15 веке она возродилась, особенно при правлении Кумбо, одного из самых могущественных царей династии Мевар, любимой столицей которого был Читторе. Его правление длилось с 1418 по 1468 год, и именно ему мы обязаны другой из двух башен, которые до сих пор украшают чело Читторе. Только что была описана и проиллюстрирована более старая. Этот был воздвигнут как столп победы в ознаменование его победы над Махмудом из Малва в 1439 году. Таким образом, в индийской фразеологии это *Джая Стамбха*, или столп победы, подобный столпу Траяна в Риме, но с бесконечно лучшим вкусом в качестве архитектурного объекта, чем римский образец, хотя в скульптуре он, возможно, уступает. Как видно из последней гравюры на дереве (№ [143](#)), в нем девять этажей, каждый из которых отчетливо обозначен снаружи. Лестница в центре сообщается с каждым из них и ведет на два верхних этажа, которые открыты и более декоративны, чем нижние. Он имеет 30 футов в ширину у основания и более 120 футов в высоту; весь он покрыт архитектурными украшениями и скульптурами до такой степени, что не остается простых частей, в то же время эта масса украшений выдержана в настолько приглушенном виде, что никоим образом не нарушает ни очертаний, ни общего эффекта колонны. [\[282\]](#)

Мусульмане, как мы увидим позже, приняли план возведения башен победы в память о своих подвигах, но наиболее прямое подражание им было сделано китайцами, чьи девятиэтажные пагоды являются почти буквальными копиями этих джайнских башен, переведенными на их собственный особый манер выражения.

Другие примеры этого среднего стиля джайнской архитектуры можно найти в Палитане, Гирнаре и во всех модных тиртах джайнов, но они еще не были описаны или проиллюстрированы в той степени, которая позволяет нам всегда быть уверенными, что то, что мы видим, действительно относится к этой дате, а не может быть ремонтом или модификацией какого-то ранее существовавшего здания. Чаумук — или Четырехликий — в Палитане, по-видимому, был возведен в его нынешнем виде в 1618 году и является очень величественным и красивым образцом этого стиля.^[283] Храм Ардишур Багаван, который является крупнейшим храмом на этом холме, по-видимому, принял свой нынешний вид в 1530 году,^[284] хотя некоторые его части могут быть старше. По крайней мере, несомненно, что на этом месте стоял более древний храм, хотя и не обладавший той сказочной древностью, которую приписывали ему священники и доверчиво повторял полковник Год.^[285]

Несмотря на недостаток чрезвычайной грации и элегантности, которые характеризовали более ранние образцы, образцы среднего стиля являются смелыми и энергичными образцами искусства и по-прежнему демонстрируют оригинальность и приверженность традициям стиля, а также свободу от любых примесей посторонних элементов, что не может быть присуще современному стилю, пришедшему ему на смену.

ГЛАВА IV.

СОВРЕМЕННЫЙ джайнский СТИЛЬ.

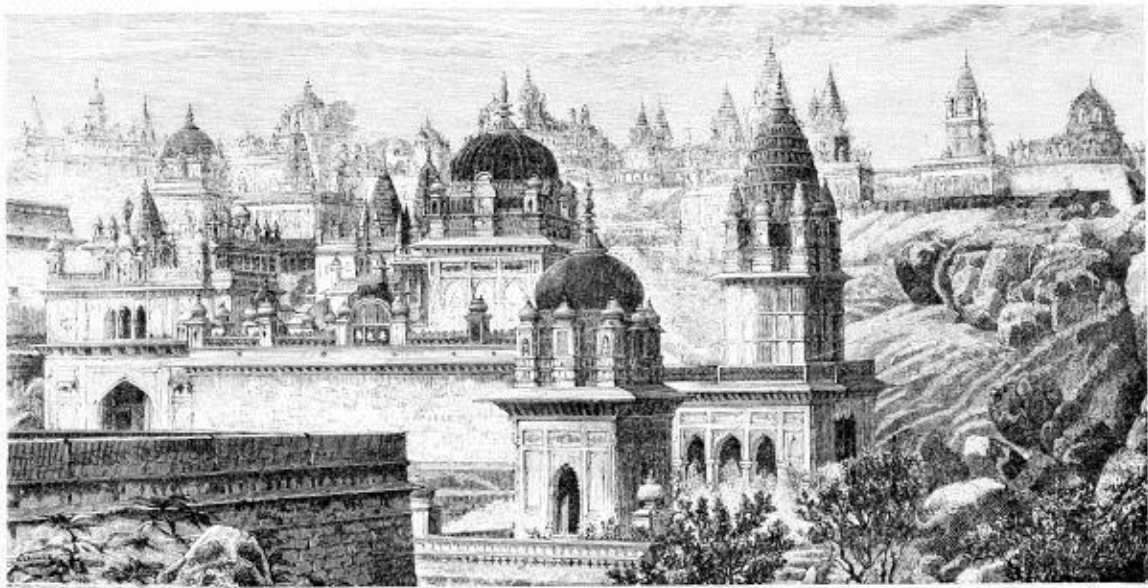
Содержание.

Джайнский храм, Дели—Джайнские пещеры—Переоборудованные мечети.

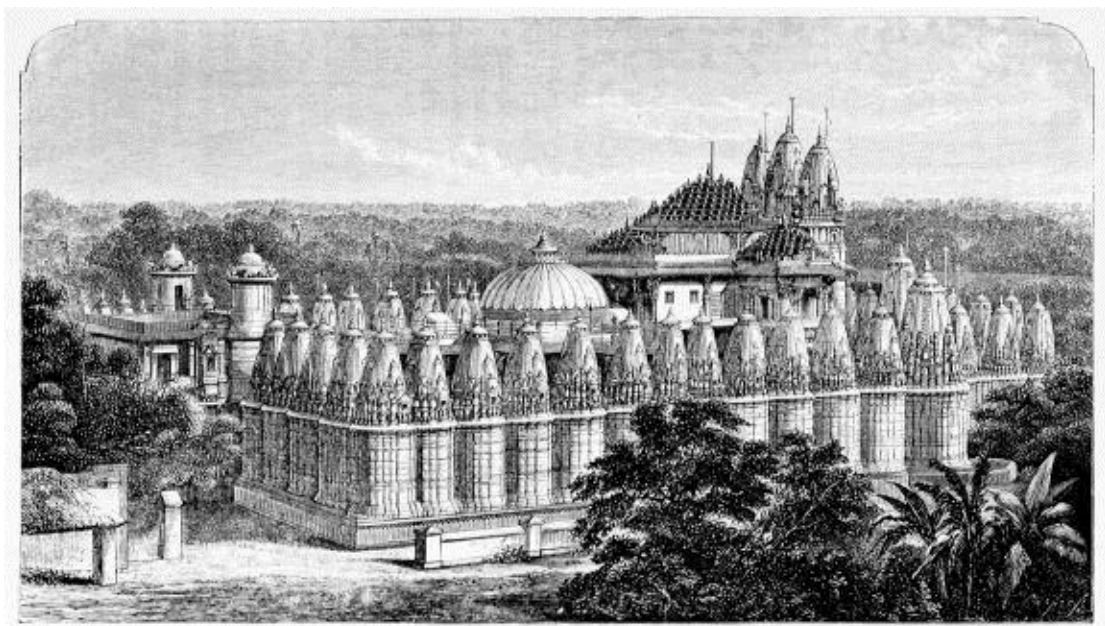
ТнеДва места в северной Индии, где, вероятно, с наибольшей пользой можно изучить самые современные стили джайнской архитектуры, - это Сонагур, недалеко от Даттеа, в Бундельканде, и Муктагири, недалеко от Гавелгура, в Бераре. Первый представляет собой гранитный холм, покрытый большими рыхлыми массивами первобытной породы, среди которых возвышается от восьмидесяти до ста храмов различных форм и размеров ([Гравюра на дереве № 144](#), стр. 256). Насколько можно судить по фотографиям или рисункам,^[286] ни один из этих храмов не принял свой нынешний вид более ста лет назад. Их первоначальное основание, возможно, было более ранним, но об этом мы ничего не знаем, поскольку ни один путешественник еще не просветил нас на этот счет и не объяснил, как и когда этот холм стал священной горой.

Как и большинство индуистских построек того периода, все эти храмы очень отчетливо демонстрируют огромное влияние магометанского стиля архитектуры на местные стили того времени. Почти все храмы здесь увенчаны луковичным куполом Моголов. Местная сикра появляется редко, и отверстия почти неизменно принимают форму магометанской заостренной арки с листьями. Результат живописен, но при ближайшем рассмотрении неудовлетворителен, и, как правило, деталям не хватает чистоты и элегантности, которые характеризовали более ранние образцы.

Муктагири, вместо того чтобы располагаться на холме, как обычно расположены храмы джайнов, находится в глубокой романтической долине, а самая большая группа храмов расположена на платформе у подножия водопада, который с грохотом низвергается с высоты 60 футов над ними. Как и в Сонагуре, все они выполнены в современном купольном стиле, скопированном с мусульманского искусства, и ни одна из них, насколько можно судить по имеющимся иллюстрациям, не отличается красотой дизайна. Было бы, однако, трудно найти другое место в Индии, где архитектура так удачно сочетается с красотами природы и производит такое приятное впечатление на любителя живописного, хотя более близкое знакомство может привести к разочарованию любителя антиквариата, изучающего стиль.

144. Вид на джайнские храмы, Сонагур, в Бундельканде. (С фотографии.)

145. Вид на храм Шет Хаттисинг в Ахмедабаде. (С фотографии полковника Биггса.)

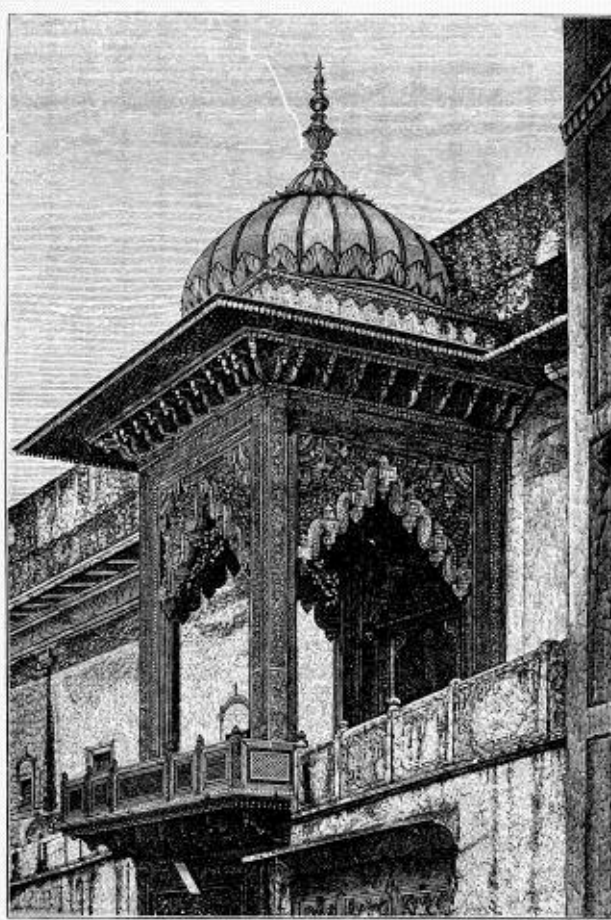
В отдаленных частях империи, и особенно в непосредственной близости от древних святилищ, это магометанское влияние ощущалось гораздо меньше, чем в только что упомянутых местах. Современные храмы, например, в Палитане, действительно, имеют купола, но они гораздо более прямые потомки старых джайнских куполов, чем копии куполов Великих Моголов, и покрытая листьями остроконечная арка редко, если вообще когда-либо, встречается в стенах этого старого города. Действительно, требуется опытный глаз, чтобы отличить старое от нового, и без слишком явной неполноценности современной скульптуры это не всегда было бы легко даже самому опытному антиквару.

На данный момент достаточно одного примера, чтобы показать эффект, к которому стремился этот стиль в последнее время, а также проиллюстрировать, насколько мало он отошел от своего древнего совершенства. Ибо, хотя эта гравюра на дереве (№ 145) этого не доказывает, в этой

стране есть фотографии, которые действительно передают чудесные детали этого храма так, что ошибиться невозможно. Он был возведен около тридцати лет назад Хаттисингом, богатым джайнским купцом, и посвящен Дхарманатху, 15-му Тиртханкару. В данном случае внешнее крыльцо между двумя круглыми башнями отличается большим великолепием и самым искусным орнаментом и ведет во внешний двор с шестнадцатью камерами по обе стороны. В центре находится куполообразное крыльцо обычной формы с двадцатью колоннами (см. Гравюру на дереве № 117). Она ведет к внутреннему крыльцу с двадцатью двумя колоннами высотой в два этажа и крышей формы, очень модной в современных джайнских храмах, хотя ни в коем случае не примечательной красотой, и ее трудно передать понятным без большого количества иллюстраций, чем она того заслуживает. Это ведет к тройному святилищу, отмеченному снаружи тремя сикрами, или шпилями. За ним находится корт поменьше с двумя группами по восемь ячеек, по одной в каждом углу, с ячейкой побольше в центре и двумя, что еще важнее, в точке соединения между ним и первой площадкой. Глазу европейца, непривычного к его формам, некоторые из них могут показаться странными; но, по крайней мере, его расположение, вероятно, будет признано очень совершенным. Каждая часть становится все более достойной по мере того, как мы приближаемся к святилищу. Внешний вид выражает интерьер более полно, чем даже готический дизайн; и независимо от того, смотрят ли на него со двора или снаружи, он отличается разнообразием без путаницы и соответствием каждой детали цели, для которой он был предназначен.

Джайнский храм, Дели.

146. Верхняя часть крыльца Джайнского храма в Дели. (С фотографии.)

Есть еще один пример, который, безусловно, заслуживает внимания, прежде чем оставить эту тему, не только из-за его красоты, но и из-за его необычности. На предыдущих страницах часто было необходимо отмечать ту любопытную деревянную подпорку, с помощью которой джайны

пытались уменьшить кажущуюся слабость более длинных балок под своими куполами. Это происходит в Абу ([Гравюра на дереве № 129](#)), в Гирнаре, в Удейпуре и многих других местах, о которых нам придется упомянуть в дальнейшем; фактически везде, где использовался восьмиугольный купол. Он также использовался индусами в их торанах, и он стал настолько любимым украшением, что Акбар часто использовал его как в Агре, так и в Футтепуре Сикри. На протяжении веков он сохранялся без особых изменений, но, наконец, в таком примере, как большой Боули в Бунди, [\[287\]](#) мы обнаруживаем, что он вырождается в простое украшение. Однако джайнскому архитектору конца прошлого или начала нынешнего столетия из магометанского города Дели оставалось предложить способ, с помощью которого то, что было только условно красивым, действительно могло стать подходящей конструктивной частью каменной архитектуры.

Как можно увидеть на последнем чертеже ([№ 146](#)), архитектору пришла в голову удачная идея заполнить всю заднюю часть стойки тончайшим узором с пронзенными листьями — таким образом, превратив то, что, хотя и было элегантно, было одной из самых слабых частей джайнского дизайна, в совершенно конструктивную каменную скобу; одно из самых приятных, что можно найти в индийской архитектуре, и сделать это с сохранением всех его традиционных ассоциаций. Колонны, поддерживающие эти кронштейны, также отличаются большой элегантностью и конструктивным совершенством, и в целом представляют собой столь же элегантный архитектурный проект, как и любой другой в своем роде. Слабой частью композиции является купол. Он элегантен, но чересчур условен. Он больше не имеет никакой конструктивной уместности, а стал простым украшением. Однако нетрудно понять, почему местные жители должны восхищаться им и перенимать его. Когда глаза нации были воспитаны постепенной последовательностью изменений в каком-либо архитектурном объекте, сохранявшихся на протяжении пяти или шести столетий, вкус настолько привыкает считать последнюю моду лучшей, изменения были настолько постепенными, что люди забывают, как далеко они отклонились от истинного пути. Европейец, который не был столь образован, видит только результат, не следуя шагам, с помощью которых он был достигнут, и потрясен, обнаружив, как далеко он отклонился от формы истинного строительного купола, и, находя его также незнакомым, осуждает его. Так, действительно, обстоит дело с девятью десятками украшений индуистской архитектуры. Мало кто из нас осознает, насколько образование было связано с их восхищением классическим или средневековым искусством, и, следовательно, мало кто понимает, насколько их осуждение индийских форм проистекает из самого недостатка постепенного и соответствующего образования.

ДЖАЙНСКИЕ ПЕЩЕРЫ.

Джайны никогда не были великими спелеокопателями; природа их религии не требовала огромных залов для собраний, как чайтхи буддистов, и не было необходимости, чтобы их священники жили отдельно в монастырях, как у их предшественников, и их церемониал поражал светом и воздушностью, а не мраком или таинственностью. Однако, подобно брахманам, на переходной стадии они вряд ли могли полностью отказаться следовать моде, установленной буддистами, к которой вся Индия привыкла почти 1000 лет и которая на самом деле представляла собой исключительно впечатляющую форму храмового строительства. Следовательно, мы находим их раскапывающими пещеры в Хандагири, недалеко от Каттака, вслед за более старыми пещерами в Удаягири. В Эллоре они последовали сразу за буддистами; и в других местах есть пещеры, на которые может претендовать любая религия, настолько они похожи друг на друга в своем переходном состоянии.

Недавно большой свет на историю этих раскопок пролило открытие джайнской пещеры в Бадами, в Дхарваре, с точно установленной датой. [\[288\]](#) На самой пещере нет надписи, но в том же месте есть три другие брахманические пещеры, на одной из которых есть надпись с несомненной датой, 500 Саков или 579 год н.э.; и все четыре пещеры настолько похожи друг на друга по стилю,

что, должно быть, были раскопаны в одном столетии. Джайнская пещера, вероятно, самая современная; но если мы возьмем 650 годн.э. в качестве средней даты, мы, вероятно, можем считать ее достоверной с погрешностью в двадцать лет в любом случае.....

Сама пещера очень маленькая, всего 31 фут в поперечнике и около 19 футов в глубину, и остается немного неясным, являются ли группы фигур на обоих концах веранды единым целым, или же они, возможно, не были добавлены в какой-то последующий период. Внутренние группы, однако, имеют возраст пещеры, а архитектура не изменилась и, таким образом, становится постоянной точкой отсчета для сравнения с другими примерами; и когда мы начинаем сравнивать их с группами, известными как Индра Субха и Джаганат Субха в Эллоре, мы без колебаний относим их примерно к тому же возрасту. До сих пор джайнская группа в Эллоре считалась там самой современной: впечатление, возникающее отчасти из-за характера самих скульптур, которые не являются ни чисто джайнскими, ни чисто индуистскими, — больше, однако, из-за крайней сложности сравнения образцов, высеченных в скале, со структурными. Наши знания об архитектуре храмов в девяти случаях из десяти черпаются из их внешних форм, которым интерьеры совершенно подчинены. Пещерные храмы, однако, практически не имеют экстерьера, и в лучшем случае фасады модифицированы, чтобы пропускать больше света, чем обычно в структурных зданиях, а затем укреплены и модифицированы так, чтобы соответствовать архитектуре, высеченной в скале. Поскольку ни один из известных до сих пор древних джайнских храмов не имел ни датированной надписи на нем, ни достаточно достоверной истории, неудивительно, что догадки могут быть далеки от истины. Однако теперь, когда мы точно знаем возраст одного примера, все это можно исправить, и, кажется, нет сомнений в том, что вся группа Индра Субха была уничтожена до катаклизма — скажем, до А.Д.н.э.

147. Вход в пещеру Индра Субха в Эллоре. (С фотографии.)

Когда в новом свете мы начинаем внимательно изучать архитектуру этих фасадов, мы обнаруживаем, что Ellora group демонстрирует необычайную близость к южному стилю. Маленькое отдельно стоящее святилище во внутреннем дворе Индра Субхи и ворота, показанные на вышеприведенной гравюре на дереве (№ [147](#)), выполнены в таком же дравидийском стиле, как и сам Килас, и, как и многие детали этих пещер, настолько идентичны, что их невозможно отдалить по времени. Можем ли мы, следовательно, предположить из этого, что чалукийское королевство Калиан в 7 веке нашей эры простиралось от Эллары на севере до Бадами на юге, и что все эти высеченные в скале образцы, включая храм в Айвулли ([Гравюра на дереве № 120](#)), были раскопаны или возведены под их эгидой?

К этому у нас будет возможность вернуться позже, когда мы будем описывать дравидийский стиль; но пока можно предположить, что эта теория отражает факты дела более близко, чем любая из ранее выдвинутых. Чалукьи Калиана располагались на границе, на полпути между севером и югом, и они или их подданные, по-видимому, использовали стили архитектуры, принадлежащие этим двум подразделениям, без разбора — можно даже сказать, попеременно, - и, следовательно, мы находим их смешанными здесь и в Думнаре самым загадочным образом.

Последний король этой расы, Викрамадитья II, взошел на трон в 733 году н.э., [\[289\]](#) и умер, вероятно, в 750 году н.э. или около того. Следовательно, вероятно, еще до этой даты эти дравидийские храмовые формы были введены джайнами в Эллоре. Килас и другие великие храмы шайвы были, я полагаю, раскопаны чера, или чола, которые были дравидийской расой и, если я не ошибаюсь, вытеснили чалукьев после смерти Викрамадитьи, их последнего царя, и передали свою власть, как сейчас будет объяснено, вплоть до Нербудды. Однако джайны, по-видимому, работали в этой области раньше, и это маленькое святилище при дворе Индры Субхи выглядит так, как будто оно могло послужить моделью для Килас, величайшего из всех индийских образцов скальных работ такого класса.

ПЕРЕОБОРУДОВАННЫЕ МЕЧЕТИ.

Еще одна форма, в которой мы можем изучать архитектуру джайнов на севере Индии, - это внутренние дворы ранних мечетей, которые магометане возвели при своем первом въезде в Индию. По сути, некоторые из них сохраняют свои прежние черты настолько, что, возможно, было бы удобно описать их здесь. Однако в некоторых случаях представляется сомнительным, находятся ли колонны — некоторые или все — в своем первоначальном положении, или до какой степени они были изменены завоевателями. Как бы то ни было, для наших нынешних целей бесспорным является тот факт, что ни один из них в настоящее время не является джайнским храмом. Все они являются мусульманскими мечетями, и поэтому было бы логичнее, а также удобнее отнести их ко второму классу зданий, а не к первому.

Если бы не это, Архай-дин-ка Джомп—ра в Аджмире — так называемый - мог бы быть и был описан как джайнский храм. [\[290\]](#) Так могла бы выглядеть большая часть мечети в Кутубе, Дели. Однако то, что в Канудже изначально было перестановкой и сильно изменилось с тех пор, как я это узнал; то, что в Дхаре, недалеко от Манду, датируется сравнительно недавним временем; в то время как джайнские колонны, которые так часто использовались в Ахмадабаде в 15 веке, все импортированы и используются в местах, для которых они никогда не предназначались.

Астилярные храмы индусов были бесполезны мусульманам разве что в качестве каменоломен - для этой цели они часто применялись; но легкий колоннообразный стиль джайнов не только давал материалы, более легко приспособленные для их целей, но и давал намеки, которыми мусульманские архитекторы не замедлили воспользоваться. Архитектура Ахмадабада, например (с 1396 по 1572 год н.э.), происходит гораздо более непосредственно от джайнской, чем от любого стиля, знакомого их единоверцам в любой другой части мира. То же самое можно сказать и о Хуанпуре, хотя в последнем названном городе вряд ли найдется камень, о котором можно было бы сказать, что он был извлечен непосредственно из какого-либо ранее существовавшего здания.

Процесс, посредством которого было осуществлено это преобразование джайнского храма в мусульманскую мечеть, будет легко понят, если обратиться к плану храма Вимала Сах на горе Абу ([Гравюра на дереве № 129](#), стр. 235). Удалив главную келью и ее крыльцо из центра двора и застроив входы в окружающие ее кельи, сразу же был получен внутренний двор, окруженный двойной колоннадой, которая всегда была типичной формой мечети. По—прежнему не хватало одной существенной детали - более важной стороны, обращенной к Мекке; этого они легко добились, убрав меньшие колонны с этой стороны и установив на их месте более крупные колонны крыльца с их куполом в центре; и, если было два купола поменьше, разместив по одному из них на каждом конце. Таким образом, не потребовалось ни одной новой колонны или резного

камня, и они получили мечеть, которая по удобству и красоте не уступала ничему, что они впоследствии возвели по своим собственным оригинальным проектам.

ГЛАВА V.

ДЖАЙНСКИЙ СТИЛЬ В ЮЖНОЙ ИНДИИ.

Содержание.

Беттус—Бастис.

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ БЫЛА ПРОДЕЛАНА БОЛЬШАЯ работа по фотографированию памятников джайнов на юге Индии, но, насколько мне известно, в последнее время не было написано ничего, что давало бы какой-либо статистический отчет об их нынешнем положении в стране, равно как и никакой информации о том, когда их учреждения впервые были основаны в Майсуре и Канаре.^[291] Что еще больше вызывает сожаление для наших нынешних целей, так это то, что не было составлено планов их зданий и не нарисовано архитектурных деталей, так что в целом наши знания об этом предмете несколько поверхностны; но он интересен своей обширностью и любопытен неожиданной связью, которую он обнаруживает с другими стилями и странами.

Отчет мистера Берджесса доказал, что джайны действительно существовали в Айвулли и Бадами (*выше*, стр. 261) еще в конце 6-го или, безусловно, в 7-м веке; но после этого наступает пауза на четыре или пять столетий, когда стиль вновь появляется в силе в Белгаоне и в его окрестностях в 11-м и 12-м веках. Таким же образом южные джайны, по-видимому, продвинулись на север до Эллары в VII или VIII веке, унося с собой свой дравидийский стиль (*выше*, стр. 261); но здесь мы снова останавливаемся, насколько были найдены какие-либо прямые свидетельства, до великого всплеска джайнского великолепия в конце X века, которое затем, по-видимому, продолжалось на севере, пока не было потревожено вторжением магометан. Ни в коем случае не ясно, не могло ли разрушение их храмов, как в Аджмире и Дели, и преследование их веры в целом быть причиной, побудившей джайнов мигрировать на юг. Это, безусловно, было примерно в то время, когда произошло его наибольшее развитие на юге. Конечно, он существовал там и раньше, и некоторые из первых королей Хойсала Беллаласа были джайнами, по крайней мере номинально. Однако все их здания, насколько мы их знаем, будь то в Соматхпуре, Беллуре или Хуллабиде, принадлежат вайшнавам или шайвам.

Еще одно обстоятельство, которое вызывает недоумение или, по крайней мере, необычно, заключается в том, что джайнизм юга, по-видимому, не основан на каком-либо ранее существовавшем буддизме. К югу от Пуны до сих пор не было обнаружено никаких важных буддийских останков, за единственным исключением Амравати топе и нескольких пещер в непосредственной близости от него. Вероятно, могут существовать или существовали другие; но быстрая манера, с которой Хиуэн Тханг проезжает через эти страны, и небольшое упоминание, которое он делает о буддийских учреждениях,^[292] ставят под сомнение существование в Дравидадесе каких-либо важных общин, принадлежащих к этой вере.^[293] В столице, Конканануре, которая, по-видимому, располагалась где-то в Северном Майсуре, возможно, были какие-то обширные буддийские учреждения; но поскольку они не оставили на этом месте ни мемориалов, ни памятников, мы можем предположить, что они были не так важны, как он описывает их в VII веке.

Если, однако, на юге не было буддизма, на котором мог бы основываться джайнизм, то повсюду видны следы распространения поклонения Змеям в тех районах, где сейчас преобладает религия джайнизма. Скульптурные змеи со многими головами во всех их обычных формах встречаются повсюду вокруг храмов и в них самих; и Субрамуни, расположенный ниже Гхатов, до сих пор является одним из главных мест поклонения Змеям в южной Индии. К сожалению, нелегко сказать, насколько поклонение деревьям было связано с последней верой. Деревья гибнут

легче и быстрее, чем скульптурные камни, и когда поклонение прекращается, его следы исчезают с большей готовностью. Есть некоторые указания на то, что она преобладала и здесь, но до тех пор, пока не будут проведены целенаправленные исследования, невозможно сказать, в какой степени на эти указания можно полагаться. Однако даже сейчас известно достаточно, чтобы оправдать утверждение о том, что поклонение дереву и Змее существовало ранее в тех районах, где джайнизм преобладал на юге, но не появилось в более чисто дравидийских странах, где люди сейчас посвящены поклонению Шиве и индуистскому пантеону.

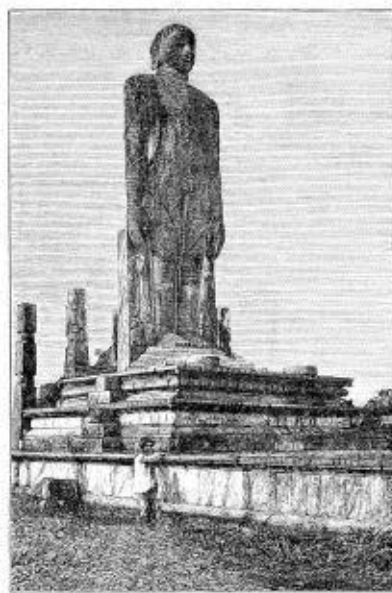
Истина, по-видимому, заключается в том, что до тех пор, пока многочисленные джайнские надписи, которые существуют повсюду на юге, не будут собраны и переведены, и пока не будут составлены планы их зданий и собраны статистические данные о них, бесполезно строить предположения либо о времени распространения джайнизма на юге, либо о его превратностях за время существования там. Это задача, которую, к сожалению, мало кто в этом Президентстве способен выполнить, и еще меньше желающих посвятить время и труд, необходимые для ее успешного выполнения; но она достойна того, чтобы попытаться выполнить, поскольку, в случае успешного выполнения, она добавила бы к нашим скудным запасам знаний одну из самых интересных глав, все еще доступных в религиозной и художественной истории народа Индии.

BETTUS.

Первая особенность, которая бросается в глаза как отличающая джайнскую архитектуру юга от северной, - это разделение южных храмов на два класса, называемых Бастис и Беттус.^[294] Первые представляют собой храмы в обычном понимании этого слова, как оно понимается на севере, и, как и там, всегда содержат изображение одного из двадцати четырех Тиртханкаров, которому там поклоняются. Последние неизвестны на севере; это внутренние дворы, открытые небу и содержащие изображения не Тиртханкара, а Гомати или так называемого Гомата Раджи, хотя кем он был и почему ему поклонялись, похоже, никто точно не знает. Он не известен джайнам на севере. Все изображения на скале в Гуалиоре принадлежат тем или иным тиртханкарам, и даже колосс Ульвара, Нан Гунги, вряд ли можно отождествить с этими южными изображениями. Это выглядит почти так, как если бы какое-то смутное предание о Гаутаме Будде-принце, в отличие от Махавиры, последнего из Тиртханкаров, и который, как говорят, был его наставником, в поздние времена проникло на юг и породило эту своеобразную форму. Как бы то ни было, изображения этого царя или джайнского святого являются одними из самых замечательных произведений местного искусства юга Индии. Три из них известны, и уже давно известны европейцам,^[295] и сомнительно, существуют ли еще какие-либо. Это слишком примечательные объекты, чтобы не привлечь внимания даже самого равнодушного сакса. Это в Шравана-Белгуле привлекло внимание покойного герцога Веллингтона, когда в качестве сэра А. Уэлсли он командовал дивизией при осаде Серингапатама. Он, как и все те, кто последовал за ним, был поражен количеством труда, которое, должно быть, потребовала такая работа, и недоумевал, была ли она частью холма или ее перенесли на то место, где она сейчас стоит. Первая теория является более вероятной. Холм под названием Индра Гири представляет собой одну гранитную глыбу высотой около 400 футов, на вершине которой, вероятно, стоял массив или Тор - либо часть нижележащего массива, либо лежащий на нем. Джайны взялись вылепить из него статую высотой 70 футов 3 дюйма и добились этого с поразительным успехом. Задача высечь камень, стоящий на своем месте, перед умом индусов никогда бы не отступила, будь он даже вдвое больше; но переместить такую массу вверх по крутому гладкому склону холма кажется им непосильным трудом, даже при всем их умении концентрировать массы людей в одной точке. Независимо от того, была ли скала найдена *на месте* или ее перенесли, нигде за пределами Египта не существует ничего более величественного, и даже там ни одна известная статуя не превосходит ее по высоте, хотя, следует признать, они превосходят ее совершенством искусства, которое они демонстрируют.

Изображение в Каркале, которое находится следующим — его размер составляет 41 фут 5 дюймов. в высоту и весит около 80 тонн^[296] — несомненно, был перенесен на то место, где стоит сейчас, и, к счастью, на нем выгравирована дата, 1432 год н.э., и он настолько похож на тот, что в Белгуле, что между их возрастами вряд ли может быть большая разница.

Третий в Яннуре меньше, около 35 футов. вверх, по-видимому,^[297] но по стилю искусства, в котором она выполнена, она, вероятно, самая старая из трех ([гравюра на дереве № 148](#)).

148. Колоссальная статуя в Яннуре.

(С фотографии.)

Все эти три фигуры принадлежат к джайнской секте дигамбара, поскольку они полностью обнажены; и у всех них есть особенность в том, что веточки дерева Бо Сакья Муни - *религиозного фикуса* — обвиты вокруг их рук и ног способом, который больше нигде не встречается, а у ног - змеи. В джайнской пещере в Бадами похожая фигура имеет две змеи, обвивающие ее руки и ноги точно так же, как эти веточки здесь, а дерево Бо отодвинуто на задний план.^[298] Эта фигура, хотя, вероятно, и не такая древняя, как пещера, в которой она найдена, — скажем, в 600 году н.э., — безусловно, намного старше трех больших монолитов, и вместе с другими признаками делает вероятным, что большая выдающаяся фигура змеи или дерева не является несправедливым указанием на относительный возраст любых двух статуй. В том, что в Яннуре змеи трехглавые и очень заметны рядом со статуей, на стелах рядом с ногами. В Каркале они менее заметны,^[299] а в Белгуле они отведены к основанию, в то время как дерево с его листьями там густо раскинуто по всей фигуре.

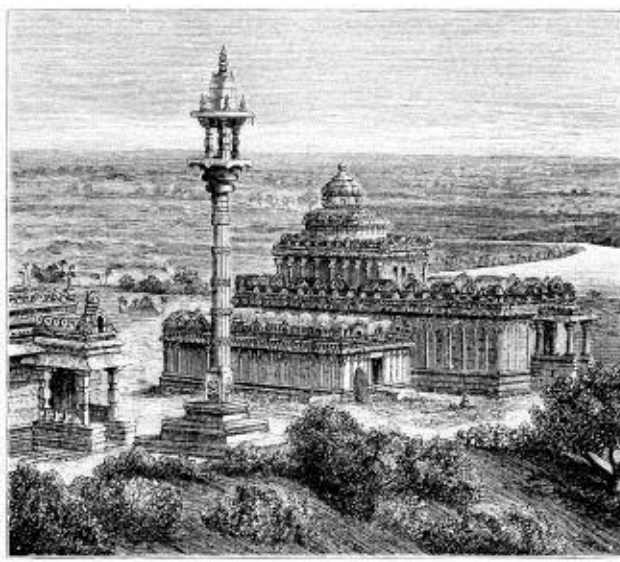
БАСТИС.

Основная группа басты джайнов, известная, по крайней мере, в настоящее время, над гхатами, находится в Шравана Белгуле. Там есть два холма — Индрагири, на вершине которого возвышается только что описанное колоссальное изображение, возвышающееся над равниной. На плече другого, по имени Чандрагири, стоят Басты, числом пятнадцать. Как и следовало ожидать, исходя из их положения, все они выполнены в дравидийском архитектурном стиле и, следовательно, построены в постепенно уменьшающихся этажах, каждый из которых украшен небольшими имитированными ячейками, как было объяснено выше, стр. 134, и будет более полно описано позже. Среди них не встречается ни одного примера криволинейной сикры, или шпиля,

который является универсальным у северных джайнов, за исключением упомянутого выше примера Эллары.

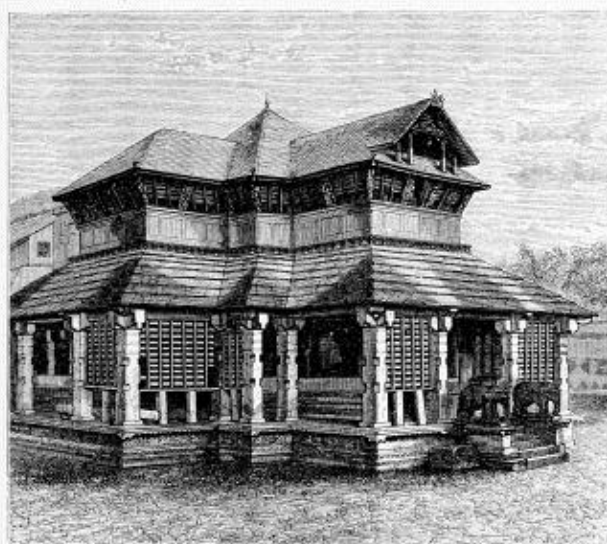
К сожалению, никто еще не счел нужным составить план какого-либо из этих храмов или даже описать их в деталях, так что трудно быть уверенным в чем-либо относительно них. Следующая гравюра на дереве (№ 149) передает, однако, представление об общем внешнем виде, который является более декоративным, чем у северных джайнских храмов в целом. Внешняя стена тех, что расположены на севере, почти всегда довольно простая. Южные, как правило, украшены пилястрами и увенчаны рядом декоративных ячеек. Внутри находится двор, вероятно, квадратный и окруженный галереями, в задней части которого возвышается вимана над кельей, в которой находится главное изображение Тиртханкара. Он всегда увенчан небольшим куполом, как это обычно бывает со всеми виманами в дравидийской архитектуре, а не с таинственным орнаментом амалака северных сикр.

Это может быть тщетным предположением, но кажется невозможным смотреть на эту гравюру на дереве и не поражаться ее сходству с храмами южной Вавилонии (Гравюры на дереве № 47 и 48 тома i). То же разделение на этажи с их кельями; обратное расположение самого храма; обшитый панелями или пилястрами цокольный этаж - все это моменты сходства, которые, по видимому, трудно считать чисто случайными. Расстояние во времени, казалось бы, исключает подобную идею, но сочетания людей с быками и львами и множество сходств между пантеонами Вавилонии и Индии делают тот факт, что архитектура одной страны влияет на архитектуру другой, далеко не невозможным, хотя некоторым это может показаться невероятным. Я долго пытался отбросить эту идею как несостоятельную гипотезу, но каждый раз, когда я возвращаюсь к изучению предмета, ее правдоподобие повторяется с возрастающей силой. Однако его проверка или опровержение должны зависеть от того, обладаем ли мы большими знаниями по этому предмету, чем в настоящее время.

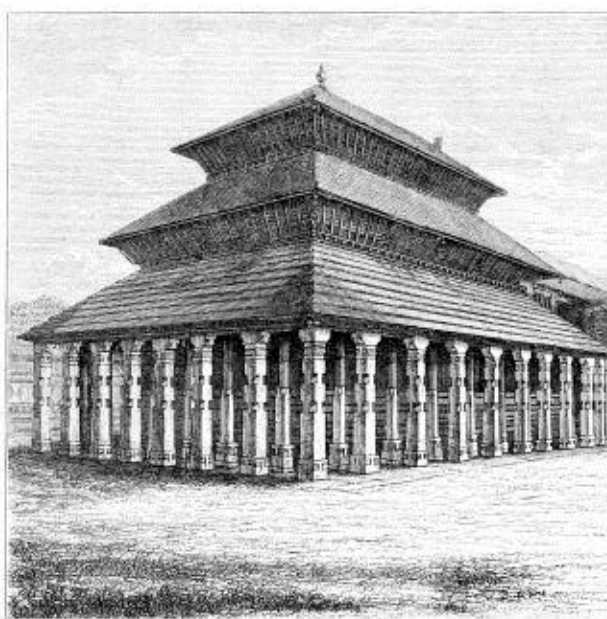
149. Джайна Басти в Шравана Белгула. (С фотографии.)

Когда мы спускаемся по Гхатам в Канару, или страну Тулава, мы сталкиваемся с совершенно иным положением вещей. Джайнизм - религия страны, и все или почти все храмы принадлежат этой секте, но их архитектура не является ни дравидийским стилем юга, ни северной Индии, и, действительно, неизвестно, что он существует где-либо еще в самой Индии, но повторяется со всеми своими особенностями в Непале.

150. Джайнский храм в Мудбидри. (С фотографии.)

Прилагаемые два вида ([ксилографии № 150-51](#)) одного из крупнейших из этих храмов, найденного в местечке под названием Мудбидри, ^[300] на Канаре, дадут четкое представление об общем внешнем виде этих храмов. Они гораздо более простые, чем обычно бывают индуистские храмы. Колонны выглядят как деревянные бревна с частично скошенными углами, придающими им восьмиугольную форму, а покатые крыши веранд настолько явно деревянные, что сам стиль не может быть далек от деревянного оригинала. Действительно, во многих местах ниже Гат храмы все еще полностью построены из дерева без какой-либо примеси камня, и почти все элементы храмов Мудбидри в наши дни можно найти в дереве. Жалюзи между колоннами, выполненные там из камня, встречаются из дерева в каждом городе Индии и с очень небольшими вариациями используются европейцами в Калькутте, возможно, в большей степени, чем когда-либо использовались местными жителями.

151. Джайнский храм в Мудбидри. (С фотографии.)

Однако особенностью, которая имеет наибольшее сходство с северными стилями, является обратный наклон карниза над верандой. Я не знаю о его существовании где-либо еще к югу от

Непала, и он настолько необычен, что гораздо более вероятно, что его скопировали, чем изобрели заново.

Интерьеры канарецких храмов резко контрастируют с простотой экстерьеров. Ничто не может сравниться с богатством и разнообразием их резьбы. Нет двух одинаковых колонн, и многие из них украшены до такой степени, что могут показаться почти фантастическими. Это снова указывает на их недавнее происхождение от деревянного оригинала.

152. Колонна в храме, Мудбидри. (С фотографии.)

Долгая привычка использовать камень отрезвила бы их формы, и сейчас они имеют большую толщину — можно даже сказать, массивность — и это как раз тот избыток силы, который использовали бы люди, привыкшие к деревянному зодчеству, когда впервые потребовалось бы заменить каменные опоры, которые в случае дерева оказались бы необходимыми для несения тяжелой каменной крыши ([Гравюра на дереве № 152](#), стр. 273).

Их планы, насколько можно судить по фотографиям, те же, что и в джайнских храмах — просторные, хорошо освещенные веранды, ведущие в темную камеру, в которой помещено изображение одного из тиртханкаров, разумеется, обнаженного, поскольку все южные джайны, по-видимому, принадлежали к секте дигамбара.

Их возраст еще не определен с уверенностью, поскольку никакие надписи с них еще не были опубликованы или переведены, но, насколько можно почерпнуть информацию из различных доступных источников, триста или четыреста лет, по-видимому, являются пределом их возраста. Некоторые из них могут датироваться 1300 годом, но похоже, что королевство Заморин находилось на пике своего процветания примерно в то время, когда его впервые посетили португальцы, и что самые прекрасные храмы могут относиться к той эпохе.

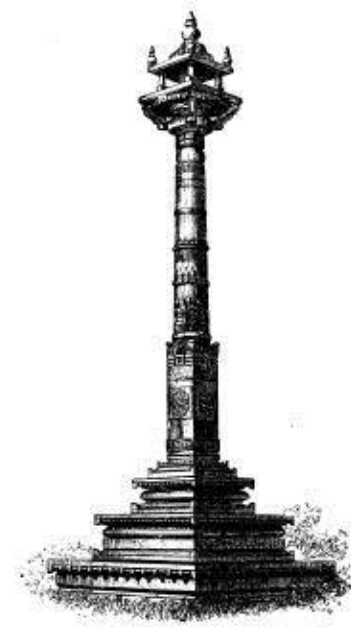
153. Павильон в Gurusankerry. (С фотографии.)

Помимо больших храмов, есть несколько разновидностей храмов поменьше, которые кажутся характерными для данного стиля — такие, например, как пятиколонный храм в Гурусанкерри ([Гравюра на дереве № 153](#)). Павильоны с четырьмя колоннами не редкость перед индуистскими храмами на юге. Например, на противоположном берегу Индии, в Махавеллипоре, есть очень известный храм, но, насколько я знаю, ни один из них не имеет пяти колонн или доступа в верхние покои. В данном случае есть три из этих верхних камер — две нижние сейчас закрыты, но, по-видимому, первоначально были открыты; но для какого использования они были предназначены или какой цели они должны были служить, ни в коем случае не ясно. У основания храма есть несколько камней с изображениями змей; сейчас их там семь или восемь, а сами змеи — одни с одной, другие с тремя, пятью или семью головами. Возможно, это храм змеи и что живая форма этого странного божества, когда оно было живо, обитала на верхнем этаже. Но также может быть, что камни были привезены туда в наше время, так что до тех пор, пока кто-нибудь на месте не возьмет на себя труд установить факты этого дела, небезопасно строить догадки относительно них.

Третья особенность, еще более характерная для этого стиля, обнаруживается в гробницах священников, большое количество которых найдено в окрестностях Мудбидри. Три из них проиллюстрированы на прилагаемой гравюре на дереве (№ [154](#)). Они сильно различаются по размерам и великолепию, некоторые из них от трех до пяти или семи этажей в высоту, но они не украшены имитацией келий, как этажи дравидийских храмов, и не заканчиваются куполообразными крышами. Каждый этаж разделен покатой крышей, как у пагод в Катмандху, а также в Китае или Тибете. В Индии они довольно необычны. Во-первых, нигде больше не известно о существовании гробниц священников, и их формы также совершенно не похожи ни на одно другое здание, которое, как известно, сейчас находится в любой другой части Индии.

Хотя это и не самые величественные, безусловно, самые элегантные и грациозные объекты, которые можно найти в Канаре, относящиеся к джайнскому стилю архитектуры, - это стамбхи, которые можно найти почти при каждом храме. Однако они не являются специфическими для данного места или стиля. Иногда они используются индусами, но обычно в качестве дипданов, или столбов, несущих лампы, и в этом случае имеют какое-то устройство для проливания света с их вершины. С джайнами, по-видимому, такого никогда не было. Их колонны являются прямыми потомками колонн буддистов, на которых были изображены либо эмблемы, либо статуи — как правило, первые — либо фигуры животных; у джайнов или вайшнавов они, как правило, носили статуи. Как бы то ни было, кажется, нигде они не встречались так часто и не были так искусно украшены, как среди джайнов на юге, и особенно в Канаре. Приведенный здесь пример одного из них в Gurusankerry - довольно средний образец в своем классе ([Гравюра на дереве № 155](#)). Основание квадратное и расширяющееся; само основание квадратное, переходящее в восьмиугольник, а оттуда в многоугольную фигуру, приближающуюся к кругу; а над широко раскинувшейся капителью самого замысловатого дизайна. Многим это может на первый взгляд показаться обременительным, но на самом деле это не так. Если вы вообще устанавливаете колонну, ей должно быть что нести. Те, что мы возводим, скопированы с колонн, предназначенных для поддержки архитравов, и являются абсурдными конструкциями, когда просто поддерживают статуи; мы, однако, привыкли к ним, и наш глаз оскорбляется, если предлагается что-то более пропорциональное предстоящей работе; но, глядя на ширину основания и прочность древка, все, что меньше, чем представлено здесь, было бы сочтено непропорционально маленьким.

На нижней или квадратной части этих стамбх, а также на колоннах внутри храмов в Мудбидри ([Гравюра на дереве № 152](#)) и в других местах Канары мы находим тот любопытный переплетенный узор в виде корзин, который так знаком нам по ирландским рукописям или орнаментам на ирландских крестах. Как указывалось в предыдущем томе (ii. стр. 475), он также распространен в Армении и может быть прослежен вверх по долине Дуная в центральную Европу; но как он попал на западное побережье Индии, мы не знаем, и, насколько мне известно, у нас нет никаких указаний, на которые мы могли бы положиться при его интродукции. На протяжении последних пятнадцати столетий на этом побережье всегда проживало большое количество христиан, которые были связаны с Персией и Сирией и являются таковыми сейчас. Действительно, было бы странно, если бы джайны получили это устройство именно от них. Но в истории архитектуры случались вещи и более странные, чем это, и мало что может быть интереснее, когда существуют средства проследить любую связь, которая может быть обнаружена между ними.

Если бы кто-то захотел выбрать одну особенность индийской архитектуры, которая иллюстрировала бы ее расцвет и прогресс, а также ее совершенство и слабость, вероятно, нет объектов, более подходящих для этой цели, чем эти стамбхи, или отдельно стоящие колонны. Их находят всех эпох, от простых и монолитных латов, которые Ашока установил для нанесения надписей или эмблем, примерно за 250 лет до н.э., до семнадцатого или, возможно, даже восемнадцатого века нашей эры. В течение этих 2000 лет они были возведены сначала буддистами, затем джайнами, а иногда и другими сектами во всех частях Индии; и, несмотря на присущую им хрупкость, известно, что около пятидесяти — может быть, и ста — из них все еще стоят. После первого и самого простого, возведенного Ашокой, можно с уверенностью утверждать, что нет двух одинаковых, хотя все они несут на себе сильный отпечаток эпохи, в которую они были возведены, и все они полностью оригинальны и имеют индийский дизайн.

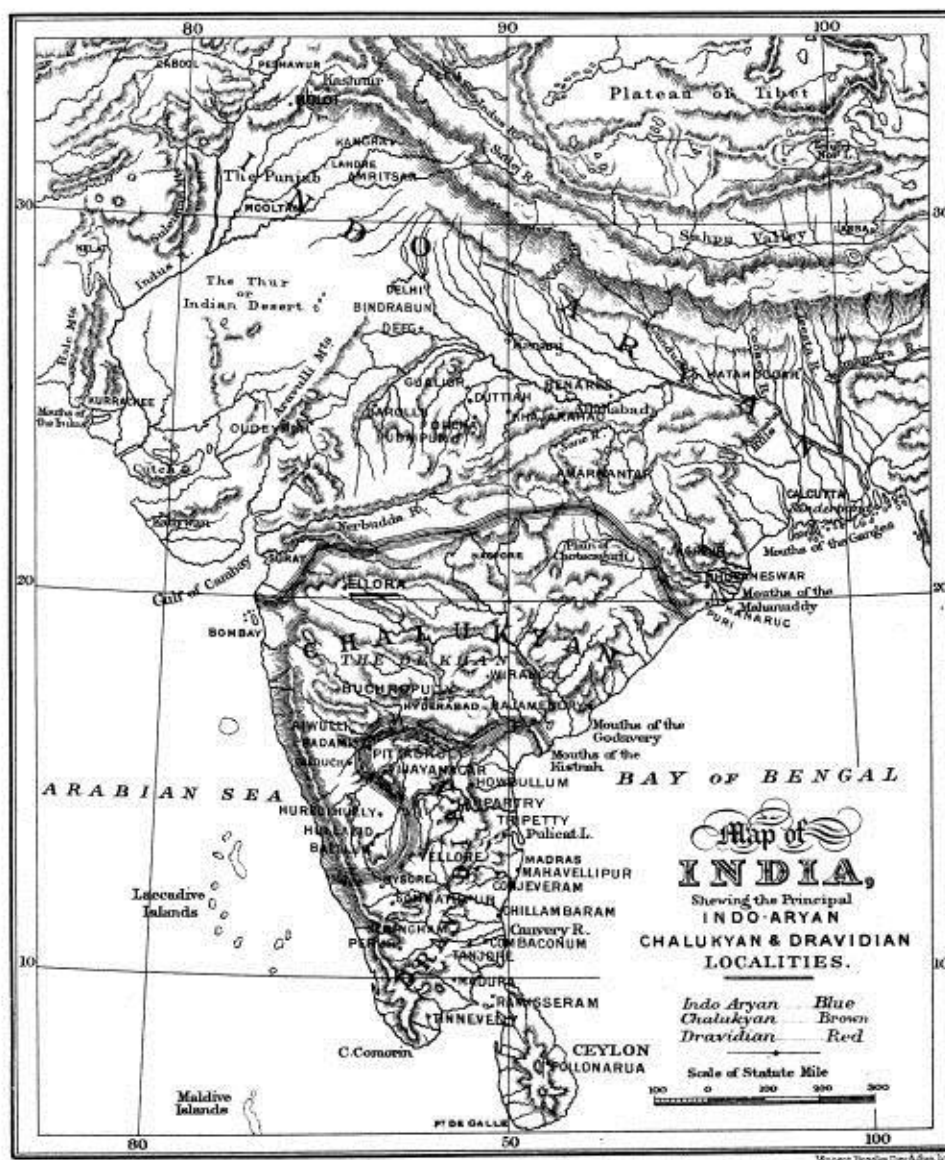
Возможно, из-за склонности мусульман к стилокластике эти столпы встречаются не так часто там, где они господствовали, как в более отдаленных частях Индии; но, по этой причине или нет, они, по-видимому, встречаются чаще на Канаре и среди южных джайнов, чем в любой другой части Индии. На севере мы зависим в основном от форм образцов, высеченных в скалах, но они настолько обычны там, что вряд ли можно сомневаться в том, что они были относительно такими же частыми в связи со структурными примерами, хотя они в целом исчезли.

Было высказано предположение, что между этими стамбхами и египетскими обелисками может быть какая-то связь. Однако время, прошедшее между возведением монолитов в долине Нила и в Индии, по-видимому, делает это сомнительным, хотя они, несомненно, были возведены для аналогичных целей и занимали такое же положение относительно храмов. Однако, когда мы смотрим на огромную разницу между их дизайном, становится очевидным, даже если предположить связь, что должны были пройти огромные века, прежде чем простые, прямолинейные формы обелисков могли быть изменены на сложные и воздушные формы джайнских стамбх. Эти два являются Альфой и Омегой архитектурного дизайна — более старый, простой и строгий, превосходящий любые другие примеры чисто декоративных объектов; последний более разнообразный и богато украшенный, чем почти любой другой в своем классе, который можно назвать.

Мы едва ли еще в состоянии довести эти предположения до их законного завершения и должны дожидаться дальнейшей информации, прежде чем из них можно будет сделать какой-либо удовлетворительный вывод; но пока можно указать, насколько любопытно для индийского искусства то, что эта маленькая отдаленная провинция Тулава, или Канара, имеет свой собственный стиль, существенно отличающийся от стиля, встречающегося в любой другой части индийского континента, но все же имеющий сходство с отдаленными странами, о связи с

которыми вряд ли можно было бы заподозрить, если бы не признаки, почерпнутые из их архитектуры.

Я не могу предложить даже правдоподобного предположения, как или в какое время существовала связь между Непалом, Тибетом и Канарами; но я не сомневаюсь, что так оно и было, и что кто-нибудь, имеющий больше возможностей, впоследствии объяснит то, что сейчас кажется таким загадочным. Не так сложно предположить, насколько ранние и частые сношения могли существовать между Персидским заливом и западными берегами Индии, и как отношения между этими двумя странами могли быть настолько тесными, что объясняли такое количество ассирийских, или, как мы теперь их называем, армянских, форм, которые мы сейчас находим в джайнской архитектуре южной Индии, особенно в той, что ниже Гат. Однако потребуются, чтобы индийская ветвь этой темы была исследована гораздо полнее и более научно, чем это было до сих пор, прежде чем стоит сделать нечто большее, чем просто указать, насколько богатая область открыта, чтобы вознаградить трудолюбие любого будущего исследователя.

Карта Индии, на Shewing the Principal INDO-ARYAN ЧАЛУКСКИЕ И дравидийские НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ .

Винсент Брукс, лит. Дэй и Сын

КНИГА III.

АРХИТЕКТУРА В ГИМАЛАЯХ.

ГЛАВА I.

КАШМИР.

Содержание.

Храмы—Мартанд—Авантипур—Бханияр.

Хотя архитектура долины Кашмир не так красива сама по себе и не так интересна ни с художественной, ни с исторической точки зрения, как многие другие, в наше время она привлекает больше внимания, чем архитектура любых других стилей в Индии, и о ней написано большее количество специальных трактатов, чем посвящено всем остальным стилям вместе взятым. Отчасти это объясняется красотой долины, в которой расположены кашмирские храмы. Красота его пейзажей во все времена привлекала туристов на его зеленые заснеженные равнины, а совершенство его климата побудило их задержаться здесь и посвятить свой досуг изучению его сокровищ, природных и художественных. В этом отношении их судьба сильно отличается от судьбы храмов, расположенных на жарких и пыльных равнинах Индии, где каждый чиновник слишком занят, чтобы посвятить себя такой задаче, а путешественники слишком спешат задержаться, чтобы неторопливо и с любовью любоваться их красотами.

Однако, помимо этого дополнительного преимущества, храмы Кашмира составляют группу, вполне достойную внимания. Когда от одного или двух ложных примеров избавляются, они образуют целостную и однородную группу, насчитывающую около шести столетий (с 600 по 1200 гг. н.э.), на редкость однородную в своем развитии и очень локальную, не похожую ни на один другой стиль, известный в Индии. Кроме того, в них есть определенный классический элемент, который вряд ли можно спутать, и которого самого по себе достаточно, чтобы привлечь внимание европейцев, заинтересованных в обнаружении своих собственных знакомых форм в этой отдаленной долине Гималаев.

Самыми ранними из современных исследователей этого предмета были г-н Муркрофт и Требек. Муркрофт и Требек посетили долину в 1819-25 годах.^[301] Они оба были проникательными и умными наблюдателями, но, не имея специальных знаний в этой области, их наблюдения за архитектурой долины мало что добавляют к нашим знаниям о ее истории.

За ними последовал Г. Т. Винь в 1833 году, который, будучи художником, нарисовал здания с замечательной точностью, чтобы выявить особенности стиля, а также приблизить их историю с очень сносной точностью.^[302] Примерно в то же время барон Хюгель поделился своим впечатлением по этому вопросу с общественностью, но в гораздо менее критичной манере, чем его предшественники.^[303]

В 1848 году капитан (ныне генерал) А. Каннингем опубликовал в сентябрьском номере 'Журнала Королевского азиатского общества' эссе о том, что он назвал арийским архитектурным орденом, но которое было полностью посвящено архитектуре Кашмира. Она была проиллюстрирована пятнадцатью складными таблицами, содержащими планы, фасады и виды - фактически все, что требовалось для выяснения истории стиля, и, если бы не одна или две досадные ошибки, его преемникам мало что оставалось бы сделать в этой области исследований.

В 1866 году преподобный У. К. Коуи, дежурный капеллан в Кашмире, опубликовал в том же журнале эссе на ту же тему в качестве дополнения к статье генерала Каннингема, в котором описал несколько храмов, которые он не посещал, и значительно расширил наши знания о тех, которые он описал. Эта статья также была подробно проиллюстрирована.

Из-за всего этого богатства литературы оставалось сделать совсем немного, когда в 1868 году лейтенант Коул, Р.Э., получил назначение суперинтендантом Археологической службы Индии и

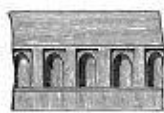
отправился в Кашмир со штатом, вполне достаточным для решения всех оставшихся нерешенных вопросов.^[304] К сожалению, однако, лейтенант Коул ранее не имел никаких знаний об индийских древностях в целом и не прошел какого-либо специального обучения для расследования, которое ему было поручено провести. Поэтому все, что он мог сделать, это слепо принять даты генерала Каннингема, и в этом не было бы большого вреда, но, когда он наткнулся на храм, который ускользнул от внимания его предшественника, он произвольно вставил его со своей собственной датой в ряд генерала. Поскольку все эти даты приведены так, как будто они точно установлены, без каких-либо рассуждений, на которых они основаны, они, если их принять, привели бы к самым ошибочным выводам. Однако, если оставить это в стороне, планы и архитектурные детали лейтенанта Коула являются ценным вкладом в наши знания об этом предмете, а его фотографии и те, что теперь доступны другим, позволяют тем, у кого не было возможности посетить долину, составить собственное мнение, и при всем этом освещении, кажется, нетрудно установить все действительно важные факты, связанные с этим стилем.

Первой и наиболее вводящей в заблуждение ошибкой, которая была допущена в отношении кашмирской архитектуры, было предположение генерала Каннингема о том, что ограда гробницы Зейн-уль-аб-уд-дина в Сринагаре первоначально принадлежала древнему кашмирскому храму. Лейтенант Коул смело выводит на своих табличках “вероятная дата с 400 по 500 годн.э.”. Ошибка может быть максимум в 1000 лет, поскольку вряд ли можно сомневаться в том, что он был возведен для принца, чье имя он носит, и который в 1410 году н.э. наследовал своему отцу Сикандару, носившему зловещее прозвище Бутшикан, разрушитель идолов. Как видно из гравюры на дереве (№ 156), она состоит из серии небольших стрельчатых арок в прямоугольных рамах, которые очень часто встречаются в магометанском искусстве, а особенности ворот и других частей точно такие же, как во всем современном мусульманском искусстве Индии. Все мечети и гробницы, например, в Ахмедабаде, 1396-1572 гг. н.э. 1396-1572 гг. н.э., состоят из деталей, заимствованных из архитектуры джайнов, а основания их минаретов и внутренние колонны можно отличить от языческих только по их расположению и замене человеческих фигур листвой в нишах или местах, где индусы поместили бы изображения своих богов.

156. Гробница Зейн-уль-аб-уд-дина. Возвышение арок. (С рисунка лейтенанта. Коул.)

В данном случае нет никаких несоответствий, никаких заимствованных черт; каждый камень был вырезан для того места, где он найден. Это правда, что по обе стороны от ворот есть ниши, подобные тем, что находятся в Мартанде и других языческих храмах; но, как и в Ахмедабаде, они без изображений, а кирпичная арка, венчающая эти ворота, представляет собой расходящуюся арку, которая, безусловно, кажется цельной, но, если это так, то вряд ли могла быть возведена индусом.^[305] Когда генерал Каннингем посетил долину в 1848 году, он не был так хорошо знаком, как с тех пор, с руинами Гура, Хуанпура, Ахмедабада и других мусульманских городов, где архитектурные формы, принятые мусульманами, с трудом отличимы от архитектурных форм индусов. С теми знаниями, которыми мы теперь обладаем, маловероятно, что кто-либо может ошибиться в том факте, что эта ограда была возведена князем, чье имя она носит, чтобы окружить его могилу, на магометанском кладбище города, в котором она находится.

157. Takt-i-Suleiman. Высота арок. (С рисунка лейтенанта. Коул.)

Если предположить это на данный момент, то это дает нам намек на возраст другого аномального здания в Кашмире — храма, венчающего холм, называемый Такт-и-Сулейман, недалеко от столицы. Внутри восьмиугольной ограды, окружающей платформу, на которой стоит храм, находится ряд арок ([гравюра на дереве № 157](#)), похожих на арки гробницы Зейн-уль-аб-уд-дина ([гравюра на дереве № 156](#)), не столь отчетливо заостренных и не столь сарацинских в деталях, но все же очень похожих на них, только немного более испорченных по стилю. У подножия ступеней находится дверной проем с круглой головкой, увенчанный на самом деле не настоящей аркой, а изогнутой перемычкой из цельного камня, подобные которой распространены в индуистских имитациях магометанской архитектуры 17-18 веков. То же самое происходит и в расположенных рядом небольших храмах, которые, очевидно, того же возраста.^[306] Сам храм тоже далек от древнего вида. Самый похожий из тех, с которыми я знаком, - это тот, что был возведен Чейтом Сингом в Раннаггуре, недалеко от Бенареса, в конце прошлого века. Я не знаю ни одной прямолинейной пирамиды гораздо более древней эпохи, чем эта, и ни одного храма с многоугольной планировкой в сочетании с круглой ячейкой, как в данном случае, который датировался бы древностью. Четыре колонны в камере с персидскими надписями на них, по общему признанию, относятся к 17 веку. Предполагается, однако, что они относятся к ремонту; однако, исходя из рассмотрения всех свидетельств, я убежден, что строительство храма в том виде, в каком он стоит сейчас, было начато какими-то безымянными индусами в честь Шивы во время терпимого правления Джахангира, и что строительство было остановлено в дату, выгравированную на лестнице, - 1069 годН.Э. 1659 год н.э.), первый год правления фанатика Аурунгзебе. Тогда он был недостроен и, следовательно, с тех пор превратился в руины, что может придать ему древний вид, но не такой, чтобы оправдывать кого-либо переносить его на 1879 лет раньше, чем кажется его истинной датой, как это делают генерал Каннингем и его последователь лейтенант Коул.

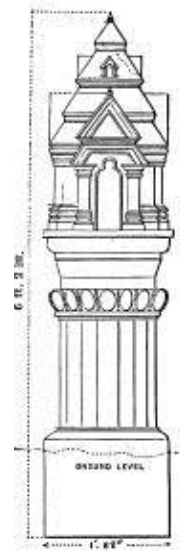
Если мы сможем таким образом избавиться от этих двух аномальных и исключительных примеров, история всех оставшихся храмов в долине будет более чем обычно однородной и легко понятной. Дата главного примера — храма в Марттанде — вряд ли вызывает сомнение (750 Г.н.э.); и из других, некоторые могут быть немного старше, но ни один не может быть отнесен дальше, чем к периоду правления Ранадити, с 578 по 594 год. Также никто не может быть опущен ниже, скажем, 1200 года, что, вероятно, является датой Пайеча. Между этими датами, при очень небольшом знании местных условий, все можно легко организовать. Однако в настоящее время в такой классификации нет необходимости. Стиль, существовавший на протяжении этих шести столетий, настолько единообразен, что для целей общей истории его можно принять за единый.

ХРАМЫ.

Прежде чем перейти к разговору о самих храмах, может быть, прояснится то, что последует дальше, если мы сначала объясним, в чем заключаются особенности стилей. Это мы можем сделать по небольшой каменной модели кашмирского храма ([Гравюра на дереве № 158](#)), нарисованной генералом Каннингемом; такие миниатюрные храмы распространены по всей Индии и во всех случаях являются точными копиями своих более крупных прототипов.

Храм в данном случае увенчан четырьмя крышами (в построенных примерах, насколько известно, их всего две или три), которые, очевидно, скопированы с обычных деревянных крыш, характерных для большинства зданий в Кашмире, где верхняя пирамида покрывает центральную

часть здания, а нижняя представляет собой веранду, отделенную от центра либо стенами, либо просто рядом колонн.^[307] В деревянных примерах промежутки между двумя крышами, по-видимому, оставлен открытым для света и воздуха; в каменных зданиях он закрыт орнаментами. Помимо этого, однако, все эти крыши имеют мансардные окна, рисунок которых очень похож на те, что встречаются в средневековых зданиях Европы; и те же крутые, наклонные линии используются также для покрытия дверных проемов и веранд, которые фактически являются частью самой главной крыши и, очевидно, копией той же деревянной конструкции.

158. Модель храма в Кашмире.

Колонны, поддерживающие портики, и та, на которой стоит модель, безусловно, являются самой яркой особенностью этого стиля, их древки почти идентичны древкам греческого дорического стиля и не похожи ни на что подобное, найденное в других частях Индии. Обычно они имеют высоту от трех до четырех диаметров, слегка уменьшаясь к капительнице, и украшены шестнадцатью канавками, несколько более мелкими, чем у греческого ордена. И основания, и капители, это правда, намного сложнее, чем допустили бы в Греции, но в Пестуме и в Риме мы находим в дорическом ордере сложность лепнины, ни в коей мере не отличающуюся от той, что можно найти здесь. Эти особенности еще более очевидны на прилагаемом изображении колонны, найденной в Сринагаре ([гравюра на дереве № 159](#)), которая является гораздо более украшенным образцом, чем предыдущая, но столь же классической в своих деталях и, если уж на то пошло, более непохожей на какие-либо известные образцы истинно индуистской архитектуры. Нигде в Кашмире мы не находим никаких следов квадратной столицы индусов, равно как и изменений от квадрата к восьмиугольнику или к многоугольнику с шестнадцатью сторонами и так далее. Теперь, когда мы знакомимся со степенью классического влияния, которое преобладало в Гандхаре (*ante*, стр. 176) вплоть до VII или VIII века, у нас не возникнет трудностей с пониманием того, откуда произошли эти квазигреческие формы и почему они так распространены в этой долине. Однако наш интерес к предмету значительно возрастает, когда мы обнаруживаем, что цивилизация Запада оставила настолько сильный отпечаток на искусство этой части Индии, что ее влияние можно обнаружить во всех кашмирских зданиях вплоть до того времени, когда местный стиль погиб под магометанским влиянием в начале 14 века. Хотя, следовательно, не может быть никакой ошибки в том, что основные формы архитектуры Кашмира произошли от классических стилей Запада, и так же мало сомнений в том, через какие страны она была завезена в долину, нельзя упускать из виду, что классическое влияние слабее и более удалено от своего источника в Кашмире, чем в Гандхаре. В долине нет ничего похожего на коринфские капители монастыря Джамалгири. Классические черты Кашмира в некоторой степени больше похожи на черты

Маникьяла топе и самые последние образцы в долине Пешавур. Фактически, кажется, что один стиль начинается там, где заканчивается другой, и продолжает традицию на протяжении веков после того, как она была утрачена в стране, откуда была завезена.

159. Колонна в Сринагаре. (С рисунка У. Карпентера, эсквайра)

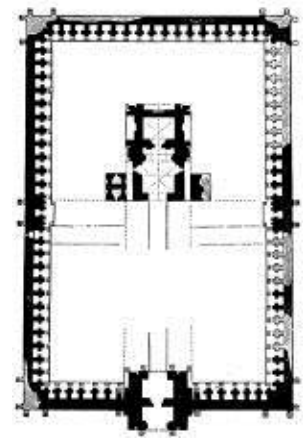
Однако тот факт, что квазидорический ордер в настоящее время использовался в долине с 8 по 12 век, является одним из многих аргументов, которые, как правило, подтверждают теорию о том, что коринфский ордер монастырей Гандхары не такой древний, как может показаться на первый взгляд. В любом случае, если дорический ордер был стилем кашмирской долины в столь позднее время, нет *априорной* невероятности в том, что коринфский ордер использовался в Пешаваре в 5 или 6 веке. Напротив, поскольку оба они, очевидно, были получены из одного и того же источника, представляется крайне маловероятным, что должен был произойти какой-либо разрыв в преемственности традиции. Каким бы странным это ни казалось на первый взгляд, кажется, что импульс, впервые заданный Бактрией за три столетия до христианской эры, продолжал без перерыва оказывать влияние на архитектуру этого уголка Индии в течение двенадцати столетий после этой эпохи.

В Гандхаре пока не найдено ни одного образца дорического ордера, но, поскольку там были найдены как ионическая, так и коринфская капители, представляется более чем вероятным, что дорический орден существовал и там; но поскольку наши знания на сегодняшний день ограничены практически двумя монастырями, вероятно, из сотни, мы не должны удивляться каким-либо недостаткам в нашем ряду, которые могут время от времени проявляться.

Есть еще одна особенность этого стиля, которую отнюдь не легко объяснить. Это трехстворчатая арка, которая повсеместно распространена, но которая при нашем нынешнем уровне знаний не может быть объяснена какой-либо конструктивной необходимостью или отнесена к какому-либо иностранному стилю, с которого она могла бы быть скопирована. Мое собственное впечатление таково, что оно заимствовано из фасадов буддийских залов чайтья. Обращаясь, например, к гравюре на дереве № 46 или № 58, [\[308\]](#) будет понятно, что очертания секции пещеры в Аджунте, которую она представляет, представляют собой именно такой трилистник, который повсеместно распространен в Кашмире; и, поскольку как там, так и повсюду в Индии архитектурное убранство состоит из небольших моделей больших зданий, применяемых в качестве декоративных элементов везде, где требуется, ни в коем случае нельзя исключать, что фасад с трилистником мог иметь другие формы. была принята в Кашмире так же, как в настоящее время простая форма подковы была распространена в буддийских зданиях собственно Индии. Однако все эти черты характеризуют местный стиль, отличный от всего остального в Индии, и, безусловно, указывают на другую расу и другую религию, истоки которых мы пока не в состоянии проследить.

Безусловно, лучшим и наиболее типичным примером кашмирского стиля является храм Марттанд, расположенный примерно в пяти милях к востоку от Исламабада, древней столицы долины. Это архитектурный лев Кашмира, и все туристы считают необходимым приходить в восторг от его красоты и великолепия, сравнивая его с Пальмирой, или Фивами, или другими замечательными группами руин старого света. Однако большая часть восхищения, которое он вызывает, объясняется его расположением. Он удачно расположен на возвышенном плато, с которого открывается самый обширный вид на большую часть долины. Ни одно дерево или дом не нарушают его уединенного величия, и его руины, разрушенные, по-видимому, землетрясением, лежат разбросанными по ходу падения, не покрытые растительностью и не опошленные никакими современными наростами. Добавьте к этому тайну, которая нависает над их происхождением, и западный отпечаток в их деталях, необычный для Востока, но вызывающий в памяти знакомые формы и наводящий на воспоминания, которые набрасывают покров поэзии на их историю, более чем достаточный, чтобы вызвать восхищение у самых прозаичных зрителей. Однако, когда мы уменьшаем его размеры до масштаба ([Гравюра на дереве № 160](#)) и рассматриваем его претензии на место среди великих образцов архитектурного искусства, рапсодии, темой которых он был, кажутся немного неуместными.

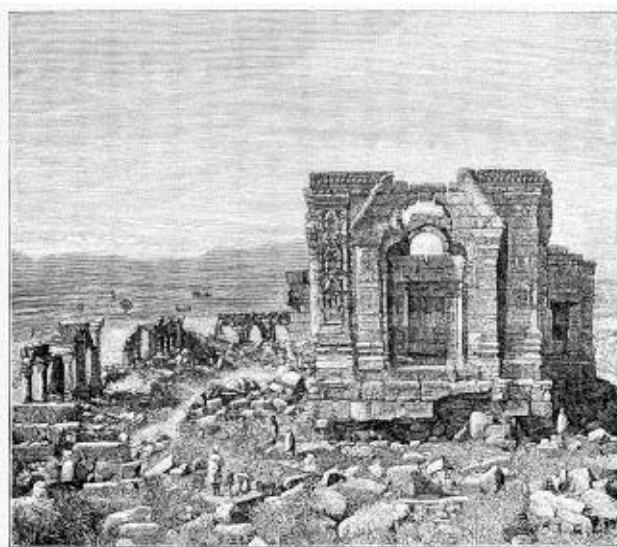

160. Храм Марттанда. (С рисунка генерала А. Каннингема.) Масштаб 100 футов на 1 дюйм.

Сам храм ([Гравюра на дереве № 161](#)) представляет собой очень маленькое здание, всего 60 футов в длину и 38 футов в ширину. Ширина фасада, однако, увеличивается за счет двух крыльев или пристроек, которые составляют 60 футов. По оценкам генерала Каннингема, его высота в завершенном виде составляла 60 футов. Кроме того, это позволяет понять проблему, которую евреи так серьезно стремились решить — как построить храм с равными тремя измерениями, но при этом не имеющий формы куба. Однако, каким бы маленьким ни был еврейский храм, он был более чем в два раза больше этого. В Иерусалиме храм был 100 локтей, или 150 футов, в длину, ширину и высоту.^[309] В Marttand эти размеры составляли всего 60 футов. Но одна из достопримечательностей кашмирского храма заключается в том, что он воспроизводит еврейский храм, по крайней мере, в плане, более близко, чем любое другое известное здание.

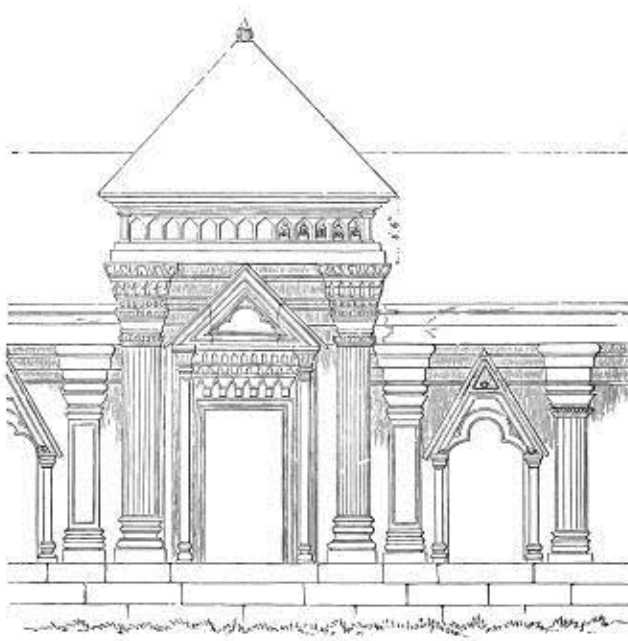
Крыша храма настолько полностью исчезла, что барон Хюгель засомневался, была ли она у него когда-либо.^[310] Генерал Каннингем, с другой стороны, не сомневается в этом предмете и восстанавливает его в камне на своей табличке № 14. Отсутствие, однако, каких-либо фрагментов на полу храма, которые могли принадлежать крыше, серьезно опровергает эту точку зрения; и, глядя на непрочность стен и большие пустоты, которые в них есть, я крайне сомневаюсь, что они когда-либо могли поддерживать каменную крышу обычной конструкции. Кроме того, при тщательном изучении плана будет видно, что ни один из массивов не является квадратным; и очень трудно понять, как крыша крыльца, если она каменная, могла быть пристроена к крыше над

целлой. Принимая все это во внимание, у меня сложилось впечатление, что его крыша — она у него определенно была — была деревянной; и, зная, как широко буддисты использовали деревянные крыши для своих залов чайты, я не вижу ничего невероятного в том, что это имело место здесь в то время, когда был возведен этот храм.

161. Вид на храм в Мартанде. (С фотографии.)

Внутренний двор, который окружает этот храм, в своем полуразрушенном состоянии представляет собой более примечательный объект, чем сам храм. Его внутренние размеры составляют 220 футов на 142 фута, [\[311\]](#) которые являются респектабельными, хотя и не чрезмерными; они ненамного больше, чем у храма Неминатхи в Гирнаре ([Гравюра на дереве № 126](#)), которые составляют 165 футов и 105 футов, хотя это ни в коем случае не большой джайнский храм. На каждой грани находится центральная ячейка, больше и выше, чем колоннада, в которой она расположена ([Гравюра на дереве № 162](#)), но даже в этом случае высота до вершины крыши составляет всего 30 футов, если предположить, что она будет завершена, а колонны с каждой стороны всего 9 футов в высоту, что не является размерами, от которых можно прийти в восторг, хотя их сильно впечатляющий греческий вид, безусловно, любопытен.

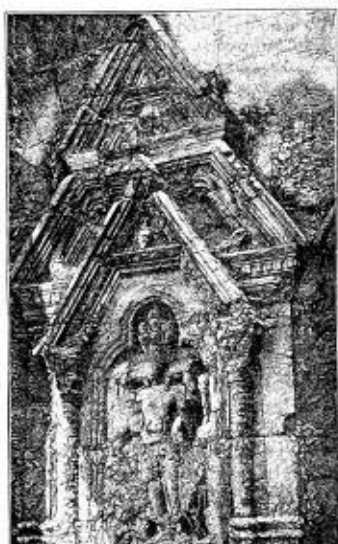

162. Центральная камера суда в Мартанде. (С рисунка генерала А. Каннингема.) Масштаба нет.

Одна из самых замечательных особенностей внутреннего двора, хотя она является общей для всех настоящих кашмирских храмов, так описана генералом Каннингемом: “У меня также есть подозрение, что вся внутренняя часть четырехугольника изначально была заполнена водой до уровня в пределах одного фута от оснований колонн, и что доступ в храм обеспечивался приподнятой дорожкой из плит, опирающихся на цельные блоки через короткие промежутки времени, которая соединяла лестничный пролет у ворот с лестницей, ведущей в храм. Такая же дорожка, должно быть, тянулась прямо через весь четырехугольник от одного бокового дверного проема до другого. Похожие дорожки все еще существуют в садах Шалимар в качестве проходов через различные водохранилища и каналы. С внешней стороны четырехугольника, рядом с северной стороной ворот, есть дренаж, по которому излишки воды находят выход, таким образом поддерживая поверхность всегда на одном и том же уровне. Храмы в Пандретан Ледари и на перевале Барахмула все еще стоят посреди воды. Постоянный запас пресной воды поддерживался каналом или водотоком из реки Ламбадари, который был проведен вдоль горы для обслуживания соседней деревни Синхаролика” и др. “Единственная цель, - продолжает Генерал, - возведения храмов посреди воды, должно быть, заключалась в том, чтобы как можно скорее поместить их под защиту нагов, или богов с человеческим телом и змеиным хвостом, которым веками ревностно поклонялись по всему Кашмиру”.^[312]

На этом храме нет надписей, которые позволили бы нам с уверенностью установить его дату, но все авторитетные источники согласны с тем, что ограда, по крайней мере, была возведена Лалитадитьей,^[313] который правил с 725 по 761 год н.э.; и я убежден, что он также воздвиг сам храм. Генерал Каннингем, однако, на основании отрывка из "Раджи Тарангини" приписывает строительство храма Ранадитье,^[314] который правил с 578 по 594 год нашей эры. У него может быть местная информация, позволяющая ему отождествить деревню Синхаролика с этим местом, которую он не предоставил общественности; но даже в этом случае говорится только, что он воздвиг храм солнцу на этом месте,^[315] но ничего, что указывало бы на то, что это был именно этот храм. Был ли он также посвящен солнцу, неясно. Я никогда не видел храма солнца или его рисунка и не могу, поэтому, высказать свое мнение по этому поводу. Поэтому, как бы то ни было, мне кажется крайне невероятным, чтобы храм простоял голым 150 лет, а затем, чтобы гораздо более могущественный царь, чем его основатель, пристроил к нему незаменимый придворный элемент. Если, как и все кашмирские храмы, он должен был стоять в воде, то что-то в этом роде должно было существовать с самого начала, и великому Лалитадитье оставалось добавить совсем немного. В дополнение к этому, многие детали самого храма настолько идентичны деталям храма в Авантипоре, возведенного в 852 или 853 году н.э., что гораздо более вероятно, что между датами храмов Мартганда и Авантипора прошло всего 100 вместо 250 лет.

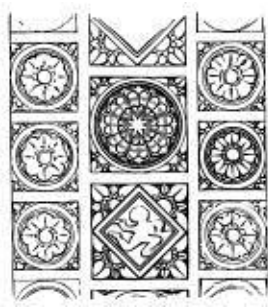
Вопрос о том, какому божеству был посвящен этот храм, определить сложнее, чем его дату. Согласно "Раджа Тарангини",^[316] особенно, как резюмировал Уилсон,^[317] Лалитадитья была одновременно буддийской, джайнской или вайшнавской — тремя религиями, которые были неразличимы во времена терпимости, но которые после 200 лет преследований и войн стали отчетливыми и антагонистичными в будущем. 10 век. Если бы мне представили только план, я бы без колебаний объявил его джайнским; когда бы объяснили его устройство с водой, он так же четко выглядел бы как нага^[318] (Гравюра на дереве № 163), но вовсе не обязательно антагонистичным буддизму или вишнуизму того возраста. Как я только что сказал, я ничего не знаю о храмах солнца и поэтому не могу сказать, похоже ли это на них или нет.

163. Ниша с фигурой Наги в Марттанде.

(С фотографии.)

К сожалению, камень, из которого построен храм, настолько рыхлый, что скульптуры сейчас едва различимы, но, насколько можно судить по имеющимся фотографиям, у всех главных фигур в нишах змеиные капюшоны - фактически это наги с трех- или пятиглавыми змеями на затылках. Любой человек на месте, обративший на это свое внимание, мог бы легко определить за несколько минут, насколько это было так или нет; но никто еще не посетил это место с подготовкой, необходимой для решения этого и многих других неопределенных вопросов, касающихся архитектуры и мифологии этого места. Однако монография об этом храме была бы работой, достойной любых усилий, которые мог бы приложить к ней любой индийский археолог; ибо, помимо его исторической и мифологической значимости, многие его детали необычайно красивы, и они никогда не были нарисованы с той тщательностью, которой они так заслуживают. ([Гравюра на дереве № 164.](#)) Как типичный пример квазиклассического стиля, совершенное знание его особенностей стало бы вехой в истории стиля как до, так и после его появления.

164. Софит арки в Марттанде. (По эскизу покойного мистера Уилсона, Би-Би-Си)

АВАНТИПОР.

Следующими по значимости после Марттанда среди кашмирских храмов являются храмы Авантипора, возведенные, безусловно, в пределах правления Авантивермы, первого короля династии Утпала, который правил с 875 пог.н.э. до 904 г. н.э. Камень, из которого они возведены, настолько хрупкий, а сами храмы настолько разрушены, что могло бы возникнуть затруднение с определением того, какой религии они были посвящены, если бы "Раджа Тарангини" не был столь

отчетлив в описании этого монарха как преданного последователя Шивы,^[319] и названии этих храмов, посвященных различным формам этого бога.

Две главные руины расположены во внутренних дворах почти одинакового размера, примерно 200 футов на 100 футов или 170 футов внутри. Один из них, называемый Авантисвами, имеет опоры круглой формы, как у Мартганда, и почти идентичные по дизайну и размерам. Другой - астилар, но сам храм был гораздо важнее, чем в первом примере.^[320]

Характерной чертой, которая, по-видимому, наиболее четко отличает стиль храмов в Мартганде от стиля храмов в Авантипоре, является большее богатство деталей, которое демонстрируют последние; фактически, именно такая тенденция к более сложной резьбе в индуистском стиле, как можно было бы ожидать, учитывая разницу в их датировке. Некоторые из них были даны тремя авторами, на работы которых я так часто имел случай ссылаться и к которым отсылаю читателя; но прилагаемый фрагмент ([гравюра на дереве № 165](#)) одной из ее колонн сам по себе столь же элегантен и почти столь же интересен с исторической точки зрения, как дорический из приведенных выше примеров, поскольку при сравнении его со столбами Микенской гробницы ([гравюра на дереве № 117](#), том i.), кажется, трудно отделаться от убеждения, что обе формы произошли из какого-то общего источника. Во всяком случае, насколько нам теперь известно, между Пелопоннесом и Кашмиром нет ничего, что хотя бы отдаленно напоминало это.

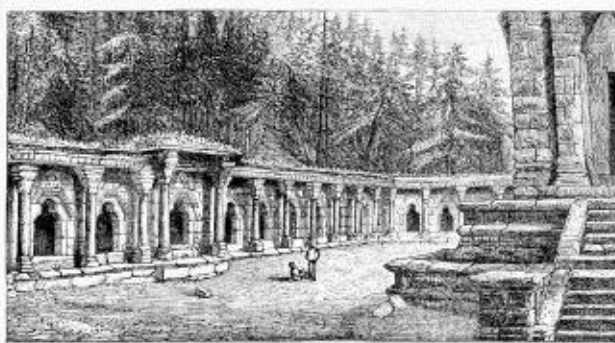

165. Колонна в Авантипоре. (С рисунка мистера Уилсона, К.С.)

БХАНИЯР.

Недалеко от отдаленной деревни Бханияр, на дороге между Ури и Наошерой, стоит один из наиболее хорошо сохранившихся храмов в долине. Как и все старые храмы, он был снабжен средствами для поддержания воды во внутреннем дворе, и за долгие века забвения они нанесли ила и грязи столько, что это место наполовину засыпало. Однако недавно он был раскопан по приказу раджи Кашмира, и поэтому находится в почти идеальном состоянии.^[321] Его размеры меньше, чем у храмов, описанных ранее, и составляют всего 145 на 120 футов, но, за исключением естественного разрушения камня, он почти идеален и дает очень точное представление о стиле этих зданий. Трехстворчатая арка с ее высоким фронтоном, отдельно стоящая колонна и архитрав так же отчетливо показаны здесь, как и в любом другом существующем примере кашмирской колоннады, и представляют все те квазиклассические черты, которые, как мы теперь знаем, были унаследованы от соседней провинции Гандхара. Центральный храм небольшой, всего 26 квадратных футов, и его крыша сейчас покрыта деревянной черепицей; но было ли это первоначальное покрытие, неизвестно. Однако, глядя на центральную боковую ячейку колоннады ([Гравюра на дереве № 166](#)), мне кажется крайне сомнительным, оправдано ли восстановление генералом Каннингемом крыши храма или центральной ячейки в Марттане в камне. У меня скорее сложилось впечатление, как указывалось выше, что крыша храма была деревянной, а крыша боковой кельи - каменной, но плоской.

166. Вид во дворе храма в Бханияре. (С фотографии.)

В месте под названием Ваният находятся две группы храмов, которые были тщательно исследованы и описаны преподобным мистером Коуи,^[322] а планы и фотографии можно найти в книге лейтенанта Коула.^[323] Они несколько отличаются от тех, которые мы описывали, поскольку, по-видимому, не были заключены во дворы с колоннадами и состоят каждый из одного большого и нескольких храмов поменьше, расположенных несимметрично. Более крупные из них имеют площадь 30 футов и 32 фута в плане; меньшие 10 футов или 12 футов

Нет ни надписей, ни каких-либо исторических указаний, которые позволили бы нам с уверенностью установить дату постройки храмов Ваният, а камень обветшал до такой степени, что

детали не могут быть определены с точностью, необходимой для сравнения с другими примерами; но является ли это разрушение следствием времени или природы камня, узнать невозможно. Лейтенант Коул, основываясь на определенных чертах сходства, которые он обнаруживает между ними и храмом Такт-и-Сулейман, который, по его мнению, был возведен в 220 году до н.э., относит их возведение к первому веку после Рождества Христова. Исходя из того же, если храм на Такте относится к 17 веку, я бы сделал вывод, что они были одними из самых современных храмов в этом стиле в долине. Кроме того, это чисто индуистские храмы, без каких-либо из тех нага- или джайнских особенностей, которые отличают более древние, и, следовательно, почти наверняка могут быть размещены после 1000 года н.э. Насколько они могут быть современнее, следует оставить для дальнейшего изучения.

Среди оставшихся примеров, возможно, тот, который наиболее ярко демонстрирует характеристики стиля, находится в Пандретане ([Гравюра на дереве № 167](#)). Он по-прежнему стоит, как стоял всегда, в центре своего резервуара; но переливные стоки, которые первоначально служили для поддержания уровня воды на прежнем уровне, были забыты из-за запущенности, и теперь к нему можно добраться только вплавь или на лодке. Первоначально, по-видимому, у него был третий этаж или пристройка к крыше, но она обрушилась; однако нижняя часть здания демонстрирует все характерные черты стиля в таком же совершенстве, как почти любой другой известный пример.

167. Храм в Пандретане.

(С рисунка генерала Каннингема.)

Еще один пример должен завершить наши иллюстрации кашмирской архитектуры. Храм в Пайече, хотя и один из самых маленьких, является одним из самых элегантных, а также одним из самых современных образцов этого стиля ([Гравюра на дереве № 168](#)). Его размеры составляют всего 8 квадратных футов для надстройки и 21 фут для высокий, включая цокольный этаж; но даже при таких размерах он приобретает определенное достоинство, поскольку возведен всего из шести камней — четырех для стен и двух для крыши.^[324] Он стоит сам по себе на холме, без какого-либо двора или какого-либо окружения старых храмов, и, будучи полностью посвящен богам индуистского пантеона, он, несомненно, принадлежит эпохе, когда их поклонение вытеснило более древние верования долины. Было бы интересно, если бы можно было установить его дату, поскольку он связан с пещерами Бхаумаджо и несколькими другими храмами. Насколько можно в настоящее время судить, он, по-видимому, относится к 13 веку нашей эры, но, вероятно, относится скорее к более современной, чем к более древней дате.

Чтобы написать полную монографию кашмирского стиля, мы должны иметь возможность проследить его гораздо дальше, чем это возможно на предыдущих страницах, и каким-то образом связать его с другими стилями Индии. Однако для того, чтобы сделать это, мы должны обнаружить некоторые буддийские останки в Кашмире. Мы знаем из истории, что Ашока, 250 г. до н.э., послал миссионеров, чтобы обратить жителей долины в буддийскую веру, и что в 1-м веке здесь безраздельно правил Канишка, буддийский король;^[325] и мы знаем, что в 7-м веке Хиуэн Тхан нашел буддизм если не единственной религией, то, по крайней мере, одной из доминирующих вер народа. Детали, которые он упоминает, и тот факт, что он пробыл здесь целых два года (с A.D. 633 to A.D. 634) to study its forms and scriptures, proves how important this religion then was. Но пока не обнаружено ни одного следа чайтхи или вихары; и хотя есть курганы, которые могут содержать ступы, крайне маловероятно, что они будут содержать какие-либо архитектурные формы, которые могут быть как-то полезны для наших целей.

168. Храм в Пайече. (С фотографии.)

Когда мы узнаем больше о формах и возрасте монастырей Гандхары (*ante*, стр. 169, и далее.), они могут восполнить некоторые недостающие звенья, необходимые для соединения кашмирского стиля с внешним миром; но пока не будут исследованы храмы в Солт-Рэйндж и других малонаселенных частях Пенджаба, мы не узнаем всего, что желаем. Между тем прилагаемая гравюра на дереве (№ [169](#)), изображающая храм в Мулоте, показывает, насколько пенджабский стиль напоминал кашмирский. Здесь те же отверстия в виде трилистников; рифленые колонны с квазиклассическими основаниями и капителями; и общее сходство стиля, в котором нельзя ошибиться. В Катваи есть еще один храм, очень похожий, но меньших размеров; оба находятся недалеко от Пинд-Дадан-хана, и, насколько я могу узнать, есть и другие, которые могут стать связующим звеном между монастырями Гандхара и кашмирскими храмами. Возможно, магометанский фанатизм исказил их все; но, глядя на огромные успехи, достигнутые за последние несколько лет в этом направлении, я уверен, что как только их начнут искать, все, чего еще не хватает, обязательно будет найдено.

169. Храм в Мулоте, в Соляном хребте. (С фотографии.)

Так много и так разнообразно достопримечательностей, связанных со стилем древних зданий в Кашмире, что они заслуживают гораздо более полной иллюстрации, чем это совместимо с рамками настоящей работы. Хотя они и не великолепны, они являются очень приятными и уместными образцами искусства, и у них есть это преимущество перед большинством индийских стилей, которыми обладает Кашмир, в "Раджа Тарангини," которая, можно сказать, является единственной существующей индийской историей. Любой, кто знаком с этой работой и с самими зданиями, мог бы без особого труда установить их даты и по зданиям проиллюстрировать историю. Это еще не сделано, но нет никаких сомнений в том, что это можно сделать.

Еще одним интересным моментом, связанным с этим стилем, является странное, но несомненное сходство, существующее между ним и архитектурными формами Древней Греции. Это, при полном расследовании, может раскрыть нам отношения между двумя странами или их отдаленные зависимости, о которых сейчас никто не подозревает.

Но наибольший интерес представляет тот момент, который вытекает из связи, которая, по-видимому, когда-то существовала между Кашмиром и Камбоджей, и который станет предметом следующей главы. Между этими двумя мы, вероятно, сможем нащупать нити давно утраченной формы суеверия о Змее и узнать, как были устроены храмы и какое поклонение было обращено к этому таинственному божеству.

Я уже в своей работе о поклонении дереву и Змее и во Введении настолько полно затронул эту тему и сказал все, что у меня есть на данный момент сказать по этому поводу, что мне не нужно делать здесь больше, чем резюмировать результаты, но вряд ли их можно повторять слишком часто, чтобы сделать контекст понятным. Насколько я могу установить, люди, принявшие буддизм в Индии, не были ни арийцами, ни дравидами, а коренной северной расой, которую арийцы называли дасью. До своего обращения они поклонялись деревьям и змеям, а после принятия более высокой и чистой формы поклонения они постоянно возвращались к своей старой вере и старым чувствам всякий раз, когда влияние буддизма ослабевало или его дисциплина ослабевала. Особенно это было в Кашмире, в Таксиле и Гандхаре; это были главные центры поклонения нага в северной Индии; и хотя жители с жадностью приняли буддизм, повсюду видны признаки их отступничества. В Кашмире старейшие храмы, если не исключительно Нага, определенно демонстрируют безошибочную тенденцию в этом направлении, и продолжали делать это вплоть до возрождения индуизма в 11 веке. После этого они были посвящены Шиве и Вишну, а жители

долины, по-видимому, были полностью обращены в индуистскую религию, когда они попали под влияние последователей Магомета и приняли веру Арабского пророка примерно в 14 веке.

Именно между падением буддизма и расцветом магометанства должны располагаться все храмы в истинно кашмирском стиле. До этого у нас ничего нет — после этого только гробница Зейн-уль-абуд-дина и храм на Такт-и-Сулейман могут быть отнесены к примерам этого стиля, хотя последний вряд ли может даже претендовать на эту принадлежность.

ГЛАВА II.

НЕПАЛ.

Содержание.

Ступы или Чайты—Деревянные Храмы—Тибет—Храмы в Кангре.

Любой, взглянувший на карту, и только на карту, вероятно, был бы склонен предположить, что из-за сходства ситуации и окружения искусство и археология Непала должны напоминать искусства и археологию Кашмира. Однако было бы нелегко совершить большую ошибку, поскольку в Индии нет двух провинций, которые были бы более диаметрально противоположны друг другу в этих отношениях, чем эти два гималайских штата. Отчасти это связано с местными особенностями. Долина собственно Непала, в которой расположены три столицы — Патан, Бхатгаон и Хатманду, — простирается всего на двенадцать миль к северу и югу и на девять миль к востоку и западу. Это правда, основная часть населения штата Горкха проживает в долинах, окружающих эту центральную точку; но это разрозненные и изолированные сообщества, имеющие очень мало связей друг с другом. Кашмир, с другой стороны, является одной из самых красивых и плодородных долин в мире, протяженностью более ста миль в одном направлении и более семидесяти в другом, без каких-либо хребтов или перерывов любого рода, и способной поддерживать большое население на одной обширной, нетронутой плодородной равнине.

Еще одно отличие заключается в том, что Кашмир никогда не был транспортной артерией. Население, которое сейчас владеет им, вошло в него с юга и сохраняло владение им — по крайней мере, во все исторические времена — в достаточном количестве, чтобы сдерживать любую иммиграцию с севера. В Непале, напротив, основную массу населения составляют тибетцы, народ с севера, оставленный там, по-видимому, при переходе на юг; и, насколько мы можем судить по тем историческим источникам, которые существуют, южные расы, обитающие там, проникли в долину только в начале 14 века, и никогда в таком количестве, чтобы существенно изменить по сути туранский характер народа.

Непал также отличается от Кашмира тем фактом, что мусульмане никогда не владели их долиной и, следовательно, никогда не влияли на их искусство или религию. Следовательно, архитектурная история двух долин отличается в следующих деталях: — В Кашмире мы имеем буддийский период, вытесненный в 8 веке оригинальным квазиклассическим стилем, который продолжался до тех пор, пока он, в свою очередь, не был вытеснен мусульманским в 15 веке. В Непале у нас нет преемственности стилей — фактически, нет истории, — поскольку мы не знаем, когда появилась какая-либо из трех религий; но то, что мы находим, — это религии вайшнавов, шиваизма и буддизма, существующие бок о бок в наши дни и процветающие с невероятной пышностью, неизвестной на равнинах Бенгалии, где, вероятно, их изобилие было сдержано примером мусульман, которые, как только что было отмечено, не имели никакого влияния в долине.

Из-за того, что все основные памятники Непала являются современными — все, конечно, после 14 века — и из-за того, что люди слишком бедны, чтобы наслаждаться таким великолепием, какое можно найти на равнинах, здания Непала не могут сравниться как архитектурные объекты с теми, что можно найти в других частях Индии. Но, с другой стороны, сам факт их современности придает им особый интерес, и хотя это преувеличение, оно характерно, когда говорят, что в Непале храмов больше, чем домов, и идолов больше, чем людей; это верно до такой степени, что здесь безграничное поле для исследований, и даже если здания не великолепны, они удивительно живописны. Судя по фотографиям и другим доступным материалам, я без колебаний утверждаю,

что в Хатманду и Бхатгаоне есть несколько улиц и дворцов, которые более живописны и поражают архитектурными композициями, чем те, которые можно найти в любых других городах Индии. Стилль можно назвать варварским, и у зданий есть недостаток, заключающийся в том, что они в основном деревянные; но их высота, разнообразие очертаний, богатство резьбы и расцветки таковы, каких нельзя найти ни в Бенаресе, ни в каком другом городе равнин.

Истинный интерес к архитектуре Непала для истинного ценителя искусства заключается в ее этнографическом значении. Будучи полностью освоенной, она представляет нам полный микрокосм Индии, какой она была в VII веке, когда ее посетил Хиуэн Тханг — когда буддийская и брахманическая религии процветали бок о бок; и когда отличительные черты различных рас были гораздо более выражены, чем они стали с тех пор под мощным влиянием магометанского господства.

Исходя из всех этих причин, я полагаю, что если бы материалы существовали и было возможно написать исчерпывающую историю архитектуры долины Непала, это пролило бы больше света на большинство проблем, которые сейчас ставят нас в тупик, чем на любую другую провинцию Индии. Однако это может сделать только тот, кто находится на месте и прекрасно знаком не только с непальскими зданиями, но и со всеми аспектами вопроса,^[327] но даже тогда ее ценность была бы скорее этнографической, чем эстетической. Если бы это была этнографическая история архитектуры, которой эстетический вопрос был бы подчинен, было бы необходимо предпринять попытку ее изучения, какими бы неполными ни были материалы; но в противном случае здесь должно быть достаточно указать на формы архитектуры, просто указав способы разделения различных стилей у разных рас.

Как и во многих других странах Индии, мифическая история Непала начинается с героев 'Махабараты', но в данном случае для этого есть несколько больше причин, чем в большинстве других, поскольку представляется вероятным, что именно через Гималаи Панду проникли в Индию, и, во всяком случае, несомненно, что поэма представляет выживших в великой войне, возвращающихся в свои дома в сопровождении своих собак, через эти горы, через владения Горкхов, если не через долину Непала. Длинные списки имен, однако, которые связывают эти события с современными событиями, если не чисто сказочными, по крайней мере, не представляют никакого интереса, и между 1300 годом до н.э. и A.D., которые требуют пристального внимания, не зарегистрировано ни одного события, которое было бы зафиксировано за период. Насколько мы можем судить, в какой-то отдаленный период, вероятно, в первом столетии нашей эры, буддизм действительно проник в долину, и, обнаружив, что она населена народом тибетского происхождения, он, конечно, был легко принят и с тех пор остается религией этой части населения.^[328]

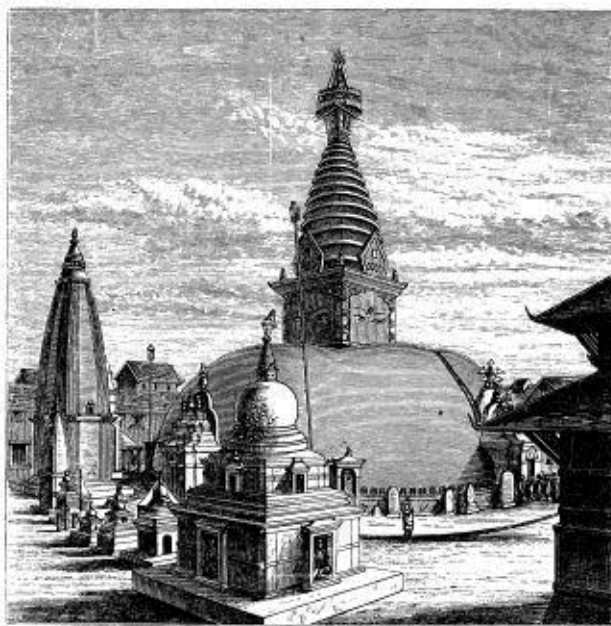
Есть два рассказа о том, каким образом индуистский или раджпутский элемент был введен в долину. Любимая из них заключается в том, что после разграбления Читторе Ала-у-дином в 1306 году завоеватель добивался руки дочери гордого раджпуты, и, чтобы избежать осквернения, он и его последователи бежали и искали убежища в Непале.^[329] Другое сообщение представляет раджей Митхилы и Семруна — потомков королей Айодхьи Сурья Ванса — и раджпутов Кануджа, бежавших подобным образом в 1326 году, чтобы избежать тирании делийских императоров; и что именно эти племена, а не беглецы из Читторе, завоевали и колонизировали часть долины.^[330] Оба рассказа, вероятно, в какой-то степени правдивы, и они и их последователи образуют парбутия или индуистский элемент в населении в настоящее время и составляют основную массу тех, кто исповедует индуистскую религию и поклоняется Шиве, Вишну и другим богам индуистского пантеона.

Однако до того, как они вошли в долину, она, по-видимому, была заселена киратами, бхотьями, неварцами и другими племенами нечистого происхождения,^[331] согласно индуистской идее чистоты — другими словами, татарами или тибетцами — и это те, кто рано принял доктрины

Будды и до сих пор придерживаются их. Невары, по-видимому, были правящей кастой до 1768 года, когда слабый правитель, призвав на помощь соседнего Горкха-раджу, захватил королевство, и его преемники до сих пор правят в Непале. Они, по-видимому, изначально принадлежали к племени магар,^[332] но, смешавшись с индусами-иммигрантами, называют себя раджпутами и приняли индуистскую религию, хотя в форме, сильно отличающейся от той, что известна на равнинах, и отличающейся манерой, которую мы вряд ли склонны ожидать. Когда религия разрушителя была введена в стране, исповедовавшей мягкую религию Будды, естественно было бы предположить, что ее самые дикие черты будут смягчены, чтобы соответствовать, по крайней мере, до некоторой степени, предрассудкам последователей религии, которую она вытесняла. В данном случае это далеко не так, говорят, что при первом введении религии Горкхи умиловляли божество человеческими жертвоприношениями, пока во сне их не предупредили воздержаться и заменить их животными.^[333] Кроме того, изображения Дурги или Кали, хотя и достаточно отвратительные на равнинах, в десять раз более распространены в Непале; и, фактически, повсюду наблюдается преувеличение всех наиболее выдающихся черт религии, что привело бы к убеждению, что она нашла исключительно благоприятную почву в долине и расцвела там с необычайным изобилием. Фактически, это одна из причин, приводящих к убеждению, что религия Шивы - это суеверие северных татар, которое, когда было введено в Индию, было смягчено и модифицировано в соответствии с более мягким духом народа; но среди горных племен, имеющих северное происхождение, оно практиковалось со всеми особенностями тантрического поклонения дьяволу, которые характеризуют его первоначальную родину. Что касается архитектуры храмов шивы в Непале, то это, по-видимому, указывает на то, что богослужение пришло в долину с севера, а не с равнин Бенгалии. Архитектура храмов Вишну, напротив, явно представляется ответвлением искусства равнин.

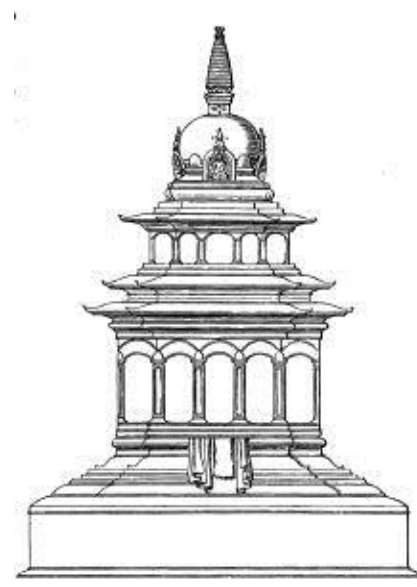
СТУПЫ ИЛИ ЧАЙТЫ.

Двумя старейшими и наиболее важными буддийскими памятниками в долине Непала являются Сваямбунатх и Будд-Хама.^[334] первый прекрасно расположен на пологом возвышении примерно в миле от Хатманду, второй - в Касачиэле, на некотором расстоянии.

170. Храм Сваямбунатх, Непал. (С рисунка из коллекции Ходжсона.)

Нет точной информации о дате ни того, ни другого, но, по крайней мере, в их нынешнем виде, они не самые старые в долине. Согласно Брайану Ходжсону, есть несколько низких, плоских, похожих на курганы чайтьев с очень умеренными тройниками, которые старше и могут быть любого возраста; но, как будет видно из предыдущей гравюры на дереве (№ [170](#)), чайтьи в Сваямбунатхе неправильной неуклюжей формы и в основном примечательны преувеличенной формой тройника. Это, по сути, наиболее заметная характеристика современного Тибетана дагоба, который в Китае часто доводят до такой степени, что ступа становится недолговечной, а тройник превращается в девяти- или тринадцатизэтажную башню. Согласно Киркпатрику (стр. 151), “этот храм в основном знаменит своим вечным огнем, два основных фитиля сохранили свое пламя с незапамятных времен”. Постоянное присутствие огненного алтаря рядом со статуями Будды в Гандхаре заставило бы нас заподозрить связь между поклонением огню и буддизмом в этой провинции, но вряд ли настолько тесную, как это может показаться.

171. Непальский Костакар. Без шкалы.

В коллекции мистера Ходжсона насчитывается около сотни рисунков чайтьев Непала, все разные, большинство из них маленькие и, как правило, богато украшенные; но ни один из них не величественный и ни один не демонстрирует той элегантности форм или красоты деталей, которые характеризуют здания равнин. От невысокого плоского холма, высотой в одну десятую его диаметра, они поднимаются к такому высокому зданию, как это, которое имеет обычную форму и носит название Костакар ([Гравюра на дереве № 171](#)), в котором дагоба является лишь венчающим украшением, а между ними присутствует все мыслимое разнообразие форм и деталей. Среди прочего, есть четырехликий лингам Шивы с соответствующей эмблемой с четырьмя Буддами; и в целом такое смешение двух религий, что подтверждает идею, на которую намекали выше, что лингам на самом деле является уменьшительным дагоба, а не эмблемой, которую он обычно должен представлять, хотя, без сомнения, в наше время понимается именно в этом значении.

172. Храм Деви Бховани, Бхатгаон. (С фотографии.)

Безусловно, самыми характерными и красивыми непальскими храмами являются многоэтажные, разделенные покатыми крышами. Они не похожи ни на что, встречающееся в Бенгалии, и все их сходство, по-видимому, с таковыми в Бирме или Китае. Обычно они кажутся посвященными вере шиваитов, но мистер Ходжсон упоминает один в Патане, где “Сакья занимает нижний этаж, Амитабха - второй этаж, маленькая каменная чайтья - третий, Мандала Дхармадату - четвертый; пятый, или вершина здания, снаружи состоит из небольшого чурamani, или чайтьи с драгоценными камнями”.

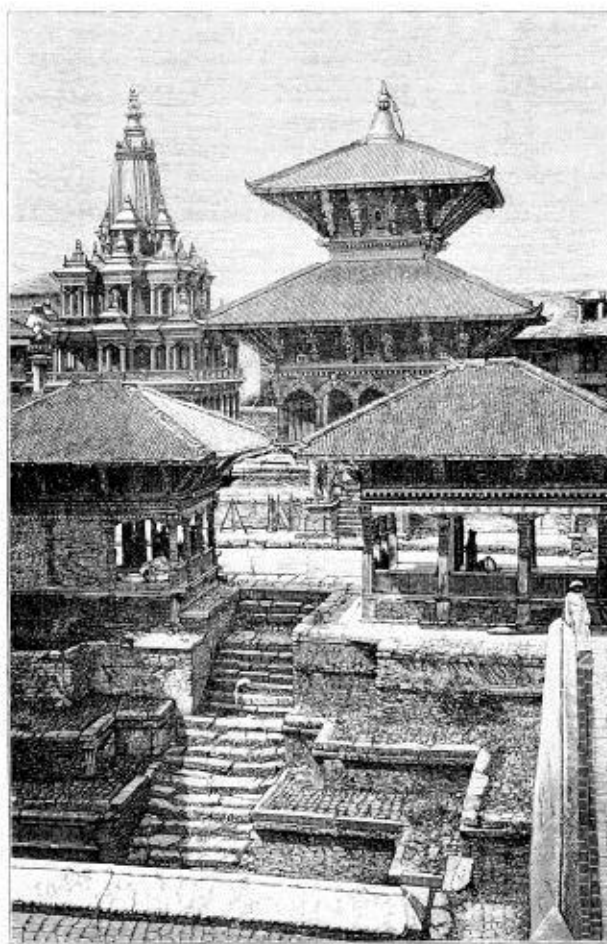
Одним из самых элегантных произведений этого класса является храм Бховани в Бхатгаоне, представленный на предыдущей гравюре на дереве (№ [172](#)). Он имеет пять этажей в высоту, но особенно хорошо стоит на пирамиде из пяти ступеней, что придает ему большее достоинство, чем многим его собратьям. Другой, посвященный Махадео, виден в центре следующей гравюры на дереве (№ 173). Он всего в два этажа высотой, но имеет ту же характерную форму крыши, которая является почти универсальной во всех зданиях, гражданских или церковных, которые имеют какие-либо претензии на архитектурный дизайн. Храм слева от последнего кадра посвящен Кришне, и его легко узнает любой, кто знаком с архитектурой равнин, по его сикре, или шпилю, с криволинейными очертаниями и громоздящимся павильонам, расположенным не совсем так, как обычные типы, но все же так, чтобы безошибочно быть бенгальским.

Еще один пример должен дополнить нашу иллюстрацию архитектуры Непала. Это дверной проем, ведущий в дурбар в Бхатгаоне, и является исключительно характерным образцом стиля, но

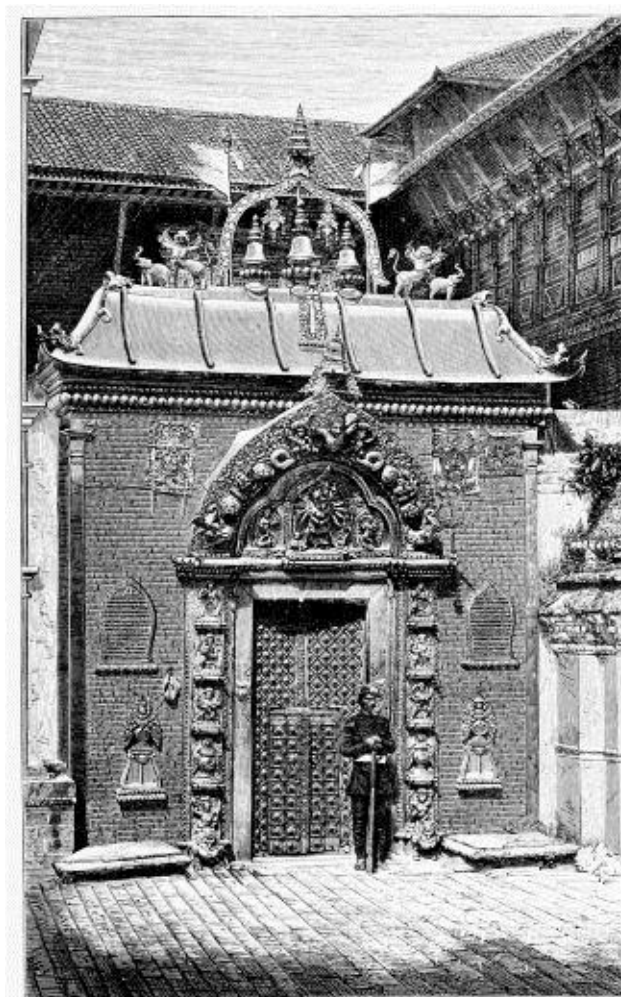

в стиле его украшений гораздо больше китайского, чем индийского ([Гравюра на дереве № 174](#), стр. 307). Это действительно так похоже на арку на перевале Нанкау, недалеко от Пекина, — приводится далее, — что я сначала был склонен отнести их к тому же возрасту. Китайский пример, однако, датирован 1345 годом; ^[335] этот, по словам мистера Ходжсона, был возведен еще в 1725 году, но их орнамент тот же. В центре изображен Гаруда с семиглавым змеиным капюшоном; а по обе стороны от него изображены наги, также с семиглавыми капюшонами; общий характер орнаментов из листьев настолько схож, что трудно поверить в столь большой промежуток времени между ними; но я не смею подвергать сомнению свидетельства мистера Ходжсона. С тех пор, как он был в Непале, здание на левой стороне разреза было “улучшено”. Его рисунки показывают, что это было одно из самых живописных зданий в долине. Сейчас это, конечно, не так.

Следует помнить, что, говоря об архитектуре Канары (*ante*, стр. 272), я отметил сходство, которое существовало между архитектурой этой отдаленной провинции и стилем, распространенным в этой гималайской долине; и я не думаю, что кто-либо может взглянуть на процитированные выше иллюстрации, особенно гравюры на дереве № 150 и 153, и не заметить сходства между ними и непальскими образцами, хотя может потребоваться знакомство со всеми фото-графиками, чтобы сделать это очевидным, не указывая на это.

173. Храм Махадео и Кришны, Патан. (С фотографии.)

174. Вход в Дурбар, Бхатгаон. (С фотографии.)

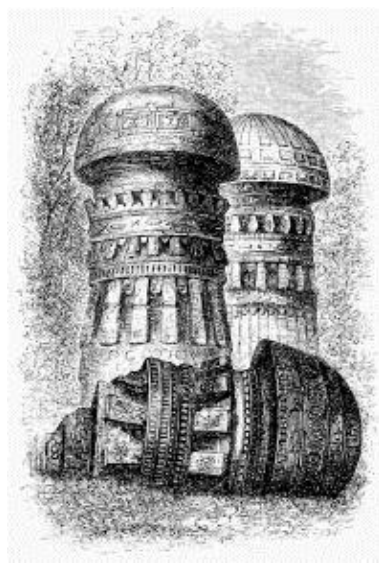
В таком случае любопытно найти заявление полковника Киркпатрика более семидесяти лет назад о том, что “достаточно примечательно, что неварские женщины, как и женщины из племени наир, на самом деле могут иметь столько мужей, сколько им заблагорассудится, имея право постоянно разводиться с ними под малейшим предлогом”.^[336] Доктор Бьюкенен Гамильтон также отмечает, что “хотя небольшая часть неварцев отказалась от доктрины Будды и приняла поклонение Шиве, это не изменило их манер, которые в основном примечательны их необычайной беспечностью в отношении поведения своих женщин”; и в другом месте он отмечает их неразборчивость в связях и распущенность.^[337] На самом деле, в Индии нет двух племен, за исключением наиров и невар, которые, как известно, придерживаются одинаковых странных представлений о женском целомудрии, и это, в сочетании с архитектурой и другими особенностями, кажется, указывает на расовое сходство, которое одновременно любопытно и заинтересует; но как и когда произошла эта связь, я должен предоставить другим определять. Я не думаю, что в названиях есть что-то общее, но я верю в сходство их архитектуры в сочетании с их манерами и обычаями.

ДЕРЕВЯННЫЕ ХРАМЫ.

В гималайских районах между Кашмиром и Непалом, в Кулу, Кангре и Кумаоне, находится огромное количество храмов, о которых было бы чрезвычайно интересно получить больше информации, чем мы сейчас располагаем. Все они выполнены из дерева, в основном из деодаровой сосны, и, как и большинство зданий из этого материала, более фантастической формы, но в то же время более живописны и украшены более богатой резьбой, чем здания из более прочных и неподатливых материалов. Однако то, что мы сейчас знаем о них, в основном

почерпнуто из фотографий, сделанных без какой-либо системы, только в виде картинок, потому что здания были либо живописны сами по себе, либо расположены так, чтобы улучшить ландшафт. Никто еще не додумался ни измерить их, ни спросить, каким божествам они посвящены, и еще меньше - поинтересоваться их возрастом или традициями; и пока это не сделано, невозможно относиться к ним сколько-нибудь удовлетворительно.

Всякий раз, когда будет написана эта глава истории индийской архитектуры, она станет любопытным дополнением к деревянной архитектуре Швеции и Норвегии, причем сходство между двумя группами будет одновременно поразительным и поучительным. Вряд ли можно ожидать, что между столь отдаленными друг от друга народами можно проследить какую-либо этнографическую или политическую связь, которая могла бы повлиять на их архитектурные формы; но любопытно, если это так, наблюдать, как люди независимо друг от друга перенимают одни и те же формы и похожие способы украшения, используя одни и те же материалы для сходных целей и при сходных климатических воздействиях. Хотя, следовательно, невозможно проследить какое-либо влияние, которое жители Гималаев могли оказать на народы северо-запада Европы, отнюдь не очевидно, что в этих деревянных постройках мы не можем найти зародышей многого, что сейчас ставит нас в тупик в отношении более ранних форм индуистской каменной архитектуры. Как и в буддийской архитектуре, вряд ли можно сомневаться в том, что многое в ней было заимствовано из деревянных оригиналов, и трудно найти какое-либо место, где деревянные стили, вероятно, были приняты раньше и дольше практиковались, чем в тех долинах, где в изобилии произрастает сосна Деодар, служащая столь превосходным и долговечным строительным материалом.

175. Монолиты в Димапуре.
(С рисунка майора Годвина Остина.)

Исследование этих долин, без сомнения, выявило бы множество любопытных памятников, которые были бы не только интересны сами по себе, но и могли бы пролить значительный свет на многие ныне неясные вопросы наших исследований. Один памятник, например, недавно был обнаружен майором Годвином Остином у подножия холмов Нага в Ассаме, который не похож ни на один другой известный памятник, существующий где-либо еще.^[338] Храм — если его можно назвать храмом — состоит из длинного коридора, около 250 футов в длину и 21 фут в ширину, крышу которого поддерживали богато вырезанные колонны, расположенные на расстоянии 15-21 фута друг от друга; но его наиболее примечательными особенностями являются два ряда — один

из шестнадцати, другой из семнадцати монолитов — стоящих перед ним. Самый высокий - 15 футов, самый маленький - 8 футов 5 дюймов, общий диапазон составляет от 12 до 13 футов в высоту и от 18 до 20 футов в окружности. Нет двух абсолютно одинаковых, хотя все они имеют общее сходство дизайна с теми, что представлены на предыдущей гравюре на дереве (№ 175), что можно считать типичным для этого стиля. Другой подобный монолит был найден на небольшом расстоянии, размером 16 футов 8 дюймов. в высоту и 23 фута в окружности.

Местные жители были совершенно неспособны дать какой-либо отчет об этих любопытных памятниках, и нелегко догадаться, почему они были размещены там, где находятся. Насколько я знаю, подобного памятника нигде не существует, поскольку колонны кажутся совершенно бесполезными, хотя и прикреплены к двум рядам камней, которые, возможно, несли крышу; в остальном они похожи на те ряды грубых каменных памятников, с которыми мы знакомы в этой стране и Бретани, но которые более артистичный народ, возможно, украсил грубой резьбой, вместо того чтобы оставить их совершенно простыми, как это делали наши предки. Что касается их резьбы, то, насколько я знаю, единственными вещами, наименее похожими на них в Индии, являются колонны в храме в Мудбидри ([Гравюра на дереве № 152](#)) и в других местах на Канаре, но там колонны являются настоящими опорами крыш; они с круглыми головками и, очевидно, никогда не предназначались для каких-либо утилитарных целей.

Судя по воротам и другим остаткам города Димапур, в котором найдены эти колонны, они не могут быть сколько-нибудь древними. Ворота гаурского типа, со стрельчатой аркой, вероятно, 16-го или 17-го века; и, если наблюдение майора Остина верно, что песчаник, из которого они сложены, имеет рыхлую и скоропортящуюся природу, они не могут относиться к какой-либо отдаленной древности.

Было бы очень интересно, если бы удалось найти еще несколько подобных памятников, а Ассам - одно из самых перспективных месторождений в Индии для подобных открытий. Когда Хиуэн Тханг посетил его в VII веке, он был известен как королевство Камруп, одно из трех главных государств Северной Индии, и оставался густонаселенным и важным до тех пор, пока правители Дели-патаны не попытались завоевать его в 15 веке. Из-за физических трудностей страны им так и не удалось добиться успеха в этой попытке; но они блокировали страну в течение многих лет, и, отрезанные от остального мира, дикие горные племена с обеих сторон, которым помогал голод, настолько обезлюдели страну, что джунгли поглотили те слабые остатки, которые уцелели, и одна из богатейших долин в мире теперь является одной из самых малонаселенных. Хорошее и либеральное правительство могло бы за несколько лет далеко пойти, чтобы исправить это положение дел, и, если бы ему посчастливилось, джунгли снова были бы расчищены и сделаны пригодными для проживания людей. Когда это будет сделано, не может быть никаких сомнений в том, что будут найдены остатки многих древних городов. Капитан Далтон уже рассказывал о руинах Гохати, которые почти наверняка были древней столицей провинции. “Его бывшее значение, - говорит комиссар, - хорошо подтверждается огромными размерами его укреплений и обилием резных камней, которые обнаруживаются при раскопках современного города. Остатки каменных ворот и старых каменных мостов найдены как внутри старых городских стен, так и за их пределами”.^[339] Капитан Ханней показывает вид на один из этих мостов. Как и все остальные, он построен без арок, по горизонтальному принципу,^[340] но он может быть таким же древним, как времена китайских паломников. Помимо этих, другие руины были найдены и описаны более или менее подробно на страницах ‘Журнала Азиатского общества Бенгалии’. При более полном изучении они, несомненно, будут представлять значительную историческую и этнографическую ценность, хотя вряд ли их можно сравнить с обширными памятниками таких провинций, как Орисса или Гуджерат, и других частей собственно Индии.

ТИБЕТ.

Было бы чрезвычайно интересно, если бы, прежде чем покинуть эту часть света, можно было составить что-нибудь похожее на удовлетворительный отчет о буддийском стиле в Тибете, ибо именно там буддизм существует в своей величайшей чистоте в настоящий момент, и только там он целиком и по существу является частью системы людей. Поэтому мы с удовольствием сравнили бы существующее положение вещей в Тибете с нашими рассказами об Индии во времена господства той же религии. Однако зависть китайцев, которые сейчас главенствуют над этой нацией священников, препятствует свободному доступу в страну, и те, кто проникал за ее запретные барьеры, либо делали это под видом нищенствующих, и, следовательно, не осмеливались ни рисовать, ни детально исследовать то, что они видели, либо не имели вкуса изображать то, что было непонятно и, следовательно, представляло для них очень мало интереса.^[341]

Насколько можно судить по имеющимся у нас рассказам, в Тибете, по-видимому, нет ни одного святилища-реликвии, примечательного ни святостью, ни размерами, и поклонение реликвиям, по-видимому, не выражается ни в их архитектуре, ни в религиозных формах. Но поскольку ни в одной стране мира нет большего числа священников по отношению к ее населению, и поскольку все они дали обет безбрачия и живут вместе, их монастыри более обширны, чем какие-либо известные нам другие - в некоторых из них 2000 или 3000 лам, в некоторых, если мы можем доверять М. Хуку, до 15 000.^[342] Монастыри, по-видимому, не построены с какой-либо регулярностью или не сгруппированы в комбинации с какими-либо архитектурными претензиями, а состоят из длинных улиц скельями, в основном окружающих небольшие дворiki, по три-четыре с каждой стороны, иногда высотой в два или даже три этажа; как правило, возможно, всегда, с небольшим святилищем или алтарем в центре. Монастырь Боуддха Ла, расположенный за пределами города Ласса, где проживает Делай-лама, кажется более величественным, чем все остальные — центр занимает здание высотой в четыре этажа, увенчанное куполом (составляющим пятый по счету), полностью покрытым листами золота (скорее, возможно, просто позолоченными) и окруженное перистилем из колонн, которые также позолочены. Вокруг этого центрального дворца сгруппировано несколько меньших по размеру, где проживают низшие члены этого великого церковного ордена; но обо всем этом трудно составить четкое представление без нескольких лучших рисунков, чем местные, которые в настоящее время доступны только.

Тибетцы верят, что Делай-лама, проживающий в этом дворце, является живым воплощением Божества и, следовательно, является главным, если не единственным объектом поклонения в Лассе. Однако в разных частях Тибета и Монголии есть четыре или пять второстепенных воплощений, которые, хотя и уступают этому, все же являются объектами поклонения в тех местах, где они проживают, и определенными сектами буддистов.

Именно это поклонение живому, а не мертвому божеству, по-видимому, является основной причиной различия архитектурных форм Индии и Тибета. Считается, что в странах, которые мы до сих пор описывали, после смерти Сакья Муни не произошло ни одного реального воплощения Божества, хотя дух Божий сошел на многих святых и праведных мужей; поэтому в Индии они довольствовались поклонением изображениям усопшего божества или реликвиям, напоминающим о Его присутствии. В Тибете, где их божество все еще присутствует среди них, постоянно переселяясь, но никогда не умирая, конечно, такая форма поклонения была бы абсурдной; никакая реликвия все еще живого бога не может существовать, и подобие или память о каком-либо прошлом проявлении не заслуживает сохранения. *Априори*, следовательно, нам вряд ли следует искать здесь тот же класс священных сооружений, который мы находим в Индии или на Цейлоне.

Из-за ревности, с которой страна охраняется от вторжения европейцев, нам, вероятно, придется подождать некоторое время, прежде чем сам Тибет или даже зависящие от него долины в Гималаях станут настолько доступными для европейских путешественников, что они смогут предоставить информацию, необходимую для этой цели. Между тем, однако, любопытен вид

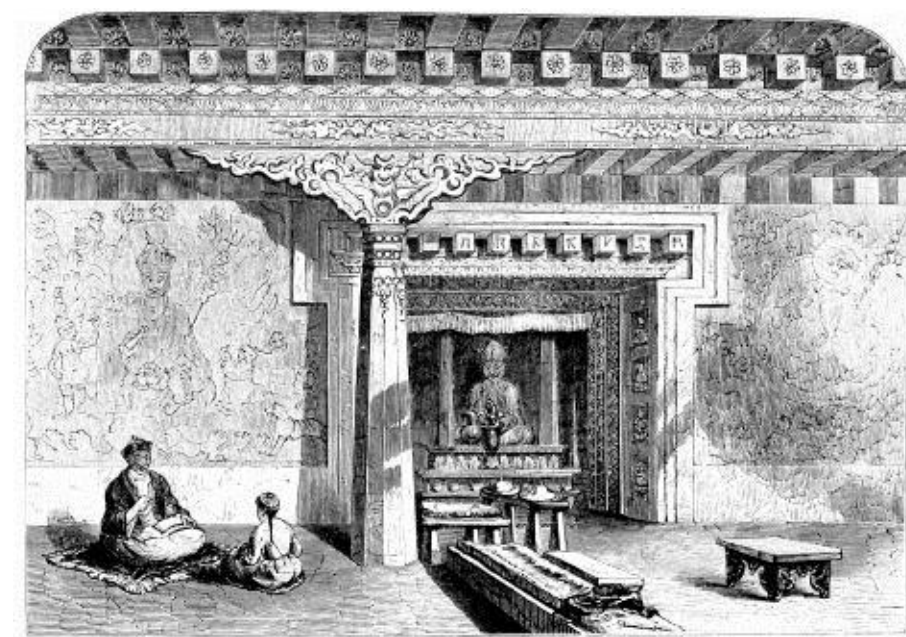
([гравюра на дереве № 176](#)) дверного проема храма в Тассайдинге, демонстрирующий упорство в использовании наклонных косяков, чего мы не встретим на равнинах. Следует помнить, что эта особенность почти универсальна в пещерах Бехар и раннего запада (гравюры на дереве № № 43, 45 и 50), но там мы ее теряем. Возможно, он продолжал широко использоваться в средние века, хотя примеры его использования исчезли; но любопытно обнаружить, что он снова появляется здесь по прошествии 2000 лет. [\[343\]](#)

176. Вход в храм в Тассайдинге. (Из "Гималайских дневников" доктора Хукера.)

Другой вид на крыльце храма в Пемиионгчи также интересен, поскольку показывает форму крыши, которая нам знакома по примерам наскальных рисунков, а также иллюстрирует степень, до которой столица Индии могла находиться под влиянием деревянной архитектуры ([Гравюра на дереве № 177](#)). Вряд ли кажется сомнительным, что изначально идея была заимствована из деревянного строительства, но в равной степени соответствовала масонским формам и так разумно использовалась в кладке индийскими архитекторами, что в большинстве случаев мы вообще упускаем из виду ее происхождение.

Какими бы интересными ни были эти второстепенные стили из-за их разнообразия, и какими бы ценными они ни были из-за подсказок, которые они дают нам для понимания истории других стилей, они никогда не могут быть столь важными, как большие архитектурные группы, которые находятся на равнинах самой Индии. Монография о стилях Кашмира или Непала, или о промежуточных долинах, была бы бесценным дополнением к нашим знаниям; но едва ли требуется что-то большее в общей истории, чем указать их места и определить их общие характеристики так, чтобы сделать их узнаваемыми. Однако даже эти второстепенные стили станут более понятными при изучении в связи с дравидийским и северным стилями, определение и описание которых предлагается далее.

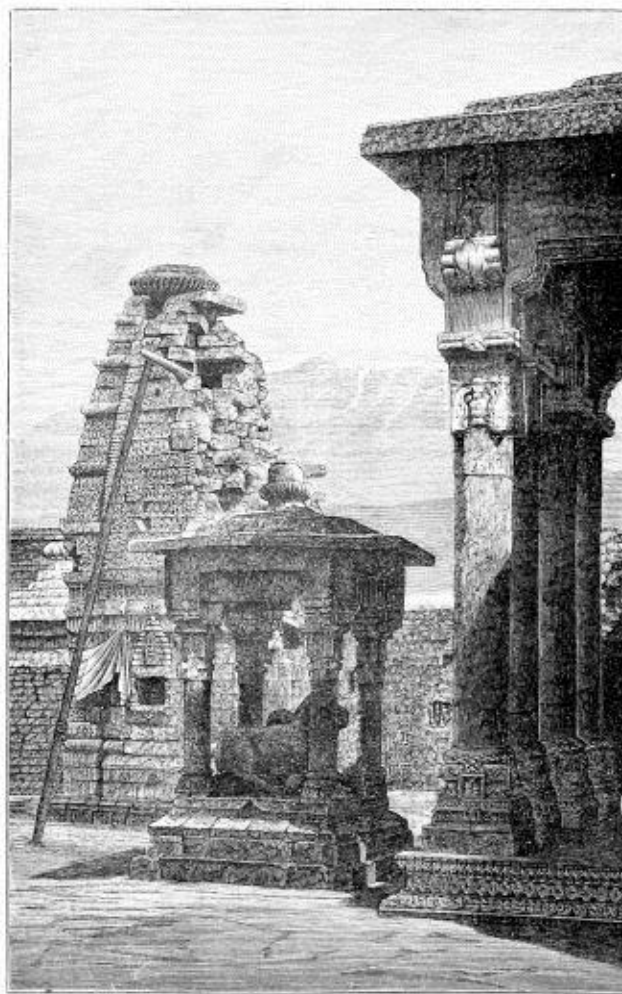
177. Крыльцо храма в Пемиионгчи. (От Хукера.)

ХРАМЫ В КАНГРЕ.

Хотя им немного не место в этой серии, в одной из гималайских долин есть два небольших храма, которые, возможно, было бы целесообразно описать здесь, прежде чем оставить эту часть предмета, поскольку их особенности помогут нам понять многое из того, что только что было сказано или что вскоре будет расширено. Кроме этого, они точно не вписываются ни в одну другую серию, но вряд ли их можно обойти стороной, поскольку они обладают тем, что так редко встречается в индийских храмах, — точно установленной датой.

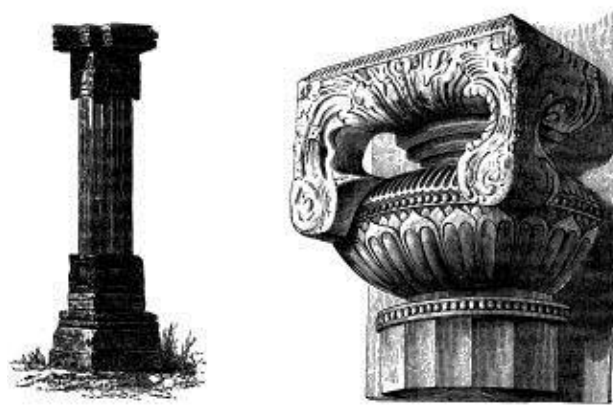
Храмы расположены в деревне Кираграмма, недалеко от Котэ Кангры, и, как гласит надпись на них, были построены двумя братьями, Байджнатхом и Сиддхнатхом, в 804 году н.э. [\[344\]](#) Ни один из них не является большим. У большего из них крыльцо площадью 20 квадратных футов внутри на 28 футов (не 48 футов) по всему внешнему виду, а вся длина храма, спереди до тыла, составляет 50 футов. Тот, что поменьше, возвышается всего на 33 фута, включая святилище. В 1786 году большой храм подвергся тщательному ремонту руками раджи Синсарчанда, в результате которого были стерты многие его черты; но с первого взгляда легко увидеть, что было сделано в начале 9 века, а что 1000 лет спустя. Небольшой храм, хотя и разрушенный, более интересен, потому что он избежал руки спойлера. Как видно из гравюры на дереве (№ [178](#)), у него есть все черты очень древнего храма — большая простота очертаний, отсутствие повторений, а вся поверхность верхней части покрыта тем своеобразным подгузником в виде подковы, который был так моден в те ранние дни. Здесь это выглядит так, словно должно быть скопировано с какой-то кирпичной или терракотовой конструкции; в противном случае его повторение по всей поверхности кажется необъяснимым. Струнные композиции "амалака" выдержаны в сдержанном стиле, а венчающий их орнамент имеет правильные пропорции. [\[345\]](#)

Нет никаких сомнений в том, что сикра большого храма была украшена подобным же образом, но все ее детали настолько полностью стерты нанесенным на нее слоем штукатурки, что она потеряла свой интерес. Колонны, однако, крыльца сохранили свои формы, по крайней мере, до капителей. Наличники, как видно из гравюры на дереве, были отремонтированы в 1786 году. Стержни колонн представляют собой простые цилиндры очень классических пропорций, а основания также показывают, что они лишь немного отличаются от классического дизайна. Квадратный цоколь, два тора, каветто, или полый молдинг между ними, - все это классическое, но частично скрытое индуистским орнаментом, очень элегантное, но непохожее ни на что, найденное впоследствии. Капители, однако, являются наиболее интересными деталями, хотя их детали значительно стерты побелкой. Они принадлежат к тому, что можно назвать индуистско-коринфским орденом, хотя принципы, на которых они разработаны, диаметрально противоположны принципам классического ордена с тем же названием.

178. Храмы в Кираграме, недалеко от Котэ-Кангры. (С фотографии.)

Цель обоих решений, как хорошо известно, состоит в том, чтобы изящно и приятно преобразовать круглую шахту в квадратную капитель, несущую архитрав. Мы все знаем, как это достигается ионическими и коринфскими капителями; это приятно, это правда, но не без усилий и некоторой неуклюжести, для преодоления которой потребовалось все мастерство и вкус классических архитекторов. Чтобы достичь этой цели, индусы ставили вазу на вершину своей колонны, чаша которой была примерно того же диаметра, что и у столба, на который она была установлена, или, скорее, больше; но такое расположение было слабым, потому что горлышко и основание вазы обязательно были меньше стержня колонны, и оба они оставались круглыми. Чтобы исправить эти дефекты, они разработали очень красивый листовой орнамент, который, кажется, вырастает из вазы на каждой из ее четырех граней и, опускаясь вниз, укрепляет углубления горлышка и ножки вазы, чтобы придать им всю необходимую прочность и в то же время преобразовать круглую форму стержня в требуемый квадрат для счетов капители. Индусы, конечно, никогда не обладали достаточными способностями или конструктивным мастерством, позволяющими им создать столь совершенную форму, как коринфские или ионические капители греков или римлян; но вполне вероятно, что если бы эта форма была принята в наши дни, капитель, столь же красивая, как любая из этих, могла бы быть создана даже сейчас. Это, действительно, почти единственное предложение, которое индийская архитектура, по-видимому, предлагает для европейского использования.

179. Колонна в Эруне эпохи Гуптов. 180. Капитель полуколонны из храма в Ориссе. (С литографии.)

Ни в коем случае не ясно, когда эта форма капитала была впервые введена. Впервые это появляется, но робко следует признать, в таких позднебуддийских пещерах, которые были раскопаны после начала 5 века: — как, например, в пещере Ядня Шри в Насике ([гравюра на дереве № 81](#)); во дворе Вишвакармы в Эллоре ([гравюра на дереве № 63](#)); и в некоторых из более поздних пещер в Аджунте — например, в двадцать четвертой. Он найден в Эруне ([Гравюра на дереве № 179](#)) среди некоторых фрагментов, которые, как я полагаю, относятся к эпохе гуптов, около 400 г. н.э., и в настоящее время используется в средней группе индуистских пещер в Эллоре, таких как Пепел Раваны, и других пещерах того же возраста, скажем, около 600 г. н.э. Впоследствии это стало частым, почти повсеместным явлением у джайнов, вплоть до времен магометанского завоевания. Предыдущее изображение одного из них ([гравюра на дереве № 180](#)) с полуколонны храма в Ориссе изображено в виде скелета и, следовательно, больше подходит для объяснения его конструкции, чем более полная капитель. С момента своего появления колоколообразная или персеполитическая капитель, похоже, вышла из моды и больше не появляется в индийском искусстве.

Возвращаясь к этому отступлению: не может быть сомнений в том, что храм Байджнатх посвящен Шиве, не только из-за присутствия быков перед ним в павильонах той же архитектуры, что и крыльцо, но и потому, что Ганеша появляется среди его целостных скульптур; однако, как ни странно, заднюю нишу занимает статуя Махавиры, последнего джайнского Тиртханкара, с совершенно разборчивой надписью, датированной 1240 годом нашей эры.^[346] Похоже, что эпоха терпимости не миновала даже их.

КНИГА IV.

В ДРАВИДИЙСКОМ СТИЛЕ.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

ТНЕ Пределы, в которых дравидийский стиль архитектуры преобладал в Индии, определить или понять несложно. Практически они принадлежат Мадрасскому президентству, или, говоря более правильно, они идентичны распространению людей, говорящих на тамильском или любом из родственных языков. Доктор Колдуэлл в своей "Грамматике" оценивает их в сорок пять или сорок шесть миллионов,^[347] но он включает в их число ряд племен, таких как туды и гонды, которые, правда, говорят на диалектах, тесно связанных с тамильскими языками, но которые, возможно, научились им у высших рас, точно так же, как все народы юго-запада Европы научились говорить по-латыни у римлян; или как жители Корнуолла научились говорить по-латыни у римлян. принят английский, а ирландцы и северные шотландцы заменяют этим языком свои родные гэльские диалекты. Если мы не знаем их истории, язык - всего лишь слабый критерий расовой принадлежности, и в данном случае архитектура не приходит нам на помощь. Возможно, это произойдет позже, но, насколько нам известно в настоящее время, эти племена находятся в слишком грубом состоянии, чтобы иметь какую-либо собственную архитектуру в достаточно развитом для наших целей состоянии. Поэтому, пока отложив их в сторону, мы все еще имеем, согласно последней переписи, около тридцати миллионов людей, говорящих на тамильском, телугу, канарецком и малаяламском языках, которые, у нас нет причин сомневаться, практически принадлежат к одной расе и которые, поскольку они индуисты — не джайны, а последователи Шивы и Вишну, — исповедуют один архитектурный стиль, известный как дравидийский. На восточном побережье границы стиля простираются на север до устья Кистны, и он спорадически и нерегулярно проникает на территории низама, но мы пока не можем сказать, в какой степени и в каких пределах.

На западном побережье его естественной границей к северу является Кистна, но когда-то (A.D.) он доходил до Эллары на 20 ° широты; но, по-видимому, это было спазматическое усилие, и он не пустил там постоянных корней, в то время как отражающая волна принесла северные стили в Майсур или другие южные страны, где их присутствия можно было ожидать так же мало, как и присутствия дравидов так далеко на севере.В

Хотя в последнее время был достигнут значительный прогресс в правильном направлении, до сих пор не найдено удовлетворительного решения проблемы происхождения дравидов. Обычная теория состоит в том, что, двигаясь с запада, они пересекли Низовья Инда, прошли через Шинд и Гуджерат и, держась правее, искали местности, в которых мы их сейчас находим; или, скорее, что они были загнаны в этот угол сначала арийцами, которые почти наверняка пересекли Верховья Инда и прошли через Пенджаб в долину Ганга, а затем раджпутами, которые последовали почти по их стопам.

В пользу этой точки зрения свидетельствует факт, впервые указанный доктором Колдуэллом,^[348] что брахуи в Белочистане говорят на дравидийском языке и, следовательно, могут рассматриваться как фрагмент расы, заброшенной туда *транзитом*. Но против этой точки зрения можно возразить, что между брахуи и северными тамилами мы имеем участок цивилизованной страны протяженностью более 1000 миль, в котором у нас нет свидетельств прохождения дравидов, и где почти наверняка, если бы это была национальная миграция, мы нашли бы их следы.

Что касается истории, то при тех проблесках традиции, которыми мы обладаем, они определенно не одобряют такой взгляд на вещи. Они не только не могут предоставить нам

никаких следов такой миграции или завоевания, но и в самое раннее время, когда мы находим какие-либо упоминания о них, самая цивилизованная и важная из их общин занимала крайнюю южную точку полуострова.^[349] К северу от них были леса, но между христианской эрой и вторжением магометан мы обнаруживаем, что джунгли постепенно исчезают, и южные расы продвигаются на север, пока в 14 веке мусульмане не остановили их и не отбросили назад. Если бы не их вмешательство, похоже, что в то время дравиды могли бы в конечном итоге вытеснить ариев через Гималаи обратно на их первоначальные места, как это чуть было не сделали махаратты, которые наполовину дравиды, в последующий период.

Если бы можно было обнаружить какую-либо четкую или прямую связь между тамильским и срединным или аккадским языками туранского происхождения, которую нам открывает расшифровка надписей в виде наконечников стрел, это могло бы во многом помочь в объяснении первоначального проникновения дравидов в Индию и многочисленных ассирианизмов, существующих в мифологии и архитектуре южной Индии. Однако до тех пор, пока в этом направлении не будет достигнут больший прогресс, представляется более целесообразным в настоящее время предполагать, что расы, говорящие на тамильском языке, являются практически аборигенами и что свидетельства связи между ними и Вавилонией обусловлены продолжающимися и тесными торговыми сношениями между Персидским заливом и Малабарским побережьем. В том, что такое действительно существовало в очень отдаленные века, мы можем быть уверены, и его масштабы кажутся такими, что оправдывают и объясняют любые сходства, которые сейчас обнаруживаются в южной Индии.

Как бы то ни было, насколько позволяют их традиции, мы находим, что Дравида Деса, или южная часть Индии, разделена на три царства или государства, Пандьи, чолы и чера, образующие небольшую триархию властей, которым не мешают другие народы земли и которые не вмешиваются в дела тех, кто находится за их пределами. На протяжении большей части своего существования все их военные и мирные отношения были связаны между собой, и они выросли отдельным народом, настолько непохожим на остальной мир, насколько это вообще возможно представить.

Из этих трех самое южное называлось Пандийским царством; оно было самым ранним цивилизованным государством и, по-видимому, приобрело достаточное значение примерно в эпоху христианской эры, чтобы привлечь особое внимание греческих и римских географов. Насколько раньше оно стало государством или имело регулярную смену правителей, мы не знаем,^[350] но, по-видимому, оно определенно достигло некоторой согласованности еще за пять или шесть веков до христианской эры и сохранялось в своих первоначальных границах до середины прошлого века, когда было поглощено нашей всепожирающей агрессией.

В течение этого долгого периода Пандьи пережили несколько эпох великого блеска и могущества, за которыми последовали длительные периоды депрессии и безвестности. 1-й век, а затем 5-й или 6-й, по-видимому, были теми, в которых они особенно отличились. Если здания любой из этих эпох все еще существуют, что ни в коем случае не является невероятным, они нам пока совершенно неизвестны, и мы ничего не знаем о зданиях промежуточных периодов вплоть до правления Тирумиллы Наяка, А.Д. 1624 года нашей эры. Этот принц украсил столицу Мадур у множеством великолепных зданий, некоторые из которых были нарисованы Даниэлем и другими. Какие еще древние останки там могут быть, неизвестно до тех пор, пока это место не будет тщательно и научно исследовано.

Королевство Чола простиралось на север от долины рек Кавери и Колрун, берега которых, по-видимому, всегда были его главной резиденцией, почти до Мадраса, по всему восточному побережью, названному в их честь Чоломандалам или Коромандель. Дата возникновения их королевства неизвестна, но их политические отношения с Кашмиром можно проследить еще в 6 веке, а возможно, и раньше.^[351] Однако их эпоха величайшей славы пришлось на период между 10

и 12 веками, когда они, по-видимому, покорили не только своих соседей пандьев и чера, но даже вышли за пределы триархии и принесли свое оружие на Цейлон, а также вели равную борьбу с чалукьями на севере. После этого периода у них не было такого великого возрождения, как у пандьев при Тирумуде Наяке, но они шаг за шагом опускались при мусульманах, махраттах и англичанах до своего нынешнего состояния полного политического уничтожения.

Черасы занимали территорию к северу от королевства Пандья и к западу от Чолы, включая значительную часть того, что сейчас известно как Майсур. Их возвышение, согласно их собственным летописям, произошло почти во времена христианской эры, но это, скорее всего, преувеличение; но есть надписи, которые доказывают, что они были могущественны в IV и V веках. С этого времени они, по-видимому, постепенно распространили свои завоевания на север. Их шестнадцатый король хвастается тем, что покорил Андхру и Калингу,^[352] а их двадцатый король, Конгани Райя III., хвастается тем, что покорил Чолу, Пандью, Дравиду, Андхру, Калингу, Варадугу и Махараштра десас вплоть до реки Нербудда.^[353] Согласно датам в Конгадеша Раджакале, это должно было произойти в 7 веке, но из того, что мы знаем из истории, это могло произойти только после свержения династии Чалукьян, и, следовательно, вряд ли раньше 750 года. То, что южное завоевание действительно имело место примерно в то время, кажется почти несомненным из затмения Чалукьев между 750 и 1000 годами,^[354] и из раскопок Киласа и других храмов дравидийской архитектуры в Эллоре примерно в то время, и, похоже, нет расы, кроме чера, которая могла бы это осуществить.

Вира Чола (927-977 гг. н.э.), похоже, первым положил конец их победоносной карьере, а Ари Вара Дева, другой король Чола (1004), завершил их уничтожение. Он также хвастается тем, что донес свой победоносный штандарт до Нербудды и был благодетелем Чилламбарамы, знаменитого в то время храма его расы.

Это было последним великим усилием ранней триархии; после этого возвышение Беллала в Майсуре и возрождение чалукья в центральной Индии, по-видимому, сдержали их до такой степени, что они так и не восстановили совершенную независимость, хотя временами были богаты и могущественны и могли приступить к самым великолепным архитектурным начинаниям.^[355]

Хотя политически эти три государства всегда оставались разными и в целом антагонистичными, люди принадлежали к одной расе. Их архитектура отличается от любой другой, найденной в Индии, но едина в себе и претерпела процесс постепенных изменений с самых ранних времен, когда мы с ней познакомились, пока мы полностью не потеряли ее из виду в прошлом столетии. Это изменение неизменно к худшему, поскольку более ранние образцы во всех случаях являются наиболее совершенными, а степень разрушения, как упоминалось выше, составляет достаточно точную хронометрическую шкалу, по которой мы можем измерить возраст зданий.

Буддизм, как указывалось ранее, похоже, никогда не завоевывал особой популярности ни у одной из дравидийских рас Индии, и уже в VII веке немногие последователи Будды, существовавшие на юге Индии, были окончательно изгнаны.^[356] Он был уничтожен настолько полностью, что я не знаю ни одного буддийского памятника к югу от Кистны, за исключением топа в Амравати, описанного выше, и я очень сильно склонен сомневаться в том, существовали ли когда-либо какие-либо действительно важные из них.

Джайнская религия, напротив, продолжала процветать в Конджевераме и в Майсуре и, по-видимому, пришла на смену буддизму в этих местах и привлекла к себе любую склонность к доктринам буддизма со стороны южных народов. Несмотря на влияние своего интеллекта, джайны никогда не составляли более чем небольшой численной части народа, среди которого они находились.

Индуистскую религию, которая таким образом стала высшей, теперь обычно называют брахманической, чтобы отличать ее от более ранней ведической религии, которая, однако, по-видимому, никогда не была известна на юге. Две секты, на которые он разделен, состоят из

почитателей Шивы и Вишну и в настоящее время совершенно различны и почти антагонистичны; но обе сейчас настолько перегружены абсурдными баснями и чудовищными суевериями, что очень трудно установить, чем они являются на самом деле или когда-либо были. Мы также пока не в состоянии с уверенностью говорить об их происхождении.

Однако недавние открытия в Ассирии, по-видимому, указывают на эту страну как на источник многого из того, что, как мы находим, лежит в основе местного колорита вайшнавской веры. Гаруда, Вахана с орлиной головой и спутник Вишну, кажется идентичным фигуре, ныне столь знакомой нам по ассирийской скульптуре, вероятно, представляющей Ормазда. Ассирийский бог-рыба Дагон является прообразом “Рыбы-Аватары”, или воплощения Вишну. Человек-лев не более знаком нам в Ассирии, чем в Индии, и традиция в целом указывает на Запад, поскольку другие фигуры едва ли так легко распознать — особенно Бали, одно имя которого указывает на его происхождение; и Маха Ассур, который, благодаря странной инверсии, является человеком с головой быка, ^[357] вместо быка с головой человека, каким его всегда изображают на его родине. Стоит отметить, что девятым Аватаром Вишну всегда является сам Будда, что указывает на связь между этими двумя крайностями индийской веры; и надписи 14 века говорят нам, что тогда не было заметной разницы между джайнами и вайшнавами. ^[358] Действительно, как указано во введении, кажется невозможным избежать рассмотрения этих трех верований как трех стадий одного суеверия местной расы — буддизма, являющегося старейшим и чистейшим; джайнизма - веры аналогичного происхождения, но наложенной на местные суеверия; и вишнуизма - третьей формы, соответствующей возможностям коренных жителей Индии в наше время и способной конкурировать с модным поклонением Шиве.

Обе эти религии заимствовали огромное количество терминологии из более абстрактных религий арийских рас, и обе заявляют о своем почитании Вед и других священных писаний на санскрите. Действительно, практически невозможно, чтобы интеллектуальное превосходство этой расы не давало о себе знать низшим племенам, но наиболее важно всегда помнить, что ариец, говорящий на санскрите, был чужаком в Индии. Действительно, нельзя слишком часто повторять, что все, что является интеллектуальным достижением в этой стране, — все, что написано, — принадлежит им; но все, что построено, — все, что является художественным, - принадлежит другим расам, которые были либо аборигенами, либо иммигрировали в Индию в более ранние или последующие периоды, и из других источников, отличных от тех, которые обеспечили арийский род.

Кажется, что нет никакой существенной разницы ни в плане, ни в форме между шиваитскими и вайшнавскими храмами на юге Индии. Только наблюдая за изображениями или эмблемами, которым поклоняются, или читая истории, представленные в многочисленных скульптурах, которыми украшен храм, мы узнаем бога, которому он посвящен. Кем бы он ни был, храмы почти неизменно состоят из четырех следующих частей, расположенных различным образом, как будет объяснено позже, но отличающихся друг от друга только в зависимости от эпохи, в которую они были выполнены:

1. Основная часть, собственно сам храм, называется *Вимана*. Он всегда квадратный в плане и увенчан пирамидальной крышей в один или несколько этажей; в нем находится ячейка, в которой помещено изображение бога или его эмблема.
2. Портки или *Мантапы*, которые всегда закрывают дверь, ведущую в камеру, и предшествуют ей.
3. Пирамиды ворот, *Гопуры*, которые являются основными элементами четырехугольных ограждений, которые всегда окружают *Виманы*.
4. Залы с колоннами или *Часовни*, используемые для различных целей и являющиеся неизменным сопровождением этих храмов.

Помимо этого, в храме всегда есть резервуары или колодцы для воды, которые должны использоваться либо для священных целей, либо для удобства священников, жилища для всех различных степеней жречества, прикрепленных к нему, и множество других зданий, предназначенных для государства или удобства.

ГЛАВА II.

ВЫСЕЧЕННЫЕ В СКАЛЕ ХРАМЫ ДРАВИДОВ.

Содержание.

Махавеллипор—Килас, Эллора.

Хотя, возможно, невозможно указать на происхождение дравидийского стиля и проследить его раннюю историю с той же точностью, с какой мы можем проследить буддийскую архитектуру, в нем нет ничего столь загадочного, как в отношении стилей северной Индии, и он не обрушивается на нас сразу в полном объеме, как в случае с архитектурой Чалукьев. До сих пор большая трудность в этом деле заключалась в том, что все храмы южной Индии были признаны построенными в столь современную эпоху. Эпоха великого строительства там пришлась на 16-17 века нашей эры. Некоторые структурные сооружения, это правда, можно было с уверенностью отнести к 12-му или 13-му веку, но все остальное было в значительной степени предположением; и если бы не примеры, высеченные в скале, мы вряд ли смогли бы вернуться намного дальше с чем-либо подобным уверенности. Однако недавние исследования в сочетании с улучшением знаний и более глубоким знакомством с предметом в настоящее время в значительной степени изменили это положение дел. Теперь вряд ли можно сомневаться в том, что Килас в Эллоре и великие храмы в Пурудкуле (Паттадкуль) относятся к 10 веку. ^[359] На самом деле, может быть, они датируются 8-м или 9-м веком, и, если я не очень сильно ошибаюсь, “ратхи”, как их называют, в Махавеллипоре датируются 5-м или 6-м, если не раньше, и на самом деле являются старейшими известными образцами своего класса и прототипами стиля.

Одно обстоятельство, которое помешало установить возраст храмов Махавеллипора раньше, заключается в том, что, будучи полностью высеченными из гранита и цельных блоков, они не имеют признаков износа или ветхости, что так часто является критерием возраста строительных конструкций, и то, что все они сделаны из одного материала, придает им семейное сходство, из-за чего на первый взгляд трудно отличить старое от нового. Более того, все они обладают любопытной особенностью быть незавершенными, независимо от того, стоят ли они отдельно, как ратхи, или вырублены в скале, как пещеры, или на ее поверхности, как большой барельеф; во всех них треть или четверть просто перекрыта, а в некоторых случаях с просто обозначенным намерением. Похоже, что рабочих внезапно отозвали, пока все шло своим чередом, и местные традиции, которые всегда строятся так, чтобы объяснить то, что иначе было бы совершенно непонятно, ухватились за эту особенность и сделали ее заметной чертой своих мифов. Добавьте к этому, что только сейчас мы приобретаем те знания по этому предмету и знакомимся с его деталями, которые позволят нам проверить причуды индийских спекуляций. Исходя из всех этих причин, нетрудно понять, как легко могут быть допущены ошибки при обращении с такими загадочными объектами.

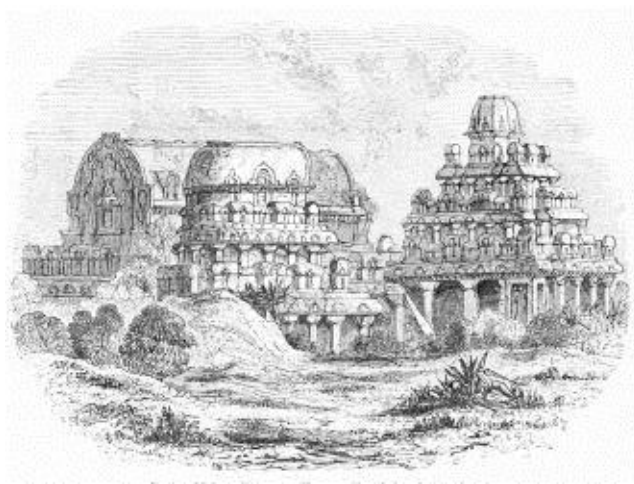
Если мы не знаем всего, что хотели бы знать о древностях Махавеллипора, то это не потому, что не предпринимались попытки предоставить эту информацию. Расположенный на открытом морском пляже, в пределах одной ночи легкого пути от Мадраса, он более посещаем и описан чаще, чем любое другое место в Индии. Первый том ‘Азиатских исследований’ (1788) содержал исчерпывающую статью о них У. Чемберса. За ним в пятом (1798) последовал другой, написанный г-ном Голдингом. Во втором томе ‘Трудов Королевского азиатского общества’ появилась, как тогда считалось, наиболее успешная попытка расшифровать находящиеся там надписи, сделанная доктором Гаем Бабингтоном, сопровождаемая видами большинства скульптур. В “Мадрасском журнале” за 1844 год был опубликован путеводитель лейтенанта Брэдока по этому месту с

примечаниями преподобного У. Тейлора и сэра Уолтера Эллиота; и почти в каждом дневнике каждого путешественника в этих краях есть какой-нибудь намек на них или попытка описать и объяснить их особенности или красоту. Большинство из них были собраны в один том в 1869 году лейтенантом Карром и опубликованы за счет правительства Мадраса, но, к сожалению, выбранный редактор не обладал общими знаниями по предмету и, по-видимому, не был знаком с местными жителями. В результате его работа мало что добавляет к нашим предыдущим магазинам.

В дополнение ко всему этому полковник Маккензи взялся проиллюстрировать это место и нанял своих сотрудников для создания подробных рисунков всех скульптур и архитектурных деталей, и том, содержащий тридцать семь рисунков этого места, находится в его коллекции в Индийском офисе, и Дэниэлл также опубликовал несколько точных изображений этого места. Совсем недавно налоговая инспекция обследовала его и сфотографировала доктора Хантера, капитана Лайона и других, так что материалов кажется достаточно; но факт в том, что они были собраны в столь отдаленные времена и людьми, столь существенно различающимися по способностям или обучению, что почти невозможно, кроме как на месте, скоординировать все в целом. Любой опытный архитектор или археолог мог бы легко сделать это за месяц и рассказать нам всю историю. Между тем, однако, основные черты кажутся достаточно отчетливыми и установлены в пределах, достаточных для наших настоящих целей.

Старейшей и наиболее интересной группой памятников в Махавеллипоре являются так называемые пять ратх, или монолитных храмов, стоящих на берегу моря - один из них, с апсидальным завершением в центре прилагаемой гравюры на дереве (№ [181](#)), стоит немного в стороне от остальных. Остальные четыре стоят в линию к северу и югу и выглядят так, как будто они были вырезаны из цельного камня или скалы, которая первоначально, если это было так, должна была составлять от 85 до 40 футов. высокий на своей южной оконечности, опускающийся до половины этой высоты на своей северной оконечности, и его ширина уменьшается в такой же пропорции.

Первая на севере - это простая Пансала, или келья, площадью 11 квадратных футов снаружи и 16 футов в высоту. Это также единственное, что кажется законченным или почти законченным, но внутри у него нет трона или изображения, по которому мы могли бы догадаться о его предназначении.

181. Ратс, Махавеллипор. (По эскизу автора.)

Следующий является уменьшенной копией последнего, расположенного южнее, и имеет размеры 11 на 16 футов в плане и 20 футов в высоту. Третье, частично видимое на приведенной выше гравюре на дереве, очень примечательно: это продолговатое здание с крышей криволинейной формы с прямым коньком. Его размеры составляют 42 фута в длину, 25 футов в

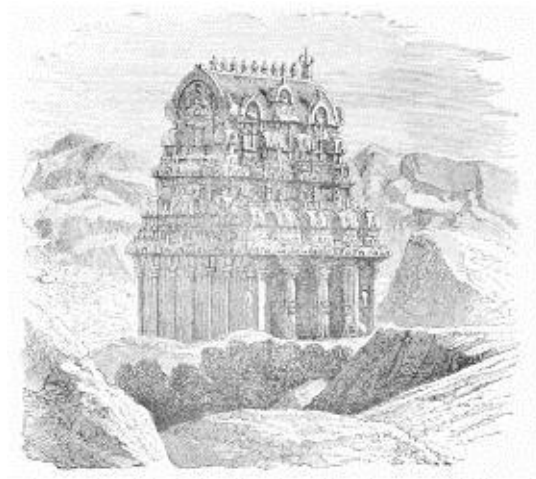
ширину и 25 футов в высоту. высокий. Внешне кажется, что он был полностью вырезан, но внутри раскопан лишь частично, работы, по-видимому, были остановлены из-за несчастного случая. Она полностью проломлена, так что сквозь нее виден дневной свет, и несколько кусков породы упали на землю — это было приписано землетрясению и другим причинам. У меня сложилось впечатление, что далеко искать объяснение не приходится, оно возникло из-за неумелости со стороны рабочих, нанятых при первой попытке. Завершив внешнюю отделку, они приступили к раскопкам внутренней части, чтобы придать ей сходство со структурным зданием того же класса, оставив только такие столбы и опоры, которых было достаточно для поддержания деревянной крыши обычной конструкции. В данном случае это была глыба цельного гранита, которая, если бы раскопки были завершены, наверняка стерла бы нижний этаж в порошок. Как бы то ни было, строители, похоже, уловили намек на трещину и остановили дальнейший ход работ.

Последний, однако, самый интересный из серии. Его вид уже был дан ([гравюра на дереве № 66](#)), и он показан справа от последней гравюры на дереве. Его размеры составляют 27 футов на 28 футов в плане, 34 фута в высоту. Его верхняя часть полностью отделана скульптурами, нижняя просто перекрыта. Возможно, напуганные трещиной в последнем названном рате или по какой-то другой причине, они отказались, и он до сих пор остается в незавершенном состоянии.

Материалами для определения возраста этого рата являются, во-первых, палеографическая форма символов, использованных в многочисленных надписях, которыми он покрыт. [\[360\]](#) Сравнивая их с алфавитами Принсепа, учитывая разницу в местоположении, они определенно кажутся предшествующими VII веку. [\[361\]](#) Язык тоже санскрит, в то время как все надписи чола 10-го и последующих веков написаны тамильскими и гораздо более современными символами. [\[362\]](#) Еще одним доказательством древности является характер скульптуры. На этой рате изображена большая часть индуистского пантеона, такая как Брахма и Вишну; Шива тоже появляется в большинстве своих персонажей, но все в формах более приглушенных, чем можно найти в других местах. Единственная экстравагантность заключается в том, что у богов обычно четыре руки — никогда больше, — чтобы отличать их от смертных; но ни одно из этих сочетаний или экстравагантных украшений мы не находим ни в здешних пещерах, ни в Эллоре, ни в Элефанте. Это самая трезвая и разумная версия индуистского пантеона, когда-либо обнаруженная, и, следовательно, одна из самых интересных, а также, вероятно, самая ранняя.

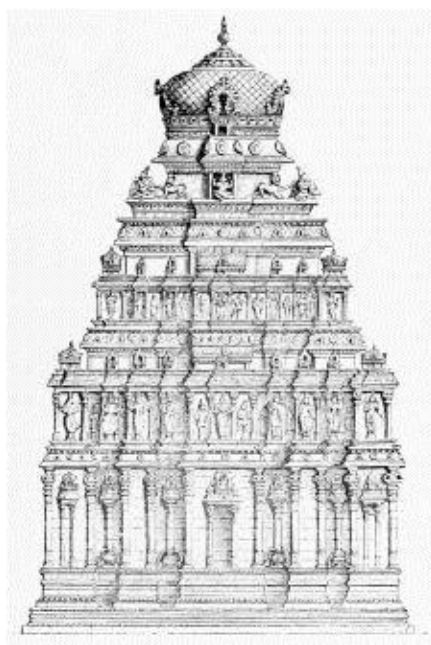
Ни одна из надписей на ратах не имеет дат, но из упоминания паллавов в связи с этим местом я не вижу причин сомневаться в выводе, сделанном сэром Уолтером Эллиотом на основании их надписей — “что раскопки не могли быть произведены позже VI века”. [\[363\]](#) Добавьте ко всему этому, что эти храмы, безусловно, очень похожи на буддийские постройки, какими мы их узнаем по ранним пещерам, и вряд ли можно сомневаться в том, что мы имеем здесь окаменелости последних форм буддийской архитектуры, [\[364\]](#) и первых форм архитектуры дравидов.

Из-за отсутствия интерьеров в этих помещениях иногда бывает трудно сделать это настолько ясным, насколько это могло бы быть. Мы не можем, например, сказать, предназначался ли апсидальный зал в центре ксилографии № 181 для воспроизведения зала чайтья или вихары, подобной тому, что изображен на ксилографии № 48. Из того, что он состоит из нескольких этажей, я бы сделал вывод о последнем, но все это настолько условно из-за перемещения на юг и различного использования в целях разных религий, что мы не должны слишком далеко заходить в аналогиях. [\[365\]](#)

182. Ратха Арджуны, Махавеллипор. (С фотографии.)

На некотором расстоянии от остальных находится еще одна ратха, называемая ратхой Арджуны, представленная на вышеупомянутой гравюре на дереве (№ [182](#)), которая, как ни странно, закончена или почти закончена и дает четкое представление о форме, которую принимали эти продолговатые храмы до того, как у нас появились какие-либо структурные сооружения подобного класса.

183. Пагода Перумаль, Мадур. (С рукописи) Рисунок, находящийся во владении покойного генерала Монтейта, Мадрасские инженеры.) Никакого масштаба.

Этот храм, хотя и входил сбоку, никогда не предназначался для того, чтобы быть пробитым насквозь, но всегда содержал камеру. Большая продолговатая ратха, напротив, предназначалась для того, чтобы быть открытой со всех сторон, и, следовательно, следует ли рассматривать ее как чультри или гопуру, не совсем ясно. Во всяком случае, одно кажется несомненным — и это то, что интересует нас здесь больше всего, — что квадратные ратхи являются копиями буддийских вихар и являются оригиналами, с которых были скопированы все виманы в южной Индии, и продолжали копироваться почти без изменений до очень позднего периода. Гравюра на дереве № 183, например, представляет собой картину из Мадур, построенную в 18 веке. Это правда, он изменен, и клетки и некоторые из более ранних черт едва узнаваемы; но скорее удивительно, что двенадцать столетий не стерли более полностью все следы оригинала. Однако в нем нет ничего

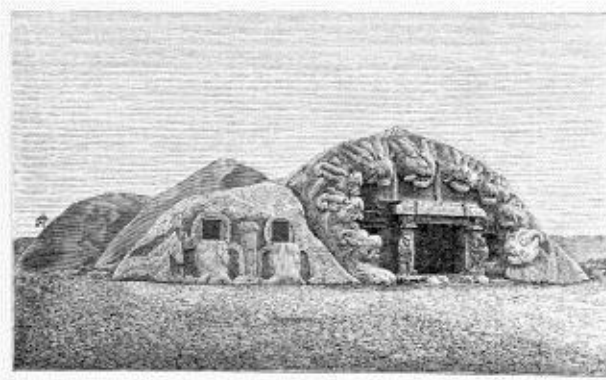
такого, что не могло бы быть легко распознано в промежуточных примерах и их постепенной трансформации, обнаруженной любым человеком, знакомым с предметом. С другой стороны, продолговатые храмы были залами или портиками у буддистов и стали гопурами, или воротами, которые часто — да и вообще — являются более важными частями дравидийских храмов, чем сами виманы. Они тоже, как и виманы, сохранили свои первоначальные черты, очень мало изменившись до наших дней, как видно из прилагаемого примера из современного тамильского храма на противоположном берегу залива Манаар ([Гравюра на дереве № 184](#)). Однако в дальнейшем у нас будет возможность часто обращаться ко всему этому, и по мере продвижения это станет намного яснее.

184. Вход в индуистский храм, Коломбо. (Из "Цейлона" сэра Дж. Э. Теннента.)

Другие древности в Махавеллипоре, хотя и очень интересны сами по себе, далеко не так важны для нашей истории, как только что описанные раты. Пещеры, как правило, небольшие и разрушаются с архитектурной точки зрения из-за слабости и непрочности их опор. Южные пещероискатели, очевидно, не были обучены этому искусству буддистами, как их северные коллеги. Длительный опыт последних в этом искусстве научил их, что тяжелые массы необходимы не только для поддержания крыш, но и для архитектурного эффекта; и ни они, ни индусы, пришедшие им на смену на севере, никогда не колебались в использовании столбов высотой в два или три диаметра или в том, чтобы свести их вместе до любой требуемой степени. На юге, напротив, пещероискатели пытались буквально скопировать конструктивные столбы, используемые для поддержания деревянных крыш. Отсюда, я полагаю, и случайность с длинным руслом, и, конечно, отсюда бедный и современный вид всех южных пещер, который до сих пор был таким камнем преткновения для всех, кто пытался угадать их возраст. Их скульптура лучше, и некоторые из их лучших проектов стоят в одном ряду с проектами Эллары и Элефанты, с которыми они, по всей вероятности, были современниками. Однако теперь, когда мы знаем, что скульптуры в пещере № 3 в Бадами были выполнены в 6 веке ^[366] (579 г. н.э.), мы можем с очень приемлемой точностью приблизить дату создания скульптур в пещерах Махавеллипор. Скульптуры Бадами настолько схожи по стилю с лучшими тамошними образцами, что их нельзя сильно отличить по дате, и если поместить в следующем столетии, это, вероятно, будет недалеко от истины.

Огромный барельеф на скале размером 90 на 40 футов, пожалуй, самая замечательная вещь в своем классе в Индии. Теперь, когда известно, что он полностью посвящен поклонению Змеям, ^[367] он приобретает интерес, которого раньше не было, и открывает новую главу в индийской мифологии. ^[368] Кажется, нет ничего, что позволило бы нам установить его возраст с абсолютной уверенностью; однако вряд ли можно сомневаться в том, что он датируется до 10 века, а может быть, и на пару столетий раньше.

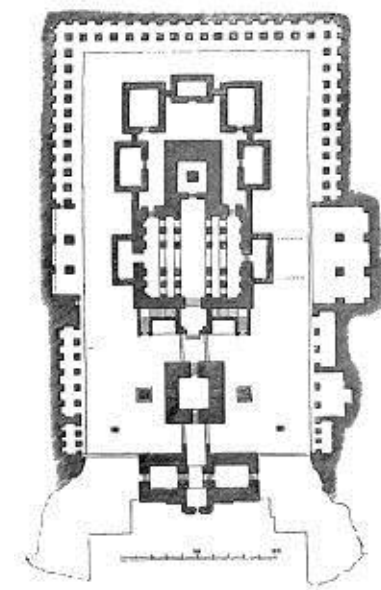

185. Пещера тигра в Салуван-Куппане. (С фотографии.)

Есть еще одна древность в местечке под названием Салуван Куппан, в двух милях к северу от Махавеллипора, которая еще не нарисована и не описана, но заслуживает внимания как прямой потомок пещеры тигра в Каттаке ([Гравюра на дереве № 73](#)). Здесь не одна, а дюжина тигриных голов приветствует отшельника в его обители. Здесь они также условны, как мы всегда находим их в искусстве чалукьян; и этот пример, как и любой другой, служит для того, чтобы показать, как индуистское воображение в искусстве дает волю, когда однажды освобождается от оков трезвого подражания естественным вещам, что, как мы находим, является его характерной чертой на ранних стадиях буддийского искусства.

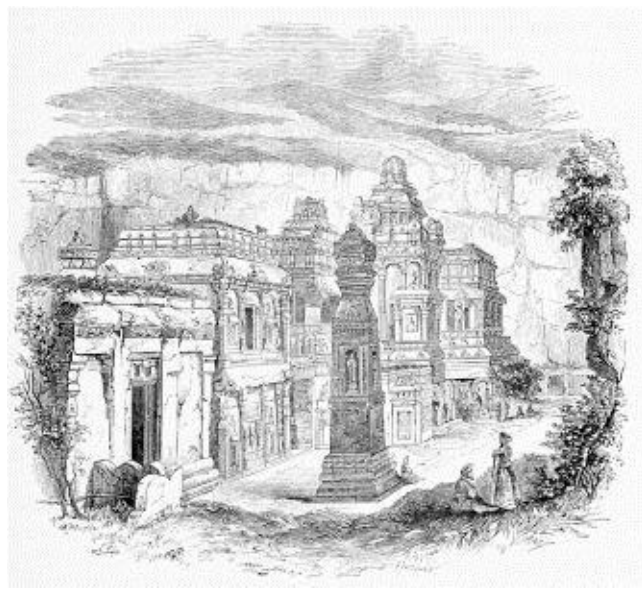
КАЙЛАС, ЭЛЛОРА.

От ратхов в Махавеллипоре до киласов в Эллоре переход легкий, но шаг значительный. В названном месте у нас есть явные копии сооружений, изначально предназначенных для других целей и использовавшихся в Махавеллипоре фрагментарно и разрозненно. В Эллоре, напротив, все соединено воедино, и мы имеем совершенный дравидийский храм, такой же законченный во всех своих частях, как и в любой другой будущий период, и настолько продвинутый, что у нас могли бы возникнуть некоторые трудности с отслеживанием частей до их оригиналов, если бы нам не посчастливилось обладать образцами на берегу Мадраса.

186. Килас в Эллоре. (Исправлено по плану из книги Дэниэлла "Виды Индостана".) Масштаб от 100 футов до 1 дюйма.

Независимо, однако, от его исторической или этнографической ценности, Килас сам по себе является одним из самых необычных и интересных памятников архитектурного искусства в Индии. Его красота и необычность всегда вызывали удивление путешественников, и, как следствие, оно известно лучше, чем почти любое другое сооружение в этой стране, благодаря многочисленным опубликованным его видам и зарисовкам. В отличие от буддийских раскопок, которые мы до сих пор описывали, это не просто внутренняя камера, вырубленная в скале, а модель полноценного храма, подобного тому, который мог быть возведен на равнине. Другими словами, скала была срезана как снаружи, так и внутри. Более старые пещеры имеют гораздо более естественный и рациональный дизайн, чем этот храм, потому что при вырезании скалы вокруг него для создания внешнего вида все это было обязательно помещено в яму.

187. Килас, Эллора. (По наброску автора.)

В родственных храмах в Махавеллипоре ([Гравюра на дереве № 181](#)) этой трудности удалось избежать благодаря тому факту, что гранитные глыбы, из которых они вытесаны, были найдены свободно лежащими на берегу; но в Эллоре, где не было изолированного камня, вокруг храма была вырыта яма на пологом склоне холма глубиной около 100 футов с внутренней стороны и вдвое меньшей высотой у входа, или гопуры, причем дно ямы имело 150 футов в ширину и 270 футов в длину. В центре этого прямоугольного двора стоит храм, как показано на предыдущем плане ([гравюра на дереве № 186](#)), состоящий из виманы высотой от 80 до 90 футов, которой предшествует большое квадратное крыльцо, поддерживаемое шестнадцатью колоннами (вероятно, из-за огромного веса, который приходится нести); перед этим стоит отдельно стоящее крыльцо, к которому ведет мост; а перед всеми возвышаются ворота, которые аналогичным образом соединены с последним крыльцом мостом, поскольку все они вырублены в местной скале. Кроме того, по обе стороны отдельно стоящего крыльца остались стоять две колонны, или дипданы (буквально фонарные столбы), и два слона размером примерно в человеческий рост. По всему двору расположен перистильный монастырь с кельями и несколькими залами, не показанных на плане, которые придают всему комплексу сложность и в то же время завершенность, которая никогда не перестает поражать смотрящего удивлением и благоговением.

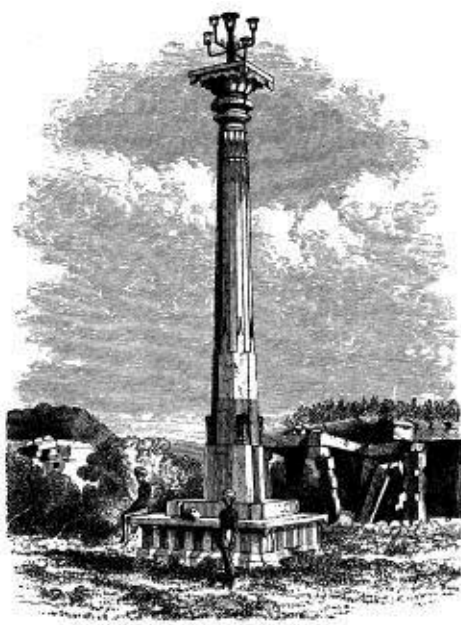
Как видно из вида ([Гравюра на дереве № 187](#)), очертания виманы на первый взгляд очень похожи на очертания ратхов в Махавеллипоре, но при ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем, что в Эллоре все настолько изменено, что создает совершенный и хорошо понятный дизайн. Вимана с ее ячейками и крыльцо перед ней с боковыми ячейками образуют полноценный индуистский храм, подобных которому сотни в южной Индии, и вместо имитированных ячеек, окружающих зал в Мадрасе, они снова становятся реальностью, но

используются для совершенно других целей. Вместо того чтобы быть имитацией резиденции священников, пять или, скорее, семь келий, окружающих здесь центральный объект, каждая посвящена отдельному божеству индуистского пантеона и наиболее удачно сочетается с центральной виманой. Однако, насколько сейчас известно, это последнее воспоминание об этом буддийском устройстве в индуистской архитектуре; после 1000 года даже эти кельи исчезают или становятся самостоятельными сооружениями, полностью отделенными от самого храма.

Несмотря на значительные повреждения в результате мусульманского насилия, нижняя часть гопуры демонстрирует значительный прогресс по сравнению с чем-либо, найденным в Махавеллипуре, и близкое приближение к тому, во что превратились эти объекты впоследствии, по крайней мере, в том, что касается перпендикулярных частей; однако вместо высоких пирамид, которые впоследствии стали столь универсальными, гопура в Киласе демонстрирует только то, что можно назвать зародышем такого устройства. Это всего лишь верхняя часть гопуры, расположенная на плоской крыше ворот, и такая маленькая, что ее можно увидеть только сверху. В более современные времена для соединения этих двух частей было бы возведено от пяти до десяти этажей. Однако здесь ничего подобного нет. [\[369\]](#)

По обе стороны от крыльца находятся две квадратные колонны, называемые дипданами, или фонарными столбами, о которых говорилось выше, орнамент на вершине которых, возможно, представляет пламя, хотя трудно установить, что это на самом деле, в то время как соблазн рассматривать их как представителей буддийских львиных столбов ([гравюра на дереве № 6](#)) очень велик ([Гравюра на дереве № 188](#)).

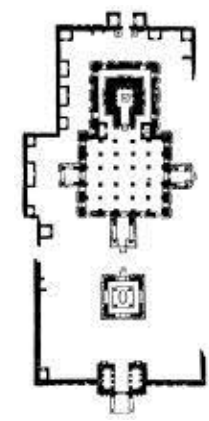
Однако на юге Индии, среди джайнов, как упоминалось выше (стр. 276), такие столбы очень распространены, они стоят поодиночке или парами перед гопурами и, по-видимому, всегда предназначены для ношения светильников на праздниках. Обычно они состоят из цельного гранитного блока, квадратного в основании, переходящего в восьмиугольник и снова в фигуру о шестнадцати сторонах с капителью очень элегантной формы. Некоторые, однако, имеют круглую форму, и, действительно, их разнообразие бесконечно. Они варьируются от 30 футов до 40 футов и даже 50 футов в высоту и, независимо от их размеров, являются одними из самых элегантных образцов искусства в южной Индии.

183. Дипдан в Дхарваре. (С фотографии.)

К сожалению, нет надписи или другой даты, по которой можно было бы точно установить возраст Киласов. Однако можно с уверенностью утверждать, что он был воздвигнут южными дравидами, либо чера, либо чола, которые правили здесь во время затмения Чалукьев, либо между А.Д. 750 и 950 годами н.э.; и недавние исследования мистера Берджесса в Дхарваре позволяют нам с достаточной уверенностью утверждать, что его возраст должен быть ближе к первой, чем ко второй из этих дат. Великий храм в Пурудкуле — его Паттадкал — покрыт надписями, ни одна из которых, к сожалению, не датирована, но, судя по их значению и форме иероглифов, и Бхау Даджи, и [\[370\]](#) и его самого относят к 8 или 9 веку, [\[371\]](#) и я не вижу причин сомневаться в правильности даты, назначенной г-ном Берджесса к этому храму, который, по его словам, был возведен в 8 веке. В плане это почти точная копия Киласа, как можно понять из прилагаемой гравюры на дереве (№ [189](#)), но есть небольшая трудность в проведении такого сравнения их архитектуры, которое позволило бы нам быть уверенными в их относительной датировке [\[372\]](#) — во-первых, потому, что один является структурным, а другой высечен в скале, но также и потому, что мы вряд ли знаем, какую поправку следует делать на удаленность местности. Однако в целом я склонен полагать, что южный храм является старейшим из двух, но, безусловно, недалеким по времени. Следовательно, если бы было необходимо установить дату, которая должна была бы правильно отражать наши нынешние знания о возрасте киласов, я бы записал А.Д. 800 год н.э. со значительной уверенностью, что в любом случае это не так уж далеко от истины, учитывая, конечно, от тридцати до пятидесяти лет на создание столь важного памятника.

189. План Великого храма в Пурудкуле. (По плану мистера Берджесса.) Масштаб от 100 футов до 1 дюйма

Существует значительное заблуждение по поводу высекания храмов в скале. Почти каждый, кто видит эти храмы, поражен, по-видимому, огромным количеством труда, затраченного на их раскопки, и нет сомнений в том, что их монолитный характер является основным источником благоговения и удивления, с которым на них смотрели, и что, если бы Килас был каменным зданием, расположенным на равнине, оно вряд ли привлекло бы внимание европейских путешественников. Однако на самом деле раскопать храм значительно проще и дешевле, чем построить. Возьмем, к примеру, Килас, самый замечательный из всех храмов этого класса. Чтобы произвести раскопки на территории, на которой он стоит, потребовалось бы вынуть около 100 000 кубических ярдов камня, но, поскольку основание храма прочное, а надстройка массивная, оно занимает в круглых цифрах примерно половину раскопанной площади, так что вопрос сводится к следующему: что проще — откалывать 50 000 ярдов камня и сбрасывать его для порчи (если воспользоваться железнодорожным термином) вниз по склону холма или добыть 50 000 кубических ярдов камня, отвезти его, вероятно, по меньшей мере на милю к месту, где будет построен храм, а затем поднять и установить его. Процесс выемки грунта, вероятно, обойдется примерно в одну десятую от других затрат. Скульптура и орнамент были бы одинаковыми в обоих случаях, особенно в Индии, где здания всегда строятся монолитно, а резьба выполняется *на*

месте. Тем не менее впечатление, производимое на всех зрителей этими монолитными массивами, их неизменный характер и видимость вечной прочности, указывают на то, что этот процесс заслуживает большего внимания, чем ему до сих пор уделяли в наше время; и если бы какой-нибудь камень был найден таким же однородным и легко обрабатываемым, как индийские миндалевидные ловушки, мы могли бы передать потомкам более долговечный памятник, чем многие из тех, что мы сейчас возводим, за гораздо большие деньги.

Прежде чем оставить эту тему, приведу еще один пример высечки в скале, который заслуживает того, чтобы его процитировали, но не из-за его размера или древности, а из-за элегантности его деталей. Он расположен в месте под названием Кумюлю,^[373] в тридцати пяти милях к юго-западу от Шивеллипуттуна и, следовательно, в два раза больше расстояния к северу от мыса Коморин. Как и примеры в Махавеллипоре, этот так и не был закончен, вероятно, потому, что человек, начавший его, не дожил до завершения, и никого не касалось заканчивать то, что было бесполезно и предназначалось только для прославления того, кто это сделал. Он вырублен не из отдельного валуна, а из гряды, как, по-моему, были те, что в Махавеллипуре, и в случае успеха за ним могло последовать множество других любых размеров. Другая сторона холма была занята джайнами, и на ней высечены многочисленные изображения их тиртханкаров с надписями, которые можно было бы легко прочесть, если бы кто-нибудь захотел это сделать. Очевидно, в ознаменование триумфа Шивы над Махавирой было построено это маленькое святилище, вероятно, в 10 или 11 веке, и если бы оно было завершено, то стало бы одной из самых совершенных жемчужин стиля. По какой-то необъяснимой причине его перекрыли, а вырезали только верхнюю часть, когда он был заброшен, и теперь полностью заброшен. Судя по деталям, он определенно более современный, чем килас, — насколько, мы пока не можем сказать с уверенностью.

ГЛАВА III.

ДРАВИДИЙСКИЕ ХРАМЫ.

Содержание.

Танджор—Тирувалур—Серингем—Чилламбарам—Рамиссерам—Мадур—Тинневелли—Комбаконум—Конджеверам—Веллор и Перор—Виджаянагар.

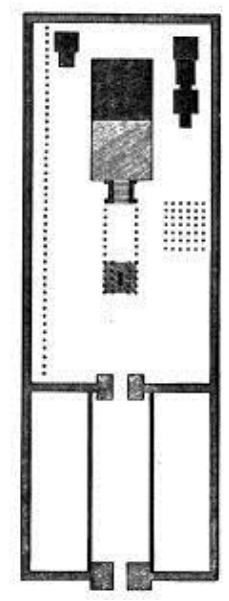
КОГДА мы переходим от этих нескольких разрозненных примеров, высеченных в скале, к великим структурным храмам этого стиля, мы обнаруживаем, что их количество настолько велико, их масштабы столь обширны, а их разнообразие настолько сбивает с толку, что чрезвычайно трудно сформулировать какие-либо четкие идеи относительно них, и тем более, как само собой разумеющееся, донести до других какое-либо ясное представление по этому вопросу. Для любого, кто хоть сколько-нибудь знаком с нынешним положением населения провинции, величайшим удивлением является то, как такой народ мог когда-либо задумать, а тем более осуществить, такие масштабные начинания, как эти, и это так недавно, что некоторые из величайших и смелейших были прерваны нашими войнами с французами немногим более века назад. Причину этого, однако, искать недалеко. С тех пор, как мы вступили во владение страной, нашими соотечественниками руководили самые благие намерения защитить бедных от угнетения богатых. Всеми средствами мы стремились закрепить за риотом его владение и чтобы от него не требовалось платить больше, чем его справедливая доля продукции со своей земли; в то время как землевладельцу мы предложили гарантированный титул на то, что ему принадлежало, и фиксированный доход в деньгах вместо его доли продукции. Однако для народа на том уровне цивилизации, которого достигла Индия, гарантированный титул и фиксированный доход означают только право занимать по случаю свадьбы, похорон или какого-нибудь большого семейного праздника в десять раз больше, чем заемщик может когда-либо заплатить, и наши суды столь же неизбежно наделяют кредитора правом аннулировать его закладную и продать имущество. В течение столетия, в течение которого продолжался этот коммунистический процесс, земельная аристократия постепенно исчезла. Все богатства страны перешли в руки городских ростовщиков и были ими растрачены на легкомыслие. Если цель правительства состоит в том, чтобы низвести все население до положения крестьян-собственников, владеющих землей без капитала и, следовательно, находящихся на грани голодной смерти, то они, безусловно, преуспели. Это может быть благотворно и может принести величайшее счастье наибольшему числу людей; но в таком сообществе ни науке, ни литературе, ни искусству нет места, а сама религия принижается статусом ее приверженцев.

До того, как мы вмешались, положение вещей было совершенно другим. Практическое владение землей находилось тогда в руках нескольких князей или феодалов, которые извлекали из нее огромные доходы, которые у них не было средств расходовать, кроме как на показательные произведения, которые на определенных этапах цивилизации столь же необходимы для трудоустройства масс, как и для их собственного прославления. В такой стране, как Индия, занятость половины населения в сельском хозяйстве достаточна для производства продовольствия для всего населения, в то время как другая половина свободна для любой доступной работы. Мы в этой стране используем нашу несельскохозяйственную половину в производстве и торговле. У южных индийцев не было ни того, ни другого, и они не нашли лучшего занятия для избыточного населения, чем строительство храмов. Было ли это выгоднее, чемковка железа или прядение хлопка, - это не тот вопрос, который необходимо здесь затрагивать. Достаточно знать факт и отмечать его последствия. Население южной Индии в 17-18 веках было, вероятно, едва ли меньше,

чем сейчас, — около тридцати миллионов, — и если бы треть или четверть такого населения искала работу в строительстве, результаты, если бы они сохранялись на протяжении веков, были бы чем-то поразительным. Аналогичное положение дел, по-видимому, царило в Египте во времена фараонов, но с совершенно иными результатами. У египтян были великие и возвышенные идеи и страстное стремление к бессмертию, которое отразилось во всех их произведениях. У южных индийцев таких стремлений не было. Их интеллектуальный статус был и всегда был посредственным; у них не было собственной литературы, не было истории, на которую они могли бы оглядываться с гордостью, а их религия была и остается нечистым и унижающим достоинство фетишизмом. Невозможно, чтобы из такого положения вещей вышло что-то очень великое или внушительное. То, что они должны были предложить своим богам, было данью труда, и она была отдана без ограничений. Вырезать цепь из пятидесяти звеньев из гранитной глыбы и подвесить ее между двумя колоннами было для них триумфом искусства. Выдолбить глубокие карнизы из самого твердого базальта и оставить все обрамления, как будто сделанные из тончайшего дерева, свободными, было для них достойной целью честолюбия, и их скульптуры до сих пор остаются необъяснимыми загадками из-за нашего незнания того, как их удалось выполнить. Все, что могли сделать миллионы рук, трудившихся на протяжении веков, было сделано, но едва ли с каким-либо высшим мотивом, кроме как использовать труд и преодолевать трудности, чтобы поражать количеством первых и ловкостью, с которой преодолевались вторые, — и мы поражены; но без какого-либо высшего мотива истинная архитектура не может существовать. У дравидов не было даже тех конструктивных трудностей, которые требовалось преодолеть, что позволило средневековым архитекторам создавать такие благородные ткани, как наши соборы. Целью архитекторов в Средние века было спроектировать залы, которые в то же время должны были быть просторными, но стабильными и пригодными для размещения большого количества людей, желающих стать свидетелями возвышенного ритуала. В своей борьбе за достижение этой цели они развили интеллектуальные способности, которые до сих пор поражают нас своими работами. Интеллектуальные способности индуса не проявлялись в таких возвышенных целях. Его алтарь и статуя его бога были помещены в темную кубическую камеру, совершенно лишенную украшений, а крыльцо, предшествовавшее ей, не обязательно было высоким или просторным. Чего жаждал индуистский архитектор, так это места для демонстрации своего мастерства в украшательстве, и он думал, что достиг всего, чего требовало его искусство, когда покрыл каждую часть своего здания самыми замысловатыми и сложными узорами, которые только мог изобрести. Большая часть этих украшений, это правда, очень элегантна, и свидетельства силы и труда действительно поражают человеческое воображение, часто даже вопреки нашему здравому смыслу, и нигде это не проявляется так явно, как в этих дравидийских храмах. Однако напрасно мы ищем среди них какое-либо проявление тех возвышенных целей и благородных результатов, которые составляют достоинство и величие истинного архитектурного искусства и которые в целом характеризуют лучшие произведения в истинных стилях западного мира.

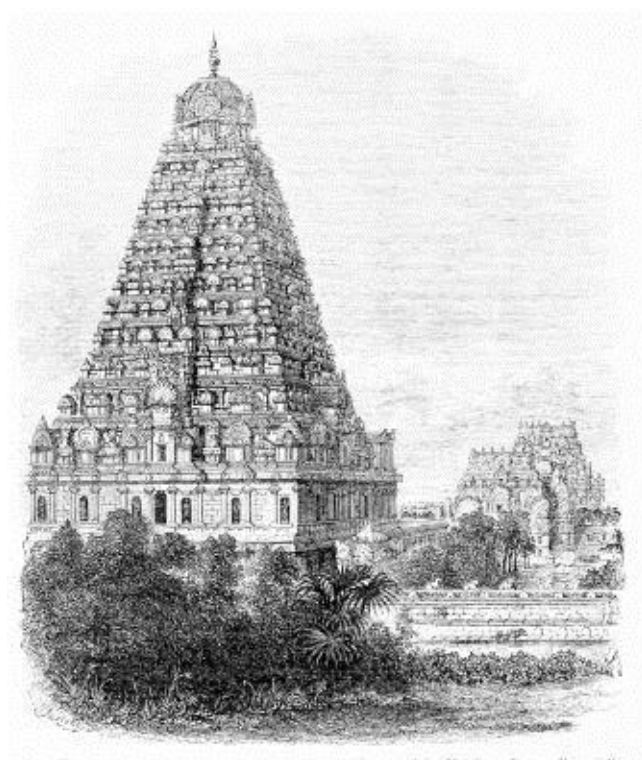
Переходя от этих общих черт к самим храмам, первая большая трудность, с которой приходится сталкиваться при попытке их классификации или описания, заключается в том, что не существует их планов. Я сам знаю более тридцати великих дравидийских храмов или групп храмов, строительство любого из которых, должно быть, стоило столько же, сколько строительство английского собора, а некоторых и намного больше; но из всех них есть только три, а может быть, и четыре, план которых хотя бы умеренно достоверен. Две трети из них были достаточно сфотографированы доктором Хантером, капитаном. Лион, [\[374\]](#) и другие; оставшуюся треть я знаю либо из личного осмотра, либо из рисунков и описаний. Это, конечно, независимо от деревенских храмов и, возможно, от некоторых обширных групп, которые были упущены из виду. Если бы эти храмы были построены, как греческие или даже как христианские церкви в средние века, по единому плану, изменяющемуся только с течением времени, одного или двух планов было бы достаточно; но факт остается фактом: в девяти случаях из десяти дравидийские храмы

представляют собой случайное скопление частей, расположенных без плана, как это было продиктовано случайностью в момент их возведения; а без планов невозможно передать адекватное представление тем, кто их не видел. Единственное большое исключение из этого правила можно найти в Танджоре. Строительство великой пагоды там было начато по четко определенному и величественному плану, который сохранялся до его завершения. Как видно из прилагаемой схемы ([гравюра на дереве № 190](#)), он состоит из двух дворов,^[375] один квадрат площадью около 250 футов, первоначально предназначенный для второстепенных святынь и жилых домов; но когда храм был укреплен французами в 1777 году^[376] он был преобразован в арсенал и не был повторно присвоен для священных целей. Сам храм стоит во внутреннем дворе, чрезвычайно подходящем для его размещения, его длина составляет около 500 футов, ширина вдвое меньше, расстояние между воротами и храмом сокращается святилищем Быка Нунди,^[377] что достаточно важно для его назначения, но не настолько, чтобы мешать эффекту великой виманы, которая стоит у внутреннего конца двора. Перпендикулярная часть его основания имеет площадь 82 квадратных фута и имеет высоту в два этажа, простые очертания, но достаточно рельефные за счет ниш и пилястр. Над этим пирамида возвышается на тринадцать этажей до вершины, которая увенчана куполом, как говорят, состоящим из цельного камня и достигающим высоты 190 футов. Крыльцо перед входом низкое, и, как видно из гравюры на дереве (№ [191](#)), башня возвышается над гопурами и окружающими предметами таким образом, что придает большое достоинство всей композиции.

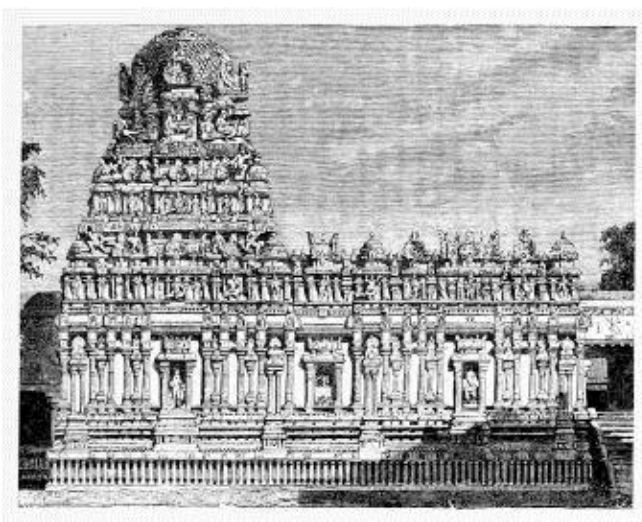
190. Схема пагоды Танджоре. (По эскизу автора.) Масштаб от 200 футов до 1 дюйма.

Помимо большого храма и крыльца Нунди, на территории есть несколько других небольших святилищ, одно из которых, посвященное Субраманье, сыну Шивы, является таким же изысканным произведением декоративной архитектуры, какое можно найти на юге Индии, и, хотя оно небольшое, почти разделяет наше восхищение самим храмом ([Гравюра на дереве № 192](#)). Он построен за более старым святилищем, которое, возможно, является ровесником великого храма по первоначальному проекту.

191. Вид на Великую пагоду в Танджоре. (С фотографии Миддлтона Рейна, эсквайра, Калифорния)

Одной из особенностей храма Танджоре является то, что все скульптуры на гопурах принадлежат религии Вишну, в то время как все во внутреннем дворе посвящено поклонению Шиве. Сначала я был склонен полагать, что он был воздвигнут исключительно в честь первоименованного божества, но теперь я больше склоняюсь к мысли, что это всего лишь пример чрезвычайной терпимости, царившей в ту эпоху, когда он был воздвигнут, до того, как эти религии стали антагонистическими.

192. Храм Субраманы, Танджор. (С фотографии.)

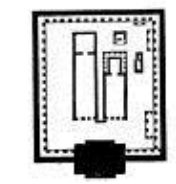
Что же тогда это была за эпоха? Как ни странно, несмотря на то, что она такая цельная и однородная и стоит почти отдельно, ее дата неизвестна. Мистер Норман, компетентный орган, в тексте, сопровождающем фотографии Трипа, говорит, что он был возведен Каду Веттия Сораном, или Чоланом, [\[378\]](#) королем, правившим в Конджевераме в начале 14 века. Когда-то я надеялся, что это было раньше, но в целом теперь я убежден, что это должно быть очень близко к истине.

Субраманья, безусловно, на одно столетие, возможно, на два столетия современнее. Сам Бык также уступает по дизайну и, следовательно, более современен, чем те, что находятся в Хуллабиде, которые относятся, вероятно, к 13 веку, а архитектура его святилища не может быть перенесена дальше 15 века. Возможно, он даже будет значительно более современным. Разочаровывает, что все это построено так недавно, но, кажется, нет оправдания для приписывания этому храму большей древности, чем только что упомянутый.

ТИРУВАЛУР.

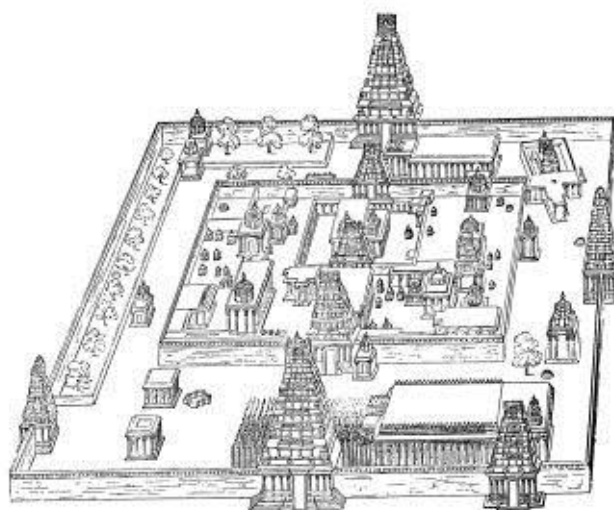
Храм в Тирувалуре, примерно в тридцати милях к западу от Мадраса, любопытно отличается от храма в Танджоре по принципам, на которых он был спроектирован, и служит примером способа, которым, к сожалению, было построено большинство дравидийских храмов.

193. Внутренний храм в Тирувалуре.

Масштаб от 200 футов до 1 дюйма

Центром здесь был небольшой деревенский храм ([Ксилография № 193](#)), выполненный в том же масштабе, что и план Танджора на ксилографии № 190. Это двойное святилище, посвященное Шиве и его супруге, стоящее в закрытом дворе, размеры которого составляют 192 на 156 футов, а перед ним находится одна гопура. Пока что нет ничего, что отличало бы его от обычных храмов, которые есть в каждой деревне. Однако в какой-то последующий период он стал священным или богатым, и был пристроен второй, или внешний двор, размером 470 футов с каждой стороны, с двумя гопурами, более высокими, чем первоначальный, и содержащими в своих стенах бесчисленные маленькие святилища и веранды.

194. Храм в Тирувалуре. (С рисунка из книги Рама Раза "Индустская архитектура".)

Позже были снова сделаны пристройки, и все здание было заключено во двор размером 940 на 701 фут — на этот раз с пятью гопурами и несколькими важными святилищами. Когда было сделано последнее дополнение, предполагалось сделать в храме один из тех больших залов, которые считались незаменимыми в храмах первого класса. Обычно у них было — или предполагалось иметь — 1000 колонн; у этой всего 688, и только около половины из них имеют балки или какую-

либо крышу. Однако можно почти не сомневаться в том, что, если бы имелись время и деньги, она была бы завершена в обычном объеме. Как бы то ни было, вероятно, из-за нашего управления доходами страны необходимые средства не поступили, и строительство прекратилось, вероятно, в пределах нынешнего столетия.

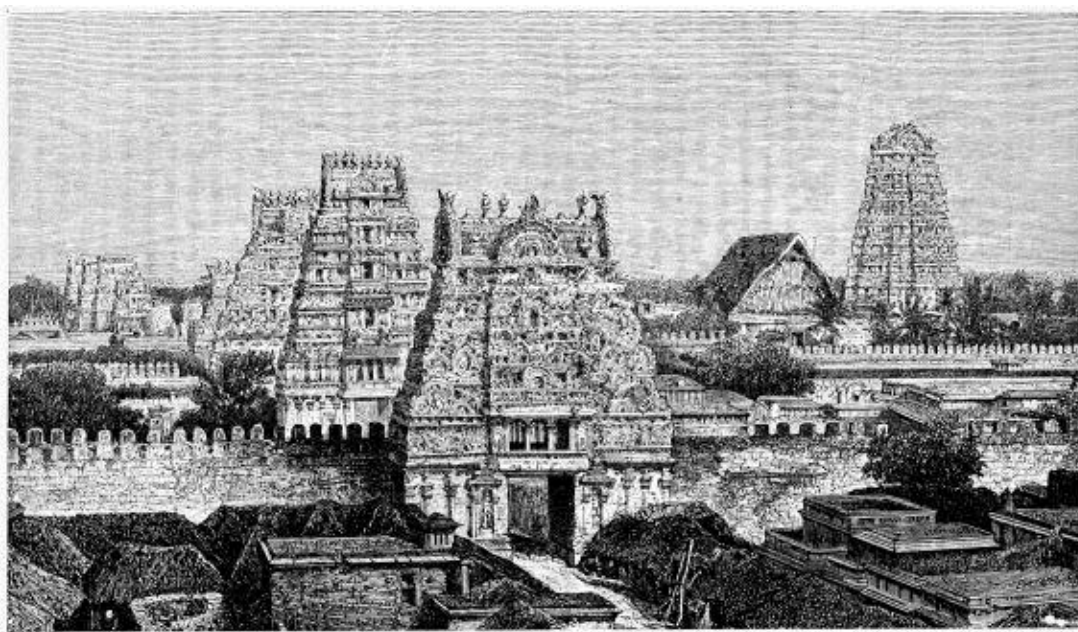
Общий эффект такого дизайна, как этот, можно оценить с высоты птичьего полета ([Гравюра на дереве № 194](#)). Как художественный замысел, ничего не может быть хуже. Ворота, неравномерно расположенные в огромной глухой стене, теряют половину своего достоинства из-за своего расположения; и тот факт, что они уменьшаются в размерах и проработке по мере приближения к святилищу, является ошибкой, которую ничто не может искупить. Мы можем восхищаться красотой деталей и удивляться проработанности и свидетельству труда, если они есть в таком храме, как этот, но как архитектурный проект он совершенно отвратителен.

СЕРИНГЕМ.

Храм, который был наиболее полностью испорчен этой ложной системой дизайна, находится в Серингеме, который, безусловно, самый большой и, если бы принцип его дизайна можно было изменить, был бы одним из лучших храмов на юге Индии ([Гравюра на дереве № 195](#), стр. 349). Здесь центральная ограда такая же маленькая и незначительная, как и в Тирувалуре, и, за исключением позолоченного купола, ничто не отличает ее от обычного деревенского храма. Следующий корпус, однако, более величественный. Он окружает зал 1000 колонн, размеры которого составляют примерно 450 на 130 футов. Количество колонок, я полагаю, составляет шестнадцать спереди и шестьдесят в глубину, или всего 960; но я не уверен, что в моих наблюдениях нет какой-то ошибки и что где-то должны быть лишние сорок. Следовательно, они расположены на расстоянии не более 10 футов друг от друга от центра к центру; а поскольку с одного конца зал едва превышает 10 футов. высота, а в самом высоком месте всего 15 или 16 футов, а колонны расположены почти равномерно по полу, позволяет легко понять, насколько незначительный эффект на самом деле производит такое здание. Однако каждый из них сделан из цельного гранитного блока, и все они вырезаны более или менее искусно. Гораздо более изящный портик тянется через этот двор от гопуры к гопуре; колонны в нем расположены гораздо шире, а центральный проход вдвое больше боковых и пересекает портик в центре, образуя трансепт; его высота также вдвое превышает высоту боковых проходов. Это приятный и изящный архитектурный проект; другой - всего лишь свидетельство нецелевого использования труда. Следующие четыре ограды не имеют в себе ничего особенного, поскольку в основном заняты брахманами и лицами, связанными с храмом. Однако каждый из них имеет или должен был иметь четыре гопуры, по одной с каждой стороны, и некоторые из них обладают весьма значительным величием. Внешняя ограда - это, практически, базар, заполненный лавками, где паломников размещают, кормят и обдирают. Стена, которая его окружает, имеет размеры 2475 футов на 2880 футов, ^[379] и, если бы его гопуры были закончены, они превзошли бы все остальные на юге в той же степени, в какой эти размеры превышают размеры любого другого известного храма. Северная гопура, ведущая к реке и Тричинополи, имеет размеры 130 футов в ширину и 100 футов в глубину; проход через нее имеет размеры 21 фут 6 дюймов и вдвое больше в высоту. Каждый из четырех косяков или столбов ворот сделан из цельной гранитной плиты высотой более 40 футов, а размеры кровельных плит по всей площади составляют от 23 до 24 футов. Если бы к этому была добавлена обычная кирпичная пирамида обычных пропорций, все это поднялось бы на высоту почти 300 футов. Даже в нынешнем виде это одна из самых внушительных месс в южной Индии, и, вероятно, — возможно, потому, что она так и не была полностью закончена, — во всем она отличается строгостью и хорошим вкусом. ^[380] Его дата, к счастью, прекрасно известна, поскольку его продвижение было остановлено из-за того, что он был оккупирован и укреплен французами во время нашей десятилетней борьбы с ними за обладание Трихинополи; и если мы дадим на его продвижение пятьдесят лет, то даже это приведет все в пределы 18 века. Остальные три гопуры этого ограждения выполнены в том же стиле и были начаты в том же масштабе, но не были так

далеко продвинуты, когда мы остановили работу, их столбы ворот выступают над стенами таким образом, что придают им очень необычный вид, и это привело к появлению некоторых странных теорий относительно их дизайна.

При взгляде издалека или в любом направлении, где можно охватить все сразу, эти четырнадцать или пятнадцать огромных надвратных башен не могут не производить определенного эффекта, как можно понять из вида на гравюре на дереве № 195; но даже тогда это возможно только при рассмотрении их как отдельных зданий. Как части одного целого, их расположение именно такое, которое позволяет им производить минимально возможный эффект, который может быть получен либо от их массы, либо от орнамента. Если бы четыре большие внешние гопуры образовывали четыре стороны центрального зала, а остальные продолжали уменьшаться в трех или четырех направлениях к внешней стороне, эффект от всего этого был бы увеличен в удивительной степени. Однако для достижения этой цели необходимо было устранить один другой недостаток: ворота шириной даже 150 футов в стене протяженностью почти 2000 футов - это решение, которое ничто не может искупить; но если бы стены были разбиты в плане или имели форму звезды, как планы храмов Чалукьян, были бы получены свет и тень, а также надлежащие пропорции частей без каких-либо неудобств.

195. Вид на восточную половину Великого храма в Серингеме. (С фотографии.)

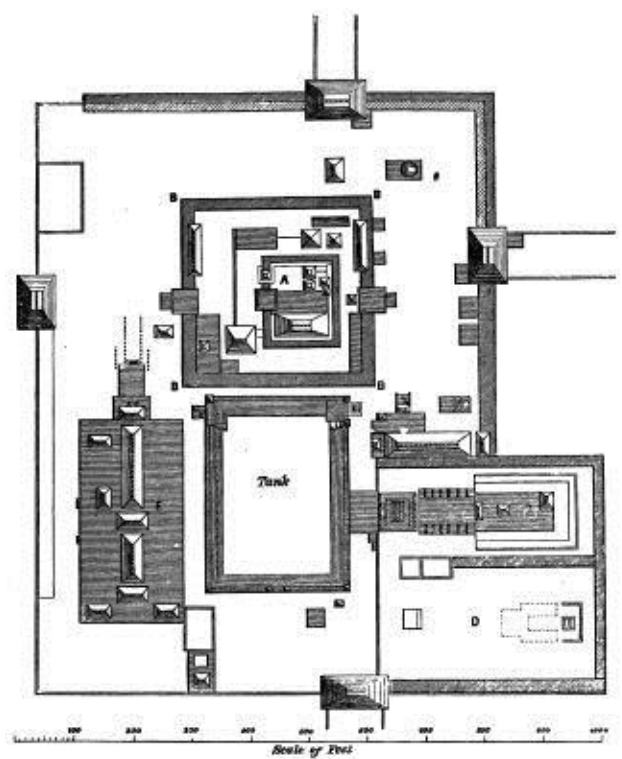
Но если у дравидов когда-либо и хватало духу думать о подобных вещах, то не в 17-18 веках, к которым, кажется, относится все в этом храме.

ЧИЛЛАМБАРАМ.

Храм в Чилламбараме является одним из самых почитаемых, а также имеет репутацию одного из самых древних храмов южной Индии. Поэтому именно там, если вообще где-либо, я когда-то надеялся найти какие-то останки, которые помогли бы пролить свет на историю этого стиля. Кроме того, он был так удален от любой столицы или часто посещаемого места обитания человека, что можно было надеяться найти его первоначальный вид неизменным.

Он старый, но, боюсь, традиции, связывающие его основание с Хиранья Верма из Кашмира в начале VI века, на которые я одно время был склонен полагаться, ^[381] слишком неосвязаемы по своей природе, чтобы на них можно было положиться. Я не вижу особых причин сомневаться в том, что в тот период могла существовать связь между королями Чолы и Кашмира; но я не вижу в

этом храме ничего столь раннего или какой-либо особенности стиля кашмирской архитектуры. С другой стороны, основание храма, по—видимому, ясно описано в следующем отрывке Конгадеша Раджа Кала: “Вира Чола Райя (А.Д. 927-977 гг. н.э.) однажды увидел на берегу моря Сабхапати из Чиламбары (Шиву) в сопровождении Парвати, танцующего и бьющего в дамараку (разновидность барабана); поэтому он потратил большие суммы денег на строительство Канаки, или Золотой Сабхи”.^[382] Чуть дальше говорится: “Ари Вари Дева (1004 г. н.э.), заметив, что его дед построил божеству Чилламбара только канака Сабха, он построил гопуры, маддалы (ограждения), мадапаны (изображения), сабхи (святые места или апартаменты) и подарил божеству много драгоценностей”. Если бы последнее можно было применить к большому ограждению, это была бы чрезвычайно важная дата; но при тщательном изучении всех обстоятельств дела я убежден, что эти отрывки относятся только к двум внутренним ограждениям, Вв, в западном конце резервуара ([Гравюра на дереве № 196](#)). Они, действительно, площадью около 320 квадратных футов, по-видимому, составляли весь первоначальный храм, по крайней мере, в 10-11 веках, всегда предполагая, что любая часть здания действительно такая же старая, как эта.

196. План храма Чилламбарам.

(Из плана адмирала Пэриса в "Турне мира", том xvi, стр. 35.)

Однако в целом я склонен полагать, что этот внутренний храм действительно тот, о котором говорится в приведенном выше отрывке. Храм Парвати, С, расположенный к северу от резервуара, был пристроен позже, скорее всего, в 14 или 15 веке, и к этой эпохе также относятся великие гопуры и вторая ограда. Зал 1000 колонн, Е, почти наверняка был возведен между 1595 и 1685 годами, и в это время, как мы узнаем из рукописи Маккензи, короли этой местности сделали много пожертвований храму.^[383] Тогда же, по всей вероятности, было начато возведение внешнего ограждения; но оно так и не было завершено, поскольку в большинстве мест находилось всего в нескольких футах над фундаментом.

Самое старое, что сейчас существует здесь, - это небольшое святилище в самом дальнем углу (напротив А на плане) с небольшим крыльцом из двух колонн высотой около 6 футов. высокий, но опирающийся на стилобат, украшенный танцующими фигурами, более изящный и изящно выполненный, чем любой другой представитель их класса, насколько я знаю, в южной Индии. По

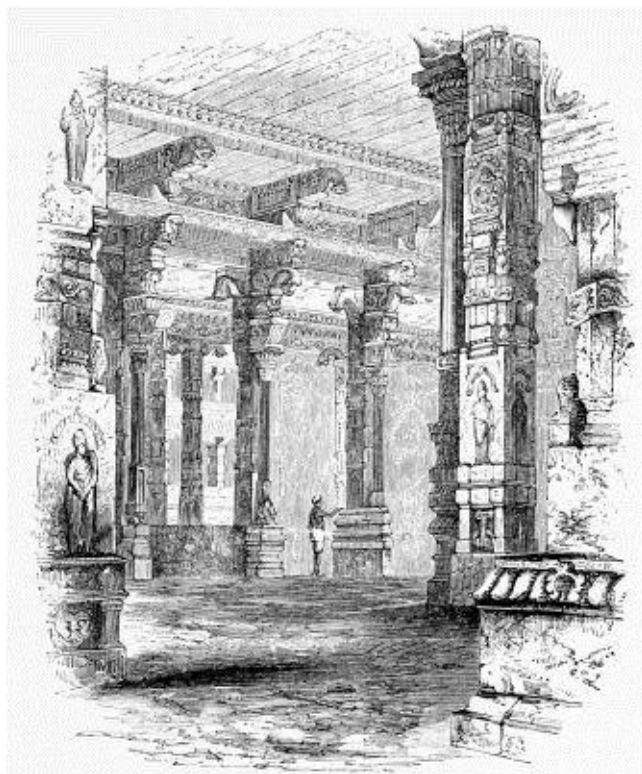
бокам изображены колеса и лошади, все это должно было изображать автомобиль, как это часто бывает в этих храмах. Побелка и современные переделки, к сожалению, обезобразили эту жемчужину, но сохранилось достаточно, чтобы показать, насколько изысканной и, следовательно, древней она была. Он был посвящен Верме, богу танцев, вероятно, в намеке на обстоятельства, упомянутые выше как приведшие к основанию храма.

Перед ним находится святилище очень необычной архитектуры, с высокой медной крышей, которая, я не сомневаюсь, представляет золотую сабху, упомянутую выше, а перед ней находится гопура и крыльцо с колоннами, составляющее то, что, по-видимому, было храмом Вира Девы. Внешняя ограда и находящиеся на ней здания, по-видимому, принадлежат Ари Вари.

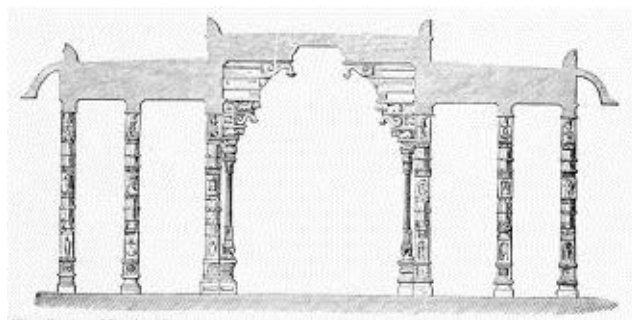
Храм Парвати, С, в основном примечателен своим крыльцом, отличающимся исключительной элегантностью. Следующая гравюра на дереве (№ [197](#)) дает некоторое представление о его нынешнем виде, а раздел ([Гравюра на дереве № 198](#)) объясняет его конструкцию. Внешние проходы имеют ширину 6 футов, следующие - 8 футов, но архитектор приберег все свои силы для центрального прохода, размер которого составляет 21 фут 6 дюймов. в ширину составляет целых 50 футов или около того. Чтобы перекрыть это здание, не используя камни таких размеров, которые могли бы раздавить опоры, пришлось прибегнуть к перекрытию, или, скорее, к кронштейнам, и эти кронштейны снова были связаны между собой поперечными обрешетками, все из камня, и система продолжалась до тех пор, пока ширина не была уменьшена до размера, который можно было легко перекрыть. Поскольку все здание заключено во внутренний двор, окруженный галереями высотой в два этажа, эффект от всего этого необычайно приятный.

Напротив этого, по ту сторону резервуара, находится зал 1000 колонн, во многом похожий на описанный выше зал в Серингеме, но, вероятно, немного более современный. Здесь колонны расположены двадцать четыре спереди и сорок одна в глубину, что составляет 984; но для того, чтобы получить центральное пространство, четыре в притворе, затем двадцать восемь, затем две и снова двадцать четыре, были опущены, всего пятьдесят восемь; но, с другой стороны, необходимо добавить колонны внешнего портика, что почти компенсирует потерю и составляет 1000. [\[384\]](#) Следует признать, что этот лес гранитных колонн, каждая из которых сделана из цельного камня и все более или менее покрыты резьбой и орнаментом, действительно производит определенное величие, но отсутствие замысла в расположении и соподчиненности частей болезненно умаляет эффект, который мог бы быть произведен.

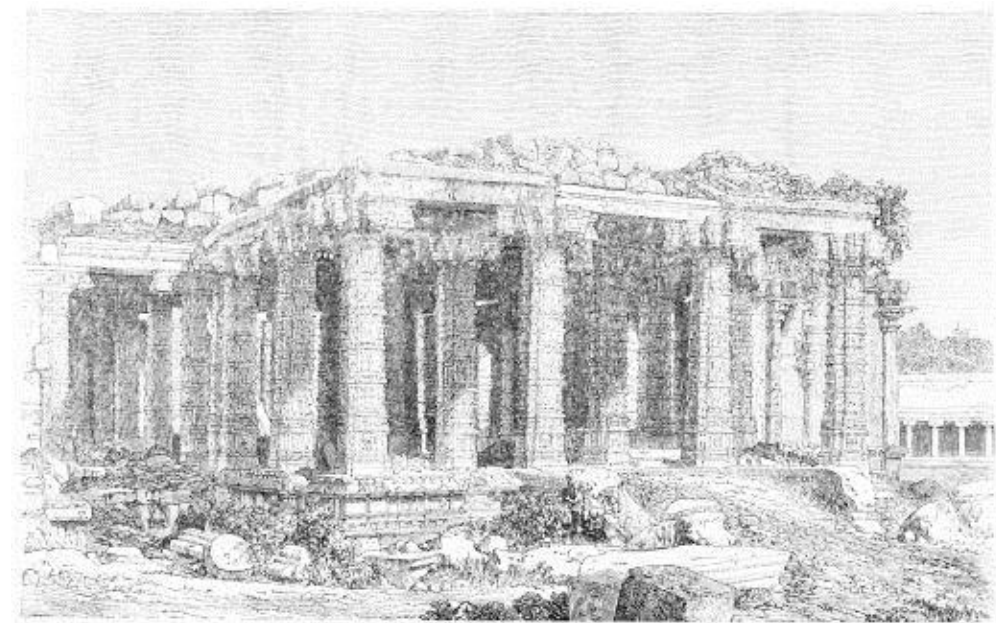

197. Вид крыльца в Чилламбараме. (По рисункам автора.)

198. Фрагмент притвора храма в Чилламбараме. (По эскизу автора.) Масштаба нет.

199. Разрушенный храм или пагода в Чилламбараме. (С фотографии.)

Исключение колонн в центре - единственная отличительная черта, и этого легко можно было бы добиться без кирпичных сводов, образованных расходящимися арками, которые здесь используются, — еще одно несомненное доказательство современного возраста здания. Эти хранилища, безусловно, являются цельными и, безусловно, не могли быть использованы до тех пор, пока мусульмане не поселились на юге и не научили индусов, как ими пользоваться.

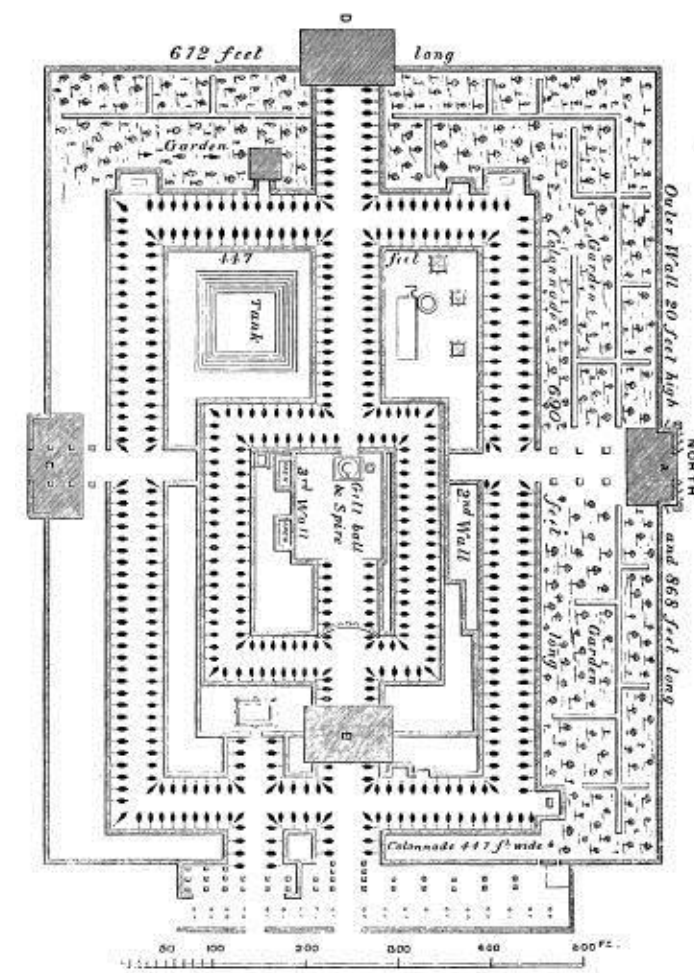
Хотя этот храм был построен в разные эпохи и вырос скорее случайно, чем по замыслу, как только что описанные в Тирувалуре и Серингеме, в нем избегается большой недостаток этих храмов, поскольку, хотя, как и у них, у него нет высокого центрального объекта, придающего достоинство целому снаружи, внутренне центр его большого двора занят резервуаром, вокруг которого сгруппированы различные объекты, нисколько не мешающие друг другу. Сам храм является одним из важных объектов, расположенных к востоку от него; храм Парвати - другим, на севере, и образует приятную подвеску к холтри с 1000 колоннами на юге. Рядом с Парвати был начат другой храм ([Гравюра на дереве № 199](#)) с портиком из квадратных колонн, по четыре спереди, и все они наиболее искусно украшены, но таким образом, чтобы не нарушать их очертаний или прочности.

Из-за его недостроенного и ныне разрушенного состояния нелегко сказать, кому был посвящен этот храм — скорее всего, Субраманье, — или быть уверенным в его возрасте. Однако, судя по его расположению и характеру орнамента, нет никаких сомнений в том, что он относится к концу 17-го и первой половине 18 века. Судя по его стилю, я был бы склонен отнести его к более ранней дате, но в этом случае трудно понять, что он не был закончен. Когда у них были деньги, чтобы возвести большой зал и начать новую ограду, они, несомненно, могли бы сэкономить достаточно, чтобы достроить это уединенное святилище.

РАМИССЕРАМ.

Если бы было предложено выбрать один храм, который демонстрировал бы все красоты дравидийского стиля в их величайшем совершенстве и в то же время демонстрировал бы все характерные дефекты дизайна, выбор почти неизбежно пал бы на храм в Рамиссераме, на острове Паумбен ([Гравюра на дереве № 200](#)). Ни в одном другом храме не демонстрировалось столько терпеливого труда, как в этом, и, к сожалению, ни в одном из них этот труд не был так выброшен на ветер из-за отсутствия дизайна, подходящего для его демонстрации. Дело не в том, что этот храм рос последовательными приращениями, как описанные выше; он был начат и закончен по

заранее установленному плану, выполняемому так же регулярно и неуклонно, как храм в Танджоре, но по принципу, настолько диаметрально противоположному ему, что, в то время как храм в Танджоре производит эффект, превышающий тот, который обусловлен его массой или детализацией, этот храм, с удвоенными размерами и десятикратной проработкой, не производит никакого эффекта снаружи, а внутри его можно увидеть только в деталях, так что части почти ни в коем случае не помогают друг другу в создании эффекта, направленного на .

200. План Великого храма в Рамиссераме. Масштаб 170 футов на 1 дюйм.

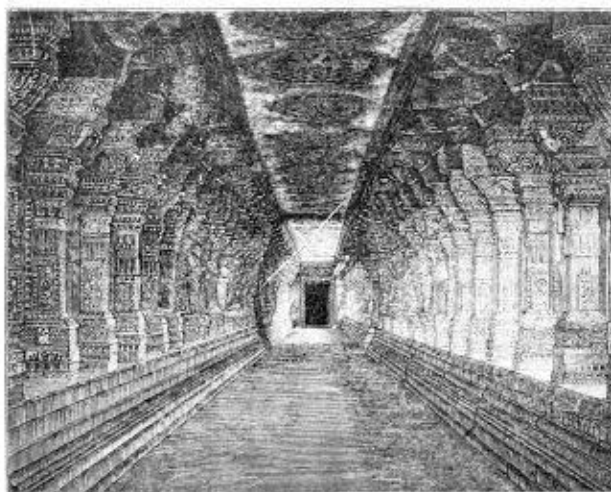
Единственная часть храма, возраст которой отличается от остальных, - это небольшая вимана очень элегантных пропорций, которая стоит в саду, по правую руку от посетителя, когда он входит с запада^[385] (D). Однако он так долго подвергался — подобно храму на берегу в Махавеллипуре — воздействию морского воздуха, что его детали настолько проржавели, что теперь их невозможно разглядеть, и, следовательно, по ним нельзя установить его возраст. Однако можно с уверенностью утверждать, что он более современный, чем любой из приведенных выше примеров высеченных в скале камней; возможно, он относится к 11 или 12 веку. Его размеры можно оценить как 50 футов в высоту, 30 футов или 40 футов в плане, так что он едва ли является частью столь большого храма. Судя по четырем быкам, занимающим платформу под куполом, очевидно, что первоначально она была посвящена Шиве, как, по-видимому, и весь храм в целом, хотя и является местом самого знаменитого подвига Рамы и носит его имя.

Внешне храм окружен стеной высотой 20 футов и имеет четыре гопуры, по одной с каждой стороны, которые имеют ту особенность, что они единственные из всех, которые я знаю в Индии, построены полностью из камня от основания до вершины. Однако только западная часть (D) закончена, и, по-видимому, из-за того, что она случайно оказалась каменной, она лишена фигур—

скульптур - около полудюжины гипсовых слепков, которые сейчас украшают ее, были добавлены совсем недавно. Те, что расположены на севере и юге (А и С), едва ли выше стены, в которой они стоят, и поэтому называются разрушенными воротами. Однако, насколько мне известно, подобная вещь неизвестна в южной Индии. Отчасти из-за их формы, а в большей степени из-за прочности конструкции, ничто, кроме землетрясения, не могло повредить их, и их возраст не таков, чтобы вызвать разрушение из-за разложения материала. На самом деле они никогда не поднимались выше, и их прогресс, вероятно, был остановлен в начале прошлого века, когда магометане, махратты и другие иностранные захватчики помешали процветанию страны и уничтожили богатство духовенства. Восточный фасад имеет два входа и две гопуры. Меньшая, не показанная на плане, закончена. Большая (В на плане) никогда не поднималась выше, чем мы ее сейчас видим. Если бы он был закончен,^[386] он был бы одним из крупнейших в своем классе, и, будучи полностью каменным, и, следовательно, его очертания не нарушались скульптурой, он в большей степени воспроизводил бы эффект египетского пропилона, чем любой другой образец такого класса в Индии.

Однако слава этого храма заключается в его коридорах. Они, как видно из плана, простираются почти на 4000 футов в длину. Ширина варьируется от 20 до 30 футов свободной площади пола, а их высота, по-видимому, составляет около 30 футов от пола до центра крыши. Каждая колонна или опора составная, более богатая и продуманная по дизайну, чем у крыльца Парвати в Чилламбараме ([гравюра на дереве № 197](#)), и, безусловно, более современная по времени.

201. Центральный коридор, Рамиссерам. (С фотографии.)

Общий вид этих коридоров можно представить по прилагаемой гравюре на дереве (№ [201](#)), но никакая гравюра, даже в гораздо более расширенном масштабе, не может передать впечатление, производимое такой демонстрацией труда, когда она растягивается на непрерывную длину в 700 футов. Высота ни одного из наших соборов не превышает 500 футов, и даже неф собора Святого Петра находится всего в 600 футах от двери в апсиду. Боковые коридоры здесь имеют длину 700 футов и переходят в поперечные галереи, столь же богатые деталями, как и они сами. Они, благодаря разнообразным устройствам и режимам освещения, создают эффект, равного которому нет нигде в Индии. Боковые коридоры, как правило, свободны от фигур-скульптур и, следовательно, от большей части вульгарности эпохи, к которой они принадлежат, и, хотя и более узкие, производят более приятный эффект. Центральный коридор, ведущий из святилища, украшен с одной стороны портретами раджей Рамнада 17 века, а напротив них - портретами их секретарей. Однако даже они были бы терпимы, если бы за последние несколько лет их не раскрасили с вульгарностью, которая немыслима для потомков тех, кто построил этот храм. Однако не только они, но и вся архитектура сначала была покрыта повторяющимися слоями

побелки, чтобы убрать всю резкость деталей, а затем выкрашена синими, зелеными, красными и желтыми разводами, чтобы изуродовать и разрушить ее эффект до такой степени, что нужно увидеть, чтобы поверить. Ничто не может более болезненно доказать деградацию, до которой наша система довела население, чем эта ненормативная лексика. Теперь не осталось высшего класса, а следовательно, и утонченности, и священнослужители, вместо того чтобы быть высокородными и интеллектуальными брахманами, должны быть погружены в состояние унижения, из которого теперь, вероятно, ничто не сможет их выволить.

Предполагая, однако, на данный момент, что эта картина никогда не была написана, все же искусство, представленное здесь, было бы намного хуже искусства такого храма, как, например, Хуллабид в Майсуре, о котором будет рассказано далее. Периметр, однако, этого храма составляет всего 700 футов; здесь у нас есть коридоры, простирающиеся до 4000 футов, вырезанные с обеих сторон в самом твердом граните. Масштабность работы, здесь представленной, впечатляет нас гораздо больше, чем ее качество, и это в сочетании с определенной живописностью и таинственностью производит эффект, который не превзойден ни одним другим храмом в Индии и очень немногими в других местах.

Возраст этого храма вряд ли вызывает сомнения. От начала и до конца его стиль — за исключением старой виманы — настолько единообразен и неизменен, что его возведение вряд ли могло продолжаться в течение ста лет, и если это так, то это должно было быть в 17 веке, когда Рамнад раджи были на пике своей независимости и процветания, и когда их союзник или мастер, Тирумалла Найак, возводил здания в том же стиле в Мадуре. Возможно, строительство было начато на пятьдесят лет раньше (1550 г.), а возведение его гопур, возможно, продолжалось до 18 века, но это, по-видимому, возможные пределы отклонения. Поскольку это произошло так недавно, любой человек на месте мог бы легко установить факты. Их действительно можно было бы определить почти по фотографиям, если бы не побелка и краска, которые настолько искажают детали, что делают их почти неузнаваемыми.

МАДУРА.

Если бы можно было положиться на местные власти, к которым покойный профессор Уилсон обращался при составлении своего исторического очерка королевства Пандья, то, по-видимому, основание династии следовало бы относить примерно к пяти-шести столетиям до христианской эры.^[387] Однако, даже если это оспаривается, того факта, что южная часть полуострова описывается классическими авторитетами как “Регион Пандионис”, достаточно, чтобы доказать, что королевство, носящее это название, действительно существовало там в первые века христианской эры. Однако их первыми столицами, по-видимому, были Курхи, возможно, колхи Перипла, близ Рамнада, и Кальяна, близ мыса Коморин. История о том, как Кула Секхара основал Мадур, и невероятные происшествия, которыми украшен этот рассказ, являются одной из любимых легенд юга и обильно проиллюстрированы скульптурами чоултри Тирумаллы Найака и другими зданиями столицы.

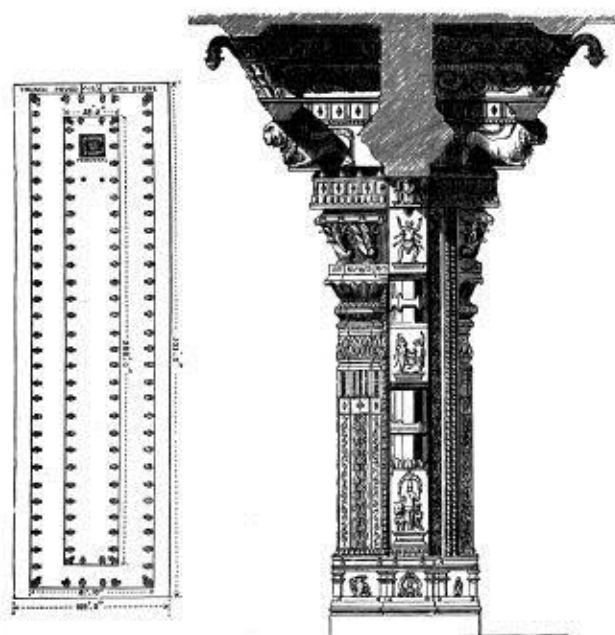
Для наших нынешних целей вряд ли стоит пытаться исследовать последовательность дат правления семидесяти трех королей, которые, как говорят, сменяли друг друга до восшествия на престол династии Наяк в 1532 году, поскольку в настоящее время не известно ни одного здания в королевстве, которое могло бы утверждать, даже на самых сомнительных основаниях, что было возведено кем-либо из этих королей. Возможно, до возвышения великой династии Чола, в 10-11 веках, у Мадур был длительный период процветания и могущества; но несомненно то, что если они и построили что-то важное, то его существование сейчас невозможно идентифицировать. После этого некоторое время они, по-видимому, находились под властью династии Беллала из Майсура, и то же самое магометанское вторжение, которое уничтожило эту державу в 1310 году, распространило свое пагубное влияние до Рамнада, и в течение двух столетий их набеги и притеснения держали всю южную Индию в состоянии анархии и смятения. Их способность

творить зло впервые была остановлена возвышением великого индуистского государства Виджаянагар в Тонгабхадре в 14 веке и установлением под его защитой династии Наяков Вишванатом Наяком в начале 16 века. Прожив 210 лет, последняя правительница расы — королева — сначала получила помощь, а затем была предана Чандой Сахибом, навабом Карнатика, который играет столь важную роль в наших войнах с французами в этих краях.

Возможно — и, скорее всего, так оно и есть — что в провинциях есть храмы, возведенные до возвышения династии Наяк, но несомненно то, что все храмы в столице, включая великий храм в Серингеме, описанный выше, были возведены в течение двух столетий их господства, а из тех, что находятся в столице, по крайней мере девять десятых были возведены во время долгого и процветающего правления десятого короля этой династии, Тирумуллы Наяка, или, как его более широко называют, Тримула Найка, который правил с 1621 по 1657 год. [\[388\]](#)

Из его зданий наиболее важным для наших целей, по крайней мере, [\[389\]](#), является знаменитый холтри, который он построил для приема главного божества этого места, который согласился покинуть свою темную камеру в храме и наносить королю ежегодный десятидневный визит при условии, что он построит зал, достойный его сана, и где он сможет надлежащим образом принимать почести короля и его подданных.

202. План Холтри Тирумуллы Наяка. (С рисунка, находящегося во владении Королевского азиатского общества.) Масштаб от 100 футов до 1 дюйма.

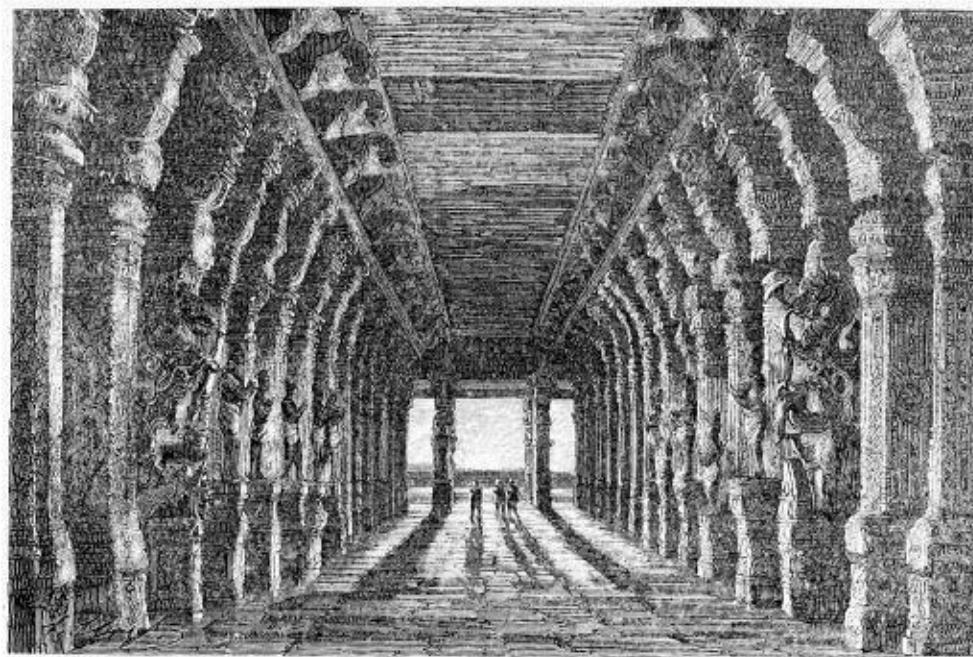
203. Колонна в Чоултри Тирумуллы Наяка. (С рисунка, находящегося в распоряжении Королевского азиатского общества.)

Как видно из плана ([гравюра на дереве № 202](#)), длина зала составляет 333 фута при 105 футах в ширину, измеренных на стилобате, и состоит из четырех рядов колонн, все они разные и все наиболее искусно изваянные. Изображен рельеф одного из них ([гравюра на дереве № 203](#)), но он не такой богатый, как те, что в центре, к которым прикреплены фигуры в натуральную величину, и еще более проработан в деталях. В данном случае можно заметить, что отдельно стоящая шахта в Чилламбараме была прикреплена к квадратному центральному пирсу и вместо легкой элегантности, характерной для этого примера, превратилась в сплошной пирс глубиной пять или шесть футов — конечно, более богатый, но далеко не такой элегантный или уместный, как в предыдущем примере.

Вид интерьера ([Гравюра на дереве № 204](#)) дает некоторое, но лишь слабое представление об этом эффекте. Стены теперь закрыты ширмами, и трудно получить хорошие фотографии; но по сути, как и в деталях, это идентично коридорам в Рамиссераме, где много света.

Поскольку дата постройки этого зала прекрасно известна — на его возведение ушло двадцать два года, с 1623 по 1645 год, — он становится фиксированной точкой в нашей хронологии стиля. Мы можем, например, с полной уверенностью утверждать, что крыльцо святилища Парвати в Чилламбараме ([Гравюра на дереве № 197](#)) определенно предшествует этому, вероятно, на пару столетий, и с такой же уверенностью можно утверждать, что коридоры в Рамиссераме современные. Из истории того периода мы узнаем, что раджи Рамнада временами были независимыми, иногда воевали с наяками; но во времена Тирумиллы Наяка были либо его союзниками, либо зависимыми; а стиль и дизайн двух зданий настолько абсолютно идентичны, что они должны принадлежать к одной эпохе. Действительно, наиболее вероятно, что царь Мадур, возможно, помогал в возведении храма. Если бы ему действительно было позволено принять какое-либо участие в создании первоначального проекта, храм, вероятно, был бы более благородным зданием, чем есть на самом деле; ибо, хотя детали те же, его трехнефный зал, ведущий к святилищу, был бы гораздо более величественным с архитектурной точки зрения, чем коридоры с отдельными проходами, которые никуда не ведут. Стоимость одного из однефных коридоров в Рамиссераме, длиной 700 футов, была бы примерно такой же, как стоимость трехнефного шултри в Мадуре, который составляет половину их длины. Следовательно, если чолтри стоил миллион фунтов стерлингов, как уверенно утверждается, храм должен был стоить от трех до четырех миллионов; и такая оценка вряд ли кажется чрезмерной, если учесть количество труда, затраченного на это, и то, что материалом для обоих является самый твердый гранит.

Фасад этого зала, как и почти всех великих залов на юге Индии, украшен либо яли - чудовищами львиного типа, попирающими слона, — либо, в более широком смысле, группой, состоящей из воина, сидящего на вставшем на дыбы коне, ноги которого опираются на щиты пеших воинов, иногда убивающих людей, иногда тигров. Эти группы встречаются буквально сотнями в южной Индии, и, поскольку работы демонстрируют трудности, преодолеваемые терпеливым трудом, им, насколько я знаю, нет равных среди всего, что можно найти в других местах. Как произведения искусства, они являются самыми варварскими, можно сказать, самыми вульгарными из всех, что можно найти в Индии, и делают больше для того, чтобы поколебать веру в цивилизацию людей, которые их создали, чем все, что они сделали в любой другой области искусства.

204. Вид в Чоултри Тирумиллы Найака, Мадур. (С фотографии.)

Там, где эти уродства отсутствуют, колонны входных групп украшены лишь немного больше, чем колонны внутренних помещений, когда орнамент выполнен с лучшим вкусом и, как правило, достаточно богат для своего назначения.

Непосредственно перед своим домом Тирумилла Найак начал строительство гопуры, которая, если бы он дожился до ее завершения, вероятно, стала бы лучшим зданием такого класса в южной Индии. Его размеры составляют 174 фута с севера на юг и 107^[390] футов. в глубину. Вход через него имеет ширину 21 фут. 9 дюймов; и если верно, что его столбы ворот имеют высоту 60 футов. (Рубец говорит о 57 футах) в высоту, это была бы высота отверстия.^[391] Таким образом, будет видно, что он был спроектирован в еще большем масштабе, чем в Серингеме, описанном выше, и, безусловно, намного превосходит это знаменитое сооружение по красоте своих деталей. Только его дверные косяки, будь то 57 футов или 60 футов в высоту, представляют собой цельные гранитные блоки, покрытые самыми изысканными завитками искусной листвы, и вся остальная резьба не менее красива. Будучи недостроенным и, следовательно, так и не освященным, он избежал побелки, и единственное из всех зданий Мадур его красотой все еще можно восхищаться в их первоначальном совершенстве.

Великий храм в Мадуре - более крупное и гораздо более важное сооружение, чем чультри; но, так или иначе, он не привлекал внимания путешественников в той же степени, что последний. Никто никогда не пытался составить из этого план или описать его так подробно, чтобы другие могли понять его особенности. Однако он обладает всеми характеристиками первоклассного дравидийского храма, и, поскольку его дата прекрасно известна, он представляет собой чрезвычайно ценный ориентир, позволяющий нам установить относительную дату других храмов.

Говорят, что святилище было построено Вишванатом, первым королем династии Найаков, в 1520 году н.э., что, возможно, так и есть; но сам храм, безусловно, обязан всем своим величием Тирумилле Найаку, г.н.э. 1622-1657 гг., или его старшему брату Мутту Вираппе, который предшествовал ему и который построил мантапу, которая, как говорят, является старейшим сооружением, ныне существующим здесь. Говорят, что Кальяна мантапа была построена в 1707 году нашей эры, а Татта Шуддхи - в 1770 году. Это, однако, незначительные детали по сравнению с теми, которые, безусловно, обязаны своим происхождением Тирумилле Найаку.

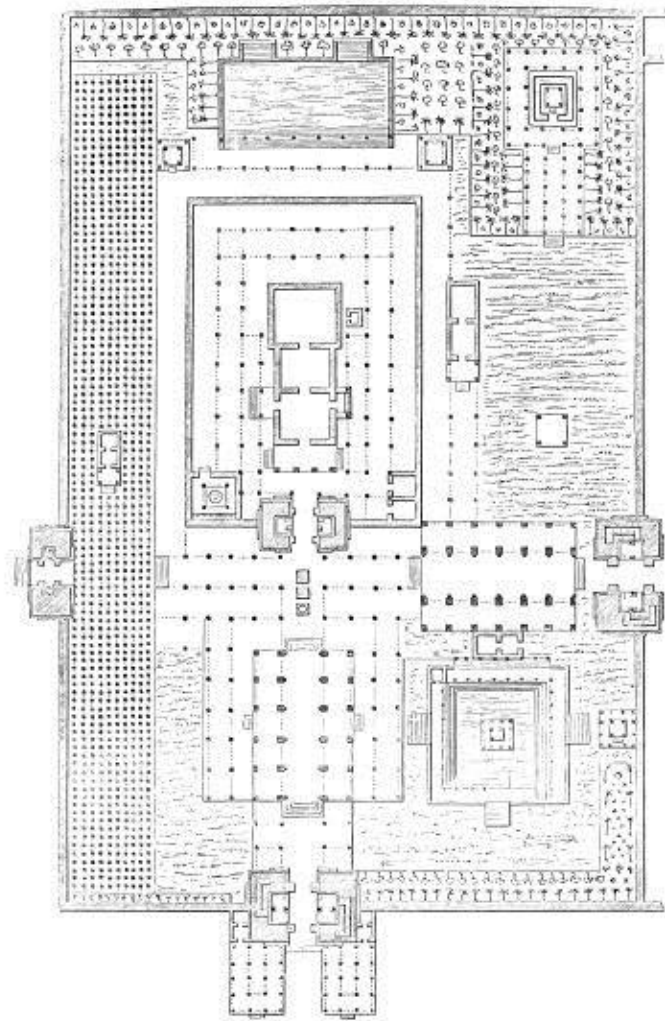
Сам храм представляет собой почти правильный прямоугольник, две его стороны имеют размеры 720 футов и 729 футов, две другие - 834 фута и 852 фута. В нем было четыре гопуры первого класса и пять поменьше; очень красивый резервуар, окруженный аркадами; и зал с 1000 колоннами, скульптуры которого превосходят скульптуры любого другого зала такого класса, с которым я знаком. Здесь есть небольшое святилище, посвященное богине Минакши, божеству-покровителю этого места, которое занимает пространство из пятнадцати колонн, так что реальное число всего 985; но не их количество, а их чудесная отделка делает это место чудом и делает его, в некоторых отношениях, более замечательным, чем холтри, о котором так много говорилось и писалось. Я не уверен, что сам по себе этот зал не является более великим произведением искусства, чем холтри; взятый в сочетании с другими зданиями храма, он, безусловно, образует гораздо более внушительную группу.

Как упоминалось выше, великий вайшнавский храм в Серингеме обязан всем своим великолепием зданиям, возведенным во времена правления династии Наяков, второй столицей которой был Тричинополис, и где они часто проживали. Однако в радиусе мили от этого прославленного храма находится другой, посвященный Шиве, под названием Джумбукешвара, который, хотя и не такой большой, как храм, посвященный Шри Рангаму, намного превосходит его по красоте как архитектурный объект. Первые ворота внешнего ограждения невелики, но они ведут прямо в центр зала, содержащего около 400 колонн. Справа они открываются в резервуаре, питаемом вечным источником, который является одним из чудес этого места.^[392] Соответствующее пространство слева должно было быть занято 600 столбцами, необходимыми для составления 1000, но это так и не было завершено. Между двумя гопурами второй ограды находится очень красивый портик крестообразной формы, ведущий к дверям святилища, которое, однако, снаружи не бросается в глаза, и доступ внутрь непосвященным закрыт.^[393] Возраст этого храма такой же, как и у его великого конкурента, за исключением того, что, будучи полностью спроектированным, он, вероятно, был начат и завершен одновременно, и, судя по простоте его частей и деталей, может быть более ранним, чем великие здания Тирумаллы Наяка. Если мы предположим, что 1600 год н.э., с разницей в десять или пятнадцать лет в любом случае, мы, вероятно, не сильно ошибемся в его дате.

Одной из величайших прелестей этого храма, когда я посетил его, была его чистота. Ни побелка, ни красная, ни желтая краска тогда не запятнали его, и пятно от времени на граните теплого цвета было единственным, что нарушало его монотонность; но этого было достаточно, и было облегчением созерцать его таким после некоторых вульгарностей, которые я видел. Теперь все это изменилось. Подобно пагодам в Рамиссераме и, в большей степени, в Мадуре, варварская вульгарность сделала свое худшее дело, и путешественник вполне оправдан в презрении, с которым он говорит об этих произведениях великого народа, попавших в руки таких недостойных преемников.

ЖЕСТЯНОЙ.

205. Полуплан храма в Тинневелли. (По плану, находящемуся в распоряжении Королевского азиатского общества.)

Масштаб от 100 футов до 1 дюйма

Хотя это и не один из крупнейших и не самых великолепных храмов южной Индии, храм в Тинневелли даст хорошее общее представление об устройстве этих зданий, и имеет то преимущество, что был построен по одному плану и в одно время, без последующих изменений. Как и маленькая келья в храме Тирувалур ([Гравюра на дереве № 193](#)), она отличается тем, что представляет собой двойной храм, большая площадь которого разделена на равные части, из которых одна посвящена богу Шиве, другая - его супруге Парвати. Предыдущий план ([Гравюра на дереве № 205](#)) представляет одну из половинок, которая, хотя и отличается по расположению от другой, все же настолько похожа на нее, что изображения и описания одной из них достаточно для обеих.

Общие размеры всего ограждения составляют 508 на 756 футов, причем больший размер разделен на две равные части по 378 футов каждая. В каждую половину есть по три прохода, и один в стене, разделяющей их; главные ворота обращены ко входу в храм, а боковые расположены друг напротив друга. Внешний портик предшествует большим воротам, ведущим внутрь к очень великолепному крыльцу, которое, не доходя до ворот внутренней ограды, ответвляется справа к промежуточным воротам, а слева - к большому залу с 1000 колоннами - 10 колонн в ширину и 100 в глубину.

Внутреннее ограждение не концентрично внешнему и, как обычно, имеет только один шлюз. Сам храм состоит из кубической ячейки, увенчанной виманой или шпилем, перед которой расположены два крылечка, и окружен тройными колоннадами. В других частях ограды находятся

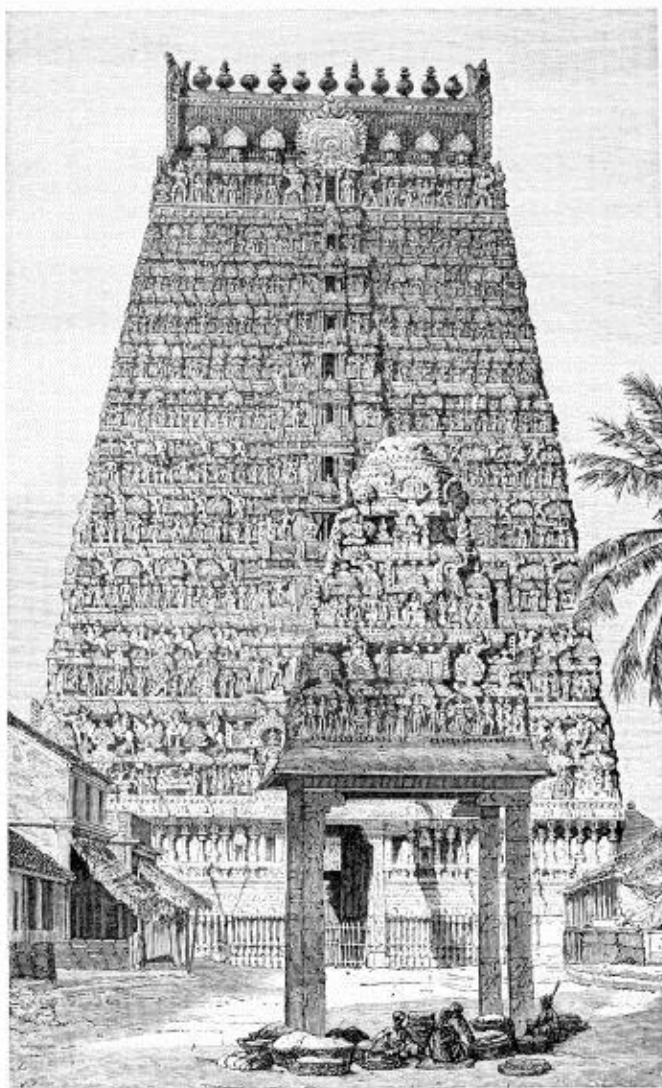

храмы поменьше, резервуары с водой, сады, колоннады и т. Д., Но не такие многочисленные и не такие разнообразные, как обычно встречаются в индийских храмах этого класса.

Огромный портик храма с 1000 колоннами - один из наименее поэтичных в своем классе в Индии. Он состоит из ряда столбов глубиной 10 и протяженностью до 100 в длину, без каких-либо перерывов, открытого пространства или расположения. Такой лес колонн, без сомнения, производит определенный эффект; но половина этого количества, если расположить их так, как в некоторых чалукьянских или джайнских храмах, производила бы гораздо более благородное впечатление. Цель дравидов, по-видимому, состояла в том, чтобы вызвать восхищение простым проявлением чрезмерного терпеливого труда.

КОМБАКОНУМ.

Если верить традициям местных жителей, Комбаконум — одна из старых столиц династии Чола — является одним из мест, где мы могли бы надеяться найти что-то очень древнее. Действительно, повсюду можно найти фрагменты более древних храмов, но ни одного *на месте*. Все старые здания, по-видимому, были когда-то разрушены и перестроены, вероятно, на том же месте, но с тем полным пренебрежением к древности, которое характерно для индусов всех эпох. Один портик в храме, посвященном Шри Раме, очень похож на тот, что ведет из второй в третью гопуру в храме Джумбукешвара, описанный выше, но, во всяком случае, он немного современнее.

206. Гопура в Комбаконуме. (С фотографии.)

В городе также есть одна прекрасная гопура, изображенная на последней гравюре на дереве (№ 206). Однако он невелик по сравнению с теми, которые мы только что описали, и имеет всего 84 фута в поперечнике и около 130 футов в высоту. Те, что в Серингеме и Мадуре, имеют или должны были иметь, по крайней мере, вдвое больше этих размеров.

Однако это богато украшенный образец своего класса, и предыдущая гравюра на дереве передает хорошее впечатление об эффекте этих зданий в целом. Он недостаточно стар, чтобы соответствовать лучшему возрасту, но все же не настолько современен, чтобы утратить весь характер и выразительность более ранних примеров.

КОНДЖЕВЕРАМ.

Конджеверам - еще один город, традиции которого заставляют нас ожидать большего от старины, чем почти в любом другом городе юга. Говорят, что он был основан Адондаем, незаконнорожденным сыном Колотунги Чолы, в 11 или 12 веке и стал преемником Комбаконума в качестве столицы Чола Мандалам. Однако еще до этого предполагается, что он был населен буддистами, ^[394] и что им на смену пришли джайны. Если это так, то все, что можно сказать, это то, что ни одна из этих религий не оставила никаких следов своего существования на месте, и многие отрывки из рукописей Маккензи. это привело бы нас к предположению, что это были джунгли, населенные дикими курумбарами, когда ими завладели чолы.

Как бы то ни было, в двух городах, Большом и Малом Конджеверам, есть группы храмов, столь же живописных и почти таких же огромных, какие можно найти где-либо еще. В великом храме в названном первом месте есть несколько первоклассных гопур, хотя и нет главной виманы. Здесь также есть зал с 1000 колоннами, несколько больших и изящных мантапас, большие резервуары с пролетами каменных ступеней и все необходимое для первоклассного дравидийского храма, но все это собрано вместе как бы случайно. Нет двух гопур, расположенных напротив друг друга, нет двух параллельных стен, и вряд ли здесь есть прямой угол. Все это создает живописный эффект, редко превзойденный в этих храмах, но лишает его того достоинства, которого мы могли бы ожидать от таких частей при правильном расположении.

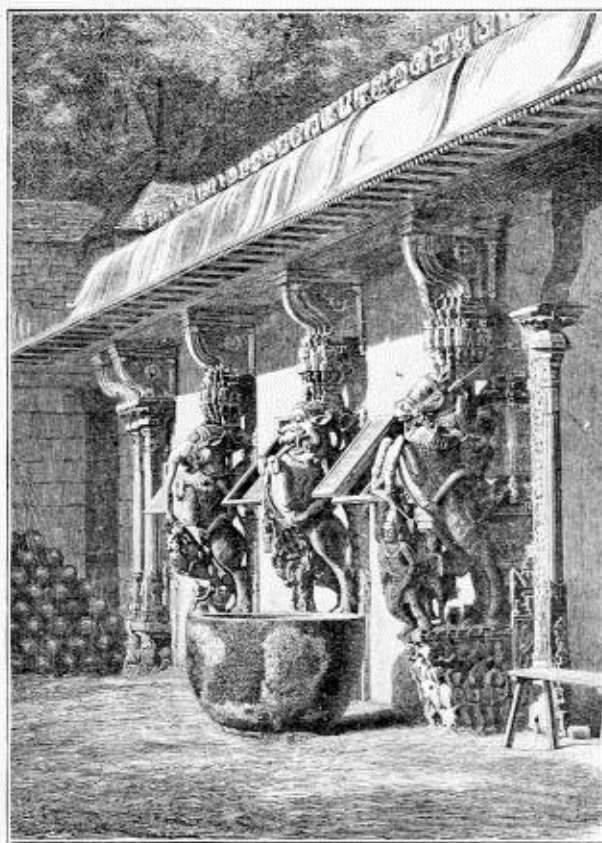
Возможно, есть какая-то часть, которую я не видел ^[395], которая может быть старше, но, конечно, ни одно из главных зданий не является таким старым, как святилище Парвати в Чилламбараме, но все они, похоже, в равной степени предшествуют эпохе великого строительства династии Наяк. Вероятно, это последние усилия Чола; но здесь, опять же, побелка и красная краска сделали так много, чтобы стереть летопись, что небезопасно догматизировать возраст каких-либо зданий в любом из двух Конджеверамов.

ВЕЛЛОР И ПЕРОР.

Хотя храмы в Веллоре и в Пероре, недалеко от Коимбатура, по размерам могут относиться только ко второму классу, они обладают портками, представляющими чрезвычайный интерес для истории архитектуры, и, следовательно, заслуживают большего внимания, чем им уделялось. Однако тот, что в Веллоре, к сожалению, расположен в форте, занятом британцами, и, следовательно, использовался как склад. Между его опорами были возведены стены, а побелка и фурнитура привели его в то состояние, которое мы считаем подходящим для самых благородных произведений искусства в Индии. Однако сохранилось еще достаточно, чтобы мы могли увидеть, что это одно из самых элегантных, а также одно из старейших крыльцов или мантапас на юге. Как видно из гравюры на дереве (№ 207), Яли и вставшие на дыбы всадники вырезаны четко и резко и далеко не так экстравагантны, как это иногда бывает. Большой карниз с его двойными изгибами и небольшими решетчатыми опорами не только очень элегантен по форме, но и является одним из тех чудес терпеливого труда, которые вряд ли можно найти где-либо еще. Однако на юге таких карнизов много: один в Авадеа Ковилл более глубокий и вычурный, чем даже этот. Говорят, что

внешняя облицовка там имеет толщину всего около дюйма, а сеть опор более сложная и деликатная, чем в Веллоре, хотя трудно понять, как они вообще были выполнены из такого твердого материала. Местные традиции относят возведение крыльца Веллора к 1350 году, и хотя это, возможно, слишком точно, это недалеко от истины. Стержни кронштейнов ([гравюра на дереве № 208](#)) похожи, но даже более элегантны, чем на крыльце Парвати в Чилламбараме; но они — по крайней мере, некоторые из них — прикреплены к опоре очень элегантными ажурными элементами, такими, как в храме Пратапы Рудры в Ворангуле ([гравюра на дереве № 217](#)) или в окнах в Хуллабиде. Поскольку оба этих примера датируются более ранним периодом, чем 1300 год, может показаться, что и этот был таким же, но трудно быть уверенным, сравнивая здания, расположенные на таком расстоянии друг от друга и принадлежащие к разным стилям искусства. В целом, однако, я склонен полагать, что между 1300 и 1400 годами будет найдена истинная дата постройки этого крыльца.

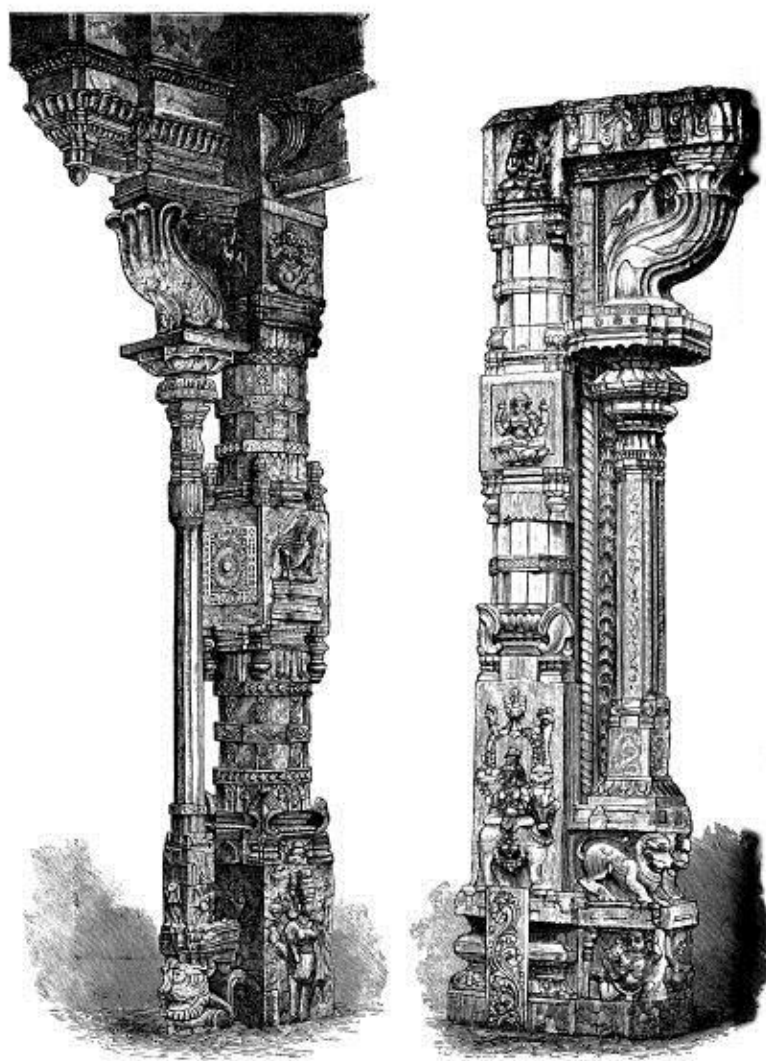
Дата постройки крыльца в Пероре устанавливается в узких пределах по фигуре сипая, заряжающего мушкет, вырезанной у основания одной из его колонн, а его костюм и форма руки в точности соответствуют тем, которые мы находим на современных изображениях войн Аурунгзебе или ранних махраттов начала 18 века. Как показано на гравюре на дереве № 209, стержни кронштейнов прикреплены к опорам, как и в зданиях Тирумуллы Наяка, и хотя общий характер архитектуры тот же, в деталях присутствует грубость, а в скульптурных фигурах — заметная ущербность, что выдает отдаленность этих двух примеров от времени.

207. Портик храма в Веллоре.

Какой бы незначительной ни казалась разница неопытному глазу, именно в пределах четырех столетий, включающих даты этих двух зданий (с 1350 по 1750 год), заключена практически вся история дравидийской храмовой архитектуры.

208. Составной столб в Веллоре. 209. Составной столб в Перу.
(С фотографии.) (С фотографии.)

В Дхарваре есть образцы, высеченные в скале до первой даты, и некоторые структурные сооружения меньшего масштаба, которые старше, но можно с уверенностью утверждать, что, по крайней мере, девять десятых или больше из тех, что найдены к югу от Тонгабхадры, были возведены между этими датами.

Конечно, это не означает, что до первой из этих дат на юге Индии не было структурных храмов. Это далеко не так, и кажется почти несомненным, что в течение шести или семи столетий, прошедших между высечением камней в Махавеллипоре и возведением пагоды Веллоре, должно было быть возведено множество зданий, чтобы выработать и закрепить стиль настолько, чтобы он сохранялся в течение последующих пяти столетий с минимальными изменениями и лишь с той деградацией деталей, которая является фатальной характеристикой искусства Индии.

Кажется невозможным, чтобы всадники, Яли и, прежде всего, большой карниз двойной кривизны, изображенные на гравюре на дереве (№ [207](#)), могли быть выполнены в этих фиксированных формах без длительного опыта, и трудность заключается в том, чтобы понять, как

они вообще могли быть выполнены в камне, поскольку они так непохожи на каменные формы, встречающиеся где-либо еще; тем не менее, они не деревянные, и в них нет никаких следов того, что какие-либо из их деталей заимствованы из деревянной архитектуры, как это очевидно в случае с буддийской архитектурой севера. Единственное предположение, которое приходит мне в голову, заключается в том, что они произошли от терракотовых форм. В наши дни часто возле деревенских храмов можно увидеть фигуры людей на лошадях, больших, чем в натуре, или пеших гигантов, выполненных из керамики, их полые формы сделаны из обожженной глины и обожжены таким образом, что получается совершенная терракотовая субстанция. Большинство фигур, также изображенных на гопурах, выполнены не из гипса, как обычно говорят, а также из обожженной глины. Это искусство, безусловно, издавна практиковалось на юге, и если мы примем теорию о том, что оно использовалось для многих декоративных целей до появления дерева или камня, это объяснит многое, что иначе непонятно в искусстве юга.

ВИДЖАЯНАГАР.

Только что приведенные даты, без сомнения, покажутся странными и прозаичными тем, кто привык слушать ребяческие преувеличения брахманов, когда они говорят о возрасте своих храмов. Однако, к счастью, помимо приведенных выше доказательств, существует тест, который, если бы его можно было идеально применить, сразу разрешил бы этот вопрос.

Когда в начале 14 века мусульмане из Дели впервые всерьез ощутили свою власть на юге, они нанесли удар по королевству Хойсала Беллалас в 1310 году и разрушили их столицу Хуллабид; а в 1322 году Ворангул, подвергшийся ранее нападению, был окончательно разрушен, и говорят, что затем они довели свое победоносное оружие до Рамнада. Магометане, однако, в то время не основали никаких постоянных поселений на юге, и следствием этого было то, что, как только индусы смогли оправиться от паники, Букка и Харихара, принцы, как говорят, свергнутого дома Ворангул, собрали вокруг себя остатки разрушенных государств и основали новое государство в городе Виджаянагар на Тонгабхадре. Говорят, что более ранний город был основан там в 1118 году Виджая Райалом, но только как зависимый от Майсурского раджа, и, следовательно, нет оснований предполагать, что какое-либо из зданий в городе относится к тому периоду, да и вообще до тех пор, пока новая династия, основанная Буккой, не укрепила свою власть, что, безусловно, было не ранее начала 15 века.

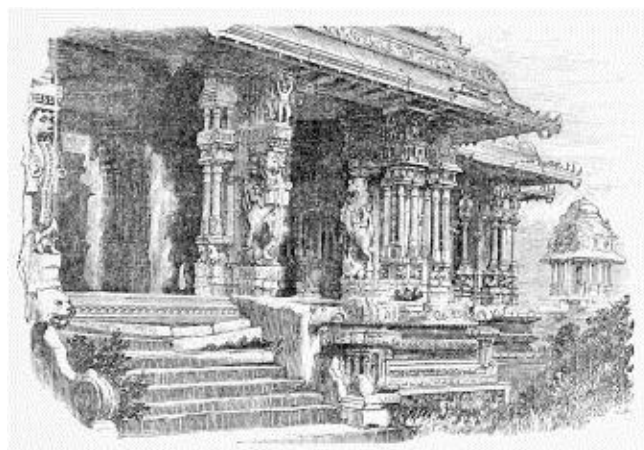
Город был окончательно разрушен мусульманами в 1565 году, но в течение двух предыдущих столетий он вел доблестную борьбу с династиями Бахмуниев и Адиль-шахов из Кальбурга и Биджапура и фактически был барьером, который помешал мусульманам завладеть всей страной вплоть до мыса Коморин.

Его период наибольшего расцвета пришелся на период между восшествием на престол Кришны Девы в 1508 году и смертью Ачутьи Райала в 1542 году, и именно их правлению должны быть приписаны лучшие памятники в городе. Пожалуй, нет другого города во всей Индии, в котором руины были бы в таком изобилии или в таком разнообразии, как в Виджаянагаре, и поскольку все они, несомненно, относятся к полутора векам или, самое большее, к двум столетиям, предшествовавшим разрушению города, их аналогии дают нам даты, которые вряд ли допускают оспаривание.

Среди достопримечательностей города наиболее примечательным является храм, посвященный Витобе, местному проявлению Вишну. Он был возведен Ачутьей Райалом, в 1529-1542 годах н.э., и так и не был закончен; и если бы не то, что ни один преемник в Индии никогда не заботился о завершении работ, начатых его предшественником, мы могли бы подумать, что работы были прерваны осадой. Основная часть храма состоит из притвора, представленного на прилагаемой гравюре на дереве (№ [210](#)). Он полностью выполнен из гранита и высечен со смелостью и выражением мощи, которых нет нигде в зданиях такого класса.^[396] Как будет видно, он обладает всеми характерными особенностями дравидийского стиля: смелый карниз двойного

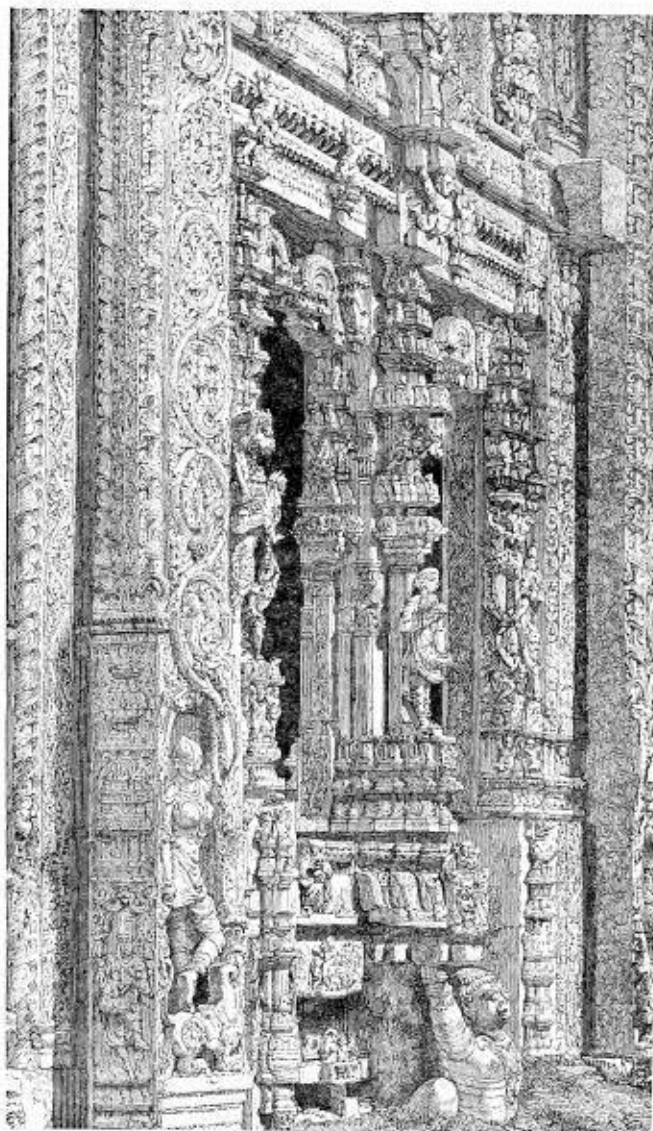
изгиба, отдельно стоящие колонны, яли, богато украшенный резьбой стилобат и т.д. Но что нас здесь интересует больше всего, так это то, что по стилю он представляет собой нечто среднее между такими верандами, как в Веллоре и Чилламбараме, и верандой Тирумоллы Найака в Мадуре. Стержни кронштейнов здесь отсоединены, это правда, но они являются всего лишь украшением и потеряли свое значение. Карниз такой же смелый, как и любой другой, но утратил свои характерные опоры, и были внесены другие изменения, которые неизбежно привели бы за короткое время к новому стилю династии Найак.

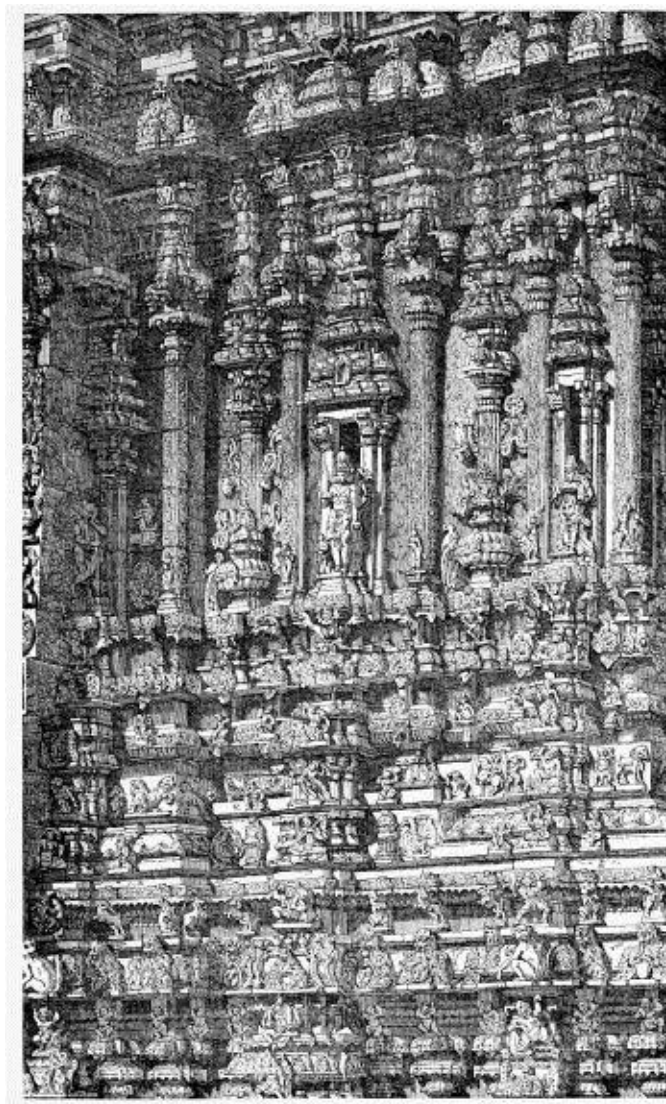
210. Вид на крыльцо храма Витоба в Виджаянагаре. (С фотографии мистера Нила.)

Маленькое здание справа - это колесница бога, сделанная из цельного гранитного блока, с подвижными колесами, но это единственные части, которые движутся. Кроме того, есть один или два павильона, меньших размеров, но похожих по дизайну на тот, что представлен на гравюре на дереве, гопура и другие дополнения, которые были бы интересны, если бы у нас были средства сравнить и описать их.

Хотя храм Витоба, безусловно, является одними из самых замечательных руин в Индии, и в столице есть другие храмы огромной красоты и протяженности, не совсем ясно, что именно там находятся *шедевры* этой династии, а скорее в местечке под названием Тарпутри, примерно в ста милях к востоку-югу от столицы. Там есть два храма: тот, который используется сейчас, посвященный Вишну, является старейшим и, насколько позволяют судить побелка и краска, соответствует творениям первых царей династии Виджаянагар; но чудеса этого места - две гопуры, принадлежащие ныне заброшенному храму на берегу реки, примерно в четверти мили от остальных. Один из них, по-видимому, был полностью закончен, другой никогда не поднимался выше перпендикулярной части. Почти во всех гопурах Индии эта часть сравнительно простая, все фигуры-скульптуры и орнаменты зарезервированы для верхней, или пирамидальной, части. В этом случае, однако, вся перпендикулярная часть покрыта самой сложной скульптурой, вырезанной с изысканной остротой и точностью из тонкого мелкозернистого камня-роговой обманки (?), и производит эффект более богатый и в целом, возможно, с лучшим вкусом, чем что-либо еще в этом стиле (Гравюры на дереве № [211](#), [212](#)).

211. Вход через Гопуру в Тарпутри. (С фотографии.)

212. Часть Гопуры в Тарпутри. (С фотографии.)

Конечно, трудно провести сравнение между этими гопурами и такими произведениями, как "Чоултри" Тирумиллы Найака или "коридоры в Рамиссераме"; они настолько разные, что нет общей основы для сравнения, кроме вульгарной стоимости; но если сравнивать с Хуллабидом или Байруром, эти гопуры Тарпутри выдерживают это испытание лучше, чем любые другие произведения виджаянагарских раджей. Они уступают, но не настолько, как можно было бы ожидать после двух столетий упадка, прошедших между ними, и они, безусловно, демонстрируют заметное превосходство над великой незаконченной гопурой Тирумиллы Найака, которая была начата, насколько это возможно, столетием позже.

Примерно в пятидесяти милях еще дальше на восток, в местечке под названием Диггу Хублум, находится большая недостроенная мантапа, по плану и дизайну очень похожая на храм Витоба в Виджаянагаре, но ее стиль и детали настолько больше напоминают стиль и детали наяков, что она должна быть по меньшей мере на столетие современнее и, следовательно, не могла быть возведена до разрушения этой столицы в а.д. 1565 году нашей эры. Династия, однако, продолжала существовать еще одно или два столетия после этого, пока страна не была окончательно завоевана Типу султаном. Должно быть, этот храм был воздвигнут одним из эмигрировавших раджей, о котором умалчивает даже традиция. Кто бы ни построил его, это прекрасный смелый образец архитектуры, и если историей искусства юга Индии когда-нибудь займутся всерьез, он по праву

займет место в серии как один из лучших образцов своего времени, лишенный изысканности и элегантности более ранних образцов, но полный характера и достоинств. [\[397\]](#)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Здания, упомянутые и более или менее точно описанные на предыдущих страницах, составляют по количеству чуть более трети от известных в провинции великих дравидийских храмов. Однако по важности и масштабу они, безусловно, составляют более половины. Из остальных ни в одном нет виман, подобных Танджорским, или коридоров, подобных Рамиссерамским; но в некоторых есть гопуры, совершенно равные или превосходящие упомянутые выше, и во многих есть мантапасы огромной красоты и протяженности. Некоторые из них, такие как Авадеа Ковилл, Вирингепурам, Тарамунгулам и другие, обладают особенностями, непревзойденными ни для кого на юге, особенно первый из названных, который, возможно, можно считать одним из самых элегантных в своем классе, а также одним из старейших. Однако было бы лишь утомительно пытаться описать их без планов для ссылок или более обширных иллюстраций, чем это совместимо с работой такого класса. Однако они заслуживают большего внимания, чем им уделялось, и более полной иллюстрации, чем им уделялось до сих пор. Взятые вместе, они, безусловно, образуют столь же обширную и в некоторых отношениях столь же замечательную группу зданий, какую можно найти в провинциях аналогичной протяженности в любой части мира — возможно, за исключением только Египта; но по протяженности они равны даже египетским, и, хотя на первый взгляд такие разные, в некоторых отношениях обнаруживают поразительное сходство. Не пытаясь перечислять все целиком, можно упомянуть, что гопуры как по форме, так и по назначению напоминают пилоны египетских храмов. Дворы с колоннами и галереями являются общими для обоих и очень похожи по устройству и размерам. Огромные мантапасы залы с 1000 колоннами воспроизводят гипостильные залы, как по назначению, так и по эффекту, почти с мельчайшей точностью. Отсутствие какой-либо центральной башни или виманы над святилищем является повсеместным в Египте и только в одном случае было явно нарушено в Индии. Их способ агрегирования и количество труда, затрачиваемого на них ради самого труда, слишком характерны для обоих стилей. Кроме того, есть много общего, которое придет в голову любому, кто знаком с обоими стилями.

Случайно ли все это? Кажется странным, что так много совпадений являются случайными, но, поскольку история предоставляет нам какую-либо информацию или поскольку можно проследить какую-либо прямую связь, мы должны пока ответить, что это так. Промежуток времени настолько велик, и способ, которым, как мы воображаем, мы можем проследить местное произрастание большинства признаков в Индии, по-видимому, опровергает идею завоза; но, несомненно, в отдаленные века между Египтом и Индией были сношения, и тогда, возможно, были посеяны семена, которые долгое время спустя дали плоды.

Однако, если бы мы доверяли традиции, мифологическим или этнологическим совпадениям, то скорее в Вавилонии, чем в Египте, нам следовало бы искать *инкунабулы* того, что найдено в южной Индии. Но здесь архитектурный аргумент далек от той же отчетливости; и, фактически, в какую бы сторону мы ни повернулись, мы вынуждены признать, что эти проблемы еще не созрели для решения, хотя известно достаточно, чтобы вселять надежду на то, что недалек тот момент, когда будут собраны материалы, которые все прояснят.

ГЛАВА IV.

ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА.

Содержание.

Дворцы в Мадуре и Танджоре—Садовый павильон в Виджаянагаре.

Хотя, как и все народы туранской расы, дравиды были экстенсивными и увлеченными строителями, несколько странно, что до того, как они вступили в контакт с мусульманами, все их усилия в этом направлении должны были быть посвящены служению религии. Нигде не обнаружено никаких следов какого-либо гражданского или муниципального здания, хотя, исходя из того уровня цивилизации, которого они достигли, можно было бы ожидать, что таковое должно было существовать. Что, однако, еще более примечательно, так это то, что королевства, всегда находящиеся в состоянии войны друг с другом и борющиеся за господство на ограниченной территории, могли бы развить какую-то военную архитектуру. Однако до сих пор, как теперь известно, ни один замок или какое-либо укрепление не датируется временами Пандья, Чера или Чола. Что еще более необычно в народе туранской крови, так это то, что у них нет гробниц. Кажется, они всегда сжигали своих умерших и никогда не собирали их прах, не воздвигали никаких курганов или мемориалов своим ушедшим друзьям или великим людям. Правда, по всему югу Индии есть бесчисленное множество "грубых каменных памятников", но до тех пор, пока они не будут более тщательно исследованы, невозможно сказать, принадлежат ли они дравидам, находившимся на более низкой ступени цивилизации, чем когда они стали строителями храмов, или же они принадлежат другим основным расам, которые все еще существуют в виде разрозненных фрагментов по всему югу Индии в состоянии, граничащем с состоянием дикарей.^[398] Кому бы ни принадлежали эти дольмены или каменные круги, мы, по крайней мере, знаем, что они никогда не превращались в архитектурные объекты, которые могли бы включить их в рамки данной работы. Известно, что нигде не существует ни одной дравидийской гробницы или кенотафа.

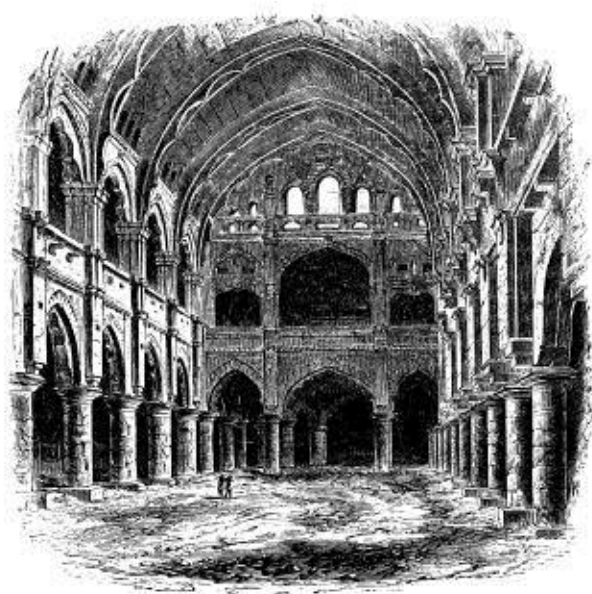
Однако, когда дравиды вступили в контакт с мусульманами, это положение дел полностью изменилось, по крайней мере, в том, что касалось гражданских зданий. Дворцы, кутчеры, стойла для слонов и пристройки к обителям раджей в Виджаянагаре и Мадуре соперничают по размаху и великолепию с самими храмами и не уступают по великолепию магометанским дворцам Биджапура или Бидара.

Одной из наиболее интересных особенностей этих гражданских зданий является то, что все они выполнены в новом архитектурном стиле, отличном от того, который использовался в храмах, и различие между гражданским и религиозным искусством сохраняется до наших дней. Все гражданские здания выполнены в том, что мы бы назвали мавританским стилем со стрельчатыми арками - живописном по сути, хотя и не всегда в лучшем вкусе, и с использованием арки везде и для любых целей. В храмах арка никогда не используется как архитектурный элемент. В некоторых местах в наше время, когда требовалось большее внутреннее пространство, чем можно было получить, заключив его в квадратные скобки без больших затрат, был построен кирпичный свод, можно сказать, тайно, поскольку он всегда скрыт. Даже сейчас при строительстве гопур в качестве перемычек используются деревянные балки, поддерживаемые колоннами, чтобы закрывать центральные отверстия в верхней пирамидальной части, и после того, как они обветшали, многие из самых современных зданий демонстрируют признаки разрушения, которых не наблюдается в более старых примерах, где всегда использовалась каменная перемычка. Но не только в строительстве дравиды придерживаются своих старых форм в храмах. Есть, в частности,

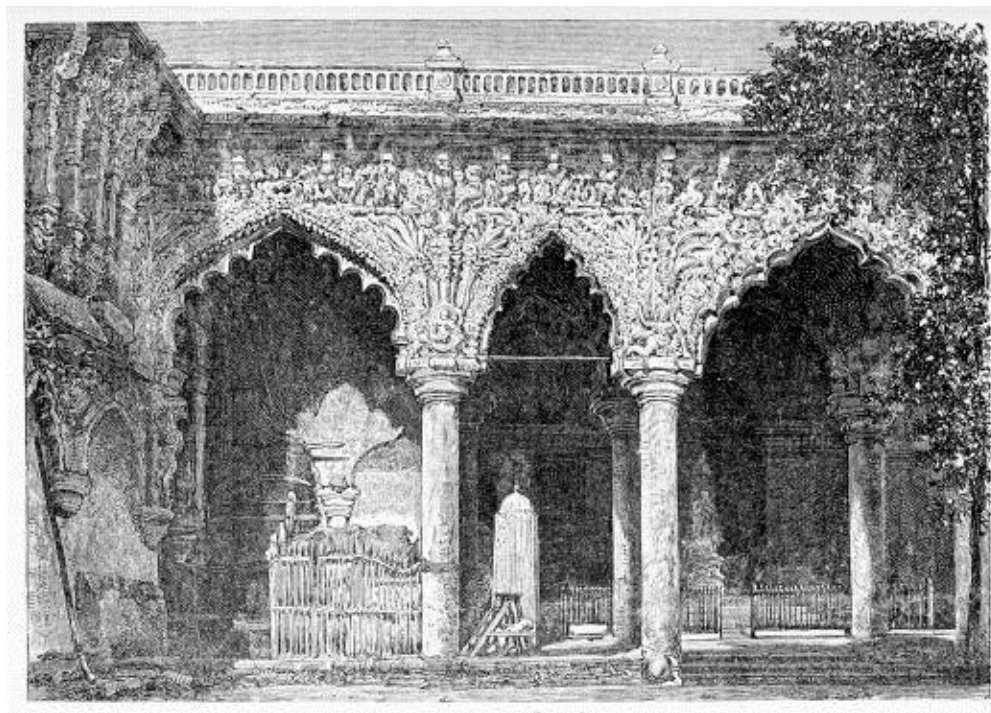
несколько гопур, возведенных в пределах этого столетия и возводимых даже сейчас, которые требует опытного взгляда, чтобы отличить от более старых образцов; но с гражданскими зданиями дело обстоит совершенно иначе. Действительно, неясно, как мог быть возведен удобный дворец в храмовом стиле, если только дерево действительно не использовалось очень широко, как в опорах, так и в крышах. Я убежден, что это действительно было так, и то, что это так, по крайней мере, в значительной степени объясняет их исчезновение.

Основные апартаменты дворца в Мадуре расположены вокруг внутреннего двора, который имеет размеры 244 фута с востока и запада на 142 фута с севера и юга, окруженного со всех сторон аркадами необычайной красоты. Колонны, поддерживающие арки, сделаны из камня высотой 40 футов и соединены листовыми кирпичными аркадами с очень элегантным дизайном. Весь орнамент выполнен изысканно тонкой штукатуркой под названием “чунан”, или известковая шелуха, которая является характерной чертой президентства Мадраса.^[399] С одной стороны двора находится Сверга Виласам, или Небесный павильон, бывший тронный зал дворца, ныне используемый Высоким судом правосудия.

213. Зал во дворце Мадуре. (Из книги Даниэля "Виды Индостана".)

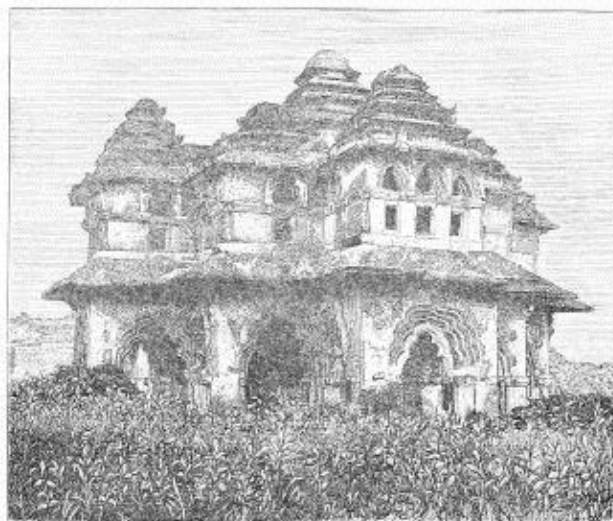
Это восьмиугольник с аркадой, покрытый куполом диаметром 60 футов и высотой 60 футов. На другой стороне этого двора расположен великолепный зал, изображенный на прилагаемой гравюре на дереве (№ 213), два из которых соответствуют Деванни Хас и Деванни Аум из магометанских дворцов. Этот, во всей своей красе, должно быть, был таким же прекрасным, как и любой другой, за исключением материала. Говорят, что сам зал имеет 120 футов в длину и 67 футов в ширину,^[400] а его высота до центра крыши составляет 70 футов; но, что более важно, чем его размеры, он обладает всеми конструктивными особенностями и характером готического здания. Очевидно, что если бы индусы еще немного упорствовали в этом направлении, они могли бы достичь чего-то, что превзошло бы работы их мастеров в этом виде искусства. В то же время любопытно отметить, что тот же король, который построил холтри (Гравюры на дереве № 202, 203 и 204), построил и этот зал. Стиль одного из них так же отличается от стиля другого, как классический итальянский от средневековой готики: один так же сильно украшен, как и другой, слишком прост для дворцовых целей, но оба относятся к лучшим вещам своего класса, построенным в стране, где они находятся.

214. Двор во дворце, Танджор. (С фотографии.)

Современная династия Танджоре была основана Экоджи, братом Сиваги, великого вождя Махратты, во время упадка династии Мадур в 1675 году. Строительство дворца, вероятно, было начато вскоре после этого, но большая часть его зданий относится к 18 веку, а некоторые простираются даже до 19 века.

Он не отличается от дворца Мадур по устройству — более того, очевидно, скопирован с него — и не сильно отличается по стилю; но орнамент более грубый и выполнен в более вульгарном вкусе, как и следовало ожидать, исходя из наших знаний о людях, которые его возвели ([Гравюра на дереве № 214](#)). В некоторых апартаментах это доходит до того, что становится почти оскорбительным. Одной из самых ярких особенностей дворца является внешняя крыша большого зала. Приближаясь к Танджору, вы видите две большие виманы, мало чем отличающиеся друг от друга по размерам или очертаниям, и на расстоянии с трудом различаете, какая из них принадлежит великому храму. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что дворец состоит из приземистых пилястр и толстых балясин, а также плохо продуманной лепнины итальянской архитектуры вперемешку с некоторыми деталями индийского искусства! Более любопытную и безвкусную мешанину вряд ли можно найти в Калькутте или Лакхнау.

215. Садовый павильон в Виджаянагаре. (С фотографии.)

Дворцовые постройки в Виджаянагаре гораздо более обособлены и разбросаны, чем в Танджоре или Мадуре, но они старше и, вероятно, более точно воспроизводят устройство резиденции индуистского принца до того, как они полностью попали под влияние мусульман. Практически дворец состоит из ряда отдельно стоящих павильонов, бань, гаремов и других зданий, которые, возможно, были соединены деревянными аркадами. Они определенно располагались в садах и, следовательно, могли обладать единством, которого нам не хватает в их нынешнем состоянии запустения. Один из этих павильонов представлен на предыдущей гравюре на дереве (№ [215](#)). Это прекрасный образец того живописного смешанного стиля, который возник из смешения сарацинского и индуистского стилей.

Однако даже этот смешанный стиль умирал везде, где селились европейцы или распространялось их влияние. Современные дворцы навабов Карнатика, раджей Рамнада или Траванкора - все они выполнены в убогом итальянском стиле, перенятом навабами Лакхнау и Бабу Калькутты. Иногда, следует признать, здания внушительны из-за своей массы и живописны из-за разнообразия очертаний, но детали всегда отвратительны, во-первых, потому, что являются плохими копиями стиля, который не был понят или оценен по достоинству, но также и в целом из-за их непригодности для использования, для которого они были применены. К этим недостаткам следует добавить, что весь стиль в целом характеризуется вульгарностью, которую трудно понять у людей, которые в прежние времена обычно проявляли себя способными к такой утонченности.

В некоторых частях севера Индии дела не упали так низко, как в Мадрасском президентстве, но на юге гражданская архитектура как изобразительное искусство совершенно вымерла, и хотя священная архитектура все еще сохранилась в определенной странной форме храмового строительства, она настолько низкого типа, что вряд ли было бы поводом для сожаления, если бы она тоже прекратила свое существование и занавес опустился над могилами обоих, поскольку это искусства, которые практически вымерли.

КНИГА V.

СТИЛЬ ЧАЛУКЯНА.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

Содержание.

Храм в Бухропулли—Кирти Стамбха в Ворангуле—Храмы в Сомнатпуре и Байлуре—Каит Ишвара в Хуллабиде—Храм в Хуллабиде.

Из трех стилей, на которые естественным образом делится индуистская архитектура, чалукьянский не является ни наименее обширным, ни наименее красивым, но он, безусловно, наименее известен. Само название этого народа с трудом узнавалось ранними авторами, писавшими на индийскую тематику, и первые четкие идеи относительно него были выдвинуты в 1826 году в статье сэра Уолтера Эллиота в четвертом томе 'Журнала Королевского азиатского общества'. К этому он добавил еще одну статью в двадцатом томе "Мадрасского журнала", и с тех пор были найдены многочисленные надписи этой династии и связанных с ней семей, переведенные генералом Ле Грандом, Джейкобом и другими в "Бомбейском журнале" и профессором Доусоном в "Журнале Королевского азиатского общества" здесь.^[401]

Из всего этого мы заключаем, что в начале шестого века нашей эры^[402] эта семья приобрела большое значение в Кальяне - на территории, которая сейчас является территорией Низама, — и распространилась на восток до берегов Бенгальского залива, по соседству с устьями Кистны и Годавери. Фактически, они простирались от берега до берега, прямо через полуостров, и занимали значительную часть страны, ныне известной как Майсур, а на север простирались, по крайней мере, до Доулутабада.

Помимо этого, они, по-видимому, были тесно связаны с династией Баллабхи из Гуджерата, а впоследствии стали родительскими ветвями, из которых произошел Хойсала Беллала из Дварасамудры.

Их принадлежность и происхождение легче проследить, чем их происхождение. Джая Синга, основатель династии Кальян (500 г.н.э.?), утверждает, что принадлежит к Солнечной расе раджпутов и происходит от королей, правивших в Айодхье за 1000 лет (пятьдесят девять поколений) до него. Это, однако, представляется столь же вероятным воспоминанием о происхождении их религии, как и об их расе; ибо, хотя мы пока не в состоянии доказать это, представляется вероятным, что изначально чалукьи были джайнами. В любом случае, кажется очевидным, что распространение джайнской религии почти совпадает с распространением чалукьянского владычества, и время, когда религия распространилась по Индии, также совпало с их взлетом и падением.

Было бы, конечно, преувеличением утверждать, что чалукьи были либо возрожденцами джайнской веры, либо даже ее главными распространителями; но на раннем этапе их истории эта форма веры неразрывно связана с более ортодоксальными религиями, которые они исповедовали, и преобладает по сей день в странах, где они правили. Стиль архитектуры, который они изобрели во времена джайнизма, был, правда, применен ими впоследствии как вайшнавами, так и шиваитами; но, по-видимому, он берет свое начало в более ранней форме веры.

Как и все династии Центральной и Северной Индии, Чалукьи пережили затмение в темные века, которые пришлось на период между 750 и 950 годами н.э.;^[403] и трудность заключается в том, чтобы узнать, были ли у нас какие-либо храмы в их стиле до этого периода. Храмы в Айвулли и Пурудкуле, описанные выше (гравюры на дереве № [121](#) и [189](#)), относятся к их эпохе и, возможно, были возведены ранними царями этой расы; но они не соответствуют их стилю. Их сикры, или башни, имеют либо криволинейные очертания северного стиля, либо многоэтажные

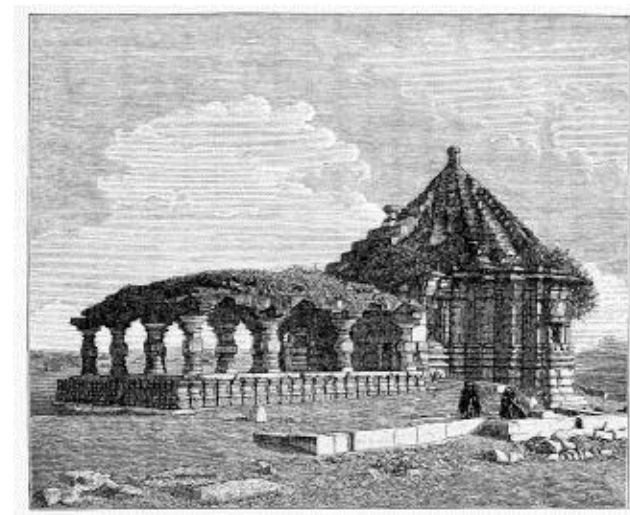
пирамиды дравидов. Создается впечатление, что эта навязчивая раса нерешительно переняла стиль жизни прежних жителей страны, но только после того, как они укрепили свою власть и разработали собственные особые институты, они стали выражать их в стиле, к которому было прикреплено их имя.

Более чем вероятно, что существуют материалы для решения этих и всех других вопросов, связанных с этим стилем; но, к сожалению, если это так, то они существуют на территории Низама, и для нас это *terra incognita* в том, что касается архитектуры. Через него еще не прошел никто, кто имел какие-либо представления об искусстве или хотя бы подозревал, что его интересуют формы или возраст зданий. Таким образом, случилось так, что, если бы не несколько случайных фотографий, он, должно быть, остался бы незамеченным как стиль, менее известный с художественной точки зрения, чем стиль почти любой цивилизованной страны мира. Поскольку правители территории Гидрабад являются фанатичными мусульманами, следует опасаться, что могли произойти масштабные разрушения местных храмов; но истинной причиной нашего невежества в этом вопросе является безразличие и апатия к подобным вопросам тех, кто управляет правителями, и кто, если бы захотели, могли бы прояснить всю тайну за несколько месяцев или лет и с небольшими затратами для себя, помимо выражения желания, чтобы это было сделано.

Однако, возможно, что останки погибли. Линия магометанских столиц — Биджапур, Кальбургах, Бидар и Гидрабад, — которые долгое время занимали родную страну чалукьев, болезненно напоминает о разрушении индуистских храмов; но все же богатство руин, существующих в Дхарваре на юге и западе и в Берарах на севере территорий Низама, настолько велико, что все они, конечно, не могли погибнуть, и многие из них, вероятно, будут найдены для решения исторических загадок, хотя их может оказаться недостаточно для восстановления стиля в его целостности.

Сбежал ли сам Кальяни, ни в коем случае не ясно. В списке останков Бомбейского президентства, подготовленном мистером Берджессом и датированном 1873 годом, есть следующие записи: “В трех милях к юго-востоку от города несколько прекрасных храмов и другие руины”; и далее, по свидетельству покойного Бхау Даджи, утверждается, что “здесь обширные руины на многие мили вокруг. В холмах есть пещеры, называемые Хазар Хотри, или Тысяча камер. Пир Падшах Мусджид, вероятно, является частью индуистского храма.” Если это так, то история стиля, вероятно, полностью раскрыта и ждет только появления того, кто способен ее прочесть.

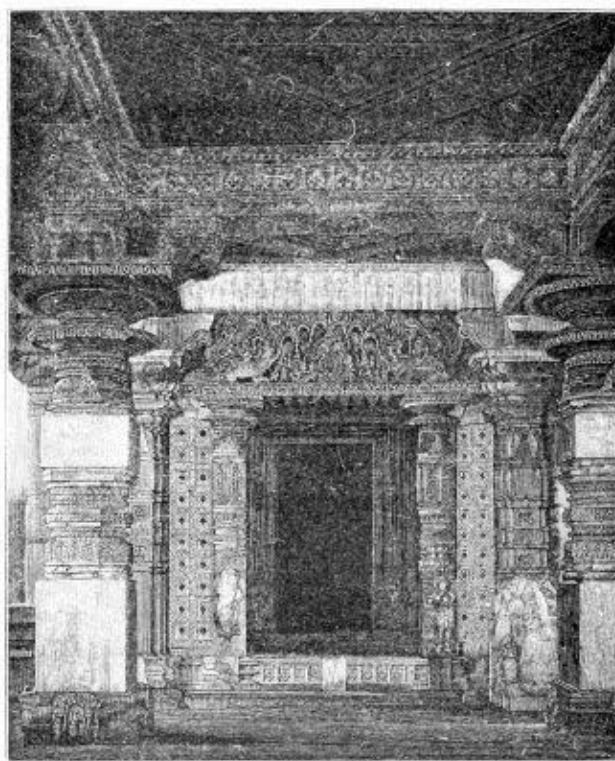
Самый простой и типичный пример стиля, который я знаю, и, следовательно, тот, который лучше всего объяснит его особенности, находится в местечке под названием Бухропулли, недалеко от Гидрабада. Вероятно, он также является одним из старейших и, возможно, даже датируется до катаклизма; но это только предположение. У меня нет таких реальных знаний о ранней форме этого стиля, которые позволили бы мне чувствовать себя уверенным в подобном предмете. Как можно заметить, сам храм имеет многоугольную, или звездообразную, форму с двадцатью четырьмя сторонами ([Гравюра на дереве № 216](#)). Они, однако, получаются не так, как в северном стиле, путем плоского добавления приращений к квадрату, как будет объяснено ниже, а являются точками, касающимися круга, в данном случае, по-видимому, прямыми углами, но впоследствии были либо более острыми, либо более плоскими, чем прямой угол. Однако четыре основные грани больше остальных: три заняты нишами, четвертая - входом. Крыша ступенчатая, с плоской полосой на каждой грани в продолжение большей грани внизу. Украшением вершины является цветок или ваза, в данном случае явно незавершенная. Крыльцо простое, состоящее всего из шестнадцати колонн, расположенных на равном расстоянии друг от друга, без каких-либо попыток создать восьмиугольный купол джайнов или различные конструкции, которые были предприняты впоследствии.

216. Храм в Бухропулли. (С фотографии.)

Хотя сам по себе этот храм не отличается большим великолепием, он интересен тем, что обладает всеми особенностями, которые отличают чалукийский стиль от тех, что окружают его с севера или юга. Вместо их квадратных планов, этот имеет практически звездообразную форму. Сикра представляет собой прямой конус, и его ступенчатые украшения так же непохожи на ярусный шпиль дравидов, как и на криволинейные очертания джайнских или северных храмов. Крыльцо тоже открытое и состоит из колонн, расположенных на равном расстоянии от пола, без скобок южного или куполообразных форм северного стилей. Расположенный локально, на полпути между дравидийским и северным стилями, чалукьян время от времени заимствовал черты или форму у того или у другого, но никогда до такой степени, чтобы стереть его индивидуальность или помешать его признанию в качестве отдельного архитектурного стиля.

Когда мы изучим территорию Низама, мы, вероятно, сможем проследить все этапы, по которым этот простой деревенский образец превратился в столичный храм Хаммонконда, старой столицы, в шести милях к северу от Ворангула. Согласно надписи на его стенах, этот храм был возведен в 1163 году н.э. [ГИПЕРССЫЛКА \l "Footnote_404_404" \h](#)[404] который, хотя и не совсем сам чалукья по крови, унаследовал их владения и их стиль.....

217. Дверной проем Великого храма в Хаммонконде. (С фотографии.)

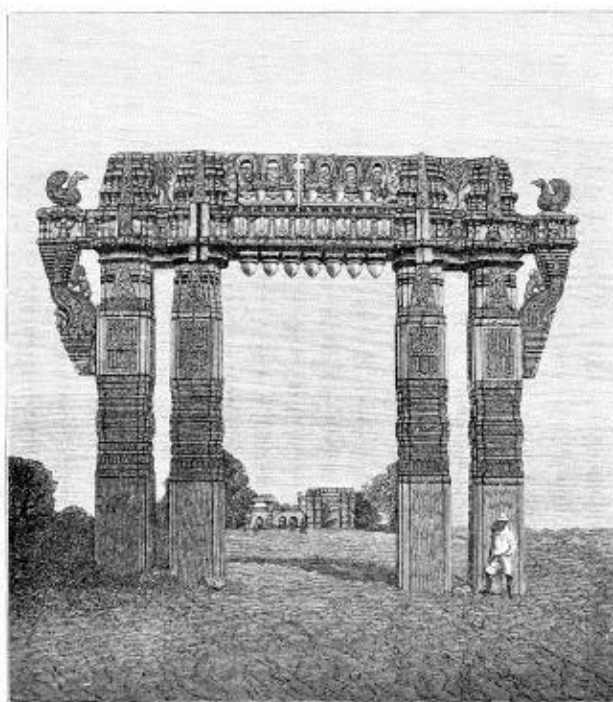
Сам храм тройной, с тремя отдельными ячейками очень значительных размеров, перед которыми находится портик, поддерживаемый от 240 до 300 колоннами, расположенными по разнообразному и сложному рисунку,^[405] но, насколько я могу проследить, без каких-либо признаков восьмиугольного расположения купола у джайнов. Как и большинство этих поздних храмов, этот так и не был достроен. Это было слишком обширно для правления одного царя, даже для такого могущественного, каким был тот, кто взялся за это дело, и прежде чем за него снова принялись с энтузиазмом, на них напали мусульмане (в А.Д. 1309 году н.э.), и наступил конец индуистскому величию и индуистскому искусству.

Однако некоторые его детали необычайно красивы, особенно входы, которые являются объектами, над которыми архитекторы, как правило, расточали все свое мастерство. Предыдущая гравюра на дереве (№ 217) объясняет форму колонн великого храма, а также общие предписания, касающиеся колонн большого портика. Ничто в индуистском искусстве не доставляет большего удовольствия, чем пронзенные плиты, которые чалукьи использовали для окон. Насколько я помню, они не используются — конечно, не так широко — ни в каком другом стиле, но в том виде, в каком они используются, они в высшей степени декоративны и уместны как снаружи, так и внутри.

Колонны тоже богаты, но без излишеств; и поскольку они имеют одинаковый дизайн только парами, эффект от всего этого необычайно разнообразен, но в то же время приятен и элегантен.

В Хаммонконде или Ворангуле есть множество небольших храмов и святынь, выполненных в том же стиле, что и великий храм, и, как и он, очевидно, все они посвящены Шиве, поскольку повсюду постоянно присутствует его бык. Большинство из них разрушено; но трудно сказать, связано ли это с мусульманским фанатизмом или неправильным строительством. Судя по внешнему виду, я склонен полагать, что истинной причиной было последнее. Способ строительства - без строительного раствора, и швы ни в коем случае не подогнаны должным образом. Стиль также удивительно свободен от фигурной скульптуры, которая, как правило, легче всего возбуждает иконоборческие чувства последователей Пророка.

В Ворангуле есть четыре Кирти-стамбхи, как их называют, обращенные друг к другу, как будто они образуют входы в квадратное ограждение ([Гравюра на дереве № 218](#)). Однако там нет ни стены, ни чего-либо внутри; так что цель их возведения ни в коем случае не очевидна. Они были созданы тем же Пратап Рудрой, который построил великий храм в старой столице и несколько других в этом новом городе. Нельзя сказать, что они являются особенно элегантными образцами искусства. Их главный интерес заключается в том, что они являются прямыми потомками четырех ворот в Санчи ([Гравюра на дереве № 33](#)), и, возможно, они были возведены взамен какого-то деревянного или более хрупкого сооружения, пришедшего в упадок. Так это или нет, они любопытны как пример того, как в течение тысячи лет или около того деревянный стиль строительства может утратить все следы своего происхождения и стать таким же по сути каменным, как эти, но все же выдавать свое происхождение так же ясно, как и они; ибо кажется крайне маловероятным, что какая-либо подобная форма могла быть изобретена кем-либо с использованием каменных конструкций, и только.

218. Кирти Стамбха в Ворангуле. (С фотографии.)

МАЙСУР.

Однако именно в провинции Майсур чалукийский стиль достиг своего наиболее полного развития и наивысшей степени совершенства в течение трех столетий — с 1000 по 1300 годн.э., — в течение которых Хойсала Беллала имела верховную власть в этой стране. Три храма, или, скорее, группы храмов, были возведены ими — первый в месте под названием Сомнатпурр, к югу от Майсура, Винадией Беллалой, который взошел на трон в 1043 году н.э.; второй в Байлуре, в центре провинции, по—видимому, обязан своим происхождением Вишну Верддхане в 1114 году н.э.; последний и величайший в месте, которое они называли Дварсамудра — Врата моря, - ныне известном как Хуллабид, недалеко от последнего из названных, из которого Виджая Нарсинха перенес столицу в 1145 году. Он продолжал оставаться столицей королевства, пока не был разрушен и строительство великого храма не было остановлено вторжением магометан в 1310-1311 годах нашей эры. [\[406\]](#)

Даже в этой короткой серии мы видим свидетельства того нисходящего прогресса искусства, особенно в скульптуре, который повсеместно является характерной чертой индуистского искусства. Хотя дизайн самый грандиозный, скульптура и детали Хуллабида уступают таковым у

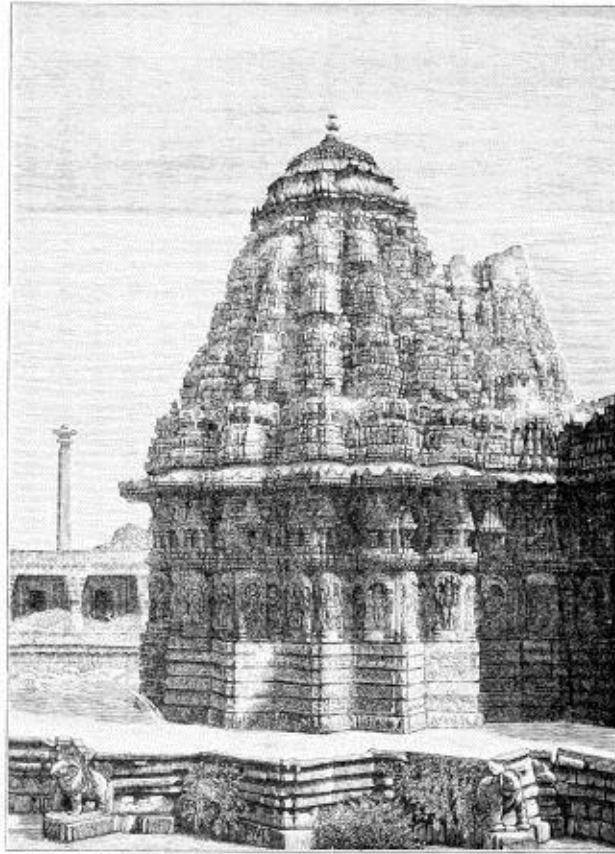
Байлура, а Сомнатпурр, кажется, превосходит и то, и другое. Поэтому мы стремимся проследить историю стиля до какой-нибудь более отдаленной даты, когда мы могли бы обнаружить, что он возник в чистоте и элегантности из какого-нибудь неизвестного прототипа. К сожалению, в настоящее время мы не можем этого сделать. Мы вынуждены перескочить через темные века к пещерам и храмам Бадами и Айвулли, и у нас нет промежуточных примеров, которые могли бы связать эти два явления. Более чем вероятно, что они действительно существуют и будут найдены, когда их будут искать. Между тем, однако, мы можем только предположить, что звездообразные планы и своеобразные детали стиля были разработаны между VI и X веками в Центральной и Западной Индии, но где и кем, еще предстоит выяснить.

Подобно великому храму в Хаммонконде, храм в Сомнатпуре тройной, кельи с их сикрами пристроены к квадратному залу с колоннами, к четвертой стороне которого пристроен портик, в данном случае очень умеренных размеров.^[407] Все здание расположено в квадратном закрытом дворе и имеет обычные входные группы - веранды, стамбхи и т.д.

Следующая иллюстрация (№ 219) даст представление — надо признать, несовершенное — об элегантности очертаний и изумительной проработке деталей, которые характеризуют эти святилища. Судя по фигуре мужчины на одной из фотографий, его высота, кажется, составляет всего около 30 футов, что, если бы он стоял на открытом воздухе, было бы слишком мало для архитектурного эффекта; но в центре закрытого двора и там, где нет более крупных объектов, контрастирующих с ним, этого достаточно, при разумном обращении, чтобы произвести значительное впечатление величия, и, по-видимому, так оно и есть в данном случае.

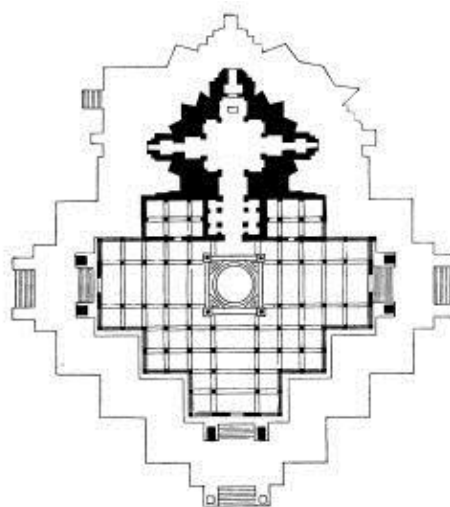
Храм в Сомнатпуре представляет собой единое, но целостное целое; храм в Байлуре, с другой стороны, состоит из одного главного храма, окруженного четырьмя или пятью другими и многочисленными второстепенными зданиями, обнесенного во дворе высокой стеной размером 360 на 440 футов и имеющего два очень красивых входа, или гопуры, на восточном фасаде. Как будет видно из следующего плана ([гравюра на дереве № 220](#)), великий храм состоит из очень прочной виманы с антералой, или притвором; и перед этим притвором обычной звездообразной формы, размером 90 футов в поперечнике. Вся длина храма, от восточной двери до задней части кельи, составляет 115 футов, и весь он возвышается на террасе высотой около 3 футов и шириной от 10 до 15 футов. Это одна из характерных черт дизайна чалукьян, которая очень значительно усиливает эффект их храмов.

219. Храм в Сомнатпуре. (С фотографии.)

Расположение колонн во многом напоминает ту приятную подчиненность и разнообразие расстояний, которые встречаются у джайнов, но здесь нам не хватает восьмиугольного купола, который придает такую поэзию и смысл примененному ими расположению. Вместо этого у нас есть только увеличенный отсек в центре, который ни к чему не подходит, и, хотя он придает достоинство центру, делает это настолько неуклюже, что это почти оскорбительно с архитектурной точки зрения.

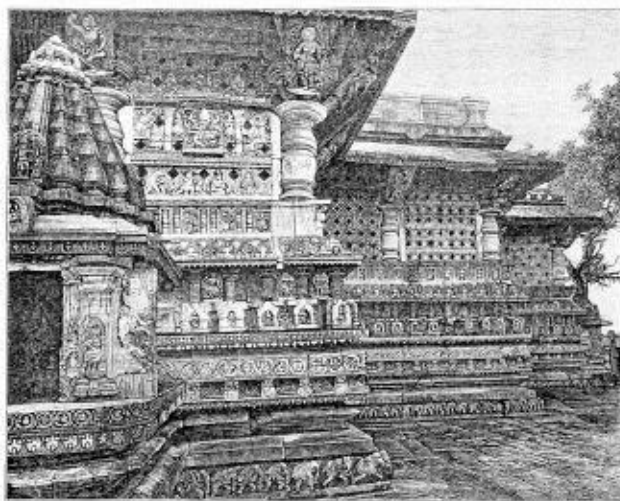

220. План Великого храма в Байлуре. Масштаб 50 футов на 1 дюйм.

Однако ни его размерам, ни расположению плана этот храм не обязан своим превосходством среди других храмов своего класса, а изумительной проработке и красоте его деталей. Эффект от

них, это правда, в наше время был значительно омрачен повторяющимися слоями побелки, которые нынешние священники низшего ранга считают наиболее подходящим способом подчеркнуть красоту самых изящных скульптур. Однако, несмотря на это, их очертания всегда можно проследить, и там, где побелка не была нанесена или стерлась, их красота проявляется с удивительной четкостью.

Следующая гравюра на дереве (№ 221) передаст некоторое представление о богатстве и разнообразии узоров, украшающих окна веранды. Их двадцать восемь, и все они разные. Некоторые из них пронизаны обычными узорами, обычно в форме звезды, и с полосами из листьев между ними; другие перемежаются фигурами и мифологическими сюжетами - например, ближайший слева на гравюре на дереве представляет Аватара Вараха, а другие различные сцены, связанные с поклонением Вишну, которому посвящен храм. Однако сами по себе пробитые плиты вряд ли так примечательны, как богато украшенное резьбой основание, на котором они покоятся, и глубокий карниз, который осеняет и защищает их. Количество труда, действительно, приложенного к каждой грани этого крыльца, такое, какого, я полагаю, никогда не было приложено к поверхности равной площади ни в одном здании в мире; и хотя дизайн не соответствует высшему уровню искусства, он элегантен и уместен и никогда не противоречит хорошему вкусу.

221. Вид на часть крыльца в Байюре. (С фотографии.)

Скульптуры основания виманы, которые не были побелены, столь же искусны, как и скульптуры крыльца, а в некоторых местах и более искусны; а способ, которым были обработаны и украшены нижние стороны карнизов, таков, какой можно найти только в храмах этого класса. Верхняя часть башни необычна. Возможно, ее побелили и отремонтировали до тех пор, пока она не приобрела свой нынешний диссонирующий вид, что, безусловно, делает ее пятном на всем проекте. Скорее, у меня сложилось впечатление, что, как и многие другие в своем классе, она была оставлена незаконченной, а верхняя часть дописана в последующие периоды. Его первоначальная форма, скорее всего, была формой маленьких павильонов, украшающих его порталы, один из которых представлен на следующей гравюре на дереве (№ 222), которая имеет все характерные черты стиля — плоскую полосу на каждой грани, три звездообразных выступа между ними и своеобразный венчающий орнамент стиля. План большой башни и наличие павильонов, где они стоят, кажется, почти бесспорно доказывают, что это был первоначальный проект; но дизайн, возможно, изменялся по ходу строительства, или, как я подозреваю, он был изменен впоследствии.

Кажется, что нет почти никаких сомнений относительно даты постройки этого храма. Он был воздвигнут Вишну Верддханой, четвертым царем расы, в память о его обращении знаменитым Рамой Ануджей из джайнской веры в индуистскую. Он взошел на трон в 1114 году н.э., и вскоре

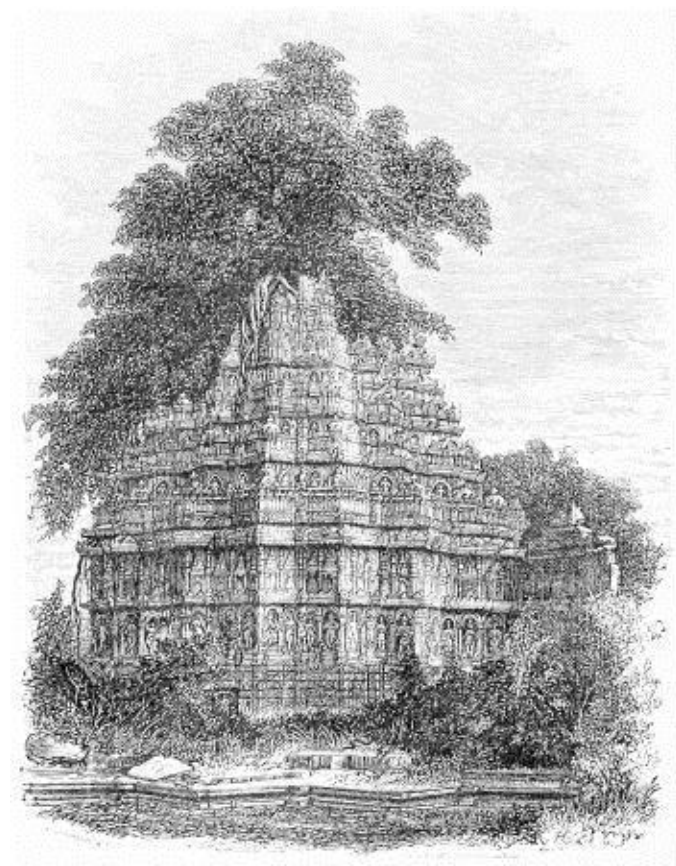
после этого произошло его обращение; но, возможно, он не дожил до завершения строительства храма, и поскольку следующий царь перенес столицу в Хуллабид, возможно, что вимана великого храма и возведение по крайней мере некоторых меньших святилищ могут относиться к более позднему периоду.

222. Павильон в Байюре. (С фотографии.)

ХУЛЛАБИД.

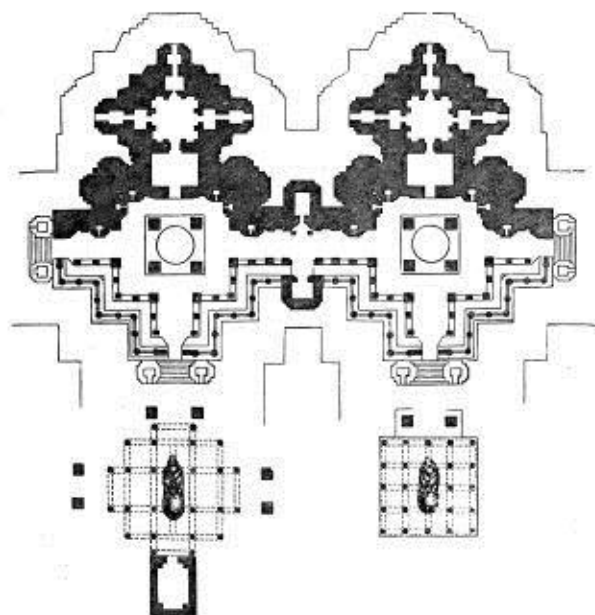
Самый ранний храм, о котором известно, что он существует в Хуллабиде, - это небольшое отдельно стоящее святилище, известное под необъяснимым названием Каит Ишвара, посвященное Шиве и, вероятно, возведенное Виджайей, пятым королем династии Беллала. Его общий вид будет понятен по следующей гравюре на дереве (№ [223](#)). В плане он имеет форму звезды с шестнадцатью остриями и крыльцом, ныне настолько полностью разрушенным и покрытым растительностью, что его план трудно разобрать. Его крыша имеет коническую форму, и от основания до вершины она покрыта скульптурами самого лучшего класса индийского искусства, и расположены они так, чтобы существенно не нарушать очертания здания, в то время как они придают ему такое богатство, которое можно найти только среди образцов индуистского искусства. [\[408\]](#) Если бы было возможно проиллюстрировать этот маленький храм в какой-либо полноте, вероятно, в Индии нет ничего, что могло бы лучше передать представление о том, на что были способны его архитекторы.

223. Кейт Ишвара, Хуллабид. (С фотографии капитана. Трайп.)

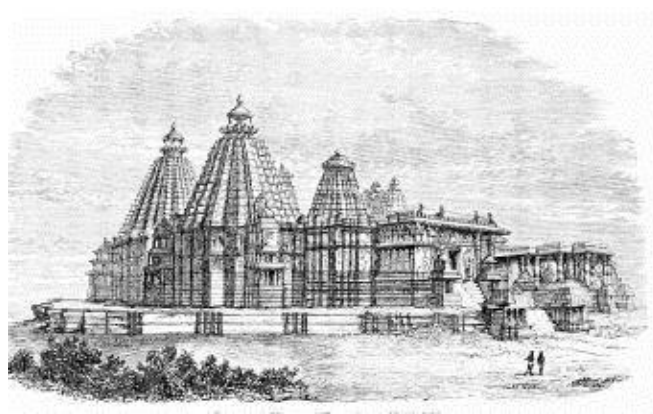
Однако по размерам и великолепию он превосходит своего соседа, великий храм в Хуллабиде, который, будь он достроен, стал бы одним из зданий, на которых сторонники индуистской архитектуры пожелали бы опираться. К сожалению, он так и не был закончен, поскольку работы были остановлены магометанским завоеванием в 1310 году нашей эры, после того как они продолжались, по-видимому, восемьдесят шесть лет. Поучительно отметить, что одного столетия, прошедшего между созданием скульптуры Кайт Ишвара и этого храма, было достаточно, чтобы продемонстрировать упадок стиля, который, как мы уже заметили, является неотъемлемой чертой индийского искусства. Скульптуры Хуллабида уступают скульптурам Кайт Ишвары, а скульптуры этого храма, опять же, скульптурам в Байлуре.

224. План храма в Хуллабиде. Масштаб 50 футов на 1 дюйм.

Общее расположение здания приведено на прилагаемом плане ([Гравюра на дереве № 224](#)), из которого можно понять, что это двойной храм. Если бы его разрезали на половинки, каждая часть была бы дополнена портиком с колоннами того же типа, что и в упомянутом выше Байлуре, передней или промежуточной папертью и святилищем, содержащим лингам, эмблему Шивы. Кроме того, перед каждой половиной должно было быть отдельное крыльцо с колоннами в качестве святилища для Быка Нунди, что, конечно, не требовалось в вайшнавском храме. Такие двойные храмы ни в коем случае не редкость в Индии, но два святилища обычно обращены друг к другу, и между ними есть притвор. Его размеры можно приблизительно определить как 200 квадратных футов по всей площади, включая все отдельно стоящие павильоны. Сам храм имеет высоту 160 футов к северу и югу и 122 фута к востоку и западу. Его высота в том виде, в каком она сохранилась сейчас, до карниза составляет около 25 футов от террасы, на которой он стоит. Следовательно, его ни в коем случае нельзя рассматривать как большое здание, хотя оно и достаточно большое для создания эффекта. Однако об этом вряд ли можно судить в его нынешнем виде, поскольку нет никаких сомнений в том, что предполагалось возвести два пирамидальных шпиля над святилищами, четыре меньших шпиля перед ними и еще два, по одному над каждым из двух центральных павильонов. Завершенный таким образом, храм приобрел бы очертания, подобные изображенным на гравюре на дереве (№ [225](#)), и, если бы он был выполнен с богатством деталей, представленных на Каит Ишваре ([Гравюра на дереве № 223](#)), он составил бы целое, с которым трудно было бы где-либо соперничать.

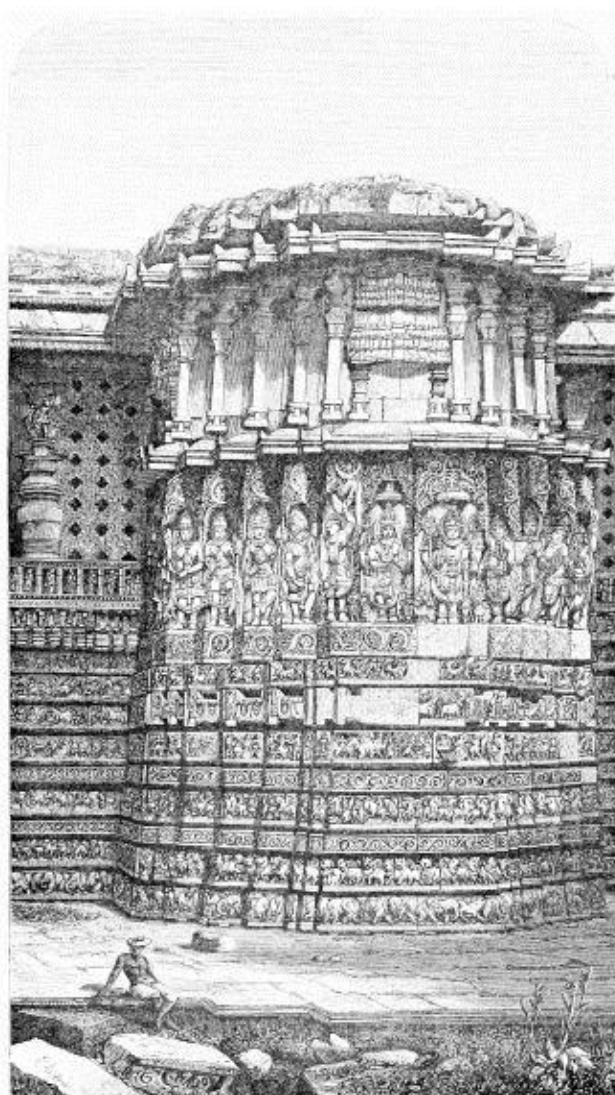

Материал, из которого возведен этот храм, представляет собой затвердевший керамический камень вулканического происхождения, найденный по соседству. Говорят, что этот камень мягкий при первой добыче и в таком состоянии легко режется, хотя и твердеет под воздействием атмосферы. Однако даже это не уменьшит нашего восхищения количеством труда, затраченного на строительство храма, поскольку, судя по количеству еще не законченных частей, очевидно, что, как и большинство других подобных сооружений, он был построен из блоков и высечен задолго до того, как камень стал твердым. Как мы теперь видим, камень приятного кремового цвета и настолько мелкозернистый, что приобретает полировку, подобную мрамору. Колонны большого павильона Нунди, которые выглядят так, словно их обточили на токарном станке, отполированы настолько, что демонстрируют то, что местные жители называют двойным отражением — другими словами, отражают свет друг от друга. Долговечные качества камня, по-видимому, не имеют себе равных, поскольку, несмотря на то, что им пренебрегали и он более шести столетий подвергался всем превратностям тропического климата, мельчайшие детали остаются такими же четкими, как в тот день, когда они были закончены. За исключением раскола камня из-за плохой кладки, здание такое же совершенное, как и тогда, когда его возведение было остановлено магометанским завоеванием.

Конечно, невозможно полностью проиллюстрировать столь сложный и разнообразный рисунок; но следующей гравюры на дереве (№ [226](#)) будет достаточно, чтобы объяснить общий порядок его возвышения. Здание стоит на террасе высотой от 5 до 6 футов, вымощенной большими плитами. На нем изображен фриз со слонами, повторяющий все изгибы плана и простирающийся примерно на 710 футов в длину, и содержащий не менее 2000 слонов, большинство из них с наездниками и попонами, изваянных так, как только азиат может изобразить мудрейшего из животных. Над ними находится фриз с изображением “шардалов”, или обычных львов — эмблем семьи Хойсала Беллала, построившей храм. Затем следует свиток бесконечной красоты и разнообразия рисунка; над ним фриз с изображением всадников и еще один свиток; над ним барельеф со сценами из “Рамаяны”, представляющими завоевание Цейлона и все разнообразные эпизоды этого эпоса. Этот, как и другой, имеет около 700 футов в длину. (Фриз Парфенона составляет менее 550 футов.) Затем идут небесные звери и птицы, а по всему восточному фасаду — фриз с группами из человеческой жизни, а затем карниз с перилами, разделенный на панели, каждая из которых содержит по две фигуры. Над ним расположены окна из пробитых плит, как у Байюра, хотя и не такие богатые и разнообразные. Эти окна можно увидеть справа и слева от гравюры на дереве. В центре, на месте окон, находится сначала свиток, а затем фриз с изображением богов и небесных апсар — танцующих девушек и других предметов индуистской мифологии. Этот фриз, высота которого составляет около 5 футов 6 дюймов, продолжается по всему западному фасаду здания и простирается примерно на 400 футов в длину. Шива со своей супругой Парвати, сидящей у него на коленях, повторяется по меньшей мере четырнадцать раз; Вишну в своих девяти Аватарах — еще чаще. Брахма встречается три или четыре раза, и каждый великий бог индуистского пантеона находит свое место. Некоторые из них вырезаны с мельчайшей проработкой деталей, которые могут быть воспроизведены только фотографией, и, вероятно, могут рассматриваться как одно из самых удивительных произведений человеческого труда, которые можно найти даже на терпеливом Востоке.

Однако не следует считать, что это здание примечательно только для индустрии пациентов. Способ, при котором восточная сторона разделена более крупными массивами, чтобы придать высоту и игру света и тени, является лучшим способом достижения того, чего добивались готические архитекторы с помощью своих трансептов и выступов. Это, однако, превосходит западный фасад, где разнообразие очертаний, а также расположение и соподчиненность различных граней, в которых он расположен, должны рассматриваться как шедевр дизайна в своем классе. Если бы фриз с изображением богов был нанесен на ровную поверхность, он

потерял бы более половины своего эффекта, в то время как вертикальные углы, не нарушая непрерывности фриза, придают высоту и силу всей композиции.

226. Центральный павильон, Хуллабид, Восточный фасад. (С фотографии.)

Расположение горизонтальных линий нижних фризov столь же эффективно. И здесь художественное сочетание горизонтальных и вертикальных линий, игра очертаний, света и тени намного превосходят все, что есть в готическом искусстве. Эффект - это именно то, к чему часто стремились средневековые архитекторы, но чего они никогда не достигали так идеально, как это было сделано в Хуллабиде.

Прежде чем покинуть Хуллабид, возможно, стоит еще раз обратить внимание на порядок наложения различных фризov с животными, о котором уже упоминалось, когда речь шла о вырубленном в скале монастыре, описанном китайскими паломниками (*ante*, стр. 135). Там, как и здесь, самыми низкими были слоны, затем львы; над ними располагались лошади, затем быки; а пятый этаж был в форме голубя. Бык здесь заменен обычным животным, а голубь - птицей такого вида, который озадачил бы натуралиста. Последовательность, однако, одна и та же, и, как упоминалось выше, одни и те же пять родов живых существ образуют украшения из лунных камней различных памятников на Цейлоне. Иногда в современных индуистских храмах встречаются только два или три фризov с животными, но последовательность всегда одна и та же: слоны находятся ниже всех, следующими над ними идут львы, затем лошади и т. Д. Когда мы

знаем причину этого, кажется, что этот любопытный отбор и последовательность могут привести к некоторым весьма наводящим на размышления выводам. В настоящее время мы можем только привлечь к этому внимание в надежде, что дальнейшее расследование поможет разгадать тайну.

Если бы можно было проиллюстрировать храм Хуллабид до такой степени, чтобы сделать его особенности знакомыми, было бы мало вещей более интересных или поучительных, чем провести сравнение между ним и афинским Парфеноном. Не то чтобы эти два здания совсем не похожи друг на друга; напротив, они образуют два противоположных полюса — альфу и омегу архитектурного дизайна; но они являются лучшими образцами своего класса, и между этими двумя крайностями лежит весь спектр искусства. Парфенон — лучший известный нам пример чистой утонченной интеллектуальной силы, примененной к созданию архитектурного проекта. Каждая деталь и каждый эффект рассчитаны с математической точностью и выполнены с механической точностью, которой никогда не было равных. Все кривые являются гиперболами, параболами или другими разработками высших математических форм — каждый оптический дефект предвиден и предусмотрен, и каждая деталь имеет отношение к любой другой детали в столь непостижимой пропорции, что мы склонны назвать это причудливым, потому что мы едва ли можем оценить это по достоинству. Скульптура изысканно спроектирована, чтобы подчеркнуть совершенство каменной кладки — суровая и богоподобная, но без снисхождения к низменным чувствам человечества.

Храм Хуллабид — полная противоположность всему этому. Он правильный, но с продуманным разнообразием очертаний в плане и еще большим разнообразием в деталях. Все колонны Парфенона идентичны, в то время как в индийском храме нет двух одинаковых граней; каждый изгиб каждого свитка индивидуален. Во всем здании нет двух одинаковых навесов, и каждая деталь демонстрирует радостное изобилие фантазии, презирующей любые механические ограничения. Все, что есть дикого в человеческой вере или теплого в человеческих чувствах, изображено на этих стенах; но чистого интеллекта там немного — меньше, чем человеческих чувств в Парфеноне.

Можно было бы расположить все здания мира между этими двумя крайностями, поскольку они тяготели бы к суровой интеллектуальной чистоте одной или к игривой буйной фантазии другой; но совершенство, если бы оно существовало, было бы где-то близко к среднему. Мое собственное впечатление таково, что если бы так называемые готические архитекторы смогли сохранить еще на двести или триста лет темпы прогресса, достигнутые ими между 11 и 14 веками, они могли бы найти ту счастливую середину между строгой конструктивной правильностью и игривым декоративным воображением, которые объединились бы в нечто более совершенное, чем когда-либо видел мир. Однако система, как я пытался указать в другом месте, рухнула прежде, чем приобрела необходимую степень усовершенствования, и эта надежда была разрушена, чтобы никогда больше не возродиться. Если архитектура когда-нибудь снова встанет на путь движения вперед, то это произойдет не за счет слишком сильного склонения к какой-либо из только что названных крайностей, а за счет того, что она где-то ухватит счастливую середину между ними.

Для нашей настоящей цели огромная ценность изучения этих индийских примеров заключается в том, что это значительно расширяет нашу базу для архитектурной критики. Только знакомясь с формами, столь разительно отличающимися от тех, с которыми мы были знакомы до сих пор, мы понимаем, насколько узок кругозор, довольствующийся одной формой или одной преходящей модой. Поднимаясь к этому более широкому диапазону, мы поймем, что архитектура столь же многогранна, как и сама природа человека, и узнаем, как мало чувств и устремлений человеческого сердца и мозга, которые не могут быть выражены ее средствами. С другой стороны, только проведя этот широкий обзор, мы поймем, насколько бесполезным становится любое произведение архитектурного искусства, которое честно не отражает мысли и чувства тех, кто его построил, или высоту их самых возвышенных устремлений.

Вернемся, однако, к этому отступлению. Существует около восьми или девяти различных храмов в этом стиле, проиллюстрированных фотографиями в большом труде "Архитектура Дхарвара и Майсура", [\[409\]](#), которые более или менее подробно демонстрируют особенности этого стиля; но ни один из этих табличек не сопровождается планами или деталями, которые проливают новый свет на предмет, и ни один из храмов не настолько велик или красив, как только что описанные, так что перечисление их незнакомых названий мало что добавило бы к интересу посетителей. тема.

Однако было бы очень интересно, если бы мы могли привести несколько северных примеров этого стиля либо из столицы баллабхи, либо из какого-нибудь города в их королевстве. Около двух столетий — с 500 по 700 годн.э. — они были ведущей державой в Индии и были тесно связаны с чалукьями; и их стиль, если удастся найти какие-либо примеры, прольет яркий свет на стиль их южных союзников как раз в тот период, когда он наиболее востребован. Однако, к сожалению, неизвестно даже местоположение их столицы. Если бы это было в Вулле, близ Гого, на берегу Камбейского залива, как обычно предполагается, то погибли бы все корни и ветви. Сейчас не сохранилось ни единого следа его архитектуры, а все найденные предметы старины, похоже, относятся к гораздо более современному периоду, когда на этом месте, возможно, существовал город, носящий это название. Если бы он был расположен недалеко от Ангулварра Путтуна, что кажется гораздо более вероятным, то его добывали для снабжения материалами сменявших друг друга столиц, которые с тех пор занимали этот любимый район, и потребовался бы острый глаз опытного археолога, чтобы обнаружить чалукийские детали в храмах и мечетях, возведенных там за последние 800 лет. Ничего подобного до сих пор не предпринималось, и, следовательно, не существует материалов для освещения одной из самых интересных глав в истории индийского искусства.

КНИГА VI.

СЕВЕРНЫЙ ИЛИ ИНДОАРИЙСКИЙ СТИЛЬ.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

Содержание.

Введение—Дравидийские и индоарийские храмы в Бадами-Современный храм в Бенаресе.

Из трех стилей, на которые естественным образом делится индуистская архитектура, северный распространен на гораздо большей части страны, чем любой из двух других. Однако ему недостает компактности и ярко выраженной индивидуальности дравидов, и он никогда не развивался с тем изобилием, которое характеризовало южный стиль с 15 по 18 век. Во многих отношениях это больше напоминает чалукийский стиль, поскольку образцы небольшие и элегантные, их можно найти разбросанными по всей стране, где это необходимо, без какого-либо видимого скопления в определенных местах.

К сожалению, у нас нет названия, которое описывало бы стиль в его этнографическом и географическом соотношении, не подвергаясь возражениям, что он выражает либо слишком много, либо слишком мало. В этом отношении южному стилю особенно повезло: дравидийский правильно ограничивает его людьми, говорящими на тамильском, телугу или каком-либо родственном диалекте; и страна, где можно найти людей, говорящих на этих языках, обычно и правильно известна как дравида деса, или страна дравидов.

Термин "чалукийя", применяемый ко второму стилю, не столь выразителен, но он не вызывает возражений, поскольку никого не может ввести в заблуждение. Это всего лишь условный термин, происходящий от основной известной династии, правящей в этой стране, применяемый к стилю, занимающему пограничную территорию между двумя другими, но землю, которая еще не была полностью обследована и границы которой в настоящее время не могут быть установлены с точностью. Пока это не так, все, на что можно надеяться, - это общепринятое название, которое не вводит в заблуждение.

Если бы было допустимо использовать свободную фразеологию филологической этнографии, можно было бы использовать термин "арийский", поскольку именно под этим именем люди, практикующие этот стиль, обычно известны в Индии, и здесь это было бы особенно удобно, поскольку это правильная и прямая противоположность дравидийскому. Очевидно, однако, что любой подобный термин, если он применяется к архитектуре, должен описывать какой-либо стиль, практикуемый этим народом, где бы они ни поселились, по всей Европе и Азии, между берегами Атлантики и Бенгальского залива;^[410] и вряд ли нужно говорить, что такого стиля не существует. Если использовать его в сочетании с прилагательным индийский или индо, оно становится гораздо менее нежелательным и имеет то преимущество, что его использование ограничивается людьми, которые обычно известны как арийцы в Индии — другими словами, всеми теми частями страны, где когда-либо говорили на санскрите, или где люди сейчас говорят на языках, настолько далеких от санскрита, что их можно отличить как ответвления от этой великой семьи языков. Его использование в этом отношении очень удобно тем, что любой обычной этнографической или лингвистической карты Индии достаточно для описания границ данного стиля. Подобно так называемым арийским языкам, он простирается от Гималаев до гор Виндхья. На востоке он распространен в Ориссе, а на западе - в Махараштре. Южная граница между этими двумя провинциями будет известна только после архитектурного обследования территории Низама; но пока мы можем быть уверены, что везде, где она прослеживается, лингвистические и архитектурные границы будут совпадать.

Еще одна причина, по которой термин "арийский" следует применять к стилю, заключается в том, что только что описанная страна, где он преобладает, сама по себе называется и всегда называлась местными жителями Арьяварта. Они считают ее землей чистых и справедливых — имея в виду, таким образом, санскрито-говорящие народы — в отличие от страны дасью без касты и других племен, которые, хотя и могли принять брахманические институты, не смогли обрести чистоту расы.

Однако большой недостаток этого термина заключается в том, что люди, населяющие север Индии, не являются арийцами ни в каком разумном смысле этого слова, что бы филологи ни говорили об обратном. Люди, говорящие на санскрите, которые пришли в Индию за 2000 или, может быть, за 3000 лет до н.э., никогда не могли численно составлять половину жителей страны, за исключением, возможно, какого-нибудь такого ограниченного района, как между Сатледж и Джамной; и со времен христианской эры ни одна арийская раса не мигрировала на восток через Инд, но волна за волной народы туранской расы под именами яванов, саков, хунасов или монголов хлынули в Индию. Это, в сочетании с господством аборигенных рас в период, когда буддизм был религией страны, настолько полностью вымыло арианство из северной Индии в эпоху застройки, что, вероятно, там нет общины, в жилах которой текла бы одна десятая чистой арийской крови, а при девяти десятых примеси этот термин, безусловно, является неправильным. Если бы это было не так, мы, несомненно, обнаружили бы некоторые следы внешнего арийского сходства в их стиле; но это не так. На самом деле, ни один стиль не является таким чисто местным и, если можно так выразиться, таким аборигенным, как этот. Происхождение буддийского стиля очевидно и безошибочно; происхождение дравидийского и чалукьянского почти столь же несомненно, хотя и не столь очевидно; но происхождение североиндуистского стиля остается загадкой, если, конечно, решение, предложенное выше (*ante*, стр. 224), не считать объяснением. В какой-то степени это может быть и так; но, признаюсь, на мой взгляд, это не совсем удовлетворительно и не достаточно.

Этот стиль был перенят джайнами, которые, как преемники буддистов, определенно не были арийцами, и несколько примеров своеобразных форм их виман, или сикр, уже приводились (гравюры на дереве № [137](#), [145](#) и т.д.); но еще предстоит выяснить, из какой первоначальной формы могла возникнуть криволинейная квадратная башня. Ни в буддизме, ни в любом другом искусстве нет ничего подобного. Похоже, что оно не было заимствовано ни из одной известной нам деревянной формы, ни из какого-либо кирпича, камня или черепичного покрытия, найденного где-либо еще. Я дольше смотрел и, возможно, больше думал над этой проблемой, чем над любой другой из ее класса, связанной с индийской архитектурой, но у меня нет более правдоподобного предложения, чем то, на которое намекнули выше. Настоящее решение, вероятно, будет найдено в случайном открытии старых храмов — настолько древних, что в своей примитивной грубости они выдают тайну, о которой мы сейчас тщетно гадаем. Между тем мы, вероятно, можем оставаться уверенными, что это была не импортированная форма, а местное производство, и что она не имеет никакой связи с архитектурой какого-либо другого народа, арийского или других за пределами Индии.

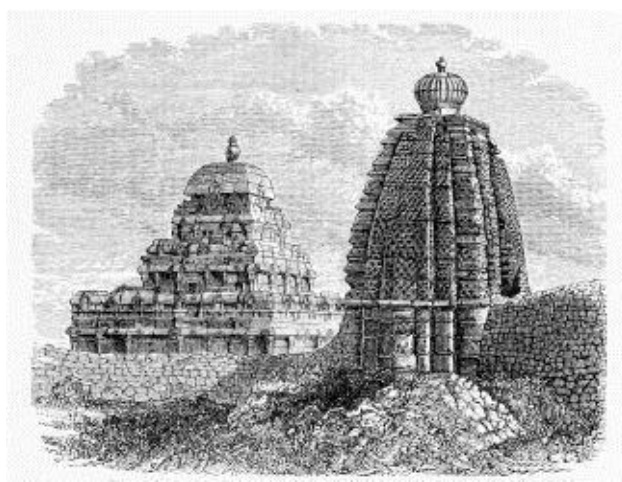
Предложенная выше точка зрения на происхождение стиля в значительной степени подтверждается тем способом, которым в настоящее время распределены храмы. Сейчас в Ориссе больше храмов, чем во всем остальном Индостане, вместе взятом. Они очень часты в Махараштре, и, если мы примем во внимание джайнов, которые переняли этот стиль, они в десять раз чаще встречаются в Гуджерате и долине Нербудды, чем в долине Ганга или в Арьяварте, собственно так называемой. Первым и наиболее очевидным объяснением этого факта может быть то, что названная страна в течение 600 лет была оккупирована мусульманской империей, и они, ненавидя идолопоклонство и идольские храмы, разрушали их везде, где они настолько безраздельно владели страной, что могли делать это безнаказанно. Возможно, это так, и это аргумент, который с нашими нынешними материалами трудно опровергнуть. Однако у меня сложилось впечатление, что это неверно отражает истинное положение дел. То, что мусульмане действительно

безжалостно разрушали джайнские храмы в Аджмире, Дели, Канудже и других местах, может быть вполне правдой, но тогда это было потому, что их колонны так превосходно служили для строительства их мечетей. Астиларские храмы последователей Шивы или Вишну могли служить только каменоломнями, и в мусульманских постройках не было обнаружено камней, которые ранее использовались в индуистских храмах. Даже если допустить, что в Дели, Аллахабаде или любой другой из их столиц использовались все индуистские здания, вряд ли это имело место в такой провинциальной столице, как Физабад, некогда Айодхья, знаменитая столица Дашаратхи, отца героя "Рамаяны", но там не обнаружено ни одного резного камня или даже фундамента, принадлежащего какому-либо древнему зданию.^[411] Наиболее важным примером, однако, является город Бенарес, долгое время являвшийся священным городом *по преимуществу* индусов, однако, насколько известно, на его территории не сохранилось никаких следов древнего индуистского храма. Джеймс Принсеп прожил там десять лет, а майор Киттоу, который разбирался в архитектурных формах острее, чем даже его великий учитель, долгое время жил там в качестве археолога и архитектора. Они все рисовали и измеряли, но ни одному из них и в голову не приходило, что они нашли что-то древнее; и это было только после того, как мессеры Дж. Хорн и Шерринг^[412] выдвинули теорию о том, что здания вокруг Бакария Кунд были древними буддийскими или индуистскими развалинами, что кто-то притворился, что обнаружил какие-либо следы древности в этом городе. Однако они, безусловно, ошибаются. Каждое здание в Бакария Кунд было не только возведено мусульманами, но и колонны и кровельные камни, за наименьшим возможным исключением, были вырезаны ими для тех целей, для которых они использовались. Возможно, они использовали камни некоторых заброшенных монастырей или других буддийских зданий в фундаментах или на их террасах, или для строительства небольших отдельно стоящих павильонов; но вся архитектура, собственно так называемая, выдержана в стиле, изобретенном или, по крайней мере, введенном патанами и доведенном до совершенства при Акбаре. Можно допустить, что мусульмане действительно разрушали индуистские храмы, но не ясно, было ли это сделано бессмысленно. Во всех достоверных случаях это было сделано для того, чтобы получить готовые материалы для своих мечетей, и только во времена Аурунгзебе кто-либо из их монархов почувствовал себя достаточно могущественным или был настолько фанатичным, чтобы бросить вызов могуществу и вражде брахманов Бенареса, возведя мечеть на месте одного из самых священных храмов как оскорбление и вызов индусам. Даже тогда, если бы в Бенаресе когда-либо существовал такой храм, как великий храм в Бхуванешваре, каждый камень которого, от земли до куллуса, покрыт резьбой, кажется невозможным, чтобы все эти резные камни были спрятаны и ни одного сейчас не было найдено. Я сам лично сносно знаком с Бенаресом, и те знания, которыми я располагаю, укрепляют мой разум в убеждении, что, хотя город был самым ранним и важным поселением ведических брахманов — священным городом индуистских ариев с самых отдаленных эпох, — все же именно по этой причине в нем было меньше храмов, чем в любом из городов, населенных менее чистыми расами. Сохранились лишь немногие фрагменты буддизма или джайнизма, и, следовательно, мы должны приписать отсутствие чего-либо действительно древнего скорее нестроительским инстинктам арийцев-брахманов, чем иконоборческому фанатизму мусульман.

Все это станет яснее по мере того, как мы продолжим; но пока, возможно, будет полезно указать на один или два других примера этого. Скала в Гвалиоре была одним из первых завоеваний мусульман, и они удерживали ее более или менее непосредственно в течение пяти столетий. Они построили дворцы и мечети в его окрестностях, но наиболее заметными объектами на холме являются индуистские храмы, которые были возведены до того, как они завладели им. Подобным образом Читторе был трижды осажден и трижды разграблен мусульманами, но его многочисленные здания остались нетронутыми, и я не припоминаю, чтобы наблюдал хоть один случай бессмысленного разрушения этого места. Еще более яркий пример можно найти в Эллоре. Хотя Аурунгзебе, самый фанатичный представитель своей расы, построил свою столицу по соседству и похоронен в пределах видимости пещер, нет никаких доказательств того, что он или

кто-либо из его расы были виновниками какого-либо ущерба, нанесенного тамошним идолам. Практически они целы или получили только такие увечья, которые легко объяснить другими причинами.

Было бы утомительно пытаться это сделать, но, к счастью, для наших нынешних целей нет необходимости вдаваться во все подробности; но я могу заявить, что впечатление, которое я вынес из того внимания, которое я смог уделить этому предмету, заключается в том, что отсутствие старых храмов в северной Индии обусловлено скорее этнографическими, чем религиозными причинами. Кажется более вероятным, что их никогда не существовало, чем то, что они были уничтожены. Ни в Ведах, ни в более древних индийских писаниях храмы не упоминаются, и ни один из них не требовался для простых квазидомашних обрядов их богослужения; и до тех пор, пока они оставались чистыми, храмы не строились. С другой стороны, создается впечатление, что между падением буддизма и приходом мусульман появились джайны с готовой религией и стилем, а последователи Шивы и Вишну не успели развить что-либо очень важное в этих северных провинциях, пока не стало слишком поздно.

227. Дравидийские и индоарийские храмы в Бадами. (С фотографии.)

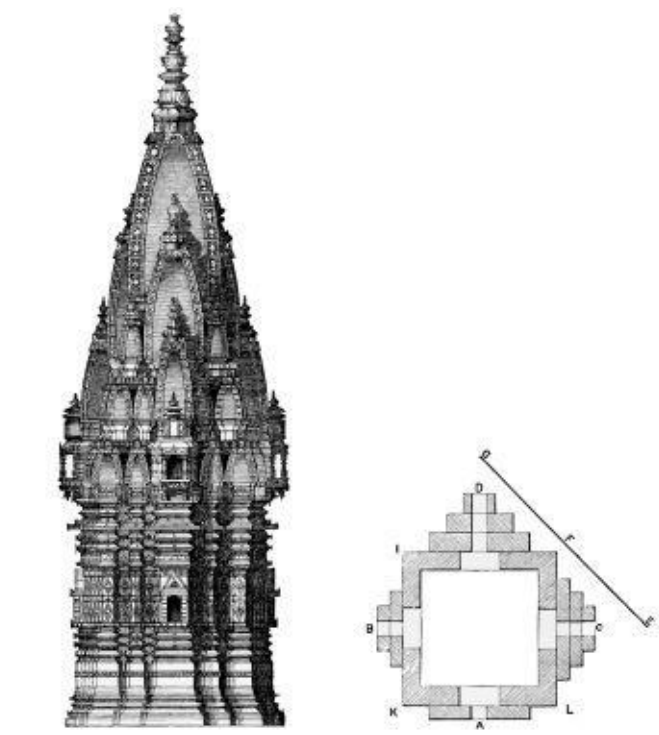
Если эти взгляды верны, то очевидно, что, хотя мы можем использовать термин "индоарийский" как наиболее удобный для описания и определения границ северного стиля, это название не следует рассматривать как подразумевающее, что арии как таковые имели какое-либо отношение к его изобретению или использованию. Все, что он призван передать, это то, что он был изобретен и использовался в стране, которую они когда-то занимали, и в которой они оставили сильный отпечаток своей высшей умственной силы и цивилизации.

Если всегда помнить об этой оговорке, я не знаю термина, который более удобно выражал бы характеристики этого стиля, и, следовательно, предлагается использовать его на следующих страницах как название стиля, который преобладал среди индусов в северной Индии, между Виндхьей и Гималаями, с VII века до наших дней.

Общий вид северных храмов и точки различия между ними и храмами юга можно оценить по вышеупомянутой гравюре на дереве (№ [227](#)), представляющей два очень древних храма, построенных рядом, в Бадами, в Дхарваре. То, что слева, представляет собой законченный образец дравидийской архитектуры. Здесь та же пирамидальная форма, то же различие этажей, те же ячейки на каждой, что и в Махавеллипоре ([Гравюра на дереве № 181](#)), в Танджоре ([гравюра на дереве № 191](#)) или в Мадуре ([гравюра на дереве № 183](#)). В храме справа, индоарийском, напротив, очертания пирамиды криволинейные; не наблюдается никаких следов деления этажей, никаких напоминаний о жилых помещениях, нигде нет колонн или пилястр. Даже в своем современном виде ([гравюра на дереве № 228](#)) она по-прежнему сохраняет те же характеристики, и все линии пирамиды или сикры криволинейны, основание многоугольное. Нигде не видно никаких следов утилитаризма. Если сравнить гравюру на дереве № 228 с той, что приведена на странице 331

([Гравюра на дереве № 183](#)), то два стиля будут представлены в своих самых современных нарядах, когда после более чем 1000-летней практики они больше всего отошли от форм, в которых мы их впервые встречаем, и все же храм Мадраса сохранил память о своих этажах и кельях. Пример Бенгалии не напоминает ничего из известного в гражданской или бытовой архитектуре.

228. Современный храм в Бенаресе. 229. Схематический план индуистского храма.

Ни пирамида, ни курган не дают никаких указаний на происхождение формы, как и башня, квадратная или круглая; как и любая форма гражданской или домашней архитектуры. По-видимому, оно не является производным ни от одного из них; и независимо от того, считаем ли мы его красивым или нет, оно, несомненно, было изобретено главным образом, по крайней мере, в эстетических целях, и сохранило этот отпечаток с самых ранних времен до наших дней.

План северного храма внутри всегда квадратный, и обычно снаружи сохраняется та же форма; но очень редко, если вообще когда-либо, без некоторых дополнений. В некоторых случаях это всего лишь тонкая параллельная проекция, как в точке А на диаграмме ([№ 229](#)). Иногда к нему добавляются два таких среза, как на рисунке В; но в самых старых примерах толщина этих срезов составляет лишь половину толщины, показанной здесь. От этого они перешли к трем выступам, как на рисунке С, причем самые старые примеры были самыми тонкими. В более современные времена толщина выступов стала равна их расстоянию друг от друга, как в точке D; так что храм стал в плане практически квадратом, стороны которого были параллельны диагонали первоначального квадрата или линии Ef G. Однако даже в этом случае камера всегда сохраняла свою первоначальную форму и направление, а вход и окна сохраняли свое положение на том, что, таким образом, практически стало углами здания. Так обстоит дело с храмом в Бенаресе, изображенным на гравюре на дереве № 228, и в целом также с джайнскими храмами, и особенно в случае с храмом на Тахт-и-Сулейман в Кашмире. Хотя глубина и ширина этих отступов значительно различаются даже в одном и том же дизайне, первоначальный квадрат никогда не теряется из виду; четыре центральных угла, как в точке F, всегда больше и сильнее подчеркнуты, чем другие, и их линия всегда проходит до вершины пирамиды.

Следует заметить, что с помощью этого процесса мы пришли к той же форме или плану для прочного здания, которые были достигнуты с помощью расположения колонн, описанного выше, стр. 216. Фактически, эти две формы были разработаны одновременно и впоследствии постоянно использовались вместе. У меня сложилось впечатление, что колоннадное расположение является самым старым и привело к углублению пристроек к сплошному квадрату, пока они не стали идентичными в плане. Так это было или нет, но это одна из самых отличительных черт архитектуры северного индуизма.

В самом центре Индии, недалеко от места, отмеченного на карте Аджмиргуром, находится священный водоем, из которого, как говорят, вытекает Соан на север, Маханудди - в Каттак в Бенгальском заливе, а Нербудда - в Индийский океан. Все эти реки, несомненно, берут свои истоки на холме. Это место всегда считалось священным и окружено храмами — насколько можно судить по имеющимся неполным описаниям — глубокой древности. К югу и востоку от этого холма простирается обширное и плодородное плоскогорье Чаттисгур. Это сейчас и всегда было, насколько нам известно, одним из главных мест проживания местных племен. Я убежден, что если бы можно было исследовать эту страну и окружающие долины, то можно было бы обнаружить гораздо более древние формы этих храмов — некоторые, возможно, настолько древние, что выдают тайну их происхождения; но до тех пор, пока это не будет сделано, бенгальская девала должна быть отнесена — подобно ирландским круглым башням^[413] — к категории необъяснимых архитектурных загадок.

ГЛАВА II.

ОРИССА.

Содержание.

История — Храмы в Бхуванешваре, Канаруке, Пури, Джаджепуре и Каттаке.

Две провинции Индии, где индоарийский стиль можно изучать с наибольшей пользой, - это Дхарвар на западе и Орисса на восточном побережье. Преимущество первого заключается в том, что он смешан с дравидийским стилем, что допускает наличие синонимов и контрастов, которые исключительно интересны как с этнологической, так и с исторической точки зрения. В Ориссе, напротив, стиль совершенно чистый, не смешанный ни с каким другим, и, таким образом, образует одну из самых компактных и однородных архитектурных групп в Индии, и как таковой представляет больший, чем обычно, интерес, и, следовательно, именно в этой провинции стиль можно изучать с наибольшей пользой.

Одной из наиболее заметных и поразительных особенностей архитектуры Ориссана является заметный и почти абсолютный контраст, который она представляет со стилем дравидов на южной оконечности полуострова. Изогнутые очертания башен, или виман, уже были отмечены, но, помимо этого, ни одна ориссанская башня не представляет собой ни малейшего следа какой-либо этажности или даже ступенчатости, которые столь распространены дальше на юг, и венчающий элемент никогда не является куполом или его подобием. Еще более примечательным является тот факт, что ориссанский стиль почти полностью астиларен. В некоторых из наиболее современных примеров, как, например, в портиках, пристроенных к храмам в Бхуванешваре и Пури в 12-м и 14-м веках, мы действительно находим колонны, но, вероятно, правильно утверждать, что среди 500 или 600^[414] оригинальных святилищ в Бхуванешваре не найдено ни одной колонны. Это тем более примечательно, что в пределах видимости от этой столицы пещеры в Удагири (*ante*, стр. 140) украшены колоннами до такой степени, что показывают, что их формы, должно быть, были обычными и хорошо известными в провинции до того, как был построен какой-либо из храмов. Когда мы вспоминаем, что ни один великий храм на юге не считался завершенным без своего зала с 1000 колоннами, а многие помимо этого имели сотни разбросанных по всему месту и использовавшихся для всех мыслимых целей, контраст становится еще более разительным и показывает, какой непреодолимый барьер чалукьи, кем бы они ни были, воздвигли между двумя расами на этой стороне Индии, хотя и не на другой. Как правило, каждый ориссанский храм состоит из двух помещений, схожих по плану, как показано на схеме ([Гравюра на дереве № 124](#)). Внутренний, как правило, представляет собой куб, увенчанный башней, называемой здесь Бара Деул, или Девул, что соответствует вимане юга, и в нем хранится изображение или изображения богов; перед ним находится крыльцо, называемое Джагамохан, в равной степени представляющее собой куб или приближающееся к нему, и увенчанное пирамидальной крышей разного наклона. Особенности проиллюстрированы на только что упомянутой диаграмме ([Гравюра на дереве № 124](#)), которая изображает возвышение знаменитой Черной пагоды в Канаруке. Однако это всего лишь набросок, и от него нельзя зависеть в мельчайших деталях и правильности, но его достаточно, чтобы объяснить смысл текста. Иногда перед этим пристраивали еще одно или два крылечка, которые назывались Нат и Бхог мандиры (мантапас), но почти в каждом случае они являются второстепенными, а не частями первоначального проекта. Как бы то ни было, в каждом случае в Ориссе башня с крыльцом образует храм. Если они окружены стеной, их всегда можно увидеть снаружи. Ворота, это правда, есть, но они всегда второстепенны, и здесь нет ни одного из тех нагромождений ограждений и гопур, которые образуют столь заметную характеристику

южного стиля. Обычно внутри оград великих храмов есть и другие святилища, но они всегда находятся в подчиненном положении, а сам храм возвышается над всем даже в большей степени, чем храм в Танджоре ([Гравюра на дереве № 191](#)), придавая всему замыслу единство и цель, которых так часто не хватает на юге.

По мере продолжения будут выявляться и другие контрасты, но пока несколько примеров более четко демонстрируют огромную важность этнографии применительно к архитектуре. То, что два народа, населяющие практически одну и ту же страну и поклоняющиеся одним и тем же богам под руководством одного и того же брахманического духовенства, переняли и придерживались двух столь непохожих стилей для своих священных построек, показывает настолько ясно, насколько это вообще возможно, насколько раса имеет отношение к этим вопросам и как мало мы можем понять причин таких контрастов, если не примем во внимание сходство или различия рас.

История.

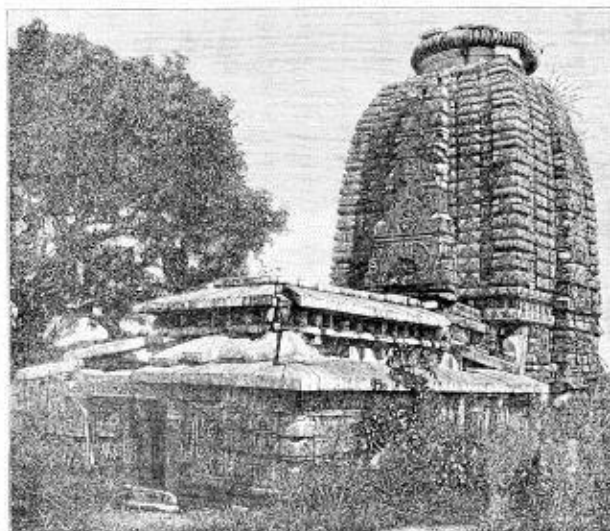
Благодаря трудолюбию Стирлинга и других специалистов основные очертания истории Ориссы были установлены с достаточной точностью, чтобы мы могли описать ее архитектуру, не опасаясь совершить какие-либо важные хронологические ошибки. Это правда, что даты строительства только двух из его храмов были установлены с достаточной точностью. Говорят, что великий храм в Бхуванешваре был возведен в 637 году н.э. или около того, а в Пури в 1174 году н.э., почти первый и последний из серии. У меня сложилось впечатление, что этот ряд можно отнести примерно к 500 году, но в другом направлении он вряд ли может быть расширен за пределы 1200 года, но в этих пределах представляется возможным без особого труда расположить последовательность всех храмов в провинции и установить их даты, по крайней мере, с достаточно приблизительной достоверностью.^[415]

За исключением великого храма Джуганат в Пури, все здания, описанные в этой главе, были возведены во времена великой династии Кесари, или "Львиной линии", как называет их Хантер. Мало что из подробностей их истории сохранилось, но мы знаем, по крайней мере, дату их восшествия на престол, А.Д. 473 год н.э., и что в 1131 году нашей эры им наследовала новая династия, названная Ганга Ванса, третий представитель которой был строителем великого храма Пури.

Как упоминалось в предыдущей части этой работы, Орисса была преимущественно буддийской, по крайней мере, со времен Ашоки, 250 г. до н.э., до эпохи Гуптов, 319 г. н.э., когда вся Индия была охвачена войнами, связанными с реликвией зуба, которая, как говорили, хранилась в Пури — впоследствии названном Данта—Пурой - до этого времени. Если захватчики пришли морем, как говорят, они это сделали, то они, вероятно, были либо могами с Арракана, либо бирманцами из Пегу, и если их целью было завладеть зубом, то они, вероятно, были буддистами; но поскольку они не оставили никаких зданий, которые были бы идентифицированы как их собственные, сейчас это определить невозможно. Кем бы они ни были, они были изгнаны после 146 лет владения, и им наследовал в А.Д. 473 by Yayati, the first of the Kesari line. В анналах расы, к сожалению, не говорится, кем были кесарийцы и откуда они пришли. Поскольку третьего царя до вторжения Яваны звали Бато Кесари, представляется вероятным, что это было всего лишь возрождение старой династии; и из обстоятельств, рассказанных об изгнании этих чужеземцев, складывается впечатление, что это было вызвано скорее местным восстанием, чем посторонней помощью. Если они и пришли из внутренних помещений, то с северо-запада, где, по-видимому, преобладал похожий стиль. Их история, изложенная в их собственных летописях, гласит, что первый или один из первых царей расы, примерно в 500 году н.э., привез колонию — 10 000 брахманов — из Айодхьи, и все они, будучи фанатичными шиваитами, ввели эту религию в провинцию и так прочно укоренили ее там, что это была вера страны до тех пор, пока правили кесари.^[417] Если мы прочитаем 100 как число брахманов, а 600 г. н.э. как дату их прихода, мы, вероятно, будем ближе к истине; но как бы то ни было, эти брахманы были поселены в

Джаджепуре, а не в Бхуванешваре, и вскоре вступили в конфликт с классом “Старых брахманов”, которые обосновались в провинции задолго до их прибытия. Мистер Хантер предполагает, что у них были свои предки. были буддистами — брахманами, обращенными в буддийскую веру, что кажется вероятным, но если бы это было так, они, несомненно, стали бы вайшнавами на закате этой религии, и так, я полагаю, было в данном случае.

Архитектура провинции, как мне кажется, подтверждает этот взгляд на дело, поскольку, если я не очень сильно ошибаюсь, старейшим храмом в городе Бхуванешвар является храм Парашурамешвара ([Гравюра на дереве № 230](#)), который, судя по его названию, а также сюжетам, изображенным на его стенах, я бы определенно причислил к вайшнавским. Однако он может принадлежать предыдущей династии. Его стиль, безусловно, отличается от ранних храмов Кесари и больше похож на то, что мы находим в Дарваре и в других местах за пределами провинции. Если бы, действительно, он не был найден в городе, который, кажется, есть все основания полагать, был основан королями-Львами, я бы без колебаний дал ему дату A.D. 450 г. н.э., а не 500 г. н.э. Он невелик, всего 20 квадратных футов^[418] у его основания; но его скульптуры вырезаны с редко превзойденной изысканностью, а орнаменты более уместны, чем в большинстве храмов.

230. Храм Парашурамешвары. (С фотографии.)

Сам храм, по-видимому, 38 футов в высоту, и от вершины до основания он покрыт скульптурами самого сложного характера, которые, однако, не умаляют простоты и силы его очертаний.

Если я прав, назначив башне этого храма столь раннюю дату, очевидно, что крыльцо должно было быть более поздним дополнением: во-первых, потому, что оно плохо вписывается в башню, но в большей степени потому, что для его строительства необходимы внутренние колонны, а они появились в архитектуре ориссы гораздо позже. Однако может случиться так, что если это действительно старейший храм своего класса в Ориссе, его дизайн может быть скопирован с иностранного образца и позаимствован, со всеми его особенностями, из стиля, практикуемого в других местах. Как бы то ни было, это интересно, поскольку показывает способ, с помощью которого свет иногда проникал в портики этих храмов между концами балок каменной крыши. Поскольку наклонные кровельные плиты значительно выступают за пределы проемов, создается приглушенный свет, в который не проникают ни прямые лучи солнца, ни дождь.

231. Храм Муктешвары. (С фотографии.)

Храм Муктешвары ([гравюра на дереве № 231](#)) в целом очень похож на храм Парашурамешвары, но еще богаче и разнообразнее в деталях, а его крыльцо больше напоминает обычный ориссанский тип. Внутри у него нет колонн, а крыша снаружи демонстрирует, по крайней мере, зародыш того, что мы находим на крыльцах великого храма в Бхуванешваре и Черной пагоды. Его размеры несколько меньше, чем у последнего описанного храма, но в своем классе он может считаться жемчужиной ориссанской архитектуры.

Стиль этих храмов настолько сильно отличается от стиля следующей группы, типичным примером которой является великий храм, что одно время я был склонен полагать, что они, возможно, принадлежали к разным религиям — этот - вайшнавам, тот - шиваитам. Однако у меня нет возможности проверить это предположение, и не всегда легко сделать это даже на месте, поскольку в Индии нет ничего более распространенного, чем храмы, первоначально предназначенные для поклонения одному божеству, которые впоследствии посвящаются другому. Как бы то ни было в данном случае, хорошо иметь это в виду, поскольку всякий раз, когда у нас есть полная история ориссанской архитектуры, эти различия могут привести к наиболее важным историческим выводам.

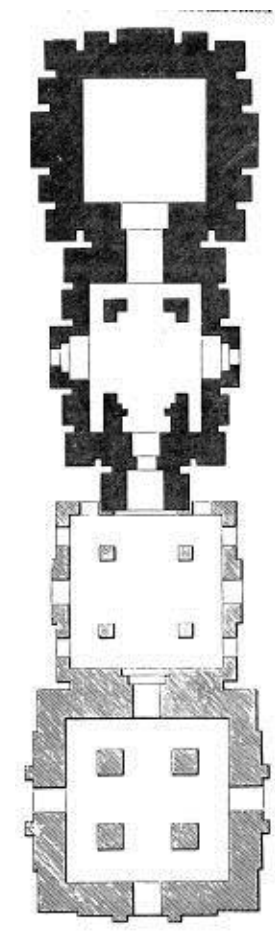
Помимо них, есть еще несколько храмов, которые, судя по стилю их архитектуры, я был бы склонен отнести к более ранним, чем великий храм. Один известен как Сари Деул, недалеко от великого храма, а другой, очень полный и красивый пример, называется Муатр (*запрос* Миттра) Серай, который является почти дубликатом, в небольшом масштабе, великого храма, за исключением того, что в нем нет повторения самого себя. Как указывалось выше, почти все орнаменты на фасадах буддийских храмов являются повторением самих себя; но индуисты, по-видимому, не так рано приняли эту систему, и степень, в которой она применяется, в целом является справедливым критерием возраста индуистских храмов. В великой пагоде на каждой грани изображено по восемь ее копий, а в Радж-Рани система доведена до того, что почти полностью уничтожает первоначальную форму храма.

ВЕЛИКИЙ ХРАМ, БХУВАНЕШВАР.

Великий храм в Бхуванешваре - одна из достопримечательностей этого стиля. Кажется почти наверняка, что он был построен Лелатом Индрой Кесари, который правил с A.D. 617 to A.D. 657 гг. н.э., и, в целом, это, пожалуй, лучший пример чисто индуистского храма в Индии

Несмотря на то, что это здание не самого высокого класса, размеры этого храма в плане, насколько я могу судить, далеки от презренных. Вся длина составляет почти 300 футов, а ширина варьируется от 60 до 75 футов. Первоначальный храм, однако, как и почти все храмы в Ориссе, состоял только из виманы, или Бара Девула, и притвора, или Джагамохана, более темного в плане ([гравюра на дереве № 232](#)), и они простираются всего на 160 футов. Нат и Бхог-мандиры, оттененные светлее, были добавлены в начале 12 века. Хотя в нескольких храмах есть все эти четыре помещения, насколько я могу судить, изначально ни в одном из них не было возведено ни одного. Настоящий ориссанский храм похож на тот, что изображен на гравюре на дереве № 124, здание всего с двумя квартирами, и они такие же, или практически такие: колонны были установлены только в сравнительно современных пристройках.

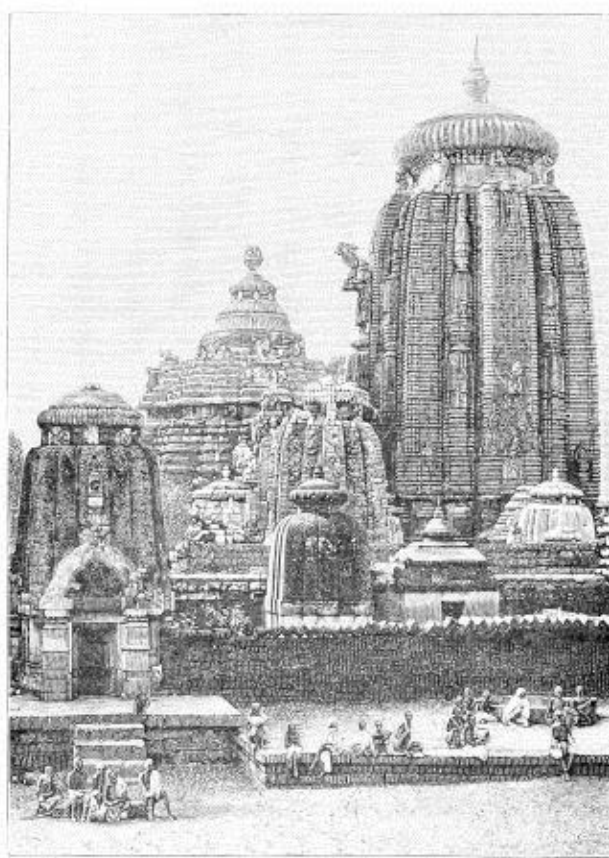
Очертания этого храма на высоте, на первый взгляд, не приятны европейскому глазу; но когда глаз привыкает к нему, он приобретает необычайно торжественный и приятный вид.

232. План Великого храма в Бхуванешваре. (Составлен частично по плану в работе Бабу Раджендры, но исправлен по фотографиям.) (Масштаб от 50 футов до 1 дюйма)

Это массивная башня, которая была бы простой квадратной, если бы не небольшой изгиб наверху, который подчеркивает жесткость очертаний и приятно подчеркивает круглый венчающий объект ([Гравюра на дереве № 233](#)). По сравнению с таковым в Танджоре ([Гравюра на дереве № 191](#)), это, безусловно, более изящный дизайн из двух. В плане южный пример больше, его площадь

составляет 82 квадратных фута. Этот всего 66 футов^[419] от угла к углу, хотя в центральной проекции она составляет 75 футов. Их высота почти одинакова, обе они превышают 180 футов, но верхняя часть северной башни настолько более прочная, что кубическое содержимое двух, вероятно, не сильно отличается. Однако, помимо большей красоты формы, северный образец неизмеримо превосходит другой тем фактом, что он полностью каменный от основания до вершины, и — чего, к сожалению, не может показать ни одна гравюра на дереве — каждый дюйм поверхности покрыт резьбой в самой сложной манере. Дело не только в разделении рядов, рельефных выступах по углам или изломах на фасаде башни: всего этого достаточно, чтобы подчеркнуть ее плоскостность, и для любого другого народа этого было бы достаточно; но на каждом отдельном камне в башне вырезан узор, не нарушающий ее очертаний, но достаточный, чтобы избавить от любого представления об однообразии. Возможно, не будет преувеличением сказать, что если для возведения такого здания, как это, потребовалась бы сумма — скажем, лах рупий или фунтов стерлингов, — то для того, чтобы вырезать его так, как вырезано это здание, потребовалось бы три лаха.

233. Вид на Великий храм, Бхуванешвар. (С фотографии.)

Разумны ли такие затраты или нет - это другой вопрос. Большинство людей придерживались бы мнения, что здание в четыре раза большего размера произвело бы больший и внушительный архитектурный эффект; но индуисты никогда не смотрели на этот вопрос таким образом. Бесконечный труд, затраченный на каждую деталь, был способом, с помощью которого, как он думал, он мог бы сделать свой храм наиболее достойным божества; и, был ли он прав или нет, эффект от всего этого, безусловно, удивительно прекрасен. Однако наибольшее количество резьбы или дизайна было применено не в тех частях здания, которые показаны на ксилографии, а в перпендикулярных частях, видимых со двора ([Ксилография № 234](#)). Там скульптура очень высокого порядка и великолепного дизайна. Это, однако, не должно удивлять, когда мы вспоминаем, что в Амравати, на берегах Кистны, недалеко от южной границы этого королевства, стоял храм, более изящный и искусно украшенный резьбой, чем любое другое здание в Индии,^[420]

и что этот храм был закончен, вероятно, не более чем за столетие до того, как в Ориссе утвердилось династия Кесари; и хотя история искусства в Индии написана в упадке, не было ни одного прошло много времени для упадка, а династия была новой и энергичной, когда был возведен этот храм.

234. Нижняя часть Великой башни в Бхуванешваре. (С фотографии.)

К Джагамохану этого храма примыкает Нат-мандир, или танцевальный зал, дата которого, к счастью, прекрасно известна и позволяет нам измерить степень этого упадка с почти абсолютной уверенностью. Он был возведен женой Салини между 1099 и 1104 годами.^[421] Это, конечно, элегантно, поскольку искусство еще не погребено среди индусов, но оно отличается от стиля крыльца, к которому оно прикреплено, больше, чем самый скромный образец искусства эпохи Тюдоров отличается от энергии и изящества зданий раннего Эдвардса. Исчезла вся та выразительность, которая позволяла ранним архитекторам превращать маленькие вещи в гигантские благодаря приложенному к ним огромному труду. Одного взгляда на Нат-мандир достаточно, чтобы ознакомиться с его деталями. Недельное изучение Джагамохана каждый час открывало бы новые красоты.

Последняя гравюра на дереве может дать некоторое представление о степени проработанности старых деталей, но даже фотография вряд ли позволяет человеку, не знакомому со стилем, осознать, насколько изысканным на самом деле является сочетание массивности с изобилием орнамента.

В течение четырех с половиной столетий, прошедших между возведением этих двух портиков, Бхуванешвар был украшен несколькими сотнями храмов, около дюжины из которых были сфотографированы, но вряд ли достаточно подробно, чтобы студент мог классифицировать их по датам. На месте^[422] это, вероятно, было бы легко для любого, кто обучен этому предмету, и было бы большим преимуществом, если бы это было сделано. Ближайшей по богатству и интересу группой является группа в Кхаджурахо, упомянутая выше (стр. 245); но эта группа относится к эпохе, непосредственно следующей за^[423] за группой Бхуванешвар, и позволяет нам видеть только, что некоторые из наиболее тщательно продуманных храмов Каттака могут относиться к 1000 году или около того. Именно к этой дате я бы отнес возведение храма Радж Рани. Названия тех, фотографии которых у меня есть, с их приблизительными данными приведены в списке в

конце этой главы; но я воздерживаюсь от того, чтобы перегружать текст их непроизносимыми названиями, поскольку я отчаиваюсь с помощью любого разумного количества ксилографий проиллюстрировать их удивительные детали сколько-нибудь удовлетворительным образом.

235. План храма Радж Рани. (Составлен по плану Бабу Раджендры и исправлен по фотографиям.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

Храм Радж Рани, как видно из гравюры на дереве (№ [235](#)), невелик; но план устроен так, чтобы придать большое разнообразие игре света и тени, а поскольку детали отличаются самой изысканной красотой, это одна из жемчужин ориссанского искусства. Следующая гравюра на дереве (№ [236](#)), без попытки проиллюстрировать произведение искусства, цитируется как характерная для эмблем линии Кесари. Под колонной изображены три коленопреклоненных слона, над которыми властвуют три льва, эмблемы расы. Над этим Нагни, или женщина-нага, с ее семиглавым змеиным капюшоном, украшает верхнюю часть колонны. Их можно найти, как правило, в большом количестве, почти во всех храмах провинции. Над дверным проемом расположены Нава Граха, или девять планет, которые являются едва ли не более универсальными, как в храмах, посвященных Вишну, так и в тех, которые относятся к поклонению Шиве.

236. Дверной проем в храме Радж Рани. (С фотографии.)

Действительно, что касается каких-либо внешних признаков, то, по-видимому, не существует никаких средств, с помощью которых храмы двух религий можно было бы отличить друг от друга. По всей провинции, с момента нашего первого знакомства с ним, примерно с 500 года н.э., до его исчезновения примерно в 1200 году н.э., стиль кажется на редкость однородным по своим чертам, и требуется значительное знакомство с ним, чтобы обнаружить его постепенное продвижение к упадку. Несмотря на это, легко понять, что в Ориссе есть два стиля архитектуры, которые на протяжении всего курса шли бок о бок друг с другом. Первый представлен храмами Парашурамешвары и Муктешвары (гравюры на дереве № [230](#), [231](#)); второй - великим храмом (гравюра на дереве № [233](#)). Они не антагонистичны, а являются родственными стилями и, по-видимому, определенно имели, по крайней мере частично, разное происхождение. Мы можем

найти сходство с группой Муктешвара в Дхарваре и большинстве районов северной Индии, но я не знаю ничего в точности похожего на великий храм где-либо еще. Он кажется вполне туземным, и если не самым красивым, то самым простым и величественным из индоарийских стилей. Это может выглядеть как увлечение верховой ездой до смерти, но я не могу не заподозрить его деревянное происхождение — дорожки гораздо больше похожи на резные бревна, уложенные одно на другое, чем на дорожки из каменной кладки, а способ и степень, в которой они вырезаны, безусловно, отдают тем же материалом. В Кашмире есть мечеть, построенная из сосны Деодар, о которой будет сказано ниже, что, безусловно, свидетельствует в пользу этой идеи; но пока мы не найдем несколько более древних храмов, чем те, что были обнаружены в Ориссе, это должно оставаться под сомнением. Между тем, возможно, было бы неплохо указать, что примерно половина старых храмов в Ориссе следуют типу великого храма, а половина - типу Муктешвары; но эти два типа были смешаны в 8-м и 9-м веках и были объединены в то, что можно почти назвать новым стилем в Радж-Рани и храмах 10-го и 11-го веков.

КАНАРУК.

За, возможно, единственным исключением храма Джуганат в Пури, в Индии нет храма, более известного и о котором написано больше, чем так называемая Черная пагода в Канаруке; и нет ни одного, дата и посвящение которого были бы известны лучше, если бы можно было положиться на литературу по этому вопросу. Стирлинг без колебаний утверждает, что нынешнее здание, “как хорошо известно, было построено раджей Лангорой Нарсингх Део в А.Д. 1241 году н.э. под руководством его министра Шибай Саутры”;^[424] и каждый, кто с тех пор писал на эту тему, принимает эту дату без колебаний,^[425] и местные записи, похоже, подтверждают это. Каким бы полным ни казалось на первый взгляд это свидетельство, я без колебаний отбрасываю его в сторону по той простой причине, что кажется невозможным — после возведения столь пришедшего в упадок образца искусства, как храм Пури (А.Д. 1174 г. н.э.) — что стиль когда-либо мог вернуться к чему-либо столь прекрасному, как это. В общем дизайне и деталях она настолько похожа на Джагамохан великого храма в Бхуванешваре, что на первый взгляд я был бы склонен отнести ее к тому же столетию; но детали башни демонстрируют прогресс в направлении современных форм, который безошибочен,^[426] и делают разницу в дате в два или, возможно, даже в три столетия более вероятной. Тем не менее, единственное известное мне письменное подтверждение такой даты - это то, что дал Абуль Фазл. После описания храма и приписывания его раджу Нарсингху Део в А.Д. 1241, with an amount of detail and degree of circumstantiality which has deceived every one, he quietly adds that it is said “to be a work of 730 years’ antiquity.” Другими словами, он был возведен в А.Д. 850 от А.Д.873 году нашей эры, в зависимости от даты, которую мы предполагаем для составления Айин Акбери. Если бы среди Роев фанеантов из рода Кесари был король с таким именем, этого было бы достаточно; но в списках такого имени нет.^[428] Это, однако, не является окончательным; поскольку в надписи на храме Брахманешвар царица, построившая его, упоминает имена своего мужа Удьялаки и шести его предков; но ни он, ни кто-либо из них не встречаются в списках, за исключением первого, Джанмеджай, и сомнительно, был ли даже он царем Кесари или героем “Махабхараты”.^[429] Во всей этой неопределенности нам действительно нечем руководствоваться, кроме архитектуры, и ее свидетельства настолько отчетливы, что мне не кажется сомнительным, что этот храм действительно относится ко второй половине 9 века.

Еще один интересный момент, связанный с этим храмом, заключается в том, что все авторы, очевидно, следуя Абуль Фазлу, соглашались, что он был похож на храм Мартанда в Кашмире (*ante*, стр. 287), посвященный солнцу. Я сам никогда не видел храма Солнца в Индии и, будучи совершенно несведущим в ритуалах секты, не хотел бы показаться догматиком по этому вопросу; но я уже высказывал свои сомнения относительно посвящения Мартанда, и мне, возможно, будет

позволено повторить их здесь. Следы поклонения Солнцу в Бенгалии настолько незначительны, что они ускользнули от меня, как и от пристального изучения покойного Х. Х. Уилсона. [\[430\]](#)

В Ведах говорится, что Вишну называется Солнцем, или, возможно, солнце носит имя Вишну; [\[431\]](#) и это, возможно, объясняет то, как это название стало применяться к этому храму, который ничем другим не отличается от других храмов Вишну, найденных в Ориссе. Архитектурные формы идентичны; они украшены одинаковыми символами. Нава Граха, или девять планет, украшают перемычку этого, как и всех храмов линии Кесари. Формы семиглавых змей встречаются в каждом храме расы, от великого в Бхуванешваре до этого, и он отличается от храмов Шивы только непристойностями, которые уродуют часть его скульптур. К сожалению, это слишком распространенная черта вайшнавских храмов по всей Индии, но вряд ли она вообще встречается в храмах шиваитов, и никогда, насколько я знаю, не была характерной чертой поклонения богу Солнца.

С архитектурной точки зрения великая красота этого храма проистекает из формы конструкции крыши Джагамохана, или крыльца, — единственной сохранившейся части. Как по размерам, так и по деталям он очень похож на великий храм в Бхуванешваре, но здесь он разделен на три этажа вместо двух, что является огромным улучшением, и возвышается под более приятным углом. Первый и второй этажи состоят из шести карнизов каждый, только третий из пяти, как показано на схеме, гравюре на дереве № 124. Две нижние вырезаны с бесконечной красотой и разнообразием на всех своих двенадцати гранях, а выступы на углах и изломах использованы с элегантностью и рассудительностью, которые вряд ли могли превзойти настоящие яваны. Насколько я знаю, в Индии нет крыши, где бы такая же игра света и тени достигалась с таким же богатством и конструктивным совершенством, как в этом случае, и которая так изящно сидела бы на поддерживающем ее основании.

Внутреннее помещение на редкость простое, но имеет некоторые конструктивные особенности, заслуживающие внимания. Площадь пола составляет около 40 квадратных футов, а стены поднимаются ровно примерно на такую же высоту. Здесь он начинает загибаться внутрь, пока не сужается примерно до 20 футов, где он был перекрыт плоской каменной крышей, поддерживаемой коваными балками - Стирлинг говорит, что девять, площадью почти 1 квадратный фут на 12-18 футов в длину. [\[432\]](#) По моим замерам секция получилась меньше — от 8 до 9 дюймов, но длина больше, 23 фута; и Бабу Раджендра указывает, что одна секция длиной 21 фут имеет квадратное сечение 8 дюймов в конце, но глубину 11 дюймов. в центре, [\[433\]](#), демонстрирующая знание свойств и прочности материала, которое замечательно у людей, которые сейчас совершенно неспособны ковать такие массы. Железный столб в Дели ([Гравюра на дереве № 281](#)) является еще более примечательным примером, чем этот, и до сих пор не было дано удовлетворительного объяснения способу его изготовления. Его цель, однако, ясна, в то время как применение этих лучей здесь остается загадкой. Они не требовались из-за прочности, так как здание все еще остается прочным после их падения, а столь дорогой подвесной потолок не требовался с архитектурной точки зрения для перекрытия столь простого помещения. По-видимому, это всего лишь еще один пример того обилия труда, которое индусы любили расточать на храмы своих богов.

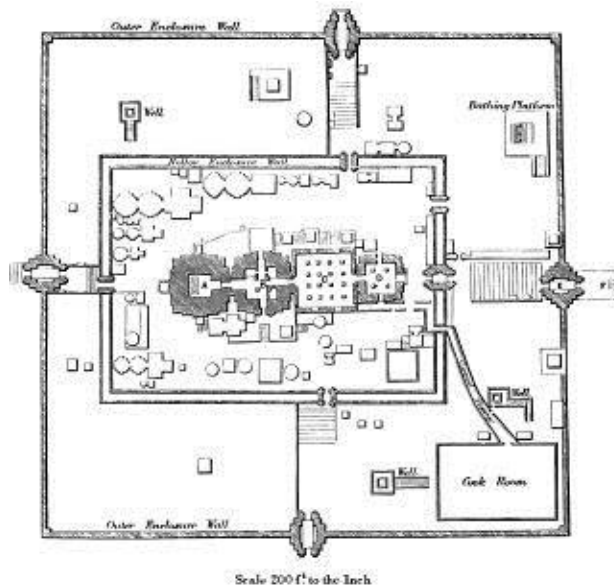
Пури.

Когда из столицы мы поворачиваем в Пури, мы обнаруживаем, что положение дел изменилось больше, чем можно было ожидать за короткий промежуток времени, прошедший между строительством Черной пагоды и знаменитой Пагодой, которая сейчас находится там. Это правда, что династия сменилась. В 1131 году кесари-ванса с их поклонением Шайве были вытеснены ганга-вансами, которые, по-видимому, были такими же преданными последователями Вишну; и они сразу же приступили к работе, чтобы обозначить свой триумф возведением храма Джуганату, который с тех пор приобрел такую всемирную известность.

Конечно, не следует предполагать, что цари линии Ганга были первыми, кто ввел поклонение Вишну в Ориссе. Все предания, записанные Стирлингом, противоречат такому предположению, и считается, что первый храм, воздвигнутый на этом месте божееству, был построен Яяти, основателем рода Кесари.^[434] Именно он извлек священное изображение Джуганата с того места, где оно было захоронено 150 лет назад, во время нашествия яванов, и “им был воздвигнут новый храм на месте старого, который оказался сильно обветшалым и заваленным песком”.^[435] Это, конечно, было до прибытия брахманов Айодхьи, упомянутых выше, которые, хотя и сохранили владение столицей во время правления династии, по-видимому, не вмешивались в конкурирующее богослужение в провинциях.

Это действительно противоречило бы всему опыту, если бы в стране, где когда-то существовал буддизм, последователи этой веры не выродились сначала в джайнизм, а затем в вишнуизм. В пещерах Удаягири у нас есть абсолютное доказательство первого перехода и того, что он продолжался там до того времени, когда махратты воздвигли маленький храм на южной вершине. Подобным же образом, кажется, нет никаких сомнений в том, что зубная реликвия хранилась в Пури до вторжения яванов, очевидно, как упоминалось ранее, с целью завладеть ею. Согласно буддийской версии, он был похоронен в джунглях, но вскоре снова выкопан и перевезен на Цейлон.^[436] Согласно брахманическому рассказу, именно изображение Джуганата, а не зуб, было спрятано и восстановлено после ухода Яванов, а затем было сохранено в Джуганате в новом храме на песках. Традиция содержания кости Кришны в изображении^[437] очевидно, что это всего лишь брахманическая форма поклонения буддийской реликвии, и, как часто предполагалось, три изображения Джуганата, его брата Балбхадры и сестры Субхадры являются всего лишь буддийской троицей — Будда, Дхарма, Санга - замаскированной в соответствии с изменившимся состоянием веры среди простых людей. Паломничество, Рат-джутра, отказ от кастовых предрассудков - фактически все в Пури благоухает буддизмом, но буддизмом настолько деградировавшим, что его с трудом распознают те, кто знает эту веру только в ее более древней и чистой форме.

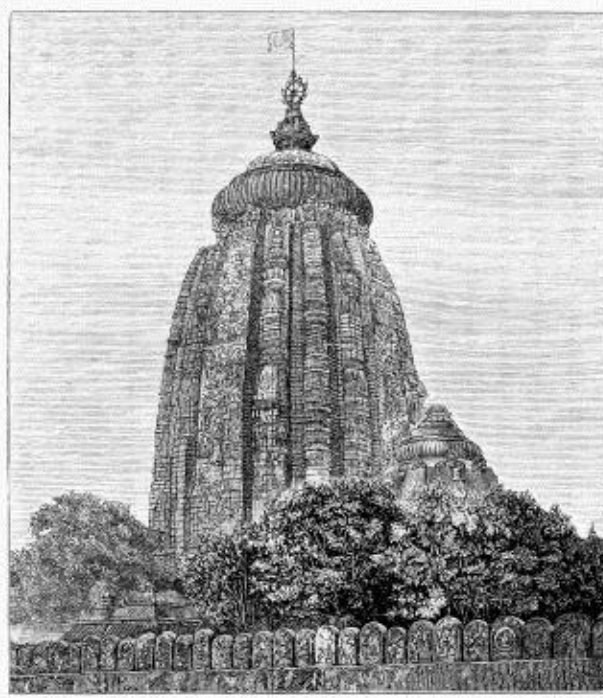
Деграция веры, однако, едва ли столь же примечательна, как деграция стиля. Даже Стирлинг, который не был придиричивым критиком, замечает, что кажется необъяснимым, что в эпоху, когда архитекторы явно обладали определенным вкусом и мастерством и в большинстве случаев были особенно расточительны в использовании скульптурного орнамента, так мало усилий следовало приложить к украшению и отделке этого священного и грандиозного сооружения.^[438] Однако не только детали, но и очертания, пропорции и каждое расположение храма показывают, что искусство в этой провинции, по крайней мере, получило фатальный импульс к падению, от которого оно так и не оправилось.

237. План храма Джуганат в Пури. (По плану Р. П. Мукерджи.)

Масштаб 200 F^t. с точностью до дюйма

Как видно из прилагаемого плана^[439] ([Гравюра на дереве № 237](#)), этот храм имеет двойную ограду, что в остальном неизвестно на севере. Внешне он имеет размеры 670 на 640 футов и окружен стеной высотой от 20 до 30 футов с четырьмя воротами. Внутреннее ограждение имеет размеры 420 на 315 футов и окружено двойной стеной с четырьмя отверстиями. Внутри этого последнего стоит Бара Девул, А, размером 80 футов в центре, или на 5 футов больше, чем великий храм в Бхуванешваре; с его притвором или Джагамоханом, В, он имеет размеры 155 футов к востоку и западу, в то время как большая башня возвышается на высоту 192 фута.^[440] За этим портиком впоследствии были добавлены два других, Нат-мандир, С, и Бхог-мандир, D, что составляет всю длину храма около 300 футов, или почти такую же, как в Бхуванешваре. Помимо этого, как и во всех великих индуистских храмах, внутри двух оград есть бесчисленное множество меньших святилищ, но, как и во всех случаях на севере, они подчинены главному, который здесь возвышается над всеми.

238. Вид на башню храма Юганат. (С фотографии.)

За исключением двойной ограды и некоторой неправильности плана, этот храм существенно не отличается по устройству от великих храмов в Бхуванешваре и в других местах; но, помимо уже отмеченного отсутствия деталей, очертания его виманы полностью лишены либо той торжественной солидности, присущей более ранним образцам, либо изящества, которое характеризовало те, что были возведены впоследствии; и если мы добавим к этому, что побелка и краска сделали все возможное, чтобы придать вульгарность формам, и без того достаточно некрасивым, легко будет понять, что этот, самый известный, является также самый разочаровывающий из северных индуистских храмов.^[441] Как видно из предыдущей иллюстрации ([гравюра на дереве № 238](#)), детали настолько почти такие же, как во всех старых храмах Бхуванешвара, что разницу едва ли можно выразить словами; однако даже гравюры на дереве достаточно, чтобы показать, насколько они изменились на самом деле, но само здание следует увидеть полностью, чтобы оценить произошедшую деградацию.

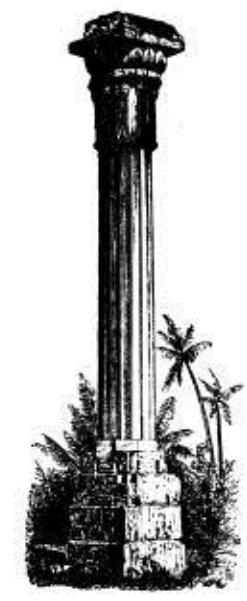
ДЖАДЖЕПУР И КАТТЭК.

Джаджепур, расположенный на Байтурни, был одной из старых столиц провинции, и даже сейчас в нем есть храмы, которые, судя по прямоугольности их форм, могут быть старыми, но, если это так, они были настолько полностью замаскированы толстым слоем штукатурки, что их резьба полностью стерлась, и нет ничего, по чему можно было бы определить их возраст. Это место долгое время занимали мусульмане, и наличие красивой мечети может объяснить исчезновение, по крайней мере, некоторых индуистских останков. Однако одна колонна все еще стоит, и она заслуживает того, чтобы ее проиллюстрировали как один из самых приятных примеров своего класса в Индии ([Гравюра на дереве № 239](#)). Его пропорции прекрасны, а детали выполнены с превосходным вкусом; но лепнина основания, к которой индусы привыкли относиться с особой тщательностью, к сожалению, была разрушена. Первоначально, как говорят, он поддерживал фигуру Гаруды — Ваханы Вишну, — и на фигуру указывают как на идентичную. Возможно, это так, и если это так, то колонна относится к 12 или 13 веку. Похоже, что этому же возрасту соответствуют и некоторые замечательные фрагменты скульптуры, которые были обнаружены несколько лет назад на берегу реки, где они, по-видимому, были спрятаны от

магометанского фанатизма. Они выполнены в совершенно ином стиле, чем что-либо в Бхуванешваре или Канаруке, и, вероятно, более современные, чем что-либо в этих местах.

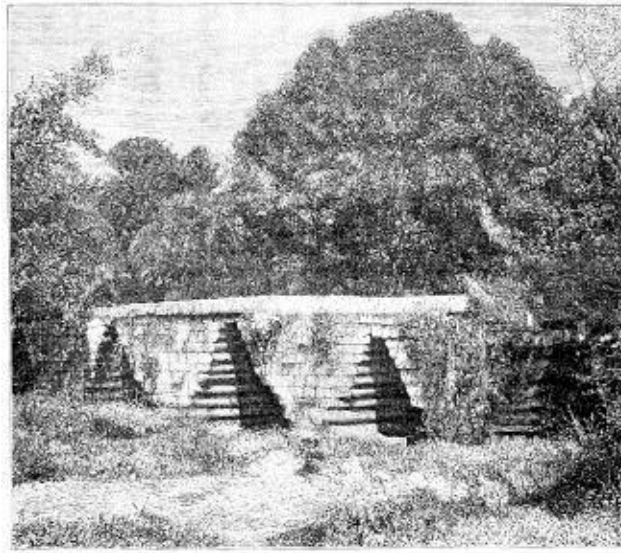
Каттак стал столицей страны в 989-1006 годах н.э., когда некий Маркут Кесари построил каменную стену, чтобы защитить это место от проникновения реки.^[442] Он, однако, тоже пострадал, сначала от нетерпимого фанатизма мусульман, а затем от флегматичного безразличия^[443] британских правителей, так что от него мало что осталось; если бы не это, девятиэтажный дворец Мукунда Део, современника Акбара, мог бы все еще оставаться для нас в таком состоянии в по крайней мере, настолько, чтобы быть понятным. Однако мы так много слышим об этих девятиэтажных дворцах и вихарах, что, возможно, стоит процитировать описание этого дворца Абуль Фазлом, чтобы дать нам возможность понять некоторые намеки и описания, с которыми мы впоследствии можем встретиться: “В Каттаке, “ говорит он, - есть прекрасный дворец, построенный раджей Мукундом Део, состоящий из девяти этажей. Первый этаж предназначен для слонов, верблюдов и лошадей; второй - для артиллерии и военных складов, где также находятся помещения для стражи и другой obsługi; третий занимают носильщики и сторожа; четвертый отведен для нескольких ремесленников; кухни образуют пятый очаг; на шестом расположены общественные апартаменты раджи; седьмой предназначен для ведения частных дел; на восьмом проживают женщины; а девятый - спальня раджи. К югу, - добавляет он, - от этого дворца находится очень древний индуистский храм”.^[444]

239. Индуистская колонна в Джаджепуре.

(С фотографии.)

Поскольку Орисса в период, когда это было написано, практически входила в состав королевства Акбара, нет никаких сомнений в том, что это описание было предоставлено кем-то, кто знал это место. В Джейпуре и Биджапуре до сих пор сохранились семиэтажные дворцы, которые были возведены примерно в это время, и один из пятиэтажных в собственном дворце Акбара в Футтехпуре Сикри, но ни один, насколько мне известно, не имеет девяти этажей, хотя я не вижу причин сомневаться в правильности описания только что процитированного.

240. Индуистский мост в Каттаке. (С фотографии.)

Хотя, таким образом, получается, что у нас не больше средств установить, на что были похожи гражданские сооружения индоариев Ориссы, чем у современных дравидов, существует группа инженерных объектов, которые проливают некоторый свет на искусство того периода. Как часто говорилось выше, индусы ненавидят арку и никогда не будут использовать ее, кроме как по принуждению. Мусульмане научили их преодолевать свои предрассудки и использовать арку в своих гражданских зданиях в более поздние времена, но по сей день они избегают ее в своих храмах, насколько это возможно. Однако в Ориссе в 13 веке построили множество мостов в различных частях провинции, но ни на одном из них ни разу не использовали настоящую арку. Мост Атарак Нулла в Пури, построенный Кебиром Нарсингхом Део около 1250 года, был нарисован и описан Стирлингом и является лучшим в провинции из тех, что все еще используются. Между устоями он имеет длину 275 футов и ширину проезжей части 35 футов. То, что изображено на вышеупомянутой гравюре на дереве (№ [240](#)), вероятно, старше и, безусловно, более живописно, хотя построено по тому же идентичному плану. Это может показаться ненаучным, но многие из этих старых мостов стоят и используются, в то время как многие из тех, что мы построили из руин храмов и дворцов, были сметены, как будто на них лежало проклятие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Вышесказанное можно рассматривать как несколько скудное описание одного из самых полных и интересных стилей индийской архитектуры. Однако было бы невозможно отдать должное без большого количества иллюстраций, несовместимых с масштабом данной работы, и с деталями, нарисованными в большем масштабе, чем позволяют представить ее страницы. Остается надеяться, что работа Бабу Раджендры сможет, по крайней мере, в какой-то степени восполнить этот недостаток. Однако первый том можно рассматривать только как вводный, поскольку он полностью посвящен предварительным вопросам и в нем отсутствуют все даты или описания конкретных зданий. Вторая, когда она появится, может исправить этот недостаток, и мы надеемся, что она сделает это, поскольку хорошая монография об ориссанском стиле передала бы более правильное представление о том, что такое индийское искусство на самом деле, чем аналогичный отчет о любом другом стиле, с которым мы знакомы в Индии. От возведения храма Парашурамешвара, 500 г.н.э., до храма Джуганат в Пури, 1174 г. н.э., стиль неуклонно развивается без каких—либо перерывов или примеси посторонних элементов, в то время как примеров настолько много, что по одному можно найти за каждые пятьдесят лет этого периода — возможно, за каждые двадцать - и, таким образом, у нас могла бы быть хронометрическая шкала индуистского искусства за эти семь столетий, которая была бы бесценна для применения в других местах или

стилях. Кроме того, именно в Ориссе, если где-либо еще, мы можем надеяться найти *инкунабулы*, которые объяснят многое из того, что сейчас остается загадочным в формах храмов и происхождении многих частей их орнамента. Изучение, например, примерно сотни разрушенных и полуразрушенных храмов провинции позволило бы любому компетентному человеку сразу сказать, насколько изложенная выше теория ([Гравюра на дереве № 124](#)) - объясняющая изогнутую форму башен — соответствовала или не соответствовала фактам дела, и, если она противоречит им, какова на самом деле истинная теория изогнутой формы. Аналогичным образом, вряд ли можно сомневаться в том, что тщательное изучение большого количества примеров позволило бы выявить происхождение венчающего орнамента амалака. Я абсолютно убежден, как было сказано выше, что он вырос не из ягоды *Филланта эмблического*, и очень сомневаюсь, что он вообще растительного происхождения. Но никто пока не предложил никакой другой теории, которая выдержала бы проверку, и только от самих самых ранних храмов можно ожидать сколько-нибудь удовлетворительного ответа.

Однако любой компетентный человек не только получит ответы на эти и многие другие технические вопросы, когда проведет тщательное обследование руин, но и даст представление о цивилизации, искусстве и религии индийской общины на протяжении семи веков изоляции от внешних влияний, такое, какое вряд ли можно получить из какого-либо другого источника. Насколько нам в настоящее время известно, это исключительно приятная картина, которая вполне окупит любые усилия, которые могут быть предприняты для представления ее английской публике в полной и понятной форме.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ДАТ И РАЗМЕРОВ ОСНОВНЫХ ХРАМОВ ОРИССЫ.

Даты	Внешние размеры башен.			Внутренни е размеры ячеек.	
	фут.		фут.	фут.	фут.
{ Парашурамешвар а	20	×	20	11	9
{ Муктешвара	14	×	14	6	6
500- 600	{ Сари Девала	24	×	22	12 × $\frac{1}{2}$
	{ Moitr e Serai				
	{ Ананта Васу Дева	26	×	26	16 × $\frac{1}{4}$
600-700	657 ...Бхуванешвар	66	×	60	42 × $\frac{4}{2}$
700-	{ Сидешвара				

850 { Витала Деви
 {
 Маркандешвар
 а в Пури
 { Брахмесвара

873 ...Канарук 60 × 60 $\frac{4}{0} \times \frac{40}{(?)}$

{
 Кедарешва
 р

{ Радж 32 × 25 $\frac{1}{2} \times 12$
 Рани

900-1000

1104 ... Нат
 Мандир в
 Бхуванешвар
 е

1198 ...Джуганат, 73 × 73 $\frac{2}{9} \times \frac{29}{1}$
 Пури [\[445\]](#)

ГЛАВА III.

ЗАПАДНАЯ ИНДИЯ.

Содержание.

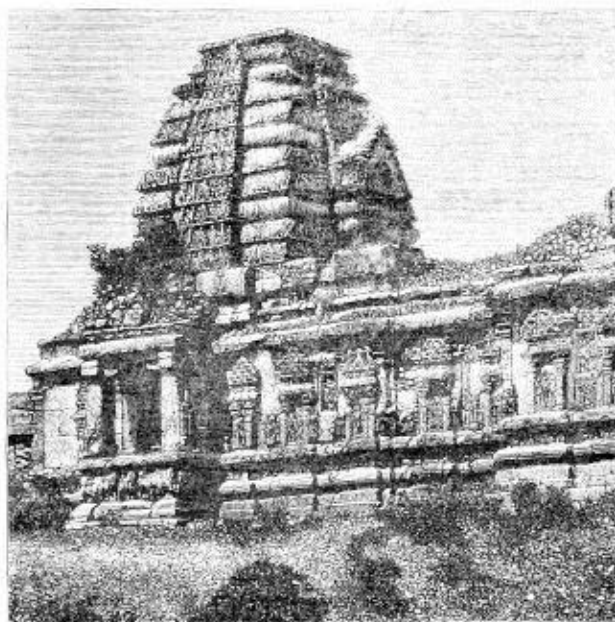
Дхарвар — высеченные в скале брахманические храмы.

ДАРВАР.

Если провинция Орисса интересна завершенностью и единообразием своего стиля индоарийской архитектуры, то провинция Дхарвар, или, правильнее говоря, Махараштра, почти в равной степени интересна из-за прямо противоположных условий. В западной провинции дравидийский стиль борется с северным за господство на всех ранних этапах их развития, и способ, которым один влиял на другой, станет одним из самых интересных и поучительных уроков, которые мы можем извлечь из их изучения, когда появятся материалы для тщательного изучения архитектурной истории этой провинции. Однако по великолепию запад никогда не сможет претендовать на то, чтобы соперничать с восточной провинцией. Только в одном городе Бхуванешваре больше и гораздо более изящных зданий, чем во всех городах Махараштры, вместе взятых, и чрезвычайная проработанность их деталей придает ориссанским образцам превосходство, с которым западные храмы не могут соперничать.

Одним из старейших и наиболее характерных храмов Дхарвара является храм Папанатхи в Пурудкуле, или Питтадкуле, как сейчас пишется. Как видно из приведенного выше плана этого храма ([Гравюра на дереве № 122](#), стр. 221), келья с ее башней не имеет того главенствующего значения, которое она всегда имела в Ориссе; и вместо простого вестибюля здесь есть крыльцо с четырьмя колоннами, которого само по себе было бы достаточно, чтобы сформировать полноценный храм на восточной стороне Индии. За ним, однако, находится большое крыльцо, Мантапа, или площадь Джагамохан, как обычно, но здесь оно имеет шестнадцать колонн, расположенных четырьмя группами, вместо традиционных аранжировок, столь распространенных на востоке. Фактически, это копия, с очень небольшими изменениями, плана храма великой Шайвы в том же месте ([гравюра на дереве № 189](#)) или Киласа в Эллоре ([гравюра на дереве № 186](#)). Они, вместе с другими, недавно обнаруженными, образуют группу ранних храмов, полностью дравидийских по стилю, но не имеющих сходства, за исключением плана, с храмом Папанатхи, который по сути своей является индоарийским во всех своих архитектурных постройках. Это, по сути, можно рассматривать как характерное различие между стилями Дхарвара и Ориссы. Западный стиль, из-за его близости к дравидийскому и примеси к нему, фактически, использовал колонны свободно и с эффектом, когда хотел; в то время как их использование в Ориссе почти неизвестно в лучшие эпохи стиля, и их внедрение, как это имело место там, слишком ясно показало необходимость, возникшую с упадком стиля, восполнить иностранными формами недостаток оригинальности изобретения.

241. Вид на храм Папанатхи в Питтадкуле. (С фотографии.)

О внешнем эффекте здания можно судить по вышеупомянутой гравюре на дереве (№ [241](#)). Очертания башни мало чем отличаются от очертаний храма Парашурамешвара в Бхуванешваре, с которым она, вероятно, была современницей — около 500 г.н.э. — но центральный пояс более выражен и, по-видимому, всегда находился на западной стороне Индии. В этой башне также можно заметить, что каждое третье блюдо имеет под углом форму, которая только что была описана как амалака, когда речь шла о венчающих элементах ориссанских храмов. Здесь это выглядит так, как если бы два промежуточных ряда имитировали крыши или крышу в два этажа, а затем был введен этот венчающий элемент, и то же самое повторялось снова и снова, пока не была получена необходимая высота. В Парашурамешваре есть три промежуточных хода ([гравюра на дереве № 230](#)); в великой башне в Бхуванешваре - пять; а в более современных храмах они исчезают за углами, но дополняются миниатюрными формами храмов, нанесенными на боковые стороны. В храме в Будхгае такая же форма встречается ([Гравюра на дереве № 16](#)) на углах каждого этажа; но там она больше похожа на капитель колонны, которая, по моему мнению, и является ее настоящим оригиналом. Но какая бы форма ни была заимствована, это повторение углов выполнено в наилучшем вкусе; это поднимает взгляд вверх и подготавливает его к венчающему элементу, который, таким образом, больше не изолирован и одинок, а является частью целостного дизайна.

Частота повторения этого орнамента, насколько теперь известно, неплохой показатель возраста храма. Если бы был найден пример, где каждое альтернативное блюдо представляло собой амалаку, оно, вероятно, было бы старше любого известного нам храма. Тогда он представлял бы собой серию крыш в пять, семь или девять этажей, надстроенных одна над другой. Однако это стало общепринятым до того, как мы с ним познакомились.

Всякий раз, когда храмы этого района будут тщательно исследованы, они, без сомнения, прольют огромный свет на раннюю историю стиля.^[446] Однако, как обстоит дело сейчас, основной интерес сосредоточен в пещерах Бадами, которые, будучи единственными известными пещерами брахманов, на которых указаны точные даты, дают нам фиксированную точку отсчета, исходя из которой можно рассуждать о других сериях, которых у нас никогда раньше не было. В настоящее время они должны уступить место другим примерам, более известным и представляющим более общий архитектурный интерес.

Хотя структурные храмы группы Бадами^[447] в Дхарваре представляют такой чрезвычайный интерес, как было указано выше, они превосходят по важности, по крайней мере, для наших нынешних целей, примеры, высеченные в скале.

В Бадами есть три пещеры, не слишком больших размеров, но представляющие особый интерес благодаря своим архитектурным деталям и скульптурам, и еще больше из-за того факта, что одна из них, № 3, содержит надпись с несомненной датой. Как указывалось выше, в западных пещерах есть бесчисленные буддийские надписи, но ни одна из них не датируется какой-либо точно установленной эпохой, и, к сожалению, ни в одной из брахманических пещер в Эллоре или где-либо еще нет надписей, которые можно было бы назвать цельными, и ни в одной из них определенно нет даты. Следствием этого является то, что единственный способ, с помощью которого можно было приблизительно определить их возраст, - это расположить их в последовательности, соответствующей нашим эмпирическим или реальным знаниям истории того периода, в течение которого они, как предполагалось, были раскопаны. В Эллоре, например, предполагалось, что буддийские раскопки предшествовали брахманическим, и что им на смену пришли джайнские; а различные местные и архитектурные особенности делали эту гипотезу чрезвычайно вероятной. Рассуждая на этой основе, было обнаружено, что единственная тамошняя пещера чайтья, Вишвакарма, была почти идентична по стилю последней из четырех чайтьев в Аджунте (№ 26), и эта пещера, по причинам, указанным выше, была построена в конце 6 века, скажем, в 600 году нашей эры. Предполагалось, что пещеры, расположенные рядом с ним, относятся к 7 веку, что ведет к группе Рамешвара, около А.Д., а джайнская группа тогда занимала бы следующее столетие. Возраст киласской, или дравидийской, группы, будучи исключительным, мог быть определен только по посторонним свидетельствам, и, как уже указывалось, из-за ее крайнего сходства с великим храмом в Питтадуле, почти наверняка относится к 8 веку; и из аналогичной цепочки рассуждений джайнская группа восходит примерно к тому же возрасту или, скорее, к более раннему, скажем, к А.Д. 650 году нашей эры.

Надпись на пещере № 3 в Бадами датирована двенадцатым годом правления хорошо известного царя Мангалисвары, на 500-м году после вступления в должность сакского царя, или 79 годом; следовательно, датой является 579 год нашей эры. Признавая, что, я думаю, его архитектура делает это почти несомненным, что это самый ранний из трех, тем не менее они настолько похожи друг на друга, что следует предположить, что последний был раскопан в пределах следующего столетия, скажем, 575-700 гг. н.э.. Сравнивая архитектуру этой группы с архитектурой, известной как центральная группа или Рамешвара в Эллоре, можно сказать, что она настолько почти идентична, что, хотя она может быть немного более современной, теперь вряд ли можно сомневаться, что и они, включая, возможно, пещеру, известную как Прах Раваны, были раскопаны в 7 веке. Таким образом, вместо принятой ранее последовательности действий мы вынуждены вернуться к той чудесной картине религиозной терпимости, описанной китайским паломником, которая была продемонстрирована в Аллахабаде в 643 году нашей эры. По этому случаю царь Силадитья раздал милостыню или подарки 10 000 священникам (*религии*), в первый день в честь Будды, во второй - Солнца Адитьи (Вишну?), а в третий - в честь Ишвары или Шивы;^[448] и восемнадцать царей, которые помогали на этом великолепном празднике, проводимом раз в пять лет, похоже, беспорядочно почитали в равной степени эти три божества. При такой терпимости в штаб-квартирах мы не должны удивляться, если обнаружим, что храмы трех религий в какой-то степени перекрывают друг друга.

Правда в том, что одна из величайших трудностей, с которыми сталкивается антиквар до 8 века, - это установить, какому божеству посвящен тот или иной храм или пещера. В трех пещерах, например, в Бадами, скульптуры полностью вайшнавские, и никто не усомнится, что они были посвящены этому божеству, но во всех святилищах есть лингам, или эмблема Шивы. Было высказано предположение, что это, возможно, была запоздалая мысль, но если так, то пещера,

должно быть, не имела никакого значения. Здесь нет сингасана или трона, на который можно было бы поместить изображение божества, и камера недостаточно велика для этой цели.

К сожалению, так далеко к югу, как Бадами, нет буддийских построек или пещер, и, следовательно, мы лишены этого средства для сравнения; и прежде чем можно будет сформулировать что-либо очень определенное, потребуется, чтобы кто-нибудь, знакомый с предметом, обошел все западные пещеры целиком и провел тщательное сравнение их деталей. Между тем, однако, результатом переводов надписей, собранных м-ром Берджессом, а также его планов и взглядов,^[449] является то, что мы должны сжать нашу историю западных пещер в более узких пределах, чем первоначально казалось необходимым.^[450] Кажется, что все здания в районе Дхарвар построены между 500 и 750 годами н.э., вероятно, с небольшим расширением в любую сторону, и здания в Эллоре, безусловно, синхронные, в равной степени должны быть ограничены тем же периодом времени.

В ожидании более полного исследования, которое, я надеюсь, может быть предпринято в ближайшее время, я бы предложил следующую предварительную хронологию знаменитой серии пещер в Эллоре:

Буддисты: —от Вишвакармы до Даса Аватары 500-600гг. н.э.

Джайны: —Индра, Джуганат, Субхас и др. 550-650

Индусы: —от Рамешвары до Дхумнар Лена 600-750

Дравиды: —Килас 725-800

Пещера в Элефанте, конечно, соответствует дате, указанной здесь для Дхумнар Лена, и, таким образом, должна датироваться после середины 8 века.^[451]

Эти датированные пещеры и постройки также оказали еще одну услугу археологии, поскольку позволяют нам с уверенностью утверждать, что основные пещеры Махавеллипора должны быть ограничены теми же пределами. Архитектура там такая скудная и бедная, что вводит в заблуждение, но, как указывалось выше, я полагаю, это произошло из-за того факта, что она была дравидийской и буквально скопирована со строительных конструкций людьми, у которых не было такого длительного опыта буддистов в пещерной архитектуре, которым они могли бы руководствоваться, поскольку, похоже, так далеко на юге буддистов не было. Но как бы то ни было, сравнение индуистских скульптур в Бадами с скульптурами Эллоры, с одной стороны, и Махавеллипора - с другой, дает почти стопроцентную уверенность в том, что они были практически современными. Знаменитый барельеф Дурги на ее льве, убивающем минотавра Махасуру,^[452] более ранний, чем очень похожий на него в Эллоре; и еще один, Виратарупа,^[453] позже, вероятно, на столетие, чем скульптура того же предмета в пещере 3 в Бадами.^[454] Некоторые другие барельефы более поздние, некоторые более ранние, чем те, которые изображают схожие сюжеты в трех сериях, но сейчас кажется невозможным смириться с тем фактом, что они практически синхронны. Даже большой барельеф, который я был склонен отнести к более современному периоду, вероятно, относится к 7 или 8 веку. Великий царь нага, которому поклоняется весь мир, представлен в виде человека, чья голова покрыта семиглавым змеиным капюшоном, но также и со змеиным телом ниже пояса. Эта форма не была известна в старых буддийских скульптурах, но теперь ее можно найти во всех храмах Ориссы (например, гравюра на дереве № 236) и почти так же часто в Бадами.^[455] Поскольку эта трудность устранена, кажется, нет причин, по которым эта гигантская скульптура не могла бы занять то место, которое в противном случае было бы присвоено ей состоянием исполнения — скажем, 700 год н.э. — в качестве средней даты, подлежащей последующей корректировке.

В таком общем труде, как настоящий, конечно, невозможно проиллюстрировать такую обширную группу, как пещеры брахманов, до такой степени, чтобы сделать их историю или родственные связи понятными тем, кто другими способами не ознакомился с предметом. К счастью, однако, в данном случае существуют материалы, с помощью которых любой может

получить желаемую информацию с очень небольшим трудом. Рисунки Дэниелла — или, скорее, мистера Уэльса, — сделанные в 1795 году, давно знакомят публику с основными пещерами Эллары; статья сэра Чарльза Мале в шестом томе ‘Азиатских исследований’; книга Сили ‘Чудеса Эллары’, опубликованная в 1820 году, и множество других работ с доступными сейчас фотографиями предоставляют почти все, что можно пожелать в этом направлении. То же самое можно сказать и об Элефанте, который был исчерпывающе рассмотрен мистером Берджессом в упомянутой выше работе. Статья Чемберса во втором томе ‘Трудов Королевского азиатского общества’ вместе с фотографиями доктора Хантера содержит огромное количество информации о древностях Махавеллипора; а недавний отчет мистера Берджесса о пещерах Дхарвар в значительной степени дополняет информацию, необходимую для понимания особенностей группы. Несмотря на это, она вполне достойна монографии, поскольку в ней представлено единственное представление об искусстве и мифологии индусов о возрождении их религии, которое было начато гуптами А.Д. 318-465 гг. н.э., но на самом деле положено начало великой Викрамадितье, А.Д. 495-530 гг. н.э., и которое, однажды начавшись, продолжало развиваться до великого краха в 8 веке.

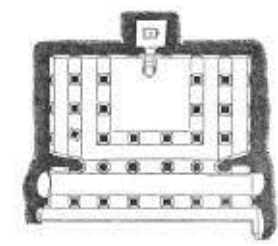
242. Колонна в Киласе, Эллора.

(С рисунка Автора.)

В конце концов, однако, этот предмет больше подходит для целей мифолога и скульптора, чем для архитектора. Как и все образцы, высеченные в скалах, за исключением дравидийских, пещеры имеют невыносимый недостаток - они не имеют экстерьера и, следовательно, внешней архитектурной формы. Единственные их части, которые строго относятся к архитектурному искусству, - это колонны, и хотя ряд из них был бы интересен, они настолько сильно различаются в зависимости от характера материала, из которого они вырезаны, и от местных условий, что не обладают тем историческим значением, которое придавали бы внешние формы. Например, такая колонна, как эта из пещеры под названием Ланка, на краю ямы, в которой стоит Килас ([Гравюра на дереве № 242](#)), хотя и выполнена с изысканным вкусом в качестве образца, высеченного в скале, где, по-видимому, требуется максимальная прочность для поддержания массы скалы наверху, не дает никаких оснований для сравнения со структурными образцами того же возраста. В здании это было бы громоздко и абсурдно; под каменной массой это элегантно и уместно. Колонны в пещерах Махавеллипора разрушаются по противоположной причине: они сохраняют свою структурную форму, хотя и используются в скале, и вследствие этого выглядят хрупкими; но, хотя на практике это разнообразие преобладало, оно мешает оценить их использование в качестве хронометрической шкалы, как это было бы, если бы практика была единообразной. Поскольку, однако, пещера № 3 в Бадами является пещерой с точной датой, 579 г. н.э., возможно,

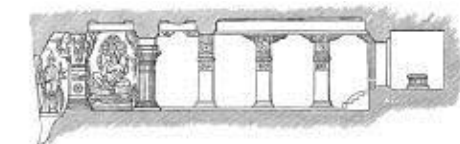
будет полезно привести план и разрез (гравюры на дереве № [243](#) и [244](#)), чтобы проиллюстрировать ее особенности, чтобы можно было провести сравнение между ней и другими примерами. Его детали будут полностью проиллюстрированы в отчете мистера Берджесса.

243. План пещеры № 3, Бадами.

(По плану мистера Берджесса.)

Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

244. Секция пещеры № 3, Бадами. (С рисунка мистера Берджесса.) Масштаб от 25 футов до 1 дюйма.

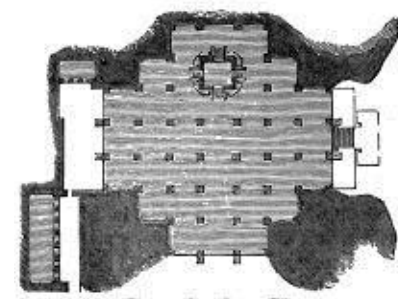
Хотя это и не одна из самых больших, это все же прекрасная пещера с верандой размером 70 футов и глубиной 50 футов, за которой находится простая камера, содержащая лингам. На одном конце веранды находится Аватар Нарасингха; на другом конце Вишну восседает на пятиглавом змее Ананте. Передние стойки имеют по три кронштейна, выполненных из дерева, каждый из которых украшен двумя или тремя фигурами, обычно мужской и женской, с ребенком или карликом - все они поразительной красоты и изящества исполнения. Внутренние колонны разнообразны и более архитектурны по своим формам, но выполнены в лучшем стиле индуистского искусства.

По сравнению со стилем искусства, найденным в Амравати, на противоположном побережье, любопытно наблюдать, насколько Будда, восседающий на многоглавом Наге, [\[456\]](#) напоминает Вишну на Ананте на последней гравюре на дереве, и хотя религия изменилась, искусство едва ли изменилось до такой степени, как можно было ожидать, учитывая, что между созданием этих двух барельефов, вероятно, прошло два столетия. Смена религии, однако, является полной, ибо, хотя Будда и появляется в Бадами, он занимает очень подчиненное положение девятого Аватара Вишну. [\[457\]](#)

Иногда индусы успешно преодолевали одну из главных трудностей пещерной архитектуры, выкапывая их на отроге холма, как в Дхумнар Лена в Эллоре, или окружая их дворами, как в Элефанте; таким образом, свет проникал с трех сторон, а не только с одной, как это слишком часто случалось как при буддийских, так и при индуистских раскопках. Эти две, хотя, вероятно, и одни из последних, безусловно, являются лучшими из существующих индуистских раскопок, если смотреть на них с архитектурной точки зрения. Пример Эллары - более крупный и изящный, размером 150 футов в каждую сторону ([Гравюра на дереве № 245](#)). Это в Элефанте, хотя и чрезвычайно похоже по общему расположению, менее правильно в плане, а также несколько меньше, размером всего 130 на 120 футов. Легко видеть, что если бы эти храмы стояли под открытым небом, они были бы всего лишь портиками, как тот, что в Байюре ([Гравюра на дереве № 221](#)), и бесчисленными другими примерами, которые можно найти повсюду; но потребности высеченной в скале архитектуры требовали, чтобы челла располагалась внутри мантапы, или крыльца, а не снаружи от него, как это всегда имело место в конструктивных примерах.

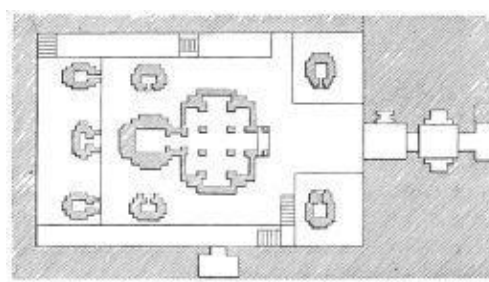

Возможно, об этом едва ли стоит сожалеть; но это показывает, насколько мало практика высекания храмов в скале соответствовала храмовым формам индусов, и поэтому нам не нужно удивляться тому, с какой готовностью они отказались от нее, когда любая идея соперничества с буддистами перестала побуждать их прилагать усилия в этом направлении.

245. Пещера Думнар-Лена в Эллоре. (Из книги Дэниэлла "Виды Индостана".) Масштаб от 100 футов до 1 дюйма

Насколько я знаю, есть только один пример, когда индоарийские архитекторы пытались соперничать с дравидийскими в создании монолитного экстерьера. Он находится в местечке под названием Дхумнар в Раджпутане, где, как уже упоминалось (*ante*, стр. 162), ведется обширная серия позднебуддийских раскопок. Чтобы отметить свою победу над этой падшей верой, индусы, по-видимому, в 8 веке, проделали открытую выемку в склоне холма, пока не добрались до места, достаточно высокого для их цели. Здесь они расширили эту выемку, превратив ее в яму размером 105 на 70 футов, оставив в центре храм очень элегантной архитектуры с семью небольшими кельями, окружающими его, точно так же, как это было сделано в случае с Киласом в Эллоре. Однако эффект вряд ли можно назвать приятным ([Гравюра на дереве № 246](#)). Храм, стоящий в яме, всегда является аномалией, но в данном случае он ценен как неизменный образец стиля и как демонстрация того, как маленькие святилища, которые слишком часто исчезали, изначально группировались вокруг более крупных святилищ. Ценность этой характеристики мы сможем лучше оценить, когда перейдем к описанию храмов в Брамбанаме и других местах Явы. Когда джайны переняли архитектуру буддистов, они наполнили свои жилые кельи изображениями и превратили их в маленькие храмы, и индуисты, похоже, в какой-то степени переняли ту же практику, что и здесь, но никогда не применяли ее в такой степени.

246. Высеченный в скале храм в Думнаре. (Из плана Бит. Каннингем.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

247. Храм Шайвы близ Пунаха. (С наброска Даниэля.)

С достаточным количеством примеров было бы легко проследить взлет и падение этой клеточной системы, и мало что было бы более интересным; поскольку сейчас, когда мы находим ее в полной силе в буддийских монастырях Гандхары (*ante*, стр. 171), было бы наиболее важно иметь возможность точно сказать, когда монах подошел к изображению. В самой Индии нет ни одного примера, чтобы это делалось во буддийские времена или до, и до сих пор мы привыкли считать это чисто джайнским мероприятием. Теперь это должно быть изменено, но все еще остается вопрос — в какой степени это следует делать?

Еще одна иллюстрация должна завершить то, что мы сейчас можем сказать об индуистских храмах, высеченных в скалах. Он находится недалеко от Пунаха и очень малоизвестен, хотя гораздо больше подходит для пещерной архитектуры, чем большинство примеров такого класса. Сам храм представляет собой простой зал с колоннами, по-видимому, с десятью колоннами спереди, и, вероятно, первоначально на верхнем плато была построена структурная сикра, обозначающая расположение святилища. Однако самой оригинальной его частью является павильон Нунди, который стоит во внутреннем дворе перед храмом ([Гравюра на дереве № 247](#)). Он круглый в плане, а его крыша, представляющая собой большую каменную плиту, поддерживается, по-видимому, шестнадцатью квадратными колоннами очень простой формы. В целом, это такой же подходящий элемент дизайна, какой можно найти в индуистской пещерной архитектуре. Однако у него есть недостаток, слишком распространенный при раскопках в Индии, — находясь в яме, на него можно смотреть сверху вниз; это испытание, которое выдерживают очень немногие здания и которому не следует подвергать ни одно.

ГЛАВА IV.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И СЕВЕРНАЯ ИНДИЯ.

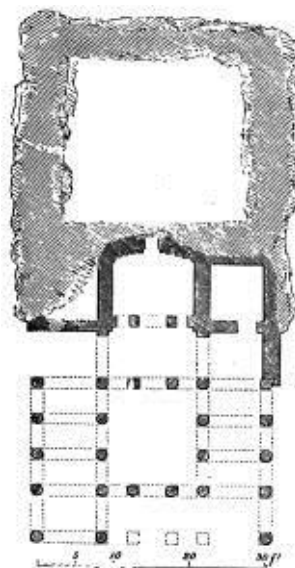
Содержание.

Храмы в Гвалиоре, Кхаджурахо, Удайпуре, Бенаресе, Биндрабуне, Кантонугтуре, Амритсуре.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРНОЙ ИНДИИ, БЕЗУСЛОВНО, ЕСТЬ более сотни храмов, которые вполне достойны подробного описания, и, если бы их описали и проиллюстрировали, они произвели бы прекрасное впечатление об изобилии изобретательности индуистского ума и элегантности, с которой он был способен выразить себя. Ни один из этих храмов не может претендовать на то, чтобы соперничать с великими образцами юга по масштабам; все они, действительно, меньше даже самого большого из ориссских образцов; и хотя некоторые из них превосходят ориссские храмы по элегантности форм, многие соперничают с ними в обильной проработке мельчайших декоративных деталей.

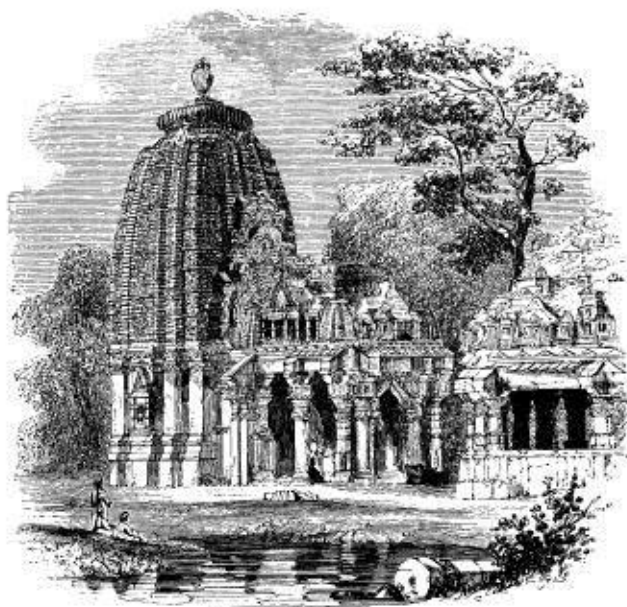
Ни один из этих храмов — по крайней мере, ни один из тех, что сейчас достроены, — не кажется сколько-нибудь древним. В Еруне, на территории Согора, есть несколько фрагментов колонн и несколько скульптур, которые, по-видимому, относятся к эпохе расцвета гуптов, скажем, около 450 г. н.э.; а на перевале Мокундра есть остатки чоултри, которые могут быть такими же древними, но это всего лишь фрагмент, [\[458\]](#) и на нем нет надписи.

Среди наиболее полных примеров, самый старый, о котором я знаю, и, следовательно, самый красивый, - это крыльцо или храм в Чандравати, недалеко от Джахра Путтун, в Раджпутане. По соседству полковник Тод найдена надпись, датированная А. Д. 691, [\[459\]](#), который одно время я думал, что, возможно, были приняты от этого храма, и, следовательно, может дать дату, которая была достаточно согласиться со стилем, [\[460\]](#) судить, что некоторые пещеры Эллора, который очень сильно напоминает. Однако, поскольку недавние открытия вынудили нас отодвинуть их датировку как минимум на столетие назад, вполне вероятно, что и это тоже должно восходить примерно к 600 году или около того. Действительно, вместе с Чаори на перевале Мокундра и колоннами в Эруне этот фрагмент Чандравати завершает список всего, в чем мы в настоящее время можем быть уверены, что оно было возведено до средневековья. Могут быть и другие, и, если это так, было бы хорошо, чтобы их изучили, поскольку это, безусловно, один из самых элегантных образцов архитектуры в Индии ([Гравюра на дереве № 248](#)). В нем нет поэтичности расположения восьмиугольных куполов джайнов, но он очень близок к ним благодаря большому квадратному пространству в центре, которое было покрыто самой элегантной крышей с самой изысканной резьбой, которая, как известно, где-либо существует. Его устройство, очевидно, заимствовано у буддийских вихар, и оно отличается от них по стилю, потому что их интерьеры всегда были оштукатурены и раскрашены; здесь, напротив, все честно высечено из камня. [\[461\]](#)

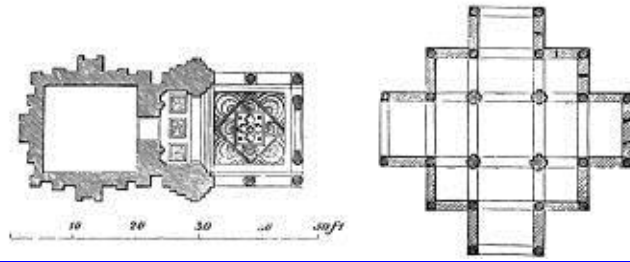

248. Храм в Чандравати.

Если оставить эти фрагменты, то одним из старейших и, безусловно, одним из самых совершенных в Центральной Индии является ныне оскверненный храм в Баролли, расположенный в диком и романтическом месте, недалеко от водопада Чумбул, чей отдаленный рев в тихой ночи - единственный звук, нарушающий тишину уединения вокруг них. Главный храм, представленный на гравюре на дереве № 249, вероятно, может быть добавлен к списку перечисленных выше зданий, возведенных до 750 г. н.э. Он определенно, по крайней мере, на столетие современнее храма в Чандравати, и, до более точного определения, может быть отнесен к 8 или 9 веку, и является одним из немногих известных сейчас зданий того времени, которые первоначально были посвящены Шиве. Его общие очертания идентичны очертаниям современных ориссанских храмов.

249. Храм в Баролли. (С рисунка автора.)

250. План храма в Баролли. (По рисункам автора.)

Но вместо крытого крыльца астилар, или мантапы, в нем есть очень элегантный портик с колоннами, крыша которого достигает половины высоты храма, и скульптура с богатством и сложностью дизайна почти не имеет себе равных даже в те дни терпеливого расточительного труда. На плане ([гравюра на дереве № 250](#)) будет видно, что размеры удивительно малы, а высота храма едва достигает 60 футов. высокий, так что его достоинство полностью заключается в форме и пропорциях, а также в элегантности и обилии покрывающего его орнамента.

Перед храмом находится отдельно стоящее крыльцо, называемое здесь Чаури, или брачный зал (по-моему, то же слово, что и Чоултри на юге), в котором традиция фиксирует брак принца племени хуна (гуннов) с невестой-раджпутни, для чего, как говорят, оно и было возведено;^[462] но так это или нет, это один из лучших примеров таких отдельно стоящих залов, известных на севере. Здесь нам не хватает восьмиугольного купола джайнов, который придал бы потолку элегантность и рельефность, хотя разнообразие в расположении колонн было достигнуто другим способом. Купол редко, если вообще когда-либо использовался в индуистской архитектуре, но они, похоже, пытались придать достаточное облегчение своему в остальном монотонному расположению колонн, нарушив внешний контур плана мантапы расположив проходы по диагонали через здание, вместо того, чтобы размещать их параллельно сторонам.

Два других храма здесь несколько выше и более заострены по форме и, следовательно, либо более современны по дате, либо, если они того же возраста — что, возможно, так и есть, — то датировка всей группы сводится к 10 веку, что, в конце концов, может быть их истинной датой, хотя в настоящее время я склонен думать, что более древняя дата больше соответствует нашим нынешним знаниям.

251. Колонна в Баролли.

(С таблички в "Анналах Раджастана" Тода.)

Недалеко от великого храма находятся две колонны, одна из которых представлена здесь ([Гравюра на дереве № 251](#)). Очевидно, они поддерживали одну из тех торанов, или триумфальных арок, которые пришли на смену воротам буддийских храмов и часто являются очень приятным дополнением к индуистским храмам. Однако в лучшем случае это хрупкие сооружения, которые легко разрушаются везде, где в дело вступает мусульманский фанатизм.

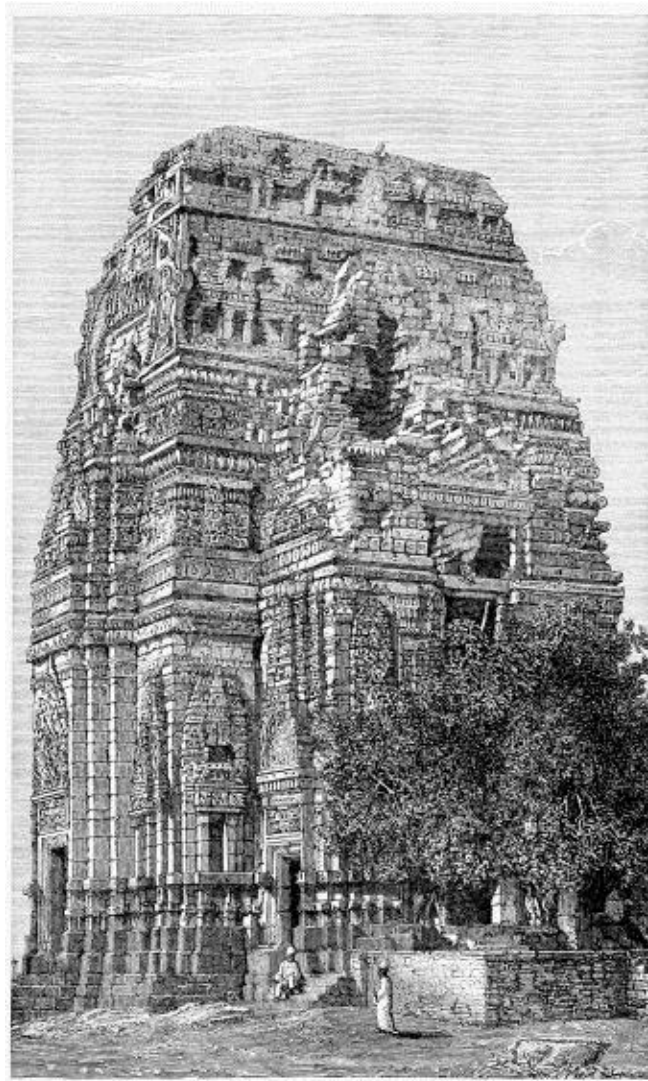
ВЕДУЩИЙ.

Один храм, существующий в крепости Гвалиор, уже был описан под названием джайнский храм (*ante*, стр. 244), хотя определить, джайнский он или вайшнавский, отнюдь не легко. На том же месте находится другой, носящий не очень достойное название Тели ка Мандир, или Храм нефтяника ([Гравюра на дереве № 252](#)). Это квадрат площадью 60 футов в каждую сторону, с портиком на востоке, выступающим примерно на 11 футов. В отличие от других храмов, которые мы описывали, он не заканчивается пирамидой и не увенчан амалакой, а представляет собой гребень протяженностью около 30 футов, на котором, возможно, первоначально было три амалаки. Я не могу отделаться от мысли, что когда-то такая форма храма была более распространенной, чем мы находим сейчас. В Махавеллипоре есть несколько примеров этого (гравюры на дереве № [181](#), [182](#)), очевидно скопированных с формы, распространенной среди буддистов, и один очень красивый пример найден в Бхуванешваре, [\[463\]](#) там называется Капила Деви и посвящен Шиве. Тели ка Мандир первоначально был посвящен Вишну, но впоследствии был преобразован в поклонение Шиве. Нет ни надписи, ни какой-либо традиции, из которой можно было бы установить его дату, но в целом я склонен отнести его к 10 или 11 веку.

КХАДЖУРАХО.

Как упоминалось выше, самая прекрасная и обширная группа храмов, принадлежащих к северному или индоарийскому стилю архитектуры, собрана вокруг великого храма в Бхуванешваре. Они также наиболее интересны с исторической точки зрения, поскольку их датировка охватывает пять или шесть столетий, и, следовательно, только они позволяют нам перекинуть мост через темные века индийского искусства. Из-за своего отдаленного расположения Орисса, по-видимому, избежала, по крайней мере в значительной степени, неприятностей, которые волновали северную и западную Индию в 8-м и 9-м веках; и хотя по этой причине мы не можем найти в Центральной Индии ничего, что могло бы заполнить пробел между Чандравати и Гуалиором, в Ориссе серия завершена, и, при надлежащем изучении и описании, позволила бы составить последовательную историю стиля, скажем, с 500 по 1100 или 1200 год н.э.

Следующей по интересу и размаху группой Бхуванешвар является группа в Кхаджурахо, [\[464\]](#) в Бундельканде, как упоминалось ранее (стр. 245). В этом месте сейчас находится около тридцати важных храмов, все из которых, за исключением Чонсат Джогини и Гантай, описанных при описании джайнской архитектуры, имеют одинаковый или почти одинаковый возраст.

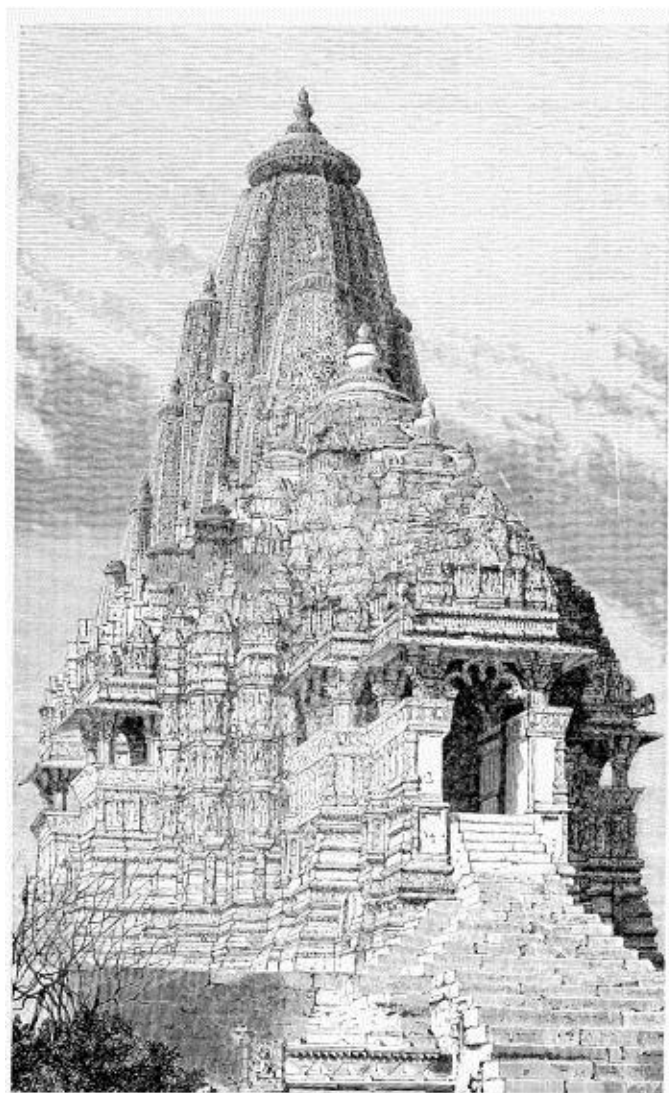
252. Тели ка Мандир, Гуалиор. (С фотографии.)

По их стилю и надписям, собранным генералом Каннингемом, нетрудно понять, что это была за эпоха. Надписи датируются от A.D. 954 to A.D. 1001 г. н.э.; и хотя неясно, к какому конкретному храму они относятся, мы, вероятно, не сильно ошибемся, если отнесем все двадцать восемь храмов, которые он перечисляет, к веку, начинающемуся 950 и заканчивающемуся 1050 годом, с разницей в несколько лет в любом случае. Что делает эту группу более чем обычно интересной, так это то, что храмы Кхаджурахо почти поровну разделены между тремя великими индийскими религиями: треть составляют джайны, треть - вайшнавцы, а остальная часть - шайвы; и все они современные, поэтому создается впечатление терпимости, к которой мы вряд ли были готовы после борьбы предыдущих столетий, хотя этого можно было ожидать тремя столетиями ранее.

Любопытным результатом такой терпимости или общности чувств является то, что архитектура всех трех групп настолько схожа, что, рассматривая ее в отдельности, никто не мог сказать, к какой из трех религий принадлежал тот или иной храм. Только при осмотре их скульптур становится очевидным их первоначальное назначение, и даже тогда обнаруживаются аномалии, которые трудно объяснить. Часть, например, скульптур главного храма Шайвы — Кандарья Махадео — носит крайне неприличный характер,^[465] единственный пример, насколько я знаю, чего-либо подобного, найденного в храме Шайвы, причем это дурное преимущество принадлежит храмам, принадлежащим почитателям Вишну. Возможно, что первоначально она принадлежала последней секте; но, принимая во внимание все обстоятельства, это крайне

маловероятно, и этот факт следует добавить ко многим другим, чтобы доказать, насколько смешанными были различные секты даже в то время и насколько мало антагонистических настроений они тогда имели друг к другу.

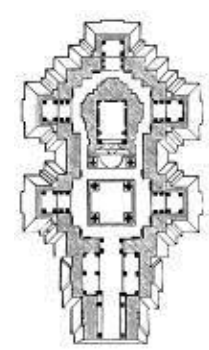
Общий характер этих храмов можно понять из прилагаемого изображения ([Гравюра на дереве № 253](#)) главного храма Шайвы, Кандарья Махадео. Как видно из плана ([гравюра на дереве № 254](#)), его длина составляет 109 футов, ширина - 60 футов, а внешне он находится на высоте 116 футов над землей и 88 футов над собственным полом. Его цоколь, или перпендикулярная часть, как и все великие храмы здесь, окружен тремя рядами скульптурных фигур. Генерал Каннингем насчитал 872 статуи на территории этого храма, высотой от 2½ футов до 3 футов, или примерно в половину натуральной величины, и они смешаны с обилием растительных форм и обычных деталей, которые не поддаются описанию. Вимана, или башня, как будет замечено, построена из более мелких повторений самой себя, что стало в этом возрасте одним из любимых способов украшения, а впоследствии и неотъемлемой чертой стиля.

253. Кандарья Махадео, Кхаджурахо. (С фотографии.)

Здесь это сделано с исключительным изяществом, придавая большое разнообразие игре света и тени, без излишнего нарушения контура. Крыша крыльца, если смотреть спереди, немного запутана, но если смотреть с боку, она приятно поднимается шаг за шагом, пока не упирается в

башню, причем каждая часть внутреннего устройства соответствующим образом выделяется снаружи.

254. План Кандарьи Махадео, Кхаджурахо. (Из плана Быт. Каннингем.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

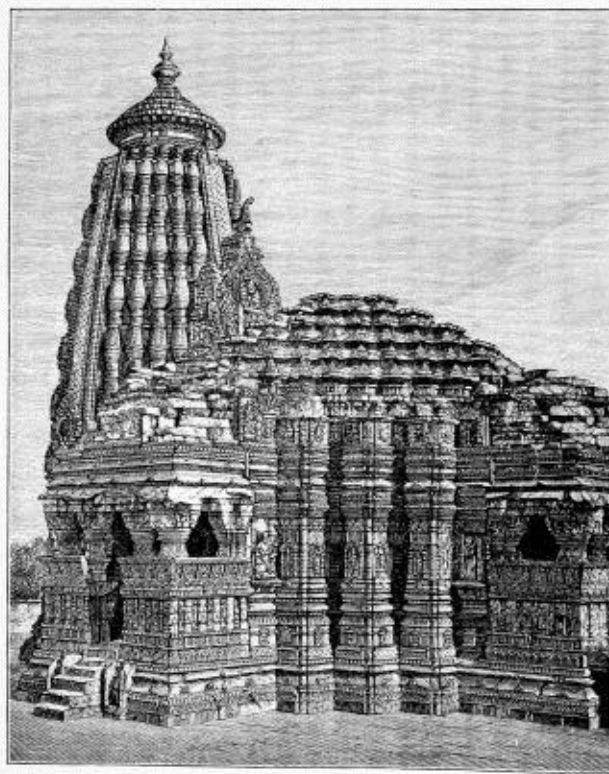
Если мы сравним дизайн джайнского храма ([Гравюра на дереве № 136](#)) с дизайном этого здания, мы не можем не признать, что первое, безусловно, самое элегантное, но, с другой стороны, богатство и энергия храма Махадео компенсируют недостаток элегантности и завораживают, несмотря на его несколько запутанные очертания. Джайнский храм является законным продолжением класса храмов, возникших в Великом Храме в Бхуванешваре, в то время как Кандарья Махадео демонстрирует полное развитие того стиля убранства, который привел к постоянному повторению самого себя в меньшем масштабе, чтобы составить полное целое. Обе системы имеют свои преимущества, но в целом более простая, по-видимому, предпочтительнее более сложного способа проектирования.

УДАЙПУР.

Уже приведенных примеров, возможно, будет достаточно, чтобы ознакомить читателя с общей формой индоарийского храма, но поскольку нет двух совершенно похожих друг на друга, их разнообразие бесконечно. Однако есть одна форма, которая стала очень модной примерно в 11 веке и настолько характерна, что заслуживает иллюстрации. К счастью, очень совершенный пример существует в местечке под названием Удайпур, недалеко от Бхилсы, на территории Бхопала.

Как видно из гравюры на дереве (№ [255](#)), крыльцо покрыто низкой пирамидальной крышей, расположенной по диагонали основания и поднимающейся ступенями, каждая из которых украшена вазами или урнами различной формы. Башня украшена четырьмя плоскими полосами необычайной красоты и элегантности дизайна, между каждой из которых находятся тридцать пять маленьких повторений самой себя, расположенных одна над другой в пять ярусов, каждый из которых увенчан амалакой и вазой очень элегантного дизайна. Поскольку каждая часть этого сооружения вырезана с большой точностью и изяществом, и поскольку в настоящее время все в целом совершенно, есть несколько храмов такого класса, которые дают лучшее представление о стиле, чем этот. К счастью, также прекрасно известна его дата. Из надписи, скопированной лейтенантом Бертом, следует, что он был возведен королем, правившим в Малве в 1060 году нашей эры. [\[466\]](#)

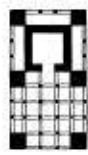

255. Храм в Удайпуре.

В Каллиане, в Бомбейской гавани, есть храм под названием Амбернатх, очень похожий на этот, на изготовление рисунков и слепков с которого правительство Бомбея в последнее время потратило много денег.^[467] Однако он находится в очень плачевном состоянии, и даже в идеальном состоянии никогда не мог сравниться с этим в Удайпуре и многими другими, на которые можно было бы потратить больше денег. В нем находится плита с надписью, датированной сакским 782 годом, или 860 годом н.э.^[468] Однако не совсем ясно, принадлежит ли эта надпись храму, который мы сейчас видим, или более раннему, фрагменты которого найдены встроенными в виману нынешнего храма. Если дата строительства храма соответствует только что приведенной, как хотел бы убедить нас доктор Бхауаджи, все, что можно сказать, это то, что она совершенно аномальна. Если это в 1070 году н.э., то, как может привести нас к выводу другая надпись, которую он цитирует, найденная рядом с этим местом,^[469] это согласуется со всем остальным, что мы знаем об этом стиле.

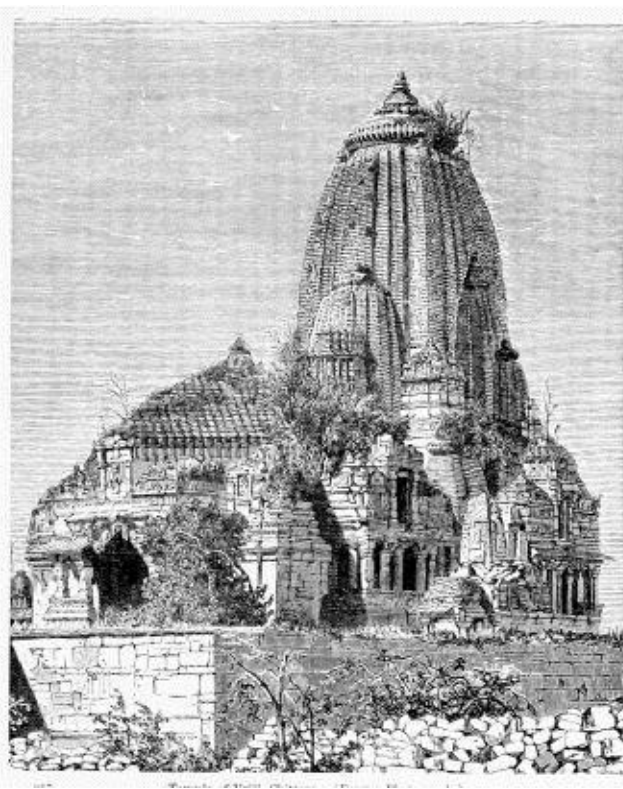
Еще одна иллюстрация должна дополнить то, что мы сейчас должны сказать об этих индоарийских храмах. Это одно из самых современных зданий в этом стиле, возведенное Меерой Байе, женой Кхумбо Раны из Читторе (а.д., 1418-1468 гг. н.э.). Кхумбо, как хорошо известно, был предан джайнской вере, воздвигнув храм в Садри ([Гравюра на дереве № 133](#)) и Столп Победы ([гравюра на дереве № 143](#)); однако здесь мы видим, что он и его жена возводят в своей столице два храма, посвященных Вишну. Королевский храм, который находится неподалеку, намного меньше этого, за что его жене воздается должное. В плане единственной особенностью является то, что прадакшина, или путь процессии вокруг кельи, представляет собой здесь открытую колоннаду с четырьмя небольшими павильонами по четырем углам, и это повторяется в портике способом, показанным на прилагаемой схеме ([Гравюра на дереве № 256](#)).

256. Схема, поясняющая план храма Миры Байе, Читторе. Масштаба нет.

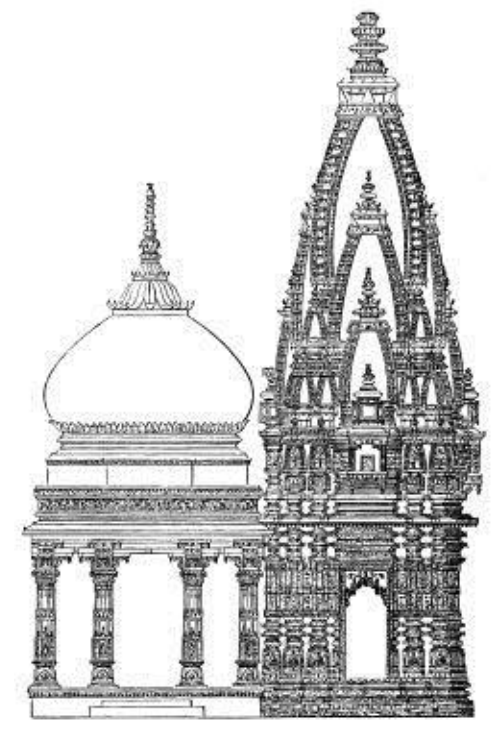
Крыша портика в форме пирамиды расположена по диагонали, как в Удайпуре, в то время как сама башня имеет настолько цельные и непрерывные очертания, что на первый взгляд ее можно отнести к гораздо более ранней дате, чем 15 век ([Гравюра на дереве № 257](#)). Однако при внимательном рассмотрении мы упускаем из виду частые полосы амалака и другие декоративные элементы более ранних времен, а венчающие элементы больше похожи на элементы древних храмов. Изгиб его очертаний также правильный от основания к вершине и, следовательно, более слабый, чем у более старых образцов; но в целом он, безусловно, больше похож на древний храм, чем любой другой храм такого возраста, с которым я знаком. Это было возрождение, последнее угасающее усилие стиля, который умирал, по крайней мере, в такой форме.

257. Храм Вриджи, Читторе. (С фотографии.)

ВИШВЕШВАР, БЕНАРЕС.

Если вы попросите брахмана из Бенареса указать вам самый древний храм его города, он неизбежно приведет вас к Вишвешвару, как не только самому святому, но и старейшему из его священных сооружений. Тем не менее, известно, и это не подлежит сомнению, что храм в том виде, в каком он стоит сейчас, был возведен с фундамента в прошлом веке, чтобы заменить тот, который был разрушен и осквернен фанатиком Аурунгзебе. Это он сделал для того, чтобы воздвигнуть на самом почитаемом индусами месте свою мечеть, высокие минареты которой до сих пор оскорбленно возвышаются над всеми индуистскими зданиями города. Странно то, что в этом утверждении брахманы не так уж далеки от представления истинного положения дел.

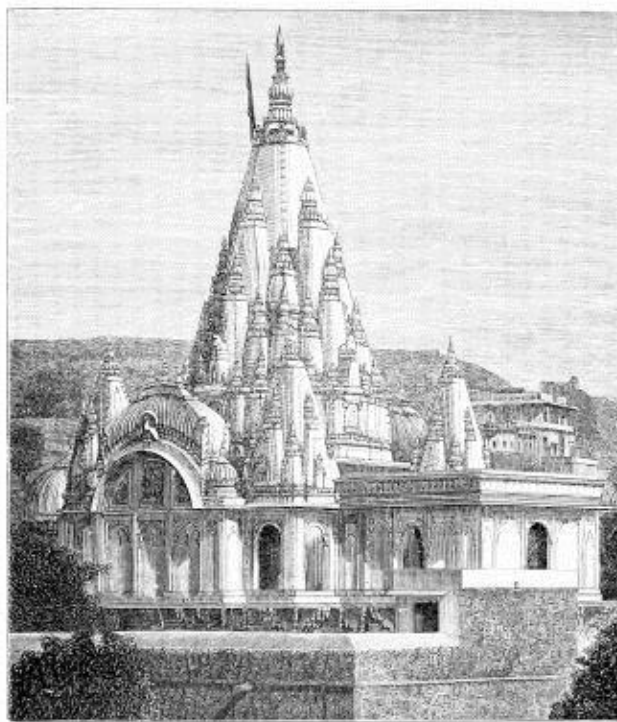

258. Храм Вишвешвара. (Из книги Принсепа "Виды в Бенаресе".) Масштаба нет.

Вряд ли в Индостане найдется какой-либо крупный город, в котором сохранилось бы так мало свидетельств древности, как Бенарес. Вряд ли можно сказать, что буддийские руины в Сарнатхе принадлежат городу, и даже там они, как объяснялось выше, являются самыми современными образцами своего класса в Индии. Дело в том, что самыми старыми зданиями в городе являются мусульманские гробницы и постройки около Букария Кунд, и они почти наверняка относятся к 15 веку. Даже храм Вишвешвар, который Аурунгзебе разрушил, не был возведен до правления его предшественника Акбара. Стиль настолько почти идентичен стилю известных зданий времен его правления в Муттре и других местах, что на этот счет не может быть никаких сомнений. Когда его осквернили, это было главное и, вероятно, самое великолепное здание своего класса в городе. Возможно, и, вероятно, это правда, что ведические брахманы воздвигли свои огненные алтари, поклонялись солнцу и поклонялись стихиям на этом месте 4000 лет назад. Возможно также, что эмблема Шивы привлекала восхищенные толпы к этому месту в течение последних 1000 лет; но нет никаких материальных свидетельств того, что до времен Акбара (A.D. 1556-1605 гг. н.э.) здесь когда-либо возводилось какое-либо важное постоянное здание, чтобы облагородить местность.,,,

Нынешний храм двойной: две башни или шпиля почти в точности повторяют друг друга. Один из них представлен на предыдущей гравюре на дереве (№ [258](#)), и они соединены притвором, увенчанным куполом, заимствованным из магометанского стиля, который, хотя и изящен и приятен по дизайну, вряд ли гармонирует с архитектурой остальной части храма. Шпили имеют каждый 51 фут в высоту и покрыты орнаментом в объеме, вполне достаточном даже для этого стиля. Все детали также элегантны, резко и чисто вырезаны, без каких-либо признаков вульгарности или безвкусицы; но они слабы по сравнению с более древними образцами, а формы пирамидальных частей утратили то выражение мощи и конструктивной уместности, которые были так очевидны на ранних стадиях развития искусства. Однако любопытно, что для стиля и места характерно, что здание, едва достигающее 50 футов в длину и столько же в высоту, должно быть главным храмом в самом священном городе индусов, и в равной степени то, что храм, которому едва исполнилось 150 лет, следует считать самым древним, в то время как это единственное, что отмечает это самое святое место в религиозной космогонии индусов.

Еще одного примера должно быть достаточно, чтобы объяснить окончательную форму, которой достигли древние башни орисских храмов в нынешнем столетии. Он только что закончен и был возведен матерью нынешнего правящего магараджи Гвалиора, и к нему была пристроена гробница или кенотаф либо ею самой, либо ее сыном. Как видно из гравюры на дереве (№ [259](#)), она элегантна, хотя и слабовата по сравнению с древними образцами. Магометанский купол виден на заднем плане, а изогнутая бенгальская крыша - в павильоне впереди. Наиболее поразительной особенностью стиля является то, что сикры почти утратили изящную изогнутую форму, которая является наиболее заметной особенностью всех древних образцов. Как уже отмечалось, прямолинейная пирамида впервые появляется в храме Тахт-и-Сулеймана в Кашмире, где ее появление, вероятно, ускорили деревянные прямолинейные крыши в оригинальном местном стиле. Однако это столь же очевидно и в храме, который Чейт Синг, раджа Бенареса, воздвиг в Рамнагтере в конце прошлого или начале нынешнего столетия. С тех пор тенденция все больше и больше развивалась в этом направлении, и если ее не остановить, велика вероятность того, что кривая полностью исчезнет еще до истечения столетия. Европейскому глазу, привыкшему только к нашим прямым шпилям, это вряд ли может показаться поводом для сожаления; но любому, кто воспитан на восточных традициях, вряд ли может показаться сомнительным, что эти шпили утратят половину своего очарования, если лишатся изящных изогнутых очертаний, которые они так долго сохраняли.

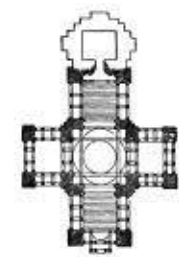
259. Храм Матери Синдии, Гвалиор. (С фотографии.)

БИНДРАБАН.

Чтобы не прерывать рассказ о постепенном развитии стиля, история была доведена до наших дней настолько последовательно, насколько это возможно, таким образом предвосхищая даты нескольких храмов. Однако представляется целесообразным, чтобы это было сделано в любой истории, поскольку мало что в своем классе представляет больший интерес, чем проследить прогрессивные изменения, благодаря которым прочная форма храма Парашурамешвара в Бхуванешваре или великого храма там превратилась в слабую элегантность храмов Вишвешвара или Гуалиора. Несколько примеров, которые можно привести в такой работе, как эта, может быть недостаточно, чтобы сделать это настолько ясным для других, как для меня. На двадцати или

тридцати примерах это можно было бы сделать самоочевидным, и однажды это может быть сделано, и таким образом эта любопытная глава в истории архитектуры будет добавлена к установившейся последовательности, которую обеспечивает каждый истинный стиль искусства. Между тем, однако, необходимо вернуться немного назад, чтобы упомянуть один или два аберрантных типа, которые все еще представляют определенный интерес.

Как упоминалось выше, не представляется доказанным, что мусульмане действительно бессмысленно разрушали индуистские храмы, за исключением случаев, когда им нужны были материалы для возведения мечетей или других зданий. Но, так это было или нет, очевидно, что первые три столетия магометанского правления в Индии были исключительно неблагоприятными для развития индуистского искусства в любой части страны, где их правление было прочно установлено. Однако с наступлением терпимого правления Акбара установилось новое положение дел. Мало того, что сам он был полностью лишен религиозного фанатизма, но большинство — или, по крайней мере, самые выдающиеся — из его министров и друзей были индуистами, и он внимательно прислушивался к христианским миссионерам, которые часто посещали его двор. Но, помимо терпимости, его правление было отмечено такой степенью процветания и великолепия, до тех пор неизвестных ни одному другому индийскому монарху его веры. Мало того, что его собственные здания не имеют себе равных по своим масштабам и великолепию, но он призывал всех окружающих следовать его примеру и нашел, среди прочих, наиболее подходящего подражателя в знаменитом Человеке Сингхе из Амбера, впоследствии Джейпура, который правил в 1592-1615 годах нашей эры. Он воздвиг в Биндрабуне храм, который либо оставил незаконченным после своей смерти, либо сикра которого, возможно, была разрушена Аурунгзебе. Это один из самых интересных и элегантных храмов в Индии и, возможно, единственный, у которого европейский архитектор мог бы позаимствовать несколько намеков.

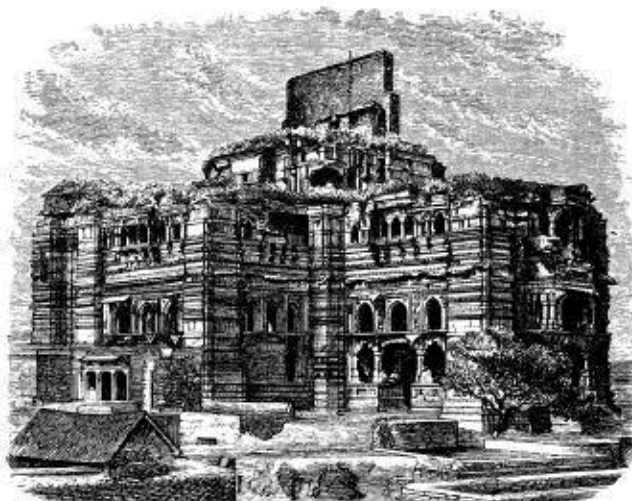

260. План храма в Биндрабуне. (Автор.) Масштаб 100 футов на 1 дюйм.

Храм в его нынешнем виде состоит из крестообразного притвора, внутренне почти совершенного, хотя внешне неясно, как его предполагалось отделать (Гравюры на дереве № № [260](#), [261](#)). Келья тоже совершенна внутренне — используется для богослужения, — но сикра исчезла; возможно, она так и не была достроена. Хотя он и невелик, его размеры внушительны: крыльцо имеет размеры 117 футов на восток и запад, на 105 футов на север и юг и перекрыто настоящим сводом, построенным с расходящимися арками — единственный экземпляр, кроме одного, который, как известно, существует в индуистском храме на севере Индии. Над четырьмя ветвями креста простой свод длиной всего 20 футов, но в центре он расширяется до 35 футов и по дизайну вполне соответствует лучшим известным готическим сводам. Однако наиболее примечательным является внешний вид этого храма. Углы подчеркнуты с особой силой и решительностью, а проемы, которых более чем достаточно для данного климата, живописно расположены и приятно разделены. Однако именно сочетание вертикальных и горизонтальных линий, покрывающих всю поверхность, является большим достоинством дизайна. Это, действительно, не характерно для этого храма; но в Бхуванешваре, Хуллабиде и в других местах вся поверхность настолько перегружена орнаментом, что граничит с дурным вкусом. Здесь акценты одинаковы, но поверхности сравнительно простые, и эффект зависит скорее от

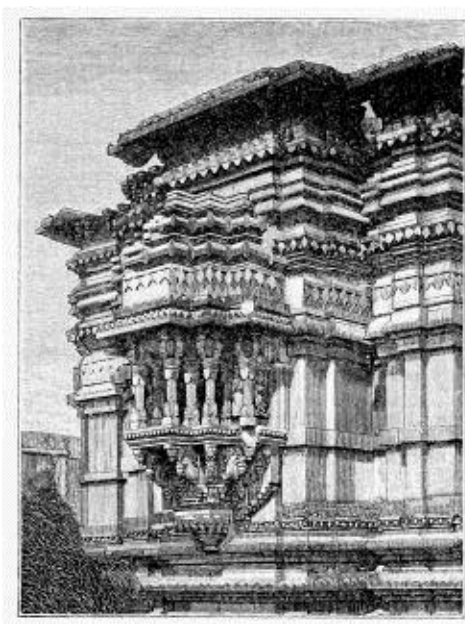

элегантности профиля лепнины, чем от степени орнаментации. Без тщательно проработанных рисунков было бы трудно передать правильное впечатление об этом; но прилагаемого вида ([Гравюра на дереве № 262](#)) балкона с сопутствующими элементами будет достаточно, чтобы проиллюстрировать, что имеется в виду. Фигуры с таким же успехом можно было бы опустить: будучи вырезанными там, где долгое время было сильно мусульманское влияние, они являются самой слабой частью рисунка.

261. Вид на храм в Биндрабуне. (С фотографии.)

Другой сводчатый храм, о котором только что упоминалось, находится в Говердхуне, неподалеку, и построен под тем же терпимым влиянием во времена правления Акбара. Внешне это простое здание 135 футов в длину и 35 футов в ширину, и как по плану, так и по дизайну оно удивительно похоже на те раннероманские церкви, которые постоянно встречаются на юге Франции и относятся к 11-12 векам. Если, действительно, не вдаваться в детали слишком пристально, это могло бы почти сойти за образец христианского искусства того времени, [\[470\]](#) хотя, за исключением масштаба, план паперти в Биндрабане имеет поразительное сходство с планом святого Фронта в Периге ([гравюра на дереве № 328](#), том i). Сходство, конечно, случайное; но любопытно, что архитекторы, столь далекие друг от друга по времени и месту, так часто используют одни и те же устройства, чтобы добиться определенных желаемых эффектов.

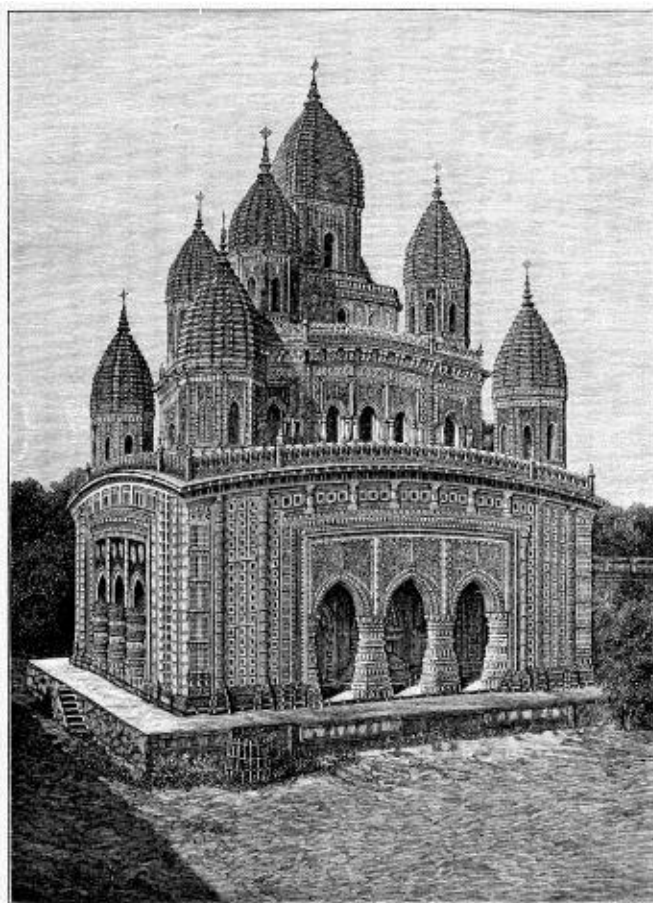

КАНТОНАГГУР.

В дополнение к великому индоарийскому стилю строительства храмов, описанному выше, существует ряд небольших отклоняющихся типов, которые было бы целесообразно описать в более обширной работе; но, за исключением одного, ни один из них не кажется достаточно важным, чтобы требовать иллюстрации в работе, подобной настоящей. Исключительный стиль - это тот, который вырос в самой Бенгалии после ослабления магометанской суровости религиозной нетерпимости и в настоящее время широко практикуется в провинции. Возможно, он существовал и раньше, но примеров не известно, и, следовательно, невозможно быть уверенным в этом. Его главной особенностью является изогнутый карниз, скопированный с хижин аборигенов бамбу. Чтобы понять это, может быть, стоит объяснить, что крыши всех хижин в Бенгалии состоят из двух прямоугольных каркасов из бамбука, идеально плоских и прямоугольных при формировании, но при поднятии с земли и установке на основание они изгибаются так, что эластичность бамбука, сопротивляясь изгибу, удерживает все крепления в состоянии натяжения, что делает крышу из очень хрупких материалов необычайно прочной. Это единственный известный мне пример использования эластичности в строительстве, но он настолько исключительно успешен в достижении желаемой цели и настолько распространен, что мы вряд ли можем удивляться, что, когда бенгальцы обратили свое внимание на более постоянные способы строительства, они должны были скопировать этот. Почти наверняка он использовался для тех же целей до магометанского владычества, поскольку его можно найти во всех мечетях в Гауре и Малде; но мы не знаем о его использовании в индуистских храмах до более позднего времени, хотя сейчас он чрезвычайно распространен по всей северной Индии.

Одним из лучших образцов храма в этом стиле является храм в Кантонуггуре, в двенадцати милях от станции в Динаджепоре. Он был начат в 1704 году нашей эры и закончен в 1722 году. [\[471\]](#) Как видно из прилагаемой иллюстрации ([гравюра на дереве № 263](#)), это храм с девятью башнями, значительных размеров и приятно живописного дизайна. Центральный павильон квадратный и, если бы не его заостренная форма, достаточно ясно показывает его происхождение от ориссанских прототипов; остальные восемь восьмиугольные и, как мне кажется, должны быть заимствованы из магометанских оригиналов. Преобладающие повсюду стрельчатые арки, безусловно, заимствованы из этого стиля, но поскольку здание построено из кирпича, их использование было неизбежно.

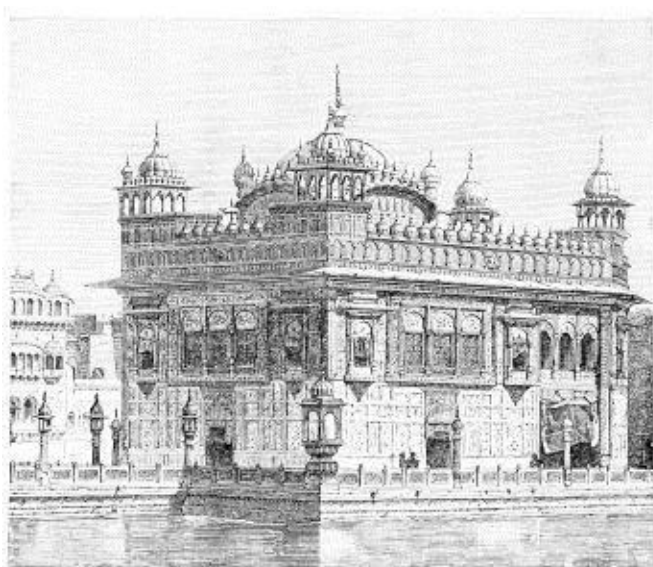
В здании не используется камень, и вся поверхность покрыта терракотовыми узорами, частично обычными, и они часто повторяются, поскольку могут быть не оскорбляющими вкус; но основная их часть представляет собой фигурки, которые, кажется, никогда не повторяются, и образуют идеальное хранилище манер, обычаев и костюмов народа Бенгалии в начале прошлого века. По исполнению они неизмеримо уступают резьбе на старых храмах в Ориссе или Майсуре, но по общему эффекту богатства и расточительности труда этому храму вполне можно позволить соперничать с некоторыми из более ранних образцов.

263. Храм в Кантонугуре. (С фотографии.)

В Гопал-Гунге есть еще один, более богато украшенный храм в том же стиле, [\[472\]](#) в том же районе, но в несравненно худшем вкусе; и храм, известный как Черная пагода, в Калькутте, и многие другие по всей Нижней Бенгалии; но вряд ли какой-либо столь же достойный иллюстрации, как этот в Кантонугуре.

АМРИТСУР.

264. Золотой храм в Священном резервуаре в Амритсуре.

Еще один пример может послужить пока дополнением к тому, что мы должны сказать о храмах современной Индии. На этот раз, однако, это уже не святилище идолов, а монотеистическое место молитвы, и, следовательно, оно наиболее существенно отличается от тех, которые мы описывали. Религия сикхов, по-видимому, была протестом как против грубого идолопоклонства индусов, так и против непреклонного монотеизма мусульман. Однако не похоже, чтобы храмы или великолепные церемониалы составляли какую-либо часть религиозной системы, предложенной ее основателями. Чтение 'Гранта' и молитва - это то, на чем настаивали, но даже тогда не обязательно публично. Как следствие, мы ничего не знаем об их храмах, если они у них и были; но Рунджит Сингх слишком ревностно относился к богатству своих индуистских и мусульманских подданных, чтобы в этом отношении не желать соперничать с ними в великолепии, и, следовательно, у нас есть Золотой храм в Священном резервуаре в Амритсуре — самый великолепный образец своего класса, который можно найти в Индии, хотя ни его очертания, ни детали не заслуживают похвалы ([Гравюра на дереве № 264](#)). Однако это полезно как пример одной из форм, которые приняла индийская храмовая архитектура в 19 веке, и где мы пока должны ее оставить. Джайны и индуисты еще могут совершить в нем великие дела, если им удастся избежать влияния европейского подражания; но теперь, когда суверенитет перешел от сикхов, мы не можем ожидать, что их священники или народ будут предаваться великолепию, которое их религия не одобряет.

ГЛАВА V.

ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА.

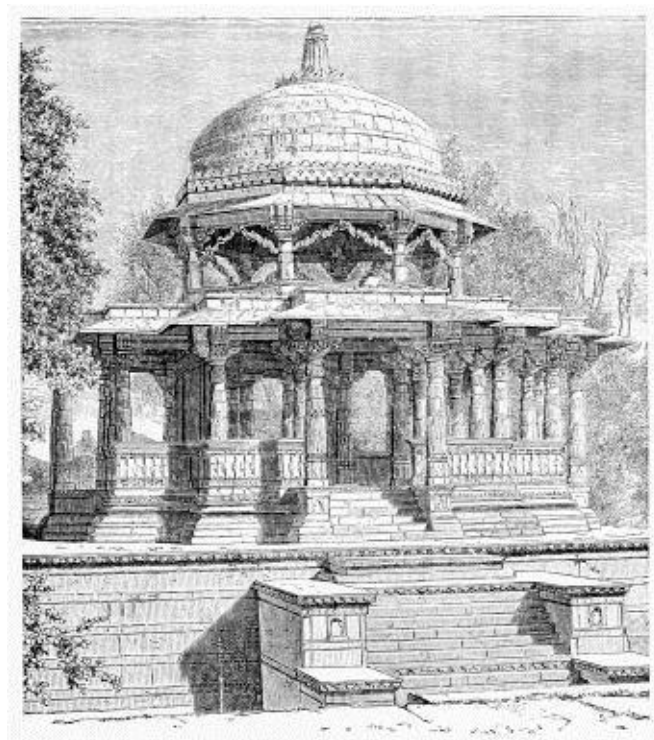
Содержание.

Кенотафы—Дворцы в Гвалиоре, Амбере, Диггхатсе—Водохранилища—Плотины.

КЕНОТАФЫ.

КАК отмечалось выше, одной из самых неожиданных особенностей искусства, практикуемого жителями южной Индии, является отсутствие каких-либо попыток создать могильное великолепие. Поскольку дравиды, несомненно, были туранского происхождения и по сути своей были строителями, мы, конечно, ожидали бы, что они должны проявлять некоторое уважение к памяти своих великих людей. Однако даже неясно, насколько можно утверждать, что кромлехи, дольмены или могильные круги, обнаруженные по всему югу Индии, принадлежат дравидам на более грубой стадии развития общества, или же они принадлежат каким-то аборигенным племенам, которые, возможно, переняли язык высших рас, не будучи способными изменить инстинкты своей расы. Даже после того, как они увидели, с каким уважением мусульмане относятся к ушедшему величию, они не смогли подражать им в этой особенности. Иначе обстояло дело на севере Индии — не среди чистокровных арийцев, конечно; но в штатах раджпутов, где кровь менее чиста, они охотно воспользовались предложением магометанского великолепия в этом отношении и воздвигли жертвенники на тех местах, где были сожжены их тела. Где также их вдовы с той странной преданностью, которая является самой благородной чертой характера индуистской женщины, приносили себя в жертву тому, что они считали своим долгом.

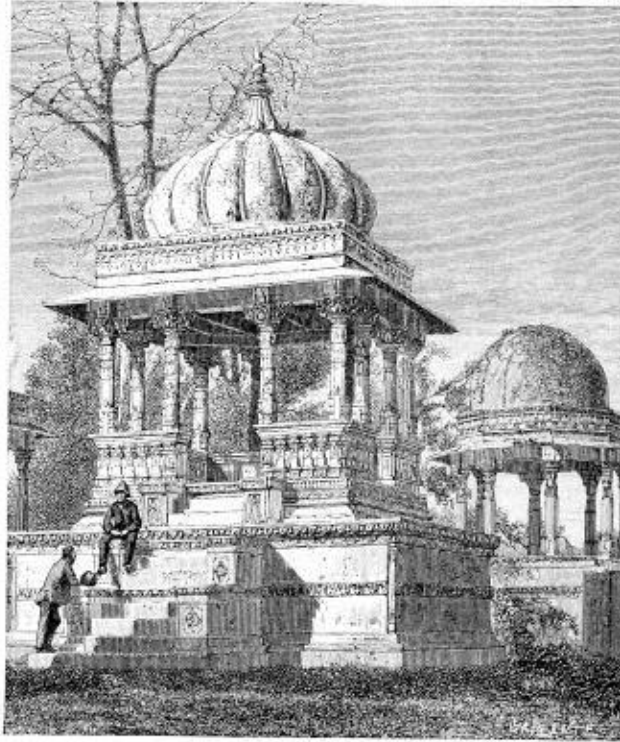
В Раджпутане в каждой родной столице есть свое Маха Сати, или место, где похоронены правители государства и их ближайшие родственники вместе со своими женами. Большинство из них соответствующим образом расположены в уединенном месте на некотором расстоянии от города, и, поскольку местность обычно выбирается потому, что она скалистая и густо поросшая лесом, она образует самый живописный некрополь, какой только можно найти где-либо. Однако из них самым великолепным и, безусловно, одним из самых живописных является Удейпур, столица Мевара и глава всех существующих до сих пор раджпутских государств. Здесь буквально сотни гробниц всех размеров, от маленького куполообразного купола, поддерживаемого четырьмя колоннами, до великолепного чаттри, восьмиугольный купол которого поддерживают пятьдесят шесть, поскольку он был местом захоронения народа с тех пор, как Акбар изгнал их из древней столицы Читторе в 1580 году.

265. Кенотаф Синграм Синг в Удейпуре. (С фотографии.)

Все они увенчаны куполами, и все в большей или меньшей степени претендуют на архитектурную красоту; в то время как, поскольку они сгруппированы вместе по воле случая и перемежаются благородными деревьями, было бы трудно указать где-либо более красивое кладбище. Среди лучших - гробница Синграма Синга, одного из самых прославленных представителей своей расы, который был похоронен на этом месте вместе с двадцатью одной из своих жен в А.Д. 1733 году нашей эры. Как видно из прилагаемой гравюры на дереве (№ [265](#)), это портик с пятьюдесятью шестью колоннами и одним восьмиугольным куполом в центре (*вид спереди*, гравюра на дереве № 119). Сам купол опирается на восемь карликовых колонн, которые, однако, вряд ли кажутся достаточными для этой цели. Архитектор, по-видимому, хотел избежать любого проявления того мрака или торжественности, которые характеризуют современные мусульманские гробницы, но, сделав это, допустил ошибку в другом направлении. Основание здесь, конечно, недостаточно прочно для той массы, которую оно должно поддерживать; но в целом оно такое элегантно, а эффект такой приятный, что кажется излишне придирааться к нему, и трудно найти, даже среди магометанских гробниц, что-либо более красивое.

266. Кенотаф в Маха Сати в Удейпуре. (С фотографии.)

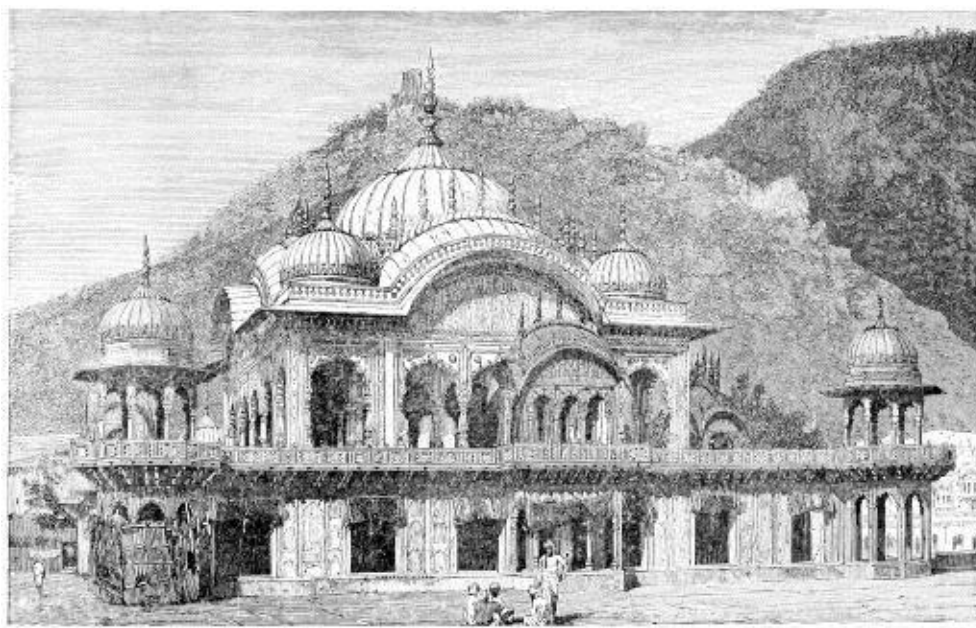
По-видимому, именно он воздвиг кенотаф в память о своем предшественнике Амере Синге II, поскольку индусы, по-видимому, не зашли так далеко в подражании мусульманам, чтобы возводить свои собственные гробницы. По стилю он очень похож на последний описанный, за исключением того, что в нем всего тридцать две колонки вместо пятидесяти шести. Однако у него такой же высокий стилобат, который так сильно усиливает эффект этих гробниц, но есть и тот же недостаток — купол поднят на восьми карликовых колоннах, которые кажутся недостаточными для этой цели.^[473]

Гравюра на дереве № 266 представляет собой кенотаф на этом кладбище всего с двенадцатью колоннами, который *с соответствующими изменениями* идентичен знаменитой гробнице в Галикарнасе.^[474] Высокий стилобат, двенадцать колонн, восьмиугольный купол и общий способ строительства те же; но двенадцать или тринадцать столетий, прошедших между их возведением, и разница в местности настолько изменили детали, что сходство с первого взгляда нелегко распознать. Судя по форме его купола, он, очевидно, значительно современнее описанного ранее; возможно, он действительно был возведен в пределах нынешнего столетия.

Справа от той же гравюры на дереве находится еще один кенотаф всего с восемью колоннами, но эффект настолько слабый и неприятный, что вряд ли стоит удивляться тому, что такое расположение встречается так редко. Угловые колонны кажутся незаменимыми для придания дизайну той выразительности и твердости, которые необходимы во всей хорошей архитектуре.

Следует заметить, что эти последние две иллюстрации практически выполнены в джайнском архитектурном стиле; ибо, хотя рана из Удейпура и приняла магометанскую форму, они придерживались стиля архитектуры, который практиковали их предки и который Кхумбо Рана лишь недавно сделал таким знаменитым. Это придает им вид большей древности, чем они имеют на то право, поскольку совершенно очевидно, что Удейпур не был столицей королевства до разграбления Читторе в 1580 году; и почти в равной степени индусы никогда не думали о таком способе увековечения памяти своих умерших до терпимого правления Акбара. Он сделал больше, чем все, что было сделано до или после, чтобы сплавить антагонистические чувства двух религий воедино, придав им хотя бы поверхностное сходство.

Дальше на север, где джайнский стиль никогда не использовался в такой степени, по крайней мере, как на юго-западе, индусы приняли совсем другой стиль в своих дворцах и кенотафах. Это был гораздо более арочный стиль, и хотя, насколько я знаю, никогда не использовались настоящие арки, они приняли форму слоистой арки, которая так распространена во дворцах Агры и Дели, а также во всех зданиях Великих Моголов. Во дворце в Диге и в кенотафах Говердхуна этот стиль представлен в величайшем совершенстве. Это хорошо проиллюстрировано со всеми его особенностями на следующем снимке гробницы Бактавара Синга в Ульваре, возведенной в пределах нынешнего столетия ([Гравюра на дереве № 267](#)).

267. Гробница раджи Бактавара в Ульваре. (С фотографии.)

На взгляд европейца, возможно, наименее приятной деталью будут изогнутые бенгальские карнизы, упомянутые в предыдущей главе; но для любого, знакомого с этим стилем, их использование преодолевает многие трудности, с которыми прямая линия вряд ли могла бы справиться, и в целом они составляют с их куполами и павильонами такую же приятную группу своего класса, какую можно найти в Индии, по крайней мере, в ее возрасте. Гробницы бхуртпурских раджей в Говердхуне похожи на эту, но в большем масштабе, и некоторые из них, будучи старше, выполнены с лучшим вкусом; но в более современных гробницах нет большинства недостатков, которые слишком характерны для искусства Индии в наши дни, и некоторые из них очень современны. Один из них находился в процессе строительства, когда я был там в 1839 году, и от его архитектора я узнал больше о секретах искусства, практиковавшихся в Средние века, чем из всех книг, которые я прочитал с тех пор. Еще одно здание было начато после моего визита, и это далеко не одно из худших в своем классе. Если бы только можно было внушить местным жителям чувство гордости за их собственный стиль, то, кажется, нет никаких сомнений в том, что даже сейчас они могли бы соперничать с работами своих предков.

Дворцы.

Еще одна черта, по которой северный стиль наиболее приятно отличается от южного, - это количество и красота дворцов, которые есть во всех столицах местных штатов, особенно в Раджпутане. Они редко проектируются с большим упором на архитектурную симметрию или эффект, но, тем не менее, всегда являются живописными и, как правило, наиболее декоративными объектами в ландшафте, где они находятся. Как правило, они расположены на скалистых возвышенностях, выступающих в озера или искусственные водоемы или нависающих над ними,

которые всегда являются приятным дополнением к зданиям любого типа в этом климате; и то, как они встроены в скалы или, кажется, вырастают из них, часто приводит к самым живописным сочетаниям. Иногда их основания укрепляются круглыми башнями или бастионами, на террасах которых стоит дворец; и даже когда это не так, цокольный этаж обычно застраивается монолитно на значительную высоту таким образом, чтобы создать наиболее приятный эффект прочности всего здания, какой бы легкой ни была надстройка, и часто таковой является. Если к этим естественным преимуществам вы добавите тот факт, что индуст высшей касты почти неспособен к дурному вкусу, и что все эти дворцы в точности такие, какими они себя представляют, без какого—либо притворства тем, кем они не являются, или копирования какого-либо стиля, древнего или современного, но который лучше всего подходит для их целей, - вам не составит труда понять, какими приятными объектами изучения на самом деле являются эти раджпутские дворцы. В то же время будет легко понять, насколько трудно в такой работе, как эта, передать какое-либо адекватное представление об их красоте; без планов, объясняющих их расположение, и архитектурных деталей их интерьера, невозможно судить ни об их элегантности, ни о уместности. Дворец не похож на храм — простое сооружение из одного или двух залов или келий, почти идентичных сотням других; это обширное скопление общественных и частных помещений, объединенных в единое целое скорее для удобства, чем для эффекта.

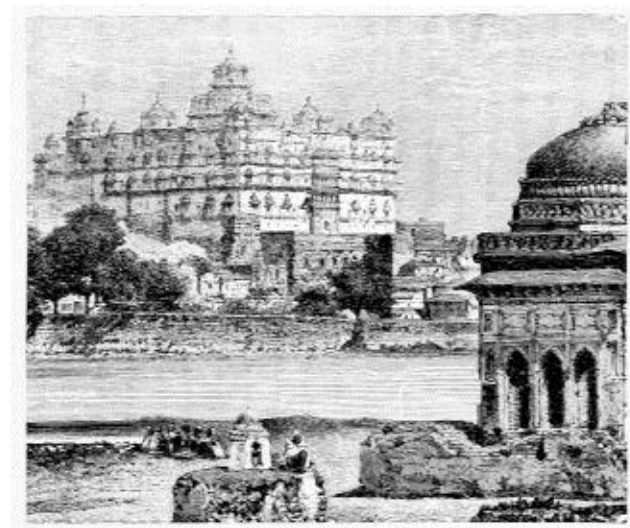
Лишь немногие дворцы Индии избежали участи зданий такого класса во всем мире. Либо они должны быть заброшены и оставлены ветшать, что в Индии означает быстрое разрушение, либо их нужно переделывать и видоизменять в соответствии с требованиями последующих жильцов до тех пор, пока от первоначального строения практически ничего не останется. Эта участь, насколько известно, постигла все королевские обители, которые, возможно, существовали до темных веков; настолько, что от них нигде не было найдено никаких следов. Даже после этого мы тщетно ищем что-либо важное до 13 века. Например, в Читторе, где была основана одна из самых ранних династий раджпутов, есть здания, носящие название Дворца Мори, но настолько измененные и реконструированные, что их невозможно узнать как таковые; точно так же дворец Хенгара в Гирнаре не может демонстрировать никаких особенностей, относящихся к той дате, к которой он отнесен.

В Читторе старейшим зданием этого класса, о котором можно с уверенностью сказать, что оно существовало до разграбления этого места Алла-у-дином в 1305 году, является дворец Бима и Пудманди, который сохранился без изменений и, хотя и небольшой, является очень приятным образцом стиля.^[475] Дворец Кхумбо Рана (1418-1468 гг. н.э. 1418-1468) в том же месте гораздо грандиознее и демонстрирует всю ту красоту деталей, которая характеризует его постройки в целом.

Дворцы в Читторе, принадлежащие этой династии, однако, намного превосходили, по крайней мере, по размерам, те, которые Удья Синг основал в Удьяпуре или Удейпуре, куда он перенес свою столицу после третьего разграбления Читторе Акбаром в 1580 году. Его нередко сравнивали с виндзорским замком, и не случайно, поскольку и по очертаниям, и по размерам он мало чем отличается от этого дворца, хотя и так чудесно отличается в деталях и по обстановке. В этом последнем отношении Восточный дворец имеет преимущество перед западным, поскольку он стоит на берегу обширного озера, окруженного холмами необычайной красоты очертаний, а в озере находятся два островных дворца, Джуг-Невас и Джуг-Мундир, которые в своем классе красивее любых подобных объектов, которые я знаю где-либо еще.^[476] Было бы трудно найти какую-либо сцену, где искусство и природа так счастливо сочетаются друг с другом и создают такой сказочный эффект. Конечно, ничто из того, что я знаю о столь современной дате, не сравнится с этим.

Дворец в Бунди примерно того же современного возраста, что и дворец в Удейпуре, и почти не уступает ему по архитектурному эффекту. Однако он меньше, и его озеро меньше по

протяженности, и на его островках стоят только храмы, а не дворцы с их павильонами и садами. Тем не менее, способ, которым он расположен на холме, и то, как его здания постепенно переходят в бастионы холма выше, необычайно живописны даже для этой страны, а поскольку холмы выше, а долины уже, эффект этого дворца в некоторых отношениях даже более впечатляющий, чем в Удейпуре.

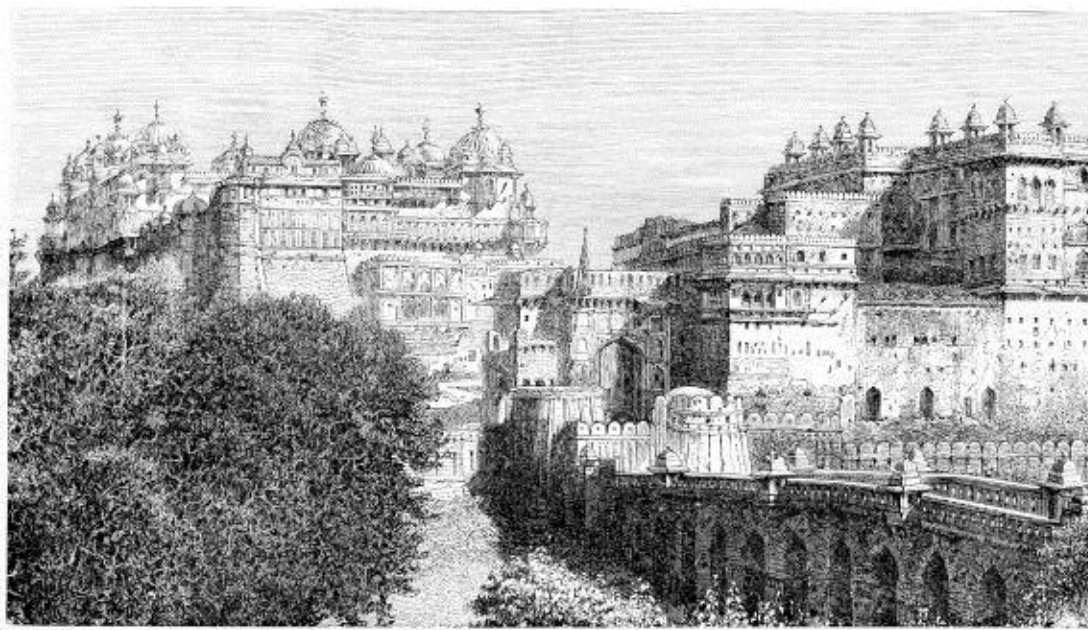
268. Дворец в Дуттии. (С фотографии.)

Однако в Центральной Индии насчитывается около двадцати или тридцати подобных королевских резиденций, каждая из которых представляет интерес и красива: некоторые из них отличаются своей протяженностью, другие - своей местностью, а некоторые - красотой в деталях, но подробное описание каждой из них потребовало бы целого тома. Двух примеров, хотя и наименее известных, в настоящее время должно быть достаточно, чтобы проиллюстрировать их общий вид.

Это в Дуттии ([Гравюра на дереве № 268](#)), в Бундельканде, представляет собой большой квадратный блок зданий, более правильный, чем обычно бывают такие здания, но все же достаточно рельефный как по очертаниям, так и по разнообразию деталей, нанесенных на разные этажи, чтобы избежать монотонности, и с садами, спускающимися к озеру, и гробницами напротив, в совокупности образующими архитектурный пейзаж исключительно приятного характера.

Другой еще менее известен, поскольку принадлежит маленькому Бунделькунду штата Урча ([Гравюра на дереве № 269](#)), но имеет гораздо более разнообразные очертания, чем в Даттии, и с его куполами и воротами составляет самое живописное сочетание, которое можно найти где угодно.

269. Дворец в Урча-Бунделькунде. (С фотографии.)

Это слишком современно для особой чистоты деталей, но в жилом помещении это менее нежелательно, чем было бы в храме или в здании, посвященном какой-либо высшей цели.

ВЕДУЩИЙ.

Пожалуй, самым исторически интересным из этих центральноиндийских дворцов является дворец Гвалиор. Скала, на которой стоит эта крепость, имеет столь своеобразную формацию и по своей природе настолько прочна, что, должно быть, она всегда была занята главами государства, в котором она расположена. Его храмы уже были описаны, но его более старые дворцы постигла участь всех подобных сооружений; однако он обладает или обладал тем, что построил Ман Синг (A.D.1486-1516 гг. н.э.), самым замечательным и интересным примером индуистского дворца ранней эпохи в Индии. Внешние размеры этого дворца составляют 300 на 160 футов, а с восточной стороны он достигает 100 футов в высоту, имеет два подземных этажа с видом на страну. Со всех сторон плоскую поверхность подчеркивают высокие башни необычайно приятного дизайна, увенчанные куполами, которые были покрыты куполами из позолоченной меди, когда Бабер увидел их в 1527 году.^[477] Его преемник, Викрамадитья, добавил к этому дворцу еще один дворец, еще большей площади, в 1516 году;^[478] а Джехангир и Шах Джехан добавили дворцы к этим двум, в целом составив группу зданий, не имеющих себе равных по живописности и интересу среди всех сооружений их класса, существующих в Центральной Индии.^[479] Среди апартаментов во дворце был один под названием Барадурри, опирающийся на двенадцать колонн, площадью 45 квадратных футов, с каменной крышей, который был одним из самых красивых апартаментов своего класса, которые можно было найти. Кроме того, это было особенно интересно с точки зрения приемов, к которым индуистский архитектор был вынужден прибегнуть, чтобы имитировать своды мусульман. Тогда они еще не научились копировать их, как это было в конце того столетия в Биндрабуне и других местах под руководством терпимого Акбара.

От этих зданий, которые так вызывали восхищение императора Бабера, вероятно, мало что сейчас осталось. Мусульмане пристроили индуистские дворцы и пощадили их храмы и статуи джайнов. Мы безжалостно взялись за работу, чтобы уничтожить все, что мешает нашему удобству, и за те несколько лет, что мы занимали форт, вероятно, сделали больше для того, чтобы

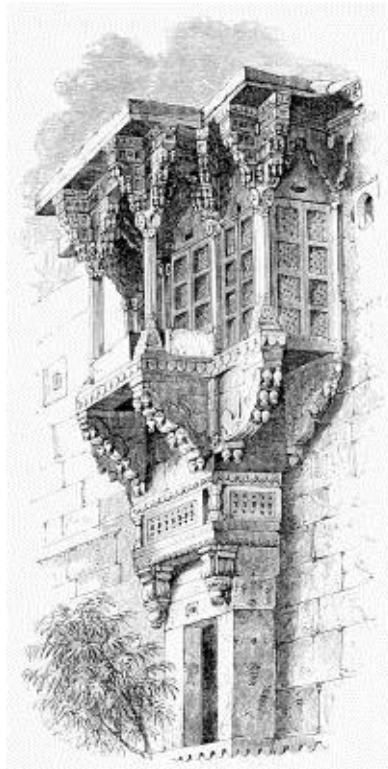
обезобразить его красоту и стереть память о нем, чем это было сделано мусульманами за те столетия, когда они владели им или оккупировали его. Когда-то надеялись на лучшее, но факт, похоже, таков, что правящие силы не проявляют искреннего интереса к этому вопросу, и подчиненным позволено поступать так, как им заблагорассудится, и если они могут сэкономить деньги или избежать неприятностей, в Индии нет ничего, что могло бы избежать эффекта их несимпатичного невежества.

AMBËR.

Дворец в Амбере, первоначальной столице штатов Джейпур, занимает следующее место после дворца в Гвалиоре как архитектурный объект среди дворцов раджпутов. Он, однако, на столетие современнее, поскольку был начат другим Ман Сингхом, взошедшим на трон в 1592 году, и завершен Сиваи Джей Сингом, который пристроил красивые ворота, носящие его имя, прежде чем перенести резиденцию правительства в Джейпур в 1728 году. Вследствие этой более современной даты на нем нет той печати индуистской оригинальности, которая столь характерна для примера Гуалиора, и на всем протяжении он несет сильный отпечаток того влияния, которое ум и дела Акбара наложили на все, что делалось в Индии во время его правления. Его расположение также уступает Гвалиору по архитектурному эффекту. Вместо того, чтобы стоять на высоком скальном пьедестале, чьи вершины смело вырисовываются на фоне неба, дворец Амбер расположен в долине — живописной, это правда, но там каменная кладка конкурирует со скалами таким образом, что это, безусловно, неблагоприятно сказывается на эффекте здания. Ничто, однако, не может быть более живописным, чем то, как дворец вырастает, так сказать, из скалистого основания или отражается в зеркале глубокого озера у его основания, и ничто не может быть более счастливым, чем способ расположения основных апартаментов, позволяющий любоваться видом на озеро и на местность за его пределами.

Детали этого дворца также необычайно хороши и совершенно лишены той немощи, которая вскоре стала характерной для стиля. В некоторых отношениях они действительно выгодно контрастируют с интерьерами современного дворца Акбара в Фаттехпуре Сикри. Там вторая заповедь ограничивала фантазию декоратора исключительно неодушевленными предметами; здесь более мягкое вероучение индуизма позволяло ему в любой степени баловаться капителями слонов и фигурными изображениями людей и животных. Индусы, по-видимому, также баловались цветом и зеркалами до такой степени, что Акбар, по-видимому, не считал себя вправе их использовать. Следствием этого является то, что все это в целом производит более богатый и живописный эффект, чем его магометанский соперник, но вместе они представляют собой удивительно совершенную иллюстрацию архитектуры того времени, увиденную с точки зрения индуса, в отличие от точки зрения магометанина.

Это был тот же самый Мансинг, который построил Обсерваторию в Бенаресе, которая до сих пор носит его имя и, хотя в целом выглядит не очень архитектурно, имеет выходящее на реку окно с балконом, являющееся прекрасным образцом архитектуры его эпохи ([Гравюра на дереве № 270](#)). Он также был царем, воздвигшим храм в Биндрабуне, который был проиллюстрирован выше (стр. 463, 464).

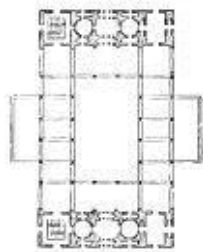

270. Балкон в консерватории, Бенарес. (С рисунка покойного Джеймса Принсеп.)

DEEG.

Все описанные выше дворцы более или менее неправильны по своему расположению, и все они расположены на каменистой и неровной земле. Однако он в Диге расположен на идеально ровной равнине и спланирован с регулярностью, которая удовлетворила бы самого привередливого архитектора эпохи Возрождения. Это полностью работа Сураджа Мулла, фактического основателя династии Бхуртпур, который начал ее, по-видимому, в 1725 году, и оставил в том виде, в каком мы ее сейчас видим, когда он был убит в битве с Нуджифф-ханом в 1763 году. Правда, ему недостает массивности укрепленных дворцов других раджпутских государств, но по грандиозности замысла и красоте деталей он превосходит их все.

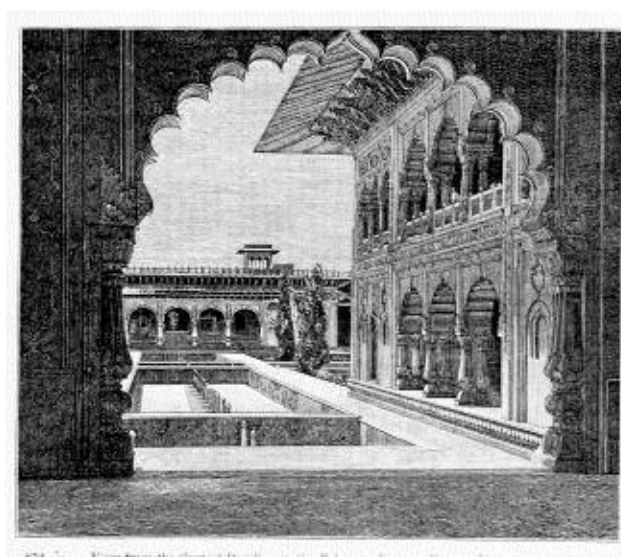
Весь дворец должен был представлять собой прямоугольную ограду, вдвое превышающую его ширину, окруженную зданиями, с садом в центре, разделенным на две части широкой террасой, предназначенной для размещения центрального павильона. Завершен только один из этих прямоугольников площадью около 700 квадратных футов,^[480] пересеченный в центре рядами красивейших фонтанов и партеров, выполненных в официальном стиле Востока и перемежающихся архитектурными украшениями самой сложной отделки.

271. Зал в Deeg.

(По плану автора.) Масштаб от 100 футов до 1 дюйма

В павильоне на северной стороне находится большой зал для аудиенций, размером 76 футов 8 дюймов на 54 фута 7 дюймов, разделенный в центре благородным рядом аркад, за которыми находятся основные жилые помещения высотой в два, а в некоторых частях и в три этажа. Напротив этого павильона расположены в основном фонтаны. С одной стороны находится мраморный зал, пристроенный к более старому дворцу, обращенный к главному павильону, который должен был занимать центр сада. Как видно из плана ([гравюра на дереве № 271](#)), это параллелограмм размером 152 на 87 футов, каждый конец которого занимают небольшие, но очень элегантные апартаменты в два этажа; центральный зал (108 на 87 футов) опирается на четыре ряда колонн и открыт с обеих сторон; на каждом конце находится мраморный резервуар для фонтанов, и такой же имеется снаружи с каждой стороны. Вся крыша выложена камнем, за исключением центральной части, которая, будучи сужена смелой бухтой, перекрыта плоским потолком из дерева с изысканной резьбой. Этот деревянный потолок, по-видимому, считался дефектом, поскольку в любой другой части дворца не использовалось ничего, кроме камня. Поэтому архитектор попытался покрыть соответствующий павильон недостроенного двора каменными плитами длиной 34 фута и площадью 18 дюймов. Некоторые из них все еще стоят на своих местах, но их вес был слишком велик для аркад, которые имеют толщину всего 18 дюймов и сделаны не из цельного камня, а из двух облицовок толщиной 4 или 5 дюймов, а промежуточные пространства заполнены щебнем. Кроме того, хотя форма арки буквально скопирована с магометанского стиля, ни здесь, ни где-либо еще во всем дворце нет ни одной настоящей арки, отверстия практически закрыты двумя кронштейнами, сходящимися в центре.

272. Вид из центрального павильона дворца в Диге. (С фотографии.)

Общий вид аркад этих зданий можно представить по прилагаемому виду ([Гравюра на дереве № 272](#)), который можно охарактеризовать скорее как элегантный, чем богатый. Слава Дига,

однако, заключается в карнизах, которые обычно двойные, особенность, не встречающаяся нигде, и которые по степени тени и богатству деталей превосходят любые подобные украшения в Индии, как в древних, так и в современных зданиях. Нижний карниз - это обычный наклонный антаблемент, почти универсальный в подобных зданиях. Это было принято, по-видимому, потому, что потребовался наклон штормовых, которые почти неизменно висят под выступающим абажуром и которые, будучи раздвинутыми, кажутся почти его продолжением. Верхний горизонтальный карниз характерен для Дига и, по-видимому, предназначен для расширения плоской крыши, которая в восточных дворцах обычно считается лучшим помещением дома; но независимо от того, предназначен ли он для этой или какой-либо другой цели, он особенно усиливает богатство эффекта, а благодаря двойной тени придает рельеф и характер, которые редко превзойдены даже на Востоке.

Вообще говоря, *аркады Deeg* в виде скобок не так богаты и не так уместны, как *заглавные* буквы в виде жирных скобок в старых стилях. Я думаю, едва ли можно сомневаться в том, что скобка является почти исключительно оригинальной индийской формой заглавной буквы; но моголы продвинули эту систему гораздо дальше, особенно во времена правления Акбара, чем когда-либо ее первоначальные изобретатели, по крайней мере на Севере. Индусы, получив его обратно, наслаждались его живописным богатством до такой степени, что поражают каждого зрителя; и половина эффекта большинства современных зданий Индии обусловлена смелыми выступающими балконами и причудливыми киосками, которые разнообразят в остальном простые стены.

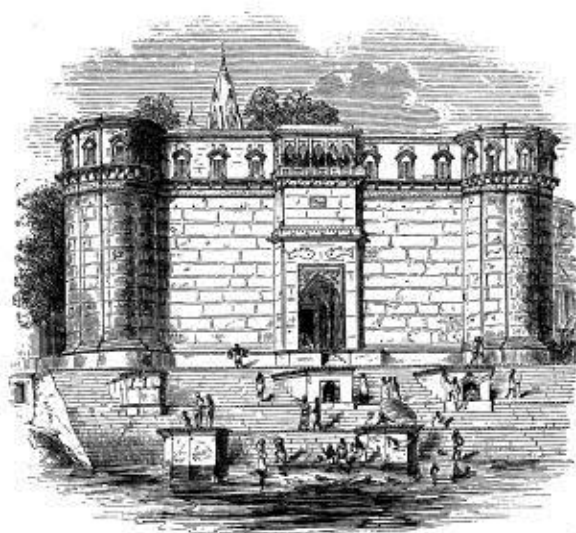
Самым большим недостатком дворца является то, что стиль, когда он был возведен, терял свою истинную форму. Форма его колонн и их орнаменты лучше подходят для деревянной или металлической архитектуры, чем для каменной; и хотя стиль великих Моголов в последние дни их династии развивался в этом направлении, он никогда не утрачивал основательности и конструктивной уместности в такой степени, как в этих современных дворцах индусов. В Deeg это не зашло так далеко, чтобы показаться оскорбительным, но это на грани хорошего вкуса, и в некоторых более современных зданиях принимает формы, более подходящие для обивки мебели, чем для каменной архитектуры.

С тех пор, как Сурадж Мулла завершил это сказочное творение, тенденция не только раджпутских принцев, но и правителей таких государств, как Ауд и даже Дели, заключалась в копировании убогого стиля итальянской архитектуры, который мы ввели в Индии. Возможно, было естественно, что они восхищались искусством расы, которая показала себя в войне и политике превосходящей их самих; но это было фатально для их искусства, и возможно ли сейчас возрождение, еще предстоит выяснить. Это могло бы быть так, если бы их правители проявляли хотя бы малейшую оценку трудов своих предков, но вряд ли на это можно надеяться, пока государственный департамент организован, как они, должно быть, верят, с явной целью уничтожения всех следов того, что когда-то было благородно и красиво на этой земле.

ГХАТЫ ИЛИ МЕСТА ВЫСАДКИ.

Другим объектом архитектурного великолепия, характерного для северного Индостана, является строительство *gats*, которые повсюду тянутся вдоль берегов рек в большинстве крупных городов, особенно в тех, которые расположены на Ганге. В Бенаресе, пожалуй, самое большое количество зданий этого класса; но от Калькутты до Хурдвара ни один город не обходится без некоторых образцов этого вида архитектурного искусства. Гусла Гхат в Бенаресе ([Гравюра на дереве № 273](#)), хотя и является одним из самых современных, может рассматриваться как прекрасный образец в своем классе, хотя многие из них богаче и гораздо искуснее украшены. Их цель состоит в том, чтобы обеспечить легкий доступ купальщикам, лестничный пролет перед ними на самом деле является *гхатом* и главным объектом возведения. Они обычно прерываются, как в данном случае, небольшими выступами, часто увенчанными киосками, которые нарушают

монотонность, присущую длинным рядам узких ступеней. Лестничный пролет всегда опирается на здание, которое в большинстве случаев является просто объектом архитектурной демонстрации без какого-либо конкретного назначения, за исключением предоставления убежища от лучей солнца тем праздным, кто решит им воспользоваться. Когда берег высокий, нижняя часть этих зданий прочная, а когда, как в данном случае, она почти плоская, она служит благородным основанием для декоративного верхнего этажа, которым они обычно украшены, или для храма, который часто их венчает.

273. Гусла Гхат, Бенарес. (Из взглядов Принсепа.)

Хотя Ганг, *по преимуществу*, является рекой гатса, одним из самых красивых в Индии является тот, что был возведен Ахальей Байи (вдовой Холкара) в Махешваре, на Нербудде; а Уджайн и другие древние города почти соперничают в этом отношении с Бенаресом. В самом деле, во всей Индии едва ли найдется водоем или ручей без лестничного пролета, и действительно, редко бывает, чтобы они оставались без какого-либо украшения или попытки архитектурного проявления, поскольку вода всегда полезна в таком жарком климате и является особенно любимым курортом для людей, которые так любят мыться и так чистоплотны в своих привычках, как индусы.

РЕЗЕРВУАРЫ.

Та же любовь к воде породила другой вид архитектурных сооружений, характерный для Индии, - большие резервуары или *баули*, которые находятся везде, где колодцы глубокие, а вода находится далеко от поверхности. По конструкции они полностью противоположны гхатам, поскольку ступени полностью находятся под землей и часто спускаются к воде на глубину 80 или 100 футов. Внешне они не выставлены напоказ, единственными объектами, которые обычно можно увидеть над землей, являются два павильона для обозначения входа, между которыми к воде ведет широкая лестница шириной от 20 до 40 футов. Напротив входа находится большой экран, поднимающийся перпендикулярно от воды к поверхности земли и отделяющий лестницу от круглой шахты или колодца, вверх по которому вода подается с помощью блоков теми, кто предпочитает добывать ее таким способом, а не спускаться по ступенькам. Стены, между которыми спускаются ступени, украшены нишами или покрыты галереями, ведущими к большому экрану. Там, где глубина велика, примерно на полпути вниз по лестнице часто устанавливается ширма.

Людам, не знакомым с Востоком, такой архитектурный объект, как баули, может показаться странным извращением изобретательности, но благодатная прохлада всех подземных помещений, особенно когда рядом есть вода, и тихий полумрак этих ниш, в глазах индуса, полностью

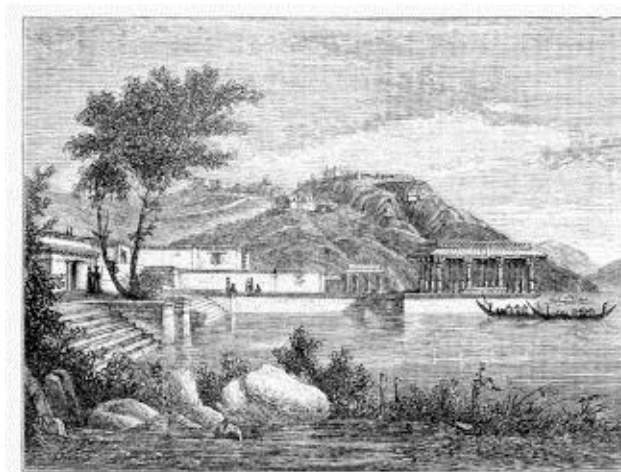

компенсируют более привлекательное великолепие гхат. Следовательно, нисходящие пролеты, о которых мы сейчас говорим, часто представляли собой более сложные и дорогие архитектурные сооружения, чем любое из наземных зданий, обнаруженных в их окрестностях.

Плотины.

Таким же образом насыпи или плотины искусственных озер или больших резервуаров, которые так необходимы для орошения, часто превращаются в произведения огромного архитектурного великолетия, сначала покрывая их лестничными пролетами, как у гат, а затем возводя храмы или павильоны и киоски, перемежающиеся фонтанами и статуями в перерывах между этими пролетами. Там, где все они сделаны из мрамора, как это иногда бывает в Раджпутане, все вместе представляет собой такое совершенное архитектурное сочетание, каким только могут похвастаться индусы.

Одним из самых красивых из них является то, что воздвиг Радж Синг, взойшедший на трон Удейпура в 1653 году, чтобы образовать озеро Раджсамундра ([Гравюра на дереве № 274](#)), которое является одним из самых обширных в его владениях. Эта набережная имеет 376 шагов в длину и полностью покрыта беломраморными ступенями; и с ее прекрасными навесами, выступающими в воду, и дворцами, венчающими холмы по обоим концам, она представляет собой сказочное зрелище архитектурной красоты, с ее водами и лесами, которое вряд ли превзойдет что-либо на Востоке.

274. Набережная озера Раджсамундра. (По эскизу автора.)

Было бы, однако, утомительно перечислять, не иллюстрируя их, чего не позволяют рамки данной работы, все виды архитектурного великолетия индусов. Как и все люди, не стесненные правилами, вытекающими из несочетаемых объектов, и одаренные чувством прекрасного, они украшают все, что им требуется, и превращают каждый предмет, каким бы утилитарным он ни был по своему назначению, в объект красоты. Они давным-давно выяснили, что не только храмы и дворцы способны на такое зрелище, но и то, что все, созданное человеком, может стать прекрасным при условии, что рука вкуса руководствуется здравым суждением, и что архитектор никогда не забывает, какова цель, и никогда не скрывает конструктивных особенностей самого здания. Просто этот врожденный вкус и любовь к красоте, которыми, по-видимому, всегда обладали индийцы, руководствуясь искренней целеустремленностью, позволяют тем, кто лишен политической независимости, или знаний, или власти, возводить даже в наши дни здания, которые выдержат сравнение с лучшими из тех, что были возведены в Европе в средние века. Следует признать, что потребовалась бы гораздо более всеобъемлющая иллюстрация, чем приведенный выше небольшой набросок столь обширной темы, на которую можно претендовать, чтобы сделать это очевидным для других. Но ни один человек, лично посетивший достопримечательности,

которыми изобилует Индия, не может не быть поражен необычайной элегантностью деталей и правильностью дизайна, которые пронизывают все архитектурные достижения индусов; и это не только в зданиях, возведенных в прежние времена, но и в тех, которые сейчас находятся в процессе строительства в тех частях страны, куда еще не проникла безвкусица их европейских правителей.

КНИГА VII.

ИНДИЙСКАЯ САРАЦИНСКАЯ АРХИТЕКТУРА.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

С самого раннего периода мировой истории в Центральной Азии, между Средиземноморьем и Индом, существовала огромная группа цивилизованных народов. Они жили обособленно, почти не имея отношений со своими соседями, за исключением войны и ненависти, и служили скорее разделению, чем объединению индийской и европейской общин, которые процветали по обе стороны от них.

Великий набег Александра был первой попыткой прорваться через этот барьер и соединить Восток и Запад посредством торговых или социальных связей. Устойчивая организация Римской империи преуспела в закреплении того, что наметил этот блестящий завоеватель. Во время ее постоянного господства пространство, разделяющее Индию и Европу, было перекрыто порядком, который она поддерживала среди различных сообществ, созданных в Центральной Азии, и, казалось, не было причин прерывать установившиеся таким образом отношения. Однако римский мир не подозревал, что два кочевых народа, не подверженных влиянию его цивилизации, оказались по обе стороны этой великой линии коммуникаций, готовые воспользоваться любым моментом слабости, который мог возникнуть.

Арабы, как самые стремительные и ближайшие к центру страны, были первыми, кто нарушил их границы; и в течение VII века Сирия, Персия, Египет и север Африки перешли к ним. Испания была завоевана, и Индия едва не разделила ту же участь. При Муавии, первом халифе Оммии, были предприняты две попытки пересечь Инд южным путем — тем самым, которым незадолго до этого успешно воспользовались скифы. Обе эти попытки провалились, но при Валиде Мухаммед Касим, 99-летний Х.Х., все же добился урегулирования в Синде. Однако это завоевание оказалось бесплодным, поскольку, хотя там и была основана магометанская династия, вскоре она стала независимой от халифата и в конце концов вымерла.

Господство халифата было столь же кратковременным, сколь и блестящим. Час его величайшей славы пришелся примерно на 800 год н.э., в правление Гаруна аль-Рашида. С этого времени начался упадок; и еще через два столетия изнеженность и коррупция, присущие восточным династиям, зашли так далеко, что побудили северные орды двинуться в путь.

В течение XI века татарские орды, которые до сих пор были известны только как пастухи, пасущие свои стада в степях Северной Азии, впервые появились к югу от Паропамисанского хребта в качестве завоевателей; и в течение шести столетий их продвижение неуклонно продвигалось вперед, пока в 1683 году н.э. мы не обнаруживаем турок, расположившихся лагерем под стенами Вены, и могола Аурунгзебе, верховного владыку всей собственно Индии, в то время как Египет и все промежуточные страны владели властью над Индией. повелители туранской расы.

Архитектура народов при Арабском халифате уже была описана и имеет весьма второстепенное значение.^[481] Правящий народ принадлежал к семитской расе и не имел особого вкуса к архитектурному великолепию; и если только им не довелось управлять народом другого происхождения, они оставили мало следов своего искусства.

С северными ордами дело обстояло совершенно иначе; в них, без исключения, текла более или менее чистая туранская кровь, и куда бы они ни пошли, их мечети и особенно их гробницы остаются, чтобы отметить их присутствие и передать представление об их великолепии. Чтобы понять дальнейшее, необходимо иметь в виду, что семитское завоевание, начавшееся с Мекки как центра, простиралось от устьев Гвадалквивира до устьев Инда и оставило мало достойного внимания в архитектуре. Туранское завоевание, начавшееся с Бухары и Балха как центров,

простирались от Константинополя до Каттака и покрыло все промежуточное пространство памятниками всех классов. Памятники запада и центра уже были описаны в разделе "Говоря" о Турции и Персии; восточную ветвь еще предстоит обсудить, и ее памятники - это те, описанию которых посвящен данный раздел работы.

Сарацинские архитекторы проявили в Индии ту же гибкость в перенятии стилей различных народов, среди которых они поселились, которая характеризовала их практику в уже описанных странах. Таким образом, случилось так, что в Индии мы имеем по меньшей мере двенадцать или пятнадцать различных стилей магометанской архитектуры: и если бы была предпринята попытка исчерпать все примеры, оказалось бы необходимым перечислить еще большее число. Между тем, однако, следующие тринадцать разделов, вероятно, будут признаны достаточными для настоящих целей:—

1. Первым из них является город *Газни*, который, хотя, строго говоря, и не находился в Индии, без сомнения, оказал наиболее важное влияние на индийские стили и фактически стал отправной точкой, с помощью которой архитектура Запада была представлена в Индии, и долгое время оставался связующим звеном между стилями Востока и западного мира. Следовательно, для понимания ранних образцов стиля в самой Индии было бы чрезвычайно важно, если бы мы могли описать этот стиль с какой-либо точностью, но для этого мы должны подождать, пока провинцию посетит какой-нибудь квалифицированный специалист.

2. Следующим за этим идет *патанский* стиль северной Индии (1193-1554 г.н.э.), распространившийся по всей Верхней Индии и просуществовавший около трех с половиной столетий. Однако после смерти Ала уд-дина (А.Д.) центральная власть временами была настолько слаба, что недавно завоеванные отдаленные провинции часто получали возможность стать независимыми, и когда это было так, проявляли свою индивидуальность повсюду, изобретая архитектурный стиль, отражающий их местные особенности.,,

3. Одной из первых, кто проявил эту тенденцию, была блестящая, но недолговечная династия Шарки из *Яунпура* (А.Д. 1394-1476 г. н.э.). Хотя они существовали менее ста лет, они украсили свою столицу рядом мечетей и других зданий, которые вряд ли превзойдут по великолепию любой город Индии, и ни один из них не отличается ярко выраженной индивидуальностью обращения.

4. Стиль, принятый королями *Гуджерата* в период их независимости (1396-1572 г. н.э.), был богаче и разнообразнее, чем стиль Джаунпура, хотя вряд ли столь оригинален или отмечен такой индивидуальностью. Они слишком многое заимствовали, как физически, так и интеллектуально, из архитектуры джайнов, среди которых они находились, чтобы быть полностью независимыми; но богатство их стиля пропорционально привнесенным ими индуистским деталям.

5. *Малва* стали независимыми в 1401 году н.э., и между этой датой и 1568 годом н.э., когда они были поглощены империей Великих Моголов, ее короли украсили свою столицу в Манду дворцами и мечетями огромного великолепия, но более похожими на родительский стиль в Дели, чем два последних стиля, и, следовательно, лишенными местной индивидуальности.....

6. Бенгалия рано превратилась в отдельное королевство — в 1203 году н.э., более или менее независимое от центральной власти; и во время его существования — до 1573 года н.э. — столицы Гаур,, и Малда были украшены множеством великолепных зданий. Обычно они были выложены кирпичом, а сейчас настолько заросли джунглями, что либо разрушены, либо почти невидимы. Однако они необычайно живописны и демонстрируют все черты ярко выраженной индивидуальности стиля.

Этих шести разделов, вероятно, достаточно, чтобы охарактеризовать магометанские стили к северу от Нербудды. К югу от этой реки есть три хорошо выраженных стиля.

7. Сначала из династии *Бахмани*. Сначала в Кальберге, А.Д. 1347, and afterwards at Bidar, А.Д. 1426, they adorned their capitals with edifices of great magnificence and well-marked individuality, before they were absorbed, in 1426 г. н.э., они украсили свои столицы великолепными зданиями с ярко выраженной индивидуальностью, прежде чем в 1525 г. н.э. они были поглощены империей великих Моголов.

8. Следующей за ними была еще более знаменитая династия Адиль Шахи из *Биджапура* (А.Д.1489-1660 гг. н.э.). Их стиль наиболее существенно отличался от всех перечисленных выше и отличался величиим замысла и смелостью конструкции, не имеющей себе равных ни в одном сооружении, возведенном в Индии.

9. Третий южный стиль - это стиль династии Кутуб-шахи из *Голконды*, А.Д.1512-1672 гг. н.э. Их гробницы великолепны и образуют одну из самых ярких групп в Индии, но демонстрируют явные признаки упадка, который слишком уверенно вторгся в искусство в ту эпоху, когда они были возведены.

10. Одна за другой все эти блестящие индивидуальности были поглощены великой империей *Моголов*, основанной Бабером в 1494 году Н.Э. и которая, хотя и практически исчезла после смерти Аурунгзебе в 1706 году н.э., может считаться существовавшей до середины прошлого столетия, Г.Н.Э., в 1750 году. Именно этой династии Агра, Дели и большинство городов северной Индии обязаны своими самыми великолепными зданиями.

11. Прежде чем оставить эту тему, возможно, будет целесообразно перечислить стили мусульманского искусства, существующие в *Науке*. Практически он персидский как по своей форме, так и по стилю убранства и, должно быть, существовал в этой провинции с очень древних времен. Однако все известные сейчас примеры этого сравнительно современны и, как ни странно, возвращают нас к окрестностям Газни, с которых мы начали наше перечисление.

12. Оставляя эти стили, которые можно назвать истинными стилями магометанской архитектуры, мы имеем два, которые можно обозначить как убогие стили. Первый из них - это *Ауде* (А.Д. 1756-1847 гг. н.э.). В его столице есть ряд зданий, равных по размаху и богатству зданиям любой из вышеперечисленных столиц, но деградировавших во вкусе до такой степени, что едва ли возможно поверить в людей, которые незадолго до этого показали себя способными к таким благородным устремлениям.

13. Стиль, принятый недолговечной династией *Майсура* (г.н.э. 1760-1799), будучи еще более удаленным от влияний европейской вульгарности, не настолько деградировал, как стиль Лакхнау, но беден и неартистичен по сравнению с более ранними стилями.

В исчерпывающем трактате на эту тему, возможно, следует перечислить стили Ахмеднагера и Арунгабада, 1490-1707 гг. н.э., а также некоторые второстепенные стили в других местах. Однако они не обладают достаточной индивидуальностью, чтобы заслуживать выделения в отдельные стили, а количество иллюстраций, которое может быть введено в работу, подобную настоящей, недостаточно, чтобы сделать различия ощутимыми для тех, кто лично не знаком с примерами.

Даже в таком виде потребовалась бы гораздо более обширная серия иллюстраций, чем приведенная здесь, чтобы сделать очевидными даже их наиболее заметные достоинства или особенности для тех, у кого нет других средств, кроме того, что дает такая работа, как эта, для формирования мнения относительно них. Каждый из этих тринадцати стилей заслуживает отдельной монографии; но, за исключением Биджапура^[482] и Ахмедабада,^[483] ничего подобного еще не предпринималось, и даже две работы, в которых это было предпринято для этих двух столиц, никоим образом не исчерпывают материалы, доступные для этой цели. Будем надеяться, что эти недостатки будут устранены, а остальные восполнены в ближайшее время и пока не стало слишком поздно, поскольку здания быстро разрушаются от разрушительного воздействия времени и климата и еще более разрушительных требований нынешней правящей власти Индии.

ГЛАВА II.

ГАЗНИ.

Содержание.

Гробница Махмуда—Ворота Сомнатх—Минарс на равнине.

ХРОНОЛОГИЯ.

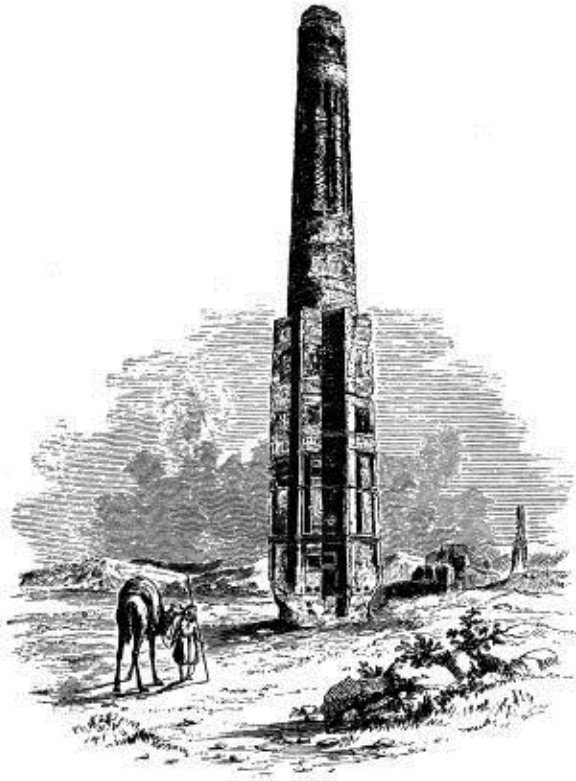

Сабуктагин, основатель	г.н. э. 975
Махмуд	977
Масуд	1030
Абдул-рашид	1048
Ибрагим	1054
Шахаб уд-дин (первый из династии Гори)	1139

К концу IX века могущество багдадских халифов пришло в то состояние быстрого упадка, которое является судьбой всех восточных династий. Во время правления Аль-Мотамеда, 870-891 гг. н.э. 870-891 гг. н.э., Египет стал независимым, и северная провинция Бухара сбросила иго под руководством губернатора, назначенного халифом, Насра бен Ахмеда, потомка Самана, вождя разбойников, который провозгласил и сохранил свою независимость и таким образом сформировал династию Саманидов. После того, как династия просуществовала около столетия, Сабуктагин, турецкий раб, принадлежавший генералу одного из последних саманских царей, также стал независимым от своего хозяина и обосновался в Газни, губернатором которого он был, основав хорошо известную династию Газневидов. Его преемник Махмуд, 977-1030 гг. н.э., является одним из самых известных королей в истории Индии благодаря своим блестящим кампаниям в Индии, и особенно той, в ходе которой он разрушил знаменитый храм Сомнатх.

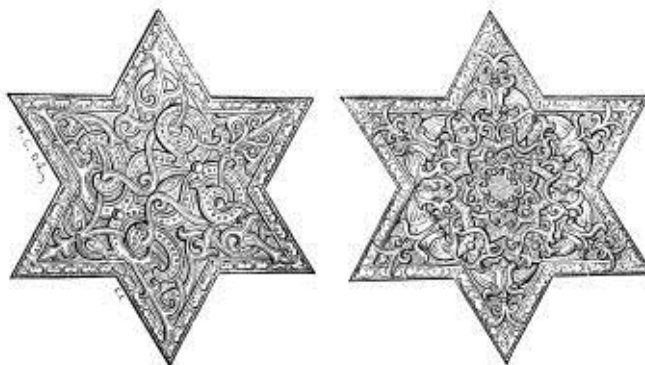
По возвращении из предыдущей кампании, в ходе которой он разграбил город Муттра, мы узнаем от Феришты, что царь приказал построить великолепную мечеть из мрамора и гранита, впоследствии известную под названием "Небесная невеста". Рядом с ним он основал университет. Когда знать Газни оценила вкус своего короля в архитектуре, они также попытались соперничать друг с другом в великолепии своих дворцов, а также в общественных зданиях, которые были возведены для украшения города. "Таким образом, - продолжает историк, - столица за короткое время была украшена мечетями, портиками, фонтанами, акведуками, водохранилищами и цистернами, превосходящими любой город на Востоке".[\[484\]](#)

275. Минар в Газни. (С рисунка Г. Т. Винье, эсквайра)

На равнине Газни до сих пор видны остатки этого великолепия; и при недостатке информации о персидском искусстве той эпохи рассказ о нем был бы одним из самых интересных и ценных источников информации, которые мы могли бы получить. Эти руины, однако, еще не были ни исследованы, ни описаны;^[485] и даже гробница Великого Махмуда неизвестна нам, кроме как по имени,^[486] несмотря на известность, которую она приобрела после закрытия ворот в Индию по окончании наших катастрофических кампаний в этой стране.

Ворота сделаны из сосны Деодар,^[487] и резные украшения на них настолько похожи на те, что найдены в Каире, на мечети Эбн-Тулун и других зданиях той эпохи, что не только доказывают их однотипность, но и показывают, насколько схожими были способы украшения на этих двух концах мусульманской империи во время их создания.

276. Украшения из гробницы Махмуда в Газни.

В то же время в их стиле украшения нет ничего, что хоть сколько-нибудь напоминало бы что-либо, найденное в любом индуистском храме, будь то их эпохи или любого другого времени. На самом деле нет причин сомневаться в том, что эти ворота были сделаны для того места, где они были найдены.^[488] Если какие-либо другие части гробницы украшены в том же стиле, было бы

очень интересно зарисовать их. Однако, вероятно, именно из "Джумма Мусджид" мы получим лучшее изображение искусства того времени, если кто-нибудь возьмет на себя труд рассмотреть его.

Два минарета до сих пор украшают равнину за городом и образуют если не самые поразительные, то, по крайней мере, наиболее заметные из руин этого города. Ни один из них никогда не был пристроен к мечети; на самом деле это столпы победы, или *Джая Стамбхи*, подобные тем, что находятся в Читторе и других местах Индии, и именно такие мы могли бы ожидать встретить в стране, столь долго остававшейся буддийской. Один из них был возведен самим Махмудом; другой был построен или, по крайней мере, закончен Масудом, одним из его непосредственных преемников.^[489]

Нижняя часть этих башен имеет звездообразную форму — план, по-видимому, сформирован путем размещения двух квадратов по диагонали один над другим. Верхняя часть, возвышающаяся на высоту около 140 футов от земли, имеет круглую форму; обе выложены кирпичом, покрыты терракотовыми орнаментами чрезвычайной сложности и красоты, сохранившими свою четкость до наших дней.

Несколько других минаров того же класса находятся дальше на запад, вплоть до истоков Кавказа,^[490] которые, как и эти, были столпами победы, воздвигнутыми завоевателями на полях своих сражений. Ни один из них не обладает такими архитектурными достоинствами, как храмы Газни, по крайней мере, в их нынешнем состоянии, хотя, возможно, их украшения, выполненные из штукатурки или какого-то скоропортящегося материала, исчезли, оставив нам теперь только скелет того, чем они были.

Слабость преемников Махмуда оставила индийцев в покое более чем на полтора столетия; и, подобно всем восточным династиям, Газневиды постепенно приближались к неизбежному упадку, когда их падение было ускорено преступлениями одной из них, которые были жестоко отомщены разрушением их империи и столицы Ала уд-дином, и их раса, наконец, была вытеснена расой гори в лице Шахаба уд-дина в 1183 году.

Хотя столетия плохого правления тяготели над этой страной со времен Газневидов, едва ли возможно, что все следы их великолепия исчезли; но до тех пор, пока их города не будут исследованы кем-то, кто компетентен отличать хорошее от плохого, старое от нового, мы должны довольствоваться простым указанием положения стиля, оставляя эту главу для написания позже, когда будет получена необходимая информация. В то же время приятно знать, что между Гератом и Индом действительно существует достаточное количество памятников, позволяющих нам связать стили Запада с стилями Востока. Они были вскользь описаны путешественниками, но не таким образом, чтобы сделать их доступными для наших целей; и в нынешнем нестабильном состоянии страны может пройти еще некоторое время, прежде чем их разъяснение будет завершено.

ГЛАВА III.

СТИЛЬ ПАТАНА.

Содержание.

Мечеть в Старом Дели—Кутуб Минар—Гробница Ала уд-дин—Гробницы Патанов—Орнамент могил патанов.

ХРОНОЛОГИЯ.

Шахаб уд-дин Гори	1192г. н. э.
Кутуб уд-дин Ибек	1206
Шум уд-дин Алтумш	1210
Ала уд-дин Хилджи	1295
Туглукшах	1321
Насар уд-дин последний из хилджи	1393
Хайер-хан при Тамерлане	1414
Белоли Лоди	1450
Шер -шах	1510
Секунд потерпел поражение от Акбара	1554

Со всей энергией новой расы гхорианцы приступили к завоеванию Индии. Потерпев поражение в 1191 году, Шахаб уд-дин снова вступил в Индию в 1193 году н.э., когда он атаковал Притираджа из Дели и победил его. За этим успехом последовало завоевание Канужа в A.D. 1194; and after the fall of these two, the capitals of the greatest empires in the peninsula, India may be said to have been conquered before his death, which happened in A.D.нашей эры..... . . . .

После его смерти его великая империя распалась на куски, и Индия досталась на долю Кутуб уд-дин Айбека. Этот принц изначально был турецким рабом, который впоследствии стал одним из военачальников Шахаба ад-дина и своими талантами и военным мастерством внес большой вклад в успех своего господина. Он и его преемник Алтумш благородно продолжили дело, столь успешно начатое, и перед смертью последнего, в 1235 году н.э., империя северной Индии навсегда перешла из рук индусов в руки их мусульманских завоевателей.

В течение полутора столетий после завоевания империя сохраняла единство под властью тюркских, или, как их обычно называют, патанских династий. Эти монархи проявляли неизменную силу и энергичность, весьма необычные для Востока, и не только поддерживали и консолидировали, но и приумножали последовательными завоеваниями у неверных это недавно приобретенное присоединение к владениям правоверных, и в течение того времени Дели оставался практически столицей этой великой империи. Однако во второй половине 14 века проявились симптомы распада. Один за другим губернаторы отдаленных провинций поднимали знамя восстания и успешно основывали независимые королевства, соперничавшие с метрополией по могуществу и великолепию своих столиц. И все же Дели оставался номинальным главой, по крайней мере, этой конфедерации государств — если ее можно так назвать — до того времени,

когда Бабер (A.D. 1494), the fourth , в потомстве Тамерлана, вторгся в Индостан. Он положил конец владычеству патанов, после того как оно длилось три с половиной столетия, и, наконец, преуспел в установлении знаменитой династии Моголов, которая в течение шести последовательных правлений, длившихся более двух столетий (A.D. 1494-1707 гг. н.э.), объединила мусульманскую империю в одно великое целое, достигшее степени великолепия и могущества, почти неизвестной на Востоке.

Ничто не могло быть более блестящим и в то же время более характерным, чем начало архитектурной карьеры этих патанов в Индии. Как только они почувствовали себя хоть сколько-нибудь уверенными в своей победе, они приступили к возведению двух больших мечетей в двух своих главных столицах Аджмире и Дели, таких великолепных, которые должны были способствовать славе их религии и ознаменовать их победу над идолопоклонниками. Нация солдат, снаряженных для завоеваний, и только, они, конечно, не привезли с собой ни художников, ни архитекторов, но, как и все народы туранского происхождения, у них были сильные архитектурные инстинкты, и, имея свой собственный стиль, они вряд ли могли ошибиться в любом архитектурном проекте, который они могли бы предпринять. В то же время они обнаружили среди своих новых подопечных бесконечное количество художников, вполне способных воплотить в жизнь любой замысел, который им могли предложить.

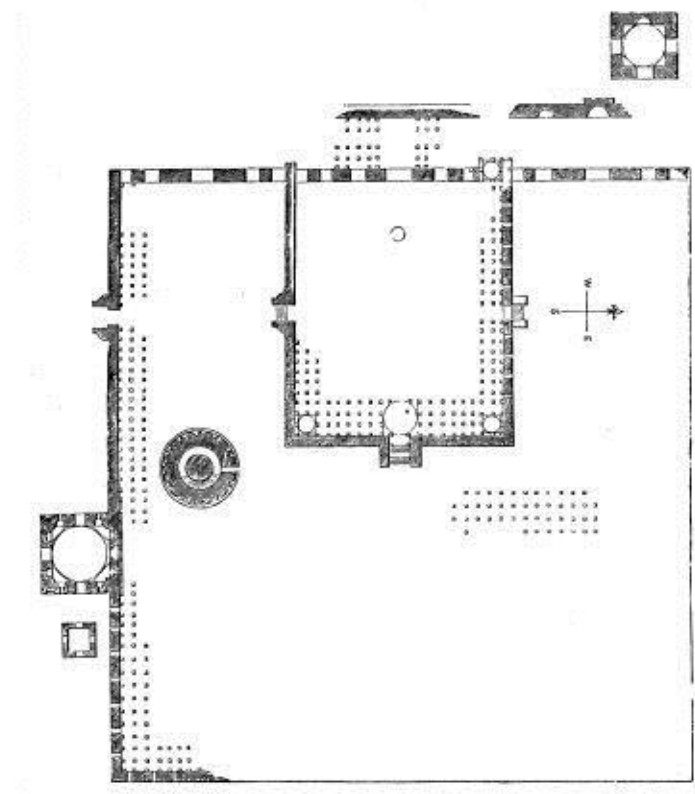
Во-первых, они нашли во дворах джайнских храмов с колоннадами почти все, что требовалось для готовой мечети. Все, что требовалось, - это снести храм в его центре и возвести новую стену с западной стороны, украшенную нишами—михрабами, чтобы указывать правоверным направление, в котором находилась Мекка, к которому, как хорошо известно, им было повелено в Коране поворачиваться во время молитвы. Однако нет уверенности, что они когда-либо в Индии довольствовались только этим. По крайней мере, в двух случаях, на которые мы сейчас ссылаемся, они решили в дополнение воздвигнуть экран из арок перед джайнскими колоннами и украсить его всем богатством и проработанностью резьбы, на которые были способны их индийские подданные. Ничто не может быть более успешным, чем полученные результаты. В простых очертаниях магометанских арок есть масштаб и величие, которые полностью затмевают меньшие части индуистских храмов, и в то же время орнамент, хотя и применен в большей степени, чем в любых других известных примерах, сохранен настолько плоским, чтобы никогда не мешать и не нарушать простые очертания архитектурного сооружения. Могут быть и другие примеры столь же сложной отделки поверхности, но вряд ли где-либо в таком масштабе. Некоторые части интерьера Sta. София в Константинополе такая же красивая,^[491] но они всего лишь несколько квадратных ярдов. Дворец в Мешите, если бы он был достроен, мог бы соперничать с ним, но это фрагмент;^[492] и в Персии между временами Хосрова и Гаруна аль-Рашида могут быть — безусловно, были — примеры, которые могли сравняться с ними, но они исчезли или, по крайней мере, нам сейчас неизвестны; и даже если они когда-либо существовали, они должны были отличаться от этих мечетей. В них мы находим любопытный пример некоторых из лучших качеств этого искусства, которые ранее демонстрировали индусы, а впоследствии практиковали их завоеватели.

Дели.

Из двух мечетей в Дели и Аджмире первая названа более ранней, так как была построена примерно на семь или восемь лет раньше другой, а также намного больше.^[493] Кроме того, он связан с Кутуб-минаром и некоторыми из самых красивых гробниц того времени, которые в совокупности составляют группу, с которой ничто в Аджмире не может сравниться. Руины Дели также необычайно красивы, поскольку они стоят на пологом склоне холма, возвышающегося над равниной, которая, по-видимому, когда-то была озером, но впоследствии стала местом трех сменявших друг друга столиц Востока. Впереди находятся руины Туглакабада, гигантского форта

древнего вождя патанов; а дальше на север равнина все еще покрыта руинами Старого Дели, столицы поздних патанов и ранних моголов. За ним, на расстоянии девяти или десяти миль, видны башни Шахджеханабада, современной столицы, до недавнего времени являвшейся резиденцией номинальной монархии Великих Моголов. Еще дальше к северу расположены гражданские станции и военные городки британских правителей страны. Удачным обстоятельством является то, что британская база не была, как в Агре, расположена посреди руин, поскольку именно этому мы обязаны их сохранением. Если бы не расстояние, мраморные колонны, несомненно, были бы приняты для всех целей, для которых они могли бы быть доступны, с полным пренебрежением к их красоте и, таким образом, уничтожили бы интерес к руинам. Несмотря на это, здания, принадлежащие к знаменитым садам Шахлимар, которые были единственными значимыми зданиями в окрестностях английского вокзала, исчезли; но они не имеют большого значения по сравнению с руинами дальше на юг.

Общее расположение основных руин будет понятно по плану ([Гравюра на дереве № 277](#)), который был выполнен с большой тщательностью, хотя масштаб, до которого было необходимо уменьшить его, не позволяет увидеть все его особенности. Чтобы понять это, необходимо иметь в виду, что все колонны принадлежат к индуистской архитектуре, а все стены - к магометанской.

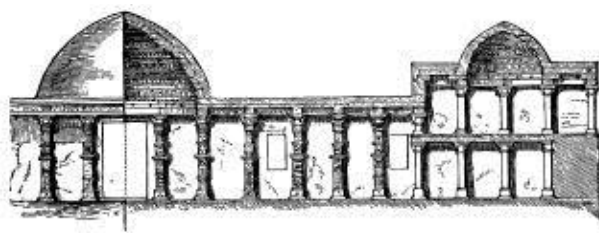

277. План руин Старого Дели. (С плана автора.) Масштаб от 100 футов до 1 дюйма.

Немного сложно определить, до какой степени колонны сохранились в том виде, в каком они были первоначально установлены индусами, или насколько они были снесены и переставлены завоевателями. Даже если предположить, что они остались нетронутыми, совершенно очевидно, что окружающие стены были возведены мусульманами, поскольку все веревочные дорожки покрыты орнаментами в их стиле, а все проемы имеют стрельчатые арки, которыми индусы никогда не пользовались. В целом представляется вероятным, что вся структура была перестроена магометанами в том виде, в каком мы сейчас ее видим. Знаменитая мечеть в Канудже, несомненно, является джайнским храмом, перестроенным по плану, в точности аналогичному плану мечети Амру в Старом Каире (гравюра на дереве № 921, том ii.). Крыша и купола полностью выполнены в джайнской архитектуре, так что внутри не видно никаких следов

мавританского стиля; но внешний вид такой же чисто магометанский. В Дхаре, недалеко от Манду, есть еще одна мечеть, более современная и, без сомнения, переделанная под джайнский храм. Другой, в форте в Джаунпуре, а также во многих других мечетях Ахмадабада и в других местах, все они демонстрируют одну и ту же систему демонтажа и перестановки материалов по другому плану. Следовательно, если бы колонны в Кутубе были *in situ*, случай был бы исключительным,^[494] но, тем не менее, я не могу не подозревать, что двухэтажные павильоны по углам и те, что за ширмой, могут быть такими же изначально, и некоторые другие могут быть такими же; но к этому мы вернемся, когда будем говорить об Аджмирской мечети, где джайнские колонны почти наверняка были установлены такими же впервые. Однако совершенно очевидно, что некоторые колонны в Кутубе состоят из разнородных фрагментов и были установлены там, где они сейчас стоят, строителями мечети. Единственный вопрос — и это не очень важный вопрос — сколько человек подверглись такому лечению? Однако, возможно, потребуется объяснить, что при демонтаже и восстановлении этих сооружений не могло возникнуть никаких трудностей, потому что все стыки столбов подогнаны с точностью, которую может дать только индуистское терпение. Каждый отсек крыши состоит из девяти камней — четырех наличников, четырех угловых и одной центральной плиты (как показано на схеме № 114, стр. 214), все они настолько точно подогнаны и настолько независимы от цемента, что их легко снять и установить снова. То же самое верно и в отношении куполов, все они были установлены честно и беспристрастно и не пострадали бы в процессе демонтажа и повторного монтажа.

Раздел ([Гравюра на дереве № 278](#)) одной половины главной колоннады (той, что обращена к большому ряду арок) лучше, чем можно описать словами, объясняет ее форму. Это настолько чисто джайнский стиль, что, возможно, его следовало бы упомянуть, говоря об этом стиле; но поскольку он является частью самой ранней мечети в Индии, его более уместно представить в этом месте. Колонны расположены в том же порядке, что и на горе Абу ([гравюра на дереве № 130](#)), за исключением того, что колонны в Дели намного богаче и искуснее. Большинство из них, вероятно, относятся к 11 или 12 веку и являются одними из немногих найденных в Индии образцов, которые кажутся перегруженными орнаментом. От капителя до основания нет ни дюйма ровной поверхности, за исключением колонн за ширмой и некоторых других, которые могут принадлежать более старым зданиям. Тем не менее орнамент настолько четкий и так искусно выполненный, а эффект в их нынешнем состоянии упадка и разрухи настолько живописен, что очень трудно придаться к тому, что так красиво. В некоторых случаях фигуры, которые были на стержнях колонн, были срезаны как оскорбительные для мусульманской строгости в отношении идолопоклоннических изображений; но на крыше и менее заметных частях все еще можно обнаружить фигуры джайнских святых со скрещенными ногами и другие эмблемы этой религии.

278. Фрагмент части Восточной колоннады в Кутубе, Старый Дели. Масштаб от 25 футов до 1 дюйма.

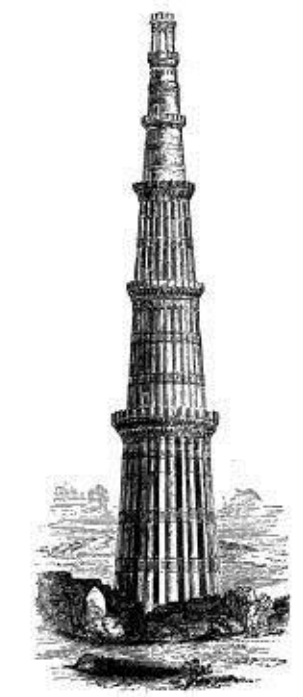
Слава мечети, однако, заключается не в этих индуистских развалинах, а в огромном ряду арок на западной стороне, простирающихся на север и юг примерно на 385 футов и состоящих из трех больших и восьми меньших арок; центральная арка 22 фута в ширину и 53 фута в высоту; большие боковые арки 24 фута 4 дюйма и примерно такой же высоты, что и центральная арка; арки поменьше, которые, к сожалению, сильно разрушены, имеют примерно половину этих размеров ([Гравюра на дереве № 279](#)). За ней, на расстоянии 32 футов, находятся основания другой стены; но, по-видимому, они предназначены только для того, чтобы подниматься на высоту крыши из окружающих ее индуистских колонн. Представляется вероятным, что индуистские колонны между двумя экранами были единственной частью, которую предлагалось покрыть крышей, поскольку некоторые из них встроены в заднюю часть больших арок, а все, что находится над ними, довольно простое и гладкое, без малейших следов какого-либо намерения построить свод или крышу любого рода. Действительно, крыша ни в коем случае не является неотъемлемой частью мечети; требуется только стена, обращенная к Мекке, и в Индии часто строится только это, хотя спереди часто добавляется ограждение, чтобы защитить молящихся от помех. Крытые колоннады, конечно, являются удобным и декоративным дополнением, но далеко не незаменимым.

279. Центральный ряд арок в Кутубе. (По эскизу автора.)

История этой мечети, рассказанная при ее строительстве, столь же любопытна, как и все остальное в ней. Похоже, что афганские завоеватели имели довольно четкое представление о том, что стрельчатые арки были истинной формой архитектурных проемов; но, не имея достаточной науки для их возведения, они предоставили индуистским архитекторам и строителям, которых они нанимали, следовать своим собственным приемам в отношении способа выполнения формы. Индусы до этого времени никогда не строили арок - как, впрочем, и в последующие столетия. Соответственно, они продолжали делать стрельчатые отверстия по тому же принципу, по

которому строили свои купола. Они подняли их горизонтальными рядами, насколько могли, а затем закрыли длинными плитами, сходящимися наверху, фактически это была конструкция арки акведука в Тускулуме, показанная на гравюре на дереве № 178, том. i.^[495] Те же самые архитекторы были наняты их мастерами для украшения граней этих арок; и они сделали это, скопировав и повторив орнаменты на колоннах и фризах с противоположных сторон придворный, покрывающий все здание кружевом сложной и изящной резьбы, подобного которому ни до, ни после не получала ни одна другая мечеть, за исключением мечети в Аджмире; и которое - хотя, возможно, в значительной степени выбрасывается при использовании в таких масштабах — является, без исключения, самым изысканным образцом своего класса, который, как известно, где-либо существует. Поскольку камень был особенно твердым и качественным, резьба сохранила свою свежесть до наших дней и разрушилась только над арками, где неправильная индуистская конструкция привела к преждевременному разрушению.

280. Минар Кутуба.

(По эскизу Автора.)

Высота минарета Кутуб, или большого минарета, составляет 48 футов 4 дюйма. в диаметре у основания и, при измерении в 1794 году, составлял 242 фута в высоту.^[496] Однако даже тогда его столица была разрушена, так что к этому необходимо добавить около 10 или, возможно, 20 футов, чтобы завершить ее первоначальную высоту. Он украшен четырьмя резко выступающими балконами; один на высоте 97 футов, второй на высоте 148 футов, третий на высоте 188 футов и четвертый на высоте 214 футов от земли; между которыми расположены богато украшенные рельефные пояса с надписями. На нижнем этаже выступающие ребра, образующие канавки, попеременно являются угловатыми и круглыми; на втором круглом и на третьем только угловыми. Над ним возвышается простой минар, в основном из белого мрамора, с поясами из того же красного песчаника, из которого сложены три нижних этажа ([Гравюра на дереве № 280](#)).

Неясно, скопированы ли угловые выпуклости с какой-либо особенности, обнаруженной на минаретах в Хорасане и далее на запад, или же они заимствованы из форм храмов джайнов. Формы оснований минаретов в Газни, по-видимому, подтверждают первую гипотезу; но звездообразная форма многих храмов — главным образом джайнских — в Майсуре и в других

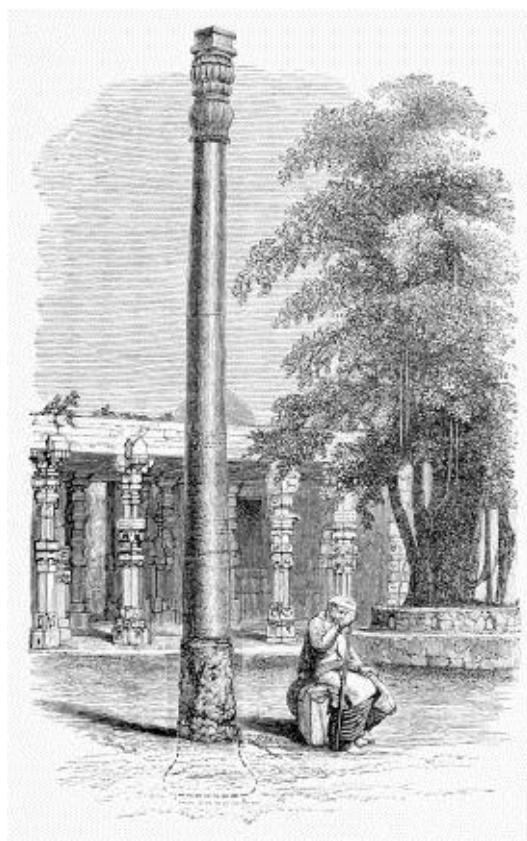

местах (*ante*, стр. 394, *и далее.*), по-видимому, подтверждает идею об их индуистском происхождении. Однако так далеко к северу еще не были обнаружены звездообразные формы, и их разрушение было слишком полным, чтобы мы могли надеяться, что они могут быть найдены сейчас. Как бы то ни было, вероятно, не будет преувеличением утверждать, что Кутуб-Минар является самым красивым примером своего класса, который, как известно, где-либо существует. Соперник, который сразу же придет в голову большинству людей, - это кампанила во Флоренции, построенная Джотто. Это правда, что он на 30 футов выше, но он раздавлен массой стоящего рядом собора; и, каким бы красивым он ни был, ему недостает той поэзии дизайна и изысканной отделки деталей, которыми отмечена каждая лепнина минарета. Возможно, было бы лучше, если бы наклон сторон был под большим углом, но это заметно только на расстоянии; если смотреть со двора мечети, ее форма совершенна и в любом аспекте предпочтительнее прозаической прямоугольности очертаний итальянского образца.

Единственное известное магометанское здание, которое выше этого, - это минарет мечети Хасана в Каире (стр. 389 и гравюра на дереве № 928, том ii); но поскольку колонна в Старом Дели является полностью независимым зданием, она имеет гораздо более благородный вид, а по дизайну и отделке намного превосходит не только своего египетского конкурента, но и любое здание такого класса, известное мне во всем мире. Однако на это не следует смотреть так, как будто оно возведено для тех же целей, что и те, которые обычно пристраиваются к мечетям в других местах. Он был задуман не как место, откуда муэддин должен возносить молитвы, хотя его нижняя галерея, возможно, использовалась и для этой цели, а как Башня Победы — фактически Джая Стамбха — эмблема завоевания, которую индусы могли слишком легко понять и оценить.

На расстоянии 470 футов к северу от этого был начат второй минар Ала уд-дином, вдвое превышавший его размеры, или 297 футов в окружности. Он был поднят только на высоту 40 футов и заброшен, вероятно, из-за переноса резиденции правительства в новую столицу Туглакабад.

Дата постройки всех этих зданий известна с достаточной точностью из надписей, которые на них нанесены,^[497] из которой следует, что внутренний двор был огорожен Шахаб ад-дином. Центральный ряд арок ([гравюра на дереве № 279](#)) был построен Кутубом уд-дином; крылья - Алтумшем, чья гробница находится за северным хребтом, а минар Кутуб был либо построен, либо закончен тем же монархом; следовательно, они датируются 1196-1235 годами нашей эры, когда они остались незавершенными из-за смерти последнего названного короля.

281. Железный столб в Кутубе. (С фотографии.) Пунктирная линия показывает глубину под землей.

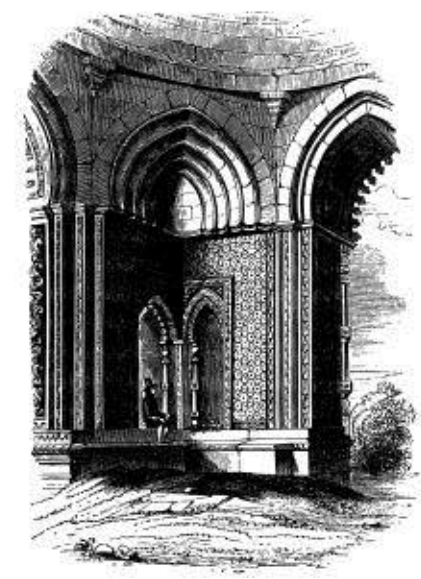
Одним из самых интересных объектов, связанных с этой мечетью, является железная колонна, которая стоит — и, по—видимому, всегда стояла — в центре ее внутреннего двора ([Гравюра на дереве № 281](#)). Сейчас он возвышается на 22 фута над землей, а поскольку глубина под тротуаром теперь увеличена и составляет всего 20 дюймов, общая высота составляет 23 фута 8 дюймов.^[498] Его диаметр у основания составляет $16 \cdot 4$ дюйма, у заглавной части $12 \cdot 05$ дюймов. Заглавная часть составляет $3\frac{1}{2}$ фута. высокий, остро и четко выполненный в персидском стиле, который заставляет его выглядеть так, как будто он принадлежал к более раннему периоду, чем на самом деле; и он имеет форму амалака, что указывает на значительную древность. Однако до сих пор точно не установлен его реальный возраст. На нем есть надпись, но без даты. Судя по форме алфавита, Принсеп относил его к 3-му или 4-му веку;^[499] Бхау Даджи, по тем же свидетельствам, к концу 5-го или началу 6-го века.^[500] Истина, вероятно, лежит между этими двумя. Я лично убежден, что он принадлежит одному из Чандра-раджей династии Гупта, следовательно, либо к A.D. 363 от A.D. 400 г. н.э.

Принимая за среднюю дату 400 год н.э. — и это, конечно, недалеко от истины, — мы обнаруживаем, что индусы в том возрасте были способны выковать слиток железа большего размера, чем любой из тех, что ковались даже в Европе до очень позднего времени, и не часто даже сейчас, что открывает нам глаза на неожиданное положение дел. Однако, поскольку мы находим, что несколько столетий спустя они использовали бруски такой длины, как эта ширина, для перекрытия крыльца храма в Канаруке (*ante*, стр. 222), мы должны теперь полагать, что они были гораздо лучше знакомы с использованием этого металла, чем стали впоследствии. Почти столь же поразительно обнаружить, что после четырнадцатилетнего пребывания под ветром и дождем она не покрылась ржавчиной, а заглавная часть и надпись сейчас такие же четкие, как и четырнадцать веков назад.^[501]

Как сообщает нам надпись, колонна была посвящена Вишну, нет никаких сомнений в том, что первоначально она поддерживала фигуру Гаруды на вершине, которую магометане, конечно,

убрали; но реальной целью ее возведения было установить победный столб, чтобы зафиксировать “поражение балхикасов”,^[502] возле семи устьев Синдху”, или Инда. Это, мягко говоря, любопытное совпадение, что восемь столетий спустя люди из той же самой бактрийской страны воздвигли в том же дворе Джая-Стамбуху в десять раз выше этой, чтобы отпраздновать свою победу над потомками тех индусов, которые задолго до этого изгнали своих предков из страны.

Сразу за северо-западным углом мечети находится гробница ее основателя Алтумша. Несмотря на небольшие размеры, это один из богатейших образцов индуистского искусства, примененного в магометанских целях, который может предложить Старый Дели, и он чрезвычайно красив, хотя строители все еще проявляют определенную степень неумения приспособливать детали к своим новым целям. Эффекту в настоящее время мешает отсутствие крыши, которая, судя по внешнему виду, так и не была достроена, если вообще когда-либо начиналась. В дополнение к красоте своих деталей она интересна тем, что является самой древней гробницей, которая, как известно, существует в Индии. Он умер в 1236 г. н. э. . . . .

282. Интерьер гробницы в Старом Дели. (По эскизу автора.)

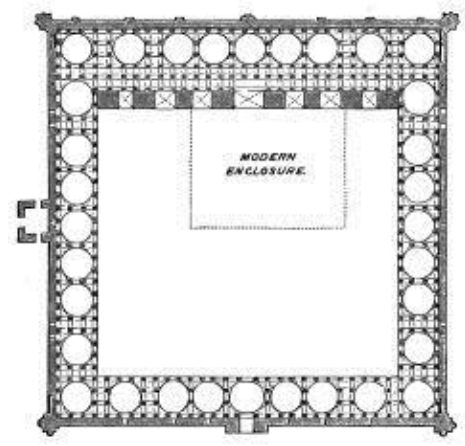
Еще более красивым примером, чем этот, является другой, показанный слева от плана ([Гравюра на дереве № 277](#)). Он был возведен Ала уд-дином Хилджи, и среди его надписей встречается дата 1310 года. Таким образом, оно примерно на столетие современнее других зданий этого места и отражает патанский стиль в период его наивысшего совершенства, когда индуистские каменщики научились приспособливать свой изысканный стиль оформления к формам своих иностранных мастеров. Его стены изнутри украшены непревзойденным рисунком из подгузников, а способ превращения квадрата в восьмиугольник более прост, элегантен и уместен, чем любой другой пример, с которым я знаком в Индии. Подвески идеально сочетаются с заостренными отверстиями на четырех других гранях и во всех отношениях имеют соответствующую конструкцию.^[503] Верно, есть дефекты. Например, они слишком просты для сложной отделки, которая покрывает всю нижнюю часть здания как внутри, так и снаружи; но орнамент можно было бы легко добавить; и их незамысловатость согласуется с простотой купола, который на самом деле никоим образом не соответствует фундаменту. Поскольку в нем нет окон, создается впечатление, что архитектор предполагал, что его простота не будет заметна в царящем вследствие этого мраке.

Это здание, хотя и небольшое, имеет площадь всего 53 квадратных фута снаружи, а внутренняя квартира всего 34 фута 6 дюймов. в плане — отмечает кульминационный момент стиля Патан в Дели. Ничего столь завершенного не делалось раньше, ничего столь богато

украшенного они не пытались делать впоследствии. В провинциях между этим периодом и завоеванием Моголами были возведены замечательные здания, но в столице их сооружения были более отмечены торжественным мраком и наготой, чем орнаментом или каким-либо из высших достоинств архитектурного искусства. Внешне он сильно поврежден, но его эффект по-прежнему равен эффекту любого здания такого класса в Индии.

АДЖМИР.

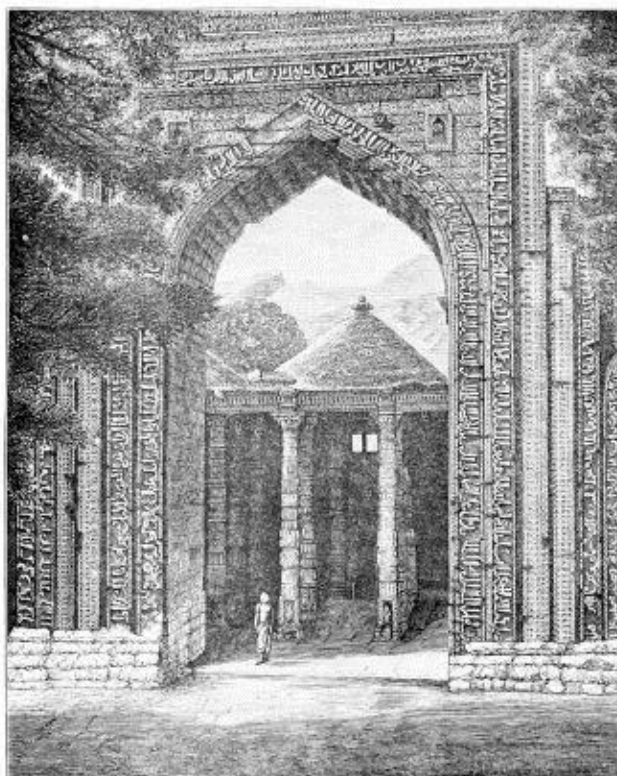
Строительство мечети в Аджмире ([Гравюра на дереве № 283](#)) было начато, по-видимому, в 1200 году и, безусловно, завершено во время правления Алтумша, А.Д. 1211-1236 гг. Согласно традиции, строительство было закончено за два с половиной дня; отсюда и единственное название, под которым оно сейчас известно — “Архай дин ка Джомпра”, которое, если оно что-то и значит, может применяться только к расчистке языческих храмов и символов и посвящению языческого святилища целям Верующих. В данном случае кажется почти несомненным, что бы ни происходило в Дели, колонны находятся *на месте*. Во всяком случае, если они были снесены мусульманами, то, несомненно, были восстановлены именно в том виде, в каком они были изначально спроектированы.^[505] Колонны, их перекладины, кровельные камни и купола - все это цельное, и поэтому именно то, что мы находим в Абу и Гирнаре, не оставляет сомнений в том, что мы видим перед собой часть внутреннего двора джайнского храма, который, вероятно, использовался последователями этой религии по крайней мере пару столетий, прежде чем его захватили завоеватели. Сейчас сохранилась только западная сторона с ее девятью куполами. Монастыри с трех других сторон находятся в руинах, хотя их план можно легко проследить даже сейчас. Однако того, что осталось, достаточно, чтобы показать, что изначально это, должно быть, был исключительно элегантный образец своего класса. Колонны более высокие и тонкие, чем в мечети в Дели, но более чистые и элегантные по дизайну.

283. Мечеть в Аджмире. (Составлено по плану генерала. Каннингема.) Масштаб от 100 футов до 1 дюйма.

Однако славой этой мечети, как и мечети Кутуб, является экран из семи арок, которым Алтумш украсил внутренний двор ([Гравюра на дереве № 284](#)). Его размеры очень похожи на размеры его конкурента. Центральная арка имеет ширину 22 фута 3 дюйма; две с каждой стороны по 13 футов 6 дюймов, а внешняя на каждом конце по 10 футов 4 дюйма. В центре экран поднимается на высоту 56 футов, и на нем видны руины двух небольших минаретов высотой 10 с половиной футов. в диаметре украшен чередующимися круглыми и угловатыми канавками, как на нижнем этаже Кутуба. Неясно, существовало ли что-либо подобное в Дели - вероятно, нет, поскольку великий минар, возможно, служил для этой цели, и их появление здесь выглядит как запоздалая мысль и произведение неопытной руки, работающей в незнакомом стиле.

284. Большая арка в мечети в Аджмире. (С фотографии.)

Где бы и когда бы впоследствии ни появлялись минары, подготовка к ним всегда производилась с фундамента, и их линии всегда спускались на землю, в той или иной форме, как и подобает настоящему искусству. Этот солецизм, если его можно так назвать, очевидно, возник из-за того, что архитекторы были индусами, незнакомыми со стилем; и этим также объясняется тот факт, что все арки построены по горизонтальному принципу. В этом месте нет настоящей арки; но, благодаря тому, что в их распоряжении были камни большего размера, чем были доступны в Дели, арки здесь не повреждены, как это было до позднего ремонта.

Однако не его размеры и дизайн делают этот экран одним из самых замечательных архитектурных объектов Индии, а способ, в котором он оформлен. Ничто не может сравниться со вкусом, с которым куфические надписи и надписи тогра переплетены с более чисто архитектурными украшениями, или с тем, как они придают жизнь и разнообразие целому, никогда не нарушая конструктивных линий дизайна. Как уже отмечалось, в качестве примеров поверхностного убранства эти две мечети Алтумш в Дели и Аджмире, вероятно, не имеют себе равных. Ничто в Каире или Персии не отличается такой изысканностью в деталях, и ничто в Испании или Сирии не может сравниться с ними по красоте отделки поверхности. Кроме того, они уникальны. Нигде больше невозможно было бы найти магометанскую широту замысла в сочетании с индуистской изысканностью украшений, выполненных в той же степени и в той же манере. Если к этому мы добавим их историческую ценность как первых мечетей, возведенных в Индии, и их этнографическое значение, поскольку они столь отчетливо демонстрируют ведущие черты двух рас, то, безусловно, в Индии нет двух зданий, которые больше заслуживают покровительства правительства; одному уделялось изрядное количество внимания; другим самым постыдным образом пренебрегали, а в последнее время с ним обращались самым варварским образом. [\[506\]](#)

БОЛЕЕ ПОЗДНИЙ ПАТАНСКИЙ СТИЛЬ.

После смерти Ала уд-дина (A.D. 1316) a change seems to have come over the spirit of the Pathan architects, and all their subsequent buildings, down to the time of Shere Shah, A.D. 1539, , демонстрируют строгую простоту дизайна, резко контрастирующую с замысловатым орнаментом, с которого они начинались. Неясно, возникло ли это из-за какой-либо пуританской реакции против квазииндуизма более ранних примеров, или из-за каких-либо политических причин, влияние которых сейчас трудно проследить: но несомненно, что, когда этот суровый старый воин Туглак Шах, A.D. в 1321 году н.э., основал Нью—Дели, который до сих пор носит его имя - Туглукабад, — все его здания отличались суровой простотой, что резко контрастировало с теми, которые его предшественники возвели в столице, возвышающейся над равниной, на которой расположена его цитадель. Его гробница, которая была, по крайней мере, закончена, если не построена, его преемником, вместо того чтобы находиться в саду, как это обычно бывает, стоит отдельно в собственной сильно укрепленной цитадели, окруженной искусственным озером. Покатые стены и почти египетская основательность этого мавзолея в сочетании со смелыми и массивными башнями окружающих его укреплений образуют образец усыпальницы воина, с которой вряд ли где-либо можно соперничать, и она резко контрастирует с элегантными и пышными садовыми усыпальницами более оседлых и мирных династий, пришедших на смену.

Однако наиболее интересным с исторической точки зрения изменением является то, что ко времени правления Туглукшаха мусульмане полностью освободились от индуистского влияния. В его зданиях все арки - настоящие арки; все детали придуманы для того места, где они находятся. Фактически, его гробница была бы столь же уместна — даже более уместна, — если бы ее нашли в долине Нила, чем на берегах Джамны; и с того времени магометанская архитектура в Индии сама по себе была новым и законченным стилем, развивавшимся в соответствии с естественной и неизбежной последовательностью истинных стилей во всех частях света.

Тем не менее верно, что в своих гробницах, равно как и в мечетях, они часто, чтобы избавить себя от лишних хлопот, использовали индуистские материалы, когда они были доступны, и часто с самым живописным эффектом. Многие из этих сложных зданий состоят только из четырех колонн, увенчанных небольшим куполом; но часто они используют вместе с колоннами джайнскую схему из двенадцати колонн, расположенных таким образом, чтобы поддерживать восьмиугольный каркас, легко превращаемый в круглое основание для купола. Это, как уже отмечалось, расположение гробницы в Милассе и формирующая идея всего прекрасного в планах джайнских зданий в Индии.

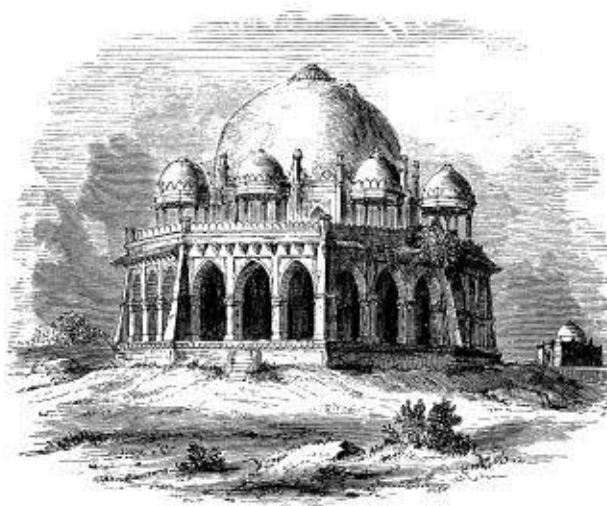
Одного примера должно быть достаточно, чтобы объяснить эффект этих зданий ([Гравюра на дереве № 285](#)). На первый взгляд купол кажется довольно тяжелым для фундамента, но эффект от всего этого настолько живописен, что к нему трудно придираться. Если бы все материалы были оригинальными, дизайн был бы открыт для критики; но, когда часть явно заимствована, небольшое нарушение баланса между частями можно извинить.

285. Гробница патанов в Шепри, недалеко от Гвалиора. (С наброска автора.)

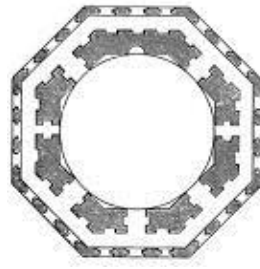
В Бакарайя Кунд в Бенаресе есть несколько примеров гробниц такого рода, очевидно, построенных из джайнских материалов;^[507] и, действительно, везде, где магометане обосновались самостоятельно на участке, ранее занимаемом джайнами, такие сочетания встречаются часто; но никогда не предпринимается попыток ассимилировать части, которые являются магометанскими, с частями, принадлежащими к индуистскому стилю, который они используют; они соответствуют возрасту в котором была построена гробница или мечеть, и, следовательно, этот возраст легко узнаваем любым человеком, знакомым с этим стилем.

Обычная форма гробницы патанов будет лучше понятна по следующей гравюре на дереве (№ [286](#)), изображающей безымянную гробницу среди сотен, которые все еще разбросаны по равнинам Старого Дели. Он состоит из восьмиугольного помещения диаметром около 50 футов, окруженного верандой той же формы, каждая грань которой украшена тремя арками заостренной формы, обычно принятой у патанов, и поддерживается двойными квадратными колоннами, которые почти так же универсальны для них, как и эта форма арки.

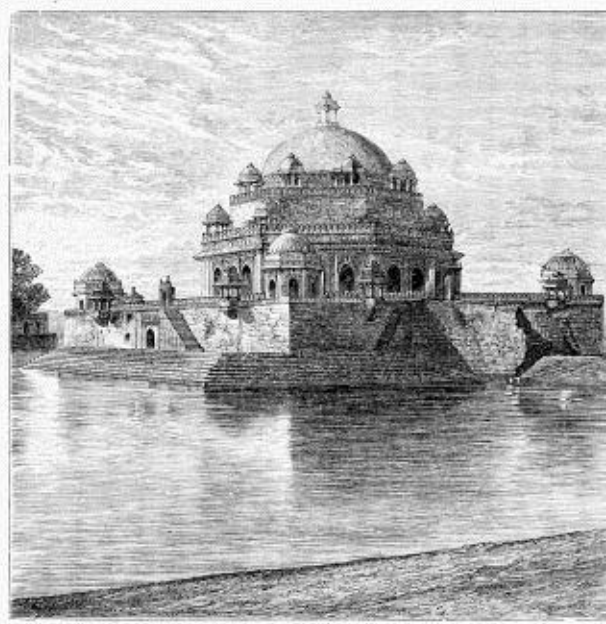
286. Гробница в Старом Дели. (По эскизу автора.)

Это форма, очевидно, позаимствованная у квадратного причала джайнов, но настолько измененная и упрощенная, что требуется некоторая изобретательность, чтобы распознать ее происхождение в новом сочетании.

287. Гробница Шер-Шаха в Сассераме. Весов нет.

Серию гробниц патанов завершает гробница Шер-шаха ([Гравюра на дереве № 287](#)), предпоследняя и самая прославленная из его расы. Он расположен на квадратной террасе посреди большого резервуара, недалеко от Сассерама, в Шахабаде, и, судя по его местоположению и дизайну, в настоящее время является исключительно живописным объектом ([Гравюра на дереве № 288](#)). Его размеры тоже значительны.^[508] Его основание представляет собой восьмиугольник, 54 фута с каждой внешней стороны. Внутри галерея шириной 10 футов окружает центральное помещение, на котором установлен купол диаметром 65 футов, под которым находится гробница основателя и некоторых его любимых товарищей по оружию.

288. Гробница Шер-шаха. (С фотографии.)

Снаружи терраса, на которой он стоит, украшена смелыми восьмиугольными павильонами по углам, которые соответствующим образом поддерживают центральный купол, а маленькие киоски в квадратных скобках между ними приятно подчеркивают контур. Точно так же восьмиугольные киоски, громоздящиеся вокруг барабана купола, и сам купол нарушают монотонность композиции, не умаляя ее солидности или кажущейся торжественности. В целом, как царская гробница второго класса, в Индии мало что превосходит ее ни по красоте очертаний, ни по уместности деталей. Первоначально он был соединен с материком мостом, который, к счастью, был разрушен до того, как рядом прошла большая магистральная дорога. Если бы не это, его, вероятно, использовали бы раньше.

Мечети патанов имели тот же вид, что и их гробницы. Так называемый Кала-Мусджид в нынешнем городе Дели, построенный, согласно надписи на его стенах, в 1389 году н.э., выполнен в стиле, мало чем отличающемся от гробницы ([Гравюра на дереве № 286](#)), но более массивный и даже менее украшенный. Эта суровая простота, по-видимому, была характерна для второй

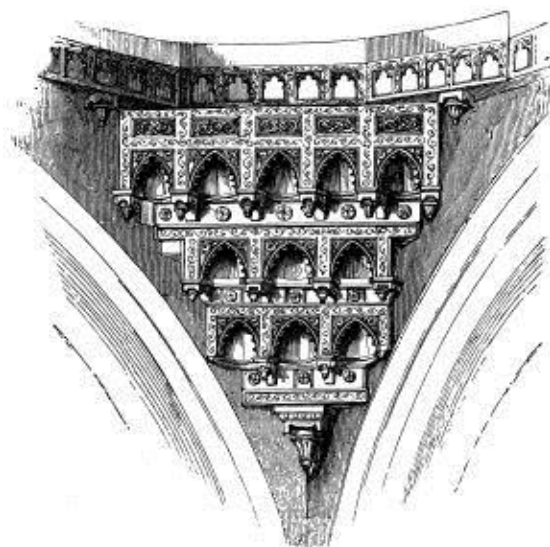
половины 14 века и, возможно, была протестом более пуританского мусульманского духа против индуистского изобилия, которое характеризовало как 13, так и 15 века. Реакция, однако, имела место, и стиль позднего патана в Дели был едва ли менее богатым и, безусловно, гораздо более подходящим для целей, которым он был посвящен, чем первый стиль, представленный в зданиях в Кутубе.

Это, однако, произошло главным образом из-за исключительного великолепия правления Шер-шаха, который, однако, настолько перепутан как по времени, так и по связям с более ранними моголами, что между ними трудно провести различие. Хотя Бабер практически завоевал Индию в а.д. 1494 году нашей эры, его преемник Хумаюн потерпел поражение и был свергнут с трона Шер-шахом в 1540 году нашей эры, и только в 1554 году династия Моголов окончательно и надежно утвердилась в Дели. Следовательно, стиль первой половины 16 века можно рассматривать как последнее завершающее усилие патанов или первый рассвет стиля великих Моголов, и он был вполне достоин того и другого.

В эту эпоху фасады этих мечетей стали гораздо более декоративными, чаще инкрустировались мрамором и всегда украшались богатой и красивой скульптурой; углы зданий также были смягчены маленькими киосками, поддерживаемыми четырьмя богато украшенными колоннами, но никогда минаретами, которые, насколько я знаю, не были пристроены к мечетям в период Патана. Призыв к молитве раздавался с крыши; и, за исключением первой грубой попытки построить Аджмир, я не знаю ни одного экземпляра минарета, построенного для такой цели, хотя они, как мы знаем, были распространены в Египте и в других местах задолго до этого времени и считались почти незаменимыми в зданиях Великих Моголов очень скоро после этого. Патаны, похоже, относились к минару так же, как итальянцы относились к Колокольне, скорее как к символу власти и победы, чем как к дополнению к молитвенному дому.

Корпус мечети в целом представлял собой продолговатый зал с центральным куполом, по бокам которого располагались два других таких же горизонтальных размера, но не таких высоких, и отделенных от него широкой смелой аркой, лепнина и украшения которой составляли одно из главных украшений здания.

Подвесные механизмы были еще более примечательны, чем арки, продуманностью деталей. Их формы настолько разнообразны, что их невозможно классифицировать или описать; возможно, наиболее распространенной является та, что представлена на гравюре на дереве № 289, где угол заполнен рядом небольших имитаций арок, выступающих одна за другой. Именно эта форма впоследствии была превращена арабами в соты в Испании.

289. Подвеска из мечети в Старом Дели. (По эскизу автора.)

Если бы здания патанов не были так сильно затмеваемы большим великолепием зданий династии Великих Моголов, которые сменили их в их собственных столицах, их стиль привлек бы больше внимания, чем ему уделялось до сих пор; и его монография была бы такой же интересной, как любая из тех, что представлены в индийско-сарацинском издании. В первый период своего существования стиль характеризовался всем богатством, которым могла наделить индийская утонченность; во второй - строгой простотой и величию, гораздо более соответствующими, по нашим представлениям, духу народа; а во время последней части своего существования - возвращением к продуманности прошлого; но в этот период каждая деталь соответствовала своему месту и своей цели. Мы забываем об индуизме, за исключением его деликатности, и узнаем в этом последнем развитии один из завершенных архитектурных стилей мира.

ГЛАВА IV.

ЯУНПУР.

Содержание.

Мечети Джумма Мусджид и Лалл Дурваза.

ХРОНОЛОГИЯ.

Ходжа Джехан обретает независимость в Джаунпуре	1397
Мубарик, его сын	1400
Шемс уд-дин—Ибрагим Шах	1401
Mahmūd	1441
Хусейн Шах	1451
- свергнут и ищет убежища в Гауре	1478 г.

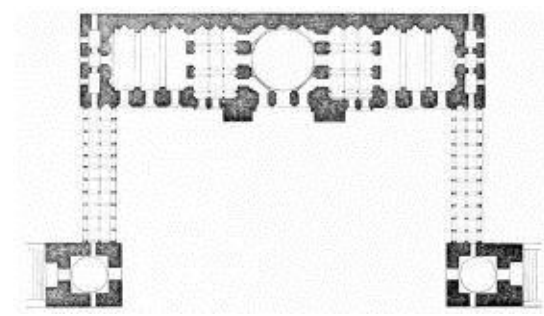
Это произошло всего через два столетия после завоевания Индии мусульманами, когда Ходжа Джехан, субадар или губернатор провинции, в которой расположен Джаунпур, обрел независимость и основал династию, которая просуществовала почти столетие, с 1397 года н.э. примерно до 1478 года, и хотя затем была отвоєвана правителем Дели, все еще сохраняла своего рода полунезависимость, пока, наконец, не была включена в состав империи Великих Моголов великим Акбаром. В этот период Яунпур был украшен несколькими большими мечетями, три из которых до сих пор сохранились относительно целыми, и значительным количеством гробниц, дворцов и других зданий, помимо форта и моста, все из которых являются такими замечательными образцами своего класса архитектуры, какие можно найти где угодно в Индии.

Хотя прошло так много времени после того, как при Ала ад-дине и Туглак-шахе архитектура столицы приобрела нечто вроде завершенности, любопытно наблюдать, насколько несовершенным было объединение в провинциях в то время, когда были возведены основные здания в Джаунпуре. Основные части мечетей, такие как ворота, большие залы и западная часть в целом, выполнены в законченном дугообразном стиле. Везде, где требовались действительно широкие проемы и большие внутренние пространства, использовались арки, купола и расходящиеся во все стороны своды, и в этих частях мало что отличает эту архитектуру от архитектуры столиц. Но в галереях, окружающих внутренние дворы, как правило, используются короткие квадратные колонны с капителями-кронштейнами, горизонтальными наличниками и крышами из плоских плит, как это неизменно имело место в индуистских и джайнских храмах. Вместо того, чтобы слиться воедино, как это стало впоследствии, дугообразный стиль мусульман стоит здесь, хотя и в соседстве, в таком разительном контрасте с трабатным стилем индусов, что некоторые авторы были вынуждены предположить, что части с колоннами принадлежали древним джайнским или буддийским памятникам, которые были присвоены мусульманами и переделаны для их целей.^[509] Истина, по-видимому, заключается в том, что большая часть мусульман в провинции в то время, когда были построены мечети, были индуистами, обращенными в эту религию, и которые все еще цеплялись за свои исконные формы, когда они не вступали в противоречие с их новой верой; и масонами почти наверняка были те, чьи традиции и вкусы гораздо больше склоняли их к старым традиционным формам, чем к недавно введенному арочному стилю.

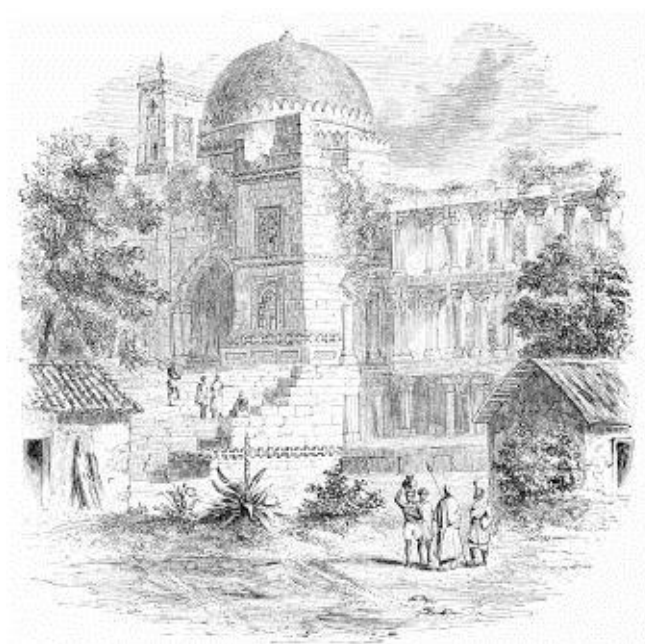
Как мы сейчас увидим в Гауре, с одной стороны, с самого начала преобладал арочный стиль, потому что у строителей не было другого материала, кроме кирпича, и большие проемы тогда были невозможны без арок. С другой стороны, в Ахмадабаде, стране, по сути, джайнской, где камня было в избытке, колоннообразные формы использовались не только так же широко, как в Яунпуре, но и так долго, что до того, как страна была поглощена империей Великих Моголов, слияние трапециевидной и дугообразной форм было полным.

Самая старая мечеть в Джаунпуре находится в форте, которая, как мы узнаем из надписи на ней, была построена в 1398 году нашей эры. Он невелик — всего 100 футов к северу и югу - и состоит из центрального блока каменной кладки с большой аркой в обычном стиле магометанской архитектуры того периода и пяти проемов между колоннами с каждой стороны. Передние ряды этих колонн украшены богатой скульптурой и, очевидно, были взяты из какого-то храма, существовавшего там или по соседству до мусульманской оккупации, но, по-видимому, их запас истощился, поскольку ни в одной из построенных впоследствии мечетей не найдено ничего подобного. [\[510\]](#)

В городе до сих пор сохранились три великие мечети; из них самая грандиозная - Джумма Мусджид (Гравюры на дереве № [290](#), [291](#)), или Пятничная мечеть, строительство которой было начато шахом Ибрагимом в 1419 году н.э., но завершено было только во времена правления Хусейна, А.Д. 1451-1478 гг.

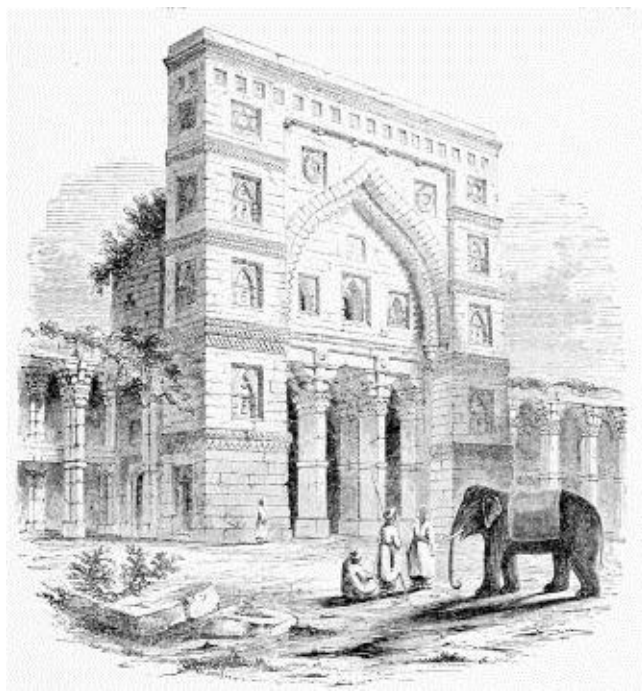

290. План западной половины внутреннего двора Джумма Мусджид, Джаунпур. (С плана автора.) Масштаб от 100 футов до 1 дюйма

291. Вид на боковые ворота Джумма Мусджид, Яунпур. (С рисунка автора.)

Он состоит из внутреннего двора размером 220 на 214 футов, на западной стороне которого расположен ряд зданий, центральное из которых покрыто куполом диаметром 40 футов, перед которым возвышается пирамида ворот или *пропилон*,^[511] почти египетской массы и очертаний, достигающая высоты 86 футов.

292. Мечеть Лалл Дурваза, Джаунпур. (С рисунка автора.)

Эта пирамида ворот по своей высоте заменяла минарет, который является особенностью, столь же малоизвестной в Джаунпуре, как и в то же время в столице Дели. С каждой стороны купола находится отсек, разделенный на два этажа каменным полом, опирающимся на колонны; а за ним, с каждой стороны, находятся помещения размером 40 на 50 футов, перекрытые смелым остроконечным сводом с ребрами, сконструированным таким образом, что его верхняя поверхность образует внешнюю крышу здания, что в готических сводчатых зданиях встречается редко. Три стороны внутреннего двора были окружены двойными колоннадами, высотой в два этажа внутри, но с тремя снаружи, причем пол внутреннего двора был поднят до высоты нижнего этажа. На каждой стороне были красивые ворота; одни из которых изображены на гравюре на дереве № 291, которая дает точное представление о стиле: большая часть восточной стороны двора была снесена англичанами для ремонта автомобильных дорог и мостов, для чего, по их оценке, эти столбы прекрасно приспособлены.

Самая маленькая из мечетей в городе - Лалл Дурваза, или Красные ворота. Она выдержана в том же стиле, что и другие; и ее пропилон, представленный на гравюре на дереве № 292, демонстрирует не только смелую массивность, с которой были возведены эти мечети, но и ту странную смесь индуистской и магометанской архитектуры, которая пронизывала стиль на протяжении всего периода его существования.

Из всех мечетей, оставшихся в Джаунпуре, Атала Мусджид - самая богато украшенная и самая красивая. Колоннады, окружающие его двор, имеют четыре прохода в глубину, внешние колонны, как и те, что расположены рядом со двором, представляют собой двойные квадратные колонны. Три промежуточных ряда представляют собой одиночные квадратные колонны, поддерживающие плоскую крышу из плит, расположенную как в джайнских храмах. Снаружи он также имеет высоту в два этажа, причем нижний этаж занят рядом камер, открывающихся наружу. Все это настолько похоже на индуистское устройство, что почти с первого взгляда можно было бы, подобно барону Хюгелю, вообразить, что изначально это был буддийский монастырь. Однако он

не обратил внимания на то, что и здесь, и в Джумма-Мусджид кельи открываются наружу и находятся ниже уровня внутреннего двора мечети — устройство, достаточно распространенное в мусульманстве, но никогда не встречающееся в буддийских зданиях. Однако его ворота, являющиеся главными украшениями внешнего двора, выполнены в чисто сарацинском стиле, а западная сторона украшена тремя пропилонами, подобными тем, что изображены на последней гравюре на дереве, но богаче и красивее, в то время как его внутренние купола и крыши превосходят любой другой известный мне образец магометанского искусства столь ранней эпохи. Здесь они также, возможно, более поразительны, потому что, хотя и сочетаются с квазииндуизмом двора, они демонстрируют арочный стиль сарацинских архитекторов с такой же степенью завершенности, как и в любой последующий период.

Другие здания вряд ли требуют особого упоминания, хотя, как переходные образцы между двумя стилями, эти образцы из Яунпура вполне достойны иллюстрации и сами по себе обладают простотой и величием, которые не часто встречаются в этом стиле. Видимость прочности, кроме того, им придают их наклонные стены, что чуждо нашему общему представлению о сарацинском искусстве, хотя в Туглакабаде и других местах оно продвинулось даже дальше, чем в Джаунпуре. У индийских патанов выражение силы столь же характерно для стиля, как массивность для норманнов в Англии. В Индии это сочетается со степенью утонченности, редко встречающейся где-либо еще, и совершенно свободно от грубости, которая в других странах обычно сопутствует энергии и смелости дизайна.

Особенности этого стиля ни в коем случае не ограничиваются столицей; они преобладают в Газиपुरе и дальше на север, до Канужа, в то время как в Бенаресе примеры встречаются часто. В пригороде этого города, в местечке под названием Бакарайя Кунд, [\[512\]](#) находится группа гробниц, как упоминалось выше, и других зданий, принадлежащих мусульманам, которые являются исключительно приятными образцами яунпурского стиля и, безусловно, относятся к тому же возрасту, что и только что описанные.

Королевство Джаунпур также богато маленькими гробницами и святилищами, в которых мусульмане использовали индуистские и джайнские колонны, просто переставив их на свой лад. Они, конечно, не выдержат критики как архитектурные проекты, но в них всегда есть что-то настолько неопишимо живописное, что вызывает справедливое восхищение. Главным примером этого сложного стиля является мечеть в Канудже, известная в народе как “Сита ка Расуи”, “кухня Ситы”. Это джайнский храм, переделанный в мечеть способом, описанным на стр. 263-4. Его внешние размеры 133 на 120 футов. Сама мечеть имеет четыре ряда по пятнадцать колонн в каждом и три купола. Галереи, окружающие двор, имеют глубину всего в два ряда и первоначально имели шестьдесят восемь колонн, что меньше, чем у мечети. Внешне он не отличается особой красотой, но его двор с колоннами очень живописен и радует глаз. Согласно надписи над главными воротами, его преобразование было осуществлено Ибрагимом шахом из Джаунпура в 1406 году нашей эры

В более поздние времена и даже после того, как королевство утратило свою независимость, в столице и в других городах королевства было возведено несколько важных зданий в стиле того времени; но ни одно из них, насколько сейчас известно, не имеет достаточной важности, чтобы требовать упоминания в таком произведении, как настоящее.

ГЛАВА V.

ГУДЖЕРАТ.

Содержание.

Джумма Мусджид и другие мечети в Ахмедабаде—Гробницы и мечети в Сиркедже и Бутве—Здания в провинциях.

ХРОНОЛОГИЯ.

Музаффар-шах, раджпут, назначен вице-королем	в1391
Ахмед Шах, его внук, основывает Ахмедабад	1411
Мухаммед - шах Милосердный	1443
Кутуб-шах; война с Раной Кхумбо	1454
Махмуд Шах Бегурра	1459
Музаффар Шах II.	1511
Бахадур Шах убит португальцем	1526
Музаффар-шах III.	1561
г. Гуджерат становится провинцией. из царства Акбара	1583

Из различных форм, которые приняла сарацинская архитектура в Индии, архитектуру Ахмедабада, вероятно, можно считать самой элегантной, поскольку она, безусловно, является наиболее характерной из всех. Ни одна другая форма не является столь исконно индийской, и ни одна не рассказывает о ней с такой безошибочной отчетливостью.

Как упоминалось выше, мусульмане в первом веке Хиджры предприняли блестящую попытку завоевать Шинд и Гуджерат и, по-видимому, преуспели; но страна была настолько густонаселенной, а ее цивилизация столь развитой, что захватчики были поглощены и вскоре исчезли со сцены.

Махмуд из Газни следующим захватил провинцию, но не оставил постоянного следа; и даже после падения Дели (A.D. 1196) Gujarat maintained the struggle for independence for nearly two centuries longer, till Feroze Tugluck, in A.D., не назначил Музаффара, обращенного раджпута из клана Так, своим вице-королем. Это, однако, было только накануне неприятностей, вызванных вторжением Тамерлана, и, *мутато домино*, Гуджерат оставался таким же независимым, как и прежде.

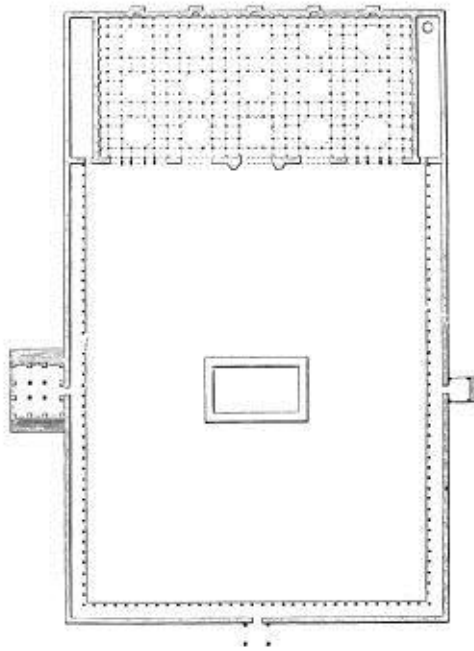
Следующие два столетия— в течение которых трон занимала династия Ахмед Шахи, прошли в непрерывных войнах и стычках со своими непокорными вассалами и соседними вождами. В целом, однако, можно сказать, что их могущество постепенно возросло до смерти Бахадура, A.D., но они так и не смогли полностью подавить мятежный дух своих подданных и, конечно же, так и не обратили большую их часть в свою веру. Как следствие этого, основные здания, о которых идет речь в этой главе, находятся в столице и в непосредственной близости от нее. Кроме того, индусы следовали своей старой вере и строили храмы, как и прежде; хотя в таких крупных городах, как Камбей или Бароах, у мусульман, конечно, были места поклонения, некоторые из них имели

значительное значение и обычно были построены из колонн, позаимствованных из индуистских зданий.

Однако в самом Ахмедабаде повсюду продолжало ощущаться индуистское влияние. Даже мечети во всех деталях индуистские, или, скорее, джайнские; только кое-где вставлены арки, не потому, что это было необходимо конструктивно, а потому, что это был символ веры, в то время как в их гробницах и дворцах даже этого обычно не хватает. Истина в том, что мусульмане навязали себя самой цивилизованной и по существу строящей расе в то время в Индии, а чалукьи покорили своих завоевателей и заставили их принять формы и орнаменты, которые превосходили все, что знали или могли ввести захватчики. Результатом является стиль, сочетающий в себе всю элегантность и законченность джайнского или чалукьянского искусства с определенной широтой представлений, которой индуисты никогда полностью не достигали, но которая характерна для людей, которые в то время подчинили всю Индию своему влиянию.

Первой резиденцией магометанской державы была Ангилварра, старая столица раджпутов, которая в то время, когда она попала в их власть, должна была быть одним из самых великолепных городов Востока. Сейчас мало что осталось от всего его великолепия, если мы можем доверять тому, что говорят недавние путешественники, посетившие его заброшенные дворцы. Ахмед, второй король, перенес центр власти в город под названием Курнавутти, впоследствии известный как Ахмадабад, по имени своего второго основателя, и который он с характерной для него активностью принялся украшать великолепными зданиями. Главной из них была Джумма Мусджид, которая, хотя и не отличается своими размерами, является одной из самых красивых мечетей на Востоке. Его расположение будет понятно из следующего плана ([Гравюра на дереве № 293](#)). Его внешние размеры составляют 382 фута на 258 футов; сама мечеть имеет размеры 210 футов на 95 футов, следовательно, занимает площадь около 20 000 квадратных футов. Внутри самой мечети находится 260 колонн, поддерживающих пятнадцать симметрично расположенных куполов, только центральные три несколько больше и значительно выше остальных. Если сравнить план с планом храма в Садри ([Гравюра на дереве № 133](#)), который в то же время возводил Кхумбо Рана в 160 милях от Ахмедабада, это даст справедливое средство сравнения джайнских и магометанских порядков того времени. Форма колонн и детали в целом практически одинаковы в обоих зданиях, индуистское несколько богаче и изысканнее. В плане мечеть выглядит однообразно по сравнению с храмом; но это в какой-то степени компенсируется разной высотой куполов, как показано на фасаде (Деревянная вырезка № 294), а также тем, что высота каждого отдела тщательно варьируется. Лично я предпочитаю поэзию храма, но в плане мечети есть некоторая сдержанность, которая, в конце концов, может быть более изысканной. Вряд ли нужно упоминать, что оба плана бесконечно превосходят монотонность южных залов 1000 колонн. Последние примечательны своими размерами и количеством затраченного на них труда, но для создания хорошей архитектуры требуется нечто большее.

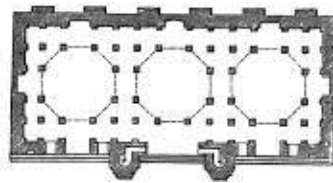

293. План Джумма Мусджид, Ахмадабад. Масштаб от 100 футов до 1 дюйма.

294. Высота Джумма-Мусджид. Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

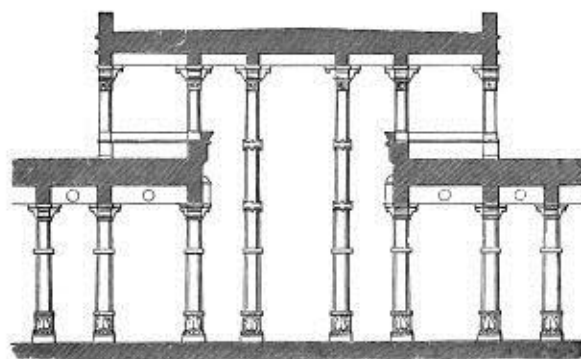
Общий характер возвышения можно понять по гравюре на дереве № 294, но, к сожалению, его минаретов больше нет. Когда Forbes^[514] нарисовал это, они все еще стояли и были отмечены в Eastern story как сотрясающиеся минареты Ахмедабада; землетрясение в 1818 году нашей эры слишком сильно потрясло их, но в городе все еще стоят несколько других, по которым их форму можно легко восстановить.

295. План мечети королевы, Мирзапор. Масштаб 50 футов на 1 дюйм.

296. Высота мечети королевы, Мирзапор. Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

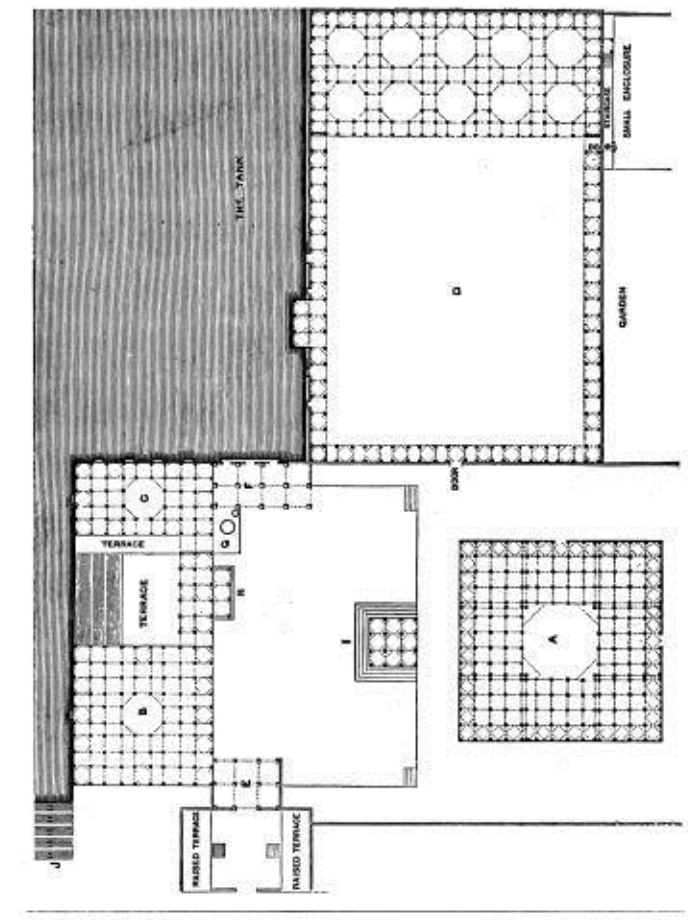

297. Раздел схемы, поясняющий расположение мечетей в Ахмедабаде.

План и боковое расширение Джумма-Мусджид исключительны. Обычной формой мечетей Ахмедабада была форма мечети королевы в Мирзапоре, которая состоит из трех куполов, стоящих на двенадцати колоннах каждый, с центральной частью, приподнятой таким образом, чтобы пропускать свет внутрь. Способ, которым это было осуществлено, будет понятен из прилагаемой схемы ([Гравюра на дереве № 297](#)). Колонны, поддерживающие центральные купола, в два раза выше боковых, а на крыше возвышаются два ряда карликовых колонн, чтобы компенсировать высоту. Перед ними внутри находится массивная балюстрада, которая, как правило, наиболее богато украшена резьбой. При таком расположении будет создаваться впечатление, что вводится необходимое количество света, как в барабане византийского купола, но в более художественной манере. Солнечные лучи никогда не могут упасть на пол или даже так низко, как голова того, кто там стоит. Свет отражается от внешней крыши в купол, и обеспечивается идеальная вентиляция с наиболее приятным эффектом освещения без бликов. Чтобы дополнительно защититься от последнего страшного события, в большинстве этих мечетей между внешними карликовыми колоннами был установлен экран из перфорированной каменной кладки. Эти ширмы часто отличались самой изысканной красотой и, как следствие, в большинстве случаев были сняты.

В Ахмедабаде есть три или четыре мечети, построенные по тому же образцу, что и описанная выше, но по мере развития стиля он становился все более и более индийским. Арки впереди часто опускались, и появлялся только экран из колонн, поддерживаемых двумя минаретами, по одному под каждым углом. Эта система была внедрена в наибольшей степени в Сиркедже, примерно в пяти милях от города. Мохаммед Шах в 1445 году н.э. начал возводить здесь гробницу (А на гравюре на дереве № 298) в честь Ахмеда Гандж Букша, друга и советника своего отца. О стиле этих зданий можно судить по гравюре на дереве (№ [299](#), стр. 532), представляющей павильон из шестнадцати колонн перед этой гробницей (I на гравюре на дереве № 298). Они имеют обычные для этого стиля простые очертания — высокое квадратное основание; стержни квадратные, без каких-либо украшений, кроме зенковки по углам, и увенчаны умеренно выступающей капителью-скобой. Здание покрыто девятью небольшими куполами, незначительными сами по себе, но как внутри, так и снаружи образующими самый приятный вид кровли, который когда-либо применялся к такому небольшому отдельно стоящему зданию такого класса. Мечеть (D) была построена в 1451 году н.э., и впоследствии Махмуд Бегурра пристроил гробницу для себя (B) и для своей жены Раджбайи (C). Вместе с сопутствующими дворцами и гробницами они составляют одну из самых важных групп в окрестностях. Все они построены без единой арки; все колонны имеют обычные для индусов капители-кронштейны, а все купола построены по горизонтальному принципу. В большой гробнице была предпринята попытка получить купол большего размера, чем допускает обычное восьмиугольное расположение, но не совсем успешно. Восьмиугольник не соответствует фундаменту, и следовало либо ввести более широкие пространства, либо использовать многоугольник с большим количеством сторон. Мечеть представляет собой совершенство элегантной простоты и является усовершенствованием плана Джумма Мусджид. Здесь пять куполов в ряд, как там, но они расположены ближе друг к другу, и хотя имеют больший

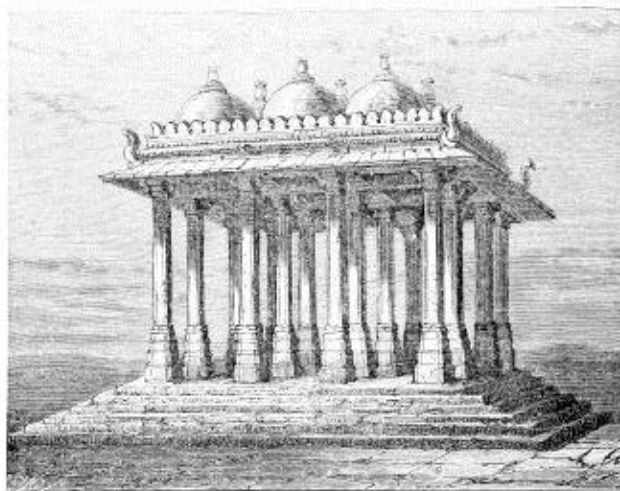
диаметр, ширина всего меньше, а в глубину они составляют всего два ряда. Кроме Мечети Муте в Агре, о которой будет рассказано ниже, в Индии нет мечети, более примечательной простой элегантностью, чем эта.

298. План гробниц и мечети в Сиркедже. (По эскизу Т. К. Хоуп, эскавайр) Масштаб от 100 футов до 1 дюйма

ССЫЛКИ.

- A. Гробница Ганджа Букша.
- B. Гробница Махмуда Бегурры и его сыновей.
- C. Гробница Биби Раджбай, его королевы.
- D. Мечеть.
- E. Закрытые ворота.
- F. Крытый зал с видом на Резервуар.
- G. Колодец и фонтан.
- H. Портик, ведущий на террасу и ступени, спускающиеся к Резервуару.
- I. Павильон.
- J. Части ступеней, окружающих резервуар.

299. Павильон перед гробницей в Сиркее.

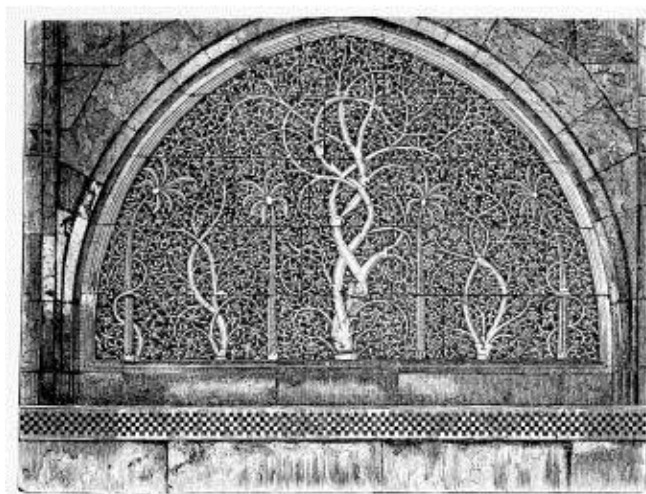

300. Мечеть в Мухафиз-хане. Масштаб 25 футов на 1 дюйм.

Помимо этих больших мечетей, есть несколько мечетей поменьше, отличающихся удивительной красотой, две из которых — мечети Мухафиза Хана и Рани Сипри - являются выдающимися. Высота первого ни в коем случае не радует, но его детали изысканны, и он сохранил свои минареты, что случается слишком редко. Как видно из гравюры на дереве, а также из изображений мечетей Джумма и Куинс (№ 294, 296), нижняя часть минаретов имеет чисто индуистскую архитектуру; все основания в Ахмедабаде представляют собой ни много ни мало, как удлиненные перпендикулярные части цоколя индуистских или джайнских храмов. Каждую форму и каждую деталь можно найти в Чандравати или Абу, за исключением одной особенности — по углам всех индуистских храмов есть ниши с изображениями. Этого мусульманин стерпеть не мог, поэтому наполнил их ажурными узорами. Мы можем проследить за развитием этой формы, начиная с первой грубой попытки в Джумма Мусджид, через все ее этапы и заканчивая изысканными узорами мечети королевы в Мирзапоре. Накопив столетний опыт, они создали формы, которые в качестве архитектурных украшений в своем классе выдержат сравнение с любыми, применявшимися в любую эпоху и в любой части мира; и при этом они изобрели класс оконных ажуров, в котором им также не было равных. Приведенный ниже образец ([Гравюра на дереве № 301](#)) из окна оскверненной мечети во дворце (Бхудар) передаст представление о его изысканности и изяществе. Было бы трудно превзойти мастерство, с которым изготавливаются традиционные формы овощей именно в той степени, в какой это требуется для данной цели. Равное расстояние между объектом и тремя обычными деревьями и четырьмя пальмами выводит его из категории прямой имитации природы и придает ему достаточную структурность для данной

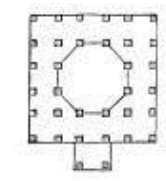
ситуации; но, возможно, величайшее мастерство проявляется в равномерном нанесении рисунка по всей поверхности. В Агре и Дели есть несколько изысканных образцов ажурного орнамента из драгоценного мрамора, но ни один из них не сравнится с этим.

301. Окно в Бхударе в Ахмедабаде. (С фотографии полковника Биггса.)

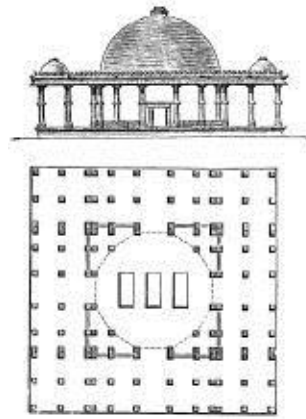
Над крышами мечетей минареты всегда представляют собой круглые башни, слегка сужающиеся, как в мечети Мухафиз-хана ([Гравюра на дереве № 300](#)), украшенные галереями, демонстрирующими большое богатство кронштейнов, которые их поддерживают, а также балюстрад, которые их защищают. Башня всегда заканчивается конической вершиной, поддерживаемой различными дисками. Насколько я знаю, это единственные минареты, принадлежащие мечетям, которые превосходят минареты Каира по красоте очертаний или богатству деталей, за исключением минаретов мечети Рани Сипри, которые еще красивее. Действительно, эта мечеть - самая изысканная жемчужина Ахмедабада, как в плане, так и в деталях. В нем нет арок, и каждая деталь такая, какую могла заказать только индуистская королева, и только индуистские художники могли вырезать. ^[515]

Гробницы.

302. Гробница Меер Абу Тураба. Масштаб 50 футов на 1 дюйм.

Зная стиль, было бы нетрудно определить форму гробниц. Самым простым был бы купол Абу-Тураба; восьмиугольный купол, поддерживаемый двенадцатью колоннами, и он простирался со всех сторон, но всегда оставался квадратным, а входы находились в центре граней. Разница между этим и джайнским расположением заключается в том, что последнее диагональное ([гравюра на дереве № 119](#)), в то время как эти квадратные. Превосходство индуистского образа жизни очевидно с первого взгляда. Правда, не в такой маленькой композиции, как приведенная выше, но в гробницах в Сиркее ([Гравюра на дереве № 298](#)) эффект настолько монотонен, что почти становится неприятным. С джайнами такого никогда не бывает, какими бы многочисленными ни были столпы.

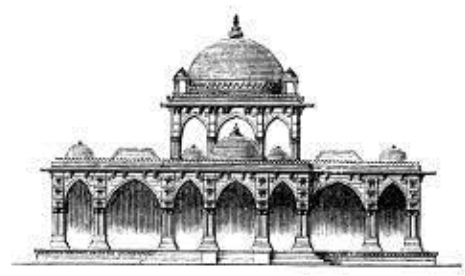

303. План и высота гробницы Сьяда Османа. Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

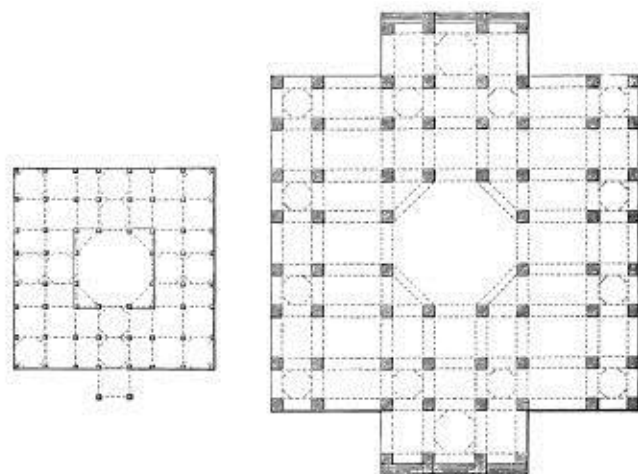
Помимо однообразия квадратного плана, в Сиркее, как уже указывалось, чувствовалось— что восьмиугольный купол неудобно закреплен на своих опорах. Это было в значительной степени исправлено в гробнице Сиада Османа, построенной в 460 году н.э. Махмудом Бегуррой. В данном случае основание купола представляет собой двенадцатиугольник, и очень большое разнообразие достигается за счет группировки колонн по двое и по четыре, а также за счет разного расстояния между ними. С высоты купол кажется тяжелым для фундамента, но не таким в перспективе; и когда были добавлены экраны, ограждающие центральную площадь, в целом это был самый удачный проект гробницы, выполненный в стиле колонн в Ахмедабаде.

Ближе к концу своей карьеры архитекторы Ахмедабада проявили сильную тенденцию возвращаться к арочным формам, обычно используемым их собратьями в других странах. Махмуд Бегурра построил себе гробницу недалеко от Кайры, которая полностью выполнена в арочном стиле и остается одной из самых великолепных гробниц в Индии.^[516] Он также воздвиг в Бутве, недалеко от Ахмедабада, надгробие над могилой святого, которое во всех отношениях выдержано в том же стиле. Однако строители так мало привыкли к арочным формам, что, хотя план продуман путем размещения меньших арок снаружи больших, чтобы они примыкали к ним, все же все арки внешнего ряда обвалились, и все здание в целом сильно пострадало, в то время как гробница без арок, которая находится в нескольких ярдах от нее, остается целой. Однако масштаб этих двух сооружений (План № 305) раскрывает секрет предпочтения, отдаваемого арке как конструктивному средству. Большие опоры, более широкое расстояние, все размеры были более грандиозными, чем могли быть достигнуты только с помощью балок, которыми пользовались индусы. Поскольку греки и римляне использовали эти функции, любые размеры, которые были возможны с помощью арок, могли быть достигнуты с помощью колонн; но индусы работали с меньшим модулем и, похоже, не знали, как его увеличить. Следует, однако, отметить, что они обычно использовали колонны только во дворах, где их не с чем было сравнить, кроме как с собственным ростом зрителя; и там используемые ими формы были достаточно большими. Только когда мусульмане стали использовать их внешне, в сочетании с арками и другими более крупными элементами, стали очевидны их миниатюрные размеры.

Возможно, то, что размер становится главной целью с возрастом, свидетельствует о том, что размер становится главной целью. Но это, безусловно, один из великих и важных компонентов архитектурного дизайна, и так думали более поздние архитекторы Ахмедабада. В своих более поздних мечетях и зданиях они достигли больших размеров, но это произошло за счет всего того, что делало их прежний стиль таким красивым и интересным.^[517]

304. Гробница Кутуб-уль-Алум, Бутва. Масштаб 50 футов на 1 дюйм.

305. Планы гробниц Кутуб-уль-Алума и его сына Бутвы. Масштаб примерно 50 футов на 1 дюйм.

Помимо зданий перечисленных выше классов, в Ахмедабаде есть несколько небольших объектов искусства необычайной красоты. Среди них есть несколько чаш, или глубоких колодцев, с широкими лестничными пролетами, ведущими к ним вниз, и украшенными колоннами и галереями в такой же степени, как некоторые из самых больших зданий над землей. Нужно на личном опыте ощутить приятную прохладу подземной квартиры в жарком климате, чтобы оценить здания такого класса, а на дождливом Западе мы вряд ли знаем, насколько ценной может стать вода.

Еще один объект архитектурной красоты находится в приточных и отточных шлюзах огромных резервуаров, которых предостаточно по всему городу. Нигде жители Ахмедабада так не показывали, насколько по сути они были архитектурным народом, как в этих утилитарных произведениях. По своей природе они были обязаны украшать каждый предмет, и их успех в этом был так же велик, как в мечетях или дворцах.

Здания в провинциях.

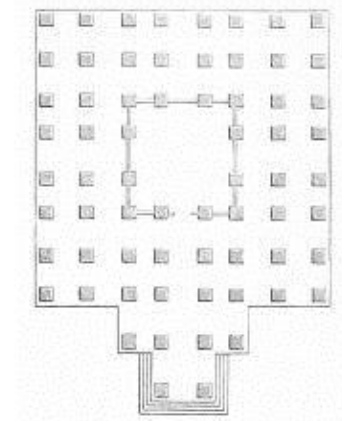
В дополнение к многочисленным зданиям, украшающим столицу, есть, как указывалось выше, несколько в столицах провинций, которые заслуживают внимания. Среди них Джумма-Мусджид в Камбее, пожалуй, самый великолепный. Он был возведен в 1325 году н.э., во времена Мохаммеда шаха Гори, и уступает столице только по размерам. Его размеры составляют 200 на 210 футов, а внутренний двор - 120 на 135 футов. За исключением того, что она несколько меньше по масштабам, ее план и устройство почти идентичны планам мечети Алтумш ([гравюра на дереве № 283](#)) в Аджмире: но, если присмотреться, было бы трудно представить себе два здания, более существенно отличающиеся друг от друга, чем эти два. Арки в Камбее, которых всего три, просты даже до облысения и низки, чтобы соответствовать размерам джайнских колонн интерьера. Все эти последние заимствованы из оскверненных храмов и в данном случае, безусловно, перестроены без особого внимания к сочетаемости или архитектурному эффекту. Тем не менее, эффект

остается живописным, а детали используются для тех целей, для которых они были разработаны, и нигде нет оскорбительного несоответствия.

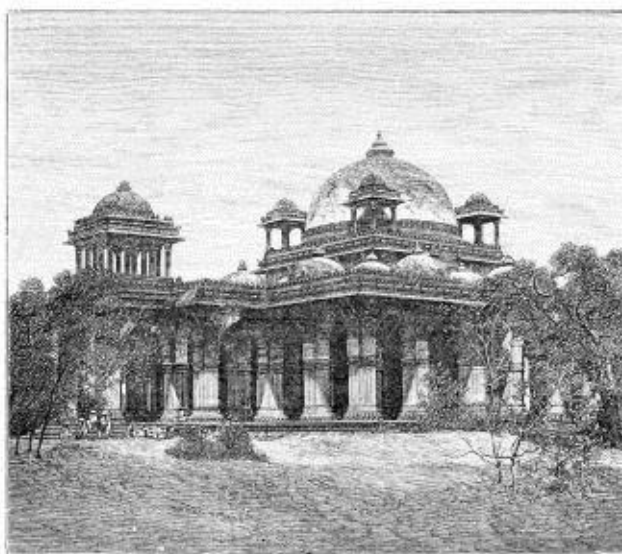
Одной из самых примечательных особенностей этой мечети является гробница, которую ее основатель Имрар бен Ахмед Каджерани воздвиг для себя. Он полностью состоит из индуистских останков, имеет два этажа в высоту и был увенчан куполом 28 футов в диаметре. Однако детали, позаимствованные, по-видимому, из разных зданий, были так плохо подогнаны друг к другу, что, простояв около трех столетий, здание обвалилось и с тех пор представляет собой руины, исключительно живописные по форме и изысканные в деталях, но являющиеся памятником безрассудства использования строительных материалов для любых целей, кроме тех, для которых они были предназначены. [\[518\]](#)

В Бароахе есть еще одна мечеть, мало чем отличающаяся от этой по дизайну, но меньшая, высотой всего 135 футов с севера на юг, и у нее — по крайней мере, сейчас — нет внутреннего двора; но некоторые ее детали, заимствованные из индуистских храмов, очень красивы.

В Долке, городе в двадцати двух милях к юго-западу от Ахмедабада, также есть две очень красивые мечети, почти одинаковые по размеру и плану, каждая из них имеет площадь около 150 футов, а фасад мечети покрыт пятью куполами, а стена-экран с тремя арками в каждой. [\[519\]](#)

306. План гробницы Махмуда Бегурры, недалеко от Кайры. Масштаб 50 футов на 1 дюйм.

307. Гробница Махмуда Бегурры близ Кайры. (С фотографии.)

Однако самым красивым из этих провинциальных образцов является гробница в Махмудабаде, в своем классе одна из самых красивых в Индии ([Гравюра на дереве № 306](#)). Он был возведен тем же Махмудом Бегуррой, в 1484 году н.э., который воздвиг гробницу Кутуб-уль-Алума в Бутве, описанную выше ([Гравюра на дереве № 304](#)), и, как говорят, спроектирован тем же архитектором. Это, однако, гораздо более удачный пример, и, хотя небольшое—это только 94 фут. площади, на крыльцо—там есть симпростотой про свой план, основательность и сбалансированность частей в конструкции, которые не всегда обнаруживаются в этих могилах, и редко, если когда-либо, был превзойден в любой усыпальницы в Индии. Все детали также элегантны и уместны, так что ему требуется лишь несколько увеличенные габариты, чтобы занять одно из первых мест в своем классе. Его конструктивное устройство также настолько совершенно, что никаких изменений в нем не потребовалось бы, если бы масштаб был значительно увеличен.

Сама гробница окружена экраном из перфорированной каменной кладки тончайшего ажюра, а двойная веранда помогает придать погребальной камере уединение и покой, столь необходимые в мавзолее. [\[520\]](#)

ГЛАВА VI.

МАЛВА.

Содержание.

Великая мечеть в Манду.

ХРОНОЛОГИЯ.

Султан Дилавар Гори	1401 г.г. н.э.
Султан Хошанг Гори	1405
Газни-хан	1432
Махмуд-хан, котемпа. Рана Хамбо из Читторе	1435
Султан Гиас уд-дин	1469
султан Махмуд II	1512
Малва включена в состав Гуджерата	1534
- аннексирована Акбаром	1568

THE Династия Гори из Манду обрела независимость примерно в то же время, что и шарки из Джаунпура—султан Дилавар, который управлял провинцией с 1387 г. н.э., приняв титул шаха в A.D. 1401 г. н.э. Однако именно его преемнику Хошангу Манду обязан своим величием и всеми прекраснейшими из своих зданий. Государство продолжало процветать как одно из независимых мусульманских княжеств до A.D. 1534, when it was incorporated with Gujerat, and was finally annexed to Akbar's dominion in A.D. 1568 году н.э.....

Первоначальной столицей штата был Дхар, старый индуистский город, расположенный в двадцати милях к северу от Манду, в который была перенесена резиденция правительства после обретения им независимости. Хотя Дхар является старым и почитаемым индуистами городом, в нем нет никаких свидетельств его бывшего величия, за исключением двух мечетей, возведенных полностью из останков джайнов. Главный из них, Джумма Мусджид, имеет внутренний двор размером 102 фута к северу и югу и 131 фут в другом направлении. Сама мечеть имеет размеры 119 футов на 40 футов 6 дюймов, а ее крышу поддерживают шестьдесят четыре колонны джайнской архитектуры высотой 12 футов 6 дюймов. по высоте, и все они более или менее богато украшены резьбой, а три купола, украшающие его, также имеют чисто индуистскую форму. Двор окружен аркадой с сорока четырьмя колоннами высотой 10 футов, одинаково богатыми резьбой. Здесь нет арки, как в Кутубе или Аджмире. Внутри не видно ничего, кроме индуистских колонн, и, если не считать их расположения и молитвенных ниш, украшающих западную стену, это здание можно было бы принять за индуистское. Однако в данном случае, кажется, нет никаких сомнений в том, что *in situ* ничего нет. Колонны были привезены из оскверненных храмов города и установлены здесь мусульманами в том виде, в каком мы их видим сейчас, вероятно, до переноса столицы в Манду.

Другая мечеть похожа на эту и лишь немного меньше. Однако она давно перестала использоваться как место молитвы и, к сожалению, не подлежит ремонту. Он называется Лат-Мусджид из-за железной колонны, которая сейчас наполовину зарыта в землю перед его воротами. Обычно предполагается, что это был столп победы, подобный тому, что был при Кутубе; но вряд ли это так. Если бы он предназначался для декоративных целей, то был бы либо круглым, либо восьмиугольным и имел бы какую-то декоративную форму. Как бы то ни было, это всего лишь квадратный брусок железа, примерно 20 или 25 футов в высоту и 9 дюймов в сечении, без какого-либо орнамента вообще. У меня сложилось впечатление, что он использовался для какой-то полезной конструктивной цели, подобной тем, которые поддерживали фальшивую крышу в пагоде в Канаруке (*ante*, стр. 428). В нем есть несколько отверстий, которые еще больше делают вероятным такое представление о его происхождении. Но, как бы то ни было, это еще одно любопытное доказательство использования индусами больших масс кованого железа в то время, когда предполагалось, что они не способны ни к какому подобному механическому воздействию. Его дата, вероятно, совпадает с датой колонн мечетей, где он найден, и, судя по их стилю, они, вероятно, относятся к 10 или 11 векам.

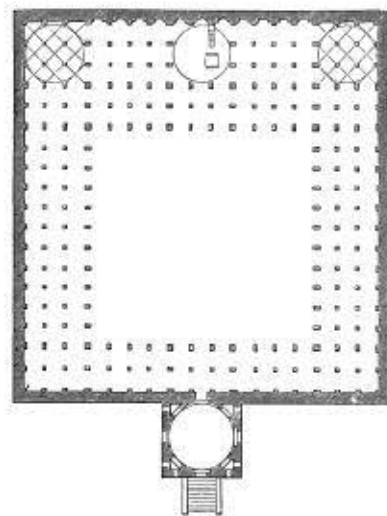
Место, на котором расположен город Манду, является одним из самых благородных, занятых любой столицей Индии. Это обширное плато, отделенное от материка Малва глубоким ущельем около 300-400 ярдов в поперечнике, где оно самое узкое и нигде не меньше 200 футов в глубину. Его пересекает величественная дамба, защищенная тремя воротами и окруженная с обеих сторон гробницами. Плато окружено стенами— возведенными на краю обрыва, протяженность которого, как говорят, составляет 28 миль. Это, однако, дает очень ошибочное представление о размерах этого места, если не дополнять информацией о том, что стены повторяют извилины ущелий, где бы они ни встречались, и многие из них врезаются в холм на милю или две и имеют всего полмили в поперечнике. Плато может простираться на четыре или пять миль к востоку и западу и на три мили к северу и югу, поверхность его весьма разнообразна, изобилует водой и в высшей степени плодородна, о чем слишком ясно свидетельствует буйная растительность, которая разрушает городские здания на куски или скрывает их так, что их почти не видно.

Самым прекрасным зданием в городе является Джумма Мусджид, начатое и почти завершенное Хошангом, вторым королем, правившим с 1405 по 1405 по 1432 год н.э., которое, хотя и не очень большое, настолько простое и величественное по очертаниям и деталям, что занимает высокое место среди памятников своего класса. Его внешние размеры составляют 290 на 275 футов, за исключением крыльца.

Внутри внутренний двор представляет собой почти точную площадь в 162 фута, и было бы именно так, если бы две опоры на восточной и западной сторонах не были сдвоены. В остальном четыре стороны двора совершенно одинаковы, каждая украшена одиннадцатью большими арками точно таких же размеров и высоты, поддерживаемыми опорами или колоннами, каждая из которых сделана из цельного блока красного песчаника. Единственное разнообразие, которое было предпринято, состоит в том, что восточная сторона имеет две аркады в глубину, северная и южная по три: в то время как западная сторона, или та, что обращена к Мекке, имеет пять, помимо того, что украшена тремя большими куполами, каждый 42 фута в диаметре.

Как видно на плане ([Гравюра на дереве № 308](#)), эти большие купола поддерживаются каждый двенадцатью колоннами. Все колонны расположены на равном расстоянии друг от друга, поскольку архитектор ради единообразия не стал расширять центральные аллеи, на пересечении которых стоят купола. Из этого следует, что четыре стороны восьмиугольника, поддерживающие купол, которые параллельны сторонам площадки, короче четырех диагональных сторон. Внутри это создает очень неудобный вид; но избежать этого было невозможно, разве что столкнувшись с другой трудностью — наличием продолговатых пространств на пересечении более широких

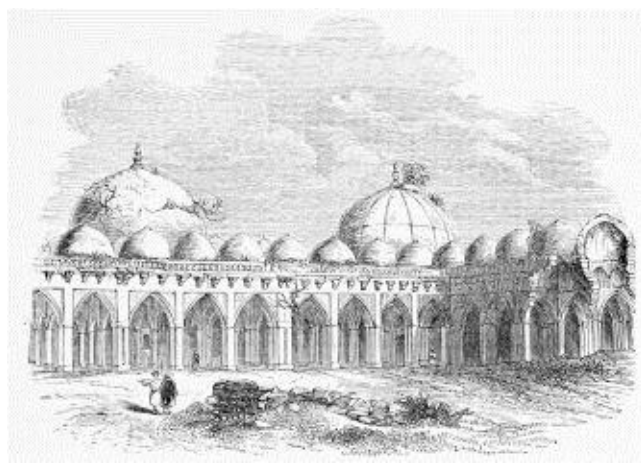
проходов с более узкими, к которым должны были быть приделаны купола меньшего размера. Возможно, в целом архитектор выбрал менее неудобный путь из двух возможных.

308. План мечети в Манду. Масштаба нет.

Интерьер двора представлен на гравюре на дереве № 309, и за простое величие и выражение мощи его, возможно, можно считать одним из самых лучших образцов, которые сейчас можно найти в Индии. Однако он быстро приходит в упадок, и еще несколько лет могут лишить его большей части той красоты, которая так поразила меня, когда я посетил его в 1839 году.

Гробница основателя, которая находится позади мечети, хотя и не примечательна размерами, является очень величественным образцом последнего упокоения сурового старого царя патанов. Как внутри, так и снаружи он облицован белым мрамором, нанесенным художественно, но не конструктивно, и, следовательно, во многих местах отслаивающимся. Свет проникает только через дверной проем и два маленьких окна, так что интерьер мрачноват, но не более того, что кажется подходящим для его назначения.

309. Внутренний двор Большой мечети в Манду. (По эскизу автора.)

С одной стороны мечети находится великолепная Дхармсала, или зал, длиной 230 футов, поддерживаемый тремя рядами колонн, по двадцать восемь в каждом ряду. Они либо позаимствованы у индуистского здания, либо сформированы каким-то местным архитектором из камней, исконно индуистского происхождения, а с северной стороны находится крыльцо, которое, по общему признанию, является лишь восстановлением колонн джайнского купола.

Однако дворцы Манду, возможно, даже более примечательны, чем его мечети. Главный из них называется Джехадж Мехал, потому что он расположен между двумя большими резервуарами — почти буквально в воде, как “корабль”. Он настолько покрыт растительностью, что его почти невозможно зарисовать или сфотографировать,^[521] но его массивность и живописные очертания делают его одним из самых замечательных сооружений своего времени; очень непохожий на утонченную элегантность, принесенную впоследствии могилами, но вполне достойный быть резиденцией независимого патанского вождя военного государства. .

Главное помещение представляет собой сводчатый зал шириной около 24 футов, вдвое большей длиной и высотой 24 фута, окруженный контрфорсами, достаточно массивными, чтобы поддерживать свод, в четыре раза превышающий его сечение. В конце коридора находится ряд квартир высотой в три этажа, верхние из которых украшены грубыми, смелыми окнами с балконами. За ним находится длинный ряд сводчатых залов, стоящих прямо в воде, которые, по-видимому, были жилыми помещениями дворца. Как и остальная часть дворца, они смелые и массивные, что редко встречается в индийских зданиях, и производят соответствующий эффект.

На краю пропасти, возвышающейся над долиной Нербудды, находится другой дворец, называемый Баз Бахадур, более светлый и элегантный, но еще более разрушенный, чем северный дворец, и по всему плато разбросаны руины гробниц и зданий всех классов, настолько разнообразных, что почти не поддаются описанию. В своем уединении, в обширных безлюдных джунглях, они производят такое же яркое впечатление об эфемерном великолепии этих магометанских династий, как и все остальное в Индии, и, если бы их проиллюстрировали, этого было бы достаточно, чтобы доказать, как чудесно их строители ухватили истинные элементы архитектурного замысла.

ГЛАВА VII.

БЕНГАЛИЯ.

Содержание.

Мечеть Кудам—уль-Руссул, мечеть Гаур-Адина, Малда.

Столица—Гаур.

Ит Не очень легко понять, почему архитекторы Малвы переняли стиль, столь по существу дугообразный, как тот, который мы находим в столице, в то время как их собратья по обе стороны, в Джаунпуре и Ахмедабаде, с такой любовью придерживались прямоугольной формы везде, где у них была возможность ее использовать. Архитекторы Манду получили такое же приобщение к индуистским формам в мечетях в Дхаре; и, должно быть, существовало бесчисленное множество джайнских храмов, в которых использовалось материалов в гораздо большей степени, чем мы находим, но мы не находим ни заимствования, ни подражания, а неуклонного соблюдения стиля стрельчатых арок, который является существенной характеристикой их искусства в зарубежных странах. С другой стороны, легко понять, почему в Бенгалии стиль трабатэ никогда не был в моде. В стране практически нет камня или какого-либо подходящего материала для формирования колонн или балок. Не имея ничего, кроме кирпича, они почти по необходимости использовали арки повсюду и в каждом здании, которое хоть как-то претендовало на постоянство. Бенгальский стиль, являющийся, однако, единственным полностью кирпичным стилем в самой Индии, обладает собственной местной индивидуальностью, которая любопытна, хотя и из-за природы материала, лишенного многих высших художественных качеств, которые характеризуют здания, построенные из более крупных и качественных материалов. Помимо разработки собственного кирпичного стиля с заостренными арками, бенгальцы ввели новую форму крыши, которая оказала самое важное влияние как на мусульманский, так и на индуистский стили в более современные времена. Как уже упоминалось при описании чаттри в Алваре (*ante*, стр. 474), бенгальцы, пользуясь эластичностью бамбука, повсеместно используют в своих жилищах криволинейную форму крыши, которая стала настолько привычной для их глаз, что они считают ее красивой ([Гравюра на дереве № 310](#)). На самом деле это так, когда в качестве материалов используются бамбук и солома, но в переводе на каменную или кирпичную архитектуру их вкус вызывает большие сомнения. Однако в архитектуре так много условного, а красота в такой степени зависит от ассоциаций, что незнакомые люди вряд ли могут быть справедливыми судьями в делах такого рода. Как бы то ни было, несомненно, во всяком случае, что после превращения в элемент постоянной архитектуры в Бенгалии эта криволинейная форма нашла свое применение в 17 веке в Дели, а в 18 веке в Лахоре, и все промежуточные здания, скажем, с 1650 года нашей эры, в большей или меньшей степени выдают ее присутствие.

310. Современная изогнутая форма крыши.

Однако любопытной иллюстрацией того, как много в архитектуре традиционного и насколько знакомство может сделать прекрасным то, что не является столь абстрактным, является то, что, хотя европейскому глазу эта форма всегда остается неприятной, для глаза коренного жителя — индуса или мусульманина — это самое элегантное из современных изобретений. [\[522\]](#)

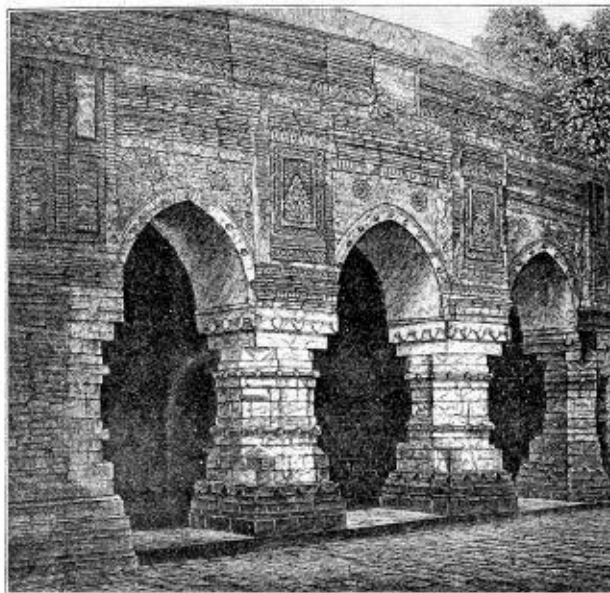
Однако, даже независимо от местных особенностей, архитектура Гаура, магометанской столицы Бенгалии, заслуживает внимания своими масштабами и огромным разнообразием деталей, которые она демонстрирует. Бенгалия, очевидно, из-за того, что она была так удалена от столицы, была выделена в отдельное королевство почти одновременно с самим Дели. Магоммад Бахтияр Хилджи, губернатор Берара при Кутубе уд-дине, стал первым королем династии в 1203 году н.э., и ему наследовала длинная линия из сорока восьми королей, пока государство не было поглощено обширным королевством Акбара в А.Д. 1573 году н.э. при Дауд-хане бен Сулеймане. Хотя ни один из этих царей не сделал ничего, что дало бы им право на место в общей истории, они владели одной из богатейших частей Индии и использовали свое богатство для украшения своей столицы зданиями, которые, будучи в состоянии ремонта, должны были быть великолепны, даже если и не всегда выполнены с лучшим вкусом. Климат Бенгалии, однако, исключительно неблагоприятен для сохранения архитектурных памятников. Если корни фигового дерева однажды найдут пристанище в какой-либо щели здания, его разрушение неизбежно; и даже без этого буйная поросль джунглей скрывает здание настолько полностью, что иногда его трудно обнаружить — а исследовать всегда трудно. Добавьте к этому, что Гаур особенно хорошо подходит для облегчения вывоза материалов водным транспортом. Во время летнего паводка лодки могут подплыть к любым руинам и, погрузив камни или кирпичи, спуститься вниз по течению к любой новой столице, которая может возникнуть. Так получилось, что Муршедабад, Хугли и даже Калькутта богаты остатками старой столицы патанов Бенгалии, в то время как сама она превратилась всего лишь в нагромождение живописных, но почти неразличимых руин.

Город Гаур был знаменитой столицей индусов задолго до того, как им завладели мусульмане. Бенгальские династии Сен и Беллала, по-видимому, проживали здесь и, без сомнения, украсили его храмами и зданиями, достойными их славы и богатства. Однако они, вероятно, были в основном кирпичными, хотя и украшены колоннами и деталями из того, что раньше называлось черным мрамором, но, по-видимому, представляет собой затвердевший керамический камень с очень мелкой зернистостью, который прекрасно полируется. Многие фрагменты индуистского искусства в этом материале найдены среди руин, и при тщательном изучении они могли бы позволить нам восстановить стиль. Его интерес, однако, главным образом заключается в том влиянии, которое он оказал на магометанский стиль, пришедший ему на смену. Он не похож ни на делийский, ни на Джаунпурский, ни на какой другой стиль, а чисто местный, и сам по себе не лишен значительных достоинств; его главной характеристикой являются тяжелые короткие каменные колонны, поддерживающие стрельчатые арки и своды из кирпича, тогда как в Джаунпуре, например, легкие колонны несли горизонтальные наличники и плоские потолки.

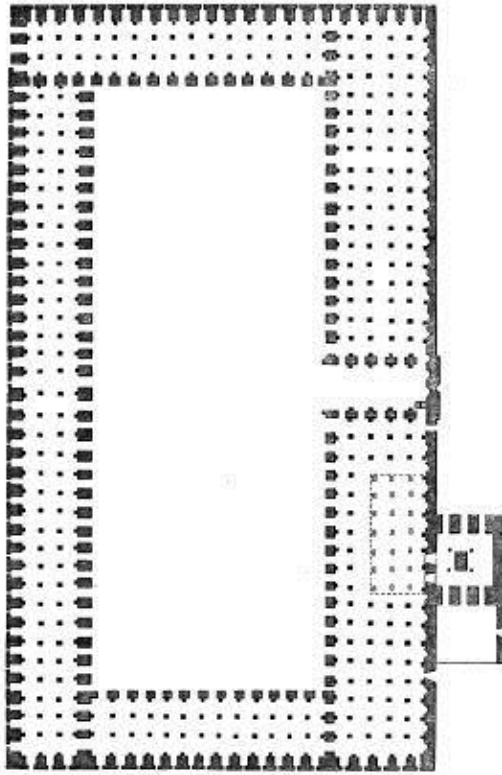
Общий характер стиля можно увидеть на примере мечети под названием Куда-уль-Руссул в Гауре, и она ни в коем случае не лишена архитектурных достоинств ([Гравюра на дереве № 311](#)). Прочность опор в значительной степени компенсирует слабость, присущую кирпичной архитектуре, и, создавая аркам прочную основу для начала, предотвращает ухудшение общего эффекта из-за небольших размеров их частей. В нем также представлена, хотя и в очень приглушенном виде, криволинейная форма крыши, которая так характерна для этого стиля.

В самом Гауре есть две очень красивые мечети — Золотая и Бара Дурваза, или двенадцатидверная. Оба их фасада выполнены из камня и покрыты слоистыми узорами в виде барельефа, очевидно, заимствованными из терракотовых орнаментов, которые использовались чаще и оставались излюбленным способом украшения фасадов вплоть до времени возведения храма Кантонуггур, показанного выше ([Гравюра на дереве № 263](#)). Во внутренних помещениях их

колонны обычно были сняты, и, следовательно, своды обрушились, так что нелегко судить об их эффекте, даже если бы джунгли допускали одновременный захват всей территории. Однако об их общем расположении можно судить по плану на странице 549 ([Гравюра на дереве № 312](#)) мечети Адина в Малде, которая на момент своего возведения представляла собой северный пригород столицы. Из надписей на ней следует, что эта мечеть была возведена Сикандер шахом, одним из самых прославленных представителей своего народа (А.Д. 1358-1367 гг. н.э.), с намерением самому быть похороненным на ее территории или в непосредственной близости от нее. Его размеры значительны: почти 500 футов к северу и югу и почти 300 футов к востоку и западу. В центре находится внутренний двор, окруженный со всех сторон толстой кирпичной стеной, разделенный восемьюдесятью восемью подобными арочными проемами, только один из которых, расположенный в центре западной стороны, обращенной к Мекке, шире и величественнее остальных. Крышу аналогичным образом поддерживают 266 столбов из черной роговой обманки, похожих по конструкции на те, что представлены на гравюре на дереве № 311. Они смелы и приятны по дизайну, но, следует признать, им не хватает разнообразия. Эти дома со стенами поддерживают не менее 385 куполов, все схожие по дизайну и конструкции. Единственное изменение, которое было внесено, - это платформа, называемая Падшах ка Тахт, или Королевский трон, разделяющая часть здания на два этажа. [\[523\]](#)

311. Мечеть Кудам-уль-Руссул, Гаур. (С фотографии.)

312. План мечети Адина, Малда. Масштаб 100 футов на 1 дюйм.

Дизайн, подобный дизайну мечети Адина, был бы уместен для караван-сарая; но в здании, где абсолютно требовались выразительность и красота, он слишком однообразен. Тот же недостаток присущ всей группе; и хотя их размер и элегантность деталей в сочетании с живописным состоянием обильно украшенных листвой развалин, в которых они сейчас находятся, делают их очаровательными объектами для карандаша, они обладают всеми недостатками дизайна, которые мы заметили в больших залах тысячи колонн на юге этой страны. ^[524] Действительно, кажется, что здесь мы снова оказались среди тамильской расы, и что их особенности снова проявляются на поверхности, хотя и в одежде чужой расы.

Одной из самых интересных древностей этого места является минар, стоящий в форте ([Гравюра на дереве № 313](#)). На две трети высоты это многоугольник с двенадцатью сторонами; выше этого круга, пока он не достигнет высоты 84 футов. Дверь находится на некотором расстоянии от земли, и в целом она больше похожа на ирландскую круглую башню, чем на любой другой известный пример, хотя крайне маловероятно, что между этими двумя формами должна быть какая-либо связь. Очевидно, что это столп победы — Джая Стамбха, такой же, как Кутуб Минар в Дели, а также минареты в Коэле, Доулутабаде и других местах. На этом памятнике есть или была надпись, которая приписывает его возведение Ферозе шаху. Если это так, то это должен быть король этой провинции, который правил в Гауре в 702-715 годах н.э. или в ^[525] ^[526] Местная традиция гласит, что святой, равный Асе, жил, подобно Симону Столпнику, на его вершине!

313. Минар в Гауре. (С фотографии Дж. Х. Рейвеншоу, Британская Колумбия)

Помимо них, есть несколько ворот Гаура, которые отличаются значительным великолепием. Самым прекрасным является то, что называется Дакхал, которое, хотя и построено из кирпича и украшено только терракотовыми орнаментами, является самым величественным объектом в своем классе, какой только можно найти где-либо. Ворота цитадели и южные ворота города - очень благородные примеры того, что можно сделать с помощью кирпичей, и только кирпичей. Однако слава Гаура заключается не в размерах его зданий или красоте их деталей; она заключается в удивительной массе руин, протянувшихся вдоль того, что когда-то было высоким берегом Ганга, почти на двадцать миль, от Малды до Маддапора — мечети, которые все еще используются, вперемежку с курганами, покрывающими руины — гробницы, храмы, резервуары и башни, беспорядочно разбросанные на огромном расстоянии и наполовину погребенные в пышной растительности, которую может демонстрировать только эта часть Индии. То, что выглядит бедно и может быть безразлично вкусу, нарисованное на бумаге и уменьшенное в масштабе, может дать представление о великолепии в упадке, если смотреть на него таким, как оно есть, и в этом отношении ни одна из древних столиц Индии не производит более поразительного и в то же время более глубоко печального впечатления, чем эти руины старой столицы патанов Бенгалии.

ГЛАВА VIII.

КАЛЬБУРГАХ.

Содержание.

Мечеть в Кальбурге.

ХРОНОЛОГИЯ.

Ала уд-дин Бахмани, слуга при дворе Махамуда Туглука вг. н. э.	
Мухаммад-шаха. Гази	1358
Муджахид-шах	1375
Махмуд-шах	1378
Фероз-шах женился на дочери виджаянагарского раджи	1397
Ахмад-шах, столица Бидар	1422
Низам-шах	1461
Куллам Улла, последний из династии Бахмани	1525
Касин Берид, основатель династии Берид-шахов	1492
Ала Рена-шах принимает королевскую власть	1549
Амир Берид-шах, последний из своего рода	1609

Тне Кампании Ала уд-дина и Туглак-шаха в начале 14 века распространили славу и страх мусульманской державы на весь полуостров Индия, вплоть до мыса Коморин и Манаарского пролива. Однако было почти невозможно, чтобы государство в полуварварском состоянии патанов того времени могло так организовать правительство, чтобы управлять такой обширной и разнообразной империей из одного центрального пункта, такого удаленного, как Дели. Туглукшах почувствовал это и предложил основать столицу в Доулутабаде. Если бы он смог добиться этого, весь юг мог бы быть завоеван навсегда. Как бы то ни было, династия Беллала из Хуллабида была уничтожена в А.Д. 1311 году нашей эры,^[527] а династия Ворангула была искалечена, но окончательно завоевана лишь некоторое время спустя,^[528] в то время как растущая мощь Виджаянагара образовала барьер, который оградил южные штаты — Черу, Чола, Пандья — против магометанского вторжения в течение нескольких столетий после этого; и если бы не установление магометанских королевств, независимых от центральной власти в Дели, дехкане могли быть потеряны для мусульман, а индусы долгое время, возможно, навсегда, удерживали свои владения к югу от хребта Виндхья.

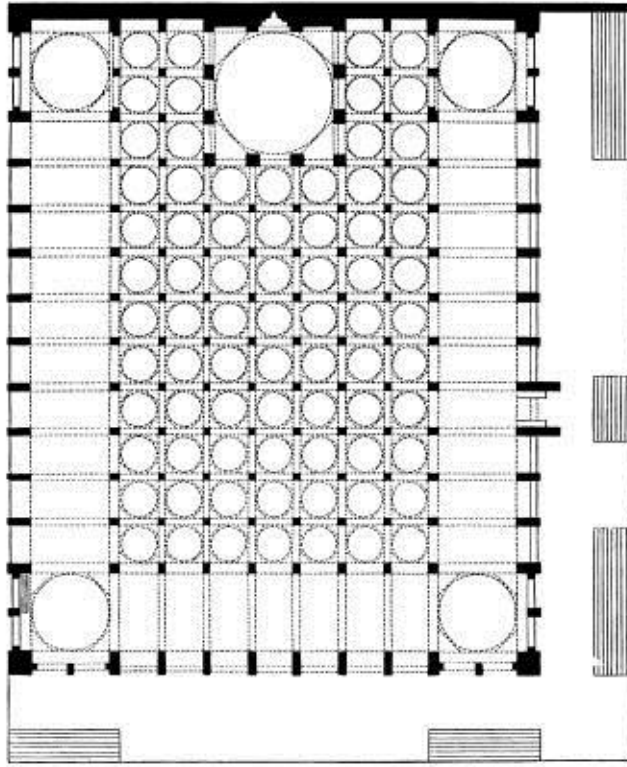
Первой из тех династий, которые успешно установили свою независимость, была династия Бахмани, названная так по имени ее основателя Хасана Ганджу, который был слугой брахмана при дворе Махамуда Туглука и, благодаря своему возвышению своему хозяину, принял его имя в качестве титула в знак благодарности. Он обосновался в Калбурге, древнем индуистском городе дехкана, и вместе со своими непосредственными преемниками не только держал в узде

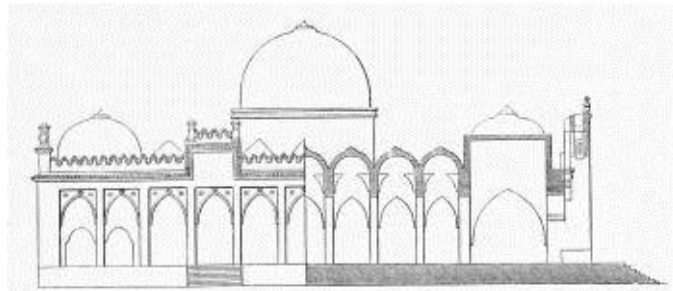
индуистских правителей Ворангула и Виджаянагара, но фактически заставил их платить ему дань. Это процветающее положение дел продолжалось почти столетие, когда Ахмад шах I (А.Д., по какой-то необъяснимой причине) перенес центр власти в Бидар. Они просуществовали еще столетие или больше, позже известные как Берид-шахи, пока не были поглощены империей великих Моголов в А.Д. 1609 году нашей эры. Однако задолго до этого их место в дехкане заняли биджапурские адиль-шахи, которые обосновались там в 1489 году нашей эры.

Во время кратковременного господства Кальбурга как столицы дехканства (А.Д. 1347-1435), it was adorned with several important buildings, among which was a mosque, one of the most remarkable of its class in India (Woodcuts Nos. [314](#), [315-e](#)). Его размеры значительны, хотя и не чрезмерны: он простирается на 216 футов к востоку и западу и на 176 футов к северу и югу, и, следовательно, занимает 38 016 квадратных футов. Однако его великая особенность заключается в том, что только из всех великих мечетей Индии вся территория покрыта покрывалом. Сравнивая его, например, с мечетью в Манду, которая в других отношениях больше всего похожа на нее, можно заметить, что большую часть ее площади занимает внутренний двор, окруженный аркадами. В Кальбурге нет двора, все здание покрыто крышей, и свет проникает через боковые стены, которые для этой цели со всех сторон, кроме западной, прорезаны большими арками ([Гравюра на дереве № 316](#)).

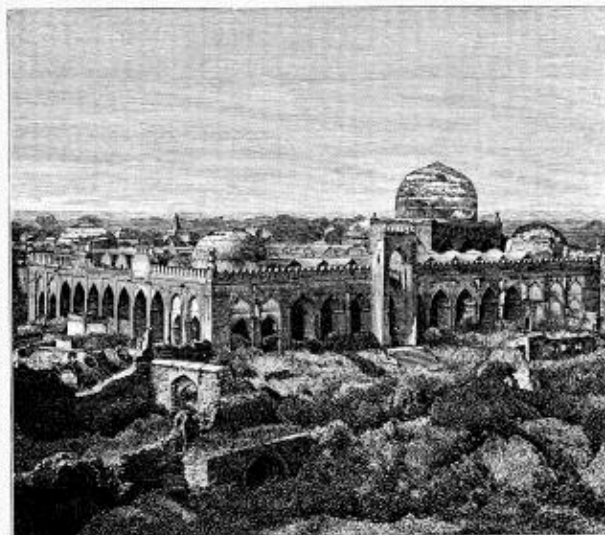
Имея только один пример класса, нелегко составить мнение, какая из двух систем построения лучше. Здесь царят покой и торжественность, которые особенно подходят для места молитвы, во внутреннем дворе, окруженном со всех сторон галереями и пронизанном только двумя или тремя дверями; но, с другой стороны, жара и яркий свет, возникающие из-за отражения солнечных лучей в этих открытых дворах, иногда наиболее болезненны в таком климате, как Индия, и нигде, насколько я знаю, никогда даже не пытались смягчить это с помощью навесов. На плане Кальбурга, напротив, сплошная крыша, покрывающая все пространство, обеспечивала защиту от солнечных лучей для всех молящихся, а каждый проход, открытый с одного или обоих концов, предотвращал что-либо похожее на полумрак и обеспечивал гораздо более свободную вентиляцию, чем это было возможно в закрытых дворах, в то время как требуемое уединение можно было легко обеспечить за счет низкой ограждающей стены на некотором расстоянии от самой мечети. В целом, у меня сложилось впечатление, что план Кальбурга является предпочтительным из двух, как по удобству, так и по архитектурному эффекту, настолько, что очень трудно понять, почему, однажды попробовав, его впоследствии никогда не повторяли. Вероятно, причиной того, что он был заброшен, была трудность осушения столь обширной плоской крыши во время дождей. Любое поселение или любая трещина должны были стать фатальными; и все же эта мечеть находится в, казалось бы, хорошем состоянии после четырех столетий сравнительного запустения. Каким бы образом ни решался вопрос, следует признать, что это одна из лучших старых патанских мечетей Индии, по крайней мере, среди тех, которые построены полностью из оригинальных материалов — и в дугообразном стиле — магометанского искусства. Те, что в Дели и Аджмире, конечно, интереснее, но это из-за случайных обстоятельств. Своим величием он обязан только своим оригинальным достоинствам дизайна. [\[529\]](#)

314. Мечеть в Кальбурге. (С плана достопочтенного. Сэр Артур Гордон.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

315. Половина высоты, половина секции мечети в Кальбурге. Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

Помимо мечети, в Кальбурге есть базар, всего 570 футов в длину и 60 футов в ширину, украшенный рядом из шестидесяти одной арки с каждой стороны, поддерживаемых колоннами квазииндуистского характера, и с блоками зданий очень декоративного характера по обе стороны. Я не знаю ничего более поразительного в этом классе ни в одной части Индии. Аркады, которые больше всего напоминают эти, расположены вдоль улицы, называемой Улицей паломников, в Виджаянагаре, которая, возможно, является современницей этого базара. [\[530\]](#)

В городе Калбургах есть и другие здания, особенно одна гигантская арка, назначение которой неочевидно, и несколько очень величественных древних гробниц с покатыми стенами; но мы должны дождаться дополнительной информации, прежде чем их можно будет использовать в истории индийской архитектуры.

После того, как Ахмад-шах перенес резиденцию правительства в Бидар, в 1422-1435 годах н.э., новая столица была украшена зданиями, достойными величия династии, но теперь все, по-видимому, разрушено. Среди них самым великолепным, по-видимому, является мадрид, возведенный Магомедом Гауном, верным, но неудачливым министром тирана Махмуда II. Похоже, оно было закончено за два года до его смерти, в 1481 году н.э., и во времена Феришты было одним из самых совершенных и процветающих заведений своего класса в Индии. [\[531\]](#) К сожалению, когда город был осажден Аурунгзебе, в его хранилищах хранилось некоторое количество пороха, который взорвался, случайно или преднамеренно, в результате чего было разрушено одно крыло. С тех пор зданием не пользовались, но, насколько можно судить по столь несовершенной имеющейся информации, это, должно быть, было одно из самых великолепных зданий своего времени. [\[532\]](#) Гробницы династии Берид-Шахи, правившей в Бидаре с 1492-1609 гг. н.э., также отличаются значительным великолепием и по размаху соперничают с гробницами Голконды. Однако Бидар еще не посетил никто, у кого была сила или возможность нарисовать или описать его памятники таким образом, чтобы другой мог использовать их в исторических целях, и до тех пор, пока это не будет сделано, знание о них должно оставаться среди многих желаний в индийском искусстве.

ГЛАВА IX.

БИДЖАПУР.

Содержание.

Джумма Мусджид—Гробницы Ибрагима и Махмуда—Зал аудиенций—Гробница Наваба Амир хана, недалеко от Татты.

ХРОНОЛОГИЯ.

Юсуф Хан Адиль - шах 1501 г.г. н. э.

Исмаил Адиль - шах 1511

Муллу Адиль - шах 1534

Ибрагим Адиль - шах I. 1535

Али Адиль - шах 1557

Ибрагим Адиль - шах II. 1579

Мухаммад 1626

Али Адиль- шах II. 1660

Если бы для этой цели существовали материалы, было бы чрезвычайно интересно с исторической точки зрения проследить различные стили, которые вырастали друг из друга по мере того, как более поздние династии дехкан сменяли друг друга и стремились превзойти своих предшественников в архитектурном великолепии в своих сменяющих друг друга столицах. Однако, за исключением Биджапура, ни в одном из дехканских городов не было построено никаких сооружений, которые сами по себе, независимо от их окружения и исторического значения, представляли бы какую-либо очень большую ценность в художественном смысле.

В Бурхампуре, который был столицей династии Фаруки Кандейш с 1370-1596 гг. н.э., действительно, есть несколько зданий, замечательных по своей протяженности и живописных в своем упадке, но представляющих очень небольшую художественную ценность, и многие из них — особенно более поздние — выполнены в очень сомнительном вкусе. Ахмеднаггер, столица династии Низам Шахи, 1490-1607 гг. н.э. 1490-1607 гг. н.э., на редкость лишен архитектурного величия, учитывая, как долго он был столицей важной династии; в то время как в Голконде, избранной резиденции династии Кутуб Шахи, 1512-1672 гг.н.э., есть какие-либо примечательные здания, все, что можно сказать, это то, что они еще не были нарисованы или описаны. Гробницы царей этой династии, их знати и семей образуют самую обширную и живописную группу, какую только можно найти где бы то ни было; но по отдельности они отличаются на редкость дурным вкусом. Их основания бедны и непрочны, их купола высоки и преувеличены, демонстрируя все недостатки эпохи, в которую они были выполнены, но все же не недостойны места в истории, если бы существовали материалы для их надлежащей иллюстрации.

Как упоминалось выше, династия Бахмани из Кальбурга в основном вела борьбу против индуистских княжеств юга в течение почти полутора столетий при очень незначительной помощи

либо центральной власти в Дели, либо родственников им государств в Декхане. Однако к концу 15 века они начали ощущать упадок, присущий всем восточным династиям; и индусы могли бы вернуть свои первоначальные владения, по крайней мере, до Виндхьи, если бы не появление нового и более энергичного конкурента на этом поприще в лице Юсуф-хана, сына Амурата II. из Анатолии. Таким образом, он был чистокровным турком и, так уж случилось, родился в Константинополе, хотя его мать была вынуждена бежать оттуда, когда он был еще младенцем. После разнообразной карьеры он был приобретен в качестве телохранителя в Бидаре и вскоре достиг такого положения, что после поражения при Дустур Динаре в 1501 году он смог провозгласить свою независимость и утвердиться в качестве основателя династии Адил Шахи в Биджапуре.

В течение первых шестидесяти или семидесяти лет после их восшествия на престол борьба за существование была слишком суровой, чтобы допустить, чтобы Адиль шахи уделяли много внимания архитектуре. Настоящая эпоха застройки города начинается с Али, 1557 г. н.э., и все важные здания сосредоточены на 100 годах, прошедших между его восшествием на престол и войнами с Аурунгзебе, которые закончились окончательным уничтожением династии.

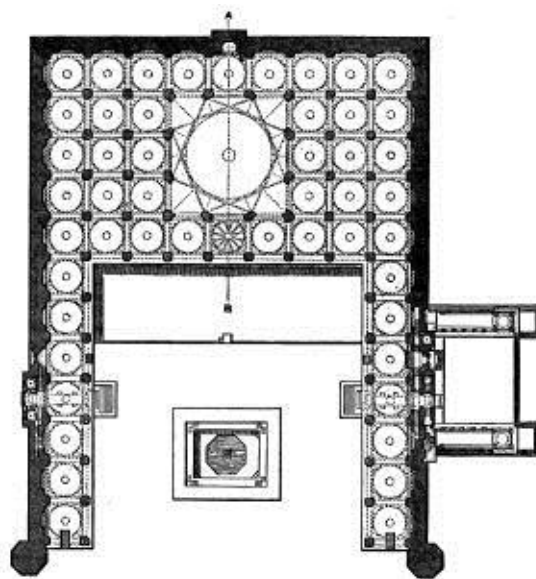
Однако в тот период их столица была украшена рядом зданий, столь же замечательных, как и в любой из магометанских столиц Индии, едва ли исключая даже Агру и Дели, и демонстрирующих удивительную оригинальность дизайна, не уступающую таким столицам, как Джаунпур или Ахмедабад, хотя и отличающихся от них в самой заметной степени.

Сейчас нелегко определить, насколько эта оригинальность была обусловлена европейским происхождением адиль-шахи и их откровенной ненавистью ко всему, что принадлежало индусам, или же она была вызвана какими-то местными обстоятельствами, значение которых мы сейчас едва ли можем оценить. У меня сложилось впечатление, что истинной причиной является первое, и что масштабность и величие стиля Биджапур обусловлены его квазизападным происхождением и воспоминаниями о великих работах римских и византийских архитекторов.

Как и большинство магометанских династий, Адиль-шахи начали свою архитектурную карьеру с строительства мечети и мадриссы в форте в Биджапуре из индуистских останков. Насколько использованные ими там колонны находятся *на месте* или оторваны от других зданий, нам не сообщается. Судя по фотографиям, значительная их часть используется, по крайней мере, для тех целей, для которых они были предназначены; но это не противоречит идее, что они были сняты со своих первоначальных позиций и заново приспособлены к своим нынешним назначениям. Как бы то ни было, как только у династии появилось свободное время, чтобы по-настоящему поразмыслить над этим вопросом, они полностью отказались от всякой тенденции копировать индуистские формы или индуистские детали, но принялись за создание собственного остроконечно-арочного или куполообразного стиля, и сделали это с исключительным успехом. [\[533\]](#)

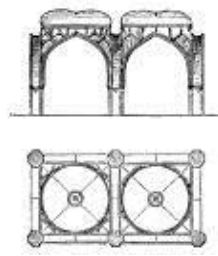
Строительство Джумма Мусджид, которое является одним из ранних регулярных зданий города, было начато Али Адиль шахом (А.Д. 1557-1579 гг. н.э.), и, хотя его преемники продолжили строительство по тому же плану, оно так и не было полностью завершено, четвертая сторона внутреннего двора с его большими воротами даже не была начата, когда династия была свергнута. Несмотря на то, что это одна из лучших мечетей Индии.

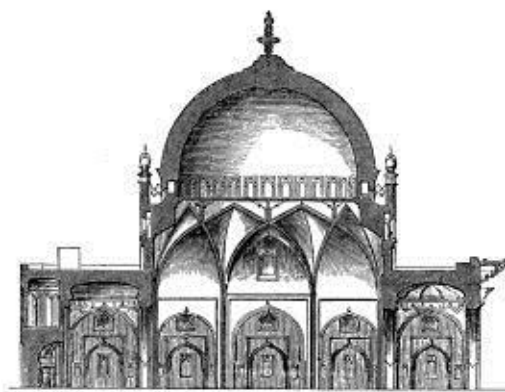
317. План Джумма-Мусджид, Биджапур. (С рисунка А. Камминга, К.Э.н.) Масштаб от 100 футов до 1 дюйма

Как видно из плана ([гравюра на дереве № 317](#)), в случае завершения это был бы прямоугольник размером 331 на 257 футов. Сама мечеть совершенна, ее размеры 257 на 145 футов, и, следовательно, она занимает около 37 000 квадратных футов. Следовательно, сама по себе она лишь немногим меньше мечети в Кальбурге; но это независимо от крыльев, которые простираются на 186 футов дальше, так что в случае завершения она занимала бы площадь от 50 000 до 55 000 кв. футов, или примерно обычного размера средневекового собора. Однако он более примечателен красотой своих деталей, чем расположением или размахом своего плана. Каждый из квадратов, на которые он разделен, перекрыт куполом очень красивой формы, но таким плоским ([Гравюра на дереве № 318](#)), что снаружи он скрыт в толще крыши. Двенадцать из этих квадратов заняты в центре большим куполом, диаметром 57 футов в круглой части, но стоящим на квадрате размером 70 футов в каждую сторону. Размеры этого купола впоследствии были значительно превышены тем, что покрывает гробницу Махмуда, построенную по тому же плану и 124 фута в диаметре; но использованные здесь меньшие размеры позволили архитектору использовать более высокие и изящные очертания, и если бы у него хватило смелости проделать ниши в основании своего купола и превратить их в окна, ему, вероятно, принадлежала бы честь спроектировать самое изящное здание такого класса из существующих.

318. План и разрез меньших куполов Джумма-Мусджид.

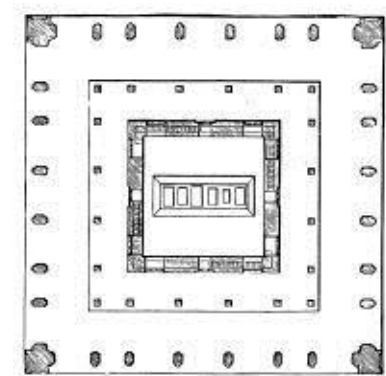
Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

319. Участок линии Ab, проходящей через Большой купол мечети Джумма. (С рисунка мистера Камминга.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

Если сравнить план этой мечети с планом Кальбурги ([Гравюра на дереве № 314](#)), то станет видно, каких огромных успехов добились индийские архитекторы в конструктивном мастерстве и элегантности деталей за полтора столетия, прошедших между возведением этих двух зданий. Если бы они были нарисованы в одном масштабе, это было бы более очевидно, чем кажется на первый взгляд; но в половине существующего масштаба детали мечети Кальбурга едва ли можно было бы выразить, в то время как масштабность частей и правильность расположения в принятом масштабе могут быть совершенно ясны на примере Биджапура. Последнее, несомненно, более совершенное из двух, но в более раннем здании есть живописность и поэтичность в его устройстве, которые в значительной степени компенсируют недостаток мастерства и элегантности, продемонстрированных в его более современном сопернике.

Гробница, которую Али Адиль Шах начал для себя, была квадратной, размером около 200 футов в каждую сторону, и если бы она была достроена так, как было задумано, то могла бы соперничать с любой гробницей в Индии. Однако одним из недостатков туранской системы, согласно которой каждый царь строит свою собственную гробницу, является то, что если он умирает рано, его работа остается незаконченной. На практике этот недостаток с лихвой компенсируется тем фактом, что, если человек сам не построит себе гробницу, очень велика вероятность того, что его оставшиеся в живых родственники посвятят его памяти что-либо достойное восхищения.

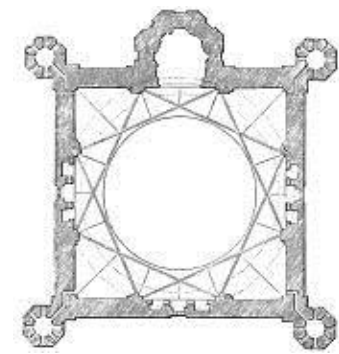

320. Гробница или Роза Ибрахима. (С плана мистера Камминга.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

Его преемник Ибрагим, предупрежденный судьбой могилы своего предшественника, начал свою собственную на таком маленьком плане — 116 квадратных футов, — что, поскольку он был благословлен долгим и процветающим правлением, только украшением он мог сделать ее достойной себя. Этого, однако, он добился, покрыв каждую деталь самой изысканной резьбой.

Орнаментальных надписей так много, что, как говорят, на его стенах выгравирован весь Коран. Карнизы поддерживаются самыми замысловатыми скобками, окна украшены ажурными узорами, и каждая деталь настолько богато украшена, что, если бы его художники не были индейцами, это могло бы показаться вульгарным. Основное помещение в гробнице представляет собой квадрат площадью 40 футов в каждую сторону, покрытый каменной крышей, идеально ровный в центре и поддерживаемый только выступом в виде бухты, выступающим на 10 футов от стен со всех сторон. Как держится крыша - загадка, которая может быть понятна только тем, кто знаком с использованием индийцами бетонных масс, которые при наличии хорошего строительного раствора, кажется, способны к бесконечному применению, неизвестному в Европе. Над этой квартирой находится еще одна часть купола, столь же декоративная, как и та, что под ней, хотя ее единственная цель - добиться внешней высоты, необходимой для архитектурного эффекта, а попасть внутрь можно только по темной узкой лестнице в толще стены.

Кроме гробницы, есть соответствующая мечеть; и королевский сад, в котором они расположены, украшен, как обычно, внутри фонтанами и киосками, а снаружи колоннадами и караван-сараями для чужеземцев и паломников, все это составляет группу столь же богатую и живописную, как любая в Индии, и намного превосходящую все подобное по эту сторону Геллеспонта.

321. План гробницы Махмуда в Биджапуре. Масштаб 100 футов на 1 дюйм.

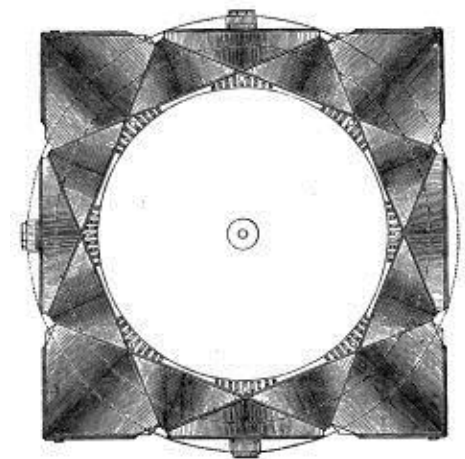
Гробница его преемника Махмуда по дизайну настолько сильно отличалась от только что описанной, насколько это вообще возможно представить, и так же примечательна простым величием и конструктивной смелостью, как гробница Ибрагима - чрезмерным богатством и презрением к конструктивным приличиям. Он построен по тому же принципу, что и при проектировании купола великой мечети ([Гравюра на дереве № 319](#)), но в гораздо большем масштабе, чтобы превратить в чудо конструктивного мастерства то, что в данном случае было всего лишь элегантным архитектурным проектом.

Как видно из плана, внутри это квадратное помещение, 135 футов в каждую сторону; следовательно, его площадь составляет 18 225 кв. футов, в то время как площадь Римского Пантеона в пределах стен составляет всего 15 833 кв. футов; и даже с учетом всех углублений в стенах обоих зданий, это все равно большее из двух.

На высоте 57 футов от линии пола зал начинает сужаться с помощью ряда подвесных механизмов, столь же хитроумных, сколь и красивых, образуя круглое отверстие диаметром 97 футов. На платформе этих подвесных механизмов установлен купол диаметром 124 фута, таким образом, оставляя галерею шириной более 12 футов по всему периметру. Внутренняя высота купола составляет 175 футов, высота, внешне 198 футов, общая толщина около 10 футов.

Самой остроумной и новаторской частью конструкции этого купола является способ противодействия его боковой или внешней тяге. Это было достигнуто путем формирования

подвесок таким образом, чтобы они не только срезали углы, но и чтобы, как показано на плане, их арки пересекались друг с другом и образовывали очень значительную массу каменной кладки, совершенно устойчивую саму по себе; и, поскольку ее вес действует внутрь, противодействуя любому толчку, который может быть нанесен на нее давлением купола. Если все здание, уравновешенное таким образом, имеет какую-либо тенденцию двигаться, то оно должно заваливаться внутрь, что из-за его круглой формы невозможно; в то время как действие веса подвесов направлено в направлении, противоположном весу купола, оно действует как связующее звено и удерживает все в равновесии, нисколько не нарушая очертаний купола.

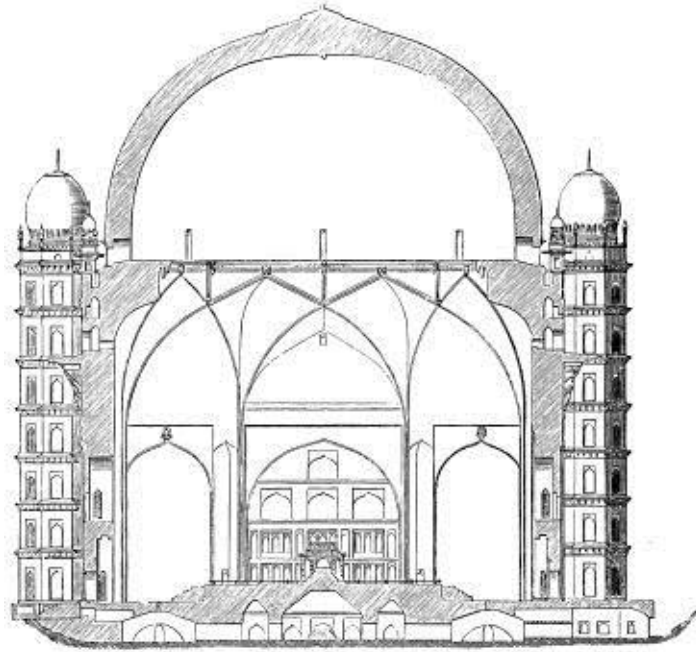

322. Подвески гробницы Махмуда, обращенные вверх. (С рисунка мистера Камминга.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма

В Пантеоне и большинстве европейских куполов большая масса каменной кладки наброшена на стойки, что полностью скрывает внешнюю форму и является исключительно неуклюжим приемом во всех отношениях по сравнению с элегантным способом подвешивания груза внутри.

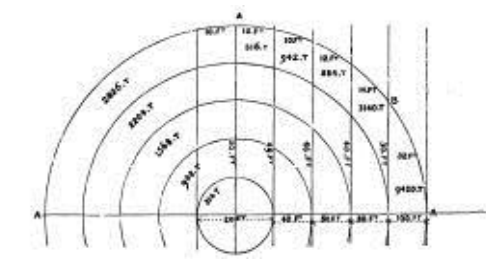
Несмотря на то, что этот прием дает куполу совершенно устойчивую основу, которую не может сдвинуть никакой толчок, все же, глядя на разрез ([Гравюра на дереве № 323](#)), его форма такова, что кажется почти парадоксальным, что такое здание должно стоять. Если бы секция представляла собой арку или свод, она не простояла бы и часа; но сам по себе купол настолько совершенен в конструктивном отношении, что построить купол, который упадет, почти так же трудно, как построить свод, который устоит. Поскольку купол также является с художественной точки зрения самой красивой формой крыши, когда-либо изобретенной, было бы неплохо, прежде чем перейти к самому необычному и сложному примеру, который когда-либо использовался, остановиться и немного подробнее изучить теорию его конструкции.

Предположим, что диаграмма представляет план идеально плоского купола диаметром 100 футов и, следовательно, шириной 10 футов каждого обода.

323. Фрагмент гробницы Махмуда в Биджапуре. Масштаб 50 футов на 1 дюйм.

Далее, предположив для удобства, что весь купол весит 7850 тонн, внешний обод будет весить 2826 тонн, или почти столько же, сколько три внутренних обода, вместе взятых; следующий будет весить 2204, следующий 1568, следующий 942, а внутренний только 314; так что на него или на два внутренних обода можно было бы насыпать значительную дополнительную толщину, и их преобладание никоим образом не повлияло бы на устойчивость купола; но это самый неблагоприятный взгляд на дело. Чтобы более ясно понять проблему, предположим, что полукруг А А А ([Гравюра на дереве № 324](#)) представляет собой сечение полусферического купола. Первый сегмент этого, хотя и всего 10 футов в ширину, будет иметь высоту 30 футов и весить 9420 тонн; следующий - 10 футов. высота и ширина 10 футов, будет весить 3140; третий, размером 10 на 6 футов, будет весить всего 1884; четвертый будет весить 942; а центральная часть, как и раньше, 316.

324. Схема, иллюстрирующая купольную конструкцию.

Теперь очевидно, что первая часть, Аb, будучи наиболее перпендикулярной, наименее подвержена нарушениям или толчкам, а также принимая на себя две трети всего веса купола, если она устойчива и прочно сконструирована, она является более чем достаточной опорой для оставшейся трети, которая составляет всю остальную часть купола.

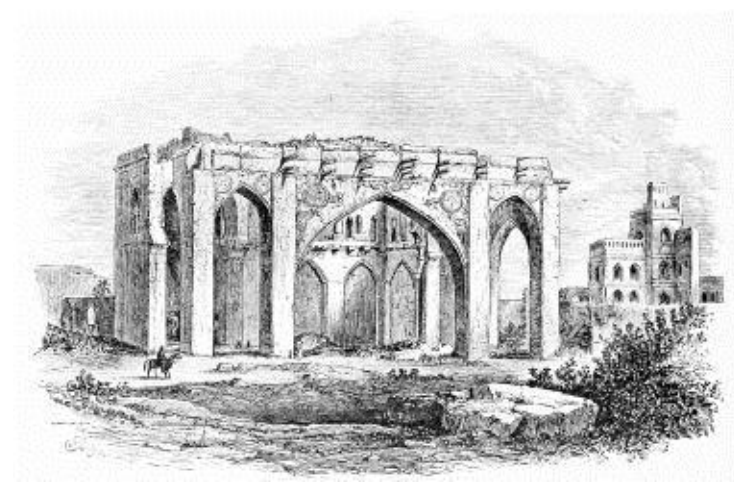
При осмотре фигуры или любой секции купола становится очевидным, насколько легко должно быть построить первый сегмент из пружин; и если он очень прочно построен и установлен на неподвижном основании, архитектор может поиграть с остальным; и он, должно быть, действительно неуклюж, если не может сделать его идеально устойчивым. На Востоке они действительно играли со своими куполами и придавали им всевозможные фантастические формы, стремясь больше радовать глаз, чем учитывать инженерные потребности конкретного случая, и

все же это самая редкая случайность - найти купол, который упал из-за неисправностей в конструкции.

В Европе архитекторы были робкими и неквалифицированными в строительстве куполов; но с нашими нынешними инженерными знаниями было бы легко построить гораздо более крупные и смелые купола, чем даже купол гробницы Махмуда, без малейшего опасения несчастного случая.

Внешний вид этого здания так же прекрасен, как и внутренний. На каждом углу возвышается восьмиугольная башня высотой в восемь этажей, простая и смелая в своих пропорциях и увенчанная необычайно элегантным куполом. Нижняя часть здания простая и цельная, пронизана только такими отверстиями, которые необходимы для поступления света и воздуха; на высоте 83 футов карниз выступает на 12 футов из стены, или почти вдвое больше, чем когда-либо пытался сделать самый смелый европейский архитектор. Над ним открытая галерея, придающая легкость и завершенность всему зданию, причем каждая грань дополнительно подчеркивается двумя небольшими минаретами.

325. Зал аудиенций, Биджапур. (С фотографии.)

Такая же смелая система строительства была применена архитекторами Биджапура в своих гражданских зданиях. Большой зал для аудиенций, например ([Гравюра на дереве № 325](#)), открывается спереди аркой шириной 82 фута, которая, будь она достаточно примыкающей, могла бы стать грандиозным архитектурным сооружением; как бы то ни было, это слишком похоже на инженерное произведение, чтобы быть удовлетворительным. Его карниз был деревянным, и некоторые из его опор до сих пор стоят на своих местах. Действительно, одной из особенностей архитектуры этого города является то, что, подобно английским архитекторам в их крышах, архитекторы Биджапура использовали дерево в качестве конструктивного средства еще долгое время после того, как от его использования отказались в других частях Индии. Ашур Мубарук, один из самых великолепных дворцов в городе, полностью открыт с одной стороны, крышу поддерживают только две деревянные колонны с огромными капителями-кронштейнами; внутренние украшения выполнены из того же материала. Результат этой практики в Биджапуре был таким же, как и в Англии — гораздо большая глубина обрамления и большее богатство архитектурных украшений, а также нетерпимость к конструктивной неуклюжести, что привело к самым счастливым результатам в обеих странах.

Среди главных зданий города - один из тех семиэтажных дворцов, которые так странно встречаются нам во всех отдаленных уголках мира. Добавьте к этому, что Ашур Мубарук был превращен мусульманами в святыню для хранения нескольких волосков из бороды Пророка, и мы получим картину странной трудности отучения татарина от врожденных предрассудков его расы.

Кроме этих двух, в стенах есть еще пять дворцов, некоторые из них великолепны, и бесчисленные резиденции знати и придворной свиты. Но, пожалуй, самым замечательным гражданским сооружением являются небольшие ворота, известные как Мехтури Мехал (“Ворота подметальщика”), с прикрепленной к ним легендой, которая слишком длинная, чтобы приводить ее здесь. Он выполнен в смешанном индуистском и магометанском стиле, каждая деталь покрыта орнаментом, но всегда одинаково уместна и элегантна. В своем классе это, пожалуй, лучший пример в стране, хотя класс этот, возможно, и не самый высокий.

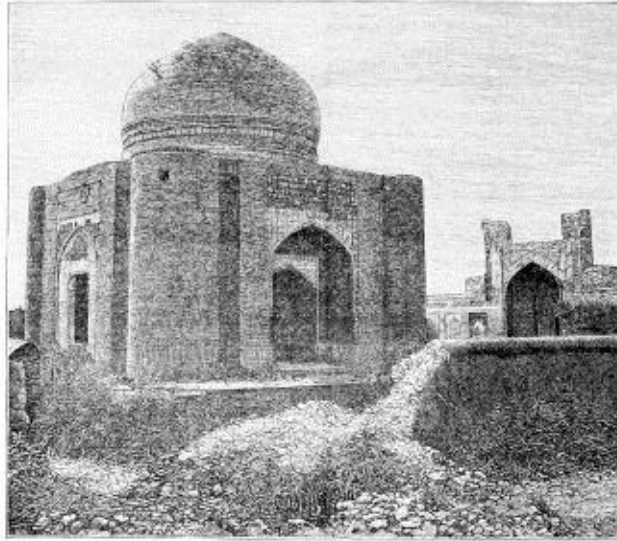
Гигантские стены самого города, 6 с половиной миль в окружности, представляют собой произведение немалого масштаба, и в сочетании с гробницами тех, кто их строил, и с руинами пригородов этого некогда великого города они представляют собой картину величия в запустении, равную всему остальному, что сейчас можно найти даже в Индии.

SCINDE.

Среди второстепенных стилей магометанского искусства в Индии есть один, который был бы исключительно интересен в историческом смысле, если бы существовало достаточное количество примеров, объясняющих его, и они были достаточно древними, чтобы связать этот стиль с западными. Исходя из своего положения почти за пределами Индии, провинция Шинде, должно быть, всегда имела определенное родство с Персией и странами, лежащими к западу от Инда, и если бы мы знали ее архитектурную историю, мы, вероятно, смогли бы проследить истоки многих форм, которые мы сейчас не можем объяснить, и соединить стили Востока с стилями Запада способом, на который мы в настоящее время не можем претендовать.

Однако сомнительно, существуют ли материалы для этого. Здания в этой провинции всегда были кирпичными, камня не было в наличии; и хотя они не подвержены разрушительному воздействию растительности, как в Бенгалии, строительный раствор плохой, и кирпичи легко выбираются и используются местными жителями для строительства своих хижин или деревень.

Все, что мы в настоящее время знаем, относится к серии гробниц в окрестностях Татты, которые были возведены при династии Моголов губернаторами или великими людьми провинции во время их правления. По крайней мере, самым старым из известных на сегодняшний день является храм Амира Халлил-хана, возведенный в 1572 году н.э., когда Акбар сверг династию Джамии и присоединил Синде к своей империи. Ни гробницы, ни мечети более ранних династий до сих пор не были отредактированы, хотя они могут существовать. Известная серия охватывает период с 1572-1640 гг. н.э., и все они демонстрируют ярко выраженную близость к персидскому стилю той же или более ранней эпохи. Одного примера пока должно быть достаточно, чтобы объяснить их общий вид, поскольку все они очень похожи. Это гробница Наваба Амир-хана, который был губернатором провинции во времена правления шаха Джехана, с А.Д. 1627-1632, and afterwards А.Д.. Гробница была построена, по-видимому, около 1640 года н.э. ([Гравюра на дереве № 326](#)). Он построен из кирпича, но, как и все другие дома такого класса, был украшен цветными изразцами, как и в Персии в целом, с необычайной красотой рисунка и изысканной гармонией расцветки. Это не очень монументальный способ украшения здания, но, выполненный на куполе Скалы в Иерусалиме в середине 16 века или в мечети в Тебризе в начале 13 века, ^[534] и вообще в персидских зданиях, он способен производить наиболее приятные эффекты.

326. Гробница Наваба Амир-хана, близ Татты, 1640 г. н.э.. (С фотографии.)

Как и другие гробницы в провинции, она настолько похожа на персидские постройки того же возраста и настолько непохожа ни на какие другие, найденные того же возраста в самой Индии, что у нас не может быть особых сомнений относительно национальности тех, кто их воздвиг.

ГЛАВА X.

АРХИТЕКТУРА ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ.

Содержание.

Династии—Гробница Мохаммеда Гауса, Гвалиор—Мечеть в Футтехпоре Сикри—Гробница Акбара, Секундра—Дворец в Дели—Тадже Мехал—Мути Мусджид—Мечеть в Дели—Имамбара, Лакхнау—Гробница покойного Наваба, Джунагур.

ХРОНОЛОГИЯ.

Бабер	1494 г.г. н. э.
Хумаюн	1531
Шер - шах	1539
Селим	1545
- умирает	1553
Акбар	1556
Джехангир	1605
Шах Джехан	1628
Аурунгзебе	1658
Бахадур - шах	1707

До самого недавнего времени описание стиля, введенного императорами династии Великих Моголов, считалось бы полной историей магометанской архитектуры в Индии. Это стиль, который был описан Роу и Бернье, а также всеми последующими путешественниками. Европейская публика познакомилась с ним по рисункам Дэниелла в начале этого столетия, и с тех пор, как Агра и Дели стали практически британскими городами, их здания описывались, рисовались и фотографировались, пока они не стали почти такими же известными, как любые другие, найденные в Европе. Пройдет очень много времени, прежде чем даже фотография сделает мечети или гробницы таких городов, как Ахмедабад или Биджапур, знакомыми или понятными. И все же, возможно, справедливо утверждать, что здания других династий, начиная с мечетей в Кутубе и Аджмире и продолжая до тех пор, пока последняя династия дехани не была уничтожена Аурунгзебе, составляют единое целое, столь же обширное и более интересное с исторической точки зрения, чем даже все, что было сделано моголами. Однако, с другой стороны, в творчестве этой династии есть единство и завершенность в их истории, что делает изучение их искусства особенно увлекательным, и некоторые из их зданий в некоторых отношениях можно сравнить с любыми архитектурными произведениями в любой части мира. Однако их здания настолько оригинальны и так не похожи ни на один из шедевров искусства, с которыми мы обычно знакомы, что почти невозможно провести между ними какое-либо удовлетворительное сравнение. Как, например, мы можем сравнить Парфенон с Тайе? Это здания почти одинакового размера и великолепия, оба из белого мрамора, оба превосходно приспособлены для целей, для которых они

были построены; но что еще у них общего? Один из них прост по своим очертаниям и зависит от колонн в качестве внешнего украшения; другой не имеет колонн и обязан своим наибольшим эффектом своим необычайно разнообразным очертаниям и способу расположения различных его частей, многие из которых полностью отделены от основной массы. Парфенон принадлежит, это правда, к более высокому классу искусства, его скульптуры возносят его в область наиболее интеллектуальной отрасли фонетического искусства; но, с другой стороны, изысканная инкрустация драгоценными камнями в Тайе настолько эстетически красива, что, с точки зрения чисто архитектурной оценки, почти ставит его в один ряд с греческим шедевром. [\[535\]](#)

Следовательно, хотя их ценность может быть почти одинаковой, их формы настолько существенно различаются, что едва ли выглядят произведениями одного и того же искусства; а в искусстве столь по сути традиционном, каким всегда была и должна быть архитектура, требуется длительное знакомство с любой новой формой и знание ее происхождения и использования, которое может быть приобретено только путем постоянного изучения, что очень затрудняет незнакомцу осознание истинной красоты, которая часто лежит в основе даже самых странных форм. Однако, когда эти трудности будут преодолены, вероятно, обнаружится, что среди восточных стилей мало таких, которые заслуживают большего внимания и лучше вознаградили бы любое изучение, которое могло бы быть посвящено им, чем архитектура Великих Моголов.

В начале повествования возникают небольшие перерывы из-за вставки правлений Шер-шаха и его сына Селима в правление Хумаюна. Он был афганцем по происхождению и индийцем по национальности, и, если бы ему предоставили действовать по своему усмотрению, он, без сомнения, строил бы в архитектурном стиле, использовавшемся в Агре и Дели до того, как его соотечественников потревожило вторжение моголов. У нас, правда, очень мало сведений о том, каким был этот стиль в течение 170 лет, прошедших между смертью Туглак-шаха и первым вторжением в Бабер, но, по-видимому, он был на редкость простым и цельным и совсем не походил на витиеватое искусство, привнесенное моголами и практиковавшееся Шер-шахом и его сыном, очевидно, в соперничестве с новым хозяином Индостана. Однако между архитектурой Шер—Шаха и архитектуры Акбара настолько мало различий, что их следует рассматривать как единый стиль, начинающийся с большой сдержанности и элегантности и заканчивающийся чем-то, почти приближающимся к дикости и изобилию украшений, но все же очень красивым - в некоторых отношениях превосходящим целомудренную, но слабую элегантность более позднего стиля Великих Моголов, пришедшего ему на смену.

И снова возникает небольшая трудность и путаница в том, что у нас нет примеров стиля, применяемого Бабером и Хумаюном. Хорошо известная гробница последнего царя, несомненно, была построена его сыном Акбаром; Бабер был похоронен недалеко от Кабула, и в Индии до сих пор не обнаружено ни одного здания, которое, как известно, принадлежало бы ему. И все же то, что он действительно строил, несомненно. В своих собственных "Воспоминаниях" он сообщает нам: "Только в Агре и только среди камнерезов, принадлежащих этому месту, я каждый день нанимал на работу в своих дворцах 680 человек; а в Агре, Сикри, Биане, Дхулпуре, Гвалиоре и Коэле на моих работах ежедневно был занят 1491 камнерез". [\[536\]](#) На следующих страницах он описывает некоторые из этих работ, и особенно великолепную чашу, которую он раскопал в форте Агра. [\[537\]](#) Это было в 1526 году, и он прожил, чтобы продолжать эти работы на пять лет дольше. В течение десяти лет, пока его сын управлял империей, мы узнаем из Феришты и других источников, что он украсил свою столицу множеством великолепных зданий: первое - дворец с семью павильонами, или залами для аудиенций, по одному, посвященному каждой из планет, в котором он давал аудиенции в день недели, посвященный планете дня. [\[538\]](#) Существуют предания о мечети, которую, как говорят, он построил на берегу Джамны, напротив того места, где сейчас стоит Тадже; и его имя так часто упоминается в связи со зданиями как в Агре, так и в Дели, что не может быть никаких сомнений в том, что он был строителем в той степени, в какой это допускал

неспокойный характер его правления. Но его здания погибли, так что практически история архитектуры Великих Моголов начинается со зданий афганской династии, которая занимала трон Индии в течение шестнадцати лет в последний период правления Хумаюна.

Вполне вероятно, что вскоре на происхождение стиля, который привнесли в Индию моголы, будет пролит значительный свет благодаря изучению зданий, возведенных в Самарканде Тимуром за сто лет до Бабера (1393-1404 гг. н.э.). Теперь, когда город находится в руках русских, он доступен и для европейцев. Его здания были нарисованы и сфотографированы, но еще не описаны так, чтобы их можно было использовать в научных целях, но в достаточной степени, чтобы указать направление, в котором можно ожидать света. Будучи ужасным дикарем во многих отношениях, Тимур был одержим истинно тюркской любовью к благородной архитектуре; и хотя он обычно убивал жителей любого города, оказавшего ему сопротивление, он всегда щадил архитекторов и художников и посылал их работать над украшением своих столиц. Следовательно, Самарканд был заполнен великолепными зданиями, но, насколько можно судить по имеющимся материалам, они больше напоминали по стилю персидские, чем что-либо, что, как сейчас известно, существует в Индии. Луковичный купол встречается повсюду и в то время не был известен в Индии, за исключением квазиперсидской провинции Синде. Цветная плитка была излюбленным способом отделки, и в целом их стиль был чрезвычайно великолепен по сравнению со сдержанностью более поздних зданий патанов в Индии. Через несколько лет все это может стать совершенно ясным и вразумительным, а пока мы должны перейти к

ШЕР - ШАХ, 1539-1545гг.н. э.

Несомненно, один из самых замечательных людей, когда-либо правивших северной Индией, хотя его правление длилось всего пять лет; и в течение этого короткого периода, обеспокоенный всеми неприятностями, связанными с узурпацией, он оставил свой след в каждой ветви администрации. Налоговая система, полиция, армейское управление, фактически все великие реформы, которые Акбар так успешно провел, были начаты и в некоторой степени доведены до совершенства этим узурпатором, как называют его магнаты. И в архитектуре, которая нас здесь больше всего интересует, он, безусловно, указал путь, по которому его преемник достиг такого возвышения.

Самое совершенное из его зданий, с которыми я знаком, - это мечеть в Пурана-Киле в Дели. Стены этого места были отремонтированы Хумаюном в 1533 году н.э., и я не совсем уверен, что он не имел никакого отношения к мечети. Однако, согласно последним источникам, говорят, что он был построен — я не сомневаюсь, что это было закончено — Шер шахом в А.Д. 1541 году нашей эры.^[539] Это единый зал с пятью проходами спереди через стрельчатые арки того, что мы бы назвали формой в стиле тюдоров, но прекрасно различающимися по дизайну и оформленными панелями, вырезанными самыми изысканными узорами и украшенными разноцветным мрамором. Один важный купол, пронизанный двенадцатью маленькими окнами, венчает центр; у него, однако, нет минаретов и внутреннего двора, но даже без этих пристроек это одно из самых удовлетворительных зданий своего класса в Индии.^[540]

В цитадели в Агре стоит — или, по крайней мере, стоял, когда я был там, — фрагмент дворца, построенного Шер шахом или его сыном Селимом, который был таким же изысканным произведением декоративного искусства, как и все в Индии подобного класса. Будучи одним из первых, кто занял эту территорию, этот дворец был возведен на самом высоком месте форта; поэтому нынешнее правительство, посчитав это место благоприятным для возведения казармы, снесло его и заменило более чем обычно уродливым кирпичным сооружением собственного производства. Теперь это склад, и выбеленное уродство возвышается над мраморными дворцами Великих Моголов — подходящий эталон для сравнения вкусов двух рас.^[541]

Судя по сохранившемуся фрагменту и отчетам, полученным на месте, этот дворец, должно быть, имел большое значение, чтобы оправдать хвалебные речи, неоднократно произносимые в

адрес работ этих патанов — что “они строили как гиганты и отделывали как ювелиры”, поскольку камни, по-видимому, были огромных размеров, а детали отличались изысканнейшей отделкой. Однако он погиб, как и многие другие благородные здания своего класса, под безжалостным варварством нашего правления. Мечети мы, как правило, обходили стороной, а иногда и гробницы, потому что они были непригодны для наших экономических целей, и это не отвечало бы оскорблению религиозных чувств местных жителей. Но когда мы свергли королей и присвоили их доходы, некому было претендовать на их ныне бесполезные великолепные обители. Следовательно, было сочтено более дешевым либо снести их, либо использовать в качестве резиденций или арсеналов, чем содержать в порядке, так что сейчас от них осталось очень мало для восхищения потомков.

Гробница Шер-шаха уже была описана (*ante*, стр. 516), поскольку по сути она выполнена в патанском стиле. Он был возведен на его родине в Бехаре, к югу от Ганга, вдали от влияния моголов в то время, и в стиле суровой простоты, который характеризовал работы его народа между временами Туглука и Бехлола Лоди (1450-1488 гг. н.э.), последнего действительно независимого царя из его рода.

Не совсем ясно, какая часть гробницы была построена им самим, а какая - его сыном Селимом, который, безусловно, закончил ее. Селим также построил Селимгур на острове в Джамне, к которому впоследствии шах Джехан пристроил свой дворец в Нью-Дели. Однако неизвестно, возводил ли он какие-либо здания внутри - по крайней мере, сейчас ничего не осталось сколько-нибудь важного. В целом он, по-видимому, продолжил и достроил здания своего отца, и между ними они оставили группу архитектурных остатков, которые, если их собрать вместе и проиллюстрировать, составили бы интересную главу в истории индийско-магометанских стилей. [\[542\]](#)

АКБАР, 1556-1605.

Потребовался бы целый том, чтобы описать все здания, возведенные этим замечательным человеком за время его долгого правления, длившегося сорок девять лет, и сотни табличек едва ли хватило бы, чтобы рассказать обо всех их особенностях. Если бы Акбар удовлетворился следованием стилю, изобретенному патанами и доведенному до совершенства Шер шахом, было бы достаточно легко следовать последовательности действий, но ничто в его характере не является столь примечательным, как дух терпимости, который пронизывал все его поступки. Похоже, он испытывал такую же искреннюю любовь и восхищение к своим подданным-индуистам, как и к тем, кто принадлежал к его собственной вере, и, будь то из соображений политики или склонности, дорожил их искусством так же сильно, как и тем, что принадлежало исключительно его собственному народу. Следствием этого является смешение во всех его работах двух стилей, часто скорее живописных, чем правильных, которые, возможно, в течение еще полувека слились бы в совершенно новый стиль, если бы были настойчивы. Однако дух терпимости умер вместе с ним. В работах Джехангира или Шах Джехана нет и следа индуизма, и Аурунгзебе пришел бы в ужас от предположения, что искусство неверных могло повлиять на все, что он делал.

Вероятно, одной из его самых ранних работ был мавзолей, который он воздвиг над останками своего отца, Хумаюна, в Дели. Хотя строительство, несомненно, было завершено Акбаром, оно, скорее всего, было спроектировано и начато его отцом; ибо, как часто отмечалось на предыдущих страницах этого труда, великой архитектурной особенностью татарских или монгольских рас является их склонность к строительству гробниц, в которой они так сильно отличаются от арийских, а также от великих семитских семей, с которыми они делят большую часть обитаемого земного шара. Нигде это не проиллюстрировано с такой силой, как в Индии, где гробницы патанов и моголов образуют законченный и непрерывный ряд архитектурных памятников с первых лет мусульманского вторжения до наших дней.

Гробницы патанов менее великолепны, чем гробницы моголов; но, тем не менее, вся серия чрезвычайно интересна, поскольку гробниц гораздо больше, чем мечетей. Кроме того, в целом, они более художественны по дизайну и часто не только крупнее, но и более великолепно украшены, чем здания, предназначенные исключительно для молитвы.

Принцы татарских народов, руководствуясь своей любовью к гробницам, взяли за правило строить свои собственные при жизни, как и должны делать все люди, действительно стремящиеся к могильному великолепию. Делая это, они отвергли египетский способ приготовления темных и глубоких помещений в сердце скалы или массивной пирамиды. Татары, с другой стороны, строили свои гробницы таким образом, чтобы они служили местами наслаждения для них самих и их друзей при их жизни, и только когда они больше не могли наслаждаться ими, они становились местами торжественного упокоения их бранных останков.

Обычный процесс возведения этих сооружений для короля или знати, которые намереваются обеспечить себе усыпальницу, заключается в том, чтобы окружить сад за городскими стенами, обычно с высокими зубчатыми стенами и с одними или несколькими великолепными воротами; и в центре этого он возводит квадратное или восьмиугольное здание, увенчанное куполом, а в более великолепных примерах - меньшие помещения с куполообразной крышей с четырех сторон или углов, остальные четыре отведены под входы. Это здание обычно расположено на высокой квадратной террасе, от которой расходятся четыре широкие аллеи, обычно с вымощенными мрамором каналами, украшенными фонтанами; угловые пространства засажены кипарисами и другими вечнозелеными и фруктовыми деревьями, образующими один из тех формальных, но красивых садов, которые так характерны для Востока. При жизни основателя центральное здание называлось Барра Дурри, или праздничный зал, и использовалось им и его друзьями как место отдыха и пирушек.

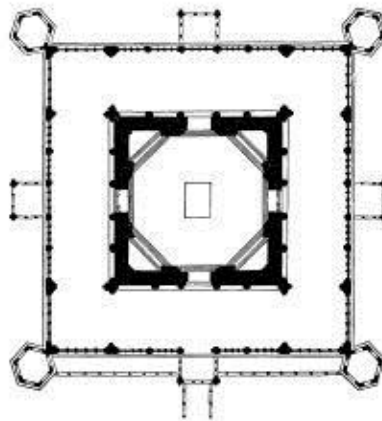
После его смерти его назначение изменилось — останки основателя были захоронены под центральным куполом. Иногда рядом с ним покоится его любимая жена; но чаще всего его семья и родственники похоронены под боковыми куполами. Когда его однажды использовали как место захоронения, его своды никогда больше не наполняются праздничным весельем. Забота о здании передана священникам и кади, которые зарабатывают на скудное существование продажей плодов из сада или подаванием тех, кто приходит навестить место последнего упокоения своего друга или хозяина. На смену празднику и веселью приходит совершенная тишина. Красота окружающих предметов в сочетании с покоем места создают эффект столь же изящный, сколь и торжественный и уместный.

Хотя гробниц с остатками их ограждений так много по всей Индии, Тадже Мехал в Агре - почти единственная гробница, сохранившая свой сад в чем-либо подобном его первоначальной красоте, и, пожалуй, во всем мире нет места, где природа и искусство так успешно сочетались бы для создания совершенного произведения искусства, как на территории этого широко известного мавзолея.

Гробница Хумаюн-шаха, первого из Великих Моголов, похороненного в Индии, до сих пор стоит довольно целой среди руин Старого Дели, среди которых она действительно является главным и наиболее поразительным объектом. Он удачно стоит на высокой квадратной платформе, украшенной арками, опоры которых украшены инкрустацией из белого мрамора. Сама гробница представляет собой восьмиугольное помещение значительных размеров, увенчанное куполом из белого мрамора, внешне очень изящного очертания. Четыре стороны восьмиугольника заняты входами; к другим четырем восьмиугольным квартирам меньшего размера пристроены, образуя здание почти квадратное в плане, только углы слегка срезаны.^[543] Фактически, его план впоследствии был принят в Тае ([Гравюра на дереве № 338](#)), но здесь он использован без глубины и поэтичности этого знаменитого здания. Однако его наиболее заметной характеристикой является чистота — это можно было бы назвать почти бедностью — дизайна. Он настолько не похож ни на что другое, когда-либо построенное Акбаром, что вряд ли это могло быть спроектировано им

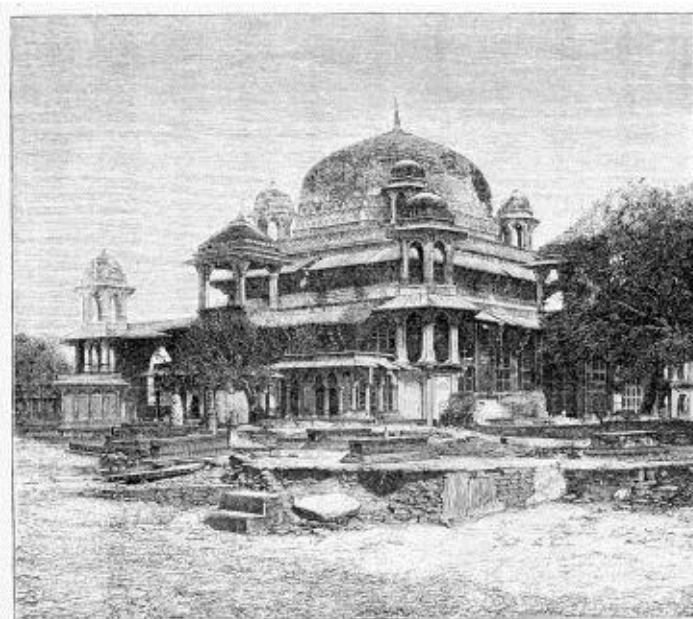
самим. В нем нет даже живописной смелости более ранних патанских гробниц, и на самом деле он больше похож на здания, построенные на столетие назад, по крайней мере, более современные, чем есть на самом деле. Однако это благородная гробница, и любое другое место должно считаться чудом.

Гробница Хумаюна, однако, настолько хорошо известна по рисункам и фотографиям, что для иллюстрации архитектуры того времени, возможно, было бы предпочтительнее взять современную гробницу Мохаммеда Гауса в Гуалиоре, которая, несомненно, была возведена в начале правления Акбара и является исключительно интересным примером гробниц того периода. Это квадрат размером 100 футов в каждую сторону, за исключением шестиугольных башен, которые прикреплены к углам ([Гравюра на дереве № 327](#)). Сама камера гробницы представляет собой зал площадью 43 квадратных фута, углы которого срезаны остроконечными арками так, что образуют восьмиугольник, на который опирается купол. Вокруг этого квадратного здания проходит галерея шириной 20 футов между опорами, огороженная со всех сторон экраном из изысканнейшего ажурного камня с выступающими крыльцами на каждой грани ([Гравюра на дереве № 328](#)).^[544]

327. План гробницы Мохаммеда Гауса, Гуалиор. Масштаб 50 футов на 1 дюйм.

При сравнении этого сооружения с гробницей Шер-Шаха в Сассераме, на которую оно во многих отношениях в значительной степени похоже, будет видно, что оно знаменует значительный прогресс в строительстве гробниц даже за тот короткий период, который прошел между их возведением. В восьмиугольной форме есть врожденная слабость по сравнению с квадратной, которую даже патанам так и не удалось полностью преодолеть; а внешняя решетчатая перегородка гораздо более элегантна, чем открытая аркада гробницы Сассерама. Возможно, это связано с тем фактом, что Гвалиор был городом, где долгое время велось декоративное строительство и, следовательно, где, возможно, всегда существовала высшая школа каменщиков и архитекторов, в то время как Сассерам был отдаленной деревней, где эти преимущества были неизвестны. Но как бы то ни было, прогресс достигнут за столь короткое время, что мы можем приписать его только бодрящему прикосновению гения Акбара, который впоследствии сотворил такие чудеса.

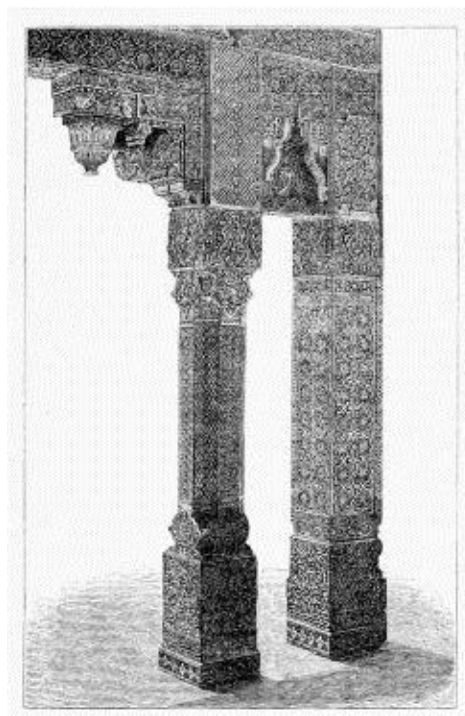
328. Могила Мохаммеда Гауса, Гвалиор. (С фотографии.)

Одним из самых замечательных и характерных зданий Акбара является старый или Красный дворец в форте, названный так из-за того, что был построен полностью из красного песчаника, к сожалению, не очень хорошего качества, и, следовательно, большая часть его украшений облупилась. Это квадратное здание размером 249 на 260 футов. В центре находится внутренний двор размером 71 на 72 фута, по обе стороны которого расположены два зала, обращенных друг к другу. Самый большой, 62 на 37 футов, имеет плоский каменный потолок, разделенный на панели и поддерживаемый стойками чисто индуистского дизайна, очень похожими на те, что использовались во дворцах Мансинг и Викрамадитья в Гуалиоре. Каждая деталь вокруг этого двора действительно выполнена в чистом индуистском стиле. Нигде нет арок, но повсюду горизонтальный стиль строительства. Орнамент, вырезанный на всех плоских поверхностях, также относится к классу, использовавшемуся Акбаром, но не встречающемуся в зданиях других стран. Действительно, во всем этом дворце арки используются так редко, а индуистские формы и конструкции преобладают до такой степени, что вряд ли это было бы неуместно в Читторе или Гвалиоре, хотя он все еще несет на себе отпечаток энергии и оригинальности, который он и только он один умел запечатлеть во всех своих работах. ^[545]

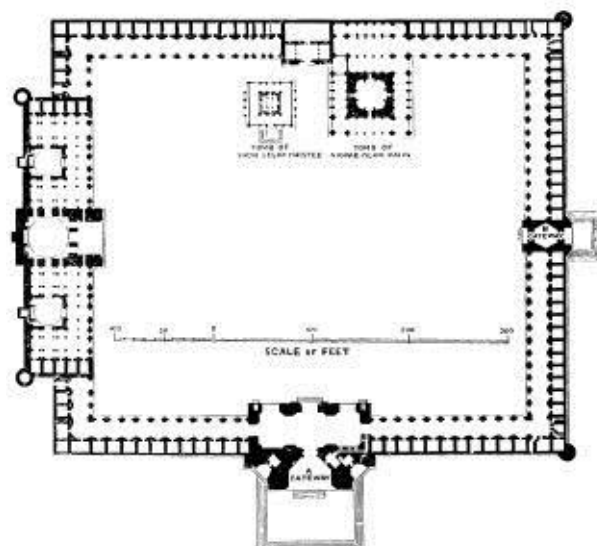
Однако именно в Футтепор-Сикри Акбара следует судить как строителя. На протяжении всего его правления это была его любимая резиденция. По-видимому, он был первым, кто занял это место, и, по-видимому, по крайней мере последним, кто там что-либо построил, поскольку не установлено, что ни одно здание не было возведено кем-либо из его преемников.

У Акбара, похоже, не было четкого плана, когда он начинал там строительство. Первоначальной частью здания, по-видимому, является Хас Мехал, квадратный блок здания размером около 260 футов в каждую сторону и, следовательно, примерно тех же размеров, что и Красный дворец в форте в Агре. Его внутренний двор, однако, больше, около 170 футов в каждую сторону, а здания, которые его окружают, сильно уступают по богатству дизайна и орнамента. Это, однако, с лихвой компенсируется кортами и павильонами, которые он время от времени пристраивает. Здесь находится Деванни Хас, или тронный зал, квадратное здание с тронном, состоящим из огромной, похожей на цветок скобы, поддерживаемой на богато украшенной резьбой колонне, ^[546] перистильное здание, называемое его кабинетом, очень похожее на то, которое он построил в Аллахабаде, будет упомянуто ниже; пятиэтажный открытый павильон, все колонны которого наиболее богато украшены резьбой, а также длинные колоннады и стены, соединяющие их друг с другом. Самыми богатыми, самыми красивыми, а также наиболее характерными из всех его построек здесь являются три небольших павильона, которые, как говорят, были возведены в угоду трем его любимым султаншам: отсюда и название "Бир Буль ка Бети ка Мехал" в честь его жены-индуистки, дочери его любимого министра Бир Буль; Дом Мириам, перешедший к его супруге-христианке; и дворец султанши Руми. Они невелики, но невозможно представить себе что-либо столь живописное в очертаниях или какое-либо здание, вырезанное и орнаментированное в такой степени, без малейшего намека на переусердствование или безвкусицу. Две колонны, изображенные на прилагаемой гравюре на дереве, сделаны по слепку с последнего названного павильона, который сейчас находится в музее Южного Кенсингтона. Это, пожалуй, самый изысканный из трех вариантов, но два других, как правило, отличаются лучшим вкусом.

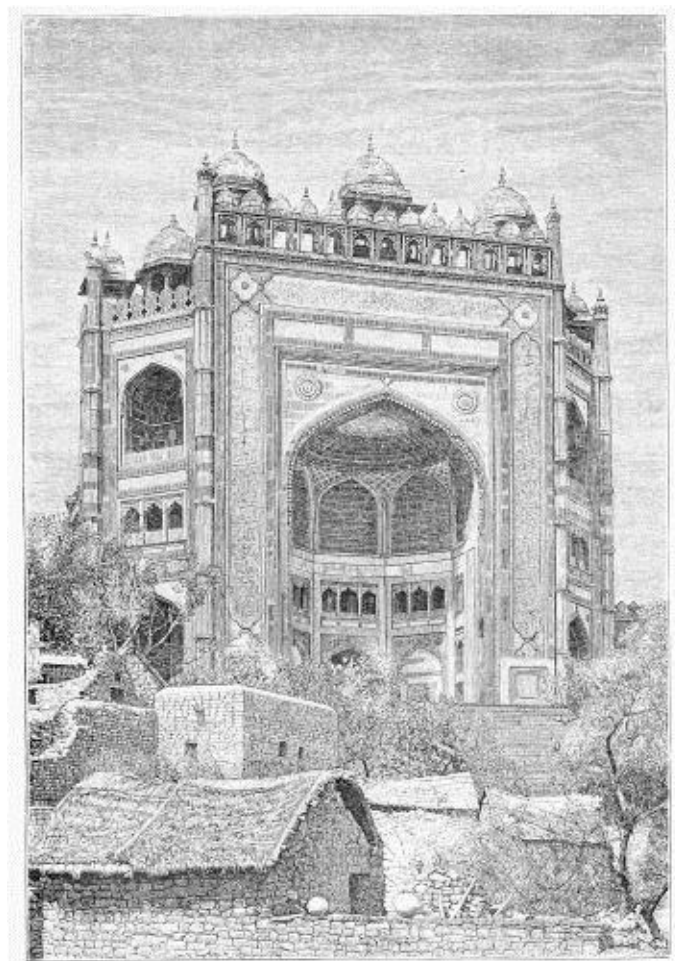

329. Резные колонны в киоске султанши, Футпор Сикри. (С фотографии.)

Однако славой Футпор-Сикри является его мечеть, которую вряд ли превзойдет какая-либо мечеть в Индии ([Гравюра на дереве № 330](#)). Его размеры составляют 550 футов к востоку и западу и 470 футов к северу и югу в целом. Сама мечеть размером 290 на 80 футов увенчана тремя куполами. Во внутреннем дворе, который имеет размеры 350 на 440 футов, стоят две гробницы: гробница Селима Чисти, полностью выложенная белым мрамором, и окна с ажурными прорезями самых изысканных геометрических узоров — струящийся ажур является последующим изобретением. Кроме того, она обладает глубоким мраморным карнизом, поддерживаемым кронштейнами самого сложного дизайна, настолько замысловатого, что кажется почти фантастическим — единственный признак безвкусицы в этом месте; другая гробница, гробница Ислам-хана, более строгая и с превосходным вкусом, но совершенно затмевается своим окружением. Однако даже эти части превосходят по великолепию южные ворота размером 130 на 85 футов в плане и пропорциональными размерами по высоте ([Гравюра на дереве № 331](#)). Поскольку он стоит на возвышенности, при взгляде снизу его внешний вид благороднее, чем у любого портала, пристроенного к любой мечети в Индии, а возможно, и во всем мире. Эти ворота также можно назвать вполне удовлетворительным решением проблемы, которая проявляла изобретательность архитекторов во все века, но была более успешно решена сарацинскими архитекторами, чем любыми другими.

330. Мечеть в Футпор-Сикри. (С плана лейтенанта. Коул, Р.Э.)

331. Южные ворота мечети, Футпор Сикри. (С фотографии.)

Всегда было очевидно, что оборудовать большое здание дверью пропорционально его размерам было, мягко говоря, очень неудобно. Рост мужчины всего 6 футов. высоко, и им не нужны порталы, через которые могли бы пройти слоны. Однако греки никогда не решались уменьшить пропорциональный размер своих порталов, хотя, возможно, они открывали только

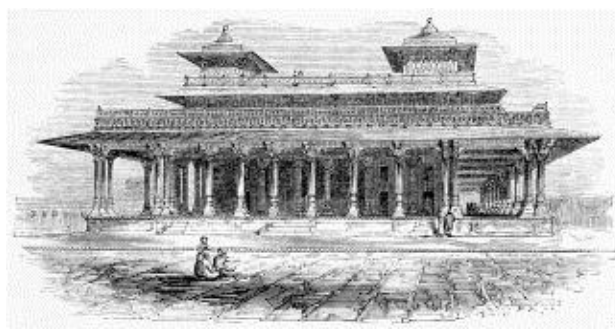
нижнюю половину, и почти во всех случаях прикрывали их портиками, чтобы придать им достоинство, которого не могли придать даже их размеры.

Готические архитекторы попытались, расширив свои дверные проемы с глубокими вырезами и богато украсив их резьбой и скульптурой, придать им достоинство, необходимое для их положения, без излишнего увеличения размеров проемов. Однако сарацинским архитекторам оставалось полностью преодолеть эту трудность. Они разместили свои порталы — один, или три, или пять, очень умеренных размеров — в задней части полукупола. Таким образом, эта последняя особенность превратилась в крыльцо или портик, а ее размеры стали такими же, как у портала, совершенно независимо от размера проема. Никто, например, глядя на эти ворота, не может ошибиться в том, что это дверной проем и только, и никто не задумывается о размере отверстий, которые предусмотрены в его основании. Полукупол - это модуль конструкции, а ее масштаб - то, с помощью чего воображение измеряет ее величие.

Одна и та же система пронизывает почти все порталы того времени и стиля, и всегда с совершенно удовлетворительным результатом — иногда даже более удовлетворительным, чем в этом случае, хотя размеры могут быть менее пропорциональными. Этот принцип кажется лучшим из всех, к которым когда-либо приходили, и, когда он верен, потерпеть неудачу так же трудно, как добиться успеха, когда принцип дизайна неверен.

В целом, этот дворец в Футтепор—Сикри — это романтика в камне, каких мало-очень мало - можно найти где угодно; и это отражение ума великого человека, который его построил, более отчетливое, чем можно легко получить из любого другого источника. [\[547\]](#)

Аллахабад был более любимой резиденцией этого монарха, чем Агра, возможно, в той же степени, что и даже Футпор-Сикри; но после того, как форт захватили англичане, его слава была почти стерта с лица земли. Самым красивым был павильон Чалис Ситун, или сорок колонн, названный так из-за того, что его количество было на главном этаже, расположенный в двух concentрических восьмиугольных рядах, один внутренний из шестнадцати колонн, другой внешний из двадцати четырех. Над ним, поддерживаемый внутренней колоннадой, находился верхний ряд из такого же количества колонн, увенчанный куполом. Это здание полностью исчезло, поскольку материалы, использованные для ремонта укреплений, потребовались. Большой зал, однако, все еще сохранился, представленный на прилагаемой гравюре на дереве (№ [332](#)). Теперь это арсенал; между его внешними колоннадами была возведена кирпичная стена с окнами английской архитектуры, а его любопытные павильоны и другие украшения убраны; а внутри все, что нельзя было удобно убрать, тщательно замазано штукатуркой и побелкой и скрыто стендами с оружием и фурнитурой из дерева. До сих пор можно разглядеть его план: квадратный зал, поддерживаемый восемью рядами колонн, по восемь в каждом ряду, всего получается шестьдесят четыре, окруженный глубокой верандой из двойных колонн, с группами по четыре по углам, все увенчаны карнизами самого элегантного и богатого рисунка, и в целом такими же изящными по стилю и богатству орнамента, как и все в Индии.

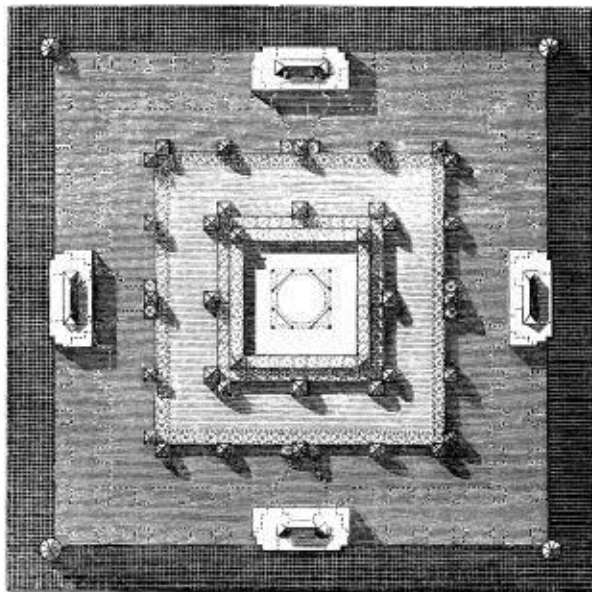

332. Зал во дворце в Аллахабаде. (С рисунка Даниэля.)

Возможно, однако, наиболее характерной из построек Акбара является гробница, которую он начал возводить для себя в Секундре, недалеко от Агры, которая совершенно не похожа ни на одну другую гробницу, построенную в Индии ни до, ни после, и дизайн которой, как я полагаю, заимствован у индуистской, или, правильнее сказать, буддийской, модели. Она стоит в обширном саду, за которым до сих пор ухаживают, и к ней ведут единственные величественные ворота. В центре этого сада, на возвышении, стоит сама гробница пирамидальной формы. Нижний этаж имеет длину 320 футов в каждую сторону, за исключением угловых башен. Он имеет 30 футов в высоту и пронизан десятью большими арками с каждой стороны, а вход большего размера украшен мраморной мозаикой в центре (Гравюры на дереве № [333](#), [334](#)).^[548]

На этой террасе стоит другая, гораздо более богато украшенная, размером 186 футов с каждой стороны и 14 футов 9 дюймов в высоту. Третий и четвертый, аналогичной конструкции, высотой соответственно 15 футов 2 дюйма и 14 футов 6 дюймов. Встаньте на это, все они из красного песчаника. Внутри и над последней находится ограждение из белого мрамора высотой 157 футов в каждую сторону или снаружи всего в половину длины самой нижней террасы, ее внешняя стена полностью состоит из мраморных решеток с самыми красивыми узорами. Внутри он окружен колоннадой или галереей из того же материала, в центре которой, на возвышении, находится надгробная плита основателя, великолепное произведение красивейшего арабескового орнамента. Это, однако, не настоящее место захоронения; но бранные останки этого великого царя покоятся под гораздо более простой надгробной плитой в сводчатом помещении в подвале площадью 35 квадратных футов, точно под имитацией гробницы, украшающей вершину мавзолея.

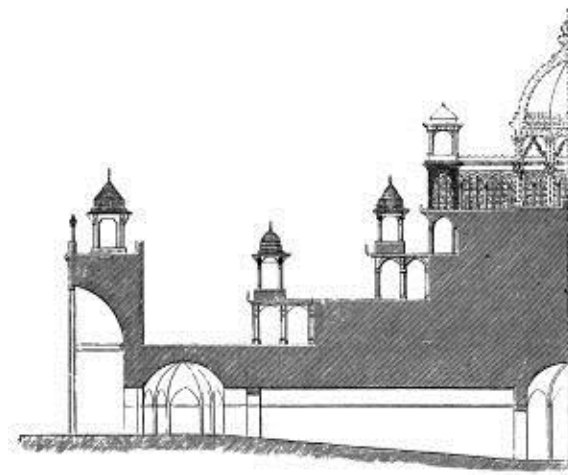

333. План гробницы Акбара в Секундре. (По плану автора.) Масштаб от 100 футов до 1 дюйма

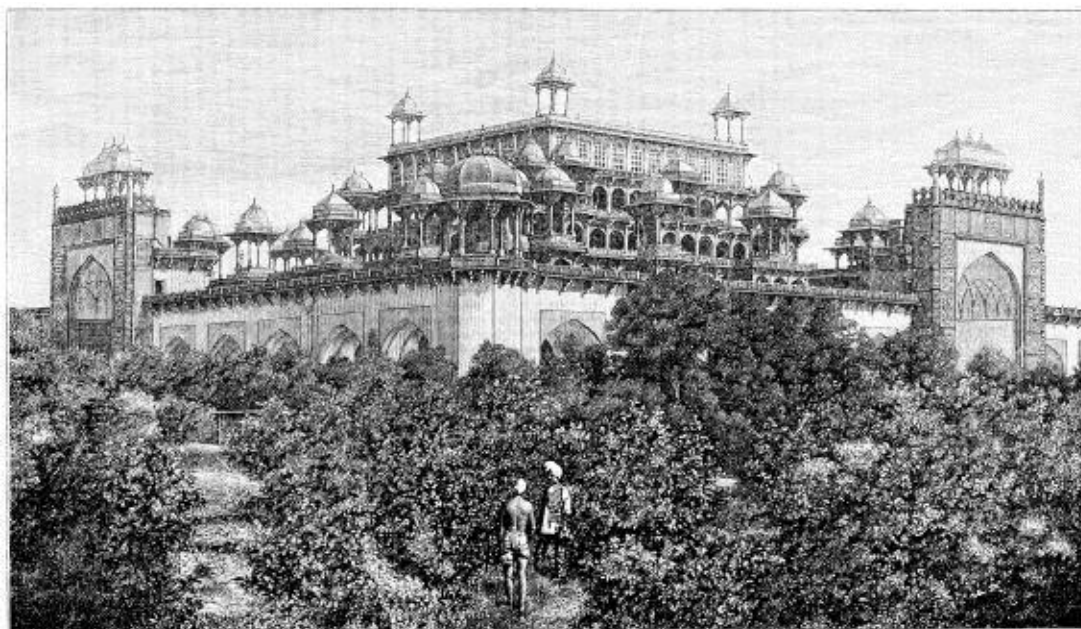
На первый взгляд может показаться, что дизайн этой любопытной и исключительной гробницы был либо прихотью монарха, который ее построил, либо привезен из-за границы ([Гравюра на дереве № 335](#)). Напротив, у меня сложилось впечатление, что это прямая имитация какого-то такого здания, как старые буддийские вихары, которые, возможно, существовали и использовались для других целей во времена Акбара. Возвращаясь, например, к гравюрам на дереве № 66 и 181, представляющим великий храм в Махавеллипоре, будет видно, что количество и пропорция этажей одинаковы. Павильоны, украшающие верхние этажи гробницы Акбара, явно напоминают кельи, расположенные на краю каждой платформы вырубленного в скале примера. Если бы гробница была увенчана куполообразной камерой над надгробием, сходство было бы настолько велико, что никто не смог бы ошибиться, и я убежден, что такая камера была частью первоначального проекта. Ни в одном индийском мавзолее нет такой царской гробницы, открытой

для воздуха; а приподнятая платформа в центре верхнего крыла площадью 38 квадратных футов настолько похожа на его основание, что я не могу отделаться от мысли, что она предназначалась именно для этой цели. В том виде, в каком памятник стоит сейчас, пирамида имеет усеченный и ничего не значащий вид.

334. Раздел схемы [\[549\]](#) половины гробницы Акбара в Секундре с пояснением ее Расположения. Масштаб от 50 футов до 1 дюйма. Общая высота здания сейчас составляет чуть более 100 футов до верха угловых павильонов, а центральный купол - 30-40 футов. более высокая пропорция, которую придает основание, кажется как раз тем, что требуется для того, чтобы сделать эту гробницу такой же красивой по очертаниям и пропорциям, как и в деталях. Если бы он был так достроен, то, несомненно, занял бы второе место после Тадже среди индийских мавзолеев. [\[550\]](#)

335. Вид на гробницу Акбара, Секундра. (С фотографии.)

ДЖЕХАНГИР, 1605-1628 гг. н. э.

Когда мы рассматриваем, как много сделали его отец и его сын, довольно поразительно обнаружить, как мало Джехангир внес в архитектурное величие Индии. Отчасти это может быть связано с тем, что у него не было той страсти к строительству, которая характеризовала этих

двух великих монархов; но отчасти также и с тем, что он сделал Лахор столицей во время своего правления и обычно проживал там, предпочитая Агру или Дели. Однако великая мечеть там, построенная им, кажется, не уступает по великолепию той, что была построена шахом Джаханом в Дели. Однако эта мечеть, по-видимому, превзошла мечеть, возведенную в городе Лахор его визирем. Он выполнен в персидском стиле, покрыт эмалированной плиткой, великолепен по цвету, но не очень изящен по форме. Его гробница, в которой он похоронен вместе со своей королевой, властной Нурджехан, была достойна своего строителя, но сикхи использовали ее как каменоломню, и половина великолепия храма в Амритсире создана мрамором, награбленным из этого мавзолея. Дворец, который он воздвиг, тоже был достоин других его построек, но он пострадал так же сильно, как и остальные. С того времени и по сей день он использовался как жилище и был настолько изменен, чтобы приспособить его к нуждам сменявших друг друга жильцов, что от его первоначального вида мало что осталось.

Однако у нас нет измерений и никакой информации об этих памятниках, которые позволили бы нам с какой-либо уверенностью говорить как о них, так и о других зданиях этого города, который, по-видимому, обязан своим главным великолепием правлению этого монарха.

На другом конце своих владений он также построил великолепную новую столицу в Дакке, вместо Гаура, и украсил ее несколькими зданиями значительных размеров. Они, однако, были в основном кирпичными, покрытыми штукатуркой, и только с колоннами и кронштейнами из камня. Следовательно, большинство из них находятся в состоянии разрушительного упадка; следует признать, что они удивительно живописны, проглядывая сквозь пышную растительность, которая разрывает их на части, но вряд ли достойны соперничать с каменными и мраморными зданиями более северных столиц.

Однако в Агре есть одно сооружение — гробница, известная как Эти-мад-Дулах, которая, безусловно, относится к этому царствованию и, хотя возведена не самим монархом, не может быть обойдена вниманием не только из-за красоты ее дизайна, но и потому, что она знаменует эпоху в стиле, к которому принадлежит. Он расположен на левом берегу реки, посреди сада, окруженного стеной высотой 540 футов с каждой стороны. В центре этого, на приподнятой платформе, стоит сама гробница, представляющая собой квадрат размером 69 футов с каждой стороны. Он двухэтажный, и на каждом углу возвышается восьмиугольная башня, увенчанная открытым павильоном. Башни, однако, довольно приземистые по пропорциям, и общий дизайн здания далеко не так приятен, как у многих менее претенциозных гробниц по соседству. Если бы он действительно был построен из красного песчаника или даже с инкрустацией из белого мрамора, как у Хумаюна, он не привлек бы особого внимания. Его истинное достоинство состоит в том, что он полностью выполнен из белого мрамора и повсюду покрыт мозаикой “пьетро дура” — первым, по-видимому, и, несомненно, одним из самых великолепных образцов этого класса орнамента в Индии.

Теперь, кажется, установлено, что в начале 17 века итальянские художники, в основном, по-видимому, из Флоренции, были завезены в Индию и научили индийцев искусству инкрустации мрамора драгоценными камнями.^[551] Насколько я знаю, в правление Акбара не встречается примеров такого способа украшения; но при шахе Джахане это стало ведущей характеристикой стиля, и как его дворцы, так и его гробницы обязаны своим основным отличием красоте способа, в котором использовалось это новое изобретение.

Высказывались сомнения в том, действительно ли это новое искусство было привнесено иностранцами или же оно не было изобретено самими уроженцами Индии. Этот вопрос, вероятно, никогда бы не возник, если бы один из фундаментальных принципов архитектуры был лучше понят. Когда мы, например, не имея собственного искусства, копируем греческую или римскую колонну или итальянскую средневековую арку в деталях, мы делаем это буквально, без каких-либо попыток приспособить это к нашему использованию или климату; но когда люди, имеющие собственный стиль, хотят перенять какую-либо особенность или процесс, принадлежащие к

какому-либо другому стилю, они не копируют, а приспособливают это к своему использованию; и именно в этом различии между принятием и адаптацией заключается вся разница. Мы бы позволили итальянцам воплотить в своих мозаиках все детали их архитектуры Чинкве-ченто. Индийцы заставили их воспроизвести с помощью своих новых материалов и процессов узоры, которые архитекторы Акбара имели обыкновение высекать на камне или инкрустировать мрамором. Каждая форма была адаптирована к месту, где она должна была использоваться. Стиль остался прежним, как и все детали; были изменены только материалы и узоры лишь настолько, насколько это было необходимо, чтобы приспособить их к более мелким и изысканным материалам, которые предстояло использовать. [\[552\]](#)

Будучи одной из первых, гробница Эти-мад-Доула, безусловно, была одним из наименее удачных образцов в своем классе. Узоры не совсем соответствуют тем местам, где они нанесены, и помещения не всегда лучше всего подходят для данного стиля оформления. В целом я не могу отделаться от мысли, что итальянцы приложили к дизайну этого здания больше усилий, чем это вообще было желательно, и именно они виноваты в недостатке изящества. Но, с другой стороны, красивый узор прорезанных мраморных плит его окон, которые напоминают окна гробницы Селима Чисти в Футтехпуре Сикри, красота его беломраморных стен и насыщенный цвет его украшений составляют настолько прекрасное целое, что только сравнивая его с работами Шаха Джехана, мы вправе придираться.

ШАХ ДЖЕХАН, 1628-1658 гг.н. э.

Было бы трудно указать во всей истории архитектуры на какое—либо столь внезапное изменение, как то, которое произошло между стилем Акбара и стилем его внука шаха Джехана, - ни на какой контраст, столь же сильный, как между мужественной энергией и буйной оригинальностью первого по сравнению с крайней, но почти женственной элегантностью второго. Конечно, когда одни и те же люди, исповедующие одну и ту же религию, строили храмы и дворцы в одной и той же местности, ничего подобного никогда не происходило ни в одной стране, история которой нам теперь известна.

Нигде контраст между двумя стилями не проявляется так ярко, как во дворце Агры — из дворца Акбара из красного камня, с его богатыми скульптурами и квадратными индуистскими постройками, дверь открывается в беломраморный двор гарема шах Джехана, со всей его слабой красотой, но в то же время отмеченный той особой элегантностью, которая встречается только на Востоке. Корт невелик, 170 на 235 футов, но в целом отделан с самой тщательной тщательностью. С трех сторон от него расположены резиденции дам, не примечательные ни размерами, ни, в их нынешнем состоянии, архитектурной красотой; но четвертую, нависающую над рекой, занимают три беломраморных павильона исключительной элегантности, хотя сейчас их нелегко разглядеть, так как какой-то английский офицер обустроил главный из них в качестве резиденции и, следовательно, покрыл полированный мрамор и изящные арабески цветов, инкрустированные драгоценными камнями, толстым слоем той побелки, которая была необходима для его представления об удобстве и элегантной простоте.

Как и в большинстве мавританских дворцов, бани по одну сторону этого двора были самыми элегантными и богато украшенными апартаментами во дворце. Бани были разрушены, но стены и крыши все еще демонстрируют элегантность, с которой они были украшены. [\[553\]](#)

Позади этого, в центре дворца, находится большой двор размером 500 на 370 футов, окруженный аркадами, к которому с противоположных концов ведут ряды красивых дворов, переходящих друг в друга великолепными воротами. С одной стороны этого двора находится большой зал дворца— деванни Аум —размером 208 на 76 футов, поддерживаемый тремя рядами аркад изысканной красоты. Она открыта с трех сторон и с нишей для трона в задней части. Это, как и зал в Аллахабаде, теперь арсенал, и он максимально приближен к тем, что находятся на наших верфях. [\[554\]](#) За ним находятся два двора поменьше, в одном из которых находится Деванни

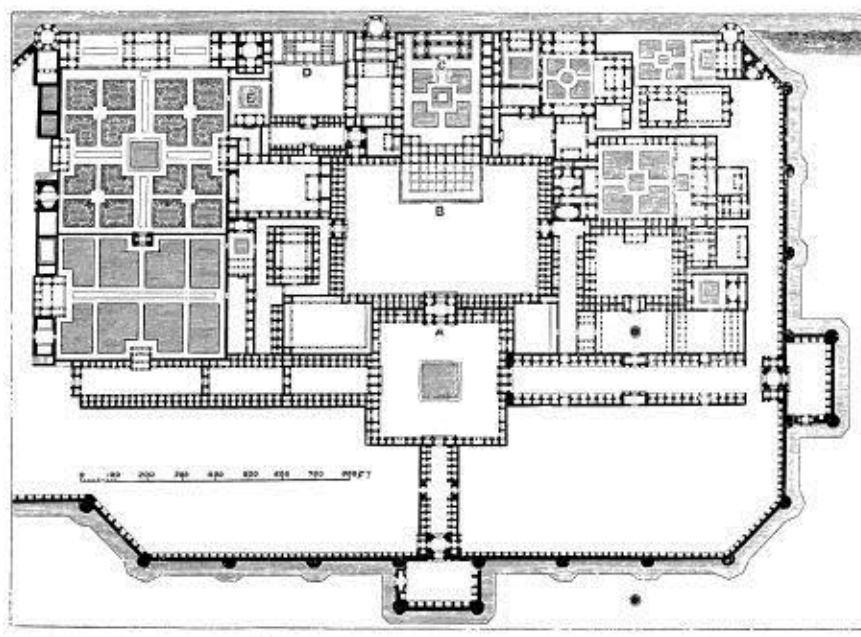
Кхас, или частный зал для аудиенций, в другом - гарем. Зал в первом - одно из самых элегантных зданий шаха Джехана, полностью выложенное из белого мрамора, инкрустированного драгоценными камнями, и оформленное в лучшем стиле его правления.

Одной из самых живописных особенностей этого дворца является двухэтажный мраморный павильон, возвышающийся над одним из круглых бастионов на берегу реки, между гаремом и Деванни Кхас. Он выглядит в более раннем стиле, чем шах Джехан, и если Джехангир что-то здесь и построил, так это это. В меньшем масштабе он занимает здесь то же место, что и Чалис Ситун во дворце в Аллахабаде; и даже в большей степени, чем в их более крупных зданиях, демонстрирует чрезвычайную элегантность и утонченность тех, кто проектировал эти дворцы. [\[555\]](#)

ДВОРЕЦ В ДЕЛИ.

Хотя дворец в Агре, возможно, более живописен и исторически, безусловно, более интересен, чем дворец в Дели, последний имел огромное преимущество в том, что был построен сразу, по единому плану и самым великолепным строителем из всех правителей Индии. Однако у него был один маленький недостаток - он находился несколько позже Агры. Все здания шаха Джехана там, кажется, были закончены до того, как он начал возведение нового города Шах Джеханабад с его дворцом, и то, что он построил в Агре, более сдержанно и с несколько лучшим вкусом, чем в Дели. Несмотря на эти недостатки, дворец в Дели является или, скорее, был самым великолепным дворцом на Востоке — возможно, в мире — и единственным, по крайней мере в Индии, который позволяет нам понять, каким было устройство целого дворца, когда оно было намеренно предпринято и выполнено по единому плану ([Гравюра на дереве № 336](#)).

Дворец в Дели, который расположен подобно дворцу в Агре, недалеко от края Джамны, представляет собой почти правильный параллелограмм со слегка скошенными углами и имеет размеры 1600 футов к востоку и западу и 3200 футов к северу и югу, за исключением ворот. Он окружен со всех сторон очень благородной стеной из красного песчаника, через определенные промежутки между которыми возвышаются башни, увенчанные киосками. Главный вход выходит на Чандни-Чоук, благородную широкую улицу длиной почти в милю, засаженную двумя рядами деревьев, по центру которой бежит ручей. Войдя в его глубоко утопленный портал, вы оказываетесь под сводчатым залом, стены которого расположены в два этажа, с восьмиугольным проломом в центре.

336. Дворец в Дели. (С местного плана, находящегося во владении Автора.)

Этот зал, общая длина которого составляет 375 футов, очень напоминает неф гигантского готического собора и образует самый благородный вход, который, как известно, принадлежит какому-либо существующему дворцу. Во внутреннем конце этот зал выходил во внутренний двор площадью 350 квадратных футов, из центра которого направо и налево простирался базар знати, как и сам зал, высотой в два этажа, но без сводов. Одна из них вела к делийским воротам, другая, которая, как мне кажется, так и не была полностью достроена, - в сад. Впереди, у входа, находилась Нобут-хана (А), или музыкальный зал, под которым посетитель попадал во второй, или большой двор дворца, размером 550 футов к северу и югу и 385 футов к востоку и западу. В центре его возвышался Деванни Аум (В), или большой зал для аудиенций дворца, очень похожий по дизайну на тот, что в Агре, но более великолепный. Его размеры, насколько я могу судить, составляют в общей сложности 200 на 100 футов. В его центре находится богато украшенная ниша, в которой на мраморной платформе, богато инкрустированной драгоценными камнями, [\[556\]](#) и прямо напротив входа, когда-то стоял знаменитый павлиний трон, самый великолепный образец в своем классе, которым, возможно, когда-либо мог похвастаться даже Восток. За ним снова был садовый дворик; на его восточной стороне находился Рунг Мехал (С), или расписной зал, в котором находились ванна и другие помещения.

Этот ряд зданий, простиравшийся на 1600 футов на восток и запад, делил дворец на две почти равные половины. В северной части города располагался ряд небольших дворов, окруженных зданиями, очевидно, предназначенными для приема высоких гостей; и в одном из них, нависающем над рекой, стоял знаменитый Деванни Хас (D), или зал частных аудиенций — если не самый красивый, то, несомненно, наиболее богато украшенный из всех зданий шаха Джехана. Конечно, он больше и украшен гораздо богаче, чем в Агре, хотя вряд ли столь элегантен по дизайну; но ничто не может сравниться с красотой инкрустации драгоценными камнями, которыми он украшен, или общей поэтичностью дизайна. Именно по крыше этого зала проходит знаменитая надпись: “Если и есть рай на земле, то это здесь, именно здесь”, которую можно смело перевести в трезвое английское утверждение, что ни один из ныне существующих дворцов в мире не обладает помещениями такой исключительной элегантности, как этот.

Дальше, к северу, располагались дворцовые сады, разбитые в обычном для Востока официальном стиле, но украшенные фонтанами, небольшими павильонами и киосками из белого мрамора, которые придают им такую красоту и так подходят для такого климата.

Вся территория между центральным рядом зданий к югу и востоку от базара, размером около 1000 футов в каждую сторону, была занята гаремом и частными апартаментами дворца, что, следовательно, более чем в два раза превышало площадь Эскуриала или, фактически, любого дворца в Европе. Согласно имеющемуся у меня туземному плану, которому я не вижу причин не доверять, он включал три двора в саду и примерно тринадцать или четырнадцать других дворов, обустроенных как для государства, так и для удобства; но на что они были похожи, мы не имеем возможности узнать. Сейчас от них не осталось ни малейшего следа. Судя по соответствующим частям дворца в Агре, построенного тем же монархом, они, должно быть, соперничали с общественными апартаментами по богатству и красоте, когда были первоначально возведены, но поскольку их продолжали использовать в качестве жилища вплоть до времен мятежа, они, вероятно, были очень сильно изуродованы. Без сомнения, за последние сто лет вкус внутри стен дворца был в таком же упадке, как и снаружи, или в том виде, в каком мы видим его в Лакхнау и других местах; но все основные части здания были на месте, и их легко можно было освободить от наростов, которые были навалены на него. Однако идея сделать это была далека от того, чтобы приходить в головы нашим губернаторам. Все гаремные дворы дворца были стерты с лица земли, чтобы освободить место для отвратительной британской казармы, и те, кто совершил этот ужасный акт вандализма, даже не подумали о том, что стоит составить план того, что они разрушают, или сохранить какие-либо записи о самом великолепном дворце в мире.

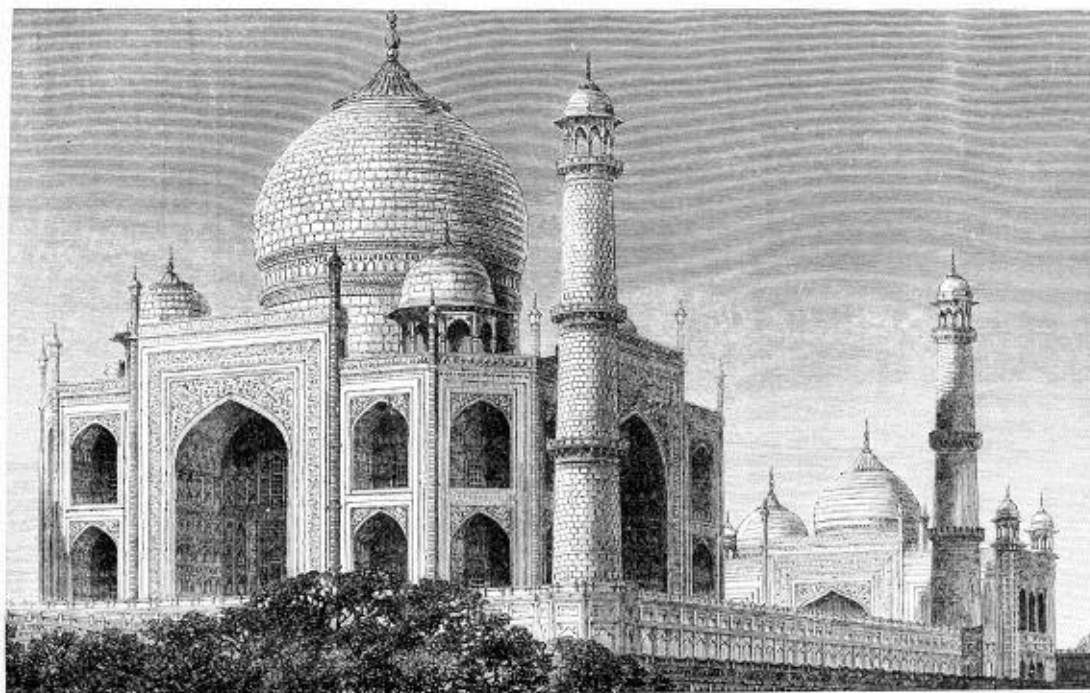
Из общественных частей дворца сейчас остались только вестибюль, Нобут-хана, Деванни—Аум и Кхас, а также Рунг-Мехал, который сейчас используется как столовая, и один или два небольших павильона. Это правда, что они являются жемчужинами дворца, но без соединяющих их дворов и коридоров они теряют все свое значение и более половины своей красоты.^[557] Находясь сейчас посреди британского казарменного двора, они выглядят как драгоценные камни, вырванные из оправы какого-нибудь изысканного изделия восточного ювелира и вкривь и вкось уложенные в подложку из самого обычного гипса.^[558]

ТАЙЕ МЕХАЛ.

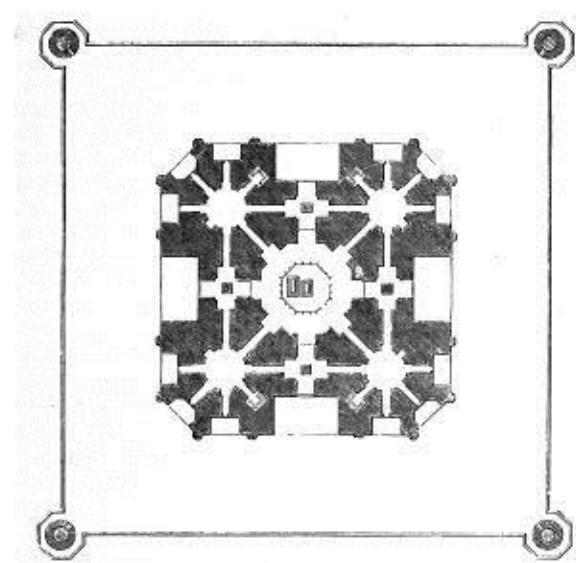
Приятно перейти от этого разрушенного и оскверненного дворца к Тадже Мехал, который, возможно, даже в большей степени, чем дворец, всегда был шедевром правления шаха Джехана ([Гравюра на дереве № 337](#)). Ему также посчастливилось привлечь внимание англичан, которые в течение некоторого времени уделяли ему пристальное внимание и сейчас поддерживают его вместе с его садами в идеальном состоянии капитального ремонта.

Ни одно здание в Индии не рисовали и не фотографировали так часто, как это, или чаще описывали; но, несмотря на все это, почти невозможно передать представление о нем тем, кто его не видел, не только из-за его чрезвычайной изысканности и красоты материала, использованного при его строительстве, но и из-за сложности его дизайна. Если бы Тайе был только самой гробницей, его можно было бы описать, но платформа, на которой он стоит, с его высокими минаретами, сама по себе является произведением искусства. За ним находятся два крыла, одно из которых является мечетью, которая в любом другом месте считалась бы важным зданием. Эта группа зданий образует одну сторону садового дворика площадью 880 квадратных футов; а за ним снова внешний дворик, такой же ширины, но только вдвое меньшей глубины. Сюда ведут три собственных входа, и в центре внутренней стены находятся большие ворота садового двора, достойная подвеска к самому Тайе.^[559] Каким бы прекрасным оно ни было само по себе, Тайе утратило бы половину своего очарования, если бы стояло отдельно. Именно сочетание стольких красот и совершенная манера, в которой каждая из них подчинена другой, составляют целое, с которым мир не может сравниться и которое никогда не перестает впечатлять даже тех, кто наиболее равнодушен к эффектам, производимым архитектурными объектами в целом.

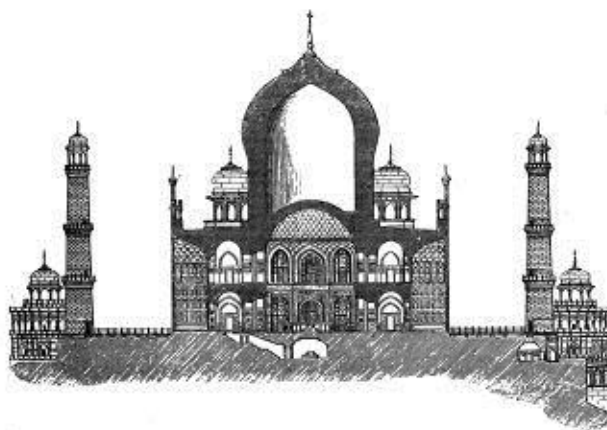
План и секция ([гравюры на дереве № 338, 339](#)) в достаточной степени объясняют общее расположение и структурные особенности гробницы или главного здания группы. Приподнятая платформа, на которой он стоит, имеет высоту 18 футов, облицована белым мрамором и площадь ровно 313 квадратных футов. В каждом углу этой террасы возвышается минарет высотой 133 фута самых изысканных пропорций, возможно, более красивый, чем любой другой в Индии.

337. Вид на Тадже Мехал. (С фотографии.)

338. План Тадже Мехала, Агра. (С плана автора.) Масштаб от 100 футов до 1 дюйма.

339. Фрагмент Тадже Мехала, Агра. Масштаб 110 футов на 1 дюйм.

В центре этой мраморной платформы возвышается мавзолей площадью 186 футов со срезанными углами на длину 33 фута 9 дюймов. Центр его занимает главный купол диаметром 58 футов и высотой 80 футов, под которым находится ограждение, образованное решеткой из белого мрамора, изысканным произведением индийского искусства.^[560] Внутри него находятся гробницы — Мумтаз-и-Мехал в центре и шах-Джехан с одной стороны. Однако, как это обычно бывает в индийских захоронениях, это не настоящие гробницы — тела покоятся в склепе на уровне поверхности земли (как видно в разделе) под более простыми надгробиями, расположенными точно под теми, что в зале выше.

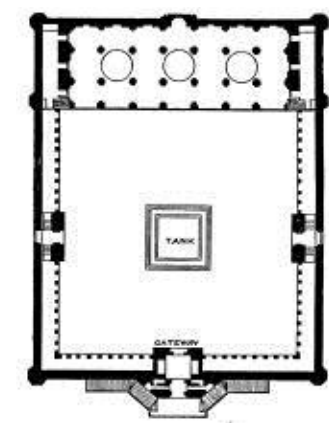
В каждом углу здания расположены небольшие двухэтажные квартиры в форме купола диаметром 26 футов 8 дюймов, соединенные, как показано на плане, различными переходами и залами.

Свет в центральную квартиру проникает только через двойные решетки из белого мрамора - работы самого изысканного дизайнера, одна на внешней, а другая на внутренней стороне стен. В нашем климате это привело бы к почти полной темноте; но в Индии и в здании, полностью построенном из белого мрамора, это было необходимо, чтобы уменьшить яркий свет, который в противном случае был бы невыносимым. Как бы то ни было, никакие слова не могут выразить сдержанную красоту этого центрального зала, видимого в мягком полумраке приглушенного света, который проникает в него через отдаленные и полузакрытые отверстия, окружающие его. Когда он использовался как Барра-Дарри, или дворец удовольствий, он, должно быть, всегда был самым прохладным и красивым из садовых убежищ, а теперь, когда он посвящен мертвым, это самая изящная и впечатляющая из гробниц мира.

Это здание также является изысканным примером той системы инкрустации драгоценными камнями, которая стала отличительной чертой стиля Великих Моголов после смерти Акбара. Все грани Тайе, все углы и более важные архитектурные детали подчеркнуты инкрустацией драгоценными камнями, такими как агаты, кровавики, яшма и тому подобное. Они объединены в венки, завитки и накладки, столь же изысканные по дизайну, как и красивые по цвету; и, дополненные чистым белым мрамором, из которого они инкрустированы, они образуют самый красивый и драгоценный стиль орнамента, когда-либо принятый в архитектуре; хотя, конечно, его нельзя сравнить с интеллектуальной красотой греческого орнамента, он, безусловно, стоит на первом месте среди чисто декоративных форм архитектурного проектирования. Этот способ украшения щедро украшает сами гробницы и ширму, которая их окружает, хотя и в незначительных количествах используется в мечети, которая образует одно крыло Тадже, или в фонтанах и окружающих зданиях. Расчетливость, с которой этот стиль орнамента распределен по

различным частям, почти так же примечательна, как и сам орнамент, и дает высокое представление о вкусе и мастерстве индийских архитекторов того времени.

Длинные ряды кипарисов, окаймляющие мраморные дорожки, пересекающие сад под прямым углом, сейчас достигли почтенного возраста; и, подкрепленные массой вечнозеленой листвы, придают всему очарование, которое основатель и его дети вряд ли могли себе представить. По центру каждой из главных аллей среди этих деревьев проходит канал с мраморными фонтанами, и каждая перспектива ведет к какому-нибудь красивому архитектурному объекту. С Джамной впереди и этим садом с его фонтанами и воротами позади; с его собственной чистотой материала и изяществом форм, Тадже может сравниться с любым творением такого же рода во всем мире. Его красота, может быть, и не самого высокого класса, но в своем классе он непревзойден.

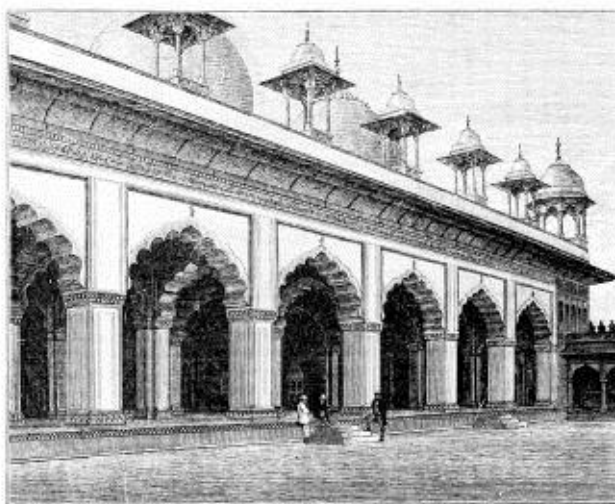
340. План Мути Мусджид.

(Из плана Бит. Каннингем.)

Масштаб от 100 футов до 1 дюйма.

Хотя Мути Мусджид, или Жемчужная мечеть, возведенная шахом Джеханом в форте Агра, не столь великолепна и не столь богато украшена, как некоторые другие его здания, она является одним из самых чистых и элегантных зданий своего класса, которые можно найти где бы то ни было ([Гравюра на дереве № 340](#)). Он невелик, его внешние размеры составляют всего 187 футов на 234 фута; и хотя он возвышается на высоком стилобате, который должен придавать ему достоинство, снаружи он не претендует на архитектурный эффект; но в тот момент, когда вы входите через восточные ворота, вид его внутреннего двора становится необычайно красивым. Вся мечеть выполнена из белого мрамора, а ее формы изящны. Единственное представленное украшение, которое не является строго архитектурным, - это надпись из черного мрамора, инкрустированная во фриз самой мечети. Внутренний двор почти квадратный, 154 на 158 футов. С трех сторон он окружен низкой колоннадой глубиной 10 футов 10 дюймов; но с запада, у самой мечети, 159 футов на 56 футов внутри. Он открывается во двор семью арками необычайной красоты и увенчан тремя куполами луковичной формы, которые стали универсальными примерно в это время ([Гравюра на дереве № 341](#)). Гравюра на дереве не может передать этого должным образом, ее нужно увидеть, чтобы оценить по достоинству; но я едва ли где-либо знаю здание, столь безупречно чистое и элегантное, или такое, которое образует такой удивительный контраст со зданиями Акбара в том же дворце.

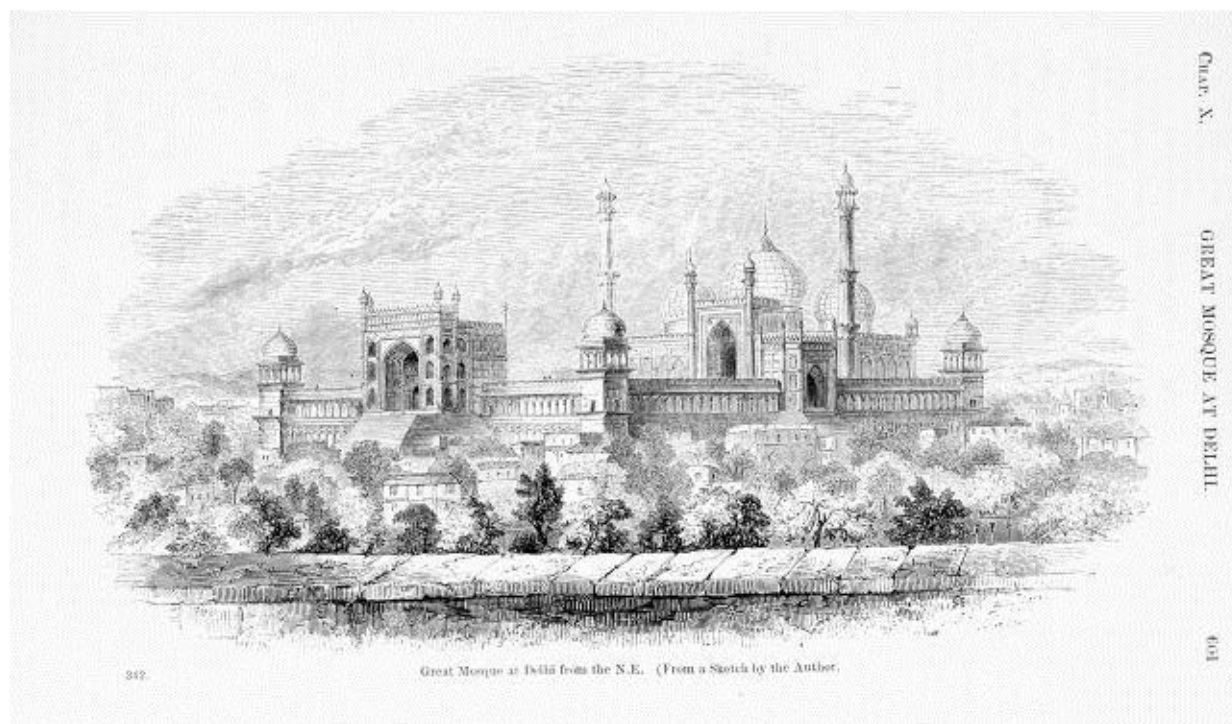

341. Вид во внутреннем дворе Мути Мусджид, Агра. (С фотографии.)

Джумма Мусджид в Дели по плану мало чем отличается от Мути Мусджид, хотя построен в гораздо большем масштабе и украшен двумя благородными минаретами, которых нет в примере с Агрой; хотя из-за несколько причудливого сочетания красного песчаника с белым мрамором он далек от той же элегантности и чистоты эффекта. Однако это одна из немногих мечетей ни в Индии, ни где-либо еще, которая спроектирована так, чтобы производить приятное впечатление снаружи. Как видно из гравюры на дереве (№ [342](#)), она расположена на высоком цоколе, и ее три входа в сочетании с четырьмя угловыми башнями, фронтисписом и куполами самой мечети создают дизайн, в котором все части приятно подчинены друг другу, но в то же время создают в целом большое разнообразие и элегантность. Его главные ворота нельзя сравнить с воротами в Футпуре Сикри ([Гравюра на дереве № 331](#)); но это благородный портал, и благодаря своим меньшим размерам он больше гармонирует с объектами, которые его окружают.

Глядя на великолепную мечеть, которую Акбар построил в своем дворце в Футтехпуре Сикри, и Мути Мусджид, которой шах Джехан украсил дворец в Агре, немало странно, что он не предусмотрел места для богослужения в своем дворце в Дели.

Маленькая мечеть Мути, которая сейчас находится там, была пристроена Аурунгзебе и, хотя сама по себе достаточно красива, очень мала, всего 60 квадратных футов, и совершенно недостойна такого дворца. В стенах дворца нет места для молитвы времен шаха Джехана, и, по-видимому, никто не собирается его предоставлять. Джумма Мусджид находилась так близко и, по-видимому, являлась частью того же проекта, что, по-видимому, было сочтено достаточным для восполнения этого явно аномального недостатка.

AURUNGZEBE, A.D. 1658-1707.

В истории этого стиля мало что было более поразительным, чем стремительный упадок вкуса, начавшийся с приходом к власти Аурунгзебе. Могущество империи Великих Моголов достигло своей кульминации в его правление, и, по крайней мере, до конца его правления не было заметно никаких внешних признаков упадка. Даже если бы его угрюмый нрав не побудил его тратить много денег на дворцы или гражданские здания, можно было бы подумать, что его религиозный фанатизм позволил бы ему превзойти своих предшественников по размаху или великолепию их мечетей или религиозных учреждений. Однако это далеко не так. Он действительно, как упоминалось выше, снес храм Вишвешвар в Бенаресе, чтобы воздвигнуть мечеть, чьи высокие и изящные минареты до сих пор являются одной из самых заметных особенностей любого вида на город. Однако это было сделано не из любви к архитектурному великолепию, а для того, чтобы оскорбить его индуистских подданных и отметить триумф ислама над индуизмом. Сама мечеть не отличается большим великолепием, но, насколько я знаю, во время его правления не было возведено ничего более важного.

Мало что может показать, насколько неуклонно и быстро наступил упадок вкуса, чем тот факт, что, когда этот монарх проживал в Аурунгабаде в 1650-70 годах, потеряв свою любимую дочь Рабию Дурани, он приказал своим архитекторам воспроизвести точную копию знаменитой гробницы своего отца, Тадже Мехал, в честь ее памяти. Они верили, что делают это, но разница между двумя памятниками, даже за столь короткий промежуток времени, поразительна. Первый выделяется в мире определенными качествами, которые все могут оценить; второй ни в коем случае не отличается какими-либо качествами элегантности или дизайна и едва избежал вульгарности и безвкусицы. В начале нынешнего столетия более буквальная копия Таје была установлена в Лакхнау над могилой одного из его правителей. Однако в этом последнем безраздельно царят безвкусица и безвкусица. Трудно понять, как вещь может быть так похожа по форме и так непохожа по духу; но это так, и эти три аспекта образуют очень совершенную шкалу, по которой можно измерить упадок искусства с тех пор, как династия великих Моголов миновала свой зенит и начала свою стремительную карьеру вниз.

Сам Аурунгзебе похоронен в небольшой деревушке прямо над пещерами Эллары. Это место считается священным, но гробница ничтожна настолько, что ее хватило бы любому из его вельмож. Он, по-видимому, пренебрег обеспечением себя этим необходимым дополнением к славе татарина, а его преемники были слишком слабы, даже если бы и были склонны восполнить это упущение. Как ни странно, священное дерево индусов Тулси пустило корни в расщелине кирпичной кладки и процветает там, словно в насмешку над самым фанатичным преследователем, которого когда-либо встречали индусы.

У нас почти ничего не осталось от работ Аурунгзебе, за исключением, как уже отмечалось, нескольких пристроек к дворцу в Дели; но во время его правления было возведено много великолепных дворцов, как в столице, так и в других местах. Самым обширным и великолепным из них был тот, который построил его честолюбивый, но неудачливый сын Дара Шекох. Он, однако, был преобразован в английскую резиденцию; и улучшения с помощью штукатурки и

побелки сделали свое дело настолько основательно, что требуется некоторая изобретательность, чтобы выяснить, что это не было полностью работой англосаксов.

В городе Дели многие дворцы эпохи Аурунгзебе избежали этой профанации, но, как правило, они либо находятся в руинах, либо используются в качестве магазинов; и при всем их великолепии слишком явно демонстрируют упадок стиля, который тогда уже наступил, и который еще более очевиден в современных столицах Ауде, Гидрабаде и других городах, значение которых возросло за последние сто лет.

Однако даже эти капитали не лишены зданий дворцового класса, которые своими размерами и живописностью форм заслуживают внимания, и глазу, воспитанному среди гипсового великолепия Альгамбры, показались бы объектами немалого интереса и красоты. Однако лишь немногие из них построены из мрамора или квадратного камня: большинство из них построены из кирпича или бутового камня, а орнаменты покрыты лепниной, что в сочетании с неполноценностью их дизайна всегда мешает любоваться ими в непосредственной близости от великолепия Агры и Дели.

В истории магометанского искусства Индии, которая претендовала на исчерпывающую полноту, прежде чем закончить, было бы необходимо описать множество второстепенных построек, особенно гробниц, которые встречаются в каждом уголке страны. Ибо в дополнение к императорским гробницам, упомянутым выше, окрестности Агры и Дели переполнены гробницами придворной знати, некоторые из которых едва ли менее великолепны, чем мавзолеи их хозяев.

Однако, помимо гробниц в столицах империи, едва ли найдется сколь-нибудь важный город во всем течении Ганга или Джамны, даже так далеко на восток, как Дакка, который не обладал бы некоторыми образцами этой формы архитектурного великолепия. Джаунпурский и Аллахабадский храмы особенно богаты примерами; но в Патне и Дакке находятся две самые приятные гробницы меньшего класса, которые можно встретить где угодно.

УДЕ И МАЙСУР.

Если бы стоило выгравировать достаточное количество иллюстраций, чтобы сделать тему понятной, одну или две главы можно было бы очень легко заполнить описанием архитектуры этих двух династий. Майсур, хотя и просуществовавший всего сорок лет — 1760-1799 гг. н.э., был достаточно далек от европейского влияния, чтобы придерживаться стиля, сохранившего что-то от истинного архитектурного характера. Павильон под названием Дериа Доулут в Серингапатаме чем-то напоминает по стилю почти современный дворец в Диге, но более слабый и носит гораздо менее декоративный характер.^[561] Гробница основателя династии и окружающие ее мавзолеи также сохраняют воспоминания о былом величии, но не выдерживают сравнения с императорскими гробницами Агры и Дели.

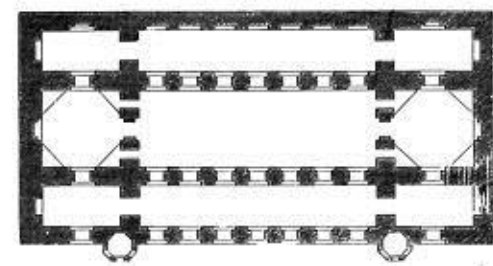
С другой стороны, гробница Сафтара Юнга, основателя династии Лакхнау, расположенная недалеко от Кутуба в Дели, не совсем недостойна местности, в которой она находится. Несмотря на столь позднюю дату постройки (1756 г.н.э.), издаലെка он выглядит величественно, но не выдерживает пристального осмотра. Даже такой квалифицированной похвалы вряд ли можно удостоить какое-либо из зданий в столице, в которых окончательно утвердился его династия.

Если бы массы и богатства орнаментов было достаточно самих по себе, чтобы составить архитектуру, то немногие столицы Индии могли бы продемонстрировать их в такой степени, как Лакхнау. На самом деле удивительно наблюдать, до какой степени эта династия наполнила свои столицы великолепными зданиями за одно короткое столетие своего существования, но все они — или за наименьшим возможным исключением — были выполнены в наихудшем вкусе. Что бы ни говорили о Ренессансе или возрождении классической архитектуры в Европе в 16 веке, в Индии это было настоящим несчастьем. Неразумная вульгарность, с которой там используются “Порядки” людьми, способными на такие благородные поступки в своем собственном стиле,

является одним из самых поразительных явлений в истории архитектуры. Эта тема вряд ли относится к данной работе и уже рассматривалась в "Истории современной архитектуры".^[562]

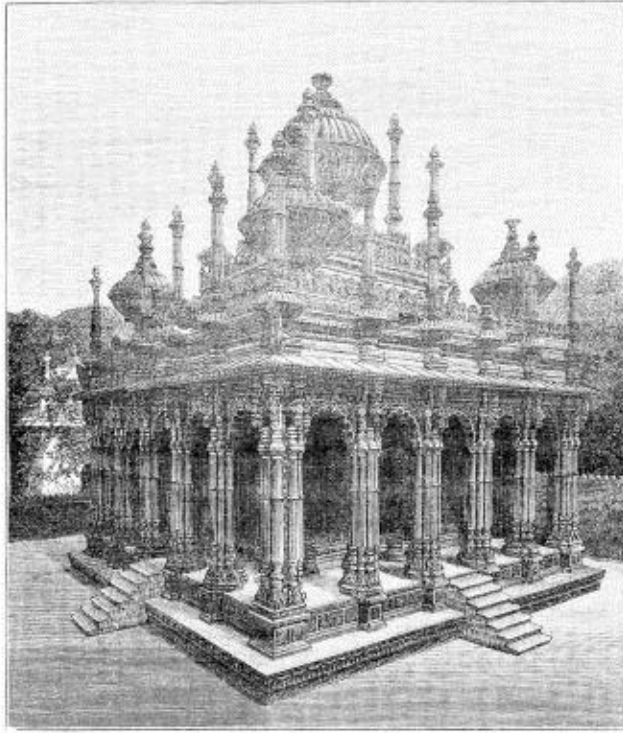
Однако даже в Лакхнау есть несколько зданий, в которые не проникла европейская закваска, и которые достойны упоминания в одном томе с работами их предков. Среди них - великая Имамбара, которая, хотя ее детали не выдерживают слишком пристального изучения, все же задумана в таком грандиозном масштабе, что дает право поставить ее в один ряд со зданиями более ранней эпохи.

Как видно из плана Имамбары ([Гравюра на дереве № 343](#)), основная квартира имеет длину 162 фута на 53 фута 6 дюймов. широкий. С двух сторон расположены веранды шириной соответственно 26 футов 6 дюймов и 27 футов 3 дюйма, а на каждом конце восьмиугольная квартира диаметром 53 фута, таким образом, все внутренние размеры составляют 263 фута на 145 футов. Это огромное здание покрыто сводами очень простой формы и еще более простой конструкции, состоящими из бутового камня или крупнозернистого бетона толщиной в несколько футов, который укладывается на грубую форму или центровку из кирпичей и глины и выдерживается год или два для схватывания и высыхания. Затем центровка снимается, и свод, будучи цельным, стоит без опор или упоров, что, по-видимому, является лучшей и более долговечной формой крыши, чем наши самые современные готические своды; безусловно, гораздо дешевле и гораздо проще в изготовлении, поскольку он буквально отлит из глины, которой можно придать любую форму, какую только продиктует фантазия архитектора.

343. План Имамбары в Лакхнау. (По замерам автора.) Масштаб от 100 футов до 1 дюйма.

Было бы любопытным и поучительным предметом для размышлений попытаться выяснить, какова была бы судьба магометанской архитектуры в Индии, если бы на нее не повлияло европейское влияние. Материалы для расследования немногочисленны, но мы можем предположить, что упадок наступил задолго до смерти Аурунгзебе. Также очевидно, что в таких зданиях, которые были возведены в Агре или Дели в конце 18 века, даже там, где не прослеживается европейского влияния, ощущается слабость и недостаток истинного восприятия, хотя иногда они сочетаются со значительной степенью элегантности. Там, однако, расследование провалилось, потому что европейское влияние дало о себе знать еще до того, как произошли какие-либо реальные изменения, но в отдаленных уголках прогресс вниз стал очевиден без какой-либо посторонней помощи.

344. Гробница покойного Наваба Джунагура. (С фотографии.)

Частично так обстоит дело, как только что упоминалось, в Майсуре; но есть кладбище в Джунагуре, в Гуджерате, где существует группа гробниц, все возведенных в этом столетии, некоторые - за последние двадцать или тридцать лет, которые более других, насколько я знаю, демонстрируют формы, к которым тяготел стиль. Стиль не лишен определенной элегантности в деталях ([Гравюра на дереве № 344](#)). Узор окон часто завораживает своей красотой, а вся резьба выполнена с точностью и уместностью - но все это деревянное, или, другими словами, каждая деталь больше подошла бы для буфета, или кровати, или любого предмета обивки, чем для каменного здания. Особенно трудно проследить величественную и торжественную форму куполов, которые использовали патанские архитекторы. Вершины причудливы, а кронштейны предназначены скорее для украшения, чем для работы. Фактически, это стиль, оторвавшийся от истинных принципов конструктивного дизайна, и когда это так, никакое количество украшений, какими бы элегантными они ни были, не искупит недостаток приличия, который они неизбежно демонстрируют.

Однако любопытно и поучительно, завершая нашу историю архитектуры в том виде, в каком она практиковалась в пределах собственно так называемой Индии, отметить, насколько полно мы ходили по кругу. Мы начали с того, что проследили, как за двести лет до Рождества Христова деревянный стиль постепенно приобретал каменные формы и постепенно развился в стиль, в котором почти не осталось следов дерева. В заключение мы находим стиль Хуллабида и Биджапура, или Дели, возвращающийся к формам, подходящим для плотницкого дела, но столь же неподходящим для каменной кладки, как перила или ворота в Бхархуте или Санчи. Возможно, некоторое время назад стоило бы обсудить вопрос о том, есть ли вероятность, что она погибнет, если будет упорствовать в этом неправильном направлении. Однако сейчас это исследование кажется бесполезным, поскольку следует опасаться, что смертельный удар будет нанесен, как в Лакхнау и других местах, фатальным подражанием иностранному стилю.

ГЛАВА XI.

ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО.

Содержание.

Мечеть шаха Хамадана, Шринаггер.

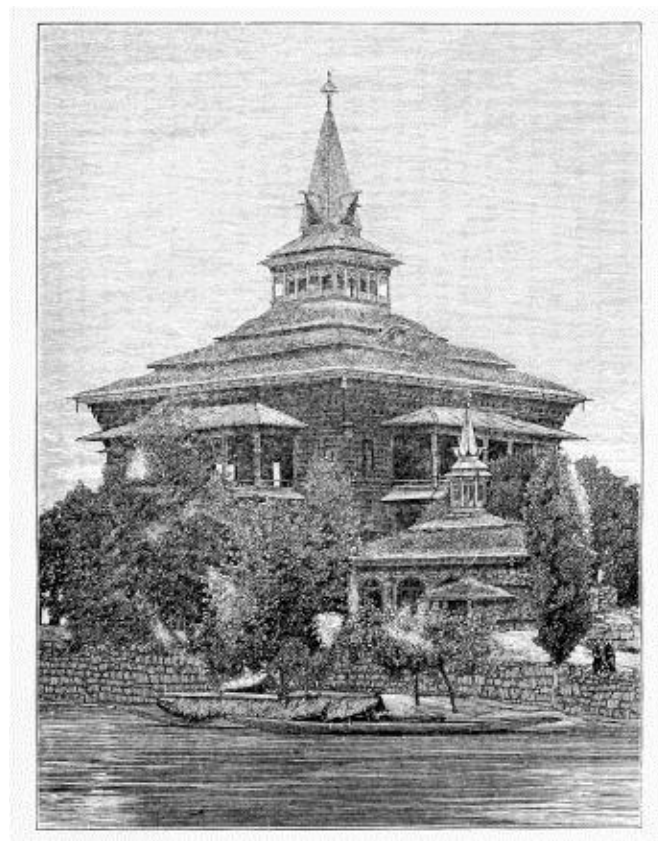
КАШМИР.

ВОЗВРАЩАЯСЬ ненадолго от этого квазидеревянного стиля, который является лишь признаком упадка и ветхости, было бы приятно, если бы мы могли закончить наше повествование описанием настоящего деревянного стиля, как он существует в Кашмире. Джумма Мусджид в городе Шринаггер - большое и важное здание, и хотя оно не такое великолепное, как некоторые из описанных на предыдущих страницах, представляет большой интерес, поскольку спроектировано для строительства из дерева, и только из дерева. Следовательно, знание его особенностей во многом помогло бы нам в понимании многих проблем, возникающих при изучении истории архитектуры Индии. К сожалению, это не фешенебельное здание, и из 1001 туриста, посетившего долину, никто не упоминает о нем, и ни один фотограф еще не установил свою камеру на ее территории.^[563]

Его планировка, по-видимому, обычная: внутренний двор, окруженный галереями, более длинный и возвышенный со стороны, обращенной к Мекке, его особенность в том, что все колонны, поддерживающие его крышу, сделаны из сосны Деодар - разумеется, не для имитации камня или каменных построек, а настоящих деревянных форм, как в бирманских монастырях и других местах. Резьба на них, я полагаю, богатая и красивая, и, хотя она обветшала, эффект, как говорят, все еще необычайно приятный.

В том же городе есть еще одна мечеть, известная как мечеть Шаха Хамадана ([Гравюра на дереве № 345](#)), которая также построена полностью из дерева, и хотя она намного меньше Джумма Мусджид, интересна, в первую очередь, потому, что ее крыша, вероятно, очень похожа на ту, что когда-то покрывала храм в Мартанде ([гравюра на дереве № 161](#)), а венчающий ее орнамент, очевидно, является реминисценцией буддийской башни, сильно измененной, надо признать, но все же не такой уж непохожей на некоторые другие. встречается в Непале, например, в Сваямбунатхе ([Гравюра на дереве № 170](#)) и в других местах.

345. Мечеть шаха Хамадана, Шринаггер. (С фотографии.)

Стены тоже представляют для нас интерес, потому что способ расположения бревен и их орнаментация напоминает орнамент ориссанских храмов более отчетливо, чем любые каменные формы, которые мы можем вспомнить. Способы обработки камня в башне великого храма в Бхуванешваре ([Гравюра на дереве № 233](#)), Муатр Серай и других тамошних храмах производят настолько близкий эффект, что не кажется невероятным, что они могли быть заимствованы с какого-нибудь подобного оригинала. Способ, которым вырезаны ориссанские храмы, и степень использования этого класса орнаментов также гораздо больше наводят на мысль о деревянном, чем о каменном происхождении.

Однако это вопросы, которые можно с пользой обсудить только тогда, когда мы будем знать об этом кашмирском стиле больше, чем сейчас. Когда будут доступны необходимые для этой цели материалы, останется несколько глав, которые будут представлять больший интерес или которые более достойно завершат историю архитектуры Индии, чем те, в которых рассказывается об истинных и ложных стилях деревянного искусства, с которых начинается повествование и которыми оно также заканчивается.

КНИГА VIII.

ДАЛЬНЯЯ ИНДИЯ.

ГЛАВА I.

БИРМА.

Содержание.

Вводная часть —Руины монастырей Тхатун, Проме и Паган—Круглые Дагобы.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕСЛОВО.

ТНЕ Стили архитектуры, описанные в предыдущих главах этого тома, практически исчерпывают перечень всех тех, которые практиковались в собственно Индии с прилегающим к ней островом Цейлон с самого раннего рассвета наших знаний до наших дней. Таким образом, можно было бы рассматривать их описание как произведение, завершенное само по себе, и завершить его без ссылки на другие стили, практикуемые в соседних странах. Однако это значительно повысит не только интерес, но и полноту работы, если история будет продолжена через архитектурные формы тех стран, которые приняли религии, происходящие из Индии, и позаимствовали у них архитектурные формы, которые с большей или менее отчетливостью выражали, насколько их религиозные верования отличались или совпадали с верованиями страны, из которой они произошли.

Первой из этих стран, к которой мы, естественно, обратимся, является Бирма, которая приняла религию Сакья Муни в очень ранний период и позаимствовала также многие индийские формы архитектуры, но с различиями, которые мы сейчас затрудняемся объяснить. Возможно, поскольку мы практически ничего не знаем об архитектурных формах провинций Нижней Бенгалии до начала VI века, эти формы, возможно, были перенесены в Проме и Пегу до того времени; или, возможно, северный или тибетский элемент проник в Бирму через северные горы каким-то путем, по которому мы сейчас не можем следовать. Это интересные проблемы, которые мы не сможем решить, пока у нас не будет более критических знаний о бирманских зданиях, чем мы имеем сейчас. Благодаря усердию и уму некоторых недавних английских путешественников, мы действительно много знаем о бирманском искусстве. Работы Саймса,^[564] Кроуферда,^[565] и, прежде всего, полковника Юла,^[566] изобилуют информацией; но то, что они сделали, было сделано в промежутках, которые они смогли вырвать у насущной общественной обязанности. Что действительно требуется, так это чтобы какой-нибудь квалифицированный человек специально занялся этим предметом и путешествовал по стране только с одной целью - исследовать ее древности. С теми знаниями, которые у нас теперь есть, шесть месяцев, проведенных на такой миссии, должны рассказать нам все или почти все, что мы сейчас хотим знать.^[567] Пока это не сделано, мы должны довольствоваться тем, что оставляем многое еще не объясненным будущими исследователями.

ВОТ ТАК.

Самое раннее по-настоящему достоверное упоминание об этих странах, которое у нас есть, содержится в "Махавансо". Там рассказывается, что после третьего созыва —246 г. до н.э. — Ашока отправил двух миссионеров, Соно и Уттаро, в Суверна Бхуми, Золотую Землю, нести радостную весть о религии Победителя.^[568] Теперь совершенно точно установлено, что этим местом почти наверняка был Золотой Херсонес классических географов, расположенный на реке Ситанг и ныне называемый Тэтун, примерно в сорока милях к северу от Мартабана.^[569] Поскольку он перестал быть важным местом либо из-за заиливания реки, либо из-за возвышения суши, сейчас это больше не порт; но не может быть никаких сомнений в том, что в течение нескольких столетий до и после христианской эры это был торговый центр, через который осуществлялась очень значительная

часть торговли между Китаем и западным миром. Линия прохода, по-видимому, проходила через Бенгальский залив от дельты Кистны и Годавери; и именно этому торговому пути мы, вероятно, обязаны возникновением и значением Амравати, пока его не заменил прямой морской путь из Гуджерата и западного побережья Индии в VI веке. Это место было разграблено и полностью разрушено, согласно сэру А. Файру, в 1080 году нашей эры Анауратой, королем Пегу; но задолго до этого оно пришло в упадок из-за растущего значения Пегу, который был основан в 517 или 573 году нашей эры. [\[570\]](#)

Единственное описание его руин принадлежит святому Андрею Сент-Джону во втором томе упомянутого выше 'Феникса'; но они даже сейчас кажутся очень обширными, несмотря на запущенность и последующий упадок. Стены все еще можно проследить на протяжении 7700 футов в одном направлении на 4000 футов. в другом они окружают правильную продолговатую территорию площадью более 700 акров. В этом ограждении находится несколько старых пагод, некоторые, к сожалению, недавно отремонтированы, но все они имеют форму, с которой мы еще не встречались, хотя вскоре увидим, когда речь пойдет о Яве.

Главная пагода здесь, как и все остальные, построена из тесаного латерита. Его основание представляет собой квадрат размером 104 фута в каждую сторону и высотой 18 футов; второй этаж имеет площадь 70 квадратных футов и 16½ футов в высоту; третий 48 квадратных футов и 12 футов в высоту. Сейчас на этом месте стоит круглая пагода, общая высота которой достигает 85 футов. Мистер Сент-Джон полагает, что эта круглая часть может быть намного современнее остальных, но он добавляет: "весь фасад пагоды покрыт резьбой в виде узоров; но самая примечательная часть - это второй этаж, на который ведут четыре лестничных пролета, по одной в центре каждого фасада. Все это, по-видимому, было украшено скульптурами самого замысловатого характера".

Похоже, нет данных, которые позволили бы нам с уверенностью установить дату постройки этой или других подобных пагод в этом месте, и нет фотографий, которые позволили бы нам с уверенностью говорить об их деталях, о чем приходится сожалеть, поскольку именно в таком старом городе, как этот, мы можем ожидать найти те ранние формы, которые могут объяснить многое из того, что сейчас непонятно в последующих примерах. Тат-Тун был ровесником Анурадхапуры на Цейлоне, и при тщательном изучении он мог бы сделать столько же для квадратной формы храма, сколько островная столица может сделать для круглой формы. Однако их наибольший интерес вызвал бы тот свет, который они могли бы пролить на квадратные храмы Пагана и других бирманских городов, происхождение которых до сих пор было невозможно объяснить. Между тем, стоит иметь в виду тот факт, что мы находим здесь квадратные трехэтажные пагоды, которые, безусловно, были возведены до 1080 г. н.э., когда город был разрушен, и, вероятно, до 6 века, когда его практически вытеснил рост нового города и королевства Пегу.

ПРОМЕ.

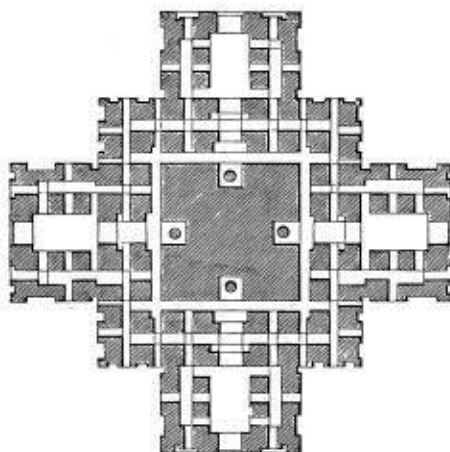
Если мы можем доверять бирманским летописям, Проме был столицей еще в 101 год Веры, или после Нирваны Будды. [\[571\]](#) Другими словами, представляется вероятным, что буддийские миссионеры второго созыва, состоявшегося при Каласоке в предыдущем году (433 г. до н.э.), обосновались здесь и ввели новую религию в страну. [\[572\]](#) Реальной политической столицей страны в то время, по-видимому, был Тагунг, расположенный на полпути между Авой и Бхамо, в Верхнем Иравади. [\[573\]](#) Однако Проме, по-видимому, сохранял статус религиозной столицы до А.Д. 107 г. н.э., когда две столицы были объединены под названием Old Pagan на северном участке, чтобы быть снова перенесенными в New Pagan, ниже Ava, примерно в 847 году. [\[574\]](#) Верхний Паган, по-видимому, посетил капитан Ханней в 1835 году н.э., а впоследствии и другие, и останки описаны как обширные, но слишком разрушенные и затемненные джунглями, чтобы допустить какое-либо научное исследование. Те, что из Проме, вероятно, были бы еще интереснее; но я не знаю ни

одного описания, которое позволило бы нам установить, что они собой представляют на самом деле. У меня есть фотографии некоторых дагоб — слишком высоких, чтобы быть очень старыми, — но без некоторых лепных украшений или архитектурных деталей невозможно даже предположить их возраст; так что практически архитектурная история Бирмы начинается с основания Пагана в середине 9 века, а поскольку он был разрушен китайцами, или, скорее, татарской армией Хубилай-хана, в 1284 году,^[575] его слава длилась немногим более четырех столетий. Однако в тот период он был украшен очень обширной серией памятников, большинство из которых до сих пор находятся в состоянии весьма сносной сохранности.

Таким образом, можно заметить, что взлет и падение Пагана, насколько это возможно, совпадают с взлетом и падением Поллонаруа на Цейлоне; но бирманский город, по-видимому, превзошел столицу Цейлона как по размаху своих зданий, так и по их великолепию. Их различия также, как по форме, так и в деталях, весьма примечательны, но при надлежащем исследовании они могли бы пролить свет на многие религиозные и этнографические проблемы, которые сейчас очень неясны.

Язычник.

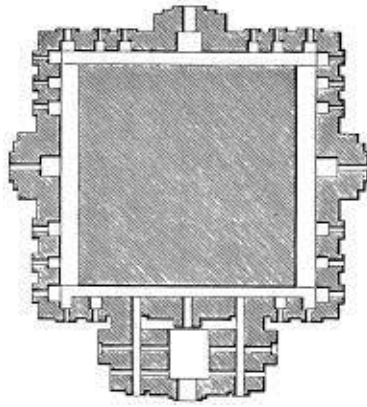
Руины Пагана простираются вдоль реки примерно на восемь миль в длину при средней ширине около двух миль, и, по оценкам полковника Юла, на этом пространстве все еще можно проследить остатки 800 или 1000 храмов. Некоторые из них отличаются большим великолепием и поддерживаются в состоянии ремонта; но основная их часть находится в руинах, а формы большей части едва различимы.

346. План храма Ананды. (Из Йоля.) Масштаб от 100 футов до 1 дюйма.

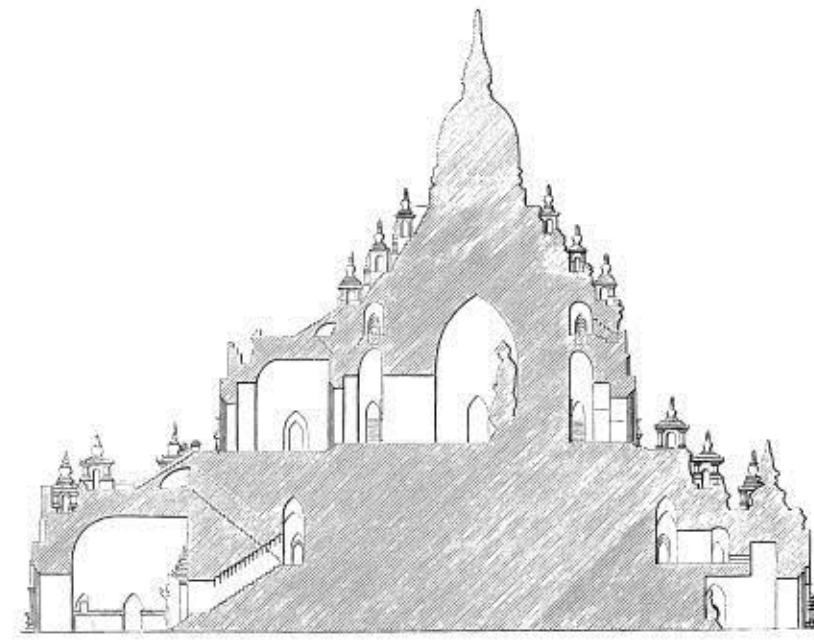
Из них одно из самых замечательных - это имя Ананды. Как видно из прилагаемого плана ([гравюра на дереве № 346](#)), это квадрат площадью почти 200 футов с каждой стороны, с выступающими портиками на каждой грани, так что его ширина составляет 280 футов в каждую сторону. Как и все великие пагоды города, она имеет семь этажей в высоту; шесть из них квадратные и плоские, каждый уменьшающийся в размерах, чтобы придать всему пирамидальную форму; седьмой, который является или имитирует келью храма, имеет форму индуистского или джайнского храма, в данном случае весь он возвышается на высоту 183 фута.

347. План Тапины. (Из Йоля.) Масштаб от 100 футов до 1 дюйма.

Внутренне здание чрезвычайно прочное, его пересекают только два узких concentрических коридора; но в задней части каждого выступающего трансепта есть ниша, наиболее искусственно освещенная сверху, в которой стоит статуя Будды высотой более 30 футов. Это соглашение мы находим в Chaumuk храм в Палитане и Садри ([ксилография года № 133](#)), как Джайна храмов 15 века, и которая поэтому весьма удивительно найти здесь еще в 11 веке (а. д. 1066^[576]); но форма и расположение этих храмов настолько не похожи, что мы находим в другом месте, что мы должны быть готовы к любому количеству аномалий.

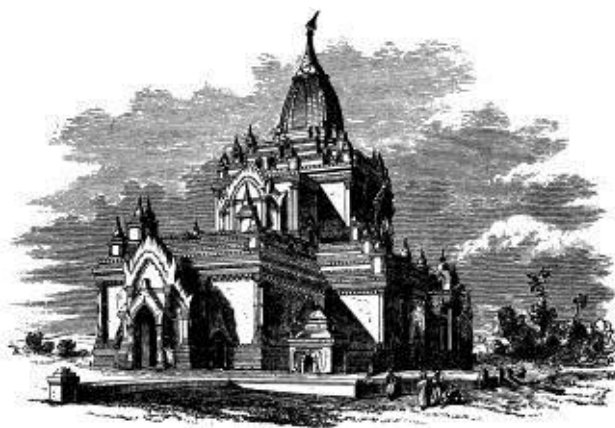

348. Фрагмент Тапины. (Из Йоля.) Масштаб от 50 футов до 1 дюйма.

Следующим по рангу после этого является Тапиња - Всеведущий— возведенный примерно в 1100 году внуком царя, построившего Ананду. Он очень похож на Ананду как по размерам, так и по плану, за исключением того, что у него только одно крыльцо вместо четырех и, следовательно, только одна огромная статуя в его камере вместо четырех, стоящих спина к спине. Его высота составляет 201 фут, и он самый высокий в этом месте (Гравюры на дереве № [347](#), [348](#)).

Третьим по значимости называется Гаудапален, построенный в 1160 году. Этот храм меньше только что упомянутых, но богатство и красота деталей компенсируют его более миниатюрные размеры.

Дхамаянги, ныне находящийся в руинах, по размерам почти равен Ананде и очень похож на нее по плану и дизайну; в то время как один из них, называемый Сем Био Ку, в деталях является самым красивым из всех.

349. Вид на храм Гаудапален. (Из Йоля.)

Общий вид этих храмов будет понятен из прилагаемого вида ([Гравюра на дереве № 349](#)) того, что называется Гаудапален, и их общего расположения из раздела Тапинья, план которого дан ([гравюра на дереве № 347](#)). Все они настолько похожи, что нет необходимости множить иллюстрации, единственное реальное различие заключается в большем или меньшем количестве орнамента в лепнине, который был нанесен на каждую из них.

Первое, что поражает исследователя при изучении этих храмов, - это их поразительное непохожесть ни на что на индийском континенте. Они не являются вершинами ни в каком смысле этого термина, равно как и вихарами. Единственное встреченное нами до сих пор здание, на которое они хоть как-то похожи, - это семиэтажный Прасад в Поллонаруа ([Гравюра на дереве № 106](#)), который, без сомнения, принадлежит к тому же классу. Возможно, что квадратные пагоды в Тхатуне, при надлежащем рассмотрении, могут содержать объяснение, которое мы ищем. Очевидно, они были не единственными, и при поиске все еще можно найти много других примеров. Однако в целом я склонен полагать, каким бы невероятным это ни казалось на первый взгляд, что их настоящие синонимы можно найти в Вавилонии, а не в Индии. Бирс Нимруд, как и они, представляет собой семиэтажный храм с внешней лестницей, ведущей в венчающую его келью или святилище. Конечно, за семнадцать столетий, прошедших между возведением двух зданий, произошли значительные изменения. Самые нижние лестницы в Бирме стали внутренними; в Вавилонии они, по-видимому, были внешними. В начале третьего пролета в Bigs сэр Генри Роулинсон обнаружил остатки трех ниш. В Раган они были выдвинуты в центр третьего этажа. Внешние пролеты были продолжены на трех верхних этажах в обоих местах; но в Вавилонии они ведут к тому, что, по-видимому, было настоящим святилищем, в Бирме - только к симулированному святилищу, но такой формы, которая в Индии всегда содержала камеру и изображение божества, которому был посвящен храм.

Можно спросить, как это возможно, что вавилонская форма достигла Бирмы, не оставив следов своего прохождения через Индию? Вряд ли будет достаточным ответом сказать, что он, должно быть, пришел *через* Тибет и Центральную Азию; потому что, на нынешнем уровне наших знаний, мы не знаем об использовании такого маршрута. Более вероятным объяснением было бы сказать, что такие памятники, возможно, существовали в больших городах Ганга, но, подобно этим бирманским образцам, из кирпича и штукатурки; и они погибли, что, несомненно, произошло бы в том климате, где буддистов сменили враждебные расы. Но, как бы это ни объяснялось в конечном итоге, мне не кажется сомнительным, что эти бирманские семиэтажные храмы являются прямыми потомками вавилонских образцов и что когда-нибудь мы сможем восполнить пробелы, существующие в их генеалогии.

Между тем следует иметь в виду одну вещь. Самой ранней столицей бирманцев был Тагунг на севере, и их настоящее родство связано с севером. Они получили свою религию южным путем из Бенгалии, но она была привита на основе, о которой мы знаем очень мало, и все сходства которой еще предстоит проследить до их источника.

Прежде чем покинуть эти квадратные храмы, возможно, было бы неплохо указать на некоторые новые для нас особенности. Во-первых, это чисто кирпичный стиль, и, как таковой, используются настоящие расходящиеся арки не только для перекрытия проемов, но и для перекрытия проходов и залов. Это настолько не похоже на то, что мы находим в любой части собственно Индии, что, кажется, оно с уверенностью указывает на какую—то иностранную — скорее всего, северную — страну своего происхождения. Как часто упоминалось выше, в Индии, как известно, не существует буддийской арки, [\[577\]](#) и, за исключением периода правления Акбара, вряд ли есть индуистская арка ни в одном храме вплоть до наших дней. Следовательно, оно вряд ли могло произойти из этой страны, но нет никаких оснований полагать, что китайцы или татарские народы когда-либо проявляли какое-либо отвращение к этим формам. Во всяком случае, мы знаем, что ассирийцы и вавилоняне использовали кирпичные арки задолго до христианской эры, и это искусство, возможно, было передано ими народам Северной Азии, а от них оно, возможно, дошло до Иравади.

Было бы любопытным предположением попытаться выяснить, что сделали бы джайны в западной Индии, если бы их заставили использовать кирпич вместо камня в 11-12 веках, которые были эпохой великого строительства на Иравади и в Гуджерате. Возможно, они пришли бы к такому же выводу, и в этом случае мы можем только поздравить себя с тем, что вестерны не соблазнились фатальной легкостью кирпичей и строительного раствора.

Еще одна особенность заключается в том, что эти квадратные бирманские пагоды выполнены в криволинейном стиле сикра индоарийского стиля. Это можно считать достаточным указанием на то, что они заимствовали, по крайней мере, некоторые из своих архитектурных особенностей, а также свою религию из Индии; но поскольку в ту эпоху эта форма была принята как джайнами, так и индуистами на севере Индии, от устьев Инда до Бенгальского залива, это вряд ли позволяет нам указать конкретную местность, из которой она была выведена, или время, когда она была впервые представлена. Однако, насколько нам в настоящее время известно, это единственный случай, когда он был обнаружен за пределами собственно Индии.

Круглые Дагобы.

За исключением этих квадратных квазижайнских храмов, которые явно являются исключительными, дагобы Бирмы в целом гораздо больше похожи на те, что можно найти в Индии и на Цейлоне, хотя многие из них, возведенные только в нынешнем столетии, имеют формы более сложные и утонченные, чем те, что в самой Индии.

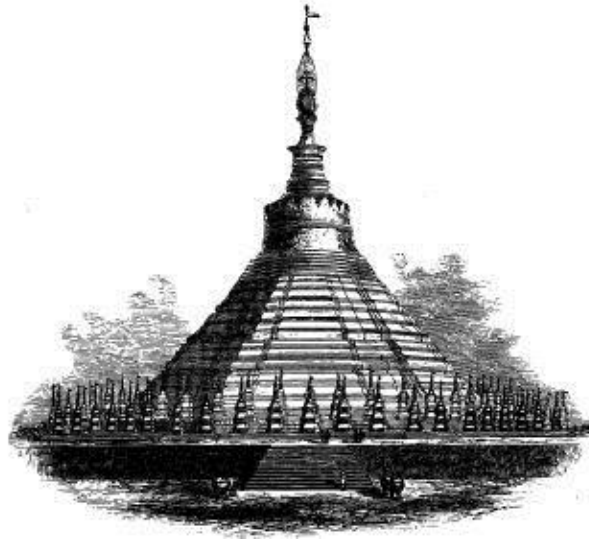
Одно из них, наиболее похожее на индийский тип, известно как Конг Маду, недалеко от Менгуна, на том же берегу реки. Масса купола, по словам полковника Юла, [\[578\]](#) составляет около 100 футов в диаметре. Он выше полукруга, что указывает на современную дату, и стоит на трех концентрических основаниях, каждое из которых шире другого. Вокруг всего здания расположены перила, состоящие из 784 каменных столбов, каждый высотой около 6 футов. из земли и разделен на четыре сектора четырьмя каменными воротами ([Гравюра на дереве № 350](#)). Надпись на белой мраморной плите свидетельствует о возведении этой пагоды между 1636 и 1650 годами. Одно время я думал, что он, должно быть, старше; но свидетельства недавних исследований делают эту дату более вероятной, чем это казалось ранее. Если это верно, то любопытно, поскольку показывает, как мало реальных изменений произошло за шестнадцать столетий, прошедших между возведением башни в Санчи (ксилографии № [10-12](#)) и семнадцатым веком.

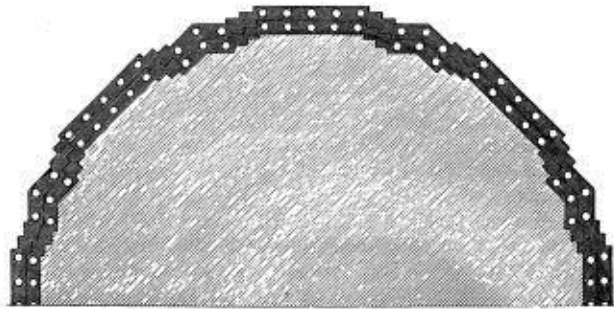
350. Конг Маду Дагоба. (Из Йоля.)

Возможно, самой важной пагодой в Бирманской империи является великая Шумаду^[579] в Пегу, план и высота которой приведены на основе данных, опубликованных полковником Саймсом в его отчете о его посольстве в Аву. Как видно из гравюр на дереве (№ № 351, 352), план значительно отличается от круглой формы, которая использовалась исключительно в зданиях этого класса, описанных до сих пор, и более приближается к тем тщательно продуманным многоугольным формам, которые используются всеми современными индуистскими строителями. Однако перед завершением он возвращается к круглой форме и увенчан, как и все бирманские здания этого класса, железным шпилем или тройником, богато позолоченным.

Еще одна особенность убедительно указывает на его современную дату, а именно: вместо двойного или тройного ряда колонн, окружающих его основание, мы имеем двойной ряд крошечных пагод — способ украшения, который впоследствии стал типичным в индуистской архитектуре - их храмы и шпили покрыты и, действительно, состоят из бесчисленных моделей самих себя, сгруппированных вместе так, чтобы составлять единое целое. Как уже отмечалось, нечто подобного рода встречается в римском искусстве, где каждое окно и проем увенчаны фронтоном или миниатюрным завершением храма, и в готическом искусстве, где огромный шпиль окружен остроконечиями или шпилечками; но в этих стилях это никогда не доводится до такого избытка, как в индуистском искусстве. В данном случае это интересно, поскольку является одной из самых ранних попыток такого рода декорирования.

351. Пагода Шоэмаду, Пегу. (Из письма полковника Саймса "Посольство в Аву".)

352. Полуплан пагоды Шумаду. (От Саймса.) Масштаб от 100 футов до 1 дюйма.

Здание стоит на двух террасах, нижняя из которых около 10 футов. высота - 1391 квадратный фут; верхняя - 20 футов в высоту и 684 квадратных фута; из центра возвышается пагода, диаметр основания которой составляет 395 футов. Маленькие пагоды имеют высоту 27 футов и количество 108 или 110; в то время как сама большая пагода возвышается на высоту 331 фут над своей террасой, или 361 фут над местностью, таким образом достигая высоты, примерно равной высоте собора Святого Павла: в то время как сторона верхней террасы всего на 83 фута меньше, чем у великой пирамиды.

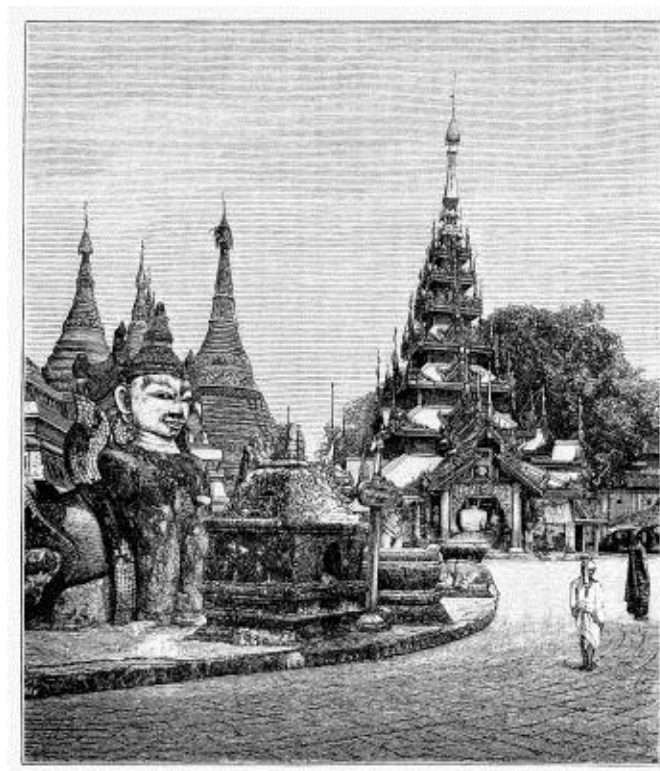
Традиция приписывает его начало двум купцам, которые подняли его на высоту 12 локтей в возрасте, немного более позднем, чем у самого Будды. Сменявшие друг друга короли Пегу время от времени дополняли его, пока, наконец, он не принял свой нынешний вид, скорее всего, около трех или четырех столетий назад.

Следующей по значимости, насколько нам известно, является более широко известная пагода Седагонг в Рангуне, здание, очень похожее по размерам на последнее из названных, и ни в коем случае не отличающееся от него, за исключением того, что очертания основания еще больше урезаны, а шпиль более ослаблен — оба признака сравнительно современной эпохи. Основание еще более загромождено маленькими храмами, чем в Пегу, и вся его высота несколько меньше. Однако между этими двумя зданиями нет существенной разницы, и это особенно интересно, поскольку ведет нас на один шаг дальше в ряду от цельного полусферического холма к тонкому шпилю, который как в Бирме, так и в Сиаме представляет собой современную форму, обычно принимаемую этими зданиями, пока они не утрачивают все, кроме традиционного сходства со зданиями, из которых они первоначально выросли.

Общий вид их шпилей можно представить по трем, изображенным слева от прилагаемой гравюры на дереве (№ [353](#)), которая в точности соответствует изображению Великой пагоды. Эта иллюстрация также ценна тем, что показывает последнего прямого потомка этих огромных крылатых львов с человеческими головами, которые когда-то украшали порталы дворцов в Ниневии; но после почти 3000 лет скитаний и жестокого обращения выродились в эти жалкие карикатуры на самих себя прежних.

Считается, что пагода Седагонг, как и все более важные из них, была построена около 2300 лет назад, или примерно в эпоху самого Будды; однако ее святость объясняется тем, что в ней хранятся реликвии не только последнего Будды, но и трех его предшественников — Будда даровал восемь волос со своей головы двум ее основателям при том понимании, что они должны были храниться вместе с реликвиями трех предыдущих Будд, где и когда они будут найдены. [\[580\]](#) После многочисленных чудесных свидетельств на этом месте были обнаружены посох Какусанды, который, как полагают, жил примерно за 3000 лет до Рождества Христова, ковш для воды из Конагаммы и купальное одеяние Кашьяпы, которые вместе с упомянутыми выше восемью волосками хранятся в этой великой пагоде. [\[581\]](#) Однако первоначально, несмотря на стоимость его вклада, здание было небольшим, и, вероятно, прошло не более столетия с тех пор, как оно приняло свой нынешний вид.

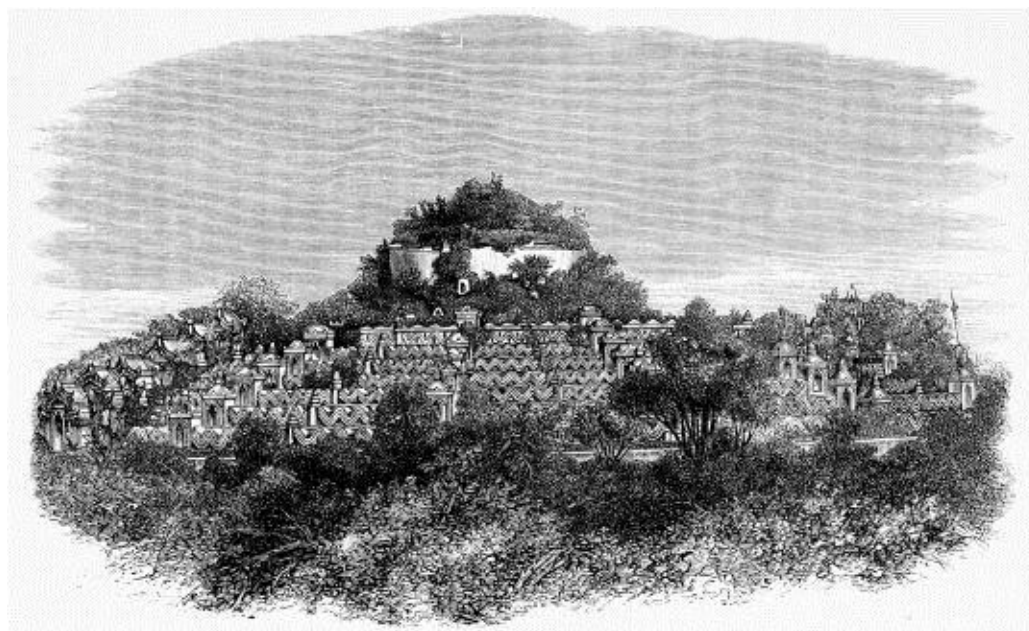
353. Вид пагоды в Рангуне. (С фотографии.)

Толпа пагод поменьше окружает большую, всех размеров, от 30 до 200 футов в высоту и даже больше. В стране едва ли найдется деревня, у которой не было бы одного или двух, а во всех наиболее важных городах их насчитываются сотни; более того, их можно назвать почти неисчислимыми. Почти все они вполне современны и настолько похожи друг на друга, что не заслуживают какого-либо отдельного упоминания. Однако они указывают на огромную степень прогрессирующего богатства и власти в стране с древнейших времен до наших дней и на растущее распространение буддийской системы. Это прямой контраст с историей Цейлона, чья слава была наибольшей в первые века христианской эры и теряла свою чистоту в то время, когда архитектурная история Бирмы впервые дошла до нас. Таким образом, здания одной страны дополняют здания другой и представляют собой серию примеров одного и того же класса,

насчитывающих более 2000 лет, если считать от самых старых крыш на Цейлоне до самых современных в Бирме.

В местечке под названием Менгун, примерно на полпути между бывшей столицей Амирапурой и нынешней столицей Мандале, находятся две пагоды, которые представляют немалый интерес для наших нынешних целей; если не по какой-либо другой причине, то хотя бы потому, что обе были возведены в пределах нынешнего столетия и показывают, что ни формы, ни устремления искусства не были полностью угасли даже в наши дни. Первый имеет круглую форму и был возведен в 1816 году, во времена правления короля Бирмы по имени Бодо Пия, который также является автором второго. Как видно из гравюры на дереве (№ [354](#)), это практически дагоба с пятью concentрическими дорожками для процессий. Каждый из них украшен любопытной змеевидной балюстрадой, перемежающейся нишами, в которых находятся или предназначены для размещения статуи Будды, и к ним ведут четыре лестничных пролета, обращенных к четырем сторонам света. Все это окружено низкой круглой стеной диаметром 750 футов, которая, как говорят, символизирует змея Ананту. Внутри находится подвал диаметром около 400 футов, который вместе с дорожками для процессий и дагобой на вершине составляет семь этажей, предназначенных, как говорят, для обозначения мифической горы Меру. [\[582\]](#)

Следует помнить, что, говоря о великих дагобах в Анурадхапуре на Цейлоне, указывалось (*ante*, стр. 190), что вокруг их основания были проложены три дорожки для процессий, к которым аналогичным образом поднимались лестничные пролеты напротив четырех сторон света. Интересно наблюдать здесь, по прошествии 2000 лет и на расстоянии почти 1500 миль, изменения были такими незначительными. Это правда, что количество дорожек для процессий увеличилось с трех до пяти, а террасы стали относительно более важными, чем в более старых примерах; но, за исключением этого и некоторых изменений в деталях, памятники практически те же, несмотря на все любопытные разновидности, появившиеся за это время.

354. Круглая пагода в Менгуне. (С фотографии.)

Строительство другой пагоды в этом месте было начато тем же королем по имени Ментара Гье, или Бодо Пия, который умер в 1819 году, и, по-видимому, было попыткой возродить старые квадратные формы пагана, точно так же, как другая была призвана вызвать воспоминания о более старых формах раннего индийского буддизма. “Он стоит на цокольном этаже из пяти следующих

друг за другом террас небольшой высоты, нижняя терраса образует квадрат площадью 450 футов. С верхней террасы начинается обширная кубическая пирамида пагоды, площадью 230 квадратных футов в плане, поднимающаяся сплошной массой на высоту около 100 футов, со слегка наклонными стенами. Над этим он сужается в виде последовательных террас, три из которых были завершены, поднимая массив на высоту 165 футов на момент прекращения работ ”. ^[583] Из модели, стоящей рядом, можно сделать вывод, что в случае завершения строительства она поднялась бы на высоту 500 футов; даже сейчас это твердая масса, содержащая от 6 000 000 до 7 000 000 кубических футов кирпичной кладки. Если бы это было осуществлено, это было бы самое высокое здание в мире. Однако он был разрушен землетрясением в 1839 году, но даже в своем разрушенном состоянии представляет собой такую большую и внушительную массу кирпичной кладки, какую можно найти где угодно. ^[584] Со времен египетских пирамид не предпринималось ничего столь грандиозного, и это относится к 19 веку!

МОНАСТЫРИ.

Поскольку Бирма - страна, в которой монашеская система буддизма процветает в наши дни в наибольшей степени, если бы у нас было больше информации о ее монастырях, или *киумах*, как их называют, это могло бы позволить нам понять устройство более старых. Путешественники, посетившие страну, хранили молчание по этому поводу, главным образом потому, что монастыри почти во всех случаях менее великолепны, чем пагоды, к которым они пристроены, и, за редким исключением, построены из дерева — практика, разрушающая их архитектурный характер, а также полностью лишаящая их того монументального вида стабильности, который так необходим для истинного архитектурного выражения.

Эта особенность присуща не только монастырям; все жилища, от жилища беднейшего крестьянина до королевского дворца, с незапамятных времен строились из этого скоропортящегося материала. Обычай теперь превратился в закон, согласно которому никто не может иметь права возводить здания из камня или кирпича, кроме как сам король, или если только сооружения не носят чисто религиозного характера. Даже этим исключением не всегда пользуются, поскольку королевский дворец сам по себе такое же деревянное сооружение, как и жилище любого из его подданных. Однако он не менее великолепен из—за этого — скорее, возможно, даже больше - огромных сумм, потраченных на самую искусную резьбу, и всего того, что покрыто лаком, росписью и позолотой до такой степени, о какой мы не имеем представления в нашем более трезвом климате.

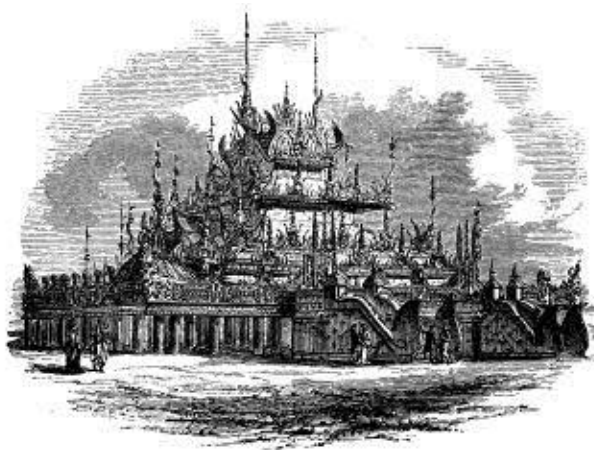

355. Фасад королевского дворца в Бирме. (С наброска полковника. Юла.)

Общий вид фасада можно представить по прилагаемому виду ([Гравюра на дереве № 355](#)); но его истинное великолепие заключается в обилии позолоты и резьбы, которыми покрыта каждая деталь и которым невозможно отдать должное в столь малом масштабе.

Таковыми же обильными украшениями украшены монастыри, один из которых представлен на прилагаемой гравюре на дереве (№ [356](#)), изображающей здание, в котором все дефекты, возникающие из-за использования столь легкого в обработке материала, доведены до крайности. Если бы можно было добавить краски и позолоты, это представляло бы собой здание, какого Запад никогда не видел и, будем надеяться, никогда не увидит; ибо, каким бы ослепительным ни было его величие, такое варварское величие достойно только полумодернизированной расы.

356. Бирманский Киум. (От полковника. "Посольство Саймса в Аве".)

Обнаженная форма этих монастырей — если можно так выразиться — будет понятна по следующей гравюре на дереве (№ 357) одного из них, недавно возведенного в Мандале и, хотя и заселенного, не совсем законченного. В нем пять этажей в высоту, и, если я не ошибаюсь, он так же почти воспроизводит Лоуа Маха Пайя в Анурадхапуре, как круглая пагода Менгун - Абхаягири или Руанвелли дагобас там. Здесь, однако, этажи потеряли свое значение; в качестве резиденции используется только один этаж^[585] - первый, или “piano nobile”, как мы бы его назвали. Верхние этажи - всего лишь декоративные реминисценции прошлых утилитарных форм, но, очевидно, когда-то они имели какое-то значение. Если бы здание было завершено — возможно, это происходит сейчас, — оно было бы украшено резьбой так же богато, как та, что представлена на предшествующейсилографии, поскольку одно из преимуществ деревянной архитектуры заключается в том, что ее декоративные элементы могут быть добавлены после того, как ткань будет практически завершена во всех существенных моментах.

357. Монастырь в Мандале. (С фотографии.)

Эти многоярусные кумы с высокими семиэтажными шпилями (показаны на гравюрах на дереве № № 353 и 356) возвращают нас к многоярусным храмам в Непале, которые во всех существенных отношениях настолько идентичны, что вряд ли можно сомневаться в их общем происхождении. Мы пока не в состоянии указать на связующие звенья, которые соединят разрозненные фрагменты этого стиля в однородное целое, но, вероятно, искать их следует в Китае, только мы так мало знаем об архитектурной истории западной части этой великой страны, что должны дождаться дополнительной информации, прежде чем даже углубляться в эту тему.

Тот факт, что все здания Бирмы деревянные, за исключением пагод, также может объяснить, почему в Индии нет архитектурных остатков, предшествующих эпохе Ашоки. За исключением сравнительно небольшого числа каменных пагод, ни одна из которых не существовала до его эпохи, в Бирме нет ничего, что не было бы уничтожено пожаром в течение нескольких часов или полностью уничтожено заброшенностью в течение нескольких лет. То, что то же самое практиковалось и в Индии, почти несомненно, поскольку по существу деревянные формы все еще преобладают во всех ранних пещерных храмах; и, если это так, это полностью объясняет исчезновение всех более ранних памятников.

Мы знаем, что деревянная архитектура была характерной чертой Ниневии, где все конструктивные части были выполнены из этого скоропортящегося материала; и из Библии мы узнаем, что здания Соломона были в основном построены таким образом. Персеполь представляет нам самый ранний в Азии пример такого деревянного зодчества, которое как бы окаменело — очевидно, в результате сношений, которые его строители поддерживали с Египтом и Грецией.

В Бирме эти виды дерева до сих пор существуют в большей комплектации, чем, пожалуй, в любой другой стране. Даже если изучающий не готов признать прямую этнографическую связь между зданиями Бирмы и Вавилона — что, кажется, вряд ли допускает сомнения, — он, во всяком случае, лучше всего научится в этой стране ценить многое в древней архитектуре, которую без

такой живой иллюстрации трудно понять. Дом Соломона из Ливанских кедров с незначительной разницей в деталях воспроизведен в Аве или Амирапуре; а дворцы Ниневии и Персеполя становятся бесконечно более понятными при изучении этих сооружений. Бирма почти столь же важна, поскольку позволяет нам понять, какой активной и процветающей могла быть буддийская община в Индии в то время, когда там процветала эта религия; и в целом, если бы были доступны средства для ее полного освещения, она составила бы одну из самых интересных глав в истории архитектуры Азии.

ГЛАВА II.

СИАМ.

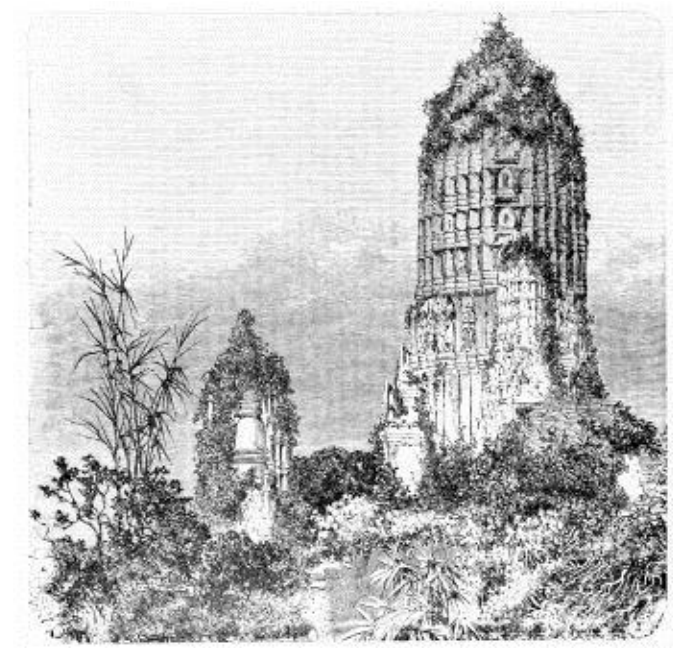
Содержание.

Пагоды в Аютии и Бангкоке—Зал аудиенций в Бангкоке —Общие замечания.

Хотя архитектура Сиама гораздо менее важна, чем архитектура Бирмы, с одной стороны, или Камбоджи, с другой, она все же достаточно важна, чтобы не упускать ее из виду в общем обзоре стилей. Его худшая особенность, какой мы теперь ее знаем, заключается в том, что он чрезвычайно современен. Вплоть до 14 века столицей страны был Сокотай, город на реке Менам, расположенный в 200 милях по прямой от моря и недалеко от холмов. В наше время этот город не посещал ни один путешественник, поэтому мы не знаем, какие здания в нем могут быть. Примерно в 1350 году сиамцы добились успеха в своих войнах с камбоджийцами, и в конечном итоге им удалось захватить их столицу, Инт патха пури, или Индра престха (Дели), и практически присоединить Камбоджу к своему королевству.

Добившись этого, они перенесли свою столицу в Аютию, чуть более чем в пятидесяти милях от моря; а три столетия спустя ее сменил Бангкок, который сейчас является столицей. Ни в коем случае нельзя с уверенностью сказать, была ли эта миграция вниз вызвана политическими событиями и растущей торговлей, или же страна постепенно становилась более засушливой и более пригодной для проживания людей. Судя по тому, что происходило в Бенгалии в исторические времена, я бы предположил, что это было последнее.

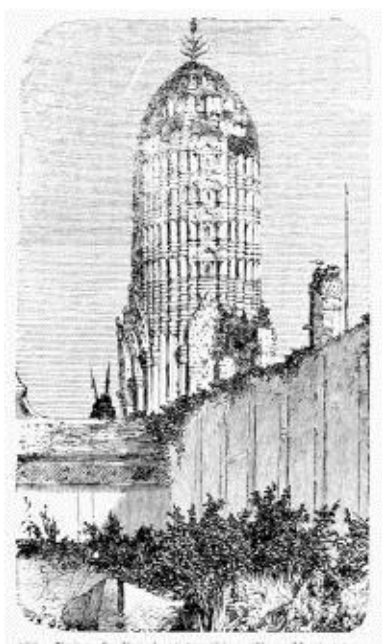
В Индии мы находим цивилизованные нации, впервые обосновавшиеся в Пенджабе и на водоразделе между Сатледж и Джамной. Между 2000 и 3000 годами до н.э. Ауд, по-видимому, стал достаточно сухим для проживания человека, и Айодхья^[586] (от которого сиамская столица получила свое название) стала главным городом. Между 1000 и 500 годами до н.э. Джанакпур на севере и Раджагриха на юге были столицами Бенгалии; но оба были расположены на холмах, и только во времена Ашоки (250 год до н. э.) Патна на реке Соан и Вайсали на Гандаке стали столицами; и прошло еще 1000 лет, прежде чем Гаур и Дакка приобрели значение, в то время как Муршедабад, Хугли и Калькутта - города вчерашнего дня.^[587] То же явление, по-видимому, имело место в Сиаме и, что представляет еще больший интерес, как мы сейчас увидим, в Камбодже.

358. Руины пагоды в Аютии.

Поскольку Аютия на протяжении трех столетий была процветающей столицей одной из величайших строительных рас мира, мы, конечно, должны обратить внимание на значительное великолепие, проявленное в ее архитектуре. Судя по рассказам первых португальских и голландских путешественников, посетивших его в дни его славы, он, по-видимому, заслужил титул, которым они его наградили, “Восточная Венеция”, и руины оправдывают их восхваления. Здания, однако, по-видимому, были построены в основном из кирпича и дерева; и поскольку город уже более столетия практически опустел, дикие фиговые деревья повсюду пустили свои корни в каменную кладку, и среди деревянных построек быстро распространилось разложение. По описаниям недавних посетителей, ничто не может быть более дико живописным, чем этот некогда великолепный город, ныне заросший джунглями; но такая стадия упадка из всех условий наименее благоприятна для исследований антиквара.

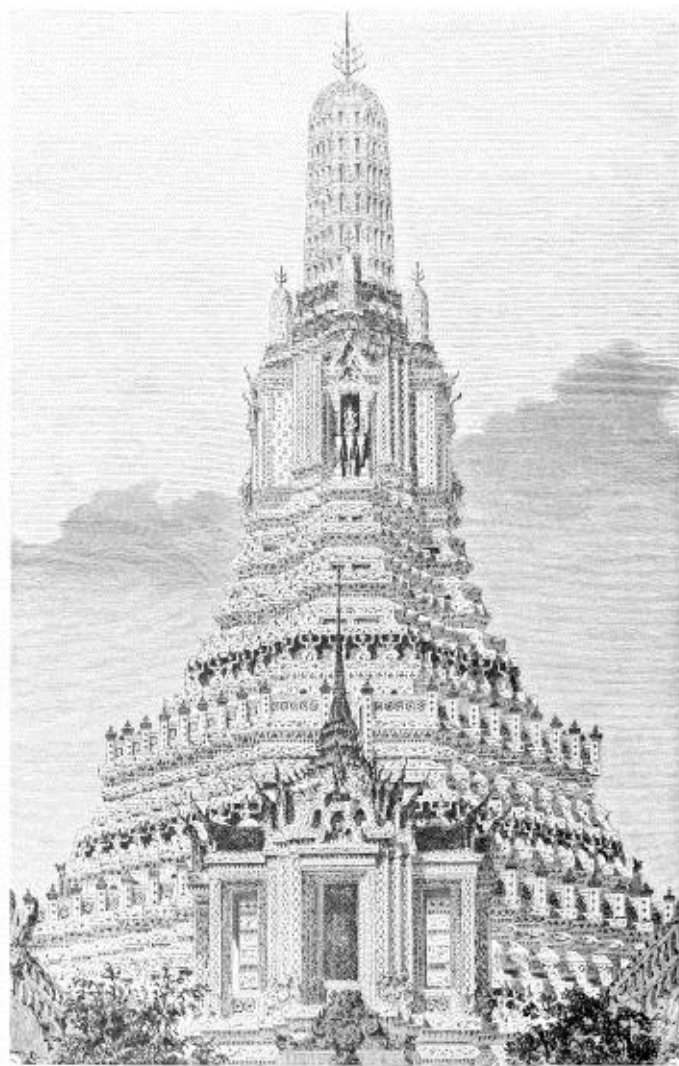
Форма, которую приняли более древние пагоды в Аютии, во многих существенных отношениях отличается от тех, которые мы находим либо в Индии, либо в Бирме. Вершина или верхняя часть имеет округлую куполообразную форму, которую мы легко можем принять за производную от топа, но вертикальная часть больше похожа на сикру индуистского храма, чем на что-либо буддийское. Если бы у нас было несколько более ранних примеров, возможно, мы смогли бы проследить шаги, по которым одно переходило в другое; в настоящее время пробелы в ряду слишком велики, чтобы их можно было преодолеть с какой-либо приблизительной уверенностью. Однако одна ссылка, по-видимому, содержится в храмах Накхон-Ват в Камбодже, о которых подробнее ниже.

359. Руины пагоды в Аютии. (Из Мухо.)

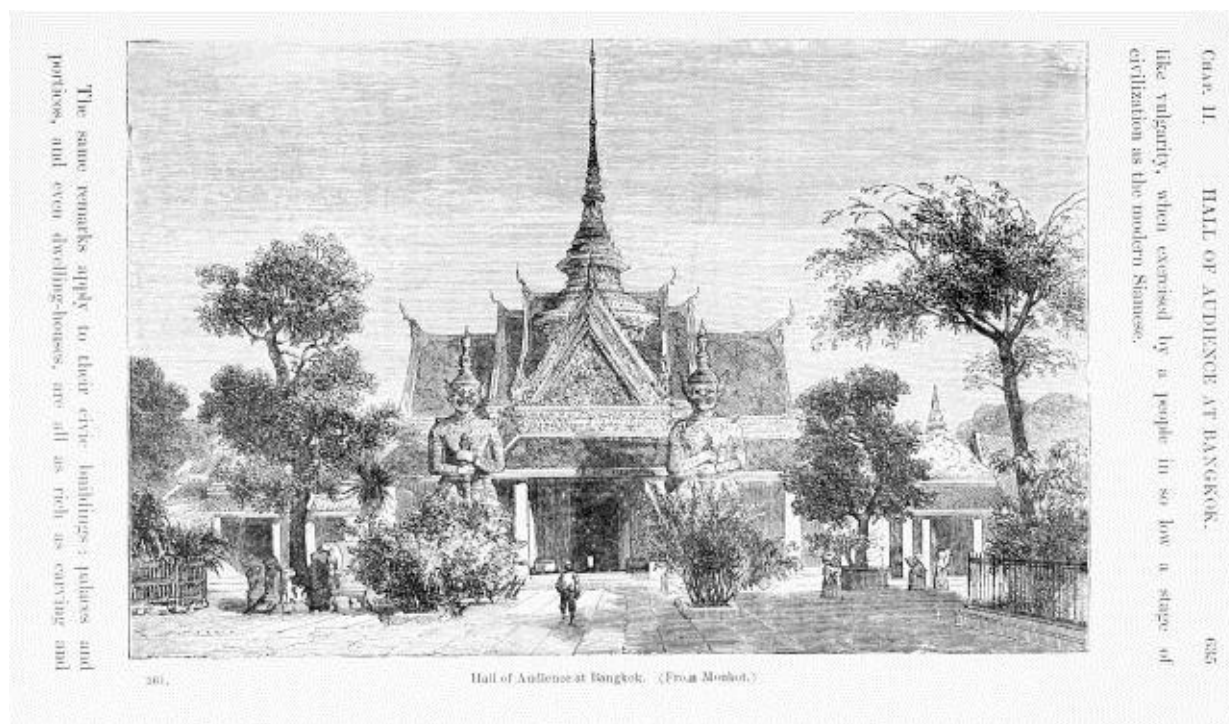
Тот же контур можно найти на венчающих элементах пагод Бангкока, но они покрыты проработкой деталей и обилием цветного орнамента, который редко кому удавалось превзойти, да и нежелательно, чтобы он был превзойден, поскольку здесь он доведен до степени поистине варварства ([Гравюра на дереве № 360](#)).

Несмотря на дурной вкус, который они демонстрируют, эти бангкокские пагоды интересны в истории архитектуры как пример инстинктивного способа строительства, которым пользуются некоторые расы, и врожденной и неудержимой любви к архитектуре, которую они демонстрируют. Но это также показывает, как легко эти высшие устремления вырождаются в нечто очень похожее на вульгарность, когда они проявляются народом, находящимся на столь низкой ступени цивилизации, как современные сиамцы.

360. Великая башня пагоды Ват-Чинг в Бангкоке. (Из Мухота.)

361. Зал аудиенций в Бангкоке. (Из Моухота.)

Те же замечания применимы и к их гражданским зданиям: дворцы, портики и даже жилые дома настолько богаты, насколько позволяют резьба, позолота и роспись; но, как и в случае с пагодами, все это преувеличено и не доставляет удовольствия, потому что граничит с вульгарностью.

Типичный дизайн всех этих залов и второстепенных зданий будет понятен по предыдущей гравюре на дереве, представляющей Зал аудиенций в Бангкоке. Как и все остальные, он имеет две крыши, пересекающиеся друг с другом под прямым углом, и шпиль большей или меньшей высоты на пересечении. Иногда один, два или три фронтона поменьше располагаются перед первым, каждый ниже того, что находится за ним, чтобы придать всему пирамидальный эффект. Как правило, второстепенные фронтоны имеют ту же ширину, что и центральные; но иногда внешний фронтон меньше, образуя крыльцо. В только что упомянутом зале для аудиенций есть по три фронтона с каждой стороны. Их можно увидеть справа и слева от центрального шпиля, но первый и второй спереди скрыты внешним фронтоном. Точка обзора взята точно впереди, и на снимке она выглядит так, как если бы в этом направлении была только одна.

Бирманцы используют такое же расположение в своих гражданских зданиях, а в Сиаме и Бирме разнообразие бесконечно, от простого павильона с четырьмя фронтонами, опирающегося на четыре колонны,^[588] до павильонов с двенадцатью и шестнадцатью фронтонами в сочетании с большим усложнением стен и колонн для их поддержки.

Поскольку цивилизация сиамцев, безусловно, развивается, можно спросить, не улучшится ли и не очистится ли их архитектура в результате этого процесса? Ответ, к сожалению, слишком прост. Новая цивилизация является не местной, а импортированной. Люди прогресса носят шляпы, дамы - кринолины, и они строят дворцы с коринфскими портиками и створчатыми окнами. Это та цивилизация, которую можно найти на базаре в Калькутте, и она нежелательна, во всяком случае, с архитектурной точки зрения, если, конечно, это так в любом другом отношении.

ГЛАВА III.

JAVA.

Содержание.

История—Боро Будд—Храмы в Мендоэте и Брамбанаме—Храмы деревьев и Змей—Храмы в Джининге и Суку.

Во ВСЕЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОГО ИСКУССТВА нет главы, столь полной очевидных аномалий или столь полностью переворачивающей наши предвзятые представления о вещах такими, какими они должны быть, как та, в которой рассказывается об архитектурной истории острова Ява. Во Введении говорилось, что ведущим явлением в истории Индии был продолжающийся приток одной расы за другой через Инд на ее плодородную равнину, но ни одна рефлексорная волна так и не вернулась, чтобы восстановить равновесие.^[589] Это кажется абсолютно верным в отношении запада, и практически так же обстоит дело по отношению к северу или соседним странам на востоке. Тибет и Бирма получили свою религию из Индии, однако не в результате завоевания или колонизации, а благодаря миссионерам, посланным наставлять и обращать в свою веру. Это также верно для Цейлона и частично, по крайней мере, для Камбоджи. Поскольку до всех этих стран легко добраться по суше или очень коротким морским путем, именно там мы могли бы искать миграции, если таковые когда-либо имели место, но это не так. Единственной страной, в которую они хлынули, была Ява, и там они колонизировали до такой степени, что почти на 1000 лет уничтожили местное искусство и цивилизацию и вытеснили их своими собственными. Что еще более странно, так это то, что эти эмигранты отправились не от ближайших берегов Индии, а с западного побережья. Нас всегда убеждали в том, что индийцы ненавидели море и боялись длительных морских путешествий, однако кажется почти несомненным, что колонисты Явы пришли не из долины Ганга, а с долины Инда и тысячами и десятками тысяч обогнули Цейлон на пути к своей далекой, опоясанной морем родине. Решение этой трудности, возможно, можно найти в предположении, что колонистами в конце концов были не индийцы в том смысле, в каком мы обычно понимаем этот термин, а народы с северо-запада — фактически жители Гандхары и Камбоджи, которые, не найдя места для новых поселений в самой Индии, повернули направо, перешли Инд и искали далекий дом на этой Жемчужине островов.

Кем бы они ни были, они принесли с собой дурную привычку всех родственных им рас — ничего не писать, так что у нас практически нет достоверных письменных свидетельств о поселении и его последующей истории, и если бы они в значительной степени не восполнили этот недостаток своей врожденной любовью к строительству, мы вряд ли узнали бы об их существовании на острове. Однако они строили и вырезали с энергией, которой нет нигде в их родных краях, и украсили свой новый дом нетленными свидетельствами своего искусства и цивилизации — свидетельствами, которые будут легко прочитаны и поняты, как только кто-нибудь возьмет на себя труд уделить им внимание, которого они заслуживают.

Было сказано, и не без оснований, что англичане сделали больше для изучения искусства и истории Явы за те пять лет, что они владели островом (с 1811 по 1816 год), чем голландцы за предыдущие два столетия, которыми они практически владели. Работа губернатора сэра Стэмфорда Раффлса является образцом ревностной энергии и критической проницательности, какие редко можно встретить в английском языке подобного класса, и является хранилищем, из которого до сих пор черпается основная часть наших знаний по этому предмету. Его усилия в этом направлении были хорошо поддержаны двумя шотландцами, которые взялись за это дело почти с таким же рвением. Один из них, Джон Кроуферд, с терпеливым усердием записывал все, с чем

сталкивался, и накопил обширные запасы информации — но он не умел рисовать и ничего не знал об архитектуре или других искусствах, к которым у него не было симпатии. Другой, Колин Маккензи, впоследствии генеральный инспектор Индии, рисовал все, что находил, имеющее какое-либо архитектурное значение, и был самым трудолюбивым и успешным коллекционером рисунков и рукописей, которые когда-либо знала Индия; но он не умел писать. Те несколько эссе, которые он попытался написать, крайне скудны, и девять десятых его знаний погибли вместе с ним. Если бы эти двое мужчин смогли работать вместе до конца, они мало что оставили бы для будущего расследования. Был, однако, еще четвертый работник в этой области — доктор Джон Лейден, — который, если бы ему сохранили жизнь, мог бы легко усвоить работу своих коллег и, обладая собственным удивительным талантом к овладению языками и знаниями всех видов, несомненно, приоткрыл бы завесу, которая сейчас окутывает во мраке столь большую часть истории Явана и оставляет желать лучшего в этом отношении. Однако он умер почти до того, как его работа была начата, и времени было слишком мало, а задача — слишком новой, чтобы другие могли выполнить все то, что они могли бы выполнить при большем количестве досуга и лучшей подготовке.

За последние шестьдесят лет голландцы многое сделали, чтобы искупить пренебрежение предыдущих столетий, но, как это произошло на братском острове Цейлон, там не было системы, и не возникло выдающегося ума, способного придать единство целому или извлечь из того, что делается, суть, которой должно обладать все общество. Голландское правительство, однако, опубликовало в четырех больших фолиантах 400 рисунков архитектуры и скульптур Боро Будд по рисункам г-на Уилсена; а Батавское общество^[590] опубликовало шестьдесят пять фотопластинок того же памятника; и поскольку доктор Лиманс из Лейдена добавил объем текста, исторического и описательного, ни один памятник на Востоке не проиллюстрирован так полно, как этот, и, вероятно, ни один из них не заслуживает большего внимания. Боли, которые были ему причинены.^[591] То же Общество также опубликовало 332 фотографии других яванских древностей и храмов, но, к сожалению, по большей части без какого-либо сопроводительного текста. Для посещения окрестностей и составления описаний был нанят высококвалифицированный антиквар Хир Брумунд, но, к сожалению, он умер, не выполнив свою задачу и наполовину. Фрагмент его работы опубликован в 33-м томе 'Трудов' Общества, но это всего лишь фрагмент, и его как раз достаточно, чтобы заставить нас жаждать большего. В то же время ученый-востоковед доктор Фридрих был нанят правительством для перевода многочисленных надписей, которыми изобилует остров и которые, без сомнения, объяснили бы все трудности в истории острова и его памятников. Некоторые из них были опубликованы в 26-м томе "Верханделингена" в 1856 году, и было обещано больше, но плохое состояние здоровья и несчастные случаи до сих пор не позволяли этого сделать, и если ему случится умереть до публикации результатов, накопления, накопленные за полвека, могут погибнуть вместе с ним.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в английских и голландских публикациях имеется значительное количество информации о древностях Явы, но это *родинки коренных народов*— описания без иллюстраций, рисунки и фотографии без описания, очень мало планов и, за исключением Боро Будд, очень мало архитектурных деталей; нет статистических отчетов и карт, на которых можно было бы узнать все места. Когда так много сделано, невольно задумываешься, как мало еще требуется, чтобы навести порядок из хаоса и объединить целое в одну из самых интересных и легкодоступных глав истории архитектуры.

История.

Несмотря на путаницу в своих летописях, довольно удачно, что яванцы не претендуют на более отдаленную политическую историю, чем легендарное прибытие на остров Аджи Сака, основателя сакской эпохи буддистов, в 79 году нашей эры. Это правда, что в 8 или 9 веке они получили сокращенный перевод "Махабхараты" и под названием "Брат Юдха" приняли его как

часть своей собственной истории, назначив места на острове для всех основных сцен той знаменитой борьбы, которая происходила в окрестностях Дели и Хастинапура, добавив только свою любимую Гендара Десу (Гандхару), которой они присвоили местность на севере острова.^[592] Таким образом, к сожалению, история пишется на Востоке, и поскольку так написано, яванцы затем сочли необходимым привезти Саливахану, основателя сакской эпохи, также на свой остров. Будучи буддистами, принявшими его эпоху, их детское тщеславие требовало его присутствия там, но поскольку он наверняка никогда не видел острова, его визит, по легенде, закончился неудачей и, как говорят, не оставил никаких следов его присутствия.

Следующий человек, который появляется на сцене, - один из самых загадочных в истории Индии. В анналах Сиамы,^[593] Камбоджи,^[594] Явы,^[595] и в Амравати,^[596] принц Рима, или Ром, родом из Таксил, играет самую важную роль, но, по-видимому, без какого-либо постоянного результата. Нигде не упоминается ни его имя, ни какие-либо подробности; скорее всего, это всего лишь воспоминание о King Commerce. Нет ничего более вероятного, чем то, что корабли римских или византийских императоров с их дисциплинированными экипажами должны были произвести впечатление на полукцивилизованные сообщества этих отдаленных земель, и память об этом будет увековечена в легендарных подвигах до наших дней.^[597]

Покидая эти сказочные века, мы, наконец, приходим к традиции, которая, кажется, покоится на более надежном фундаменте. “В 525 году (603 году н.э.) королю Куджрата, или Гуджерата, было предсказано, что его страна придет в упадок, и он решил отправить своего сына на Яву. Он сел примерно с 5000 последователями на шесть больших и около 100 малых судов и после четырехмесячного путешествия достиг острова, который они приняли за Яву; но, обнаружив, что ошиблись, снова сели и, наконец, обосновались в Матареме, в центре острова, который они искали”. “Теперь принц обнаружил, что одни только люди хотят создать великое и процветающее государство; соответственно, он обратился за помощью в Гуджерат, когда его отец, обрадованный его успехом, прислал ему подкрепление в 2000 человек”. “С этого периода, - добавляет хроника, - Ява была известна и прославлена как королевство; велась обширная торговля с Гуджератом и другими странами, а залив Матаремский был заполнен искателями приключений со всех концов”.

Во время правления этого принца и двух его непосредственных преемников “страна преуспевала в славе и процветании. Город Менданг Кумулан, с тех пор называемый Брамбанан, увеличился в размерах и великолепии: художники, особенно по камню и металлу, прибыли из дальних стран, а храмы, руины которых сохранились до сих пор, были построены как в этом месте, так и в Боро Будд, в Кеду, в этот период художниками, приглашенными из Индии”.^[598]

Все это полностью подтверждается надписью, найденной в Менамбабу, на Суматре, в которой царь, именующий себя Маха Раджой Адираджей Адитьядхармой, царем Пратамы — первой или величайшей Явы, — хвастается своими завоеваниями и доблестью, объявляет себя буддистом, поклоняющимся пяти Буддам Дьяни, и сообщает, что он воздвиг огромную семиэтажную вихару в честь Будды.^[599] Эта надпись датирована пятьюдесятью годами позже, или в 656 году н.э., но весь ее тон настолько полностью подтверждает традиции, только что процитированные сэром С. Раффлзом, что, кажется, мало сомнений в том, что эти два события произошли примерно в одно и то же время.

Единственным другим важным событием тех ранних времен, имеющим отношение к нашей теме, является визит Фа Хиана на остров в 414 году н.э. по пути морем с Цейлона в Китай. Однако чем больше я думаю об этом, тем больше убеждаюсь, что Ява Меньшая, или Суматра, действительно была островом, который он посетил. Несомненно, это был “Иабадиус”, или “Явадвипа”, Птолемея, и “Ява Меньшая” арабских географов и Марко Поло,^[600] и все обстоятельства путешествия, похоже, указывают скорее на этот остров, чем на саму Яву. Его свидетельство, однако, ценно, поскольку они, по-видимому, были объединены под властью одного императора в 656 году н.э., а возможно, и двумя столетиями ранее. “В этой стране, - говорит он, -

процветают еретики и брахманы, но Закон Будды мало известен”.^[601] Поскольку он прожил там пять месяцев и провел четырнадцать лет в Индии, он прекрасно знал, о чем говорил.

То, что на этих островах были брахманы до прихода буддийских эмигрантов в VII веке, кажется более чем вероятным из преданий о Тритресте, собранных сэром С. Раффлзом^[602] и других; но, если это так, то это были арийские брахманы, принадлежащие к некоторым расам, не являющимся строителями, которые, возможно, отправились туда как миссионеры, ищущие новообращенных, но вряд ли как колонисты или завоеватели. Действительно, по всему острову встречаются каменные круги, либо совершенно немодные, либо вырезанные в виде грубых изображений индуистских божеств — настолько грубых, что иногда даже Ганешу с трудом можно узнать; и часто требуется почти индуистская доверчивость, чтобы поверить, что эти грубые камни иногда изображают даже Шиву, Вишну и других богов индуистского пантеона.^[603] Создается впечатление, что ранние брахманы пытались научить своих новообращенных туземцев создавать богов для себя, но, не имея собственных художественных знаний для общения, потерпели сокрушительную неудачу в этой попытке. Буддисты, напротив, были художниками, и их было так много, что они могли почти, если не совсем, обходиться без помощи местных жителей.

Следующее зарегистрированное событие, которое, по-видимому, имеет отношение к нашему расследованию, — это миссия детей Девы Кусумы в Клинг, или Индию, с целью получения образования в брахманической религии.^[604] Это событие произошло в 924 году н.э. и, по-видимому, отчетливо указывает на то время, когда буддийская религия, о чем свидетельствует возведение Боро Будд, вымерла, а квазииндуистские храмы Брамбанам и Синга Сари вытеснили буддийские. Говорят, что строительство храмов в Брамбанаме было завершено в 1097 году н.э., что кажется чрезвычайно вероятной датой для Чанди Сева, или “1000 храмов”, которые, однако, гораздо более джайнские, чем индуистские. С того периода до начала 15 века серия памятников — многие из них с датами на них^[605] — достаточно полная, и при добросовестном выполнении задачи не возникнет трудностей с их классификацией.

В это время мы находим остров разделенным на два королевства; одно, со столицей в Паджаджараме, примерно в сорока милях к востоку от Батавии, занимало всю западную, или Зондскую, часть острова. Сунды, однако, не были строительной расой, и часть, занимаемая ими, не нуждается в повторном упоминании здесь. Здесь нет никаких построек, за исключением грубых индуистских останков, упомянутых выше.

Восточная часть острова была занята королевством Маджапахит, основанным, по-видимому, около 1300 года. Вскоре оно поднялось на более высокую ступень могущества и великолепия, чем любое из предшествующих королевств, и столица была украшена зданиями непревзойденного великолепия, но в основном кирпичными, так что сейчас они представляют собой немногим более чем груду неразличимых руин. Однако, когда это продолжалось немногим более столетия, на острове появились мусульманские миссионеры и постепенно — не завоеванием или мечом, а убеждением — побудили жителей острова отказаться от религии своих предков и принять религию Арабского пророка. В 1479 году мусульмане стали настолько могущественны, что город Маджапахит был взят ими штурмом, и последняя индуистская династия на острове была свергнута, а те, кто остался от иностранной расы, были вынуждены укрыться на острове Бали.^[606]

Затем произошло то, что было, пожалуй, наименее ожидаемым событием во всей “этой странной, богатой событиями истории”. Это похоже на то, как если бы каменщики выбросили свои инструменты, а резцы выпали из рук резчиков. С тех пор на Яве не было возведено ни одного здания и не вырезано ни одного изображения, достойного хотя бы мимолетного внимания. В то время, когда мусульмане украшали Индию памятниками непревзойденного великолепия, никто на Яве не думал о строительстве ни мечети, ни гробницы, ни дворца, которые считались бы респектабельными в любом второсортном государстве в любой части мира.

В течение почти девяти столетий (603-1479 гг. н.э.) иностранные колонисты упорно украшали остров зданиями, почти не имеющими аналогов в других странах их класса; но к концу этого

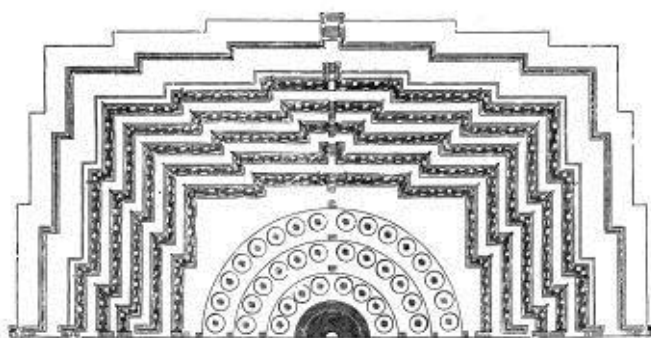
времени, как это часто случалось в Индии, их кровь разбавилась, их раса осквернилась, их энергия иссякла, и, словно по мановению волшебной палочки, они исчезли. Лишенные искусства коренные народы возобновили свое господство, и искусство исчезло с лица земли, чтобы, вероятно, никогда больше не появиться.

Боро Будд.

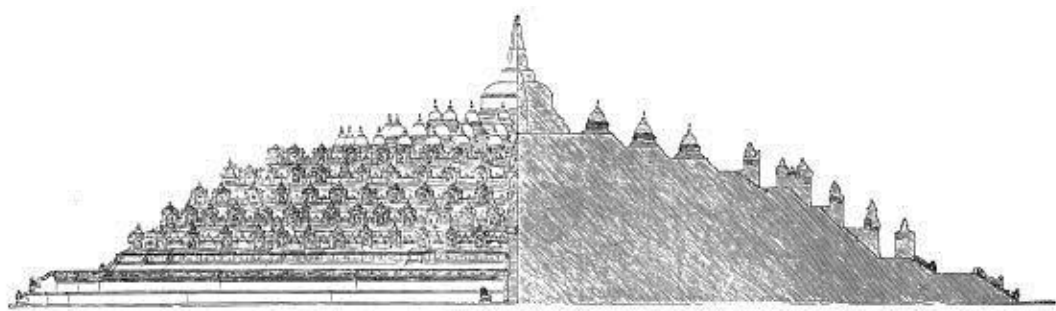
Возможно, на острове Ява есть памятники более древние, чем Боро Будор, но, если это так, они еще не были обнаружены. Грубые каменные памятники западной или зондской оконечности острова, конечно, могут быть старше, хотя я в этом сомневаюсь; но они не архитектурные, и о настоящем местном искусстве мы ничего не знаем.

Когда сэр С. Раффлс и Дж. Кроуферд писали свои работы, не существовало средств проверки дат путем сравнения стилей, и, следовательно, не стоит удивляться, если в первом указано 1360 год н.э., [\[607\]](#), а во втором 1344 год н.э., [\[608\]](#) дата постройки этого здания. Первого, однако, эта дата не обманула, поскольку на странице 67 он говорит: “Здания в Синга-Сари, вероятно, были построены в 8 или 9 веке. Они почти напоминают таковые в Брамбанаме и Боро Боддоре. Вполне вероятно, что все они были построены примерно в тот же период или в пределах того же столетия; во всяком случае, между шестым и девятым веками христианской эры”. Это, возможно, немного отклоняет от нормы. Хеер Брумунд, исходя из исторических соображений, относит Боро Будд “к девятому, возможно, даже к восьмому веку христианской эры”. [\[609\]](#) По архитектурным соображениям я бы почти без колебаний поместил его на столетие раньше. Стиль и характер его скульптур настолько идентичны скульптурам в последних пещерах Аджунты (например, № [26](#)) и в западных гатах, что они выглядят так, как будто были выполнены одними и теми же художниками, и трудно представить себе какой-либо большой промежуток времени, прошедший между выполнением этих двух работ. Если я прав, относя пещеры к первой половине VII века, мы вряд ли сильно ошибемся, отнеся начало строительства, по крайней мере, яванского памятника ко второй половине этого столетия. Поскольку это так, я очень склонен полагать, что Боро Будд может быть идентичной семиэтажной вихаре, упомянутой Адитьей Дхармой в его надписи в Менамбабу. [\[610\]](#) То, что он был найден на Суматре, как мне кажется, не опровергает эту точку зрения. Надписи Ашоки найдены в Гандхаре, Саурастре и Ориссе, но не в Бехаре. На родине его знали, но, возможно, он хотел навсегда запечатлеть свое величие в отдаленных частях своих владений. Дата надписи, 656 год н.э., настолько точно соответствует возрасту, который я бы присвоил ей по другим источникам, что она, по крайней мере, может сохраняться в настоящее время. Конечно, это было завершено не сразу и не через несколько лет. Вся группа, включая Чанди Павона и Мендута, вероятно, может насчитывать более полутора столетий — скажем, до А.Д., или на протяжении всего золотого века буддизма на острове.,,

Изучающим буддийское искусство в Индии, безусловно, повезло, что Боро Будд (гравюры на дереве № [362](#) и [363](#)) привлек к себе такое большое внимание; ибо даже сейчас в пяти томах "табличек", недавно посвященных его иллюстрированию, нет ни одной лишней фигуры, чтобы сделать ее особенности доступными для научных целей: дело в том, что этот памятник был воздвигнут как раз в то время, когда буддийская система достигла своего наивысшего развития, и незадолго до ее падения.

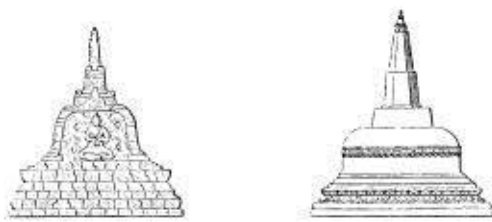
362. Полуплан храма Боро Будд. (С таблички из второго издания книги сэра Стэмфорда Раффлза "История Явы".) Масштаб 100 футов на 1 дюйм.

363. Высота и разрез храма Боро Будд. (С неопубликованной таблички, предназначенной для книги сэра Стэмфорда Раффлса "История Явы".)

Таким образом, она содержит в себе полное воплощение всего, что мы узнаем из других источников, и прекрасную иллюстрацию всего, что мы знаем о буддийском искусстве или ритуале. 1000 лет были завершены, и история, которая открылась для нас в Бхархуте, практически завершается в Боро Будд.

Фундаментальной формирующей идеей памятника Боро Будд является идея дагобы с пятью дорожками для процессий. Они, однако, стали квадратными в плане вместо круглых; и вместо одного большого куполообразного здания в центре мы имеем здесь семьдесят два меньших здания, в каждом из которых находится статуя Будды ([гравюра на дереве № 364](#)), видимая через открытую решетку, похожую на клетку; и одно большее здание в центре, которое внешне было довольно массивным ([гравюра на дереве № 365](#)), но в центре была ячейка, в которой, возможно, хранилась реликвия или какой-то драгоценный предмет. Однако нет никаких записей о том, что в нем что-либо было найдено, когда он был взломан. Все это, конечно, является огромным достижением, превосходящим все, с чем мы до сих пор сталкивались, и своего рода домом на полпути между величественной простотой Абхаягири в Анурадхапуре и несколько безвкусной сложностью пагоды в Менгуне ([Гравюра на дереве № 354](#)).

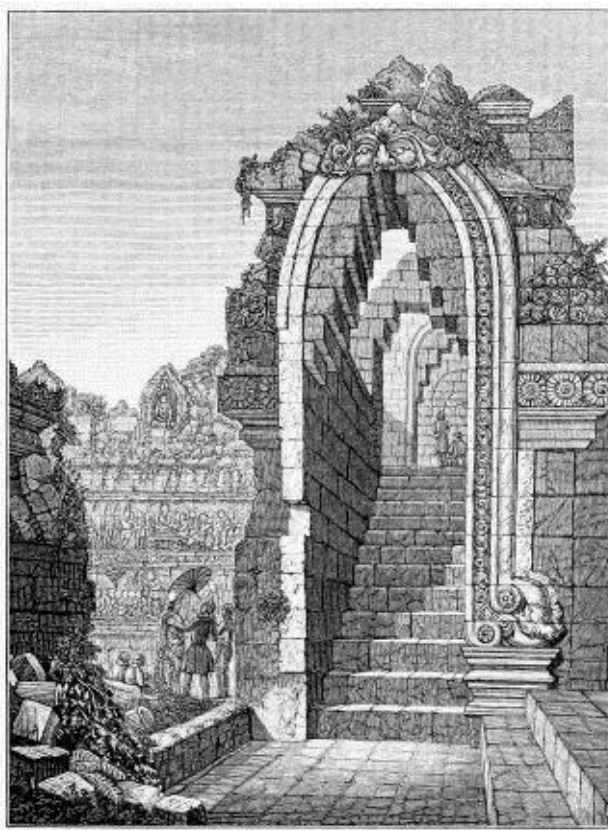
Однако Боро Будд также сочетает идею дагобы с идеей вихары, подобной той, что проиллюстрирована гравюрами на дереве № 66, 67. Тамошные кельи, хотя и были лишь вырублены в скале, все еще имитировали жилища монахов и еще не достигли той стадии, которую мы находим в монастырях Гандхара, где кельи монахов превратились в ниши для статуй. Здесь это прослеживается дальше, чем в любом примере, найденном в Индии. Камеры из примера Махавеллипора здесь повторяются на каждой грани, но в основном в виде ниш, и заняты 436 статуями Будды, сидящими в обычной позе со скрещенными ногами. В этом отношении Боро Будд опережает Тахт-и-Бахи, который является памятником в Индии, наиболее близким к нему по мифологическому значению. Действительно, сходство между ними настолько велико, что какую бы дату мы ни назначили одной, она влечет за собой дату другой. Действительно, было бы невозможно понять, как в VII веке буддизм так далеко продвинулся по отношению к современным непальской и тибетской системам, если бы у нас не было этих монастырей Гандхара, к которым мы могли бы обратиться. С другой стороны, учитывая столь схожее развитие буддизма на Яве в VII веке, кажется трудным отделить памятники северо-запада Индии от него на какой-либо очень большой промежуток времени.

Как видно из плана и высоты (гравюры на дереве № [362](#), [363](#), страница [645](#)), памятник может быть описан либо как семиэтажная, либо как девятиэтажная вихара, в зависимости от того, насколько одно- или трехэтажной мы считаем платформу, на которой стоят семьдесят две маленькие дагобы. Его подвал имеет более 400 футов в поперечнике, но настоящий храм имеет длину всего 300 футов от угла к углу в любую сторону. Однако Боро Будд так примечателен не своими размерами и не красотой архитектурного дизайна, а скульптурами, украшающими его галереи. Они простираются почти на 5000 футов — почти на английскую милю, — и поскольку скульптуры расположены с обеих сторон, у нас есть почти 10 000 линейных футов барельефов; или, если мы хотим добавить те, что расположены в два этажа, у нас есть серия скульптур, которые, если расположить их последовательно в ряд, простирались бы почти на три мили земли. Большинство из них также на удивление хорошо сохранились; ибо, когда яванцы были обращены в магометанство, это было сделано не в гневе, и их не побуждали разрушать то, что они прежде почитали; они просто пренебрегли ими, и, если бы не землетрясения, эти памятники были бы теперь почти такими же совершенными, как и при первом возведении.

Внешняя сторона цокольного этажа, хотя и чрезвычайно богата архитектурными украшениями и фигурными скульптурами, имеет сравнительно небольшое историческое значение. Первая закрытая галерея, или, как ее называют голландцы, вторая, является из всех пяти наиболее интересной с исторической точки зрения. На его внутренней стене вся жизнь Сакья Муни изображена на 120 барельефах самого замысловатого характера. Первые двадцать четыре из них посвящены сценам на небесах Тушита, или событиям, имевшим место до рождения. В двадцать пятой главе мы видим сон Майи, изображенный в точности таким, каким он был в Бхархуте или Санчи, 700 или 800 годами ранее. В следующих скульптурах легко узнать все знакомые сцены его жизни, его женитьбы и семейного счастья, пока он не встретит четыре предсказывающих знака; его последующий уход из дома и принятие аскетического одеяния; его жизнь в лесу; его проповедь в Оленьем саду в Бенаресе - короче говоря, вся Лалита Вистара представлена в мельчайших вариациях от картин, которыми мы уже располагаем, от Гандхары до Амравати, за этим единственным исключением: во всех индийских примерах рождение и Нирвана повторяются чаще, чем какие-либо другие события; ибо по какой-то причине, которую нелегко угадать, они здесь опущены, хотя все события, которые им предшествовали и последовали, описаны до мельчайших подробностей. [\[611\]](#) Под этими барельефами, изображающими жизнь Будды, находится столь же обширная серия из 120 барельефов с сюжетами, взятыми из Джатаки, все из которых, без сомнения, можно легко идентифицировать, хотя это еще не было предпринято.

В трех галереях выше этот буддизм представлен как религия. Группы Будд - три, пять или девять — повторяются снова и снова, смешиваясь с бодхисаттвами и святыми всех мастей. Среди них пять Дхиани-будд бросаются в глаза во всем, возможно, даже больше, разнообразии проявлений, которые известны в Непале и Тибете,^[612] что, как указывает Лассен, почти неизбежно приводит к выводу, что эта форма веры была привнесена из Непала или Западного Тибета.^[613]

Так это или нет, но, вероятно, никто из тех, кто знаком с буддийским искусством последней эпохи в западной части Индии, не усомнится в том, что именно из этих краев мигрировали строители Боро Будд. Характер скульптур и детали орнамента в пещере 26 в Аджунте и 17 в Насике, и особенно в более поздних пещерах в Сальсете, в Кондоти, Монпезире и других местах в этом районе, настолько идентичны тому, что найдено в яванском памятнике, что личность мастеров и мастерство изготовления безошибочны. Это правда, что в той части Индии у нас нет ни одного памятника, на который мы могли бы указать, который хоть сколько-нибудь напоминал бы Боро Будд по дизайну, но тогда следует иметь в виду, что в настоящее время в пределах пещерного региона Западной Индии не существует ни одного структурного буддийского здания. Однако кажется абсурдным предполагать, что столь обширное сообщество ограничивалось пещерами, и только пещерами. У них, должно быть, были какие-то структурные сооружения в их городах и в других местах, но сейчас не сохранилось ни одного фрагмента чего-либо подобного, и мы вынуждены отправиться в Гандхару, на крайний северо-запад, за ближайшими примерами. Как уже указывалось, между Джамалгири и, особенно, между Тахт-и-Бахи и Боро-Будд-ром есть много общего; и если бы какой-нибудь архитектор, привыкший к подобной работе, тщательно нарисовал и восстановил эти северные монастыри, стало бы очевидным гораздо больше.^[614] Даже сейчас мы знаем достаточно, чтобы сделать это морально достоверным, хотя вряд ли этого достаточно, чтобы доказать это перед лицом многого, что может быть выдвинуто теми, кто хочет в этом усомниться. Между тем, у меня сложилось впечатление, что если бы мы знали об этих монастырях Гандхары столько же, сколько мы знаем о Боро Будд, мы могли бы определить промежуток времени, разделявший их, вероятно, в пределах как минимум полувека.

366. Вид центрального входа и лестницы в Боро Будд. (С литографской пластины.)

Расширяя имеющиеся у нас в настоящее время свидетельства настолько, насколько это возможно, мы вряд ли сможем отнести монастырь Тахт-и-Бахи к одному столетию от Боро-Будд. Их может быть два — и Джамалгири все еще на одно или два столетия дальше по времени. Но, с другой стороны, если бы у нас не было этих монастырей Гандхара для упоминания, было бы трудно поверить, что северная система буддизма могла быть настолько полностью развита даже в VIII веке, как мы находим это в Боро Будд. Именно этот удивительный прогресс до сих пор делал вероятной более современную дату создания этого памятника — он выглядит намного опережающим все, что мы знаем об индийском буддизме. Но все это мы должны теперь пересмотреть в свете, который эти яванские памятники проливают на этот предмет.

Поскольку Боро Будд представлял собой всего лишь пирамиду, расположенную на вершине холма, при возведении Боро Будд не возникло никаких конструктивных трудностей, и поэтому неудивительно, что сейчас он остается таким цельным, несмотря на то, что, как и все яванские постройки, был возведен полностью без строительного раствора. Любопытно, однако, наблюдать, насколько верно его архитекторы придерживались индийского суеверия относительно арок. Они даже не сочли нужным срезать углы выступающих камней, чтобы имитировать арку, хотя и использовали остроконечные формы древних пещер чайтья на западе. Две системы хорошо проиллюстрированы на предыдущей гравюре на дереве (№ [366](#)), но она прослеживается повсюду. Все ниши увенчаны арками круглой, эллиптической или заостренной формы, но все они построены горизонтально, и можно добавить, что в девяти случаях из десяти замковые камни украшены маской, как в этом последнем примере.

МЕНДУЭТ.

В местечке под названием Мендоэт, примерно в двух с половиной милях от Боро Будд, есть храм совсем другого класса, который, хотя и небольшой, представляет чрезвычайный интерес для истории яванской архитектуры. Он стоит на цокольном этаже площадью 70 квадратных футов и высотой от 15 до 16 футов. Сам храм имеет площадь около 45 квадратных футов, включая выступы на каждой грани, что придает ему слегка крестообразную форму. Внутри находится камера площадью около 20 квадратных футов, перекрытая перевернутой ступенчатой пирамидой, в которой сидят три колоссальных изображения высотой около 11 футов каждое. Центральный из них — Будда, разумеется, с кудрявой головой, облаченный в прозрачное одеяние.^[615] Два других колосса, хотя и имеют только по две руки каждый, почти наверняка предназначены для Вишну и Шивы. На одном из лиц, внешнем, наконец, изображена Лакшми, восьмирукая, восседающая на лотосе в окружении сопровождающих. На другой стороне изображена четырехрукая фигура, сидящая, скрестив ноги, на лотосе, стебель которого поддерживают две фигуры с семиглавыми змеиными капюшонами. На самом деле это слегка измененное повторение группы, вставленной среди более старых скульптур на фасаде пещеры в Карли.^[616] Я всегда считал, что эта вставка относится к 6-му или 7-му веку; эта группа, безусловно, немного более современная. Любопытная часть этого вопроса заключается в том, что пример Мендуэта гораздо более утонченный и совершенный, чем пример Карли. Первый кажется слабым проявлением угасающего искусства; яванский образец столь же утончен и элегантен, как и все, что было в лучшие века индийской скульптуры. Те же замечания применимы и к священному дереву, под которым восседает фигура. Как и все подобные традиционные деревья в Боро Будд, они сложны и утонченны, превосходя все известные в Индии образцы.

Однако большой интерес к этому маленькому храму возникает из-за того факта, что он почти наверняка сразу же стал преемником Боро Будд. Если правильно предполагать, что 650-750 гг. н.э. являются периодом, в течение которого был возведен этот храм, то этот храм, должно быть, был построен между 750 и 800 г. н.э. Это также свидетельствует о прогрессе в дизайне в то время, когда буддийское искусство в Индии находилось в упадке; и это свидетельствует о таком

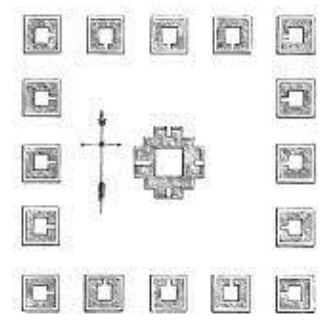
прогрессе в мифологии, что, хотя не может быть никаких сомнений относительно чистоты буддизма Боро Будд, любой может справедливо возразить, что этот храм принадлежал либо к этой религии, либо к индуизму. Фактически, это один из тех компромиссов, которые в Индии называли бы джайнскими; другими словами, один из тех переходных примеров, которых у нас много на Яве, но отсутствие которых оставляет такой пробел в нашей истории архитектуры в Индии.

БРАМБАНАМ.

На расстоянии двадцати миль к юго-востоку от Боро-Будд находится группа храмов, отмечающих место расположения старой индуистской столицы острова, которые почти так же интересны, как и сам этот великий храм. К сожалению, они гораздо менее известны или, во всяком случае, не были проиллюстрированы в такой же степени. Они, однако, настолько разрушены, что, возможно, именно из-за этого их детали не были так полно разобраны; но по какой бы то ни было причине мы не можем говорить о них с такой же уверенностью, как о Боро Будд.

Самой старой группой в Брамбанаме, по-видимому, является группа, известная как Лоро Джонграм, состоящая из шести храмов большего размера, обнесенных стеной и окруженных четырнадцатью кельями меньшего размера.^[617] Они могут относиться к эпохе Дэва Косума или к началу 9 века и, возможно, не являются здесь самыми ранними индуистскими храмами, но пока у нас не будет больше иллюстраций, говорить об этом с уверенностью невозможно.

Большой интерес к этому месту сосредоточен в храме, известном как Чанди Сива, или “тысяча храмов”, который после завершения строительства уступает по интересу только Боро Будд. Общий характер большого храма будет понятен из прилагаемого плана меньшего храма в том же месте ([Гравюра на дереве № 367](#)). Оба состоят из центрального храма, окруженного рядом небольших отдельно стоящих келий. В данном случае их всего шестнадцать, и предполагается, что каждая из них содержала изображение Будды—джайна, или Шивы, в соответствии с посвящением центральной кельи.

367. Маленький храм в Брамбанаме. (С рисунка в Индийском офисе.) Масштаба нет.

В великом храме центральная келья имела размеры 45 футов в каждую сторону, а с четырьмя пристроенными к ней кельями, одна из которых служила входным притвором, она образовывала крест длиной 90 футов в каждую сторону, причем вся она возвышалась на богато орнаментированном квадратном основании. Это здание богато и искусно украшено резьбой, но с поразительным отсутствием фигурной скульптуры, из-за чего его посвящение нелегко разобрать; но наиболее примечательной особенностью всей группы является множество храмов поменьше, которые окружают центральный, числом 238. Сразу за квадратной террасой, поддерживающей центральный храм, стоят двадцать восемь таких зданий — квадрат по восемь с каждой стороны, считая угловые в обе стороны. За ними, на расстоянии 35 футов, находится второй квадрат, числом сорок четыре; между этим и следующим рядом находится широкое пространство площадью более 80 футов, на котором расположено всего шесть храмов, по два в центре северной

и южной сторон и по одному на каждой из остальных. Два внешних ряда храмов расположены близко друг к другу, спина к спине, их число составляет 160, и они образуют квадрат, каждая грань которого составляет около 525 футов. Все эти 238 храмов похожи друг на друга, около 12 квадратных футов в основании и 22 фута в высоту, ^[618] все богато вырезано и орнаментировано, и в каждом из них есть небольшая квадратная ячейка, в которой первоначально была помещена фигура со скрещенными ногами, вероятно, одного из джайнских святых, хотя рисунки, которые были до сих пор опубликованы, не позволяют нам определить, кого они изображают - рисовальщики не знали о том, что на них изображено. различие между буддийскими и джайнскими образами.

При более пристальном рассмотрении становится очевидным, что Чанди Сива - это ни много ни мало, как Боро Будд, разобранный на части и распространенный с такими изменениями, которые были необходимы, чтобы приспособить его к тому компромиссу между буддизмом и брахманизмом, который мы называем джайнизмом.

Вместо центральной дагобы с ее семьюдесятью двумя второстепенными и пятью дорожками для процессий с их 436 нишами, содержащими фигуры Будды, мы имеем здесь центральную камеру с четырьмя второстепенными, каждая из которых, несомненно, содержит похожие изображения, и окружающие эти 236 ячеек, содержащие изображения, расположенные в пять рядов, с дорожками между ними, но не соединенные вместе ширмами со скульптурами, как в предыдущих примерах, и не соединенные бок о бок со скульптурами спереди или внутри, как это неизменно имело место в аналогичных храмах в Гуджерате того же возраста.

Сэр Стэмфорд Раффлс заявляет, что г.н.э. 1098 для завершения строительства этого храма, что, судя по внутренним свидетельствам, я полагаю, не так уж далеко от истины. Было бы, однако, чрезвычайно интересно, если бы это можно было зафиксировать с уверенностью, поскольку эти яванские памятники, вероятно, окажутся единственным имеющимся у нас средством наведения мостов через темные века в Индии. Уже сейчас мы можем видеть, что Тахт-и-Бахи, Боро Будд и Чанди Сива образуют ориентиры в серии, растянувшейся по меньшей мере на 500 лет, которую мы можем надеяться когда-нибудь заполнить, хотя материалов для нее в настоящее время не существует. У нас нет даже правильных рисунков келий монастырей Гандхара, похожих на бутылки из-под маринадов, а кельи в Чанди-Сива настолько разрушены, что трудно разобрать их форму. Однако кажется совершенно очевидным, что они, вместе с куполами и шпилями, венчающими ячейки фасада Боро Будд, образуют части одного взаимосвязанного ряда. На самом деле это всего лишь развитие одной формы, которую, обладая небольшим количеством информации, было бы очень легко проследить до ее первоначального источника.

ХРАМЫ ДЕРЕВЬЕВ И ЗМЕЙ.

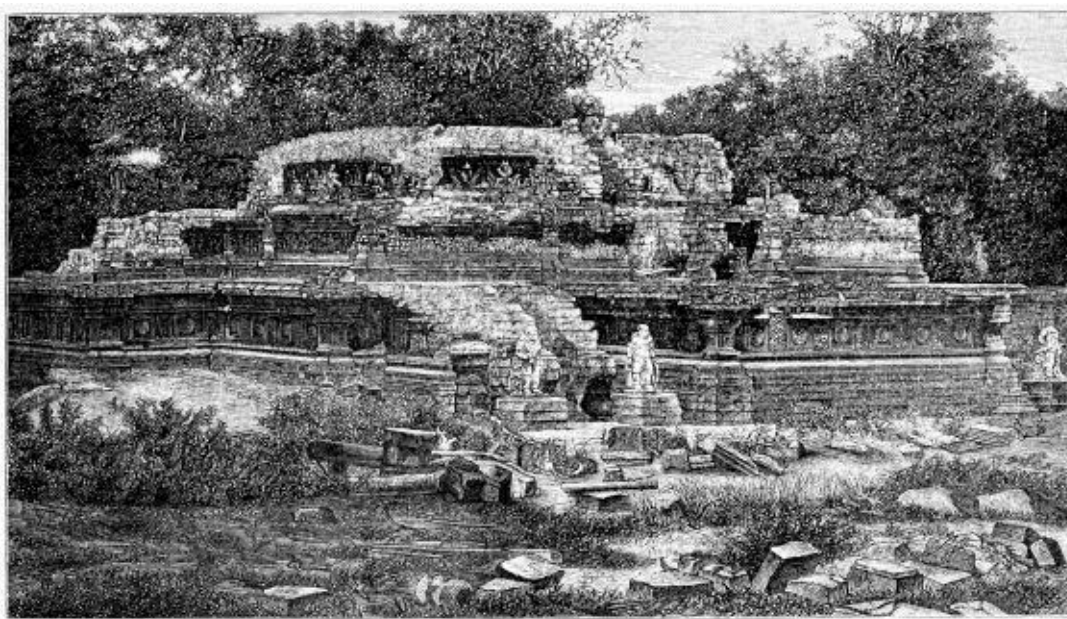
На Яве есть еще один класс храмов, которые при надлежащем изучении обещают пролить свет на некоторые сложные вопросы индийской мифологии и искусства. Они находятся в основном в провинциях Кедири и Маланг, в восточной части острова, и, судя по датам на некоторых из них, являются одними из самых современных образцов яванского искусства, все известные до сих пор датируются столетием, предшествующим свержению Маджапахита в А.Д. 1479 году нашей эры.

Четыре из них описаны Хиром Брумундом, ^[620] но, насколько я знаю, только один, Панатарам в Кедири, был сфотографирован, и ни планы, ни архитектурные детали ни одного из них пока не опубликованы. Следовательно, трудно говорить о них с уверенностью, но они слишком интересны, чтобы их можно было обойти молчанием. Прилагаемая гравюра на дереве передаст некоторое представление об этом в Панатараме, хотя и в слишком малом масштабе, чтобы сделать узнаваемыми все ее детали. В целом их можно описать как трехэтажные пирамиды с плоской платформой наверху и отверстием в центре, открытым небу. В данном случае нижняя платформа, насколько я могу разобрать, имеет площадь около 100 квадратных футов, с выступом или бастионом на каждой грани, за которым расположены лестницы, ведущие на ее вершину, как в

великих цейлонских дагобах (*ante*, стр. 190). Отсюда пролет из шестнадцати ступенек ведет прямо на платформу второго этажа, а аналогичный пролет - на платформу третьего этажа. Подвал здесь украшен многочисленными барельефами на панелях, изображающими сюжеты, взятые в основном из 'Рамаяны', но многие также и из местных легенд. Каждая из них отделена от соседней панелью с круглым медальоном, на котором изображено обычное животное или листовенный орнамент. Барельефы второго этажа выполнены лучше и, судя по их размерам, интереснее; однако, похоже, что все их сюжеты взяты из местных легенд, которые еще не установлены. Третья украшена панелями с крылатыми фигурами, грифонами, Гарудами и летающими чудовищами, более энергичными и лучше выполненными, чем любые подобные фигуры в любых известных мне образцах индуистского искусства.

Согласно Хиру Брумунду, храм Тоемпанга вполне соответствует этому. "Он, - говорит он, " самый красивый в Меланге. Это оставляет Синга Сари далеко позади, и его можно назвать Боро Будд Меланга".^[621] К сожалению, у нас нет ничего, кроме словесных описаний этих храмов и храмов на горе Санграхам, поэтому невозможно быть полностью уверенным в их расположении или внешнем виде; но поскольку все, кто их видел, описывают их как похожие, мы должны довольствоваться этой уверенностью, пока какое-нибудь фотограф не посетит это место, или, что было бы лучше, пока туда не отправится кто-нибудь, кто способен составить план, нарисовать и несколько архитектурных деталей.

Наиболее примечательной особенностью этих террасных храмов является то, что все они имеют отверстие для колодца в центре верхней платформы, простирающееся, по-видимому, до основания. Иногда он кажется квадратным, у других - круглым, и увеличивается по мере спуска, достигая 7 или 10 футов в ширину вверху.

368. Трехэтажный храм с террасами в Панатаре. (С фотографии.)

И Хир Брумунд, и доктор Лиманс проявляют немалую изобретательность, пытаясь объяснить тайну этих храмов-колодцев.^[622] Оба предполагают, что колодцы были перекрыты павильонами или храмами-кельями (*Kamer tempels*), но, насколько я могу разобрать, без каких-либо оснований. В Панатаре, например, парапет верхней террасы - хрупкое сооружение, которое любой человек с ломом мог бы разрушить за утро, или любое землетрясение наверняка сотрясло бы его; однако ни он, ни какой-либо другой камень в этом храме не были сдвинуты с места; но от этого

центрального павильона сейчас не осталось ни единого следа ни *на месте*, ни разбросанных вокруг. Кроме того, храм без пола, и внутри которого нет ничего, кроме *удобства спуска* 20 футов или 30 футов, и никаких средств для *отмены граду*, вряд ли пользовался популярностью ни у священников, ни у людей, и фактически нельзя предложить ни одну форму богослужения, которая подходила бы им. Ни здесь, ни где-либо еще, по-видимому, нет ничего, что опровергало бы теорию о том, что эти колодцы всегда были открыты для доступа верхнего воздуха.

Единственное предположение, которое приходит мне в голову как вообще возможное в данном случае, заключается в том, что это были храмы на деревьях; что священное дерево было посажено в этих ямах-колодцах либо на девственной почве, либо что они были полностью или частично засыпаны землей и в них было посажено дерево. Дерево Бо в Бух-Гайе посажено на террасе и возвышается на 30 футов над равниной, на которую с одной стороны ведут ступени; но не было проведено раскопок или, по крайней мере, опубликовано, которые показали бы, было ли три этажа с трех других сторон. Наха Вихара на Цейлоне, или храм дерева Бо, на самом деле является точно таким же храмом, как и в Панатараме. По-видимому, он пятиэтажный, практически трехэтажный, с деревом, посаженным в яме для колодца на его вершине. К сожалению, у нас нет плана ни его, ни яванских храмов; но если кто-нибудь прочтет описание Маха Вихары капитаном Чепменом,^[623] и сравнит его с описанием храмов в Маланге и Кедири Хира Брумунда, сделанным доктором Лимансом,^[624] Я не думаю, что он не сможет не заметить сходство. План цейлонской вихары еще не составлен, и те фотографии, которые существуют, были сделаны без высшей цели, кроме как сделать красивые снимки; так что чрезвычайно трудно прийти к какому-либо правильному представлению о ее форме. Между тем следующая гравюра на дереве (№ 369), дословно скопированная с одной из них в книге сэра Эмерсона Теннента, передаст представление о ее общем виде. Строение полностью кирпичное, и его орнамент, следовательно, был нанесен на штукатурку, которая полностью исчезла^[625], так что не существует средств сравнения между двумя способами декорирования. Что касается яванских скульптур в этих храмах, то можно с уверенностью утверждать, что ни в одном из них нет никаких следов буддизма — даже того, что можно было бы назвать джайнизмом, — или каких-либо следов индуистской религии, известной нам сейчас. Мы, например, прекрасно знакомы с индуистским пантеоном, о чем свидетельствуют скульптуры почти современного храма Хуллабид (*ante*, стр. 402); но в этих храмах-колодцах нельзя найти ни следа этих богов или богинь, ни каких-либо мифов, которые там излагаются. Кем бы они ни были, они принадлежат к религии, отличной от любой из тех, с храмами которой мы до сих пор встречались в этой книге, но мифы которой пронизывают всю историю индийской мифологии. Поклонение деревьям, по-видимому, последовательно практиковалось буддистами, джайнами и вайшнавами, но, возможно, возникло раньше обоих и, возможно, аналогичным образом пережило все три.

369. Вид на Маха Вихару, Анурадхапура. (Из "Цейлона" сэра Э. Теннента.)

В Индии в наши дни нет ничего более обычного, чем увидеть в деревнях Бенгалии маленькие трехэтажные пирамиды из глины - точные модели этих яванских храмов, — на вершине которых

посажен куст тулси, священное растение вайшнавов (*Ocymum sanctum*, или Сладкий базилик), пришедший на смену *религиозному фикусу*, завоевавшему любовь индусов. Однако часто эту эмблему помещают в вазы или маленькие модели обычных храмов, верхняя часть которых специально выдолблена. Многие из них существуют также на Яве; но никто — по крайней мере, в недавнее время — не посещал остров, кто был бы знаком с обычной домашней религией индусов, голландские антиквары ошибочно приняли каждую модель дагобы, которых в Индии тысячи, и описали ее как лингам, а каждую вазу тулси - как йони. В большинстве случаев они не являются ни тем, ни другим. Однако даже эта ошибка поучительна, поскольку показывает, насколько, по крайней мере, многими своими символами эти религии поменялись в эпоху терпимости. Сейчас они достаточно отчетливы, но до было трудно провести где-либо границу.,,

В Панатараме есть еще один храм, который, если кто-то на острове имеет право называться храмом Змеи, безусловно, заслуживает этого названия. Батавское общество посвятило двадцать две фотографии своим скульптурам, но не дало ни плана, ни единого слога описания. Нет даже общего вида, по которому можно было бы составить представление о его очертаниях, и не представлено ни одной фигуры, по которой можно было бы догадаться о масштабе. Его дата, по-видимому, 1416 г. н.э.. Фигуры, однако, из которых можно сделать такой вывод, находятся не на самом храме, а на ванне или резервуаре, прикрепленных к нему, хотя, судя по характеру скульптур, они почти наверняка ровесники.

Причина, по которой его называют храмом Змеи, заключается в том, что вся лепнина цоколя состоит из восьми огромных змей, по два с каждой стороны, чьи поднятые головы в центре образуют боковые части ступеней, ведущих к центральному зданию, каким бы оно ни было. Однако эти змеи не являются нашими знакомыми семиглавыми нагами, которых мы встречаем повсюду в Индии и Камбодже, а больше похожи на свирепых хохлатых змей Центральной Америки. Семиглавый змей действительно очень часто встречается среди скульптур в Боро Будд — однако никогда отдельно и не как объект поклонения, а как украшение голов народа нага, которые приходят поклониться Будде или принять участие в различных сценах, представленных там. Даже в этом случае они очень непохожи на индийских наг, чей капюшон безошибочно напоминает распростертую кобру. В Боро Будд и Панатараме изображены хохлатые змеи, подобные тем, что изображены на японской гравюре на дереве в книге "Поклонение дереву и змее", стр. 56.

Скульптуры на этих памятниках носят не религиозный или мифологический характер, а либо исторический, либо бытовой. Что они представляют, можно легко установить, поскольку над каждой сценой есть короткая описательная надпись, совершенно совершенная и написанная таким современным шрифтом, что, я полагаю, любой ученый на месте мог бы легко прочесть ее. Это, вероятно, уже сделано, но наши добрые друзья голландцы никогда не спешат, и мы, следовательно, должны ждать.

Между тем любопытно отметить, что за всю нашу историю мы знаем только о двух памятниках, с которыми так обращаются, и это самые ранние и последние памятники великой школы: ^[626] тот, что в Бхархуте, на который так часто ссылались выше, воздвигнут за два столетия до Рождества Христова; и этот, возведенный в 15 веке, когда борьба с магометанской религией набирала вокруг него ту силу, которая в течение полувека с того времени окончательно погасила восстание. вера, к которой он принадлежал.

Есть еще один храм такого класса в местечке под названием Матьянпонтих, относительно которого было бы интересно получить дополнительную информацию. Хир Брумунд описывает его как частично кирпичный, частично каменный, но необычайно богатый орнаментом. "Подвал, - говорит он, - состоит из черепахи и двух змей; головы этих трех животных соединяются на западной стороне и образуют вход". ^[627]

Это и многие другие описания почти непонятны без иллюстраций, но многие из них, похоже, указывают на класс храмов Змеи, которые, будь они более известны, могли бы пролить значительный свет на тайну, которая все еще окутывает эту форму веры в Индии.

ПЛАТО ДИДЖЕИНГА.

На возвышенном плато, недалеко от центра острова, на обратной стороне горы Праху, существует группа примерно из пяти или шести небольших храмов. Они не примечательны ни размерами, ни красотой своих деталей по сравнению со зданиями, которые мы только что описали; но они интересны индийскому антиквару, потому что это чистые индийские храмы, посвященные индийским богам. Пока что мы снова чувствуем себя как дома; но что еще говорят нам эти храмы, так это то, что если Ява получила свой буддизм от Гуджерата и устьев Инда, то свой индуизм она получила от Телинганы и устьев Кистны. В этих джиджингских храмах нет и следа изогнутых сикр Ориссы или индоарийского стиля. Если бы индусы отправились на Яву из долины Ганга, почти невозможно, чтобы они не захватили с собой несколько образцов этой излюбленной формы. Он встречается в Бирме и Сиаме, но нигде на Яве его следов не обнаружено.

И эти храмы не являются дравидийскими ни в каком собственном смысле этого слова. Они многоэтажные, но без камер и каких-либо напоминаний о них; но они чалукьяне в ясном и прямом значении этого термина. Здание, наиболее похожее на эти яванские храмы, проиллюстрированные на предыдущих страницах, находится в Бухропулли ([Гравюра на дереве № 216](#)), которое на Яве прошло бы незамеченным, если бы его лишили портика. Однако он, как и все известные нам чалукьянские храмы в Индии, особенно на территории Низама, относится к 10 веку. Большинство из них относятся к 13 веку, и колонны, вероятно, использовались реже во время визита Дэвы Косумы в 816 году нашей эры. Как бы то ни было, примечательным фактом является то, что на Яве нет ни одной колонны: по крайней мере, ни одна книга, к которой у меня был доступ, ни один рисунок и ни одна фотография не дают намека на существование хотя бы одной колонны на острове. Когда мы думаем о тысячах людей, нанятых дравидами на юге Индии и джайнами на северо-западе, любопытно, что они избежали того, чтобы быть представленными здесь. Ранний стиль Ориссы, как упоминалось выше, почти одинаковый; но на Java это абсолютно так, и, насколько я знаю, это единственный важный стиль в мире, о котором это можно сказать. Что не так любопытно, но и само по себе интересно, так это то, что на всем острове нет ни одной настоящей арки. На предыдущих страницах часто упоминался ужас индусов перед аркой; но затем они часто выходили из затруднения, используя дерево или железо. На острове нет никаких следов использования этих материалов, и ни одна яванская особенность не может быть отнесена к деревянному оригиналу. Все выполнено из камня, но без колонн и арок, которые составляют девять десятых конструктивных приемов средневековых архитекторов и столь широко представлены во всех западных стилях архитектурного искусства.

Здесь также можно упомянуть, описывая негативные характеристики яванского искусства, что в этих храмах в качестве цемента никогда не используется строительный раствор. Дело не в том, что они были невежественны в использовании извести, поскольку многие из их зданий оштукатурены и раскрашены по штукатурке, но она никогда не использовалась для придания прочности строительству. Именно из-за этого многие из их зданий находятся в таком разрушенном состоянии. На острове, где часты землетрясения, очень небольшое сотрясение превращает высокий храм в бесформенную груду за несколько секунд. Если бы они были зацементированы, то могли бы треснуть, но не настолько сильно, как сейчас. ^[628]

Как бы то ни было, яванский стиль архитектуры, вероятно, единственный, о котором можно сказать, что он достиг высокой степени совершенства без использования ни колонн, ни арок, ни строительного раствора ни в одном из своих зданий.

Суку.

В местечке под названием Суку, недалеко от горы Лаву, недалеко от центра острова, находится группа храмов, которые, если их должным образом проиллюстрировать, обещают иметь большое значение для истории архитектуры на Яве.^[629] Они являются одними из самых современных образцов стиля, на них указаны даты 1435 и 1440 гг. н.э.,^[630] или менее чем за сорок лет до разрушения Маджапахита и отмены индуистской религии на Яве. Насколько можно судить, они более грубы и вульгарны по исполнению, чем любые из ранее описанных, и принадлежали к деградировавшей форме вайшнавской религии. Гаруда - самая выдающаяся фигура среди скульптур; но есть также черепаха, кабан и другие фигуры, принадлежащие к этой религии. О скульптурах также говорят, что многие из них неприличны, что является слишком характерной чертой вишнуизма.^[631]

Наиболее интересной особенностью, связанной с остатками в Суку, а также со всеми более поздними постройками на Яве, является их необычайное сходство с современными зданиями на Юкатане и в Мексике. Это может быть всего лишь случайностью, но это безошибочно. Вероятно, никто, кто хоть сколько-нибудь знаком с останками, найденными в двух провинциях, не может не заметить этого, хотя никто еще не выдвинул никакой гипотезы, объясняющей это. Когда мы смотрим на обширные океанские просторы, простирающиеся между Явой и Центральной Америкой, кажется невозможным представить, что могла произойти какая-либо миграция на восток - скажем, после 10 века, — которая могла повлиять на искусство американцев; или, если бы она имела место, яванцы не научили бы их пользоваться алфавитной письменностью и многим искусствам, которые они культивировали, но о которых американцы не знали, когда их обнаружили испанцы. Столь же невероятным кажется и то, что какие-либо колонисты из Америки могли обосноваться на Яве таким образом, чтобы повлиять на искусство местного народа. Но есть третье предположение, которое может быть возможным, и, если это так, может объяснить наблюдаемые факты. Возможно, что строительные расы Центральной Америки принадлежат к той же семье, что и коренные жители Явы. Многие обстоятельства приводят к убеждению, что жители острова Пасхи принадлежат к одной и той же группе,^[632] и, если это так, очевидно, что расстояние не является препятствием для установления связи. Если принять эту гипотезу, история этой связи была бы такова: Яванцев впервые научили строить монументальные сооружения иммигранты из Индии, и мы знаем, что их первые работы были лучшими, а также наиболее чисто индийскими. В течение следующих пяти столетий (A.D. 650-1150) we can watch the Indian influence dying out; and during the next three (A.D. 1150-1450 гг. н.э.) развивается местный стиль, который, наконец, привел к появлению квазиамериканских образцов в Панатараме и Суку. Возможно, именно кровь, старая вера и чувства этих двух давно разделившихся ветвей одной изначальной расы снова вышли на поверхность и произвели сходные эффекты в далеких землях. Если это или что-то подобное не было причиной сходства, то оно должно было быть случайным, и, если это так, это почти единственный известный экземпляр такого класса, который где-либо существует; и, как ни странно, единственный другой пример, который встречается, касается сходства, которое безошибочно прослеживается между некоторыми перуанскими постройками и пеласгическими останками Италии и Греции. Они, однако, еще более отдалены по дате и местоположению, поэтому предмет должен оставаться в своей нынешней неопределенности до тех пор, пока какое-нибудь новое открытие не прольет на него новый свет.

Однако здесь не место, даже если бы пространство было доступно, пытаться исследовать и разрешить подобные вопросы; но даже здесь неплохо затронуть их, поскольку, если внимание не направлено на предмет, явления не наблюдаются с той разумной тщательностью, которая необходима для прояснения столь сложной проблемы.

Следует признать, что вышесказанное - лишь скудный набросок того, что можно было бы назвать одной из самых интересных и важных глав в истории индийской архитектуры. Однако, чтобы отдать ему должное, потребовалось бы по меньшей мере 100 иллюстраций и 200 страниц

текста, что расширило бы эту работу за пределы тех рамок, в которых в настоящее время представляется целесообразным ее ограничить. Однако даже если бы компания решила попытаться это сделать, в Европе не существует материалов для выполнения этого удовлетворительным образом. Мы знаем все, что хотим, или, вероятно, когда-либо узнаем, о Боро Будд и одном или двух других памятниках, но в отношении большинства других наша информация крайне фрагментарна, а в отношении некоторых - абсолютно недостаточна. Любой квалифицированный специалист мог бы за шесть месяцев путешествия по острову так скоординировать все это, чтобы восполнить недостатки до такой степени, чтобы иметь возможность написать полную и удовлетворительную историю архитектуры на Java. Но маловероятно, что необходимая для этой цели информация будет доступна в Европе в ближайшие несколько лет, и ее может быть много — очень много, - если только работа не будет проводиться по более систематическому плану, чем это было до сих пор. И на этом острове, и на Цейлоне намерения были благими, но результаты разочаровывающие и неудовлетворительные. Голландцы, однако, намного опередили наши колониальные власти не только в заботе о своих памятниках, но и в том, в какой степени они их опубликовали. Остается только надеяться, что плодотворное соперничество в скором времени сделает архитектурные произведения обоих островов доступными для целей научных исследований.

ГЛАВА IV.

КАМБОДЖА.

Содержание.

Вводные — Храмы Накхонват, Онгкор Том, Патен та Фром и др.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕСЛОВО.

Со времен эксгумации Монсом погребенных городов Ассирии. Ботта и мистер Лейард: ничто не произошло столь поразительно и не пролило столько света на восточное искусство, как открытие разрушенных городов Камбоджи. Исторически они бесконечно менее важны для нас, чем руины Нимруда и Ниневии; но с архитектурной точки зрения они более удивительны; и для выяснения некоторых индийских проблем, кажется, невозможно переоценить их важность.

Первым европейцем, посетившим эти руины в наше время, был М. Муо, французский натуралист, посвятивший последние четыре года своей жизни (1858-1861) исследованию долин рек Меконг и Менам. Хотя основной целью его путешествий было изучение природных условий страны, он, похоже, был настолько поражен руинами Онкор-Вата, что не только зарисовал и составил их планы, но и написал описания всех основных зданий. К несчастью для науки и искусства, он так и не вернулся в Европу, заболев лихорадкой во время проведения своих исследований в северной части страны; и, хотя его заметки были опубликованы как в этой стране^[633], так и во Франции, они не были подготовлены к публикации им самим и нуждаются в пояснительных штрихах, которые только автор может придать своей собственной работе. Хотя его печальная смерть помешала месье Муо получить всю известность, на которую он имел право за свое открытие, оно принесло богатые плоды в глазах общественности.

Следующим человеком, посетившим эти руины, был очень образованный доктор Адольф Бастиан,^[634] который написал самую малоизвестную, но самую неудовлетворительную работу об индокитайских народах в пяти томах. Он также написал отчет о руинах в 'Журнале Королевского географического общества' (том xxxv) и четыре статьи в 'Аусланде' (№ 47-50). Из всего этого невозможно выяснить, убедился ли доктор Бастиан в том, кто построил эти храмы, каков их возраст или какому богослужению они посвящены. Если он и знает что-то об этих вопросах, то тщательно скрывает это от непосвященных под сумбурной массой непереваренных знаний, которые невозможно постичь.

За его визитом к этим руинам последовал визит мистера Дж. Томсона, профессионального фотографа из Сингапура, который ценой значительных затрат и риска доставил на место свой фотографический аппарат и привез план великого храма Накхон Ват с примерно тридцатью его фотографиями, помимо видов других мест по соседству.

С тех пор французы отправили в это место две хорошо оснащенные экспедиции: первую под командованием капитана Дудара де ла Гре в 1866 году, вторую в 1873 году. Поскольку главной целью первого было исследование реки Меконг, они могли посвятить лишь часть своего времени антикварным изысканиям, а несчастная смерть их руководителя на границах Китая помешала ему когда-либо доработать свои результаты в той степени, в какой он, без сомнения, дожился бы до возвращения домой. Однако они были опубликованы в том виде, в каком он их оставил, лейтенантом Ж. Гарнье, заместителем командира экспедиции, с его собственными примечаниями и дополнениями.^[635]

Поскольку они, однако, не смогли завершить исследование, была организована вторая экспедиция под командованием капитана Делапорте, который принимал участие в предыдущей экспедиции.

Они вернулись во Францию в 1874 году, привезя с собой не только подробные планы большинства храмов, но и копии почти всех надписей, которые смогли найти, а также большую коллекцию древностей и слепков. Последние в настоящее время расположены в Компьенском замке и доступны для публики. Рисунки и надписи находятся в процессе публикации, и, когда они будут доступны, они послужат материалом, на основе которого мы сможем с уверенностью судить не только об искусстве, но и об истории этого замечательного народа.^[636] В настоящее время мы вряд ли в состоянии это сделать. То, что было собрано до сих пор, было собрано слишком фрагментарно, и оно еще не прошло процесс просеивания, который необходим для того, чтобы можно было отделить зерна от плевел.

В дополнение к этим источникам информации есть очень интересный отчет, написанный китайским путешественником, который провел два года в стране, когда королевство находилось в самом цветущем состоянии, между 1295 и 97 годами. Он был буддистом и, подобно своим предшественникам в Индии, Фа Хиану и Хиуэн Тхангу, слишком часто смотрит на вещи через буддийские очки; но с этим небольшим недостатком ничто не может быть более наглядным, чем его рассказ о стране и людях.^[637]

Есть также две статьи, написанные полковником . Джеймс Лоу в "Журнале Азиатского общества Бенгалии" (том xvii), которые изобилуют традиционной информацией, извлеченной из сиамских книг.

Первое утверждение в традициях камбоджийцев, собранное доктором Бастианом, достаточно поразительно. "В стране Рим, или Ромавейсеи, недалеко от Такхасинлы (Таксила), правил великий и мудрый царь. Его сын, вице—король по имени Пхра Тонг, совершив проступок, был изгнан и после многих приключений поселился в Камбодже" и т.д.^[638] Время не указано, но из контекста мы заключаем, что это должно было быть примерно в 4 веке. На первый взгляд это может показаться уловлением номинального сходства, но смуты, имевшие место в Кашмире в правление Тунгины и в целом в западной Индии около 319 года, настолько похожи на то, что записано дальше на восток, что в настоящее время это кажется наиболее вероятной датой миграции, если предположить, что она имела место. Многие были бы склонны сомневаться в возможности какого-либо сообщения между двумя странами; но следует иметь в виду, что страна вокруг Таксил в древние времена называлась Камбоджа; что это был центр поклонения Змеям; что архитектура Кашмира имеет очень большое сходство с архитектурой Камбоджи; хотя существует общее мнение, что камбоджийцы пришли из Индии. Если бы это было так, то представляется несомненным, что они мигрировали не с восточного побережья. Как указывалось выше, индийцы, которые привнесли буддизм и буддийскую архитектуру на Яву, прибыли туда из Гуджерата или стран западного побережья. Это едва ли кажется сомнительным, и нет большей невероятности миграции из Инда в Камбоджу, чем миграция из Гуджерата на Яву.

Цейлон всегда был пристрастен к поклонению змеям и, возможно, образовал дом на полпути. С другой стороны, ни в коем случае нельзя исключать, что общение могло происходить за Гималаями; фактически, религия двух стран произошла из какого-то общего центра в Северной Азии.

Все это потребует тщательной проработки в дальнейшем, в каком-нибудь месте, где это можно будет рассмотреть более полно, чем это возможно здесь. Все, что сейчас требуется, - это настаивать на том факте, что между двумя странами должна была существовать связь и что традиции Камбоджи указывают на Таксилу как на их родительское место.

В течение шести столетий с того времени у нас не было ничего, кроме историй о королях-драконах и их прекрасных, но беспокойных дочерях; о сокровищах и реликвиях, которые они

охраняли; и о заклинаниях, к которым прибегали, чтобы победить их и ограбить. Все это является общим для всех народов между Камбоджей и Нордкапом Норвегии, но нас здесь не касается.

Наконец-то мы подошли к факту. “В 957 году Интхапатхапури был основан королем Патхуммасурионгом”.^[639] Точно так же, как название старой столицы Сиам было неправильным произношением Айодхьи, так что это всего лишь камбоджийский способ написания Индрапрастхи, или старого Дели из "Махабхараты".

Перепрыгивая через промежуточный промежуток от этой начальной даты, мы имеем заключительную - завоевание страны сиамцами (1351-1374 гг. н.э.), после чего старая столица опустела, и там больше не возводили храмов. Таким образом, наша архитектурная история ограничивается четырьмя столетиями, прошедшими между 951 и 1357 годами. По крайней мере, для первых трех из них Накхон^[640] Том- Великий город — был столицей. Однако примерно в середине 13 века король заболел проказой, “потому что он оставил поклонение змеям своих предков”, и принял брахманическую или буддийскую ересь, не совсем ясно, какую именно; и затем столица была перенесена примерно в пятнадцать миль дальше на восток, и был построен город, известный как Патен та Фром (Город Брахмы?).

Между тем у нас есть по меньшей мере три столетия, в течение которых преобладало поклонение нагам, что привело к возведению ряда храмов— таких же больших и богато украшенных, какие можно найти в любой другой части мира. Последний из них— известный как Накхонват, был если не самым большим, то, по крайней мере, лучшим с архитектурной точки зрения, и является единственным, о котором мы в настоящее время располагаем достаточной информацией, чтобы говорить с уверенностью.

Из того немногого, что мы знаем о других, не кажется, что было бы трудно расположить их все в хронологическом ряду, исходя из градаций стиля, которые они демонстрируют; ни установить их даты, поскольку они покрыты надписями иероглифами, которые можно прочесть без серьезных проблем; и они, вероятно, содержат имена королей, что позволило бы это сделать, по крайней мере, приблизительно, даже если бы там не было дат.

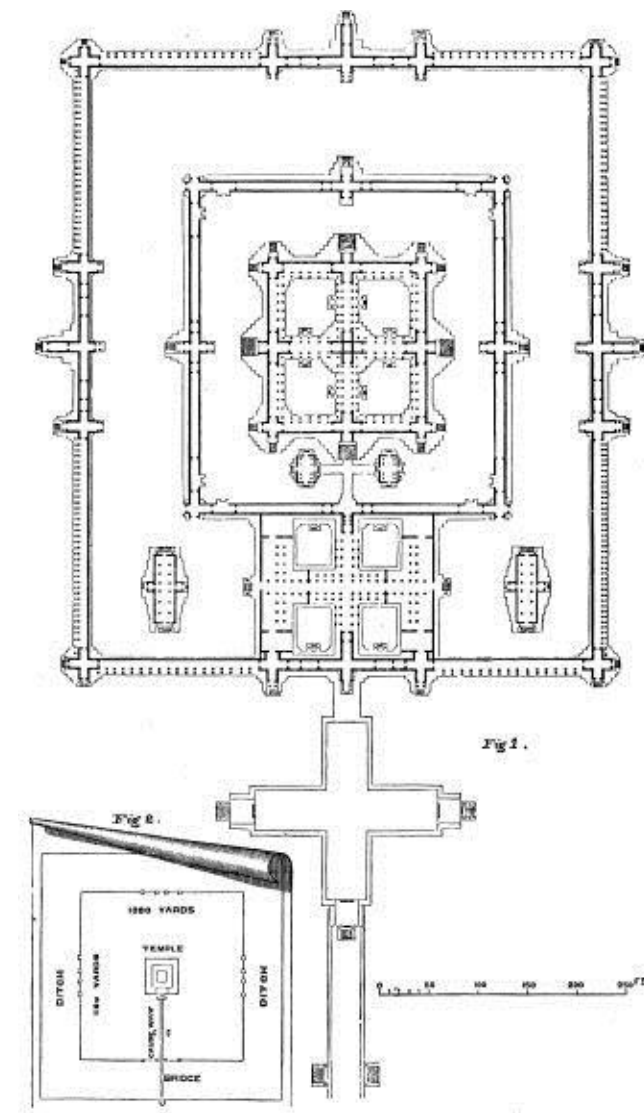
Здания Патен та Фром (брахманического храма) имеют гораздо более разнообразный, но менее совершенный стиль. Судя по описаниям М. Муо и доктора Бастиана, они являются буддийскими, джайнскими или индуистскими, или все эти стили смешаны вместе, как на Яве. На самом деле, они, кажется, очень похожи на здания на этом острове, и их дата примерно такая же, исключая только буддийскую серию, которая, похоже, здесь не встречается; но, поскольку никаких подробных рисунков или хороших фотографий их еще не опубликовано, о них сейчас можно сказать очень мало. В настоящее время наше внимание должно быть в основном приковано к городу Онгкор — или Онгон, как его называют в народе, но более правильно называть Накхон Том — великий город, — и особенно к пригородному монастырю Накхон Ват.

Теперь нетрудно указать на местоположение этого города, поскольку озеро, рядом с которым он расположен, и подступающие к нему холмы, как правило, теперь присутствуют в большинстве атласов. В целом можно сказать, что примерно на полпути между великими реками Сиам и Камбоджи находится озеро Тали Саб, длиной около 120 миль и шириной от 30 до 60. В сухую погоду его средняя глубина составляет всего 4 фута, но в дожди он питается рекой Меконг, частью которой является заводь, и поднимается на 30 или 40 футов выше, так что по нему легко передвигаются большие лодки. На небольшом расстоянии от северного берега этого озера, на 103 ° 50 восточной долготы и 13 ° 30 Северной широты, находятся руины, расположенные на огромной равнине, простирающейся примерно на пятьдесят миль в ширину между озером и холмами на его северной границе.^[641]

ХРАМ НАКХОН-ВАТ.

Храм Накхон Ват, буквально ”храм города“, или "столицы", как его теперь называют сиамцы, расположен на песчаной равнине, примерно в четырех милях к югу от самого города Онкор, и

между ним и озером Тали Саб. Как видно из небольшого плана (рис. 2, Гравюра на дереве № 370), это почти точный квадрат, длина которого составляет почти английскую милю в каждую сторону. Обнесенный стеной корпус храма имеет размеры 1080 на 1100 ярдов и окружен рвом шириной 230 ярдов.

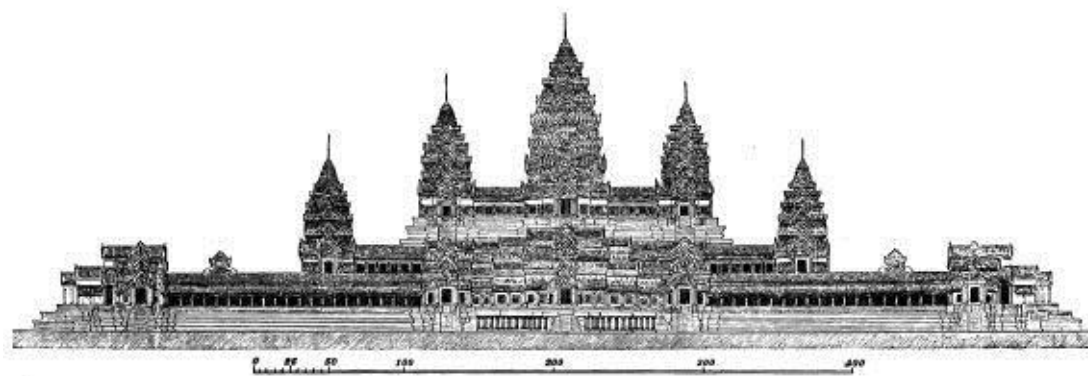
370. План храма Накхон-Ват. (Из обзора мистера Дж. Томсона.) Масштаб 155 футов на 1 дюйм.

Ров пересекает на западе великолепная дамба, украшенная колоннами с обеих сторон. Они ведут к большим воротам, мало чем отличающимся от гопуры дравидийского храма, высотой в пять этажей, но расширенным боковыми галереями и башнями до фасада протяженностью более 600 футов. Внутри него вторая приподнятая дамба длиной 370 ярдов ведет к крестообразной платформе перед храмом (показана на рисунке 1, гравюра на дереве № 370). По обе стороны от него, примерно на полпути вниз, находится отдельно стоящий храм, который в любом другом месте считался бы важным, но здесь его можно обойти стороной.

Общий план храма будет понятен по гравюре на дереве (№ 370). Он состоит из трех ограждений, расположенных одно внутри другого, каждое из которых приподнято на 15-20 футов над уровнем того, что находится снаружи, чтобы придать всему пирамидальную форму. Внешний корпус имеет размеры 570 на 650 футов и, следовательно, занимает около 370 000 квадратных футов. Великий храм в Карнаке (Фивы) занимает 430 000 квадратных футов. Здесь есть три портала, украшенных башнями с каждой стороны, а по обе стороны от них расположены открытые галереи или веранды, которые с их барельефами, вероятно, являются наиболее примечательными особенностями этого храма. Их внешний вид будет понятен по гравюре на дереве № 373; внутренний вид - по гравюре на дереве № 374; хотя эти иллюстрации выполнены в слишком малом масштабе, чтобы отдать должное их великолепию.

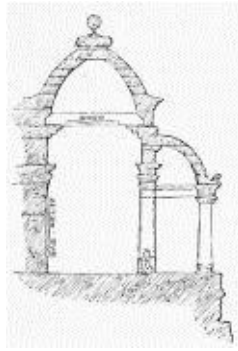
О его возвышенности можно судить по гравюре на дереве № 371, на которой показано, что это пирамида шириной более 600 футов по самой короткой ширине к северу и югу и высотой до 180 футов на вершине центральной башни. Следовательно, он и больше, и выше, чем Боро Будд, и, несмотря на необычайную проработку этого храма, он, вероятно, превосходит этот храм как по степени его украшенности, так и по изяществу резьбы. Возможно, на создание колоннад в Рамиссераме было потрачено столько же или почти столько же труда, сколько и на строительство этого храма; но в остальном индийский пример не может сравниться ни с одним из этих двух. У него буквально нет очертаний и практически нет дизайна; в то время как и Накхонват, и Боро Будд столь же замечательны своими архитектурными замыслами, как и скульптурными украшениями.

Механическое устройство галерей или колоннад, упомянутых выше, столь же совершенно, как и их художественный дизайн. Это можно понять из схемы, гравюра на дереве № 372. С одной стороны находится сплошная стена самой изысканной каменной кладки, поддерживающая внутреннюю террасу храма. Она построена из крупных камней без цемента и так красиво подогнана, что трудно обнаружить стыки между двумя камнями. На расстоянии 10 футов 6 дюймов. перед ним возвышается ряд квадратных опор, очень похожих по пропорциям на римско-дорический ордер, с капителями, также похожими на классические образцы, но более орнаментированными. У этих колонн нет основания, но на каждой грани вырезана фигура преданного или молящейся, увенчанная балдахином с резным орнаментом, который также проходит по краю древков. Колонны несут архитрав и глубокий фриз, который во внутренней части храма украшен барельефами самого замысловатого характера, а над ними находится карниз очень классических очертаний. Над карнизами находится остроконечная арка, образованная не вуссуарами, а камнями, выступающими один за другим, как у древних пеласгов и индейцев до наших дней. Это довольно просто, и, вероятно, первоначально предполагалось, что оно будет скрыто деревянным потолком, как показано на схеме; по крайней мере, мистер Томсон обнаружил пазы, которые предназначались для крепления некоторых таких украшений, а в одном месте остатки потолка из тикового дерева с красивой и искусной резьбой.

371. Возвышение храма Накхон-Ват. (С рисунка лейтенанта Гарнье.)

За пределами этой галереи, как показано на гравюрах № 372, 373, находится вторая, поддерживаемая более короткими колоннами, с основанием и капителем.

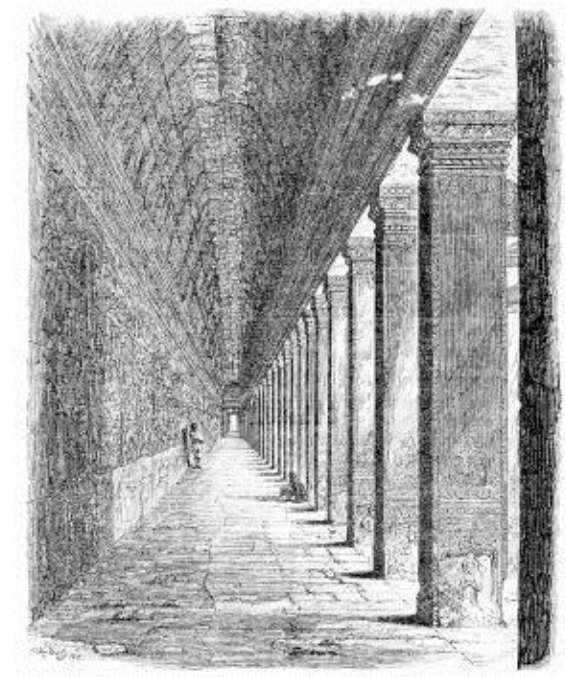
372. Схема участка коридора, Накхон-Ват.

373. Внешний вид Накхон-Вата. (С фотографии мистера Дж. Томсона.)

Этот внешний ряд поддерживает то, что можно назвать рулевой балкой, один конец которой вставлен во внутреннюю колонну чуть ниже капителя. Однако это так красиво подогнано, что мсье Муо утверждает, что внутренние колонны представляют собой монолиты, и, как и другие стыки каменной кладки, стык нельзя обнаружить даже на фотографии, если на него не указать. Красота этого расположения сразу поразит любого, кто знает, как трудно не пустить солнце и впустить свет и воздух, столь необходимые в этом климате. Британцы пытались реализовать это в Индии в течение 100 лет, но так и не придумали ничего настолько художественного или удобного, как это. На самом деле это решение проблемы, над которой мы, возможно, ломали голову веками, но которую камбоджийцы решили инстинктивно. Внешний карниз здесь, как и во всем храме, состоит из бесконечных повторений семиглавого змея.

374. Вид внутреннего пространства коридора, Накхон-Ват. (С фотографии мистера Дж. Томсона.)

Однако самыми замечательными частями этих колоннад Накхонвата являются скульптуры, украшающие их стены, а не архитектура, которая их укрывает. Они распределены по восьми отсекам, по одному с каждой стороны четырех центральных групп входов, размером каждый от 250 до 300 футов в длину и высотой около $6\frac{1}{2}$ футов. Таким образом, их общая длина составляет не менее 2000 футов, и, если предположить, что сфотографированные части соответствуют справедливому среднему значению, количество представленных людей и животных варьируется от 18 000 до 20 000. Рельеф настолько низкий, что на фотографии он на первый взгляд выглядит как будто вырезанный — *intagliato* — подобно египетским скульптурам; но это не так. Вообще говоря, эти рельефы представляют собой батальные сцены наиболее оживленного описания, взятые из 'Рамаяны' или 'Махабхараты', которые иммигранты либо привезли с собой, либо, как говорится в сиамских летописях, получили из Индии в 4 или 5 веке. Патхаммасурифонг, основатель города, велел перевести их на камбоджийский со значительными вариациями, и здесь они изваяны почти *в полном объеме*.^[642]

Однако один барельеф посвящен другому сюжету — обычно считается, что он представляет небеса, землю и ад. Вверху изображена процессия, настолько похожая на процессии в египетских храмах, что это поражает. Короля несут в паланкине, очень похожем на те, что изображены на скульптурах на берегах Нила, и сопровождают его штандарты и эмблемы, которые дополняют иллюзию. В среднем ряду сидит судья с многочисленной группой заседателей, а осужденных сбрасывают в нижний ряд, где их изображают подвергнутыми пыткам всеми способами, которые изобрела восточная изобретательность. Однако неясно, является ли это богословским адом; представляется более вероятным, что он представляет собой способ, с помощью которого индийские иммигранты "улучшали" местных жителей. Только один сюжет можно назвать мифологическим, и он носит старое знакомое лицо; он представляет вторую Аватару Вишну, поддерживающую мир черепахой, и вспенивание океана с помощью великого змея Нага. Ни одна легенда в индуистской мифологии не могла бы быть более подходящей для храма змеи; но, несмотря на это, она неуместна, и я не могу отделаться от мысли, что именно его выбор этого предмета породил предание о том, что царь был поражен проказой, потому что оставил веру своих предков. Этот рельеф, очевидно, является последней попыткой и до сих пор остается незаконченным.

Единственные другие храмы, о которых я знаю, где скульптура используется в подобном изобилии, - это храмы в Боро Будд на Яве и в Хуллабиде, описанные выше, стр. 401. Однако в индийском примере принципы, на которых он используется, диаметрально противоположны тем, которые в моде в Камбодже. Там все скульптуры выполнены в горельефном виде, многие фигуры стоят свободно, и все они являются важными частями архитектуры — по сути, это сама архитектура. Здесь, однако, эти два искусства остаются совершенно разными и независимыми, каждое взаимно помогает другому, но каждое совершенствуется само по себе и обособлено в своей цели. Готические архитекторы пытались соединить свою скульптуру с архитектурой таким же образом, как индийские архитекторы. Греки, напротив, сохранили их особыми; они построили простую стену за пределами целлы храма для своих картин и скульптур и защитили ее ширмами из колонн точно так же, как это делали камбоджийцы; и трудно сказать, какой принцип был лучшим. Критик, проникнутый чувствами к средневековому искусству, встал бы на сторону индийцев; но если греки были правы в своих принципах, то, безусловно, правы были и камбоджийцы.

Оставив пока эти внешние перистили и войдя через западную дверь, мы оказываемся в прихожей размером 180 на 150 футов, поддерживаемой более чем 100 колоннами и освещаемой четырьмя небольшими двориками, открытыми небу наверху; но полы, как и во всех храмах нага, представляют собой резервуары для воды. Вся эта часть устроена наиболее художественно, так, чтобы получить самые разнообразные и живописные эффекты, и так же достойна изучения, как и любая другая часть храма. За этим, с обеих сторон, находится отдельно стоящий храм, похожий по плану на те, что стоят по обе стороны дамбы, на полпути между входом и храмом.

Поднимаясь по ней, мы попадаем в средний двор, в центре которого стоит то, что можно считать самым храмом. Он имеет размеры 200 на 213 футов и увенчан пятью башнями или шпилями, по одной на каждом углу и одной, более высокой, чем остальные, в центре, поднимающейся на высоту 180 футов. В центральной башне есть четыре камеры, как в Садри, по одной в каждую сторону. Общий вид этих башен можно представить по возвышению ([гравюра на дереве № 371](#)) и гравюре на дереве № 375. Они очень индийские по характеру и очертаниям, но при ближайшем рассмотрении оказываются непохожими ни на что, известное в этой стране. Здание, которое больше всего напоминает внутренний храм, насколько известно в настоящее время, находится в Садри ([Гравюра на дереве № 133](#)). Его размеры почти такие же, 200 футов на 225 футов; как и здесь, у него пять шпилей, расположенных аналогичным образом, и четыре открытых двора; и в Садри, как и здесь, есть определенное количество изображений змей, которые предполагают связь между ними. Но на этом сходство заканчивается. Необычайное богатство и изобилие деталей в камбоджийском храме намного превосходит индийский образец; а дворы в Накхонвате - это не дворы, а резервуары для воды. Неясно, насколько могли быть затоплены нижние дворы, равно как и то, не могла ли вся территория площадью 1100 квадратных ярдов, на которой стоит храм, также превратиться в озеро.^[643] Судя по аналогии с кашмирскими храмами, представляется вероятным, что так оно и было. Если бы это было так, трудно представить себе более сказочную сцену, чем представлял бы этот храм, возвышающийся над озером, которое отражало его формы в спокойной тишине тропического заката.

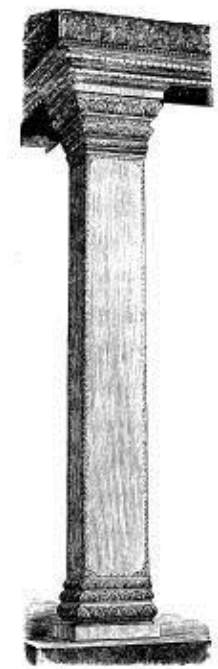
Одно из самых любопытных обстоятельств, связанных с архитектурой этого храма, заключается в том, что все его колонны в такой же степени выполнены в римско-дорическом стиле, как колонны Кашмира - в греко-дорическом.

375. Общий вид храма Накхон-Ват. (С фотографии мистера Дж. Томсона.)

Даже если это оспаривается, по крайней мере, одно можно сказать наверняка: таких колонн нет нигде в Индии. В Накхонвате нет ни одной капитальной опоры, ни индийского основания. Колонны нигде не переходят в восьмиугольники или многоугольники с шестнадцатью или тридцатью двумя сторонами, ^[644] и все антаблементы настолько непохожи на индийские формы, насколько это вообще возможно представить. В Накхонвате также есть пересекающиеся своды и хитроумные кровельные конструкции всех видов, но нет купола и никакого намека на то, что архитекторы знали о существовании такой формы. Напротив, возьмем такую колонну, как та, что изображена на гравюре на дереве № 376: соотношение диаметра к высоте; энтасис; соотношение между верхним и нижним диаметром; капитель со счетами; основание с цоколем; архитрав и т.д. Насколько похожи на римский орден, что трудно представить это сходство случайным.

Но кто бы ни придумал дизайн этих колонн — а, по словам М. Муо, в этом единственном здании их 1532, — у нас есть множество свидетельств того, что люди, для которых они были возведены, были чистокровными туранцами. Не настаивая на других фактах, скажу, что в альто-рельефе в каждой части здания есть группы женских фигур. Иногда они расположены в нишах или парами, как на Гравюре на дереве № 377, прикрепленной к пилястрам, или группами по четыре и более. Их сотня или больше в разных частях здания, и у всех толстые губы и плоские носы истинных татар, их глаза расположены под углом друг к другу, как у египтян или у любой другой истинной строительной расы мира. К сожалению, ни одна мужская статуя не прикреплена таким образом, хотя есть несколько отдельно стоящих фигур, которые рассказывают ту же историю. Барельефы не помогают в расследовании, поскольку художник приложил все усилия, чтобы тщательно выделить этнографические особенности всех представленных народов, и, пока надписи не будут прочитаны и мы не узнаем, кто предназначен для индийцев, а кто для китайцев или камбоджийцев, мы не можем использовать доказательства, которые они предоставляют.

376. Колонна крыльца, Накхон-Ват.

(С фотографии мистера Дж. Томсона.)

Хорошо известен факт, что везде, где в любой части мира преобладало поклонение Змеям, существовал обычай посвящать самых красивых молодых девушек на служение храму. Это не только объясняет наличие этих многочисленных женских статуй, но и их присутствие дает намек на поклонение, которому они были посвящены. Этого, однако, не требуется, ибо, хотя бог ушел, а буддисты завладели храмом, бог-Змея появляется повсюду. Каждый угол каждой крыши украшен изображением семиглавого змея, и их сотни; каждый карниз состоит из змеиных голов; каждый изгиб крыш, а их тысячи, заканчивается пяти- или семиглавой змеей. Балюстрады - змеи, а конек каждой крыши, по-видимому, был украшен позолоченными драконами. Они были сделаны из металла и исчезли, но отверстия, в которые они были вмонтированы, все еще можно увидеть на каждом гребне.

В святилище, конечно, нет изображения, потому что особенность этой религии в том, что бог является живым богом и умирает или съедается своими братьями-божествами, так что от него не остается и следа. Но, помимо всего этого, водные сооружения, которыми пронизана каждая часть великого храма, таковы, что относятся к поклонению Змею, и только к нему.

377. Нижняя часть пилястры, Накхон-Ват. (С фотографии мистера Ф. Дж. Томсона.)

В настоящее время этим храмом владеют сиамские бонзы, которые посвятили его поклонению Будде. Они установили его изображения в святилищах и других местах и, с обычной для людей их класса беспечностью, утверждают, что так было всегда; в то время как, к сожалению, никто из тех, кто еще не посетил это место, не был настолько знаком с буддийской архитектурой, чтобы суметь им возразить. Если, однако, есть что-то более определенное, чем другое в этой истории, так это то, что Накхон-Ват изначально не был возведен буддистами или для буддийских целей. Во-первых, во всем здании нет никаких признаков дагобы, или вихары, или зала чайтья, равно как и чего-либо, что можно было бы назвать напоминанием о какой-либо особенности буддийской архитектуры. Более того, среди скульптур нет ни следа Будды, ни какой-либо сцены из его жизни, ни джатак, которые можно было бы найти. В прежние времена было бы простительно сомневаться в этом; но сейчас это не так, чтобы любой человек мог ознакомиться со скульптурами в Бхархуте, в Санчи или Амравати, или со скульптурами из монастырей Гандхара или в Боро Будд. Распознать буддийскую сцену или легенду в этих изображениях так же легко, как распознать христианскую сцену в часовне Арена в Падуе или в Монреале близ Палермо. Я не знаю, что может обнаружиться позже, но пока я без колебаний утверждаю, что ни на одном из барельефов, обнаруженных в Накхонвате, нет и следа буддизма, равно как и на цельной статуе Будды или какого-либо буддийского святого в этом месте.

Я, конечно, в курсе, что существуют предания о том, что Ашока посылал туда миссионеров, и о том, что Буддагхоша посетил это место,^[645] но это всего лишь предания, импортированные, по-видимому, из Сиамы и не основанные ни на какой достоверной основе. Если бы буддисты когда-либо приезжали сюда *в массовом порядке* или страна когда-либо была обращена в эту религию, как это было на Яве, кажется невозможным, чтобы этот факт не был замечен в зданиях. Но, похоже, там от нее нет и следа. На самом деле, нет такой восточной страны, где эта религия была бы так мало известна в древние времена. Свидетельства китайского путешественника, посетившего страну в 1295 году н.э.,^[646] достаточно, чтобы доказать, что она действительно существовала в его время; но, как и его предшественники Фа Хянь и Хиуэн Тхан, он повсюду видел свою веру и, с истинно китайским высокомерием, нигде не видел никакой другой религии.

Насколько можно в настоящее время установить, создается впечатление, что миграции индейцев на Яву и в Камбоджу происходили примерно в одно и то же время и из одних и тех же мест; но с одной замечательной разницей: они отправились *в массовом порядке* на Яву и обнаружили там *tabula rasa*— возможно, многочисленный народ, но без искусств или религии, и они внедрились там свой собственный с очень незначительными изменениями. В Камбодже страна, должно быть, была более цивилизованной, и у нее была религия, если не искусство. Индийцы, по-видимому, медленно и лишь в ограниченной степени смогли изменить свою религию в сторону индуизма, вероятно, потому, что она была идентичной или, по крайней мере, вызывала симпатию; но они определенно наделили камбоджийцев искусством, которым у нас нет оснований предполагать, что они обладали раньше. Теперь, когда мы знаем, до какой степени классическое искусство преобладало в стране, откуда, как считается, пришли эти индейцы, и до какого времени это искусство продолжало практиковаться на северо-западе, мы больше не озадачены преобладанием классических деталей в этом храме; но установить связь во всех ее вариациях — одна из самых интересных задач, которая остается для проявления изобретательности будущих исследователей.

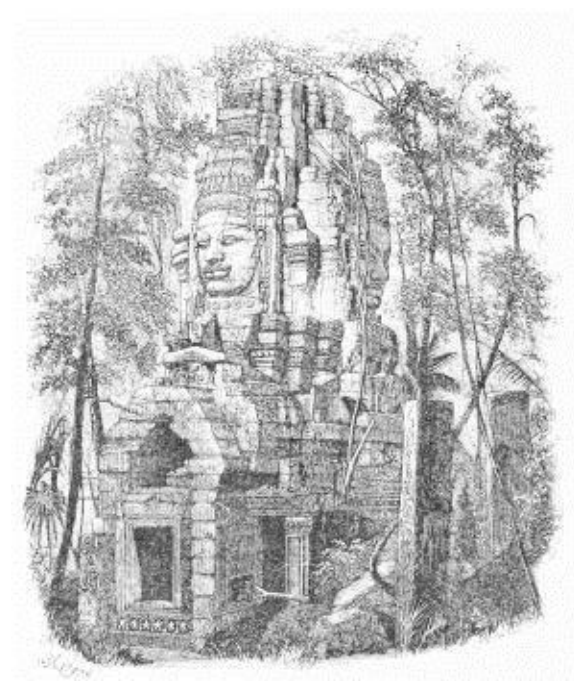
БАЙОН.

В городских стенах есть храм, который, будучи хорошо известен, может оказаться более величественным храмом, чем сам Накхон-Ват. Когда мистер Томсон посетил это место, оно было настолько заросшим джунглями, что он не мог ни разглядеть его план, ни даже сосчитать башни. Гарнье смог составить только схему его плана (фото 21), но он дал два вида: один — гравюру на дереве в тексте (стр. 67), другой — литографию в своем атласе. Понятно, однако, что мсье Делапорт расчистил это место и составил тщательные планы и чертежи всего комплекса, так что в скором времени мы можем рассчитывать узнать о нем все. Это прямоугольник размером примерно 400 на 433 фута, и его общий вид можно представить, представив себе эффект Накхон-Вата с пятьюдесятью двумя башнями вместо девяти, и весь он, возможно, более богато и искусно украшен, чем даже этот храм. Он определенно кажется более старым — вероятно, он относится к 11 или 12 веку; и, следовательно, его скульптуры лучше выполнены, хотя равны ли они по дизайну, нам еще предстоит узнать.

Самой замечательной особенностью дизайна является то, что каждая из башен украшена четырьмя большими масками. Одна из них поменьше показана на следующей гравюре на дереве (№ 378) и дает представление о стиле их убранства, но не может дать представления ни о больших башнях, ни о том эффекте, который производит большое их количество, сгруппированное вместе, и над которым доминирует одна в центре диаметром 60 футов и пропорциональной высоты.

Все еще остается открытым вопрос, какому божеству или для какой формы поклонения был воздвигнут этот странный храм? Мы не знаем ничего подобного нигде. Это определенно не буддизм, не джайнизм и, насколько известно, не индуизм. Ни Шива, ни Вишну, ни кто-либо из знакомых богов этого пантеона нигде не появляются. Может оказаться иначе, но в настоящее время, похоже, никуда не деться от гипотезы, что она была посвящена Брахме. У нас нет храма,

принадлежащего этому богу в самой Индии, но он появляется вместе с двумя другими в скульптурах в Хуллабиде и в других местах, завершая троицу. Его изображения гораздо чаще встречаются на Яве, чем в Индии, хотя я не знаю, чтобы на острове был найден какой-либо храм, посвященный ему. Однако в Камбодже он играет важнейшую роль во всех местных традициях. Когда, например, правителю, женившемуся на дочери короля Змей, надоел его тесть, он установил над воротами города изображение четырехликого Брахмы, которое так напугало старика, что он бежал в свою темную обитель, проклиная своих неблагодарных детей. Такое изображение все еще существует над главными воротами города; но китайский путешественник, посетивший это место в 1295 году, ^[647] называет это пятиликим изображением Будды! Путешественник был буддистом и, как уже упоминалось, повсюду видел свою собственную религию, и только в каждом храме и в каждом месте.

378. Одна из башен храма в Ангкор-Томе. (С фотографии мистера Дж. Томсона.)

Все предания, собранные Бастианом, и многочисленные изображения Та Фрома или Брахмы, найденные французами на горе Кром и в других местах, полностью подтверждают это назначение храма Брахме. Но если бы это в конечном итоге оказалось правильным, какие широкие двери это открыло бы для спекуляций и какой поток света это пролило бы на многие вопросы, которые сейчас ставят нас в тупик. Действительно ли поклонение Брахме существовало на северо-западе, в первоначальных местах расселения рас-иммигрантов, прежде чем они перешли в Индию, и что оно было оставлено там прозябать, в то время как поселенцы приняли более модную религию Шивы и Вишну в странах, которые они приняли? Если бы это было так, то более поздняя миграция, возможно, произошла северным путем через Юнань, унося с собой более старую форму веры и насаждая ее в этой далекой стране.

Не случайно знание ни о Брахме, ни об этих странно классических формах искусства были завезены в эту страну. Мы пока не можем объяснить, как все это произошло, но мы видим достаточно, чтобы быть уверенными, что через несколько лет решение будет возможным — возможно, легким. Было бы поистине триумфом, если бы мы смогли выследить Брахму до пещеры, где он так долго скрывался, и связать его поклонение с некоторыми известными религиями мира.

Чуть более чем в миле к востоку от города находится другой первоклассный храм, называемый Та Праум, или Патен та Фром, резиденция Фрома или Брахмы.^[648] Это квадрат размером около 400 футов в каждую сторону, и, насколько можно судить по плану М. Муо, он был того же класса, что и Накхонват; но, как говорит лейтенант Гарнье, он настолько разрушен, что его план едва можно разобрать,^[649] и он настолько зарос растительностью, что через несколько лет от него не останется камня на камне.

Примерно в двадцати милях дальше на восток находится другой храм того же класса, но гораздо более совершенный, под названием Мелеа, а в семидесяти милях - третий, под названием Преакан. Они были лишь частично исследованы первой французской экспедицией, но были тщательно исследованы второй,^[650] и мы можем надеяться, что вскоре у нас появятся планы и все детали, необходимые для того, чтобы мы могли с уверенностью говорить об этой любопытной, но наиболее интересной группе храмов. Очевидно, что их очень много, и все они очень искусно украшены, и, вряд ли нужно добавлять, они очень непохожи ни на что, с чем мы встречались в любой части Индии, описанной в предыдущих главах этой работы. Они, безусловно, не являются ни буддийскими, ни джайнскими, ни индуистскими в любом смысле, в каком мы до сих пор понимали эти термины, и они, безусловно, не являются жилыми домами или зданиями, используемыми для каких-либо гражданских целей. Вполне возможно, что, когда мы познакомимся с древней архитектурой Юнани или провинций Центрального и Западного Китая, мы сможем получить некоторые намеки на их происхождение. В настоящее время я склонен смотреть дальше на север и запад в поисках решения загадки; но пока мы не будем располагать результатами французской экспедиции, преждевременно строить предположения.

Эти огромные храмы с галереями можно считать наиболее типичными, поскольку они, безусловно, являются самыми великолепными из храмов Камбоджи; но, помимо них, в Онгкор Томе и его окрестностях есть десять или двенадцать великих храмов, которые в любом другом месте были бы признаны заслуживающими внимания. Одна из них на горе Бакенг, к югу от города, представляет собой пятиэтажную пирамиду с шестьюдесятью небольшими павильонами на ступенях и платформой на вершине, которая сейчас завалена лишь некоторыми обломками; но являются ли они остатками Сикры или это был храм-колодец, подобный тем, что на Яве, ни в коем случае не ясно.

К востоку от города находится еще одна несколько похожая пирамида — трехэтажная, поднимающаяся на высоту около 50 футов. Однако он заключен в галерею размером 250 футов в каждую сторону, и, похоже, на его вершине было пять павильонов.^[651]

Другие храмы не настолько великолепны, чтобы оправдывать их описание здесь; они вызвали бы большой интерес в монографии о стиле, но без иллюстраций их размеры вкупе с незнакомыми названиями передали бы читателю очень мало информации.^[652]

ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА.

Дворцы и общественные здания Онгкора кажутся вполне достойными его храмов как по размаху, так и по богатству убранства. Однако, как и следовало ожидать, они находятся в более разрушенном состоянии; будучи менее монументальными по способу постройки, и, что более важно для нашей настоящей цели, они не были ни нарисованы, ни сфотографированы в такой степени, чтобы сделать их понятными.

Вид на одни из ворот Онгкор Тома приведен лейтенантом Гарнье, Фото 8; и поскольку он столь же примечателен, как и все остальное, связанное с этим местом, следует надеяться, что в ходе нынешней экспедиции будут представлены все подробности. К счастью, это ворота, описанные китайским посетителем в 1295 году,^[653] как в конце великого моста, который был и остается украшенным пятьюдесятью двумя гигантами, несущими на своих руках великого семиглавого нага, который образовывал парапет моста.

С каждой стороны ворот изображены три слона, а на каждом углу - голова огромного семиглавого нага. Над ними изображены фигуры мужчин и женщин, но главной особенностью является четырехликая маска Брахмы, как на шпилях Байона ([Гравюра на дереве № 378](#)). Детали верхней части также настолько напоминают детали этого храма, что они, должно быть, почти одного возраста. Следовательно, это не может быть четырехликая фигура Брахмы, которую установили его неблагодарные дети, чтобы пугать своих родителей, когда они устанут от него (*ante*, стр. 680); но любопытно обнаружить, что легенда повторена на камне и стоит по сей день. Возможно, однако, что камень дал начало легенде; но каким бы образом он ни возник, он одинаково интересен как материальное свидетельство истории и религии, о которых до сих пор мы знаем мало или вообще ничего.

Стены городов также имели очень большую протяженность и размеры, соизмеримые с их важностью. По-видимому, в основном они были построены из грубого железистого камня большими блоками, и только ворота и декоративные части были сделаны из мелкозернистого песчаника, из которого построены храмы и дворцы. Какими бы замечательными ни были эти храмы и дворцы, обстоятельством, которое, возможно, в конце концов дает самое высокое представление о цивилизации этих древних камбоджийцев, является совершенство их дорог и мостов. Одна большая магистральная дорога, по-видимому, протянулась на 300 миль через всю страну от Кората в юго-восточном направлении до реки Меконг. Это была приподнятая дамба, вымощенная наподобие римской дороги, и через каждый ручей, который она пересекала, были перекинuty мосты, многие из которых сохранились в идеальном состоянии до наших дней. Доктор Бастиан описывает два из них: один, 400 футов в длину и 50 футов в ширину, богато украшен балюстрадами и карнизами, а также изображениями змей и Змеиного короля.^[654] Необычно то, что он построен без расходящихся арок, но, как и любое сооружение в этом месте, с помощью системы кронштейнов или горизонтальных арок и без цемента. И все же он выдерживал, по крайней мере, в течение пяти столетий, неистовство тропического потока, через который он проходит.

Даже если от этих дорог или мостов не осталось и следа, скульптур Накхонвата достаточно, чтобы доказать уровень совершенства, которого достигло транспортное искусство в этом сообществе. На них изображены многочисленные колесницы, все с колесами высотой от 3 до 5 футов и с шестнадцатью спицами, которые должны быть из металла, поскольку ни один лондонский кучер в наши дни не смог бы изготовить что-либо столь изящное из дерева. Обода тоже металлические, и, по-видимому, колесо вращается на оси. Те, кто знает, насколько сложной задачей является изготовление идеального колеса, оценят, как много вложено в такое идеальное решение проблемы, как приведенное здесь. Но требуется знание неуклюжести римлян и наших средневековых предков в этом отношении, а также крайнего варварства колес, представленных в индийских скульптурах и до сих пор используемых в Индии, чтобы в полной мере ощутить их важность как признака высокой цивилизации.

Если, однако, камбоджийцы были единственным народом, который до 13 века изготавливал подобные колеса, то, вероятно, верно и то, что их архитекторы были единственными, кто обладал достаточными механическими навыками, чтобы возводить свои крыши полностью из тесаного камня, без помощи дерева или бетона, и кто мог соединять их так красиво, что они остаются водонепроницаемыми и совершенными после пяти веков забвения в тропическом климате. Ничто не может превзойти мастерство и изобретательность, с которыми камни крыш подогнаны друг к другу, если только это не мастерство, с которым стыки их простых стен так отполированы и так ровно уложены без использования какого-либо цемента. Трудно обнаружить их стыки даже на снимке, сделанном на солнце, на котором обычно видны дефекты, незаметные глазу. За исключением работ древних египтян, строивших пирамиды, я не знаю ничего, что могло бы сравниться с этим.

Когда мы складываем все это воедино, трудно решить, должны ли мы больше восхищаться механическим мастерством, которое камбоджийские архитекторы проявили при строительстве, или масштабностью концепции и художественными достоинствами, которые пронизывают каждую часть их проектов. Одного этого должно быть более чем достаточно, чтобы рекомендовать их изучение каждому архитектору. Для историка искусства удивительно находить храмы с таким необычным сочетанием стилей в такой местности — индийские храмы, построенные с колоннами почти чисто классического дизайна и украшенные барельефами, столь странно египетского характера. Для этнолога они почти одинаково интересны из-за религии, которой они посвящены. Взятые вместе, эти обстоятельства делают их полное исследование настолько важным, что есть надежда, что оно не будет отложено надолго.

КНИГА IX.

Китай.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

ХРОНОЛОГИЯ.

Период Хэа	до н.э. 2100
период Чжоу У Вонга	1100
Конфуций умер	477
Чи хоанг-тай построил Великую стену	240
Династия Хань	201
Хоти, семнадцатый король; Буддизм введен	90н.э.
династия Цинь	260
Династия Вутэ; Китай разделен на два королевства	416
Воссоединение Китая, столица Хэнань	585
Династия Тан	897
Северный Китай завоеван монголами	1234
Хубилай-хан	1281
династия Мин; Монголы изгнаны	1366
маньчжурская татарская династия; сейчас на троне	1644

При нынешнем состоянии наших знаний чрезвычайно трудно написать что-либо убедительное или удовлетворительное об архитектуре Китая. Отчасти это может быть вызвано невнимательностью путешественников, а отчасти потому, что в стране действительно нет зданий, достойных этого народа или его цивилизации. До самого недавнего времени последнее казалось бы истинной причиной нашего невежества; но в последнее время фотокамера проникла даже в стены императорского города Пекин и принесла впечатления, которые в какой-то степени меняют это мнение. К сожалению, к фотоаппарату не прилагались измерительная лента или блокнот, и поэтому наша информация в некоторых отношениях расплывчата; но представляется несомненным, что существуют здания, достойные большего внимания, чем им уделялось до сих пор. Однако даже они не таковы, какие мы могли бы ожидать найти у народа, история и цивилизация которого кажутся столь точным аналогом египетской. В обеих странах мы имеем одну и ту же долгую череду династий с датами, простирающимися на 3000 или 4000 лет, прерываемую только нашествиями пастухов, которые в обеих странах продолжались около пяти столетий, когда слова Манефона столь же буквально применимы к восстанию тейпов, как и к свержению гиксосов восстанием коренных египетских народов. В течение всего этого длительного периода в обеих странах господствовала одна и та же патриархальная форма правления — король был не только главой светского правительства, но и верховным жрецом народа. Оба народа рано достигли определенной стадии цивилизации и поддерживали ее без изменений и прогресса в течение всего периода своего существования. Слоговые символы китайцев являются точной

копией иероглифической письменности египтян, такой же неуклюжей и непохожей на письменность любой другой современной нации, и как символ их исключительной обособленности от остального человечества. В обеих странах всегда существовало одинаковое спокойное созерцание смерти, одинаковое желание почетных похорон и великолепной могилы, одинаковое почтение к умершим. В этих и пятидесяти других деталях манеры и обычаи двух народов кажутся идентичными, и совершенный параллелизм разрушается только тогда, когда мы начинаем говорить об их зданиях. В Китае нет гробниц, которые можно было бы сравнить с Пирамидами, и храмов, приближающихся к Фиванским по размерам или великолепию.

Если бы китайцы были так тесно связаны с татарскими или монгольскими племенами на их северо-восточной границе, как обычно предполагается, этого различия не могло бы существовать. Следовательно, как и предполагалось, истинные китайцы могут быть более тесно связаны с полинезийскими расами, особенно на морском побережье, которое является единственной частью страны, с которой мы действительно знакомы. Когда внутренняя часть страны будет более тщательно изучена, вполне вероятно, что мы увидим причину изменить наше мнение относительно архитектурного облика китайского народа.

Это будет особенно актуально, если, что весьма вероятно, так называемые индокитайские жители Камбоджи гораздо более близки по крови к китайцам, чем к какой-либо из рас, населяющих Индию; поскольку возведением зданий, описанных в последней части этой работы, камбоджийцы благородно подтвердили свое право считаться одной из величайших строительных рас мира. Учитывая короткое время их существования и ограниченную территорию, которую они занимали, они фактически могут претендовать на то, что превзошли в этом отношении даже египтян.

Будет странно, если в Хонане и Куангси мы в конечном итоге не найдем звеньев, которые подтвердят связь двух рас Камбоджи и Китая и объяснят то, что в настоящее время можно рассматривать только как одну из нерешенных проблем истории архитектуры.

Небольшая, хорошо направленная промышленность на месте очень скоро развеяла бы все эти сомнения. Между тем есть и другие незначительные причины, которые, возможно, способствовали отсутствию монументальных зданий в Китае, и на которые, возможно, стоит сослаться, прежде чем двигаться дальше. Во-первых, у китайцев никогда не было ни господствующего духовенства, ни наследственной знати. Отсутствие первого класса является очень важным соображением, потому что во всех странах, где архитектура была доведена до чего-либо подобного совершенству, именно священному искусству она обязана своим высочайшим вдохновением, а священное искусство никогда не развивалось так сильно, как под влиянием могущественной и великолепной иерархии. Опять же, религиозное и сектантское рвение часто является сильным стимулом для развития сакральной архитектуры, а этого совершенно не хватает этому замечательному народу. Хотя китайцы фанатичны в большей степени, чем мы можем себе представить, во всех политических вопросах, они более терпимы, чем любая другая известная нам нация, во всем, что касается религии. В настоящий момент три великие религиозные секты делят империю между собой почти поровну. Ибо, хотя буддизм является религией царствующей семьи и, возможно, насчитывает больше последователей, чем любая из двух других, все же последователи доктрин Конфуция — современника и соперника Сакья Синха — являются более чисто китайской сектой, чем другая, и занимают такое же место в общественном мнении; в то время как в настоящее время секта Лао Цзе, или "Докторов разума", более модна и, безусловно, более прогрессивна, чем другие.^[655] Христианство тоже могло бы в свое время в значительной степени вторгнуться в любой из них и стать очень распространенной религией в этой толерантной империи, если бы иезуиты и доминиканцы понимали, что условием религиозной терпимости здесь является полное воздержание от вмешательства в политические вопросы. Этого, однако, римско-католическое духовенство так и не смогло понять; отсюда их изгнание из королевства и запрещение их веры, которая в противном случае не только терпелась бы, как и все остальные, но

и претендовала бы на более широкое покровительство, чем любое другое. Такая терпимость в высшей степени похвальна с одной точки зрения, но недостаток рвения и энергии, из-за которого она возникает, губителен для любых серьезных усилий во имя чести религии.

Точно так же отсутствие наследственного дворянства, да и вообще какой-либо сильной семейной гордости, одинаково неблагоприятно сказывается на долговременной архитектуре дома. После смерти человека его имущество обычно делится поровну между его детьми. Следовательно, самые богатые люди не строят дома, рассчитанные на то, что они прослужат дольше их собственной жизни. Королевские дворцы лишь несколько больше и великолепнее, чем у мандаринов, но те же по характеру и возведены с теми же целями.

Нет страны, где собственность до сих пор считалась бы такой безопасной, как в Китае. Частные распри и частные войны были до недавнего времени неизвестны; иностранное вторжение было практически невозможно, и его мало кто боялся. Следовательно, у них нет ни одной из тех крепостей, или укрепленных особняков, которые своей массой и основательностью придают столь заметный характер определенному классу домашних сооружений в западном мире. Равенство, мир и терпимость - это благословения, ценность которых трудно переоценить; но на том мертвом, хотя и приятном уровне, где они существуют, тщетно искать суровую возвышенность горы или потрясающее величие бури. Китайцы выбрали более скромный жизненный путь, и с исключительным успехом. Возможно, на всем земном шаре не было более трудолюбивого или, до последних войн, более счастливого народа; но в то же время им на редкость не хватает всех элементов величия, будь то политического или художественного.

Несмотря на все это, безусловно, любопытно обнаружить, что древнейшие цивилизованные народы, существующие ныне на поверхности земного шара, почти полностью лишены памятников, свидетельствующих о прошлом, или какого-либо желания передать потомкам достойное представление об их нынешнем величии. Не менее примечательно обнаружить, что самая густонаселенная из наций, нация, в которой миллионы людей постоянно ищут работу, никогда не думая ни о каких из тех высших способов самовыражения, которые служили бы средством умножения занятий и которые возвышают, одновременно накормливая массы; и еще более поразительно обнаружить, что богатство, подобным тому, которым обладают китайцы, никогда не вкладывается в самовосхваление отдельными людьми, воздвигающими себе памятники, которые поразят их современников и передадут их имена потомкам.

По этим причинам, возможно, китайская архитектура не заслуживает особого внимания. В одном отношении, однако, это поучительно, поскольку китайцы - единственный народ, который сейчас использует полихромиию как неотъемлемую часть своей архитектуры: действительно, для них цвет гораздо важнее формы; и, безусловно, результат настолько приятен и удовлетворителен, что для низших ступеней искусства едва ли можно сомневаться в том, что так должно быть всегда. Однако для высших классов едва ли менее очевидно, что цвет, хотя и наиболее ценный как аксессуар, неспособен к той возвышенной выразительности, которую форма передает человеческому разуму.

ГЛАВА II.

ПАГОДЫ.

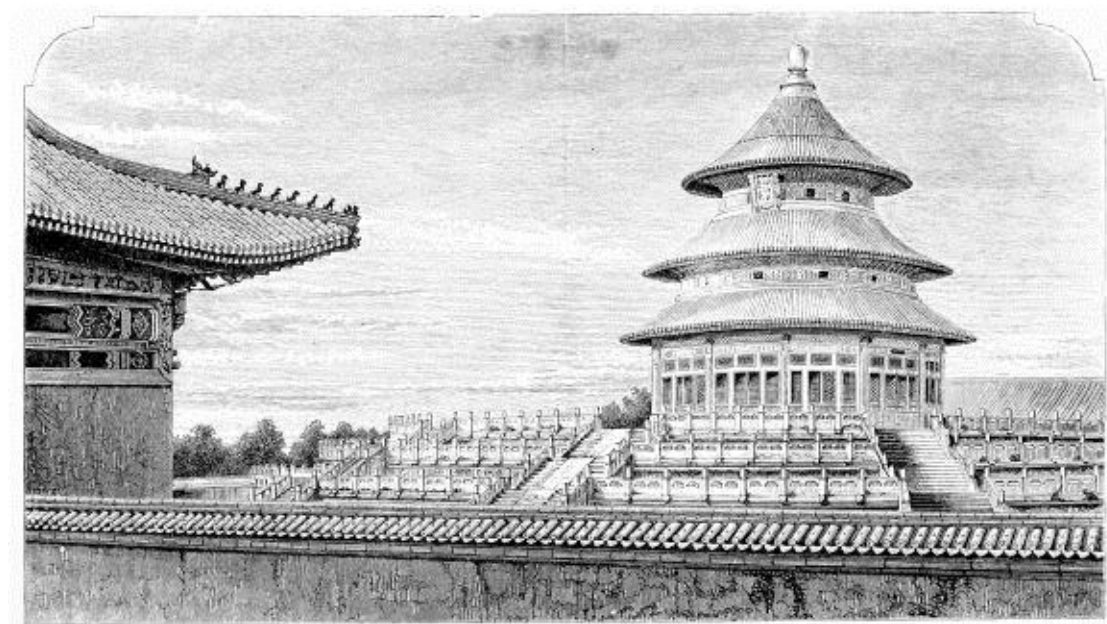
Содержание.

Храм Великого Дракона—Буддийские Храмы—Таас—Гробницы—Пайлус—Домашняя архитектура.

Если бы мы обладали необходимыми знаниями или если бы известных примеров китайских храмов было достаточно много, нам следовало бы, прежде чем описывать их, классифицировать здания, отнеся каждое к той из трех религий, к которым оно принадлежит. В настоящее время это должно быть предоставлено кому-то на месте. Между тем, нетрудно распознать те, которые принадлежат к религии Фо или Будды. Обычно это девятиэтажные башни, или таа, которые, как будет объяснено ниже, являются просто преувеличенными тройниками индийских дагоб. Храмы, собственно так называемые, этой религии не отличаются великолепием и, как правило, не построены в постоянном архитектурном стиле. По-видимому, это в еще большей степени относится к храмам Конфуция. Единственный храм, который был тщательно описан и сфотографирован, - это храм в Пекине, который также, вероятно, является самым великолепным. Судя по нашей нынешней информации, он больше напоминает университет, чем храм. Здесь нет ни изображений, ни алтарей, а только огромные залы, на которых вывешены имена императоров и самых выдающихся грамотеев королевства. Здесь нет священников; и хотя император ежегодно проводит там церемонии в честь великого философа, их едва ли можно назвать богослужением, а зал - храмом.

ХРАМ ВЕЛИКОГО ДРАКОНА.

Самый великолепный храм в столице, насколько нам известно в империи, известен как Храм Неба, или Великого Дракона.^[656] Он расположен недалеко от южной стены города на квадратном участке площадью около мили в каждую сторону.

379. Храм Великого Дракона. (С фотографии Беато.)

От внешних ворот к храму ведет приподнятая дамба, по обе стороны от которой расположены многочисленные здания для проживания священников, к которым ведут частые лестничные пролеты, ведущие вниз, в красиво засаженный парк. На его внутренней оконечности возвышается сам храм, круглое здание высотой в три этажа с широкими выступающими крышами, верхняя из которых заканчивается позолоченным шаром, прямо под которым находится алтарь.

Храм возвышается на круглой пирамиде, три террасы которой видны на гравюре на дереве. Поперек дамбы через равные промежутки есть несколько красивых ворот, расположенных так, что от входа в длинную перспективу виден сам круглый храм, как бы обрамленный ими; и поскольку вся верхняя часть покрыта голубой плиткой и позолотой, эффект, как говорят, очень приятный.

В той же ограде находится другой храм, называемый храмом Земли, где ежегодно приносятся в жертву животные богам, кем бы они ни были, которым посвящен этот храм.

Говорят, что эти храмы были возведены примерно в 1420 году и, если они такие старые, кажутся в очень хорошем состоянии сохранности, учитывая то, как ими сейчас пренебрегают.

Читая описание Храма Дракона в Пекине, сделанное мистером Мичи или любое другое, кажется невозможным избавиться от ощущения, что между ним и Храмом Змеи в Накхонвате так много общего, что совпадение вряд ли может быть случайным. Различия едва ли больше, чем можно было бы ожидать из-за разницы в возрасте и того факта, что один был возведен китайцами на северной оконечности их империи, а другой - камбоджийцами недалеко от южной границы их страны. Однако все связи, соединяющие два храма, все еще отсутствуют; тем не менее, поскольку у нас есть утверждение китайского путешественника в 1295 году о том, что религия Дао-цзы ^[657] существовала в Камбодже во время его пребывания там, мы не должны удивляться любому сходству, которое можно проследить между храмами двух стран.

Буддийские храмы.

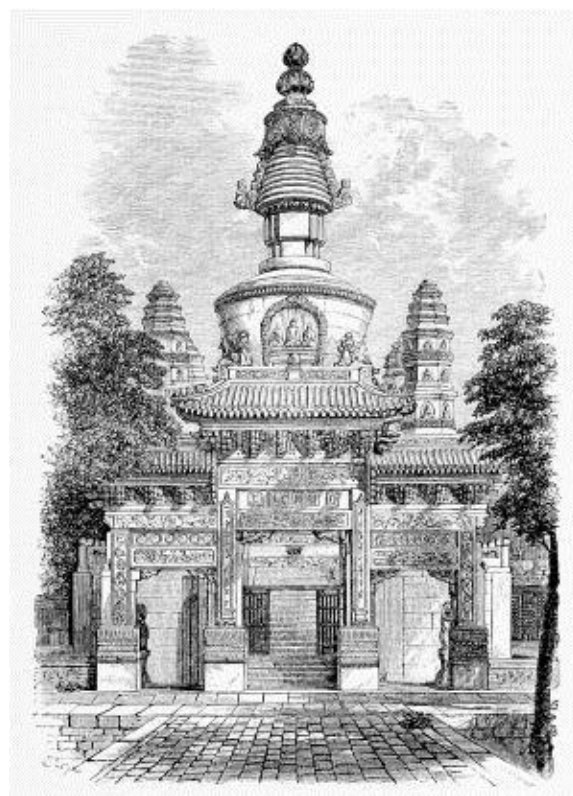
Единственный буддийский храм в Китае, строительство которого было запланировано или который я сам имел возможность осмотреть, находится в Хэнане, напротив кантона. К сожалению, он очень современный и ни в коем случае не монументальный. Это параллелограмм, окруженный высокой стеной, размером 306 на 174 фута. В более коротком фасаде, обращенном к реке, находятся ворота с некоторой претенциозностью. Это приводит к серии залов, переходящих друг в

друга и занимающих всю длинную ось внутреннего двора. Первая и вторая из них представляют собой портики или передничасовни. Центральная - самая большая и практически является хором здания. Здесь находится алтарь, украшенный позолоченными изображениями трех драгоценных Будд, с прилавками для монахов и всеми принадлежностями, необходимыми для ежедневной службы. За ним, в следующем отсеке, находится дагоба, а в задней части еще одно помещение, посвященное богине Гуань инь, которой поклоняются в основном женщины — фактически, Часовня Пресвятой Богородицы при церкви. Вокруг двора расположены кельи монахов, их кухня, трапезная и все необходимые помещения монастыря. Они обычно располагаются у внешней стены и выходят во двор.

Любой человек, знакомый с высеченными в скалах образцами в Индии, легко узнает в этом храме все черты, к которым он привык в более ранних Чайтьях и Вихарах, хотя и странно измененные их китайской маскировкой. Фигура, стоявшая перед дагобой ([Гравюра на дереве № 61](#)), выдвинута вперед и помещена на алтарь отдельно, с добавлением двух спутников, в соответствии с современным китайским богословием; но общее расположение остается прежним. Однако самая интересная часть - это расположение келий и т. Д. Относительно храма. В одной из пещер в Дхумнаре (Бхим ка Базар) была предпринята попытка сделать нечто подобное, но, очевидно, это настолько сложно осуществить в скале, что мы не удивляемся, обнаружив, что это не повторяется. Очевидно, это то, что должно было быть изображено на центральной ратуше Махавеллипора ([Гравюра на дереве № 181](#)), и, должно быть, действительно было общим расположением буддийских церковных учреждений. Сейчас требуется, чтобы кто-нибудь предоставил информацию о более ранних храмах Китая, скажем, с 12 по 16 века. Они, без сомнения, существуют и пролили бы яркий свет на более ранние индийские образцы. Между тем, однако, любопытно вернуться к Гравюре на дереве № 129. Из этого следует, что еще в 11 веке буддийская Чайтья в Индии, стоящая в центре ее Вихары, уже была превращена в храм идолов, окруженный рядом ниш для идолов, поскольку не может быть сомнений в том, что джайнский храм Вимала Сах является воспроизведением старого буддийского монастыря другого назначения. Любопытным моментом является то, что храм Хонан 18 века воспроизводит по своему первоначальному назначению формы, которые в Индии семью веками ранее перешли к другой вере и стали полностью традиционными. Еще более странно, что, если мы перепрыгнем через промежуточный период и вернемся на семь столетий назад, мы обнаружим в Индии те же церемонии, совершаемые в храмах той же формы, что и те, в которых любой может помочь в Китае в наши дни.

В Пекине есть несколько ламаистских обителей, или буддийских монастырей, гораздо более монументальных, чем в Хонане, но действительно очень трудно догадаться об их расположении по простым словесным описаниям без указания размеров. Ворота одного, представленные на гравюре на дереве № 380, дают четкое представление об обычном способе строительства ворот в Китае.

380. Монументальные ворота буддийского монастыря в Пекине. (С фотографии Беато.)

Он имеет три отверстия приятных пропорций и так же хорошо спроектирован, как и любой другой, который можно найти в Китае. За ним виднеется дагоба, к которой он ведет: высокая форма с обратным наклоном и преувеличенной тройкой, настолько отличающаяся от тех, к которым мы привыкли в ранние дни индийской архитектуры, что требуется некоторое знакомство с промежуточными формами в Непале и Бирме, чтобы быть уверенным, что это прямой потомок топов в Санчи или Маникьяле. Вокруг него возвышаются минареты, на каждом из которых изображена сидящая со скрещенными ногами фигура Будды. Но без плана или описания невозможно сказать, спускаются ли они на землю или на каком подвале они покоятся.

Обычная форма храма, которую можно увидеть в деревнях или городках Китая, чрезвычайно проста и кажется одинаковой, независимо от того, посвящен ли он Будде, или Царице Небес, или любому другому божеству из странного пантеона Поднебесной. Обычно он состоит из квадратного помещения с богато украшенной крышей и без одной из боковых стен. Вход никогда не находится в конце, и торцевая стена никогда не убирается, как это было бы в случае с Западом, но всегда сбоку; и ни в коем случае не ясно, что это неправильный и разумный способ организации дел. В очень маленьких храмах карниз поддерживается одной балкой, а экран внутри образует заднюю часть крыльца и переднюю часть храма. В более крупных храмах используются две или более колонн, но остальные конструкции остаются прежними. Оба они представлены на прилагаемой гравюре на дереве (№ [381](#)), и, расположенные так живописно, как в этой группе, с воротами и вспомогательными пристройками, они становятся очень приятными элементами пейзажа. Как архитектурные объекты, их эффект зависит главным образом от цвета, который наносится беспощадной рукой в виде глазурованных плиток, расписных орнаментов, а часто и картин, таких как пейзажи и фигурки. Позолота также используется в значительной степени и с хорошим эффектом.

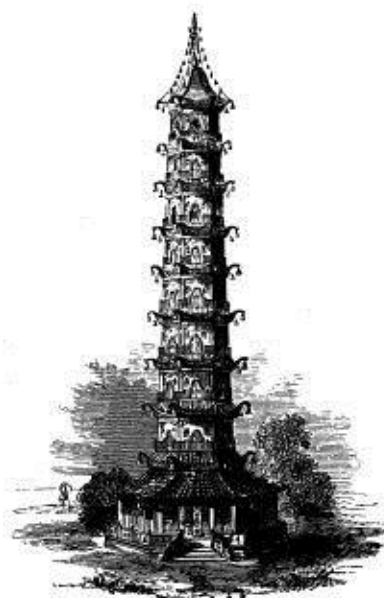

381. Храм в Макао. (По эскизу автора.)

ТААС.

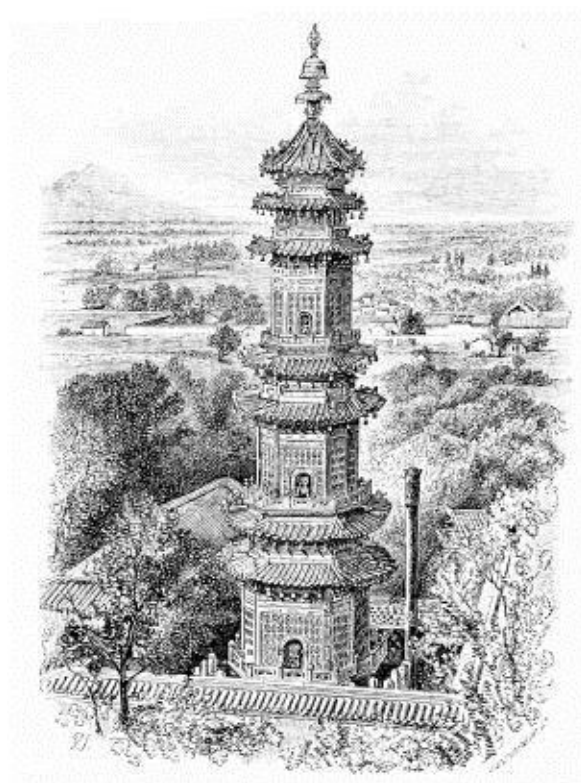
Объектами китайской архитектуры, с которыми европейский глаз лучше всего знаком, являются таас, или девятиэтажные пагоды, как их обычно называют. На юге они обычно имеют такое количество этажей, но не всегда, а на севере оно колеблется от трех до тринадцати. Как уже упоминалось ранее, это не что иное, как преувеличенные тройники dagobas, и по ним легко проследить все этапы изменения. В Индии мы можем легко проследить от единственной деревянной чатты или зонтика Карли ([гравюра на дереве № 56](#)) до девятиэтажной башни в Читторе ([гравюра на дереве № 143](#)), и от этого легко перейти к китайским образцам, хотя разработка этих двух была одновременной, и китайцы, вероятно, возвели высокие башни еще при джайнах.

382. Фарфоровая башня, Нанкин.

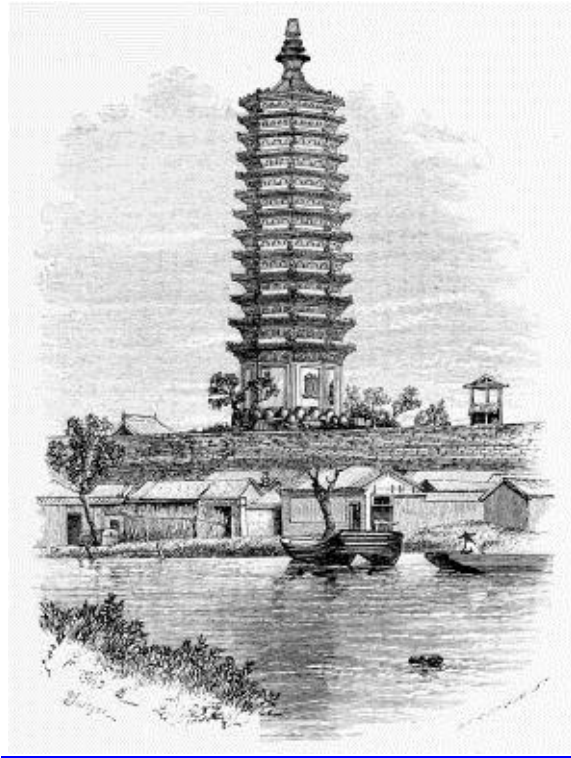
Из тех, что существовали в Китае в наше время, наиболее известна знаменитая фарфоровая башня в Нанкине. [\[658\]](#) Начатый в 1412 году и законченный в 1431 году, он был возведен как памятник благодарности императрице из семьи Мин и, как следствие, обычно назывался Храмом благодарности. Он был восьмиугольной формы, высотой 236 футов, из которых, однако, около 30 футов следует вычесть за железный шпиль, который его венчал, оставляя немногим более 200

футов. на высоту здания или примерно на высоту Памятника Лондона. С вершины шпиля свисали восемь цепей, к каждой из которых были прикреплены девять колоколов, а также по колоколу было прикреплено к каждому углу нижних крыш, всего получилось 144 колокола, которые, перезванивая в такт вечернему бризу, должны были производить эффект столь же необычный, сколь и приятный. Однако своей знаменитостью башня была обязана не своим размерам или колоколам, а фарфоровому покрытию, которым были покрыты ее кирпичные стены, а также верхняя и нижняя стороны выступающих крыш, отмечающих разделение каждого этажа. Фарфор произвел великолепное впечатление, которое полностью утрачено во всех его еще опубликованных изображениях, но которое, по сути, было тем, на что архитектор почти полностью полагался для достижения желаемого эффекта, и без которого его проект - просто скелет.

383. Пагода в Летнем дворце, Пекин. (С фотографии Беато.)

Еще одна знаменитая пагода, известная как “Вторая пагода бара”, находится на реке Кантон. Это столп победы, воздвигнутый в память о морском сражении, которое, как утверждают китайцы, было выиграно недалеко от этого места. По дизайну он почти идентичен Nankin, но имеет меньшие размеры и сейчас быстро приходит в упадок.

384. Пагода Тунчоу. (С фотографии Беато.)

Эти два имеют обычную и наиболее типичную форму и настолько похожи на сотни других, что из них невозможно вывести какую-либо последовательность с такими представлениями, какими мы сейчас располагаем. Несмотря на приятный и целенаправленный вид, а также оригинальность, они несколько однообразны по дизайну. Башня, разделенная на девять равных и одинаковых этажей, представляет собой конструкцию, весьма уступающую минарам магометан или обычным шпилям христианских церквей; и если бы все они были похожи на эти, мы были бы вынуждены отказать китайцам в способности к изобретательности в архитектуре. Однако на севере формы кажутся гораздо более разнообразными. Один из них в Летнем дворце ([Гравюра на дереве № 383](#)) разделен либо на три, либо на семь этажей, по вашему выбору. Четыре стороны восьмиугольника длиннее остальных четырех, и в целом в этой башне наблюдается игра света и тени, а также разнообразие орнаментов, что чрезвычайно приятно. Он гораздо больше похож на индийский дизайн, чем любой другой, известный в Китае, и благодаря кругу колонн вокруг его основания и Латам или Стамбхе, которые обычно сопровождают эти объекты дальше на запад, он напоминает первоначальные формы так же полностью, как и любой другой объект в этой стране.

Прямо противоположна этому пагода Тунчоу ([Гравюра на дереве № 384](#)). Его тринадцать этажей едва ли не более однообразны, чем у пагоды Нанкин; но это всего лишь архитектурные украшения, фактически струнные дорожки; и поскольку в башне нет окон над основанием, она становится, подобно ориссанскому храму, внушительным объектом архитектурного искусства без какой-либо очевидной утилитарной цели. Таким образом, он избегает обвинения в скудости дизайна, которое вполне справедливо относится к большинству его конкурентов.

Чрезвычайно трудно составить правильную оценку художественных достоинств этих башен. Здания, столь оригинальные и столь национальные, должны быть интересны только из-за этого обстоятельства, и кажется почти невозможным построить что-либо башнеобразной формы большой высоты, будь то шпиль, минар или пагода, которое не будет представлять собой приятный объект только из-за своей значимости и амбициозного характера, даже без каких-либо реальных художественных достоинств само по себе. Помимо этих качеств, я не могу не думать, что сужающаяся восьмиугольная форма, четко обозначенные перегородки, куполообразная крыша

и общая согласованность дизайна и орнамента этих башен дают им право занимать довольно высокое место среди башнеобразных зданий мира.

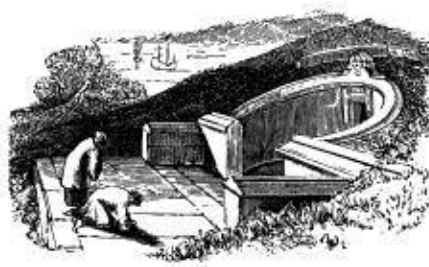
ГРОБНИЦЫ.

Как и у всех народов татарского происхождения, одной из самых замечательных черт китайцев является их почтение к умершим, или, как это обычно называют, поклонение своим предкам. Вследствие этого их могилы являются не только объектами ухода, но и зачастую украшают их больше, чем украшают жилища живых.

Их гробницы бывают разных видов; часто это просто конические земляные насыпи с кругом камней вокруг основания, как у этрусков или древних греков, как видно из гравюры на дереве (№ [385](#)), заимствованной из 'Фарфора' Форчуна, которая с таким же успехом могла бы послужить для реставрации гробниц Тарквинии или Вульчи. В более общем плане они имеют полусферическую форму, увенчанную шпилем, мало чем отличающимся от индийских и цейлонских образцов, но все же с физиономией, характерной для китайцев. Наиболее распространенным устройством является платформа в форме подковы, вырезанная в склоне холма. Следовательно, у него высокая спинка, в которой находится вход в гробницу, и уклон, сходящий на нет у входа в подкову, где стена обычно заканчивается двумя львами или драконами, или каким-нибудь фантастическим орнаментом, обычным для китайской архитектуры. Когда гробница расположена, как это обычно бывает, на склоне холма, такое расположение не только уместно, но и элегантно. Когда то же самое имитируется на равнине, это на редкость неуместно и непонятно. Многие гробницы построены из гранита, тонко отполированы и вырезаны с большим трудом, что заставляет нас сожалеть о том, что люди, которые могут использовать самые прочные материалы с такой легкостью, должны иметь такое большое пристрастие к эфемерным деревянным конструкциям.

385. Китайская могила. (Из "Странствий Форчуна по Китаю".)

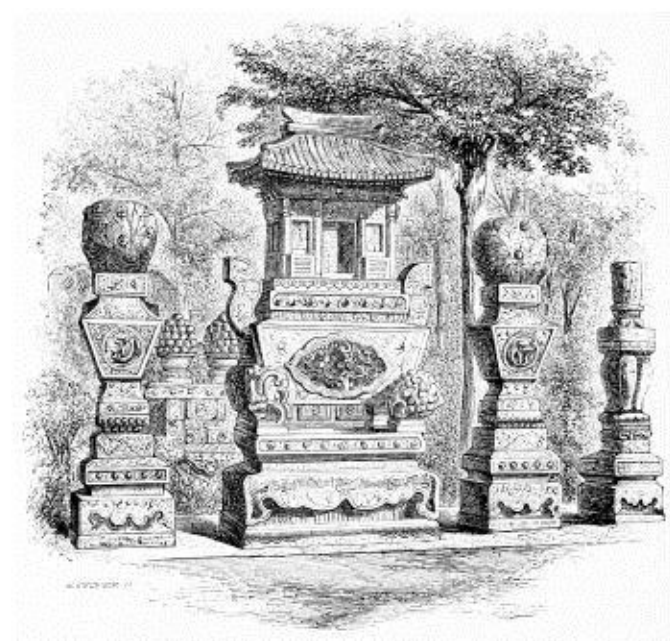

386. Китайская гробница. (Из "Странствий Форчуна по Китаю".)

Когда скала подходит для этой цели, что, однако, редко встречается в Китае, их гробницы вырубаются в скале, как в Этрурии и других местах; и гробницы только что описанного класса, по-видимому, являются приспособлением для преобразования обычного склона холма в замену более подходящей ситуации.

Иногда, однако, китайцы действительно возводят гробницы, которые, хотя и украшены орнаментом, далеко не в таком хорошем вкусе, как две только что процитированные формы. Курган считается подходящим для этой цели во всем мире, как и форма подковы в тех условиях, в которых ее используют китайцы; но что можно сказать в пользу такого набора предметов, как те, что изображены на гравюре на дереве № 387? Судя по стандартам вкуса, преобладающим в Китае в наши дни, местные жители могут считать их одновременно элегантными и декоративными, но было бы трудно представить что-либо, что меньше всего говорило бы о гробнице, даже с точки зрения китайца; в то время как, с другой стороны, их размеры таковы, что лишают их всякого достоинства как архитектурных объектов.

387. Группа гробниц близ Пекина. (С фотографии Беато.)

ПАЙЛУС.

Пайлу, или “триумфальные ворота”, как их совершенно неправильно называют, представляют собой еще один класс памятников, которые почти так же часто встречаются в китайских пейзажах, как девятиэтажные пагоды, и, следовательно, почти так же знакомы европейскому глазу. Их происхождение столь же отчетливо индийское, как и у других, хотя по своей природе они легко опровергаются, но мало примеров можно найти в стране, которая так давно перестала быть буддийской. К счастью, однако, мы все еще располагаем воротами Санчи ([Гравюра на дереве № 10](#)) - типичным примером всего класса; и впоследствии мы находим их изображенными на барельефах и фресках таким образом, что не остается сомнений в частоте их применения.

В Китае они, по-видимому, почти повсеместно используются в качестве почетных памятников умершим людям — либо выдающимся людям, либо вдовам, которые больше не выходили замуж, либо девственницам, которые умерли незамужними. Часто они все еще строятся из дерева, а когда используется камень, они по сей день сохраняют формы и детали деревянных конструкций. Из какого бы материала они ни были сделаны, они состоят либо из двух, либо из четырех стоек, установленных либо на земле, чтобы обеспечить проход, либо на платформе, как на гравюре на дереве № 388. Это такая же обычная форма, как и другая, и показывает, насколько неприменим термин “ворота” к этим памятникам. На столбах всегда есть рейка или фриз, с надписью, которая,

собственно, и является объектом, ради которого был установлен памятник. Над этим расположены различные архитектурные детали, которые дополняют дизайн как оригинально, так и художественно.

388. Пайлу близ кантона. (Из наброска автора.)

Один из них, служащий порталом в дагобу, уже был представлен ([Гравюра на дереве № 380](#)), и, хотя он богатый, вряд ли может считаться лучшим по сравнению с гравюрой на дереве № 389, которая занимает улицу в Амое. Вместо того, чтобы вести к дагобе, как это было в Санчи и вообще в Индии, в данном случае мы имеем нечто похожее на имитацию гроба, помещенного под балдахин и над главным карнизом, что является по сути китайской идеей. Для них красивый гроб является предметом самых высоких амбиций и, следовательно, роскошью, которой богатые заботятся о том, чтобы обеспечить себя при жизни. Насколько нам известно, в Китае никогда не существовало крупных структурных дагоб, так что их форма, как правило, незнакома людям.

Вероятно, китайцы потратили бы больше усилий на обустройство своих надгробий, если бы им не пришла в голову удачная идея отделить памятник от гробницы. Мы делаем это в исключительных случаях, когда устанавливаем статуи, колонны или другие памятники нашим великим людям на вершинах холмов или на рыночных площадях; но, как правило, памятник человеку устанавливается там, где положено его тело, хотя, вероятно, было бы трудно найти вескую логическую причину для такой практики. Великая особенность Китая заключается в том, что в девяти случаях из десяти они воздействуют на эти объекты с помощью процессов, прямо противоположных процессам в Европе, и в большинстве случаев нелегко решить, какой из них лучше. Воздвигнув Пайлу, или памятник, на видном месте, отдельно от гробницы, они, по-видимому, проявили свой обычный здравый смысл, хотя архитектор должен сожалеть, что из-за этого пострадали конструкции их гробниц и в них нет того великолепия, которого мы могли бы ожидать от народа, во все времена столь приверженного поклонению предкам, как китайцы.

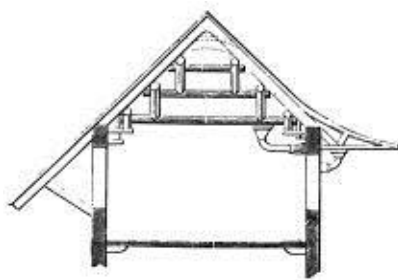
389. Пайлу в Амое. (Из книги Фишера "Иллюстрированный фарфор".)

С исторической точки зрения, самой любопытной вещью, связанной с этими Пайлу, кажется то, что в Санчи, примерно в христианскую эпоху, мы находим, что они использовались как ворота в имитированную гробницу. В Индии и курган, и Пайлу к тому времени утратили свое первоначальное погребальное значение; один стал святыней-реликвией, другой - иконостасом. Две тысячи лет спустя в Китае мы находим, что они оба все еще используются для тех целей, для которых они были изначально предназначены.

ДОМАШНЯЯ АРХИТЕКТУРА.

Именно в своей внутренней архитектуре, если таковая имеется, китайцы преуспевают; здесь мы не ищем ни монументального величия, ни долговечности, и почти невозможно устоять перед очарованием весельем и блеском китайского жилища первого класса, а также буйным богатством и красотой резьбы и орнаментов, которыми изобилует каждая его часть.

Одной из самых примечательных особенностей их домов является почти повсеместная вогнутая форма крыши, которую авторы, пишущие на эту тему, обычно называют напоминанием о палатке татар, которые, как предполагается, ввели ее. Авторы этой теории, однако, забыли, что китайцы дольше не жили в палатках и знают о них меньше, чем любой другой народ на земном шаре. Татарское завоевание, как и наше нормандское, долгое время было скорее слиянием, чем порабощением, и, по-видимому, не оказало какого-либо видимого влияния на манеры или обычаи коренных жителей Китая. Можно также заметить, что типичная форма крыши татарского шатра была и остается куполообразной, подобно тем, что изображены на ассирийских скульптурах, и редко, если вообще когда-либо, имела полый изгиб; так что аргумент говорит в другую сторону. Как бы то ни было, форма крыши, о которой идет речь, возникла из конструктивных соображений, которым другим не мешало бы подражать. В такой стране, как Китай, где в одно время года выпадают очень сильные дожди, черепичные крыши, которые используются почти повсеместно, требуют высокого уклона для отвода воды; но яркое солнце в другое время года делает тень на стенах и окнах абсолютно необходимой. Если (как показано слева на прилагаемой схеме) уклон крыши продолжить настолько, чтобы это было эффективно для последней цели, верхние окна будут слишком сильно затемнены, и через них невозможно что-либо разглядеть. Чтобы исправить этот недостаток, китайцы устанавливают свои карнизы почти горизонтально от поверхности стен, где протечка становится незначительной; а затем, чтобы устранить неудобный угол, вызванный пересечением этих двух скатов, они сглаживают его полым изгибом, который не только более эффективно отвечает двойному назначению крыши, но и создает то, что китайцы считают — и, возможно, справедливо — наиболее приятной формой крыши.

390. Схема китайского строительства.

Единственными частями такой крыши, которые допускают украшение резьбой, очевидно, являются центральные или угловые гребни; и здесь они преувеличивают свой любимый полый изгиб до степени, неприятной для европейского глаза — углы в некоторых случаях фактически загнуты назад, а гребень также украшен загнутыми вверх орнаментами на его концах, до такой степени, что мы не можем согласовать это с нашими представлениями; да и невозможно, чтобы мы могли, когда они перегружены гротескными орнаментами, которые слишком часто встречаются.

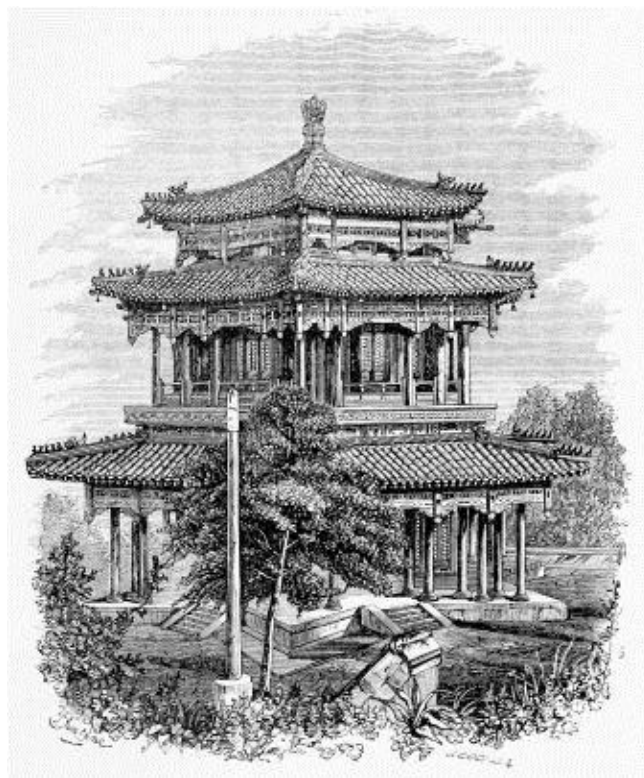
Еще одной особенностью, придающей их архитектуре очень местный характер, является способ обрамления крыши, столь непохожий на тот, что используется у любого другого народа. Это происходит из-за того, что древесина, наиболее легко доступная для этой цели, — небольшая сосна, которая имеет особенность быть мягкой и губчатой внутри, в то время как внешние края древесины, непосредственно под корой, сохраняют свою твердость и прочность; таким образом, это практически полый деревянный цилиндр, который, если придать ему квадратную форму для образования каркаса, как это делаем мы, развалился бы на куски; но если его просто почистить и использовать целиком, это очень прочный и долговечный строительный материал, хотя и требующий всей китайской изобретательности и аккуратности, чтобы каркас был достаточно жестким для устройства крыши.

Стойки, поддерживающие эти крыши, обычно сделаны из того же дерева, хотя нередко это гранитные столбы — их нельзя назвать столбами — тех же размеров, и они укреплены или, скорее, устойчивы поперечными кусками дерева, пространство между которыми и крышей обычно заполнено ажурной резьбой, образующей нечто вроде фриза.

Крыша обычно сооружается (как показано на схеме № 390) с использованием трех или четырех поперечных балок, расположенных одна над другой, при этом концы каждой балки опираются на нижележащую с помощью каркасного куска дерева другого сорта. С помощью этого метода, хотя нам это может показаться ненаучным, они создают каркас, который невредимым противостоит самым сильным ветрам. Иногда, как показано пунктирными линиями на той же гравюре на дереве, они проводят изгиб по верху крыши; но когда это сделано, они вынуждены прибегать к металлической кровле или черепице большей длины, чем обычно можно найти или легко изготовить.

Однако, как уже отмечалось, китайская архитектура зависит не столько от форм, сколько от цвета — колонны обычно окрашены в красный цвет, фриз и ажурные элементы — в зеленый; синим отмечены полы и более четкие линии, а позолота широко используется повсюду. Может возникнуть сомнение в том, улучшит ли это более утонченный или солидный стиль искусства; но это, безусловно, удивительно красиво в Китае и необычайно соответствует архитектуре, которую мы описывали; и поскольку эти здания обычно расположены вокруг садовых дворов, заполненных самыми яркими цветами и украшенных каменными скульптурами и фонтанами, более фантастическими, чем сами здания, воображение легко может быть очаровано результатом, хотя вкус запрещает нам одобрять детали.

Та же эфемерная система строительства, которая преобладала в жилищах богатых купцов и мандаринов, была реализована в королевских дворцах без какого-либо усиления монументальности, но, конечно, с большим богатством орнамента и в большем масштабе. Однако, как и большинство восточных дворцов, пекинские состоят из ряда отдельно стоящих павильонов, а не из многочисленных анфилад апартаментов, сгруппированных под одной крышей, как это обычно бывает в Европе; и, следовательно, они никогда не достигают величины, необходимой для придания архитектурного достоинства. В Летнем дворце в Пекине было много отдельно стоящих павильонов, похожих на тот, что представлен на гравюре на дереве № 391, которые, чередуясь с деревьями, водой и скалистыми пейзажами, создают очень сказочный пейзаж, но сами по себе вряд ли могут рассматриваться как объекты достойной архитектуры.

391. Павильон в Летнем дворце, Пекин. (С фотографии Беато.)

392. Павильон в Летнем дворце, Пекин. (С фотографии Беато.)

Иногда, однако, китайцы пытались сделать что-то более монументальное, но без особого успеха. Там, где нет стекла достаточного размера и в достаточном количестве для остекления окон, возникает трудность в их размещении таким образом, чтобы в помещении не было полной темноты, когда ставни закрыты, и чтобы дождь не проникал внутрь, когда они открыты. В деревянном домостроении эти трудности гораздо легче избежать; глубокая выступающими карнизами, и свет экранов, откройте на вершине, избежать большинства из них: по крайней мере, так китайцы всегда думал, и они, следовательно, столь мало игровой практики, что, когда они попробовали твердый архитектуры во дворце, они могут только породить такого павильона, как решил в гравюре на дереве за № 392, который, хотя ХарактеристикиЗначения стиля, не может быть хвалит за элегантность ее форме или целесообразности его убранства.

Возможно, их наиболее успешными усилиями в этом направлении было сочетание прочного фундамента из каменной кладки с легкой деревянной надстройкой, как в Зимнем дворце в Пекине ([Гравюра на дереве № 393](#)). В этом случае высота и прочность фундамента придают достаточный вес массе, а легкая надстройка является подходящим завершением наверху.

Эта последняя иллюстрация интересна, потому что она позволяет нам более отчетливо, чем любой другой известный пример, понять, каким должно было быть впечатление от дворцов Ниневии и Хорсабада в дни их великолепия. Как и этот дворец, они были возведены на прочном фундаменте из каменной кладки и сами состояли из павильонов из света и декоративной деревянной отделки; большая разница заключалась в том, что у них были крыши с плоскими террасами, а не покрытые черепицей, как в снежном Пекине; но сходство любопытно, и, вероятно, можно было бы найти примеры, еще более похожие, если поискать.

Инженерные работы китайцев высоко превозносились некоторыми авторами, но как произведения науки они заслуживают меньше похвалы, чем их здания как произведения искусства. Их каналы, это правда, обширны; но при 300 миллионах жителей это слабая похвала, а их строительство в высшей степени ненаучно. Их мосты тоже иногда бывают большой длины, но обычно состоят из ряда небольших арок, построенных по принципу горизонтальных кронштейнов, как девять десятых мостов в Китае, и, следовательно, узких и неустойчивых. Когда они все-таки используют истинную арку, то делают это робко и без особого знания ее принципов.

Их самым замечательным инженерным достижением, безусловно, является Великая китайская стена, которая защищает всю северную границу страны, простираясь по холмам и долам более чем на 1200 миль по прямой. Однако в разных местах она имеет очень разную силу и, по-видимому, наиболее сильный и высокий в окрестностях Пекина, где его обычно видели европейцы. Там он достигает 20 футов в высоту, а его средняя толщина составляет 25 футов у основания, сужаясь к 15 футам на вершине. На небольших расстояниях также есть башни, размеры которых обычно примерно вдвое больше, чем только что указанные для стены.

Какой бы абсурдной ни казалась такая стена в качестве оборонительного средства, она доказывает, что за 200 лет до н.э. китайцы были способны задумать и выполнить работы такого масштаба, какие когда-либо проводились в Египте. Удивительно, что люди, которые 2000 лет назад были компетентны в подобных начинаниях, с тех пор ничего не предпринимали в том же масштабе. Учитывая рост их населения и накопление богатства, мы могли бы ожидать, что их последующие работы намного превзойдут работы египтян. Однако остается нерешенной проблема, почему впоследствии не было предпринято ничего столь масштабного.

В задней части Великой китайской стены, на перевале Нанкау, есть арка с некоторой архитектурной претензией, которая интересна тем, что имеет точно установленную дату - 1345 год н.э. ^[659] Его размеры значительны, и он возведен в смелом стиле каменной кладки ([Гравюра на дереве № 394](#)). Верхняя часть представляет собой настоящую арку, хотя считалось необходимым замаскировать это, преобразовав ее форму в форму полуоктагона, или трехсторонней арки. На краеугольном камне изображен Гаруда, а по обе стороны от него - нага в капюшоне из семиглавой змеи, а за ним - плавный ажурный узор, с которым мы хорошо знакомы по Индии примерно того периода, когда он был возведен. Уже отмечалось их сходство с непальскими воротами в Бхатгаоне ([Гравюра на дереве № 174](#)), и в целом они интересны как пример класса индийских орнаментов, пришедших в Китай с Севера. Если бы у нас было несколько образцов искусства, проникших с юга, мы могли бы раскрыть тайну истории буддийского искусства в Китае.

Через несколько лет, возможно, удастся попытаться написать историю архитектуры Китая. В настоящее время все, что можно сделать, - это описать стиль, практикуемый в настоящее время, и указать, в каком отношении он отличается от стилей, преобладающих в соседних странах. Дальше этого мы не сможем продвинуться до тех пор, пока какому-нибудь квалифицированному специалисту в сопровождении фотографа не будет предоставлена возможность посетить центральные и западные провинции империи. Но даже в этом случае от его визита будет очень мало пользы, если только он не будет достаточно знаком со стилем, известным в настоящее время, чтобы уметь отличать новое от старого, и с помощью расширенной серии подсказок проверять

абсурдность местной традиции и формировать свое собственное мнение о представленных ему фактах. Принимая все это во внимание, все еще сомнительно, существуют ли в Китае материалы для какой-либо продолжительной истории искусства. Те факты, которые стали известны, не обнадеживают. Дерево слишком широко использовалось повсюду, чтобы когда-либо использовался какой-либо постоянный архитектурный стиль. Но в Камбодже и других соседних государствах есть вещи, которые, по-видимому, прибыли не из Индии и не из какой-либо другой страны, с которой мы знакомы, но, тем не менее, иностранного происхождения и, должно быть, были импортированы из какой-то посторонней страны; и трудно сказать, где нам искать их оригиналы, если не в центральном или западном Китае.

394. Арка на перевале Нанкау. (С фотографии.)

Те же замечания применимы и к Японии. Насколько нам известно на данный момент, на острове нет ни одного постоянного здания столь монументального характера, которое заслуживало бы того, чтобы быть причисленным к истинным образцам архитектуры других стран. Возможно, страх перед землетрясениями помешал им возвести свои здания более чем на один или два этажа в высоту или построить их из более прочных материалов, чем дерево. Возможно, однако, что японцы не принадлежат ни к одной из строительных рас человечества и не имеют вкуса к этому виду великолепия. Это та же история, что и в Китае; мы не узнаем, правда ли, что в Японии нет объектов, достойных названия архитектуры, пока остров не будет исследован более научно, чем это было ранее; и, если их не существует, мы до тех пор не сможем сказать, какой из двух вышеперечисленных причин следует приписать их отсутствие. Такая информация, которой мы располагаем, очень обескураживает; и следует опасаться, что, хотя она необычна и любопытна сама по себе и пока заслуживает внимания, она представляет мало интереса за пределами берегов самих островов. С другой стороны, следует опасаться, что объем наших знаний достаточен, чтобы сделать совершенно очевидным, что искусство, практикуемое в Японии, не имеет права стоять в одном ряду с тем, что уже описано на предыдущих страницах, и, следовательно, не претендует на место в общей истории архитектурного искусства.

Какими бы замечательными и изобретательными ни были современные китайцы, они проявляются во второстепенных искусствах, таких как резьба по дереву и слоновой кости, изготовление сосудов из фарфора и бронзы и во всем, что связано с производством шелка и хлопка. В этом они, безусловно, преуспели и достигли высокой степени совершенства, когда Европа была еще варварской, но во всех высших областях искусства они занимают очень низкое положение и кажутся совершенно непрогрессивными.

У них нет поэзии, так называемой в собственном смысле этого слова, и нет литературы, достойной этого названия. Их живопись никогда не поднималась намного выше уровня декора, их скульптура - это скорее резьба по дереву, чем что-либо, известное нам под более высоким названием, а их архитектура стоит на том же низком уровне, что и другие их искусства. Он богат, декоративен и подходит для домашних целей, но эфемерен и совершенно лишен достоинства и величия замысла. Тем не менее, он приятен, потому что правдив; но, в конце концов, его большая заслуга в глазах изучающего архитектуру, вероятно, окажется заключающейся в том свете, который он проливает на более ранние стили и на этнографические связи Китая с окружающими народами Восточной Азии.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ МОМЕНТАХ ИНДИЙСКОЙ ХРОНОЛОГИИ.

На протяжении предыдущих страниц даты правления королей, где они цитировались, считались известными, а эпохи, от которых они отсчитываются, - установленными. Это было сделано для того, чтобы не прерывать повествование о событиях, вводя хронологическое уточнение в каждом месте, где встречается дата; но никому, кто хоть сколько-нибудь знаком с предметом, не нужно говорить, что даты правления средневековых династий в Индии далеки от установленных, и с этим мало кто соглашается. Действительно, за последние десять или двадцать лет был достигнут большой прогресс в устранении трудностей, связанных с этим предметом. Это настолько верно, что есть только одна или две даты, достаточно важные, чтобы повлиять на наши рассуждения, которые все еще остаются под сомнением; но хотя это может быть правдой, есть много других, относительно которых мир в целом испытывает значительные колебания. Следовательно, становится почти необходимым кратко изложить основания, на которых основана хронология, используемая на протяжении всей этой работы, чтобы правильность большинства изложенных в ней выводов можно было оценить по их истинной ценности.^[660]

Самое раннее разумное утверждение, касающееся этого предмета, которым мы располагаем, содержится в 9-й главе "Индики" Арриана. Там утверждается — цитируя Мегастена, — “Что от Вакха (Иксфаку) до Сандрокоттуса (Чандрагупты) индийцы насчитывают сто пятьдесяттрех монархов, которые правили в течение шести тысяч сорока двух лет”.

Первая часть этого утверждения в высшей степени удовлетворительна, поскольку из нее становится ясно, что в Пуранах мы располагаем теми же списками, которые были представлены грекам в четвертом веке до н.э. В Солнечных списках мы имеем в Трета Юг шестьдесят два правления, от Ишваку до Рамы.^[661] Полного списка Лун в ту эпоху не существует. Для эпохи Двапар у нас есть три Солнечных списка: один от Куши до Врихадсаны, тридцать пять царствований; другой от Дишты до Джанамеджаи, тридцать три царствования; и третий, от сына Свадхаджи, отца Ситы, жены Рамы, до Махабаси, тридцать четыре царствования. В Кали-Юге у нас нет полного Солнечного списка, но Лунный список дает пятьдесят нисхождений от Джарасандхи до последнего Нанды. Это дает 145 или 146 царствований, или, скорее, слишком мало. Но лунные списки из Двапар Юг дают сорок четыре числа от Пуру до Юдхишихиры и пятьдесят от Яду до Кришны, так что среднее значение настолько близко, насколько может быть указано Мегастеном.

Вторая часть утверждения, согласно которой средняя продолжительность правления этих королей составляла почти сорок лет, должна, конечно, быть отвергнута, но удовлетворительно обнаружить, что в ту раннюю эпоху фальсификация хронологии дошла лишь до степени

дублирования и что чудовищная система югов со всеми сопутствующими абсурдностями тогда еще не была изобретена.

Хотя в настоящее время это, возможно, невозможно доказать напрямую, я сам не сомневаюсь, что дата, назначенная индусами для Кали Юга (3101 год до н.э.), является истинной, хотя и ошибочно применяемой. Это была либо дата, когда арийцы предположили, что их предки впервые пересекли Инд, либо когда они впервые поселились на берегах Сарасвати или Гогры. Она не является частью какой-либо впоследствии изобретенной системы и кажется единственной неподвижной точкой в море фальсификаций. Принимая это за настоящее и вычитая из него дату Чандрагупты, мы имеем $3101 - 325 = 2776$ годам от Иксваку до Чандрагупты, что, разделенное на 153, дает разумное количество восемнадцати лет для продолжительности правления каждого царя. Конечно, не утверждается, что на эти списки можно полностью положиться — многие имена могут быть утеряны, а многие помещены не на свое место из-за небрежности переписчиков или по другим причинам; но, в целом, при таком подходе они представляют собой разумную основу для реконструкции древней истории Индии, которая полностью согласуется со всем, что мы в настоящее время знаем о древней истории арийцев-иммигрантов.

Если придерживаться этой точки зрения, то события, описанные в Рамаяне — конечно, не в поэме, которая сравнительно современна, — произошли примерно за 2000 лет до Рождества Христова. Придерживаясь приведенного выше среднего значения, мы приходим к выводу, что события, описанные в "Махабхарате" подобным образом, произошли за 900 лет до Чандрагупты, или в 1225 году, или, более точно, согласно пуранической хронологии, таким образом...

	До н.э.
Чандрагупта	325
лет Шишунага, 360 лет	360
Сунака	128
от Сабадевы до Рипунджаи, 23 царствует 18 лет	<u>414</u>
	<u>1227</u>

что, вероятно, можно принять за очень близкую к истинной дату.

Вопрос о том, можно ли установить только что приведенные даты настолько, чтобы они выдержали проверку современной критической проницательностью, должен пока оставаться открытым. Было бы очень удовлетворительно, если бы это могло быть достигнуто таким образом. Во-первых, потому, что это дало бы прочную основу для всех наших рассуждений о древней истории и этнографии Индии, но также и потому, что это доказало бы, что Пураны действительно содержат зачатки истин, которые при надлежащем исследовании могут привести к наиболее важным выводам. Мое собственное впечатление полностью в пользу существования необходимых материалов для этой цели; но в последнее время вошло в моду игнорировать все это, и, насколько я знаю, ни один компетентный ученый не предпринял попытки исследовать этот вопрос на научных принципах.

Как бы то ни было, когда мы подходим к эпохе Анджана, 691 г. до н.э., [\[662\]](#) и к жизни Будды, мы ступаем на более надежную почву; и для наших целей удачно, что это так, поскольку с жизни Будды, можно сказать, начинается средневековая история Индии, и если его дата и даты его преемников не могут быть установлены хотя бы с приблизительной достоверностью, история архитектуры в Индии должна оставаться неизменной. непонятно. Однако в данном случае материалы, я полагаю, существуют в изобилии. Они, правда, еще не были исследованы до такой степени, чтобы сделать какой-либо пункт определенным, но трудности исчезают с каждым днем, и поскольку каждый достигнутый пункт вносит существенный вклад, проливая свет на другие,

которые до сих пор считались нерешенными, мы можем надеяться, что вскоре все это будет удовлетворительно решено.

Пожалуй, нет ни одного момента во всей ранней истории Индии, по которому хроники Цейлона и Дальнейшей Индии были бы столь отчетливы и единодушны, чем тот, что Будда умер — как они выражаются, достиг Нирваны — в возрасте восьмидесяти лет, в 543 году до н.э., или в 148 году Ээтсаны^[663] или в эпоху Анджана.^[664]

Недавно были предприняты попытки, как мне кажется, на основе самых нелогичных и недостаточных данных опровергнуть этот вывод. В цейлонских анналах есть признанная фальсификация, изложенная в "Махавансо" за шестьдесят лет примерно до этой даты; но, поскольку Турнур, который первым указал на это, объяснил также причину этого,^[665] исправление несложно, а результат ясен. Похоже, что Виджая, первый индийский иммигрант или завоеватель Цейлона, высадился на острове за 483 года до н.э. или около того; а правление его преемников, вплоть до Девенампиятиссо, современника Ашоки, если сложить все вместе, составляет всего 236 лет. Когда летописи стали излагаться в 'Махавансо', для блага религии было сочтено целесообразным, чтобы приход Виджайи совпал со смертью Будды; и поскольку священную эпоху нельзя было нарушать, правление Ашоки было перенесено назад, чтобы допустить корректировку. Это было достигнуто главным образом за счет сокращения эпохи девяти Нандов со 100 лет, на которые их помещают Пураны, до сорока четырех, а также за счет других незначительных изменений. Шестьдесят лет были впоследствии восстановлены небольшими добавлениями к последующим правлениям, не имевшим большого значения, но пагубно повлиявшим на правильность всей хронологии 'Махавансо', примерно до А.Д. 400 г. н.э., когда она была составлена в ее нынешнем виде. Поскольку дата правления Асако прекрасно известна (272-236 гг. до н.э.), нам стоит только отбросить самое невероятное совпадение высадки Виджайи в день Нирваны Будды, которое ничем не подкрепляется, и все становится ясно, и все становится на свои места.^[666]

Помимо цейлонских списков и цитируемых Кроуфердом из "Бирманских анналов",^[667] Пураны предоставляют нам две, приведенные ниже, которые представляют для нас большой интерес, и все они настолько удивительно совпадают, что, кажется, очень мало сомнений в их общей подлинности.

Солнечный список.		Лунный список.	
		<i>Династия Сайсунага правила 360 лет.</i>	
	До н.э.		до н.э.
Кританджая	691	Шишунага	685
Рананджая	—	Какаварна	—
Санджая	—	Кшемадхарман	—
Сакья	—	Кшетранджас	—
Суддходана	—	Бимбисара 603	
		<i>Канвапана, 9.</i>	
		<i>Бхумипутра, 14.</i>	
Ратула	—	Аджатасатру	551
Прасенаджит	—	Удаясва	519
Кшудрака	—	Дасака	503
Кундака	—	Нагадасока	495

Суратха	—	Шишунага	471
Сумитра	451?	Каласока	453
		Маха Нанда	425
		Сумалья	—
		7 Нандов	—
		Окончание Междоусобия Каутильи	325

Что касается первого, или Солнечного, списка, профессор Уилсон замечает, что “Сакья, без сомнения, является именем автора или возрожденца буддизма, но оно неуместно, поскольку он был сыном, а не отцом Суддходаны”.^[668] Это, однако, лишь один из многочисленных случаев, когда внук берет фамилию своего деда, и который является нескончаемой причиной путаницы в индийских хронологических исследованиях.^[669] Гаутама, как мы знаем, так и не взойшел на трон, а посвятил себя своим религиозным обязанностям, но его сын Ратула наследовал своему деду. Аналогичным образом, Прасенаджит в списке - это не двоюродный брат и спутник Будды, а внук или внучатый племянник того более раннего царя с тем же именем. Сумитра, последнее имя, упомянутое в Бхагават-пуране, по-видимому, вошло на трон около 451 года. Точных дат для фиксации этого события нет, и вместе с ним погиб длинный ряд солнечных монархов, которые на протяжении более чем двадцати шести столетий — если наша хронология верна — оказывали столь заметное влияние на судьбы Индии.

Именно во время правления Каласоки, одиннадцатого царя этой династии, был проведен второй созыв, через 100 лет после Нирваны. В этом тоже в последнее время вошло в моду сомневаться. Однако упоминаний в ‘Махавансо’ и подчеркнутого стиля, в котором оно упоминается в бирманских анналах, кажется достаточным, чтобы прояснить этот вопрос. Как и высадка Виджайи на Цейлоне в день Нирваны Будды, говорят, что Проме был основан в 443 году, в год этого созыва.^[670] Должно быть, они твердо верили в это, иначе не стали бы пытаться приспособиться.

Как уже упоминалось ранее, у нас нет ни зданий, ни монет, ни надписей, относящихся к этому периоду, да и вообще каких-либо существенных фактов, которые позволили бы нам проверить хронологические данные. Однако время, когда их стало много, настолько близко, что не кажется необоснованным надеяться, что какие-то подобные свидетельства могут появиться. Пока что-то не будет найдено, отсутствие всех таких материалов должно оставаться любопытным свидетельством того важного влияния, которое контакты народов Запада оказали на искусство и цивилизацию Индии того времени.

ДИНАСТИИ МАУРЬЯ, СУНГА И КАНВА.

Хронология.	Здания.
<i>Династия Маурьев, 130 лет.</i>	
до н. э.	
Чандрагупта	325
Бимбисара	301
Ашока	276
Суйасы	240
Дашаратха	230?
Сангата	220?
Индропалита	212?

Сомасарман	210	
Сасадхарман	203	Пещеры в Удаягири.
Врихадратха	195	Рельс в Бхархуте.
<i>Династия Сунга, 112 лет.</i>		
Пещера Пушпамитра	188	в Бедсе.
Агнимитра	152	
Суджьештха	144	Пещеры 9 и 12, Аджунта.
Васумитра	137	
Бадрака, или Ардрака	129	Пещера Чайтья, Насик.
Пулиндака	127	
Гхошавасу	124	
Ваджрамитра	121	
Бхагавата	112	
Девабхути	86	Пещера в Карли.
<i>Династия Канва, 45 лет.</i>		
Васудева	76	
Бхумимитра	67	Пещера Радж Рани, Удаягири?
Нарайана,	53	
Сусарман,	41	
“ умер	31	

Хронология этих трех династий, записанная в Пуранах, может допускать некоторую корректировку деталей; но в целом она настолько разумна и последовательна, что вряд ли может быть сколько-нибудь значительной. Теперь также установлено, что все здание в целом настолько идеально соответствует архитектуре того времени и тем надписям, которые были найдены, что я не вижу никаких причин сомневаться в его общей правильности.

Кардинальной точкой, от которой зависит все это, является двенадцатый год правления Ашоки после его посвящения — шестнадцатый с момента его инаугурации. В том же году он опубликовал свои высеченные в скале эдикты, в которых упоминает своих союзников, Антиоха и Антигона, Птолемея (Филадельфа), Магаса (Кирены) и Александра (Македонии).^[671] Так получилось, что все эти пять имен упоминаются вместе в сокращенном изложении Джастином Трогуса Помпея (xxvi. 2, 3 и xxvii. 1), хотя и без указания какой-либо даты. Однако, поскольку Магас умер в 257 году до н.э., а единственным годом, в котором все пятеро были живы вместе, был либо этот год, либо предыдущий, мы можем с уверенностью предположить, что шестнадцатым годом Ашоки был 256 или 257 год до н.э. Если это так, то кажется невозможным отнести дату восшествия на престол Чандрагупты ко времени более современному, чем через один или два года после 325 года до н.э.. Цейлонские анналы относят его к тридцати четырем годам,^[672] но наши знания о том, что происходило в Индии во времена Александра, запрещают любое такое продление. С другой стороны, его вступление на престол, произошедшее через год после поражения Поруса, - это не совсем то, чего мы ожидали бы от контекста; но, насколько я знаю, с этим нечего спорить.

Даже если бы это было не так однозначно, как кажется из только что процитированных утверждений, не может быть никаких сомнений в том, что хронологию этого периода можно легко установить по многочисленным надписям, найденным в скальных раскопках, указанных в таблице, а также по монетам и другим существующим материалам. Таким образом, эти династии становятся неизменной отправной точкой для всех наших исследований, как в обратном, так и в обратном направлении.

Династия Андра, или Андрабритья.

Хронология.		Здания.
	Пещера	
Кришны	31	
годаСипрака	8	Пещера в Насике.
г. н. э.Сатакарни И.	10	Южных ворот, Санчи.
Пурноцанга	28	Пещеры 10 и 11 Аджунта.
Шривасвами	46	
Сатакарни II.	64	установлена сакская эра н.э. 79.
Ламбодара	120	Пещера Нахапана, Насик.
Апитака	138	
Сангха	150	
Сатакарни III.	168	Рудра Дама, надпись на мосту, н.э. 151.
Скандхасвати	186	
Мригендра	193	
Кунталусвати	196	
Сватикарна	204	
Пуломавит	205	
Горакшасвасри	241	
Хала	266	
Манталака	271	
Пуриндра сена	276	
Синдара	381	
Раджасвати	6 мс.	
Шивасвати	284	
Гаутамипутра	312	Эра Гупта, основанная в 319 году 319 году н.э. ; пещера в Насике, внешняя железная дорога Амравати.,,,,,,
<i>Васити путра</i>	333	
Пуломат	335	
Шивасри	363	
Скандасвати	370	
Пещера Яджнастри	377	в Насике.

Виджая	406	Великая пещера Кенхери.
Чандрасри	412	
Пуломат	422	
“ умер в	429	
или в	436	пещерах 16, 17 и 19 Аджунта.

В отношении этой династии, как и в отношении трех предыдущих, мы полагаемся на Пураны; но ее хронология, как и у них, настолько разумна и согласуется с тем, что мы узнаем из других источников, что я не вижу никаких причин сомневаться в ее общей правильности. Конечно, в разных Пуранах есть небольшие расхождения не только в именах, но и в продолжительности правления этой династии. Таким образом, Вишну Парана, согласно Уилсону, перечисляет тридцать царей, правивших 456 лет; Вайю и Бхагават - то же самое. Матсья называет только двадцать девять царей, но заставляет их править 460 лет; но ни один из них не называет всех имен, и добавление самого длинного списка не превышает 435 лет.^[673] Все, от Чандрагупты до последнего, также суммируются (стр. 232) и составляют 751 год, или сводят последний из Андров к 426 году нашей эры. Фактическая фиксация этих дат, вероятно, будет найдена в надписях на пещере Насик. На двух из них указаны даты: одна, по-видимому, времен правления Пуломави, или Падмы, датируется девятнадцатым годом неустановленной эры; другая относится к двадцать четвертому году “новой эры”, и акт записан, по-видимому, по приказу Гаутамипутры.^[674] Поскольку, однако, почти наверняка, что эра Гупта, 319 г. н.э. 319 г. н.э., была установлена в правление последнего названного короля, представляется вероятным, что при более тщательном изучении этих надписей, чем они были до сих пор, они зафиксируют эти правления с еще большей уверенностью, чем мы получаем из дат Пуран; единственным элементом неопределенности является то, что новая эра, по-видимому, не датируется ни восшествием на престол короля, ни временем его правления. любое великое событие, но четыре цикла по шестьдесят лет, или 240 лет сакской эры, оно должно было вытеснить.^[675]

Как бы это ни было решено, это не может повлиять ни на начальную, ни на конечную даты правления этой династии, ни на период 751 года, который длился, скажем, десять или двенадцать лет, от восшествия на престол Чандрагупты до окончательного свержения Андраша в 426 году н.э. или около того.

Поскольку это так, очевидно, что эти четыре династии составляют основу нашей средневековой хронологии Индии, к которой должны быть подогнаны все второстепенные события, и, к счастью, большинство из них делают это без каких-либо трудностей. Это был великий период буддийского господства в Индии. Это правда, что до Ашоки в Индии были буддисты, но тогда они были всего лишь сектой, а буддизм был религией в течение двух столетий после падения Андраша. Однако тогда это была борющаяся фракция. Современная индуистская религия постепенно поднимала голову при князьях Гупта и Удджайне, и в 8 веке она вытеснила буддизм в большей части Индии.

Большая часть неопределенности, которая в последние годы вкралась в хронологию этого периода, объясняется пренебрежением, с которым современные исследователи относятся к этим династиям. Это произошло главным образом из-за чрезвычайной редкости их монет, в то время как в основном благодаря нумизматическим исследованиям был достигнут прогресс в прояснении многих темных эпизодов индийской истории. Однако чеканка монет была наиболее заметным иностранным импортом в Индию. Бактрийские греки были чеканщиками *по преимуществу*, и именно благодаря их монетам, и только благодаря им, были составлены полные списки их царей вплоть до 130 года до н.э.. Только по их монетам мы также знаем имена сменивших их варварских королей или королей Саха, которые значатся следующими в нашем списке. Но четыре династии от Чандрагупты до Чандрасри происходили от местных царей, которые лишь косвенно, если вообще соприкасались с греками, и никогда не изучали искусство чеканки монет или, по крайней мере, не

использовали его в достаточной степени, чтобы мы могли идентифицировать их имена или преемственность по их монетам. Их пещеры и надписи, которыми они покрывали свои стены, быстро дают информацию, которую могли бы дать их монеты, если бы они существовали; но исследованием не занимались те, кто прислушивается к публике в той же степени, что нумизматы. Однако было сделано достаточно, чтобы показать, что существуют материалы для установления истории этих династий на надежной основе; и когда это делается на основе надписей в сочетании с архитектурой, результаты оказываются более удовлетворительными, чем когда они зависят только от нумизматических свидетельств.

КОРОЛИ САУРАСТРЫ.

	Даты монет. наша эра	
Нахапана	79	—
Ушавадата	Ушавадата	—
Свами Частана	—	—
Джая Дама	—	—
Джива Дама	—	—
Рудра Даман	72	151
Рудра Синха	102	181
Рудра Сах	104	183
Шри Сах	—	—
	—	—
Даман Сах	144	223
Yasa Daman	—	—
Дамаджата Шри	—	—
Вира Даман	—	—
Ишвара Датта	—	—
Виджая Сах	170	249
Дамаджата Шри	—	—
Рудра Сах	197	276
Вишва Синха	—	—
Атри Даман	—	—
Вишва Сах	200	279
22. Рудра Синха	270	—
Аса Даман	271	280
Свами Рудра Сах	292	371 [676]
Свами Рудра Сах II.	—	—

Свидетельства, на которых основаны даты в приведенном выше списке, любопытно контрастируют с теми, на которых основаны даты предыдущих династий. Они почти полностью нумизматические. Основатель династии Нахапана описывает себя как наместника или сатрапа короля Кшахараты,^[677] безусловно, иностранец, который завоевал страну и держал ее в подчинении почти 300 лет.

Единственный момент, который нас здесь интересует, - это установить, от какой эпохи следует отсчитывать даты на монетах. Когда я ранее писал на эту тему,^[678] Я был склонен принять предположение, что Нахапана был основателем эпохи, известной впоследствии как эра Викрамадитья, 56 г. до н.э.. Я сделал это главным образом потому, что был уверен, что ни один царь с таким именем не правил в первом веке до н.э., и я не смог обнаружить ни одного события, произошедшего в то время, настолько важного, чтобы заслуживать увековечения в целой эпохе.

С другой стороны, иностранное завоевание и основание новой династии были как раз такими событиями, которые должны были бы так отмечаться; и, в ожидании дальнейших доказательств, это предположение, казалось, объясняло то, что иначе было необъяснимо в основании этой эпохи. Однако с тех пор более тщательное изучение надписи на мосту Рудры Дамана,^[679] и архитектурные свидетельства, подробно описанные на предыдущих страницах, убедили меня, что такая теория несостоятельна. Надпись на мосту датирована 72 годом, той же эпохой, к которой относятся все монеты этих королей. В нем он хвастается, “что, дважды победив Сата Карни, владыку Дакшинапатхи, он не уничтожил его полностью из-за их тесной связи и таким образом снискал славу”. И он хвастается завоеванием, среди прочих стран, Анупы, Саураштры, Ашва Кутчи, Кукуры, Апаранты и т.д.^[680]

Немного далее в нашей истории Гаутамипутра, в правление которого была установлена эра, впоследствии перенятая гуптами и Баллабхи, хвастается в надписи в пещере в Насике, что он завоевал, среди прочего, все перечисленные выше страны и восстановил славу династии Сатавахана и уничтожил расу Кагарата.^[681] Все это раскрывает положение вещей, которое не соответствует эпохе Викрамадитья, но полностью согласуется с эпохой Саливаханы.

Предполагая, что династия Сата Карни правильно представлена в Пуранах, перечисленных выше, Рудра Дама, исходя из предположения, что датами были Самваты, правил 16 (72-56) гг. н.э. сразу после основания династии и до долгого и процветающего правления Сата Карни II., которое вряд ли могло иметь место, если бы его семья была поражена так рано в своей карьере. Но если мы предположим, что это было в 151 (79+ 72) году н.э., то это совпало бы с правлением третьего царя с таким именем, и в то время, когда, насколько мы можем судить по продолжительности царствований и тому, как небрежно они перечислены в Пуранах, состояние семьи было значительно подавлено; и прошло немногим более полутора столетий после этого, когда Гаутамипутра восстановил состояние своей семьи. Если бы между этими двумя событиями прошло 300 лет, семья вряд ли когда-либо достигла бы того положения, которого она достигла.

Еще более важным моментом является то, что даты на монетах Sah— независимо от того, какая эра была рассчитана — относятся только к 270-271 годам или, предположительно, к 292 году.^[682] Если они рассчитаны по Викрамадитья Самвату, то они должны были прекратить правление в 214 году н.э. или, самое позднее, в 236 году н.э., и после 312 года н.э. у Гаутамипутры не было бы Кхагаратов, которые Гаутамипутра мог бы смирить. С другой стороны, если считать с A.D. 79, their final extinction would have been in A.D. 349, or at latest A.D. 371 г. н.э. Так что, хотя Гаутамипутра и смирил их, они в некоторой степени перекрывают эпоху Гупта, что, по-видимому, почти необходимо для объяснения способа, которым монеты Саха перекрываются и совпадают с монетами серии Гупта, на чем так сильно и, как мне кажется, совершенно справедливо настаивает мистер Томас.^[683]

Представляется необходимым одно из двух: либо перенести гупты так, чтобы они перекрывали Сахи, датированные либо эпохами викрамадитян, либо селюсидан, либо снести Сахи так, чтобы они перекрывали их, если они датируются эпохой, носящей их имя. Мистер Томас и генерал

Каннингом предпочитают первую гипотезу. По только что изложенным причинам и другим, которые будут приведены далее, я убежден, что последняя гипотеза является единственной, которая соответствует фактам дела в том виде, в каком мы их теперь знаем.

Эта замена сакской эры на самват приводит то, что мы знаем об истории, в такое полное соответствие с тем, что мы узнаем из надписей и почерпаем из монет, что теперь я едва ли могу сомневаться в том, что это правильный взгляд на вопрос и, безусловно, в большем соответствии с фактами, чем тот, которого я придерживался ранее.

ГУПТЫ.

Хотя Пураны столь разумно и удовлетворительно ведут нас до конца династии Андрабритья, там их руководство оставляет нас. После этого все последующие современные династии были брошены в котел с горячей водой — если использовать юридическое выражение — и началась система мошенничества и фальсификации, которая является порицанием индийской истории. Однако нетрудно увидеть причины этого нового и чудовищного изобретения. В течение шести с половиной столетий буддизм безраздельно господствовал в Индии, и система брахманов, хотя, вероятно, никогда и не исчезала, была, по крайней мере, подавленной и подчиненной. С упадком Андраса это положение дел изменилось. Гупты, которые сразу же пришли им на смену, как по их монетам, так и по надписям, были последователями Вишну и Шивы,^[684] и их здания в Еруне рассказывают ту же историю.^[685]

Хотя гупты, возможно, и положили начало новой системе, именно великим Викрамадितьею из Уджайна она была основана в 515-550 годах н.э., когда г. Он сделал для новой религии то, что Ашока сделал для буддизма примерно за семь с половиной столетий до него. Он сделал государственную религию в Индии и установил ее так прочно, что немногим более чем через столетие после его смерти она, кажется, полностью вытеснила буддизм. По—видимому, именно в его правление была изобретена система Пуран - не то чтобы в его время были написаны Пураны или изобретены все фальсификации истории, но тогда было положено начало, и к 10 или 11 веку нашей эры она была доведена до полного совершенства мошенничества, в котором она находится сейчас.

Одной из первых задач новой системы было отбросить назад период, когда Индия была буддийской, и проложить пропасть между ними и их преемниками. Для достижения этого в Пуранах перечисляется следующее: — “После них” (Андрабритьев) “будут править различные расы — семь абхира, десять Гардабхил, шестнадцать саков, восемь Яван, четырнадцать Тушар, тринадцать манд, одиннадцать маун или хунов”^[686] — семьдесят девять принцев будут править землей в течение 1399 лет. Тогда одиннадцать Пауров будут царствовать 300 лет; когда они будут уничтожены, Кайлакила Яваны будут царями, вождами которых будут Виндхья Шакти и т.д. -106 лет”. После нескольких других: “Девять нагов будут править в Падмавати, Кантипуре и Матхуре; и гупты Магадхи вдоль Ганга до Приаги”.^[687] Хотя мы не можем с уверенностью идентифицировать все эти династии, мы, во всяком случае, знаем, что вместо того, чтобы сменять друг друга на протяжении более 2000 лет, все они были более или менее современными — определенно, что ни одна из них не была ранее эпохи Гупта (А.Д. 319 г. н.э.) — и что ни одна из них не пережила Викрамадितью (А.Д. 550 г. н.э.). Саки и Мауны, или Хуны, могут быть уничтожены им, но об этом после. Виндхья Сакти были современниками гуптов, а гардабхилы каким-то образом связаны с Бахрамом Гауром Сасанидьянином; и другие, которые мы смутно узнаем, но они недостаточно важны, чтобы обсуждать их здесь.

Из всех них наиболее важными являются гупты, и, к счастью, их дата является одним из наиболее четко установленных фактов в средневековой индийской хронологии.^[688]

Шри или Раджа Гупта	—	—
Махараджа Гхатоткача	—	—
		401, 412. Пещеры с 16 по
М. Р. адхираджа Чандра Гупта I.	82, 93+319 =	20 Аджунта. Здания в Эруне.
” Самудра ”	—	—
” Чандра Гупта II.	—	—
” Кумара ”	124+ ” =	443
” Сканда ”	130, 137, 141, 146+ ” =	449, 456, 460, 465
Махендра младший	—	—
Махараджа Шри Хастина	163+ ” =	482
Раджа Будда	165+ ” =	484
М. Р. адхираджа Торамана	182+ ” =	501

Троих последних поименованных вряд ли можно считать принадлежащими к великой династии, хотя они относятся к одной и той же эпохе, а двое первых были сравнительно незначительными персонажами. Только Чандра Гупта I, A.D., принял титул Махараджи адхираджи и основал величие своей расы на руинах величия андрабритьев.В

В дополнение к приведенной выше хронологии, составленной на основе монет и датированных надписей, майор Уотсон недавно предоставил наиболее важный элемент для их истории из письменных источников, существующих в Гуджерате.

Из этого мы узнаем, что Чандра Гупта II. правил двадцать три года после завоевания Саурастры своим сыном; что Кумара Пал Гупта правил двадцать лет; и что ему наследовал Сканда Гупта, но потерял Саурастру из-за восстания своего Сенапати Бхатарки, основателя семьи Баллабхи. Через два года после этого события Сканда Гупта умер, и, как нам сообщают, “в это время раса гупта была свергнута иностранными захватчиками”.^[689]

Эпоха, из которой взяты эти даты, никогда не казалась мне сомнительной; и это все больше и больше подтверждает убежденность в том, что они относятся к эпохе, носящей их имя, - к 319 г. н.э. Это не могло быть из эпохи саков, как обычно предполагалось, исходя из того факта, что Альбируни утверждает, что эпоха, носящая их имя, была “очевидно” эпохой их разрушения,^[690] потому что в этом случае Сканда Гупта, должно быть, жил и правил девятьюстами четыре года в дополнение к шестнадцати, которые, как мы уже знаем из надписей, он занимал трон. Правление продолжительностью 110 лет кажется невозможным; а если это не так, то по причинам, изложенным в моей предыдущей статье, представляется несомненным, что их монеты и надписи датируются эпохой Гупта, 319 годом.

Кроме того, на скале в Джунагаре есть надпись, выгравированная тем же Скандой, последним из великих гуптов. Это не было переведено Принсепом, хотя копия находилась в его руках перед его последней болезнью.^[691] Если бы он дожил до того, чтобы перевести это, у меня сложилось впечатление, что противоречий относительно возраста гуптов никогда бы не возникло — настолько абсолютными кажутся его доказательства. Как бы то ни было, она никогда не появлялась, насколько я знаю, в полной форме и в переводе, пока это не было сделано покойным Бхауджи в шестом томе "Бомбейского журнала" за 1862 год. В нем у нас есть три даты — озеро Садаршана, как говорят, вышло из берегов в 130 году, было отремонтировано в 137 году, а храм Вишну построен в 138 году, и дважды это повторяется “считая от эпохи Гуптов” (Гуптасья Кала). Камень потерт там, где стоит средняя дата, но там как раз достаточно места для этих слов.

Тот же царь на колонне Кухаон датирует свою надпись 141 годом,^[692] но без упоминания эпохи, которая, по-видимому, была настолько обычной в Бенгалии, что не требует уточнения.

Кроме того, 146^[693] годы с 319 года, о которых мы знаем из их датированных надписей, что они правили, - это как раз тот интервал, который требуется, чтобы заполнить пробел между Баллабхи и их эпохой, которую они приняли, узурпировав наследство Гуптов, за два года до смерти Сканды Гупты.^[694]

Еще один момент, имеющий большое значение для индийской истории, который вытекает из фиксации этой даты (A.D. 465-70) for the destruction of the Guptas is, that it was almost certainly the White Huns who were the “foreign invaders” that struck the blow that stopped their, карьеру. По крайней мере, мы узнаем от Космы Индикоплустеса, писавшего семьдесят лет спустя после этого, что в его время гунны были могущественной нацией на севере Индии, и из того, что он говорит о них, мы можем заключить, что они поселились там некоторое время назад.^[695]

В "Бхитари Лат" Бхауаджи читает — надо признать, с некоторым сомнением — тот факт, что Сканда Гупта сражался, по-видимому, с успехом, против гуннов.^[696] Но главное в том, что примерно в это же время Белые гунны вырвались на свободу и расширили свои вторжения на восток и запад, так что нет не только никакой невероятности в том, что они были упомянутыми “иностранными захватчиками”, но и всей вероятности, что они были таковыми. Я полагаю, что никто, действительно, не может, обладая теми знаниями, которыми мы сейчас обладаем, прочитать главу Де Гиня о белых гуннах,^[697] не осознав, что в ней содержится ключ к разгадке многих загадочных отрывков индийской истории. Это правда, что Индия там не упоминается; но со времен Бахрама Гаура в 420 году до поражения при Ферозе в 475 году персы вели междоусобную войну с этими гуннами, и ничто не может быть более вероятным, чем то, что переменная судьба этой борьбы заставит их искать союза с могущественными в то время гуптами, чтобы помочь им в борьбе с их общим врагом.

Точно такое же впечатление производит то, что сказано Фериштой и персидскими историками^[698] об истории того времени. Однако сейчас ничто не может быть более понятным, чем визит Бахрама Гаура в Индию, когда на нее впервые напали Белые гунны. Его брак с индийской принцессой Канудже (? гупта); дань или помощь, на которую претендовали Ферозе и его преемники на персидском троне, - все это легко объяснимо, если предположить, что две нации в то время были вовлечены в борьбу против общего врага. Это также объясняет упоминание шаха в Шахи на аллахабадской надписи Самудры Гупты.^[699] Отсюда также явное персидское влияние на чеканку золотых монет канужских гуптов,^[700] и бесчисленные сасанидские монеты того периода, найденные во всех частях севера Индии.^[701] Во всем этом сасаниды, кажется, неразрывно связаны с гуптами. Персы, однако, в конечном итоге вышли из войны победителями. Великие гупты были повержены где-то между 465-70 годами или вскоре после этого. Борьба, однако, по-видимому, продолжалась еще некоторое время подчиненной ветвью их преемников; поскольку мы узнаем из надписи, найденной в Афсаре в Бехаре,^[702] что четвертый представитель этой династии, Дамодара Гупта, “успешно столкнулся в битве при Маушари со свирепой армией западных гуннов”. Это событие, возможно, остановило продвижение гуннов в Индию, и в этом случае оно не могло произойти ранее 535 года, когда Косма Индикоплустес, как предполагается, написал свою ‘Христианскую топографию’; но ни в коем случае не ясно, не описывал ли он события, имевшие место, когда он сам был в Индии некоторое время назад. Но как бы то ни было, это подводит нас к тому времени, когда битвы при Коруре — о которых подробнее ниже — и Маушари освободили Индию от саков и хунов, которые долгое время держали ее в ненавистном подчинении. Как я сейчас попытаюсь показать, мне не кажется сомнительным, что эти две битвы произошли между 524 и 544 годами; и таким образом, они фиксируют одну из самых важных эпох в истории средневековой Индии. Действительно, эти два события настолько близки друг к другу по времени, что я иногда почти склонен думать, что это могут быть всего лишь разные названия одной и той же битвы. Во всяком случае, они почти наверняка представляют собой части той же

кампании, которая в ту эпоху освободила Индию от яванов; и именно в ознаменование славы этих сражений был учрежден Викрамадितья Самват. Это изгнание яванов было также первым серьезным ударом, нанесенным буддийскому господству, от последствий которого оно впоследствии так и не оправилось полностью.

ДИНАСТИЯ БАЛЛАБХИ.

	ДАТЫ НА НАДПИСЯХ.	г.н.э.
Бхатарка Сенапати	—	465 или 470
г.Дхарасена ”	—	—
Дронасинха	—	—
Дхрувасена Махараджа	—	} Котем. Викрамадितья
Дхарапатта	—	} Династия
Грихасена	—	} из Удджайна,
Шридхара Сена	—	} 470-550.
Силадитья I.	—	—
Чарагриха И.	—	—
Шридхара Сена II.	272	591
Дхрувасена II.	—	„Котем. Хиуэн Тханг
Шридхарасена III.	—	—
Силадитья II.	356	675
Чарагриха II.	—	—
Силадитья Мусалли III.	—	—
Силадитья Мусалли	400	718

Как бы ни ошибался Альбируни в своих датах, нет никаких сомнений в том, что он совершенно прав в своем утверждении о том, что “История Баллабха существует после смерти в целле Сакского дворца 241 года и далее. Apparemment Ballabha suivit immédiatement les Gouptas, car l'ère des Gouptas commence aussi 241 de l'ère de Saca.”^[703] Это мы также узнаем, с подробностями о том, как это произошло, из отчета полковника Уотсона о сделке; в то время как знаменитая надпись полковника Тода "Путтун Сомнатх" также позволяет с уверенностью утверждать, что эра Баллабхи началась в 319 году н.э.^[704], написанная в "Путтун Сомнатхе"..... Учитывая это, кажется трудным понять, почему эпоху следовало называть эпохой Баллабхи, а также эпохой гуптов, если только не потому, что она была принята названной династией и что они датировали ею свои деяния и надписи, которых чрезвычайно много. Могут быть причины, по которым это должно быть иначе; но, хотя этот пункт в целом и яростно оспаривался выдающимися индийскими хронологами, я не могу оценить аргументы, выдвинутые в пользу эры викрамадितьи или саков,^[705] и рассматриваю их собственную эпоху (319 год н.э.) как, безусловно, ту, с которой датируются все надписи гуптов.

У меня сложилось впечатление, что это никогда не считалось бы сомнительным, если бы не неосторожное заявление полковника Тода о том, что Баллабхи был разрушен парфянами в 524 году н.э.,^[706] в правление Силадитьи, его последнего царя. Согласно этому рассказу, его жители были перебиты в результате обычных романтических инцидентов; но через некоторое время остатки обосновались в Сидхапоре и, наконец, построили новую столицу, которую называли Ангилварра.

Абсолютная ложность информации, предоставленной таким образом полковнику Тоду, подтверждается тем фактом, что, когда Хиуэн Тханг посетил Баллабхи, спустя 115 лет после предполагаемого разрушения, он обнаружил, что он не только стоит, о чем не подумали ни Сидхапор, ни Ангилварра, но и старая столица все еще остается одним из самых богатых и процветающих городов Индии, а ее король - одним из трех величайших королей северной Индии. Короля звали Дхрувапатон, и он был племянником или внучатой племянницей Силадитьи из Малвы и зятем Силадитьи, правящего короля Кануджа.^[707] Наконец, у нас есть даты на медных табличках Дхрувасены, одна в $310 + 319 = 629$; другая в $322 + 319$ или 641 году,^[708] тот самый год, когда Хиуэн Тханг встретился с ним в Аллахабаде, если мы предположим, что они датированы по Баллабхи Самват.

Было бы удовлетворительно, если бы мы могли точно определить дату разрушения Баллабхи, поскольку это одно из таких событий, знаменующих собой эпоху в истории Индии. Это был один из заключительных актов древней драмы, завершившей средневековый период индийской истории и положившей начало темным векам, которые с тех пор длились более двух столетий.

В настоящее время материалов для этого практически не существует, хотя приблизительные данные могут быть. У нас есть многочисленные надписи этой династии, датированные 310, 326, 338, 348 и др.,^[709] или A.D. 629, 645, 657, 667 respectively, if the figures are all correctly read, which is not quite clear; and lastly, Mr. Burgess reports one dated 400, or A.D., принадлежащей последнему Силадитье и, следовательно, очень близкой к событию. В настоящее время существуют две версии того, каким образом было произведено разрушение: первая, что оно было вызвано землетрясением, которое могло произойти в любое время;^[710] другая (от Tod), что город был разрушен парфянами. Если это было сделано иностранным врагом, то это могли быть только мусульмане. Они были сильны на берегу Инда в 22 Хиджре,^[711] или в 644 году н.э., или до того, как Хиуэн Тханг покинул Индию, и ни один иностранец не мог пересечь Инд или напасть на Баллабхи после этого времени или за несколько лет до этого, не будучи замеченным магометанскими историками. Они оставались там в силе до смерти Мухаммеда Касима, 711-715 гг.,^[712] и именно ему я одно время был склонен приписать разрушение. Однако, если дата мистера Берджесса верна, его смерть наступила на три года раньше срока. Но я вовсе не считаю невероятным, что Баллабхи — один из городов — Барус и Узайн, — которые, как говорят, были разграблены Джунайдом в A.D. 725 or 726.^[713] Барус очень похож на Бароах, а Узайн почти наверняка Уджайн, но является ли Малиба Баллабхи, я должен предоставить другим определять. В

Все источники сходятся в том, что Ангилварра Путтун был основан в 802 году Самвата, или в 746 году нашей эры,^[714] что может быть верным в течение года или двух; но из имеющихся у нас отчетов ясно, что между двумя событиями должно было пройти от двадцати до тридцати лет, в течение которых жители разрушенного города искали убежища в Пунчасуре и Сидхапоре, прежде чем приступить к строительству об их новой столице. Следовательно, если мы примем 725 год в качестве даты разрушения Баллабхи, мы, вероятно, ошибемся не более чем на год или два в любом случае.

Самая ранняя дата этого семейства, обнаруженная на сегодняшний день, указана на медной табличке Дхарасены II., которая была прочитана профессором Бхандаркармом как 272,^[715] или, согласно принятым здесь взглядам, 591. Вряд ли можно найти что-либо намного более раннее; ибо следует иметь в виду, что, хотя баллабхи отняли власть над Гуджератом у гуптов за два года до смерти Сканды (*ante*, стр. 724), ни первый, ни второй представитель расы не отважились присвоить себе даже скромный титул раджи; они довольствовались тем, что оставались сенапатами, или Генералами. Третий называет себя Махараджей; но их величие достигло кульминации только в 650 году н.э. или около того, когда один из них, Шри Дхарасена III, стал Махараджей Адхираджей — Царем царей или Императором Северной Индии.^[716] Причиной этого, как мы сейчас увидим, было то, что семьей, которая действительно сменила Гуптов на месте

верховой власти в Индии, была семья Удджайн, вторым или третьим монархом этой расы был знаменитый Викрамадитья, дата рождения которого, по причинам, которые будут приведены ниже, кажется почти наверняка приходится на период с 515 по 550 год. Как бы то ни было, как мы сейчас увидим, кажется вполне очевидным, что в начале VI века произошло великое брахманическое возрождение, которое затмило все буддийские династии в северной Индии. На какое—то время их снова затмила отраженная волна буддизма, которая на столетие - A.D.— снова осветила Индию. Однако это было последнее усилие, и после последней названной даты это была всего лишь борьба за существование со стороны буддистов, и в следующем столетии их больше не знают в тех центральных странах, где они так долго безраздельно властвовали.

ДИНАСТИИ ЧАЛУКЬЯ.

Западная ветвь.
Столица Кальян.

1. Джая Синха Виджаядитья.
2. Раджа Синха, Рана Рага, Вишну Вардхана.
3. Виджаядитья II.
4. Пулакеси, 489 г. н.э.? 5. Киртти Варма I.
6. Мангалиса.
7. Сатьясрая начал править в 609 году.
8. Амара.
9. Адитья.
10. Vikramaditya I.
11. Vinayaditya, пребывая Малла, воцарился A. D. 680.
12. Vijayaditya раздел III. воцарился A. D. 695.
13. Викрамадитья второй. начал править в 733 году нашей эры.
14. Киртти Варма II.
15. Киртти Варма III., двоюродный брат последнего, в 799 году нашей эры.
16. Тайлапа.
17. Бхима Раджа.
18. Айя, или Киртти Варма IV.
19. Виджаядитья IV.
20. Тайла Бхупа II. или Викрамадитья III в 973 году н.э. восстановил монархию, которая на некоторое время была узурпирована Ратта Кулой. Он умер в 997 году нашей эры. В., 21. Сатьясрая II. Ириви Бхуджанга Дева, 997 г. н.э. 997.
22. Викрамадитья В. начал править около 1008 (?) 23. Джая Синха Дэва, Jagadeka Малла, о д. A. 1018 (?) 24. Someswara Дева И., Траилокья Ahawa Малла Малла, о A. D. 1040.
- ..... 25. Сомешвара Дева II, Бхунека Малла, 1099 г. н.э., изгнан своим братом.
26. Викрамадитья VI., Кали Викрама, Трибхувана Малла, в 1076 г.н.э.
27. Сомешвара Дева III., Бхулока Малла, A.D. 1127 г.
28. Джагадека Малла, A.D. 1138.
29. Tailapa Deva III., Trailokya Malla, 1150 г..
30. Сомешвара Дева IV , Трибхувана Малла, 1182 г. н.э. Свергнут с престола Биджджалой Дэвой из рода Калабхурия.

Восточная ветвь.
Столица Раджмехендри.

1. Вишну Вардхана II., или Кубджа
Вишну Вардхана, покорил
Венги A.D. 605.
2. Jaya Sinha I.
3. Indra Raja, his brother.
- , 4. Вишну Вардхана III.
5. Манга Юва Раджа.
6. Джая Синха III. }
7. Коккили. } братья.
8. Вишну Вардхана IV. }
9. Виджаядитья I.
10. Вишну Вардхана V.
11. Нарендра Мрига Раджа.
12. Вишну Вардхана VI., или Кали Вишну
Вардхана.
13. Виджаядитья II, или Гуна Гунанка
Виджаядитья, завоевал Калингу.
14. Чалукья Бхима И., его брат.
15. Виджаядитья III., или Коллабхиганда Виджая.
16. Амма Раджа.
17. Виджаядитья IV., или Каудагачита Виджая.
18. Талапа. Узурпатор.
19. Викрамадитья В., сын брата Амма Раджи I.
20. Юддха Малла.
21. Раджа Бхима II.
22. Амма Раджа II.
23. Дханарнава. Двадцатисемилетнее
междоусобие.
24. Киртти Варма, сын Дханарнавы.
25. Вималадитья, его брат.
26. Раджа Раджа Нарендра.
27. Раджендра Чола.
28. Викрама Дева Кулоттунга Чола.
29. Раджа Раджа Чола, вице-король на один год.
30. Вира Дева Кулоттунга Чола, или Саптама
Вишну Вардхана. Вице - король с 1079 по 1135 годн.

После этого южная часть этих владений перешла под власть хойсала беллалас, чей расцвет в Майсуре датируется 984 годом н.э.; их, в свою очередь, в 1310 году уничтожили мусульмане.

После Вира Дева Кулоттунга Чола страна подпала под власть династии Какатья из Ворангула, вождем которой был Пратапа Рудра (A.D. 1162 г. н.э.). Самая поздняя из их надписей датирована A.D. 1336.

Два списка на предыдущей странице являются одними из самых интересных и важнейших из тех, которыми мы располагаем, поскольку они содержат основу всего, что мы знаем о чалукьях, и, фактически, являются тем, что исторически оправдывает нас при выделении их стиля в отдельное подразделение, отличное от других форм архитектуры, известных в Индии.

То, что мы знаем об этих династиях, почти полностью благодаря интеллектуальному рвению сэра Уолтера Эллиота, который во время своего пребывания в Индии собрал коллекцию из 595 надписей из различных частей декхана. Из них он извлек списки, которые впервые опубликовал в четвертом томе Королевского азиатского общества; но впоследствии гораздо более подробно в "Мадрасском журнале" за 1858 год, откуда эти списки скопированы дословно.^[717] Некоторые из надписей были переведены и опубликованы вместе с этими документами, а другие — генерал-майором Ле Гран Жакобом в "Бомбей Джорнал" (том iii, стр. 206, *и последующие*), и другие упоминания о них можно найти среди надписей г-на Уотена в различных томах 'Журнала Королевского азиатского общества'. Но мы узнаем лишь малую толику того, что должны и могли бы знать, пока надписи сэра Уолтера Эллиота не будут переведены и опубликованы.^[718] Когда это будет сделано и изучена архитектура территории Низама, чалукийский стиль займет достойное место между дравидийским и индоарийским стилями и, если я не ошибаюсь, будет признан равным любому из них как по важности, так и по художественным достоинствам.

К счастью, нет ошибки или сомнения относительно эпохи, которой датируются чалукийские надписи: ветвь Баллабхи, унаследовавшая владения гуптов в Гуджерате, естественно, приняла их эпоху, но южная ветвь, полностью отделенная от какой-либо подобной ассоциации, приняла сакскую эпоху (79 г. н.э.), которая тогда, насколько известно, была единственной другой эпохой, использовавшейся в то время в Индии. Что не менее важно, так это то, что, по—видимому, только одна сомнительная дата среди всех приведенных в списках - дата 411 года Сака (A.D. 490 г. н.э.), связанная с именем Пулакеси I. В своей первой статье,^[719] Сэр Уолтер Эллиот счел это настолько невероятным, что вообще отверг это; и профессор Эггелинг сказал мне, что у него есть веские причины подозревать, что медная пластина, на которой это обнаружено, является подделкой.

В качестве начальной даты это не кажется невозможным, если мои взгляды верны, хотя, безусловно, маловероятно. Если Бхатарка Сенапати отвоевал Гуджерат у Сканды Гупты за два года до его смерти, или в 463 или 468 году, ни в коем случае нельзя исключать, что четвертый после него мог править в 490 году н.э., но трудность в другом. Судя по надписям Бадами мистера Берджесса,^[720] нет никаких сомнений в том, что Мангалиса наследовал своему брату Киртти Варме в 567 году, и кажется невозможным, чтобы он был сыном того, кто правил в 490 году, особенно если он продолжал править до 609 года. Если Мангалиша был сыном Пулакеси, в чем, по-видимому, нет причин сомневаться, очевидно, что центральная цифра в его дате должна быть изменена на большее число; но до какой степени, мы не узнаем, пока не будет установлено, был ли Виджая сыном или внуком Бхатарки Сенапати. Между тем, однако, если мы, в качестве гипотезы, добавим пятьдесят лет к дате 411 года и получим 461, или A.D., это позволит Пулакеси

править двадцать семь лет до восшествия на престол Мангалисы в 567 году, что приведет все к пределу вероятности и, по-видимому, полностью согласуется с контекстом.,,

С седьмым королем мы ступаем на более надежную почву. Он был королем, которого, носивший имя своего деда Пулакеси, посетил Хиуэн Тханг в 640 году,^[721] и был, как сообщают нам его надписи,^[722] героем тех войн с Харшей Верддханой, или Силадитьей Малва, которые Матван-лин так наглядно описывает как происходящие в с 618 по 627. С этого времени династия, по-видимому, процветала до смерти Викрамадитьи II. Он взошел на трон в 733 году и умер около 750 года, или примерно через двадцать пять лет после уничтожения ветви Баллабхи. После этого, как выразился сэр Уолтер Эллиот, “власть чалукьев на какое-то время была отчуждена или подверглась частичному затемнению до времен Тейлы, который, как описывается, восстановил монархию в 973 году”.^[723] После этого он наслаждался двумя столетиями процветания, пока окончательно не угас — их северные владения перешли к Калабхурьям, а южные — к Хойсала Беллалам из Дварасамудры или Хуллабида.

История младшей ветви этой семьи будет более интересна какому-нибудь будущему историку индийской архитектуры, чем нам сегодня. Их владения лежали главным образом ниже Восточных Гат, на берегах Бенгальского залива, в так называемых трех Циркарах, простиравшихся от Гангама — полагаю, в их времена — до Махавеллипурама; но об их архитектуре мы ничего не знаем. Ни один путешественник, сведущий в архитектуре, еще не посещал эту страну; и хотя это звучит парадоксально, но то, что мы действительно знаем о ней, мы узнаем из зданий, возведенных не ими, и в стране, которой они, кажется, никогда не владели. Только по зданиям Пратапы Рудры в Ворангуле и в других местах над Гхатами мы можем оценить совершенство, до которого они довели свой стиль.

Из скудных выдержек из надписей Пулакеси I., которые сэр Уолтер Эллиот приводит в своем первом эссе на эту тему,^[724] кажется, мало сомнений в том, что он был королем, который за 100 лет до времен Хиуэн Тханга разорил монастырь в Амравати,^[725] и отменил буддизм в тех краях. Кажется также более чем вероятным, что, поскольку он завоевал Чолу и сжег Конджеверам, он также изгнал паллавов и начал работы в Махавеллипуре. Если высеченный в скале монастырь, упомянутый Фа Хианом и Хиуэн Тхангом и так часто упоминаемый выше, вообще существовал, то он находился на его территории и, возможно, все еще существует на территории Низама. Если это было так, то нет ничего более вероятного, чем то, что он стремился обозначить границу своего южного завоевания подобными работами. Зная все это, мы также понимаем, почему должно быть так много сходства между пещерой Мангалиса в Бадами и почти современными пещерами в Махавеллипуре. Мы также знаем, что в Центральной Индии есть обширная территория, простирающаяся на восток и запад от берега до берега, а также на север и юг от Садраса до Эллары, которая покрыта зданиями огромной красоты и интереса, но которые никто не хочет исследовать. Мы также знаем, что в залах Азиатского общества есть том, содержащий их историю и историю династий, которые их построили, но который никто не хочет читать. Зная, как легко все это можно исправить, соблазнительно завершить эту историю таким скудным описанием стиля чалукьян, как тот, что содержится на предыдущих страницах, но поскольку принципы Индийского совета кажутся неизменными, его описание, по всей вероятности, должно быть передано следующему поколению.

Династии Уджайнов и Канудже.

Правление. Дата.

Васу Дева		
Викрамадитья I. из Уджайна	25	470?
Шри Харша	20	495?

Викрамадитья II. великий	35	515
Силадитья I. из Малва	30	550
Прабхукара	25	580
Раджа Верддхана	5	605
Силадитья II. из Канужа	40	610
умерли, и начались смуты	—	648-650

Хотя баллабхи вырвали провинцию Гуджерат из слабеющих рук Сканды, последнего из Великих гуптов, за два года до его смерти, примерно в 470 году, они долгое время оставались в подчиненном положении. Самая ранняя из найденных надписей датируется только 593 годом, а их единственный император или раджа Адхираджа, Шри Дхарасена III., взошел на трон только после того, как династия Канужей была свергнута в 648-50 годах.

Промежуток между этими двумя событиями мы теперь, к счастью, можем заполнить двумя самыми прославленными династиями Индии — первая включает правление великого Викрамадитьи из Уджайна, который для индусов то же, что Соломон для евреев или Ашока для буддистов. Последняя по названию религия, как упоминалось выше, начала изживать себя примерно в середине 5 века, и гупты ввели на ее место современную брахманическую веру. То, что, однако, они лишь слабо пытались сделать, династия Удджайн совершила с блеском, который затмил все, что происходило до или после этого в Индии, по крайней мере, в глазах индусов. Все великое в науке, поэзии или искусстве сияло вокруг его чудесного трона — точной копии трона Соломона, — и все, что впоследствии произошло в Индии, несет на себе печать его величия. Однако, похоже, это было слишком ярко, чтобы продлиться долго. Четыре последующих монарха были буддистами — правда, исключительно терпимого типа, — но все же, безусловно, сторонниками этой религии. Последний из них, Силадитья, был королем, при дворе которого Хиуэн Тханг пребывал в 636 году, а затем в 642 году, и где он был свидетелем фестиваля раздачи милостыни, о котором так часто упоминалось выше. Хиуэн Тханг безапелляционно называет дату своей смерти — 650 год - и добавляет, хотя и в форме пророчества, что после этого “весь мир в поисках неприятностей, люди извращают себя и свою армию”.^[726] Это более чем подтверждено Ма-тван-лином, но с очевидным расхождением в датах, возможно, на два года.^[727] Фактически это было началом тех смут, которые уничтожили буддизм тогда в Центральной Индии, а столетие спустя полностью отменили его, за исключением некоторых отдаленных уголков страны.

Независимо от того, умер ли он в 648 или 650 году, из многочисленных случаев, описанных нашим китайским путешественником, нет сомнений, что этот Силадитья взошел на трон в 610 году, через год после своего великого соперника Пулакеси II из Кальяна, который, как указывалось выше, начал править в 609 году и сражался с ним с переменным успехом в 618-627 годах.

Для хронологии четырех предшествующих царствований у нас нет ничего, кроме утверждения Хиуэна Санга, что “верная традиция”^[728] — и в другом месте, “о литературе по истории сентября”,^[729] что такое трон, когда он оккупирует иль и страну *ans par un roi nommé Siladitya*,” и далее, что он правил пятьдесят лет, что возвращает нас к 530 году восшествия на престол этого короля, предполагая, что отрывок был написан в 640 году.

Несмотря на уверенность, с которой это утверждается, я без колебаний отвергаю как чрезмерную сумму 110 для продолжительности правления трех королей, двое из которых были братьями. Я делаю это с тем большей уверенностью, что наш автор, хотя и очень точный географ и описатель того, что он видел, ни в одном случае не может полагаться на свои даты. Например, он прожил пять лет в Наланде и, должно быть, имел доступ к ее записям, однако он сообщает нам, что монастырь существовал 700 лет,^[730] а затем называет имена пяти королей, которыми были построены различные части с того времени до его дней, но не видит абсурда в том, чтобы

представлять их во всех случаях как сыновей того, кто был назван следующим ранее. Каждый из них, согласно его рассказам, правил более 100 лет! В какой степени эта дата восшествия на престол Силадитьи должна быть сокращена, можно выяснить только из последующих открытий или исследований. Пока будет достаточно сократить его на двадцать лет, что приведет его в соответствие со всем, что мы в настоящее время знаем из других источников. ^[731]

Когда мы переходим к другому концу нашего списка, у нас, безусловно, есть трое — возможно, четыре царя, — для которых мы должны найти место за восемьдесят лет, и один из троих, великий Викрамадитья, должно быть, правил долго. Профессор Уилсон приписывает ему тридцать пять лет, ^[732] и я не знаю лучшего авторитета, чем он, особенно в области истории или хронологии этого периода. Сами индусы, со своей обычной небрежностью, забыли записать это; и хотя в Пуранах и в других местах есть определенные даты, нет средств проверить их точность; однако, что касается его вступления на престол, есть одна или две, которые стоит записать. Таким образом, Уилфорд сообщает, что этот Викрамадитья взойшел на трон Малва в 441 году, ^[733] считая от начала Саливаханы, или 520; или, согласно Агни-Пуране, через 437 лет после той же эпохи, или 516, ^[734] который, я полагаю, может быть точным годом; и есть несколько других дат, которые можно было бы использовать для подтверждения этого предположения, но нет средств проверить подлинность.

Предполагая это на данный момент, остается всего сорок пять лет для двух или трех предыдущих царствований; и этого вряд ли достаточно для нашей цели, поскольку, как мы сейчас увидим из 'Раджа Тарангини', между Пратападитьей, другом первого Викрамадитьи, и Матригуптой, протеже второго, было девять переходов. Конечно, могут быть значительные совпадения между первым и последним из этих девяти королей, но кажется невозможным сжать все за более короткий период, чем было разрешено.

Однако впоследствии небольшие расхождения в этой династии могут быть исправлены, приятно знать, что, вероятно, нет даты, которая допускала бы большее исправление, чем, скажем, десять лет, если не больше, а возраст последнего царя, друга Хиуэн Тханга, позволяет нам чувствовать себя совершенно уверенными относительно дат рождения его зятя Дхрувасены, Баллабхи, Сасанки, Пундры Верддханы, Кумары, Камарупы и Пулакешы II. из Кальяна. Таким образом, у нас есть по крайней мере одна фиксированная точка в нашей средневековой истории, которая является вполне определенной, и по которой мы можем без труда рассчитать ее вдоль и поперек, а также интересная, поскольку ее окончательная дата, 650 год, является началом конца, который был завершен, как мы увидим в следующем разделе, Лаладитьей всего столетием позже.

КАШМИР.

Ашока,	276-240	гг.	до	н.	э.
Джалока.					
Дамодара.					
Хушка	—	татарские	князья	основали	буддизм.
Джушка	—	татарские	князья	установили	буддизм.
Канишка	—	татарские	князья	установили	буддизм.
Абхиману,	79		лет	н.	э.?
ДИНАСТИЯ					ГОНАРДЬЯ.
Гонарда.	Восстановлено		поклонение		нагам.
Вибхишана.					
Индраджита.					
Равана.					
Вибхишана.					

Нара. Сиддха. Утпалакша. Хираньякша. Хираньякула. Васукуло. Михиракула Vaka.	вторгся	на	Цейлон	в	250	году?
Кшитинанда. Васунанда. Нара. Акша. Гопадитья, Гокарна. Нарендрадитья. Юдхиштхира.						330?
Династия						Адитья.
Пратападитья, Jalaukas. Тунджина. Виджая. Джайендра. Арья	родственник		Викрамадитья	I.,		390.
Линия		ГОНАРДИИ				восстановлена.
Мегхавахана Праварасена Хиранья Торамана Матригупта, Праварасена Юдхиштхира Нандрават. Ранадитья. Викрамадитья. Баладитья.	вторгся — — вице-король II., вторгся	на при в	Цейлон Современники Современники Викрамадитье Силадитью	в из	472 II., Гуджерата,	году. I. Викрамадитья. Викрамадитья. 515. 560. II.
Династия		НАГА		или		КАРКОТА.
Дурлабхаверддхана, Пратападитья, Чандрапира, Парапира, Лалатадитья, Ясоверну	725; из	умер Канудже	в	761	году.	Завоевал Индию.

Когда о 'Радж Тарангини' говорится в реальной индийской истории, это делается только в смысле французской поговорки — "Parmi le aveugles le borgne est le fils du roi". Может быть, он и лучший, но это очень безразличный образец в своем классе. Некоторые из немногих событий, о которых в нем рассказывается, интересны и важны, но они во многом теряют свою ценность из-за преднамеренной и систематической фальсификации хронологии, к которой они привязаны. Однако даже они могут стать более ценными, чем кажутся сейчас, когда работа будет отредактирована лучше, чем это было до сих пор. Самый ранний и лучший отчет, который у нас есть, - это отчет профессора Уилсона в пятнадцатом томе 'Азиатских исследований'. Перевод, впоследствии опубликованный Тройером на французском, несомненно, более полный, но сделан по менее совершенной рукописи и гораздо менее критичен. Доктор Гео. Говорят, что Бюлер, который сейчас находится в долине, собрал несколько дополнительных и более полных рукописей, из которых следует, что он готовит новое издание этого труда. Когда это будет сделано, мы, возможно, сможем использовать его с большей пользой; между тем, в хронологических целях мы можем только попытаться найти начальную и конечную даты и с помощью одной или двух промежуточных синхронизмов попытаться привести все в понятную последовательность; но хронология настолько безнадежно запутана ее автором, что в настоящее время это может быть достигнуто только путем применения системы средних значений, которая является и всегда должна быть самым неудовлетворительным методом процедуры.

Сразу отвергая как бесполезные или безнадежно утерянные все те части истории, которые были до третьего века до н.э., первое название, к которому мы приходим, - знакомое название Ашока, но здесь помещен 1394 год до н.э., или более чем на 1000 лет раньше. Именно для того, чтобы восстановить то, что было утрачено из-за этой первой ошибки, Калхана Пандит был вынужден фальсифицировать все даты вплоть до восшествия на престол династии Каркота (A.D. 627 г. н.э.), хотя даже в его время они были известны как достоверные в течение десяти или двадцати лет. Чтобы добиться этого, он прибавлял то здесь, то там десять, двадцать или тридцать лет, как диктовал каприз, пока, наконец, не потерял терпение и не дал одному царю, Ранадитье, в VI веке 300 лет вместо возможных тридцати, и таким образом свел концы с концами! Итак, история пишется на Востоке!

После Ашоки следующее имя, которое мы встречаем в известных нам списках, - Канишка, и он играет настолько важную роль в истории Кашмира и Гандхары, что было бы чрезвычайно интересно, если бы можно было установить его дату хотя бы приблизительно. 'Раджа Тарангини' не оказывает нам никакой помощи в этом вопросе. Как правило, предполагалось, главным образом на основании нумизматических свидетельств, что он правил либо непосредственно до, либо сразу после христианской эры;^[735] но между ним и Ашокой в наших списках есть только два имени. Следовательно, если мы хотим применить к этой истории ту же логику, которую самые ученые пытались применить к датам Нирваны в "Махавансо", мы должны либо перенести Ашоку в первый век до н.э., либо вернуть Канишку в третий. Поскольку ни тот, ни другой процесс не является приемлемым, ничего не остается, как признать, что запись несовершенна и что только на основании внешних свидетельств эти даты могут быть установлены с какой-либо определенностью.

Даже признание того, что Хушка и Джушка были отцом и дедом Канишки, что, я склонен думать, может иметь место, а не его братьями, как обычно предполагается, вряд ли нам сильно поможет — четыре правления незначительных принцев за 200 лет почти в равной степени недопустимы и не помогут нам отличить дату Канишки от даты Ашоки.

В последнее время этот вопрос значительно сузился в связи с открытием ряда датированных надписей в Муттре и других местах, в которых часто встречается имя Канишки и его преемника Хувишки — последнее всегда следует за первым именем и никогда не предшествует ему. Именно это заставляет меня поверить, что Хушка из хроники был отцом Канишки, и ничто в этом случае

не является столь вероятным, как то, что его преемник должен был взять фамилию своего деда. Почти невозможно, чтобы он взял деньги своего дяди, и поскольку имя Юшки нигде не встречается в надписях, естественно предположить, что он скончался за некоторое время до того, как они были написаны.

Как бы то ни было, в следующей таблице приведены надписи в том виде, в каком они были найдены генералом Каннингемом:— [\[736\]](#)

В индо-палийском алфавите.

Матхура.—	Канишка.	Махараджа Канишка. Самват 9.
	Хувишка.	Махараджа Девапутра Хувишка. Самват 39.
		Махараджа Раджатираджа Девапутра Хувишка. Самват 47.
		Махараджа Хувишка. Самват 48.
	Васудева.	Махараджа Раджатираджа Девапутра Васу (дева). Самват 44.
		Махараджа Васудева. Самват 83.
		Махараджа Раджатираджа, Шахи, Васудева. Самват 87.
		Раджа Васудева. Самват 98.

На бактрийско-палийском алфавите.

Другие населенные пункты.—	Бахавалпур.	Махараджа Раджадираджа Девапутра Канишка. 11-й самват, 28-го числа (греческого) месяца Дейус.
	Маникьяла Топе.	Махараджа Канешка, Гушана васа самвардхака. “Увеличитель владычества гушанов” (кушанов). Самват 18.
	Ваза Вардака.	Махараджа раджатираджа Хувешка. 51-й самват, 15-й день Артемисия.

В дополнение к этим бактрийско-палийским надписям, у нас есть запись о царе по имени Мога (Моа?) на медной табличке из Таксил, где сатрап Лиакко Кусулуко (Козола?) говорит о 78-м году правления “великого царя, великого Мога”, 5-го числа месяца Панам.

В дополнение к надписям с этими именами генерал Каннингем цитирует множество других, с датами той же эры Самват, простирающимися с 5 по 281 год, но без каких-либо имен королей в них. Однако их смысл и форму используемых символов он считает достаточной, чтобы показать, что они образуют взаимосвязанный ряд, относящийся к одной и той же эпохе, какой бы она ни была.

Таким образом, здесь мы имеем эпоху, которая, как мы можем с уверенностью предположить, была установлена Канишкой либо с начала его правления, либо в ознаменование какого-то важного события в нем, и которая использовалась после него, по крайней мере, в течение двух или трех столетий. Вопрос в том, была ли эта эпоха, с тех пор известная как эпоха Викрамадитьи, датируемая 56 годом до н.э., или это была сакская эпоха короля Саливаханы, датируемая 135 годами позже? Генерал Каннингем без колебаний принимает первое; и хотя это не предмет для догматизации, я гораздо более склонен принять второе.

Во-первых, потому, что я не могу найти никаких следов использования какой-либо такой эпохи до катаклизма в А.Д. 750 году нашей эры. Бхауаджи утверждает, что он не знает ни одной надписи, датированной ранее 11 века.^[737] Генерал Каннингем говорит, что она не использовалась еще в 826 году,^[738] но в другом месте цитируется надпись 754 года.^[739] Я не знаю ни одного более раннего; и не могу проследить никаких упоминаний о каком-либо короле по имени Викрамадитья в первом веке до н.э., и никаких событий, которые могли бы положить начало эпохе в 56 до н.э. Никаких следов этого не найдено в Тибете, Бирме или Камбодже, и о нем никогда не слышали на Цейлоне или Яве. Во всех этих странах известна и использовалась сакская эпоха, и кажется странным, что эпоха, установленная таким могущественным буддийским царем, как Канишка, просуществовала два или три столетия, а затем исчезла, не оставив следа ни в одной буддийской стране, а затем, после VIII века, была возрождена и принята брахманами для своей хронологии. Возможно, это и так; но это настолько странно, что, кажется, требуются какие-то веские доказательства, чтобы сделать это правдоподобным, а ничего подобного пока не было выдвинуто.

До сих пор датировка Канишки предполагалась почти полностью на основании нумизматических свидетельств, но мне кажется, что для этого нет достаточных оснований. Во всех опубликованных до сих пор списках,^[740] упоминается по меньшей мере дюжина варварских королей, некоторые из которых, судя по размаху их чеканки, должны были править долго и процветая. Сжимать все это до шестидесяти четырех лет, прошедших с момента разрушения Бактрийского царства (120 г. до н.э.), и эры Викрамадитьи (56 г. до н.э.), мне кажется, очень сильной мерой, для которой я не вижу оправдания. Дать каждому из них в среднем по шестнадцать лет правления кажется гораздо более вероятным, тем более что еще можно обнаружить много других имен — и даже без них это без труда перенесло бы нас в сакскую эпоху (79 г. н.э.). Один из них, Гондофар, как мы сейчас увидим, правил по меньшей мере двадцать шесть лет.

Римские консульские монеты, найденные М. Куртом, о которых говорилось выше (*ante*, стр. 79), были настолько изношены, что их с трудом можно было прочесть, и хотя, следовательно, они определенно ограничивают древность его правления этой стороной 44 года до н.э., они никоим образом не доказывают, что он был таким ранним. Напротив, изношенные монеты, по-видимому, доказывают, что они были старыми до того, как их похоронили; есть вероятность, что они могли принадлежать какому-нибудь паломнику или миссионеру на Западе и стали священными реликвиями еще до того, как были захоронены. Если бы Канишке просто нужны были иностранные монеты, греческие или римские, в его распоряжении могли бы быть сотни отличных монет. Должно быть, у них был какой-то другой, более священный мотив для сдачи на хранение, чем просто отметить дату.

Каждый слышал легенду о святом апостоле Фоме, посетившем Гондофарский двор и, как добавляют некоторые, обезглавленном по его приказу. Возможно, это легенда, и в ней нет ни единого слова правды, но те, кто изобрел ее во втором или третьем веке, должны были, по крайней мере, знать, как звали царя, который находился на троне Гандхары во время Распятия или сразу после него. Это имя часто встречается на монетах и надписях, и, судя по нумизматическим свидетельствам, все считают его предшественником Канишке, и я полагаю, что никто, глядя на монеты, не может прийти к какому-либо другому выводу. Если это так, и он правил в любое время между А.Д.н.э., то Канишка, безусловно, относится ко второй половине того столетия.,,

В противовес этому следует заявить, что и генерал Каннингем, и профессор Доусон прочитали надпись этого короля, найденную в Тахт-и-Бахи, датированную его двадцать шестым годом - один говорит в 103—м,^[741] другой, 100—й,^[742] того же Самвата, что и надпись Канишки- дата что идеально соответствовало бы легенде. Если это так, то спору положен конец; но камень настолько изношен, а надпись настолько нечеткая, что я не могу разглядеть на его фотографиях то, что эти джентльмены там находят, и другие в равной степени неспособны это сделать; и, кроме того, размещение монет Гондофареса на 100 лет позже монет Канишки является таким нарушением всех нумизматических свидетельств, что у нас должно быть больше доказательств, чем дает эта несовершенная надпись, прежде чем мы примем ее эпохальную дату. Дата вступления в должность кажется вполне ясной.

Есть еще одна точка зрения, с которой можно рассматривать этот вопрос, но которую трудно выразить ясно, не вдаваясь в подробности, превышающие допустимые нашими рамками. Это дата третьего созыва, как называют его северные буддисты, — четвертого, согласно южным. Он, безусловно, проводился под эгидой Канишки, и я не могу не думать о 70 или 80 году нашей эры. По крайней мере, в то время буддизм, похоже, добился больших успехов в Тибете, Бирме и на Востоке в целом. Примерно в это же время, по легенде, его впервые привезли на Яву, и примерно в то же время он был впервые представлен в Китае.^[743] Это так похоже на один из тех всплесков миссионерского рвения, которые последовали за всеми тремя предыдущими созывами, что я не могу отделаться от мысли, что этот созыв проводился во второй половине первого века и что эре короля, проводившего его, было разрешено во всех буддийских странах заменить эпоху Нирваны, которая, насколько я могу видеть, была единственной, существовавшей ранее в Индии.

Чтобы полностью аргументировать это, потребовалось бы больше места, чем это оправдывает его важность для архитектурных целей; но его влияние на возраст монастырей Гандхара в некоторых отношениях значительно. Если они настолько современны, как я подозреваю, то более современная дата Канишки лучше соответствовала бы известным фактам, чем переносить его дату до христианской эры.

Продолжая дальше, следующее имя, к которому мы приходим, имеющее какое-либо значение, - Махиракула, который, как говорят, вторгся на Цейлон. Как бы то ни было, нет никаких следов какого-либо подобного вторжения в то время, которое, согласно применению средних значений, было бы около 180 года н.э., если Канишка правил до, и 250, если после христианской эры. Его дата была бы интересна, если бы ее можно было установить из его связи с Баладифей, царем Магадхи, историю которого Хиуэн Тханг рассказывает в таких мельчайших деталях.^[744]

Династия Адитья начинается с царя, который, как говорят, был родственником Викрамадитьи и, очевидно, является дедом великого царя с таким именем, который занимает видное место в следующей династии как покровитель Матригупты. История последнего очень подробно рассказана в 'Раджа Тарангини' и является одним из самых любопытных эпизодов в истории. Он был отправлен в Кашмир за четыре года до смерти Викрамадитьи (550 г.) и, услышав о кончине своего покровителя, сложил с себя полномочия вице-короля и удалился в Бенарес, оставив трон своему преемнику Праварасене.

Говоря о династии Малва, на правление Шри Харши было отведено всего двадцать или двадцать пять лет, и только восемьдесят - на весь период, от падения династии Гуптов в 470 году до смерти великого Викрамадитьи в 550 году, период, который, как представляется из свидетельств "Раджи Тарангини", невозможно сократить. Пратападитья, родственник первого, был, как нам сказали, прадедом Мегаваханы, первого царя следующей династии, и затем у нас есть еще один царь, прежде чем мы доберемся до Хираньи, который, как говорят, был современником второго Викрамадитьи. Конечно, с обеих сторон могло быть значительное совпадение, и жизни кашмирских королей могли быть короткими; но поскольку у нас есть шесть промежуточных королей в одном списке между двумя Викрамадитьями и только один в другом, кажется, что последний вряд ли мог взойти на трон раньше 515 года, если не раньше.

Одним из деяний Праварасены было вторжение в Силадитью, первого царя Баллабхи с таким именем, правившего в Гуджерате. Правда, у нас нет никаких датированных монет или надписей, принадлежащих ему, но у нас есть только одна от его следующего преемника, Шри Дхарасены II., 593 (*ante*, стр. 730), так что любая дата между 550 и 570 годами вполне подходит для этой войны, и сам факт ее существования сам по себе почти достаточен для установления правильности хронологии, которую мы сейчас пытаемся объяснить.

С тех пор, как я писал в последний раз на эту тему, мне указали на отрывок^[745] в книге Ремюзата 'Новые азиатские страны' (том i, стр. 197), который позволяет нам установить хронологию династии Нага с точностью до года или двух при крайних отклонениях. Похоже, что третий король, Чандрапира, обратился к китайскому императору за помощью против арабов в 713 году, и что император присвоил ему титул короля примерно в 720 году. Поскольку он находился на троне всего восемь лет и восемь месяцев, в этой дате нет места отклонениям, и она совпадает с данными его предшественников и последователей. Таким образом, становится ясно, что Дурлабха I был королем, который находился на троне, когда Хиуэн Тханг проживал в долине в 631-633 годах, а также когда он проходил мимо нее по возвращении домой в 643 году, все это прекрасно согласуется с тем, что мы находим в его тексте; и он также с почти абсолютной уверенностью устанавливает дату правления Лалитадитьи, одного из самых важных царей в списке, как 725-762.^[746]

Не полагаясь безоговорочно на все, что сказано в "Раджа Тарангини" относительно подвигов этого царя или того, что он захватил всю Индию от Гималаев до мыса Коморин, все же должно сохраниться достаточное количество фактов, позволяющих нам увидеть, что смуты, начавшиеся в 650 году после смерти Силадитьи Канужского, повергли Индию ниц к ногам любого отважного авантюриста.

С какой бы стороны мы ни подходили к этому, мы вряд ли можем не заметить, что около 750 года в Индии произошла великая революция. Затем все старые династии исчезают, и в течение 200 лет у нас нет ничего, кроме тьмы, а когда примерно через два столетия снова забрезжит свет, карта перестраивается, и новые династии и новые религии занимают место старых.

Это правление также является наиболее подходящим завершением основного раздела нашей архитектурной истории. Монеты его соперника, Ясовермана из Канужа, найденные в великом Топе в Маникьяле, доказывают завершение строительства этого великого буддийского памятника всего через 1000 лет после того, как этот стиль был введен великим Ашокой, и за эту тысячу лет сюда вошло все, что важно в буддийской архитектуре. Тот факт, что он также был строителем великого храма Нага в Марттанде, самого раннего, насколько я знаю, в Кашмире, знаменует начало новой архитектурной эры, плоды которой мы увидим, когда занавес снова поднимется. Религия джайнов с ее новым стилем храмов полностью вытеснила буддийские формы на большей части Индии, а религии вайшнавов и шиваитов безраздельно господствовали повсюду в тех формах, в которых мы их сейчас находим, по прошествии еще почти 1000 лет. Поскольку, однако, в отношении этих более поздних династий нет хронологических трудностей, обсуждению дат правления королей, которые их построили, очевидно, не место в этом Приложении.^[747]

ЭПОХА ВИКРАМАДИТЬИ.

Прежде чем завершить это Приложение, я хотел бы получить разрешение изложить гипотезу, которая, если ее можно поддержать, не только проясняет то, что до сих пор было великой тайной, но и избавляет от большого количества мусора, затемняющего хронологию периода. Однако это не меняет никаких дат и не затрагивает их дальше, чем, если это правда, подтверждает некоторые из них, которые, если они окажутся необоснованными, лишаются поддержки.

Пока никто не смог указать на то, что имя Викрамадитья принадлежало какому-либо царю первого века до н.э. или на какое-либо событие, которое могло бы дать начало эпохе, отсчитываемой от него. ^[748] Как же тогда началась эпоха, датируемая 56 годом до н.э., и как она возникла и получила свое название?

Я верю, что разгадка тайны будет найдена в отрывке из "Альбируни", значение которого он не утверждал, что понимает, в сочетании с двумя или тремя отрывками из "Раджи Тарангини".

The passage in Albiruni is to the following effect:—"L'ère de Saca, nommée par les Indiens Sacakala, est postérieure à celle de Vicramaditya de 135 ans. Saca est le nom d'un prince qui a régné sur les contrées situées entre l'Indus et la mer (le Golfe du Bengale). Sa résidence était placée au centre de l'Empire (Muttra?), dans la contrée nommée Aryavartha. Les Indiens le font naître dans une classe autre que celle des (Kchatrias?): quelques-uns prétendent qu'il était Soudra et originaire de la ville de Mansoura. Il y en a même qui disent qu'il n'était pas de race indienne, et qu'il tirait son origine des régions occidentales. Les peuples eurent beaucoup à souffrir de son despotisme, jusqu'à ce qu'il leur vînt du secours de l'Orient. Vicramaditya marcha contre lui, mit son armée en déroute, et le tua sur le territoire de Korour, situé entre Moulton et le Château de Louny. Cette époque devint célèbre, à cause de la joie que les peuples ressentirent de la mort de Saca, et on la choisit pour ère, principalement chez les astronomes." ^[749]

Кажется невозможным применить это повествование к каким-либо событиям, происходившим в первом веке до н.э., не говоря уже о присущей Викрамадитье абсурдности установления 56 эры до н.э., а затем, 135 лет спустя, победы над царем саков на берегах Инда. Если бы это что-то значило, то могло бы указывать на начало сакской эпохи, а не на эпоху Викрамадитьи.

Переходя от этого к "Раджа Тарангини", мы находим следующие отрывки в переводе Тройера:

"Ayant fait venir ensuite, d'un autre pays, Pratapaditya, parent du roi Vicramaditya, ils le sacrèrent souverain de l'Empire.

"D'autres induits en erreur ont écrit que ce Vicramaditya fut le même qui combattit les Çakas; mais cette version est rejetée." ^[750]

A little further on we have: "Dans le même temps—the death of Hiranya—l'heureux Vicramaditya, appelé d'un autre nom Harcha, réunit comme empereur à Udjayini l'Empire de l'Inde sous un seul parasol....

"Employant la fortune comme moyen d'utilité, il fit fleurir les talents: c'est ainsi qu'encore aujourd'hui les hommes de talent se trouvent la tête haute au milieu des riches.

"Ayant d'abord détruit les Çakas, il rendit léger le fardeau de l'œuvre de Hari, qui doit descendre sur la terre pour exterminer les Mlechhas." ^[751]

Прежде чем идти дальше, возможно, было бы также полезно указать на то, что представляется справедливым выводом из вышесказанного. Что первый Викрамадитья, друг Пратападитьи, был настолько близок по времени ко второму — фактически он, по—видимому, приходился ему дедом, - что его путают с ним и применяют к нему имя Сакари, которое на самом деле принадлежало его внуку, настоящему разрушителю саков.

Я убежден, что эти параграфы относятся к одному и тому же событию; и, предполагая, что битва при Коруре произошла в 544 году — за год до того, как Викрамадитья отправил Матригупту своим вице—королем в Кашмир, — я полагаю, произошло следующее: некоторое время после 750 года, когда индуисты переделывали свою историю и свои институты, чтобы отметить свою победу

над буддистами, они решили установить две эпохи, которые должны быть старше эпохи буддистов, А.Д. 79 г. н.э., и с этой целью учредили одну эпоху. , десять циклов по шестьдесят лет каждый, до битвы при Коруре, и назвал его именем героя этой битвы, самого прославленного в их истории; остальные десять столетий, или за 1000 лет до той же даты, и назвал его именем своего отца Шри Харши — титул, который он сам часто носил в сочетании со своим собственным именем - следовательно, первый датирован 56 годом до н.э., второй - 456 годом. Вряд ли нужно добавлять, что в пятом веке до н.э. Шри Харши не существовало, как и Викрамадитья в первом.

О сосуществовании этих эпох можно судить по следующему отрывку из Альбируни:-

“On emploie ordinairement les ères de Sri Harscha, de Vicramaditya, de Saca, de Ballabha, et des Gouptas.” “D’après cela, en s’en tenant à l’an 400 de l’ère de Yezderdjed, on se trouve sous l’année 1488 de l’ère de Sri Harscha—l’an 1088 de l’ère de Vicramaditya—l’an 953 de l’ère de Saca—l’an 712 de l’ère de Ballabha, et de celle des Gouptas (A.D. 1032).”—‘Journal Asiatique,’ series iv. vol. iv. pp. 280, 286.

Эпоха Шри Харши, ровно за 400 лет до эпохи Викрамадитьи, была общепринятой и, похоже, никогда не использовалась, и впоследствии о ней больше не упоминается.

Если этот взгляд на дело будет поддержан, преимущество будет заключаться не только в том, что дата битвы при Коруре и изгнания саков, хунов, яванов и т.д. из Индии будет установлена с математической точностью в 544 году, но и в том, что одна из величайших тайн, связанных с историей того периода, будет прояснена, а возрождение индуистской религии отнесено к гораздо более позднему периоду. С другой стороны, если удастся доказать, что такой взгляд на дело несостоятелен, мы потеряем эти преимущества, но потребуется гораздо больше, чтобы доказать, что Викрамадитья или любой другой индуистский царь правил в первом веке до н.э. Буддизм тогда находился в самом расцвете, и от существовавшей тогда индуистской религии не осталось и следа, а изгнание саков, яванов и хунов произошло вскоре после этого.

Как бы то ни было, теперь, бегло пробежавшись по всей хронологии, насколько она допускает противоречия, я чувствую полную уверенность при спокойном рассмотрении всего, что ни одна из важных дат, приведенных выше, не может быть нарушена в большей степени, чем, скажем, на десять или, самое большее, на двадцать лет — за исключением, возможно, даты Канишки. С эпохи Анджаны, 691 г. до н.э., до смерти Лалитадитьи, 761 г. н.э., все кажется теперь достаточно ясным и улаженным, и при очень небольшом усердии мелкие огрехи можно было бы легко устранить. Если бы это было сделано, хронологию средневековой Индии для буддийского периода можно было бы считать установленной на надежной и незыблемой основе установленных фактов. Преимущества этого вряд ли можно переоценить для улучшения наших знаний об Индии в целом, в то время как, среди прочего, это придало бы точность и основательность всем нашим предположениям об этой стране, которые из-за отсутствия таковых до сих пор были в целом такими расплывчатыми и неудовлетворительными.

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

ТНЕ Ниже приведены последние из двадцати четырех Будд, начиная с Дипанкары I., который явился, чтобы наставлять и просветлять человечество, и которого Сакья Муни сменил в нынешней кальпе:

22. Какусанда, родился в Кхемаватинагаре. Его бо-дерево Сирия (Сирия аксия).

23. Канагамма, родился в Собхаватинагаре. Его бо-дерево Удамбара (фикус клубочковый).

24. Касьяпа, родился в Баранаси-нагаре, Бенарес. Его любимое дерево Нигродха (фикус Индика).

Гаутама, родился в 623 году до н.э. в Капилавасте. Его бо-дерево Пипхала (Ficus religiosa). [\[752\]](#)

ПРИЛОЖЕНИЕ С.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ТИРТХАНКАРЫ ДЖАЙНОВ.

Имя.	Отличительный знак.	Родился.	Умер.
1 Адинатха Вришабха, или	бык	Айодхье	Gujerat
2 Ajitanatha	слон	”	MT. Sikhar, Chodri
3 Sambhunatha	Лошадь	Sawanta	” Parisnath
4 Abhainandanatha	Обезьяна	Айодхье	”
5 Sumatinatha	Chakwa (Красный Гусь)”	”	”
6 Supadmanatha	лотоса	Kausambhi	”
7 Suparswanatha	свастика	Бенарес	”
8 Chandraprabha	полумесяц	Chandripur	”
9 Pushpadanta	Крокодил	Kakendrapur”	”
10 Sitalanatha	дерево или цветок	Bhadalpur	”
11 Шри-Ansanatha	носорога	Синд	”
12 Vasupadya	Буффало	Champapuri	Champapuri
13 Vimalanatha	кабана	Kumpatapuri	MT. Sikhar
14 Anantanatha	Дикобраз	Айодхье	”
15 Dharmmanatha	молнии	Ратанпури	”
16 Santanetha	Антилопы	Хастинапур	”
17 Kunthanatha	Коза	”	”
18 Aranatha	Рыбы	”	”
19 Mallinatha	вершина	Митхилы	”
20 Munisuvrata	Черепашка	Rajgriha	”
21 Naminatha	лотоса, стебель с	Митхилы	”
22 Neminatha	оболочка	центр	MT. Girnara
23 Parswanatha	Змея	Бенарес	MT. Sikhar
24 Вардхамана Махавира или Лев		Chitrakot	Pawapuri

СНОСКИ:

[1] 'История архитектуры во всех странах'. 2-е изд. Мюррей, 1867.

[2] "История архитектуры", том ii. стр. 445-756, гравюры на дереве 966-1163.

[3] Выдающийся немецкий профессор герр Кинкель из Цюриха в своей книге "Мозаика из музея искусств, Берлин, 1876" недавно безоговорочно принял мои взгляды относительно возраста Стоунхенджа, хотя и пришел к этому выводу с помощью цепочки рассуждений, совершенно отличной от той, которую я привык принимать.

[4] Следующее краткое изложение основных событий древней истории Индии не претендует на то, чтобы быть полным или исчерпывающим обзором предмета. Она задумана только как популярный очерк, который позволит обычному читателю уловить основные черты рассказа в такой степени, чтобы он мог понять то, что последует дальше. Чтобы сделать его читабельным, все ссылки и все доказательства спорных фактов были отложены. Они будут найдены в основной части работы, где они более уместны, а данные, на основе которых установлены основные спорные даты, будут найдены в Приложении, специально посвященном их обсуждению. К сожалению, не существует книги, к которой читателя можно было бы с пользой направить; а без такого вводного замечания о политической истории и этнографии история искусства была бы почти, если не полностью, непонятной.

[5] "Азиатские исследования", том xv. стр. i.

[6] Почти единственным человеком, который в последнее время что-либо сделал в этом направлении, является сэр Уолтер Эллиот. Его статьи в "Журнале Королевского азиатского общества" и "Мадрасском журнале" проливают огромный свет на этот предмет, но для выполнения задачи нам нужно много сотрудников, а не только один.

[7] Все это было настолько полно рассмотрено мной в моей работе "Поклонение дереву и змее", стр. 63, *и далее.*, что нет необходимости повторять это здесь.

[8] Доктор Колдуэлл, автор "Грамматики дравидийского языка", является величайшим и заслуживающим доверия сторонником этой точки зрения.

[9] "Поклонение дереву и змее", стр. 244-247.

[10] У Арриана есть любопытный отрывок, который, по-видимому, определенно относится к этому народу. "За период, - говорит он, - из 6042 лет, в течение которых правили 153 монарха, индейцы имели право руководствоваться своими собственными законами только дважды, один раз на протяжении примерно 200 лет, а после этого на протяжении примерно 120 лет". — 'Indica', гл. ix. Пураны, как можно предположить, не помогают нам идентифицировать эти два периода.

[11] Я не могу отделаться от мысли, что они занимали какую-то часть южной Индии и даже Цейлон до прихода дравидов. Кажется, трудно иначе объяснить связь между Бехаром и Цейлоном в ранние века и распространение буддизма на этом острове, распространившееся на страны, которые были дравидизированы.

[12] Я не могу не подозревать, что гонды также принадлежат к этой северной расе. Это правда, что они говорят на языке, близком к тамильскому; но язык, хотя и бесценен как ориентир, почти бесполезен как проверка родства. Римляне навязали свой язык всем разнообразным национальностям Италии, Франции и Испании. Мы навязали корнуолльцам наш язык и быстро учим ирландцев, валлийцев и горцев Шотландии отказываться от своего языка в пользу нашего, и этот процесс быстро продолжается в других странах. Манеры и обычаи гондов во всем схожи с манерами коулов или кхондов, хотя, это правда, они говорят на дравидийском языке.

[13] Самая приятная из историй Будды, написанная полностью с европейской точки зрения, - это история Бартеlemi Сент-Илера из Парижа. Из них частично местные, частично европейские - книги епископа Бигандета из бирманских легенд и 'Романтическая история Будды', переведенная с китайского преподобным С. Билом. 'Лалита Вистара', переведенная Фуко, более современна, чем эти, и, следовательно, более сказочна и абсурдна.

[14] В этой дате, возможно, допущена ошибка на сорок-шестьдесят лет; но в целом приведенное здесь подтверждается наибольшим количеством совпадающих свидетельств и, в конце концов, может оказаться абсолютно верным.

[15] "Foé Koué Ki", xxv. глава 11; "Махавансо", v. стр. 20; "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том vi. 527.

[16]

Хорошо известна по крайней мере одна монета того периода. Он принадлежит царю по имени Кунанда или Крананда, обычно считающемуся одним из девяти Нандов, с которыми покончила эта династия. В центре, с одной стороны, изображена дагоба с обычной буддийской эмблемой Трисул над ней и змеей под ней; справа - Священное дерево, слева - свастика с алтарем? на другой стороне дама с лотосом (Шри?) и животным, которое обычно называют оленем, но, судя по его хвосту, скорее лошастью, с двумя змеями, стоящими на хвостах над ее головой, которые ошибочно принимают за рога. Над животным установлен алтарь, над которым накрыт зонт. Фактически, это полное воплощение эмблем, известных на памятниках того периода, но гораздо больше напоминающих о поклонении деревьям и Змеям, чем о буддизме, как он известен сейчас. "Журнал Азиатского общества Койал", том i. (N.S.), стр. 447, *и далее*.

[17] Вряд ли нужно говорить, что все эти подробности взяты из 12-й и 15-й глав "Махавансо", что подтверждается самими надписями и реликвиями, найденными в Санчи, на которые будут сделаны ссылки ниже.

[18] "Индуистская драма" Уилсона, том xii. стр. 151, *и далее*., издание 1871 года.

[19] Лассен, это правда, приводит эти даты на десять лет ниже того места, где я ее разместил. Но он упускает из виду тот факт, что, согласно его гипотезе, Ашока на шестнадцатом году своего правления провозгласил Магаса своим союзником через десять или двенадцать лет после своей смерти, что маловероятно.

[20] Для получения полной информации об этих двух памятниках и датах читатель может обратиться к моей книге "Поклонение дереву и змее", которая практически посвящена описанию этих двух памятников.

[21] "Жизнь и путешествия в Сан-Франциско", i. стр. 215. Вряд ли нужно говорить, что все эти подробности взяты из трех томов, рассказывающих о его индийских приключениях, переведенных Станиславом Жюльеном.

[22] Это не относится к Ориссе, которая из-за своего отдаленного положения и отсутствия постоянного буддийского населения в то время, похоже, избежала вовлечения в водоворот этих проблем.

[23] Лучший и наиболее общепринятый отчет об этих событиях содержится в "Гуннах бланка" Вивьен де Сен-Мартен, Париж, 1849.

[24] "Нумизматическая хроника" Каннингема, viii. 175; "Журнал Азиатского общества Бенгалии", vii. 704; "Indische Alterth." Лассена, ii. стр. 24.

[25] Я написал статью с изложением доказательств в пользу этой последней точки зрения, которая, по моему замыслу, должна была появиться в "Журнале Азиатского общества". Однако, поскольку доказательства являются неполными, они были напечатаны только для частного распространения.

[26] 'Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества', том. viii. с. 28.

[27] Там же, т. v., стр. 42.

[28] Аргумент, на котором основаны эти утверждения, подробно изложен в напечатанной частным образом брошюре, на которую ссылается предыдущая страница. Она слишком длинная, чтобы вставлять ее сюда, но, если она не будет опубликована до завершения этой работы, аннотация будет включена в Приложение.

[29] "Журнал Азиатского общества Койал", том iii. стр. 202.

[30] Для исчерпывающего описания этого предмета см. Прио, "Индия и Рим", Лондон, 1873. Признаюсь, мои собственные впечатления полностью свидетельствуют в пользу северного происхождения посольства. Теперь мы можем доказать тесную связь между севером Индии и Римом того времени. С югом, по-видимому, это была всего лишь торговля, но об этом после.

[31] "Грамматика дравидийского языка", второе издание, Лондон, 1875, стр. 129, *и далее*.

[32] Сэр Уолтер Эллиот и другие часто говорят о буддийских памятниках на юге. Однако мне никогда не удавалось увидеть чью-либо фотографию или рисунок, кроме как в Амравати и его окрестностях.

[33] В своих 'Элементах южноиндийской палеографии' м-р Бернелл, последний и лучший авторитет в этой области, делит южноиндийский алфавит на чера, чалукья и венги. Первый, по его словам, появился в Майсуре во второй половине 5 века. Самый старый экземпляр второго он датируется первой половиной того же столетия. Третий более современный.

[34] Я, конечно, знаю о существовании так называемой буддийской пагоды в Негапатаме. Однако до того, как его сфотографировали, он использовался британцами — полагаю, для железнодорожных целей, — так что его история может навсегда остаться загадкой. На том месте она, по-видимому, была известна как джайнская (отсюда и китайская) пагода, которой, возможно, и являлась. Для меня это похоже на гопуру маленького индуистского храма, но у меня нет никаких реальных знаний по этому вопросу. См. "Марко Поло" Юла, том ii, стр. 320, второе издание.

[35] 'Storia della Scultura, dal suo risorgimento in Italia sino al secolo di Napoleone,' Venezia, 1813.

[36] "Ритуал Веды в основном, если не полностью, обращен к стихиям, особенно к огню". — Х. Х. Уилсон, "Азиатские исследования", xvii. стр. 194; там же, стр. 614.

[37] Список двадцати четырех Будд с этими подробностями приведен во введении к книге Тумура "Махавансо", стр. 32. Изображения шести или семи из этих деревьев Бодхи с приложенными именами были найдены в Бхархуте, что, по крайней мере, показывает, что во времена Ашоки было распознано более четырех. Если бы рельс там был целым, то, вероятно, можно было бы найти изображения целого.

[38] Стобей, "Физика", издание Гейсфорда, стр. 54. См. также Прио, "Индия и Рим", стр. 153.

[39] "Ариана Антиква" Уилсона, листы 10, 11.

[40] Недавно покойным мистером Бриксом из государственной службы Мадраса была опубликована книга о первобытных племенах нилагири, в которой дается более полный отчет об этих "грубых каменных памятниках", чем в любом другом, представленном публике. Однако вряд ли это можно принять как решение проблемы, которое требует более широкого исследования, чем он смог провести.

[41] Змей Шивы всегда является коброй, или ядовитой змеей, и используется им как внушающее благоговейный трепет оружие, животное, сильно отличающееся от многоголового Нага-покровителя, ангела-хранителя человечества, к которому его приверженцы относятся только с чувством любви и почитания. Можно также отметить, что ни одно дерево не посвящается Шиве, и никакие следы поклонения дереву не смешиваются с различными формами поклонения этому божеству — обстоятельство само по себе вполне достаточное, чтобы отличать эту форму веры от веры группы Дасью, которая распространилась по долине Ганга.

[42] Страница 41. Доктор Корниш во введении к "Статистическим таблицам Мадраса", стр. 67, утверждает, что это всего лишь 30 000 000 — очень значительная разница; но в целом я склонен доверять цифрам доктора Колдуэлла.

[43] "Отчет Мадраса", стр. 90.

[44] Эти замечания не следует рассматривать как относящиеся также к скульптуре. Совершенно верно, что в Индии до сих пор не найдено каменных скульптур более раннего периода, чем эпоха Ашоки; но, как будет видно из дальнейшего, совершенство, которого достигли индийские художники в каменной скульптуре, когда они выполняли барельефы в Бхархуте (200 г. до н.э.), показывает знакомство с материалом, которого можно было достичь только долгой практикой.

[45] Я полагаю, что в Ведах нет упоминаний о храмах или, более того, о зданиях, и хотя на то и другое часто ссылаются и описывают в эпических поэмах и Пуранах, это вряд ли нам поможет; во—первых, потому что, как и все словесные описания зданий, они слишком расплывчаты, чтобы быть понятными, и, во—вторых, потому что нет доказательств того, что отрывки, содержащие эти описания, не могли быть вставлены после - вероятно, намного позже - христианской эры.

[46] Я полагаю, что был первым, кто убедился в этих фактах при личном осмотре самих памятников. Они были переданы Королевскому азиатскому обществу в статье, которую я прочитал о 'Высеченных в скалах храмах Индии' в 1842 году. Каждое последующее исследование и каждое расширение наших знаний имели тенденцию подтверждать эти взгляды до такой степени, что теперь они не оспариваются никем, знакомым с литературой по этому предмету, хотя некоторые авторы все еще не отказывают себе в похвалах первобытной древности пещер и их связи с пещерами Египта и т.д. Пока все это не отложено в сторону, невозможно получить ясного представления об истинном положении искусства в Индии.

[47] От двух санскритских слов: дхату, реликвия, и Гарбха (пали, Габбхан), лоно, вместилище, усыпальница реликвии. (Турнур, "Махавансо", стр. 5.) Слово "Пагода", вероятно, является искажением слова "Дагоба".

[48] В Непале, согласно Ходжсону, и, я полагаю, в Тибете, памятники, которые в Индии называются Ступами, называются Чайтьями. Этимологически это, без сомнения, правильное обозначение, поскольку Чайтья, как и Ступа, означает прежде всего кучу или курган, но оно также означает место жертвоприношения или религиозного поклонения — алтарь от Chita, куча, скопление, множество и т.д. ("Санскритский словарь" Монье Уильямса *вслух*). Следовательно, собственно говоря, эти пещеры, возможно, следовало бы назвать "залами, содержащими чайтью", или "залами чайтьи", и этот последний термин, следовательно, будет использоваться везде, где может возникнуть какая-либо двусмысленность из-за использования простого термина Чайтья.

[49] Эти надписи публиковались в различных формах и в разное время Азиатскими обществами Калькутты и Лондона ("Журнал Азиатского общества Бенгалии", т. vi. стр. 566, *и далее*; "Журнал Королевского азиатского общества", т. xii. стр. 153, *и далее*.) и в различных других публикациях, но всегда вперемешку с посторонними материалами. Однако приходится очень сожалеть, что тщательно отредактированный перевод не издан в какой-нибудь отдельной форме, легкодоступной для широкой публики. Абсолютно аутентичный и неизменный свод буддийских доктрин в том виде, в каком он существовал за 250 лет до

рождения Христа, был бы одним из самых ценных вкладов в религиозную историю современного мира, и уже сделано так много, что задача не кажется трудной. Среди прочего, они отрицательно объясняют нам, почему в наши дни в Индии так мало истории. Ашока занят только доктринами. Он даже не упоминает имени своего отца и не делает никаких намеков на какие-либо исторические события, даже те, которые связаны с жизнью основателя религии. Среди народа, столь небрежно относящегося к генеалогии, история невозможна.

[50] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том vi. стр. 794.

[51] Там же, лист 40.

[52] Там же, стр. 969, *и далее*.

[53] Эти размеры взяты из рисунков капитана Берта. Рисунки опубликованы в 'Журнале Азиатского общества Бенгалии', том iii. фото 3.

[54] "Поклонение дереву и змее", листы 9, 10, 10а, *и далее*.

[55] "Археологические отчеты", том i, стр. 274, лист 46.

[56] "Поклонение дереву и змее", листы 1 и 5, а также листы 89 и 90.

[57] Там же, лист 42.

[58] В описании, сопровождающем обзор Даниэлем этой пещеры, он говорит: "На колоннах справа, над капителью, изображена группа львов, из центра которых несколько лет назад возникла чакра, или боевой диск Вишну, хотя в настоящее время от него не осталось ни малейшего подобия". Слева он заметил фигуру Будды, которую принял за Махадеву, а в другой части - ряд быков, и добавил: "Чакра Вишну, Махадева и быки, похоже, не одобряют мнение о том, что это храм Бхудов". Он не знал, насколько неразрывно были перепутаны эти религии в то время, когда была раскопана эта пещера, около А.Д.н.э.

[59] Публикация в "Журнале Азиатского общества Бенгалии", том vii., стр. 1013.

Слава об этом распределении, по-видимому, достигла Европы, по крайней мере, еще в 1 веке христианской эры, поскольку Плутарх ("Моралия", стр. 1002, издание Дюбнера, Париж, 1841) описывает аналогичное разделение останков Менандра между восемью городами, которые, как говорят, желали обладать его останками; но поскольку он не намекает, что это было сделано для целей поклонения, значение этого факта, похоже, не было оценено.

[60] "Махавансо", стр. 26, "Хиуэн Тханг", том ii. стр. 417.

[61] Рассказ о большом колоколе в Рангуне, Хаф, "Азиатские исследования", том xiv. стр. 270.

[62] Взято из "Махавансо" Турнура, стр. 4.

[63] В этой дате может быть ошибка, поскольку она на пятнадцать-двадцать лет раньше срока.

[64] Основные подробности этой истории содержатся в сингальском произведении под названием 'Даладавамса', недавно переведенном сэром Муту Комарой Свами. Я собрал дополнительные доказательства по этому вопросу в статье, которую я прочитал Азиатскому обществу и опубликовал в их 'Журнале' (N.S.), vol. iii, стр. 132, *и далее*, и снова в "Поклонении дереву и змее", стр. 174, *и далее*

[65] Поскольку дата указана как 245 год, обычно предполагалось, что Самват относится к эпохе Викрамадитья. Однако мне неизвестно ни о какой надписи столь раннего возраста, датируемой той эпохой, ни о какой буддийской надписи, в которой она использовалась бы ни тогда, ни впоследствии.

[66] Та же участь постигла другую зубную реликвию в Награке на севере Индии. Фа Хянь, 400 г. до н.э., описывает это как совершенное в своей 13-й главе. "Хиуэн Тханг", том ii, стр. 97, описывает ступу как разрушенную, а зуб исчез.

[67] Перевод и т.п. см. в "Журнале Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том v., стр. 33. См. также Bird, "Исторические исследования", Бомбей, 1847.

[68] "Foé Koué Ki", глава xii. стр. 77.

[69] "Хиуэн Тханг", том i, стр. 83.

[70] 'Foé Koué Ki', стр. 353. Подробный отчет о его переносе из истинной Гандхары—Пешавара — в новую Гандхару в Кандагаре можно найти в статье сэра Генри Роулинсона, 'Журнал Королевского азиатского общества', том xi. стр. 127.

[71] Среди барельефов вершины Бхархут есть один, изображающий именно такую куполообразную крышу, как этот ([Гравюра на дереве № 90](#)). Однако не совсем легко понять его план и почувствовать уверенность в том, является ли предмет на алтаре реликвией или это может быть какое-то другое подношение.

[72] 'Бхилса Топес, или буддийские памятники в Центральной Индии', Смит, Элдер и Компания, 1854. Половина моей работы о "Поклонении дереву и змее" и сорок пять ее иллюстраций, не считая гравюр на дереве, посвящены изображению великого Топы; и на ту же тему появилось множество статей в "Журнале Азиатского общества" и в других местах. Слепок с восточных ворот находится в музее Южного Кенсингтона.

[73] "Махавансо", стр. 76. Смотрите также "Поклонение дереву и змее", стр. 99, *и далее*, где все это изложено более полно, чем необходимо здесь.

[74] Каннингем, "Бхилса Топес", стр. 299, *и далее*.

[75] Надпись Чандрагупты на перилах возле восточных ворот ("Журнал Азиатского общества Бенгалии", том ii, стр. 454), очевидно, является последующим дополнением и относится к 400 годун.Э..

[76] Эти взгляды, планы и т.п. взяты из мемуаров капитана Дж. Д. Каннингема, "Журнал Азиатского общества Бенгалии", август 1847г.

[77] Поскольку все подробности, касающиеся всех этих топов, за исключением великого и № 3 Санчи, взяты из Быт. В работе Каннингема под названием "Бхилса Топес", опубликованной издательством "Смит и Элдер" в одном томе 8, в 1854 году, не было сочтено необходимым повторять ссылку в каждом заявлении.

[78] Эти размеры и детали взяты из Gen. "Археологические отчеты" Каннингема, том i, стр. 107, *и далее*.

[79] "Азиатские исследования", том ix. стр. 203.

[80] Смотрите также статью Веси Уэстмакотт, "Calcutta Review", 1874, том 1, стр. 68.

[81] "Археологические отчеты", том i, стр. 17.

[82] Там же, стр. 19.

[83] "Хиуэн Тхсанг", том iii. стр. 60.

[84] Священники на месте, в 1811 году, сказали Бьюкенену Гамильтону Гамильтону, что он был посажен там 2225 лет назад, или в 414 году до н.э., и что храм был построен 126 лет спустя, или в 289 году. Неплохое предположение для возраста Ашоки в местности, где буддизм был так давно забыт. Монтгомери Мартин "Восточная Индия", том i, стр. 76.

[85] "Хиуэн Тханг", том ii. стр. 464-468.

[86] "Археологические отчеты", том i, стр. 5.

[87] 'Журнал Азиатского общества Бенгалии', 1834, том iv. стр. 214. См. также Каннингем, "Археологические отчеты", том i, стр. 5, *и далее*.

[88] "Хиуэн Тхсанг, Фестиваль трех религий в Аллахабаде в 643 году", том i, стр. 254.

[89] Приводится обзор этого, "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том iv. стр. 122.

[90] "Фа Хиан" Била, стр. 35.

[91] "Жизнь и путешествия по Хиуэн Тхангу", том i, стр. 83.

[92] "История гуннов" Де Гиня, том ii. стр. 40, *и далее*.

[93] "Махавансо", стр. 71.

[94] "Ариана Антика", стр. 43.

[95] "Ариана Антика", фото 10.

[96] Vassilief, 'Le Bouddhisme, ses Dogmes,' &c., Paris, 1865, p. 31, *et passim*. Он произносит по буквам слова Махаяна и Хинаяна.

[97] Перевод Била, стр. 26.

[98] Хонигбергер, "Райзе".

[99] Отчет м-ра Массона был передан профессору Уилсону и им опубликован в его "Ariana Antiqua" с литографиями по эскизам м-ра Массона, которые, хотя и не настолько подробны, как нам хотелось бы, все же достаточны для того, чтобы сделать их форму понятной.

[100] Продолжительность существования этих монет — более 200 лет - достаточна, чтобы предупредить нас о необходимости соблюдать осторожность при установлении даты постройки по их вкладам. Топ не может быть более ранним, чем монеты, помещенные в него, но, как и в данном случае, он может быть на сто или двести лет современнее.

[\[101\]](#) "Ариана Антиква", стр. 109.

[\[102\]](#) Томас в "Принсепе", том i, стр. 144.

[\[103\]](#) "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том iii. стр. 559.

[\[104\]](#) Томас в "Принсепе", стр. 148.

[\[105\]](#) "Археологические отчеты", том ii. стр. 167, лист 65.

[\[106\]](#) "Принсеп" Томаса, том i, стр. 94.

[\[107\]](#) В тексте, безусловно, напечатано "три" со ссылкой на 19 на табличке 21 тома iii. Последнее, несомненно, является опечаткой, и я не могу не думать, что и первое так же, поскольку показан только один фрагмент; и Принсеп не раз жаловался на состояние французской рукописи, по которой он составлял свой отчет. Я замечаю, что генерал Каннингем в своем только что полученном томе придерживается тех же взглядов. На стр. 78, том V., он говорит: "У меня есть сильное подозрение, что запись генерала Вентуры о трех сасанидских монетах, найденных ниже месторождения В, может быть ошибочной".

[\[108\]](#) 'Журнал Азиатского общества Бенгалии', том iii. пластина 21, рис. 18.

[\[109\]](#) "Фо Куэ Ки", глава I. xiii.

[\[110\]](#) "Фа Хиан", перевод Била, стр. 32. "Хиуэн Тхсанг", том i, стр. 89.

[\[111\]](#) "Археологические отчеты", том ii. стр. 172.

[\[112\]](#) "Поклонение дереву и змее", Предисловие к Первому изданию.

[\[113\]](#) "Археологические отчеты", том i, стр. 10.

[\[114\]](#) "Меморандум" от 13 апреля 1874 г., напечатанный правительством Бенгалии, но не опубликованный.

[115] 'Voyages dans les Contrées Occidentales,' vol. i. p. 465.

[116] "Археологические отчеты", том i, листы с 8 по 11.

[117] Это последнее определение см. в "Поклонении дереву и змее", стр. 99, *и далее*.

[118] Следует надеяться, что когда Ген. Каннингем публикует готовящийся им том о Бхархут Топе, он добавит фотографии опор этого рельса. Это значительно повысило бы ценность его работы, если бы дало возможность сравнить их. Некоторые иллюстрации скульптуры по рисункам майора Киттоу можно найти в "Поклонении дереву и змее", гравюры на дереве 7, 20, 24. Две из них воспроизведены здесь, первая изображает мужчину, стоящего на коленях перед алтарем, поклоняющегося дереву, в то время как летящая фигура несет гирлянду, чтобы украсить его. Другой представляет собой шкатулку с реликвиями, над которой семиглавый Нага расправляет свой капюшон, а над ним государственный зонт. Кроме того, в священной ограде есть два дерева и еще одна шкатулка с тремя зонтиками (гравюры на дереве № 25, 26). Они взяты с рисунков майора Киттоу.

[119] "Поклонение дереву и змее", стр. 99, *и далее*.

[120] Когда я писал свою работу о 'Поклонении дереву и змее', практически ничего не было известно о возрасте джатак или о ранней форме, в которой они были представлены; следовательно, многое из того, что было тогда продвинуто, было или, по крайней мере, казалось другим простым предположением или смелой спекуляцией. Следовательно, я испытываю немалое удовлетворение, обнаружив, что последующее открытие памятника 200-летней давности не заставляет меня отказаться ни от одного сказанного мною тогда слова. Напротив, все, что я тогда выдвинул, подтверждается, и эти надписи делают несомненным то, что до их открытия неизбежно иногда недоказуемо.

[121] Следующий набросок ([гравюра на дереве № 28](#), на следующей странице) одного из барельефов на колонне в Бхархуте может служить для передачи представления о стиле искусства и о причудливом способе, которым там рассказываются истории. Слева изображен король в капюшоне из пятиголовой змеи, стоящий на коленях перед алтарем, усыпанным цветами, за которым находится дерево (*Сируса Аккасия?*), увешанное гирляндами. Позади него есть надпись на этот счет: "Эрапатра, Нага Раджа, поклоняется Божеству (Бхагавату)". Над ним возвышается сам великий пятиглавый Нага, поднимающийся из озера. Справа от него мужчина в одеянии священника, стоящий по пояс в воде, а над Нагой - женщина-гений, по-видимому, парящая в воздухе. Ниже изображен еще один нага-раджа в капюшоне из пяти змей, а позади него две женщины с единственной змеей на затылке - расположение, универсальное для всех скульптур нага. Они стоят по пояс в воде. Если мы можем положиться на надпись под ним, это дважды Эрапатра, а женщины - две его жены. Я, однако, скорее был бы склонен предположить, что там были представлены два Нага-раджи со своими двумя женами.

Этот барельеф интересен еще и потому, что является воплощением моей работы над "Поклонением дереву и змее". Поскольку он выражает в возможно более краткой форме почти все, что там подробно сказано, он также послужит объяснением многого из того, что изложено на следующих страницах. Поскольку она на 200 лет старше всего, что было известно на момент написания этой книги, это подтверждение ее теорий, столь же удовлетворительное, сколь и полное.

[122] "Махавансо", Введение, стр. 32.

[123] Очертания этих скульптур приведены в третьем томе 'Отчетов' генерала Каннингема, таблица 6. У меня есть фотографии всего этого, которые отражают то, что опущено на литографиях.

[124] Генерал Каннингем собрал и перевел 196 надписей с этой вершины, которые можно найти в его работе о вершинах Бхилса, стр. 235, *и далее*, листы 16-19.

[125] Подробности, на основе которых делаются эти выводы, можно найти в "Поклонении дереву и змее", стр. 98, *и далее*. Следовательно, нет необходимости повторять их здесь.

[126] Очень жаль, что, когда у лейтенанта. Коула была возможность, он не снялся в этом фильме вместо "истерна". Он гораздо более законченный, а его скульптуры более интересные.

[127] Для получения подробной информации об этих скульптурах и ссылок я должен отослать читателя к моей работе 'Поклонение дереву и змее', где все они представлены и описаны в мельчайших деталях. Скульптуры, строго говоря, не принадлежат к этому произведению и, за исключением исторических целей, обычно не упоминаются.

[128] Несомненно, они были очень распространены в Индии, поскольку, хотя среди скульптур в Санчи было обнаружено только одно их изображение ("Поклонение дереву и змее", фото 27, рис. 2), по меньшей мере десять их изображений найдены в Амравати, таблички 59 (рис. 2), 60 (рис. 1), 63 (рис. 3), 64 (рис. 1), 69, 83 (рис. 2), 85 (рис. 1 и 2), 96 (рис. 3), 98 (рис. 2) и, без сомнения, еще много чего можно найти.

[129] "Поклонение дереву и змее", Приложение I. стр. 270.

[130] В Бирме в наши дни точно такой же сверток из цветного муслина, натянутый легкими бамбуковыми обручами, несут на плечах мужчины таким же образом, как показано здесь, с каждой стороны процессии, сопровождающей первосвященника или другого церковного сановника к могиле.

[131] По причинам следующего определения и другим подробностям отсылаю читателя к моей работе "Поклонение дереву и змее", где подробно изложено все. Краткий отчет о торе также можно найти в "Журнале Королевского азиатского общества", том iii. (N. S.), стр. 132, *и далее*.

[132] 'Histoire de Hiouen Thsang,' traduite par Julien, vol. i. p. 188.

[133] Вероятно, что относительно правильное представление об общем внешнем виде зданий, с которых были скопированы эти пещеры, можно получить из *Рамхов* (как их называют) Махавеллипора (описано далее, стр. 328). Это памятники более поздней эпохи, принадлежащие к другой религии, но они настолько почти во всех своих частях соответствуют рассматриваемым сейчас храмам и монастырям, что мы не можем сомневаться в том, что они во многих отношениях являются их близкими копиями. Любопытно, что лучшие иллюстрации некоторых из них можно найти среди неопубликованных скульптур Бхархут Топе.

[134] Единственные известные мне здания в Индии, которые хотя бы намеком напоминают внешние формы или конструкцию этих залов, - это хижины тода на холмах Нилгири. В работе, недавно опубликованной покойным мистером Бриксом из Государственной службы Мадраса, он приводит две фотографии этих жилищ, номера 8 и 9. Их крыши имеют точно такие же эллиптические формы, что и чайтъя с коньком, что придает им внешнюю форму оги, и в целом, случайно или намеренно, они представляют собой миниатюрные залы чайтъя. Снаружи они покрыты короткой соломой, аккуратно уложенной поверх. Такие формы, возможно, существовали в Индии две тысячи лет назад и, возможно, породили особенности залов чайтъя, но доказать это, конечно, невозможно.

[135] 'Иллюстрации высеченных в скалах храмов Индии', 1 том, текст 8 об., с листами-фолиантами. Уил, Лондон, 1845 год.

[136] "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том iii. часть ii. стр. 36, *и далее*, и том iv. стр. 340, *и далее*.

[137] Каннингем, "Археологические отчеты", том i, стр. 45.

[138] В Кондути, недалеко от Бомбея, есть пещера чайтъя гораздо более современной постройки, в которой есть круглая камера, подобная этой. В более ранних примерах, вероятно, в камере находилась реликвия или какой-то священный символ; в более поздних это могло быть изображение Будды. Насколько мне известно, никаких планов или подробностей храма Кондути опубликовано не было. Я говорю на основе информации, полученной из рисунков МИСС.

[139] Генерал Каннингем ('Археологические отчеты', том i, стр. 45) и другие обычно называют это египетской формой. Это, конечно, не так, поскольку ни у одного египетского дверного проема не было наклонных косяков. Его также нельзя назвать пеласгическим. Пеласги действительно использовали эту форму, но заимствовали ее из каменных конструкций. Индейцы получали его только из дерева.

[140] Очень подробный отчет обо всех этих пещерах можно найти у генерала. "Археологический отчет" Каннингема за 1861-62 годы.

[141] С фотографии и неопубликованного доклада профессора Бхандаркура, прочитанного перед Восточным конгрессом.

[142] Из статьи Бхандаркура, *ubi выше*.

[143] "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том v. стр. 55.

[144] "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том v., стр. 152-3.

[145] Несколько лет назад поступило сообщение, что эта ширма может выпасть наружу, и я неоднократно писал в Индию, умоляя сделать что-нибудь для ее сохранения; но я так и не смог узнать, позаботились ли об этом. Сейчас сохранилась лишь небольшая часть первоначальной облицовки пещеры Бхаджа. Пещера Бедса была разрушена в течение последних десяти или двенадцати лет ('Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества', том ix, стр. 223); и было бы тысячу раз прискорбно, если бы этому, единственному оригинальному экрану в Индии, было позволено погибнуть, когда его можно было спасти за очень небольшие деньги. Подобно железной колонне в Дели, которая никогда не ржавеет, тиковое дерево, которое не гниет, хотя находится в атмосфере в течение 2000 лет, является явлением, заслуживающим внимания не только антикваров, но и натурфилософов.

[146] Для получения дополнительных сведений о пещерах Аджунта читателя отсылают к статье, которую я опубликовал в "Журнале Королевского азиатского общества" в 1842 году и впоследствии переиздал с целым фолиантом иллюстраций.

[147] Эти надписи переведены в статье Бхау Даджиса о надписях Аджунты, 'Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества', том. viii. стр. 63, как будто они найдены в пещере 2. На прилагаемой табличке они описаны как один в пещере 10, другой в пещере 12.

[148] Киттоу в "Журнале Азиатского общества Бенгалии", март 1847 г., номер 6.

[149] Сэр Чарльз Маллет во втором томе 'Бомбейских литературных трудов' цитирует предание о том, что пещеры Эллора были раскопаны неким раджой Илу за 1000 лет до его появления. Это могло бы быть правдой, если применить ее к брахманическим Кайласам, но вряд ли к какой-либо буддийской пещере из этой серии.

[150] "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том v. стр. 14.

[151] Документ. цит. по. стр. 25.

[152] Введение в "Махавансо", стр. 30.

[153] См. Приложение.

[154] Относительно правильное изображение этих скульптур выгравировано в книге Лангле 'Индостан', том ii. стр. 81, по Нибуру. Любопытно то, что буддийские фигуры на фасаде Карли также не скопированы здесь, из чего я бы сделал вывод, а также из их собственных внутренних свидетельств, что они были более современными, чем даже эта пещера.

[155] Для получения дополнительных сведений об этой пещере читателя отсылают к моей работе "Высеченные в скалах храмы Индии", стр. 36, листы 11 и 12.

[156] Таблички в "Археологических отчетах" генерала Каннингема, том ii. стр. 70 и 74, выполнены в слишком малом масштабе, чтобы от них была большая польза. Сам я в этих пещерах не бывал.

[157] Подробности архитектуры этих пещер взяты из Быт. Упомянутый выше отчет Каннингема. Я полностью согласен с ним относительно их возраста и удивлен, что доктор Импи мог так ошибаться относительно них. "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том v., стр. 336, *и далее*.

[158] На протяжении всей этой работы термин "Вихара" применяется только к монастырям, обителям монахов или отшельников. Однако в прежние времена оно использовалось не только в этом ограниченном смысле, хотя так считали все современные авторы. Хиуэн Тханг, например, называет Большую башню в Буддхаге вихарой, а похожие башни в Наланде высотой 200 и 300 футов называет вихарами. 'Махавансо' также применяет этот термин без разбора к храмам определенного класса и к жилым домам. У меня сложилось впечатление, что все многоэтажные здания назывались вихарами, независимо от того, использовались ли они для проживания священников или для хранения реликвий или изображений. Это название использовалось, чтобы отличить их от ступ или башен, которые всегда были реликтовыми святилищами или возводились как памятники местам или событиям, и никогда не были резиденциями, не имитировались как таковые и не содержали изображений до последнего вздоха стиля, как в Холви. В настоящее время это всего лишь теория; вскоре она может стать достоверной. Строго говоря, резиденции, вероятно, следовало бы называть Сангхарамами, но, чтобы избежать умножения терминов, вихара используется в этой работе как синоним монастыря, в том смысле, в каком его обычно понимают современные авторы.

[159] Том iv., ксилографии № 89, 90.

[160] "Фа Хиян" Била, стр. 139, "Хиуэн Тхсанг", том iii. стр. 102.

[161] "Журнал Королевского азиатского общества", том vi. (N.S.), стр. 257, *и далее*.

[162] "Археологические отчеты", том i, стр. 28, лист 16.

[163] "Хиуэн Тхсанг", том i, стр. 151.

[164] "Археологические отчеты", том i, стр. 28-36, лист 16.

[165] Сейчас находится в частных руках в Бирмингеме.

[166] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том. xxxiii. стр. 360, *и далее*.

[167] Там же, т. xxiii. р. 469, *et seqq.*

[168] Об этом и других останках Сарнатха см. В "Археологических отчетах" Каннингема, том i, стр. 114, *и далее*, листы 32-34.

[169] Эти размеры взяты из номера 42 "Журнала Азиатского общества Бенгалии" за 1847 год, составленного покойным капитаном. Киттоу.

[170] Эта надпись впервые привлекла внимание Стирлинга, и табличка, представляющая ее очень несовершенно, приведена в 15-м томе 'Азиатских исследований'. Впоследствии она была скопирована Киттоу, а перевод, насколько допускалось его

несовершенство, сделан Принсепом с помощью его ученых мужей и опубликован. "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том vi, стр. 1080, *и далее*.

[171] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том vi. стр. 1073, лист 54.

[172] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том vi. стр. 1075.

[173] В 'Журнале Азиатского общества Бенгалии', том vii, есть очень точный рисунок этого барельефа Киттоу. фото 44. Но слепки со всех этих скульптур были сделаны около трех лет назад мистером Локком из Школы дизайна Калькутты, и фотографии этих слепков вместе с другими изображениями пещер сейчас передо мной. Уменьшенные копии некоторых из них были опубликованы на листе 100 "Поклонение дереву и змее", 2-е издание, 1873г.

[174] То, что примерно в это время в Ориссе были яваны, совершенно очевидно из местных источников, цитируемых Стирлингом — "Азиатские исследования", том xv. стр. 258, *и далее*. Они представляют их пришедшими из Кашмира и Бабул—Деса, или Персии, и в одном сообщении захватчик назван Хангша Део, что очень похоже на Хушку или Хувишку (брата Канишки), чьи надписи найдены в Муттре.-Каннингем, "Археологические отчеты", том ii. стр. 32, *и далее*.

[175] 'Журнал Азиатского общества Бенгалии', том vii. фото 42. "Поклонение дереву и змее", фото 100.

[176] "Поклонение дереву и змее", лист 100, стр. 105.

[177] Возможно, к сериалу была прикреплена структурная дагоба, которая, возможно, исчезла.

[178] Уилсон, "Ариана Антика", фото 10.

[179] Эти надписи были впервые опубликованы лейтенантом. Бретт, с переводами доктора Стивенсона, в пятом томе "Журнала Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", стр. 39, *и далее*, листы с 1 по 16. Впоследствии они были переработаны господами Э. У. и А. А. Уэстом в восьмом томе того же журнала, стр. 37, *и далее*, и переведены профессором Бхандаркар в статье, еще не опубликованной, но к которой у меня был доступ. Мне также помогли планы рукописей и заметки мистера Берджесса; и, хотя я сам не видел пещер, мне кажется, что я могу без труда представить себе все их основные особенности.

[180] Профессор Бхандаркар в своей статье об этих надписях пропускает надписи внутри чайтьи, никоим образом на них не ссылаясь. Есть ли в них какая-то ошибка? и что пещера на столетие современнее, чем они заставляют нас предполагать? Ответ, вероятно, следует получить на месте, и только там.

[181] 'Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества', том. viii. с. 40.

[182] *Ante*, стр. 129. Смотрите также таблицу 11 моего фолианта о "Высеченных в скале храмах", где колонны двух пещер контрастируют, как здесь.

[183] "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том ix. стр. 16.

[184] 'Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества', том. viii. с. 42.

[185] *Ib.*, том v. стр. 49.

[186] "Поклонение дереву и змее", гравюра на дереве 12, стр. 92.

[187] Там же, листы 81, 91, 97, *и далее*.

[188] "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том v. стр. 55.

[189] 'Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества', том. viii. с. 56.

[190] Пещеры, как можно объяснить, были пронумерованы последовательно, как дома на улице, начиная с северного конца, причем первая пещера там была № 1, а последняя доступная пещера на южном конце была № 26.

[191] 'Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества', том. viii. с. 56. См. также "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том v., стр. 726.

[192] Достаточно любопытно, что на крыше этой пещеры есть четыре квадратных отделения, представляющих одну и ту же сцену, но по—разному - король или очень важная персона, пьющая из кубка со слугами мужского и женского пола. О чем идет речь, неизвестно, но изображенные лица - не индийцы, а персы, а костюмы - сасанидского периода. Копии этих картин мистера Гриффита сейчас выставлены в Музее Индии в Кенсингтоне.

[193] "Высеченные в скале храмы", стр. 8.

[194] Восемь больших литографских табличек, иллюстрирующих эти пещеры, можно найти в моей работе "Высеченные в скалах храмы Индии", 1843 год. В 1864 году я опубликовал небольшой томик, содержащий пятьдесят восемь фотографических иллюстраций из той же серии. Сокращения некоторых наиболее важных фресок, скопированные майором Джиллом, были, к

счастью, опубликованы миссис Спейр в ее книге "Жизнь в Древней Индии" в 1856 году; и с тех пор мистер Гриффит из Школы искусств в Бомбее был нанят для восстановления, насколько это сейчас возможно, фресок, уничтоженных во время пожара в Хрустальном дворце. Если он добьется успеха, эти любопытные картины все еще могут быть представлены в истории искусства Индии. Однако есть опасения, что средства, принятые майором Джиллом для усиления их окраски перед копированием, и деструктивные наклонности британских туристов сделали задачу в значительной степени безнадежной.

[195] *Ante*, стр. 59.

[196] У меня есть большая коллекция рисунков этих пещер, сделанных для Дэниелла его помощниками в 1795-6 годах.

[197] 'Voyage en Arabie et d'autres pays circonvoisins,' 1776-80. Большинство табличек, относящихся к этим пещерам, были воспроизведены Лэнглесом в его "Памятниках Индии", том ii., листы 77, и *последующие*.

[198] Шлагинтвейт, "Буддизм в Тибете", лист 3.

[199] Планы этих пещер с описаниями и некоторыми архитектурными деталями можно найти у генерала. 'Археологические отчеты' Каннингема, том ii. стр. 270-288, листы 77-84. Те, что в Думнаре, я видел сам, но до тех пор, пока не будут сфотографированы те, что в Холви, мы не сможем говорить о них положительно; рисунки генерала выполнены в слишком малом масштабе для этой цели.

[200] Группа Холви расположена более чем в шестидесяти милях к северу от Удджайна, а Дхумнар примерно в двадцати пяти милях севернее и глубже в джунглях Центральной Индии.

[201] "Журнал Королевского азиатского общества", том iv. стр. 287-291.

[202] В книге доктора Берда есть изображение этой пещеры, фото 16, но сделано настолько плохо, что требуется пояснить, для чего она предназначена, чтобы ее найти.

[203] В течение некоторого времени у меня были фотографии примерно ста предметов, добытых при этих раскопках, главным образом тех, что хранятся в Лахорском музее; а недавно я получил от ген. Каннингема недавно получил двадцать больших фотопластинок, представляющих 165 отдельных объектов, более методичным образом самостоятельно, главным образом у Джамалгири. Эти листы, как я понимаю, являются частью иллюстраций к работе, которую он намеревается опубликовать на эту тему. Когда она попадет в руки общественности, будут некоторые данные для размышлений. В настоящее время практически нет ничего, на что можно было бы сослаться.

[204] Когда Быт . Каннингем отбирал образцы в Лахорском музее, чтобы сфотографироваться для Венской выставки, он жалуется, что смог определить "место нахождения" только пяти или шести из всего числа — 500 или 600. Поэтому следует сожалеть, что, публикуя список с описаниями 165 обнаруженных им объектов ('Археологические отчеты', т. v., стр. 197-202), он не упоминает, откуда они взялись, и приводит размеры лишь некоторых из них.

[205] Способ, которым правительство недавно проводило раскопки, заключался в том, что в холодную погоду на раскопки была отправлена группа саперов, но ответственным за эту группу был младший офицер, который в то время командовал ротой. Следовательно, каждый год назначается новый офицер, и никто никогда не был выбран потому, что у него был какой-либо опыт в подобных вопросах или какой-либо вкус к подобным занятиям. То, что было сделано, было сделано на удивление хорошо, учитывая обстоятельства, при которых это было предпринято; но результат в целом, как и следовало ожидать, крайне разочаровывающий. Однако совсем недавно стало известно, что генерал. Каннингем взял на себя руководство раскопками, и, следовательно, мы можем надеяться, что в будущем эти недостатки в организации будут исправлены.

[206] В только что полученном пятом томе своих 'Археологических отчетов' ген. Каннингем предполагает, что обе эти ступы были обычными. Возможно, они и были таковыми, но наличие ступеней, ведущих к ним, по-видимому, опровергает это предположение. Круглая имеет всего 22 фута, квадратная - 15 футов в диаметре, и, следовательно, ни на той, ни на другой нет места для дорожки для процессий вокруг купола, если бы она существовала; и, если это так, то какая польза могла бы быть от ступеней? Лейтенант. Кромптон, проводивший раскопки монастыря Джамалгири, явно придерживается мнения, что это была платформа — см. страницу 2 его отчета, опубликованного в 'Лахор газетт' 30 августа 1873 года. Чтобы избежать недоразумений, я могу упомянуть, что генерал. Каннингем в своей табличке № 14 по ошибке приписывает план сержанту. Уилчер, а не лейтенанту. Кромптон.

[207] "Посольство в Тибет", стр. 317.

[208] "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том vii., № 21, стр. 116, и *далее*.

[209] Они были изъяты и сейчас находятся у генерала. Насколько я понимаю, Каннингем находится в Симле. Он прислал мне фотографии двенадцати из них.

[210] "Поклонение дереву и змее", листы 24 (рис. 3) и 36 (рис. 1).

[211] Карниз модиллион, хотя и расположен на капителе на фотографии, на самом деле принадлежит другой части здания.

[212] "Археологические отчеты", том v. стр. 49 и 196.

[213] Восстановлены дворцы Ниневии и Персеполя. Автором. Часть II. раздел i, и далее.

[214] Одной из любопытных особенностей этих скульптур Гандхары является то, что они обычно сохраняют наклонный косяк с каждой стороны своих проемов. В Индии и в структурных зданиях эта особенность, несомненно, определила бы их возраст как предшествующий христианской эре. В Гандхаре это встречается только в декоративной скульптуре и, по-видимому, сохранилось по ассоциации. Во всяком случае, не похоже, чтобы какой-либо аргумент мог быть основан на его использовании в том виде, в каком он используется.

[215] Предполагая, что его возраст был установлен правильно, в чем я, однако, начинаю сильно сомневаться.

[216] У меня есть фотографии примерно 300 предметов из Лахорского и других музеев, и я имел доступ примерно к такому же количеству реальных образцов — правда, низшего класса — в коллекциях этой страны, но даже их едва хватает для этой цели.

[217] "Археологические отчеты", том v., Введение, стр. vi. Смотрите также Приложение к тому же тому, стр. 193-4.

[218] Тексье и Пуллан, "Византийская архитектура", Лондон, 1864, стр. 22-25 и стр. 44.

[219] De Vogüé, 'Syrie Centrale,' *passim*.

[220] Любопытной оговоркой пера генерал Каннингем ("Археологические отчеты", т. v., стр. 193) относит "Эти римские образцы в банях Каракаллы к началу первого века христианской эры, почти современному", добавляет он, "с тем, что я отношу к только что описанным лучшим индо-коринфским образцам, а именно ко второй половине первого века до н.э." Это, очевидно, простая оговорка я бы не стал упоминать об этом, если бы большая часть его аргументов в пользу раннего возраста этих скульптур не была основана на этом совпадении.

[221] В Сирии есть столица, на которой установлен бюст, который, возможно, датируется еще христианской эрой, но это единственный пример, который впоследствии не повторялся, насколько я знаю. Смотрите "Центральную Сирию" Де Воге, фото 3.

[222] Во введении Била к "Фа Хиану", стр. 18, он упоминает, ссылаясь на китайские источники, которые гораздо более надежны, чем индийские, что статуя Будды была привезена в Китай из Картчоу (?) в 121 году до н.э.. Прося мистера Била внимательно изучить официальные источники для получения этого заявления, он сообщает, что они крайне туманны и на них нельзя полагаться.

[223] Я полагаю, что общепризнано, что *редакция* "Махавансо" и других цейлонских писаний, сделанных во времена Буддагхоши, 408-420 гг. н.э., является старейшим подлинным буддийским произведением, которым мы сейчас располагаем. Они, как "Лалита Вистара" и другие произведения, конечно, основаны на более старых произведениях, но более ранние формы были утрачены, и то, что мы имеем, - это то, чем, по мнению авторов 5-го и последующих веков, они должны были быть.

[224] К сожалению, индийского списка этих патриархов пока не появилось. Те, что у нас есть, взяты из японских или китайских источников, и все они запятнаны фальсификацией, которую китайцы внесли в буддийскую хронологию, отодвинув дату рождения Будды примерно на 1000 год до н.э., чтобы он мог иметь преимущество перед Конфуцием в древности! ибо именно так пишется история на Востоке. Список из двадцати восьми известных патриархов см. Лассен, 'Indische Alterthumskunde', том ii., Издание ii. стр. 1004.

[225] Капители этих колонн настолько разрушены, что о них трудно говорить с полной уверенностью. У меня есть их рисунки полковника. Юла и мистера У. Симпсона, а в последнее время и генерала. Каннингем опубликовал их рисунки, "Археологические отчеты", том v. стр. 24. Ни один из них не является вполне удовлетворительным, но это, должно быть, связано с трудностью задачи.

[226] Не было опубликовано полной истории слоновой кости, достаточной для справки по этому вопросу. Работы Гори слишком плохо выгравированы для этой цели, но первые двенадцать пластин из 'Истории искусства' Лабарта совершенны настолько, насколько это возможно. То же самое относится и к пластинам из "Каталога музея Южного Кенсингтона" Маскелла и тем, что опубликованы Обществом Арундела; но именно к коллекции слепков в этих двух названных последними учреждениях читателю следует обратиться за более полной информацией по этому вопросу.

[227] Я приобрел у его художника, мистера Николла, и обладаю всеми оригинальными эскизами, по которым были выгравированы иллюстрации к его книге.

[228] Когда был назначен нынешний губернатор, были большие надежды на то, что это неудовлетворительное состояние наших знаний будет устранено. Звезды, однако, в своих курсах воевали против археологии на Цейлоне с тех пор, как он принял власть над островом, и единственным результатом его усилий, по-видимому, является то, что весьма компетентный немецкий ученый герр Гольдсмит сейчас занят копированием надписей, которых на острове множество. Однако это как раз то, что в настоящее время требуется меньше всего. В Индии, где у нас нет истории и дат, надписи бесценны и, по сути, являются нашими единственными источниками достоверной информации. На Цейлоне, однако, они для археологических целей сравнительно неважны. Что нам требуется, так это планы и архитектурные детали, и они, сопровождаемые общими описаниями и размерами, вместе с имеющимися у нас фотографиями дали бы все, что нам сейчас нужно. Любой квалифицированный специалист, привыкший к такой работе, мог бы обеспечить почти все, что требуется, за двенадцать месяцев, по крайней мере, для двух главных городов; но я отчаиваюсь увидеть, как это делается в мое время.

[229] Перевод Била, стр. 157.

[230] Художник, сделавший рисунки для книги сэра Э. Теннента, не зная, что такое змеиный капюшон, почти во всех случаях нарисовал его так, что его невозможно узнать. На фотографиях, однако, совершенно ясно видно, что на всех были змеиные капюшоны.

[231] Высота цейлонского локтя составляет почти 2 фута 3 дюйма.

[232] На фотографиях это называется алтарем, которым оно, конечно же, не было.

[233] "Поклонение дереву и змее", стр. 19. В некоторых отношениях это напоминает гравюры на дереве № № 34 и 35.

[234] С момента создания рисунка, с которого взята эта вырезка, он был тщательно отремонтирован и сделан настолько непохожим на то, что было, насколько это вообще возможно представить.

[235] "Журнал Азиатского общества Бенгалии" за март 1847 г., стр. 218.

[236] 'Труды Королевского азиатского общества', том iii. стр. 474, и "Журнал Королевского азиатского общества", том iii. xiii. с. 168.

[237] Боюсь, что это уже не так. Из того, что я узнал, я боюсь, что он был отремонтирован.

[238] "Махавансо", перевод Турнура, стр. 163.

[239] Цит. по изданию, стр. 235.

[240] В Амравати Зоофор ([Гравюра на дереве № 36](#)), я полагаю, состоял из тех же животных, но он неполный, ни один фрагмент лошади не был привезен домой, и в целом кажется, что этот ограниченный зверинец можно найти во всех буддийских произведениях.

[241] Любой архитектор с обычными способностями мог бы за неделю легко составить планы и чертежи, необходимые для предоставления нам всей необходимой информации об этих залах в Анурадхапуре. Я не уверен, что капитан Хогг еще не сделал всего, что требовалось, но его так внезапно отправили на остров Святой Елены, что у него не было времени сообщить свою информацию другим, даже если бы она у него была.

[242] Достаточно странно, что уроженцы Бехара приписывают посадку своего дерева Бо Даттагаймуни, благочестивому царю Цейлона.—См. "Статистику Бехара" Бьюкенена Гамильтона, стр. 76, издание Монтгомери Мартина.

[243] Согласно мистеру Рису Дэвидсу, собственное название города - Пуластипура ("Журнал Королевского азиатского общества", том vii. (N.S.), стр. 156), а его современное название Топавва или Торава. Поскольку, однако, приведенное здесь является единственным, под которым оно известно в английской литературе, оно сохранено.

[244] 'Христианство на Цейлоне', Мюррей, 1850; 'Рассказ об острове Цейлон', 2 тома., Longmans, 1859. С тех пор капитан и Мистер Лоутон Фотографии Хогга и существенно прибавили в точности, но не до такой степени нашего знания. Насколько мне известно, ни один план или измерение, ни одно описание не дошли до этой страны.

[245] Среди капитана. Фотографии Хогга - это две колоссальные статуи Будды, одна в Сепераве, описанная как 41 фут. высотой, другая в месте под названием Аукана, 40 футов. высоко; но где находятся эти места, показывать нечего. Они чрезвычайно похожи друг на друга и, за исключением размеров, на то, что в Гал Вихаре.

[246] Они также встречаются на колоннах Ашоки в самых ранних известных скульптурах Индии ([Гравюра на дереве № 6](#)). Говорят, что именно кудахтанье этих священных гусей спасло Римский капитолий от нападения галлов.

[247] Предыдущая гравюра на дереве из книги сэра Э. Теннента далека от того, чтобы отдать должное зданию или рисункам мистера Николла, которые находятся передо мной; но среди полудюжины фотографий, которыми я располагаю, ни одна не является достаточно поясняющей, чтобы передать правильное представление о его особенностях, и, в конце концов, без планов или размеров бесполезно пытаться передать правильное представление о нем другим.

[248] "Археологические отчеты", том iii. стр. 31, *и последующие*, листы 13 и 15. Поскольку ни фотографий, ни даже рисунков этих фигур пока нет, мы по-прежнему не можем говорить об их художественном стиле или быть уверенными в их подлинности; также не установлена с какой-либо определенностью эпоха, от которой следует отсчитывать эти даты. Однако доказательства в их нынешнем виде убедительно свидетельствуют в пользу того, что они являются тем, за что их представляют.

[249] Том i, стр. 359, гравюра на дереве № 241.

[250] Древности Явы, вероятно, по крайней мере в какой-то степени восполняют этот недостаток, как будет указано в следующей главе.

[251] Том i, стр. 212, *и далее*.

[252] Том i, стр. 213.

[253] Там же, стр. 334.

[254] Полностью проиллюстрирована во втором томе "Древностей Ионии" Общества дилетантов.

[255] "Журнал Королевского азиатского общества", том iv. стр. 1, *и далее*.; "Мадрасский журнал", том xx. стр. 78, *и далее*.; "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том iii. стр. 206, *и далее*.

[256] "Археологические отчеты", 1874, стр. 41 и 42.

[257] Источник, страница 54.

[258] "Азиатские исследования", том ix. стр. 270, vol. xvii. с. 285.

[259] "Хиуэн Тханг, жизнь и путешествия", том i, стр. 253, *и далее*.

[260] Смотрите Гравюры на дереве № № 99, 112, 122, 124, 127, 172, 177 и 178 в первом томе этой работы.

[261] В своей работе о "Древностях Ориссы" Бабу Раджендра Лала Миттра предлагает на странице 31 нечто подобное, но если бы его диаграмма была всем, что можно сказать в пользу гипотезы, я был бы склонен отвергнуть ее.

[262] До сих пор не опубликовано действительно удовлетворительного перевода этих указов Ашоки. Лучшая из них - работа профессора Уилсона в томе xii. "Журнал Королевского азиатского общества". Мистер Берджесс, однако, недавно переписал это в Гирнаре, а генерал Каннингем - на севере Индии. Когда они будут опубликованы, возможно, удастся сделать перевод лучше, чем тот, который еще не появился.

[263] 'Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества', том. viii. с. 120.

[264] Там же, том vii. стр. 124.

[265] Лейтенант. Постанс "Путешествие в Гирнар", "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том vii. стр. 865, *и далее*. Это, вместе с большинством зафиксированных здесь фактов, взято либо из описаний фотографий мистера Берджесса в его 'Визите в Сомнатх, Гирнар и другие места в Катхиаваре', либо из другого источника. Postans' 'путешествии' только что говорил. Кол. Факты Тод слишком сильно перемешались с поэзией, чтобы признать их цитирует.

[266] Мистер Берджесс посетил это место весной текущего года и привез планы и разрезы, из которых следует, что эти пещеры старые, но до публикации его материалов невозможно точно сказать, сколько им может быть лет. Я боюсь, что эта работа будет опубликована задолго до его Доклада.

[267] Рам Радж, "Архитектура индусов", стр. 49.

[268] Берджесс, "Визит в Гирнар" и др., стр. 3.

[269] 'Феришта', переведенная генералом Бриггсом, том i. стр. 72. Уилсон, однако ('Азиатские исследования', том. xvii. стр. 194), явно придерживается мнения, что это был лингам. Одно небольшое обстоятельство, случайно упомянутое Фериштой (стр. 74), убеждает меня в том, что это был джайн. Описав разрушение великого идола, он продолжает: "В храме было несколько тысяч маленьких изображений, выкованных из золота и серебра, различных форм и размеров". Я не знаю ни одной религии, кроме религии джайнов — и очень поздних буддистов, — которые потворствовали этому чрезмерному дублированию образов.

[270] Вид этого храма, не очень корректный, но достаточно иллюстрирующий стиль, находится на титульном листе к колонке . "Путешествия Тода по Западной Индии".

[271] Смотрите "Иллюстрации индийской архитектуры" Автора, стр. 30, из работы которого взяты план и вид.

[272] См. *ante*, стр. 221.

[273] "Археологические отчеты", том ii. стр. 357.

[274] Там же, лист 90.

[275] Единственный человек, который описал эти храмы сколь-нибудь подробно, - Быт. Каннингем, "Археологические отчеты", том ii, стр. 412, *и далее*, из которого, следовательно, взято все, что здесь сказано. Я также в долгу перед генералом за очень полный набор фотографий этих храмов, который позволяет мне с уверенностью говорить об их внешнем виде.

[276] Генерал Каннингем не решается принять его крайнюю простоту и грубость в качестве критерия возраста, потому что он построен из гранита, а другой - из изысканного камня по соседству. Однако его план и формы сикр наводят меня на мысль, что он исключительно древний.

[277] Планы подобных джайнских храмов см. В Отчете г-на Берджесса о Белгаме и Куладжи, стр. 2, 10 и 45. Они, однако, более современны, чем этот.

[278] "Живописные иллюстрации индийской архитектуры", автор, лист 5.

[279] Импи, "Виды Дели, Агры и Раджпутаны", Лондон, 1865, фронтиспис и пластина 60.

[280] Шри Аллат, которому приписывается возведение этой башни, является 12-м царем, упомянутым в айтпорских надписях Тода ("Раджастан", том i, стр. 802).

[281] "Живописные иллюстрации древней архитектуры Индостана", автор, стр. 8, стр. 38.

[282] Купол, который сейчас венчает эту башню, был заменен старым куполом с тех пор, как я нарисовал его в 1839 году.

[283] Берджесс, "Сутрунья", стр. 20. Им дан план этого храма и несколько фотографий.

[284] Burgess, loc. cit., стр. 25.

[285] "Путешествия Тода по Западной Индии", стр. 280, 281.

[286] Л. Русселе в 'Обители раджей' посвящает этим храмам три таблички, стр. 396-8. У меня есть несколько их фотографий.

[287] "Живописные иллюстрации индийской архитектуры", стр. 17.

[288] Берджесс, "Отчет о районах Белгам и Куладжи", 1875, стр. 25, листы 36 и 37.

[289] "Журнал Королевского азиатского общества", том iv, стр. 7; "Мадрасский журнал", том xx, стр. 78, *и далее*.

[290] "Раджастан" Тода, том i, стр. 778, и табличка рядом с ней.

[291] К сожалению, перепись 1872 года не распространилась ни на Майсур, где расположены основные джайнские заведения, ни на какой-либо из коренных штатов южной Индии. Следовательно, приведенные таким образом цифры никоим образом не отражают фактических обстоятельств дела.

[292] "Жизнь и путешествия", том i, стр. 201, *и далее*, том iii, стр. 146, *и далее*.

[293] Сэр Уолтер Эллиот и другие говорили мне, что на юге есть буддийские руины, и я знаю, что общее мнение таково, что это так. Я сам никогда не видел ни одного из них и не смог получить фотографий или подробной информации о них. Когда они будут представлены, эти утверждения могут быть изменены. Однако в то же время они выражают наше нынешнее знание предмета.

[294] "Азиатские исследования", том ix, стр. 285.

[295] Эти трое были выгравированы в 'Пантеоне мавров', листы 73 и 74, в 1810 году. У меня есть их фотографии, но нет никаких других, и я не мог слышать ни о ком, кроме этих троих.

[296] "Азиатские исследования", том ix, стр. 285; "Индийский антиквар", том ii, стр. 353.

[297] "Пантеон" Мура, фото 73.

[298] Берджесс, "Археологические отчеты", 1875, стр. xxxvii., лист 25.

[299] Художник, нарисовавший литографии для "Индийского антиквара", том ii, на стр. 353, не зная, что предполагались змеи, заменил их орнаментом собственного дизайна.

[300] Среди фотографий "Архитектуры Дарвара и Майсура", листы 74 и 75, есть надпись "Хирпухулли". Когда я писал описания этих табличек, я был поражен и указал на удивительно исключительную природу стиля этого храма и его сходство со стилем Непала; но тогда я понятия не имел, что он находится ниже, а не выше Гхатов, и далек от того, чтобы быть исключительным в стране, где он был расположен. На самом деле, одна из самых больших трудностей при написании книги, подобной настоящей, заключается в том, чтобы избежать ошибок подобного рода. Фотографы часто настолько небрежны в названии видов, которые они снимают, а монтажники - еще более небрежны в передаче правильных названий объектам съемки, что в очень многих случаях фотографии приходят ко мне с названиями, которые не имеют никакого отношения к предметам съемки; и только тщательное сравнение, подкрепленное посторонними знаниями, позволяет избежать серьезных ошибок.

[301] "Путешествия по Гималайским провинциям и Ладакху и Кашмиру", Лондон, Мюррей, 1841.

[302] "Путешествия по Кашмиру, Ладакху" и др., два тома, 8 т., Лондон, Колберн, 1842.

[303] "Путешествия по Кашмиру и Пенджабу". Перевод майора Джервиса, Лондон, 1845.

[304] "Иллюстрации древних зданий в Кашмире" и др., подготовленные под руководством государственного секретаря по делам Индии в Совете, лейтенантом Х. Х. Коулом, Р.Э. Кварто, Алленом и Ко., Лондон, 1869.

[305] Я не могу разглядеть размах этой арки. Судя по стержням, расположенным поперек фотографии, она составляет 15 футов; согласно масштабу на плане, только половину этого размера.

[306] Лейтенант. Номера Коула, 1-68 - 4-68.

[307] Смотрите рисунок мечети Винье, том i, стр. 269; а также "Журнал Азиатского общества Бенгалии", 1848, стр. 253, содержащий статью генерала А. Каннингема по этому вопросу, из которой взята эта гравюра на дереве.

[308] На Торане, прикрепленном к перилам в Бхархуте, изображены фасады залов чайтй, показанные в разрезе, которые с большой точностью представляют эту форму трилистника.

[309] Иосиф Флавий, "Колокол Иуды", ст. v. 4, Миддот, iv. 6. Я написал работу, которую надеюсь однажды опубликовать, "О храмах иудеев", в которой все эти измерения будут прорисованы в масштабе.

[310] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", сентябрь 1848 г., стр. 267.

[311] Каннингем в "Журнале Азиатского общества Бенгалии", сентябрь 1848 г., стр. 269.

[312] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", сентябрь 1848 г., стр. 273.

[313] Каннингем, лок. цит., стр. 263; Вин, "Путешествия по Кашмиру", том i, стр. 384.

[314] Однако не так уж удивительно, что единственный известный мне храм в Индии, похожий на этот ни по плану, ни по расположению, — это меньший храм Конджеверам в стране Чола, недалеко от Мадраса; и любопытно, что как в "Раджа Тарангини", "Истории Кашмира", так и в "Истории страны Чола" упоминается, что Ранадитья из Кашмира женился на дочери

короля Чолы и помог сформировать семью. акведук из Кавери - свидетельство, по крайней мере, близости, которая, возможно, возникла из того расового и религиозного сродства, которое, обогнав вторгшихся арийцев, объединило две оконечности Индии в одну общую связь. Правда, стиль двух храмов разный; но когда я увидел один, я не знал о существовании другого и не изучал детали с той тщательностью, которая одна позволила бы кому-либо определенно заявить об их сходстве, как следовало бы сейчас.

[315] "Перевод" Тройера, lib. iii., v. 462.

[316] "Перевод" Тройера, библиотека iv., v. 126-371.

[317] "Азиатские исследования", том xv. стр. 49.

[318] "Поклонение дереву и змее", стр. 47.

[319] "Азиатские исследования", том xv. стр. 61. "Перевод" Тройера, lib. v., с. 128.

[320] Планы этих храмов с подробностями приведены Каннингемом, листы 17 и 18, и лейтенантом. Таблица с фотографиями, таблички с 20 по 27 и с 2 по 5 для получения подробной информации. Г-н Коуи также значительно дополняет нашу информацию по этому вопросу. Размеры, указанные в тексте, взяты у лейтенанта. Коул, и превышают данные генерала Каннингема.

[321] Лейтенант. Коул, "Иллюстрации древних зданий в Кашмире", стр. 23, листы 37 и 38.

[322] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", 1866, стр. 101, *и далее*.

[323] "Иллюстрации древних зданий в Кашмире", стр. 11, листы с 6 по 11.

[324] Каннингем, "Журнал Азиатского общества Бенгалии", сентябрь 1848 г., стр. 256.

[325] "Раджа Тарангини", том i, стих 170.

[326] "Жизнь и путешествия", том i, стр. 96.

[327] Непалу повезло, что в лице мистера Брайана Х. Ходжсона он был одним из самых проникательных наблюдателей, когда-либо служивших на государственной службе Бенгалии. Однако в то время, когда он жил в долине, можно сказать, что ни один из вопросов, затронутых в этой работе, не был начат; и он был в основном поглощен исследованием и сообщением другим о неожиданном богатстве буддийских знаний, которые он нашел в Непале, и услуги, которые он оказал этому делу, неисчислимо велики. Не пренебрегал он и архитектурой. Передо мной краткое рукописное эссе на эту тему, всего на четырех листах, с примерно сотней иллюстраций, которые, если их полностью проработать, были бы почти всем, что требуется. К сожалению, здесь нет ни дат, ни размеров, и очерк настолько короток, а рисунки, сделанные местными жителями, настолько неполны, что в нем нет того, что требуется; но, если доработать его на месте и дополнить фотографиями, это может оказаться всем, что требуется.

[328] Любопытная ошибка встречается в "Отчете о Королевстве Непал" Бьюкенена Гамильтона. На странице 57 он говорит: "Гаутама, согласно лучшим авторитетным источникам, жил в шестом веке до н.э., а Сакья в первом веке н.э. Доктрины Сакья Сингхи наиболее существенно отличаются от доктрин Гаутамы". В трудах любого другого человека это было бы расценено как глупая ошибка, но он был настолько внимательным наблюдателем, что очевидно, что его информаторы путали основателя эпохи Саков — был ли он Канишкой или нет — с основателем религии, хотя они, кажется, ошибаются. будьте полностью осведомлены о новизне доктрин, введенных Нагарджуной и четвертым собранием. Он добавляет, стр. 190, что буддизм был введен в Непале в 33 год н.э., что, однако, вероятно, на пятьдесят лет раньше срока — если, по крайней мере, это произошло после четвертого созыва.

[329] Бьюкенен Гамильтон, "Отчет о Королевстве Непал", стр. 12.

[330] Там же, стр. 49.

[331] Бьюкенен Гамильтон, "Отчет о Королевстве Непал", стр. 190.

[332] Там же, стр. 22.

[333] Там же, стр. 35 и 211.

[334] Вид на этот храм с фронтисписа книги Бьюкенена Гамильтона.

[335] "Журнал Королевского азиатского общества", том v. (N.S.), стр. 18.

[336] "Непол", стр. 187.

[337] Бьюкенен Гамильтон, "Отчет о Королевстве Непал", стр. 29, 42, 51 и др.

[338] Следующие сведения взяты из статьи майора Остина в 'Журнале Азиатского общества Бенгалии', том. xliii. часть i, 1874.

[339] 'Журнал Азиатского общества Бенгалии', том. xxiv. стр. 1. *и далее*.

[340] Там же, том xx. стр. 291, *и далее*.

[341] Капитан . Тернер, которого Уоррен Гастингс отправил в Тисху-Ломбу, опубликовал вместе со своим интересным рассказом ряд очень достоверных описаний того, что он видел, но они выбраны не из того класса памятников, который является предметом нашего настоящего исследования.

[342] "Путешествие по Тибету", том ii. стр. 289. Упомянутый монастырь находится в Серее, по соседству со столицей Ласса.

[343] В настоящее время он используется в декоративной скульптуре монастырей Гандхары, но никогда не использовался как конструктивная деталь.

[344] Каннингем, "Археологические отчеты", том v. стр. 178, *и последующие.*, из которых взяты следующие сведения.

[345] Я надеюсь, что никто не примет возвышение, стр. 44, том v. 'Археологических отчетов' Каннингема за изображение этого храма. Это ни в малейшей степени не похоже на это.

[346] Каннингем, "Археологические отчеты", том v. стр. 183.

[347] "Сравнительная грамматика дравидийских языков", Лондон, второе издание, 1875, стр. 42.

[348] "Грамматика", стр. 44.

[349] Лучшим описанием Пандийского царства — Regio Pandionis классических авторов — является исторический очерк Уилсона в "Журнале Королевского азиатского общества", том iii. стр. 199, *и далее.* 1736.

[350] Помимо описания этого состояния, данного профессором Уилсоном в томе iii. что касается "Журнала Королевского азиатского общества", то множество разрозненных заметок можно найти в "Анализе рукописей Маккензи" Тейлора и в других местах.

[351] "Азиатские исследования", том xv. стр. 40.

[352] 'Журнал Королевского азиатского общества', том. viii. стр. 5.

[353] Там же.

[354] Там же, том iv. стр. 10.

[355] Подробности взяты из статьи сэра Уолтера Эллиота в четвертом выпуске и статьи мистера Доусона о херасе в восьмом томе "Журнала Королевского азиатского общества".

[356] Документы, собранные полковником Маккензи, полны споров, закончившихся преследованием, и они, по-видимому, продолжались с 5 по 7 век.

[357] Смотрите скульптуру доктора Бабингтона в Маха-Балипуре, Лист 4, том ii "Трудов Королевского азиатского общества".

[358] 'Азиатские исследования', том ix. стр. 270 и т. Д. xvii. с. 285.

[359] Берджесс, "Отчет о Белгаме и Каладжи", 1875, листы 39, 40.

[360] Большинство из них были скопированы доктором Бабингтоном и опубликованы вместе с упомянутыми выше документами, но другие приведены в томе о коллекции Маккензи в Индийском офисе.

[361] 'Журнал Азиатского общества Бенгалии', том vii. табличка 13.

[362] Вместо сэра Уолтера Эллиота. Сборник Карра, стр. 127.

[363] Там же.

[364] Среди недавно обнаруженных руин в Бхархуте есть барельеф, изображающий здание, настолько похожее на здешний лонг-рат, что не может быть сомнений в том, что подобные здания использовались на севере Индии по крайней мере за два столетия до Рождества Христова, но с какой целью они использовались, не так ясно. Тот, что в Бхархуте, по-видимому, содержал троны или алтари четырех последних Будд.

[365] Среди скульптур монастырей Гандхара есть несколько, изображающих фасады зданий. Это могут быть кельи или залы чайтхи, но, в любом случае, они являются почти точным воспроизведением фасада этого храма. Северные образцы, используемые в качестве рамок для скульптуры, конечно, условны; но невозможно ошибиться в идентичности замысла. Вероятно, они примерно одного возраста.

[366] Берджесс, "Отчет о Белгаме" и др., стр. 24.

[367] "Поклонение дереву и змее", стр. 73.

[368] Если бы было возможно пробудить в правительстве Мадраса хоть какой-то интерес к подобным вопросам, можно было бы надеяться, что они заменили бы голову великого Наги на его тело, прежде чем оно будет уничтожено из-за того, что его выставили напоказ праздным британцам.

[369] В "Табличках Дэниелла", № 16, показана верхняя часть этого. Поскольку он был вырублен в скале, никакие дополнения или изменения впоследствии не могли быть предусмотрены.

[370] "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том ix. стр. 314, *и далее*.

[371] "Отчет о Белгаме и Каладжи", 1874, стр. 31, *и далее*.

[372] В 'Архитектурных древностях Дхарвара и Майсура' есть четыре фотографии этого храма, листы 54-57. Одно из них повторено в книге мистера Берджесса, фото 38.

[373] Несколько его фотографий можно найти в шапке. Коллекция Лайона.

[374] Капитан . Лайон был нанят правительством для этой цели и сделал 276 фотографий этих храмов. Четырнадцать комплектов были переданы правительству, но из—за трудностей, возникших при их выпуске, вряд ли можно сказать, что они были опубликованы - по крайней мере, в этой стране.

[375] Поскольку план - это всего лишь набросок на глаз, а размеры получены путем перемещения, на него не следует слишком полагаться. Достаточно пояснить текст, и это все, что в настоящее время требуется.

[376] Надпись на шлюзе.

[377] Размеры этого изображения составляют 16 футов от морды до крестца, более 7 футов в поперечнике, 12 футов 2 дюйма. до макушки головы, 10 футов 4 дюйма. до вершины горба и 7 футов 5 дюймов. до верха спины. Он сложен из цельного каменного блока, я полагаю, гранитного, но его так часто и так тщательно покрывали маслом, которое ежедневно наносят на него, что он выглядит как бронза. Я попытался удалить часть этого эпидермиса, чтобы выяснить, что находится под ним, но безуспешно. Однако ни в одной другой части храма не используется никакой другой вид камня.

[378] Несмотря на то, что это очень важно в истории Дравидов, у нас даже сейчас нет правильного списка королей Чола, начиная с 1000 года. Среди рукописей Маккензи, конечно, нет ни одной. Говорят, у покойного мистера Эллиса был такой, но он решил ничего не публиковать до того, как ему исполнится сорок лет, а до этого он по ошибке проглотил целую бутылку настойки опия и однажды утром был найден мертвым в своей постели. Его бумаги несколько лет спустя служили повару его преемника для разжигания огня.

[379] За исключением этого измерения, взятого из опроса, и измерений гопур, указанные выше измерения должны быть взяты *полностью*. Они были получены только путем хождения взад-вперед и зарисовок глаз.

[380] Его рисунок был опубликован в моих 'Живописных иллюстрациях индийской архитектуры'. С тех пор его часто фотографировали.

[381] "Живописные иллюстрации древней архитектуры Индостана", стр. 60.

[382] 'Журнал Королевского азиатского общества', том. viii. с. 7.

[383] "Мадраасский журнал", № 20, стр. 15.

[384] Его размеры, насколько можно судить по моим шагам и планам адмирала Пэриса, составляют 340 на 180 футов

[385] План этого храма ([Гравюра на дереве № 200](#)) взят из 'Журнала географического общества Бомбея', том vii, и на него можно положиться в том, что касается размеров и общего расположения. Офицеры, которые делали это, были геодезистами, но, к сожалению, не архитекторами, и сделанные с тех пор фотографии выявляют определенные несоответствия в деталях, которые доказывают, что это требует доработки кем-то на месте.

[386] В Атласе пластин, сопровождающем путешествие лорда Валенси, есть его изображение; не очень точное, но дающее четкое представление о его пропорциях.

[387] "Журнал Королевского азиатского общества", том iii. стр. 202.

[388] "Журнал Королевского азиатского общества", том iii. стр. 230, *и далее*.

[389] К счастью, это чоултри также является одним из самых известных индийских зданий. Он был нарисован Дэниеллом в конце прошлого века, и его рисунки были повторены Лэнглом и другими. Это было описано мистером Блэкаддером в 'Археологии', том x, стр. 457; и Уилсоном, "Журнал Королевского азиатского общества", том iii, стр. 232. В некоторых коллекциях существуют тома рисунков местных жителей, содержащие изображения каждой колонны. Бронзовая модель крыльца хранится в музее Южного Кенсингтона, и она была обильно сфотографирована.

[390] В описании фотографии Трипа этот размер указан как 117 футов.

[391] Большинство этих сведений, а также те, которые следуют далее относительно храмов, взяты из Capt. Описание Лайоном своих фотографий этих мест. Он посвятил двадцать шесть фотографий. только этому храму.

[392] Вид на этот храм в моих "Живописных иллюстрациях индийской архитектуры", № 21, взят из угла этого резервуара.

[393] В Музее Индии есть собственный план этого храма, который делает его гораздо более обширным, чем я мог бы предположить, изучая ту часть, к которой мне был разрешен доступ. Однако я не знаю, насколько можно полагаться на этот план.

[394] Предполагается, я полагаю, ошибочно ("Журнал Королевского азиатского общества", (N.S.), том vi, стр. 265), что это Канчипурам, который посетил Хиуэн Тханг в 640 году. Нагапаттам, скорее всего, был тем местом, на которое он указывал.

[395] Когда я посетил Конджеверам, я был слишком нездоров, чтобы так тщательно осмотреть его храмы, как мне хотелось бы.

[396] Я никогда не мог определить даже приблизительно его размеры. Сотни людей посещают его, многие фотографируют, некоторые пишут описания, но измерить размеры и составить даже эскизный план, кажется, выходит за рамки образовательных возможностей наших соотечественников.

[397] Когда я был в Мадрасе, да и вообще вплоть до нынешнего года, храм на холме Трипетти или Тирупетти считался самым богатым, самым великолепным, поскольку он, безусловно, был самым священным из всех в Президентстве. Действительно, он был настолько священен, что ни одному неверующему иностранцу никогда не разрешалось подниматься на священный холм (высотой 2500 футов) или осквернять его священные окрестности. В 1870 году отряд полиции ворвался внутрь, преследуя укрывшегося там убийцу, и некий мистер Гриббл, который сопровождал их, опубликовал в этом году (1875) отчет об увиденном в 'Калькутта Ревью'. Как он восклицает: "Разрушена еще одна из иллюзий моей юности". Храм не примечателен ни своими размерами, ни своим великолепием. В этом отношении он уступает Конджевераму, Серингему и многим другим; и что бы ни делалось с его огромными доходами, они, конечно, не идут на его украшение. Это прекрасный образец дравидийского храма второго класса, но в плачевном состоянии ветхости.

[398] Все, что я знаю по этому вопросу, я уже изложил в своей работе "Грубые каменные памятники", стр. 455, *и далее*.

[399] Я полагаю, что во время правления лорда Нейпира были потрачены определенные деньги на ремонт этого двора и его принадлежностей, но составление плана этого места выходило за рамки компетенции англосакса. Следовательно, это очень трудно описать.

[400] Описание прилагается к фотографиям Tripe.

[401] Том первый (N.S.), стр. 247, *и далее*.

[402] Профессор Эггелинг говорит мне, что у него есть веские основания подозревать, что дата 411 года для Palakesi I. ("Журнал Королевского азиатского общества", том iv, стр. 8) является подделкой. В этом, безусловно, есть что-то неправильное, но как возникла ошибка, пока неясно. Кажется, что по крайней мере на столетие раньше. См. "Журнал Королевского азиатского общества", том iv, стр. 12; там же, том iv (N.S.), стр. 93.

[403] "Журнал Королевского азиатского общества", том iv. стр. 10, *и далее*.

[404] "Полезные таблицы" Принсеп, переработанные Томасом, стр. 267-268.

[405] Если бы все квадранты этого портика были равны, их должно было быть 300, или 75 в каждом, но я полагаю, что значительная часть двух из них была отрезана местом строительства храма. Поскольку у меня нет ничего, кроме фотографий, и они показывают только внешний вид, даже это неопределенно, а о размерах я не могу даже догадываться. Однако они очень велики для индуистского храма.

[406] Эти даты взяты из списка этой династии в рукописи Маккензи, цитируемого Принсепом, "Полезные таблицы", xli., и подтверждаются архитектурными свидетельствами и другими указаниями.

[407] Я сожалею, что не смог получить план этого храма или, более того, любого тройного храма. Это в Гирнаре ([Гравюра на дереве № 127](#)) принадлежит другой религии и находится слишком далеко по местности, чтобы помочь нам здесь. Несовершенный вариант можно было бы составить по фотографиям, но у меня нет даже приблизительного размера.

[408] Через несколько лет это здание будет полностью разрушено деревьями, которые закрепили свои корни в стыках камней. На рисунке из коллекции Маккензи в Индийском офисе, сделанном в начале этого столетия, здание показано целиком. Двадцать лет назад оно было таким, как показано на стр. 398. Следующая фотография показывает его почти скрытым; еще через несколько лет, если не предпринять какие-то шаги для его спасения, он полностью погибнет. Очень небольшая сумма могла бы спасти его; и, поскольку страна находится в нашем ведении, мы надеемся, что расходы не будут излишними.

[409] Листы 1 и 32-40. Опубликовано Мюрреем в 1864 году.

[410] В 1848 году ген. Каннингем применил термин "арийский" к архитектуре Кашмира, очевидно, в силу каламбура ('Журнал Азиатского общества Бенгалии', сентябрь 1848 г., стр. 242). Это, однако, ограничивало термин, относящийся к двум континентам, незначительной долиной на одном из них. Кроме того, это было совершенно неуместно. Термина "Кашмирский" было вполне достаточно, и все, что требовалось для столь строго местного стиля.

[411] 'Исторический очерк Тахсила Физабада' П. Карнеги, Лакхнау, 1870. Быт. Каннингем пытается идентифицировать различные курганы в этом месте с теми, которые, по описанию буддийских паломников, существовали в Сакету ('Древняя география Индии', стр. 401, *и далее*.; "Археологические отчеты", том i, стр. 293, *и далее*.) Истина, однако, заключается в том, что ни Фа Хиан, ни Хиуэн Тханг никогда не были поблизости от этого места. Город, который они посетили и где росло дерево Зубной щетки, был нынешним городом Лакхнау, который во времена Сакья Муни был столицей королевства.

[412] "Священный город индусов", Лондон, 1868, стр. 271, *и далее*.; 'Журнал Азиатского общества Бенгалии', том. xxxiv. стр. 1, *и далее*.

[413] Довольно любопытно, что они появляются на сцене примерно в одно и то же время, и тогда оба завершены и совершенны во всех деталях.

[414] "Охотничья Орисса", том i, стр. 233.

[415] Я очень сожалею, что вынужден отправить эту главу в печать до получения второго тома 'Древностей Ориссы' Бабу Раджендры Лала Миттры. Он сопровождал правительственную экспедицию в эту провинцию в 1868 году в качестве археолога, и, будучи брахманом и превосходным знатоком санскрита, у него были возможности установить факты, каких никогда не было ни у кого другого. Орисса была первой провинцией, которую я посетил в Индии с целью изучения антиквариата, и, как и все остальные, я тогда был совершенно незнаком с формами и сходствами индуистской архитектуры. Фотографии позволили мне в некоторой степени восполнить недостаток моих знаний в то время; но если фотографии не сделаны ученым человеком в научных целях, они не могут заменить местный опыт. Я уверен, что на месте я мог бы теперь установить последовательность расположения храмов с совершенной уверенностью; но обладает ли Бабу достаточными знаниями для этой цели, еще предстоит выяснить. Его первый том очень ученый и, возможно, очень интересный, но он мало или вообще ничего не добавляет к тому, что мы уже знали об истории архитектуры Ориссы.

Я видел две таблицы с планами храмов, предназначенные для второго тома. Они расположены без привязки ни к стилю, ни к датам, поэтому передают очень мало информации, а фотографии доказывают, что они настолько некорректны, что от них нельзя сильно зависеть. Текст, которого я не видел, может исправить все это, и я надеюсь, исправит, но если бы он сделал какие-то великие открытия, такие как ошибка в датировке Черной пагоды, на них, скорее всего, намекнули бы в первом томе или они просочились бы в некоторые из многочисленных публикаций Бабу за последние семь или восемь лет.

Мистер Хантер, который постоянно общался с Бабу, очень мало добавляет в своей работе по Ориссе к тому, что мы давно узнали из работы Стирлинга, которая по сей день остается классической работой о провинции и ее древностях.

[416] Эти сведения взяты, конечно, из Стирлинга, 'Азиатские исследования', том xv. стр. 263, 264. Все доказательства были отражены в статье об Амравати топе, "Журнал Королевского азиатского общества", том iii. (N.S.), стр. 149, *и далее*.

[417] "Орисса" Хантера, том i, стр. 238.

[418] Это измерение взято из книги Бабу Раджендры "Ориссанские древности", том i, стр. 41, но мне оно не нравится.

[419] Это и размеры в плане обычно взяты из таблицы в работе Бабу Раджендры, стр. 41. Боюсь, это всего лишь круглые числа, и, конечно, неправильные, но их достаточно для сравнения.

[420] "Поклонение дереву и змее", листы 48-98.

[421] "Орисса" Хантера, том i, стр. 237.

[422] Хочется надеяться, что книга Бабу Раджендры сможет в какой-то степени исправить этот недостаток. Однако в той части, которая сейчас опубликована, он не обещает, что так и будет.

[423] "Отчеты" Каннингема, том ii. стр. 416.

[424] "Азиатские исследования", том xv. стр. 327.

[425] Я сам включен в число! но, как было объяснено выше, я ничего не знал об этом стиле, когда посетил Ориссу, и у меня не было фотографий, иллюстрирующих архитектуру храмов, к которым мне тогда не разрешили доступ.

[426] Когда я посетил Ориссу в 1837 году и сделал набросок этого храма, большая часть башни все еще стояла. Смотрите 'Живописные иллюстрации индийской архитектуры', часть iii. С тех пор он полностью разрушился, но то ли из-за погодных условий, то ли благодаря помощи Департамента общественных работ, ни в коем случае не ясно.

[427] "Айин Акбери", перевод Глэдвина, том ii. стр. 16.

[428] "Орисса" Хантера, Приложение vii. стр. 187, *и далее*.

[429] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том vii. стр. 557.

[430] "Азиатские исследования", том xvi. стр. 25.

[431] В своих 'Древностях Ориссы' (стр. 151) Бабу Раджендра исчерпывающе подводит итог аргументам за и против того, чтобы Вишну считался таким же, как Солнце в Ведах, и, в целом, приводит веские доводы в пользу отождествления. Однако даже если бы аргументы были гораздо менее убедительными, чем кажется, из этого ни в коем случае не следует, что то, что лишь смутно обозначалось в Ведах, возможно, не стало общепринятым фактом в Пуранах и установленной догмой в Ориссе в 9 веке, когда был возведен этот храм.

[432] "Азиатские исследования", том xv. стр. 330.

[433] Эти расхождения возникают из-за того факта, что балки лежат на полу, погребенные под руинами каменной крыши, которую они когда-то поддерживали, и добраться до них, чтобы получить правильные измерения, чрезвычайно сложно.

[434] "Азиатские исследования", том xv. стр. 316.

[435] Цит. по изданию, стр. 265.

[436] Реферат Турнура о Далавансо в "Журнале Азиатского общества Бенгалии", том vi. стр. 856, *и далее*.

[437] "Азиатские исследования", т. 1. xv. с. 320.

[438] "Азиатские исследования", том xv. стр. 315.

[439] План уменьшен с единицы до масштаба 40 футов на 1 дюйм., составлен интеллигентным помощником-туземцем в Департаменте общественных работ по имени Радхика Пурсад Мукерджи, и это единственный план, который я когда-либо находил выполненным туземцем достаточно корректно, чтобы его можно было использовать, за исключением схемы или после серьезной доработки.

[440] Хантер, "Орисса", том i, стр. 128.

[441] Только что дошли до нашей страны новости о любопытном происшествии, произошедшем в этом храме. Сразу после того, как боги покинули свой Сингасан, чтобы отправиться на ежегодную экскурсию в Гундича-Нур, обрушилось несколько камней с крыши, которые убили бы всех сопровождающих и разбили богов, если бы, к счастью, все они не отсутствовали. Предполагая, что интерьер Бара Девула был таким, как представлен ([Гравюра на дереве № 124](#)), нелегко понять, как это могло произойти. Но на той же ксилографии крыльцо или Джагамохан пагоды Канарук изображено с плоской фальшивой крышей, которая обвалилась и теперь загромождает пол квартиры. Эта крыша, однако, была сделана из камня, уложенного на железные балки, и выглядела так, словно ее могло обрушить только землетрясение. Я почти не сомневаюсь, что подобная фальшивая крыша была образована каким-то образом на башне над алтарем в Пури, но, вероятно, сделана из камня, уложенного на деревянные балки, и либо ветхость, либо белые муравьи уничтожили древесину, и камни упали, как рассказывается.

Похотная крыша, поддерживаемая деревянными балками, все еще существует в структурном храме на берегу в Махавеллипоре и, я не сомневаюсь, в других местах, но получить доступ к этим камерам, когда боги дома, почти невозможно, а места настолько темные, что точно так же невозможно увидеть, за исключением руин, как они были покрыты.

[442] "Азиатские исследования", том xv. стр. 367.

[443] Там же, стр. 335; "Орисса" Хантера, том i, стр. 266.

[444] "Айин Акбери", перевод Глэдвина, том ii. стр. 13.

[445] Эти размеры, за исключением размеров Канарука, взяты из таблицы в книге Бабу Раджендры 'Древности Ориссы', том i, стр. 41, и их достаточно, чтобы дать представление об относительных размерах здания. Насколько я могу разобрать, они сделаны под углом к углу расположения башен, но поскольку все они имеют выступы на своих гранях, в кубическом виде, как это сделано в упомянутой таблице, они получаются слишком маленькими. Могу также заметить, что я не знаю ни одного примера, в котором эти два измерения различались бы. Я полагаю, что четыре грани всегда одинаковы. Даты приведены мной лично; ни одна из них, за исключением великого храма, не приведена в первом томе "Бабу".

[446] Двумя работами на эту тему являются 'История архитектуры Дарвара и Майсура', т.е. 100 листов, Мюррей, 1866, и 'Отчет Берджесса о районах Белгам и Куладжи', 1874. Учитывая имевшееся в его распоряжении время и средства, мистер Берджесс творил чудеса, но не будет преувеличением сказать, что он не исчерпал и ни один человек на его месте не смог бы исчерпать столь обширную тему.

[447] В архитектурных целях эти три места могут рассматриваться как одно. Айвулли находится в пяти или шести милях к северу от Бадами, а Пурудкуль или Питтадкуль - далеко на юге. Вся территория протяженностью в десять миль, которая, должно быть, в VI или VII веке была местом огромной важности — возможно, Ватипипурой, столицей чалукьев в V или VI веке. См. "Журнал Королевского азиатского общества", том iv, стр. 9.

[448] "История Хиуэн Тханга", стр. 255; "Жизнь и путешествия", том i, стр. 280.

[449] "Отчет о районе Белгам и Куладжи". 1874.

[450] Когда я первоначально писал на эту тему, я думал, что в моем распоряжении 9-й и 10-й века. Теперь кажется, что они должны быть вычеркнуты как несуществующие для каких-либо исторических или художественных целей.

[451] Это дата, данная мистером Берджессом в его описании в "Пещерах Элефанты", Бомбей, 1871, стр. 5.

[452] "Труды Королевского азиатского общества", том ii, стр. 4.

[453] Источник, стр. 6.

[454] Берджесс, "Отчет о Белгаме", & с. р. 31.

[455] Цитата из документа, стр. 20, 23, 40.

[456] "Поклонение дереву и змее", стр. 76.

[457] Берджесс, "Отчет о Белгаме и Куладжи", стр. 31.

[458] Представление об этом было опубликовано в моих "Живописных иллюстрациях индийской архитектуры", стр. 5.

[459] "Анналы Раджастана" Тода, том ii. стр. 734.

[460] "Живописные иллюстрации древней архитектуры Индостана", стр. 6, с описанием. Ген. Каннингем ("Археологические отчеты", том ii, стр. 264) согласен со мной относительно даты, но непреднамеренно добавляет к своему плану масштаб, который делает здание в десять раз больше, чем я его сделал, или чем оно есть на самом деле.

[461] Tod (loc. cit.) приводит несколько табличек с деталями крыльца, выполненных местным художником — довольно хорошо прорисованных, но нуждающихся в тени, чтобы сделать их понятными.

[462] "Анналы Раджастана" Тода, том ii. стр. 712.

[463] Вид этого храма можно найти в моих "Живописных иллюстрациях индийской архитектуры", стр. 4.

[464] Мы в долгу перед генералом. Каннингему известно почти все, что мы знаем об этом месте, и именно из его "Отчетов" и фотографий был составлен следующий отчет.

[465] Каннингем, "Археологические отчеты", том ii. стр. 420.

[466] 'Журнал Азиатского общества Бенгалии', том ix. стр. 548. Дата дана из четырех разных эпох, так что ошибки быть не может.

[467] Часть слепков находится в музее Южного Кенсингтона. Расшифровки рисунков были опубликованы в "Индийском антикваре", том iii, стр. 316.

[468] "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том ix. стр. 219.

[469] Там же, том ix. стр. 221.

[470] Оба этих храма в значительной степени проиллюстрированы вместо иллюстраций Х. Х. Коула о зданиях близ Муттры и Агры, опубликованных Индийским офисом в 1873 году, к которым читатель может обратиться за дополнительной информацией.

[471] Бьюкенен Гамильтон, "Восточная Индия", под редакцией Монтгомери Мартина, 1837, том ii. стр. 628.

[472] Фронтиспис к "Восточной Индии" Бьюкенена Гамильтона.

[473] Вид этого храма приведен в моих "Живописных иллюстрациях древней архитектуры Индостана", стр. 14.

[474] *Ante*, том i, Гравюра на дереве № 241.

[475] Представление об этом приведено в книге Тода 'Раджастан', том i, стр. 267. Некоторые детали были неправильно поняты гравером, но в целом это верное изображение здания.

[476] Вид одного из них приведен в моих "Иллюстрациях древней архитектуры Индии", страница 15. Другие иллюстрации можно найти в "Семье раджей", стр. 187, *и далее*.

[477] "Воспоминания о Бабере" Эрскина, стр. 384.

[478] Эти сведения взяты из "Археологических отчетов" Каннингема, том ii. стр. 346, *и далее*, листы 87 и 88.

[479] Насколько далеко что-либо из всего этого сейчас существует, ни в коем случае не ясно. Мы заняли форт во время мятежа и удерживаем его до сих пор. Первое, что было сделано, - это использовать Баррадурри в качестве столовой: приспособить отдельные части дворца для военной оккупации; затем построить ряд казарм и убрать кучу антикварного хлама, чтобы устроить плац. Что все это означает, слишком легко понять. M. Rousselet—no unfriendly critic—observes:—"Les Anglais sont très-activement occupés à simplifier la besogne de l'archéologue, et à faire disparaître ce précieux document de l'histoire de l'Inde; déjà toutes les constructions à la gauche de la porte de l'est sont livrées à la pioche et le même sort est réservé au reste" ('L'Inde des Rajahs,' p. 362). И снова: "Mais, элас! l'Ourwahai lui aussi a vécu. Quand j'y revins en Décembre, 1867, les arbres étaient coupés, les statues volaient en éclats, sous les pics des travailleurs, et le ravin se remplissait des talus d'une nouvelle route construite par les Anglais—talus dans lesquels dorment les palais des Chandelas et des Tomars, les idoles des Bouddhistes et des Jainas."—Loc. cit. p. 366.

[480] План этого приведен вместо. "Отчет Коула о зданиях близ Агры" — правильный, насколько это возможно, но не полный.

[481] Египет не проявлял особого вкуса к архитектурному оформлению, пока не попал под власть султанов Мемлука, а сарацинская архитектура в Персии практически берет начало с сельджуков.

[482] 'Архитектура Биджапора. Сфотографировано по рисункам капитана. Харта и А. Камминга, командира экипажа, и на месте полковника. Биггса и майора Лоха, с текстом полковника. Мидоуза Тейлора и Дж. Фергюссона.' Фолио, Мюррей, 1866 год.

[483] 'Архитектура Ахмедабада. 120 фотографий полковника. Биггса, с текстом Т. К. Хоуп, Б.К.С. и Джас. Фергюссон.' Малый фолиант, Мюррей, 1866 год.

[484] Перевод Бригга, том i, стр. 61.

[485] Вызывает глубокое сожаление, что ни один офицер, сопровождавший наши армии, когда они проезжали через Газни, не был способен или желал оценить интерес к этим руинам; и остается надеяться, что, если представится такая возможность, их значение для истории искусства Востока не будет упущено из виду.

[486] набросок гробницы, опубликованный мистером Винем в его "Путешествиях по Афганистану", дает слишком ограниченную ее часть, чтобы мы могли судить о ее форме или деталях. Ворота впереди, вероятно, современные, а фольгированные арки на заднем плане, по-видимому, являются единственными деталями, относящимися к 11 веку.

[487] Предание о том, что эти ворота были сделаны из сандалового дерева и привезены из Сомнатха, полностью опровергается тем фактом, что они были сделаны из местной сосны, а также стилем оформления, который не имеет никакого сходства с индуистской работой.

[488] Превосходное изображение ворот можно найти во втором издании 'Путешествий Марко Поло' полковника Дж. Святки, том ii, стр. 390.

[489] Смотрите перевод надписи на этих минарах, "Журнал Азиатского общества Бенгалии", № 134, за 1843 год.

[490] Две из них представлены Дюбуа де Монпере, "Путешествие с авто по Кавказу".

[491] *Предыдущее видео*, том ii, стр. 444, и далее.

[492] *Смотрите ранее*, том i, стр. 387, и далее.

[493] Я не знаю, почему генерал. Каннингем должен из всех сил доказывать, что мечеть Адждмир больше мечети в Дели ("Археологические отчеты", т. ii, стр. 260). Его замечания применимы только к внутреннему двору в Дели, который, возможно, представлял собой всю мечеть в первоначальном виде; но перед смертью Алтумша, который был настоящим строителем обеих, экран арок в Дели был увеличен до 380 футов по сравнению с 200 футами в Адждмире, и внутренние дворы двух мечетей почти в одинаковой пропорции, их общая площадь составляет 72 000 футов в Адждмире по сравнению с 152 000 футов в Дели.

[494] Ген. Каннингем обнаружил надпись на стене, в которой говорилось, что двадцать семь индуистских храмов были снесены, чтобы предоставить материалы для этой мечети ("Археологические отчеты", том i, стр. 176). Это, однако, мало что доказывает, если только мы не знаем, на что были похожи храмы, которые были разрушены с этой целью. Двадцать семь храмов, подобных тому, что находится в Кхаджурахо, за исключением Гантая, не обеспечили бы колоннами и половины внутреннего двора. Одного храма, подобного тому, что в Садри, хватило бы для целой мечети, и хотя последняя более современна, у нас нет оснований предполагать, что подобные храмы могли не существовать до магометанских времен.

[495] Такой способ строительства возможен только при использовании камней гораздо большего размера, чем те, которые использовались здесь. Следствием этого стало то, что арка серьезно пострадала, когда я ее увидел и зарисовал. С тех пор он был тщательно отреставрирован правительством под эффективным надзором и сейчас такой же прочный и заверченный, как и при первом возведении. Две большие боковые арки либо так и не были достроены, либо обрушились из-за неправильного способа строительства.

[496] "Азиатские исследования", том iv, стр. 313. Его нынешняя высота, по словам генерала. Каннингем, составляет (после сноса современного павильона) 238 футов 1 дюйм. ("Археологические отчеты", том i, стр. 196).

[497] Перевод Уолтера Юэра, 'Азиатские исследования', том xiv, стр. 480. См. также Каннингем, "Археологические отчеты", том i, стр. 132, и далее.

[498] Любопытной иллюстрацией того, насколько трудно иногда бывает получить правильную информацию в Индии, является тот факт, что, когда Быт. Каннингем опубликовал свои 'Отчеты' в 1871 году, он заявил, очевидно, опираясь на авторитет мистера Купера, заместителя комиссара, что раскопки были проведены на глубину 26 футов, но не достигли дна. "Однако ответственный за это человек" — *темуан Окулер* — "заверил его, что фактически достигнутая глубина составляла 35 футов". — Т. i., стр. 169. Следовательно, он оценил всю длину в 60 футов, но, к счастью, распорядился провести новые раскопки, решив достичь дна — *coûte qui coûte* — и нашел его на глубине 20 дюймов под поверхностью. — Т. iv, стр. 28, стр. 5. На расстоянии нескольких дюймов от

поверхности он расширяется в форме луковицы до диаметра 2 фута 4 дюйма и опирается на решетку из железных прутьев, которые свинцом закреплены в каменном покрытии.

[499] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том vii. стр. 629.

[500] 'Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества', том x. стр. 64. Эти два перевода болезненно расходятся в деталях, хотя и в достаточной степени совпадают в отношении основных фактов. В целом, я склонен считать, что Бхауаджи наиболее правильный, хотя я согласен с Принсепом в том, что более архаичная форма букв объясняется тем, что они были выбиты холодным зубилом по железу, а не выгравированы, как это всегда делалось на камне.

[501] Нет никакой ошибки в том, что столб сделан из чистого железа. Ген. Часть этого была проанализирована Каннингемом в Индии доктором Мюрреем, а другая часть была проанализирована в здешней горной школе доктором Перси. Оба обнаружили, что это чистое ковкое железо без каких-либо сплавов.

[502] Могут ли эти балхики быть династией, которую мы до сих пор знали как короли Саурастры? Они, несомненно, были поселены в низовьях Инда примерно с года н.э. 79, и были изгнаны, согласно их собственным датам, в 264 или 371 году нашей эры. (См. 'Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества', том viii. стр. 28.) У меня сложилось впечатление, что это может в конечном итоге оказаться истинным решением загадки.

[503] Такая же форма подвески найдена в Сербистане (Гравюра на дереве № 946, том ii), почти за десять веков до этого времени.

[504] Каннингем, "Археологические отчеты", том ii. стр. 261.

[505] Мне жаль, что я не согласен с генералом. Каннингем в этом вопросе. Он видел мечеть, я — нет; но у меня есть ее фотографии и рисунки, и я обратил особое внимание мистера Берджесса на этот момент, когда он посетил ее, и в результате у меня сложилось убеждение, что колонны, стоящие сейчас, не изменились по расположению.

Тод в своих "Анналах" трактует это просто как джайнский храм, не упоминая о каких-либо возможных изменениях, за исключением дополнений, сделанных мусульманскими архитекторами, т. i, стр. 779, см. Также его табличку, которая исключительно верна.

[506] Благодаря тому, что индуистская часть осталась нетронутой, а магометанская часть построена лучше и с использованием более крупных материалов, мечеть не находится в таком разрушительном состоянии, в каком была мечеть в Кутубе до позднего ремонта. Однако он находится в грязном и запущенном состоянии, и его можно было бы с очень небольшими затратами сохранить от дальнейшего разрушения, а его красоту значительно приумножить. Насколько я могу судить, в Индии нет здания, более достойного внимания правительства, чем это. О том, с какой заботой, однако, к нему относятся, можно судить по следующей выдержке из частного письма джентльмена, занимающего высокое положение на государственной службе в Индии и прекрасно осведомленного относительно того, о чем он писал: "Вы когда-нибудь слышали, что некоторые индуистские колонны великой мечети в Аджмире были сдвинуты со своих мест (я предполагаю, что это были упавшие колонны) и установлены в виде триумфальной арки по случаю визита лорда Мейо? и слышали ли вы, что они были настолько ненадежно обращены, что никто не осмеливался пройти под ними, и что лорд Мэйо и вдохновенные ... архитекторы обошли это стороной? Это более чем подтверждено в открытом письме сэра Джона Стрейчи, лейтенанта-Губернатора Северо-Западных провинций, адресованном лорду Нортбруку 25 августа прошлого года. В нем он говорит о "чрезмерно усердном окружном чиновнике, который не так давно фактически снес скульптурные колонны хорошо известного храма великой древности" — Архай дин ка Джомпра - "с целью украшения временной триумфальной арки, через которую должен был пройти вице-король". Затем он продолжает цитировать то, что Русселе говорит о нашем пренебрежении к таким памятникам, которое ни на йоту не является слишком суровым.

[507] 'Журнал Азиатского общества Бенгалии', том. xxxiv. стр. 1, и далее., стр. 1-8. Для меня непостижимо, что любой, кто смотрит на эти таблички, особенно на планы, рис. 7 и 8, может увидеть на них что-либо, кроме обычной гробницы магометанского дворянина 15 века с прилегающей к ней мечетью.

[508] Эти размеры взяты из текста и плана здания в издании Монтгомери Мартина "Статистический отчет Шахабада" Бьюкенена Гамильтона, том i, стр. 425. План, однако, нарисован настолько плохо, что его с трудом можно воспроизвести.

[509] Первым, кто предположил это, был барон Хюгель, хотя его знания в этом предмете были настолько незначительны, что его мнение не имело бы большого веса. Однако впоследствии эта идея была подхвачена и горячо поддержана покойным мистером Хорном, Б.К.С., и преподобным мистером Шеррингом в серии статей в 'Журнале Азиатского общества Бенгалии', том. xxxiv. стр. 1, и далее., а также последним в его работе 'Священный город индусов', стр. 283, и в других местах. До сих пор им не удалось привести ни единого примера подобных колонн, существующих в каком-либо подлинном буддийском или джайнском здании —

они имеют в виду джайнское, хотя говорят буддийское, — или каких-либо исторических или иных свидетельств, которые заслуживали бы пристального изучения. Возможно, в Джаунпуре 13 или 14 веков были какие-то джайнские или индуистские постройки, которые, возможно, использовались мусульманами, но, безусловно, по крайней мере девять десятых колонн в этих мечетях были изготовлены в то время, когда они были необходимы для тех мест, которые они сейчас занимают.

[510] Вид этой мечети можно найти в книге Киттоу 'Индийская архитектура', но, к сожалению, там нет плана или размеров. Цитата в тексте приведена по памяти.

[511] Представление об этом, но не очень хорошее, приведено в таблицах Дэниэлла. Частично это видно на гравюре на дереве № 291.

[512] Если бы здания Бакарайя Кунд были найдены в радиусе двадцати миль от Ахмедабада, где есть десятки точно таких же, они вряд ли заслуживали бы мимолетного замечания. Любой, кто знаком с этим стилем, назвал бы им дату — 1450 год н.э. или около того — и вряд ли стал бы утруждать себя вопросом, кто их построил, настолько они похожи на все другие того же возраста.

[513] "Отчеты" генерала Каннингема за 1862-63 гг., том i, стр. 287. Из этого я узнаю, что колонны, окружающие суд с трех сторон, были убраны с тех пор, как я видел их в 1836 году — на этот раз, однако, не англичанами.

[514] Смотрите статью в журнале Forbes "Восточные мемуары", том iii. глава xxx.

[515] Поскольку гравюрой на дереве невозможно передать впечатление о красоте этих мечетей, читателя отсылают к фотографиям "Архитектура Ахмедабада" и проч.

[516] Описано далее, стр. 538, ксилографии № № 306 и 307.

[517] Как я понял от мистера Берджесса, во время своего недавнего визита в Ахмедабад он скопировал ряд надписей из тамошних мечетей, которые доказывают, что некоторые названия, данные зданиям, являются ошибочными. Когда они будут опубликованы, некоторым зданиям в некоторых случаях должны быть присвоены новые названия и даты, но изменения, насколько я понимаю, не очень важны.

[518] Все приведенные выше сведения об этой мечети взяты из работы, опубликованной в Бомбее в 1868 году и озаглавленной "Сурат, Бароах и другие старые города Гуджерата". Автор: Т. К. Хоуп, Британская Колумбия, иллюстрировано фотографиями, планами и описательным текстом.

[519] Планы этих проектов содержатся в работе мистера Хоупа.

[520] В книге мистера Гриндлея "Виды Востока" есть очень хороший вид гробницы; но план и детали, приведенные здесь, взяты из работы мистера Хоупа, *sup. cit.*

[521] Вид на этот дворец, но не с лучшей точки зрения, можно найти в книге Эллиота "Виды Востока".

[522] В этом отношении это что-то вроде криволинейных фронтонов, которые римские и итальянские архитекторы использовали в качестве оконных выступов. Хотя они и отвратительны сами по себе, все же мы пользуемся ими и восхищаемся ими, потому что привыкли к ним.

[523] Эти сведения взяты главным образом из "Статистики Динаджепора" Бьюкенена Гамильтона, опубликованной Монтомгери Мартином в его "Восточной Индии", 1838, т. ii. стр. 649, *и далее*.

[524] Страница 347, *и далее*.

[525] Первоначальная чеканка бенгальских монет, Эдвард Томас, 1866 год до Нашей эры.

[526] На гравюре на дереве, хотя и не так отчетливо, как на фотографии, будет виден длинный свисающий корень дерева, посаженного какой-то птицей в верхней галерее. Через год или два он достигнет земли, и тогда рухнет минар. Любой, у кого есть перочинный нож, может спасти его, потратив пять минут. Но *Cui bono?* говорит саксонец.

[527] *Ante*, стр. 393.

[528] "Индия" Эльфинстоуна, том ii. стр. 57.

[529] Планом и сечением этой мечети, а также всем, что я о ней знаю, я в долгу перед моим другом достопочтенным. Сэр Артур Гордон, в настоящее время губернатор островов Фиджи. Он сам составил планы и самым щедрым образом предоставил их в мое распоряжение.

[530] У меня есть фотографии этой улицы, но нет измерений.

[531] Перевод Бригга "Феришты", том ii. стр. 510.

[532] Вид на него взят из наброска полковника. Мидоус Тейлор в "Восточном ежегоднике" за 1840 год.

[533] Биджапуру необычайно повезло не только в масштабах, но и в том способе, которым это было проиллюстрировано. Набор чертежей — планы, фасады и детали — были сделаны неким мистером А. Каммингом, генеральным инспектором, под руководством капитана Дж. Харт, бомбейские инженеры, которые по красоте рисунка и точности деталей не уступают ни одним архитектурным чертежам, сделанным до сих пор в Индии. Они были сокращены с помощью фотографии и опубликованы мной за счет правительства в 1859 году в виде фолианта на семидесяти четырех листах, а затем в 1866 году за счет Комитета по изданию древностей Западной Индии, дополнительно проиллюстрированного фотографическими видами, сделанными на месте полковником Дж. Биггс, Р.А.

[534] *Ante*, том ii. стр. 553.

[535] Приняв числовую шкалу, описанную во введении к "Истинным принципам красоты в искусстве", стр. 140, я оценил Парфенон как имеющий 4 части технической ценности, 4 эстетической и 4 фонетической, или 24 как его порядковый номер, являющийся самым высоким из известных. Та же, напротив, я бы оценил как обладающий 4 техническими, 5 эстетическими и 2 фонетическими свойствами, не потому, что у него есть какой-либо прямой фонетический способ произнесения, а из-за особой и трогательной отчетливости, с которой каждая его часть выражает печаль и привязанность, для выражения которых он был создан. Следовательно, его порядковый номер будет равен 20, что, безусловно, настолько высоко, насколько это возможно, и достаточно близко к Парфенону, по крайней мере, для сравнения.

[536] "Мемуары", перевод Эрскина, стр. 334.

[537] Цит. по изданию, стр. 341-2.

[538] Перевод Бригга, том ii. стр. 71.

[539] Каннингем, "Отчеты", том i, стр. 222.

[540] Описание этой мечети дано в "Отчете о зданиях Дели" мистера Карлайла, составляющем часть четвертого тома Каннингема, но, как и все остальное, крайне неудовлетворительное. Не указаны ни план, ни размеры, это просто словоблудие, не передающее четкого смысла.

[541] Поскольку я не могу найти никаких следов этого сооружения в описании форта Кином в его третьей книге об Агре, я предполагаю, что им, должно быть, пользовались с моих времен. Если только это не здание, которое он называет Нобут-хана дворца Акбара (26). Я никогда не видел его ни на одной фотографии этого места.

[542] Не совсем ясно, насколько Ротасгур обязан своим великолепием Шер-шаху, а насколько Акбару; оба, безусловно, построены там, и на месте можно было бы легко установить, сколько принадлежит каждому. К сожалению, слишком легко установить, какая часть принадлежит британцам. "Они превратили прекрасный Деван—Кханд, рисунок которого Дэниэл опубликовала, в конюшню для разведения лошадей". - "Справочник" Гамильтона, *sub voce*.

[543] Я потерял сделанные мной размеры и план этого здания; и, поскольку ни один из них не был выполнен Быт. Каннингем и его помощники не приводят ни плана, ни размеров, я не могу привести какие-либо цифры в тексте.

[544] План взят у одного генерала. Каннингем ('Отчеты', том ii., фото 91). Однако он опускает эти квадратные проекции. Я добавил их по фотографиям.

[545] Попытки в последнее время были сделаны Быт. Каннингем и его помощники ('отчеты' объем. Ив. стр. 124), приписывать этот дворец Джехангира. На каком основании, не указано; но если это не будет очень ясно и отчетливо, я должен отказаться признать это. Все доказательства, насколько я могу судить, прямо противоречат такой гипотезе. План этого дворца есть в его 'Отчетах', том iv, таблица 8.

[546] Слепок с этого трона находится в музее Южного Кенсингтона.

[547] Фотографии этого дворца сейчас распространены, и их можно получить где угодно; а недавно заместитель. В "Отчете Коула о зданиях в окрестностях Агры" представлены некоторые очень интересные новые здания с планами, размеры которых приведены в тексте.

[548] Насколько мне известно, ни один план или раздел этой гробницы никогда не публиковался, хотя она находится в нашем распоряжении уже почти столетие. Приведенные здесь данные основаны на моих собственных измерениях, и, хотя они могут быть правильными, насколько это возможно, они не настолько детализированы, какими должны были бы быть характеристики такого памятника, если бы он находился в руках любой другой европейской нации.

[549] Диаграммы, вероятно, достаточно для пояснения текста, но ее не следует воспринимать как претендующую на то, чтобы быть правильным архитектурным чертежом. Были детали, такие как высота нижнего купола и верхних угловых киосков, которые у меня не было средств измерить, и, в конце концов, я просто делал заметки для собственного удовлетворения.

[550] После того, как вышесказанное было написано и схема нарисована ([Гравюра на дереве № 334](#)), я был немало рад найти следующую запись в дневнике мистера Финча. Он прожил в Агре несколько лет и в последний раз посетил гробницу, по-видимому, в 1609 году, и после самого точного описания всех ее особенностей вплоть до верхнего этажа в том виде, в каком она стоит сейчас, добавляет: "Когда я видел ее в последний раз, над гробницей был только богатый шатер с навесом. Но он должен быть *обнесен* аркой из самого необычного белого мрамора с крапинками, а внутри весь отделан чистым листовым золотом с богатой инкрустацией". — "Перчасс, его пилигримы", том i, стр. 440.

[551] Хотя сейчас этот факт вряд ли подлежит сомнению, до сих пор не было приведено прямых доказательств того, что именно иностранным—флорентийским—художникам индийцы обязаны искусством инкрустации драгоценными камнями, широко известным как работа в "пьетро дуру". Остин, или Огюстен де Бордо, - единственный европейский художник, чье имя можно однозначно отождествить с любыми работами этого класса. Он, несомненно, работал у шаха Джехана в Дели и выполнил ту мозаику, изображающую Орфея или Аполлона, играющего со зверями, по картине Рафаэля, которая когда-то украшала тамошний трон, а сейчас находится в Индийском музее в Южном Кенсингтоне.

Однако вряд ли следует ожидать, что местные жители будут записывать имена тех, кто превзошел их в их собственном искусстве; а у нуждающихся итальянских авантюристов было еще меньше шансов получить возможность записать работы, которые они выполнили в чужой и чуждой стране. Если бы какой-нибудь итальянец, живший при дворах Джехангира или Шах-Джехана, написал книгу, он мог бы описать художественное мастерство своих соотечественников, но ни одно подобное, насколько мне известно, еще не увидело свет.

Однако внутренние доказательства кажутся полными. Вплоть до возведения ворот в гробницу Акбара в Секундре в первые десять лет правления Джехангира, 1605-1615 гг. н.э., у нас есть бесконечные мозаики из цветного мрамора, но ни одного образца "инкрустации". В гробнице Эти-мад-Доула, 1615-1628 гг. н.э., мы имеем обе системы в полном совершенстве. В Тадже и дворцах в Агре и Дели, построенных шахом Джеханом в 1628-1668 годах н.э., мозаика исчезла, будучи полностью вытесненной "инкрустацией". Незадолго до этого была изобретена система инкрустации под названием "пьетро дуру", которая вошла в моду во Флоренции и, фактически, по всей Европе; и мы знаем, что во время правления двух последних монархов у них на службе было много итальянских художников, вполне способных преподавать новое искусство.

[552] Нечто подобное произошло, когда турки оккупировали Константинополь. Они приспособили архитектуру христиан к своим собственным целям, но без копирования. *Vide ante*, vol. ii. p. 528, *et seqq.*

[553] Огромная ванна была разобрана маркизом Гастингсом с намерением подарить ее Георгу IV., намерение, по-видимому, так и не осуществленное; но сейчас трудно установить факты, поскольку весь мраморный пол вместе с тем, что осталось от ванны, был продан на аукционе лордом Уильямом Бентинком за 1 процент. по сравнению с его первоначальной стоимостью; но это помогло увеличить доходы Индии способом, наиболее соответствующим духу ее правителей.

[554] С момента назначения сэра Джона Стрейчи, нынешнего просвещенного губернатора Северо-Западных провинций, я понимаю, что это положение дел полностью изменилось. Как уход, так и деньги сейчас щедро расходуются на защиту и техническое обслуживание таких старых зданий, которые остаются в провинции.

[555] В военном министерстве Индии имеются совершенные планы этого дворца. Очень жаль, что правительство не может позволить себе те несколько рупий, которые потребовались бы для их литографии и публикации. Без таких планов очень трудно сделать какое-либо описание понятным. Это в "Справочнике по Агре" Кина, хотя и полезно, насколько это возможно, сделано в слишком малом масштабе и недостаточно подробно для целей архитектурной иллюстрации.

[556] Когда мы завладели дворцом, все, кажется, занимались грабежом самым независимым образом. Среди прочих, капитан (впоследствии сэр Джон) Джонс разорвал большую часть этой платформы, но ему пришла в голову счастливая идея выложить свою добычу мрамором в качестве столешниц. Две из них он привез домой и продал правительству за 500 фунтов стерлингов, и сейчас они находятся в Музее Индии. Никто не может сомневаться, что картина с птицами была выполнена флорентийскими или, по крайней мере, итальянскими художниками; в то время как другая, которая, по-видимому, находилась в задней части платформы, является плохой копией с картины Рафаэля "Орфей, очаровывающий зверей". Как хорошо известно, это снова была копия картины из Катакомб. Там Орфей играет на лире, на картине Рафаэля - на скрипке, и именно этот инструмент представлен на делийской мозаике. Даже если бы не хватало других доказательств, этого было бы достаточно, чтобы поставить вопрос ребром. Это, конечно, не было сделано ни фанатиком Аурунгзебе, ни кем-либо из его преемников.

[557] Справедливости ради следует добавить, что с тех пор, как они оказались в нашем распоряжении, на восстановление этих фрагментов были затрачены значительные суммы.

[558] Оправданием для этого преднамеренного акта вандализма было, конечно, военное: необходимо было обеспечить безопасность гарнизона Дели на случай какой-либо внезапной чрезвычайной ситуации. Если бы оно было правильным, оно было бы действительным, но это не так. Не тронув ни одного здания шаха Джехана, в стенах было достаточно места для всех складов и материальной части гарнизона Дели, а во дворце и Селим-Гуре было достаточно места для гарнизона, более чем вдвое больше, чем для охраны их стен в случае эмиграции. Сразу за стенами дворца, где сейчас находятся позиции сипаев, было достаточно места для более просторных и лучше проветриваемых казарм для остальной части гарнизона, которая могла бы легко укрыться за стенами дворца в случае любого внезапного восстания горожан. Однако смешно воображать, что уменьшившееся и безоружное население города могло когда-либо мечтать о такой попытке, в то время как любой иностранный враг, обладающий артиллерией, достаточно сильной, чтобы прорвать окружающий город бастион, за считанные часы обрушил бы дворцовые стены на уши любого гарнизона, который мог бы попасть в такую ловушку.

Суть дела, по-видимому, такова: инженеры поняли, что, распотрошив дворец, они смогут без проблем и затрат построить стену вокруг своего казарменного двора, через которую ни один пьяный солдат не смог бы перелезть незамеченным, и ради этого или чего-то подобного из жалких соображений экономии дворец был принесен в жертву!

Единственный современный акт, который можно сравнить с этим, - разрушение летнего дворца в Пекине. Это, однако, был акт войны с поличным, и, возможно, это было политической необходимостью. Это был преднамеренный акт ненужного вандализма, наиболее дискредитирующий всех, кто в нем замешан.

[559] План этого сада с Таже и всеми окружающими зданиями можно найти в 'Журнале Королевского азиатского общества', том vii. стр. 42.

[560] Судя по его дизайну, я не могу отделаться от мысли, что этот экран был установлен после смерти Шаха Джехана. Это, безусловно, выглядит более современно.

[561] В шапке есть восемь его фотографий. Коллекция Лайона, а также многие работы других авторов.

[562] Страница 478, *и далее*.

[563] Лейтенант. Коул, вместо повторения планов и деталей зданий, которые уже были опубликованы генералом. Каннингем, предоставив нам план и детали этого неизвестного здания, возможно, оказал бы услугу, за которую все были бы благодарны. То, что я знаю об этом, в основном почерпнуто из устного общения с полковником. Монтгомери, Р.Э.

[564] "Посольство к Аве в 1795 году". Лондон, 1800, 4 т., 27 листов.

[565] "Журнал посольства ко двору Авы", 1827. 4 т., номера.

[566] "Миссия при дворе Авы в 1855 году". 4 т., многочисленные иллюстрации.

[567] Если бы кто-нибудь из наших 1001 праздного молодого человека, не знающего, чем занять себя или свои деньги, только соответствовал требованиям и выполнял такую миссию, замечательно, как легко и с каким удовольствием они могли бы пополнить наши запасы знаний. Боюсь, не в характере англосакса думать о таких вещах. Охота на лис и фазанов - более близкие по духу занятия.

[568] "Махавансо", стр. 71.

[569] Р. Ф. Сент-Джон, в "Фениксе", том ii. стр. 204, *и далее*. Сэр Артур Файр, в 'Журнале Азиатского общества Бенгалии', т. xlii. p. 23, *et seqq.*

[570] Сэр А. Файр, местное издание

[571] "Посольство Кроуферда к Аве", том ii. стр. 277.

[572] В последнее время стало модным сомневаться в проведении этого собрания через 100 лет после смерти Будды; но этот очень четкий намек на него в ранних бирманских летописях настолько полностью подтверждает то, что сказано в "Махавансо", что факт его проведения не кажется мне сомнительным.

[573] Юл, "Миссия к Аве", стр. 30.

[574] Цит. по изданию, стр. 32.

[575] "Марко Поло" Юла, том ii. стр. 84, *и далее*.

[576] Юл, 'Миссия на Аву', стр. 36. Поскольку почти все упомянутые здесь сведения взяты из этой работы как последние и наилучшие, нет необходимости повторять ссылки на каждой странице.

[577] Я, конечно, исключая арки в башне в Будд-Гайе, которые, как я полагаю, были введены этими самими бирманцами в 1305 году. См. *ante*, стр. 69.

[578] "Миссия на Ava", стр. 65.

[579] Буквально "Золотой великий бог". Маду по-бирмански означает Маха Дева.

[580] См. стр. 58.

[581] Смотрите отчет преподобного Г. Х. Хафа о Большом колоколе в Рангуне, "Азиатские исследования", том xiv. стр. 270.

[582] Приведенные выше сведения взяты из статьи полковника. Слейден в 'Журнале Королевского азиатского общества', том iv. (N.S.), стр. 406, с замечаниями полковника. Юл и другие. Любопытно, что между местными и европейскими властями существует расхождение в количестве этажей — не механическое, конечно, а символическое; следует ли на самом деле считать подвал этажом или нет. Я полагаю, что приведенное выше перечисление является правильным. Вскоре мы столкнемся с той же трудностью при описании Boro Buddor на Java.

[583] "Миссия при дворе Авы", стр. 169.

[584] Вид этих руин можно найти в книге Юла 'Миссия к Аве', фото 23.

[585] "Миссия Юла для Авы", стр. 163.

[586] Сиамцы неизменно меняют индийское *d* на *th*.

[587] Подробности этого высыхания долины Ганга см. В "Журнале Геологического общества", апрель 1863г.

[588] Эта форма интересна для нас, поскольку она принята для Мемориала Альберта в Гайд-парке, стиль оформления которого также гораздо больше похож на тот, что используется в Сиаме, чем на что-либо, что до сих пор применялось на открытом воздухе в Европе.

[589] "Что касается индийских королей, то никто из них никогда не выводил армию из Индии, чтобы попытаться завоевать какую-либо другую страну, чтобы их не сочли виновными в несправедливости".-Арриан, "Indica", гл. ix.

[590] 'Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen.' Они оказали мне честь, избрав меня почетным членом своего Общества — честь, которую я ощущаю тем более, что это было совершенно непрошеным и неожиданным.

[591] В книге сэра Стэмфорда Раффлса 'История Явы' есть двенадцать табличек, иллюстрирующих тот же памятник.

[592] "История Явы" сэра С. Раффлса, стр. 24; текст, том i, стр. 465, 8-е издание.

[593] 'Журнал Азиатского общества Бенгалии', том xvii. стр. 86, 87.

[594] Bastian, 'Die Völker der Oestlichen Asien,' vol. i. p. 393.

[595] Сэр С. Раффлс, том ii. стр. 73.

[596] "Журнал Королевского азиатского общества" (N.S.), том iii. стр. 153.

[597] Нет никаких сомнений в том, что если бы жители островов Южного моря в какую-то отдаленную эпоху стали цивилизованными без помощи европейцев, капитан Кук и первые исследователи фигурировали бы в их летописях как английские или французские принцы.

[598] Сэр С. Раффлс "История Явы", том ii, 8-е издание, стр. 87, *и далее*.

[599] Я прекрасно понимаю, что это не подтверждается переводом этой надписи, данным доктором Фридрихом в vol. xxvi. о "Верханделингене"; но, будучи неудовлетворенным его бессмысленностью, я отнес его своему другу, профессору Эггелингу, который, возможно, лучше изучает санскрит, чем Фридрих, и он полностью подтверждает мою точку зрения, высказанную выше.

[600] "Марко Поло" Юла, том ii. стр. 264, *и далее*.

[601] Перевод Била, стр. 169.

[602] Raffles, том ii. стр. 77, *и далее*.

[603] Около половины фотографий Батавского общества заполнены изображениями этих грубых божеств, которые больше напоминают изображения острова Пасхи, чем что-либо индийское.

[604] Раффлс, "История Явы", том ii. стр. 93.

[605] Составители каталога фотографий Батавского общества используют 53 вместо 78 или 79 в качестве фактора для перевода сакских дат в даты христианской эры. Поскольку, однако, они не приводят никаких оснований для этого, а Брумунд, Лиманс и все лучшие современные авторы используют индийский индекс, он здесь соблюдается повсюду.

[606] Эти последние даты взяты из Raffles и Crawford, но поскольку они совершенно точно установлены, никаких ссылок, по-видимому, не требуется.

[607] "История Java", том ii. стр. 85.

[608] "Словарь индийского архипелага", стр. 66.

[609] "Боро Будур", пер. доктора К. Лиманса. Leyden, 1874, p. 536. Я цитирую по французскому переводу, поскольку одолжил свой оригинальный экземпляр на голландском языке доктору Мейо из Нью-колледжа в Оксфорде. Она была случайно упакована среди его багажа, когда он отправлялся на Фиджи.

[610] Ante, стр. 641. Также 'Верханделинген' и др., т. xxvi. p. 31, *et seqq.* Одна из его надписей — четвертая — была найдена на самой Яве.

[611] Все это или почти все были указаны доктором Лимансом в тексте, сопровождающем таблички.

[612] Если бы Брайан Ходжсон попытался это сделать, он, возможно, один смог бы объяснить всю эту обширную и сбивающую с толку мифологию. В настоящее время наши способы идентификации почти полностью ограничены его изображением во втором томе "Трудов" Королевского азиатского общества, листы 1-4, и очень низкой работой Шлагинтвейта "Буддизм в Тибете".

[613] "Indische Alterthumskunde", том iv. стр. 467.

[614] Рисунков генерала Каннингема, хотя и почти достаточно для любого, кто так хорошо знаком со всеми стилями, как я, недостаточно для любого, кто незнаком с предметом. Действительно, я не знаю ни одного англичанина, обладающего достаточными знаниями в сочетании с умением рисовать, чтобы ему можно было доверить эту задачу. Можно было бы найти француза, который смог бы это сделать, если бы он ограничил свое воображение.

[615] Кол. Юл, из рассказа которого взята большая часть этих подробностей ('Журнал Азиатского общества Бенгалии', 1862), называет его "почти обнаженным"; но рисунок Вильзена ('Верханделинген', том xix, стр. 166) Я думаю, это решает вопрос о том, что он должен быть представлен одетым.

[616] Неполное изображение этой скульптуры можно найти в "Журнале Азиатского общества Бенгалии", том vi. фото 53.

[617] "История Явы" сэра С. Раффлза, том ii. лист 32.

[618] Приведенная здесь информация взята из книги сэра Стэмфорда Раффлса "История Java", второе издание, том ii. стр. 17, *и далее*. Его планы, однако, не совсем согласуются с размерами в тексте, ошибка, возникшая, я полагаю, из-за того, что весы на оригинальных рисунках, которые сейчас находятся передо мной, были в рейнландских руд, которые не всегда переводятся в английские футы.

[619] "История Явы", том ii. стр. 85. Кроуферд указывает период с 1266 по 1296 год; но нельзя быть уверенным в его датировках зданий.

[620] "Боро Беддор", стр. 433.

[621] 'Верханделинген' и др., т. xxxiii. с. 222.

[622] 'Боро Беддор', стр. 439. 'Verhandelingen,' vol. xxxiii. с. 222.

[623] 'Журнал Королевского азиатского общества', том. xiii. с. 166.

[624] "Боро Беддор", стр. 433-439.

[625] Это ни в коем случае не так определенно; но до тех пор, пока кто-нибудь, способный наблюдать, не посетит это место, мы должны предполагать это.

[626] Однако не из более современного класса храмов, поскольку, когда Джон Кроуфорд посетил Ава в 1826 году, он описывает (стр. 162, 2-е изд.) свой визит в храм, только что законченный правящим монархом, который был украшен серией картин на штукатурке, представляющих сцены из жизни Будды. Над каждым из них была написана легенда на современном бирманском языке; и любопытно отметить, насколько эти описания почти идентичны тем, которые могли бы быть написаны над любым буддийским сериалом. Возможно, не все сцены, изображенные там, можно найти в Бхархуге или Санчи, но все они есть в Амравати и в монастырях Гандхара или среди скульптур в Боро Будд.

[627] "Боро Беддор", стр. 433.

[628] Кол. Визит Юла на Яву, "Журнал Азиатского общества Бенгалии", 1861-1862, стр. 3.

[629] "История Явы" сэра С. Раффлса, листы 31 и 61, том ii. стр. 49, и далее.

[630] Crawford, 'Дикт. Индийский архипелаг', *вслух*.

[631] И сэр С. Раффлс, и Кроуфорд, по-видимому, ошибаются, приписывая их шиваитам; их, по-видимому, ввел в заблуждение внешний вид фаллоса, но лингама нет.

[632] В первых трех томах фотографий, опубликованных Батавским обществом, представлены многочисленные примеры грубых скульптур, которые неотличимы от скульптур острова Пасхи. Кроуфорд и другие этнологи, по-видимому, не испытывают ни малейших трудностей в распространении малайской расы от острова Пасхи до Мадагаскара; и если это так, то это уменьшает вероятность существования другой почти родственной семьи, распространяющейся по островам Тихого океана от Явы до американского континента.

[633] 'Путешествия по Индокитаю, Камбодже и Лаосу' Анри Муо. 2 тома. 8в. Мюррей, 1864.

[634] 'Die Völker der Oestlichen Asien,' von Dr. A. Bastian. Leipzig, 1866.

[635] "Путешествие по Индокитаю", 2 тома. кварто и фолио, Атлас пластинок. Париж, 1873.

[636] Мало что может быть более унижительным для англичанина, чем сравнение интеллектуального интереса и щедрости, проявляемых французами в этих исследованиях, с флегматичным безразличием и скупостью англичан в аналогичных вопросах. Если бы мы приложили хоть десятую долю энергии и интеллекта к изучению индийских древностей или истории, в течение 100 лет мы владели страной, которую французы продемонстрировали в Египте во время их короткой оккупации долины Нила, или теперь в Камбодже, которой они вообще не владеют, мы бы давно знали все, что можно знать об этой стране. Правда, в последние годы кое-что было сделано, чтобы компенсировать былое пренебрежение. Назначение генерала Каннингема на должность археологического инспектора Индии и назначение мистера Берджесса на аналогичную должность в президентстве Бомбея являются шагами в правильном направлении, которые, при упорном следовании, могут привести к наиболее удовлетворительным результатам. Однако должно пройти много лет, прежде чем доброе дело сможет быть доведено до того состояния, в котором оно должно было быть давным-давно, а между тем многое из того, что было наиболее важным для этой цели, погибло, и сейчас об этом не сохранилось никаких свидетельств.

[637] Работа полностью *переведена* в книге Абеля Ремюза "Новые азиатские страны", том i, стр. 78, и далее.

[638] Бастиан, *цит. по.*, том i, стр. 393.

[639] Бастиан, том i, стр. 429.

[640] Накхон - это всего лишь сиамское произношение индийского нагара, Нуггур. Том означает "великий".

[641] Французы плавали по озеру на большом пароходе и опубликовали подробные карты реки. Карты также можно найти в "Путешествиях" Муо, но лучшими являются те, которые можно найти в "Атласе лейтенанта". Упомянутая выше работа Гарнье.

[642] Бастиан, том i, стр. 402.

[643] Мистеру Томсону сообщили, что во время дождей вся территория была затоплена, и до храма можно было добраться на лодках.

[644] За пределами храма стороны дорожек местами украшены карликовыми колоннами круглой формы. Они, кажется, имитируют связку из восьми тростинок и имеют высокие заглавные буквы.

[645] Garnier, *loc. cit.*, том i, стр. 120. Бастиан, том i. стр. 400, 415, 438 и др.

[646] В выдержках из "Китайских анналов", переведенных Абелем Ремюзатом, в первом томе "Новых азиатских стран" он находит самое раннее упоминание о камбоджийском королевстве в 616 году нашей эры. Начиная с этого периода, записи сносно следуют до 1295 года н.э., но до этого ничего.

[647] 'Nouveaux Mélanges Asiatiques,' vol. i. p. 103.

[648] Бастиан, том i, стр. 404.

[649] Гарнье, "Путешествие" и др., том i, стр. 74.

[650] "Искусство кхмера", стр. 38.

[651] Было бы интересно, если бы среди них мы могли идентифицировать то, одно из которых китайский путешественник описывает следующим образом: "Это место, где находится храм, посвященный жизни человека *Фо—то-ли*, место жертвоприношения людей. Chaque année le roi va dans ce temple faire lui-même un sacrifice humain pendant la nuit."—'Nouveaux Mélanges Asiatiques,' vol. i. p. 83.

[652] Доктор Бастиан сообщил мне, что в Бурибуне, на другом берегу озера, есть полная копия скульптур Накхон Ват, вырезанных из дерева в 16 веке. Это место было резиденцией королей Камбоджи после падения столицы, и поскольку оригинальное искусство к тому времени исчезло, они воспользовались этим способом украшения своего дворца. Какой приз для любого европейского музея!

[653] 'Nouveaux Mélanges Asiatiques,' vol. i. p. 103. Гарнье, гравюры на дереве, стр. 61 и 62.

[654] 'Журнал Королевского географического общества', том. xxxv. стр. 75.

[655] Население Китая в целом оценивается в 400 миллионов душ. Я считаю это грубым преувеличением и был бы гораздо более склонен оценить их в 300 миллионов, а буддистов из этого числа оценить в 100 миллионов душ. Это, однако, при нынешнем состоянии наших знаний является и должно быть простым предположением. Если мы положим 50 миллионов на буддийское население Тибета, Маньчжурии, Бирмы, Сиамы, Камбоджи и Цейлона, мы, вероятно, не ошибемся, недооценив их, составив 150 миллионов - общее число последователей этой религии во всем мире, или одну восьмую или одну десятую часть человеческой расы, а не одну треть или одну четверть, как их обычно оценивают.

[656] Следующее описание сокращено по сравнению с описанием, сделанным мистером А. Мичи в его работе, озаглавленной "Сибирский сухопутный маршрут", Мюррей, 1864. Это, безусловно, самое четкое из всех, с которыми я встречался. Более крупные гравюры на дереве, приведенные в этой главе, как правило, заимствованы из его работ. Следует, однако, отметить, что его описания иногда существенно отличаются от тех, которые до сих пор встречались в европейских книгах, которые обычно были взяты из рассказов иезуитов, которые, вероятно, черпали свою информацию из китайских источников. Как правило, безопаснее доверять рассказу образованного джентльмена, описывающего то, что он видел, чем эссе простого ученого, составленному на основе информации, переданной на иностранном языке.

[657] 'Nouveaux Mélanges Asiatiques,' vol. i. p. 110.

[658] Башня была разрушена во время недавнего восстания Тейпов.

[659] "Журнал Королевского азиатского общества", том vii. стр. 331 (N.S.), том v., стр. 14, и далее.

[660] В 1870 году я опубликовал в "Журнале Королевского азиатского общества" (N.S.), том iv, стр. 81, и далее., статью об индийской хронологии, в которой мои взгляды на предмет были изложены более пространно и детализированно, чем это предлагается сделать здесь. Будучи адресованным тем, кто, как предполагалось, был более или менее знаком с предметом, статья приняла форму аргументации, а не утверждения, и, следовательно, тем, для кого предмет является новым, за ней трудно уследить. Ниже приводится краткое содержание этой статьи с теми исправлениями, которые пришли мне в голову за это время, и изложены в последовательной форме, и только с теми деталями, которые кажутся необходимыми для того, чтобы сделать ее понятной. Для получения дополнительной информации по особым пунктам читатель может обратиться к самой статье.

[661] Списки, используемые для этого изложения добуддийской хронологии, составлены Джеймсом Принсепом и опубликованы в его 'Полезных таблицах' в 1836 году. Впоследствии они были переработаны и переизданы Эдом. Томас в своем издании работ Принсепа в 1858 году. В обычном трактате по хронологии было бы необходимо обратиться к самим Пуранам; для простого изложения результатов этих таблиц вполне достаточно.

[662] "Посольство Кроуферда в Аву", том ii. стр. 274.

[663] "Жизнь Гаудамы" Биганде, стр. 323.

[664] "Посольство в Аве", loc. cit.

[665] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том vi. стр. 715.

[666] К сожалению, китайские летописи, к которым мы обычно обращаемся за помощью в наших трудностях, вряд ли помогут нам в этом. Конфуций родился в 551 г. до н.э. и умер в 478 г.; следовательно, ему было всего восемь лет, когда умер Будда, и, чтобы дать Будде необходимое преимущество в датировке, буддисты смело добавили к этому пять столетий, поместив его примерно в

[illegible]

[667] "Посольство в Аве". Приложение.

[668] Вишну-пурана, стр. 463.

[669] "Журнал Королевского азиатского общества", том iv. (N.S.) стр. 85.

[670] "Посольство Кроуферда к Аве", том ii. стр. 277.

[671] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том vii, стр. 261; "Журнал Королевского азиатского общества", том xii, стр. 232; "Археологические отчеты" Каннингема, том v., стр. 20, и с., и с.

[672] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том vi. стр. 714.

[673] "Вишну-пурана" Уилсона, Второе издание, том iv. стр. 200; см. Также стр. 232.

[674] "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том v., стр. 42 и 47.

[675] Поскольку начало этой эры не совпадает с используемыми нами годами, а находится примерно на полпути между 78 и 79 годами, любая из этих цифр может быть использована для преобразования лет христианской эры в годы саков, или Баллабхи, или Гупта Самватов. На протяжении всей этой работы я использовал последнюю цифру как более широко используемую.

[676] Этот список взят главным образом из одного из них в т. viii. стр. 27, "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", в котором приводятся только те даты, которые кажутся определенными. Более ранние названия взяты из статьи Бхау Даджи, том ix. стр. 243 того же журнала.

[677] "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том v. стр. 49.

[678] "Журнал Королевского азиатского общества", том iv. (N.S.) стр. 129.

[679] 'Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества', том. viii. с. 119.

[680] Там же.

[681] Там же, том ix. стр. 238; см. также Бхандаркар, ср. перевод.

[682] 'Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества', том. viii. с. 28.

[683] Очерк о королях Сауастры, 'Журнал Королевского азиатского общества', том xii. стр. 16; и 'Журнал Азиатского общества Бенгалии', том. xxiv. с. 503; см. также "Принсеп" Томаса, том ii. с. 95.

[684] Издание "Принсепа" Томаса, том i, стр. 242, *и далее.*; см. также стр. 365, *и далее.*

[685] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том vii. стр. 634.

[686] В Вишну-пуране есть Мауны, Вайю и Матсья, Гуны. "Вишну-пурана" Уилсона, том iv. стр. 209.

[687] "Вишну-пурана" Уилсона, том iv. Стр. 201-218.

[688] Едва ли нужно говорить, что это не повсеместно признается индийскими археологами. Некоторые из самых выдающихся среди них относят гуптов к значительно более раннему периоду. Однако я убежден, что они никогда бы этого не сделали, если бы не ошибочно полагались на отрывок иностранного автора 11 века, переведенный Ремузатом следующим образом: "Количество Гупта Кала (яп. èrèrèpt desèrèrè des des des des des desèrèrèrèrèrèrè), в конце концов, на то, что Гупта - это Гупта рода, а не на то, что другие механики и власть имущие, и это то, что привело к истреблению людей. Apparemment Ballabha suivit immédiatement les Gouptas, car l'ère des Gouptas commence aussi l'an 241 de l'ère de Saca." ('Journal Asiatique', 4me série, том. iv. p. 286.)

Альбируни, у которого взят этот отрывок, жил при дворе Махмуда из Газни в 11 веке и был образованнее своих коллег в области индуистской учености. Он усердно собирал факты и даты и добросовестно записывал их. Но он был бы волшебником, если бы смог распутать запутанные сети, которыми индусы намеренно затушевывали свою хронологию, и смог бы разгадать все фальсификации, изобретенные шестью веками ранее. Сейчас мы не могли бы сделать этого без помощи монет, датированных надписей и зданий. В его время ничего из этого не было доступно, и без их помощи удивительно не то, что он ошибся в своих предположениях, а то, что он был так близок к истине. Его факты и цифры ценны, и на них, как правило, можно положиться. Его способ собрать их воедино и его рекомендации, как правило, ничего не стоят — не по какой-либо его вине, а потому, что они были намеренно фальсифицированы теми, кто представил их ему.

[689] "Индийский антиквар", том ii. стр. 312.

[690] "Азиатский журнал", серия iv. том iv. стр. 285.

[691] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том vii. стр. 634.

[692] "Принсеп" Томаса, i. стр. 250.

[693] Эта дата взята из неопубликованного гранта на медной пластине, находящегося во владении генерала. Каннингем и является дополнением к трем другим лицам того же царствования, процитированным в моей предыдущей статье, стр. 112.

[694] "Индийский антиквар", том ii. стр. 312; см. Также том iii. стр. 344.

[695] 'Toro-graphia Christiana', lib. xi. стр. 338, редактировать. Париж, 1707 год.

[696] "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том x, стр. 60.

[697] "История гуннов", том i, часть ii. библиотека iv. стр. 325, *и далее.*

[698] "Персия" Малкольма, том i, стр. 118. Перевод Бриггса "Феришты", вступление. lxxvii. *и далее.*; перевод Доу, стр. 13.

[699] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том vi. 1837, стр. 963; также "Принсеп" Томаса, том i. стр. 234.

[700] Там же, т. v. листы 36 и 37; также "Принсеп" Томаса, том i, стр. 277, лист 23.

- [701] "Принсеп" Томаса, том i, стр. 407, *et passim*.
- [702] 'Журнал Азиатского общества Бенгалии', 1866, стр. 273. См. также "Археологические отчеты" Каннингема, том iii, стр. 136.
- [703] "Азиатский журнал", 4-я серия, том. iv. стр. 286.
- [704] "Анналы Раджпутаны" Тода, том i, стр. 801.
- [705] Статья Лассена. Alt., том ii. стр. 752, *и далее*. до 987; Доусон, "Журнал Королевского азиатского общества" (N.S.), том i, стр. 247, *и последующие*.; 'Принсеп' Томаса, том i, стр. 270-276; "Археологические отчеты" Каннингема, том iii, стр. 56; Бабу Раджендра Миттра, 'Журнал Азиатского общества Бенгалии', том I. xliii. стр. 372 и др.
- [706] "Анналы", том i, стр. 216, *и далее*. На стр. 230 он цитирует другой отчет, который относит разрушение эпохи Баллабхи к 305 году, а не к 205, как в предыдущем заявлении. Очевидно, это канцелярские ошибки. Если бы он нашел еще 405, это, вероятно, было бы правильным в течение года или около того — $405 + 319 = 724$.
- [707] "Жизнь и путешествия", стр. 206, 254, 260; "Отношения" и др., том ii. стр. 163.
- [708] 'Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества', том. viii. с. 245.
- [709] Там же, т. viii. с. 245.
- [710] "Рас Мала" Forbes, том i, стр. 18; Tod, "Анналы", том i, стр. 230.
- [711] Эллиот, "Историки Индии", том i, стр. 417.
- [712] Цит. по., 432, *и далее*.
- [713] Loc. cit., 441-42.
- [714] "Рас Мала", том i, стр. 24; "Путешествия" Тода, стр. 149.
- [715] "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том x, стр. 70.
- [716] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том vii. стр. 972.
- [717] Эти списки были переизданы профессором Доусоном в новой серии "Журнала Королевского азиатского общества", том i, стр. 253, *и далее*., но с хронологическими дополнениями, которые ни в коей мере не являются улучшениями.
- [718] Преимущество их публикации было так сильно оценено Советом Королевского азиатского общества, что в 1873 году они, подкрепленные письмом сэра Уолтера, обратились к государственному секретарю Ее Величества по Индии в Совете с просьбой санкционировать расходы, не превышающие 200 фунтов стерлингов для этой цели. Однако, похоже, что финансы Индии не выдержали такого напряжения, поскольку в августе прошлого года был получен ответ о том, что "Его светлость сожалеет, что не может согласиться покрыть расходы на такое предприятие из государственных доходов Индии". Поскольку Индийский совет несет ответственность и лучше всех знает, что следует делать, а от чего отказываться, по этому поводу больше нечего сказать, хотя посторонним это кажется немного несовместимым с их грантом в размере 2000 фунтов стерлингов Максу Мюллеру за то, что он не сделал ничего такого, за что ему не было бы хорошо заплачено заранее. Поскольку в этой стране нет других средств, следует надеяться, что правительства Франции или Германии воспользуются этим. У них всегда в избытке средств для таких целей; и если бы эти надписи были собраны кем-нибудь из их соотечественников, они были бы опубликованы без годичного промедления после того, как были доставлены домой, хотя у них нет интереса к Индии, который можно было бы хоть на мгновение сравнить с нашим.
- [719] "Журнал Королевского азиатского общества", том iv. стр. 12.
- [720] "Отчет о Белгаме и Куладжи". стр. 24.
- [721] 'Mémoires des Contrées,' &c., vol. ii. p. 150.
- [722] "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том iii. стр. 206, *и далее*.
- [723] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том vi. стр. 68.
- [724] "Журнал Королевского азиатского общества", том iv. стр. 9.
- [725] "Жизнь и путешествия", стр. 188.
- [726] "Жизнь и путешествия", стр. 215.
- [727] "Журнал Азиатского общества Бенгалии", том vi. стр. 69.
- [728] "Жизнь и путешествия", стр. 204.
- [729] "Отношения" и др., том ii. стр. 156.

[730] Цит. по: том ii. стр. 42.

[731] Когда я в последний раз писал по этому вопросу ('Журнал Королевского азиатского общества', том iv. Н.Э.), я использовал цифры в их нынешнем виде, поскольку тогда это не казалось мне особо важным, и поскольку это единственная произвольная корректировка, которую мне довелось внести в хронологию, я оставил это в тексте, предоставив внести исправление, когда на это будут найдены соответствующие основания. Двадцать лет, более или менее, не повлияли ни на один архитектурный вопрос, обсуждавшийся на предыдущих страницах.

[732] "Азиатские исследования", том xv. стр. 87.

[733] "Азиатские исследования", том ix. стр. 150.

[734] Loc. cit. стр. 161.

[735] Генерал Каннингем колеблется между 17 и 24 годами н.э. в ожидании своей смерти ('Нумис. Chron.', vol. viii. стр. 175); Лассен сводит его к 40 году н. э. ('Ind. Альт.', том ii. стр. xxiv).

[736] "Археологические отчеты", том iii. стр. 29, *и далее*. Введение Ред. Томаса в "Марсден", стр. 46, *и далее*.

[737] "Журнал Бомбейского отделения Королевского азиатского общества", том ix. стр. 242.

[738] "Археологические отчеты", том ii. стр. 266.

[739] Loc. cit. стр. 68.

[740] Все они приведены в издании Томаса "Принсеп", том ii, стр. 173, *и далее*, к которому отсылается читатель.

[741] "Археологические отчеты", том v. стр. 59.

[742] "Журнал Королевского азиатского общества", том vii. (N.S.), стр. 376, *и далее*.

[743] "Жизнь Фахиана" Биля, Введение, стр. xx.

[744] "Отношения противоположностей" и др., том i, стр. 190, *и далее*.

[745] Этим я обязан книге Каннингема "География Индии", стр. 91.

[746] "Древняя география Индии" Каннингема, стр. 92.

[747] Одним из самых полезных руководств, когда-либо опубликованных для изучения истории и хронологии Индии, были 'Полезные таблицы индийских династий и т.д.' Принсепа. Они были переизданы мистером Томасом в его издании "Принсеп" со значительными дополнениями и множеством улучшений, сделанных им самим, но издание исчерпано. Вряд ли можно было бы оказать этому делу лучшую услугу, чем если бы он или кто-то другой переиздал их в отдельной форме, чтобы сделать общедоступными. Жаль, что у правительства нет средств для такой цели, поскольку, боюсь, это вряд ли окупилось бы как спекуляция книготорговца.

[748] "Журнал Королевского азиатского общества", том iv. (N.S.), стр. 131, *и далее*.

[749] "Азиатский журнал", 4-я серия, том. iv. стр. 282.

[750] Перевод "Раджи Тарангини" Тройера, том ii, стр. 43. В переводе Уилсона сказано: "Монарх, отличный от Саккари Викрамадитьи, хотя иногда ошибочно отождествляемый с этим принцем". — "Азиатские исследования", том xv, стр. 32.

[751] Loc. cit. стр. 76.

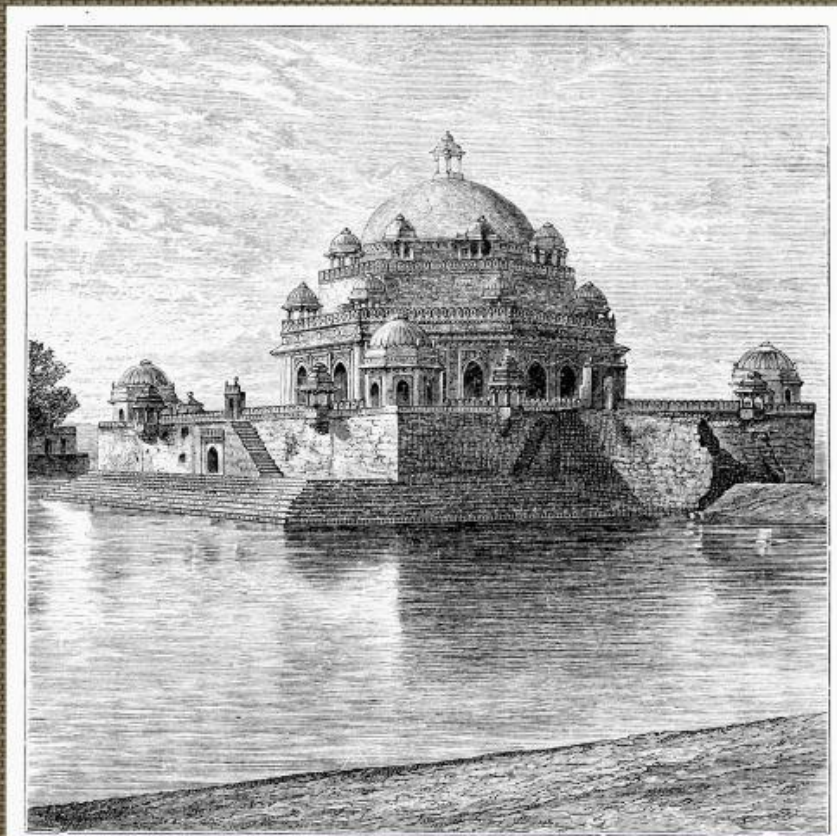
[752] Из введения к "Махавансо" Турнура, стр. xxxiii, где приведены имена, места рождения и родословные всех двадцати четырех.

HISTORY
OF
INDIAN AND EASTERN ARCHITECTURE;

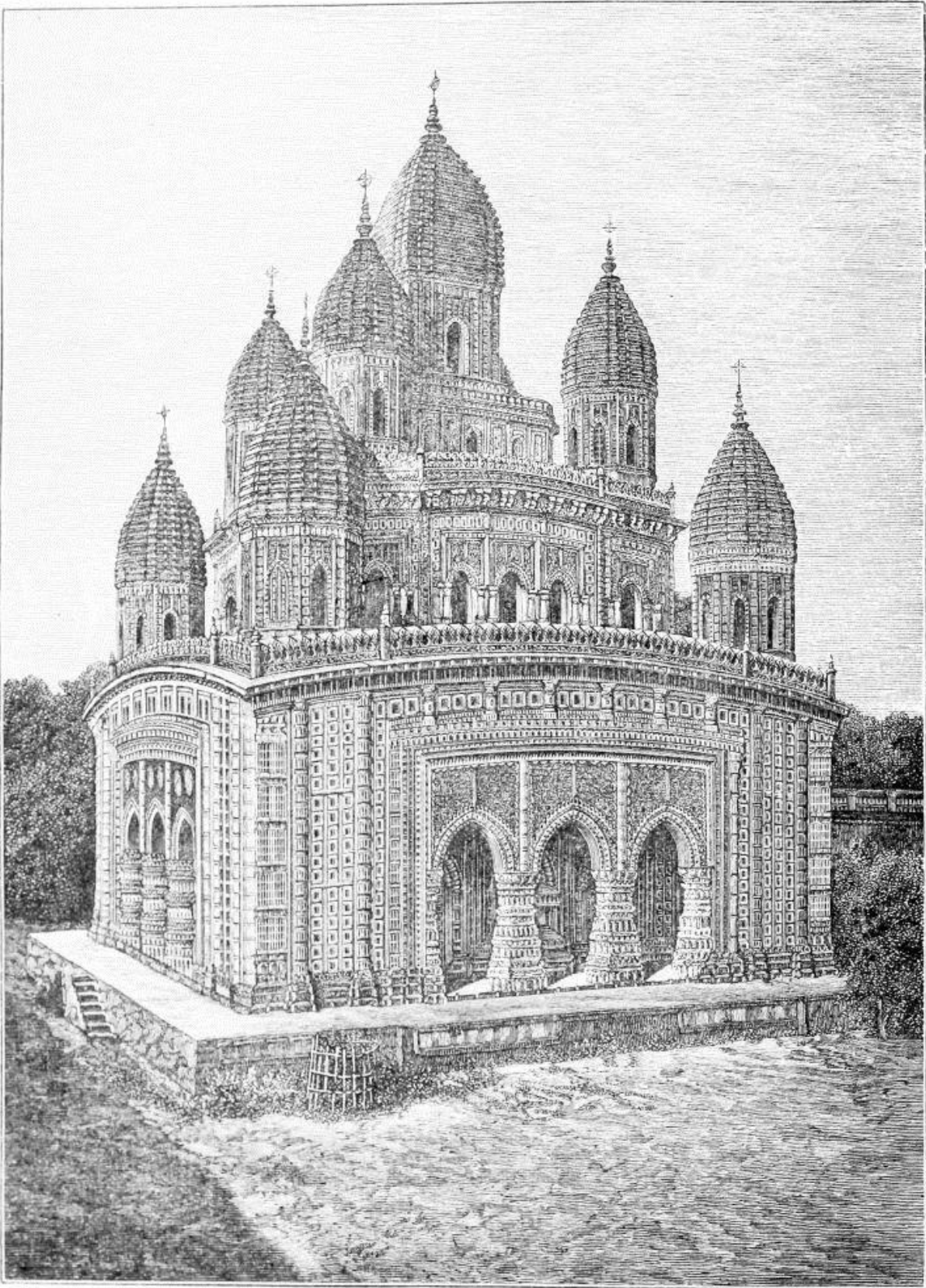
By JAMES FERGUSON, D.C.L., F.R.S., M.R.A.S.,

FELLOW OF THE ROYAL INSTITUTE OF BRITISH ARCHITECTS,
MEMBER OF THE SOCIETY OF DILETTANTI,
ETC. ETC. ETC.

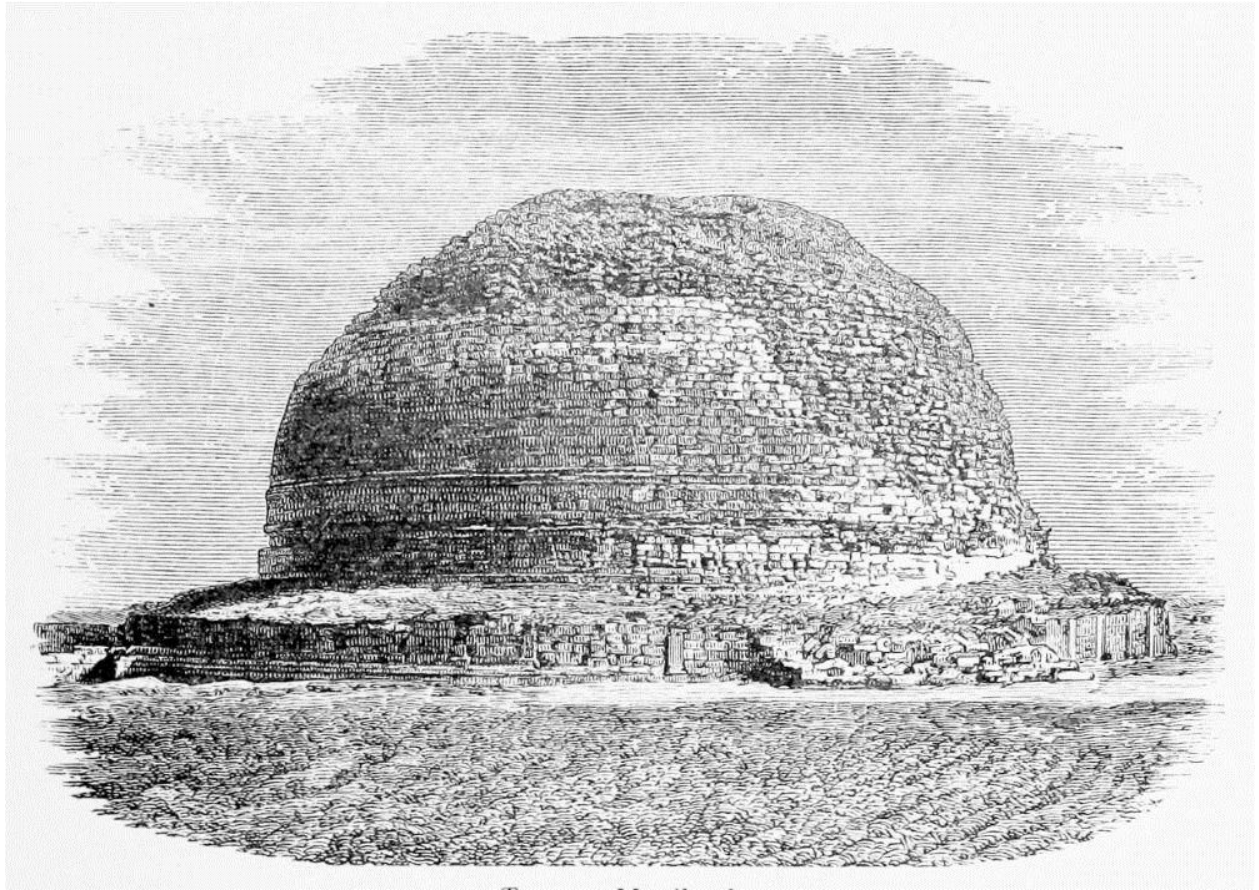
[back](#)

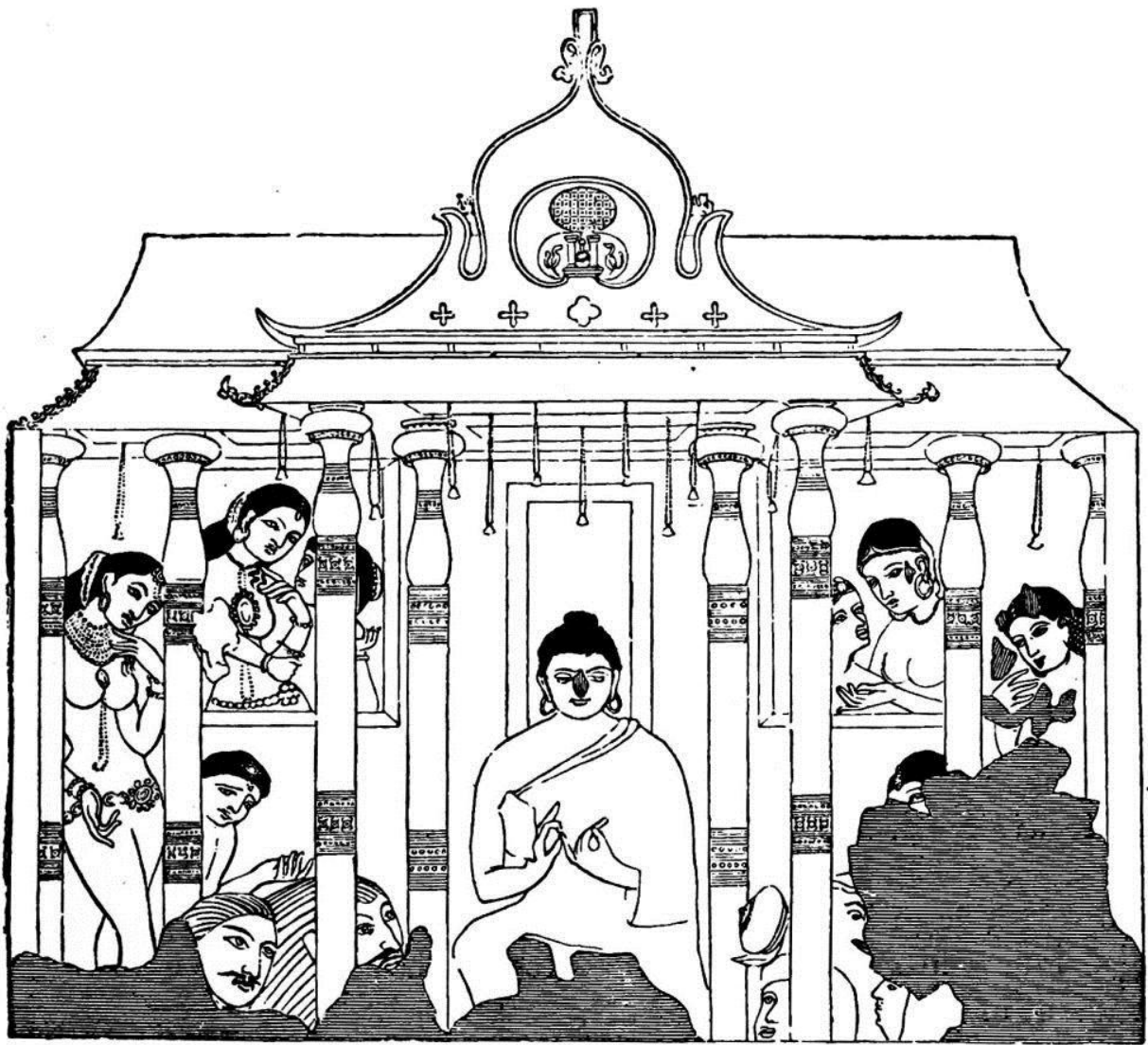
[back](#)

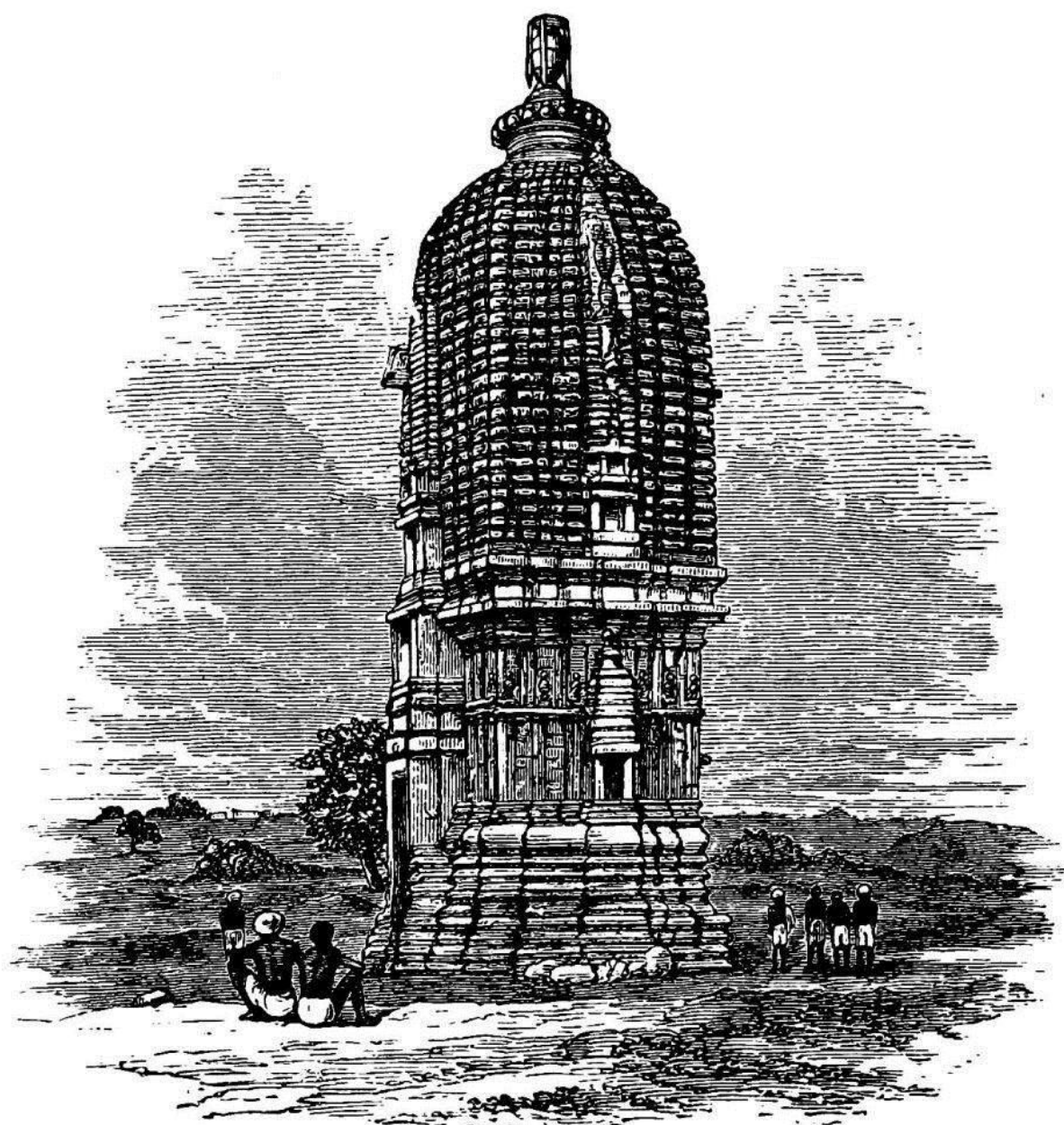

[back](#)

[back](#)

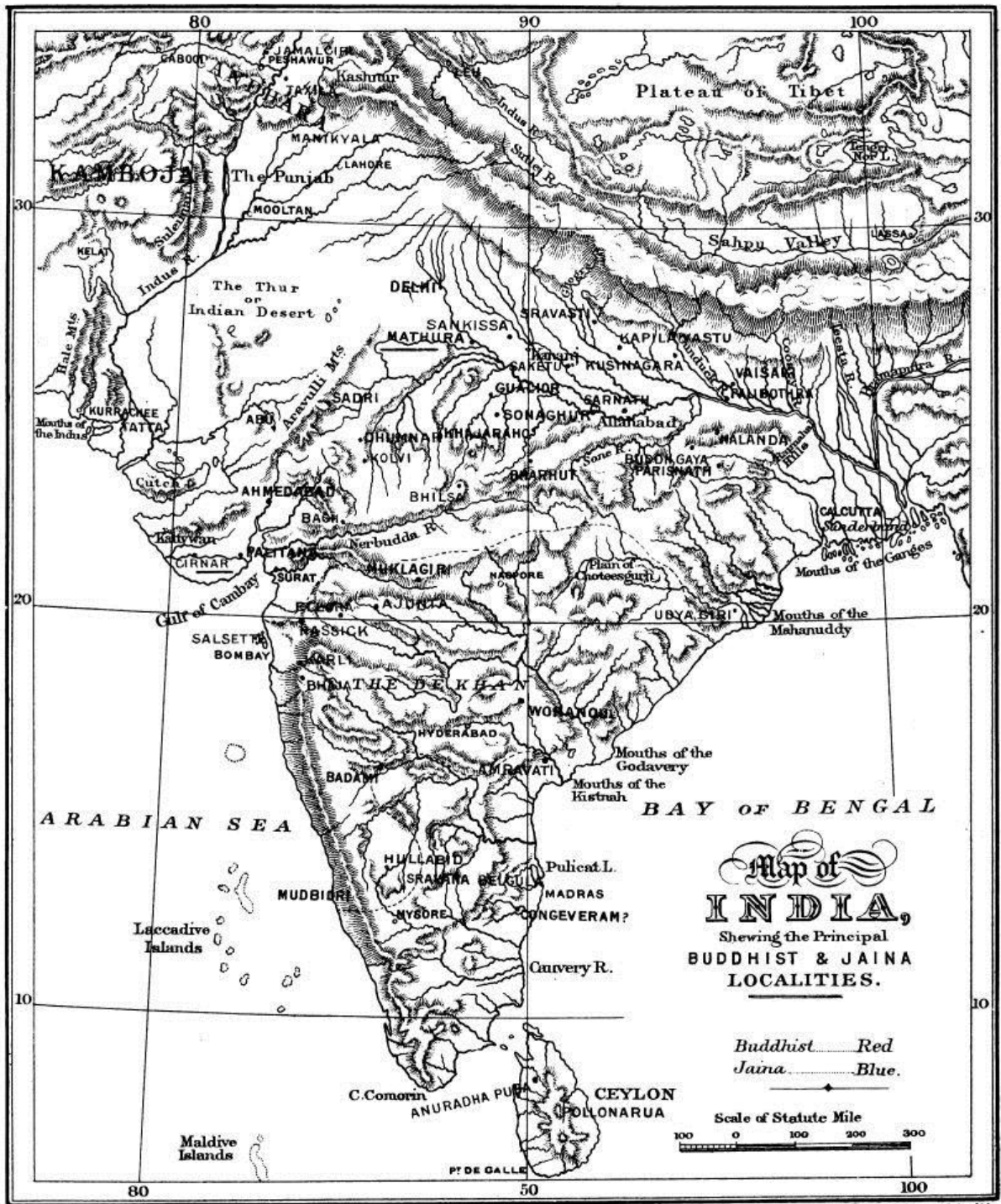

[back](#)

[back](#)

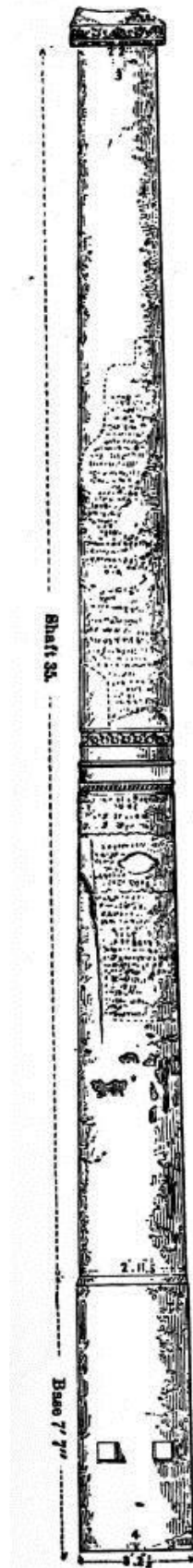

[back](#)

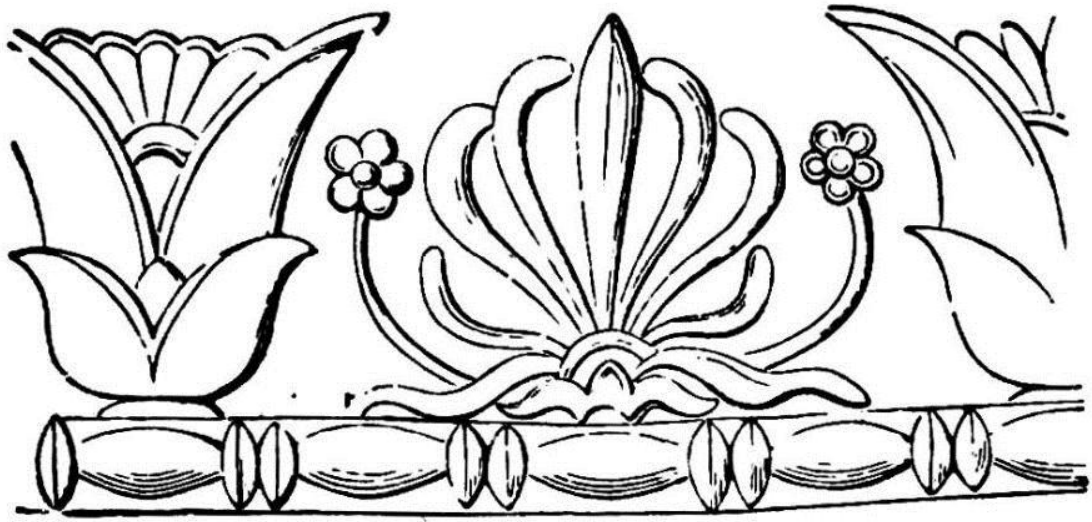

[back](#)

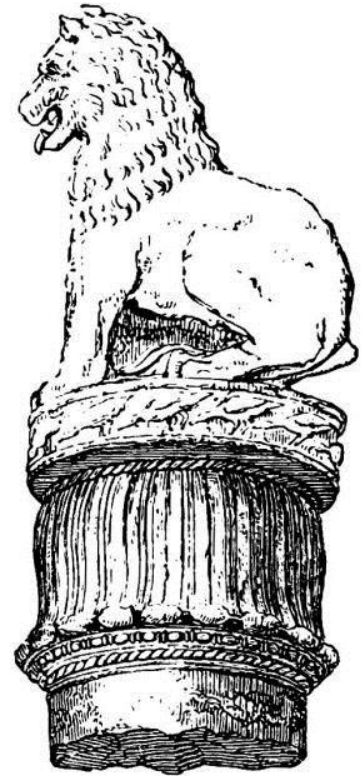
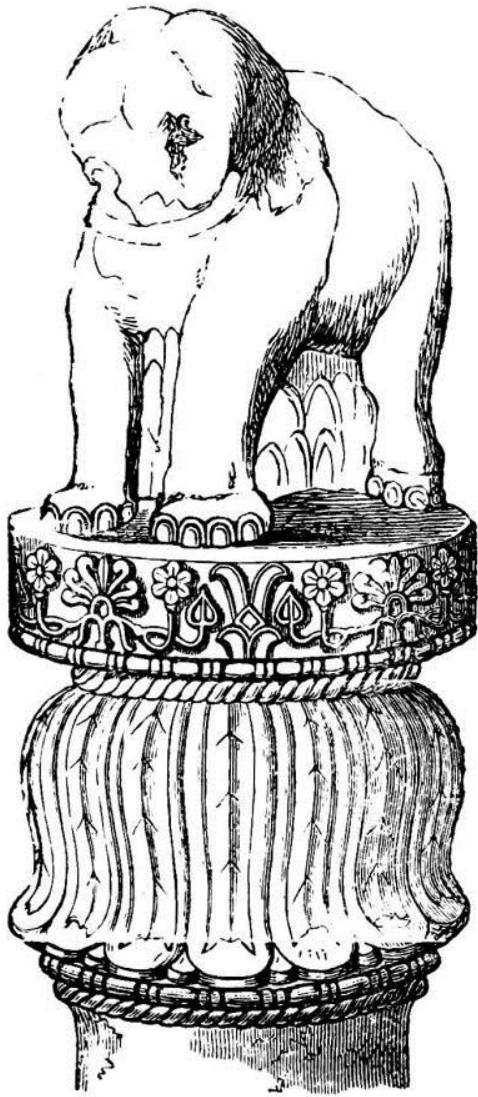

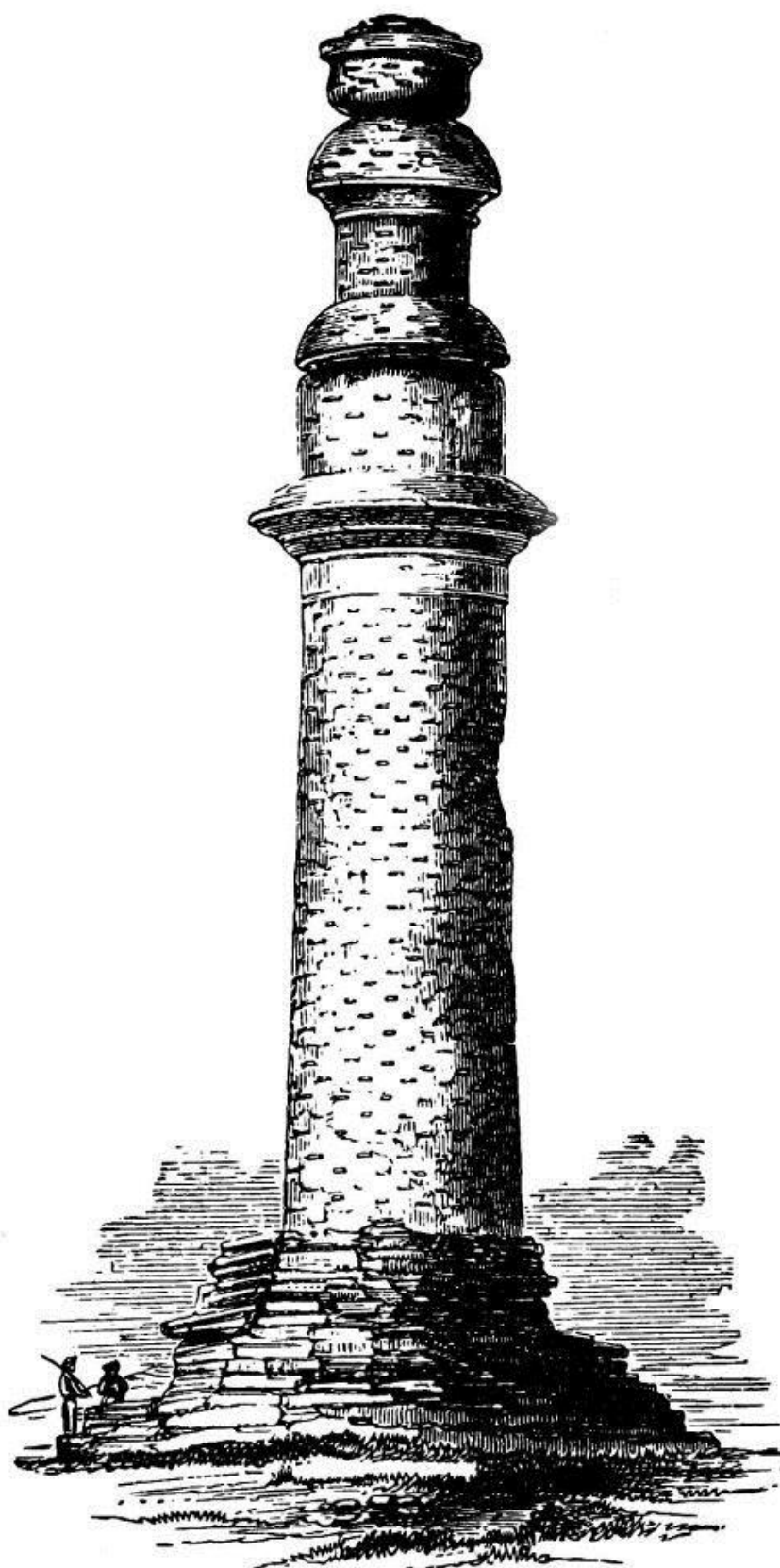
[back](#)

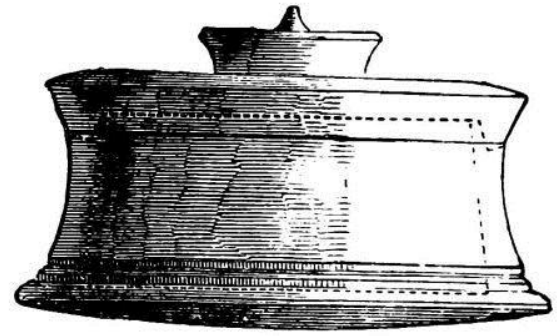
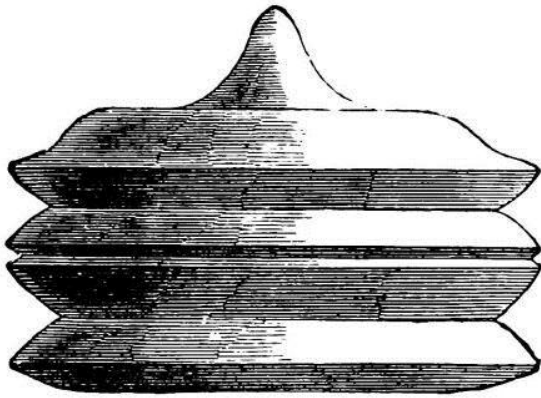
[back](#)

[back](#)

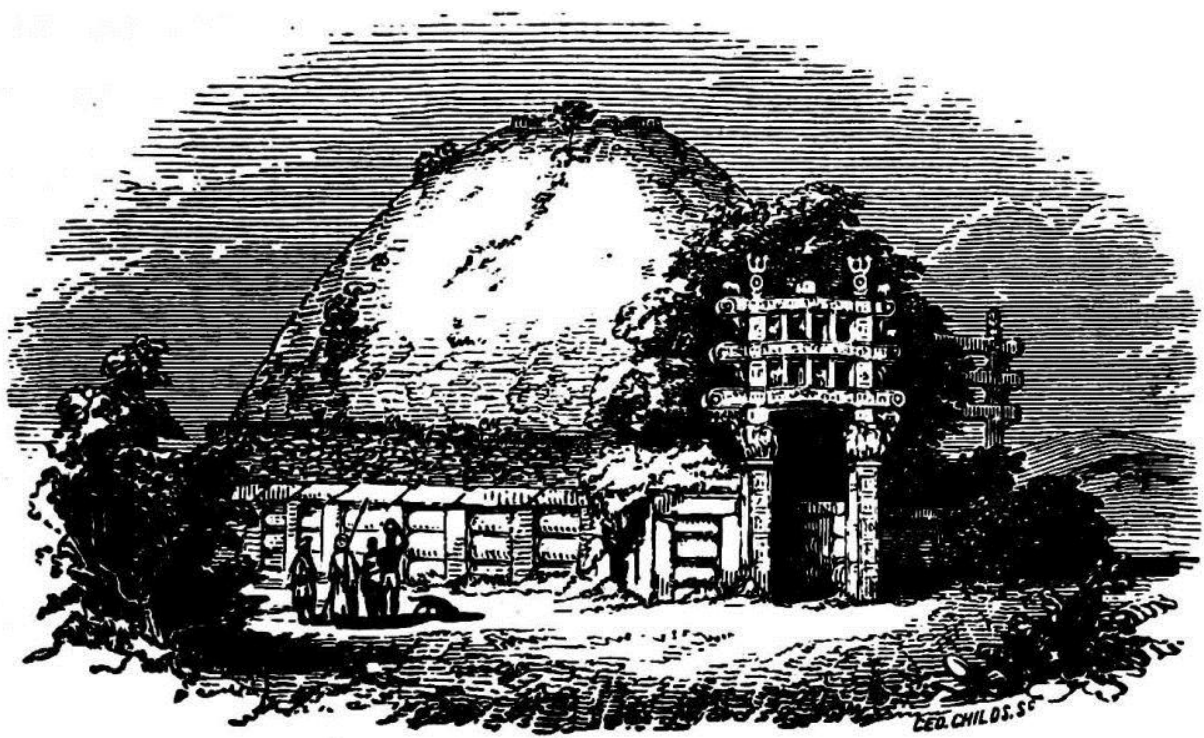

[back](#)

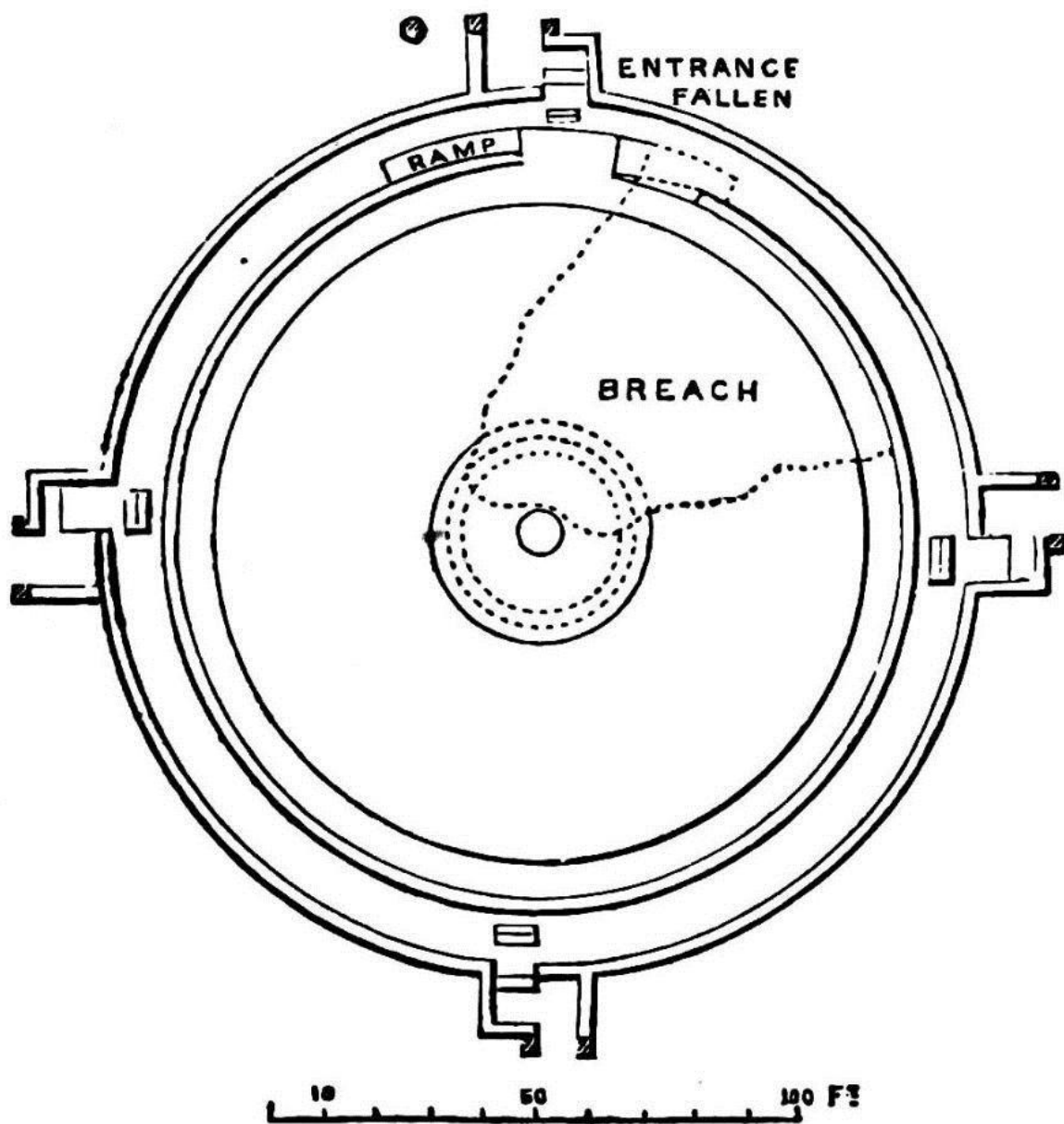

[back](#)

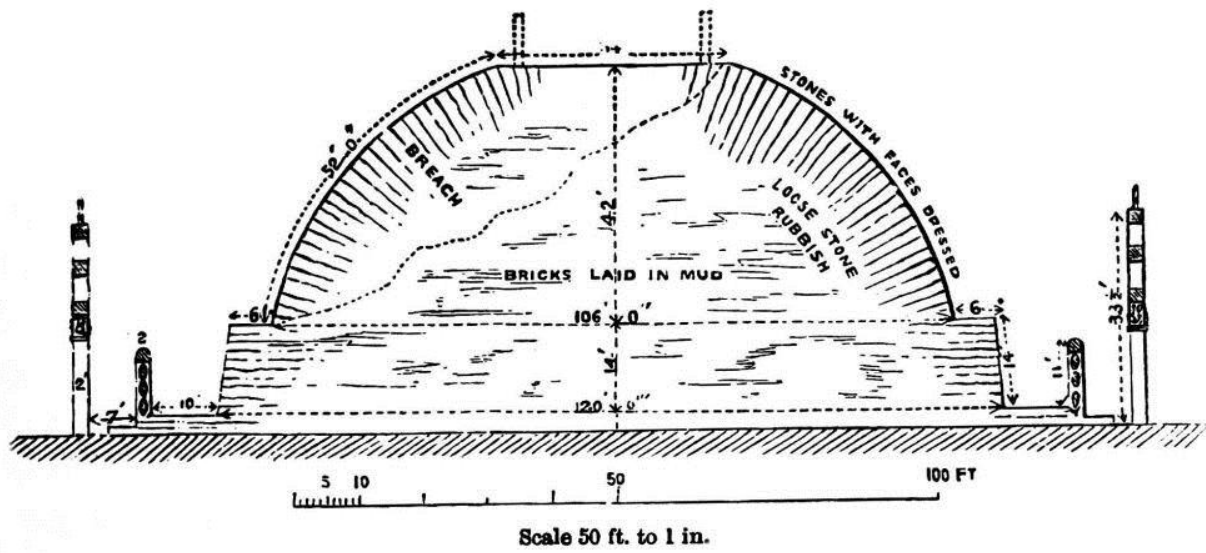

[back](#)

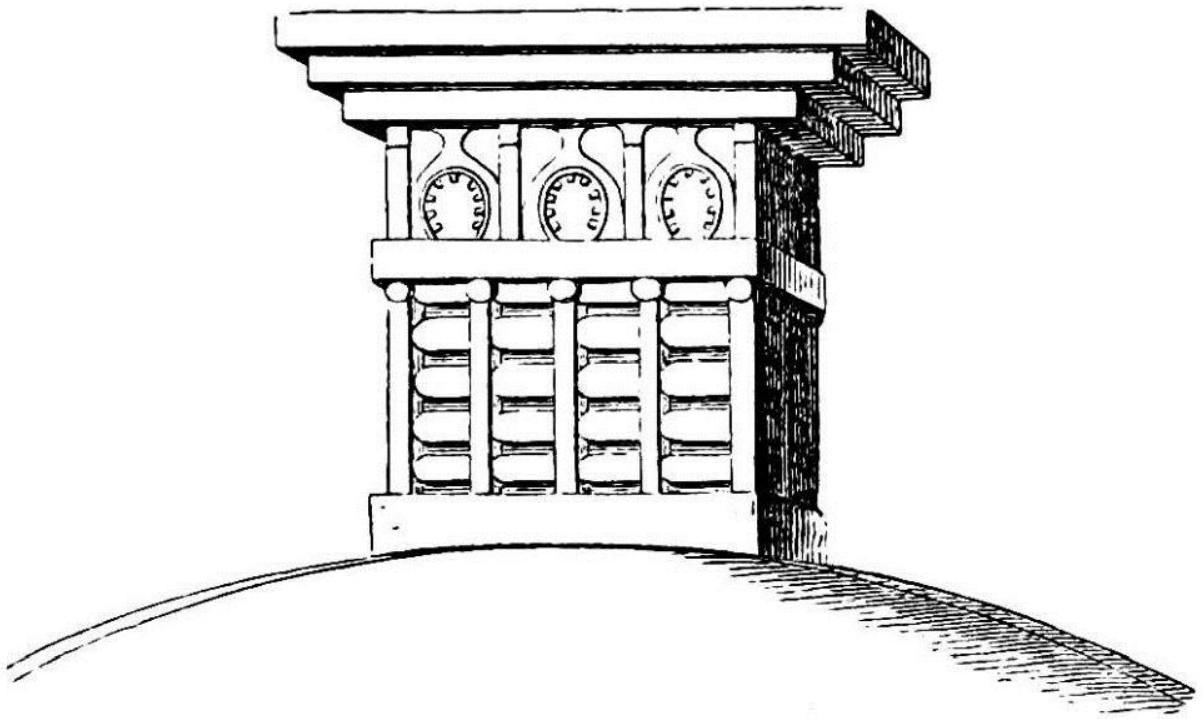

Scale 100 ft. to 1 in.

[back](#)

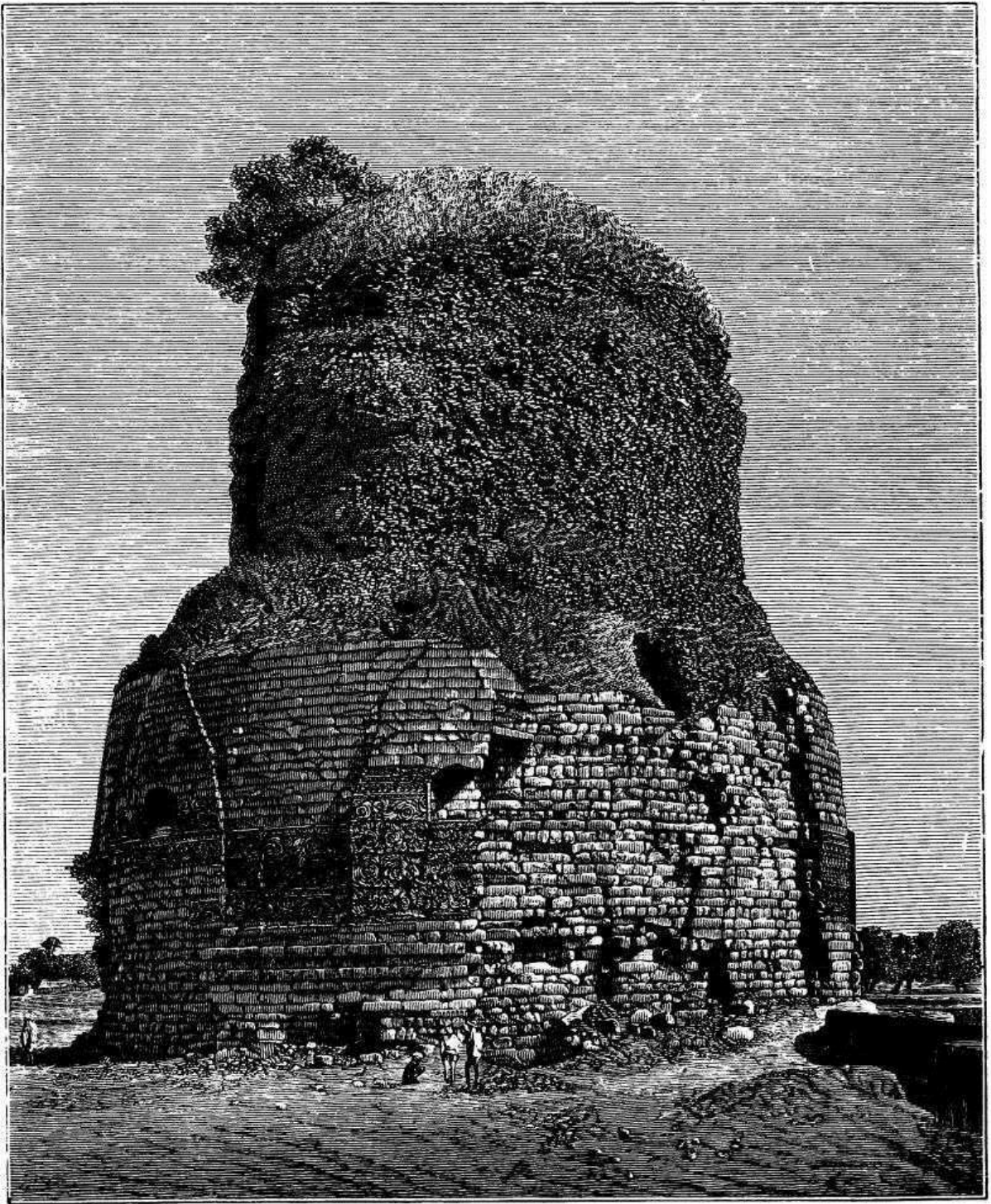

[back](#)

[back](#)

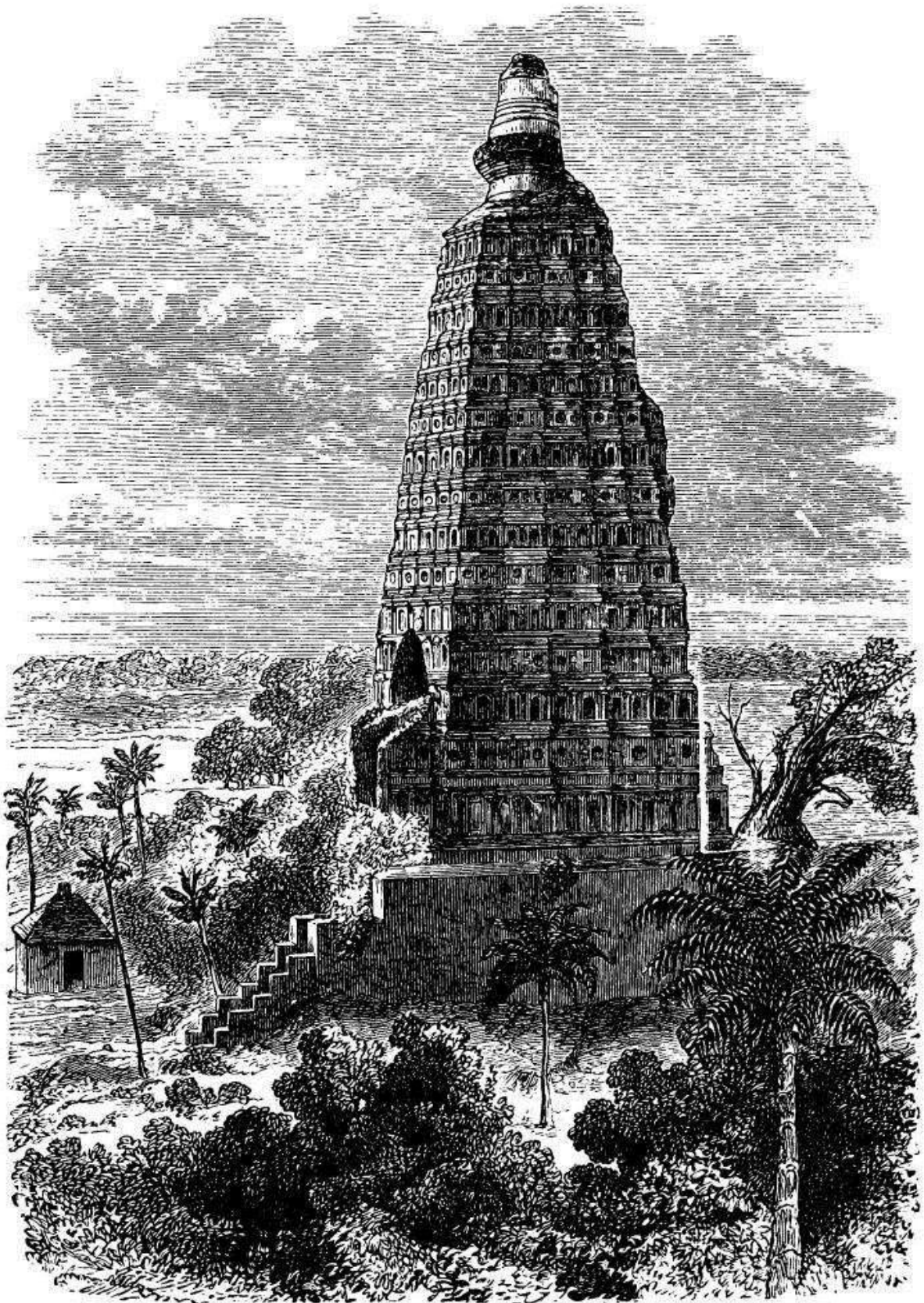
[back](#)

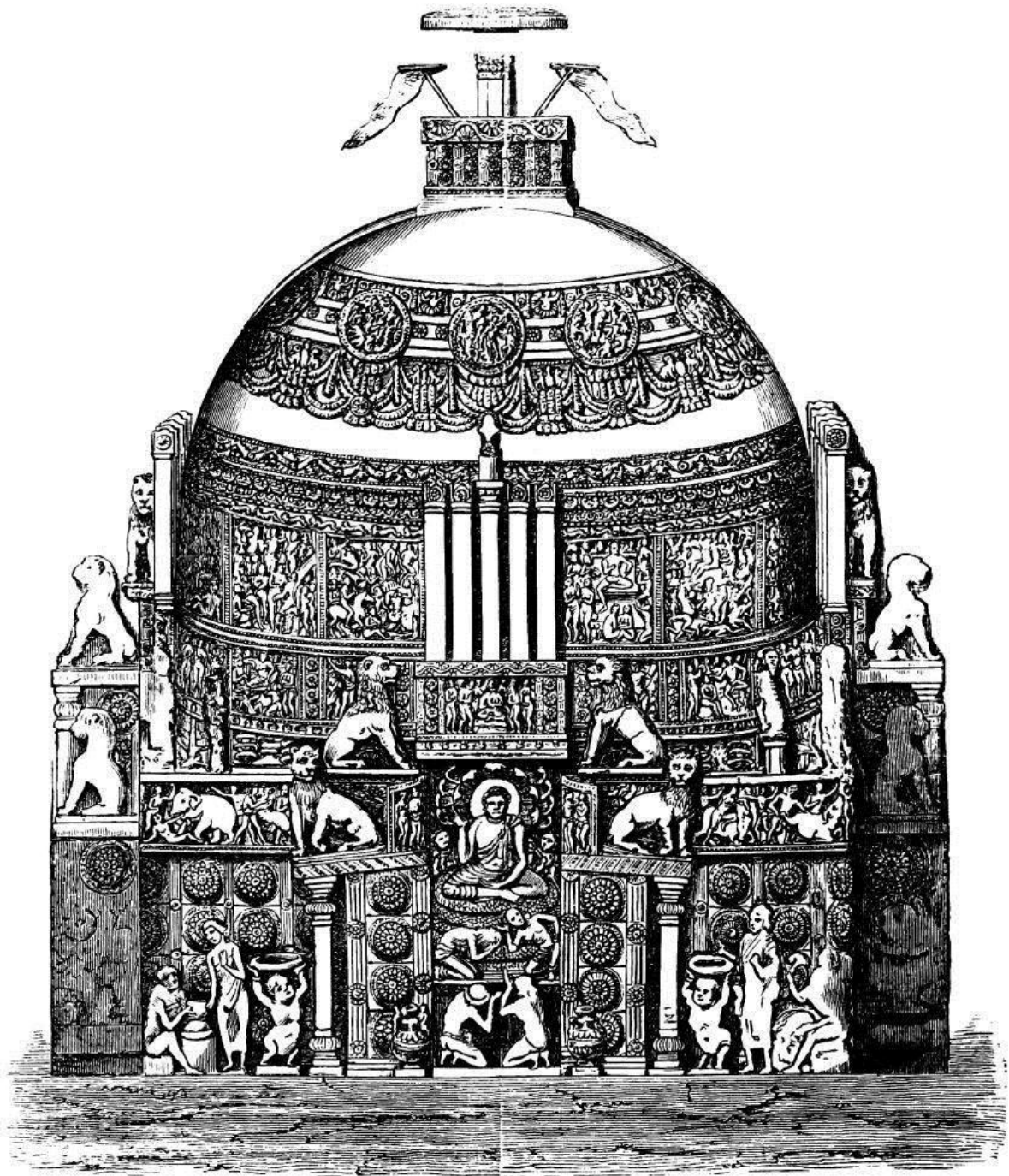
[back](#)

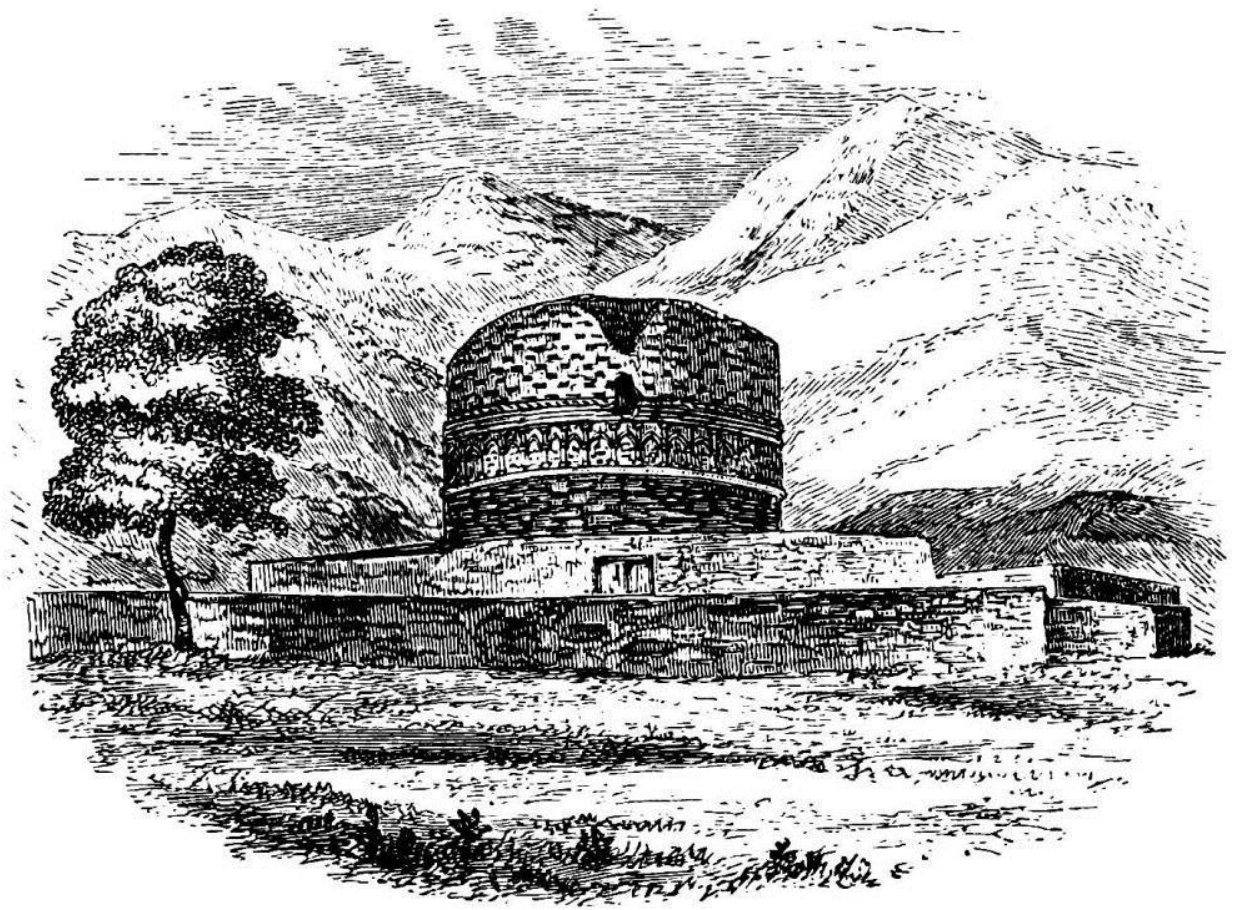

[back](#)

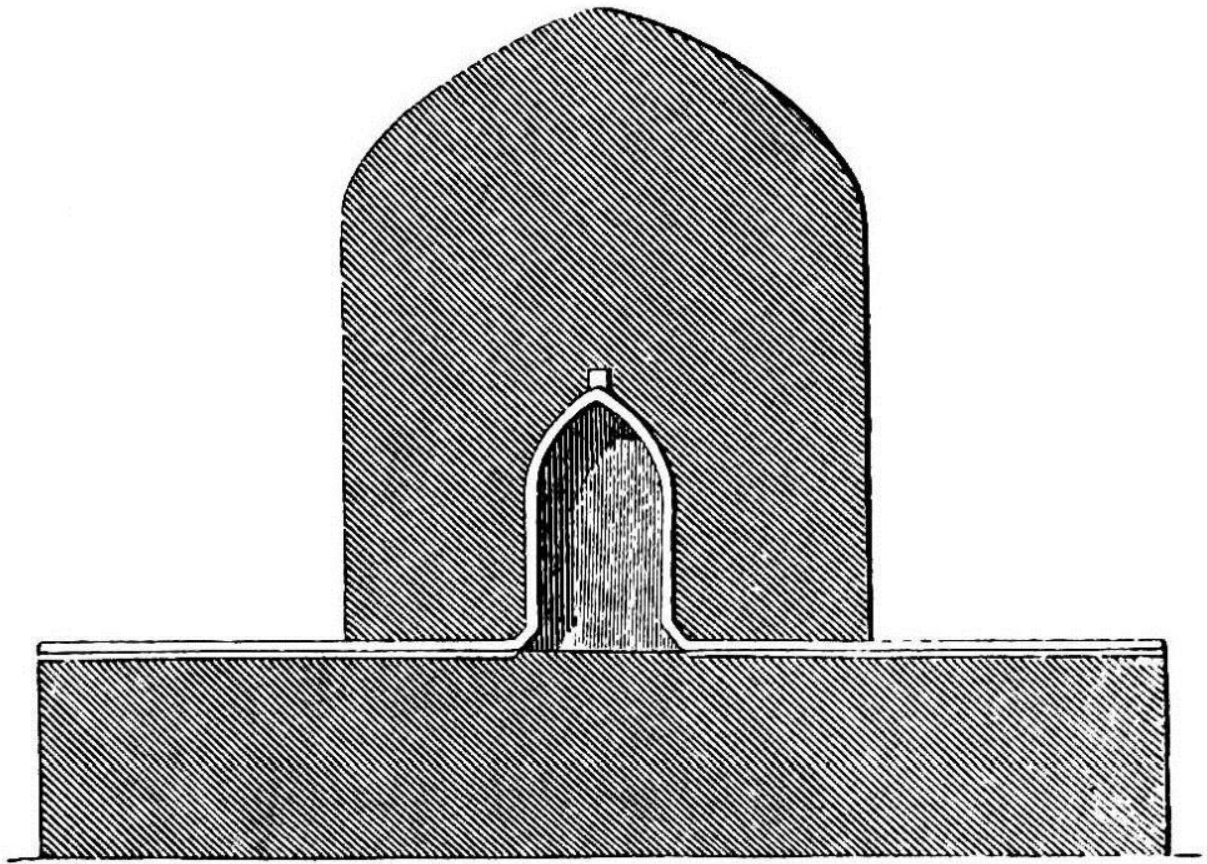

[back](#)

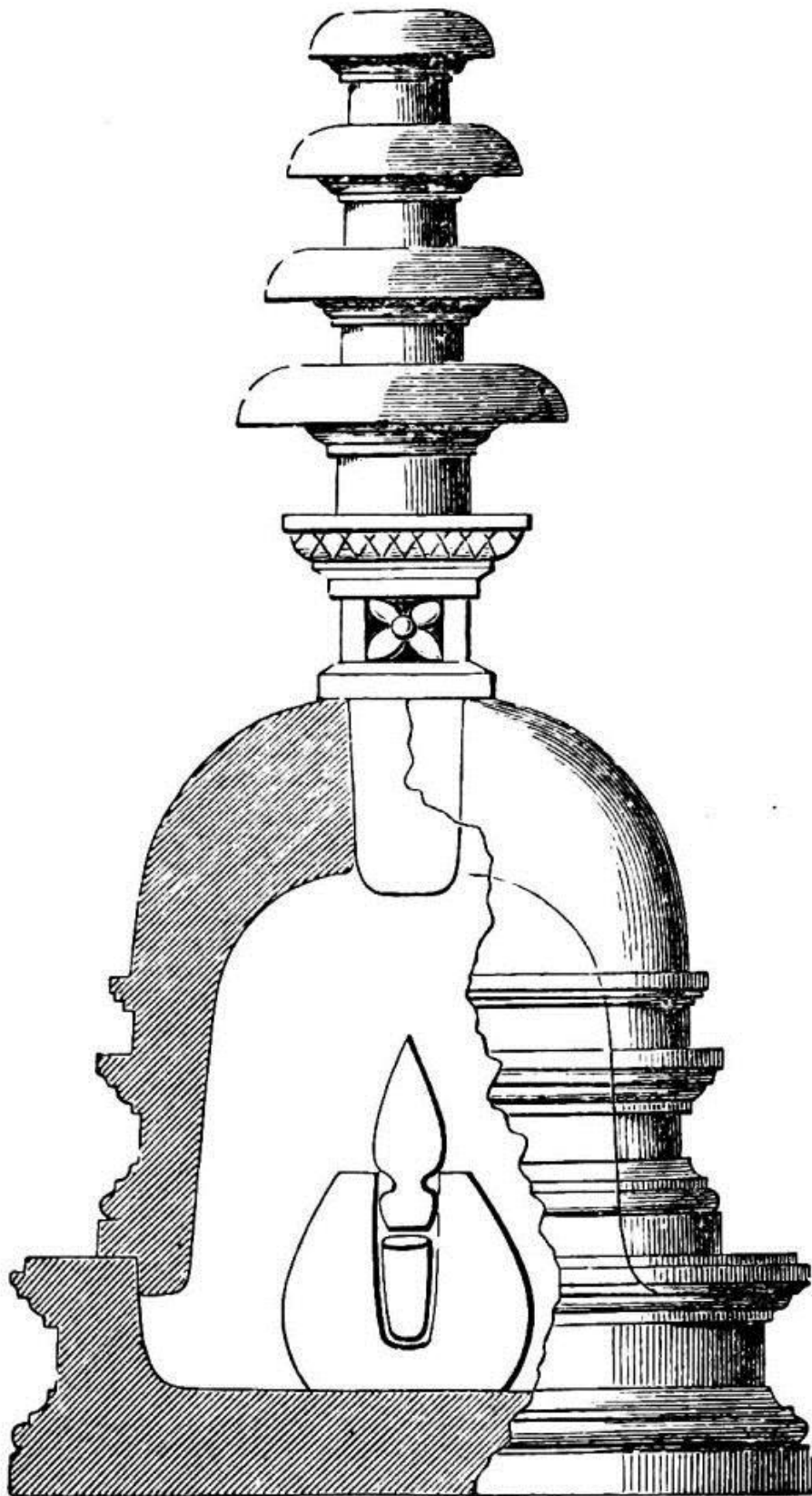
[back](#)

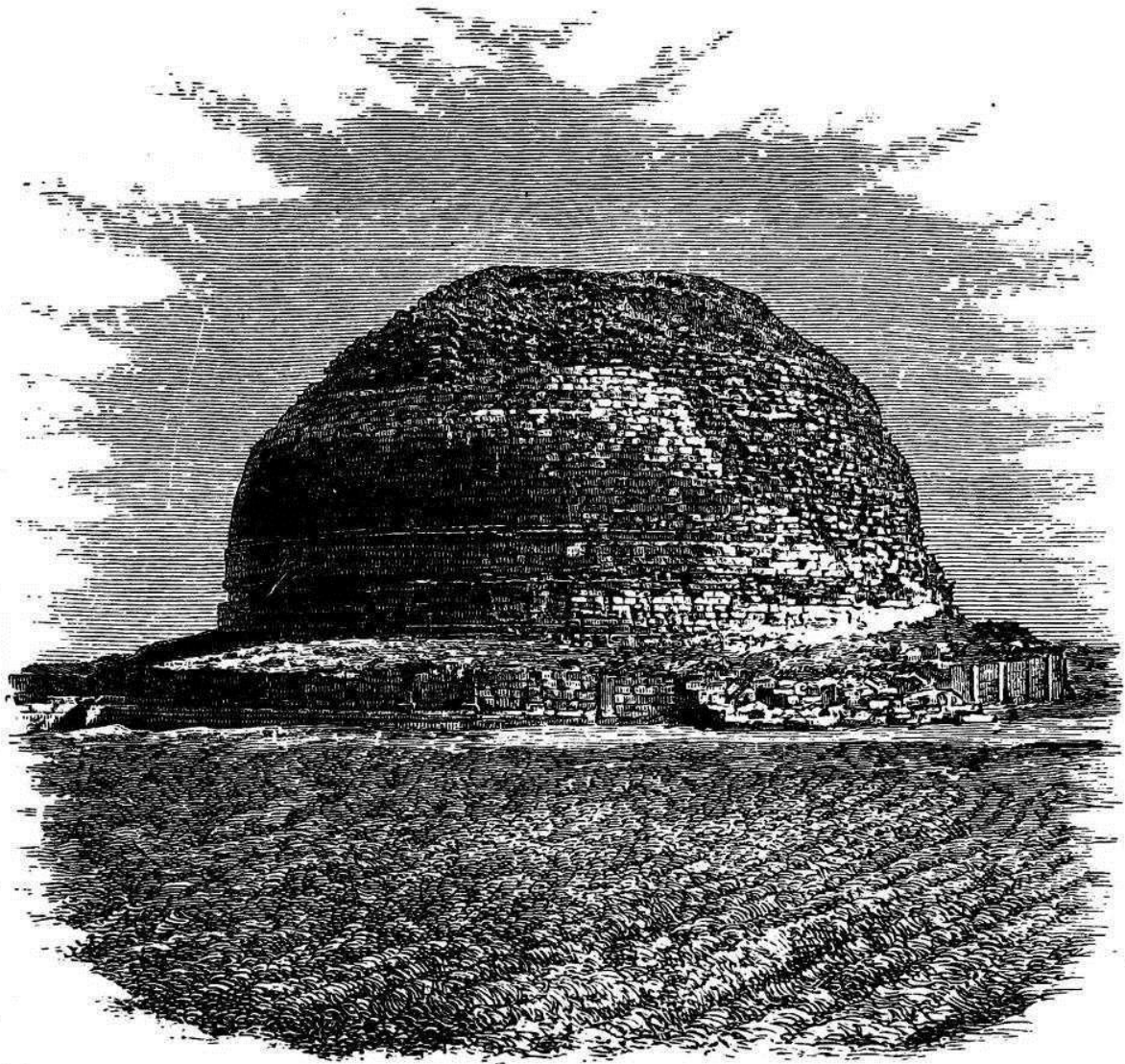

[back](#)

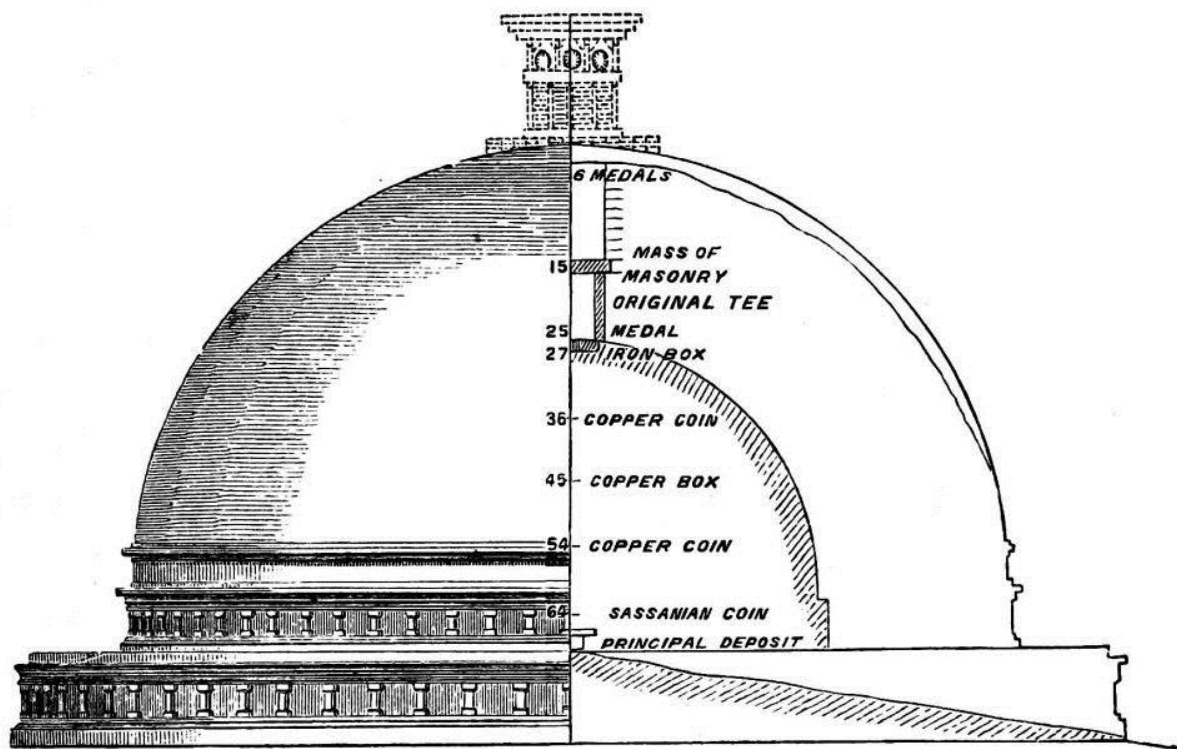

[back](#)

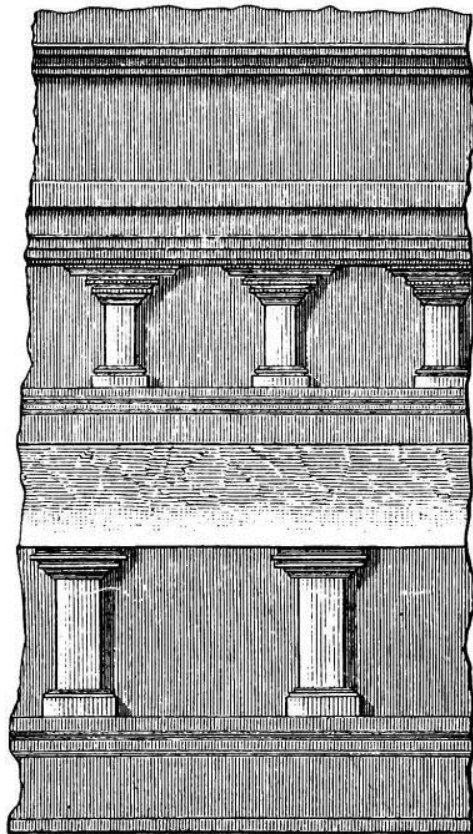
[back](#)

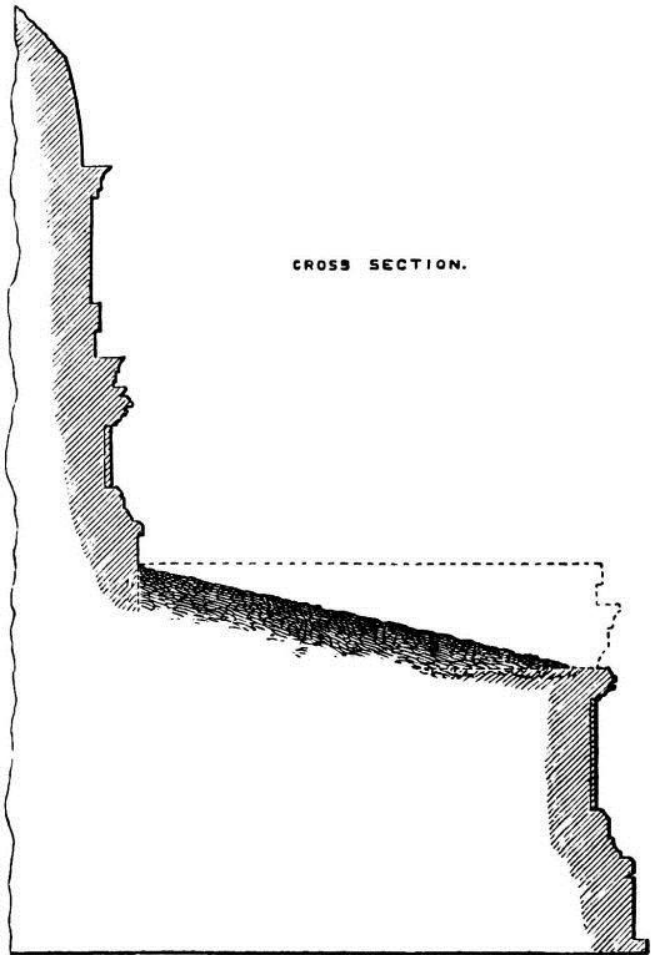
[back](#)

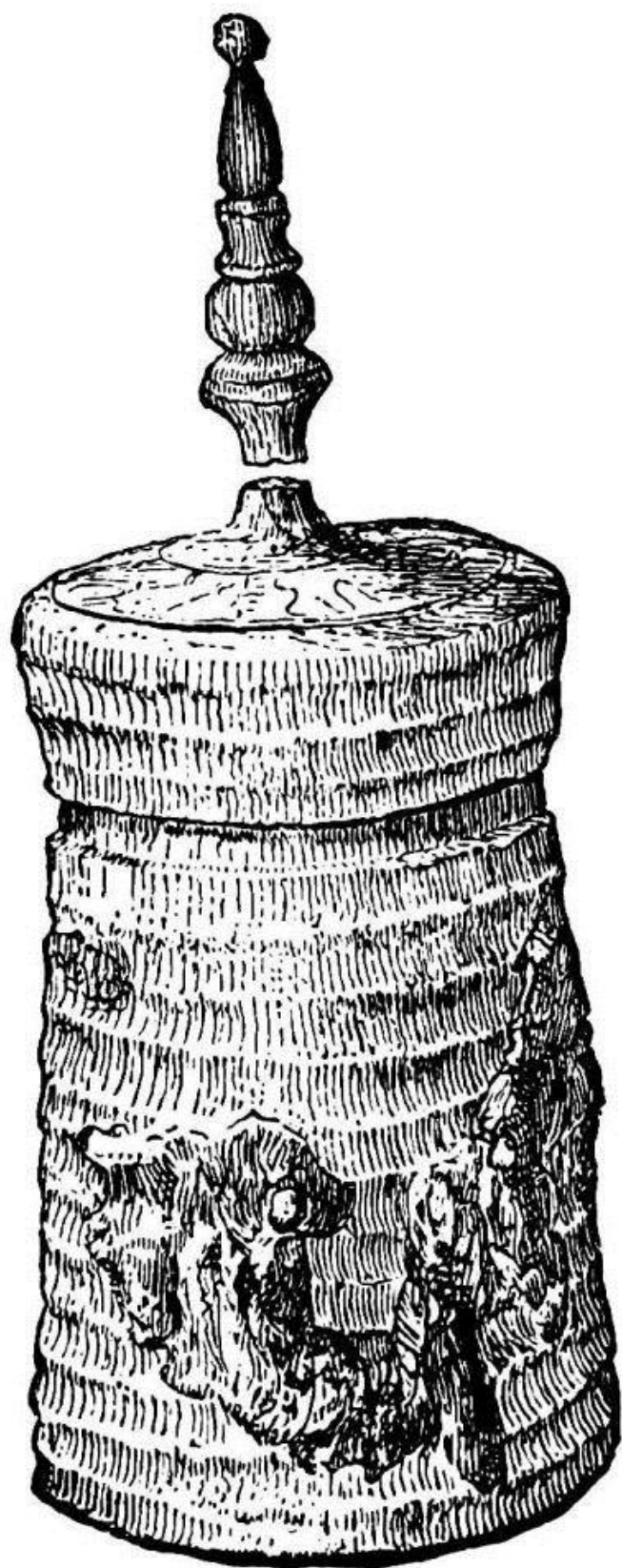
PART OF FRONT ELEVATION.

CROSS SECTION.

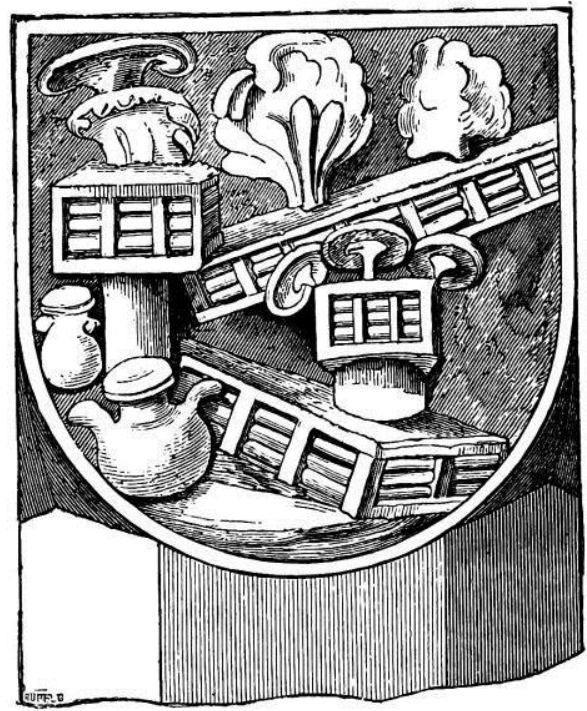

[back](#)

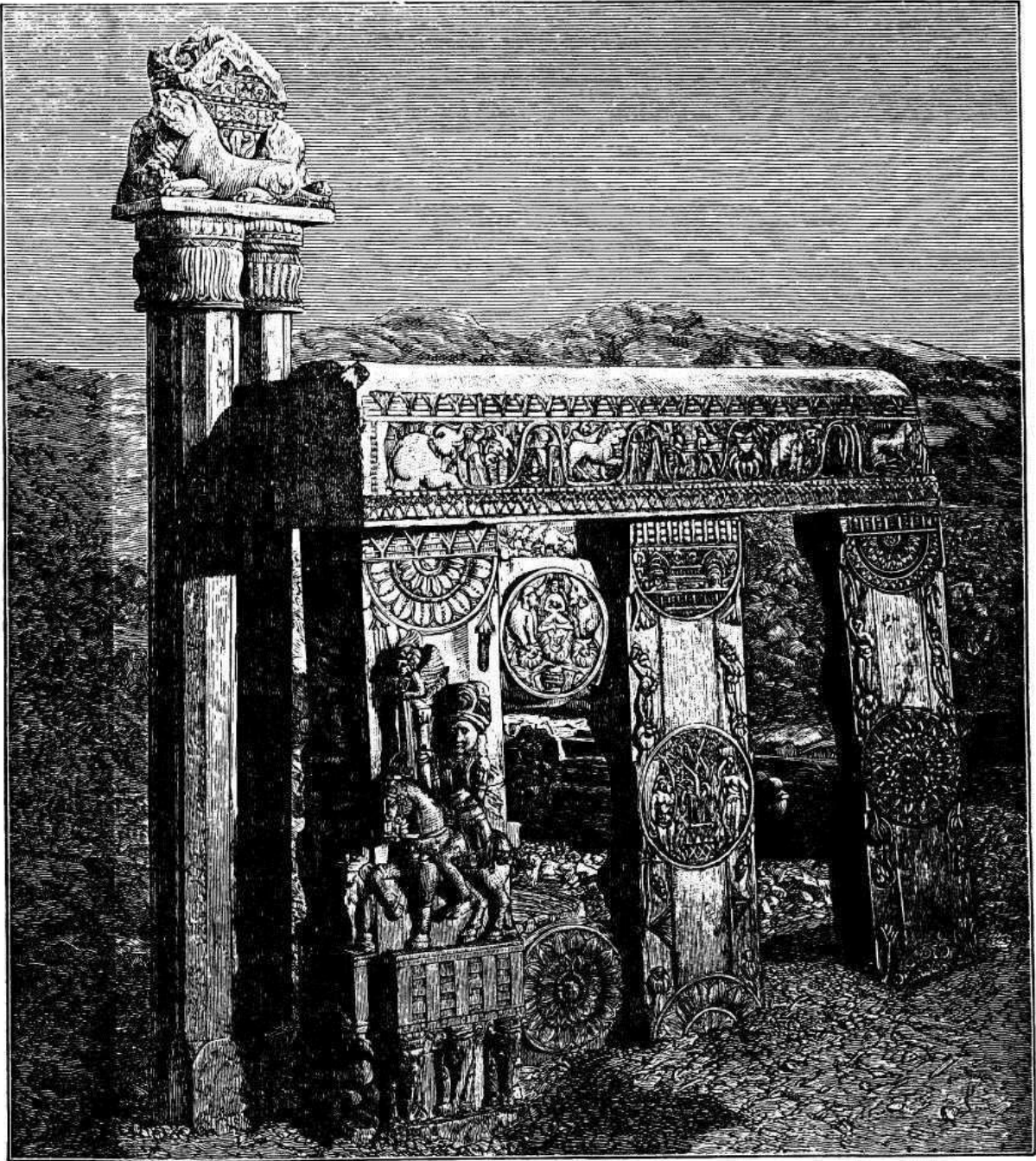

[back](#)

[back](#)

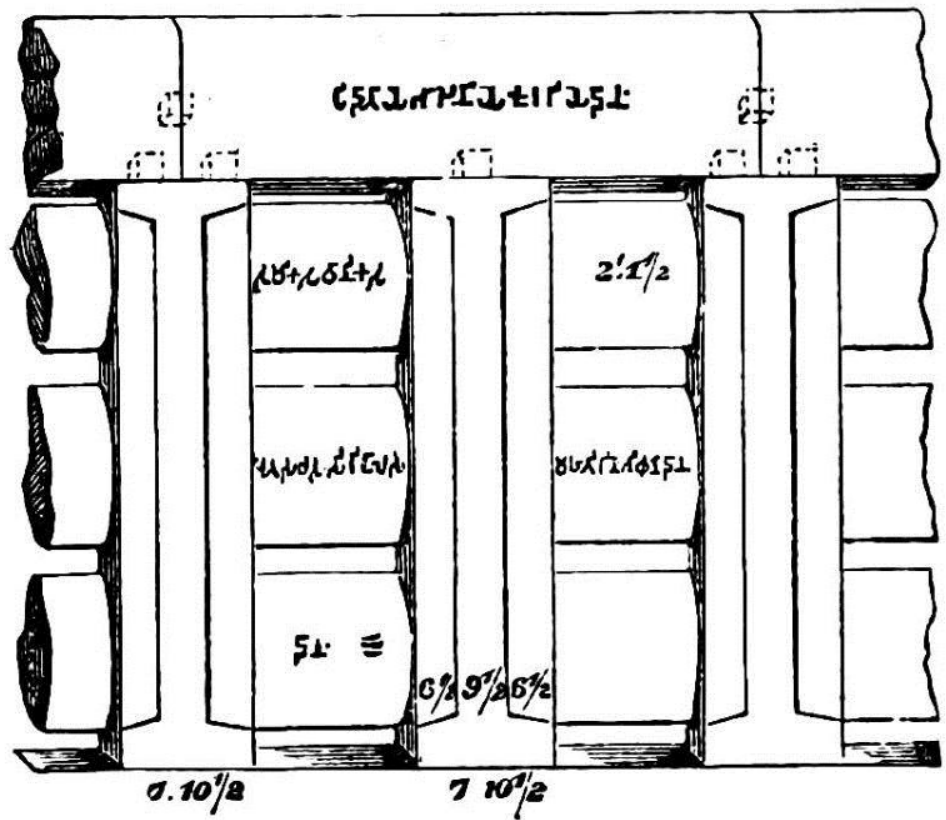

[back](#)

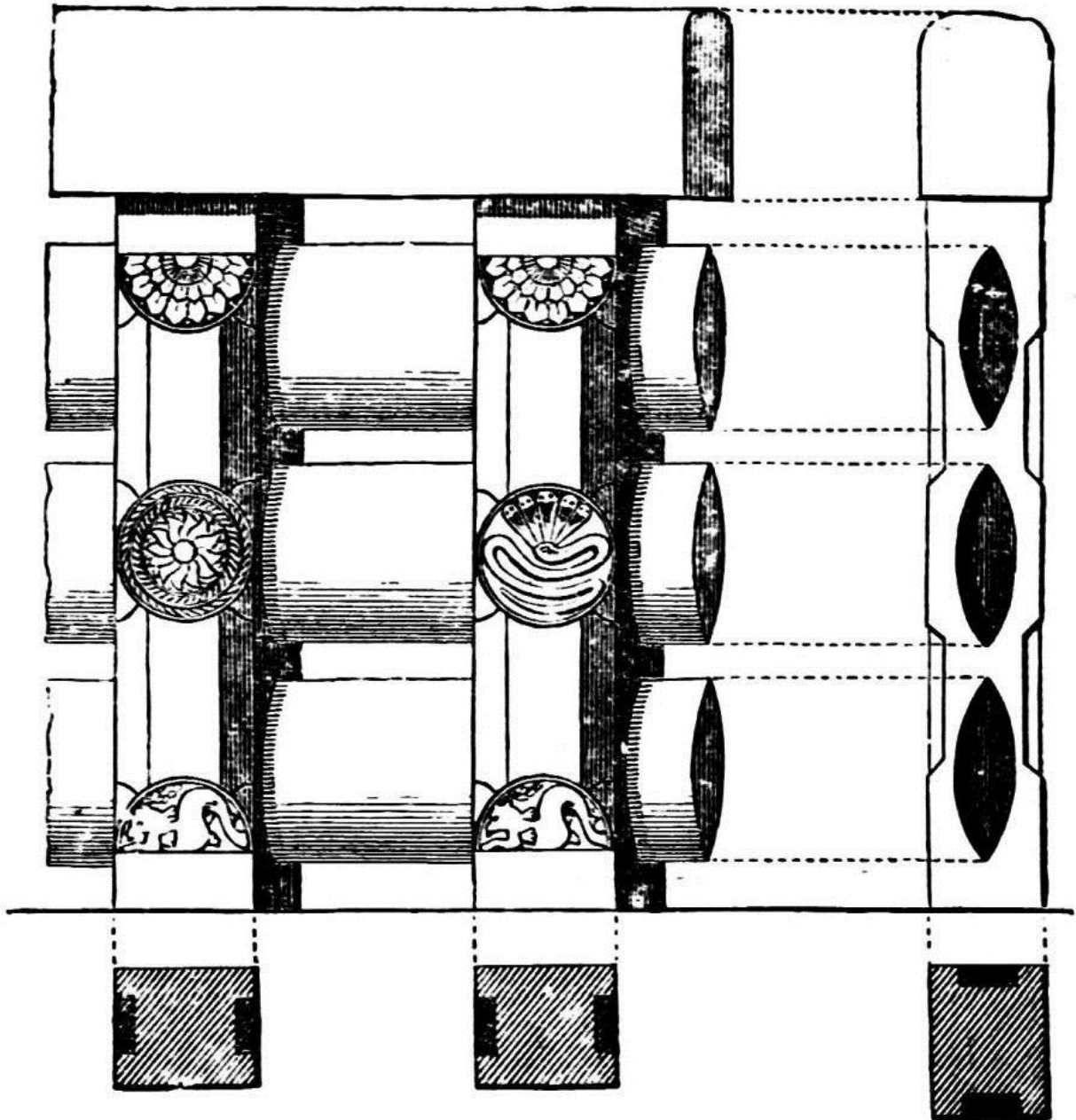
[back](#)

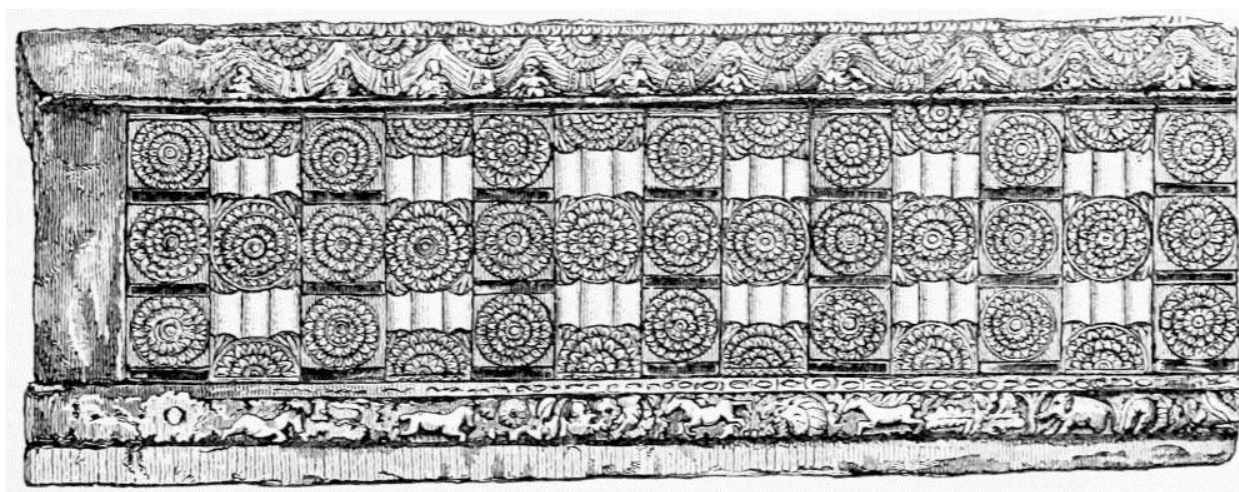
1 1/2 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 feet

[back](#)

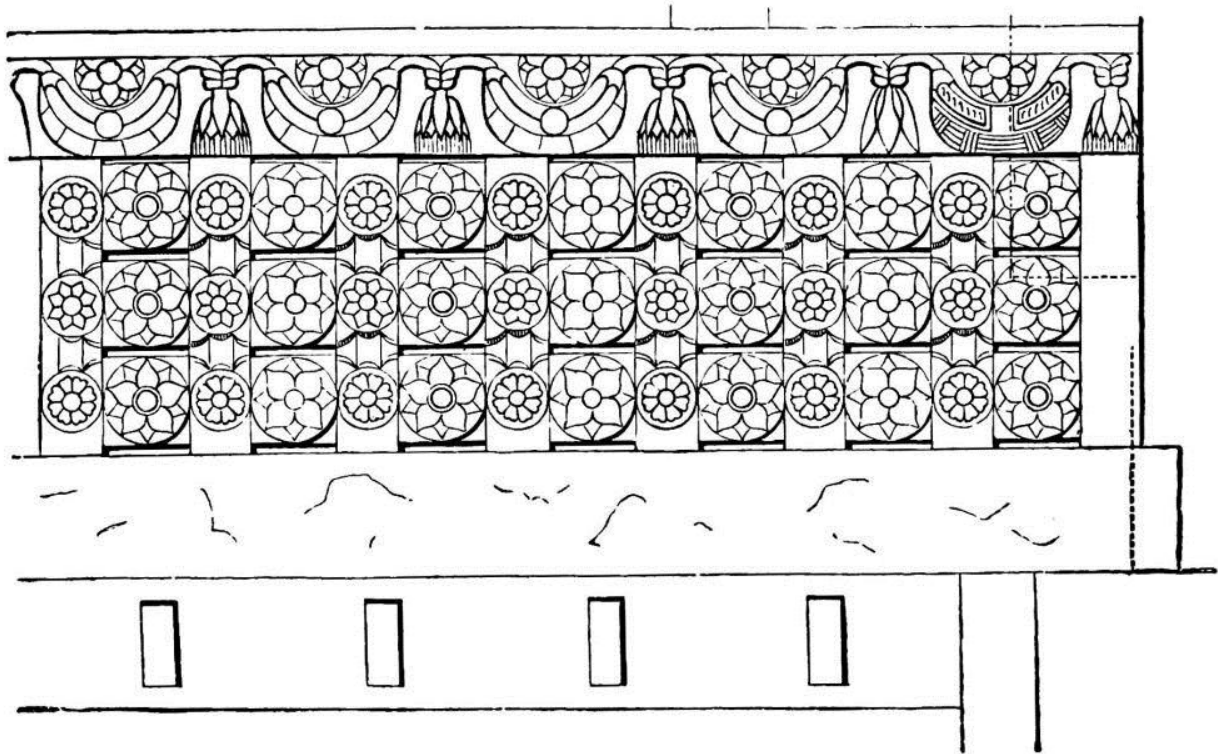

[back](#)

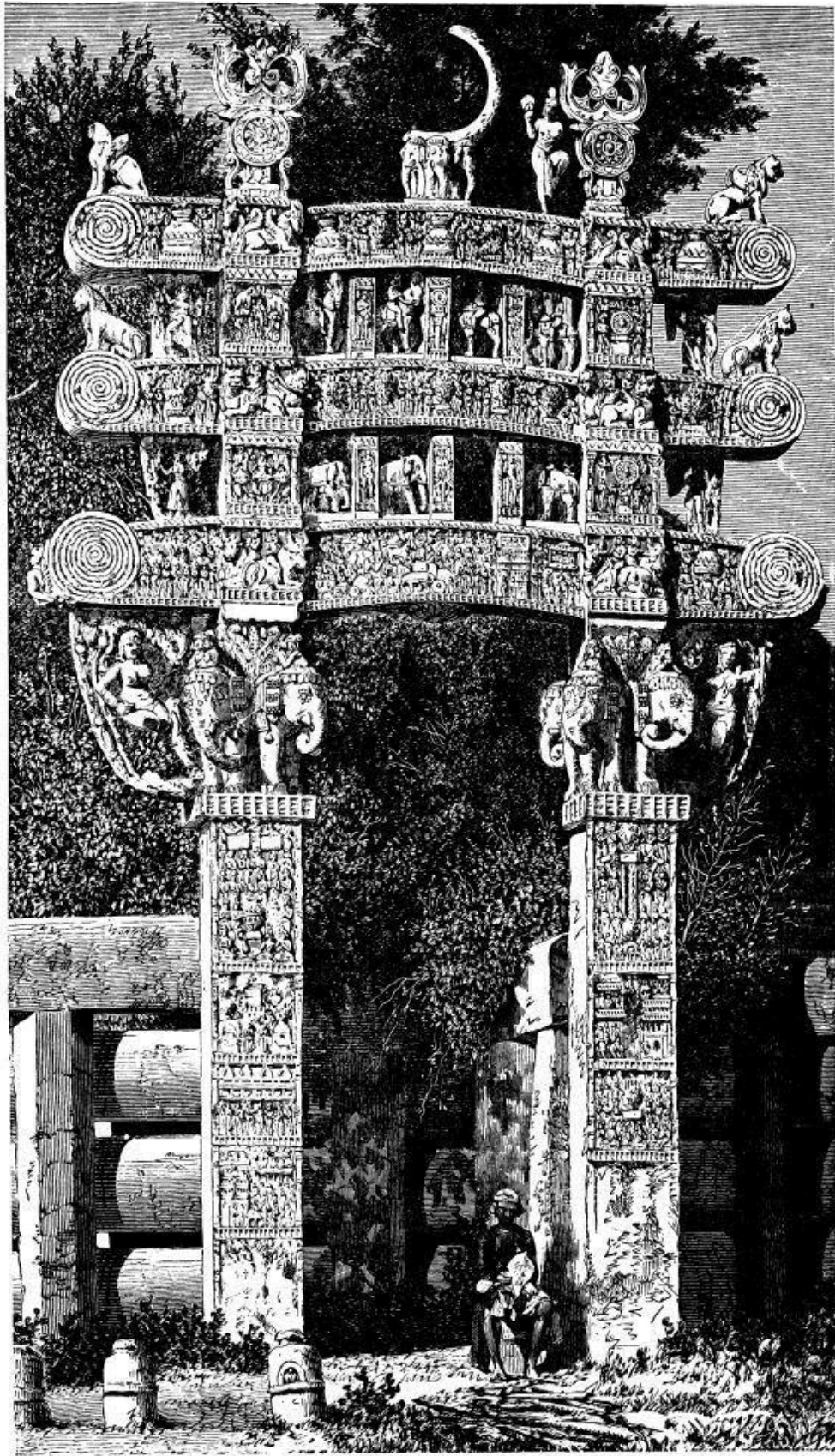

[back](#)

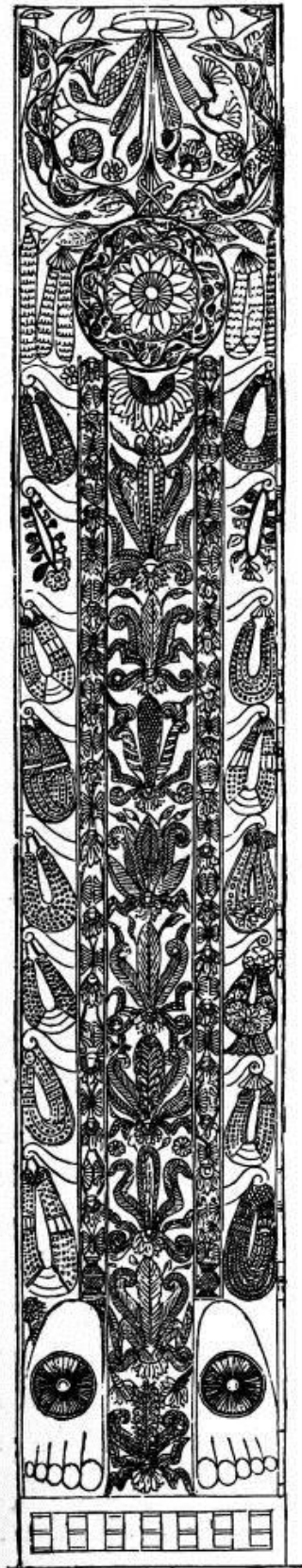
[back](#)

[back](#)

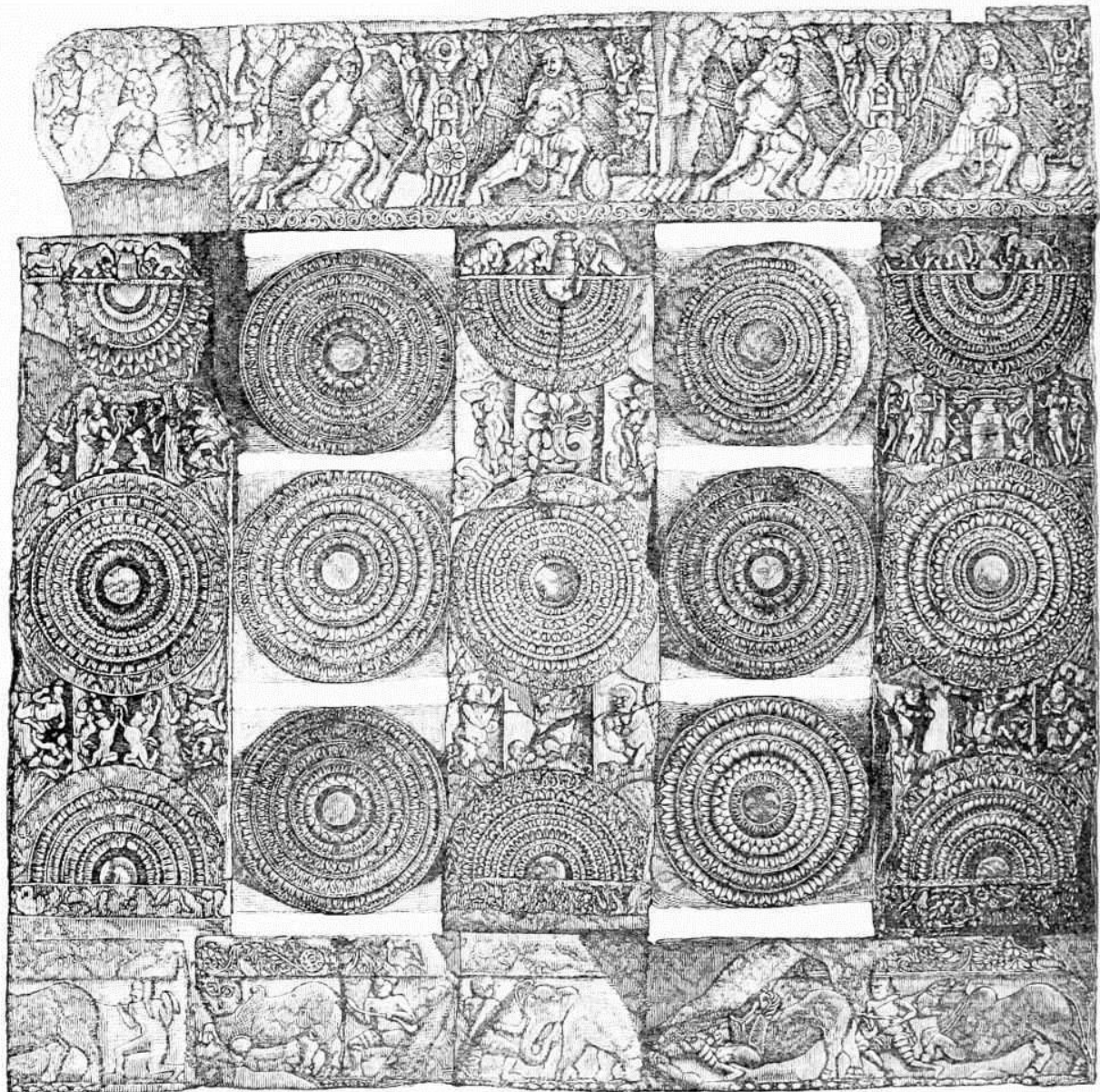

[back](#)

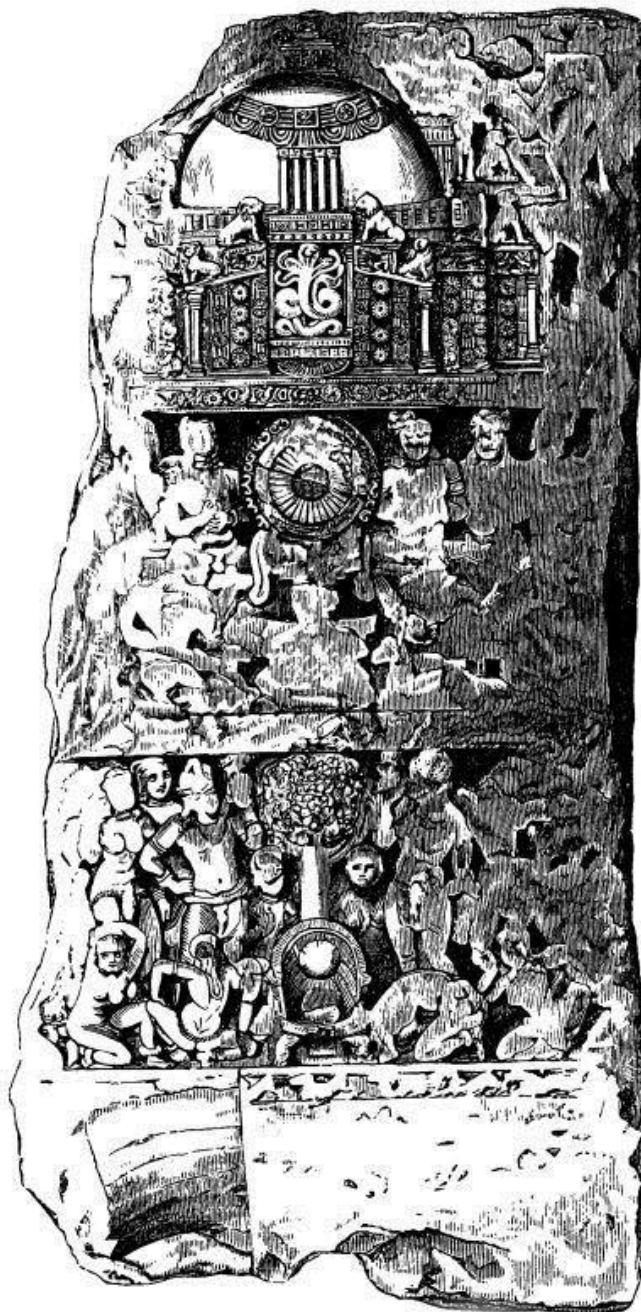
[back](#)

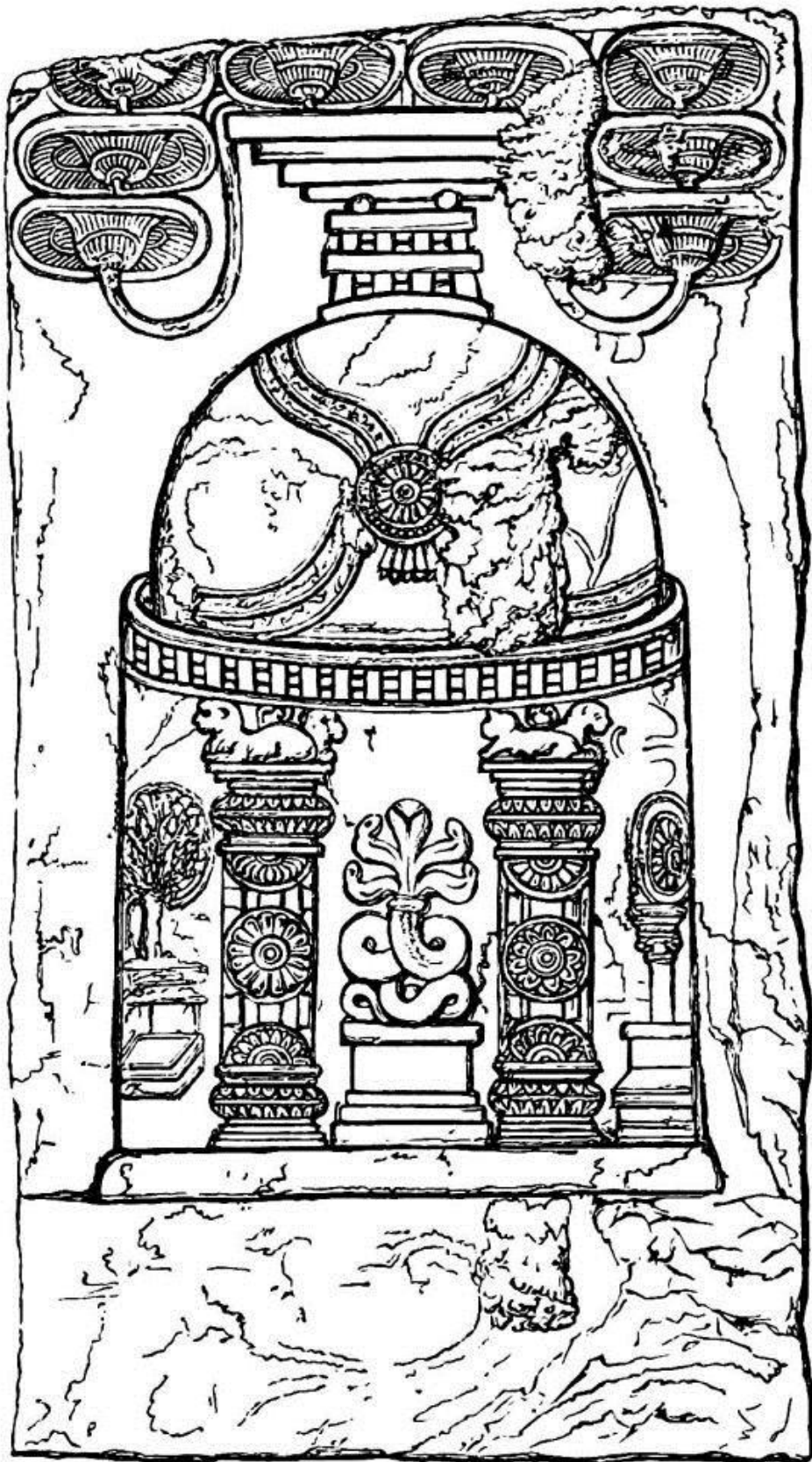
[back](#)

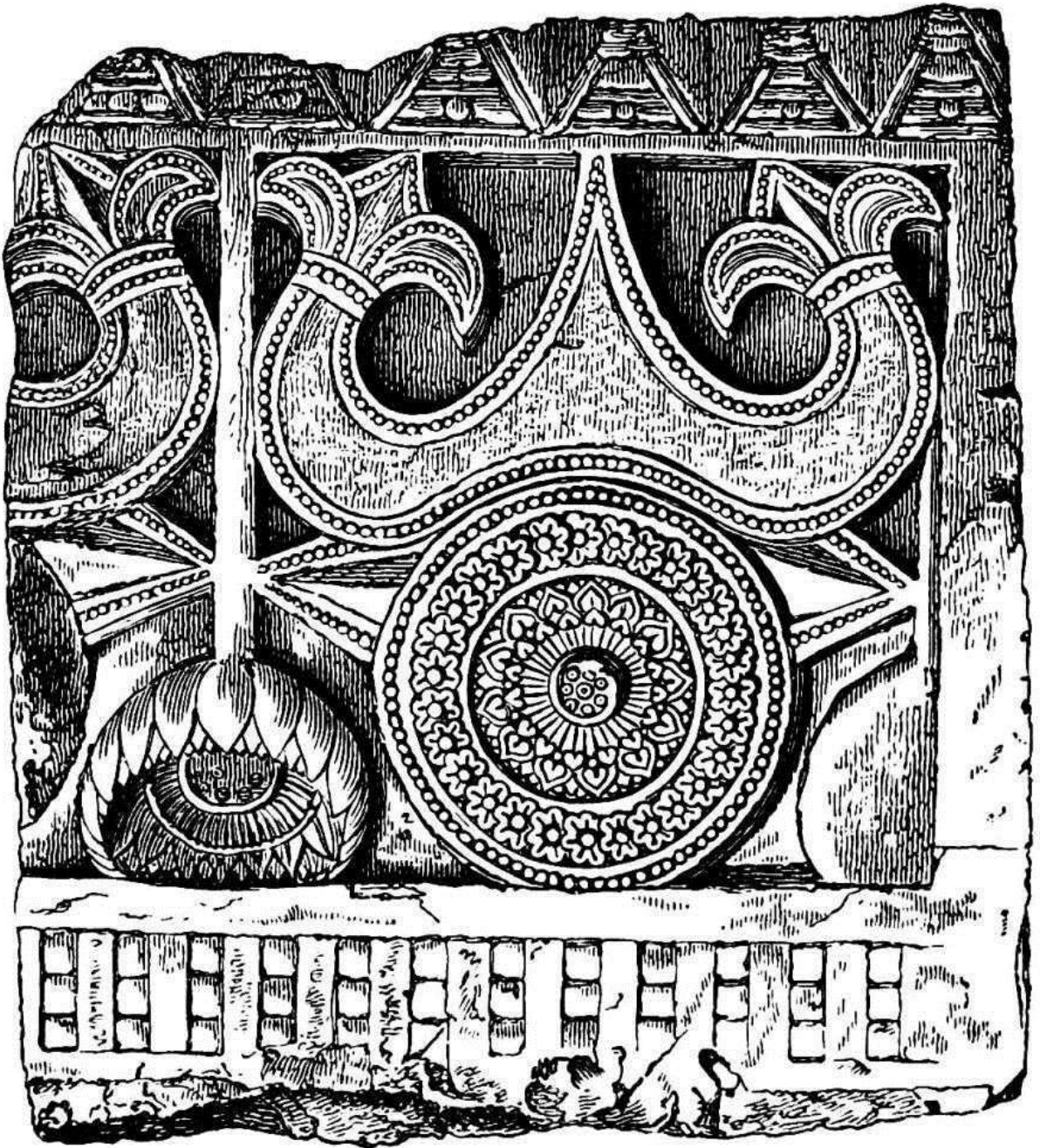
[back](#)

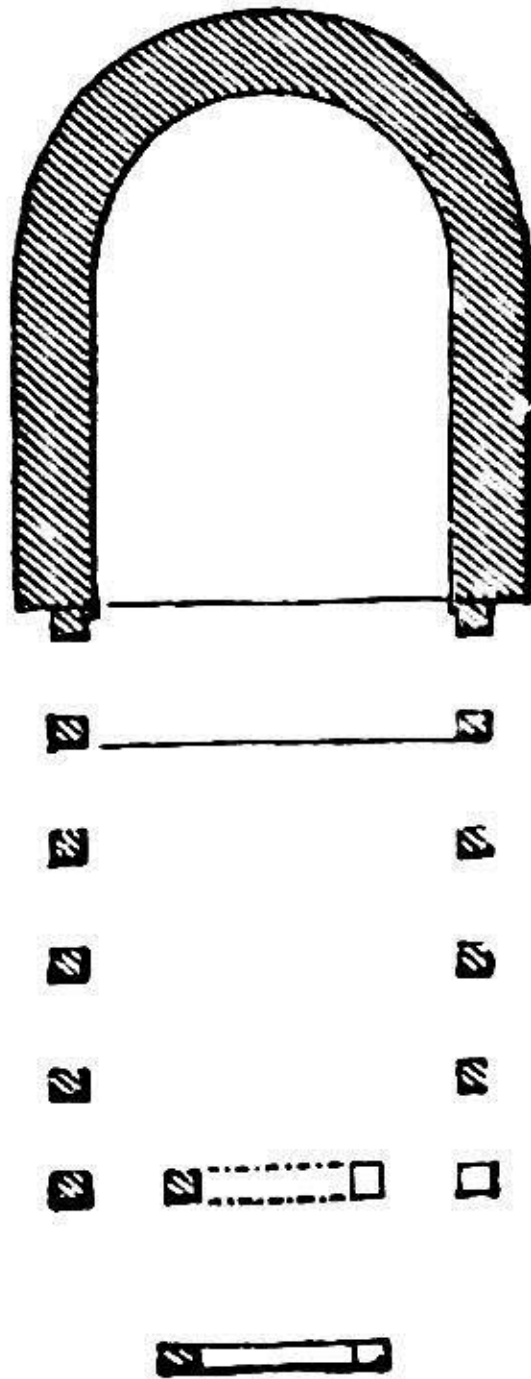

[back](#)

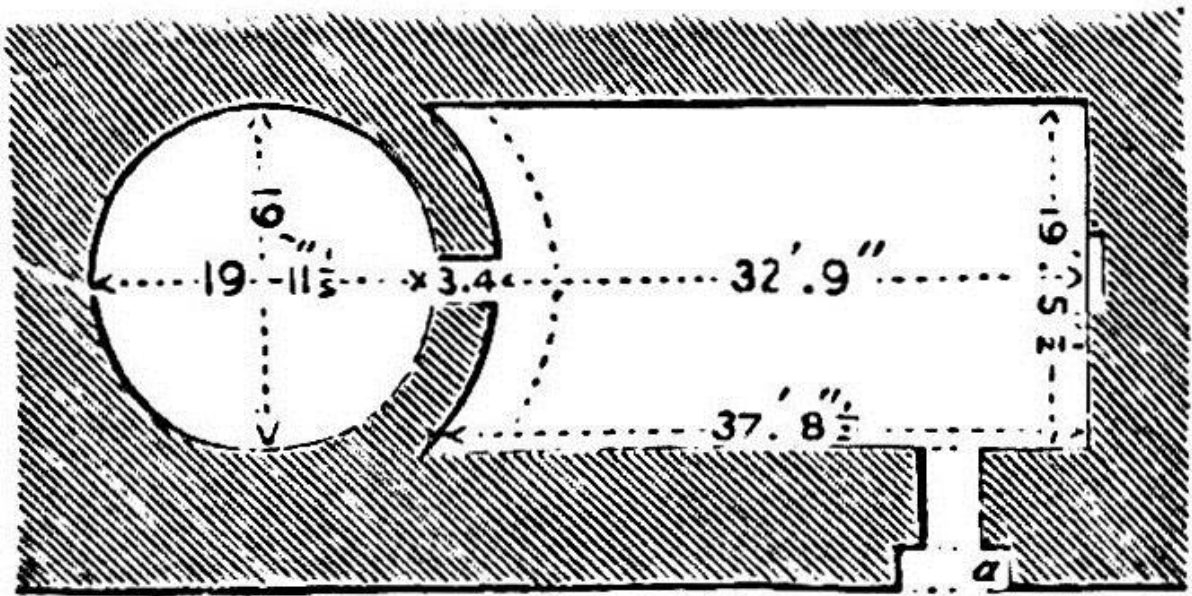
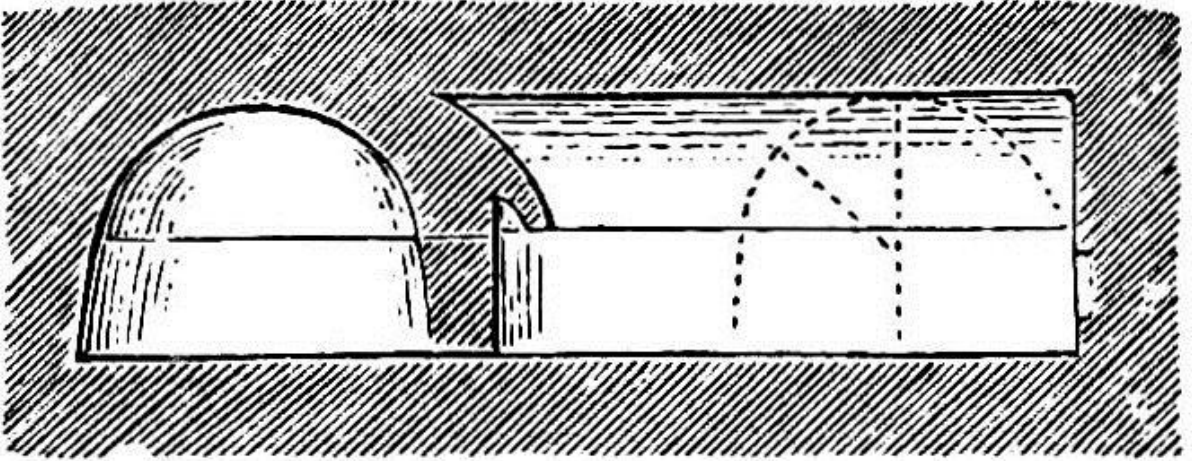

[back](#)

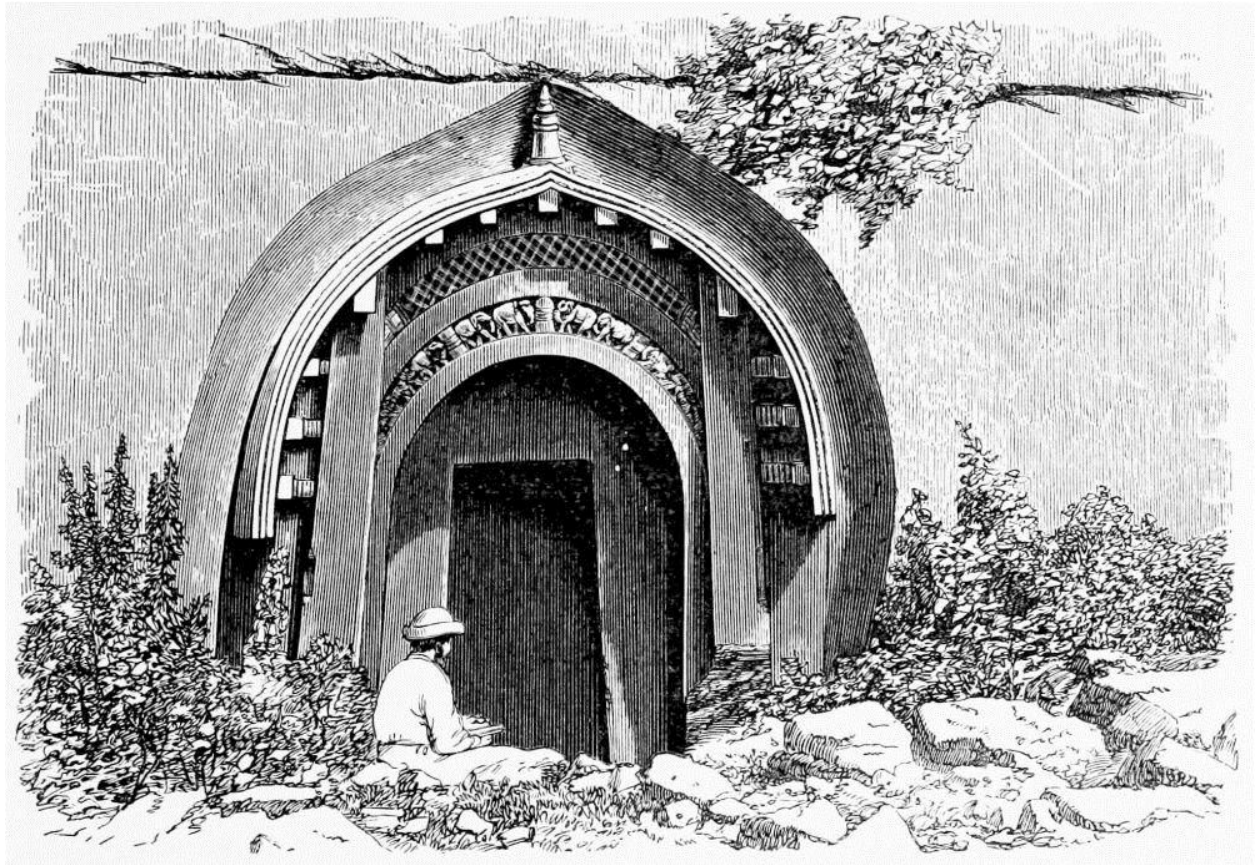
[back](#)

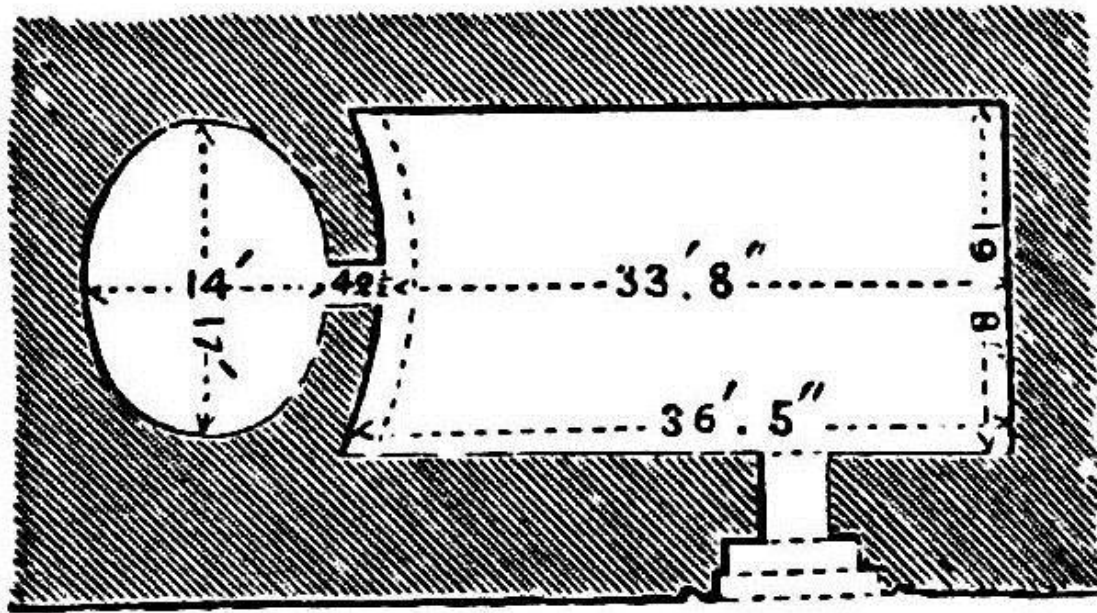

[back](#)

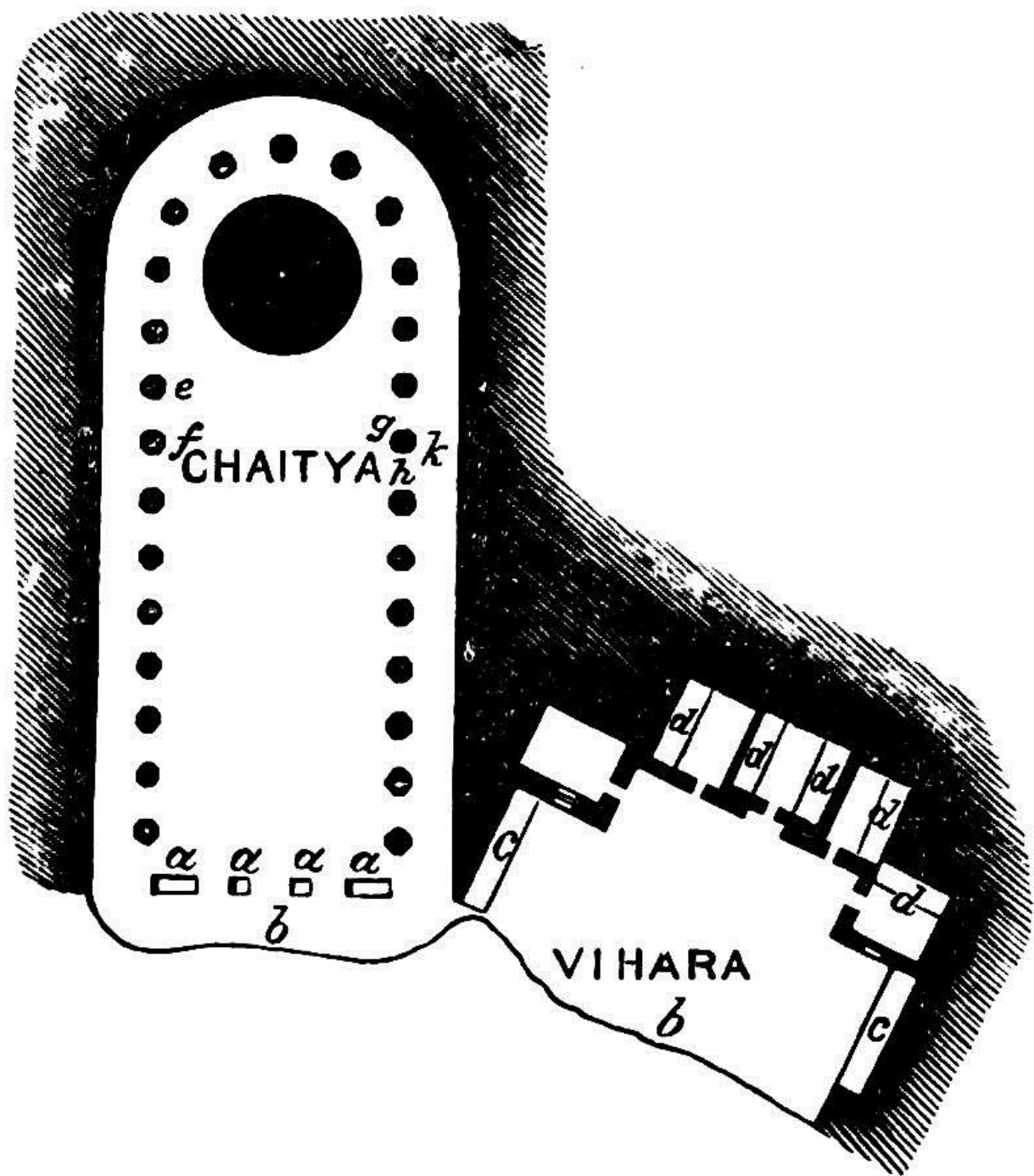

[back](#)

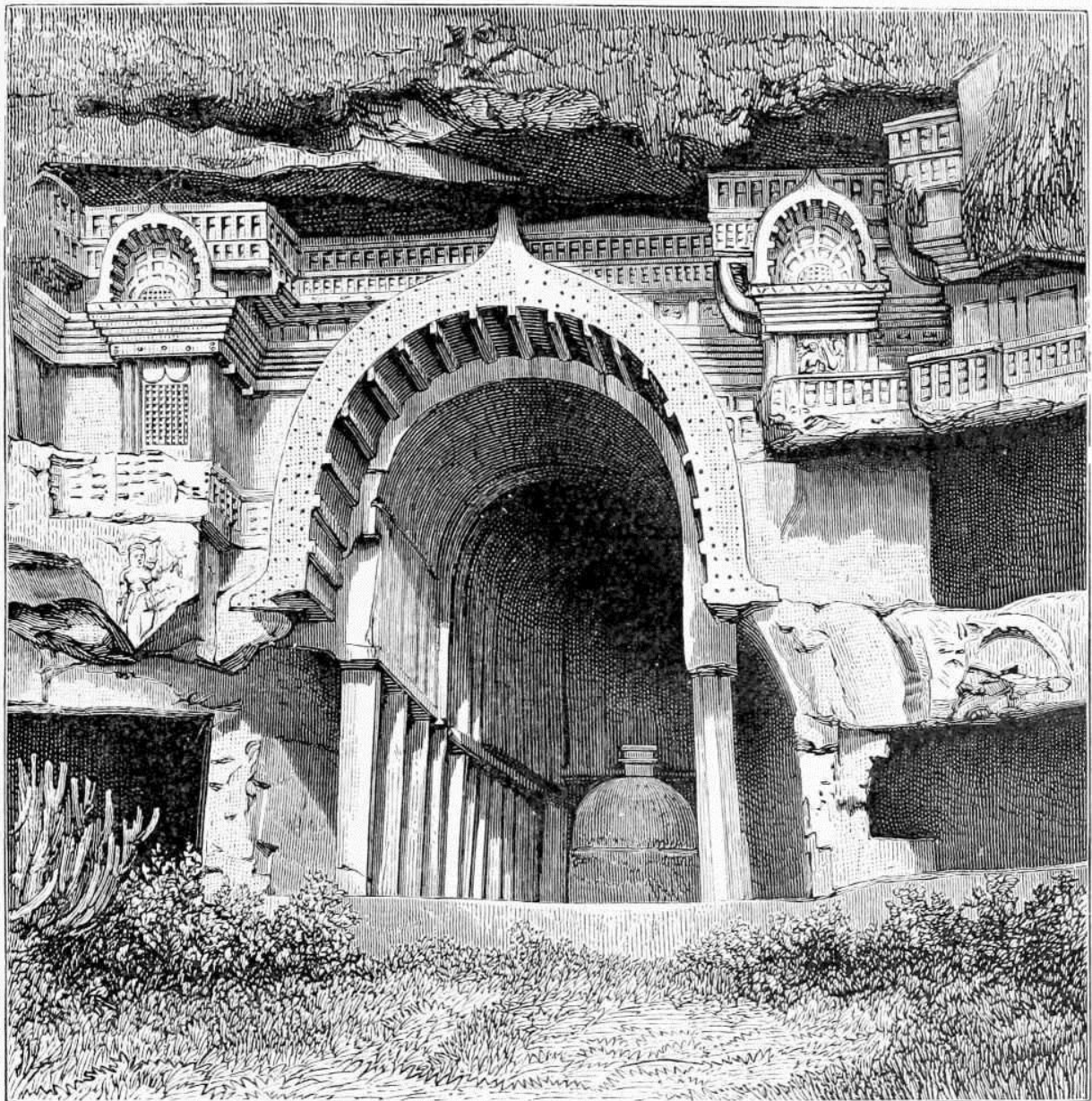

[back](#)

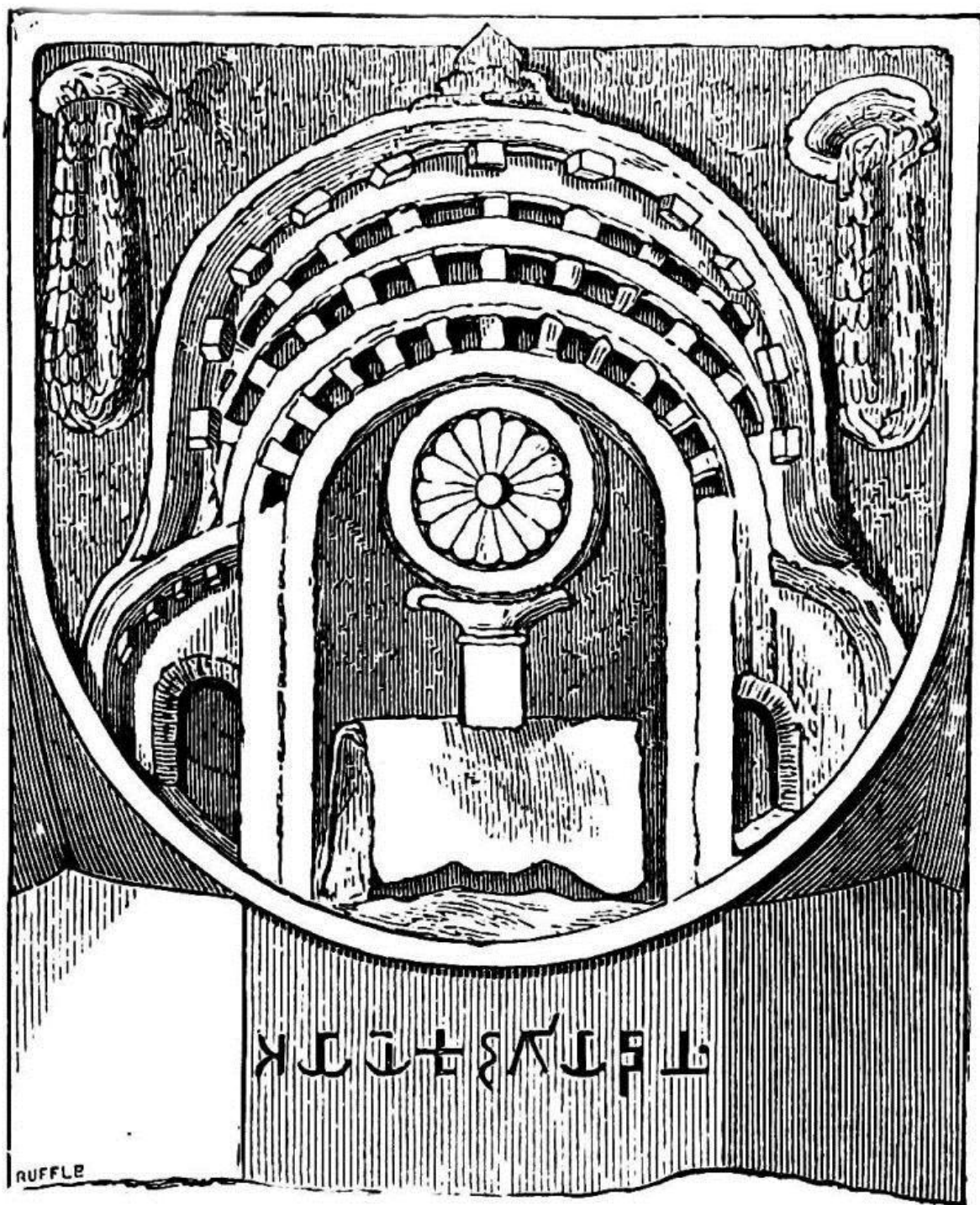
[back](#)

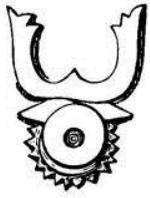

[back](#)

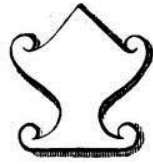

[back](#)

Trisul.

Shield.

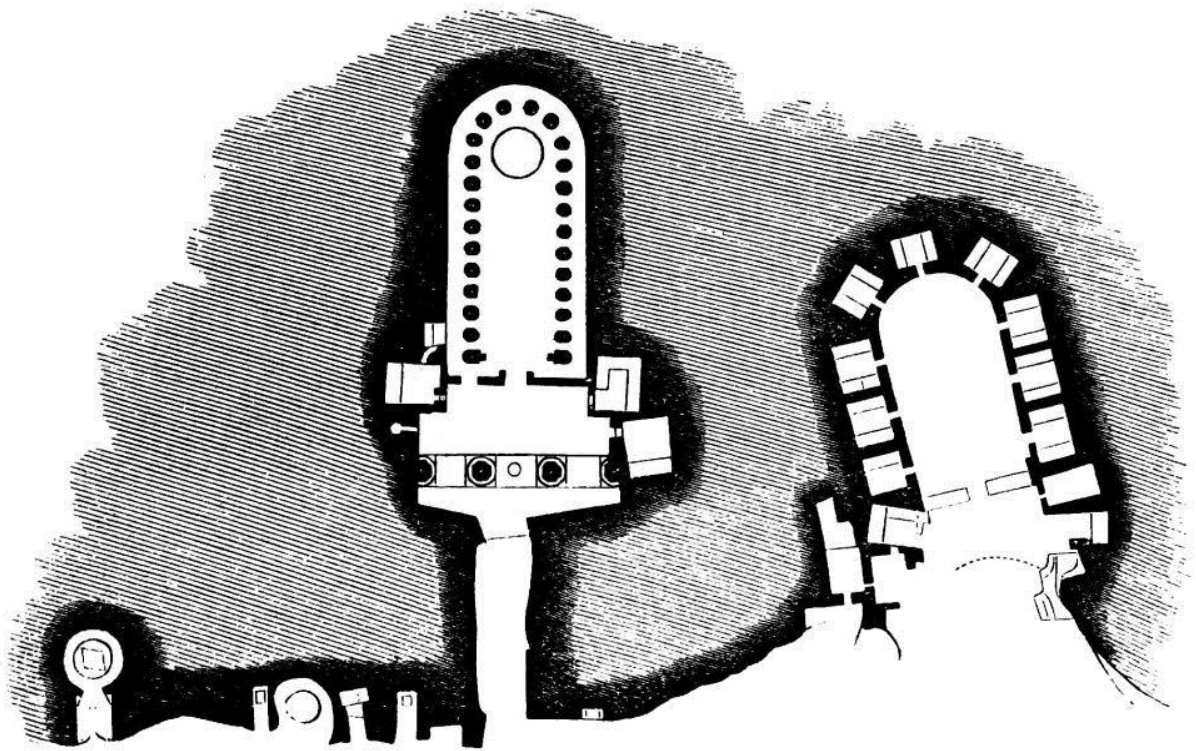
Chakra.

[back](#)

Trisul.

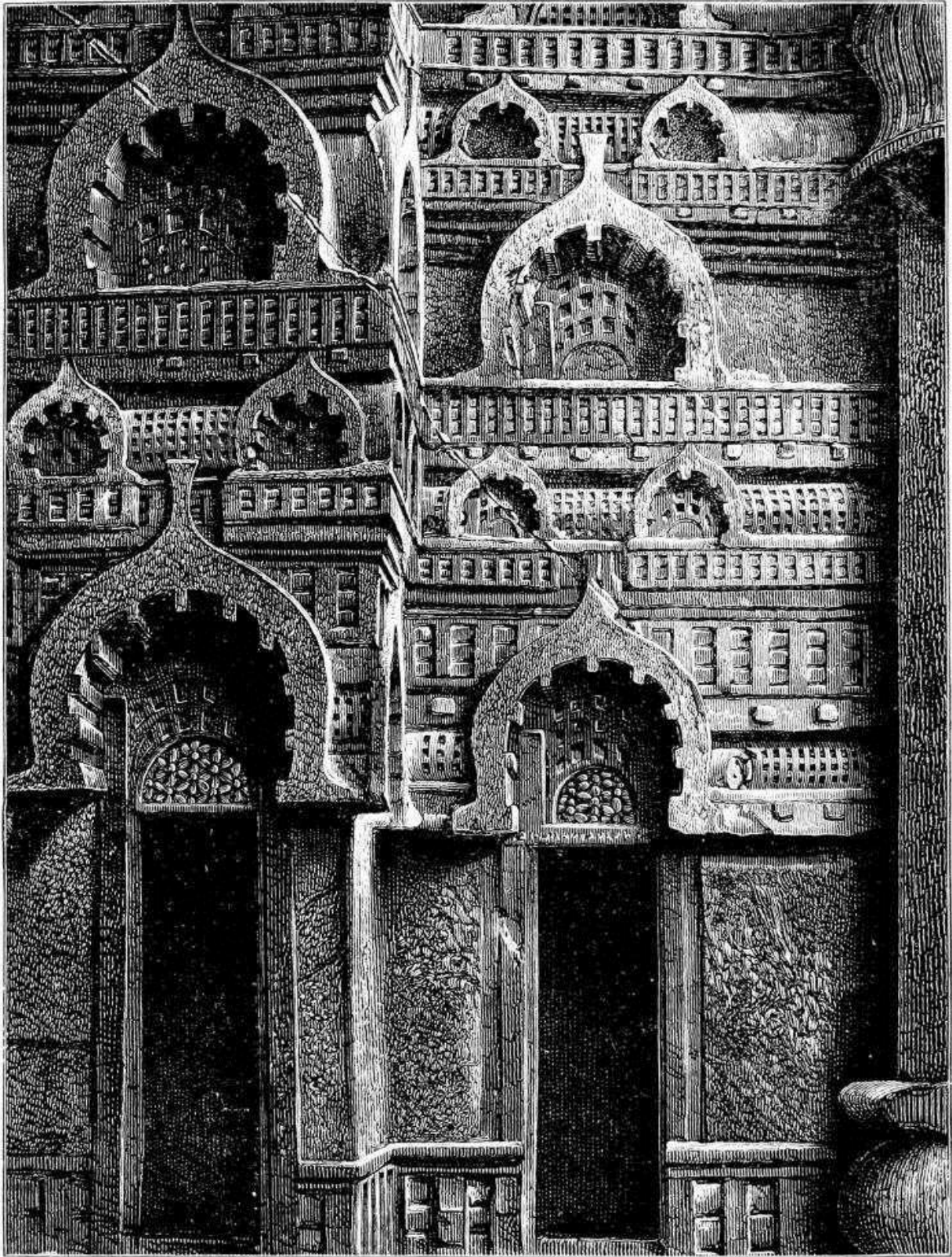
[back](#)

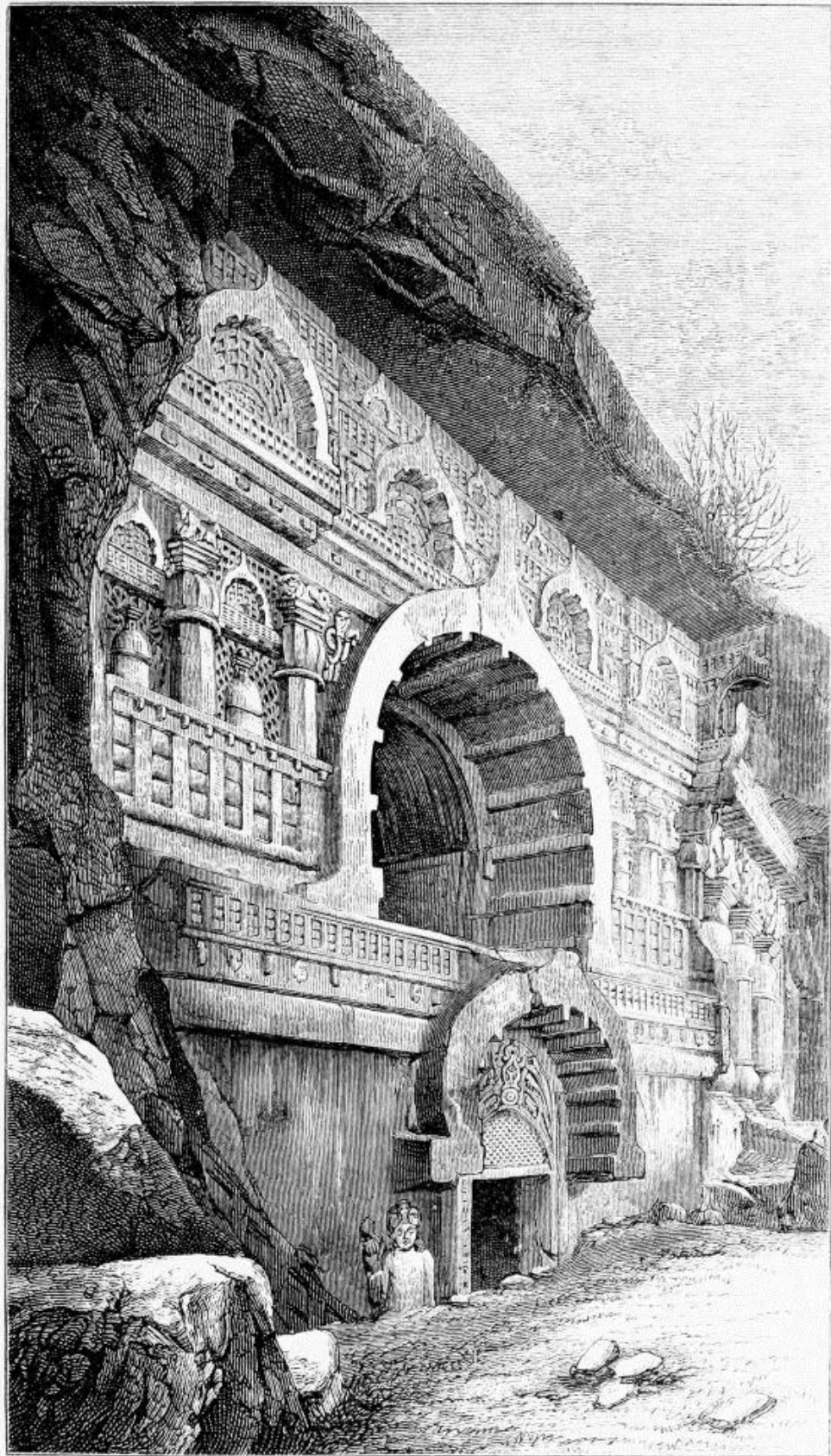
[back](#)

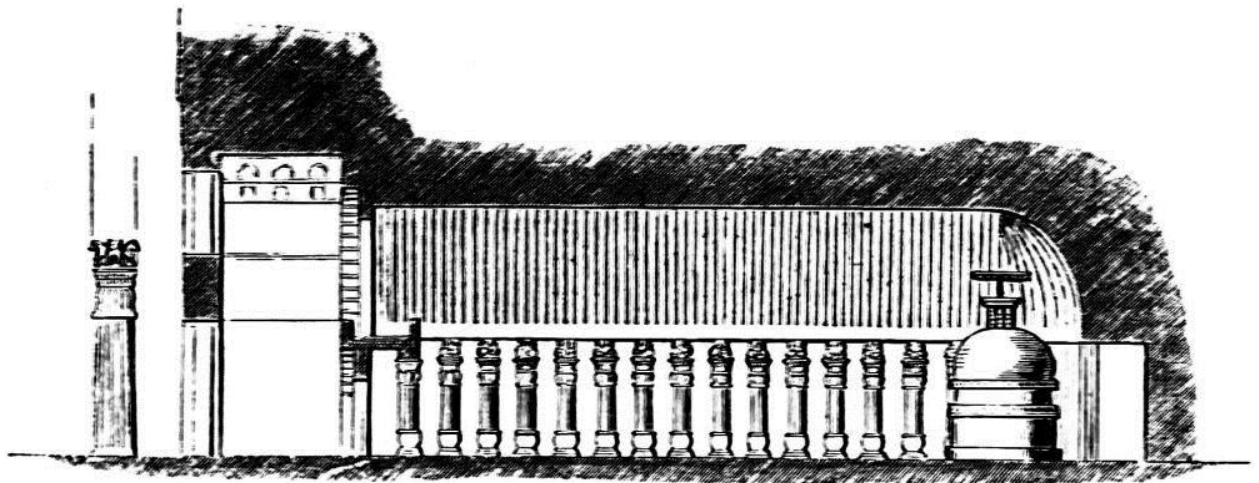

[back](#)

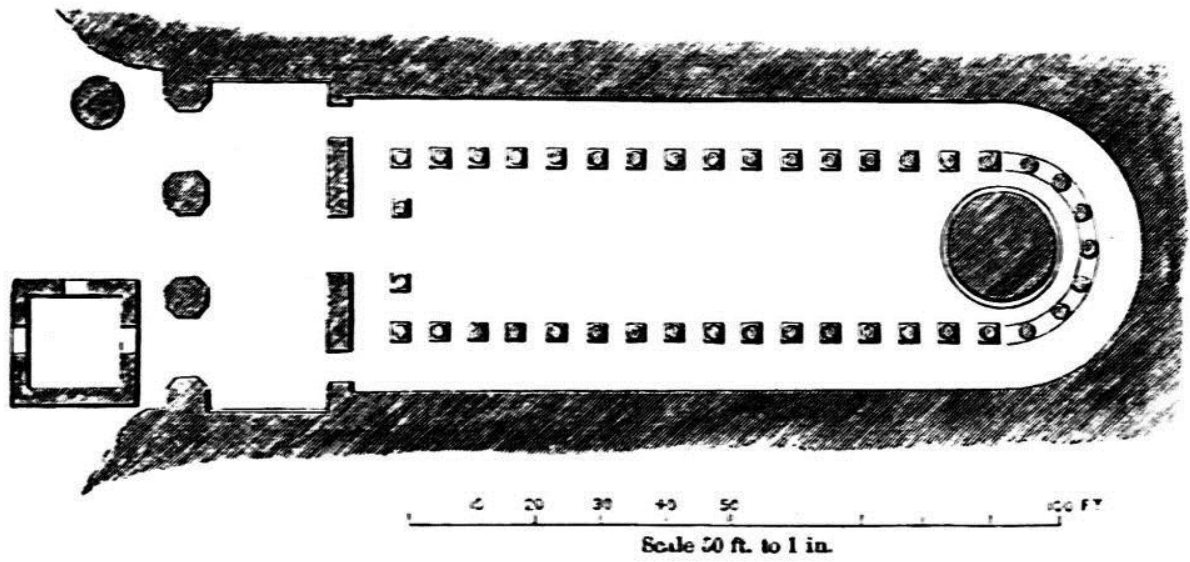

[back](#)

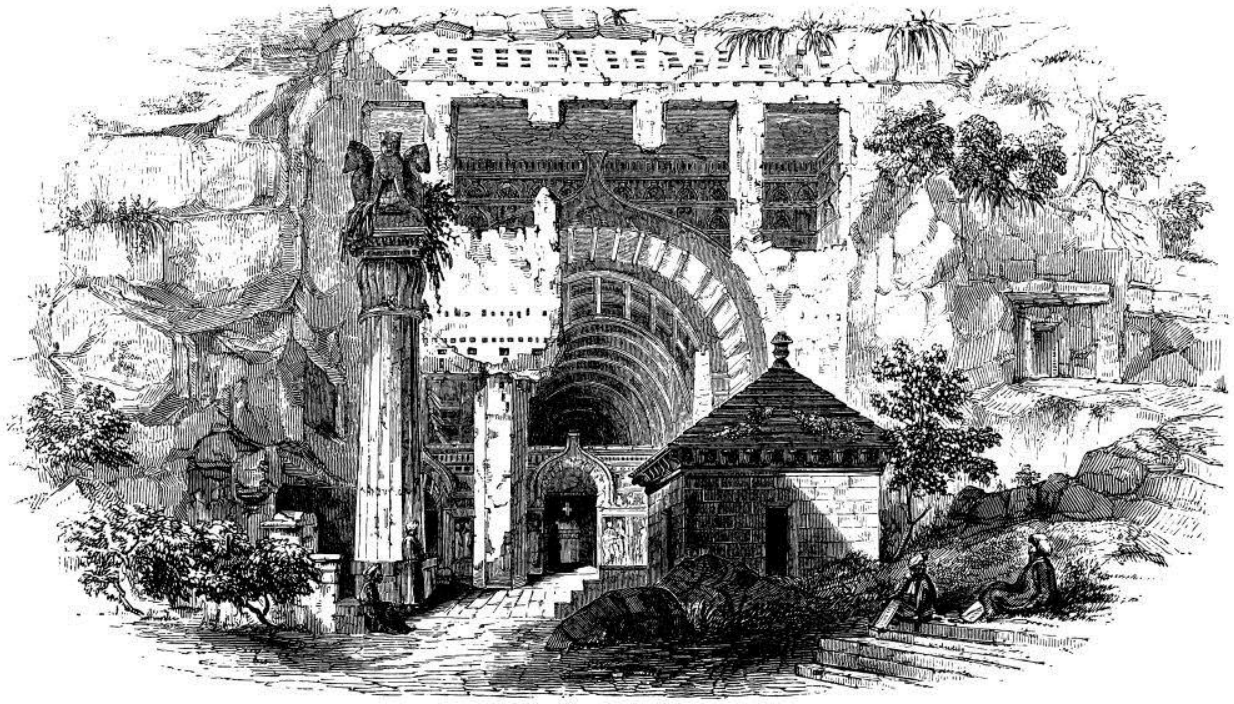

[back](#)

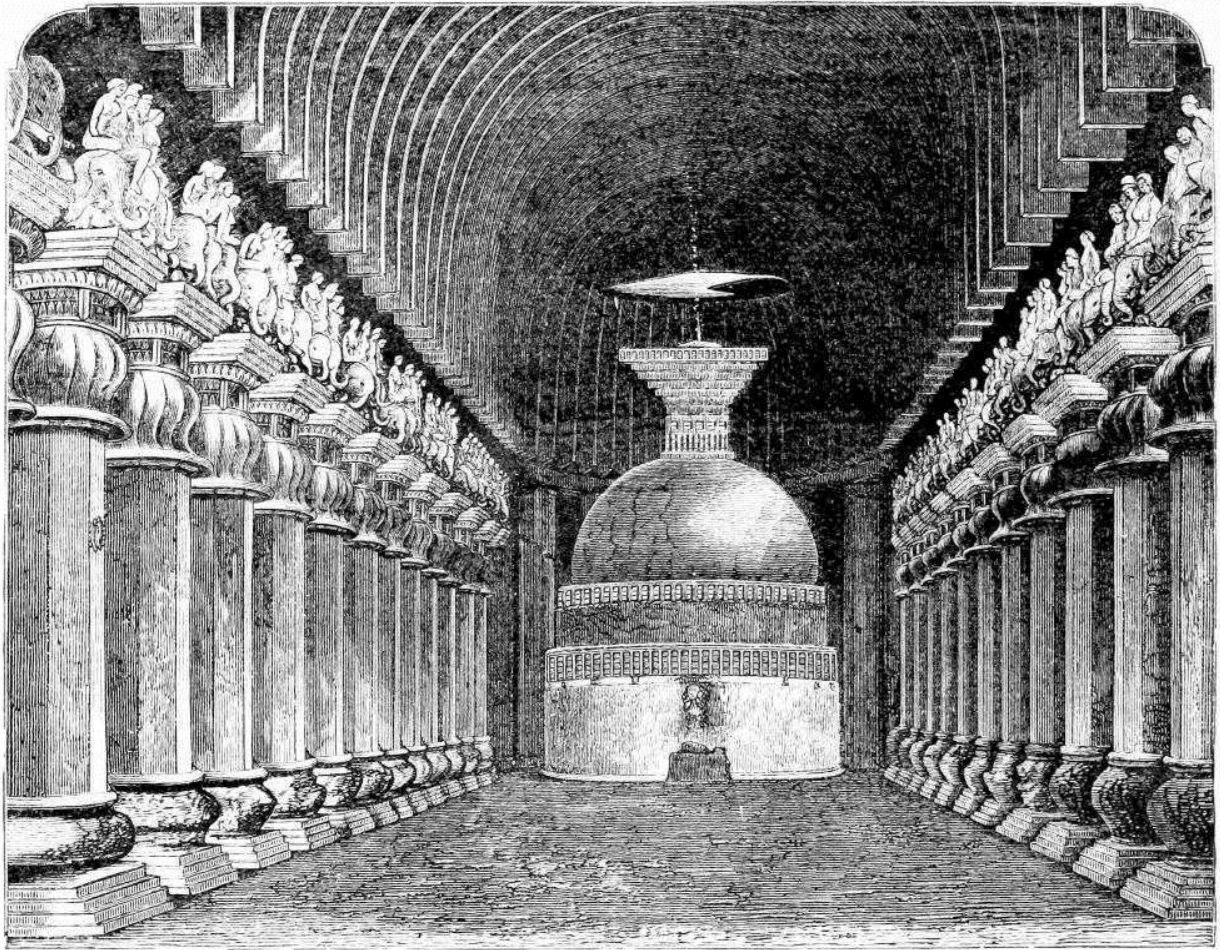

[back](#)

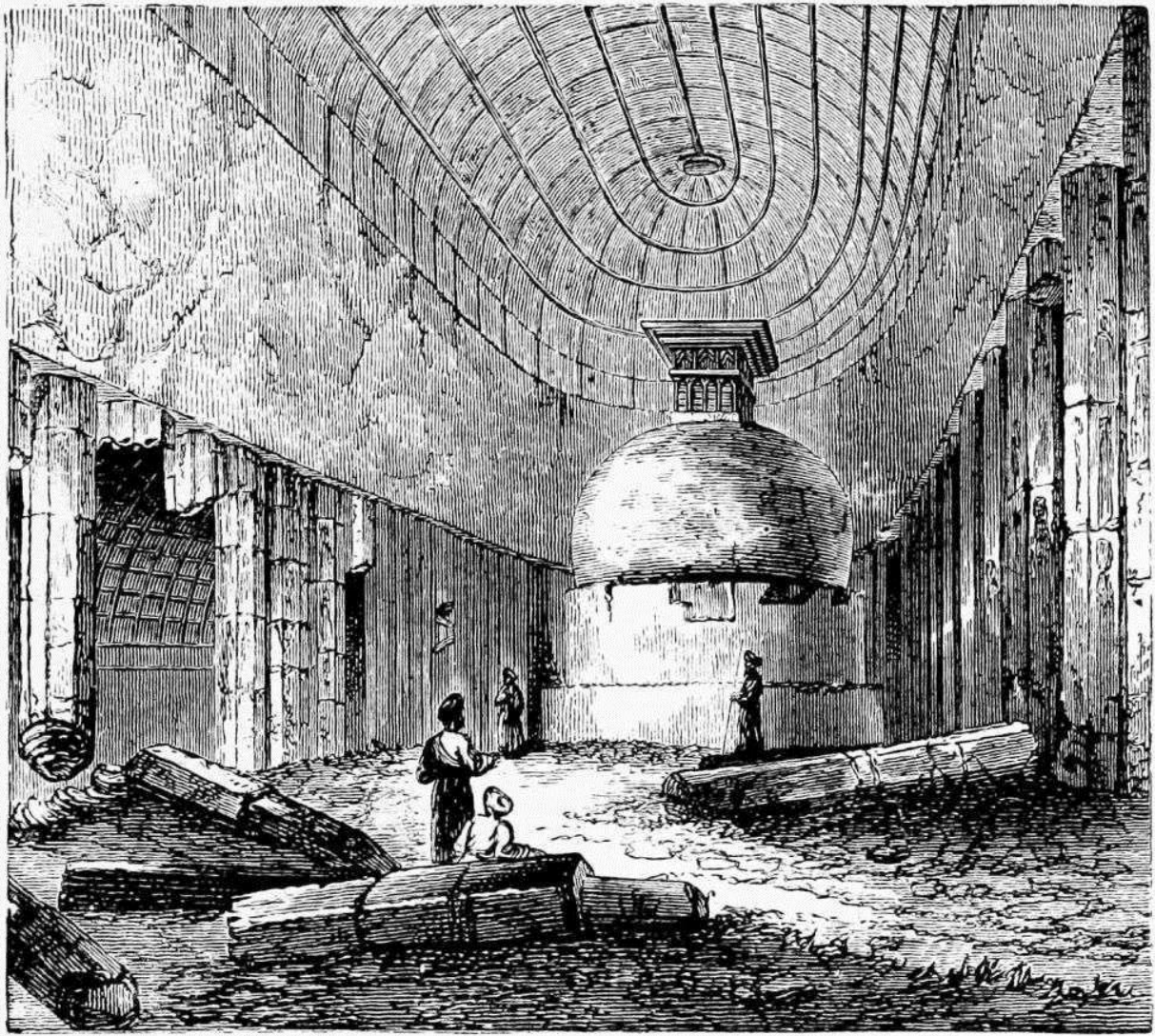

[back](#)

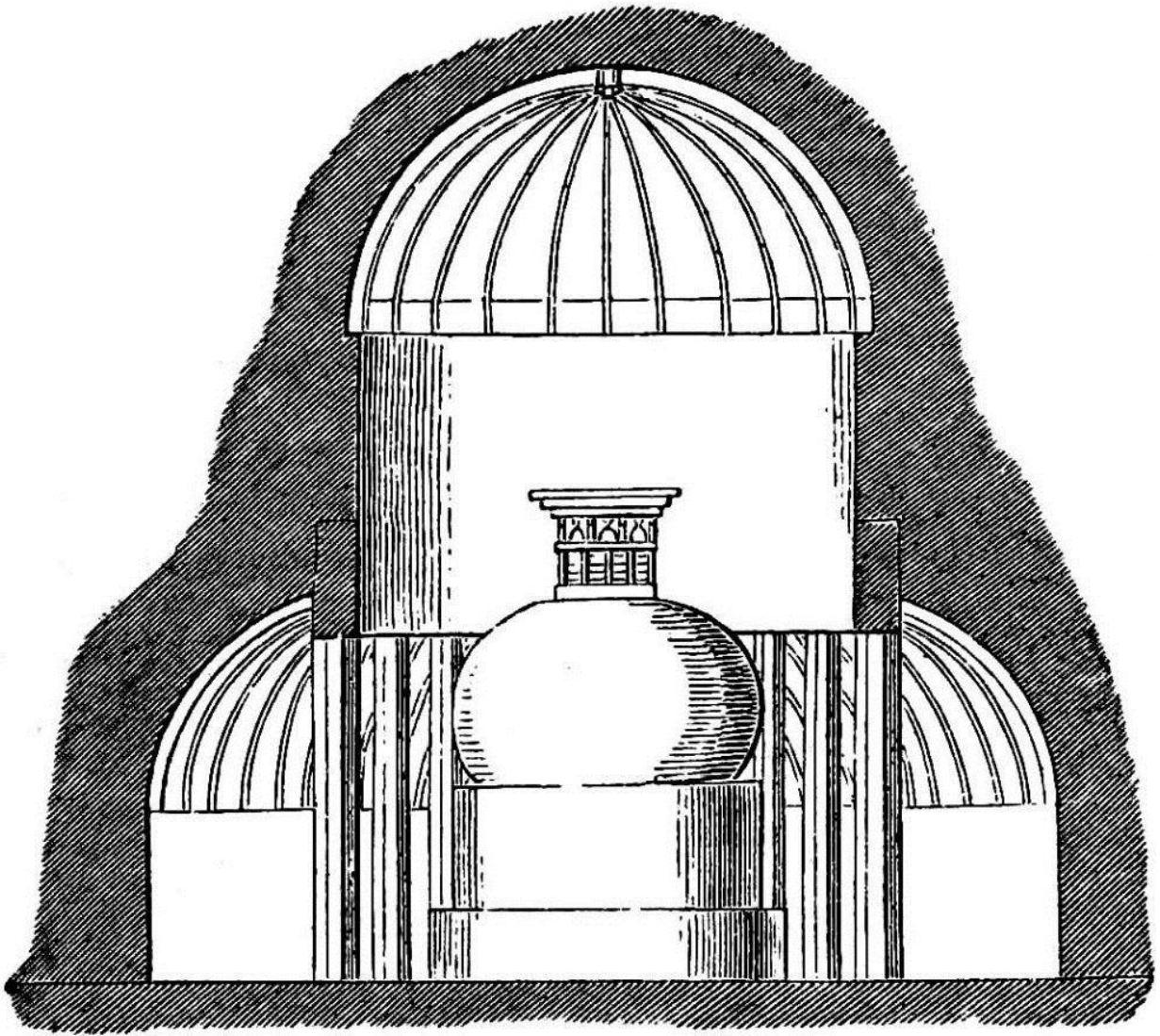

[back](#)

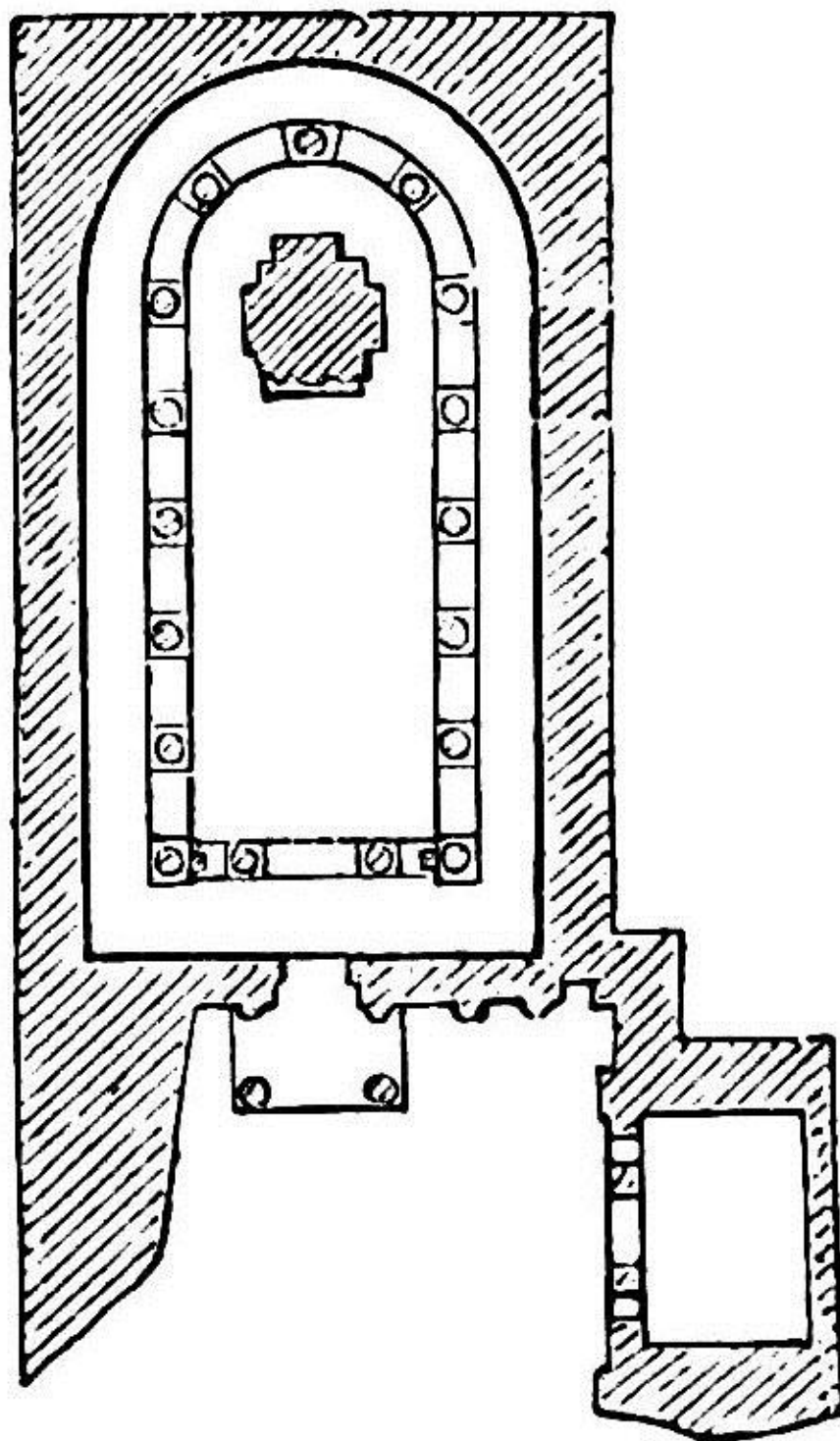

[back](#)

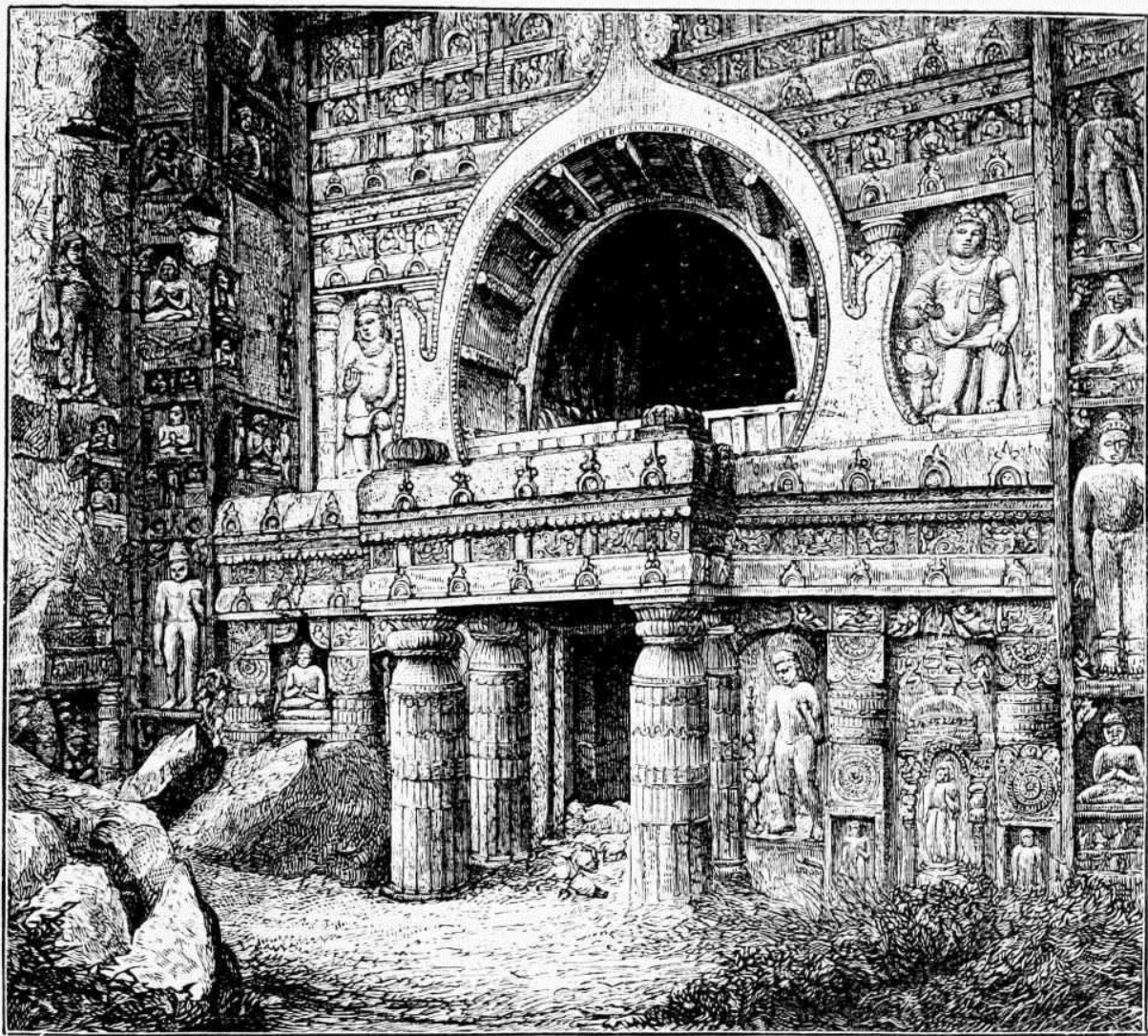

[back](#)

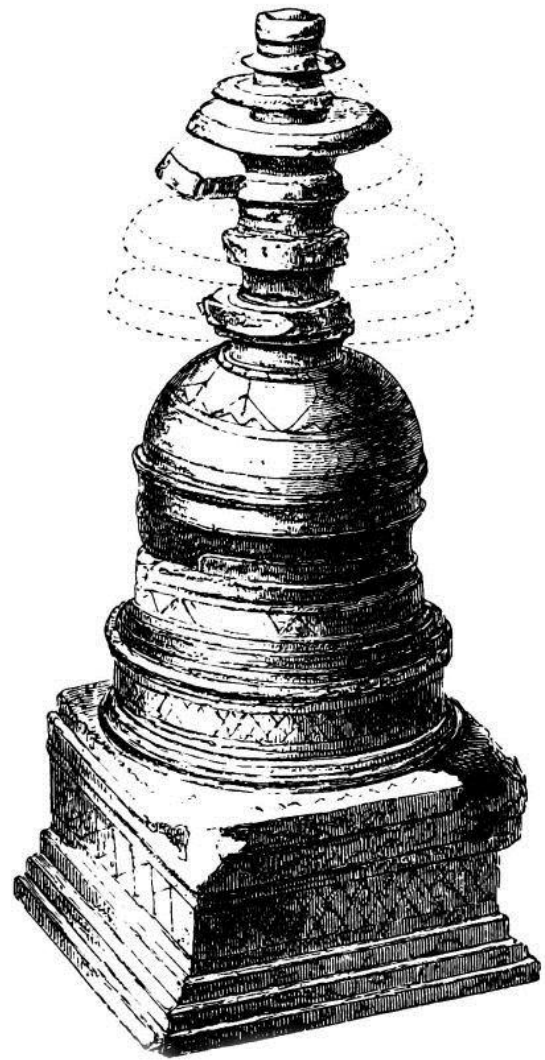
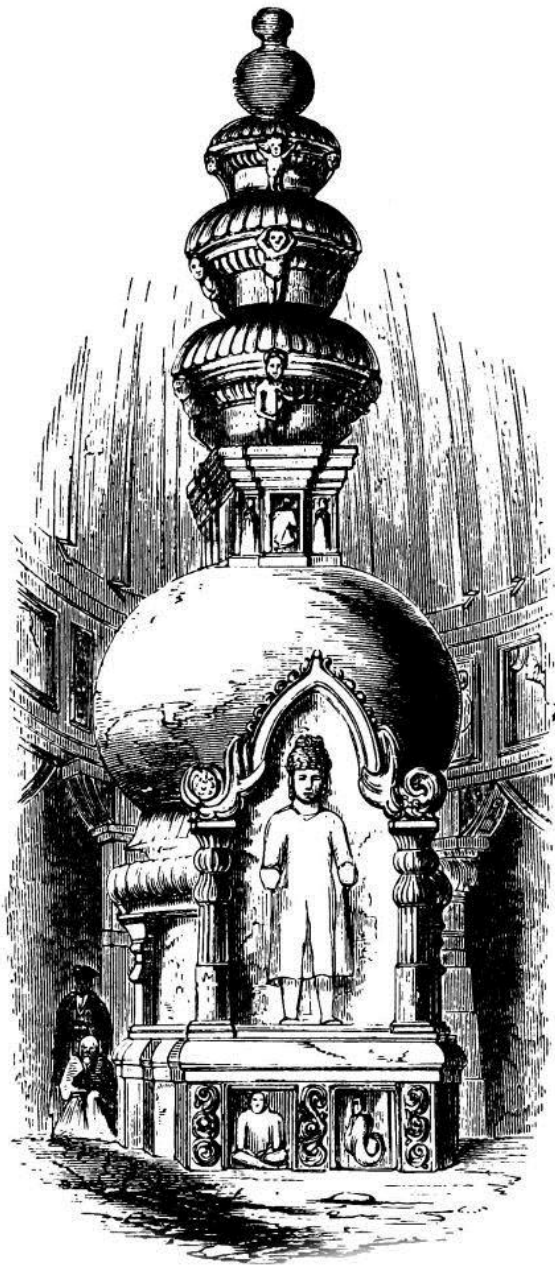

[back](#)

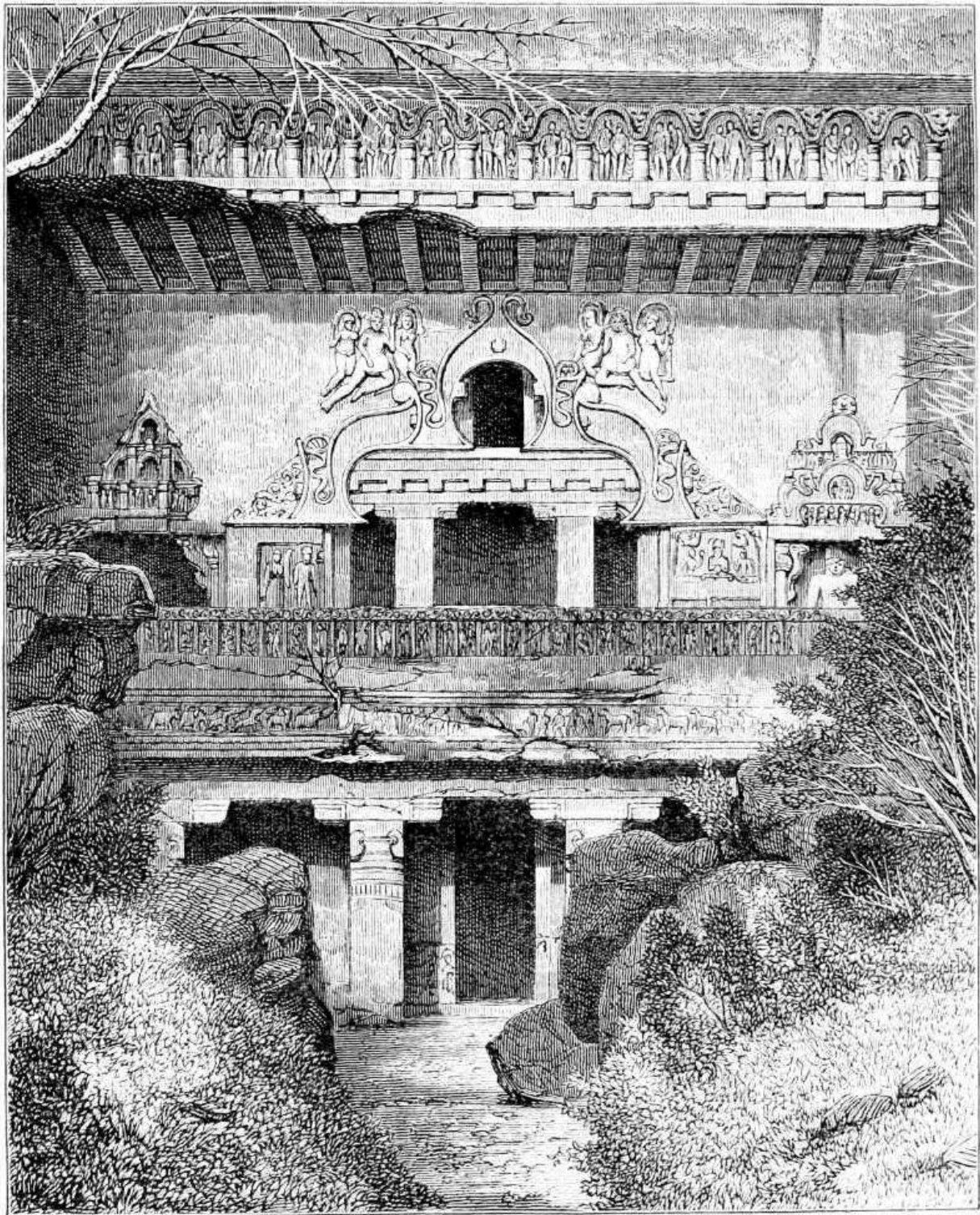
[back](#)

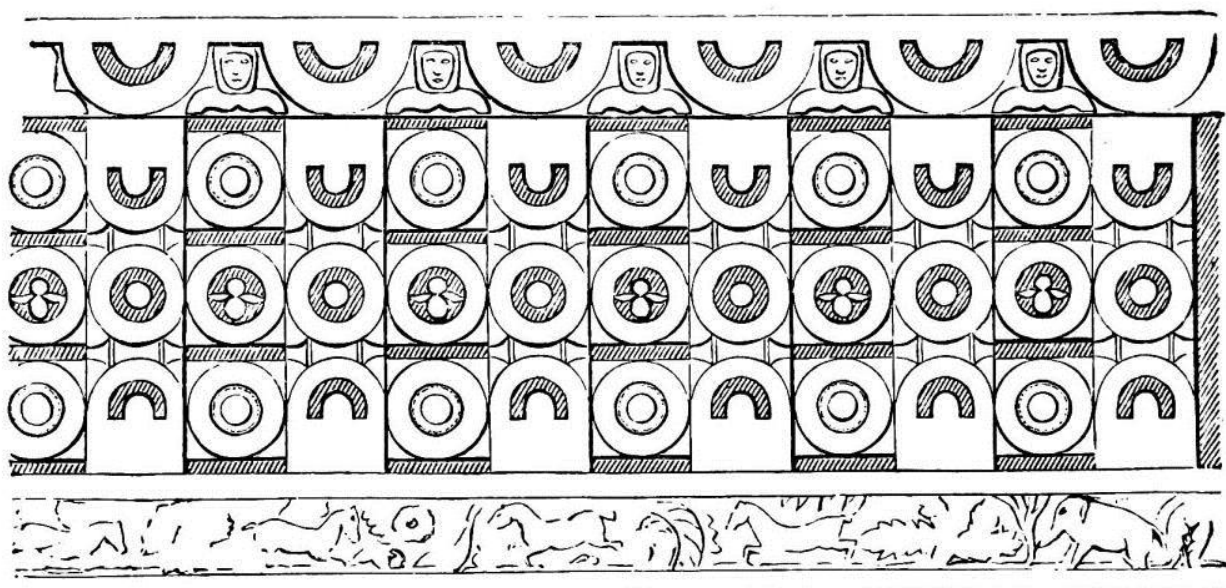
[back](#)

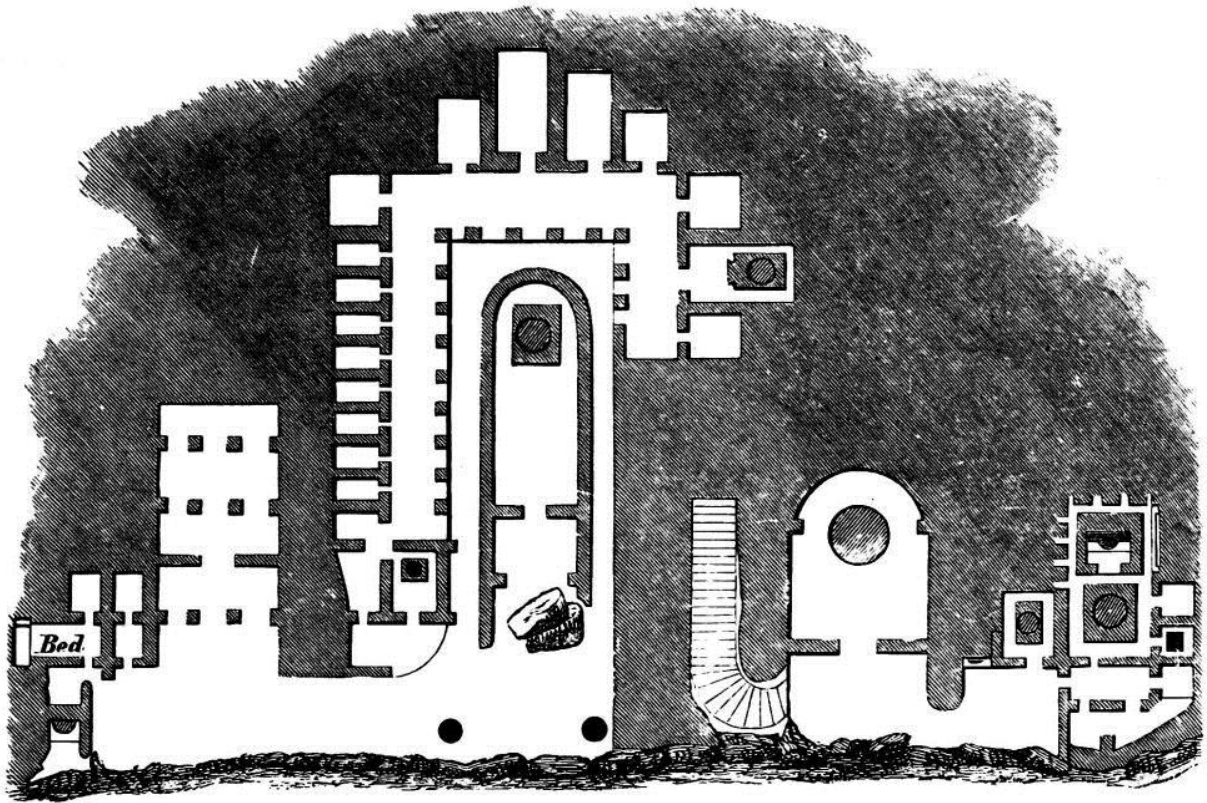

[back](#)

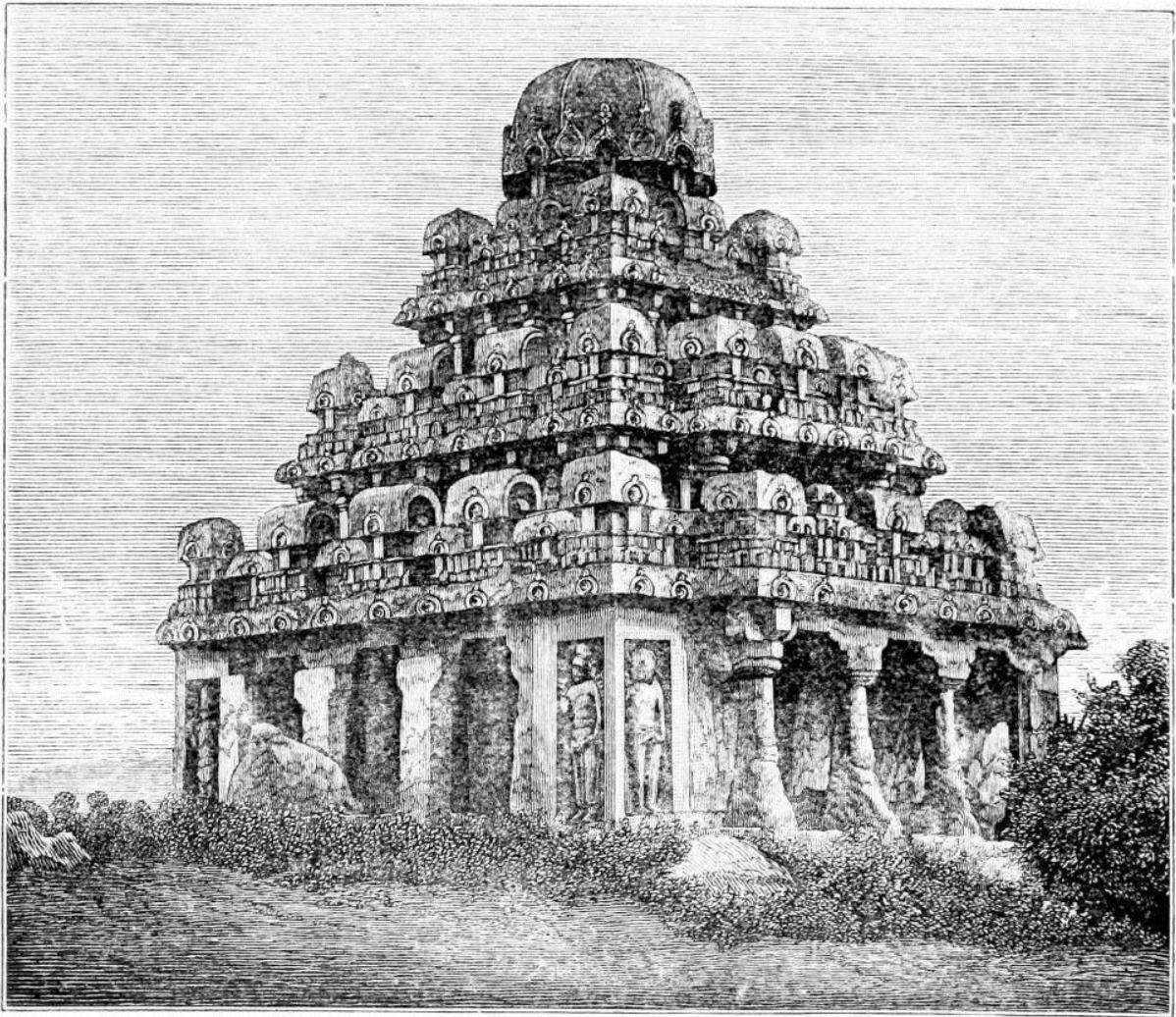

[back](#)

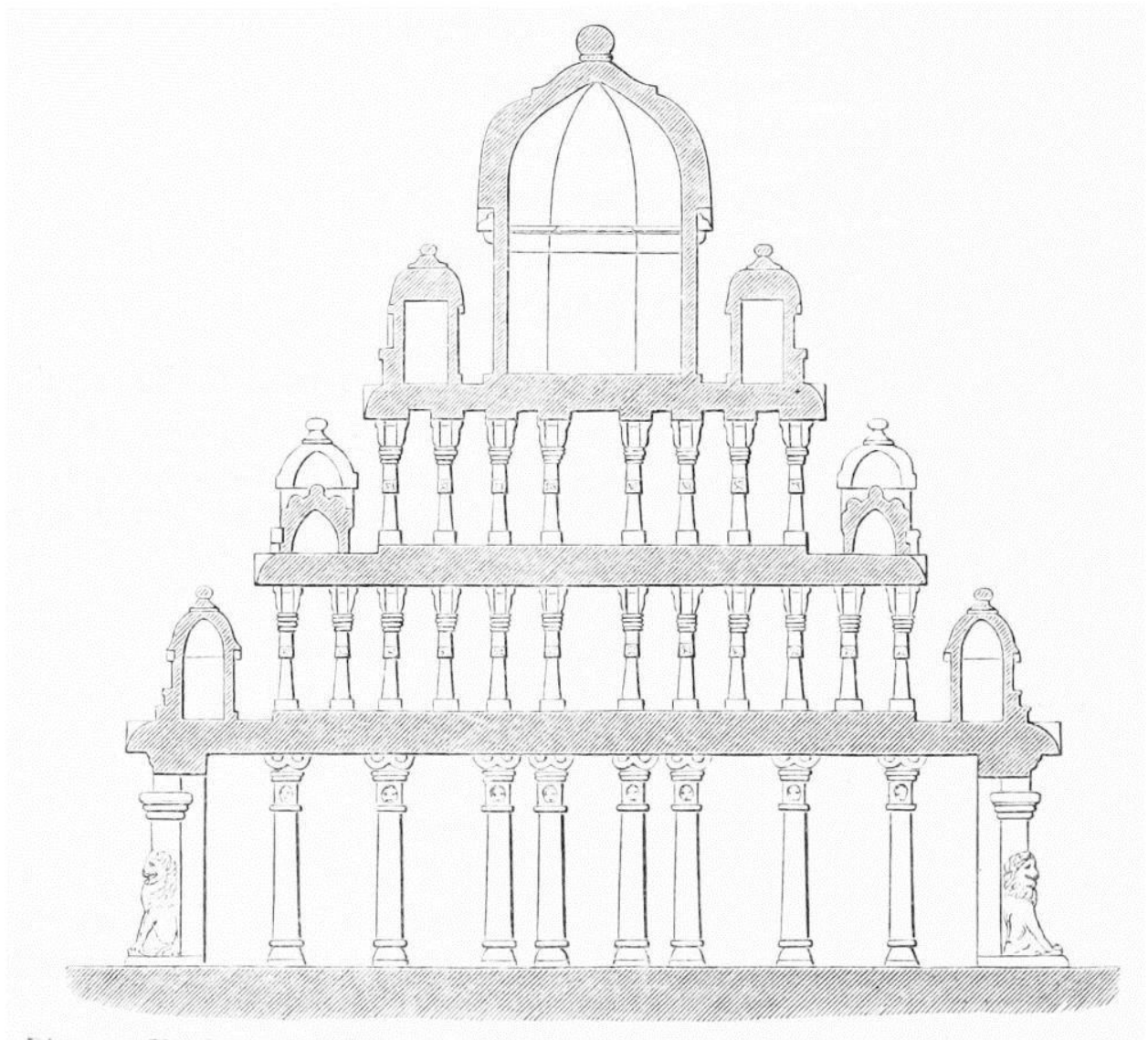
[back](#)

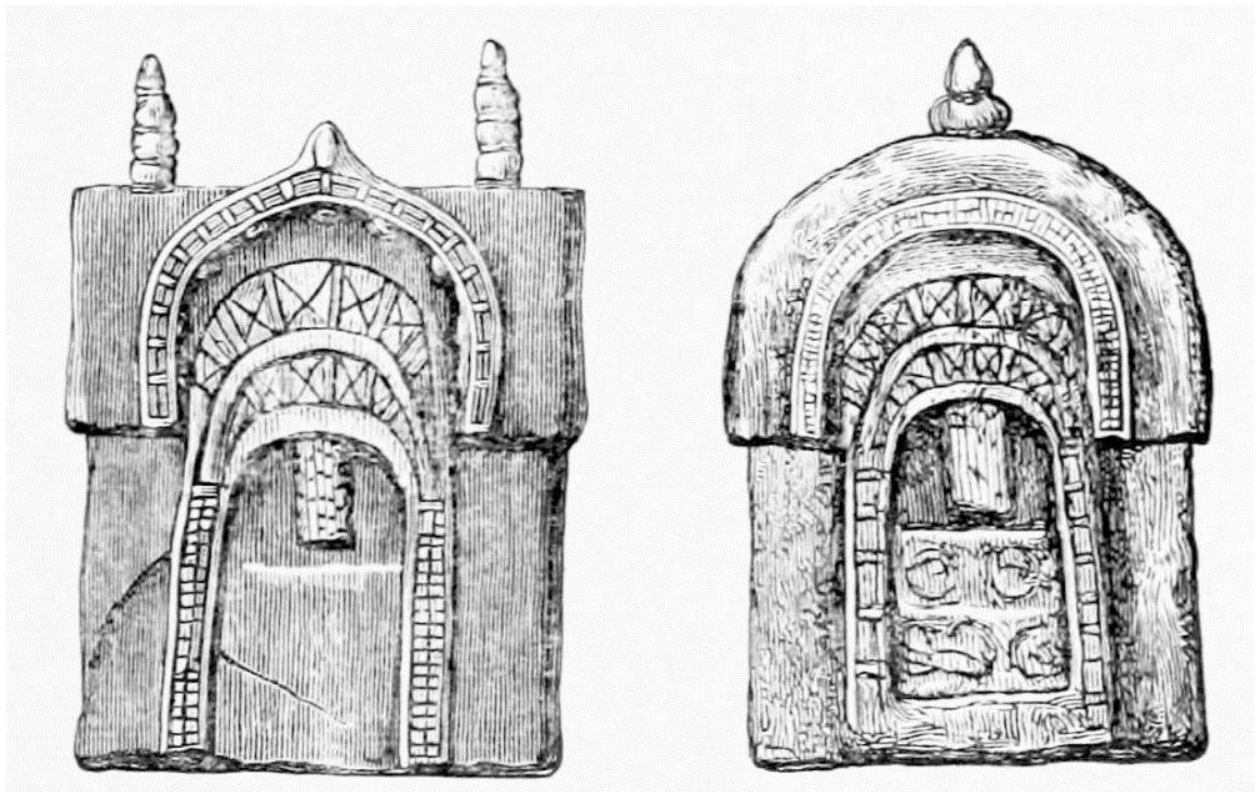

[back](#)

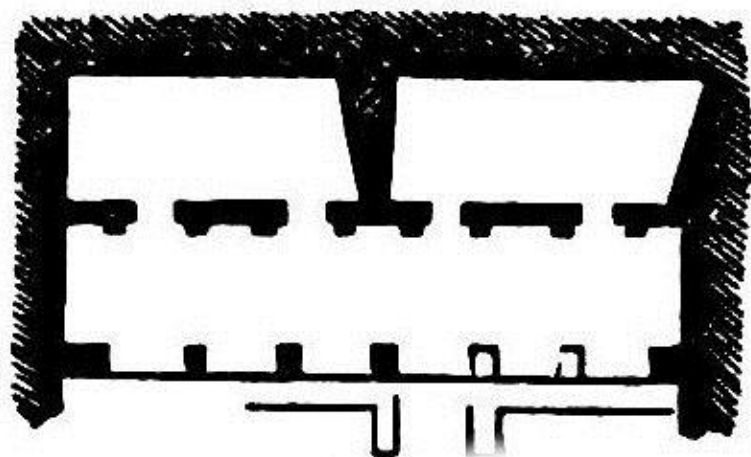

[back](#)

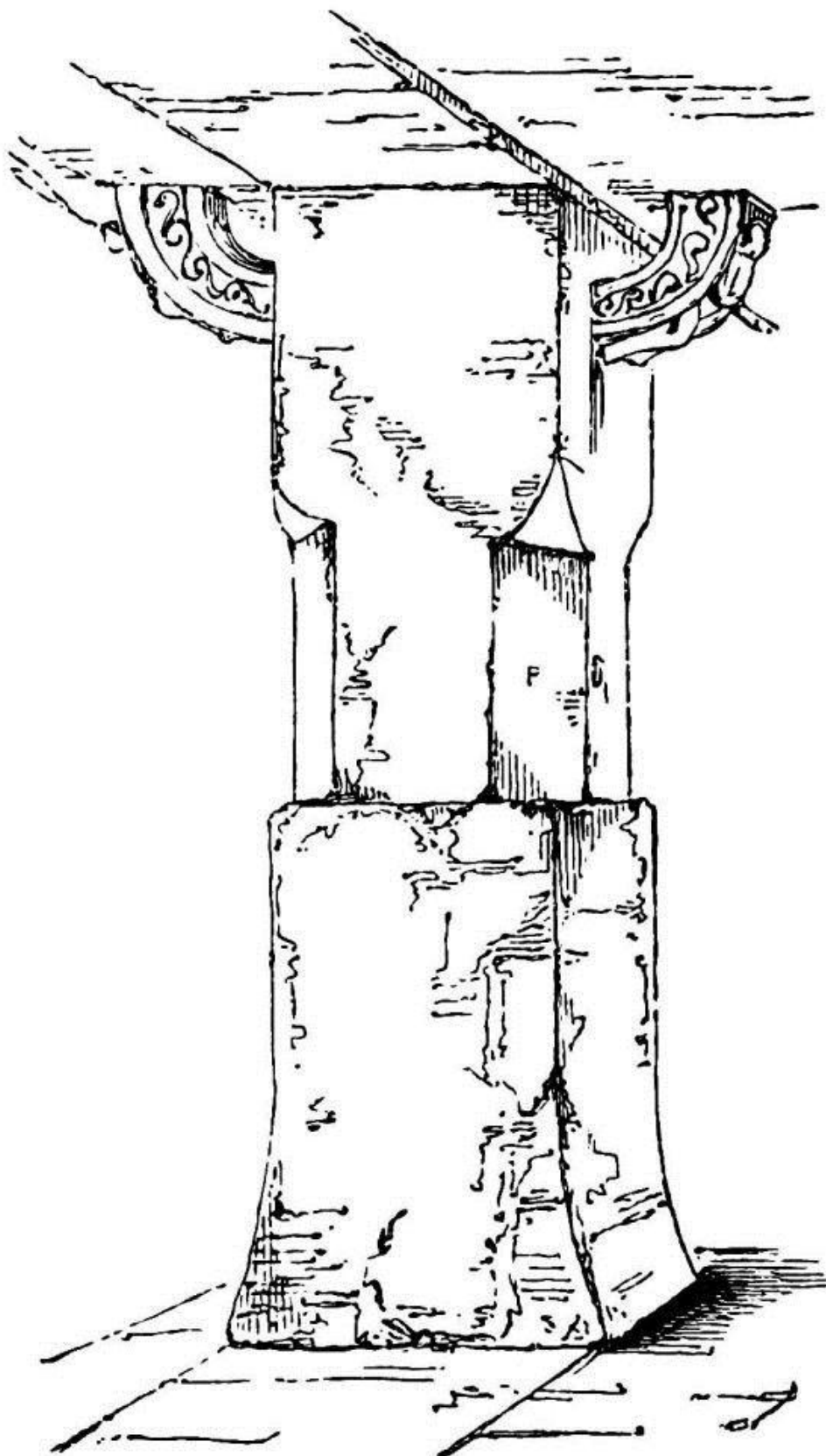

[back](#)

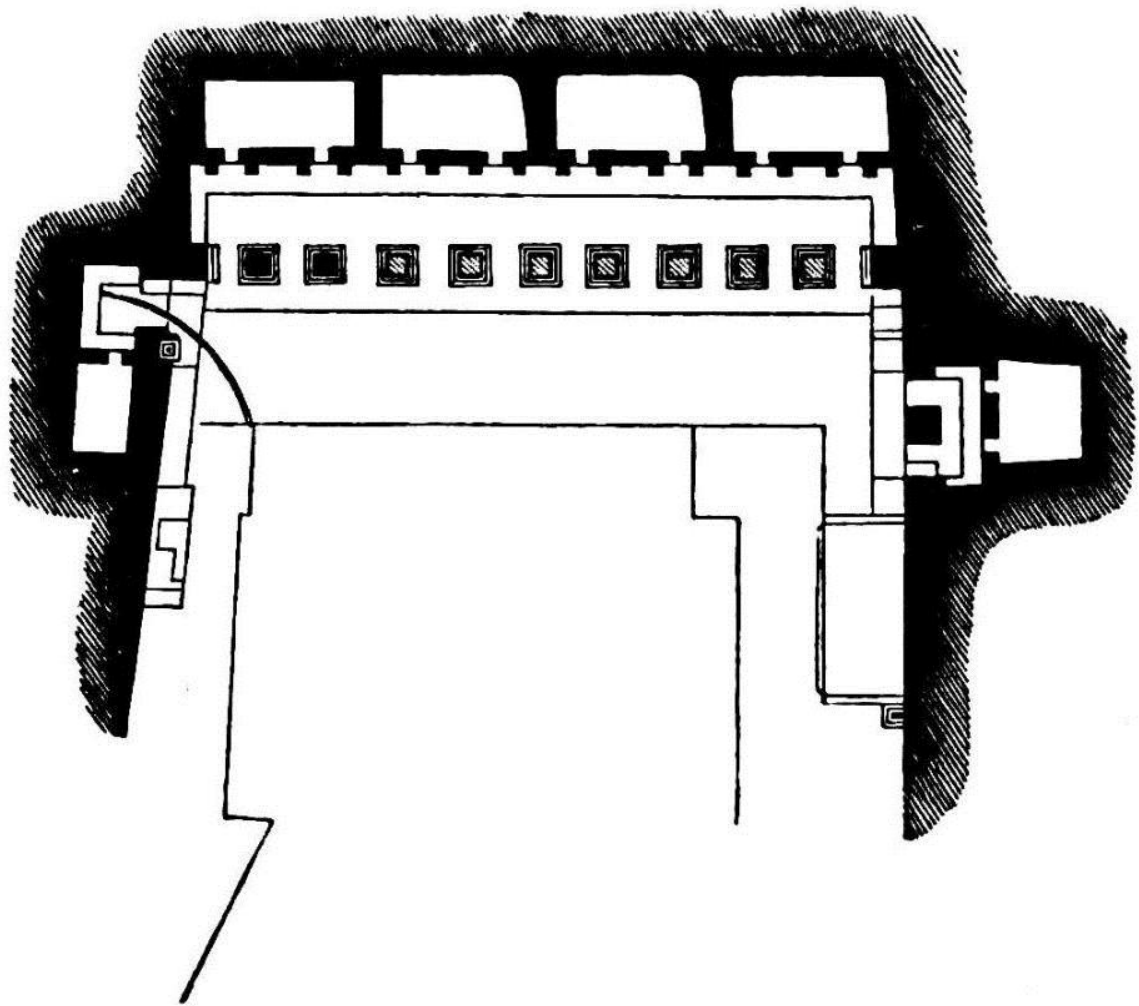

[back](#)

[back](#)

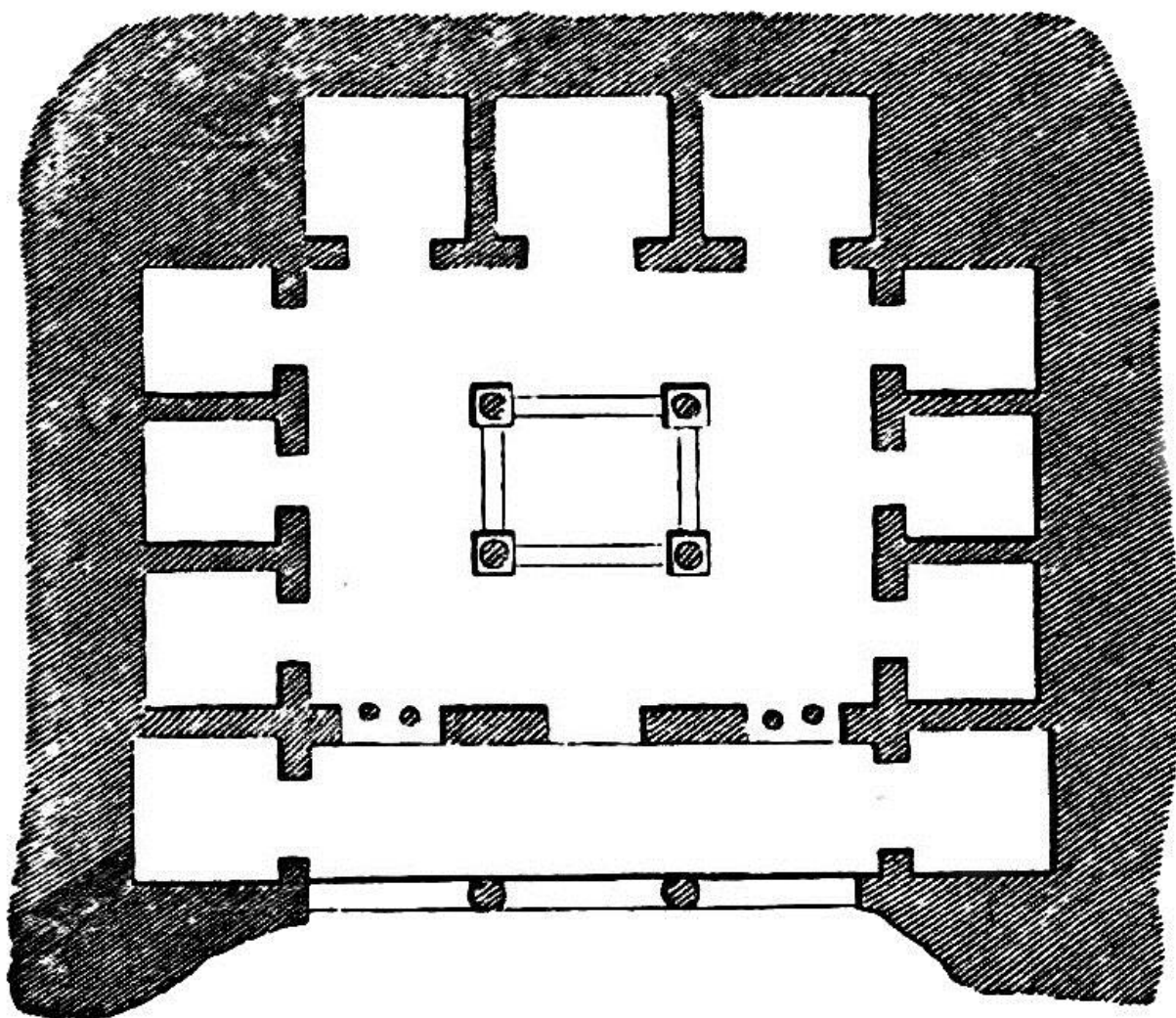

[back](#)

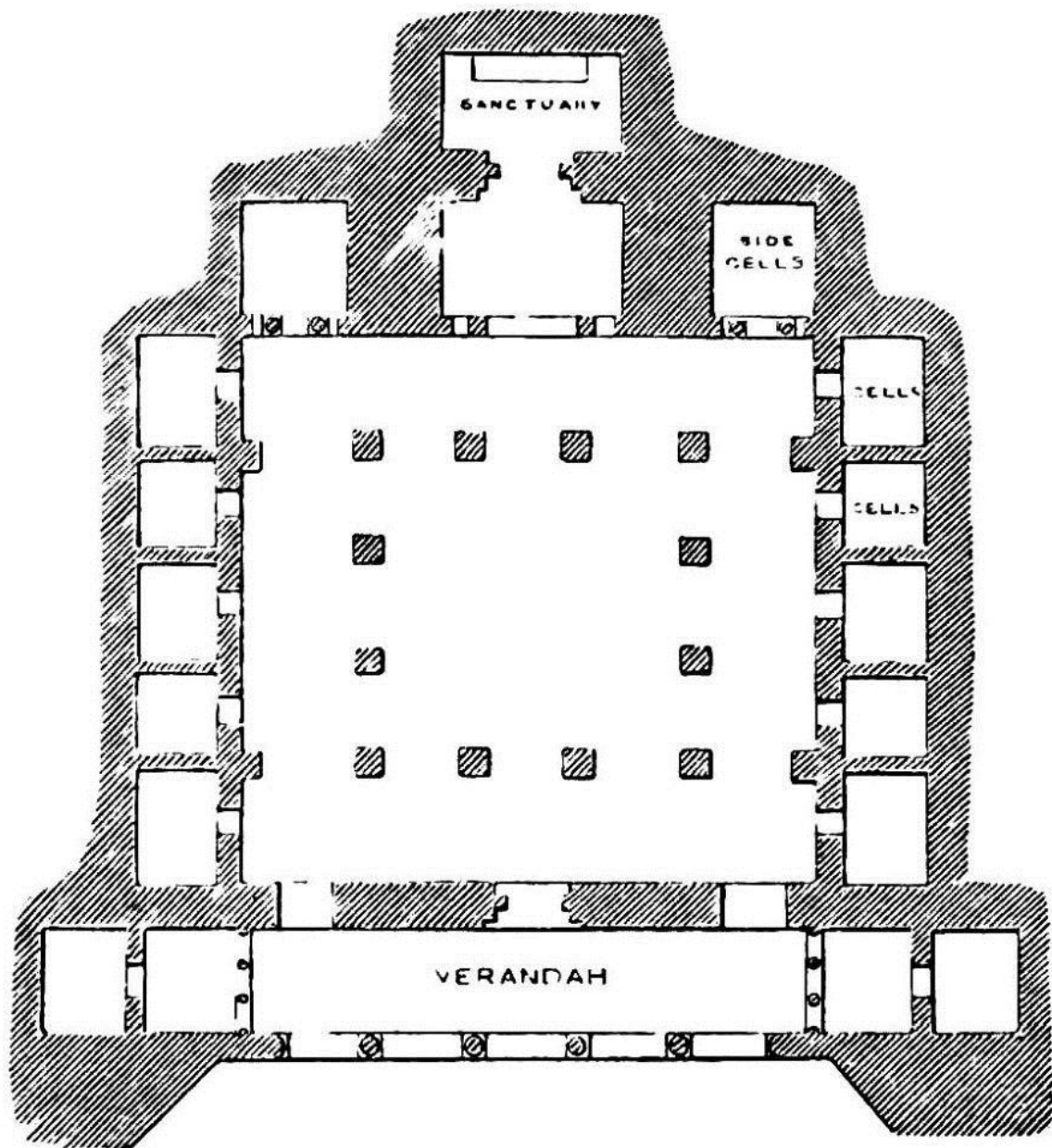

[back](#)

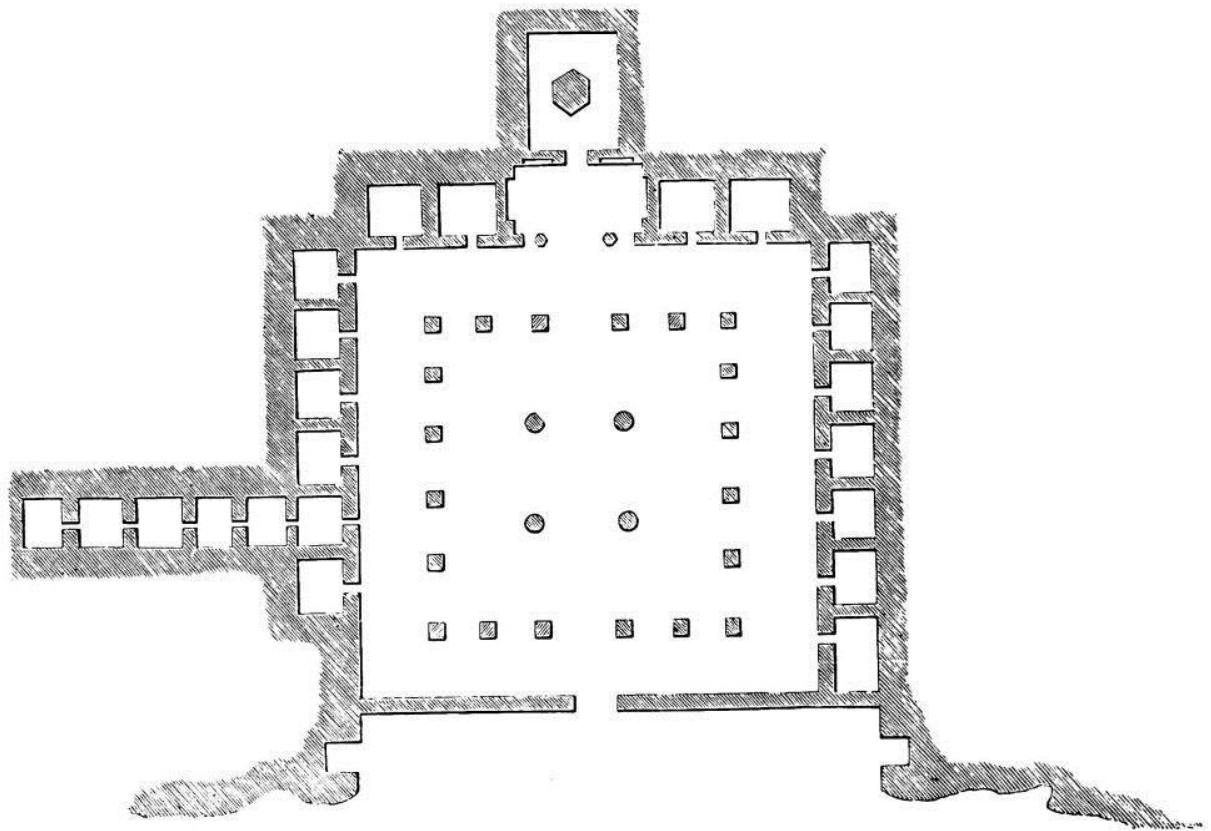

[back](#)

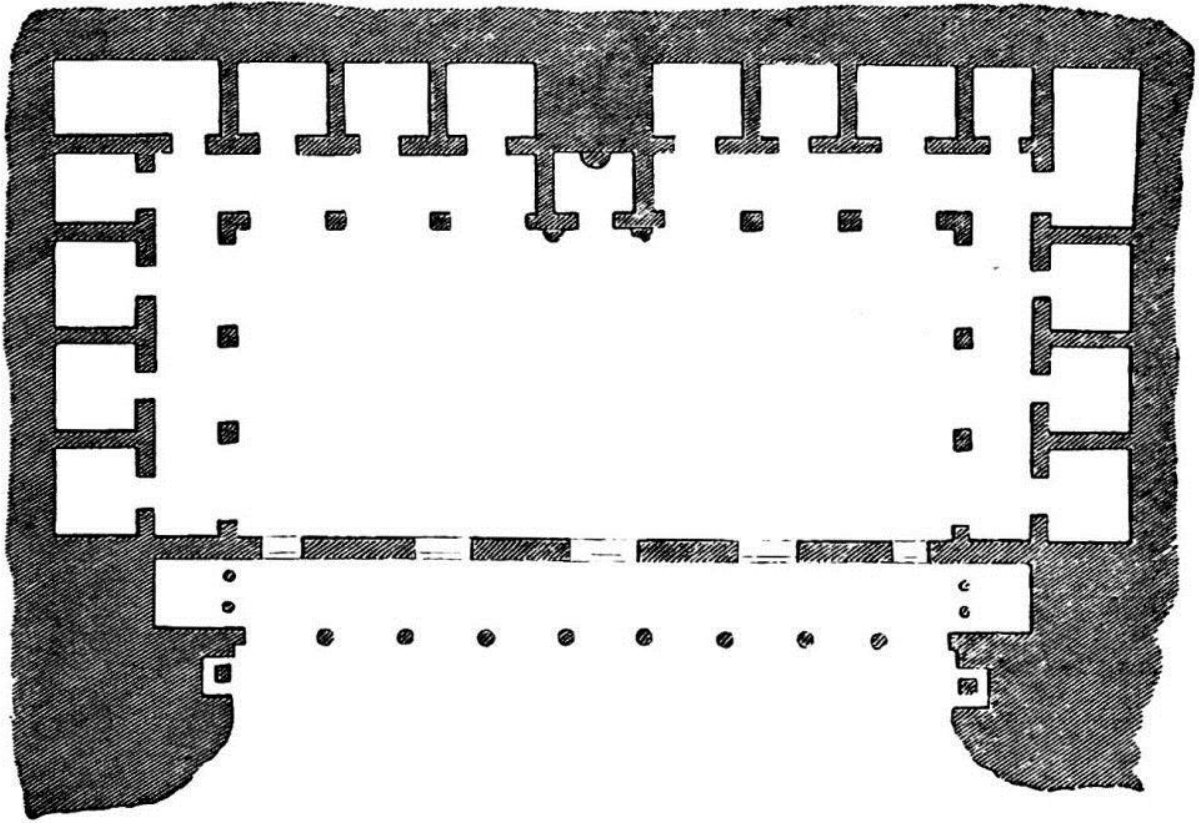

[back](#)

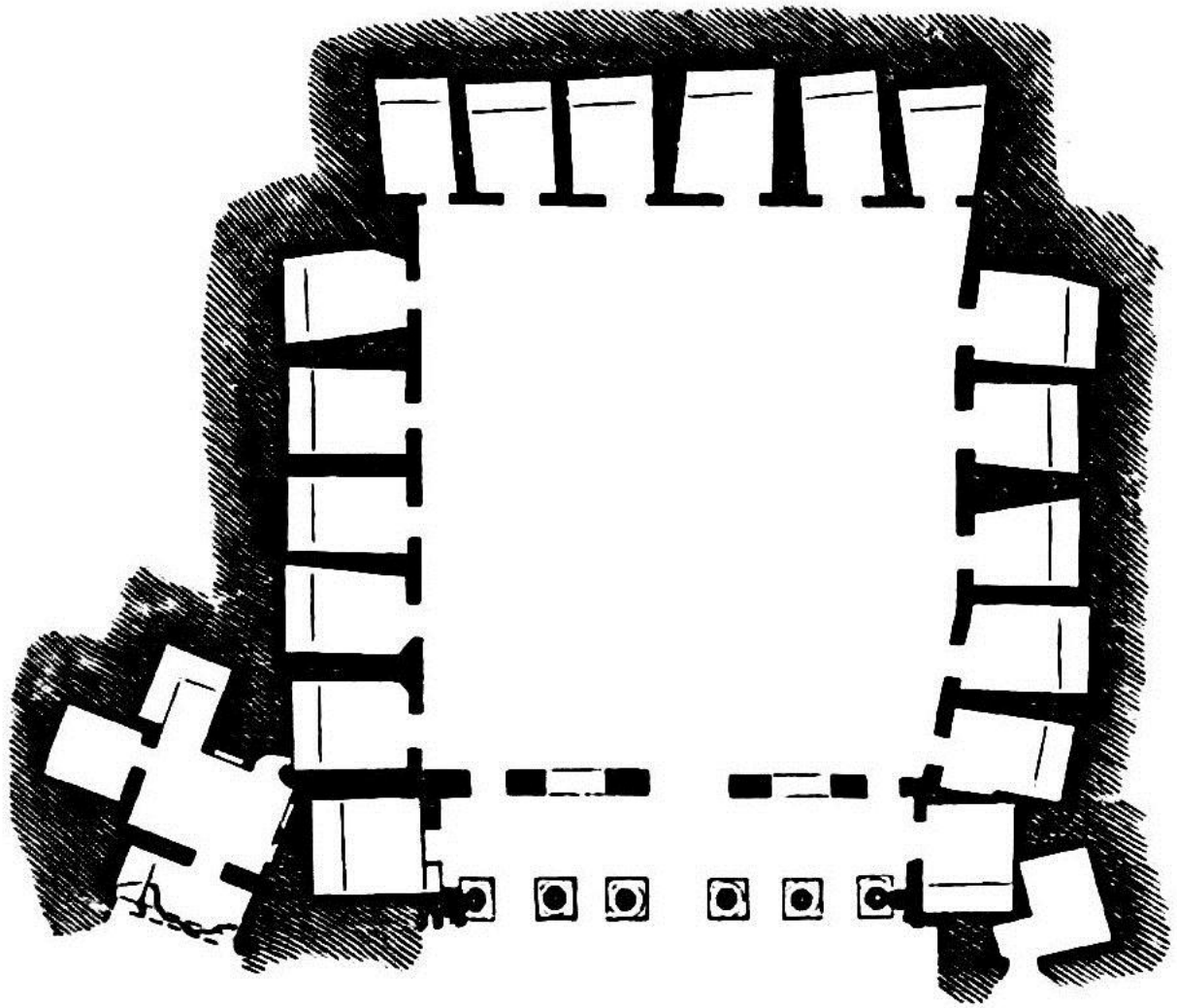

[back](#)

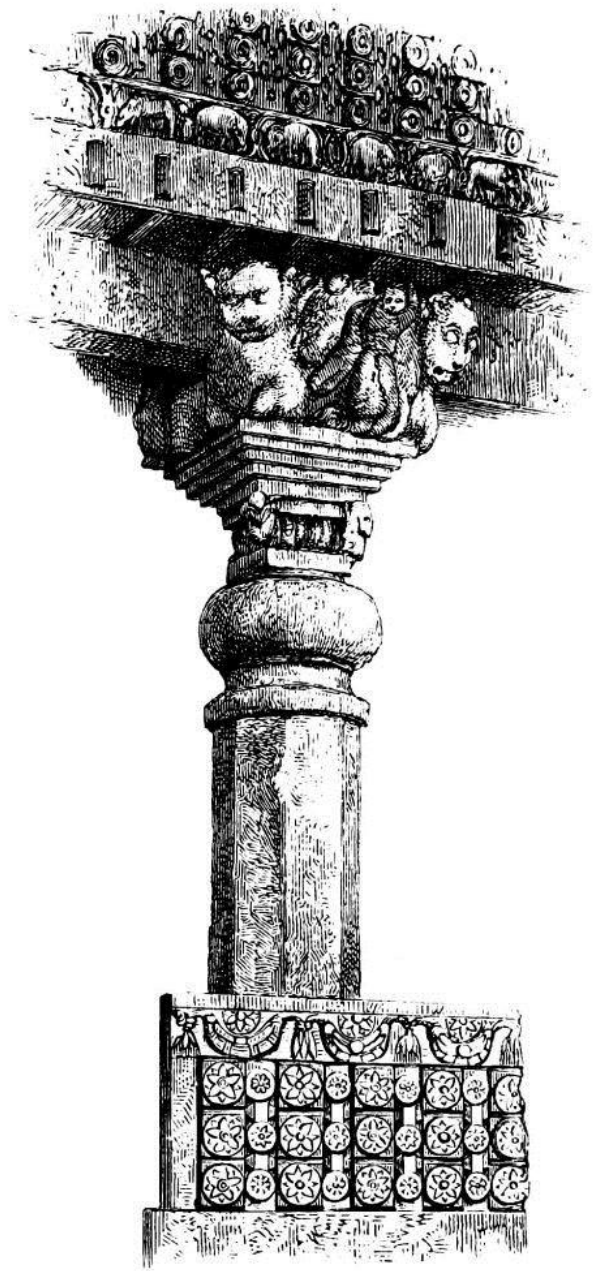
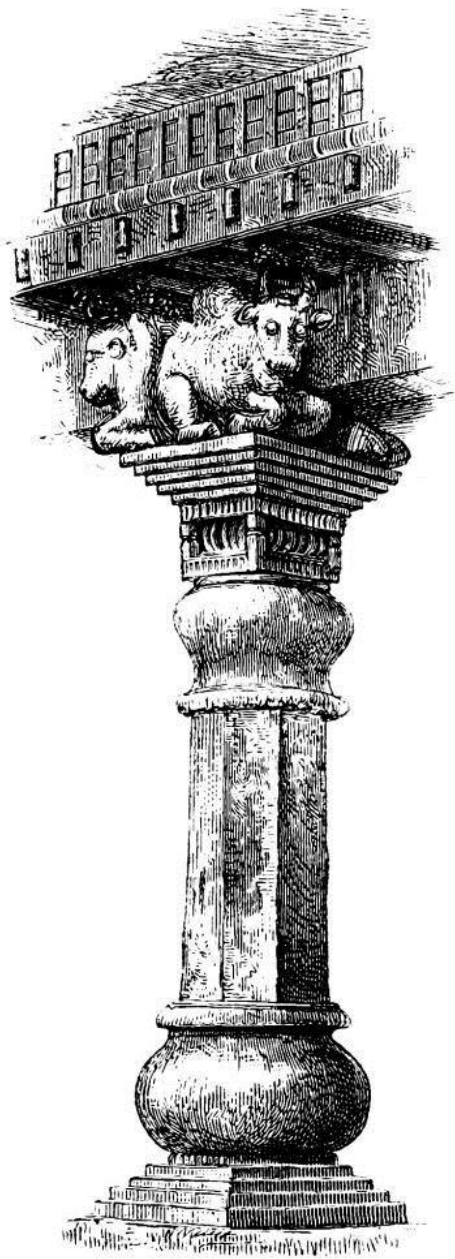

[back](#)

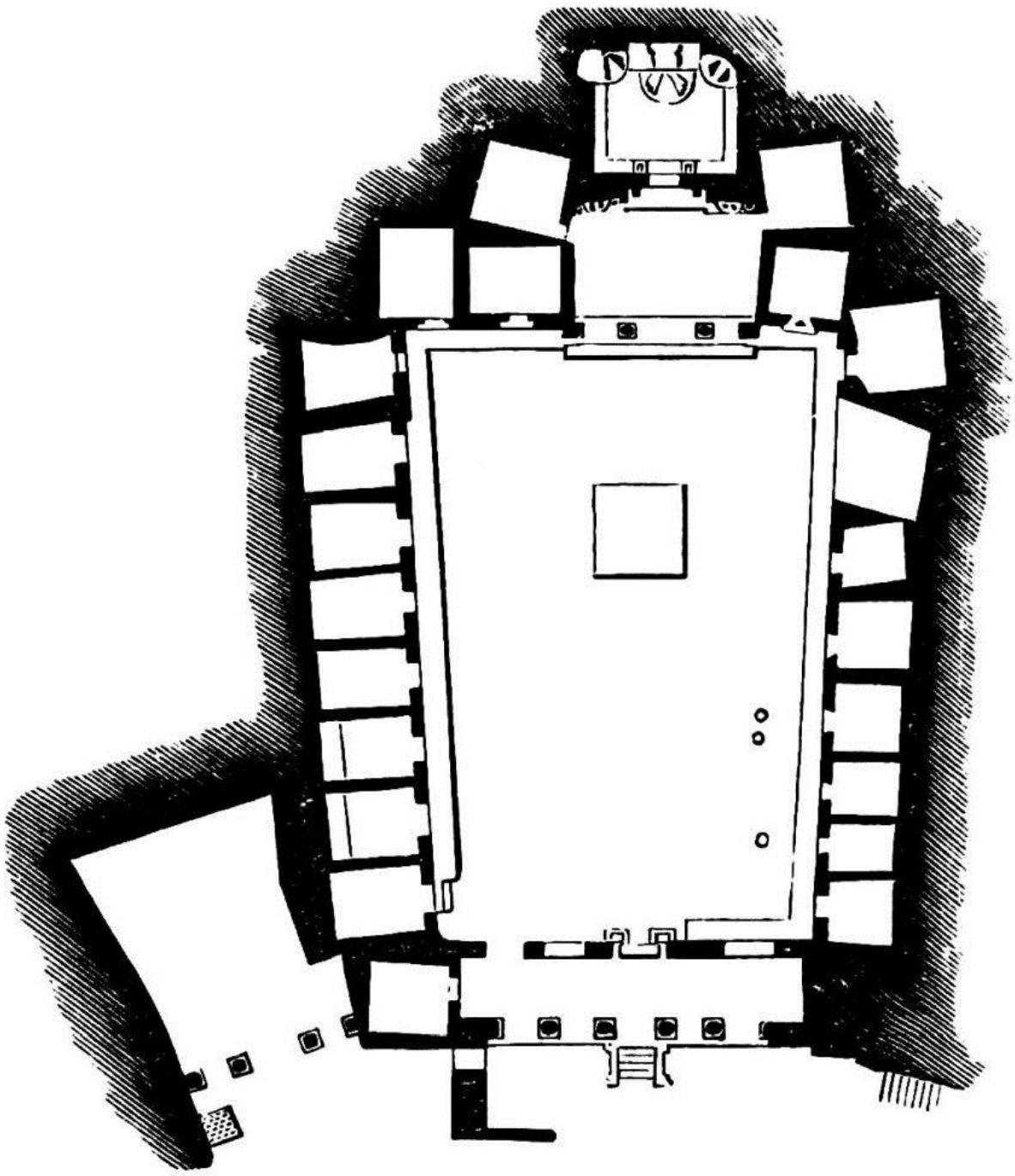

[back](#)

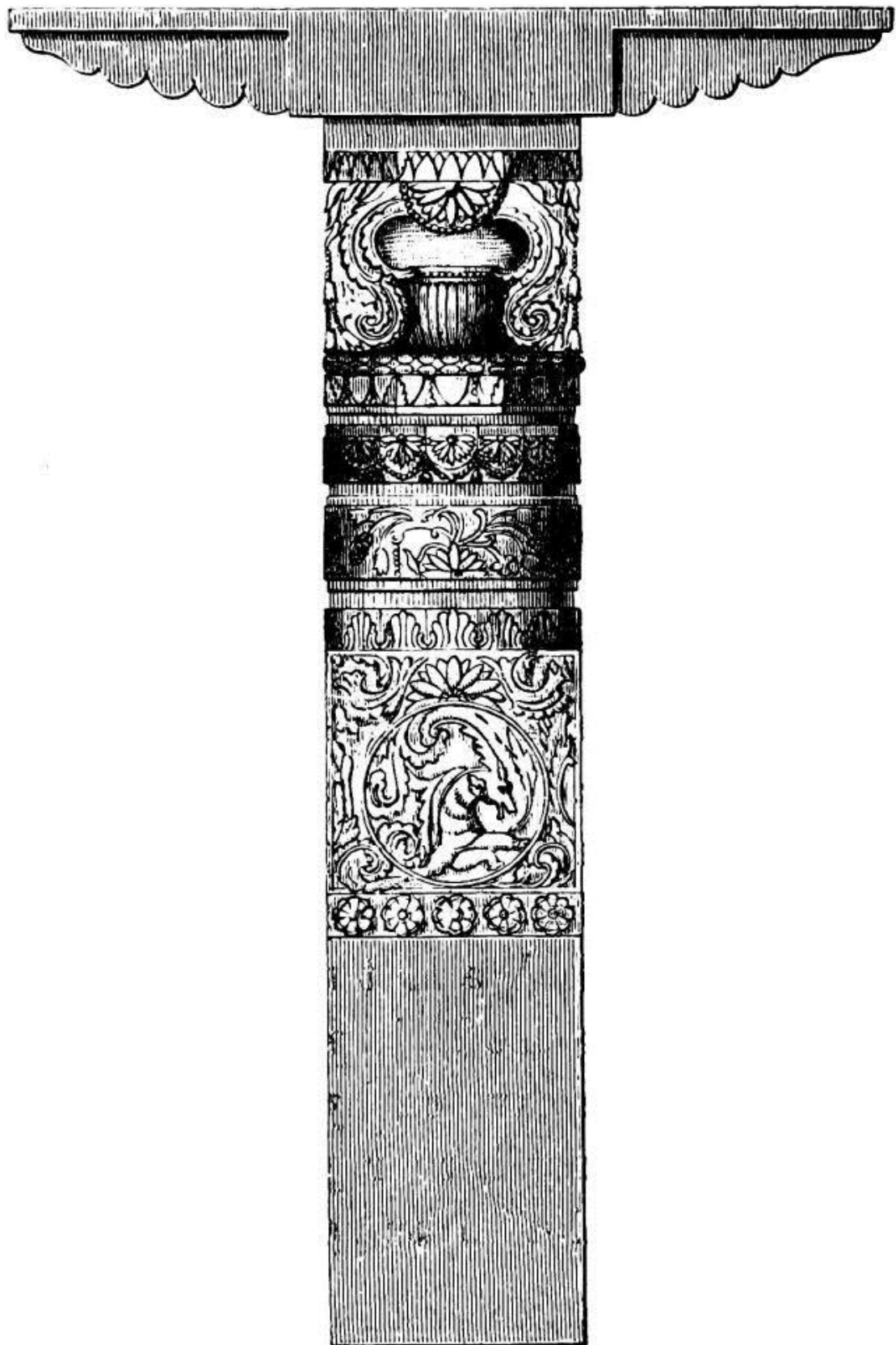

[back](#)

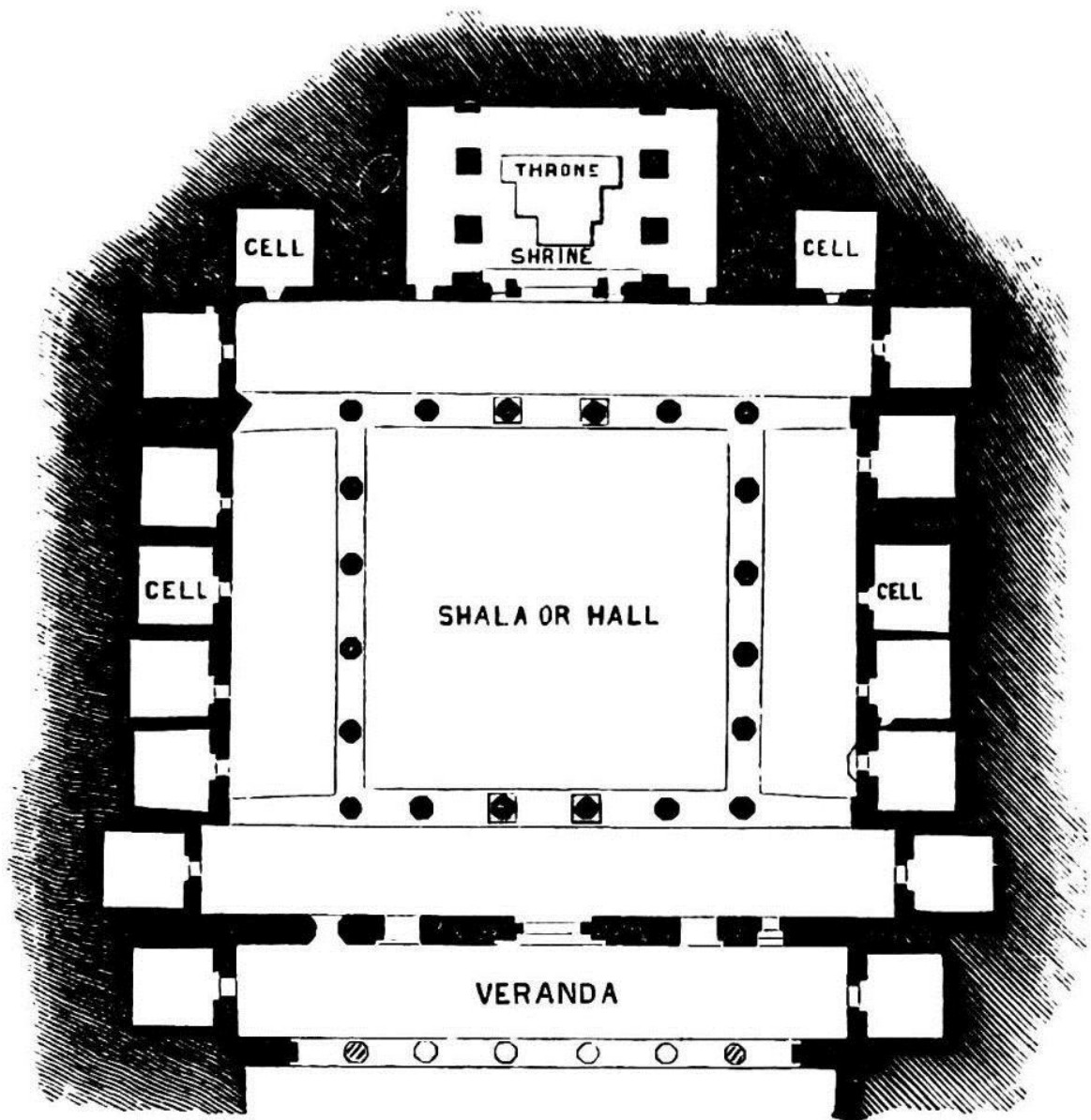

[back](#)

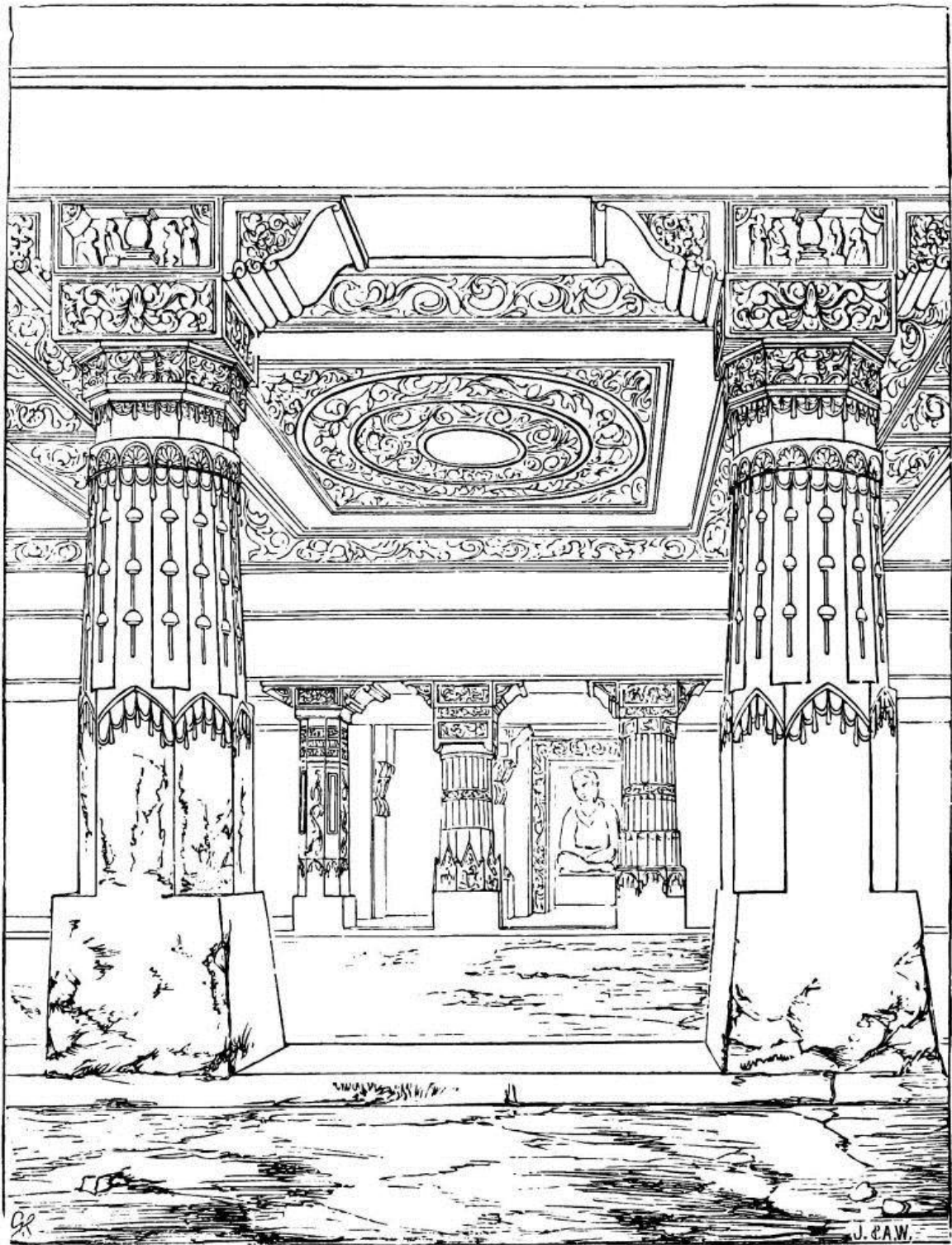

[back](#)

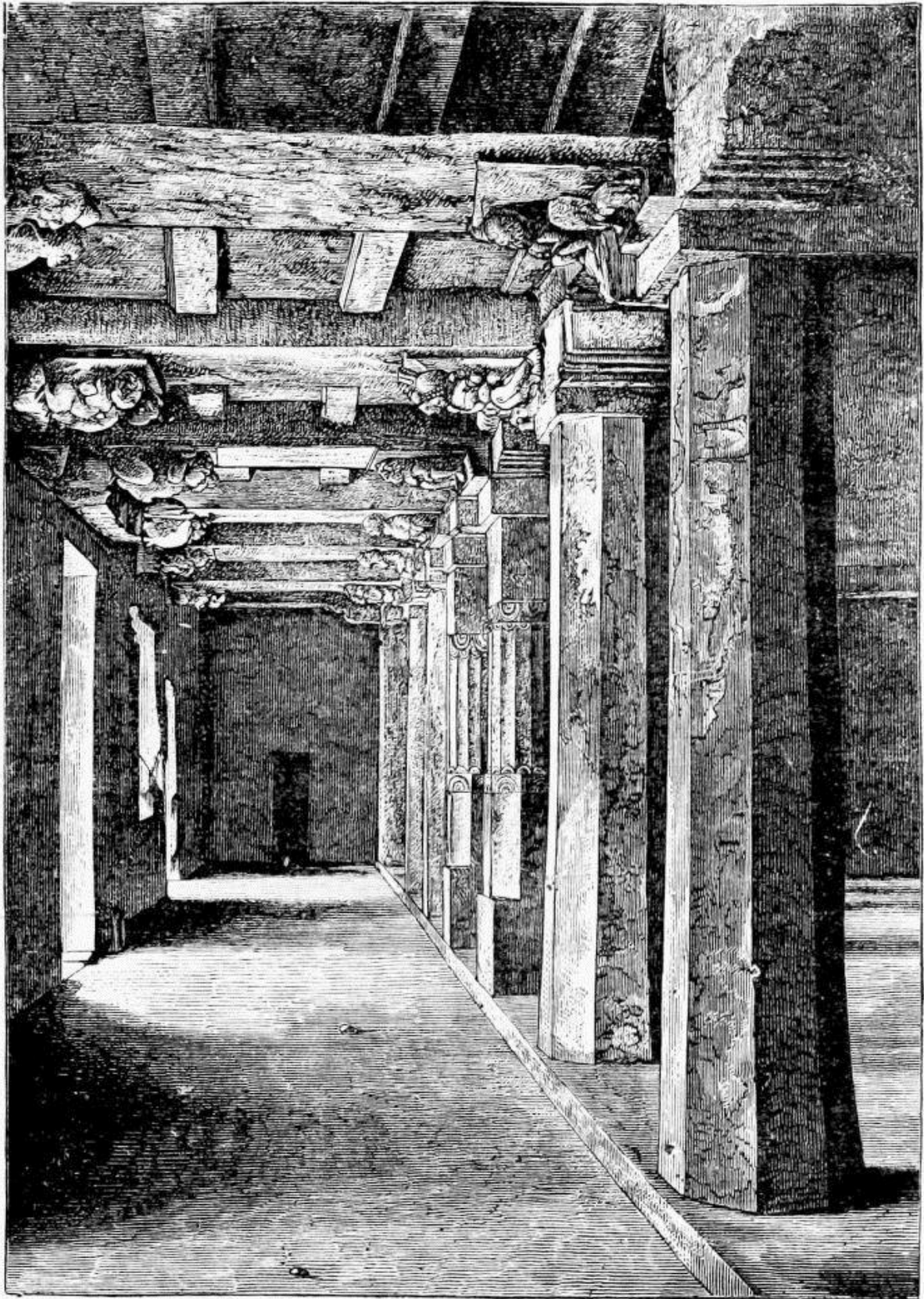
[back](#)

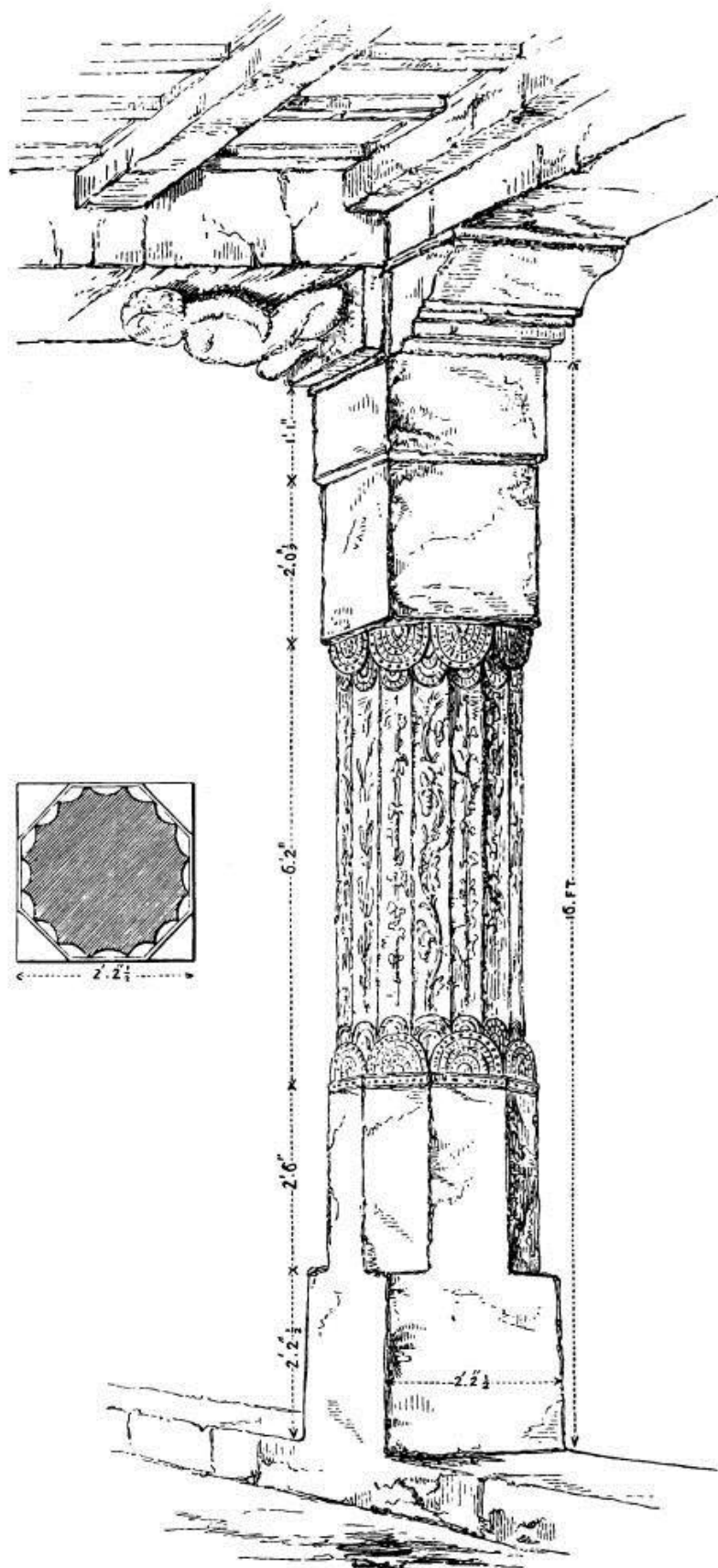

[back](#)

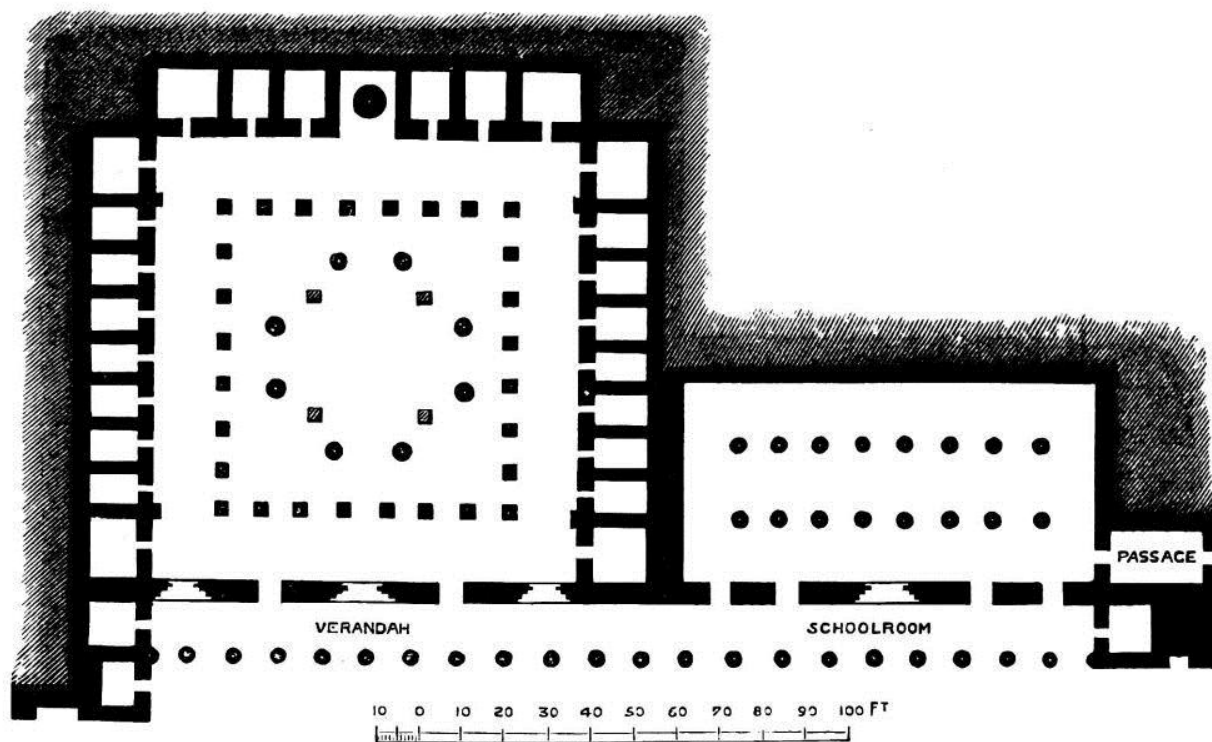

[back](#)

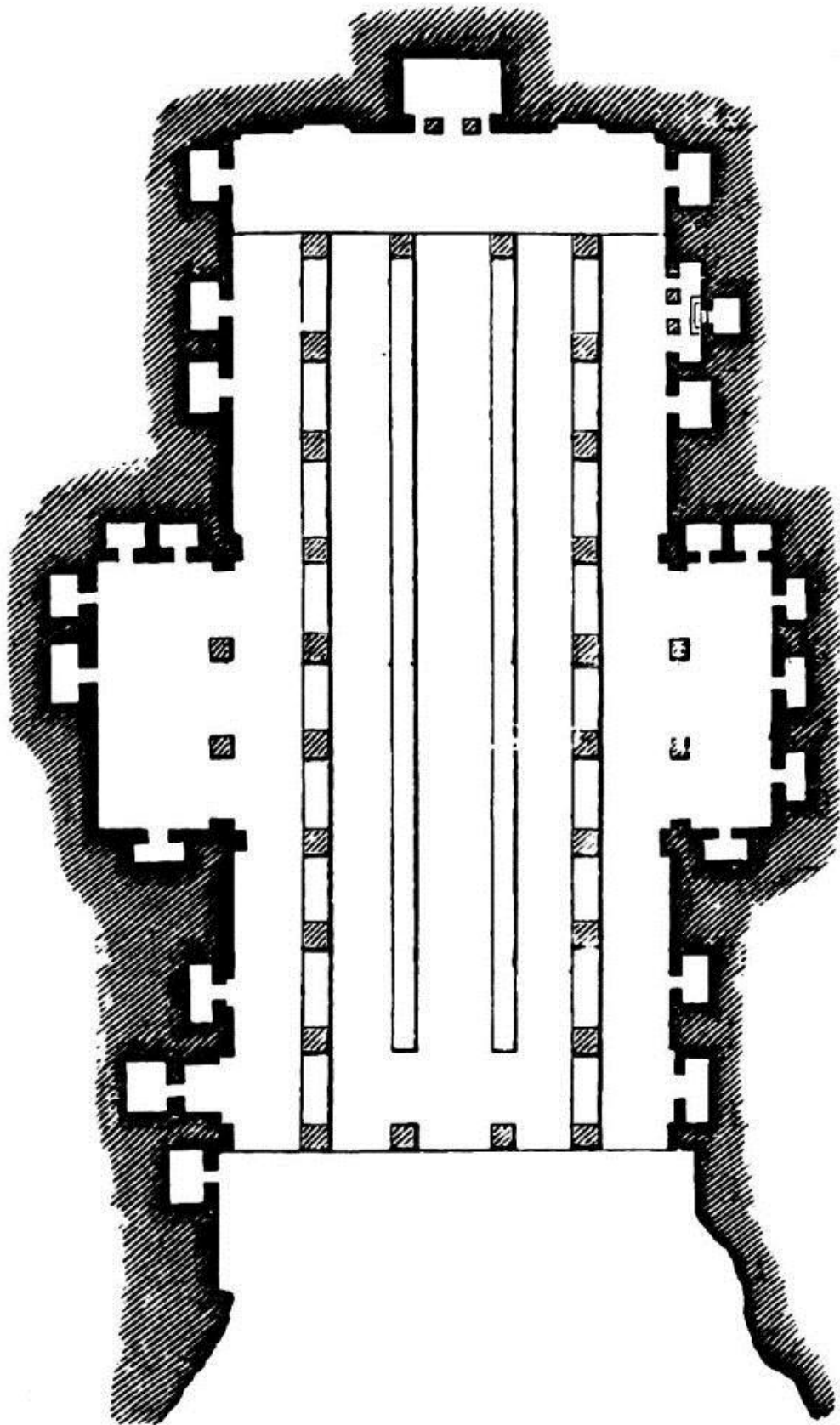

[back](#)

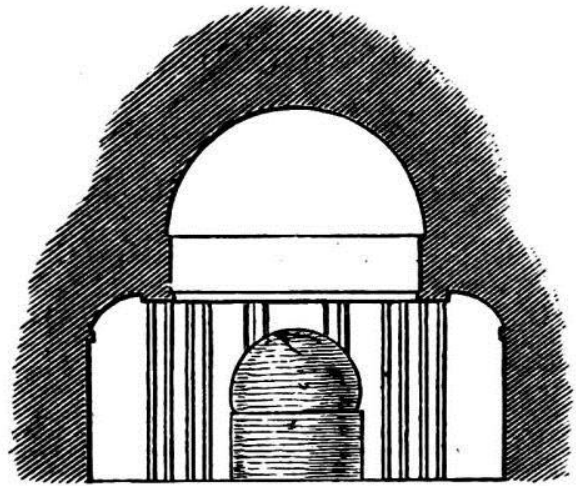
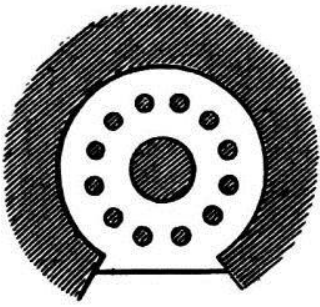

[back](#)

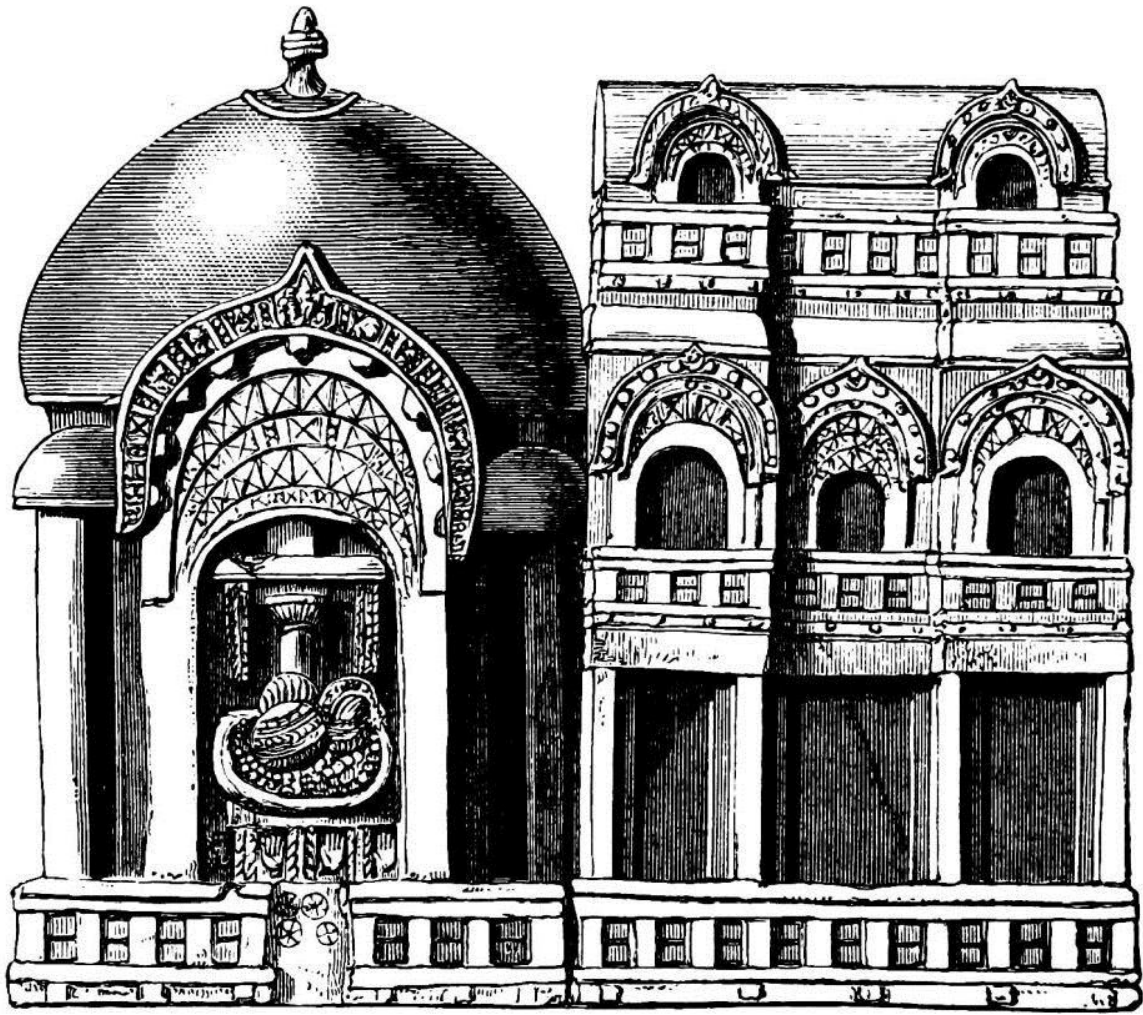

[back](#)

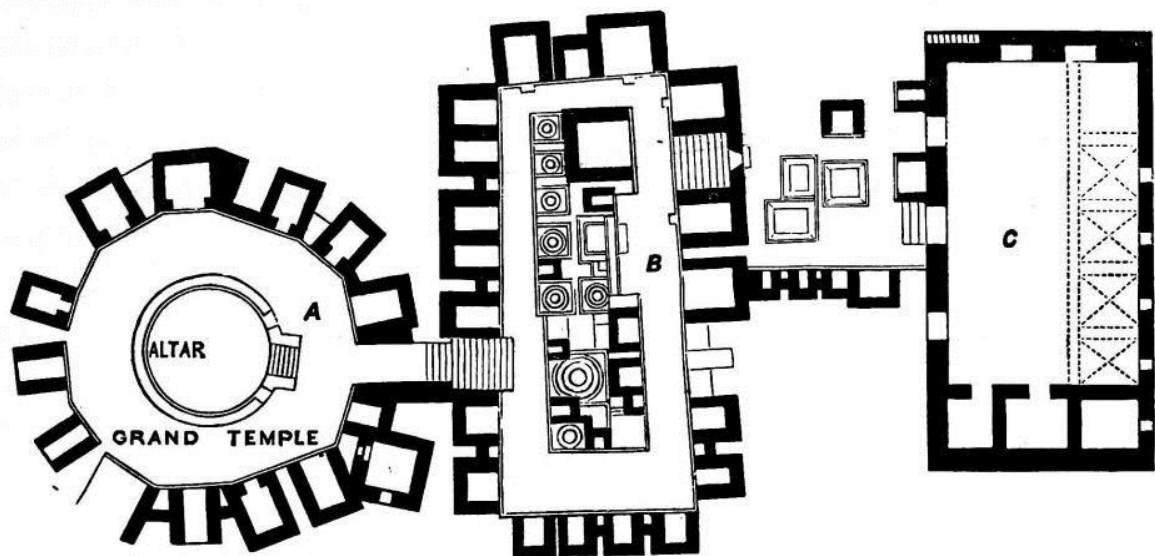

[back](#)

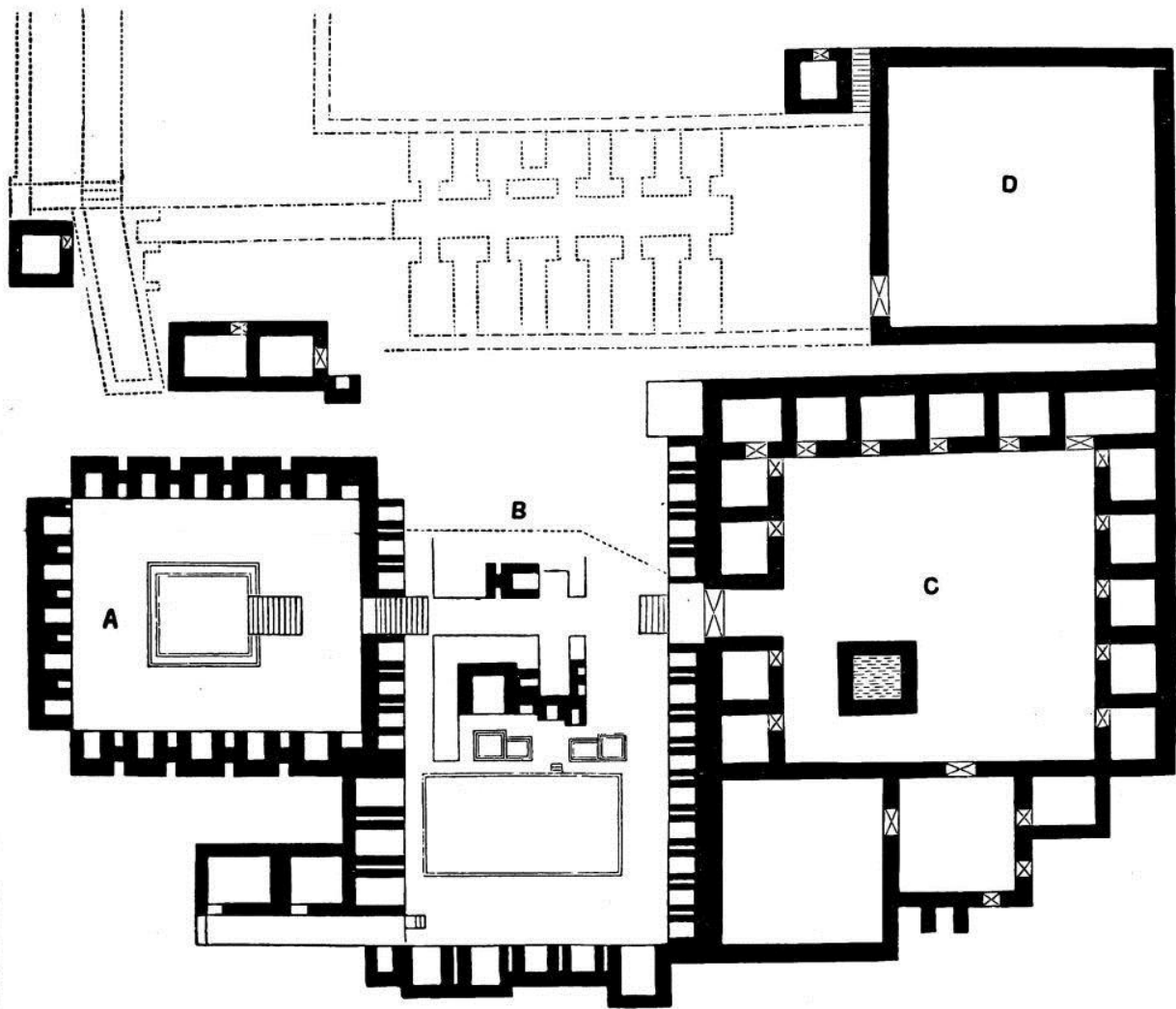

[back](#)

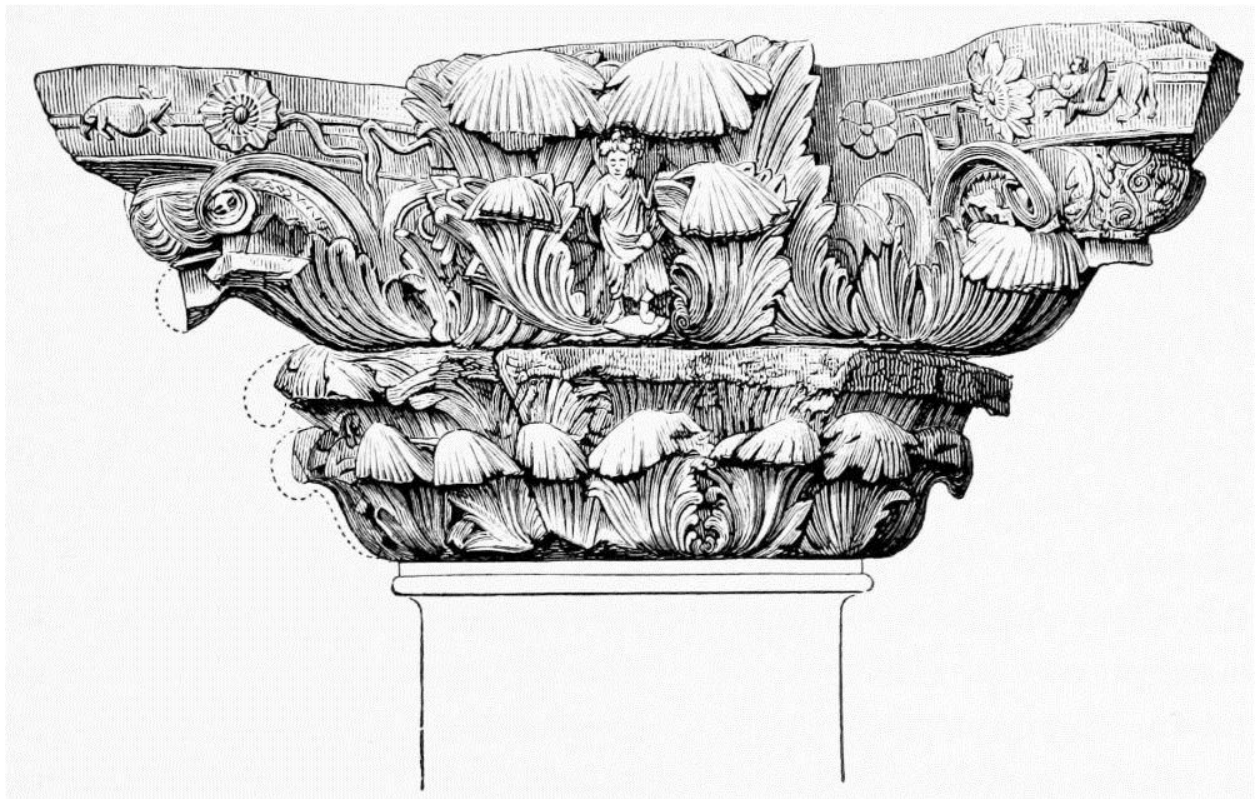

[back](#)

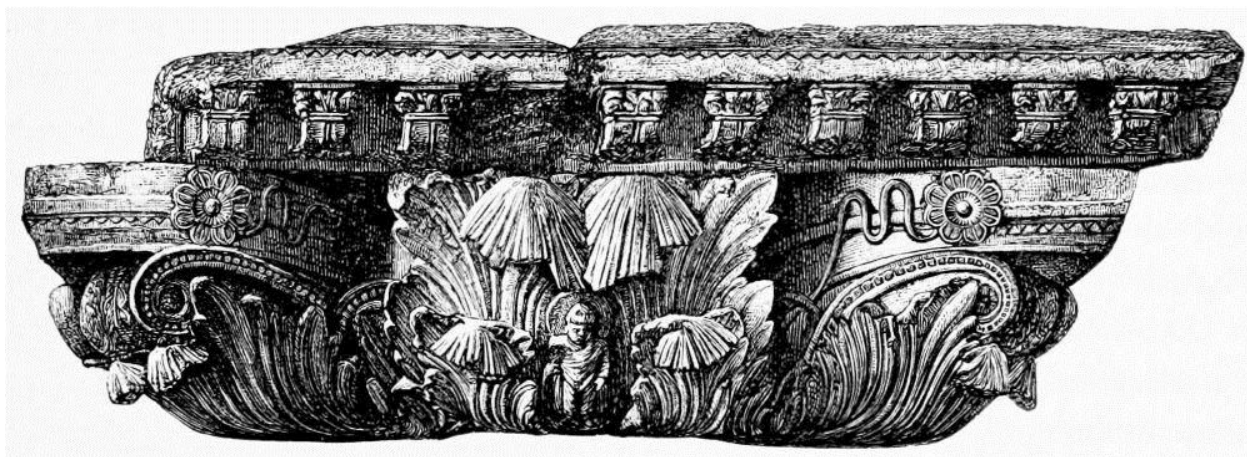

[back](#)

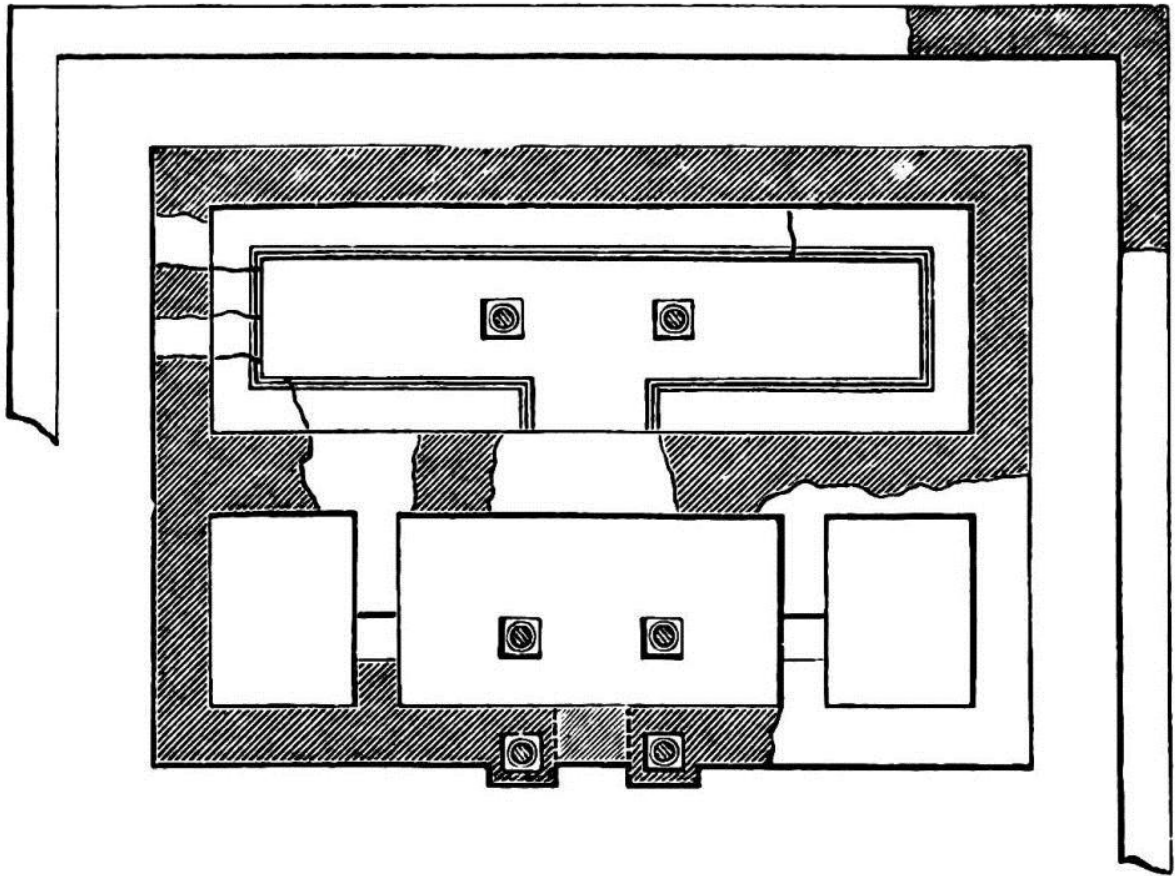

[back](#)

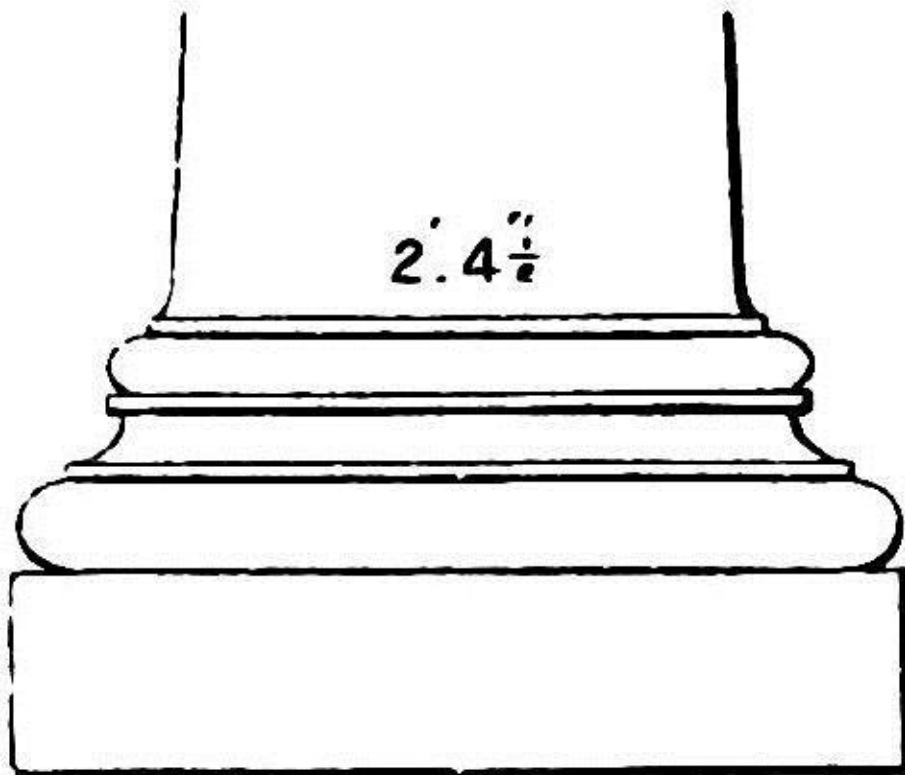
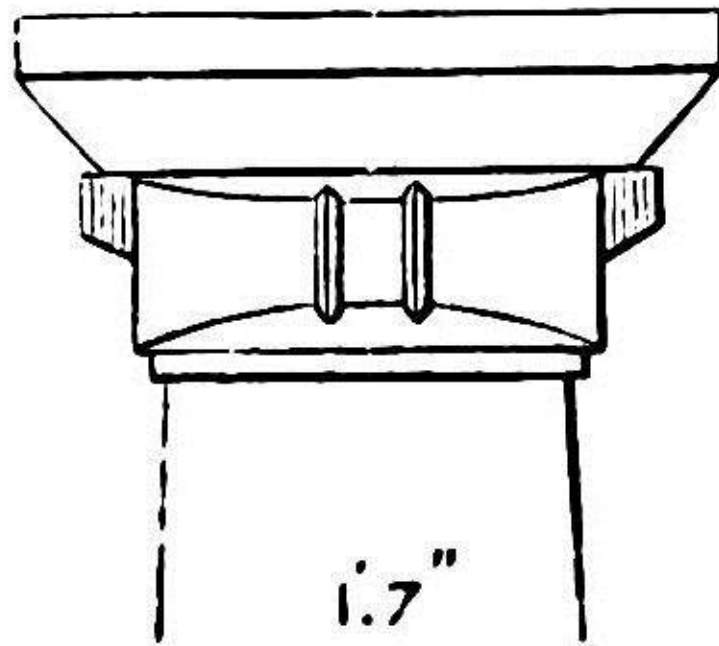

[back](#)

[back](#)

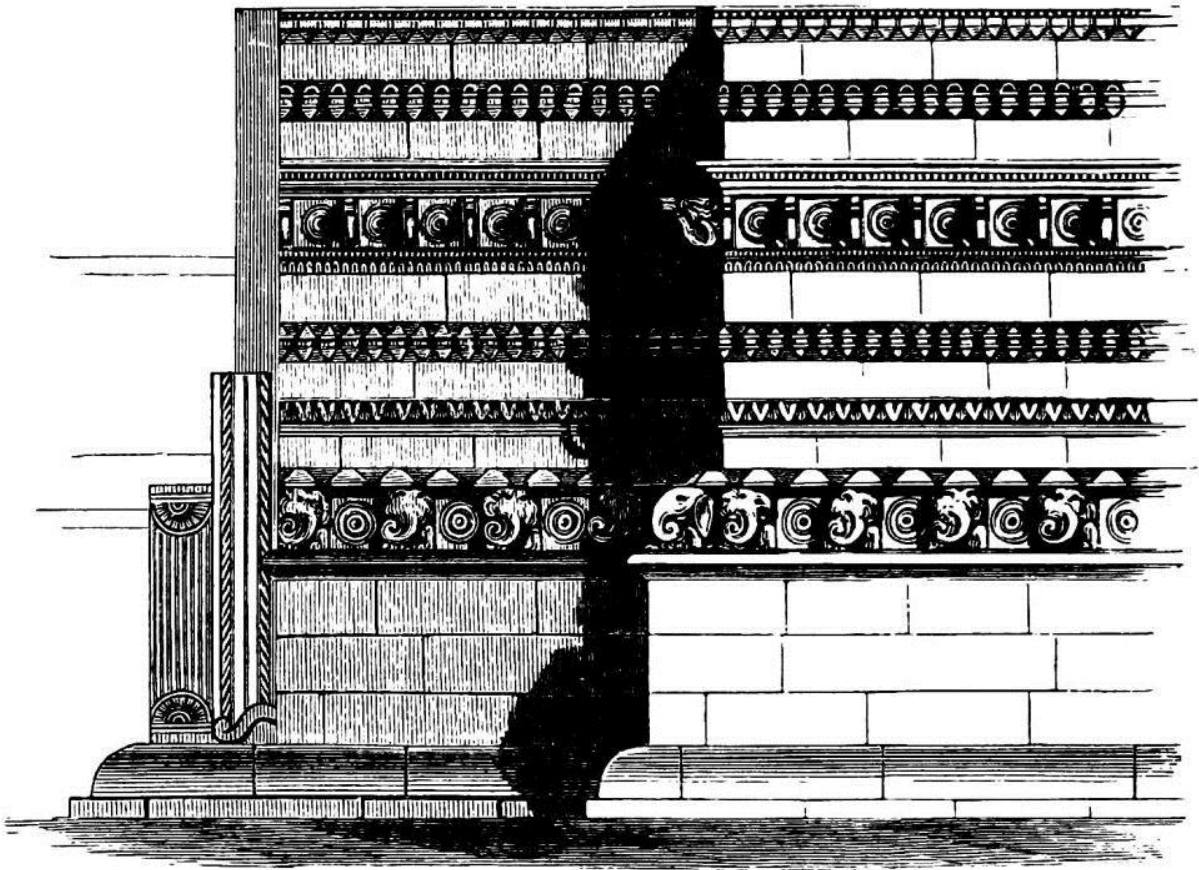

[back](#)

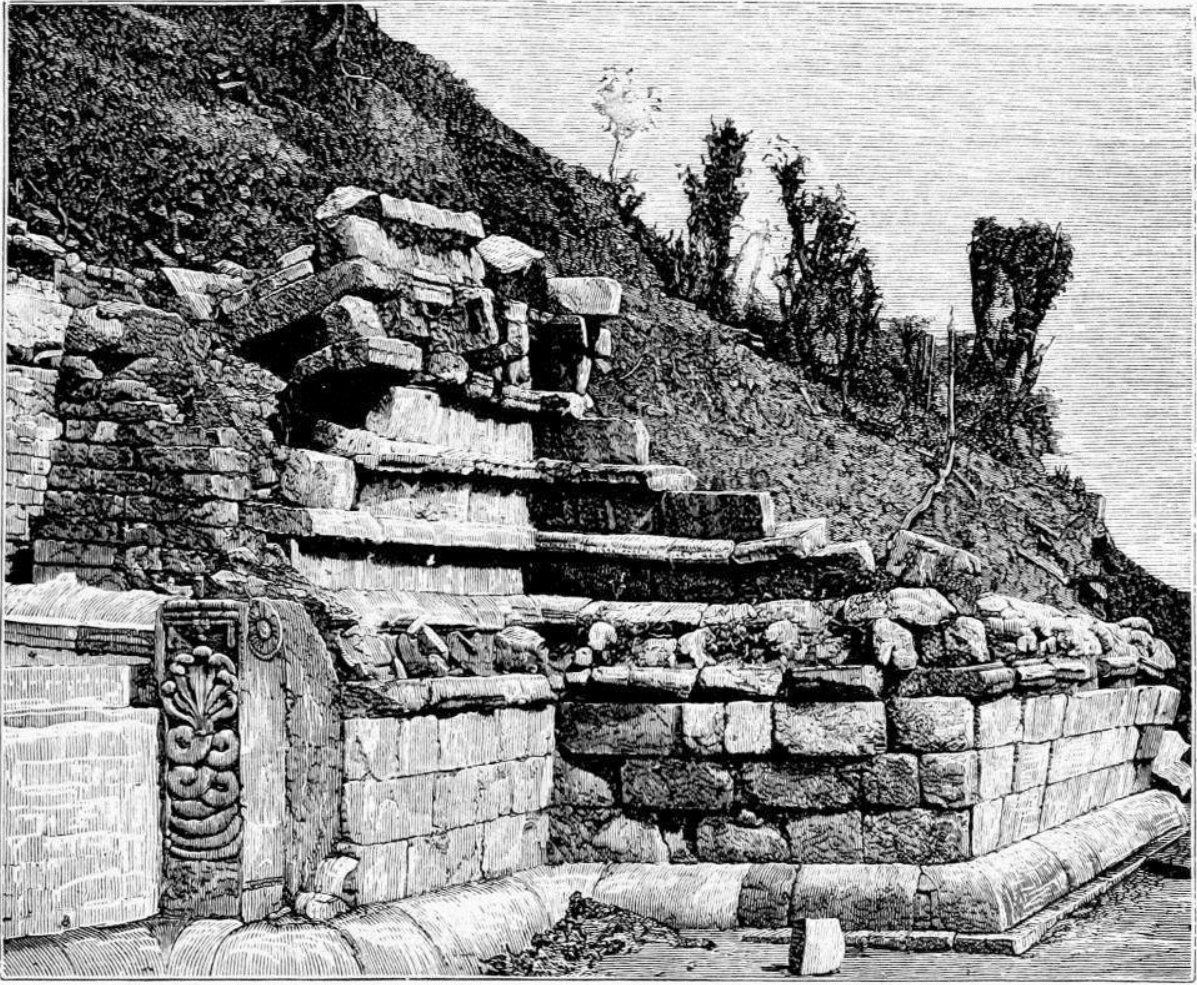
[back](#)

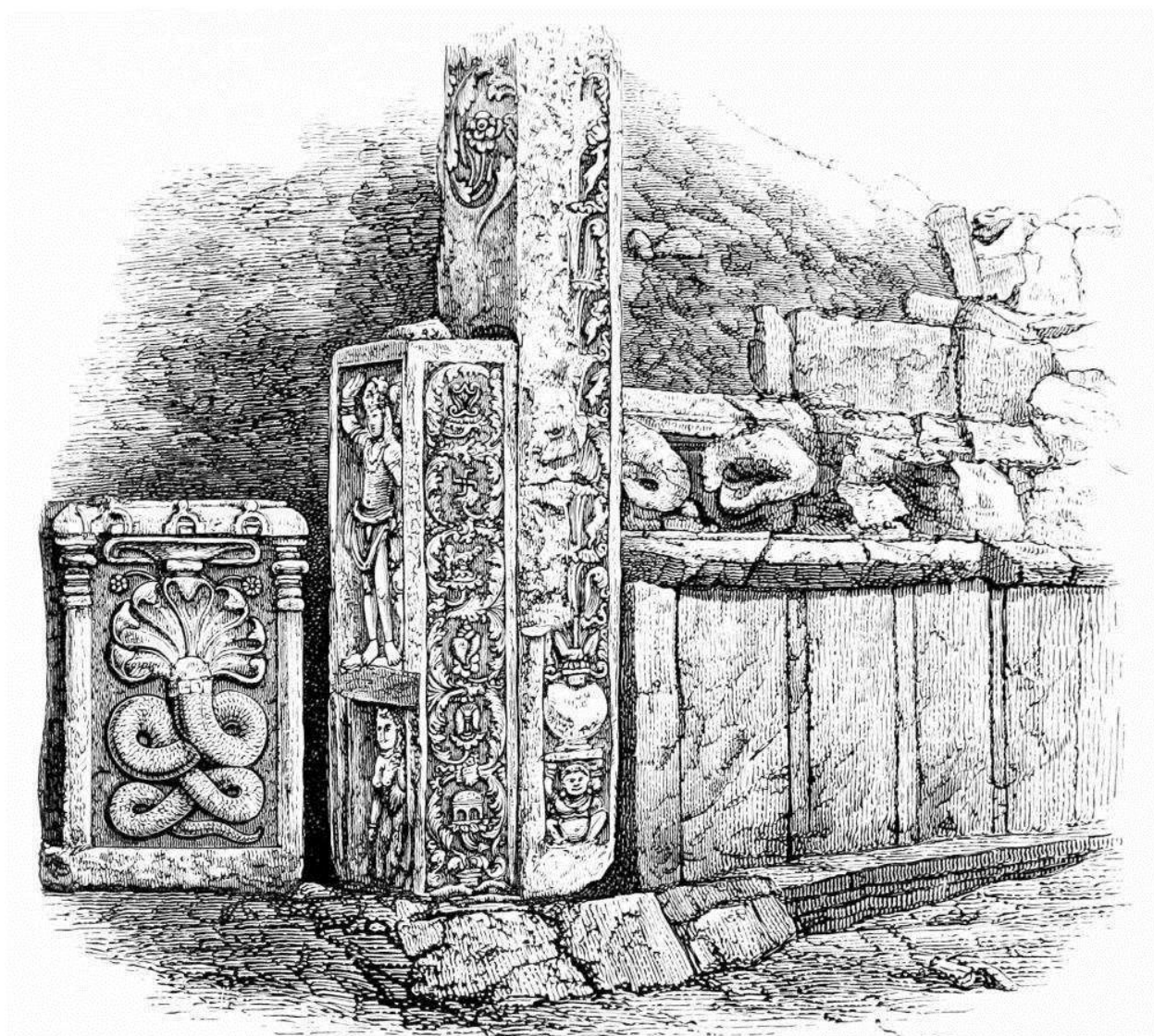
[back](#)

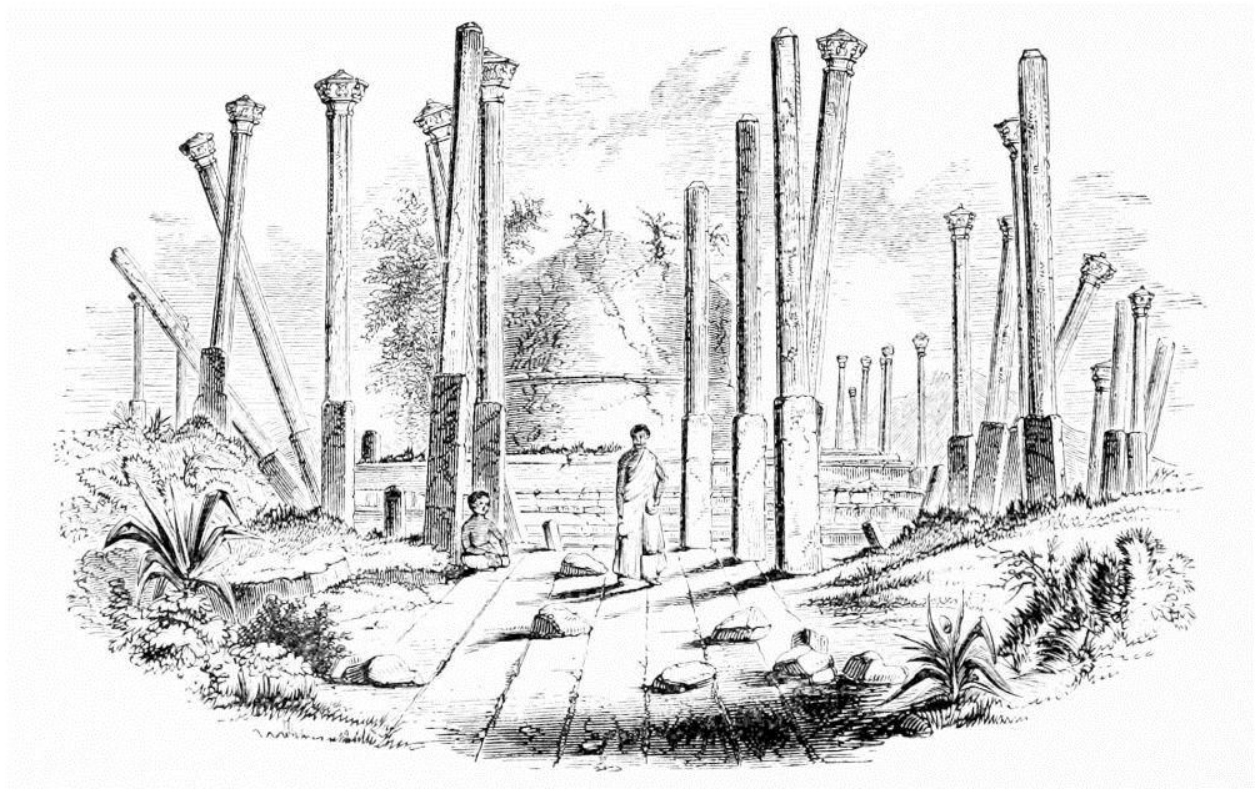

[back](#)

[back](#)

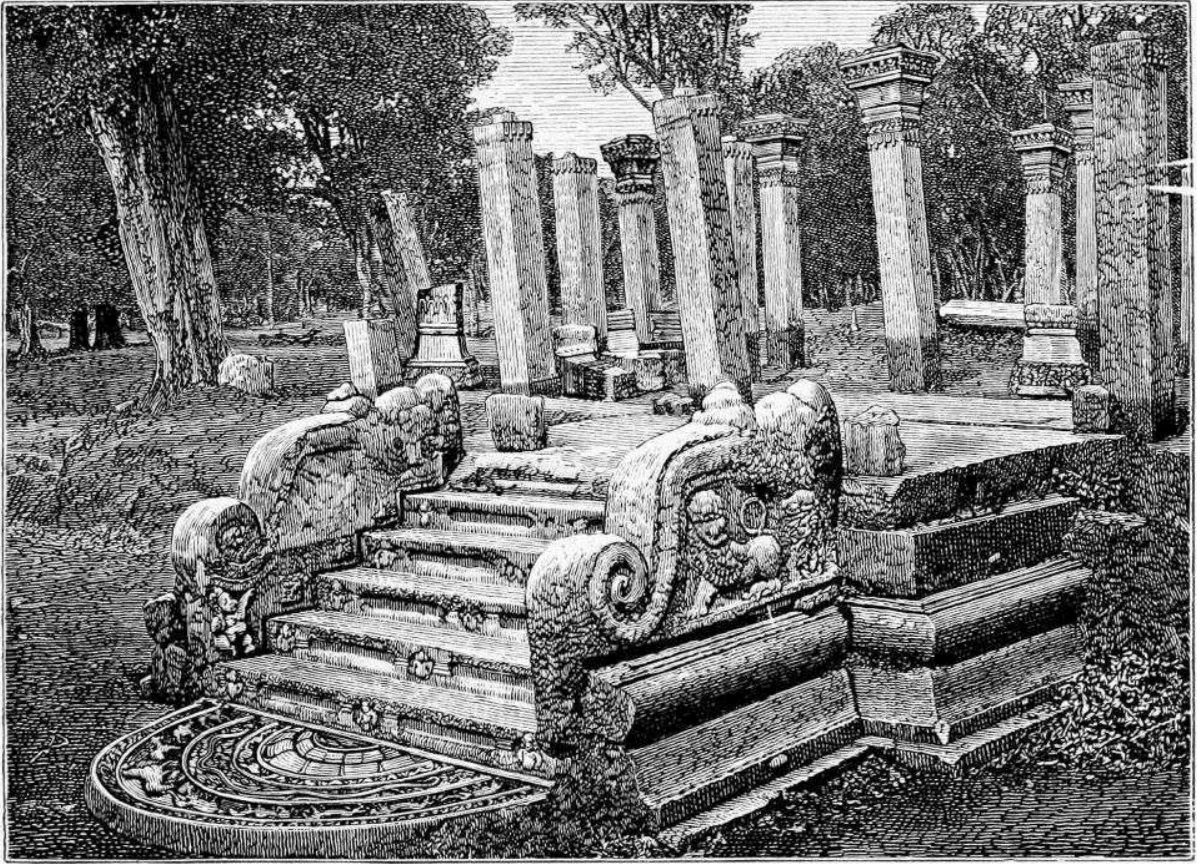

[back](#)

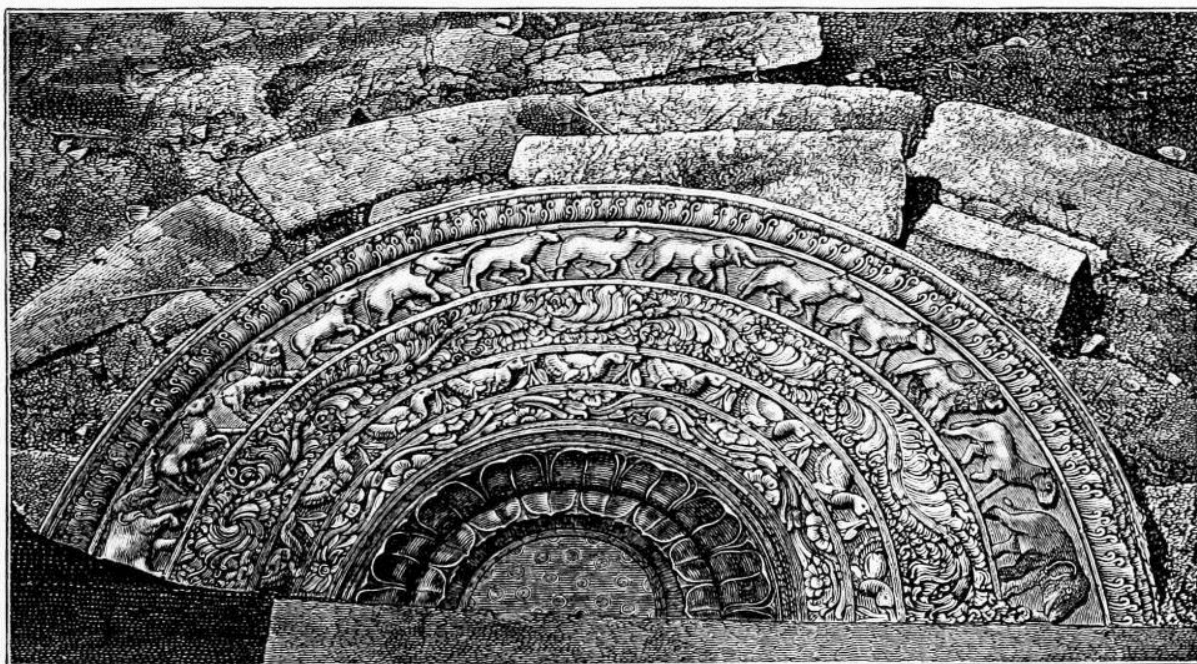

[back](#)

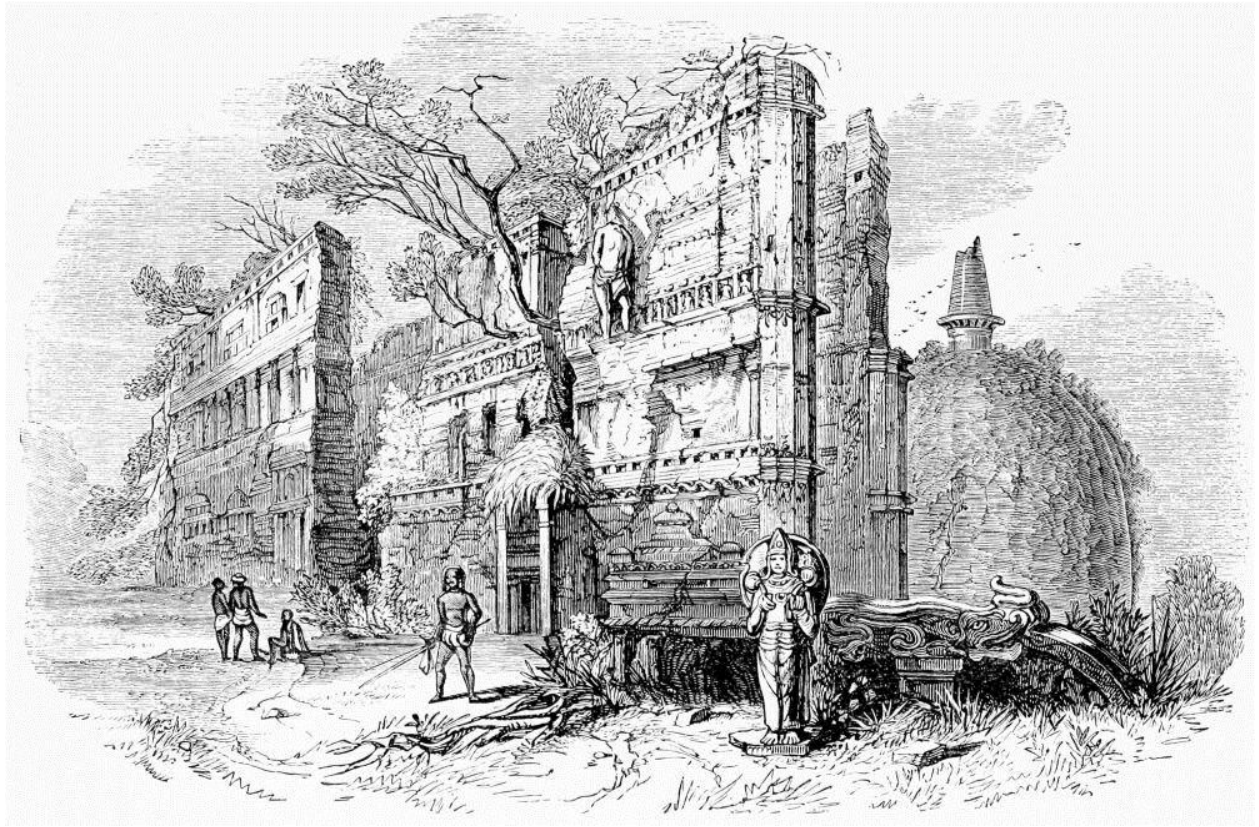
[back](#)

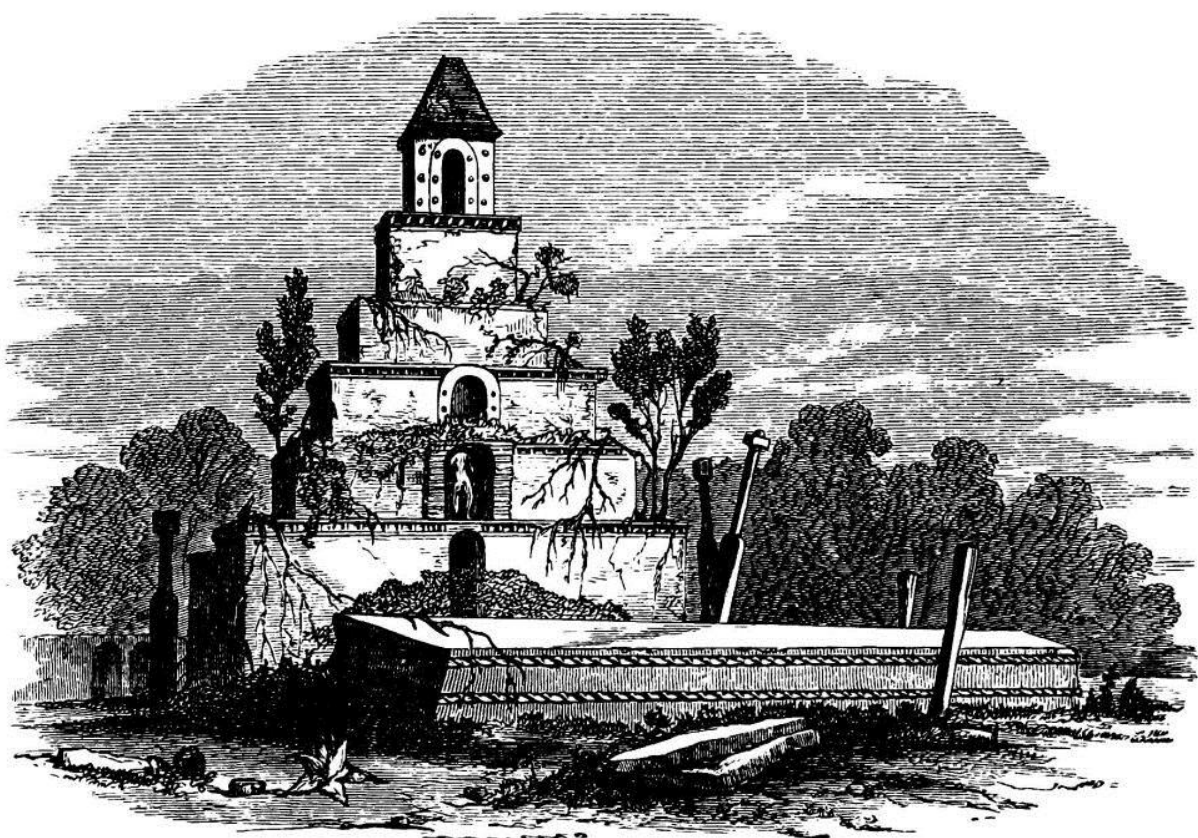

[back](#)

[back](#)

[back](#)

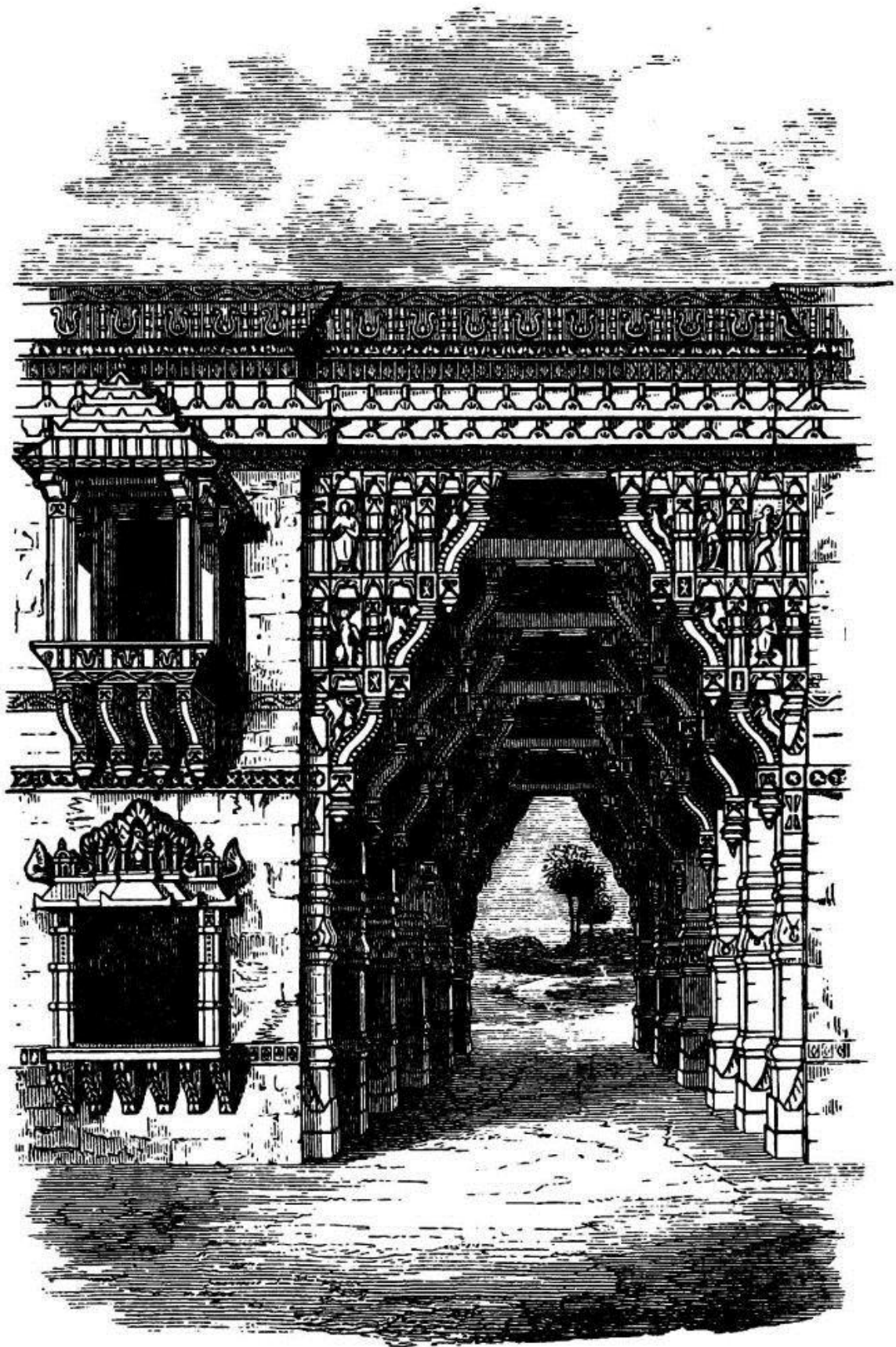
[back](#)

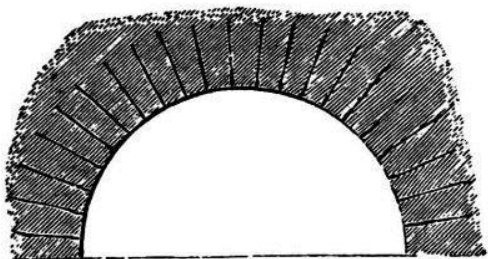

[back](#)

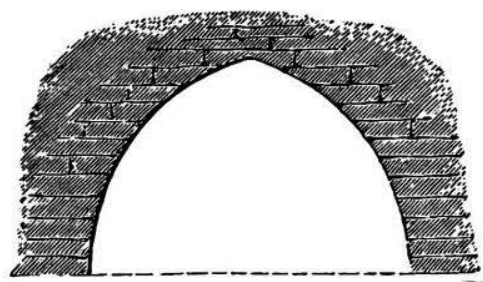

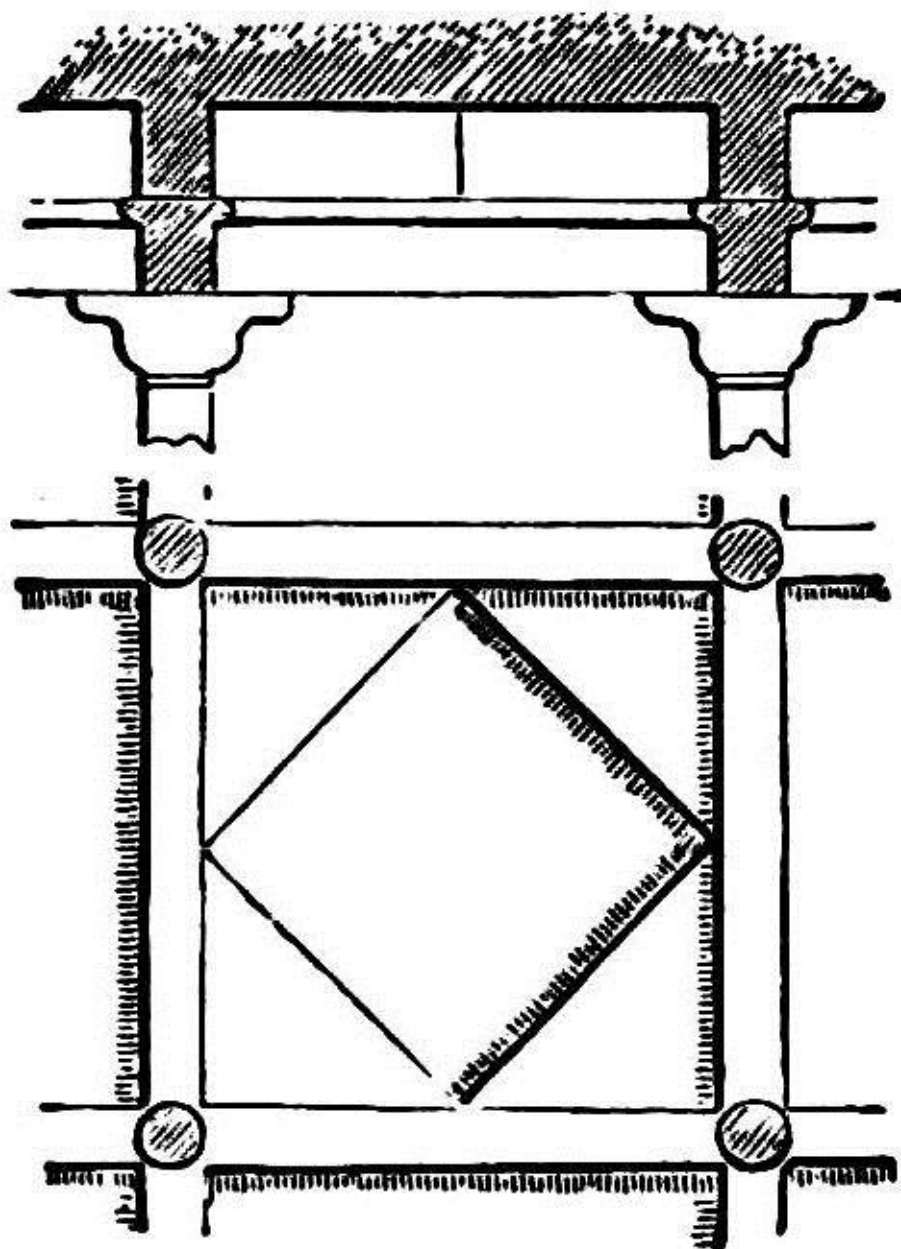
[back](#)

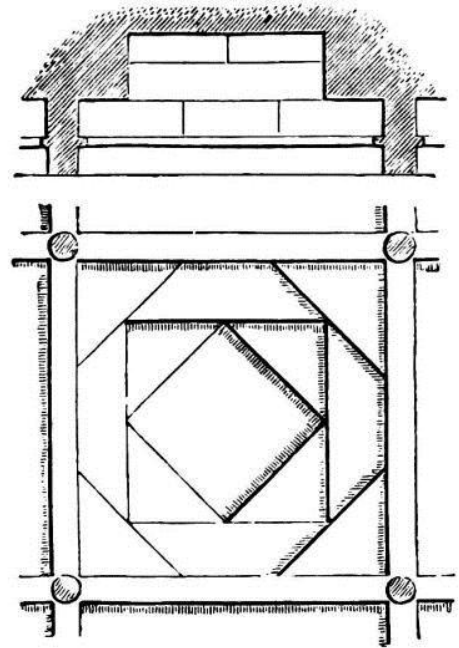
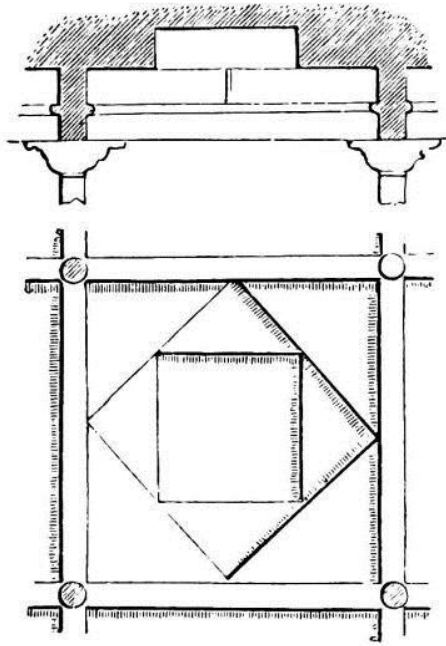
[back](#)

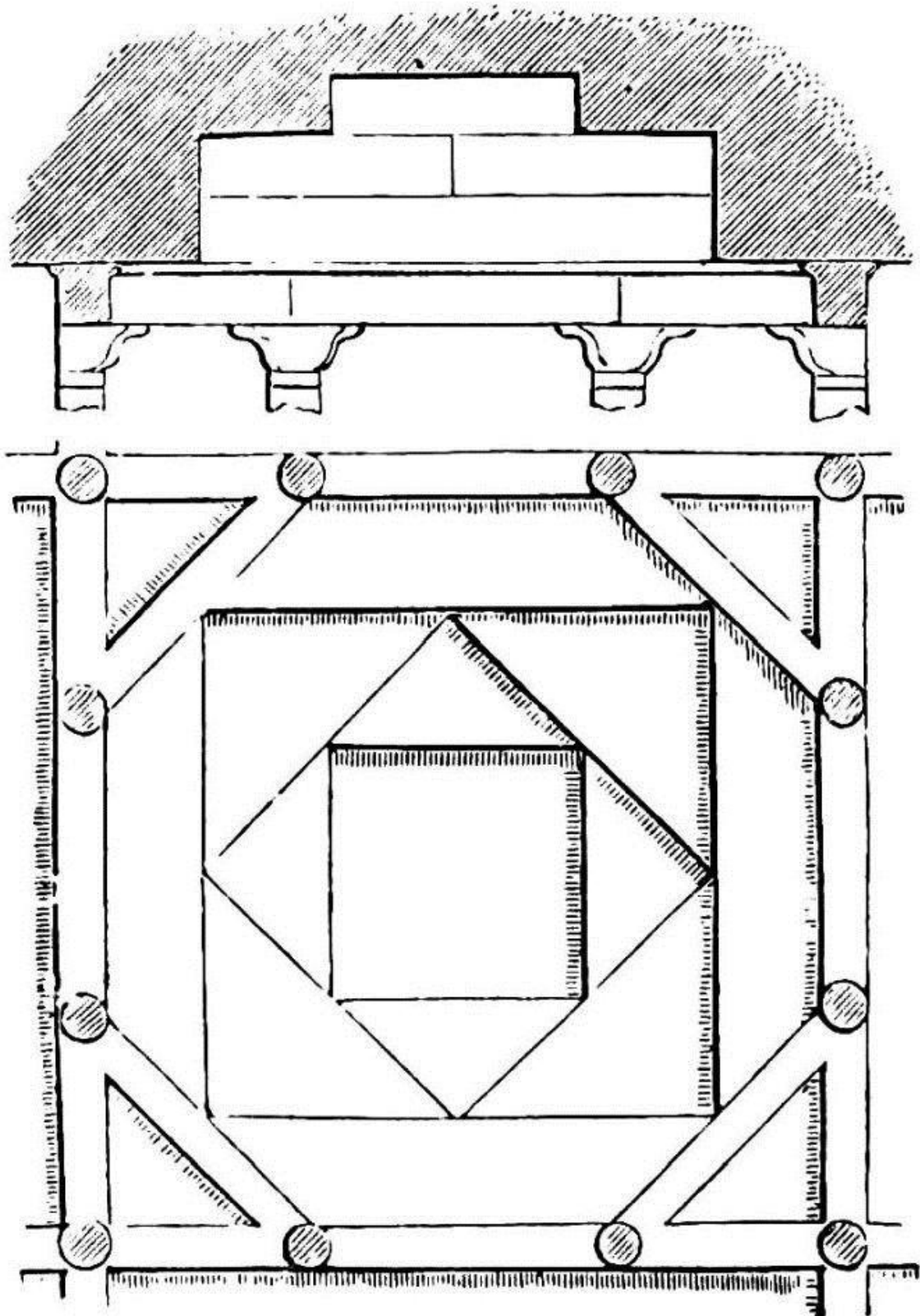

[back](#)

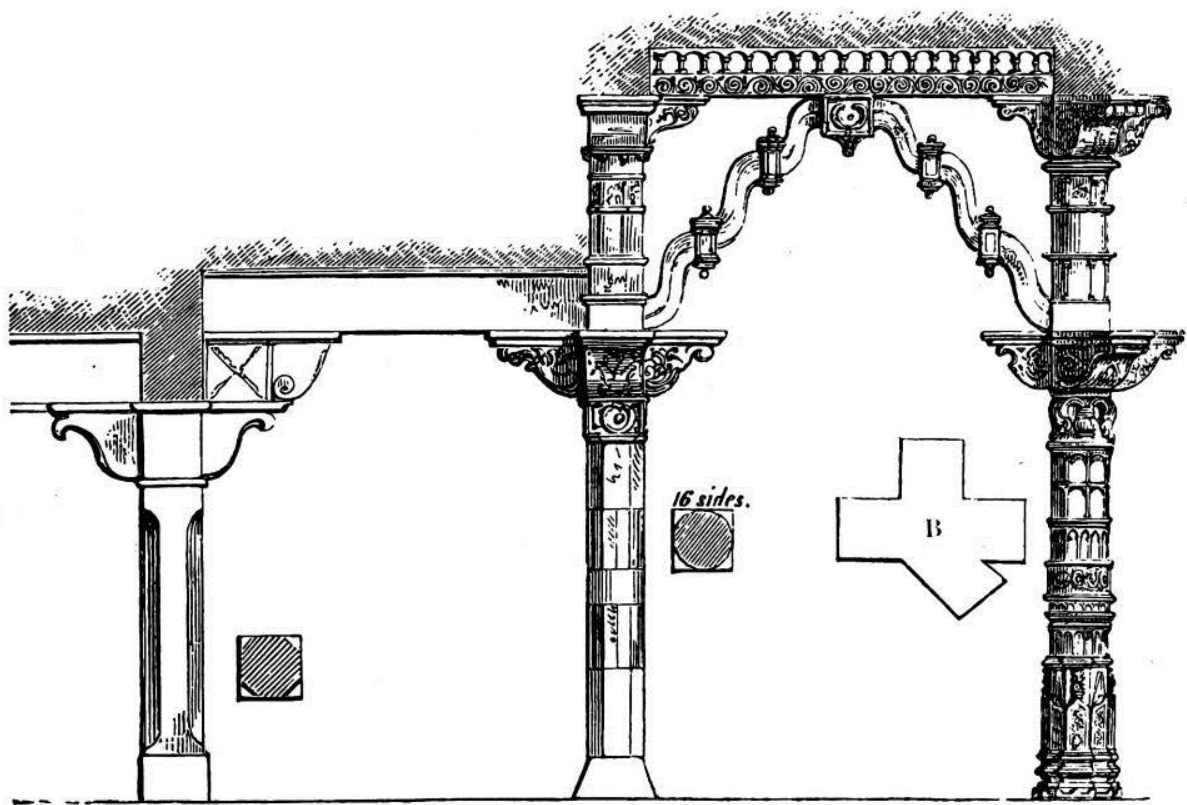

[back](#)

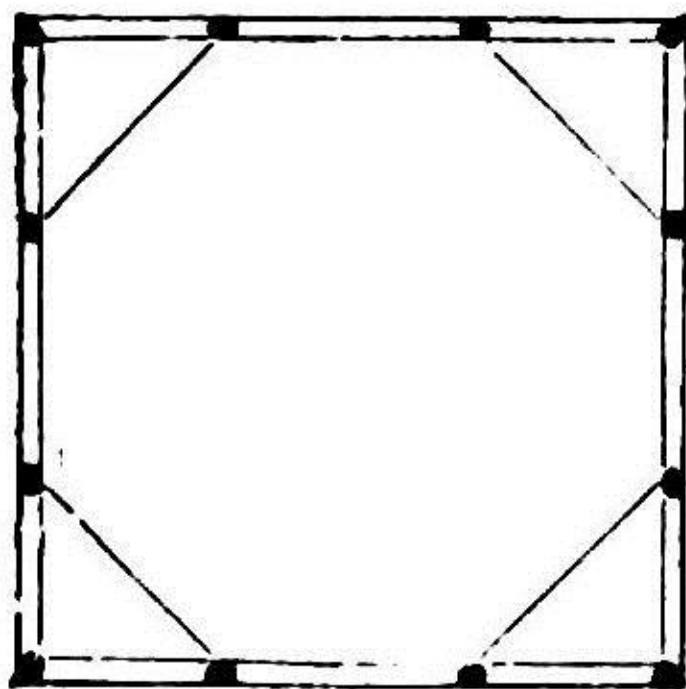

[back](#)

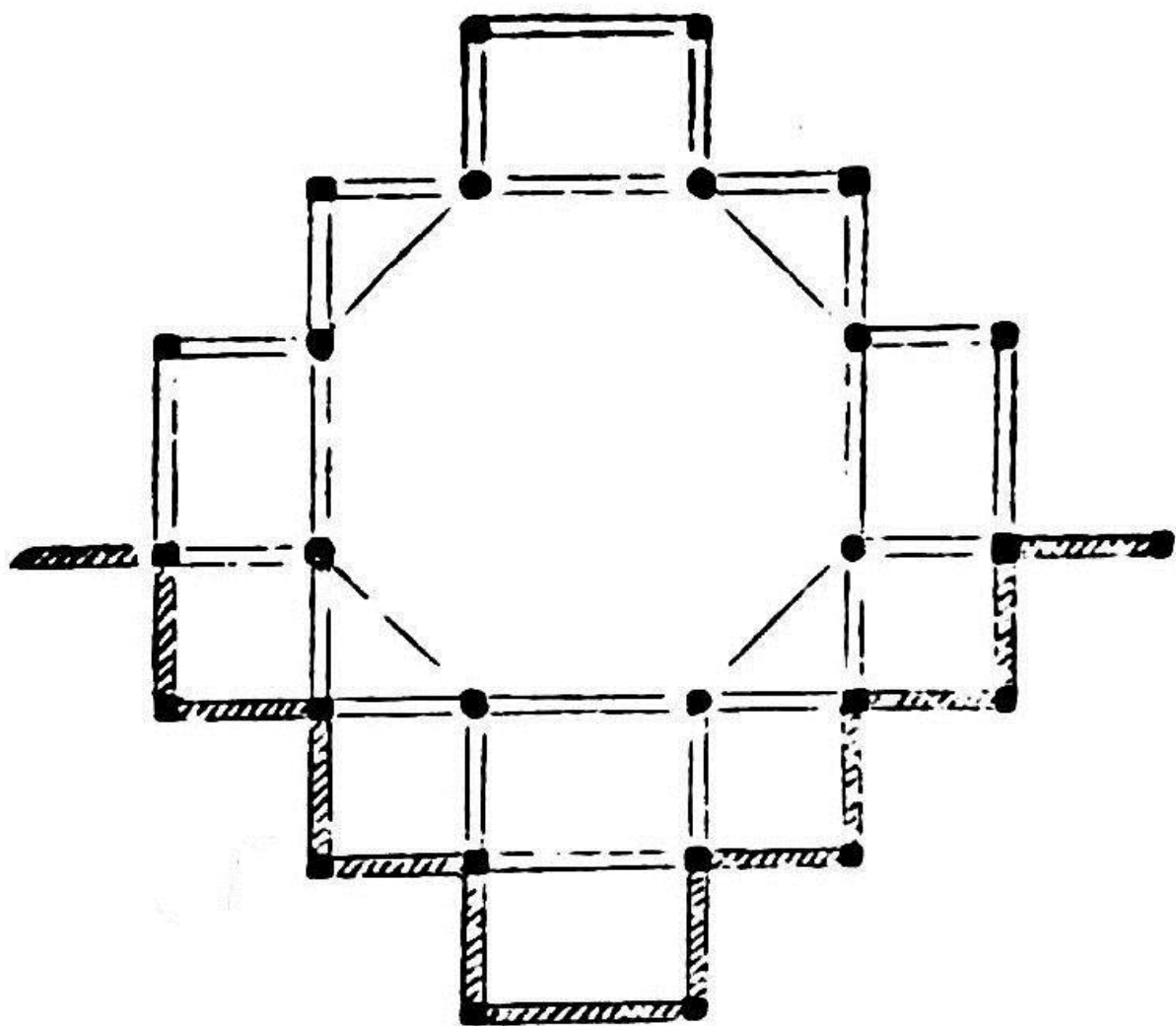

[back](#)

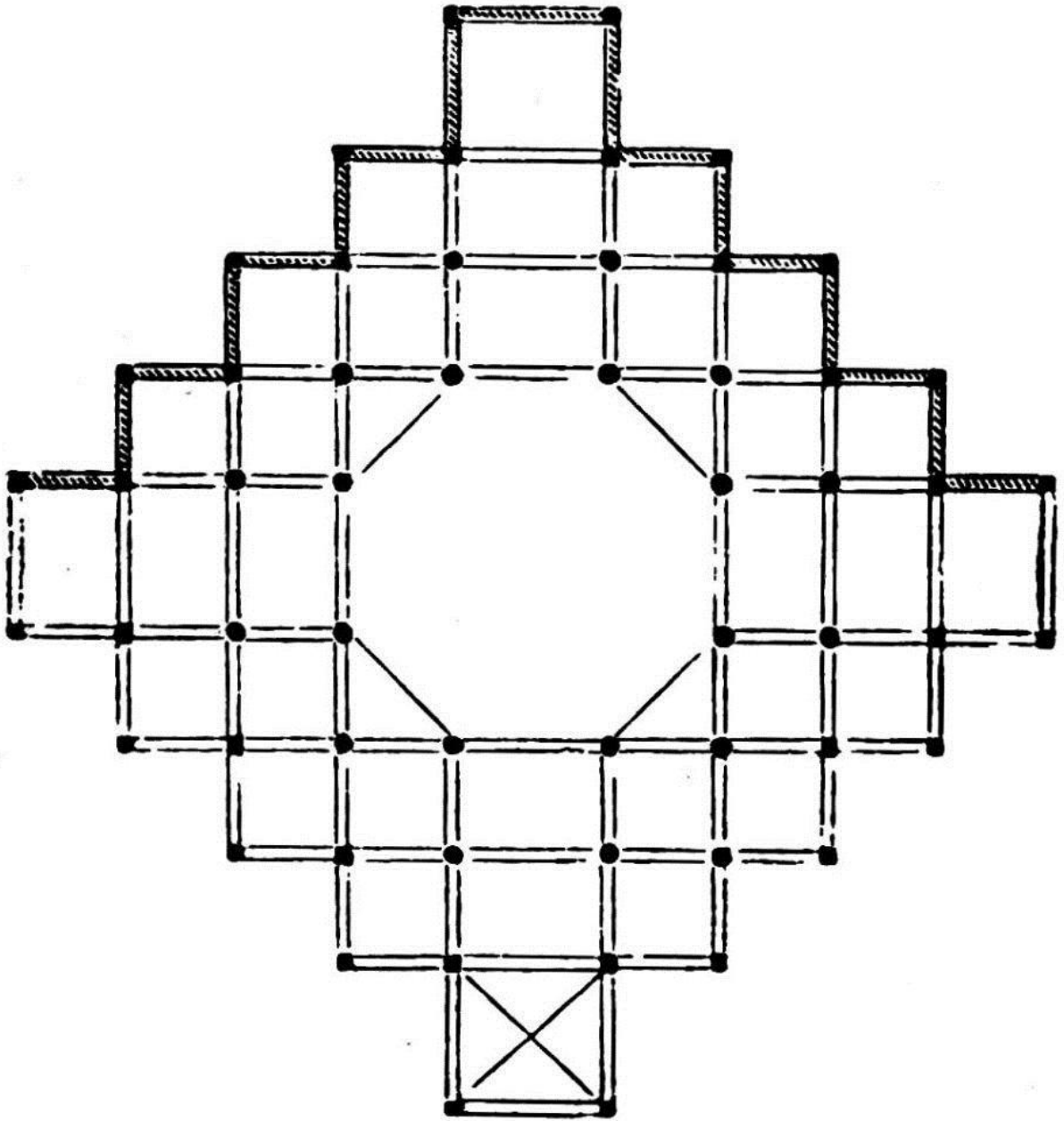

[back](#)

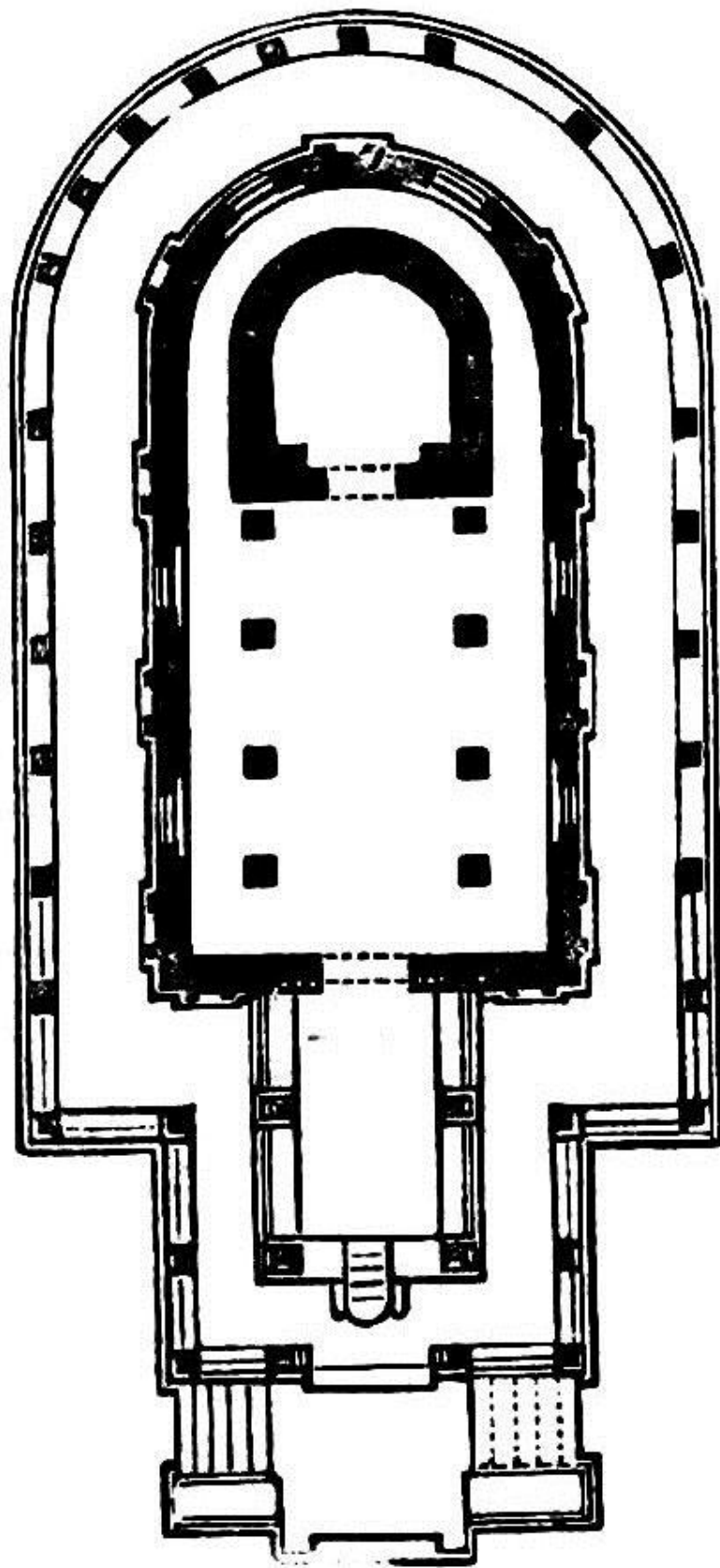

[back](#)

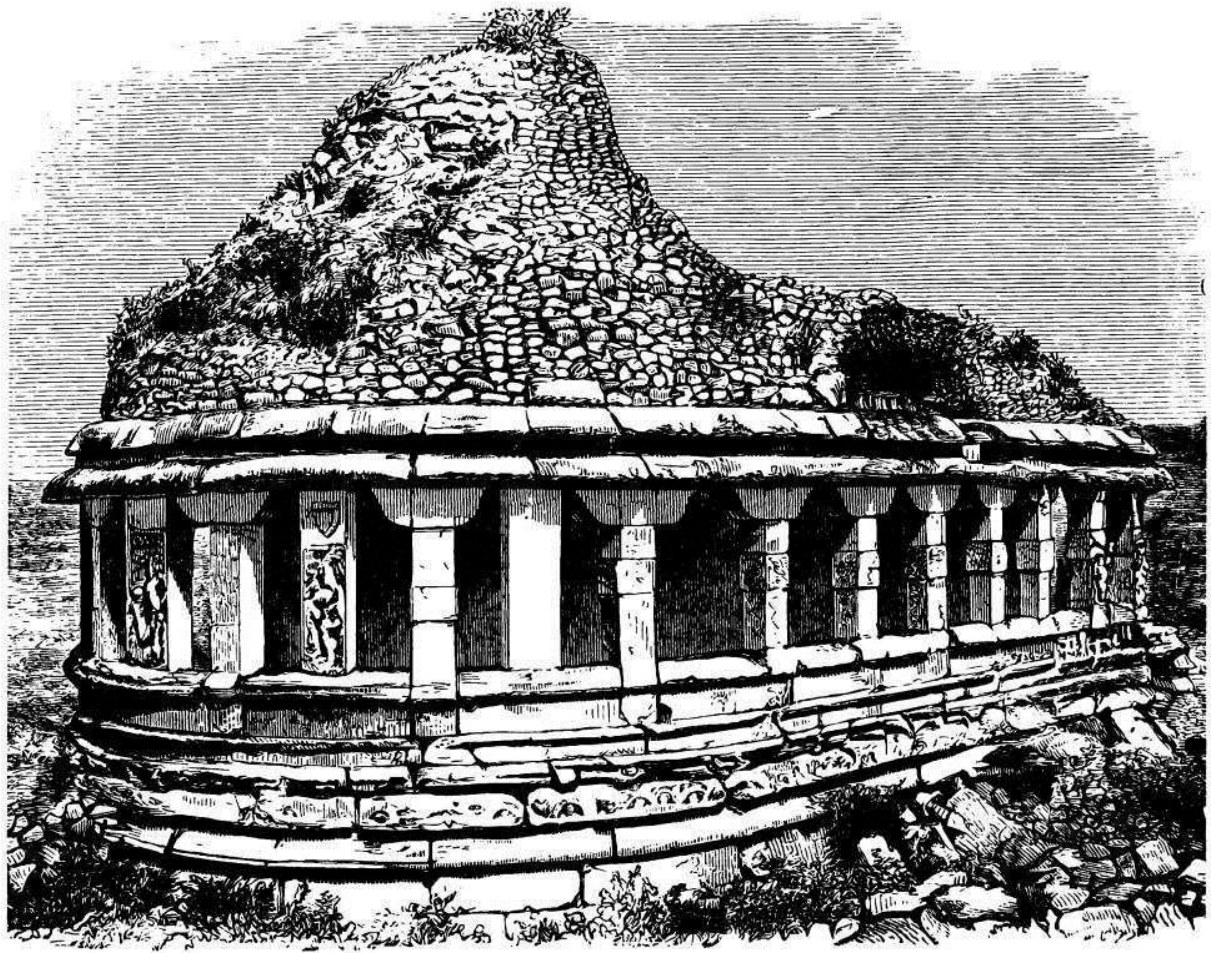

[back](#)

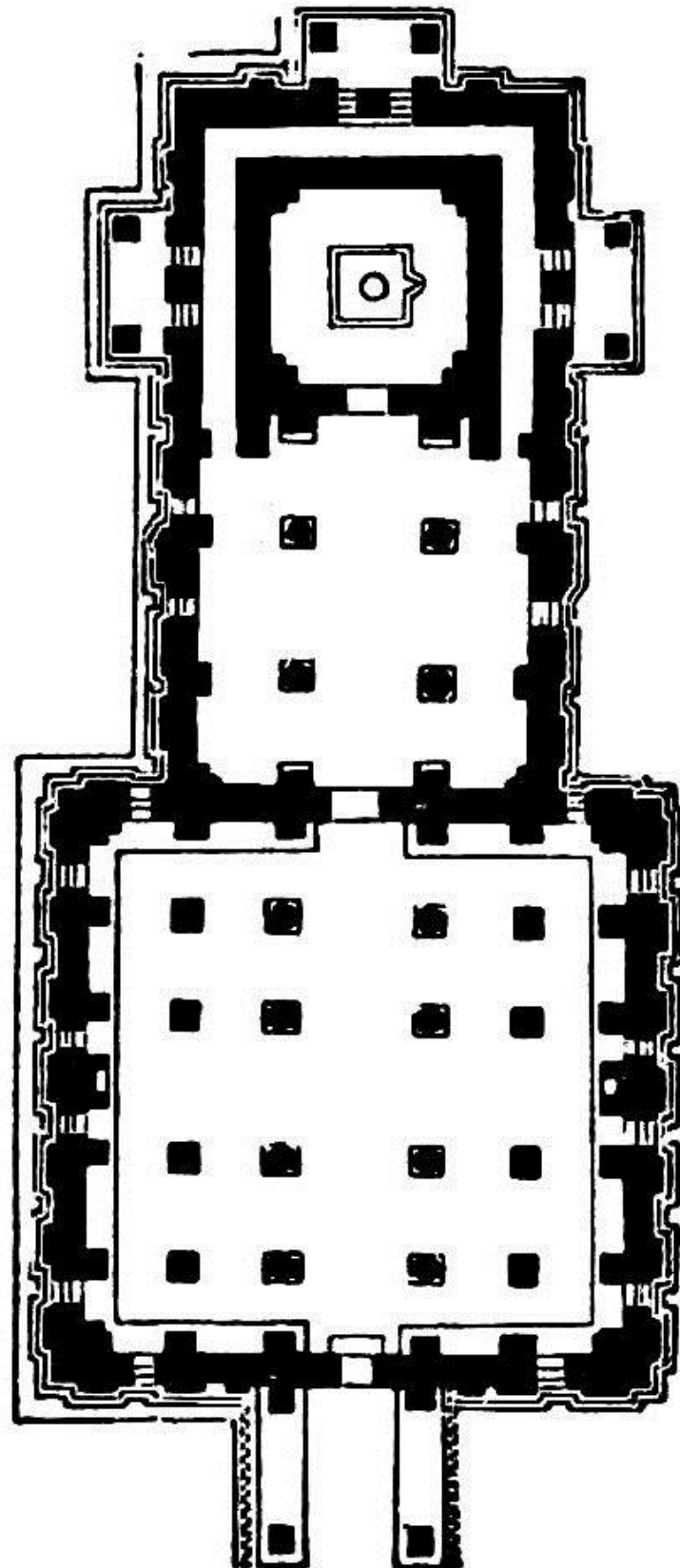

[back](#)

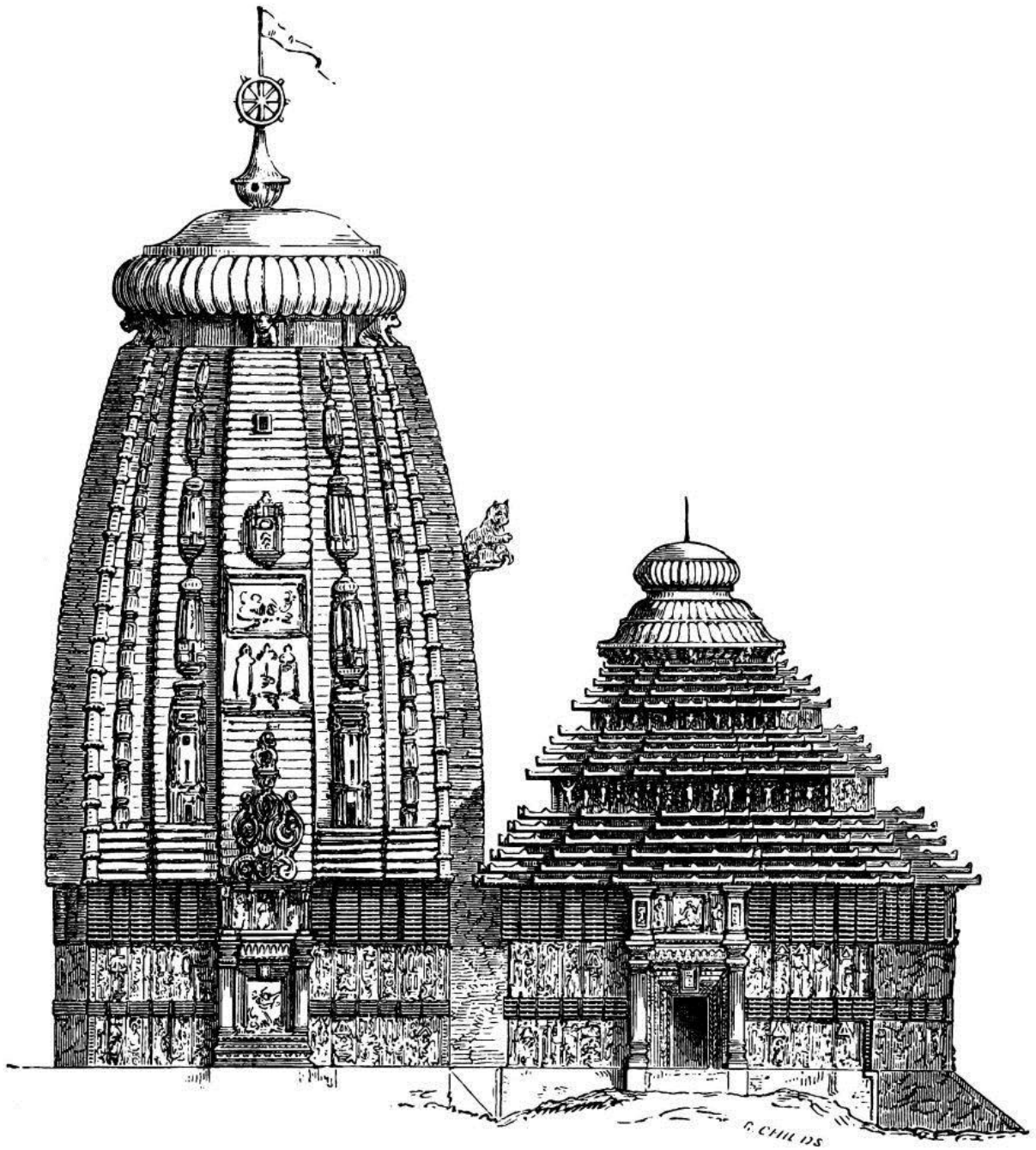

[back](#)

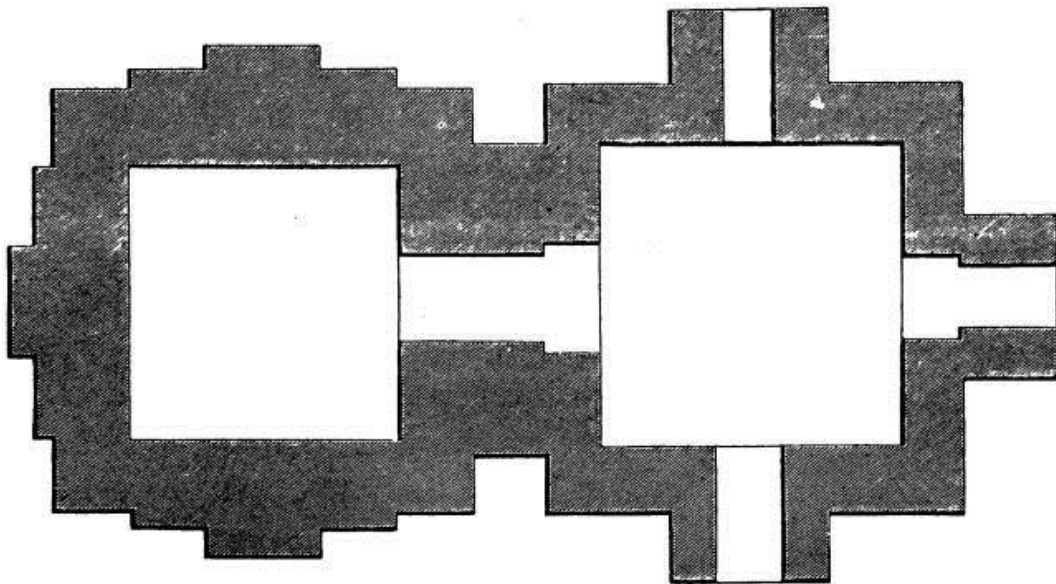
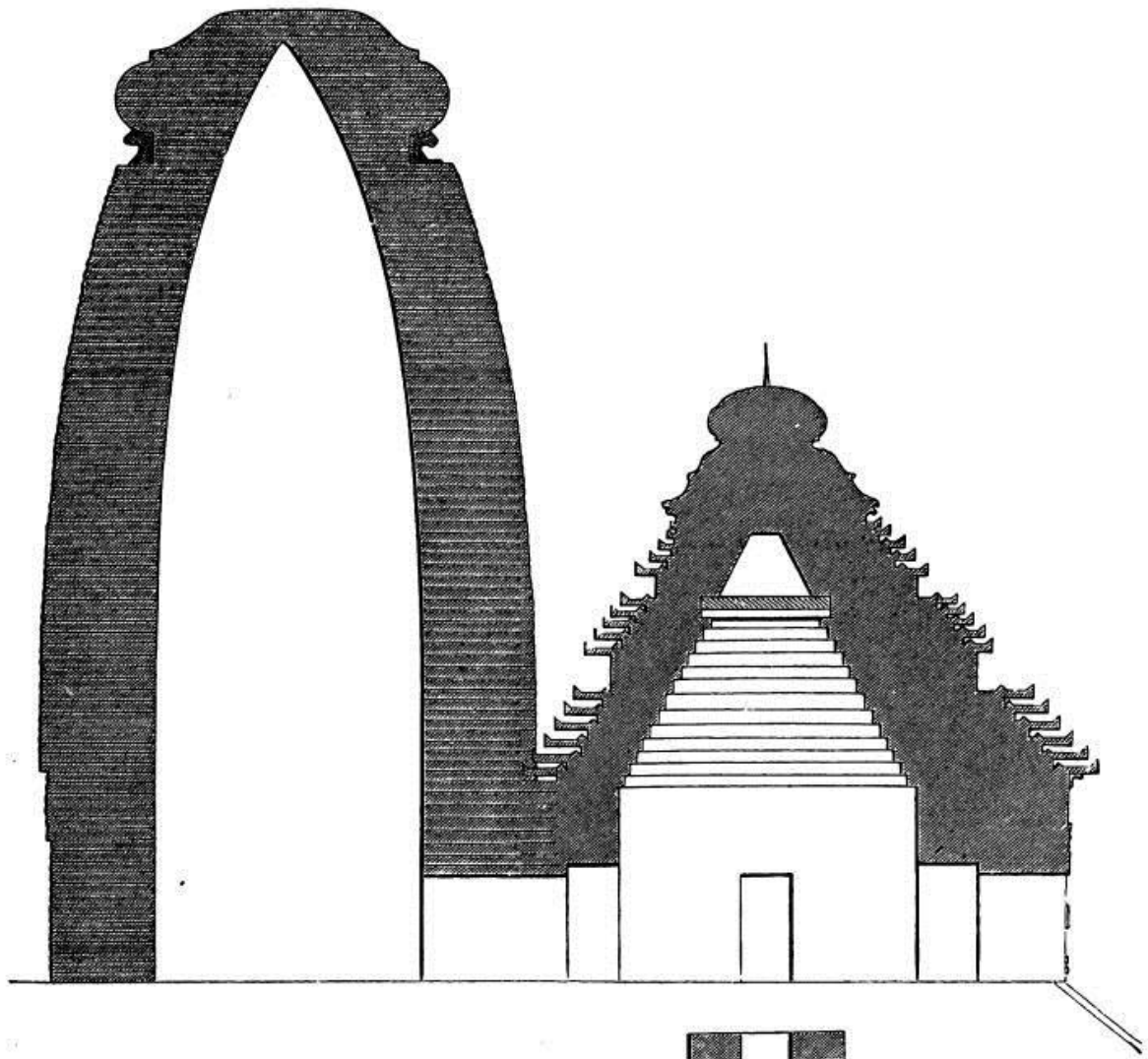

[back](#)

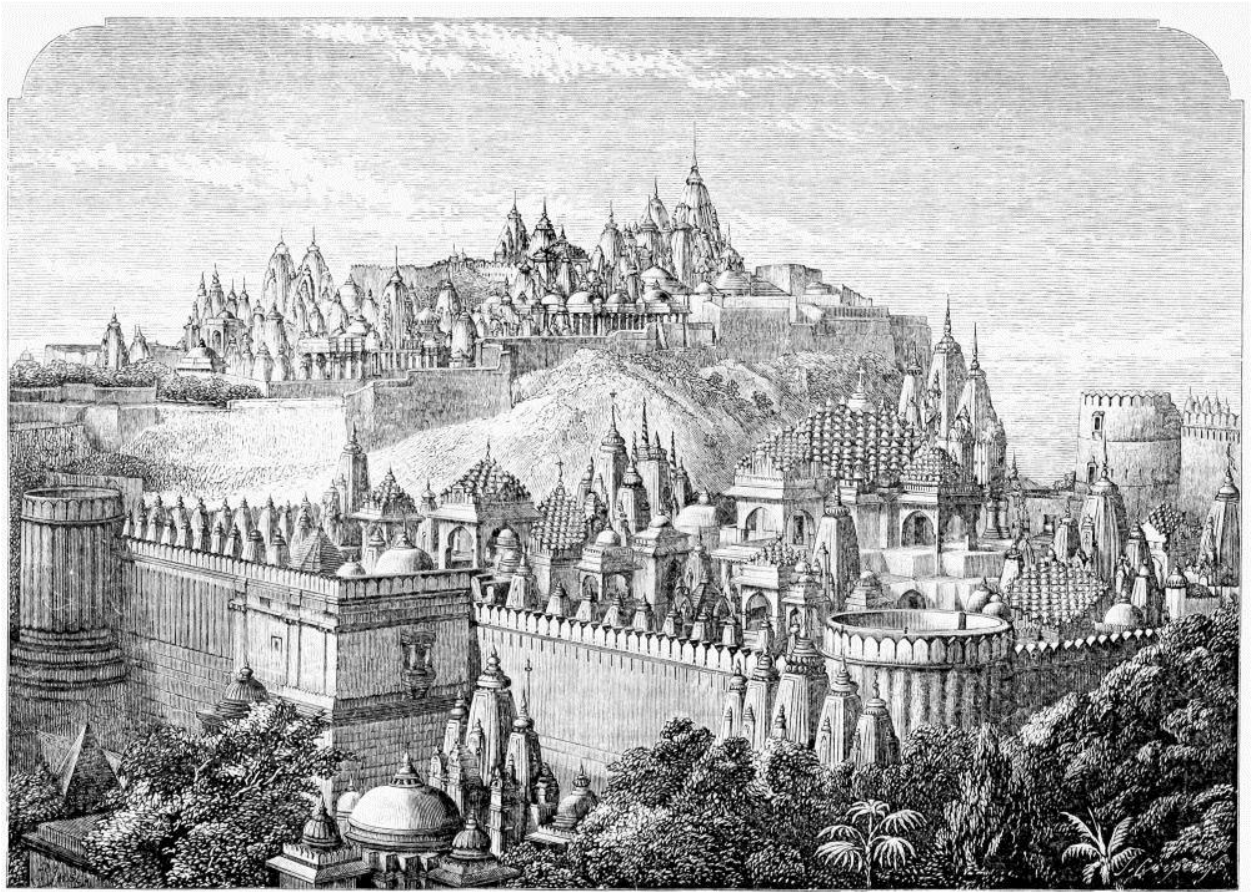

[back](#)

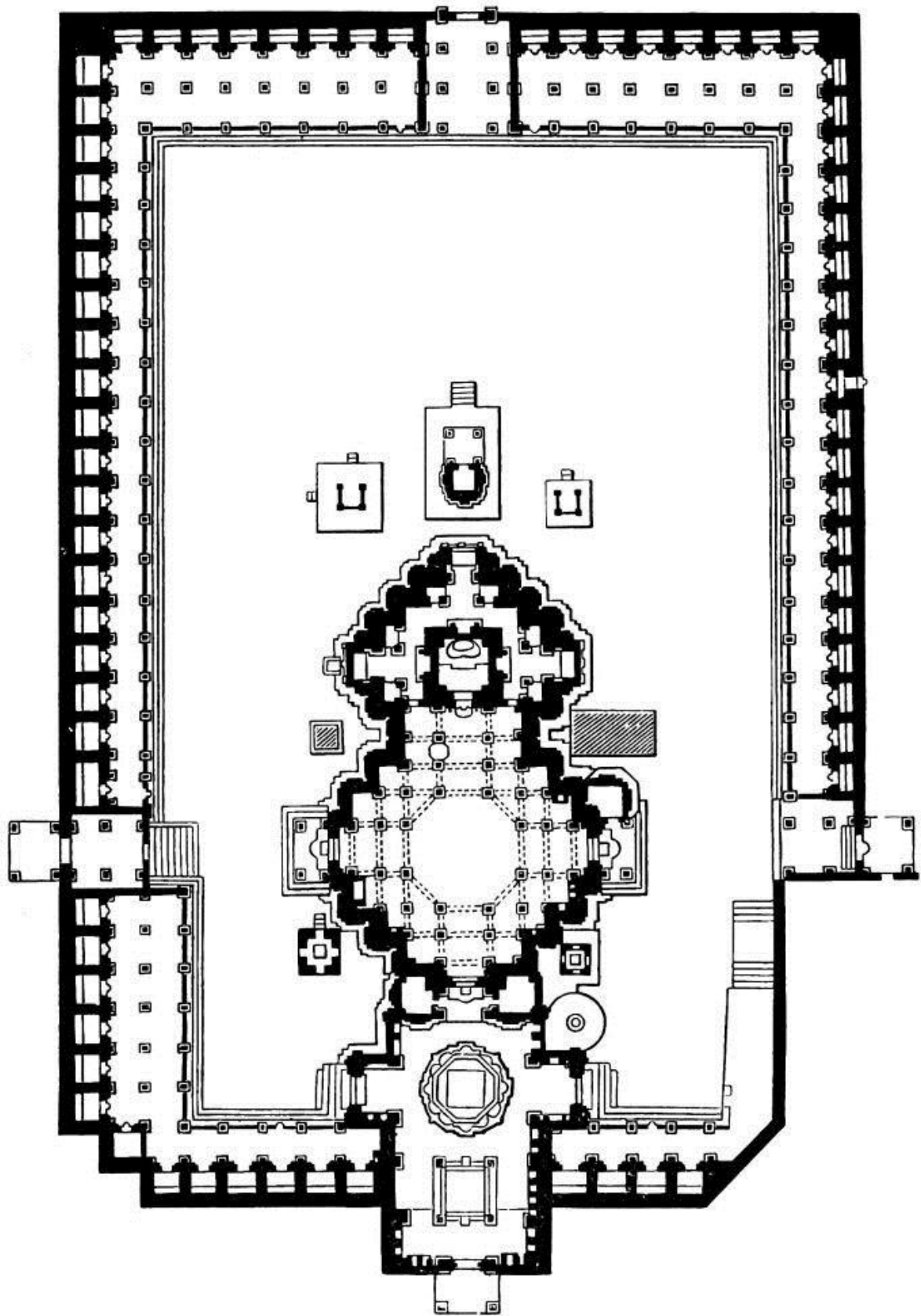

[back](#)

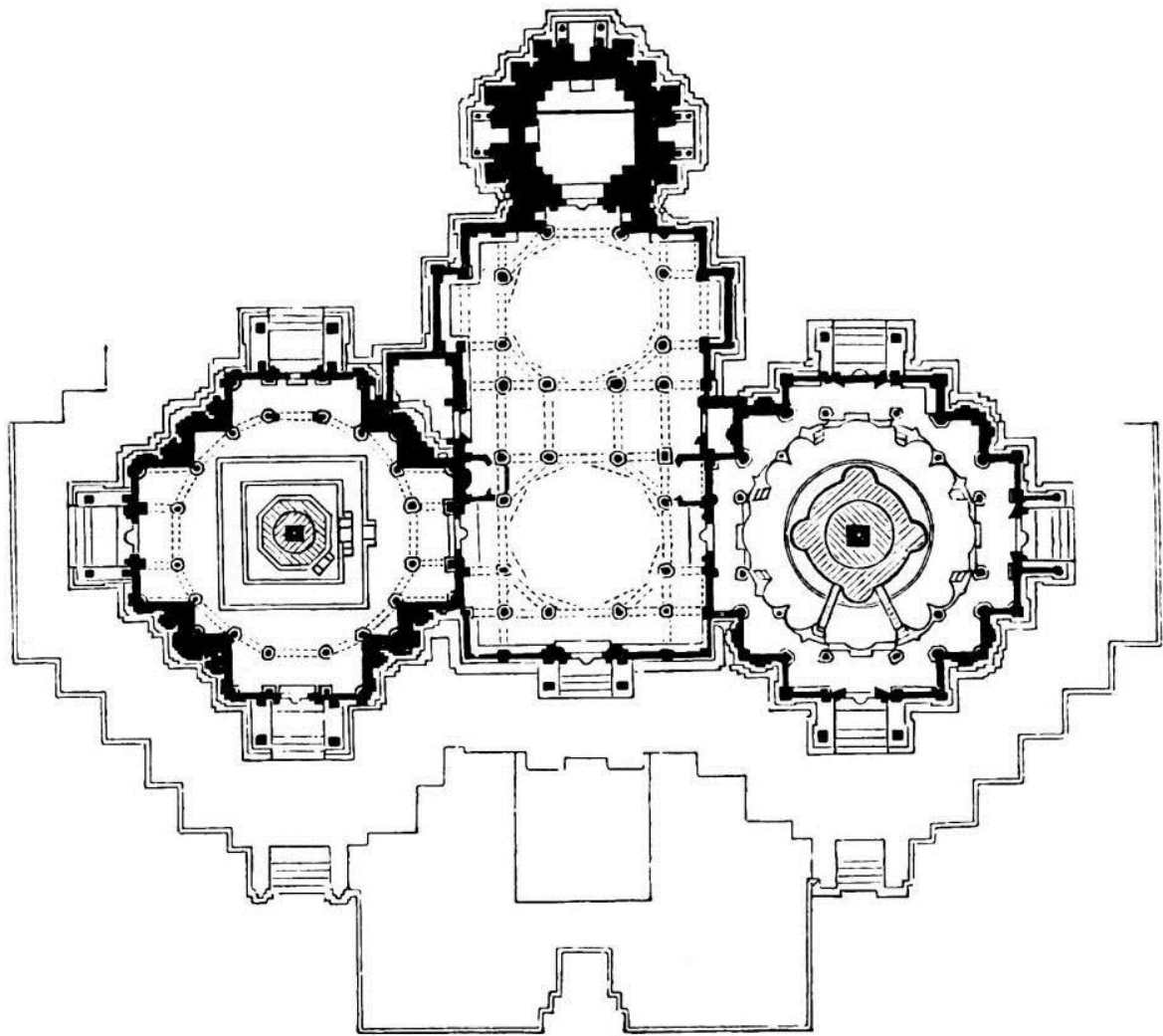

[back](#)

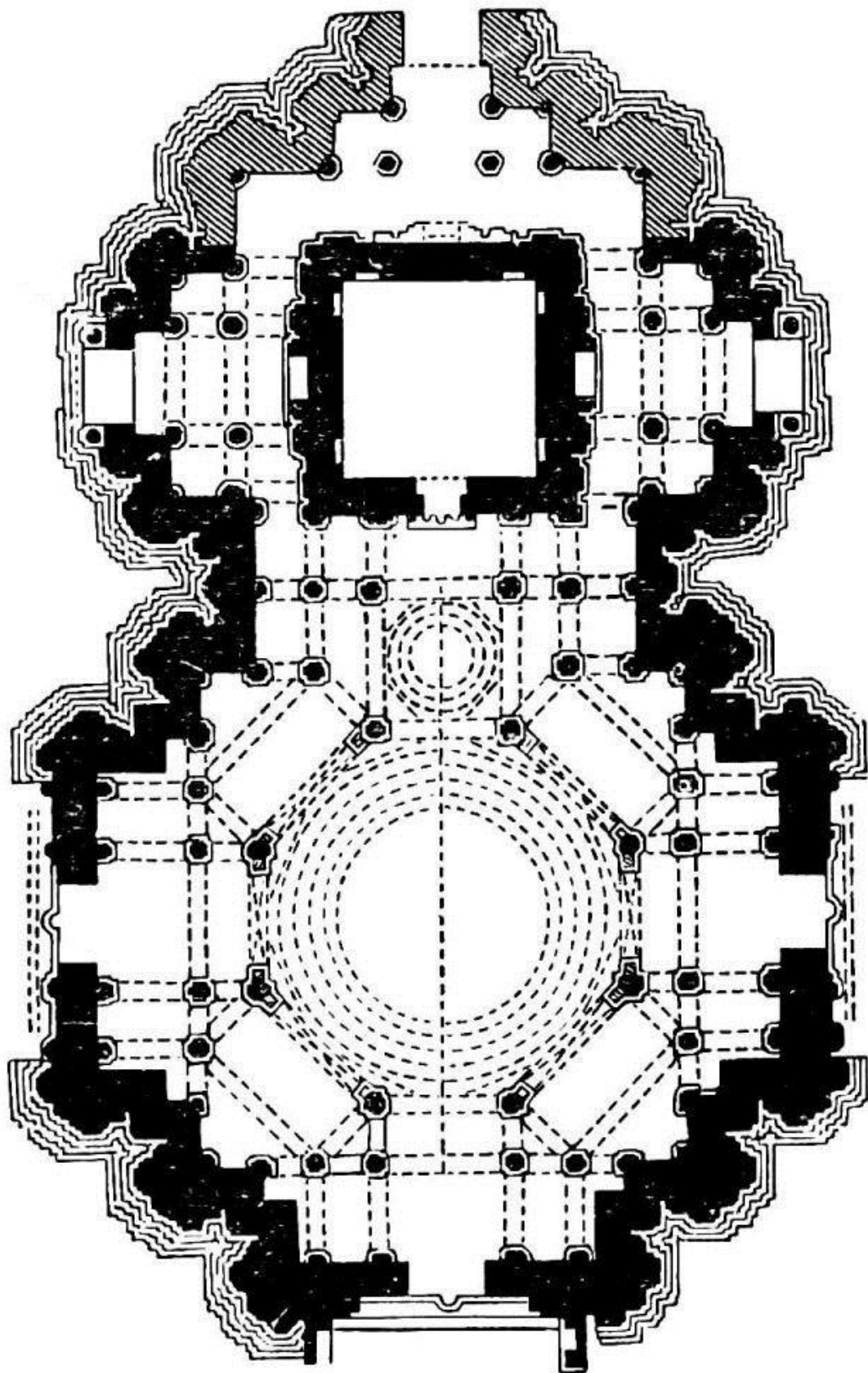

[back](#)

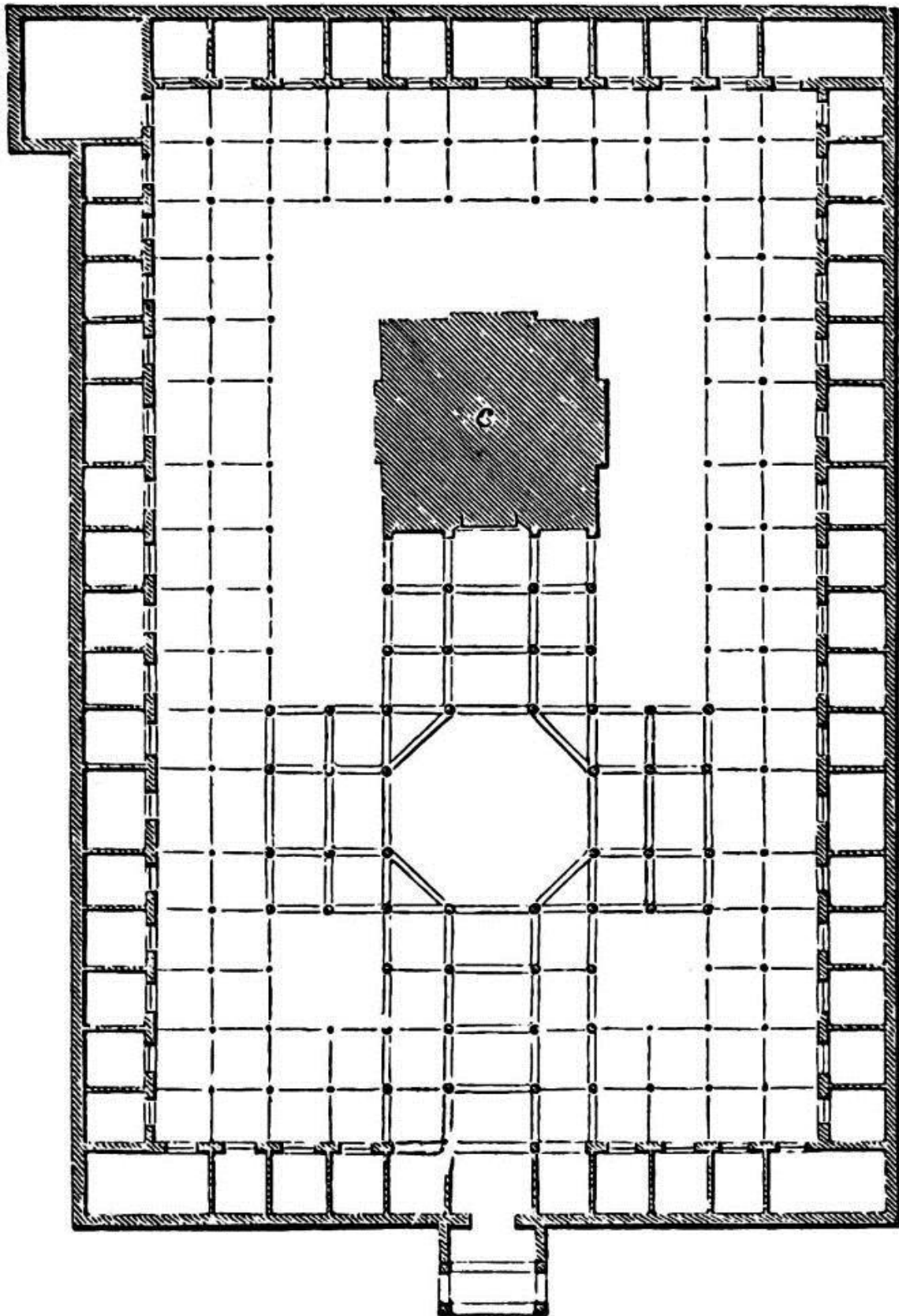

[back](#)

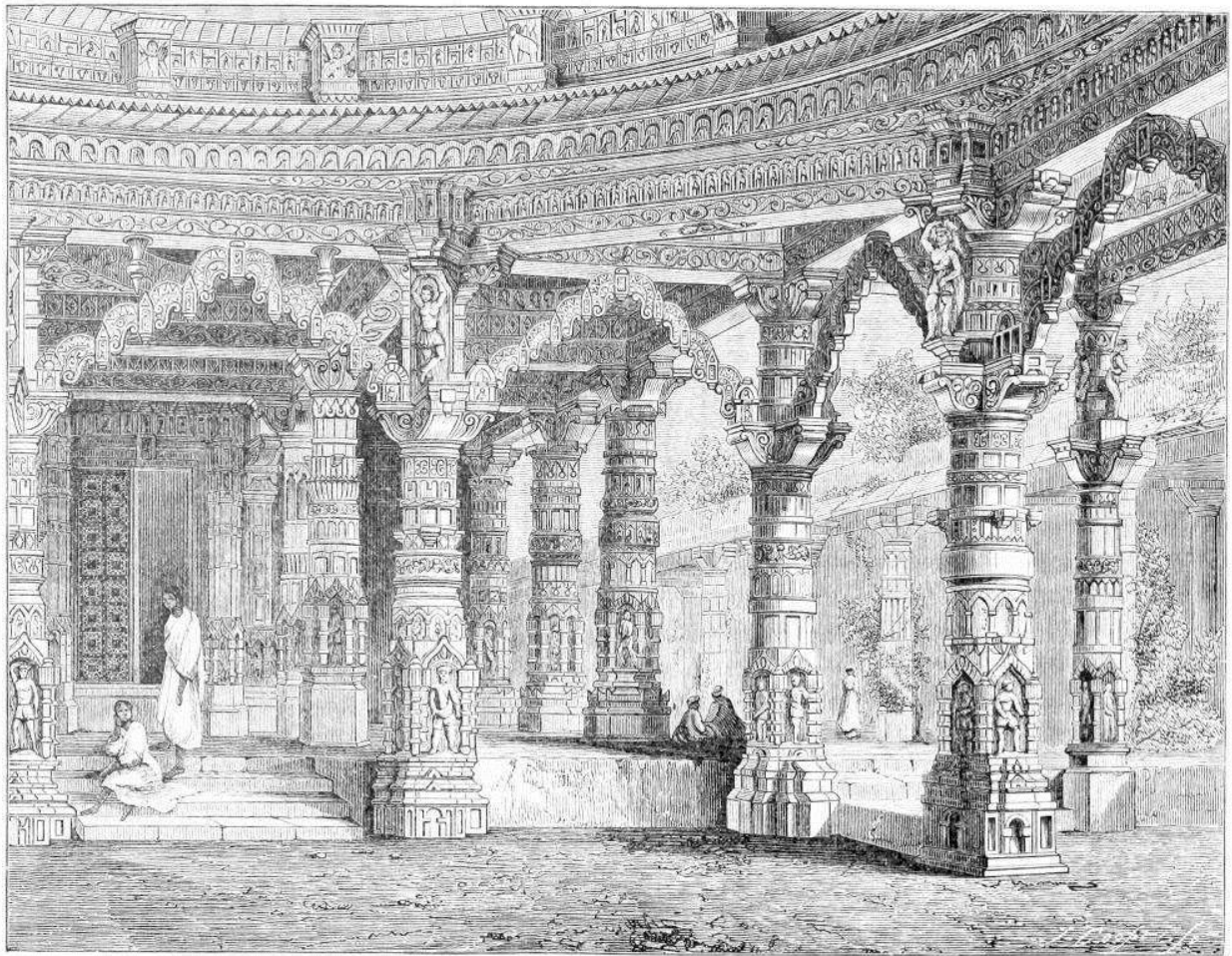

[back](#)

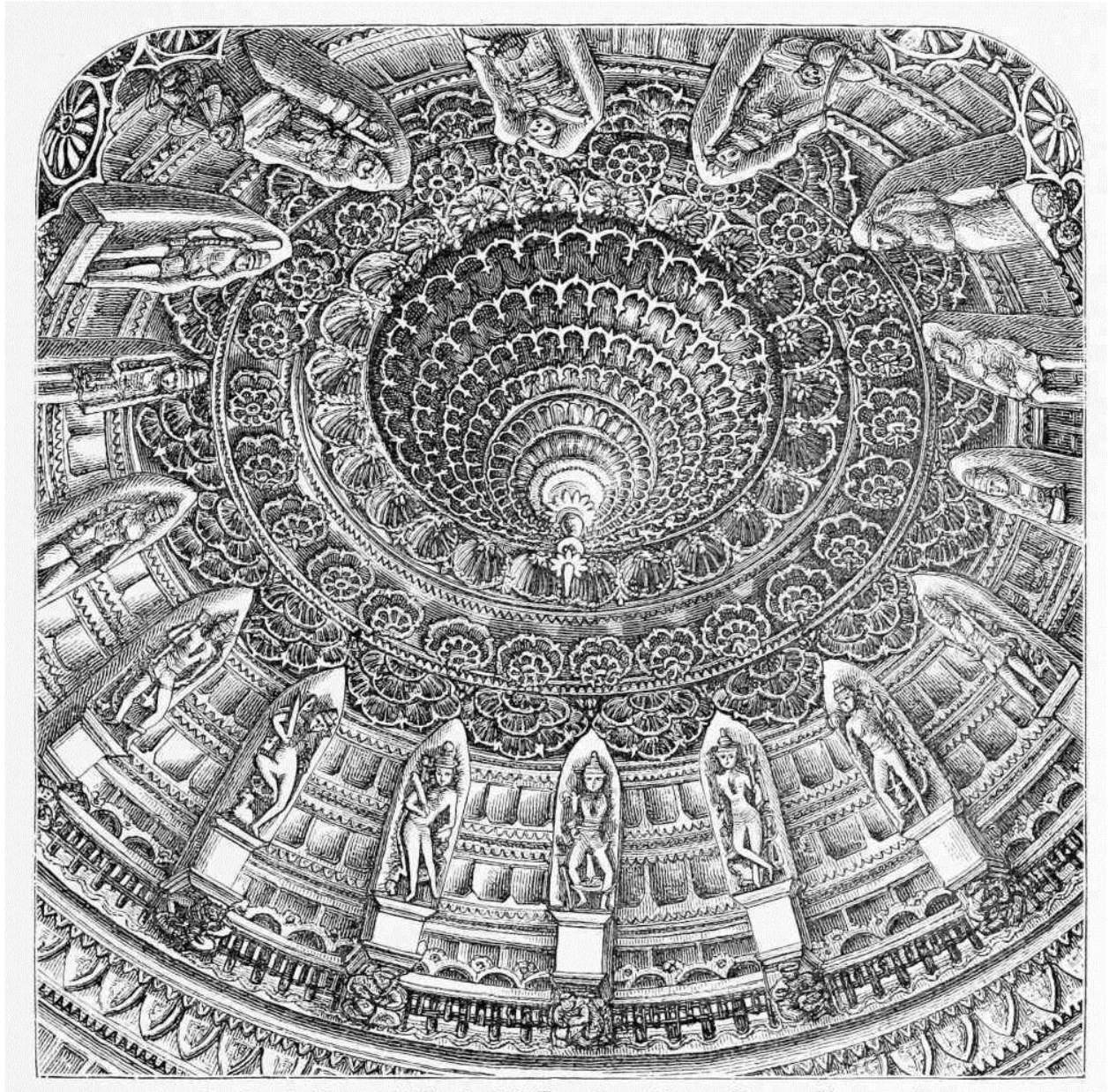
[back](#)

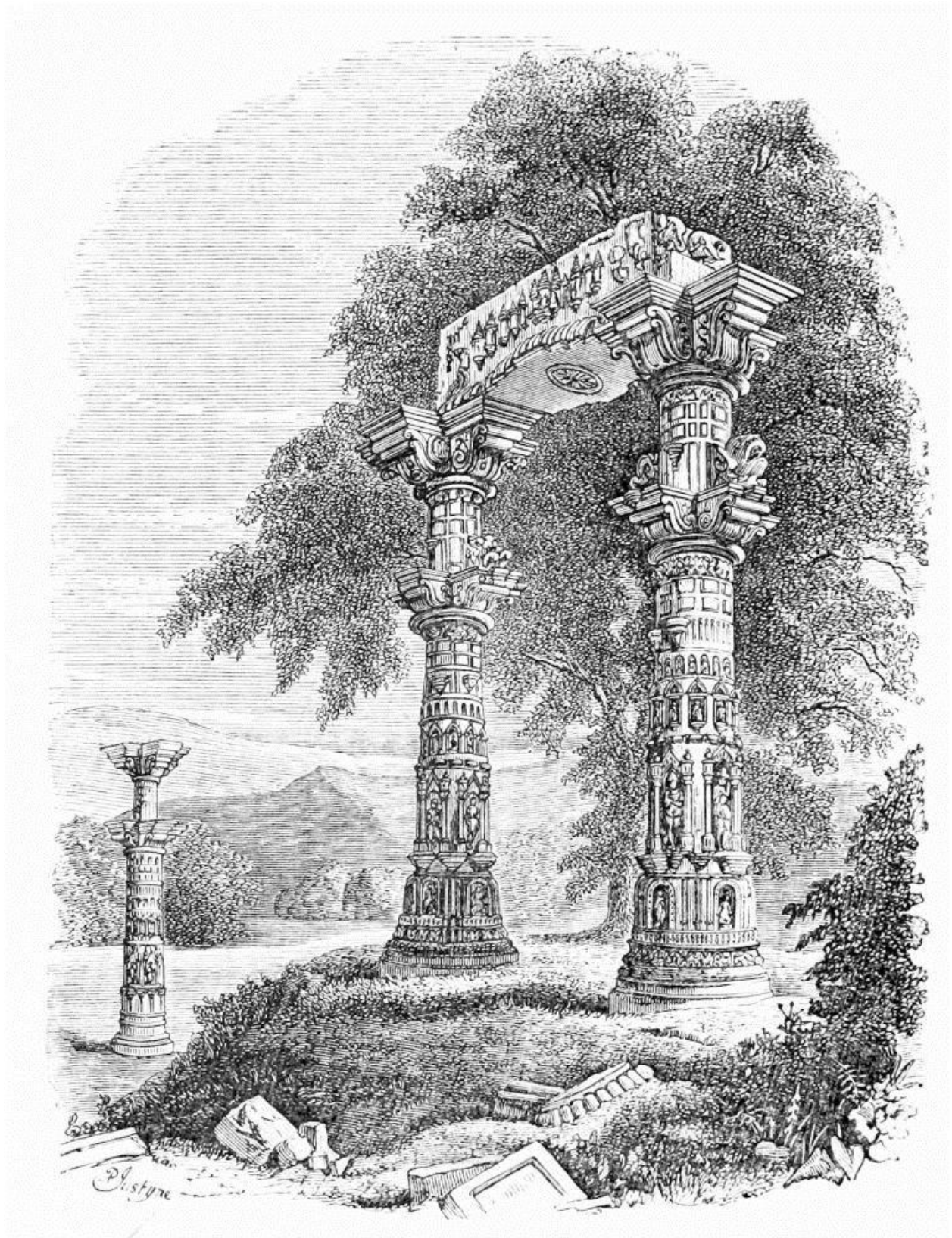
[back](#)

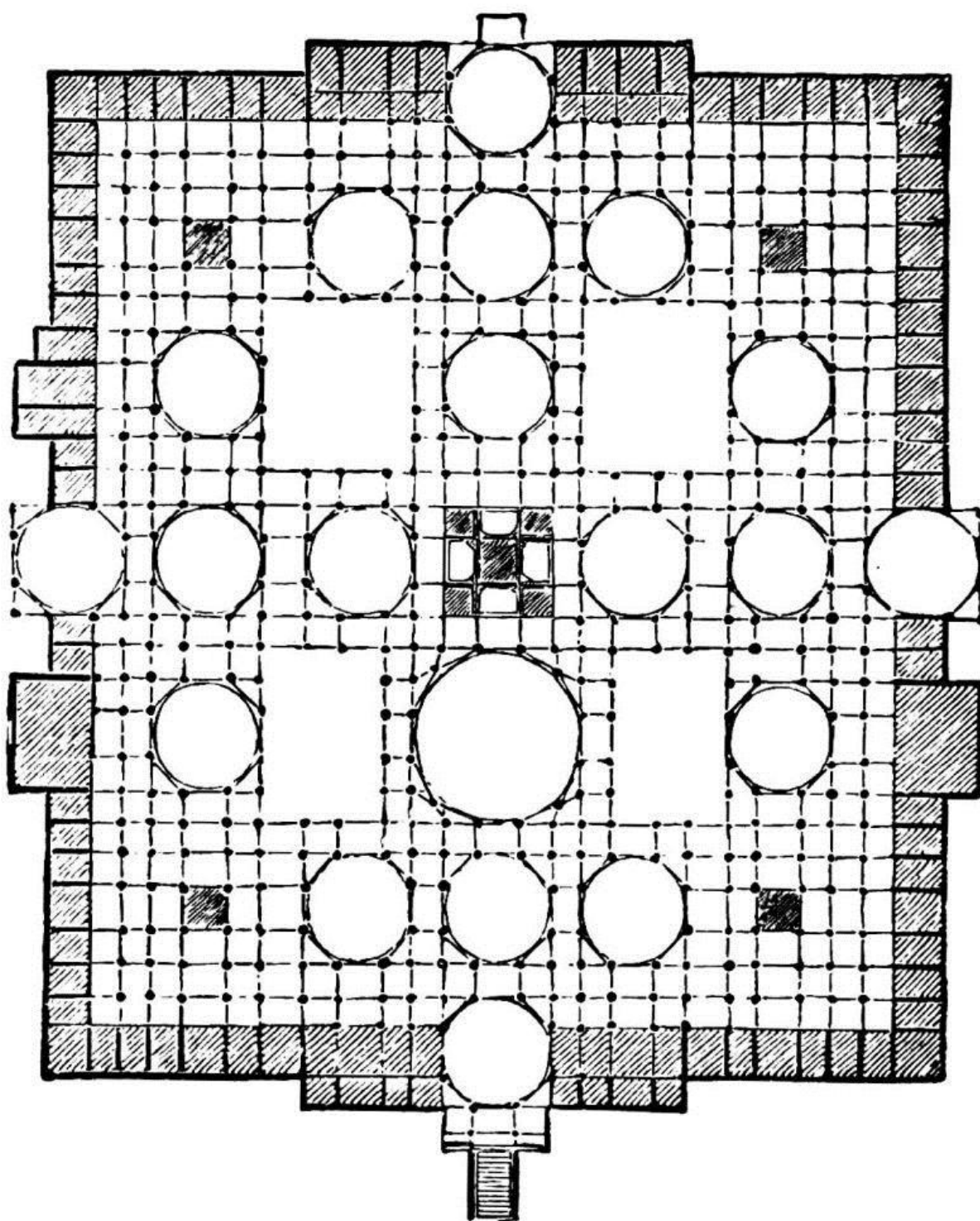
[back](#)

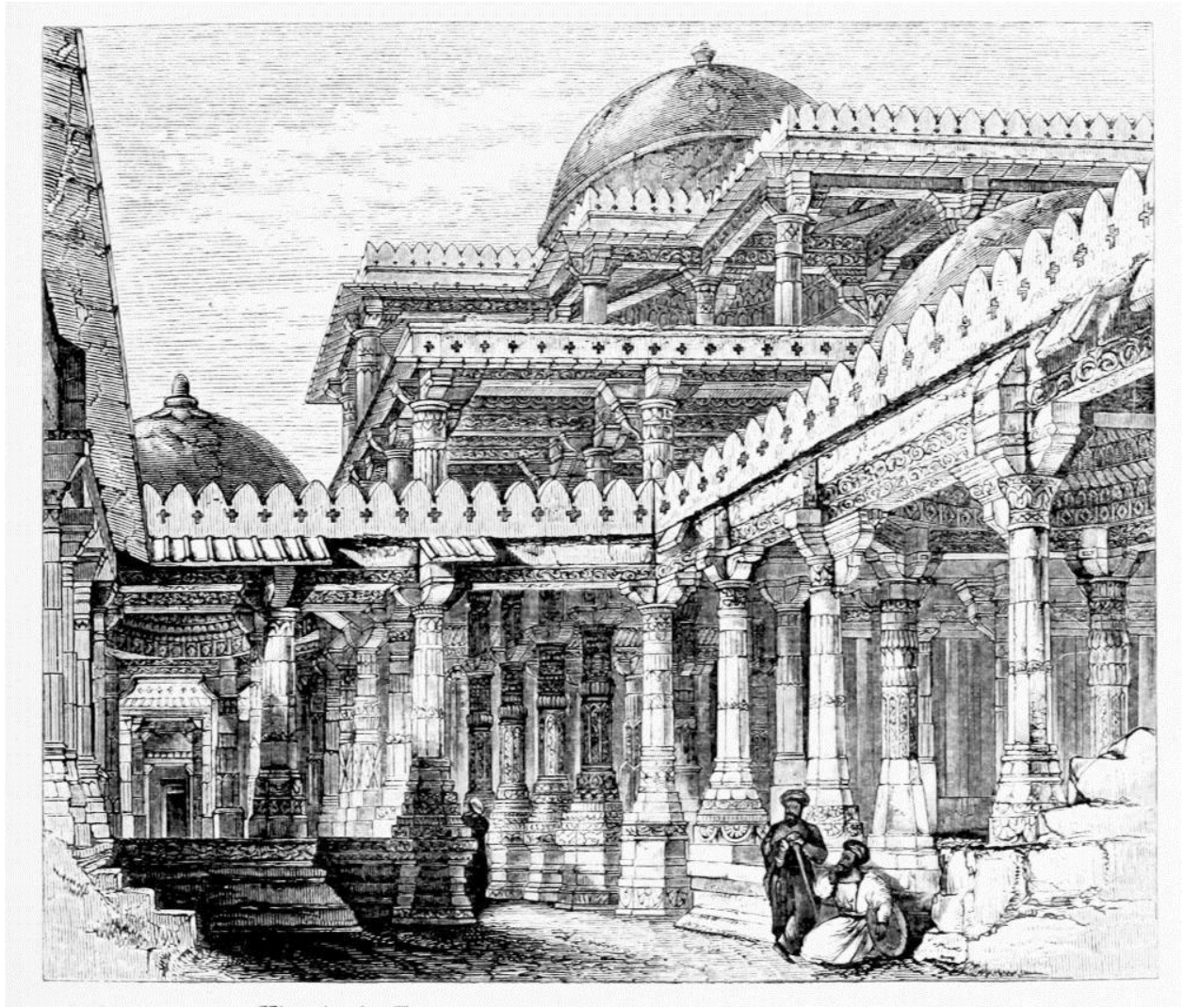
[back](#)

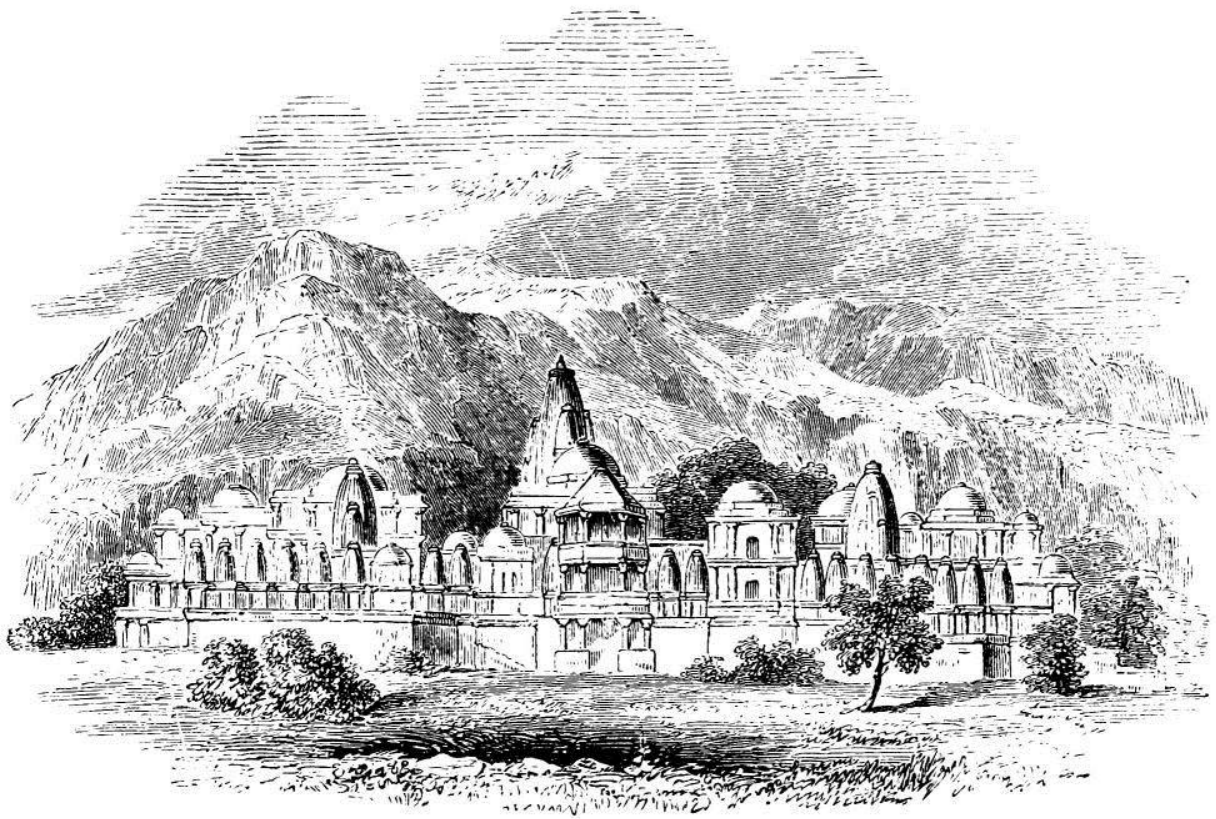

[back](#)

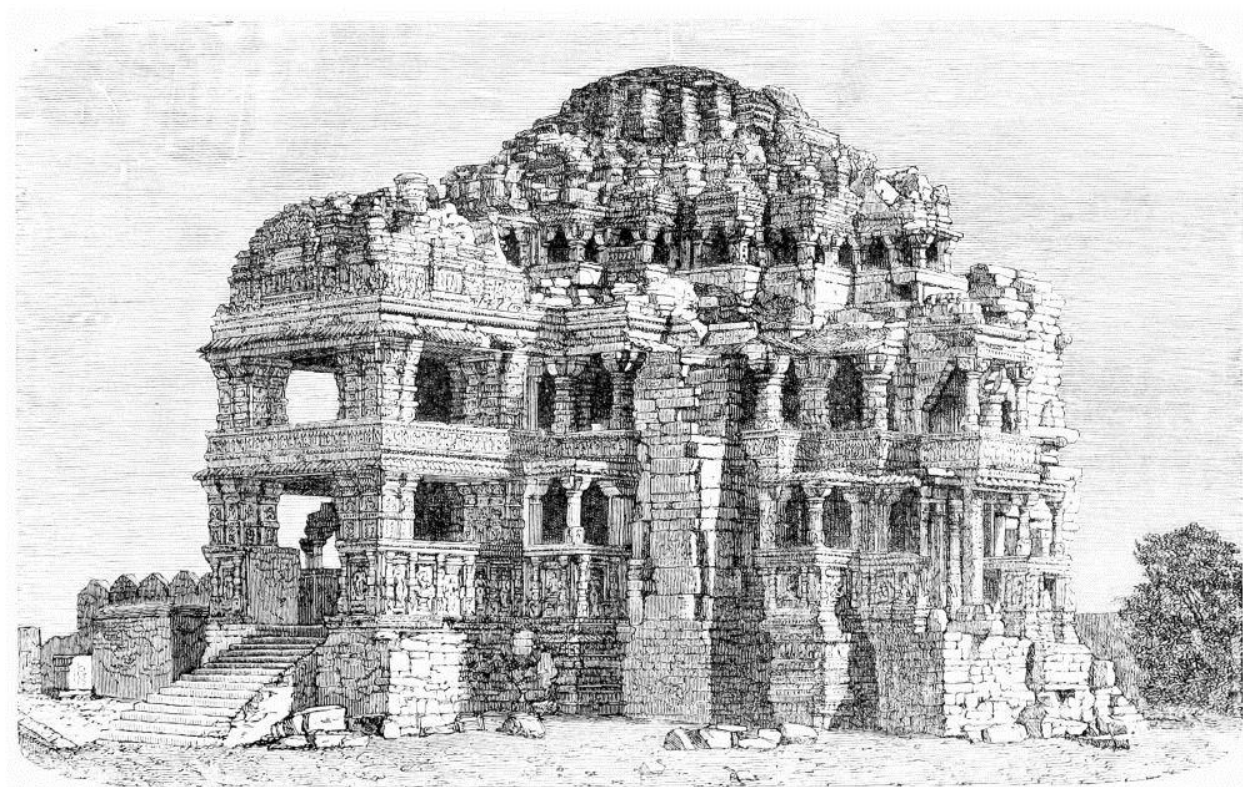

[back](#)

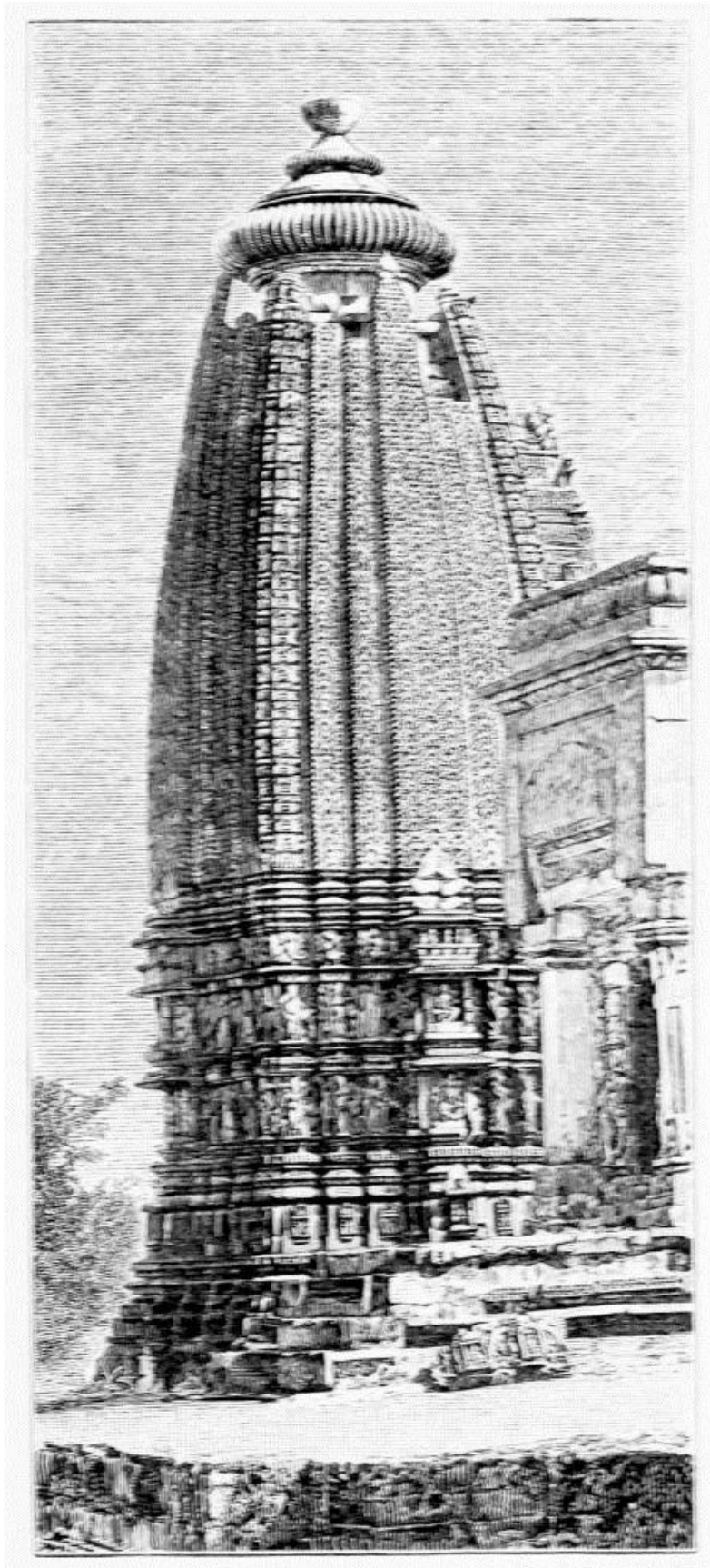
[back](#)

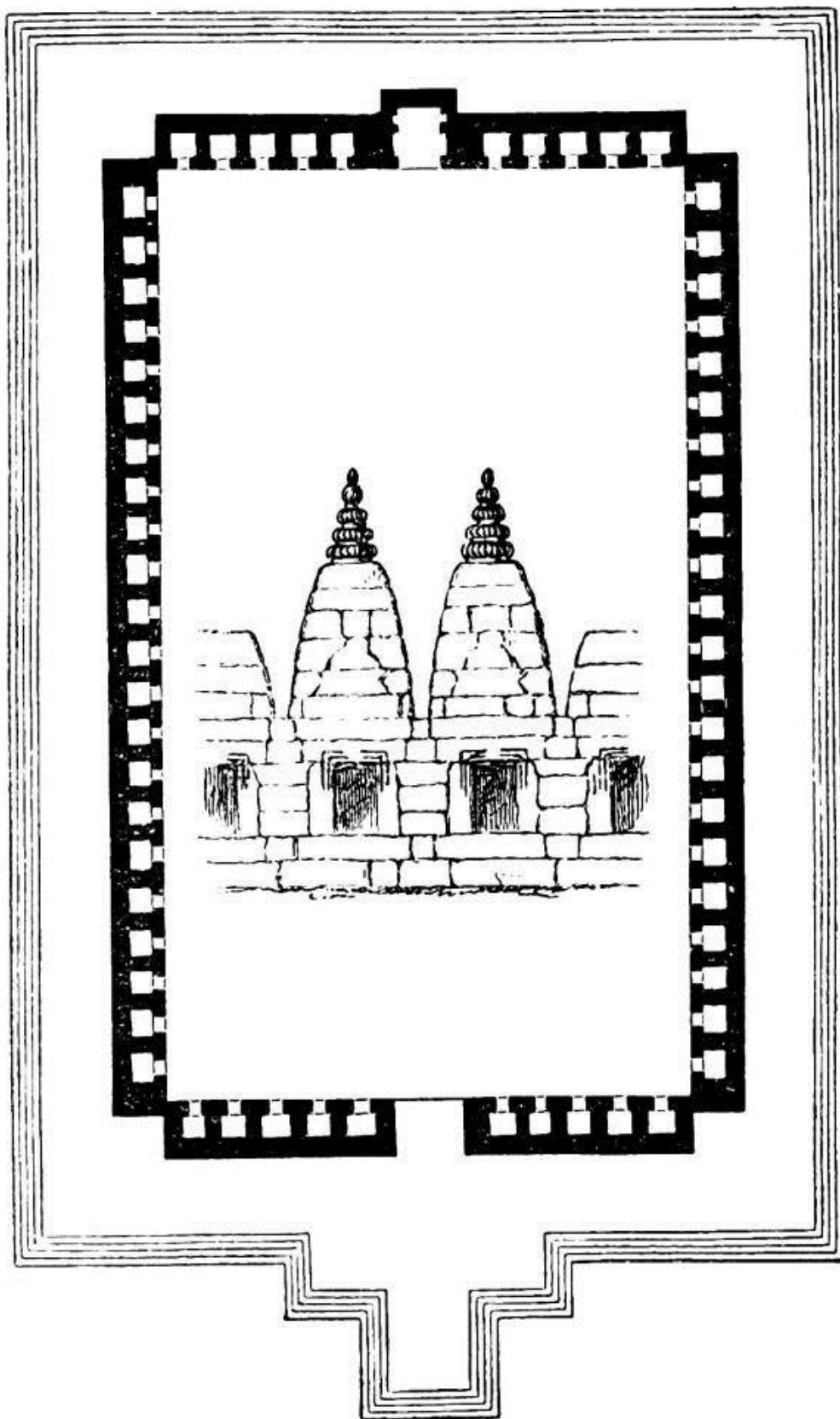

[back](#)

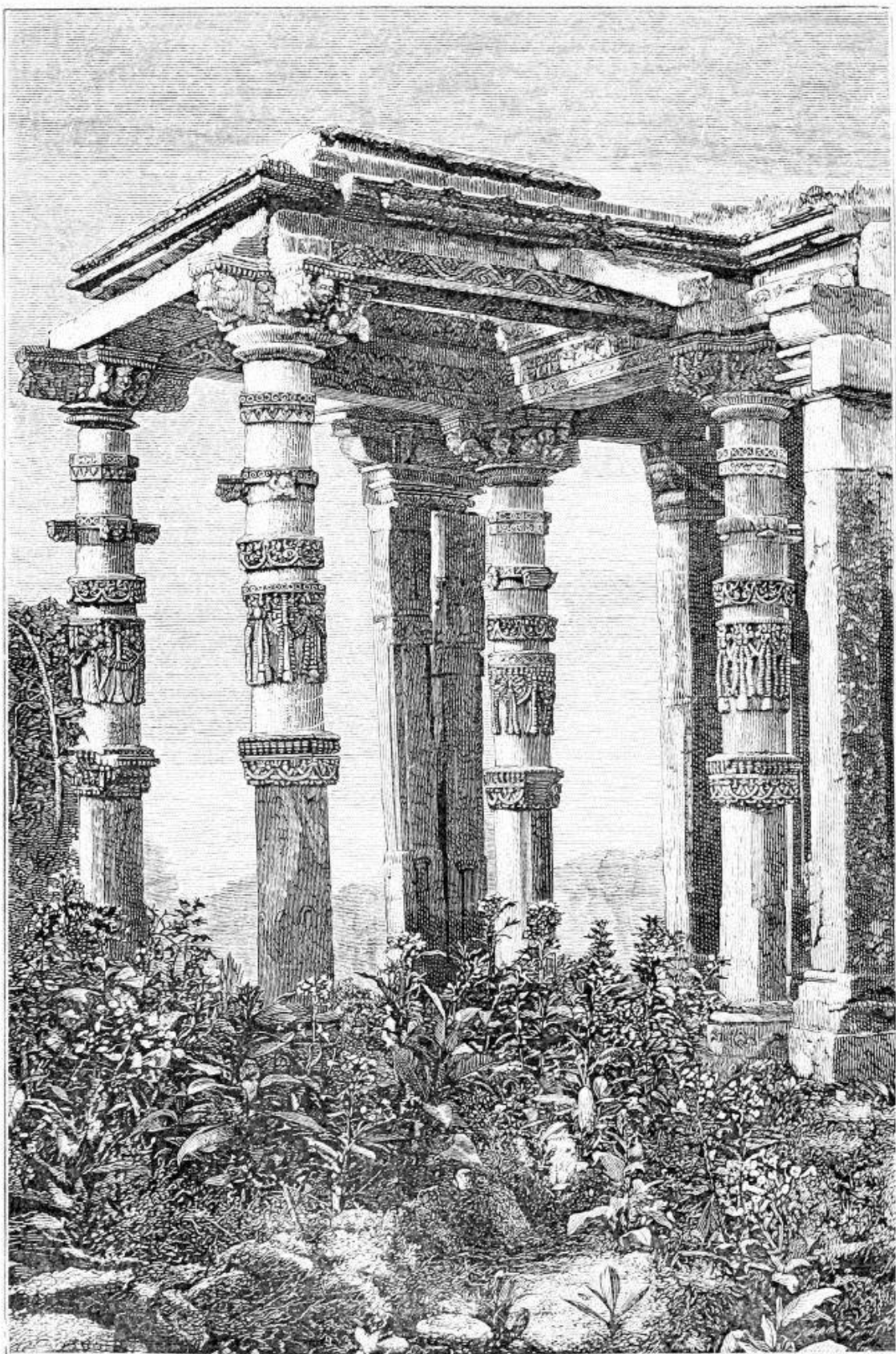

[back](#)

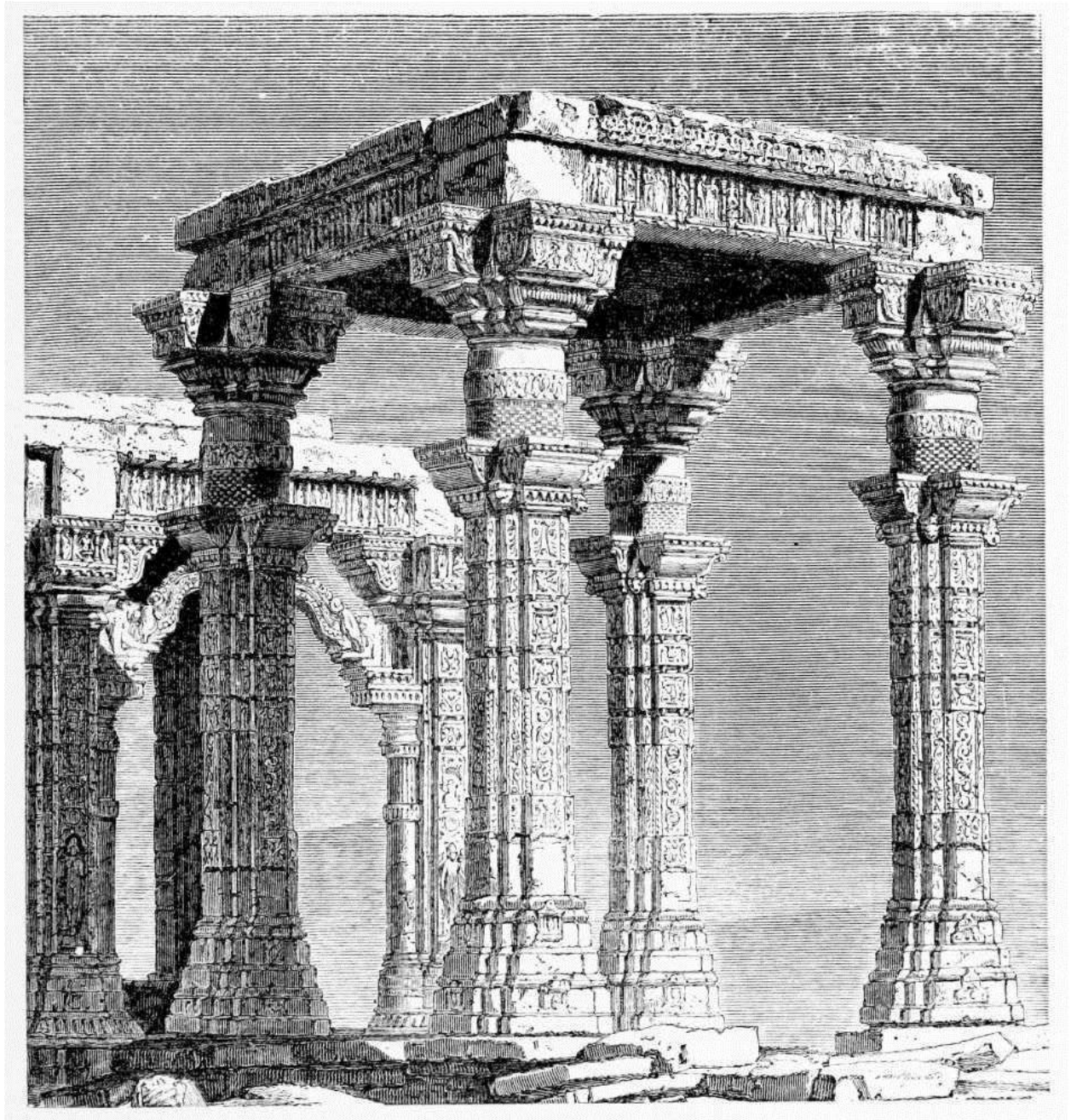
[back](#)

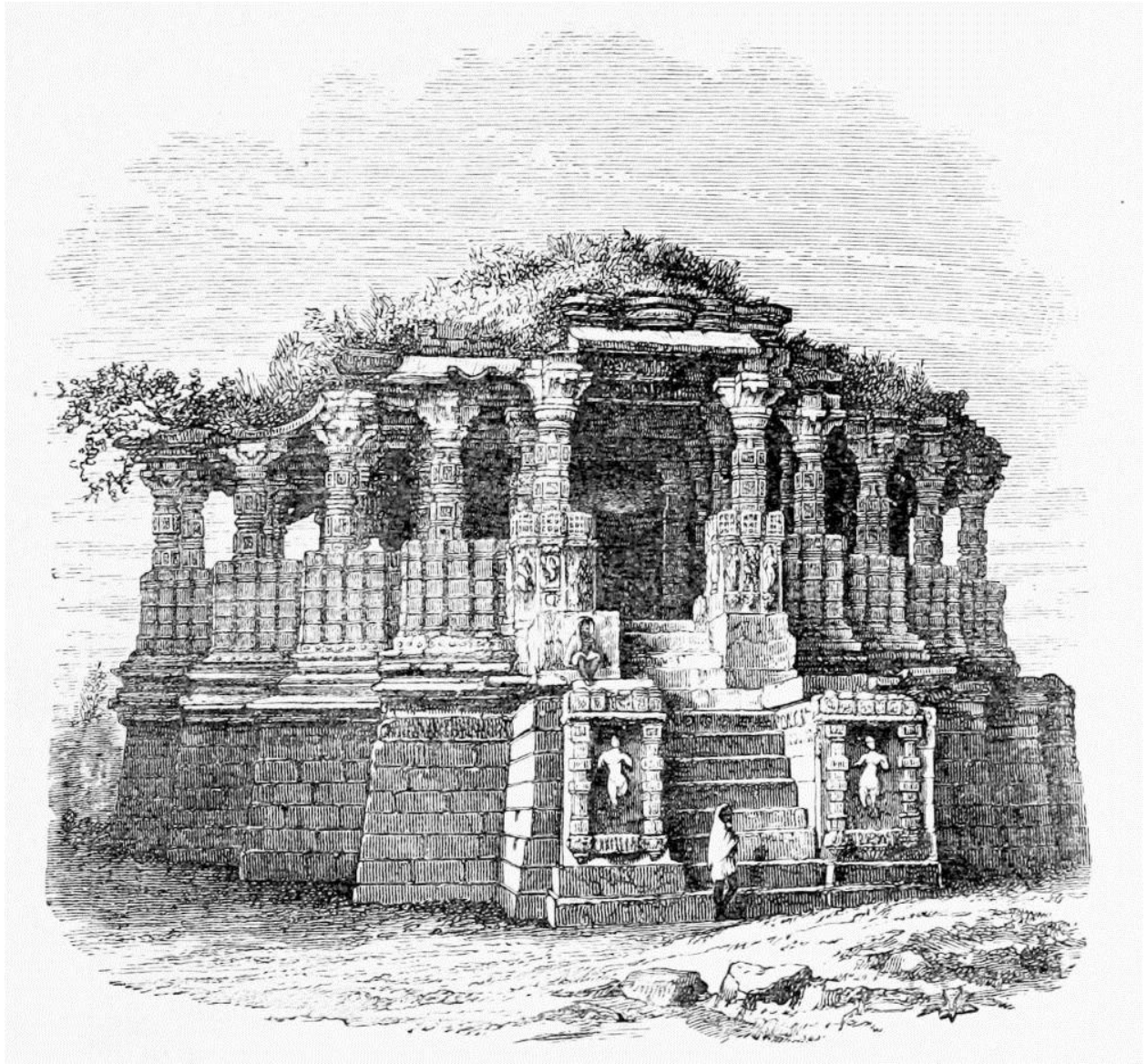
[back](#)

[back](#)

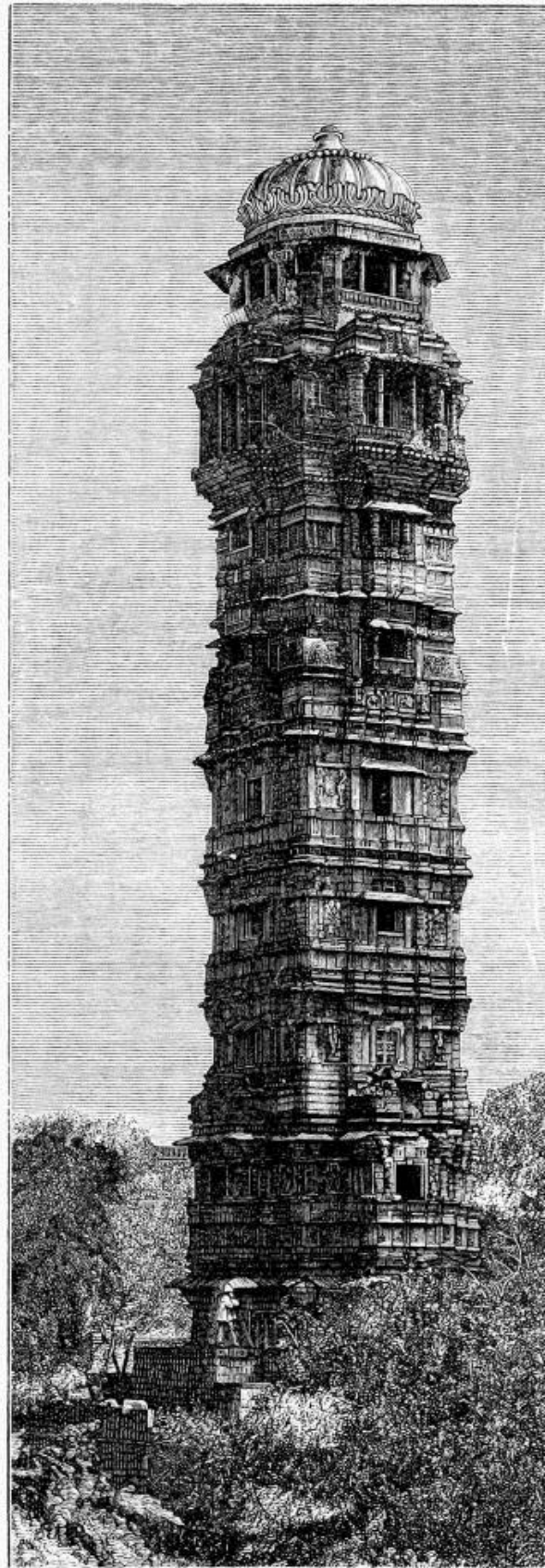
[back](#)

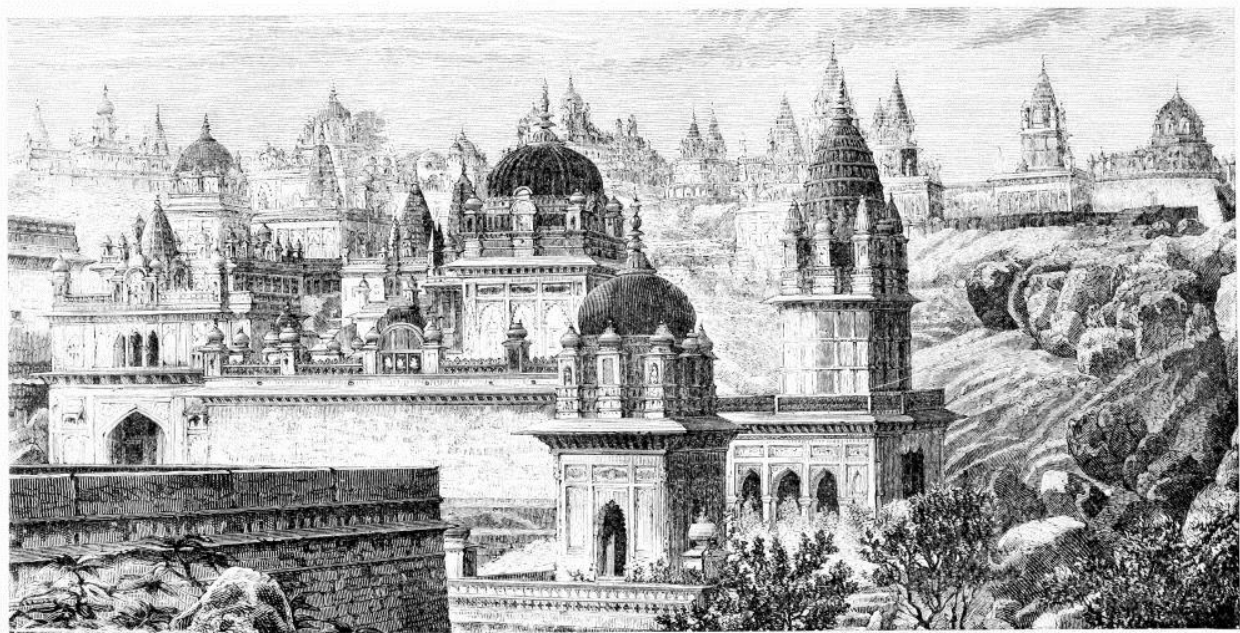

[back](#)

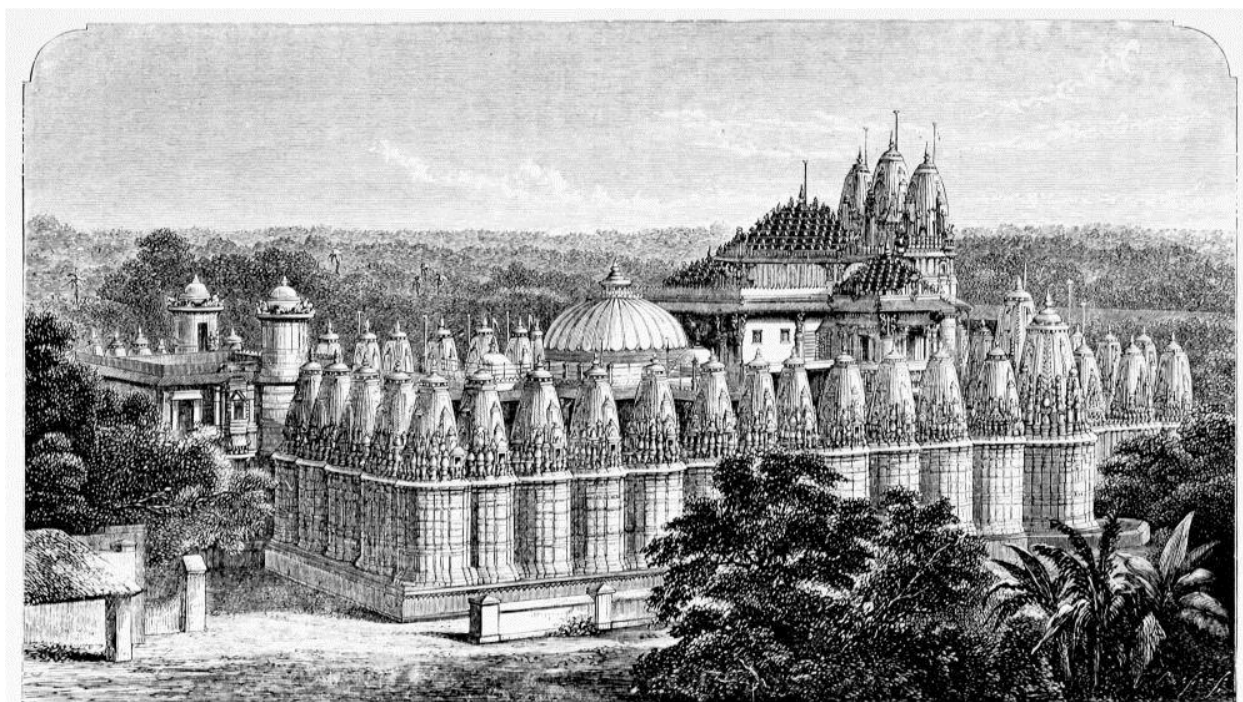

[back](#)

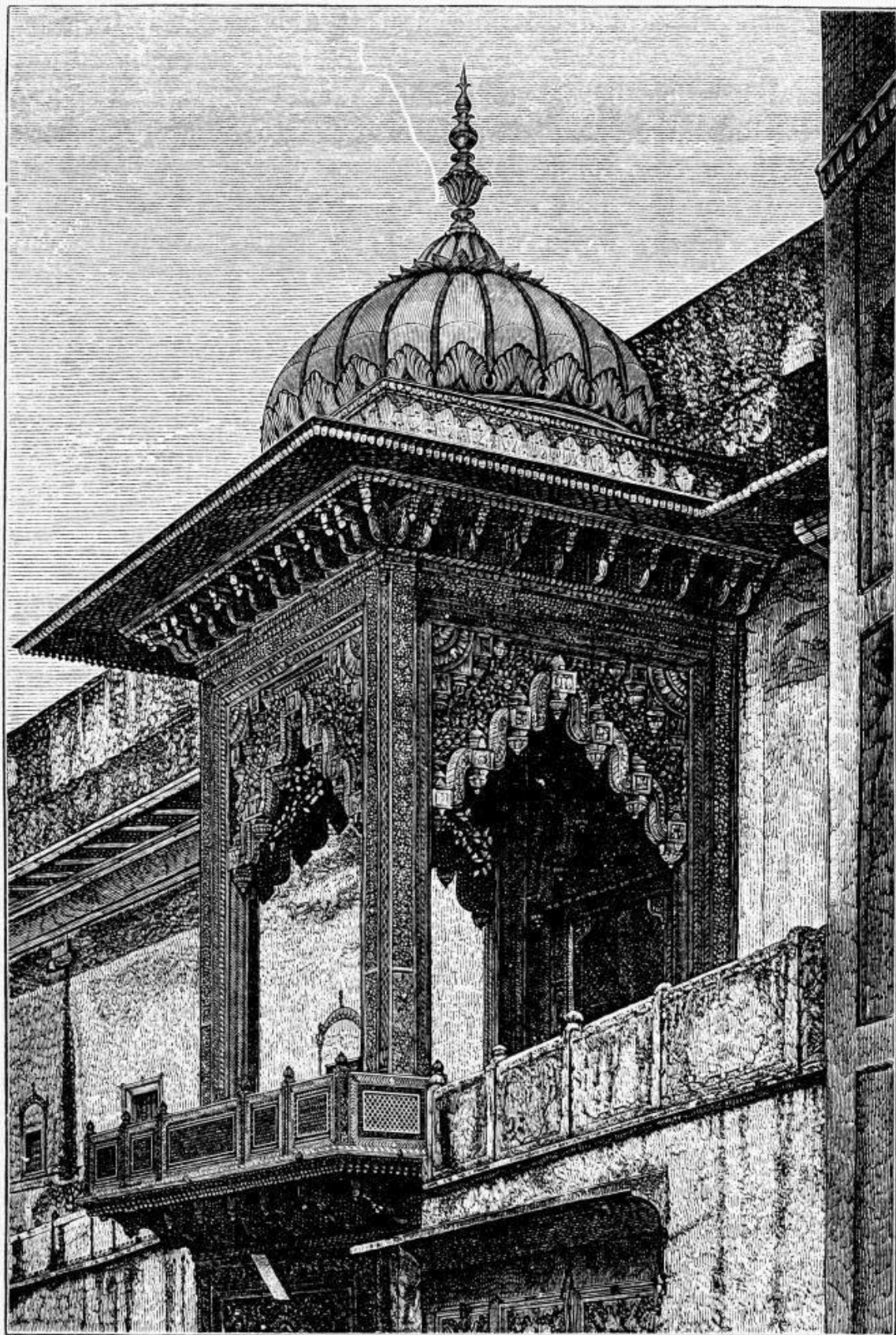
[back](#)

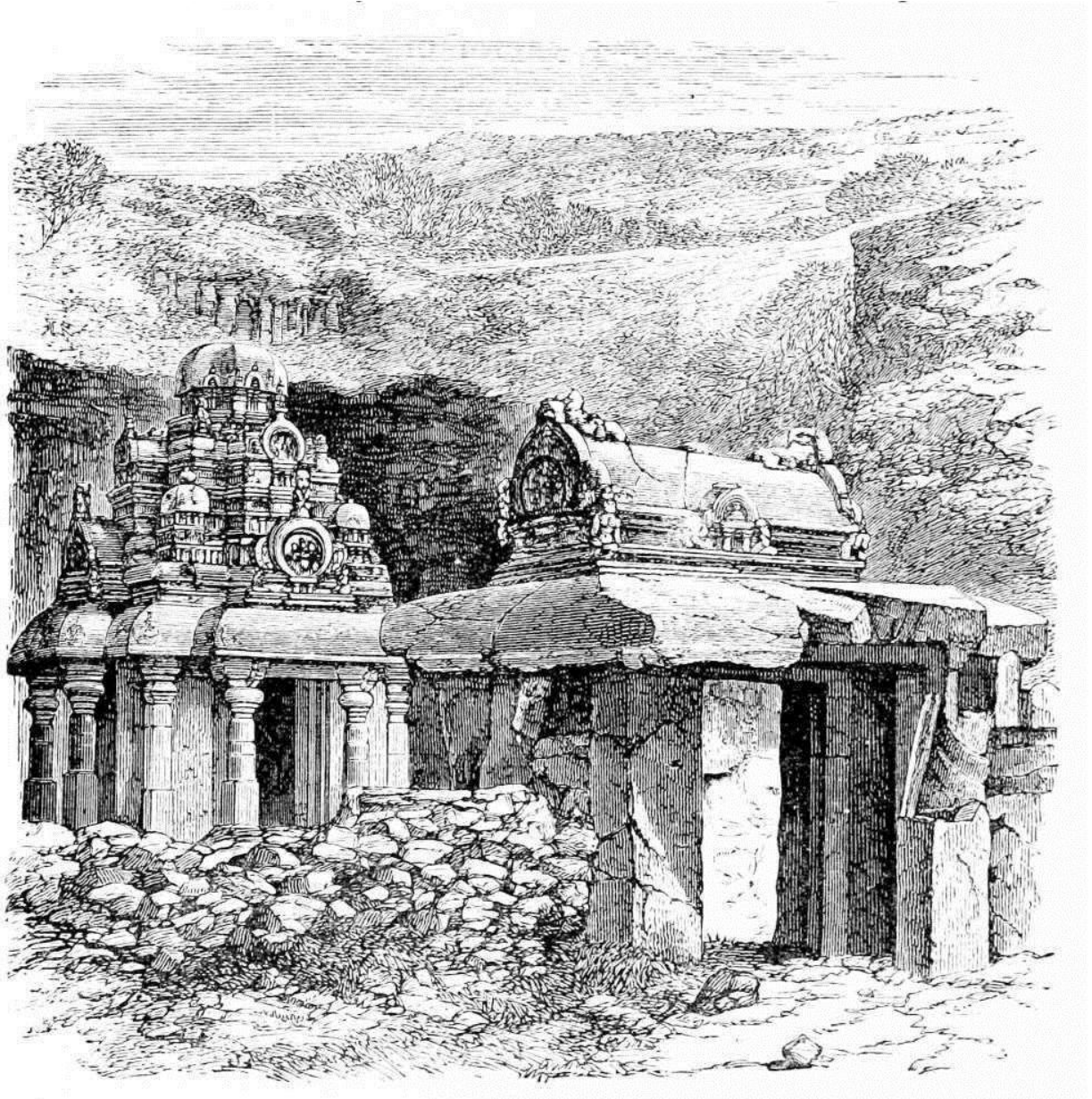
[back](#)

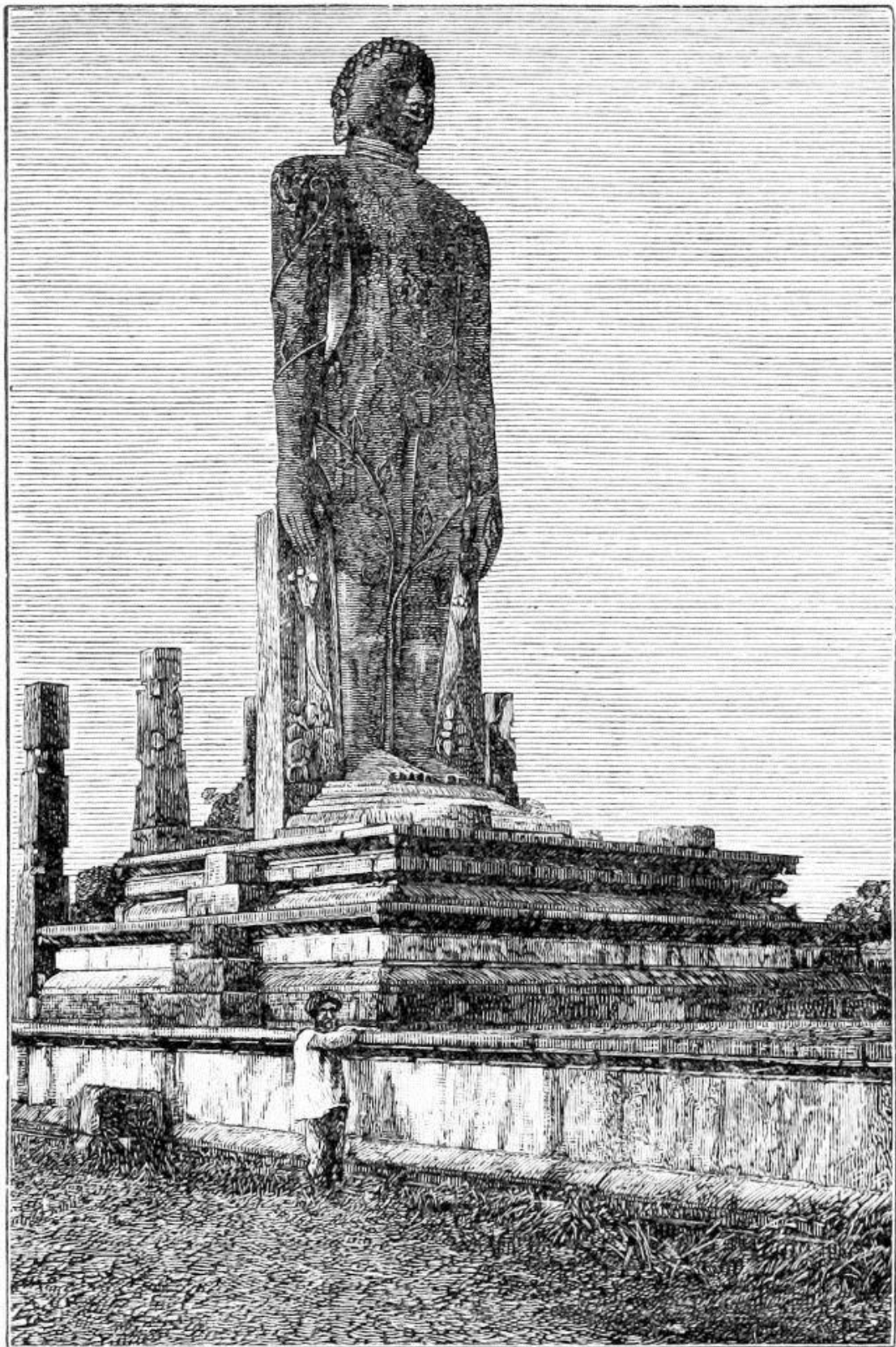
[back](#)

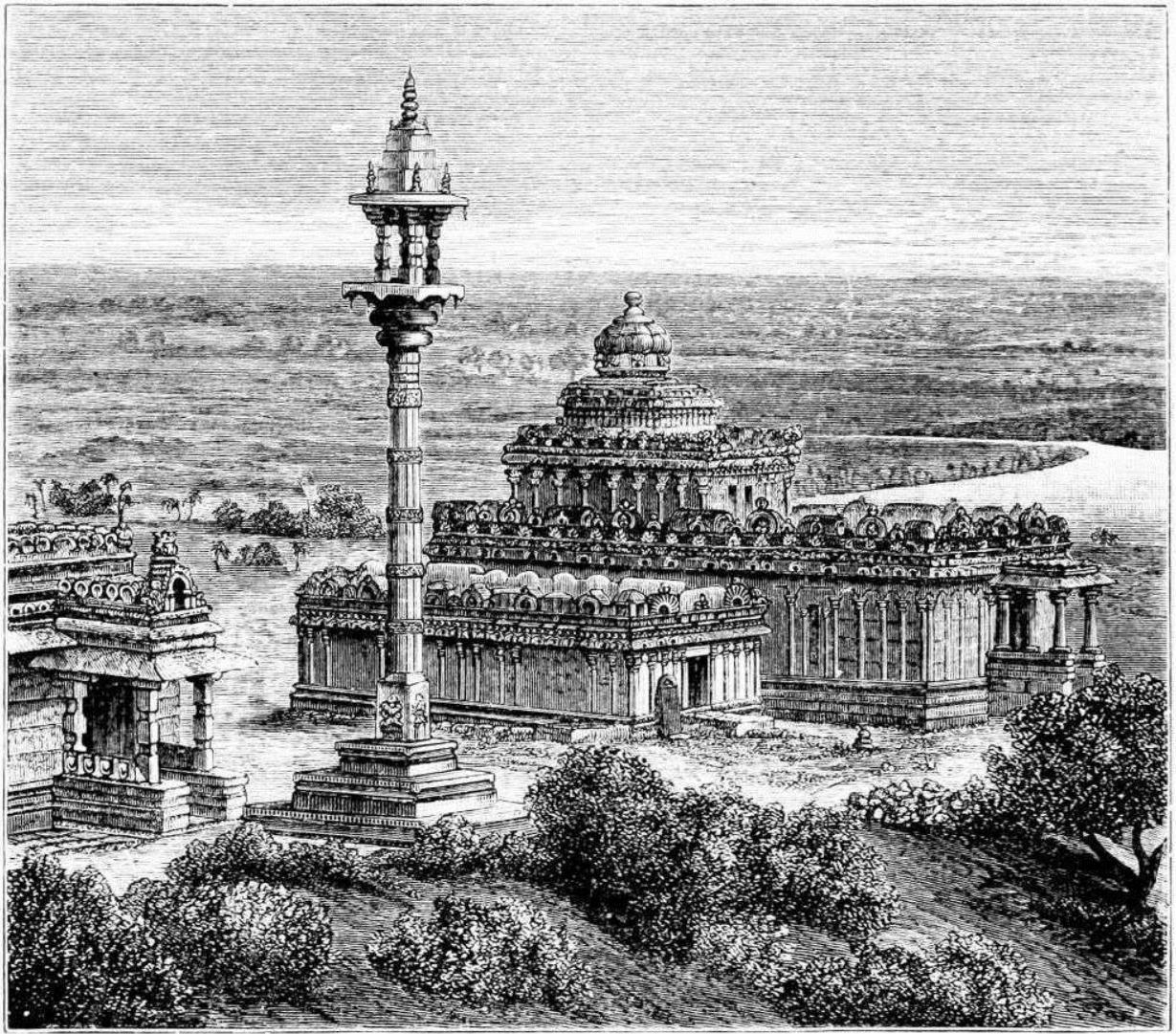
[back](#)

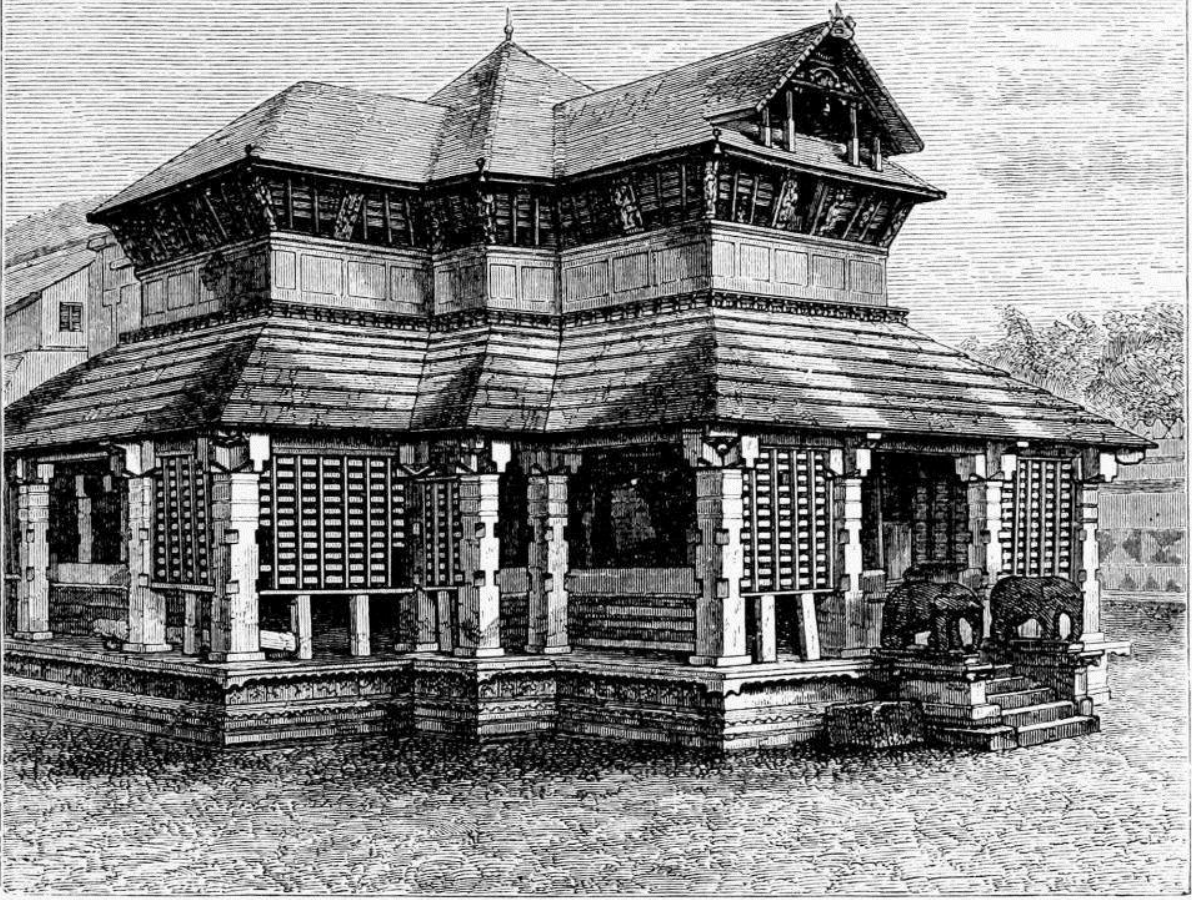
[back](#)

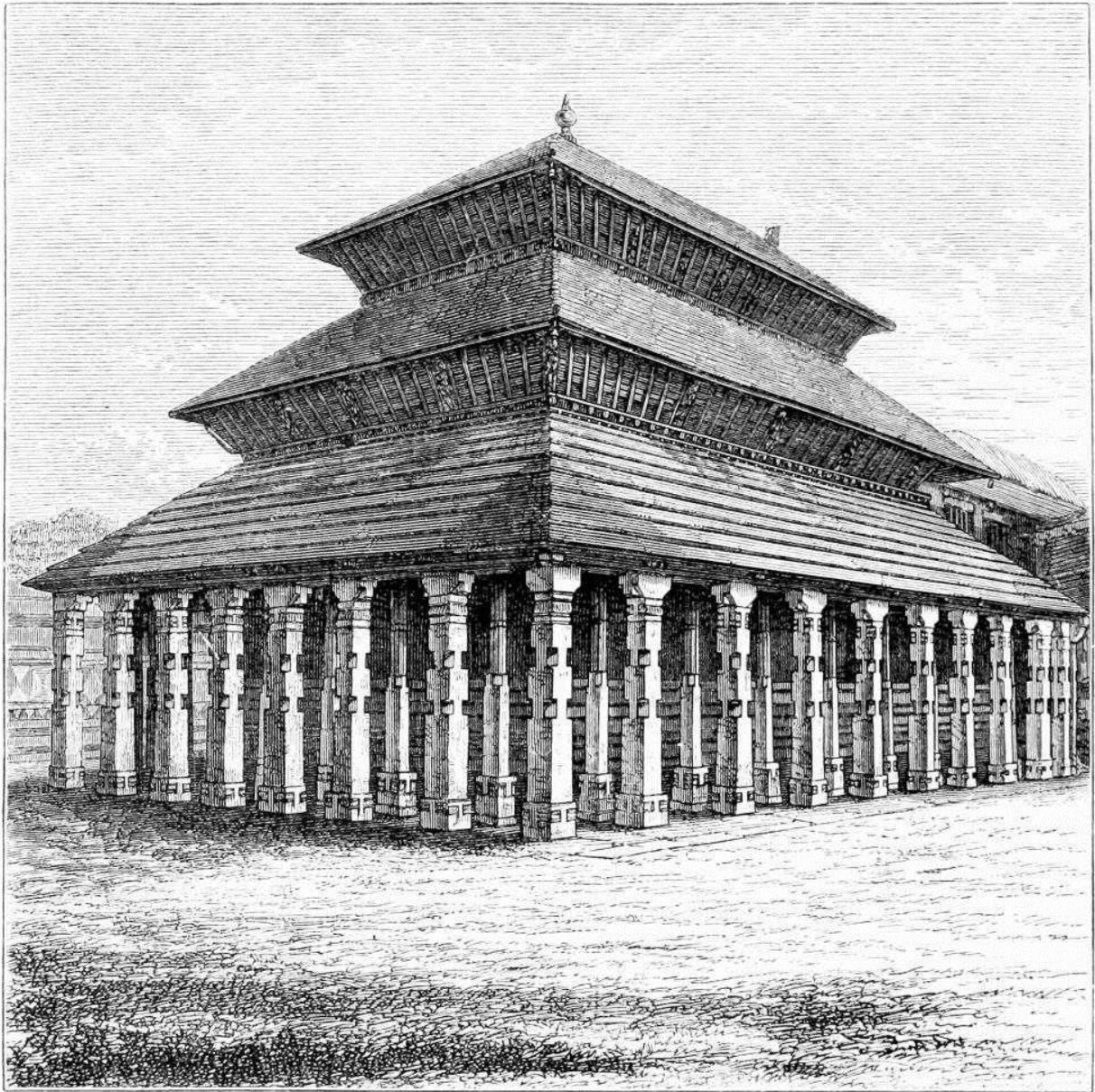
[back](#)

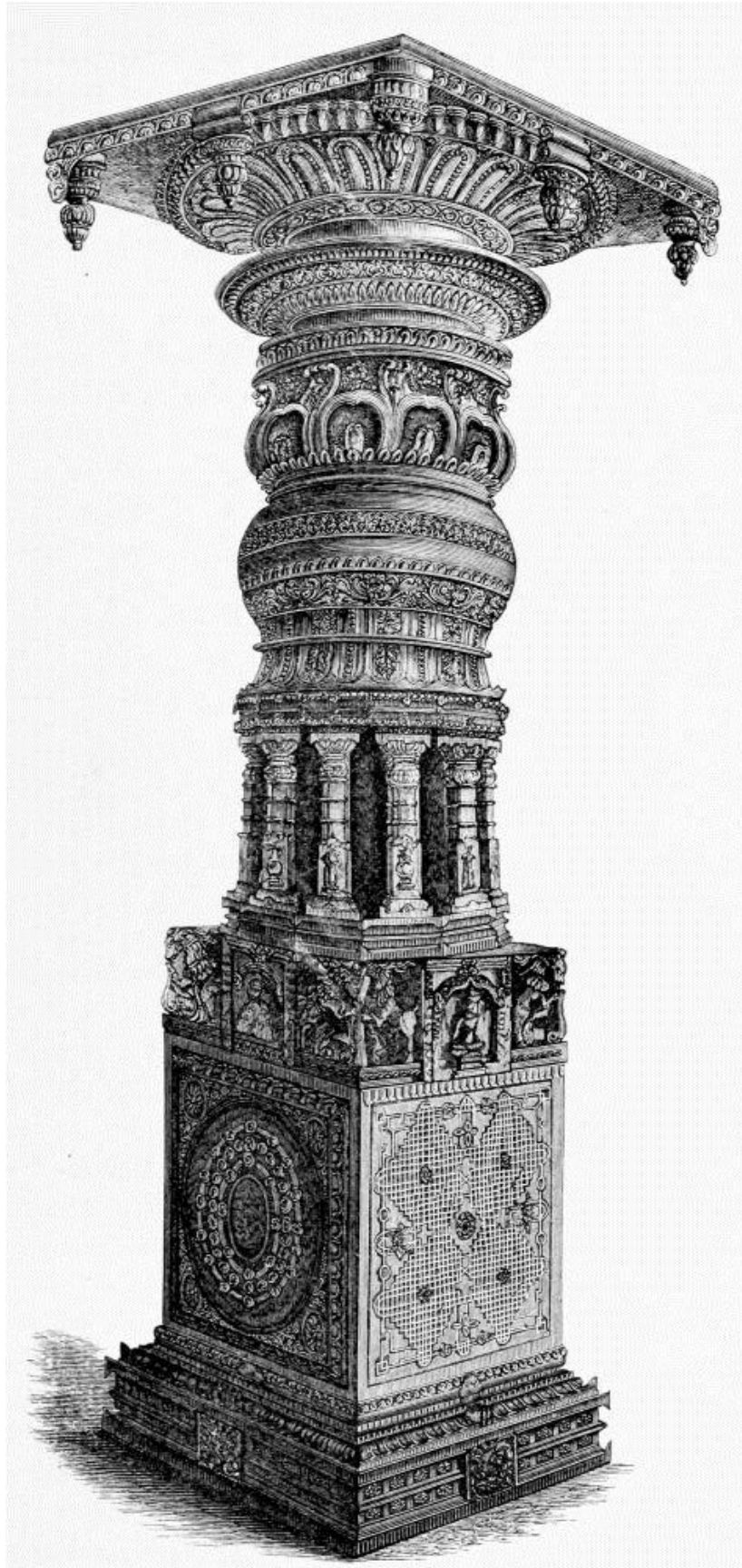
[back](#)

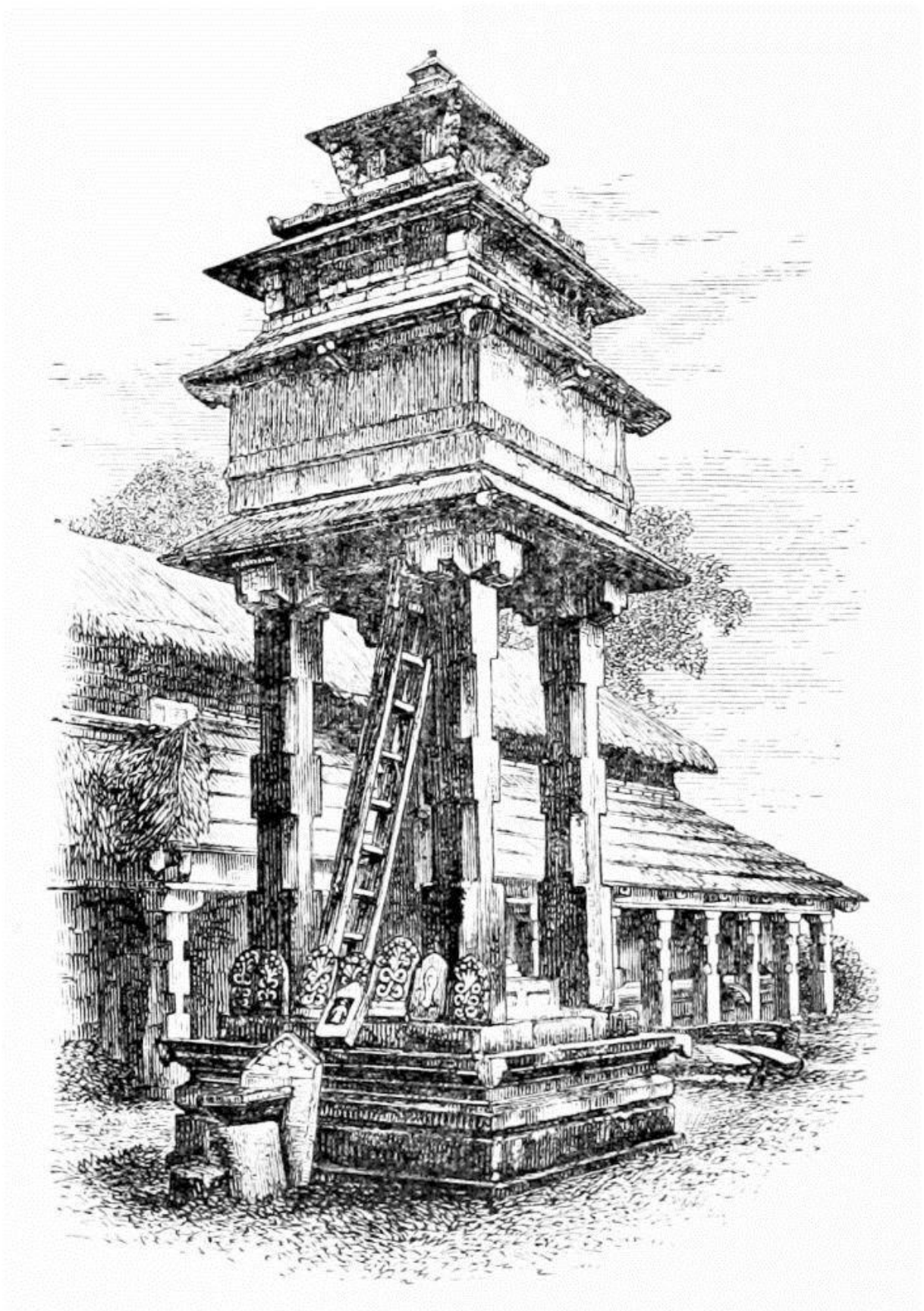
[back](#)

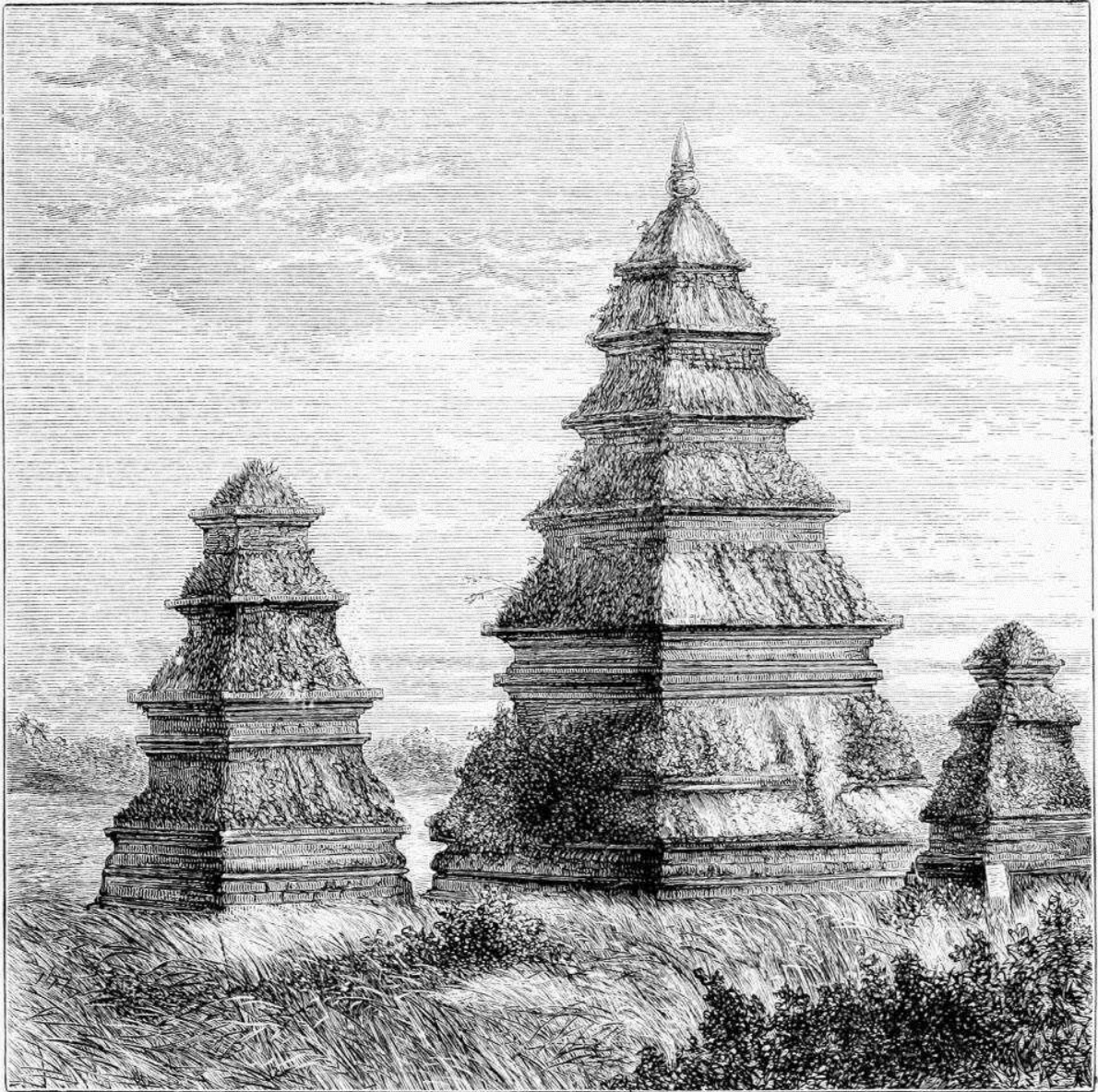
[back](#)

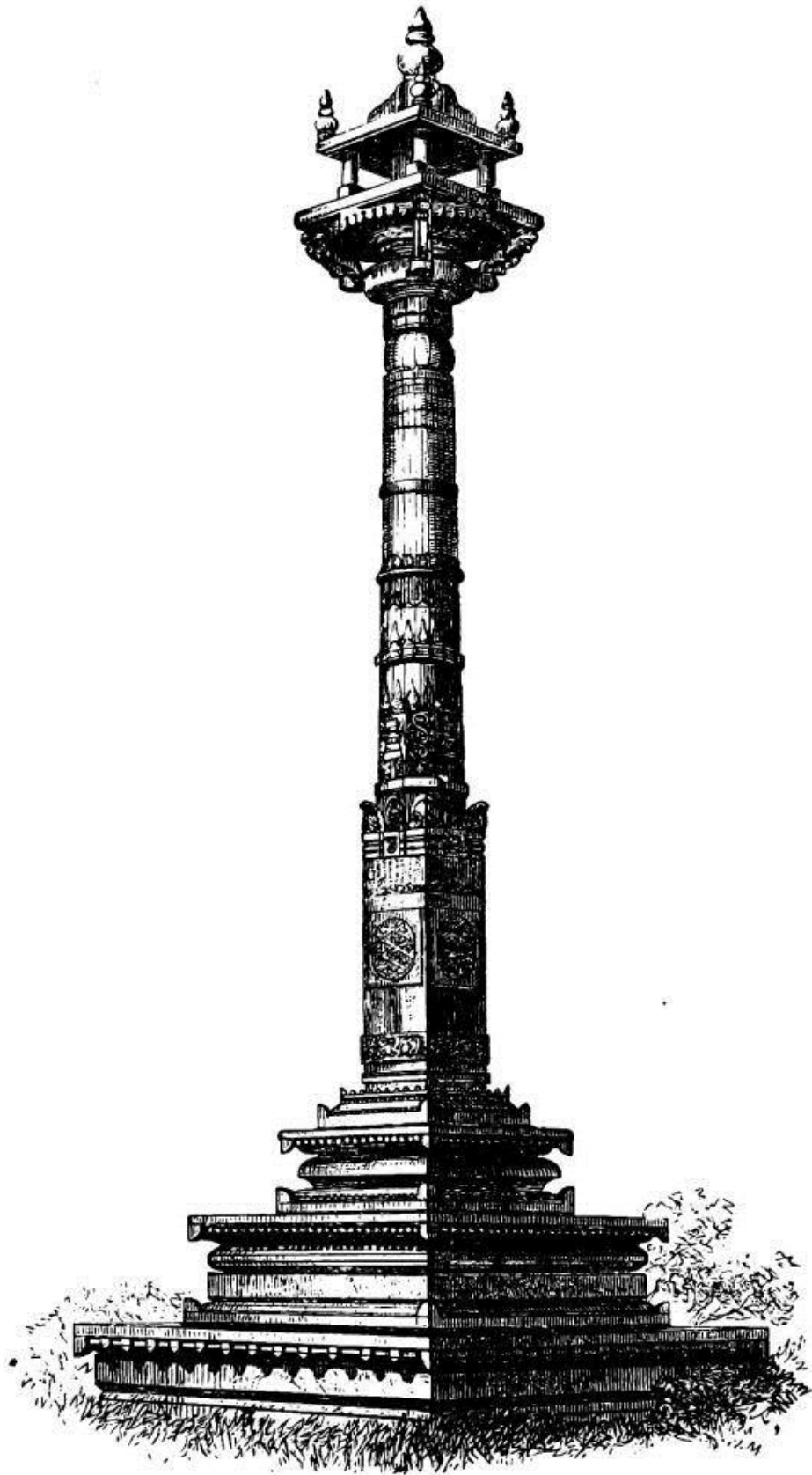
[back](#)

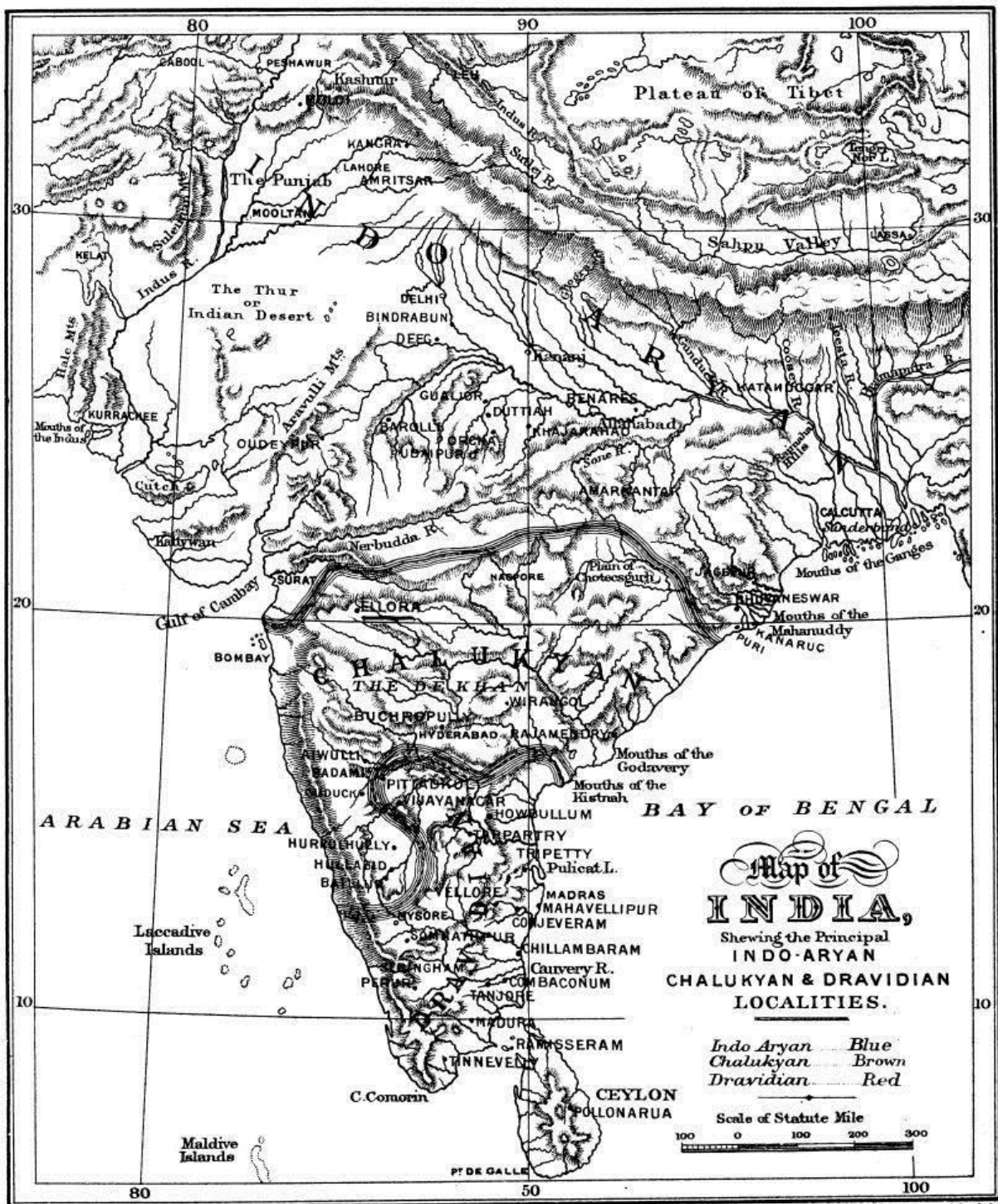

[back](#)

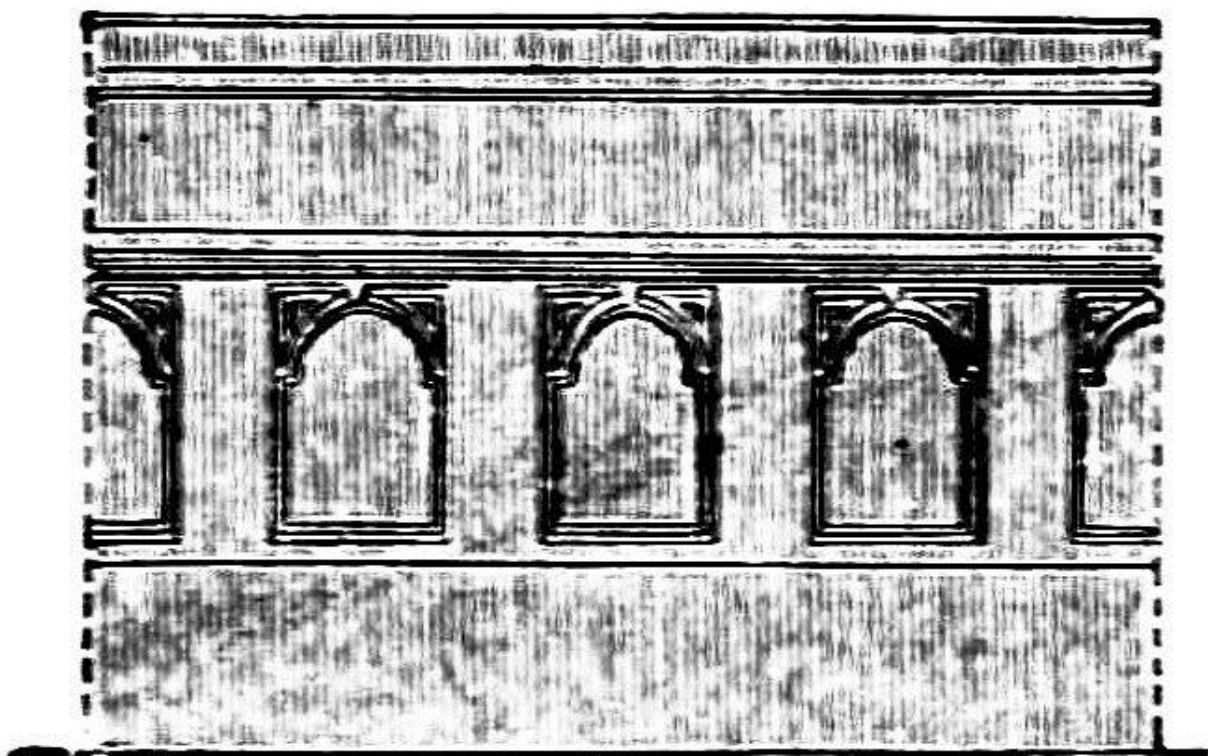

[back](#)

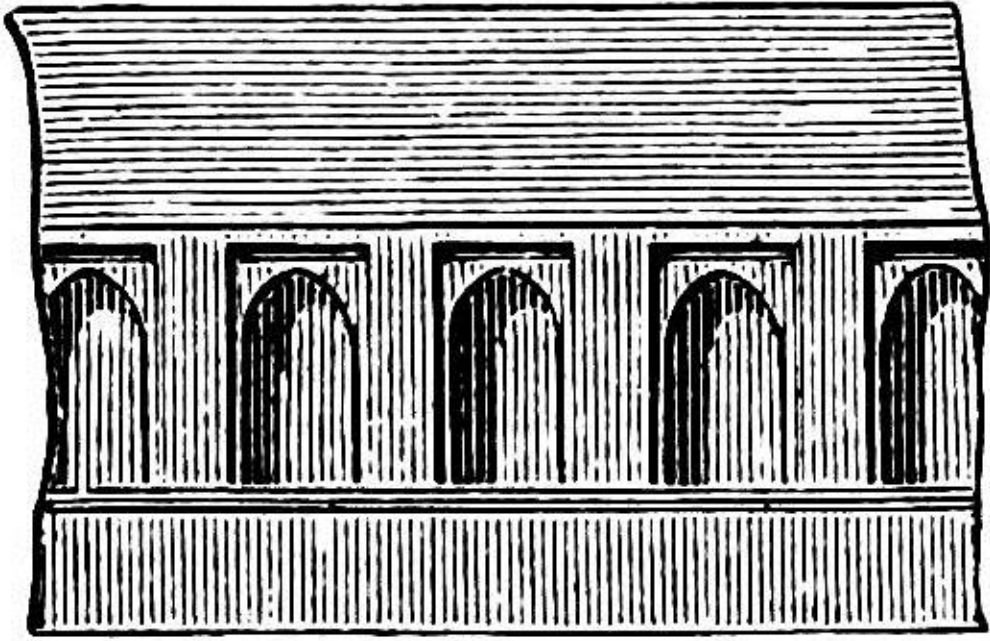
Vincent Brooks, Day & Son Ltd.

[back](#)

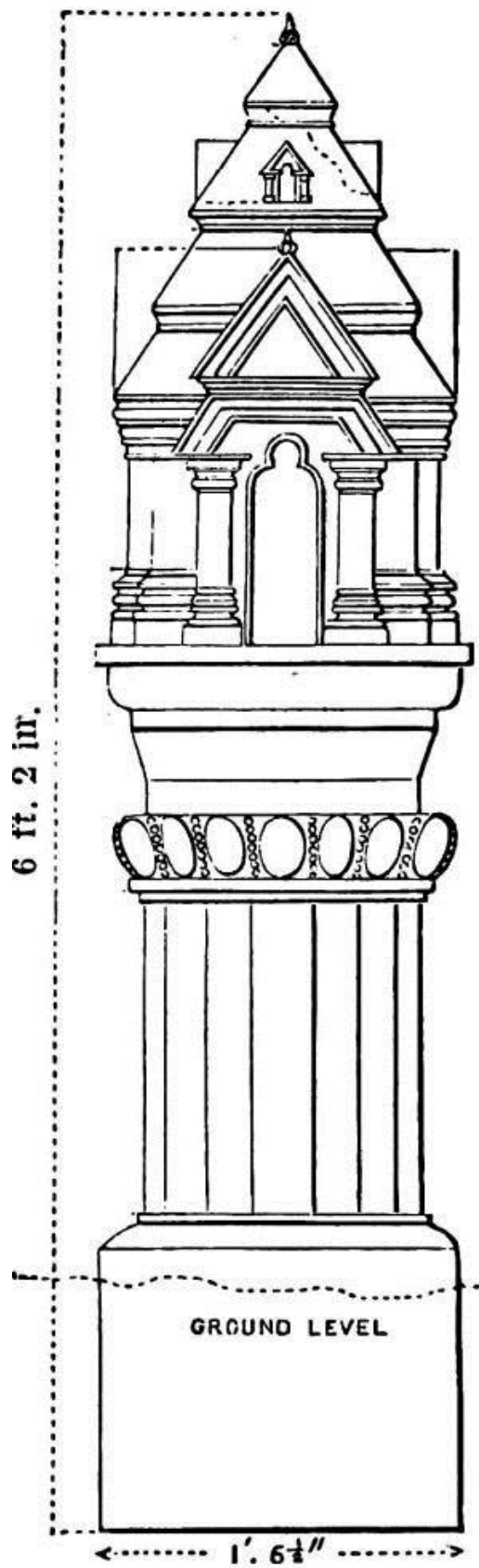

[back](#)

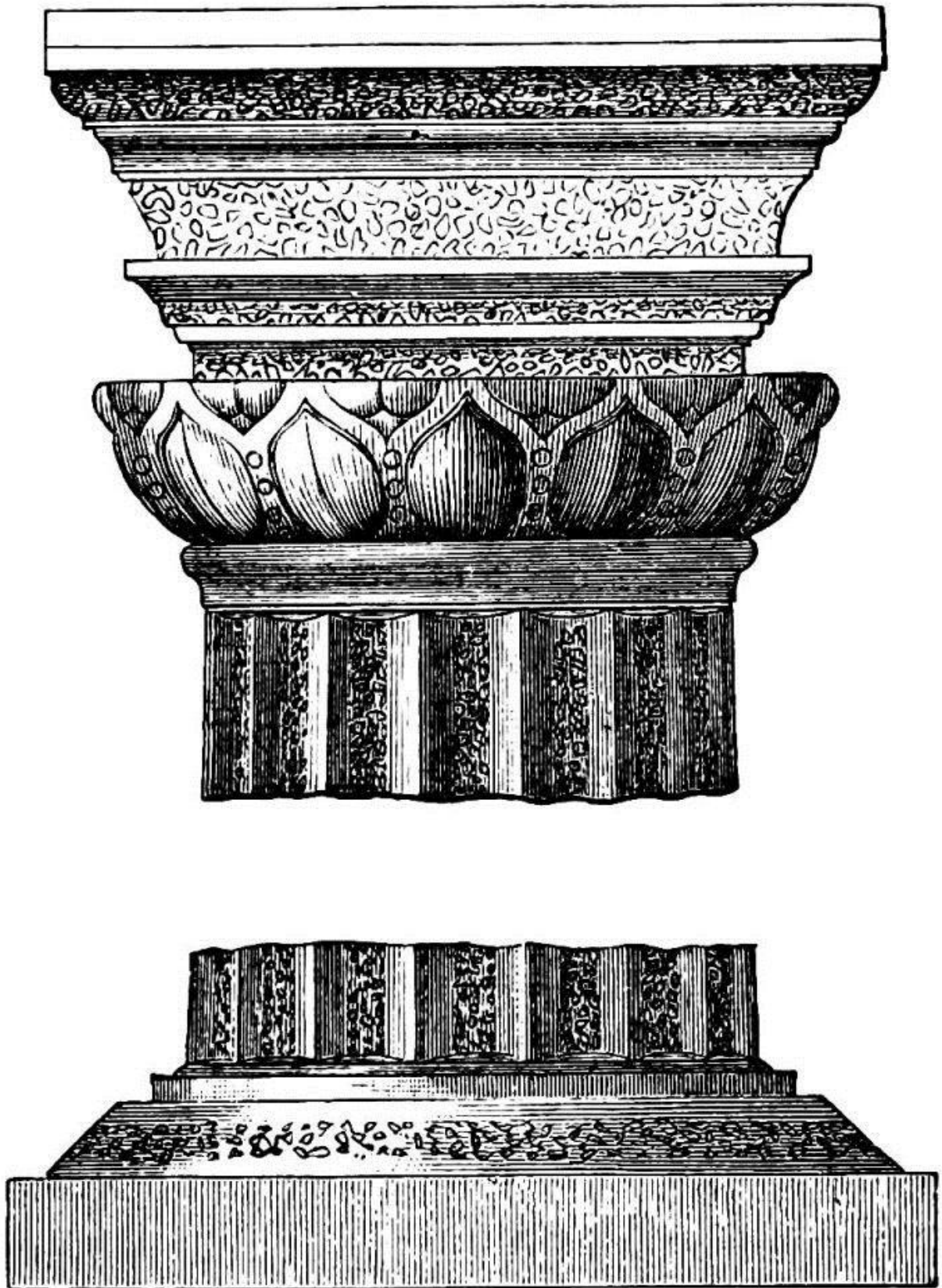

[back](#)

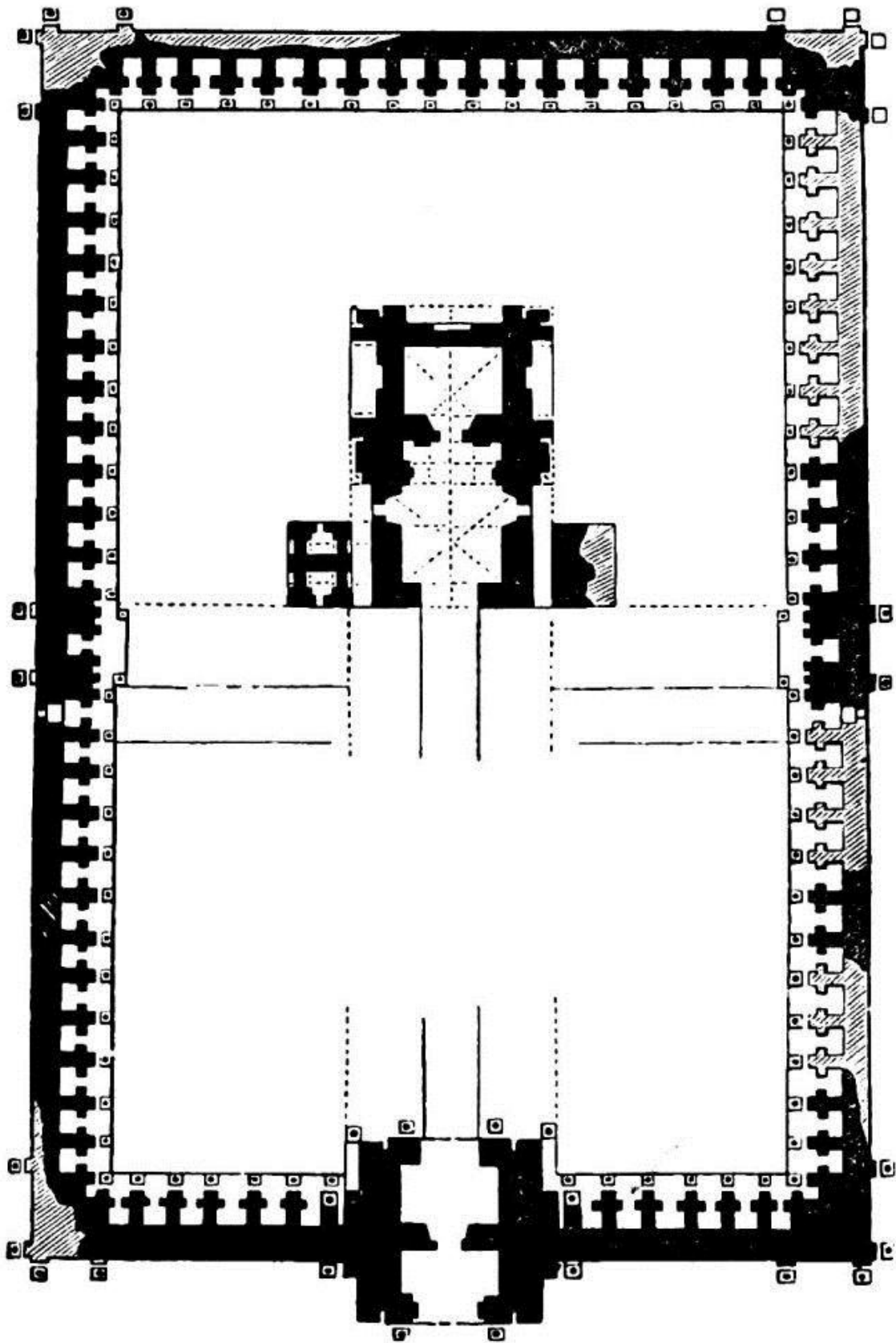

[back](#)

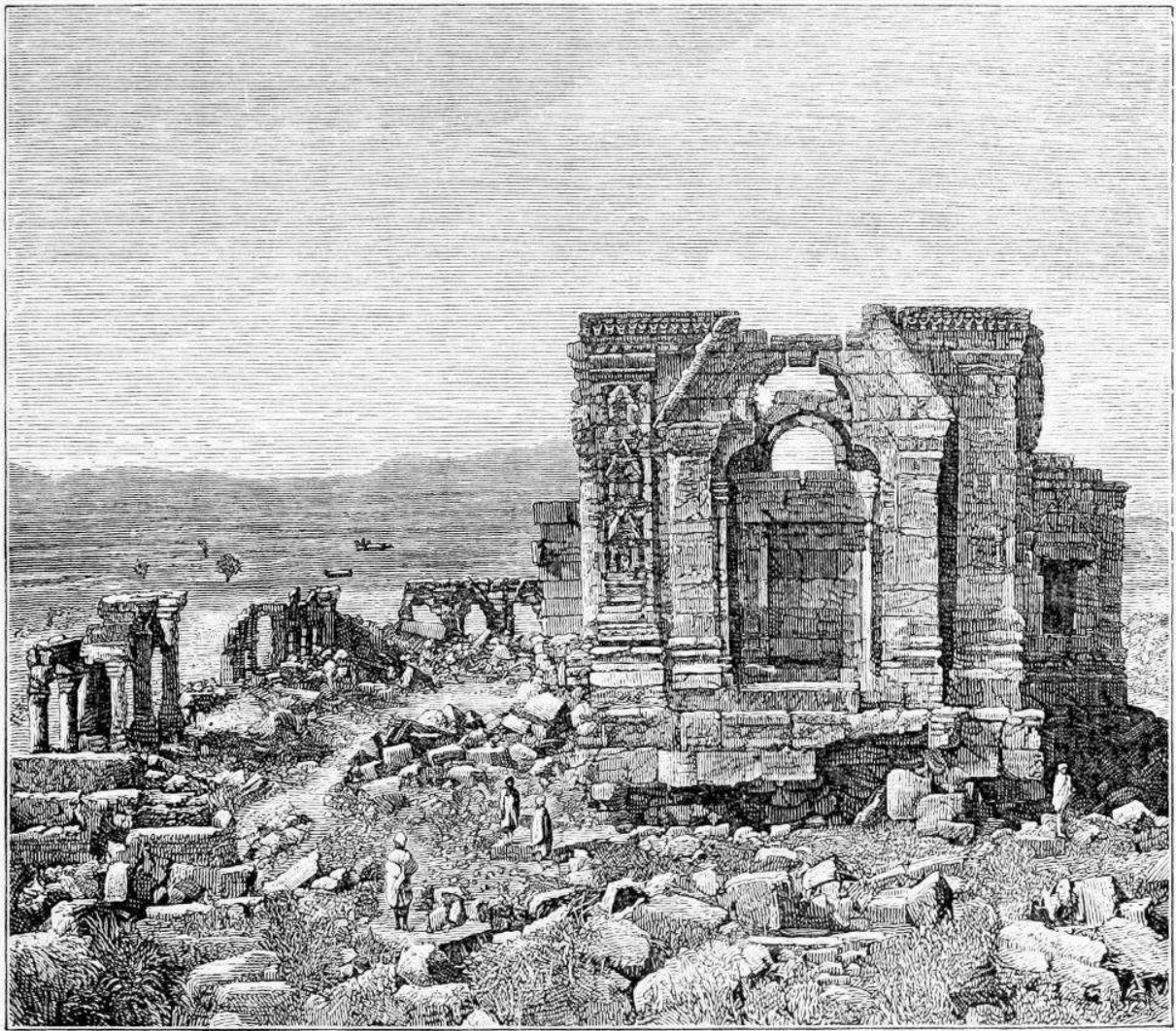

[back](#)

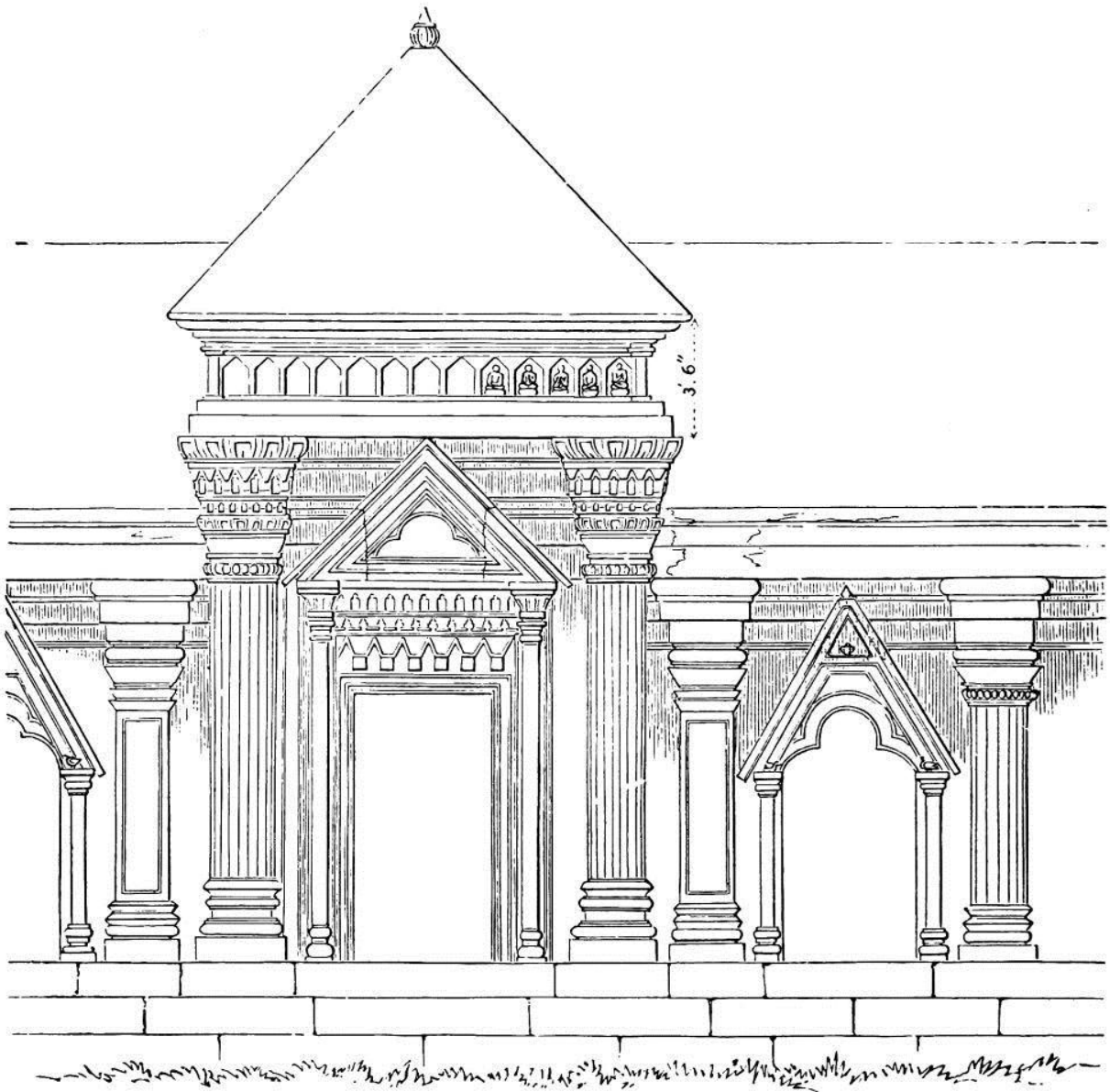

[back](#)

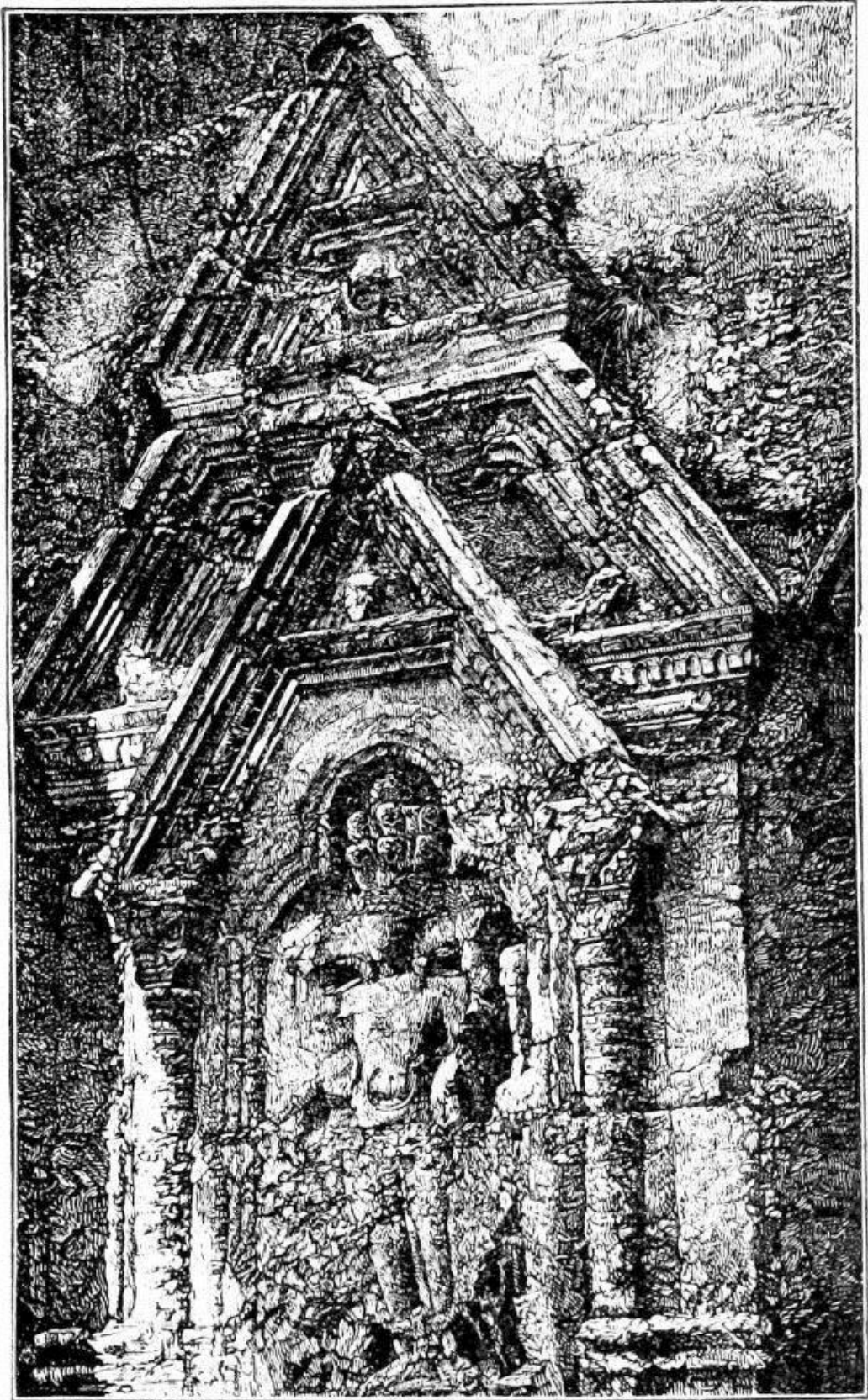
[back](#)

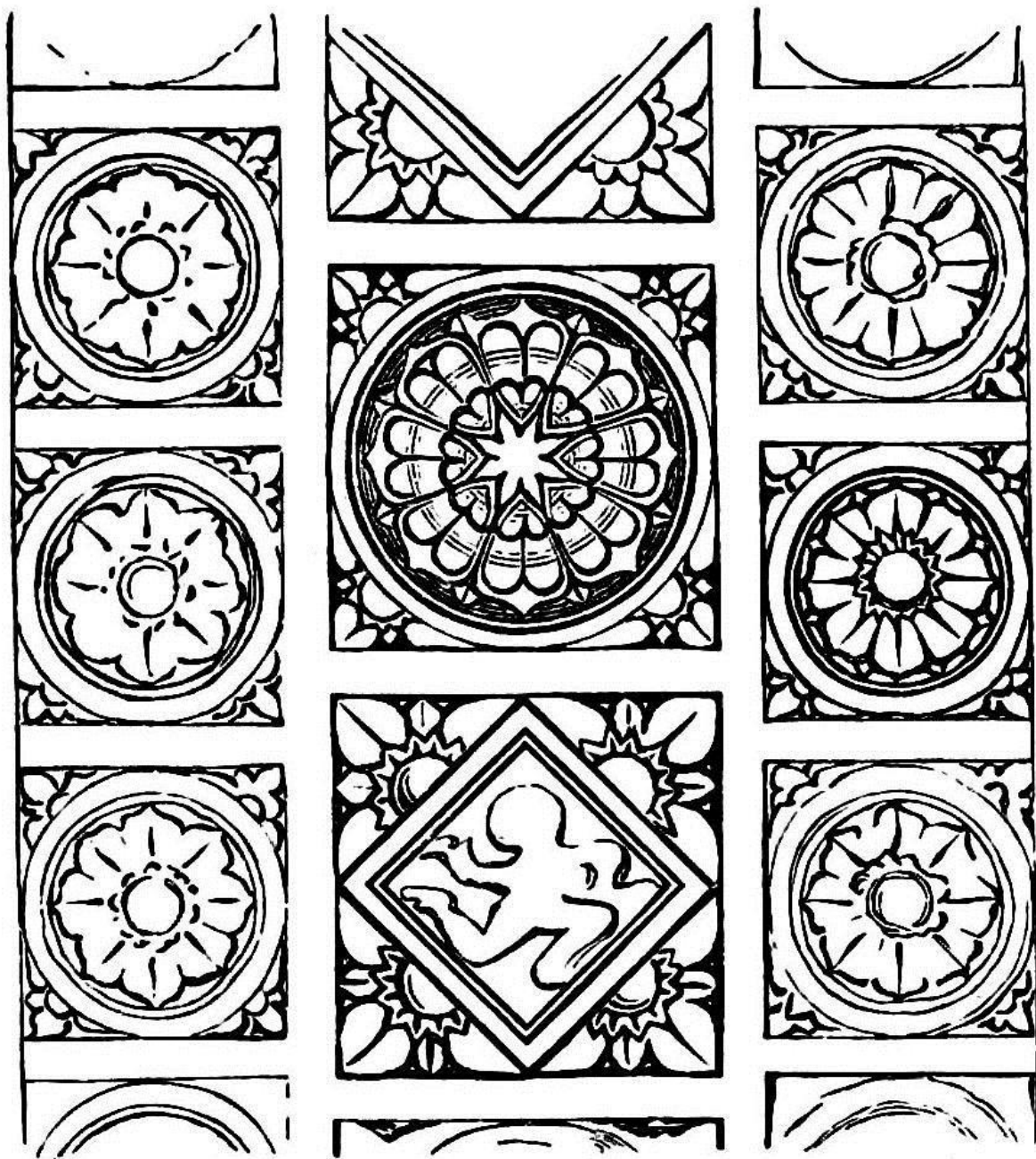
[back](#)

[back](#)

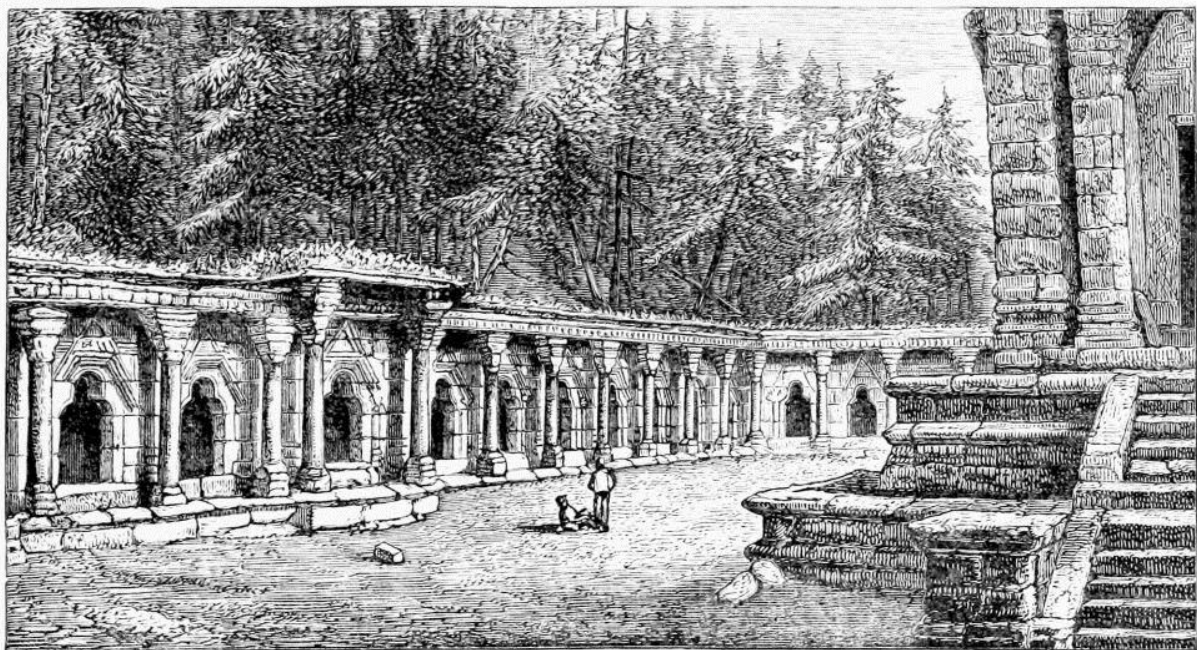

[back](#)

[back](#)

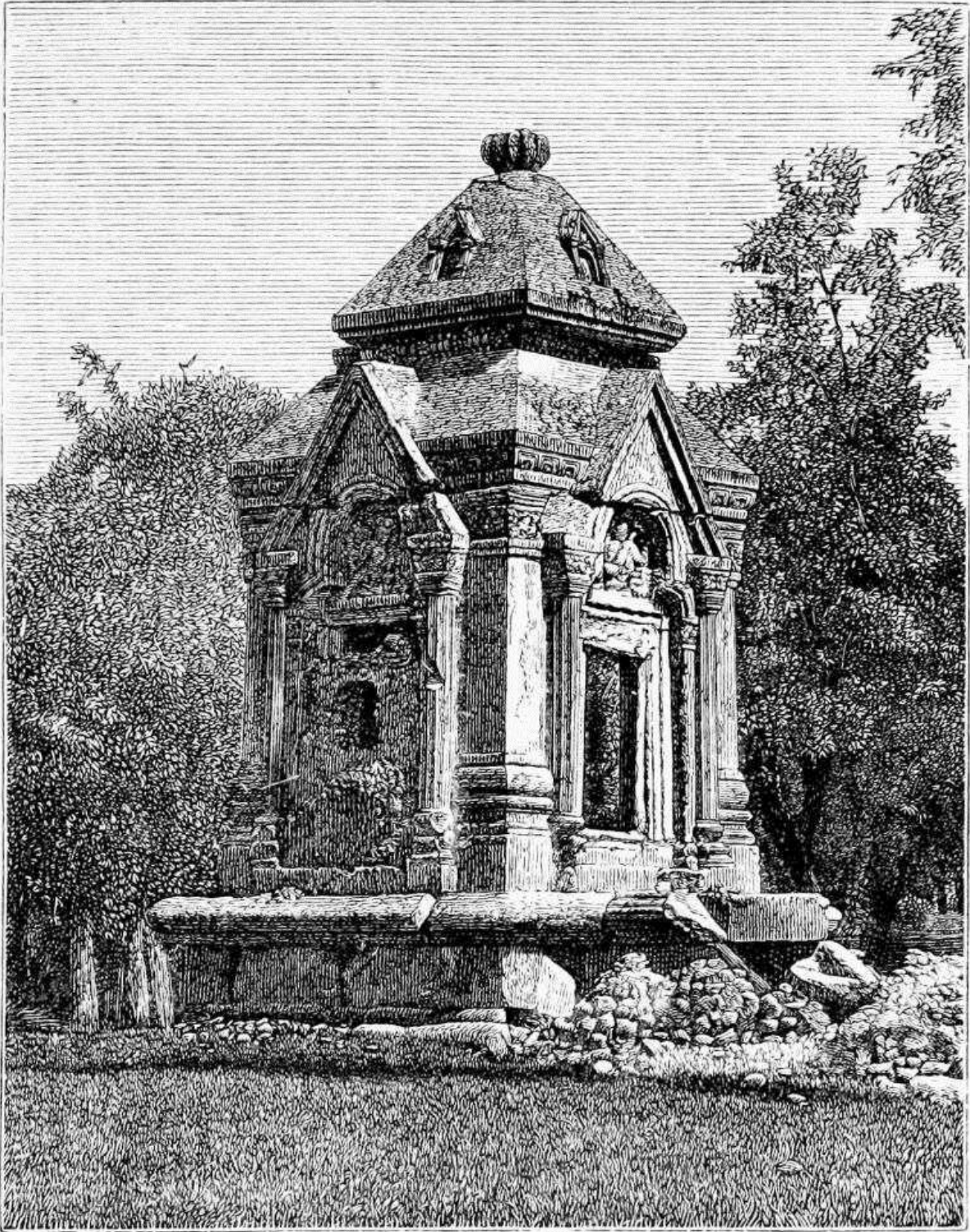

[back](#)

[back](#)

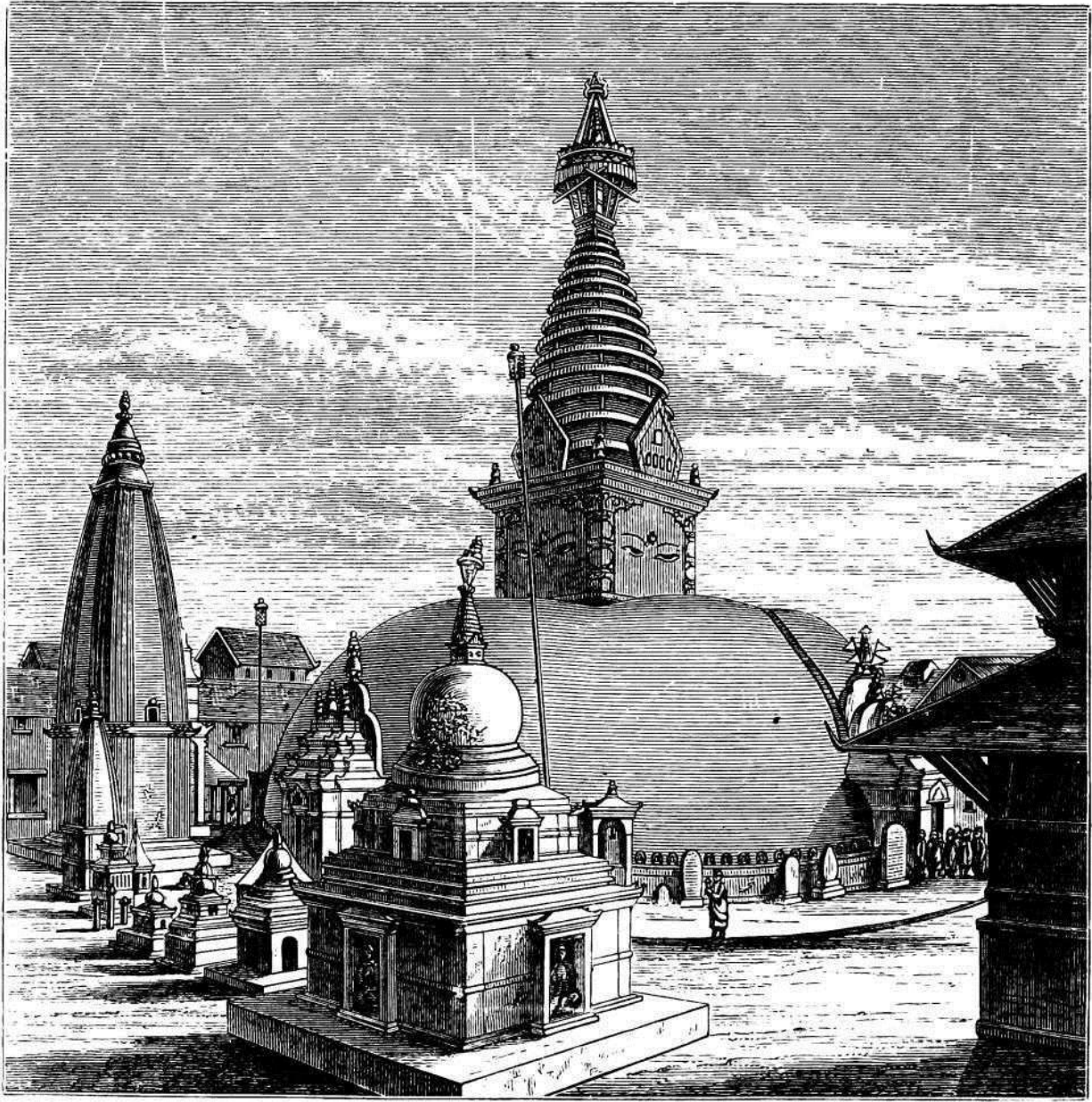
[back](#)

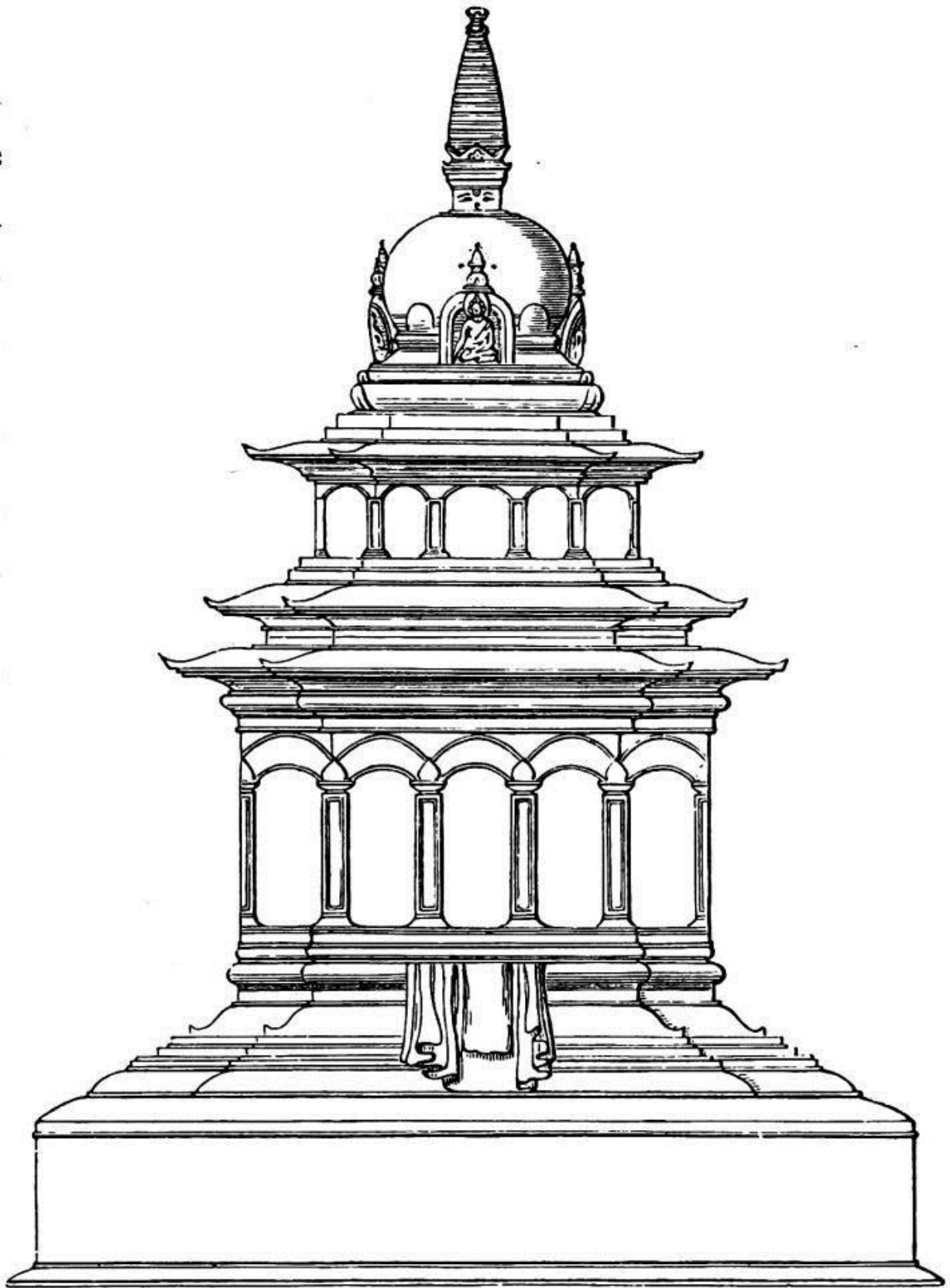

[back](#)

[back](#)

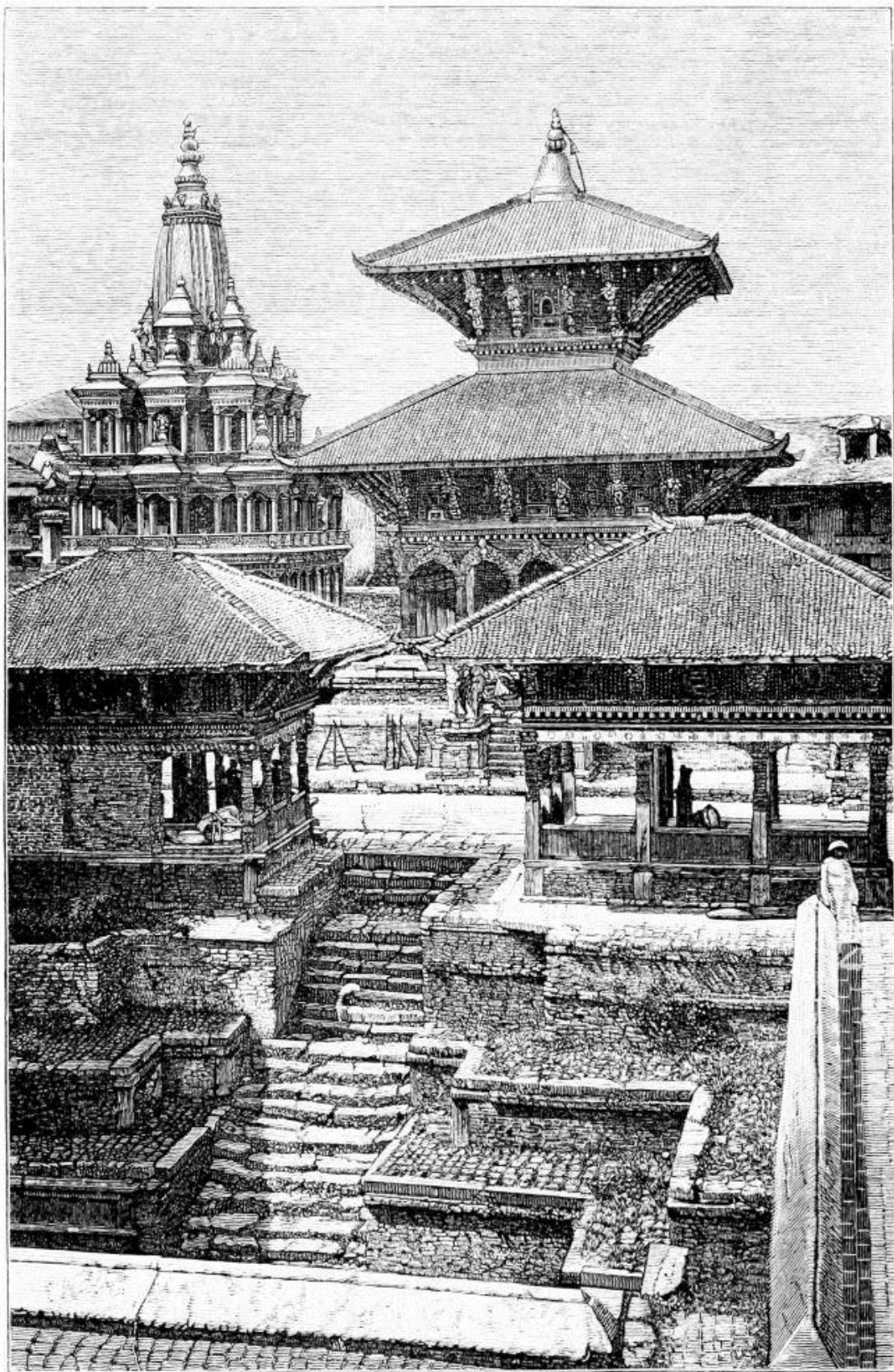
[back](#)

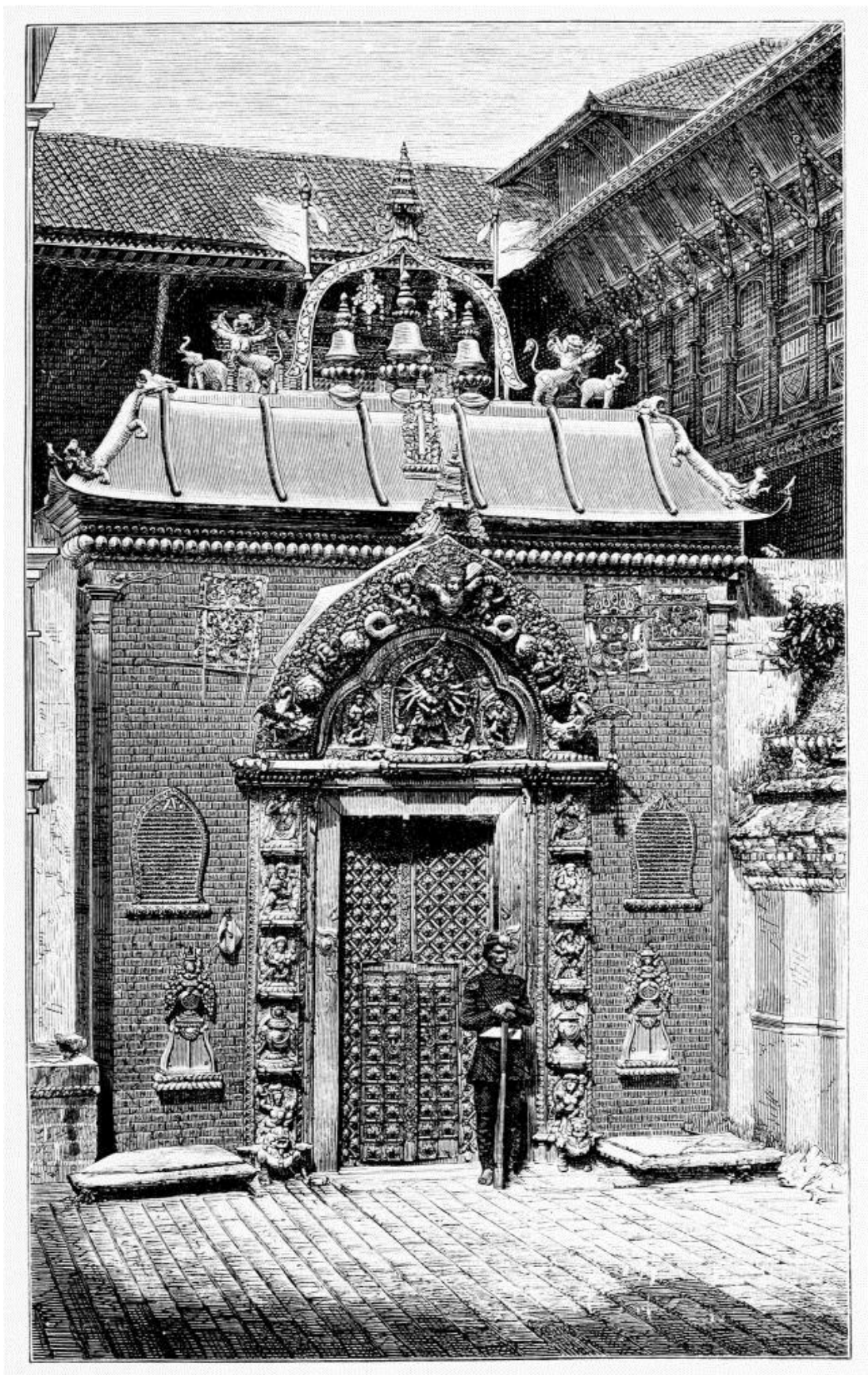
[back](#)

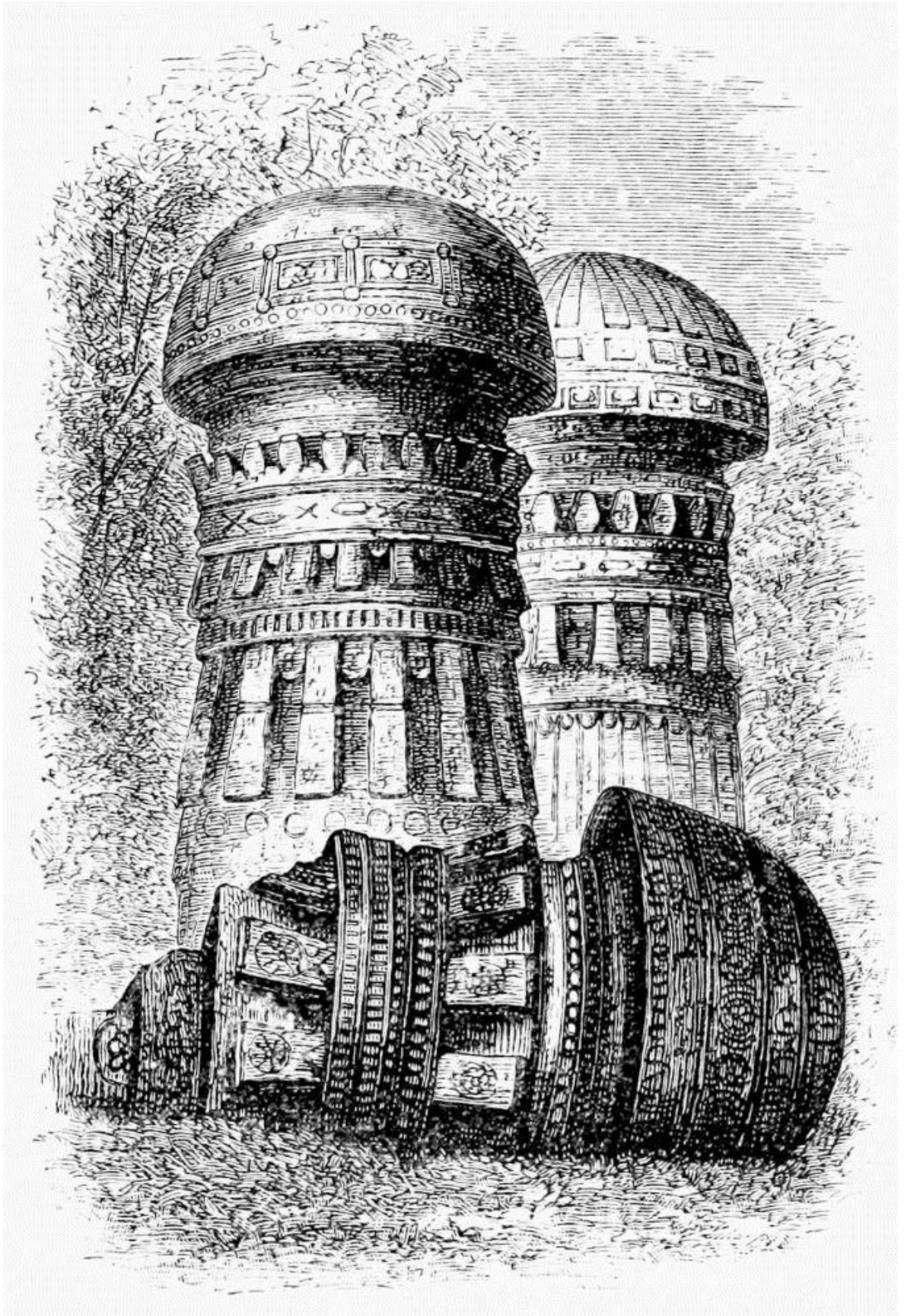
[back](#)

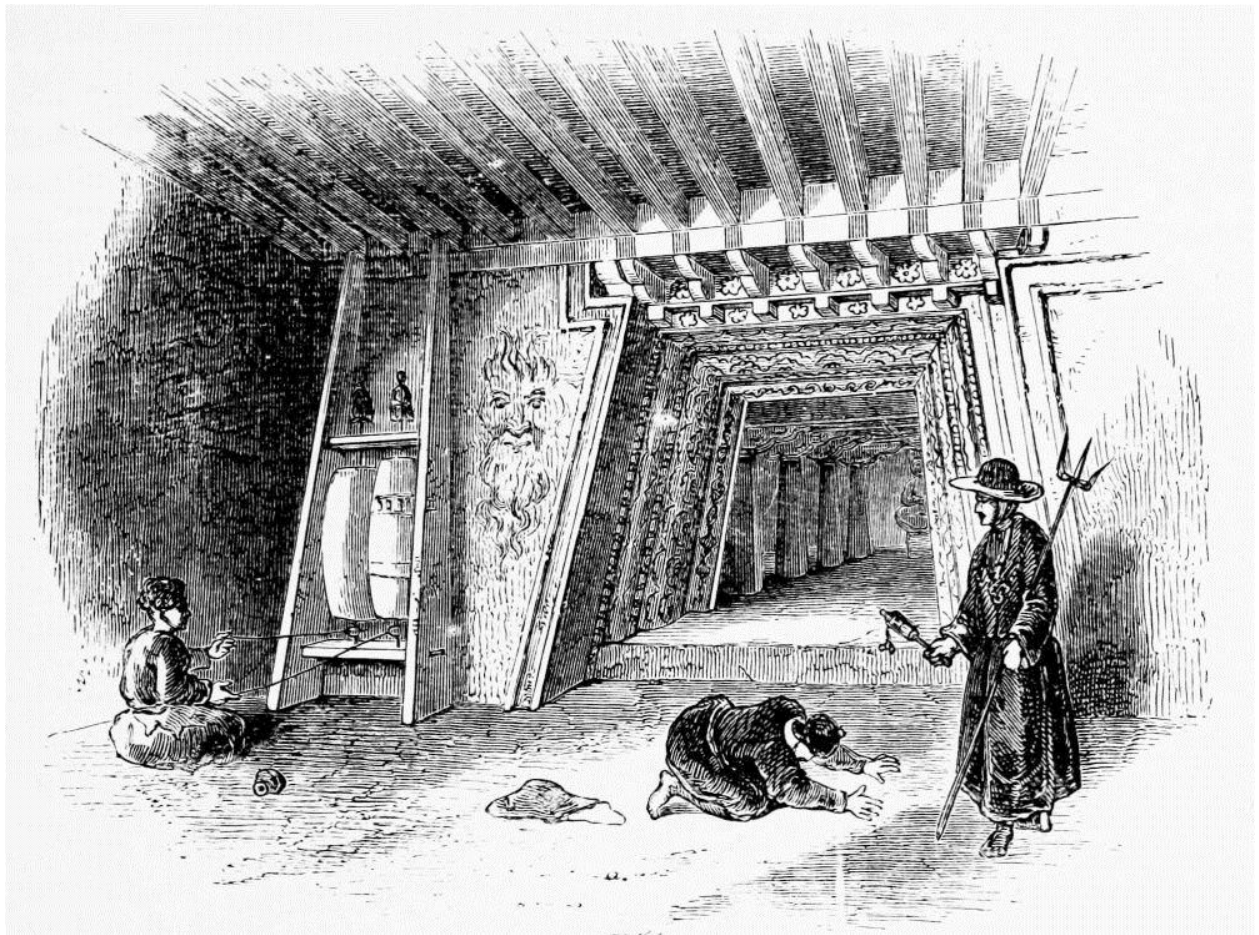
[back](#)

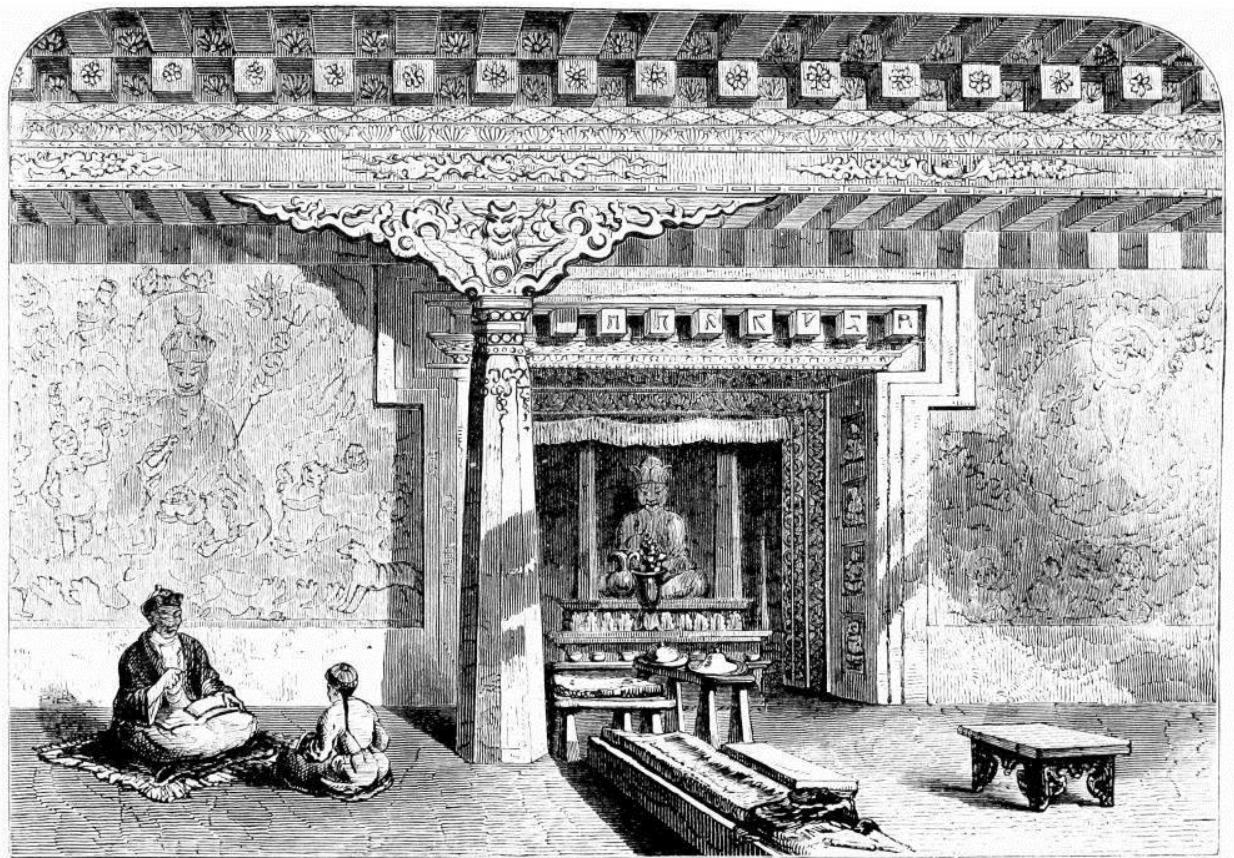

[back](#)

[back](#)

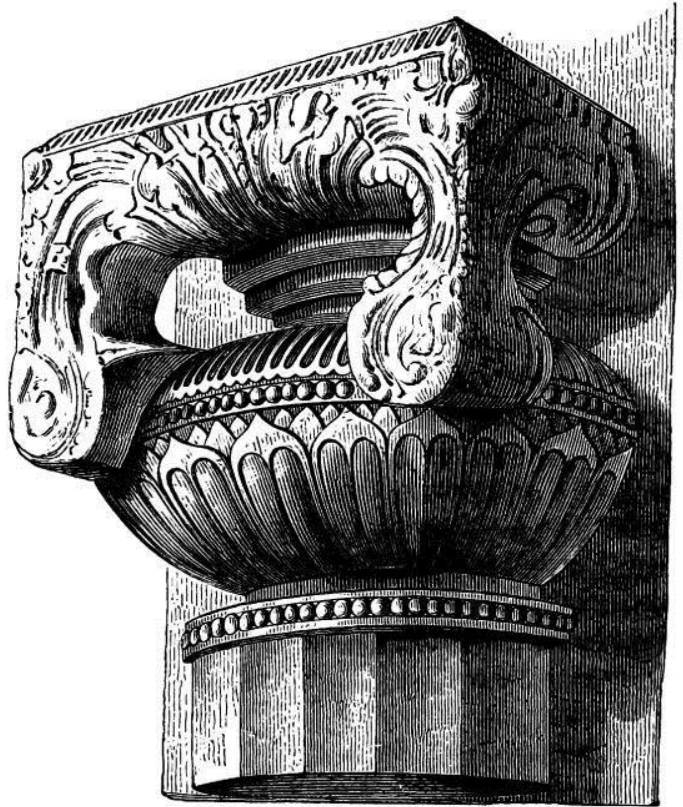
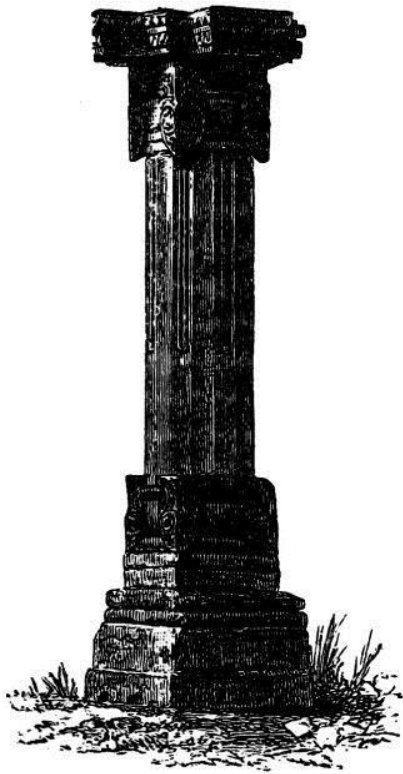
[back](#)

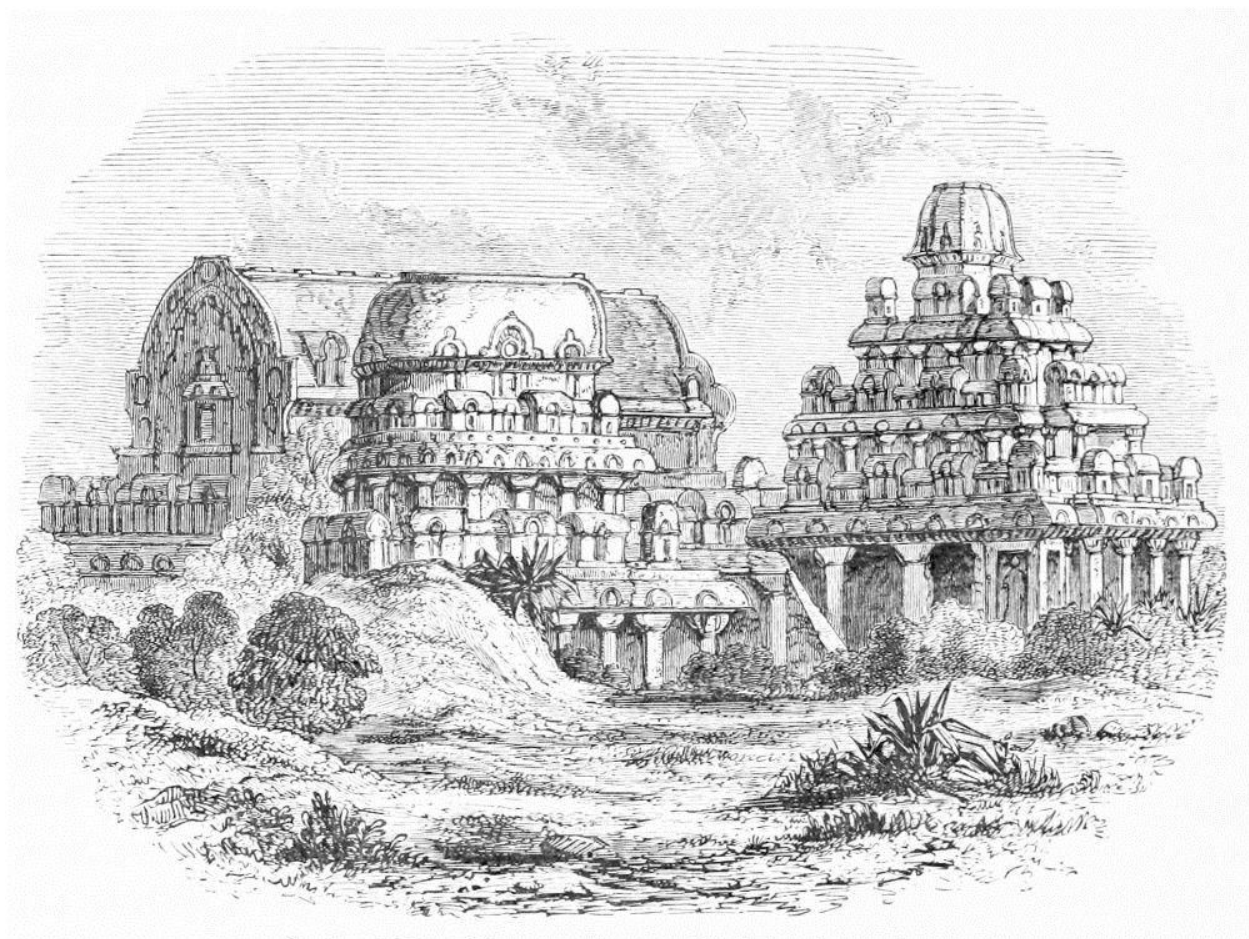
1870. The Temple of the Sun at the City of Ujjain, India. (From the "Illustrations of the History of India.")

[back](#)

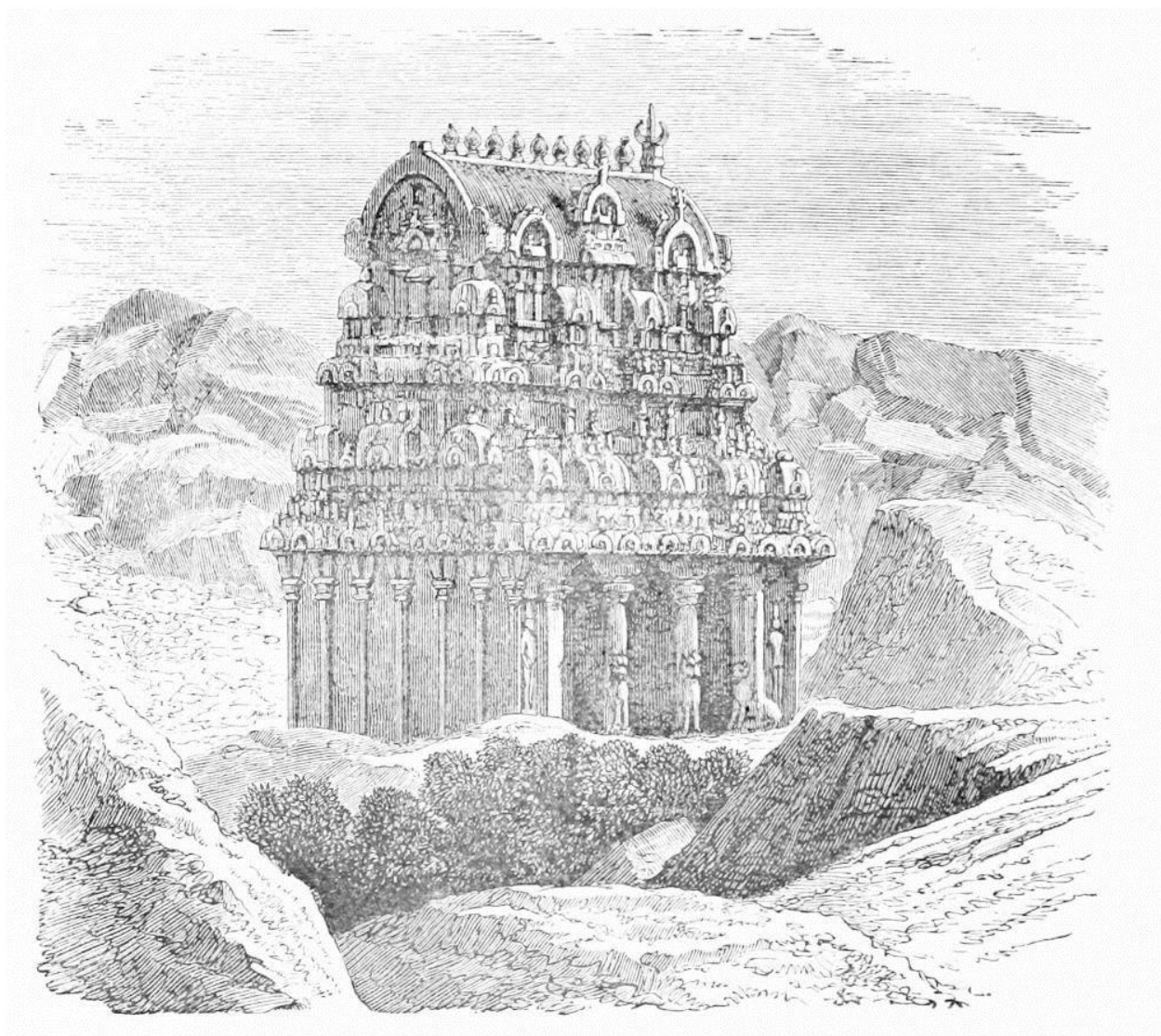
[back](#)

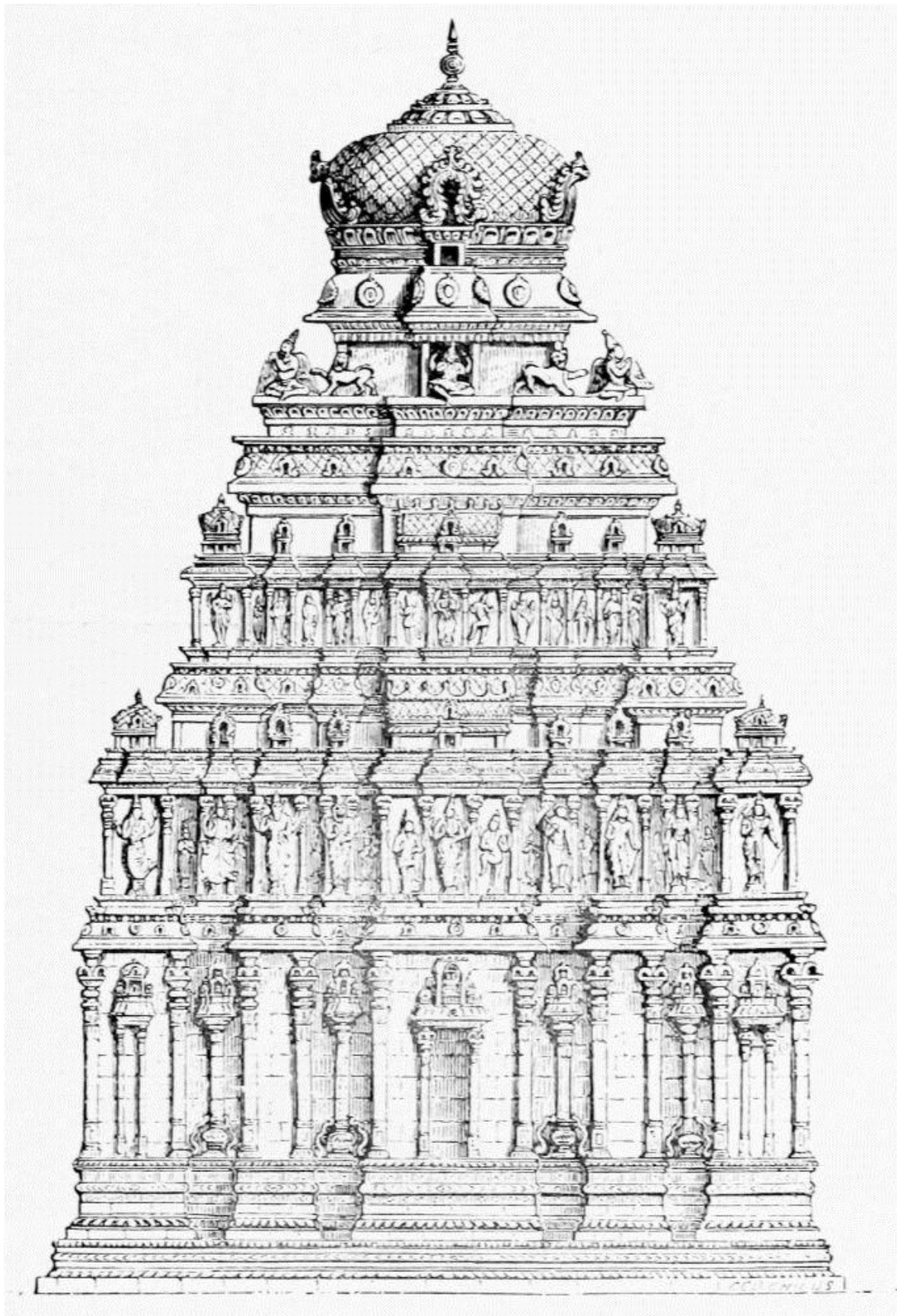
[back](#)

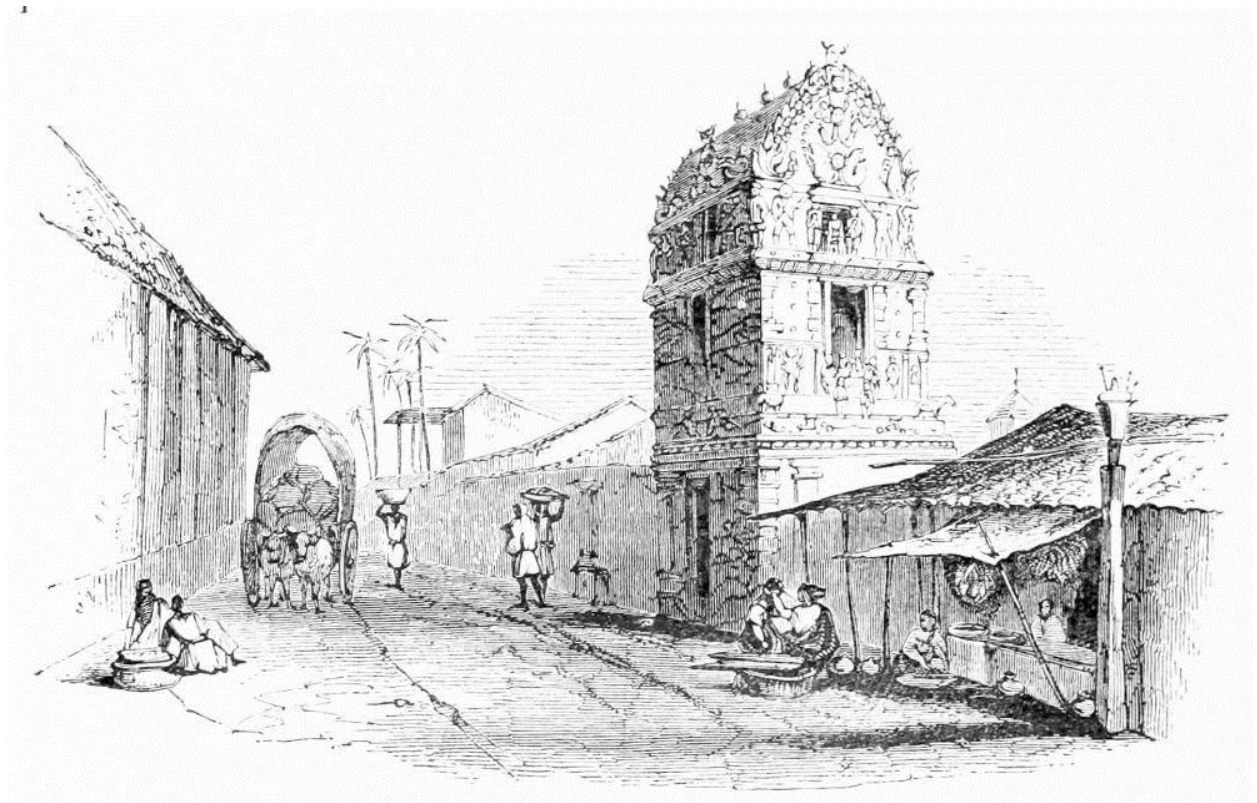

[back](#)

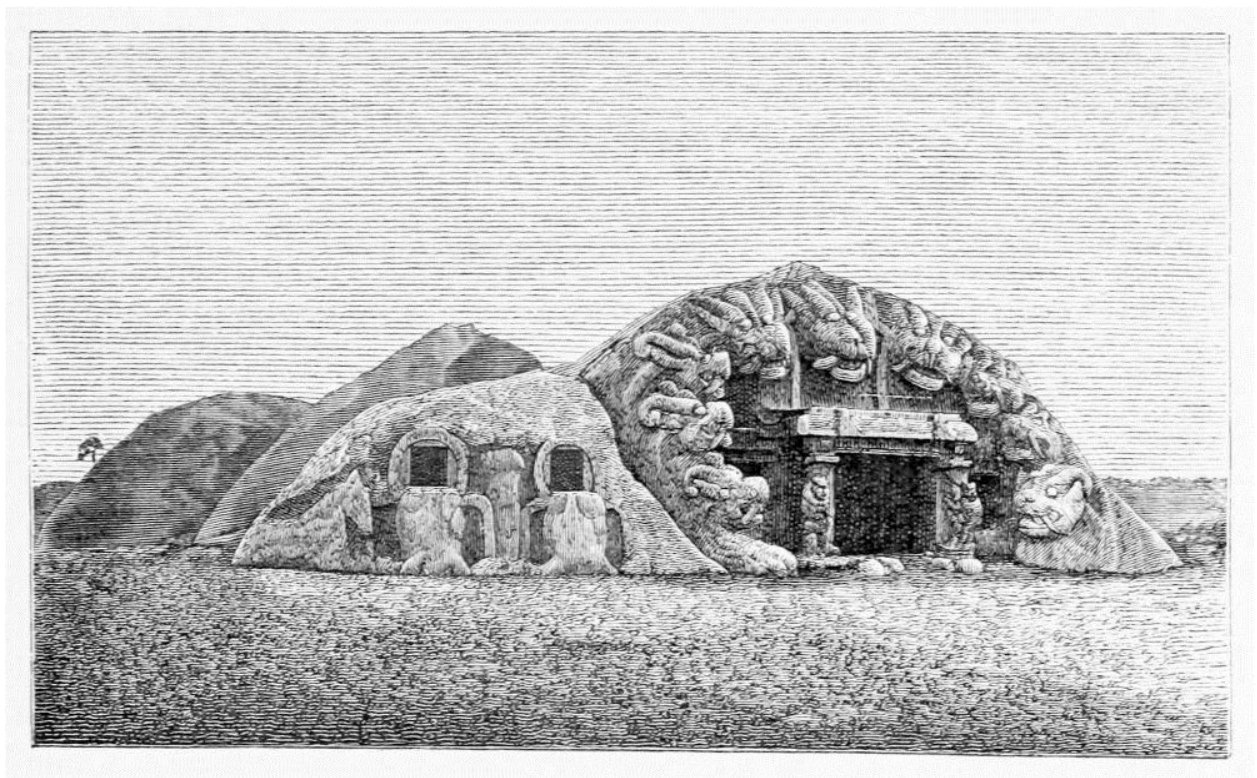

[back](#)

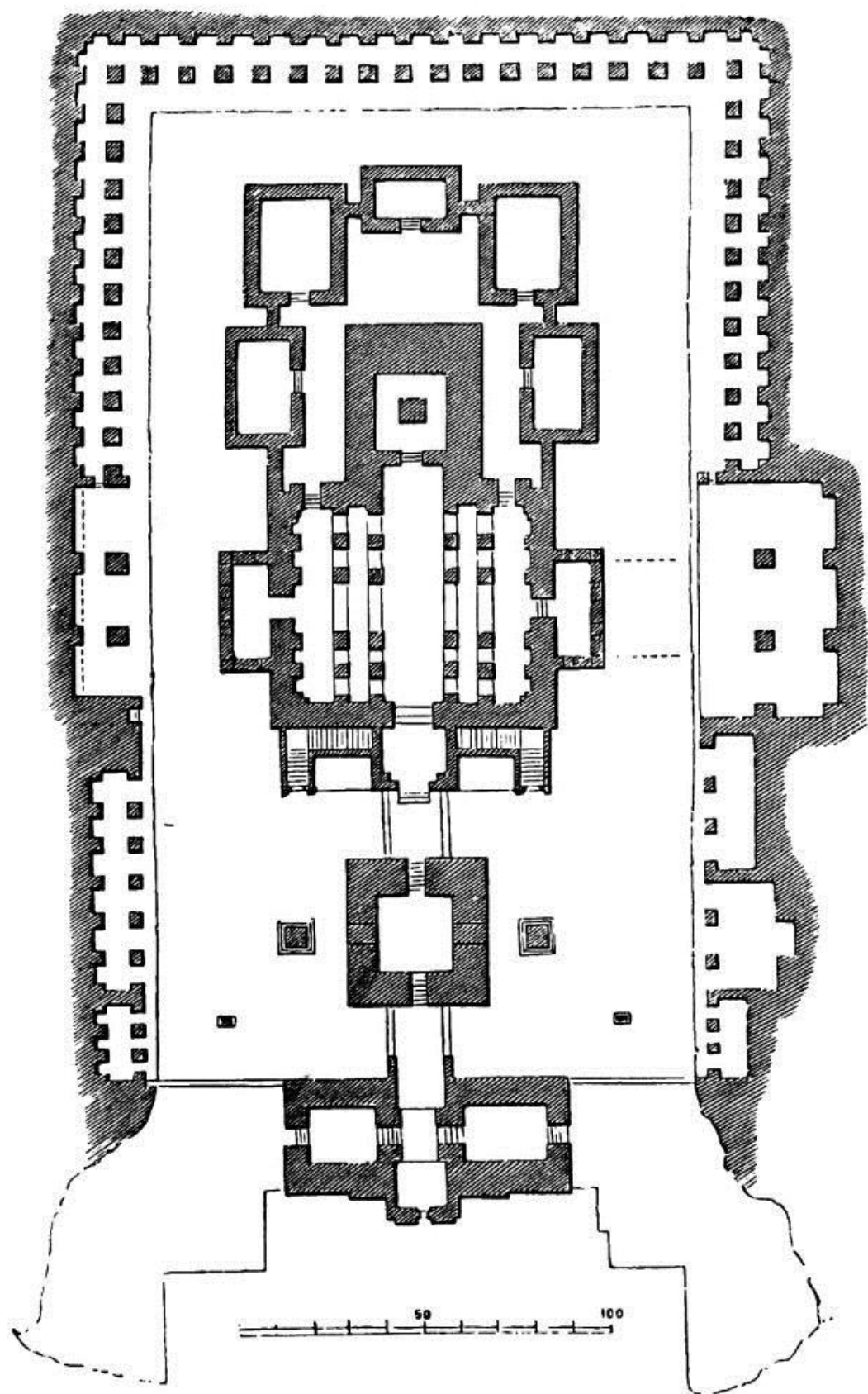

[back](#)

[back](#)

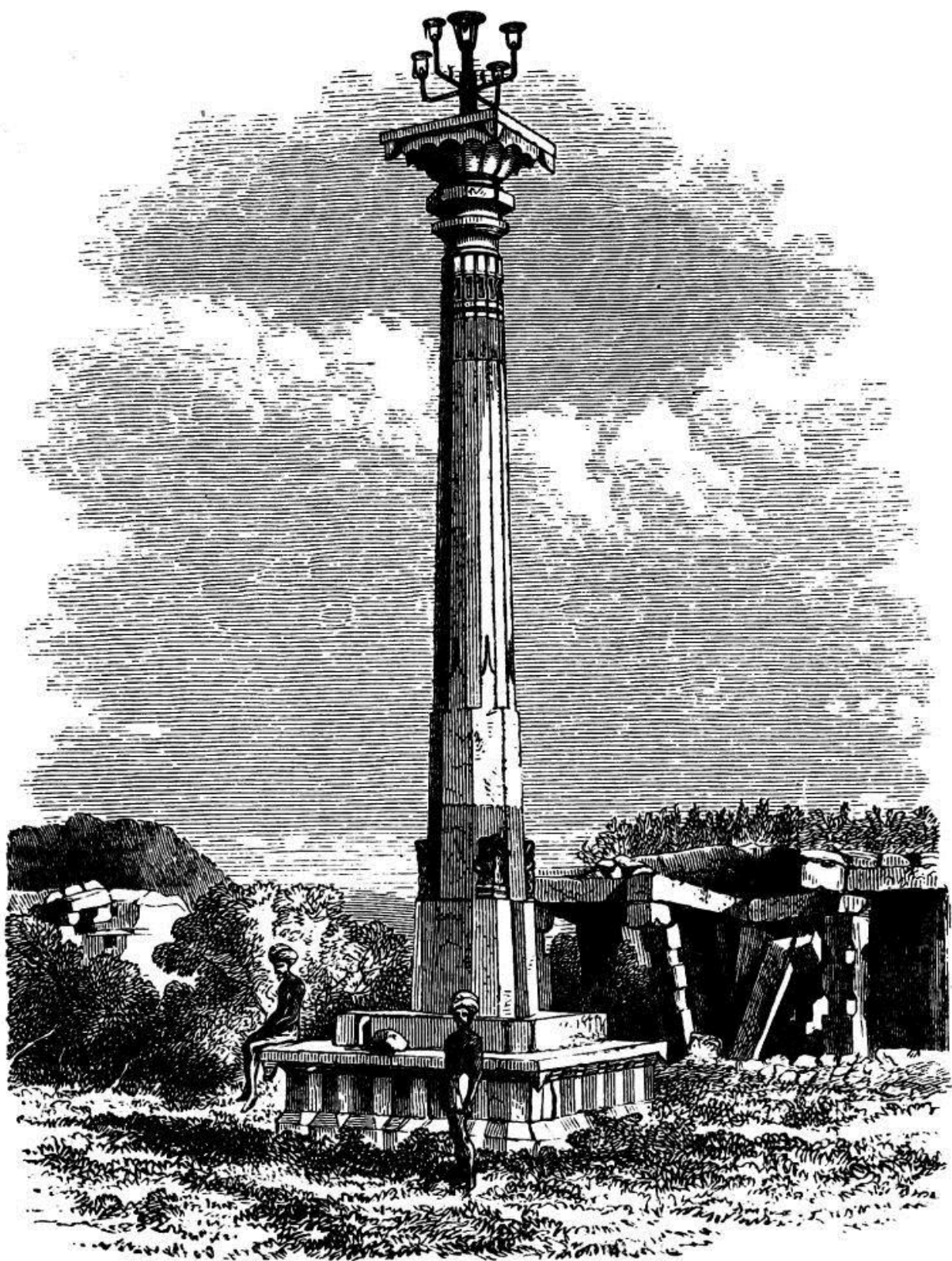
[back](#)

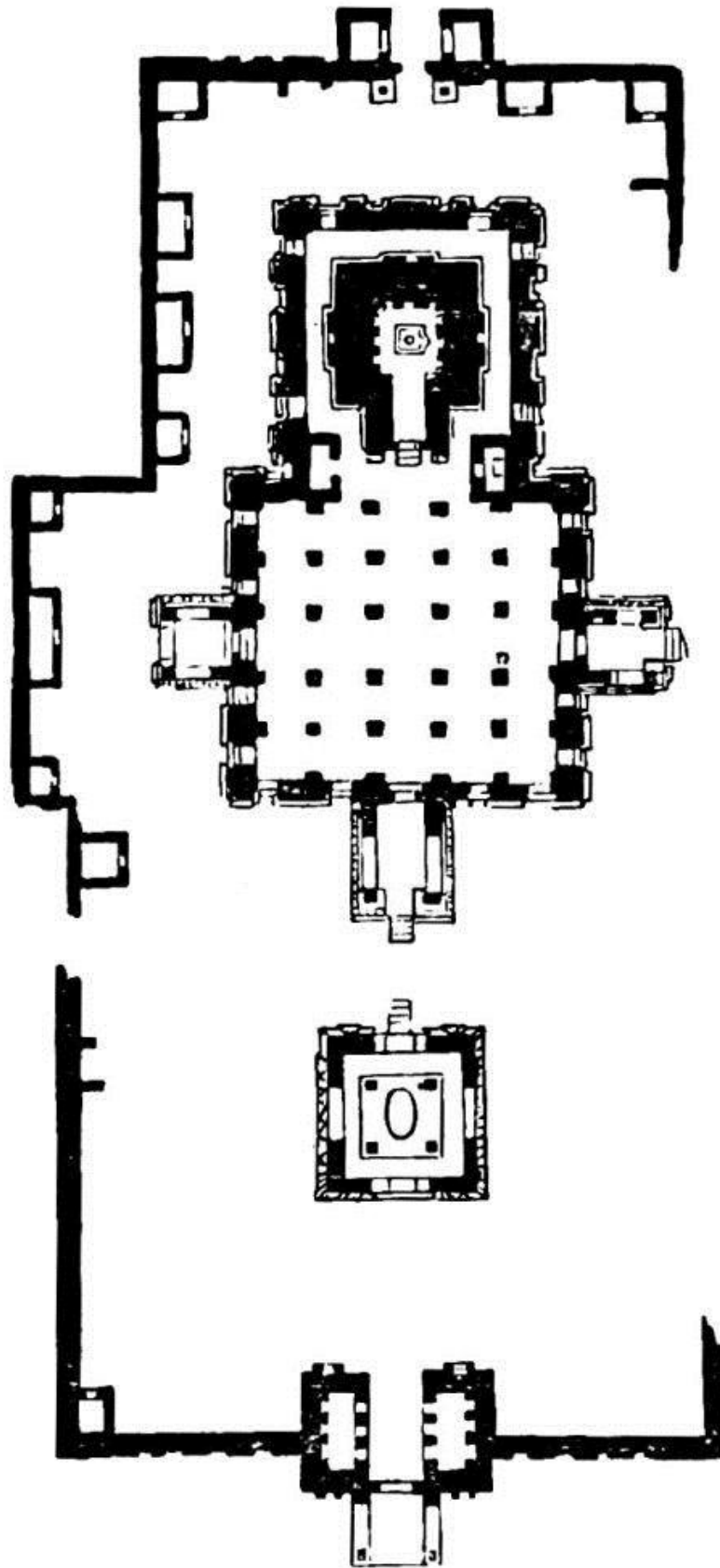

[back](#)

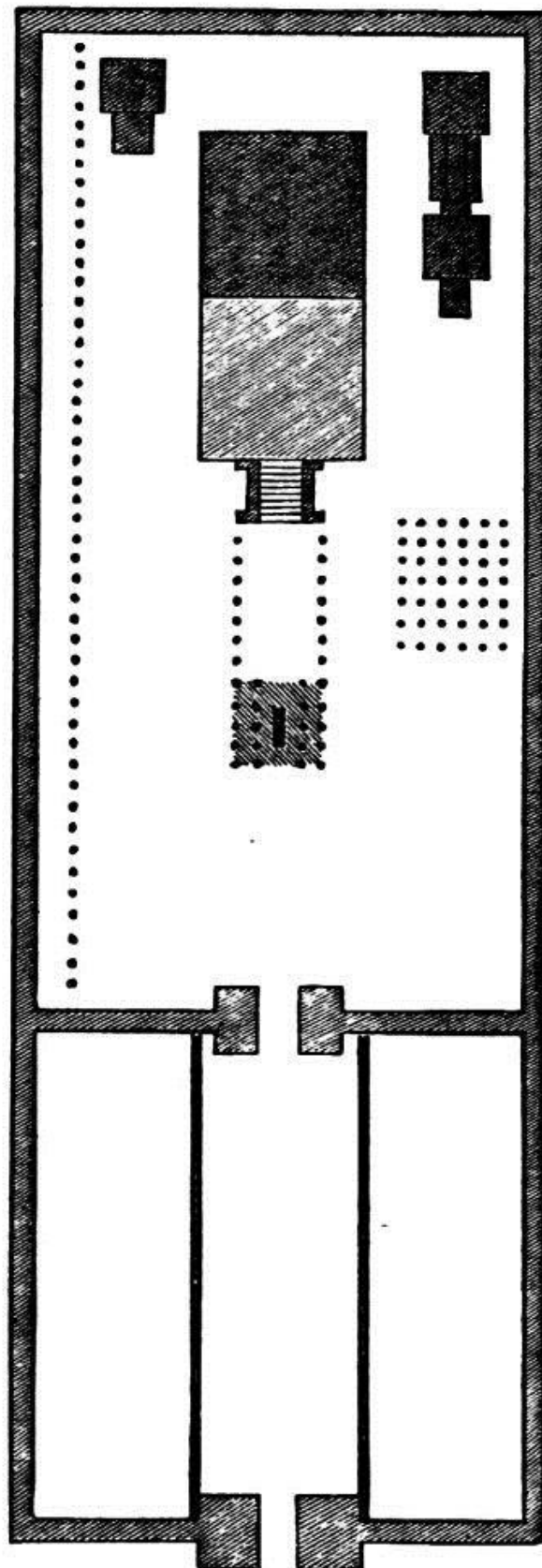

[back](#)

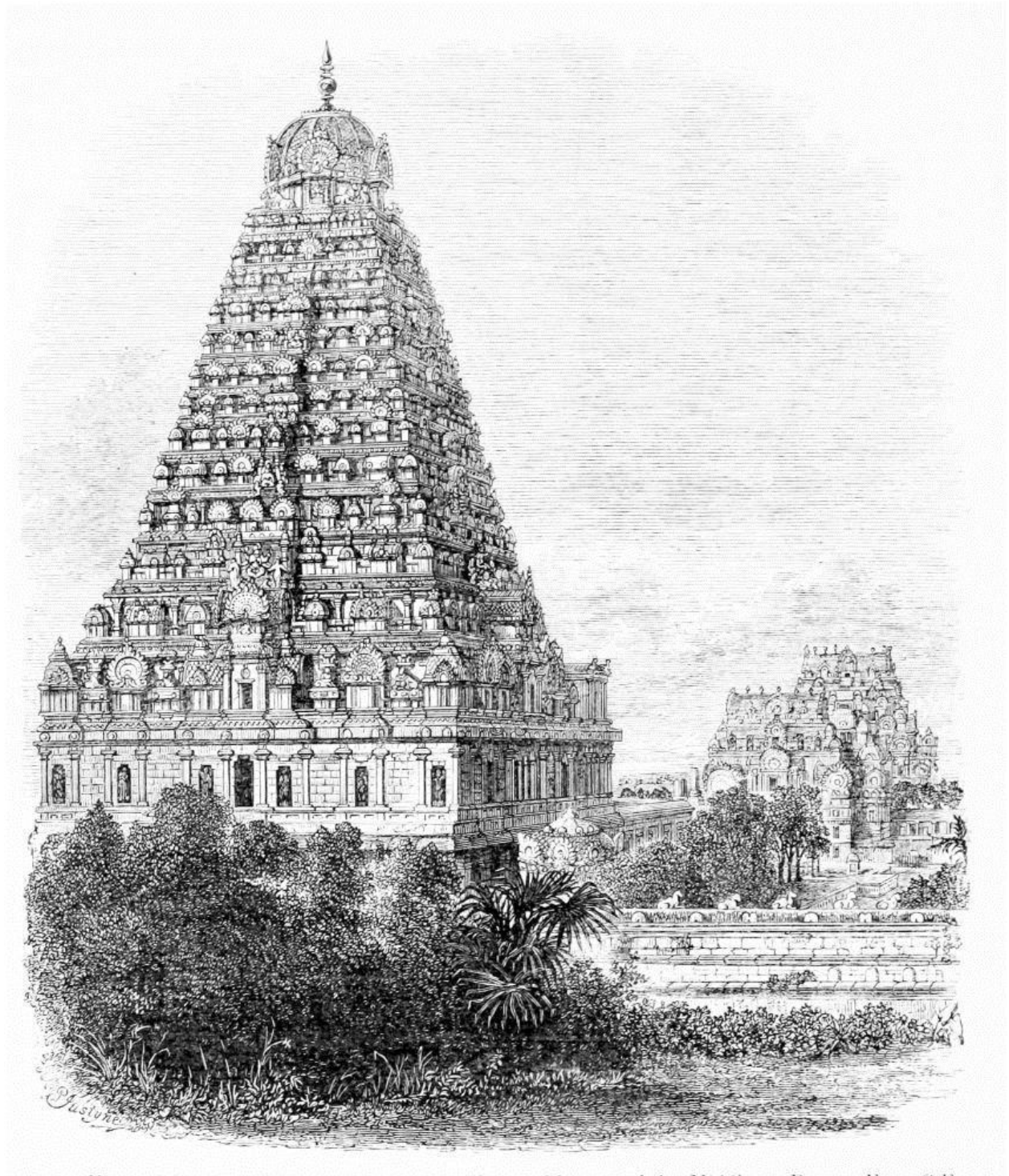

[back](#)

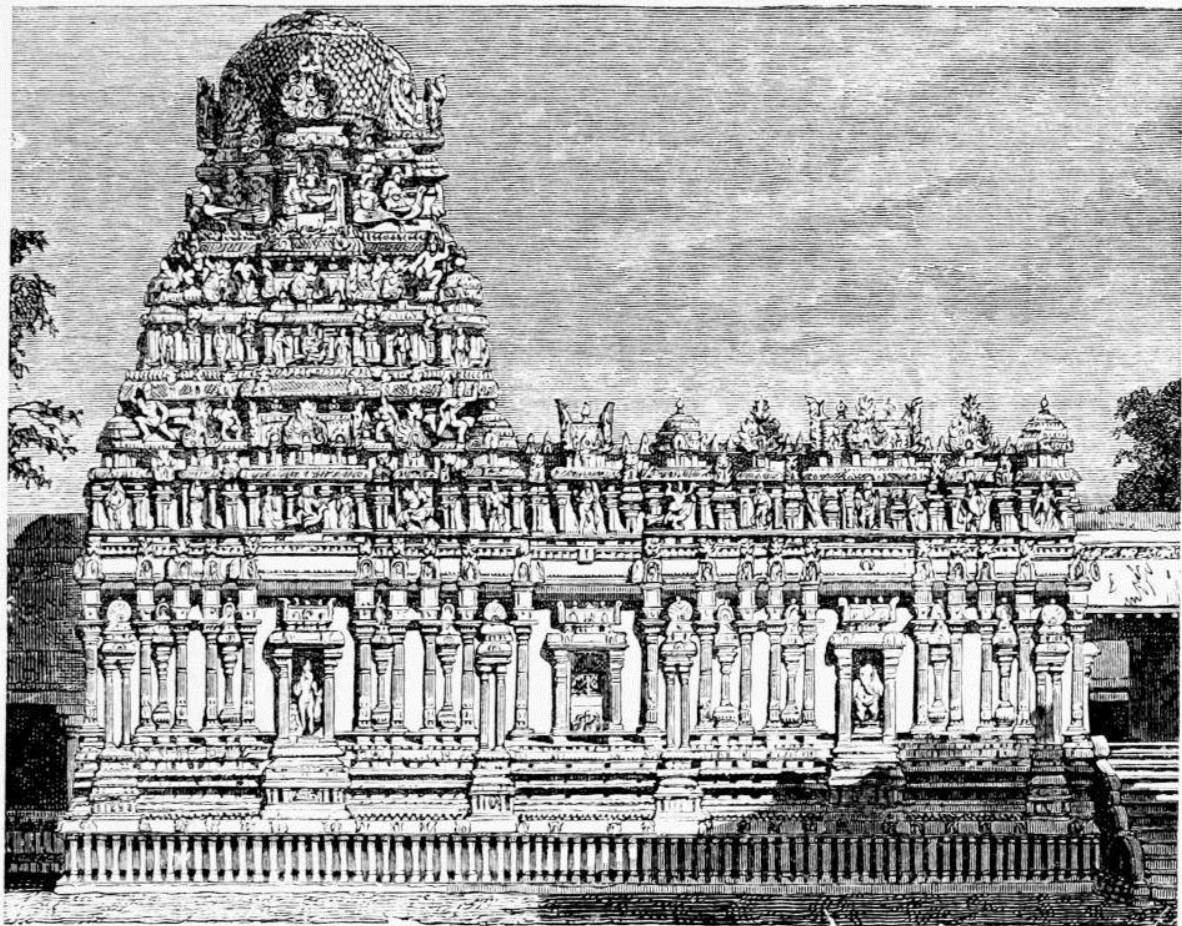
[back](#)

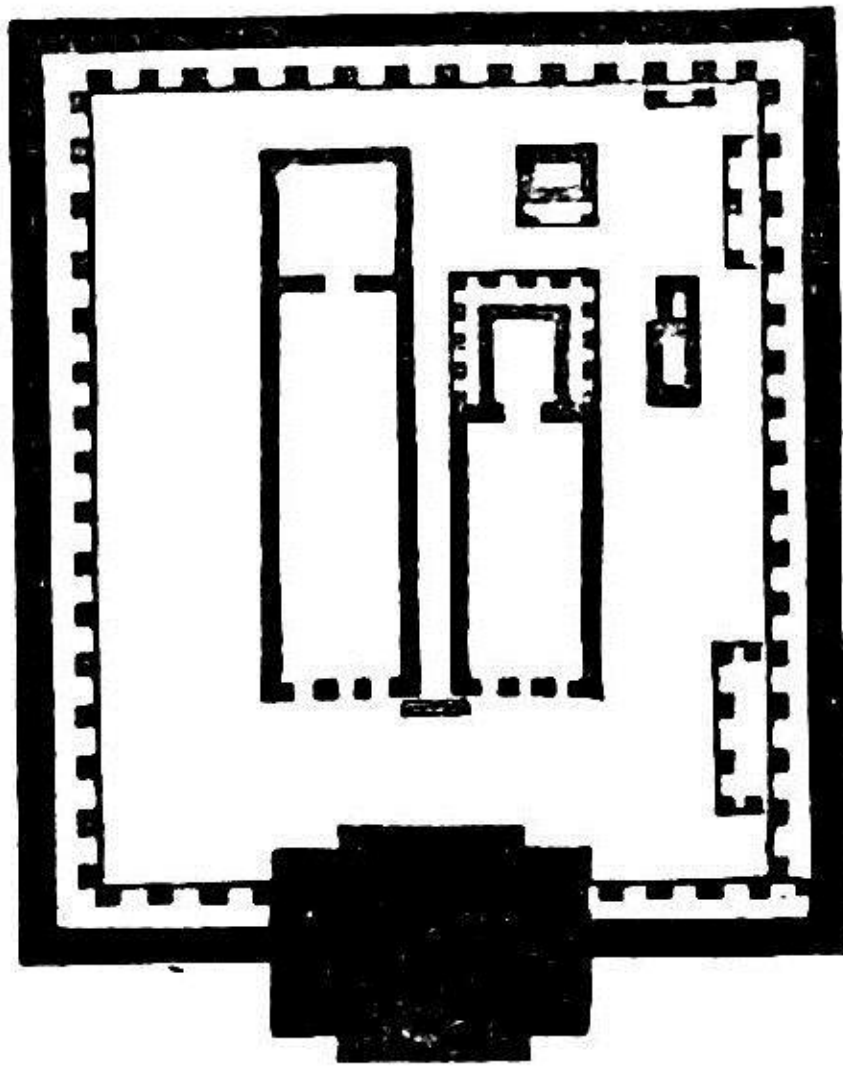

[back](#)

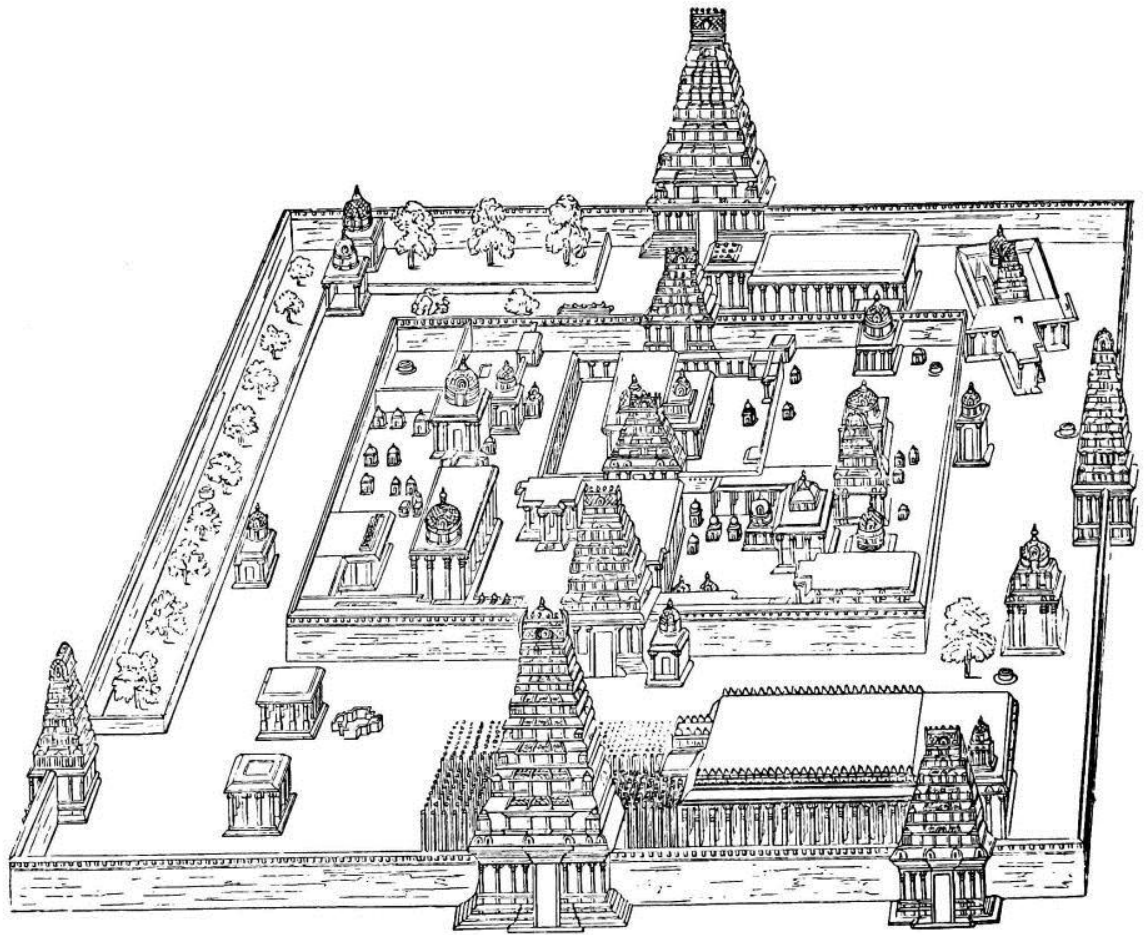

[back](#)

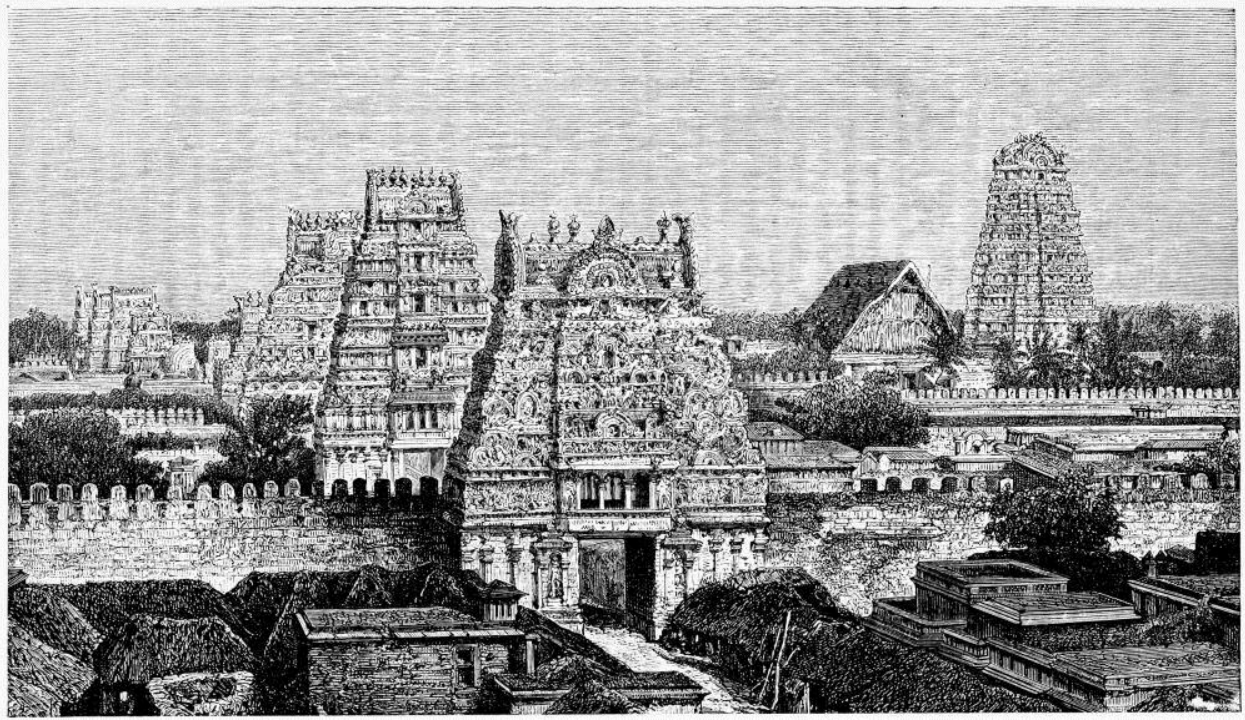

[back](#)

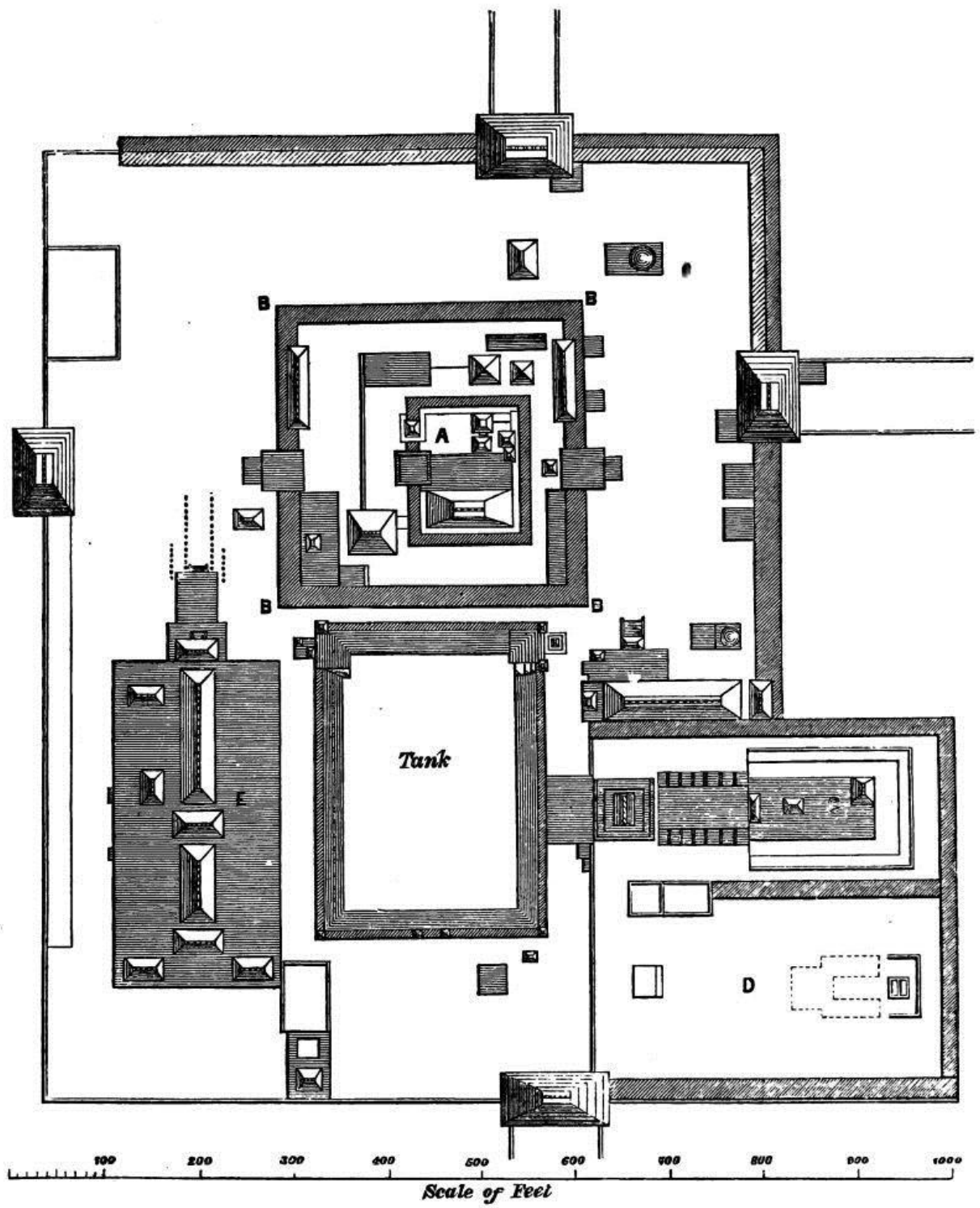

[back](#)

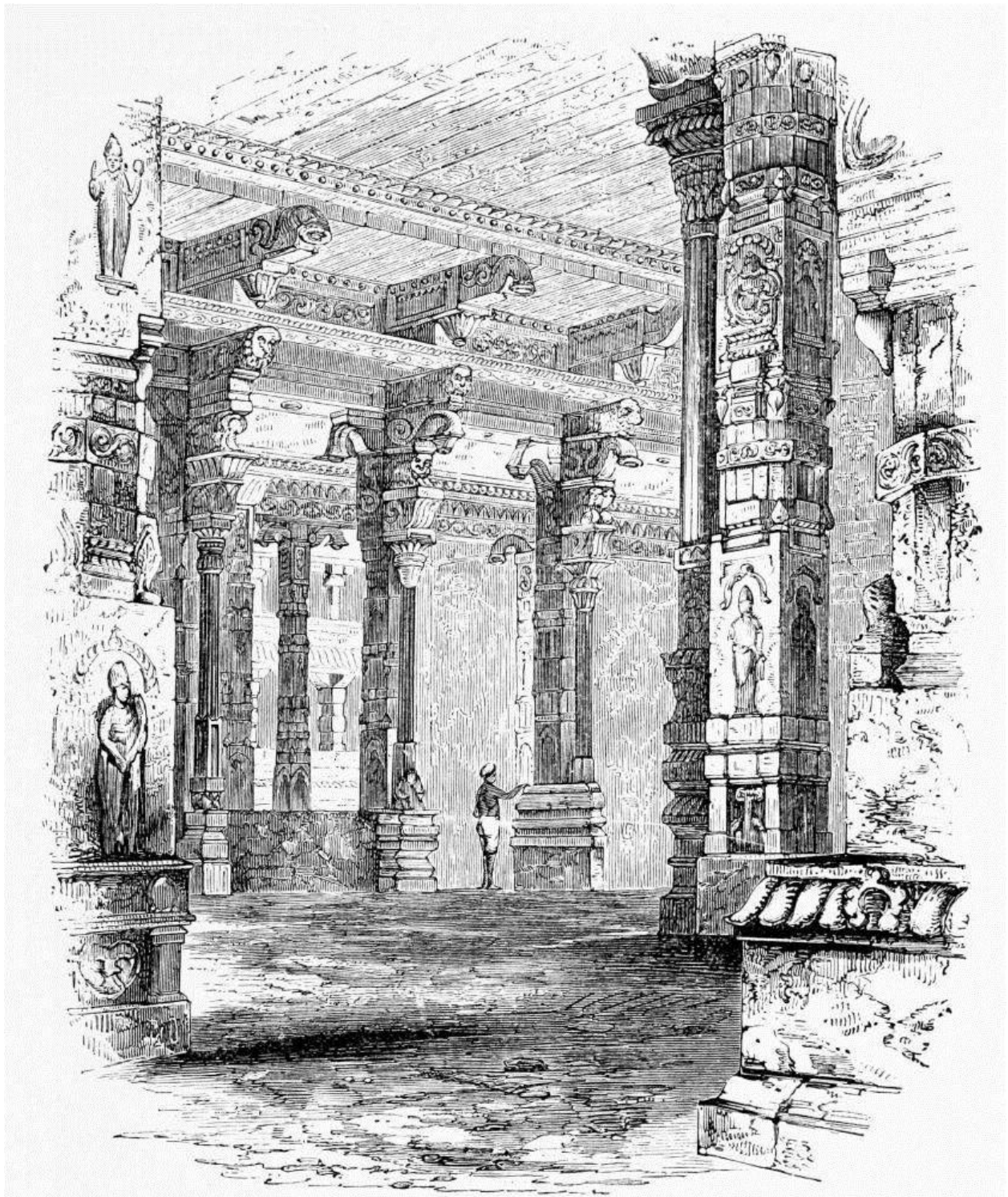

[back](#)

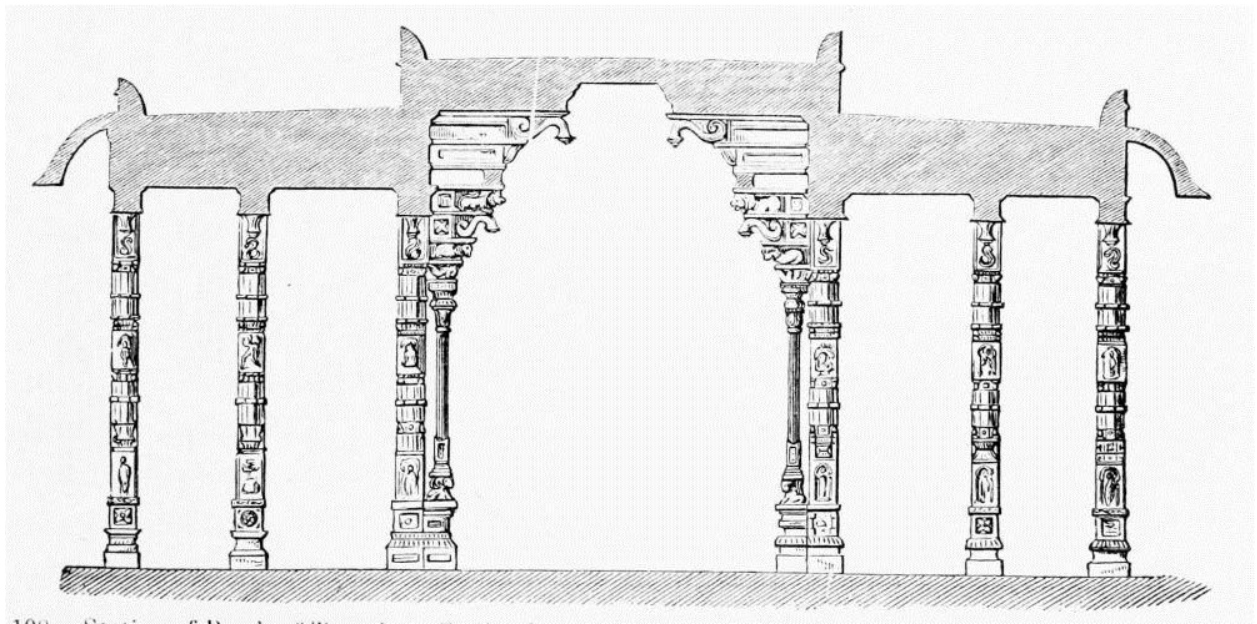

[back](#)

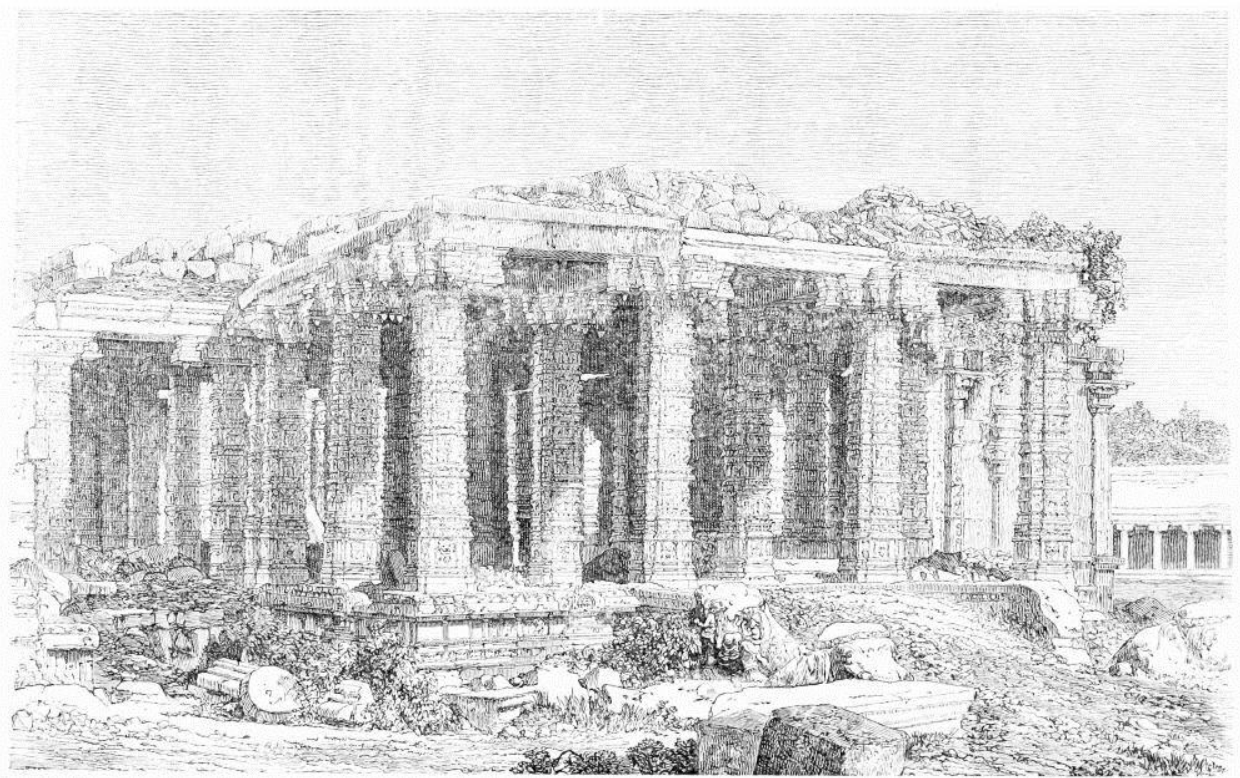

[back](#)

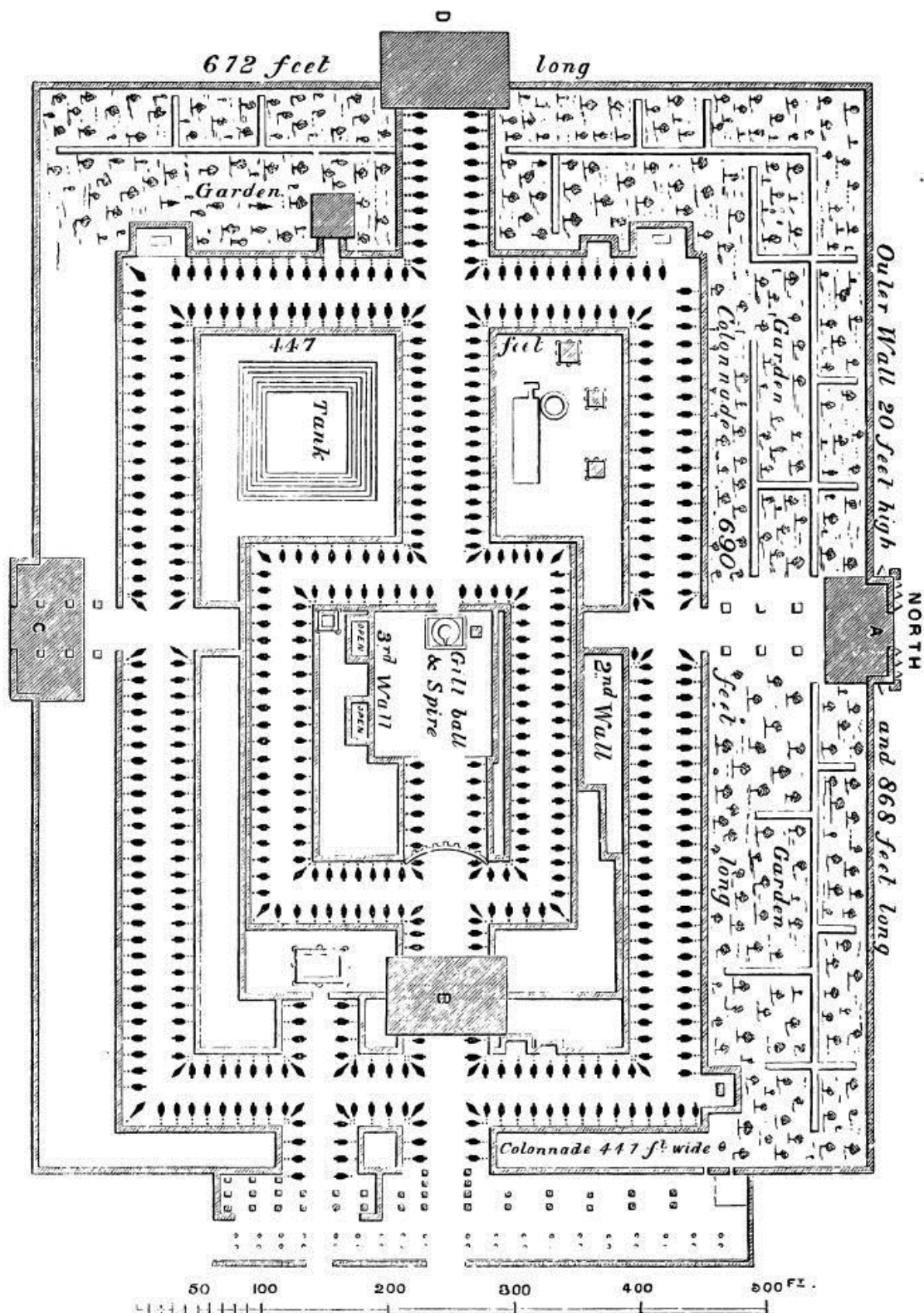
[back](#)

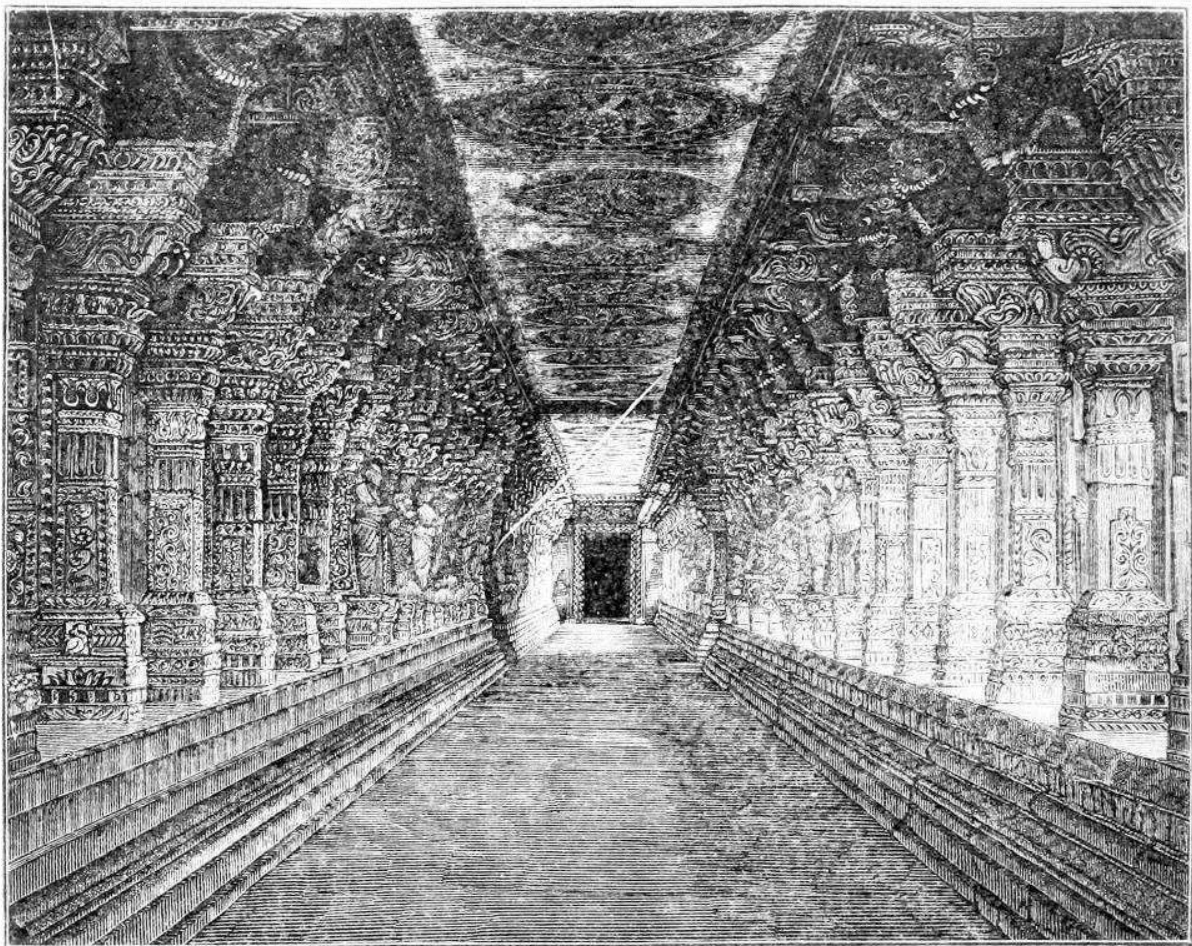
[back](#)

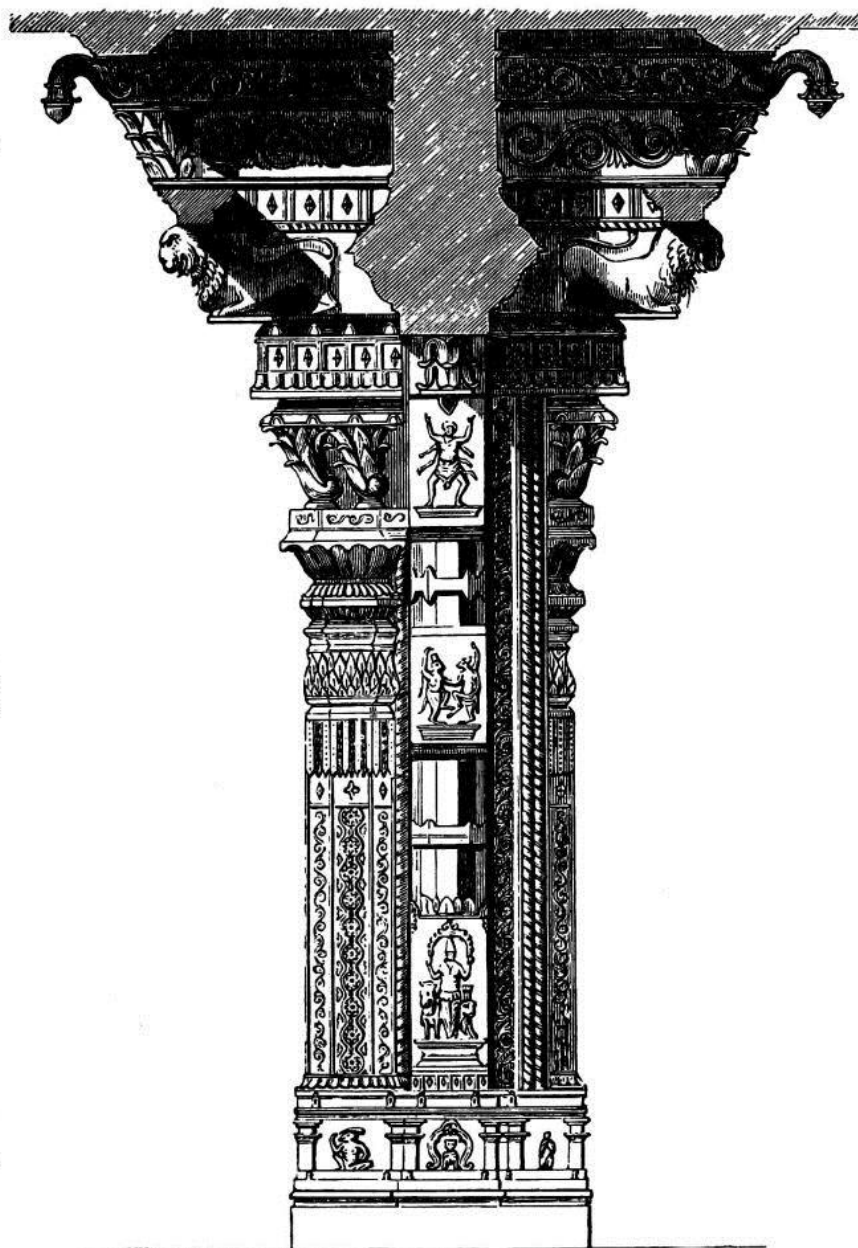
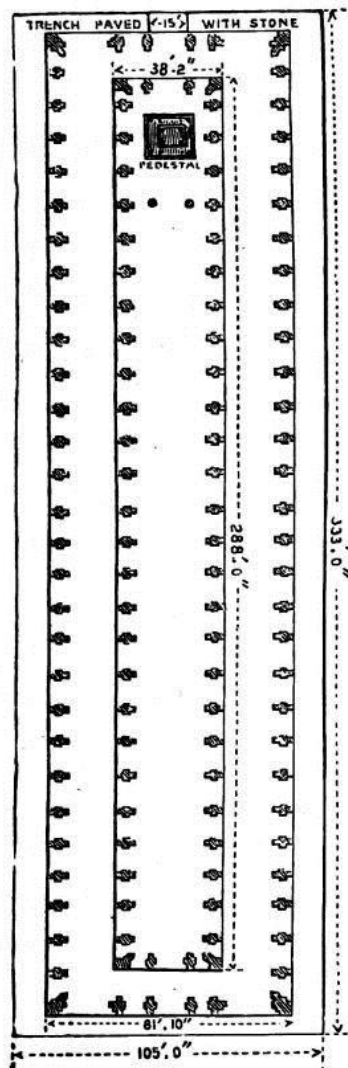

[back](#)

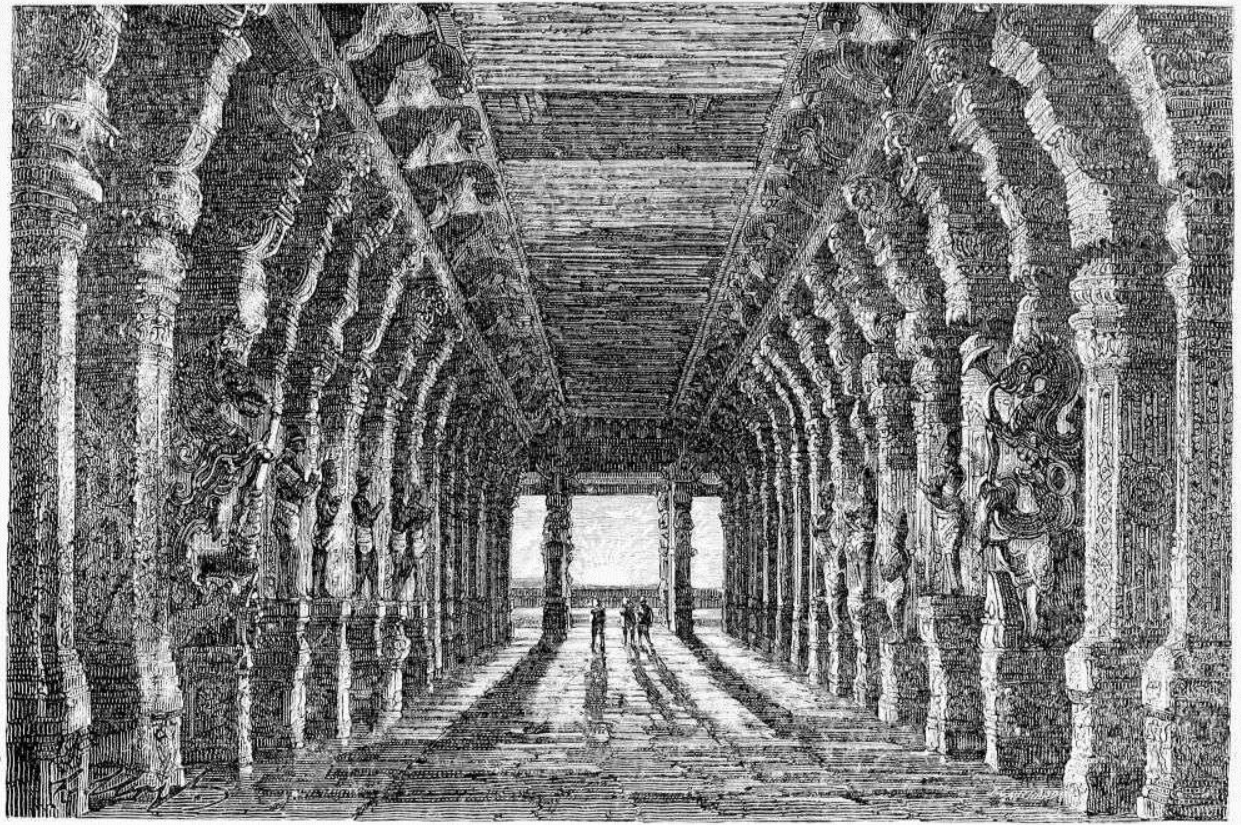

[back](#)

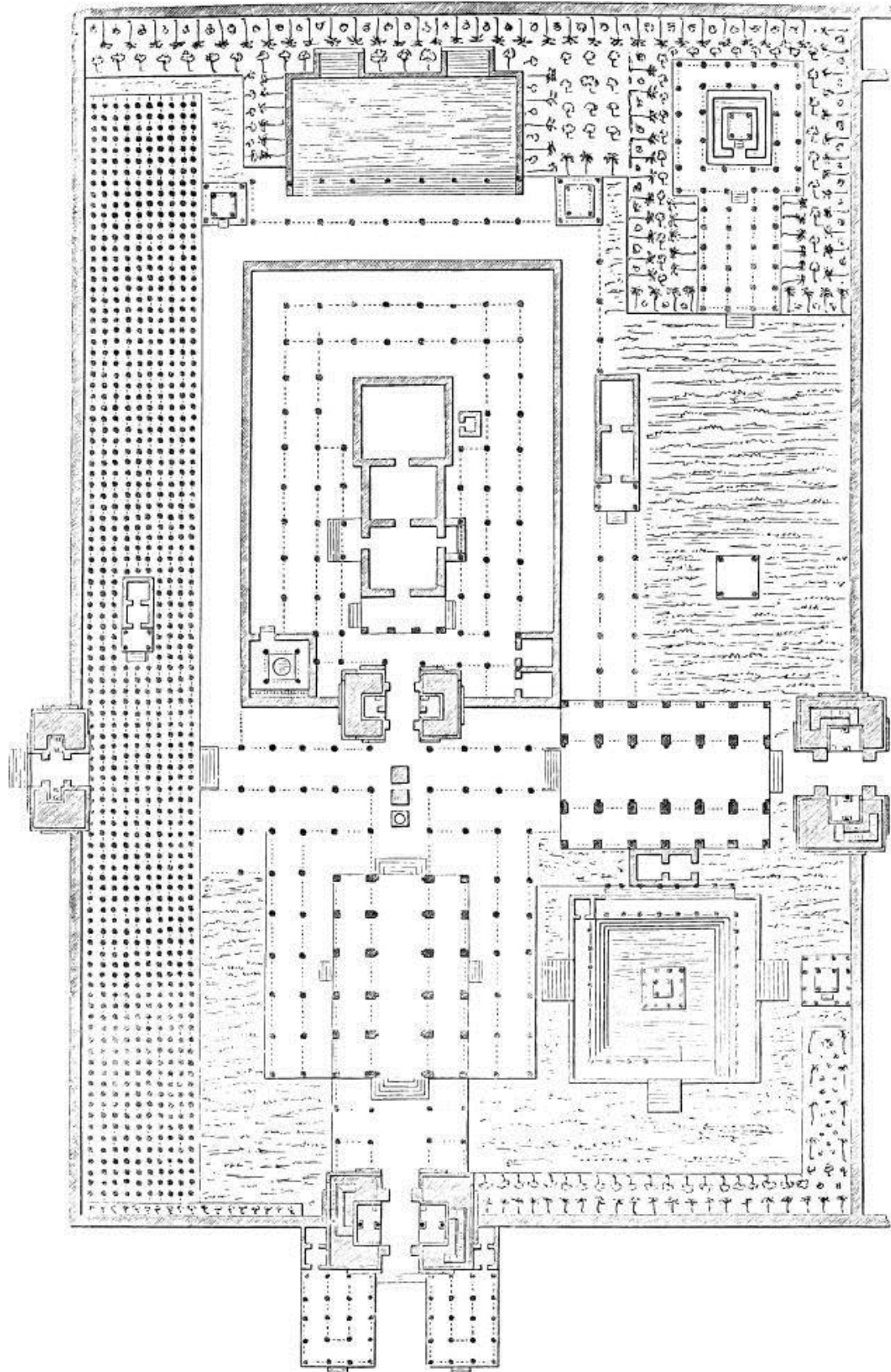

[back](#)

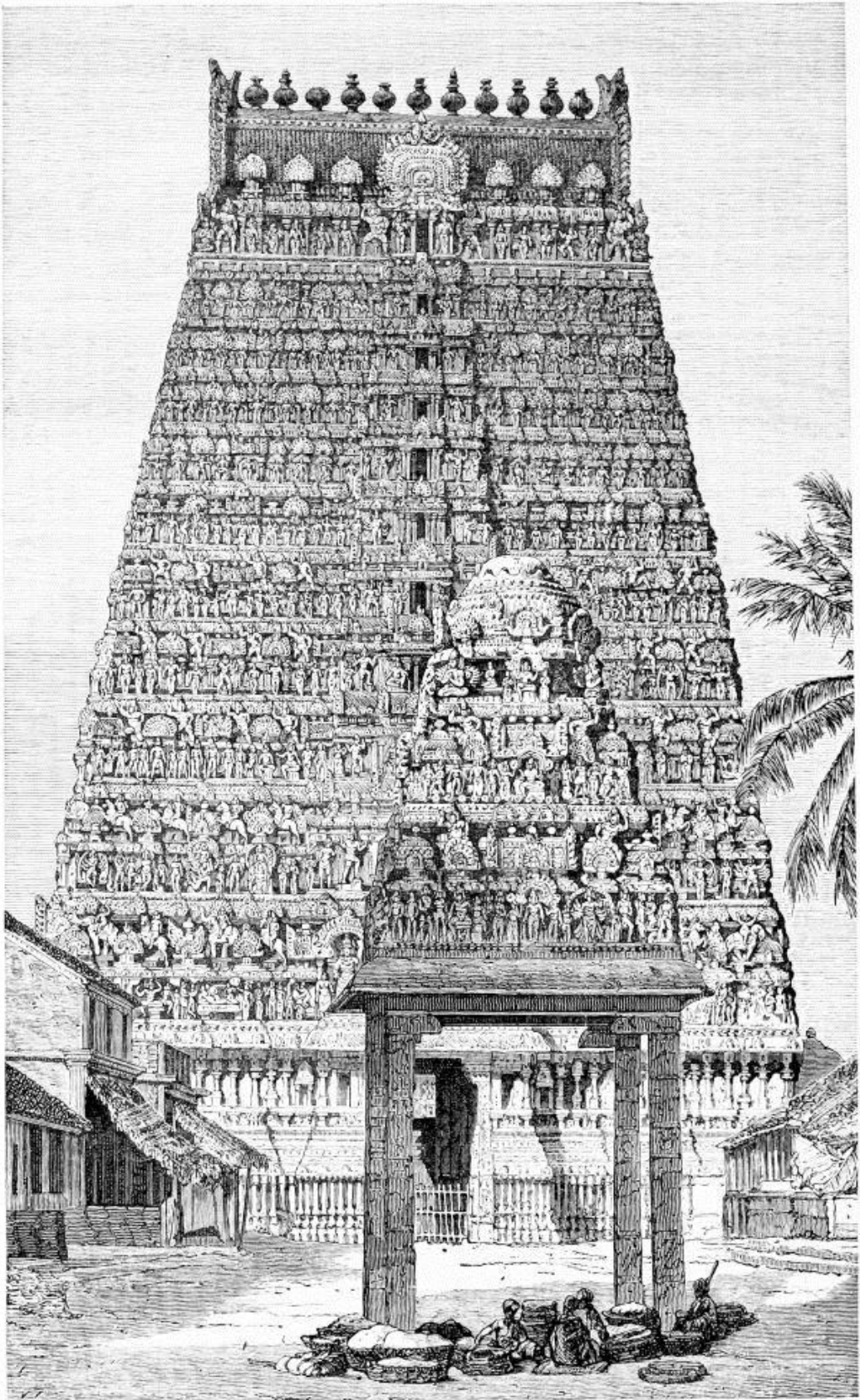

[back](#)

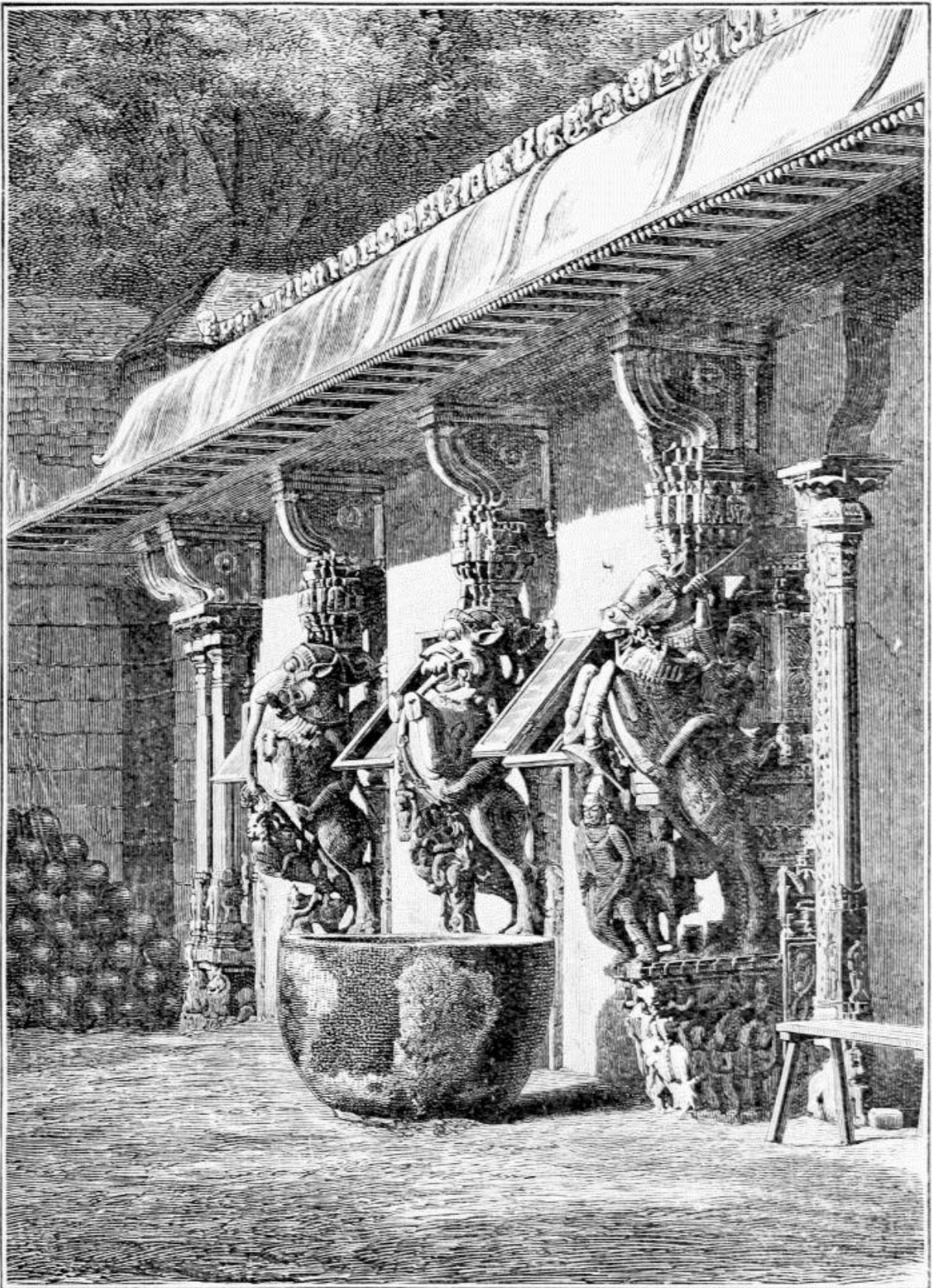
[back](#)

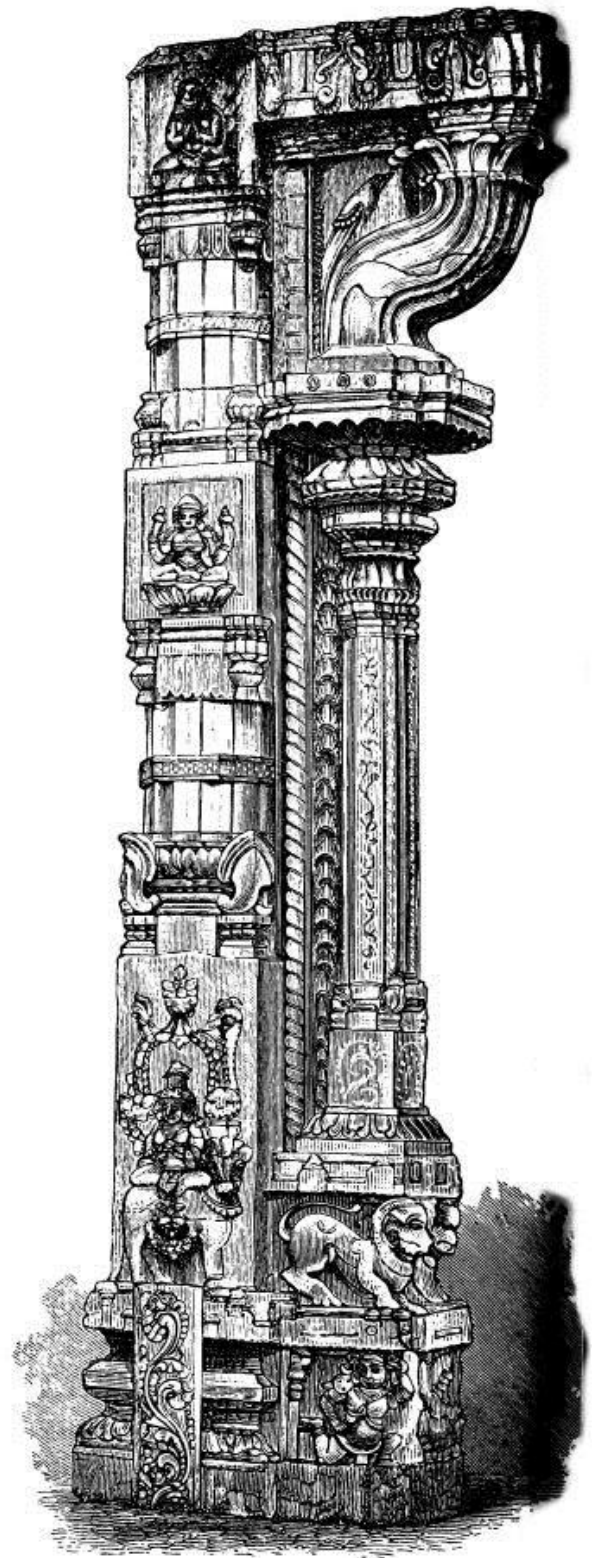
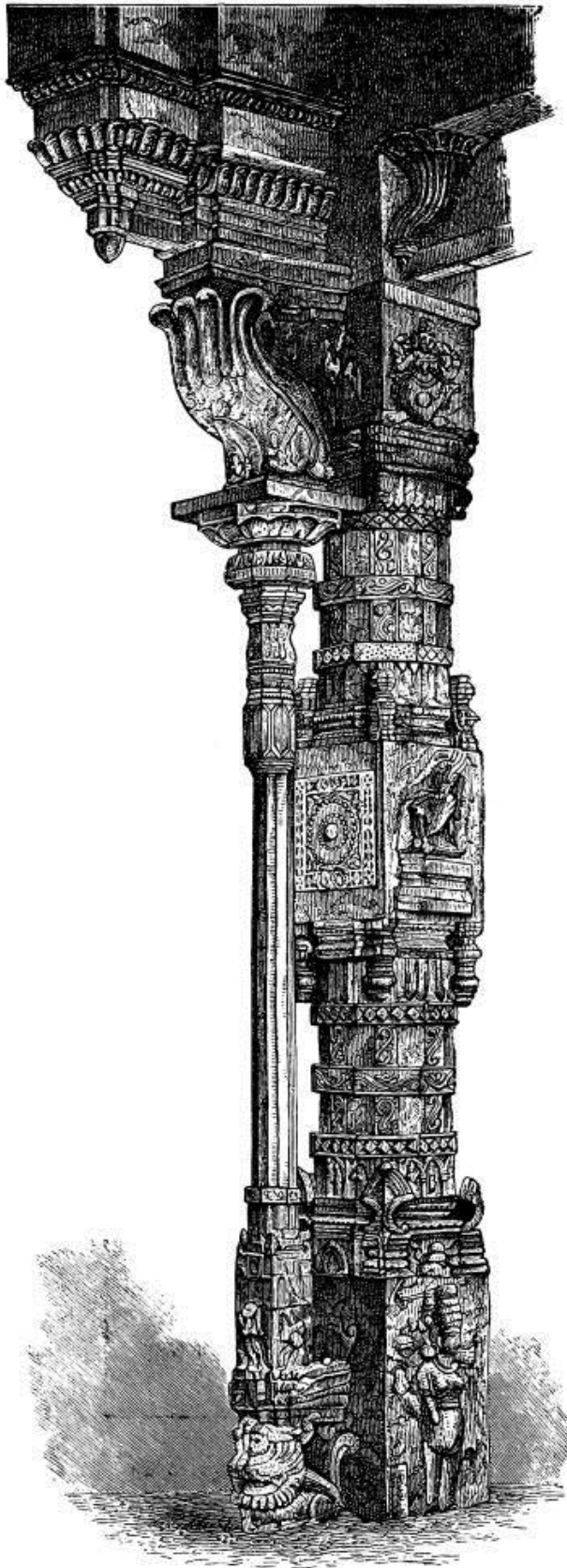
[back](#)

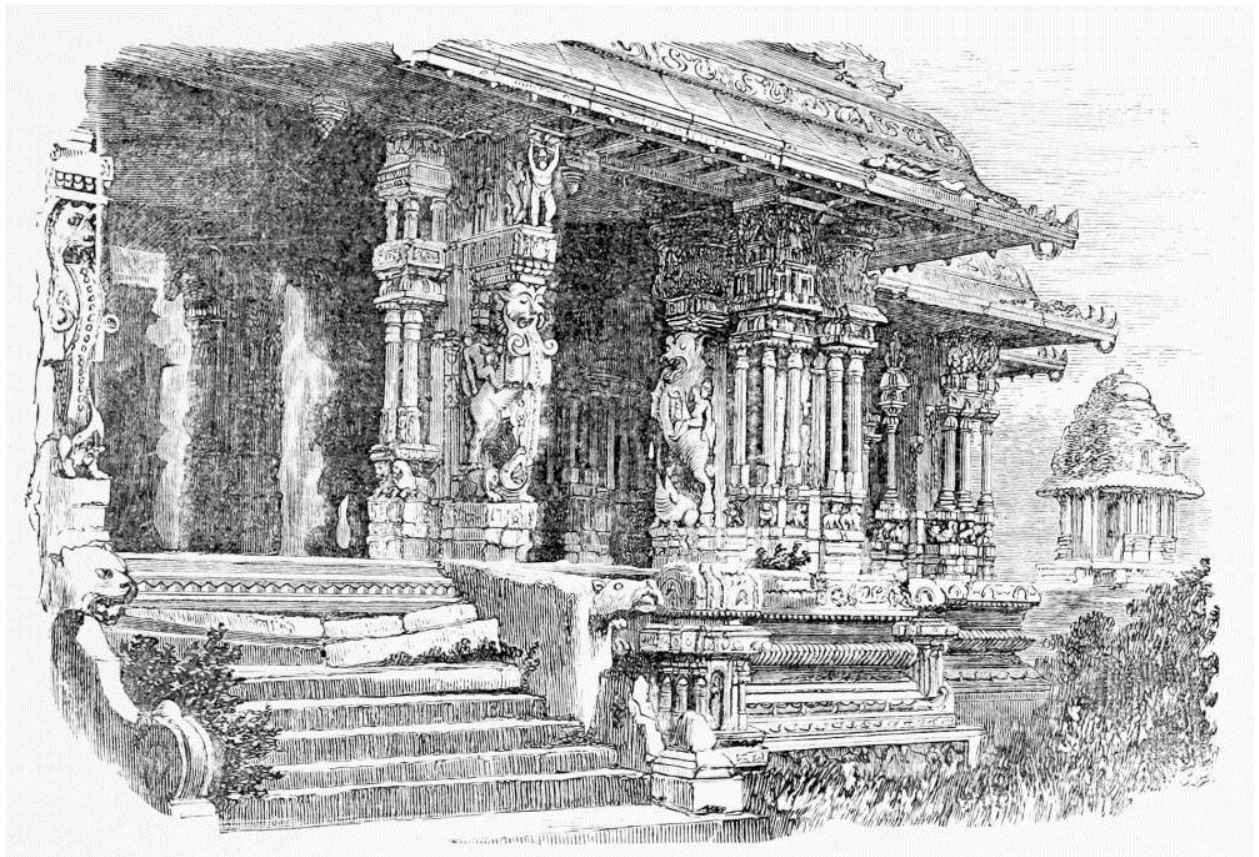

[back](#)

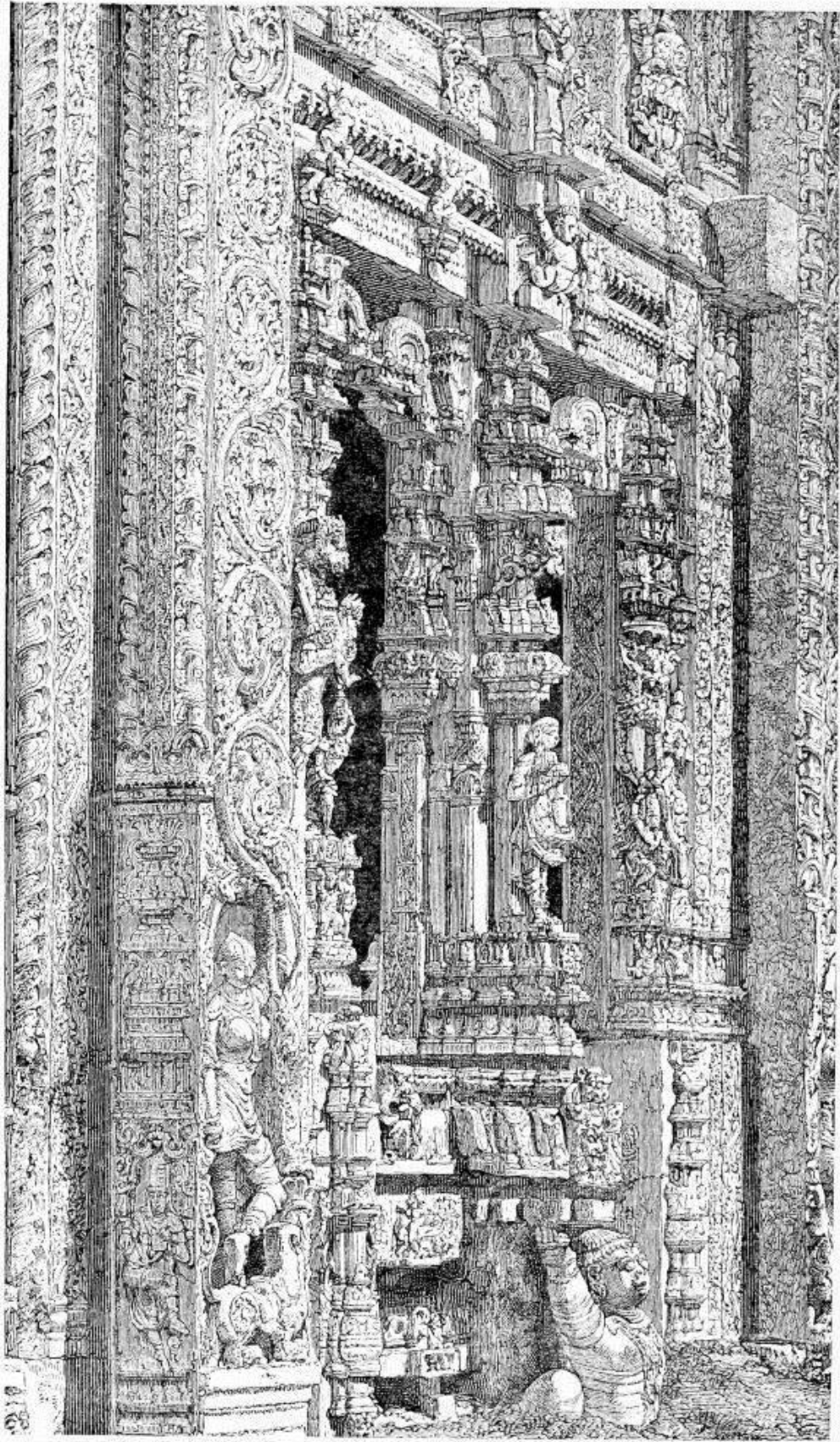

[back](#)

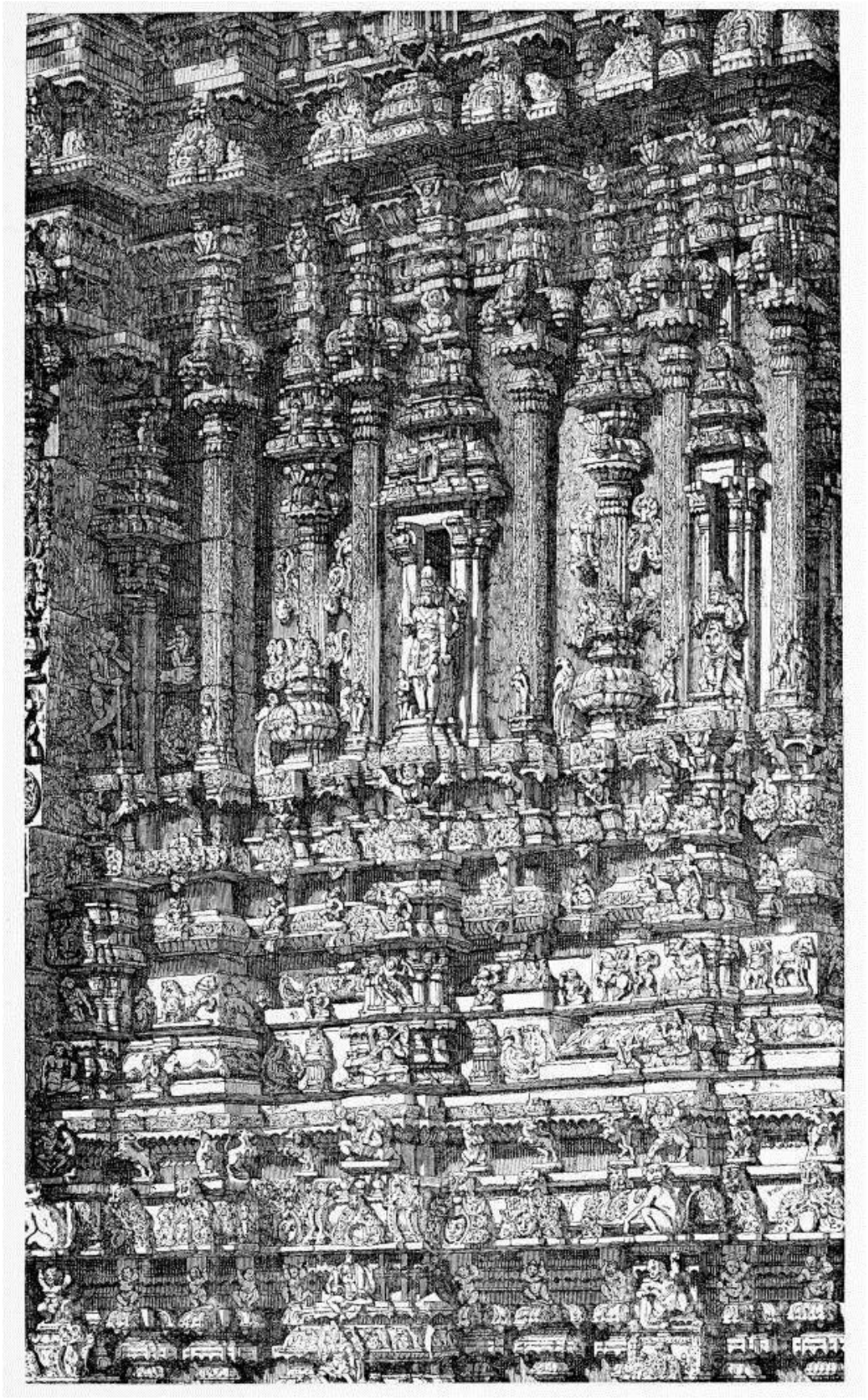
[back](#)

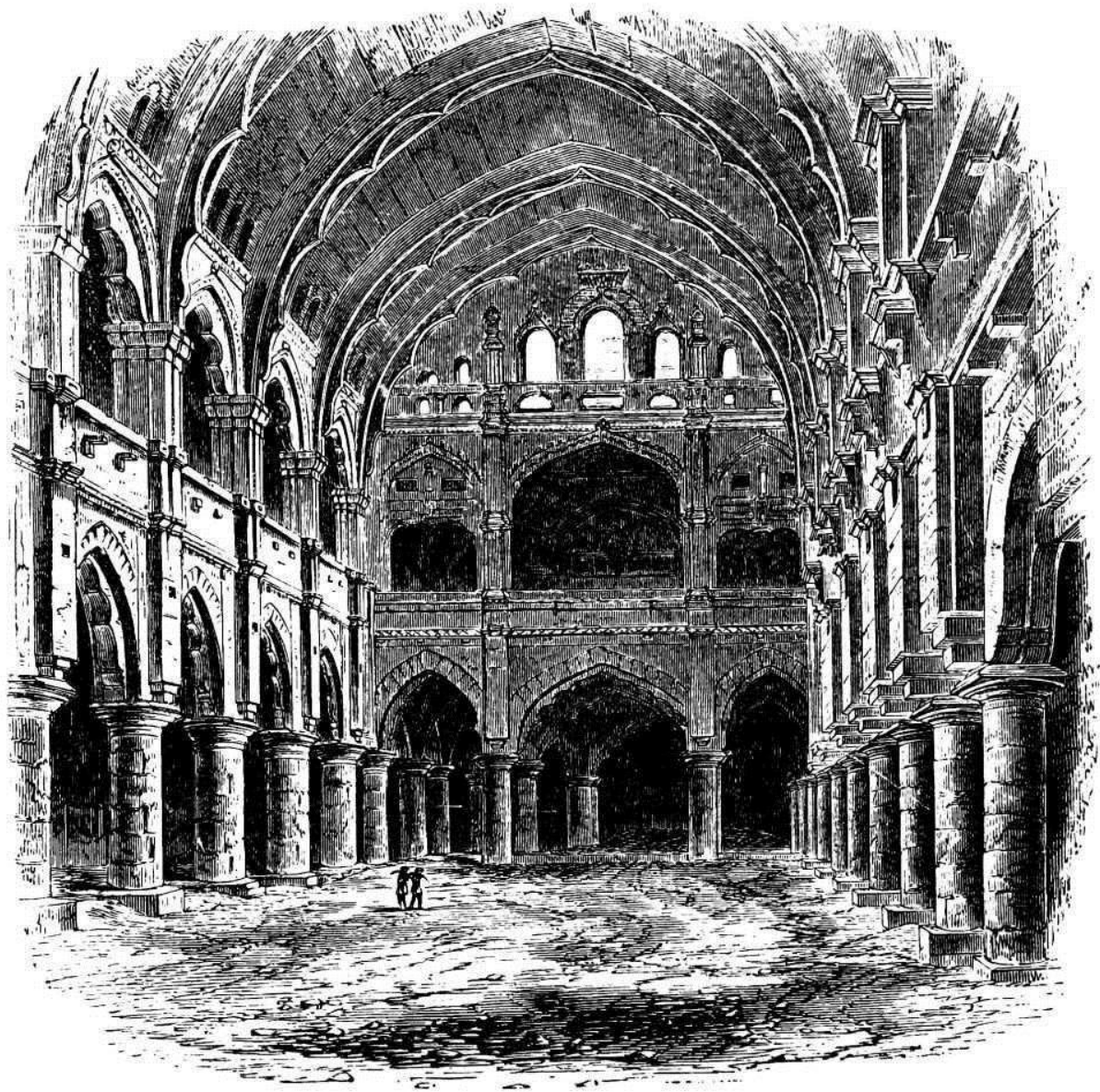
[back](#)

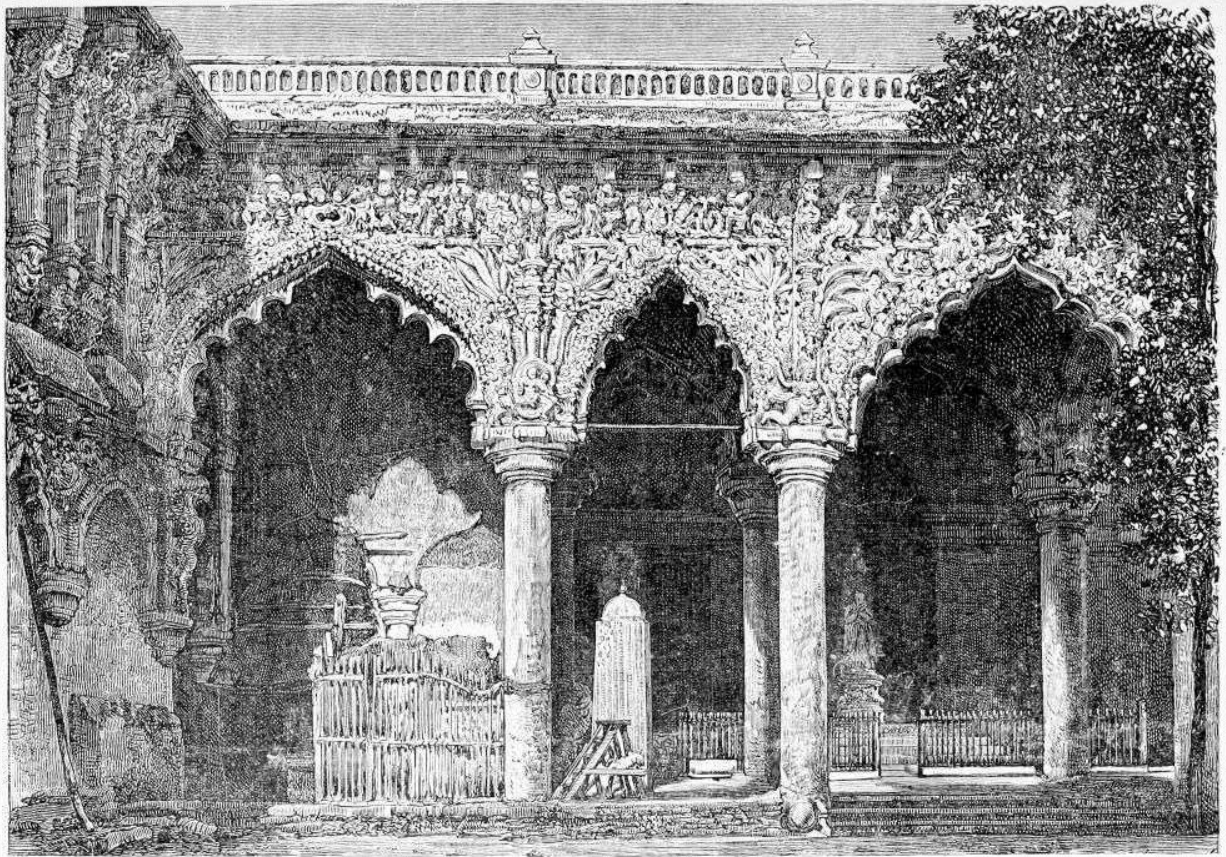
[back](#)

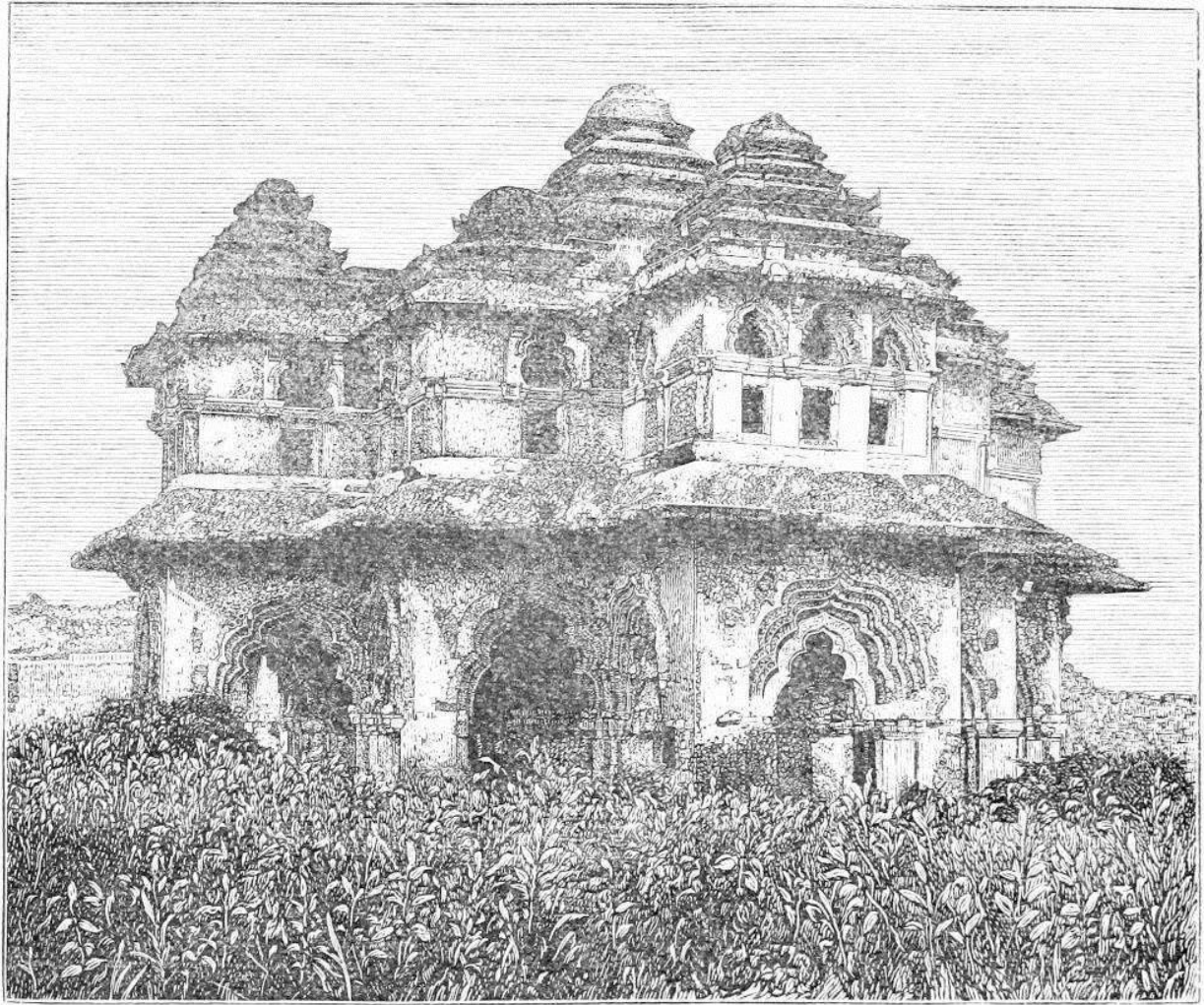
[back](#)

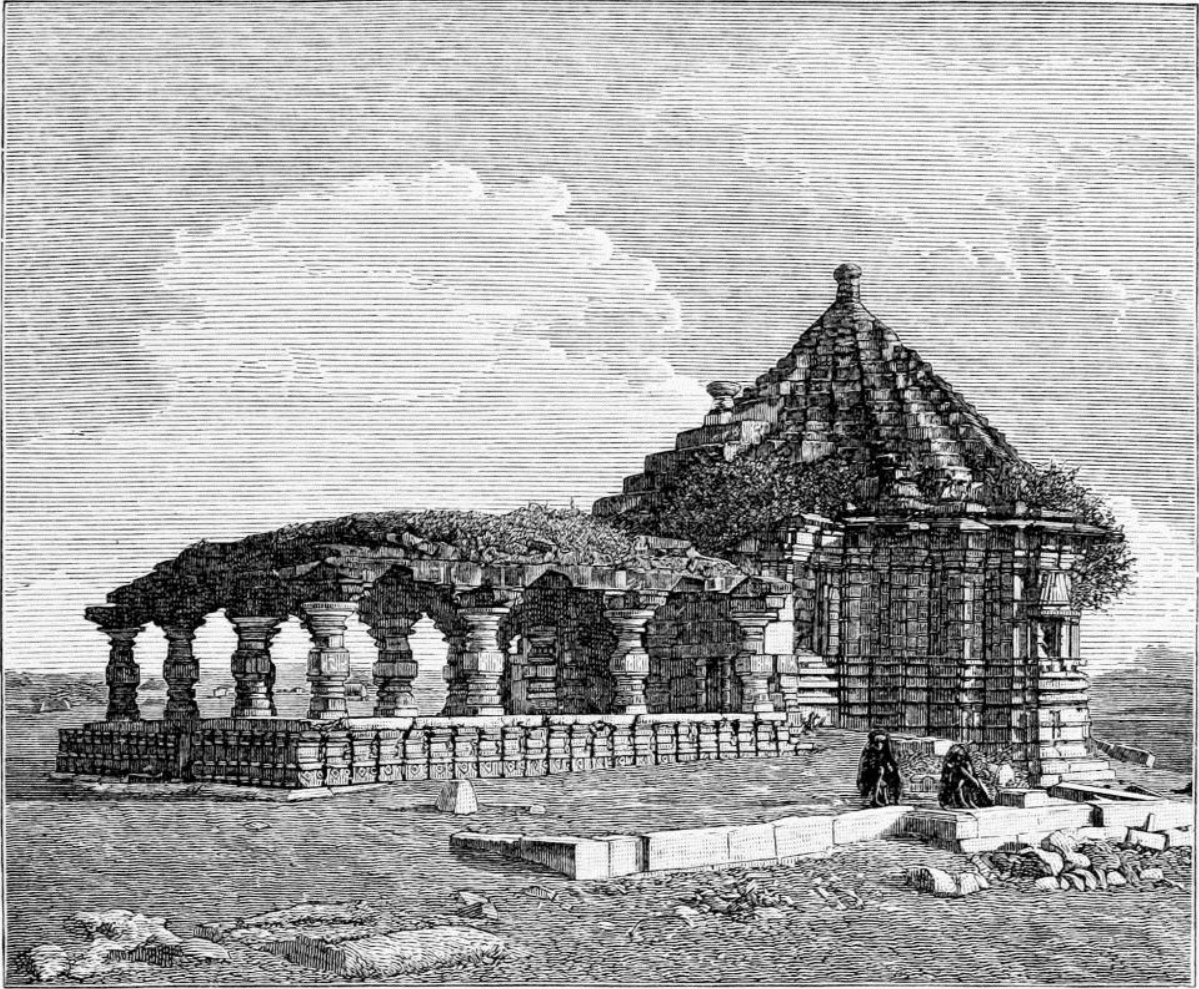

[back](#)

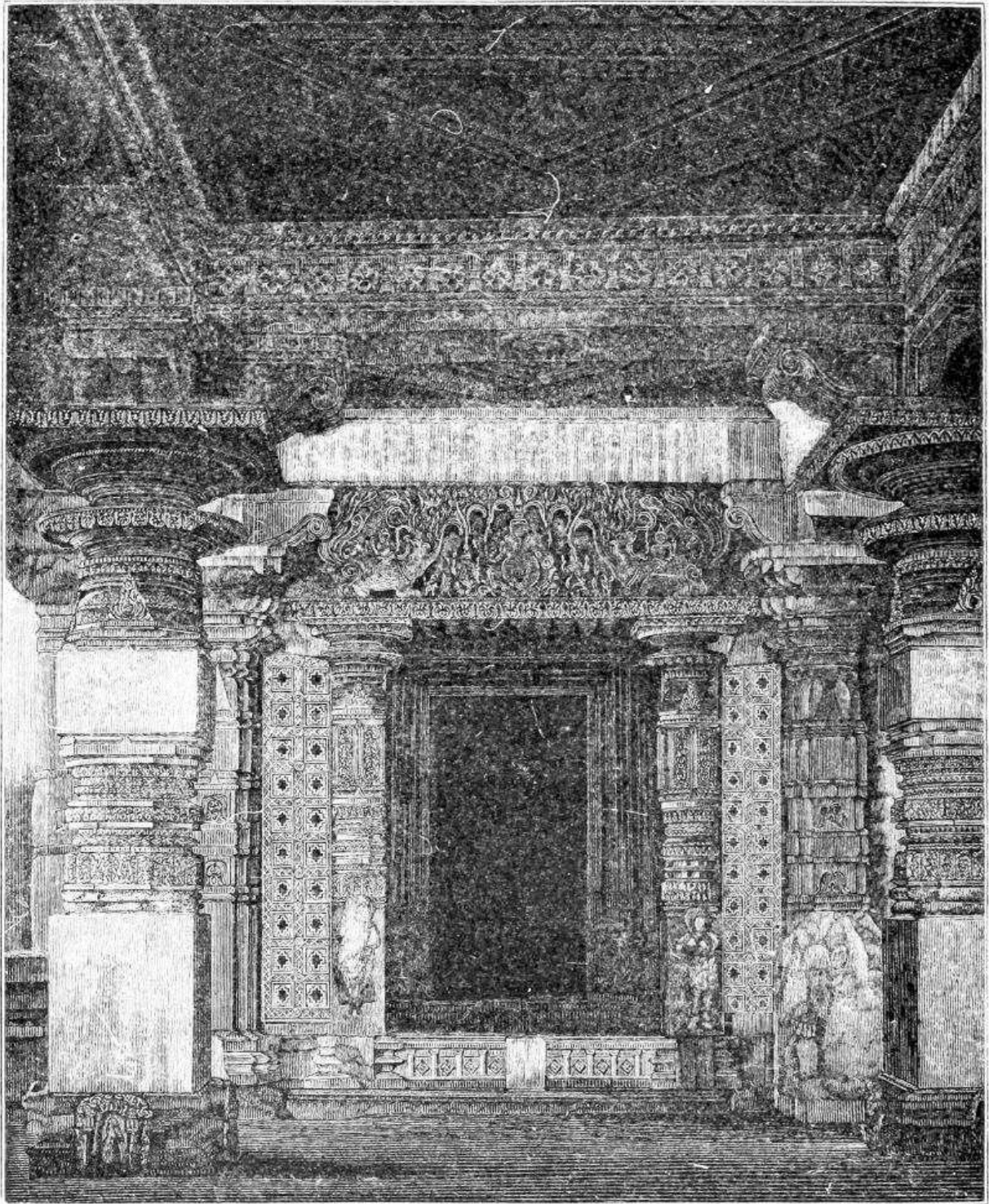

[back](#)

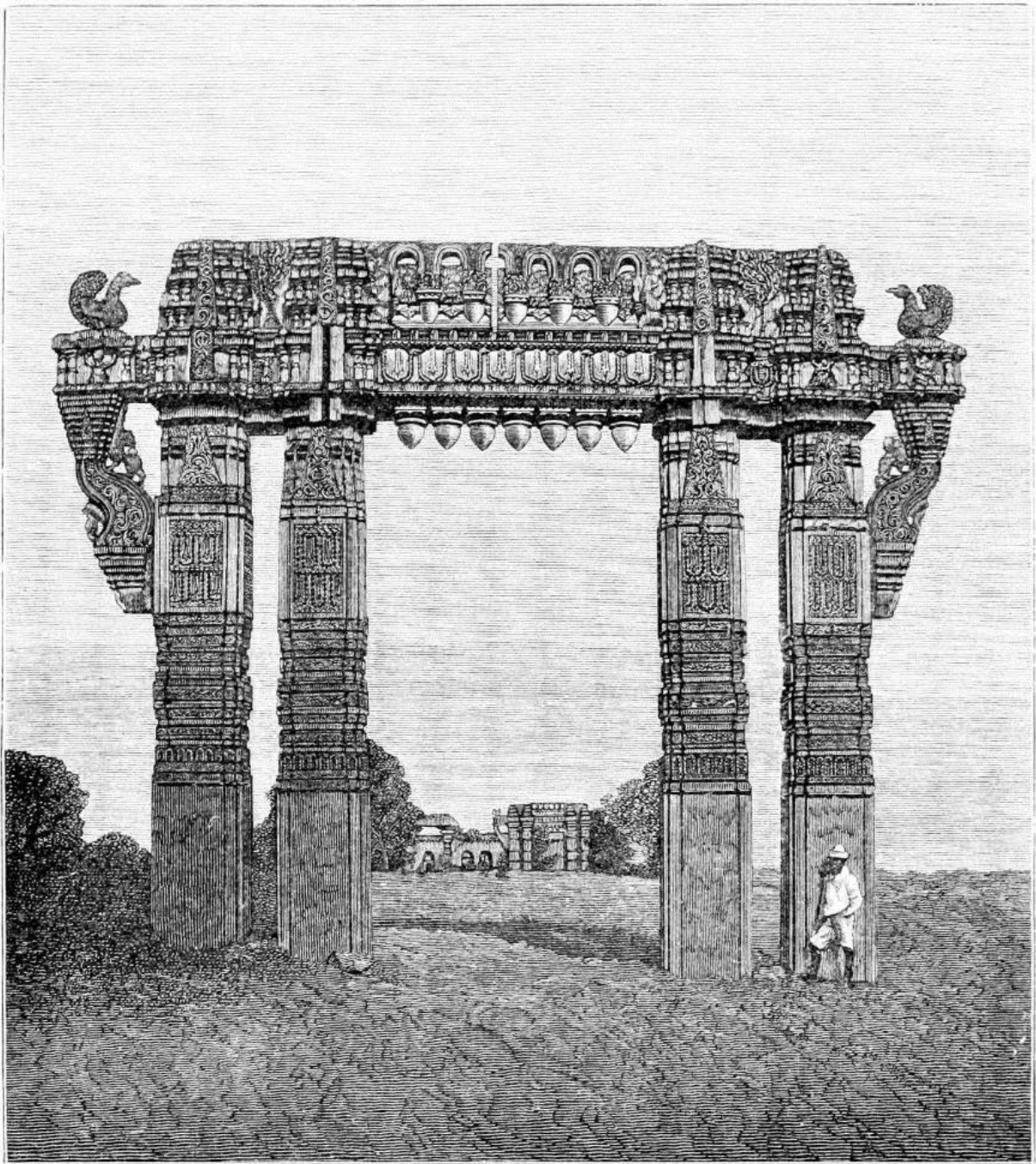
[back](#)

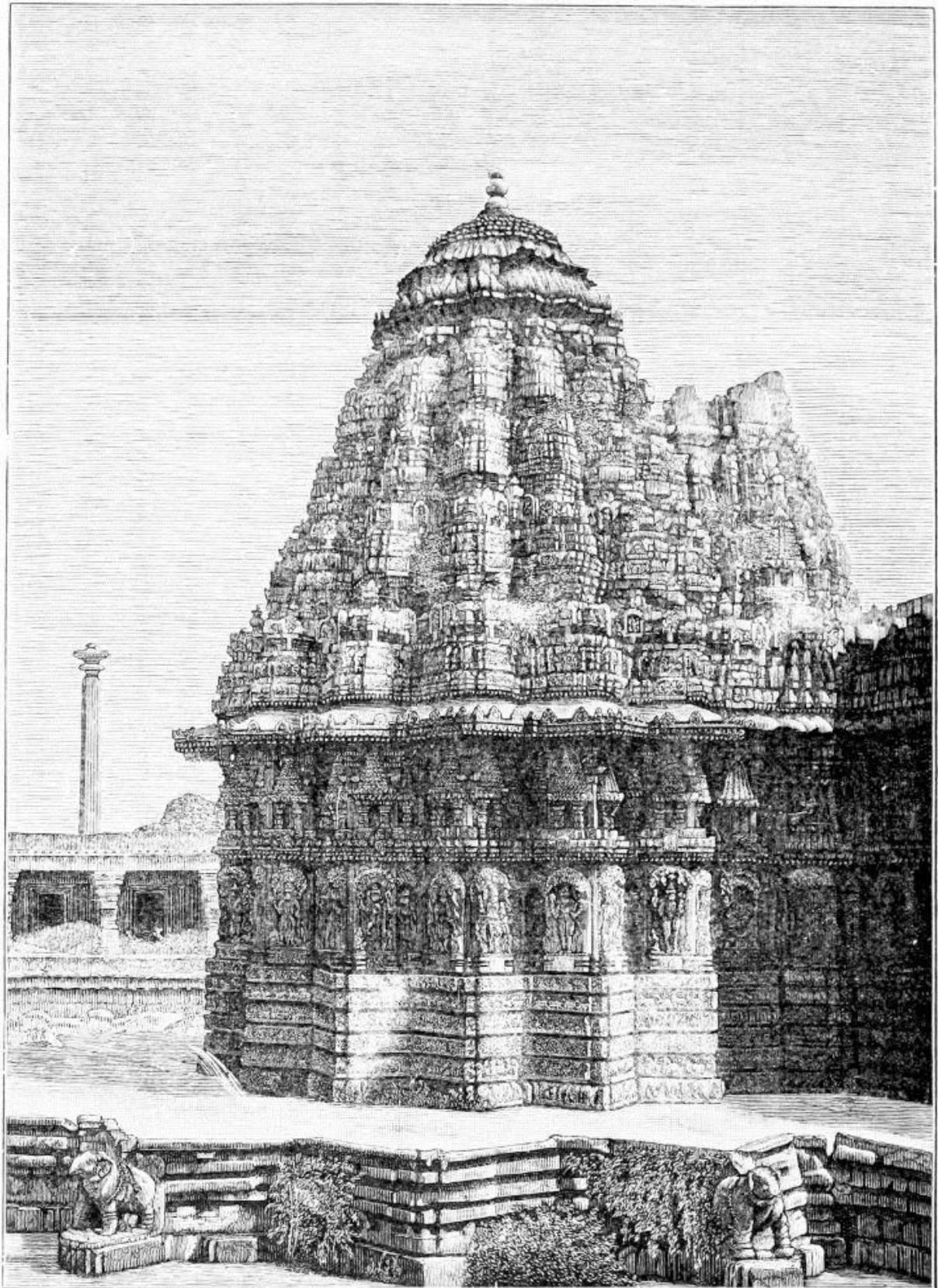
[back](#)

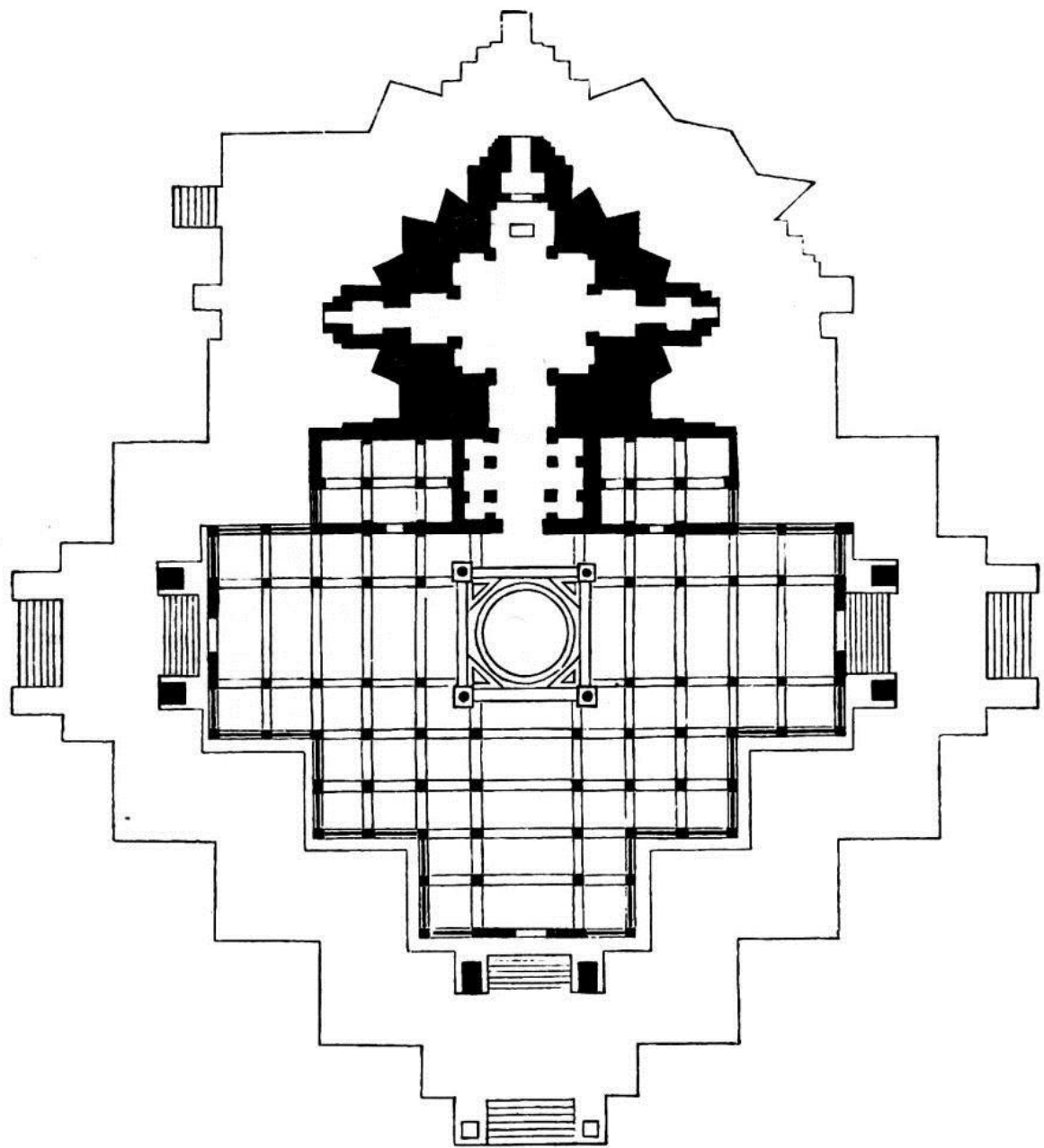
[back](#)

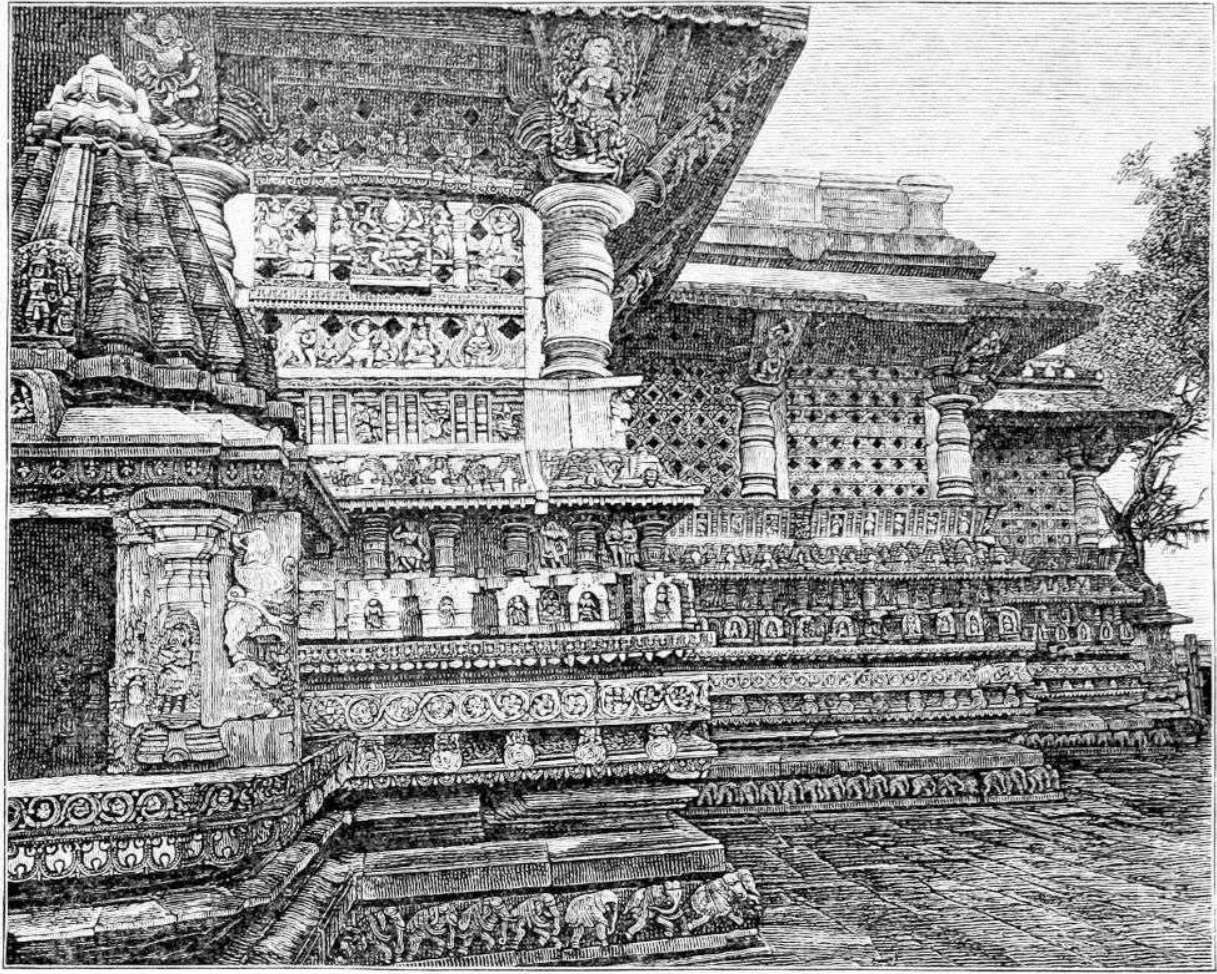

[back](#)

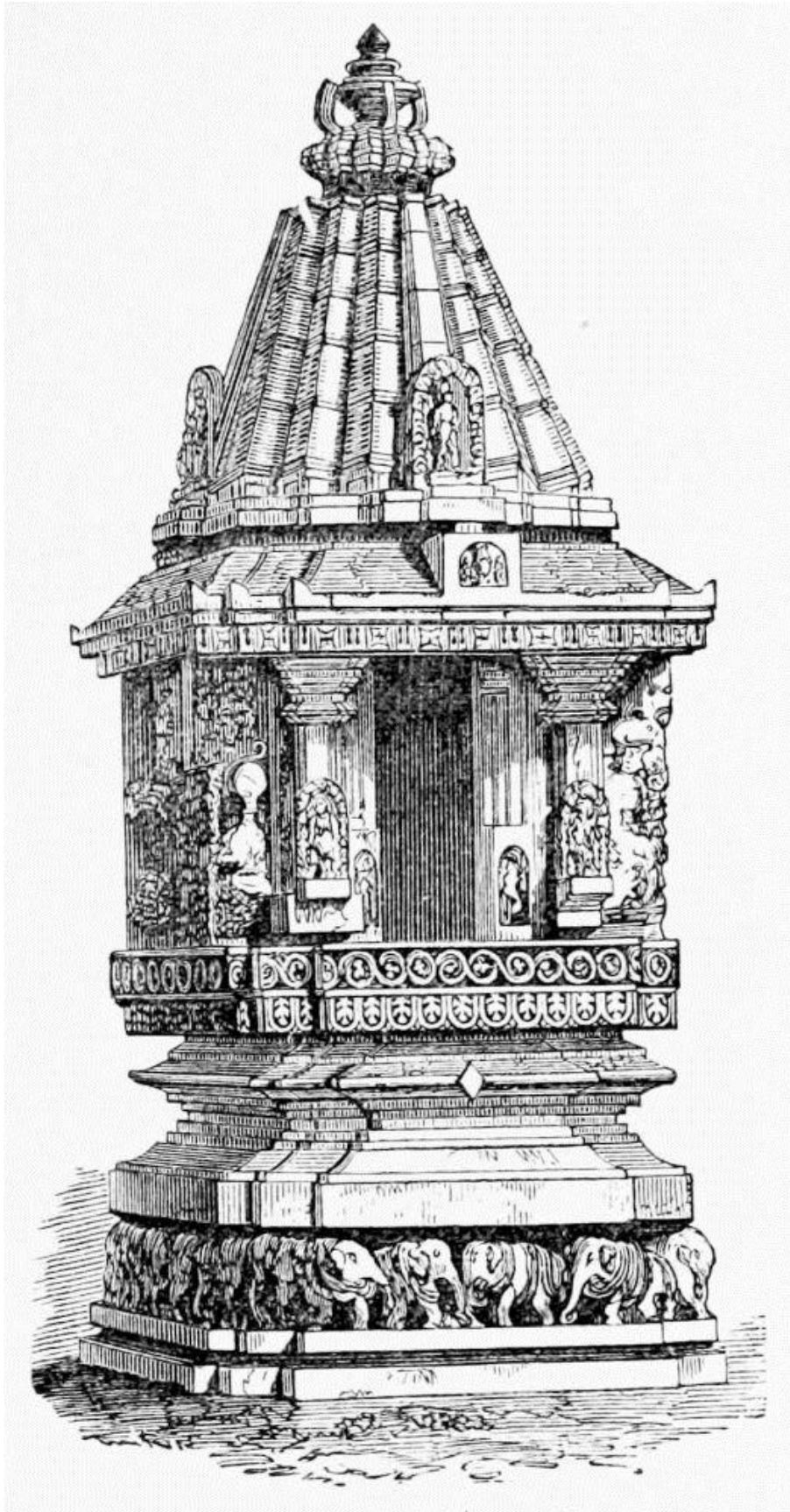

[back](#)

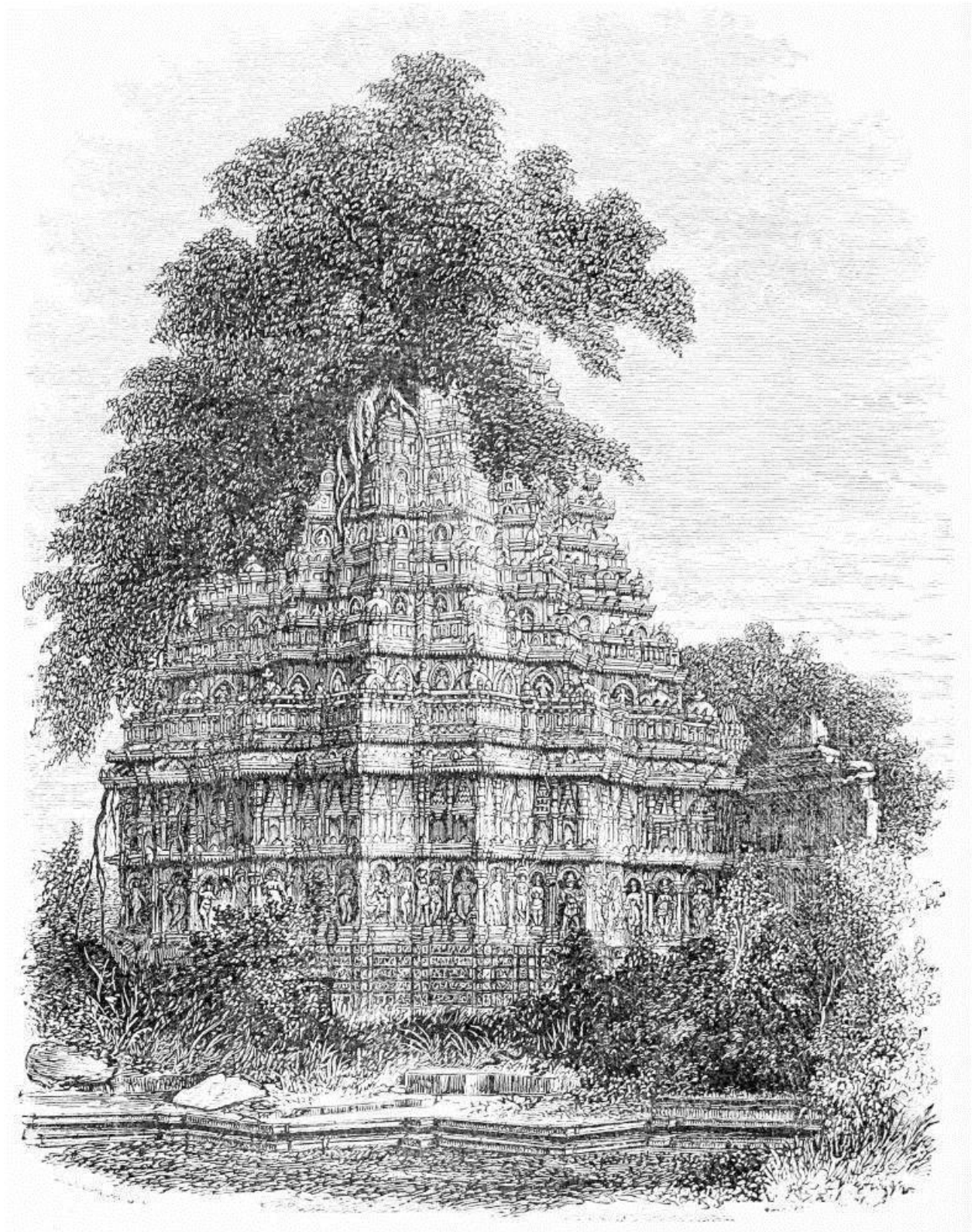
[back](#)

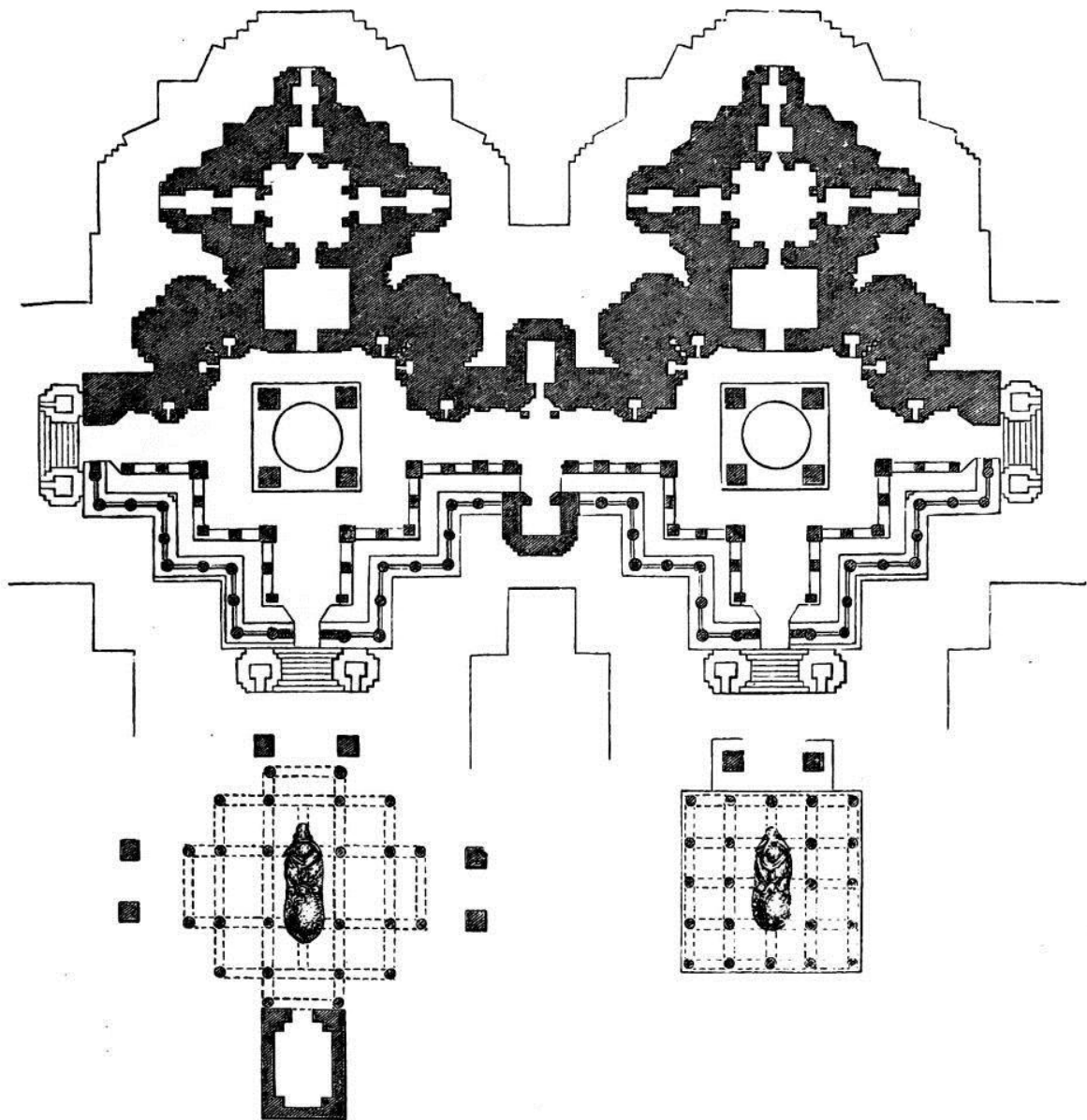

[back](#)

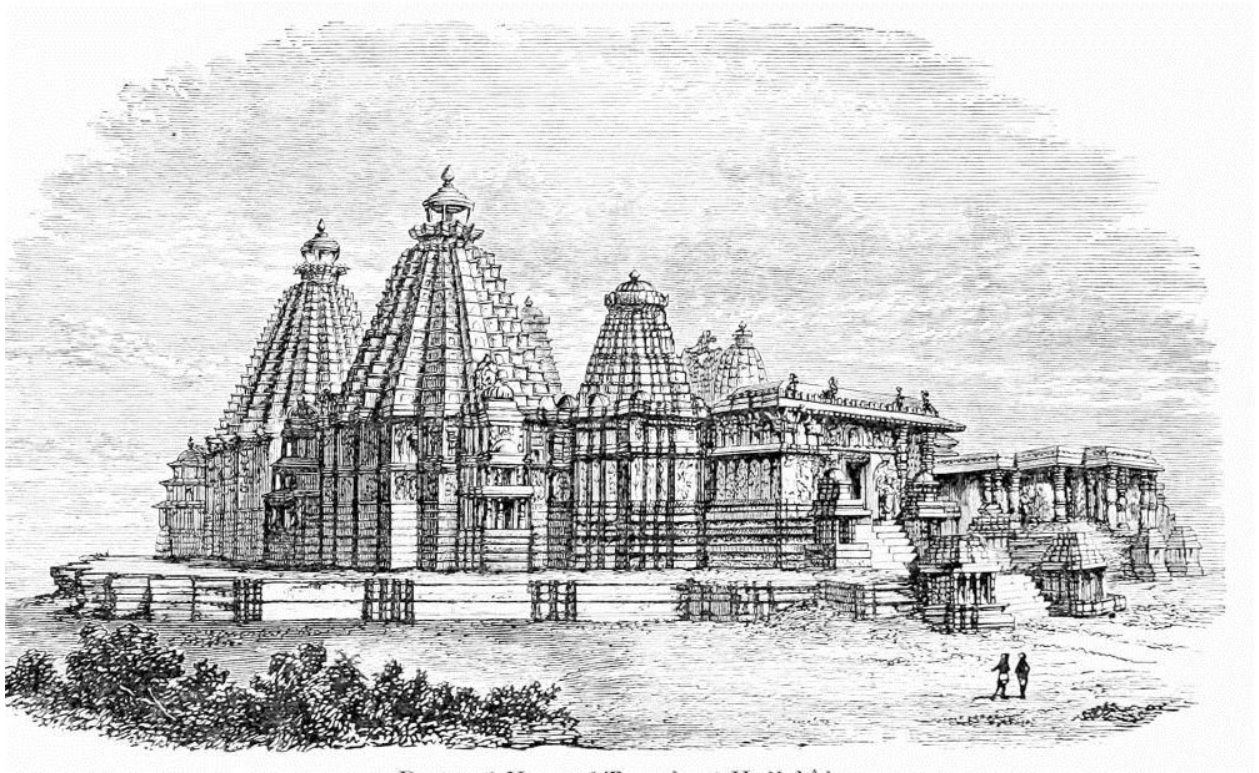

[back](#)

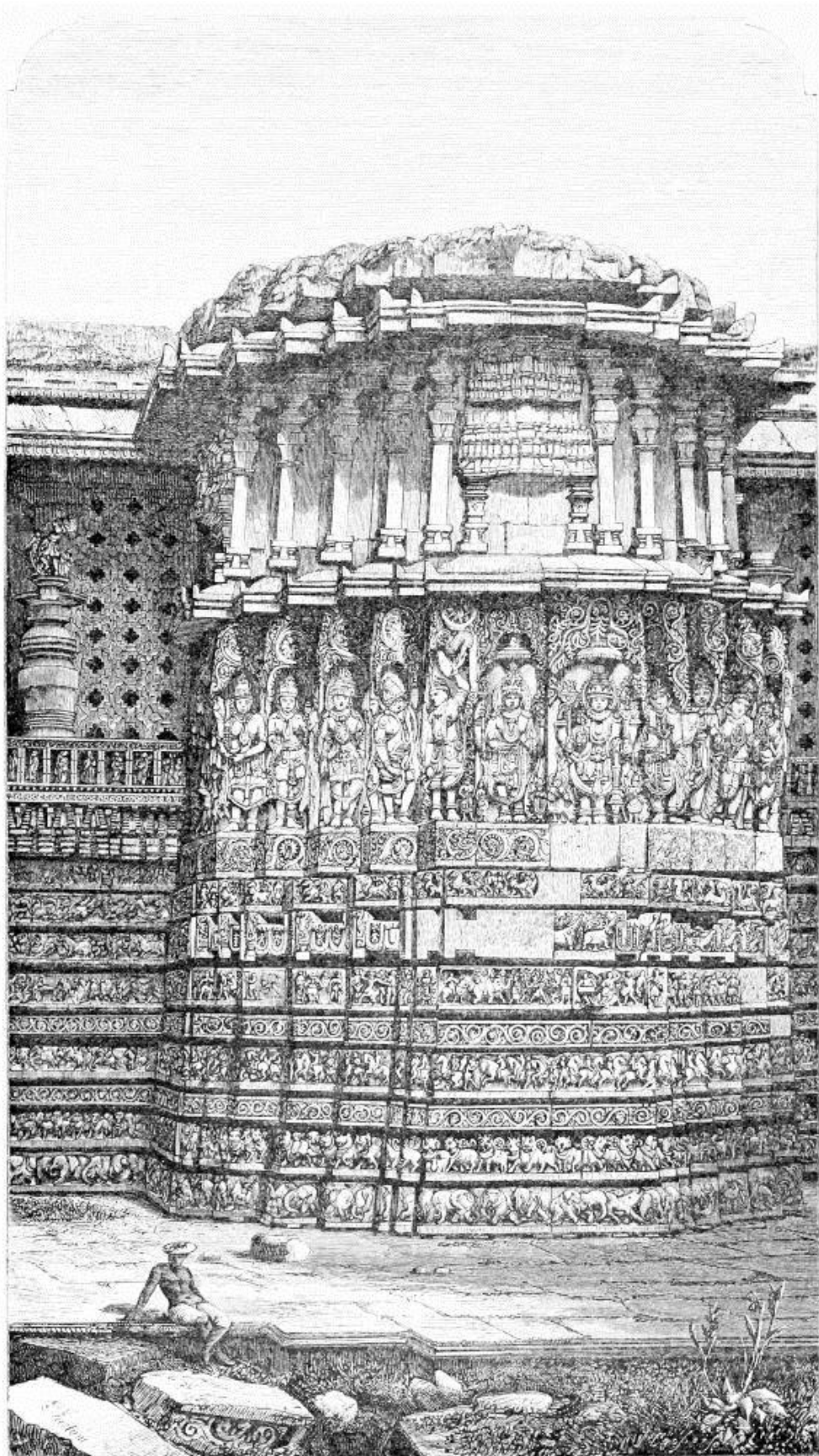
[back](#)

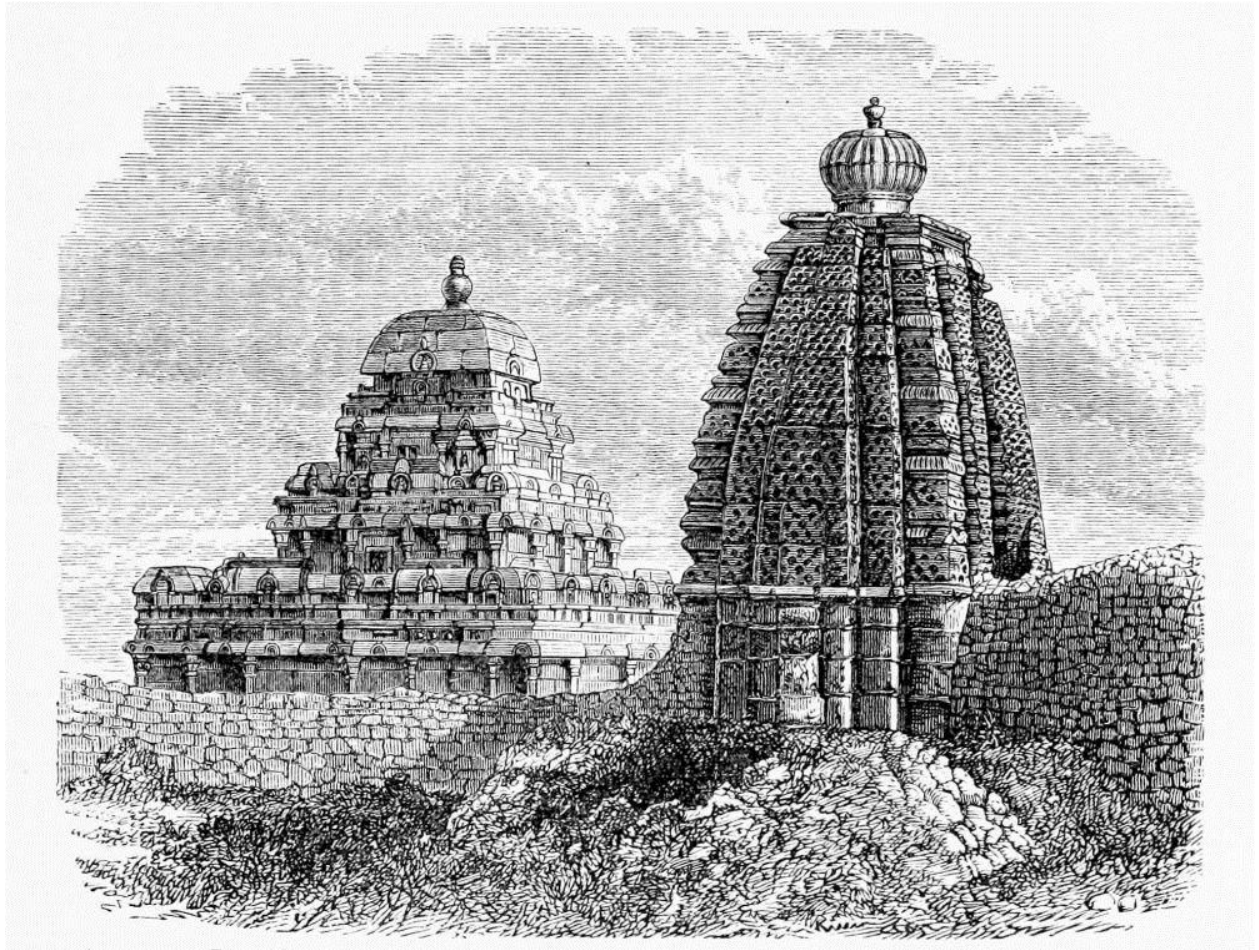
[back](#)

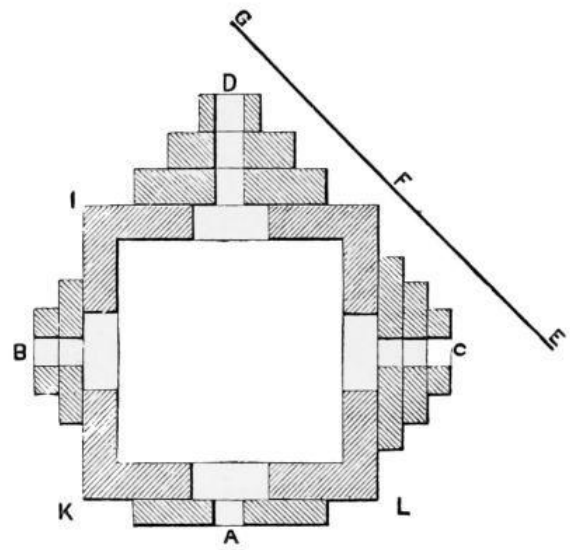
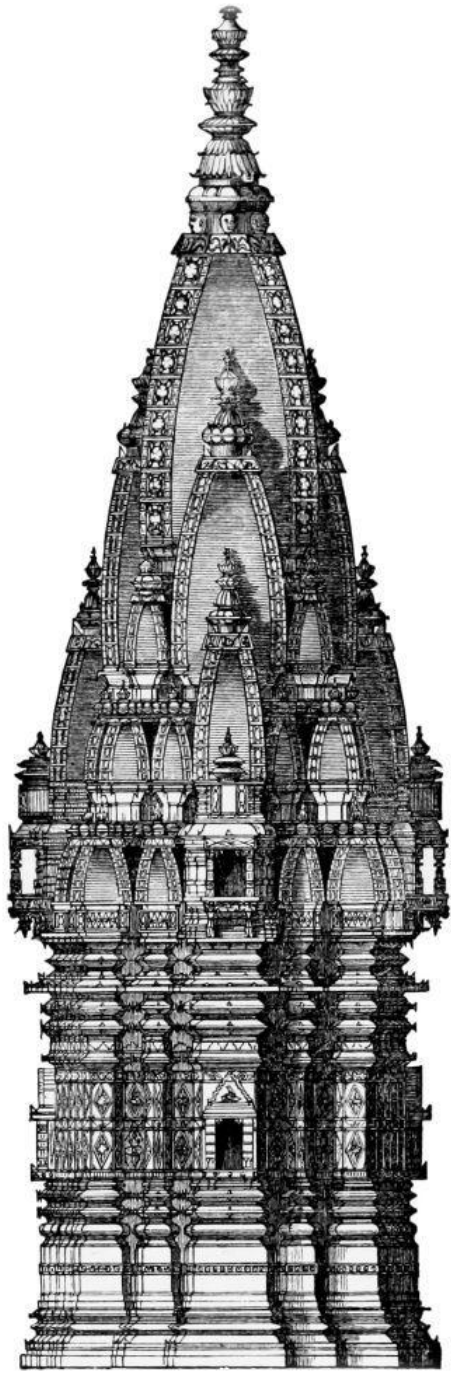

[back](#)

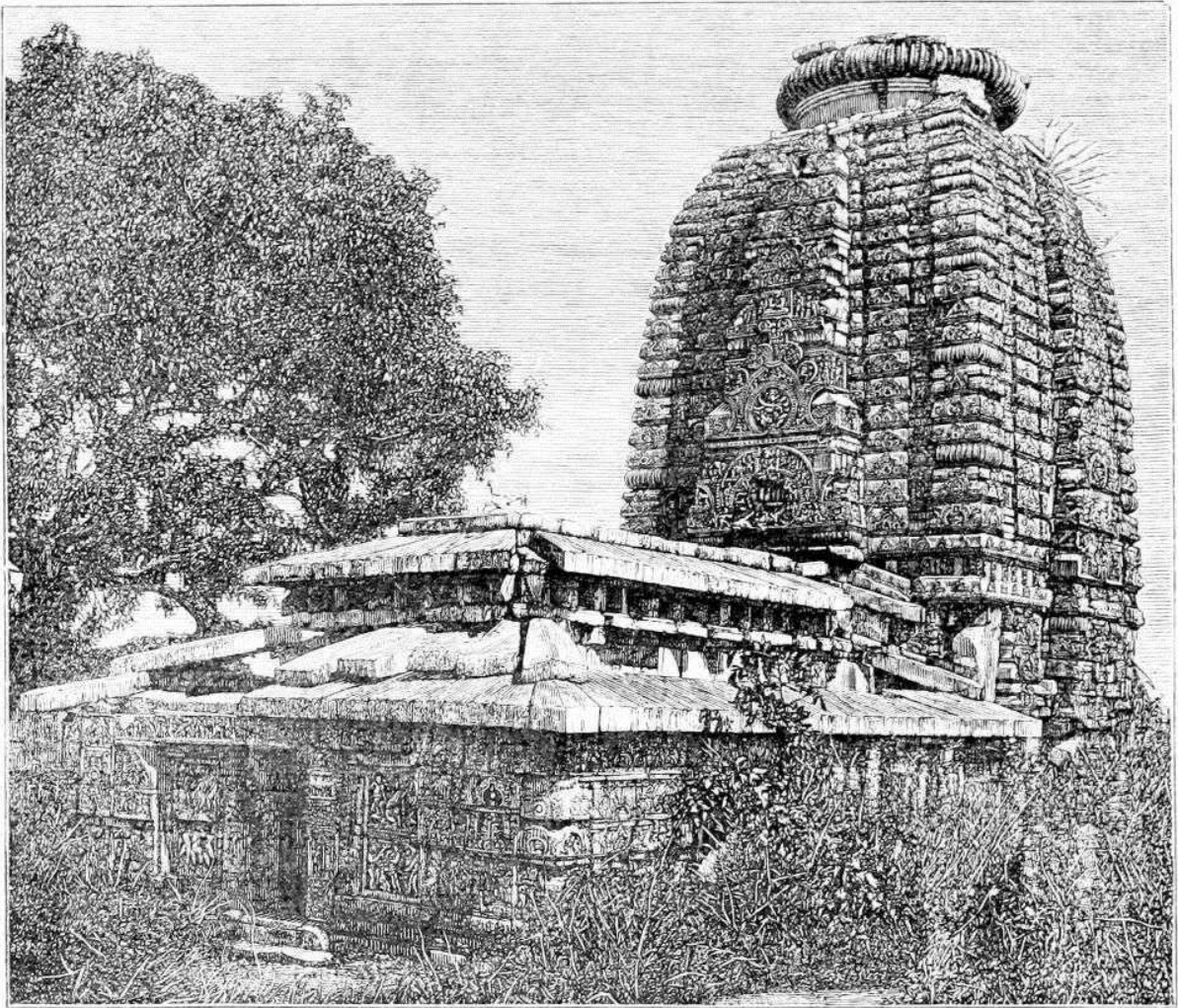

[back](#)

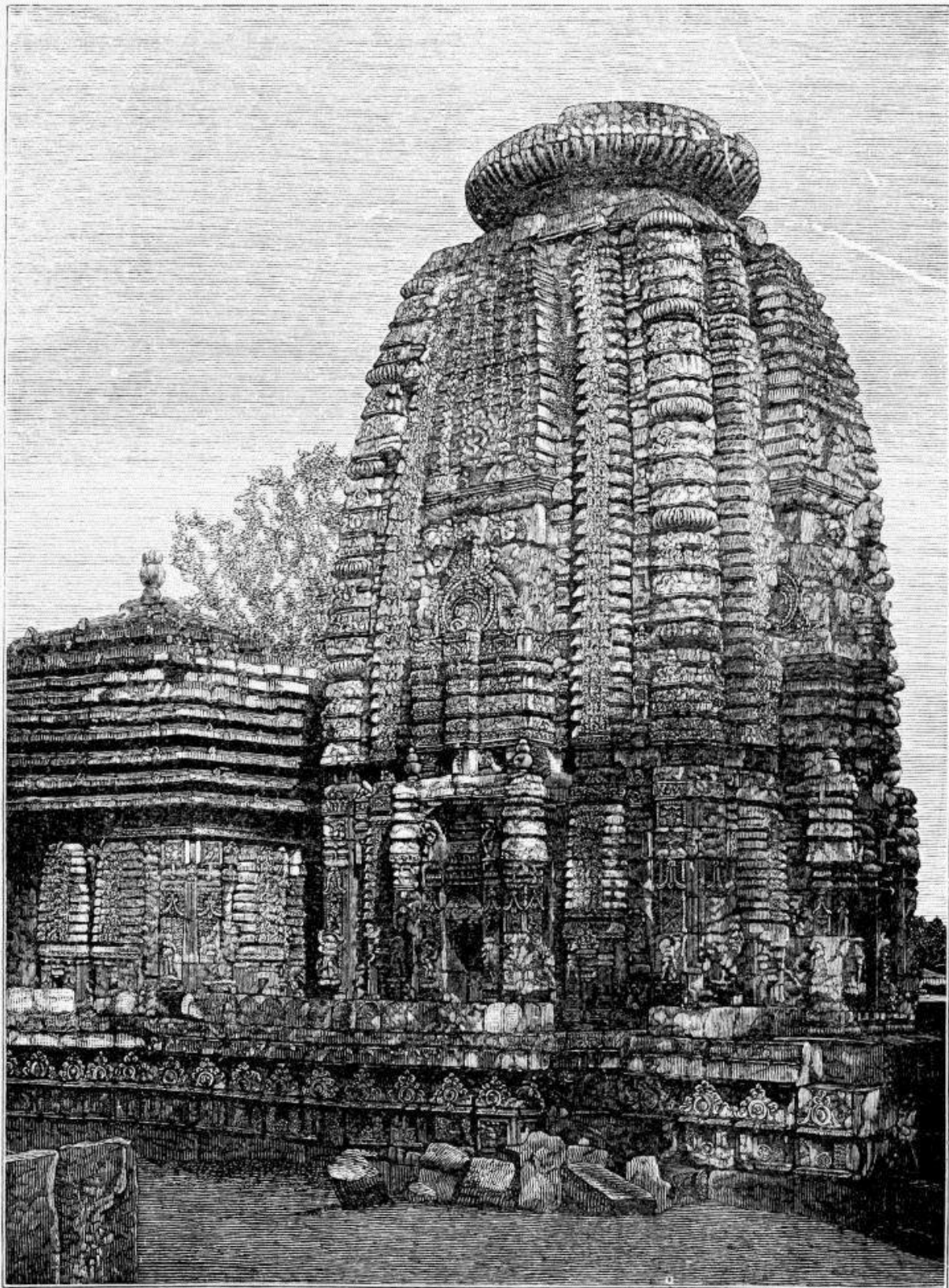
[back](#)

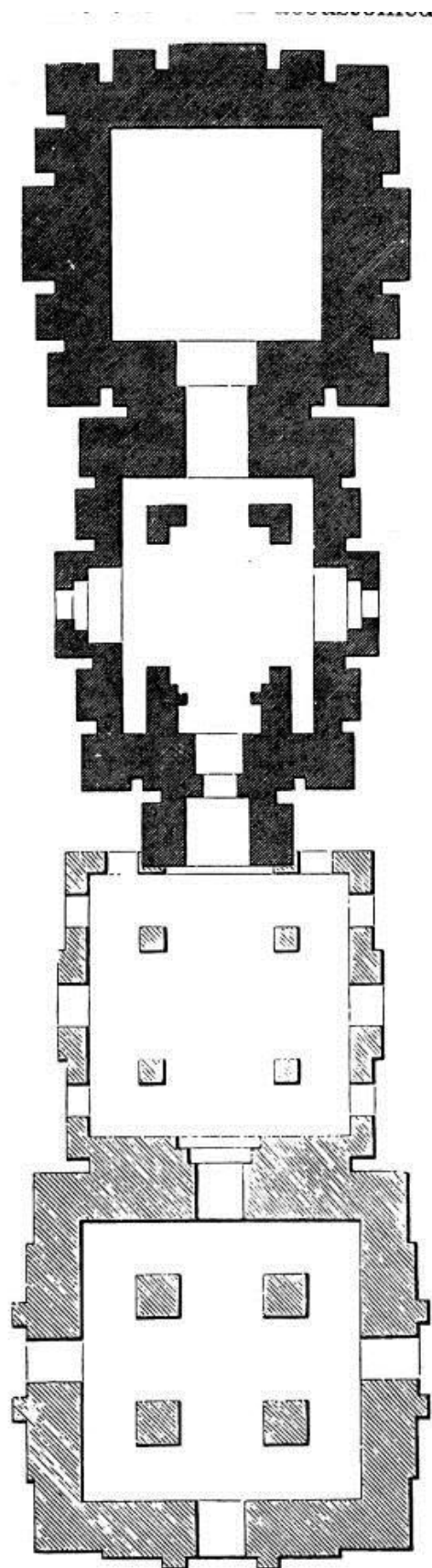

[back](#)

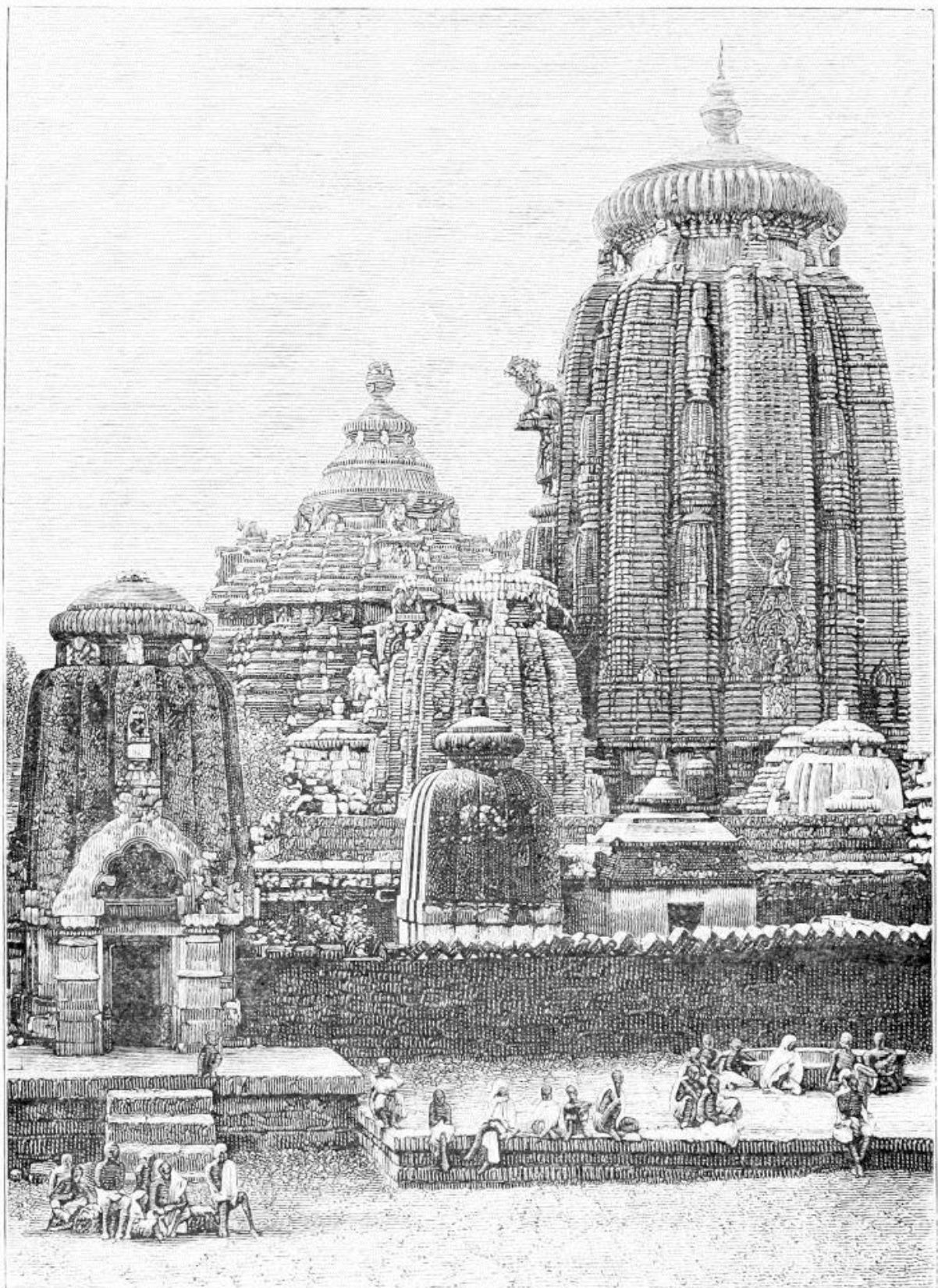

[back](#)

[back](#)

999 View of Great Temple, Bhuvanagaur (From a Photograph.)

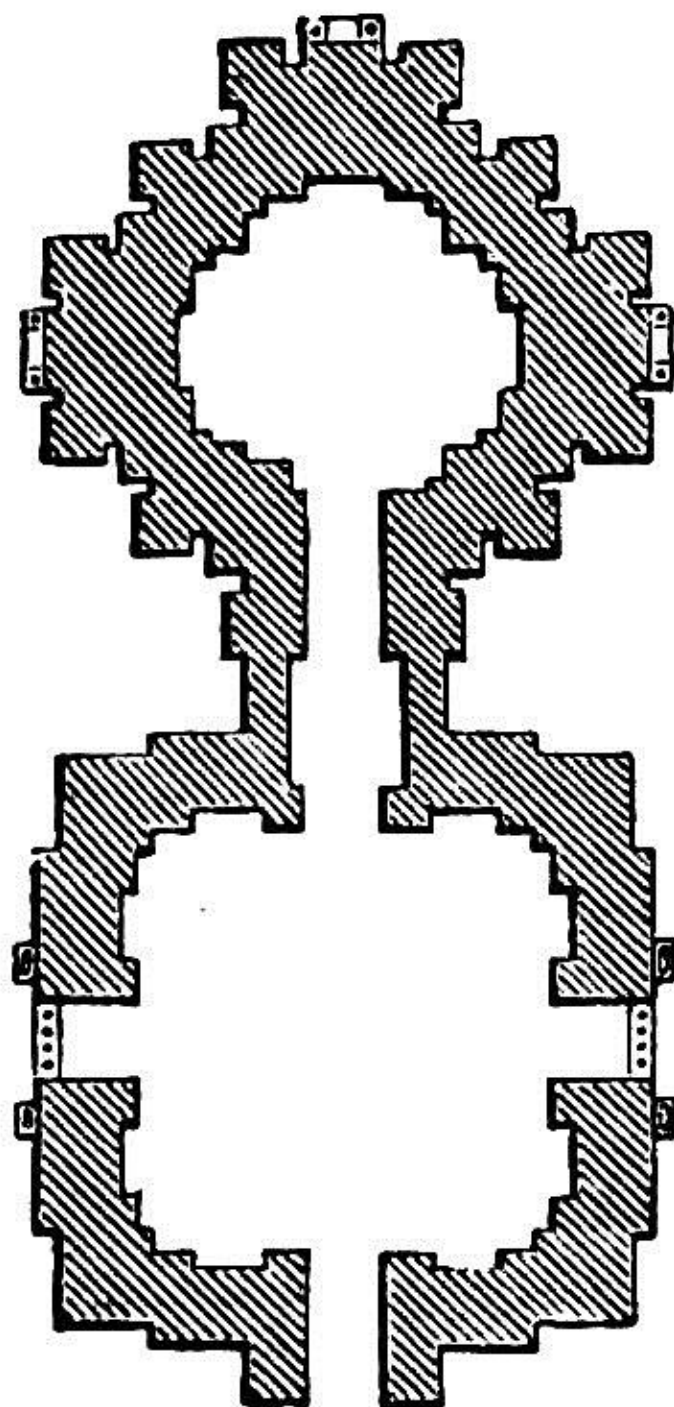
[back](#)

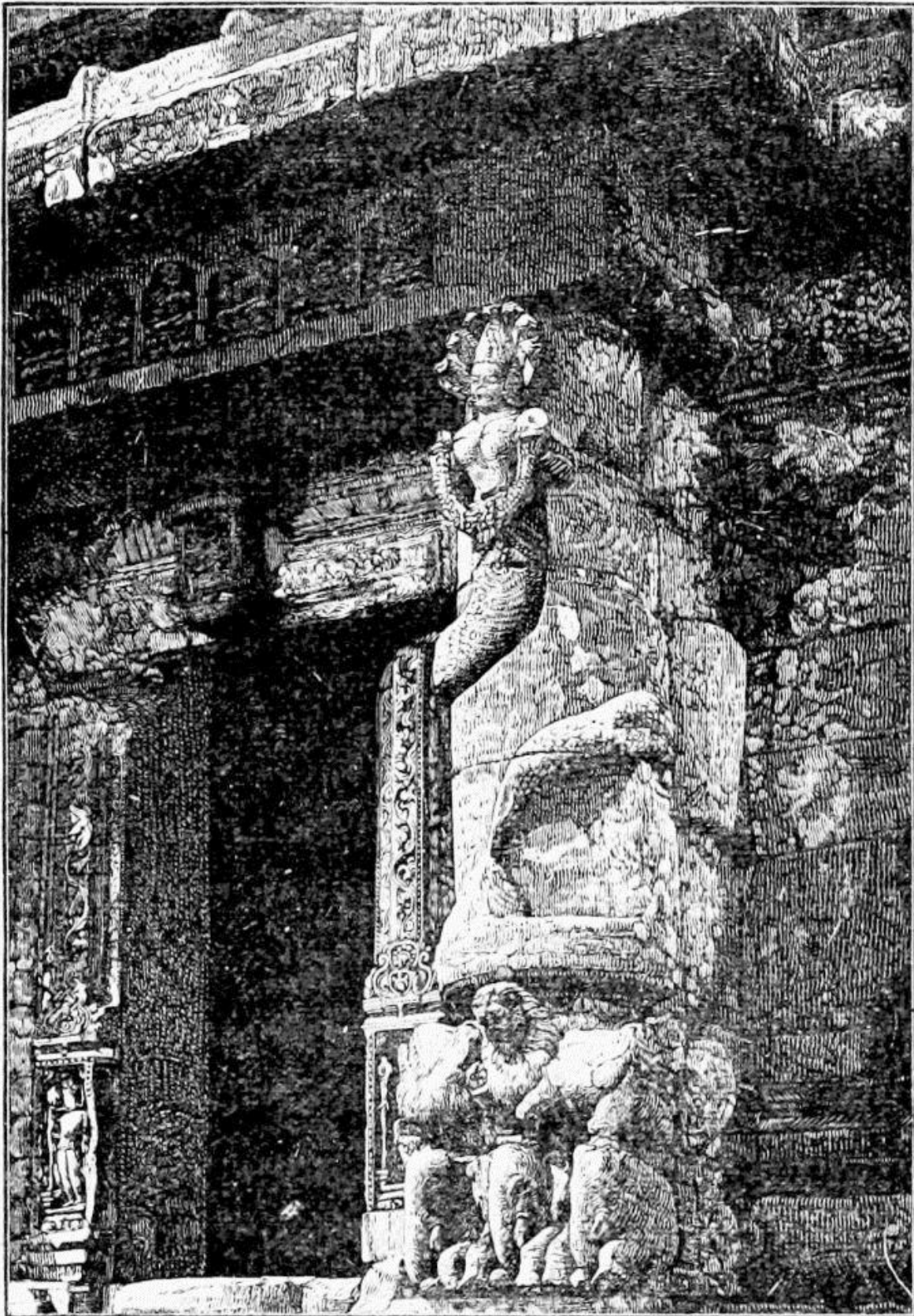

[back](#)

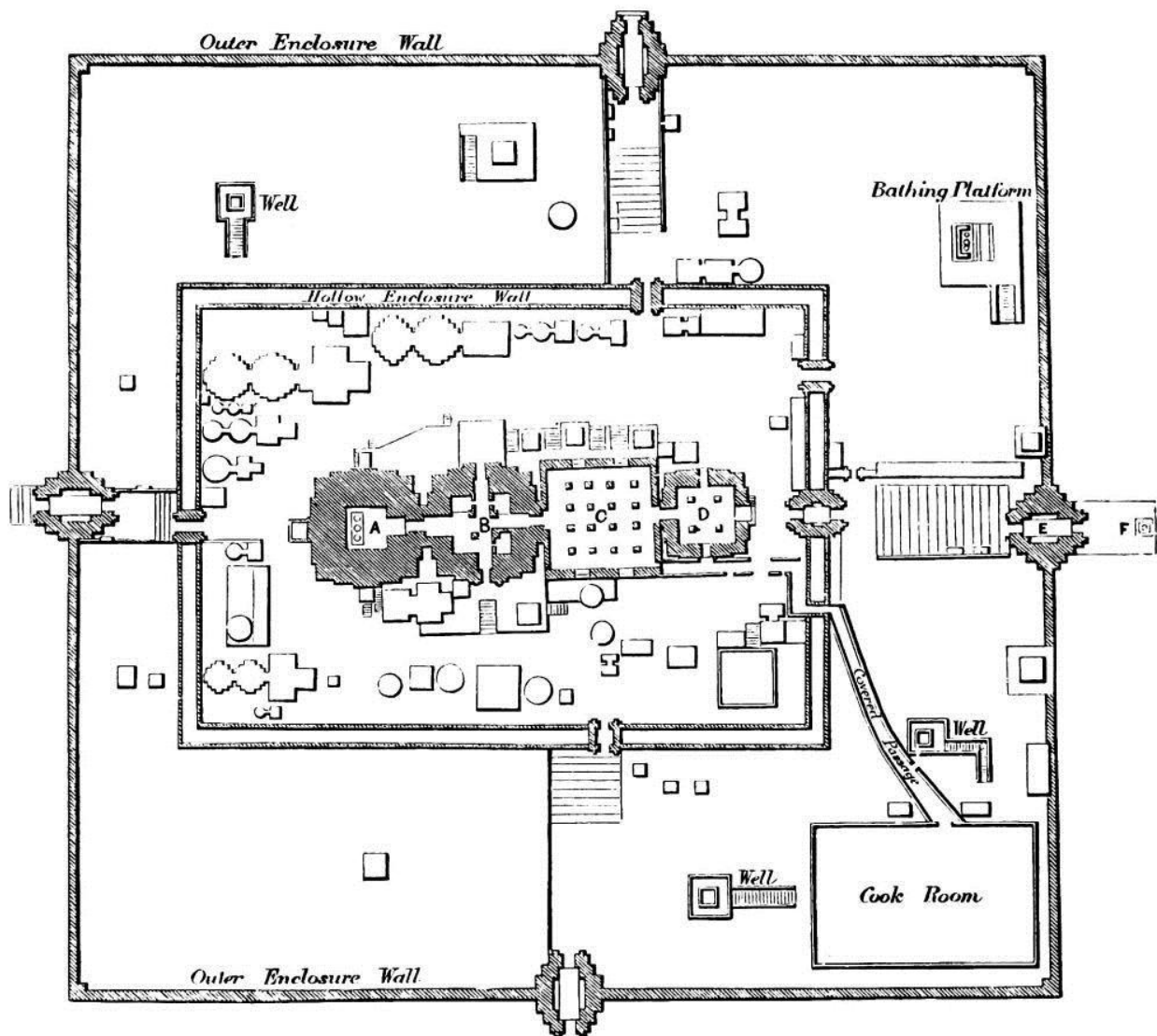

[back](#)

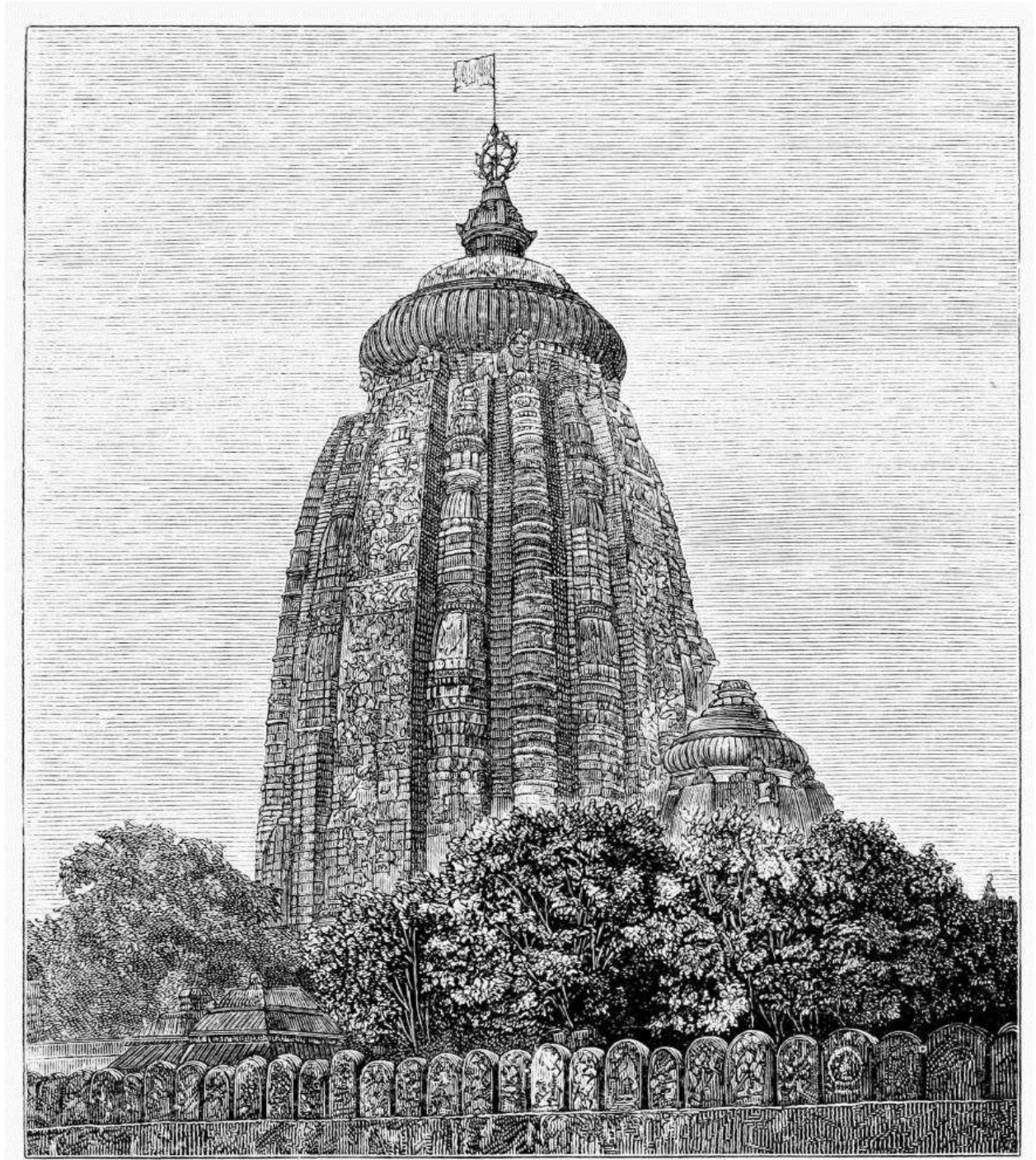
[back](#)

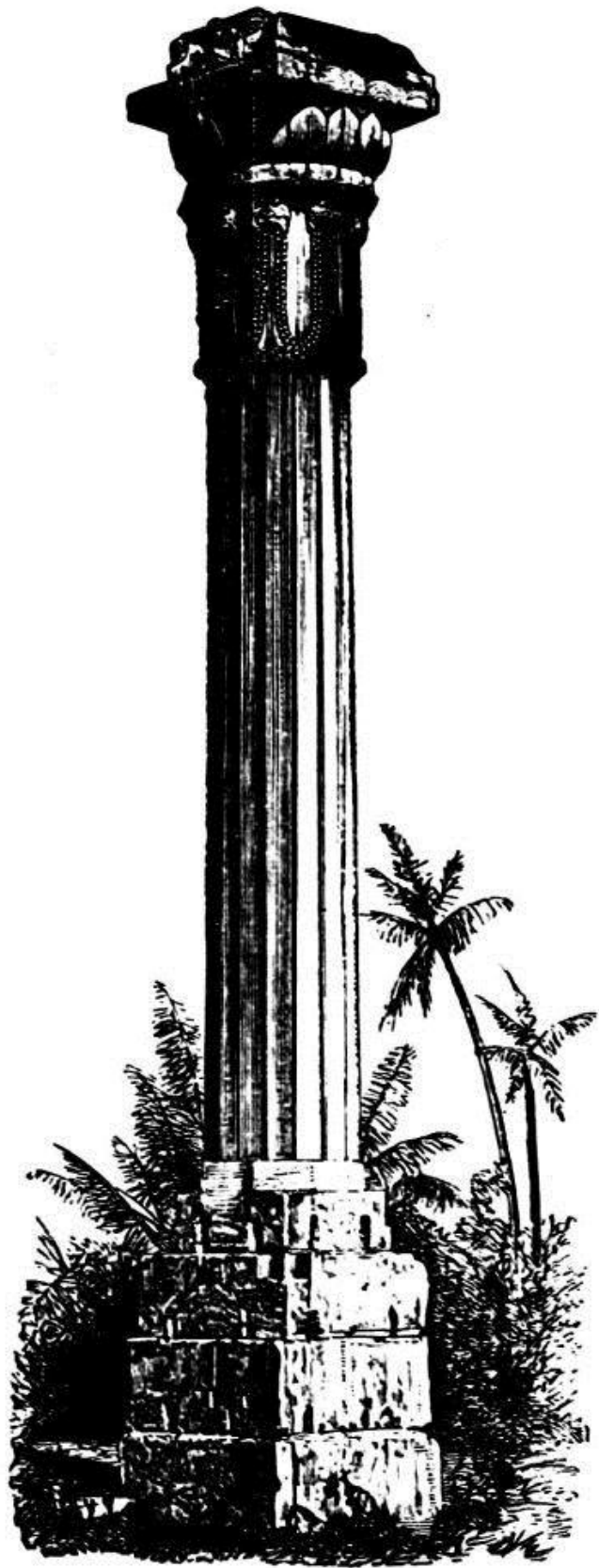
Scale 200 f^t to the Inch

[back](#)

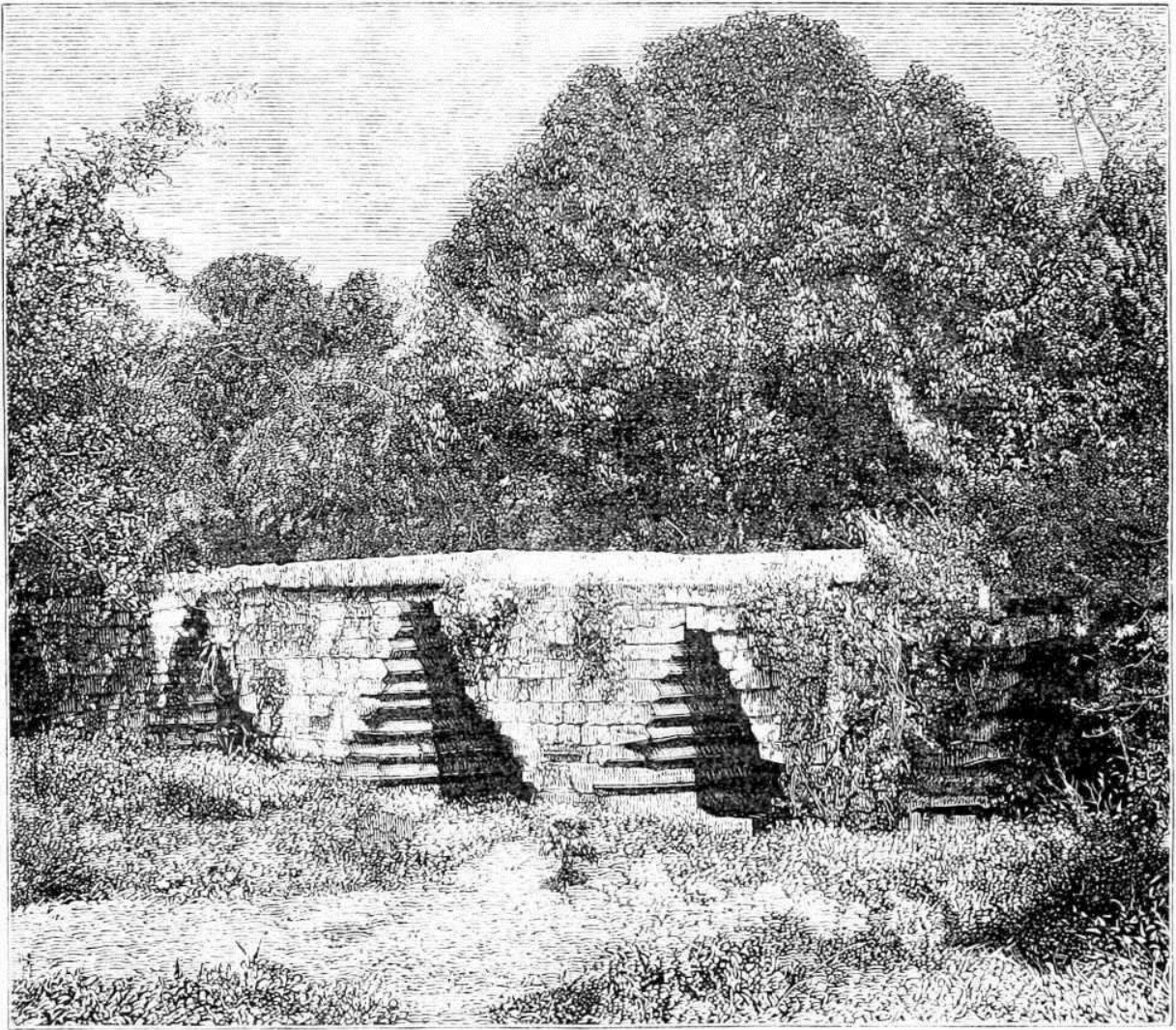

[back](#)

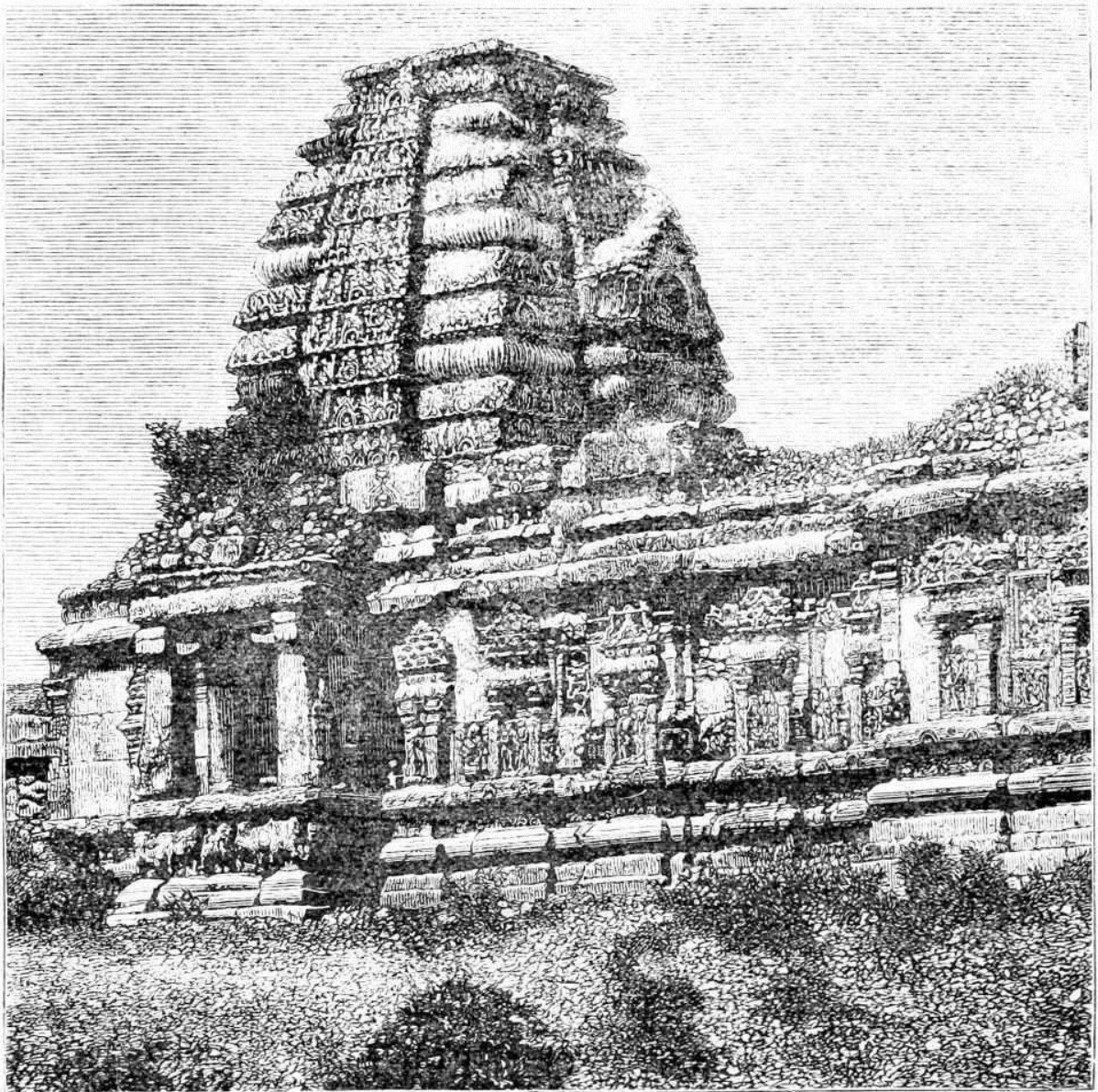

[back](#)

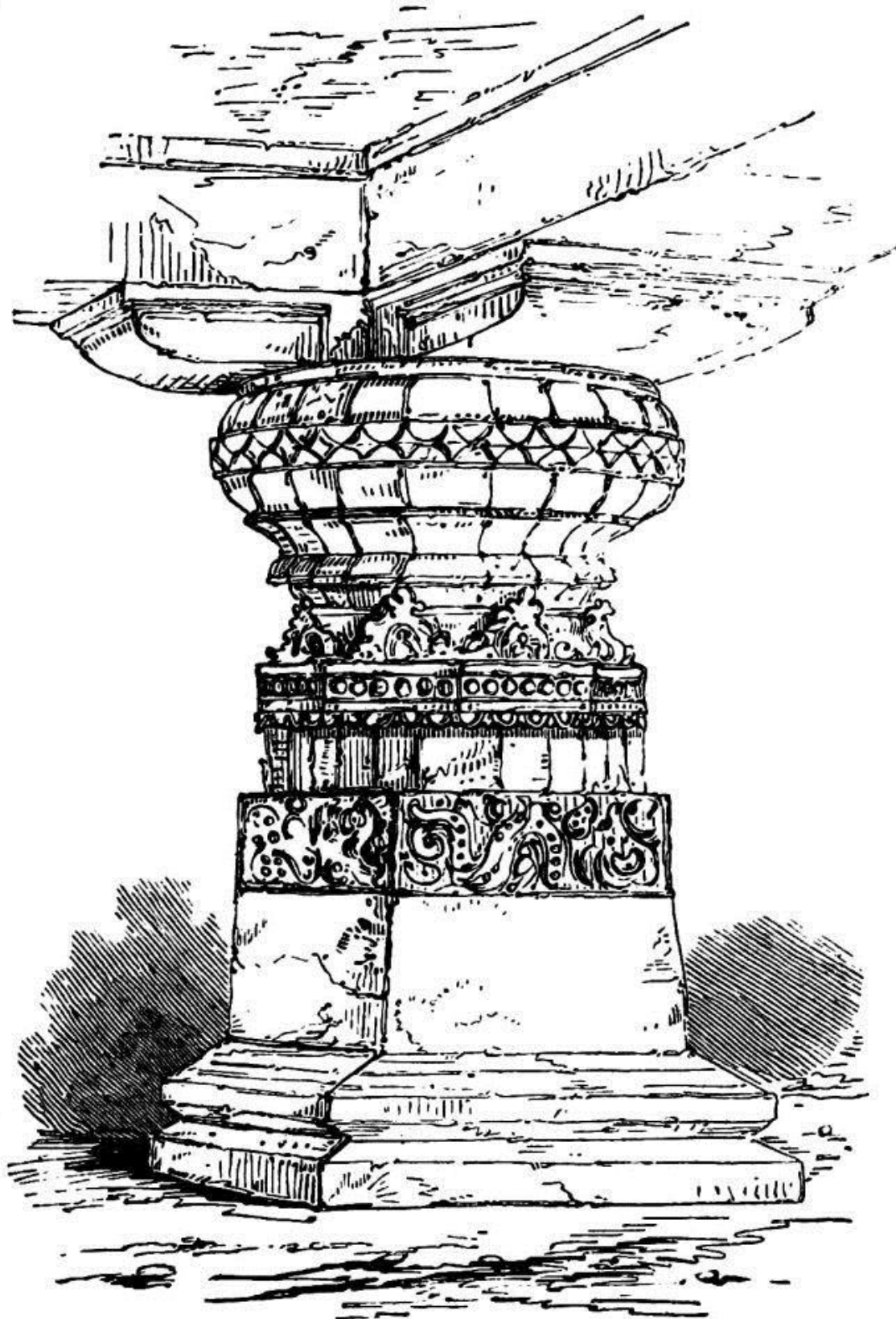

[back](#)

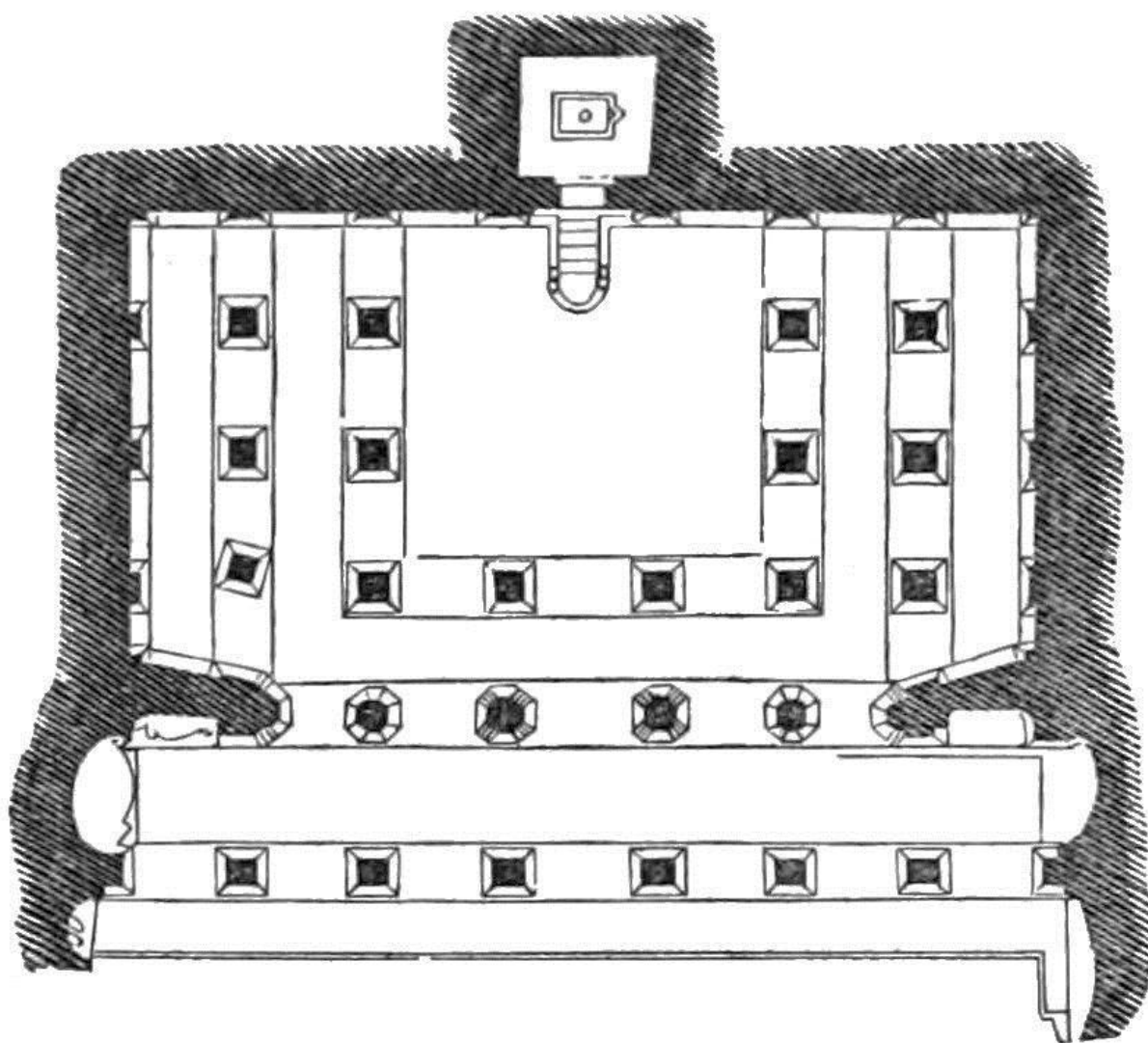

[back](#)

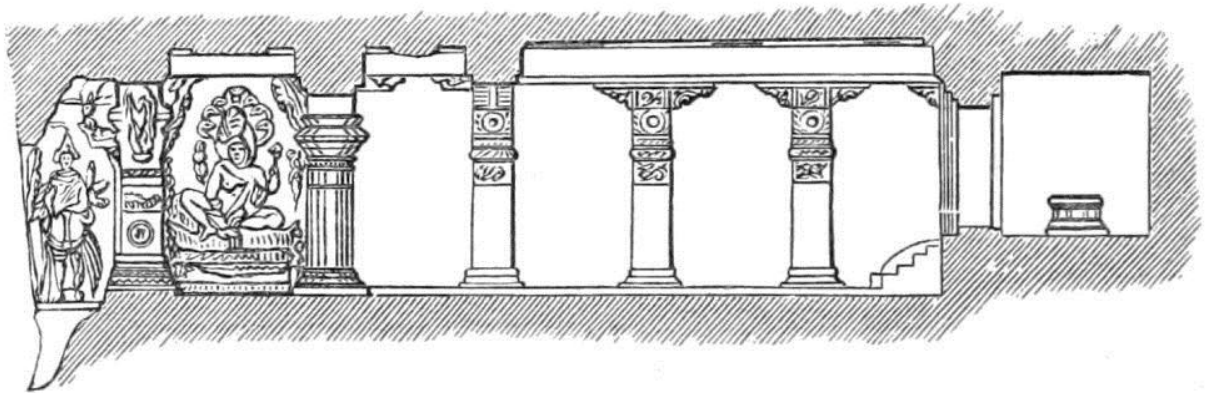

[back](#)

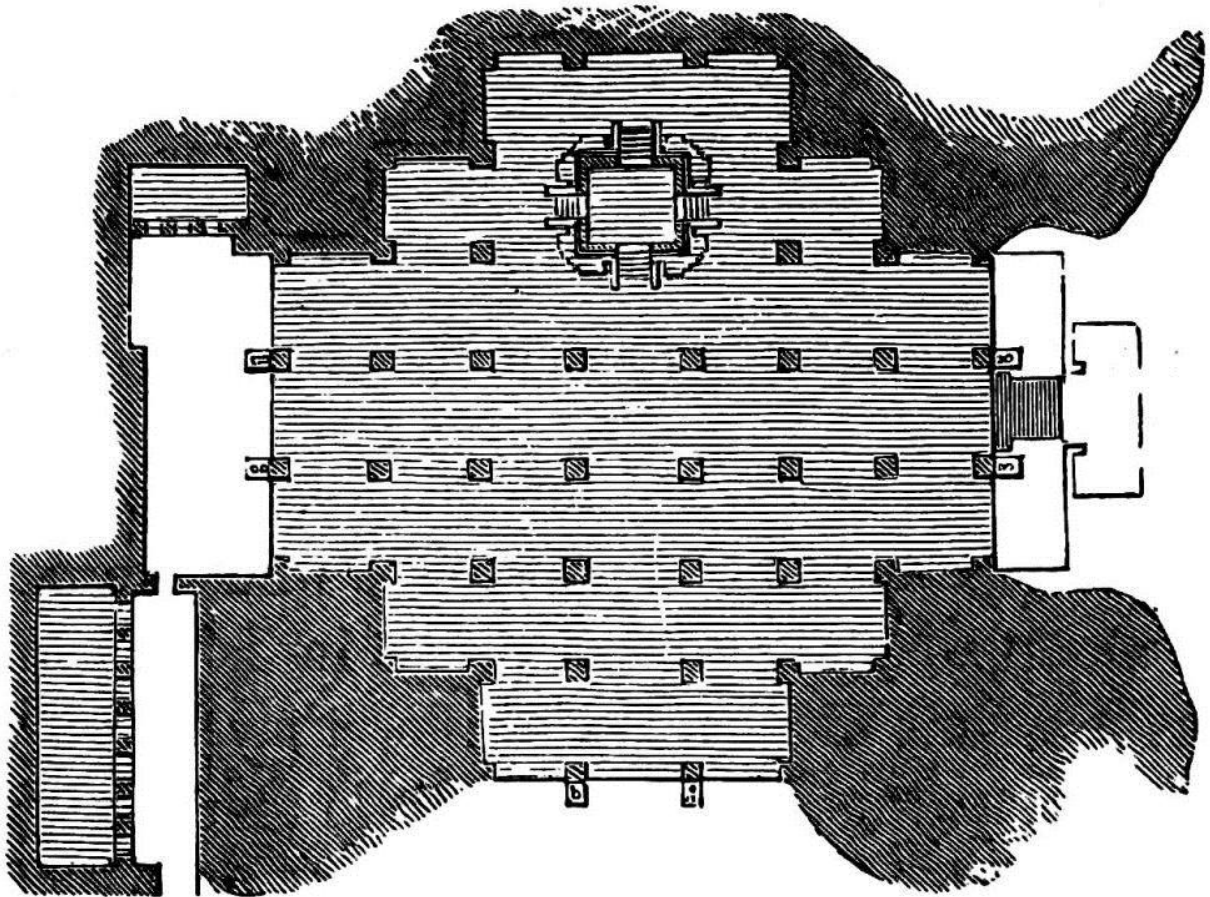

[back](#)

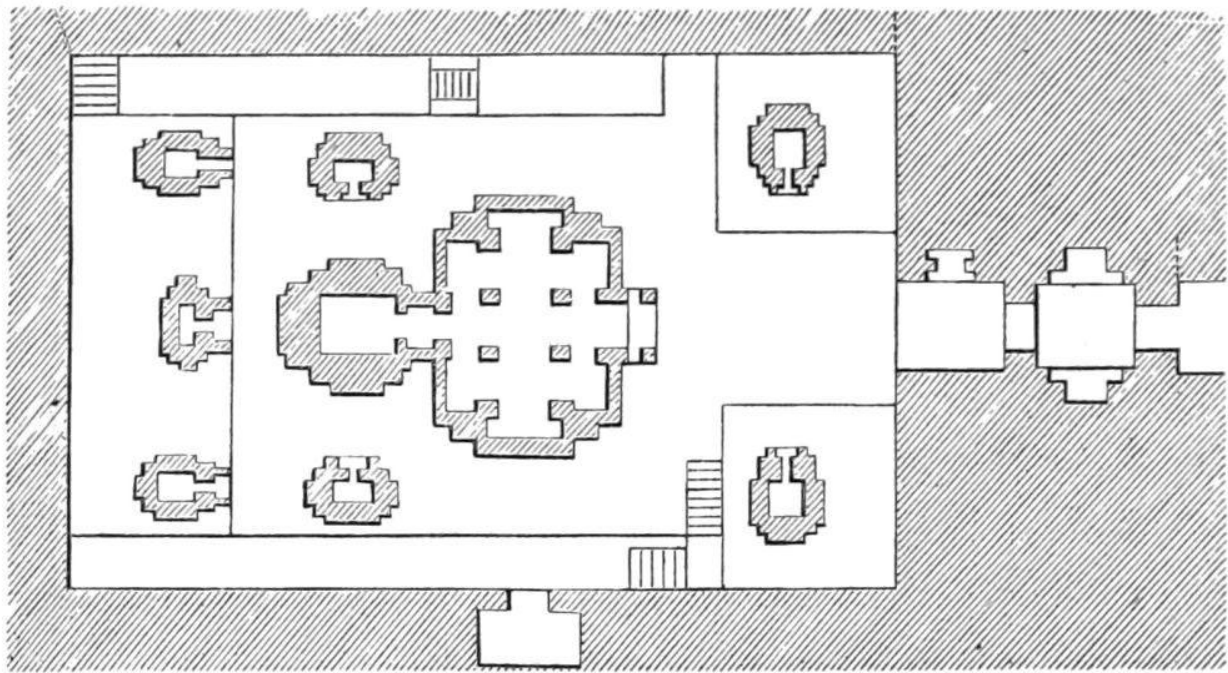

[back](#)

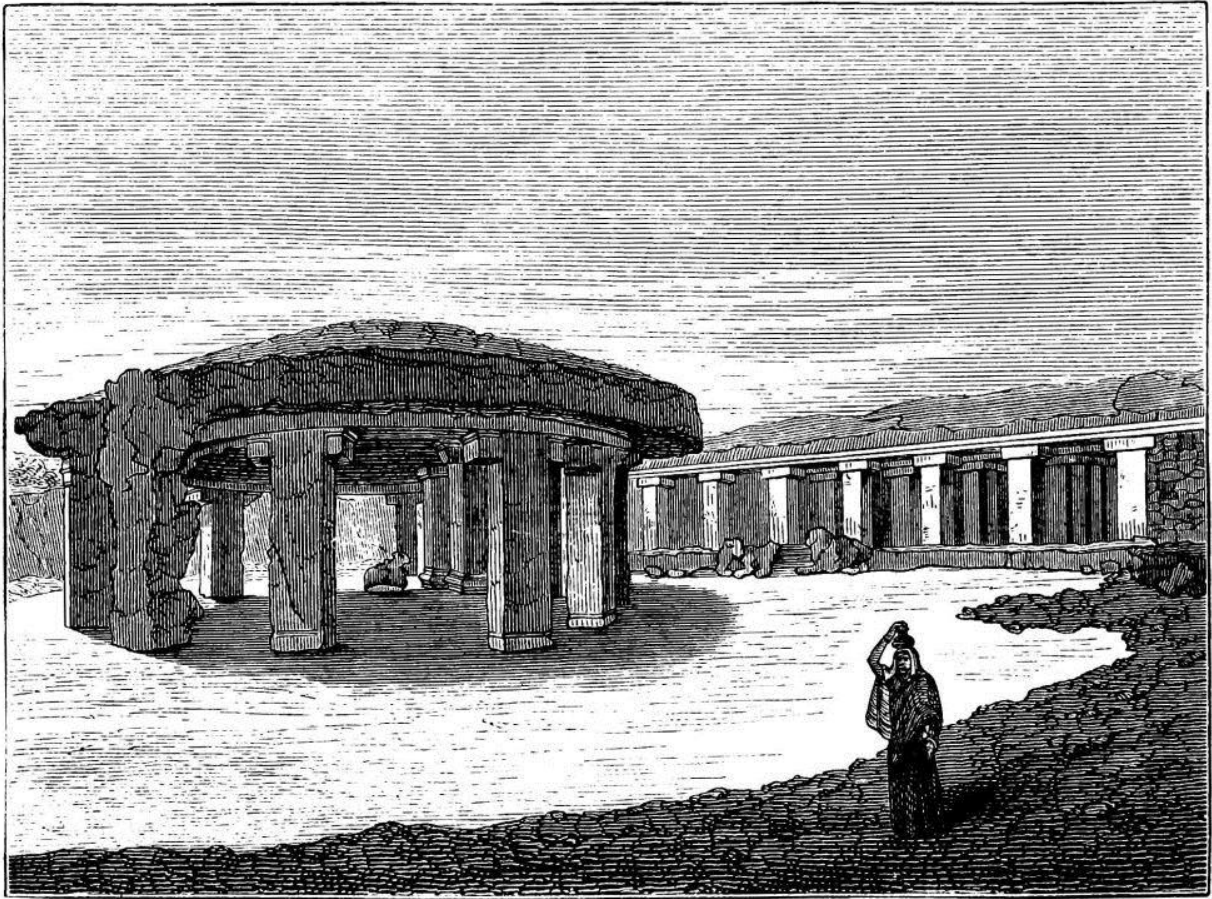

[back](#)

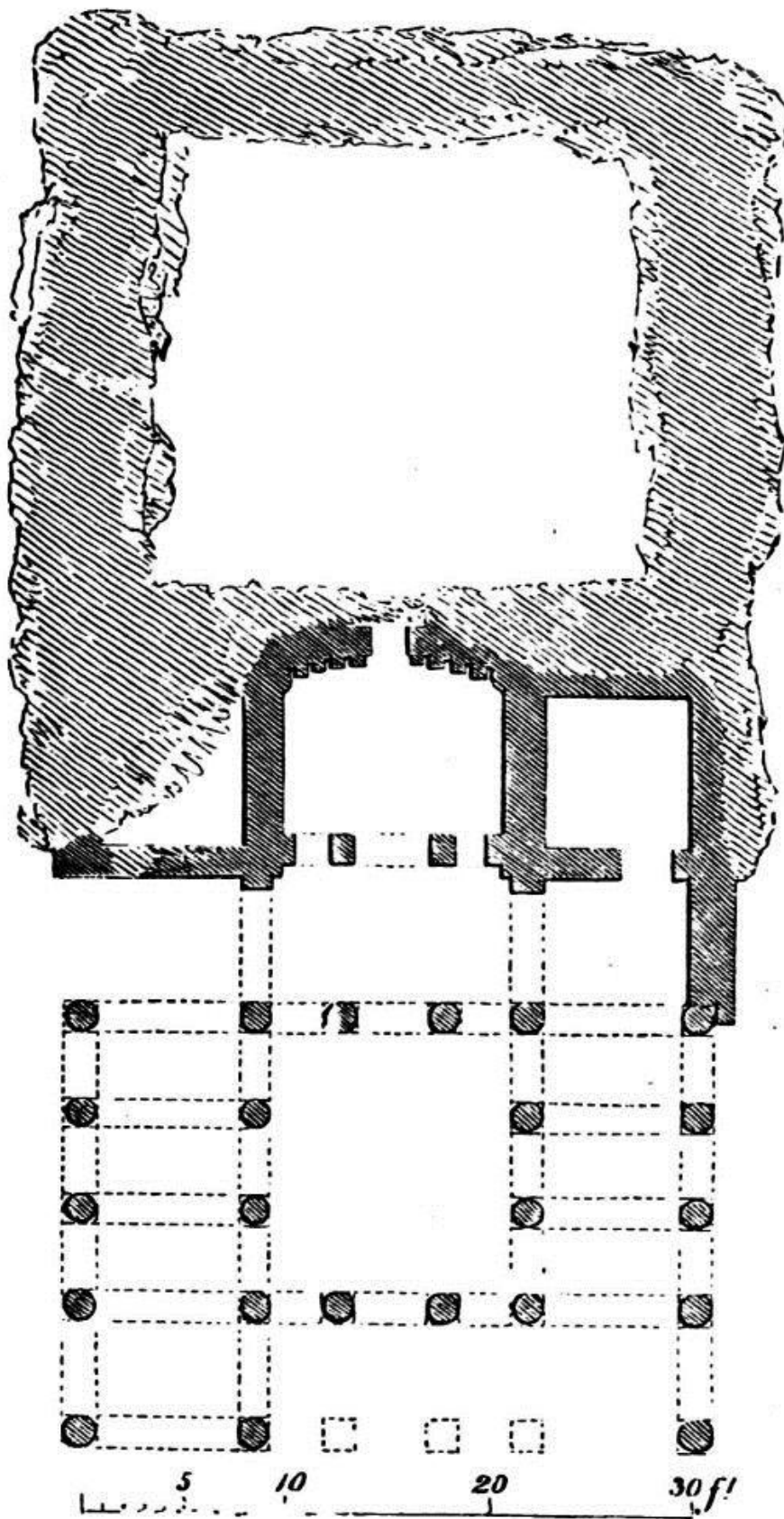

[back](#)

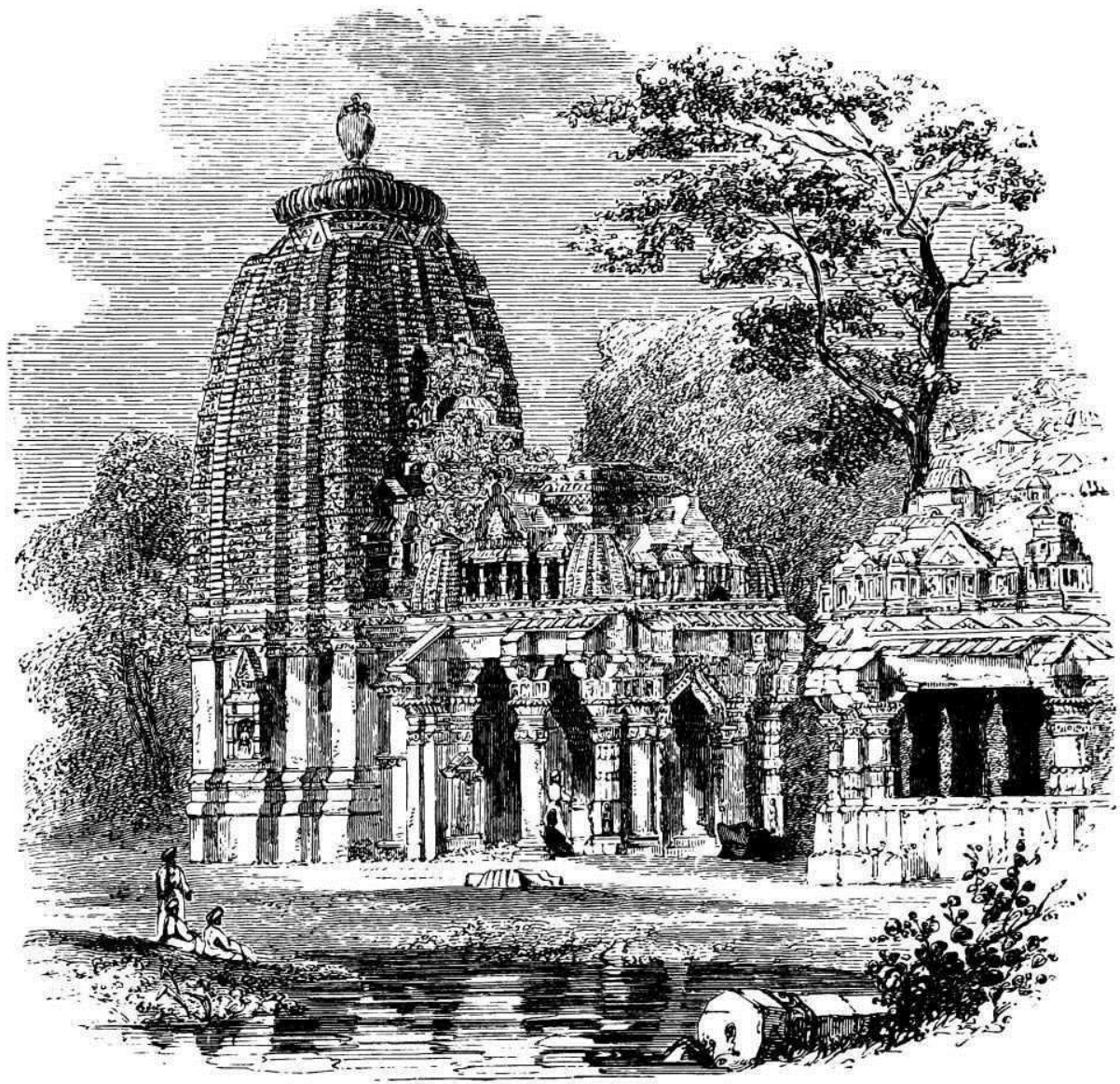

[back](#)

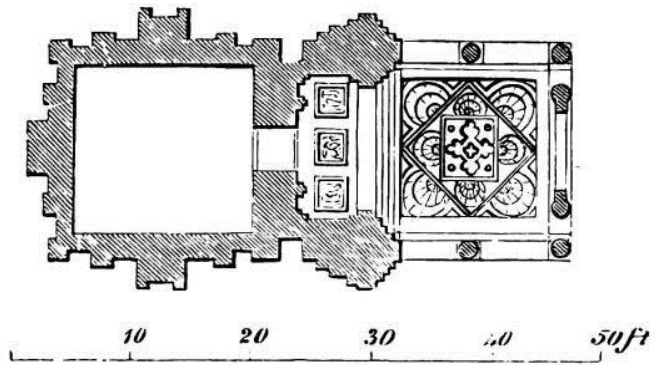

[back](#)

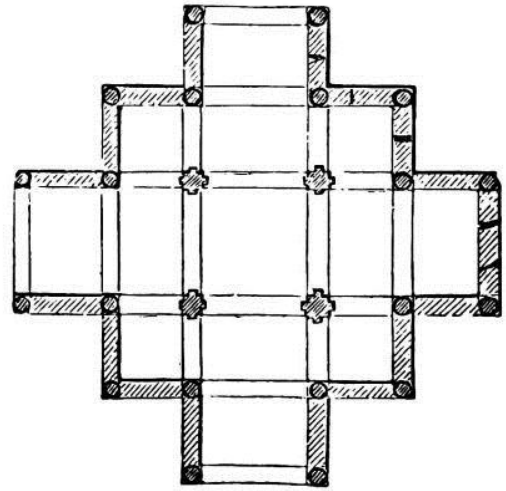

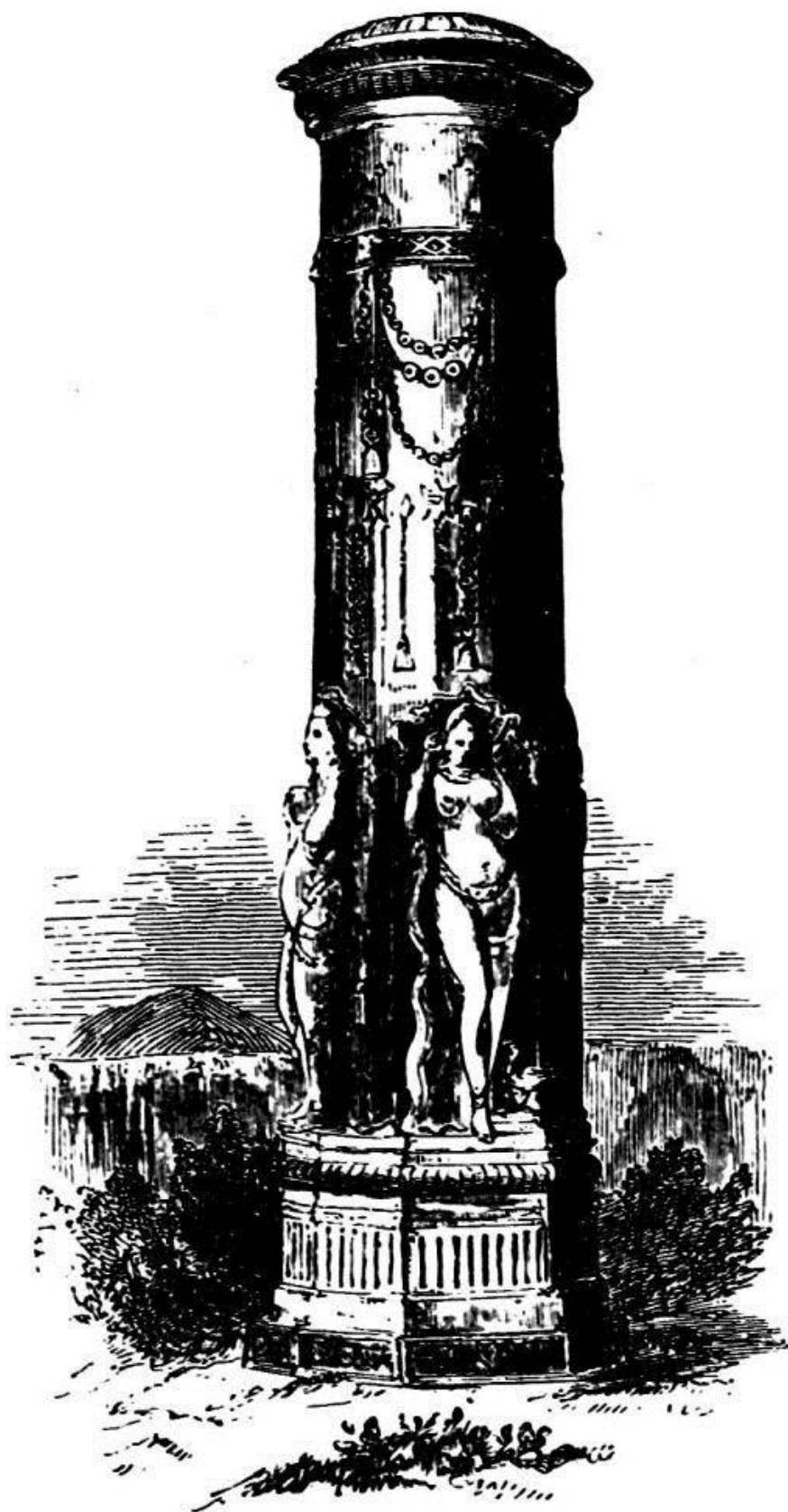
[back](#)

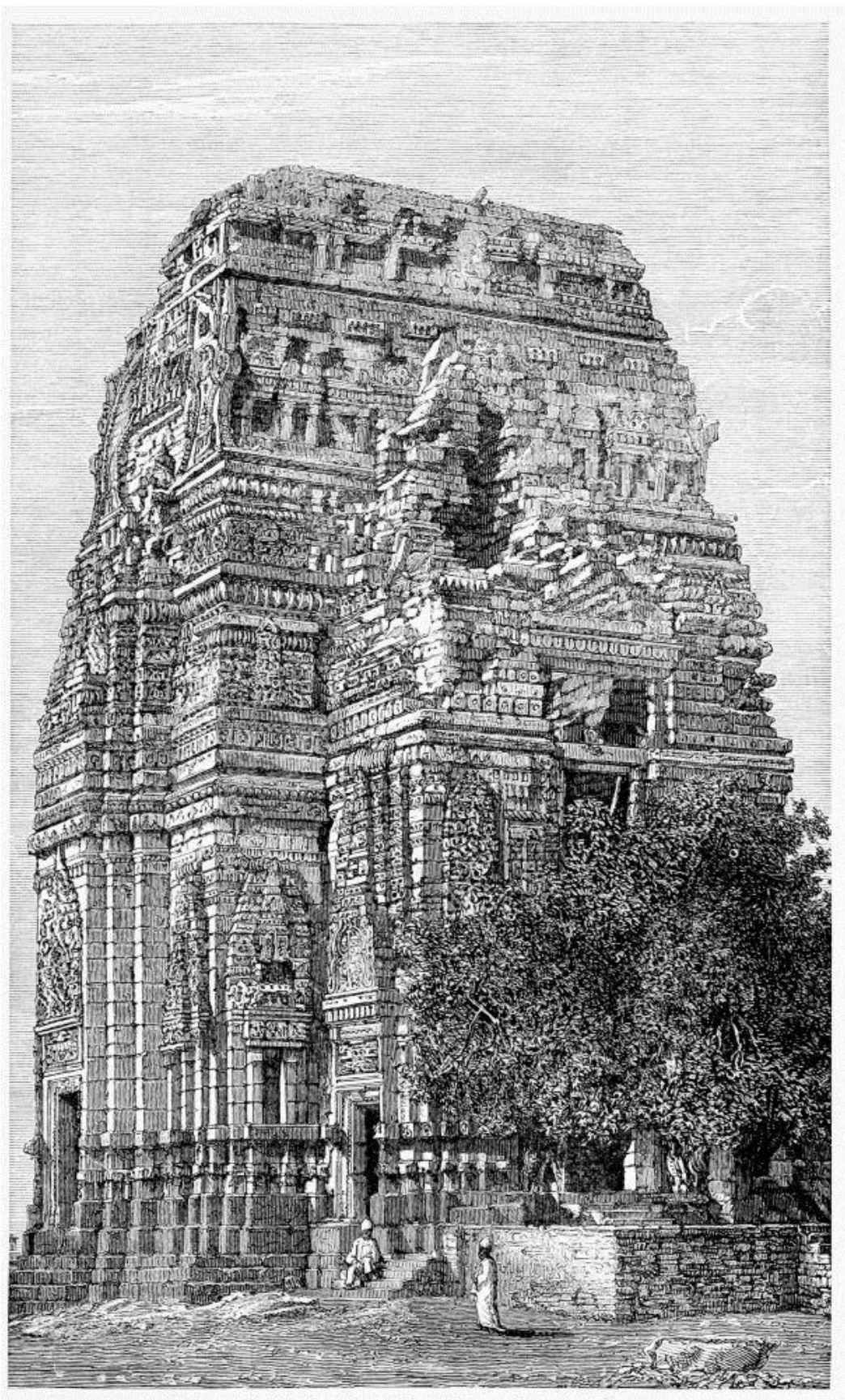
[back](#)

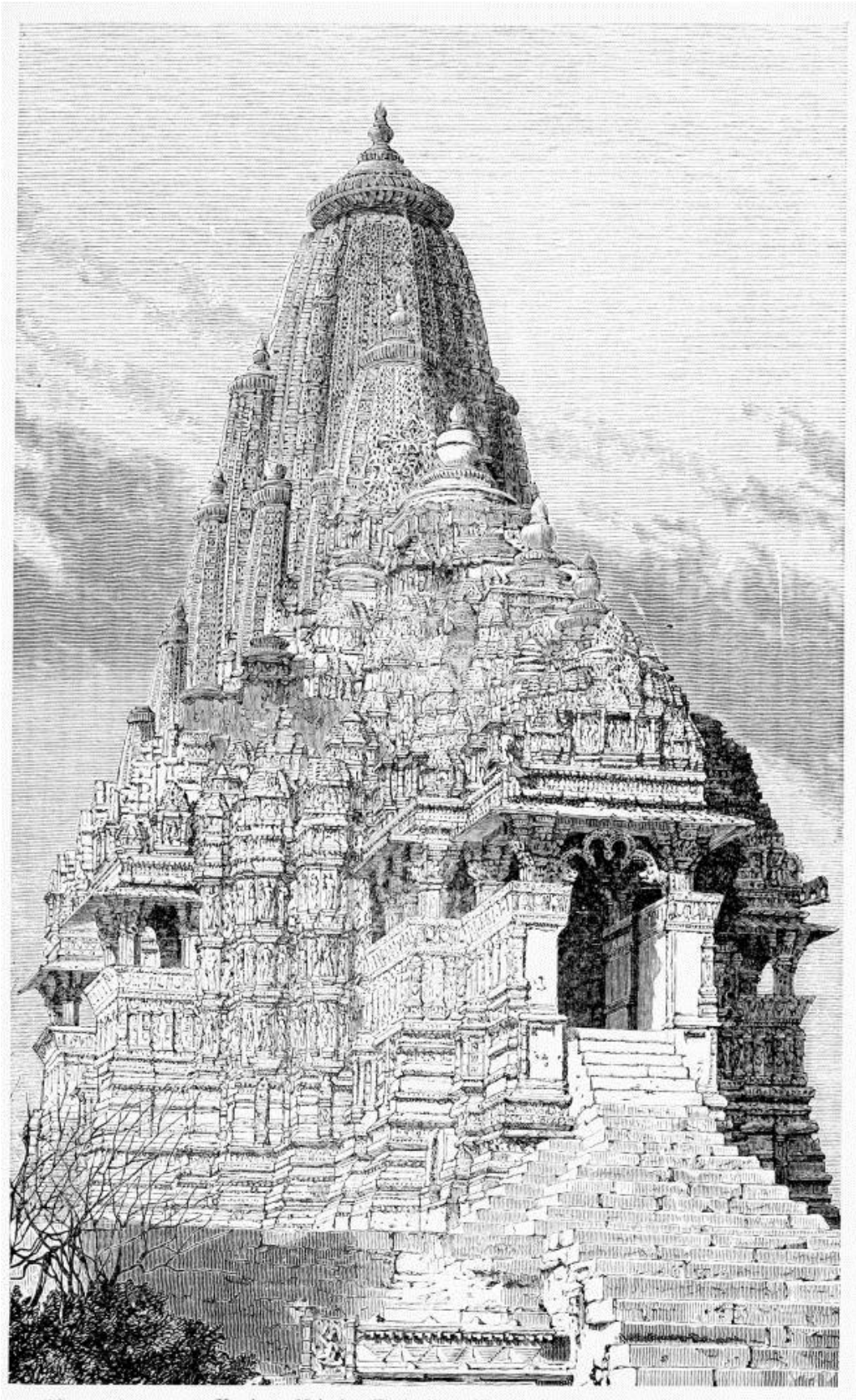

[back](#)

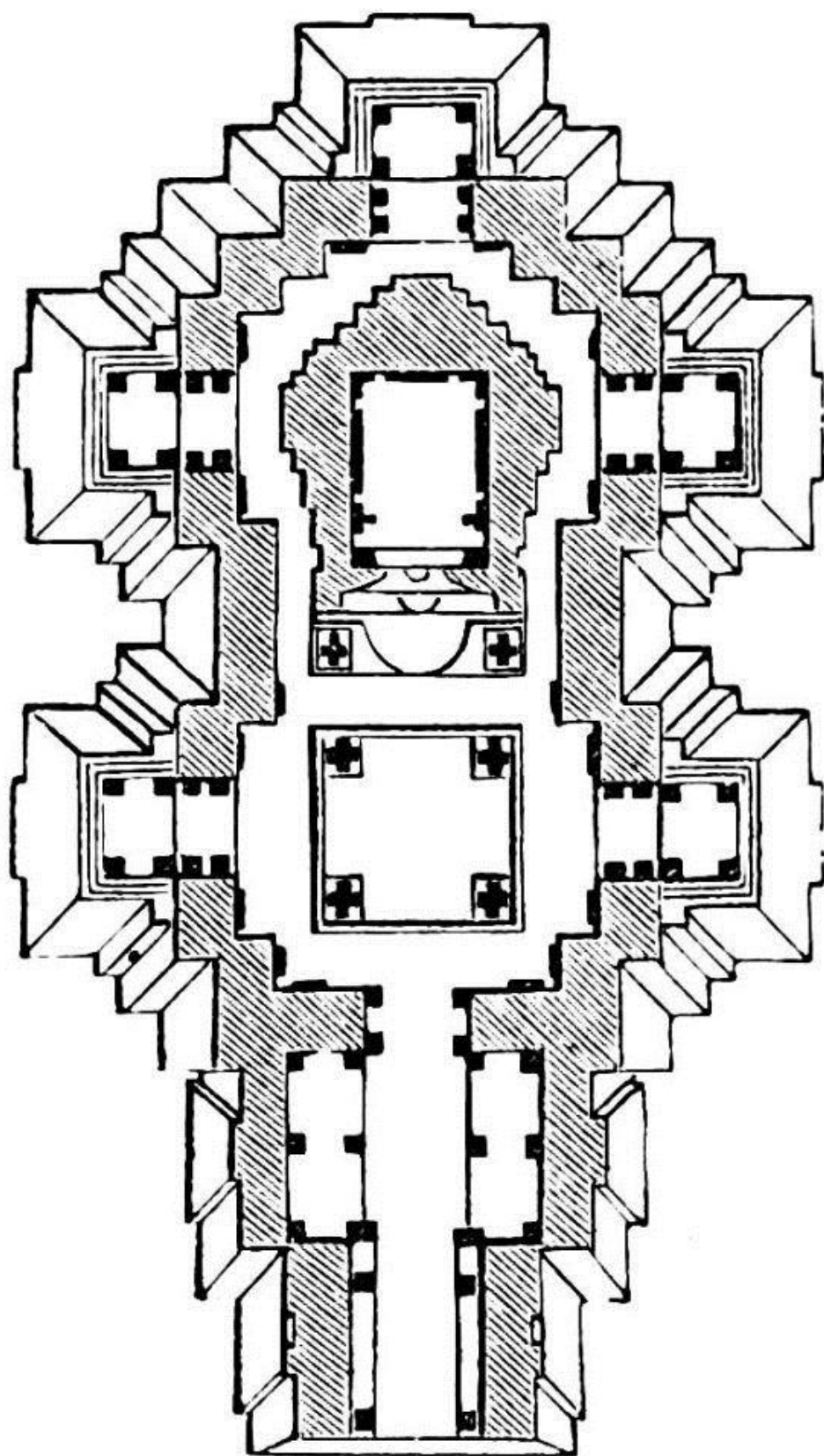

[back](#)

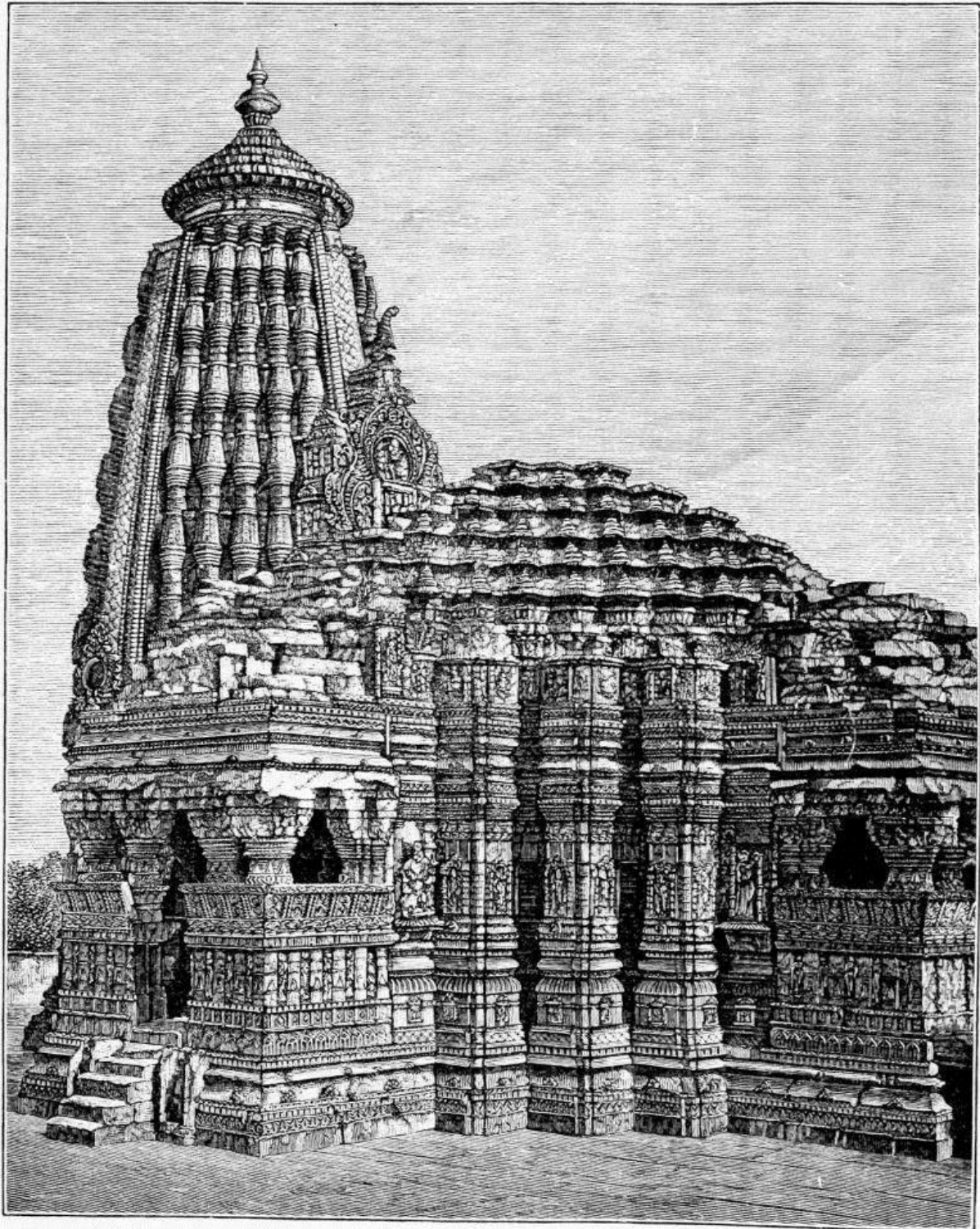

[back](#)

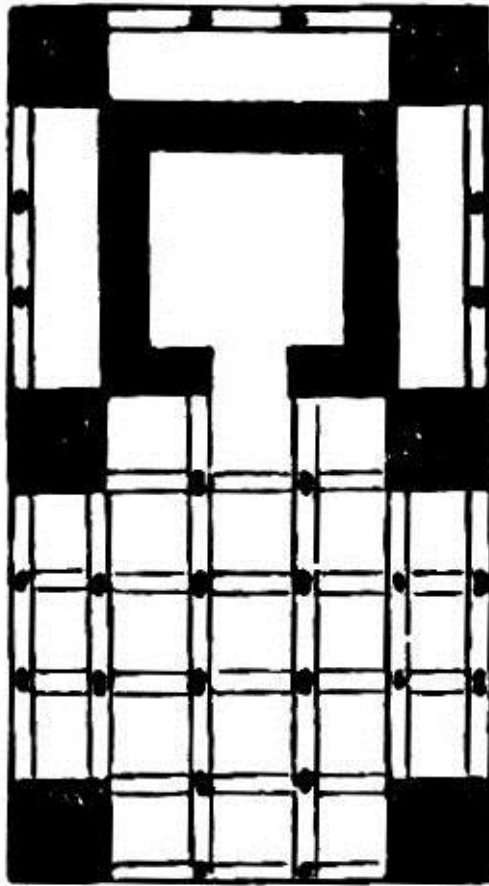

[back](#)

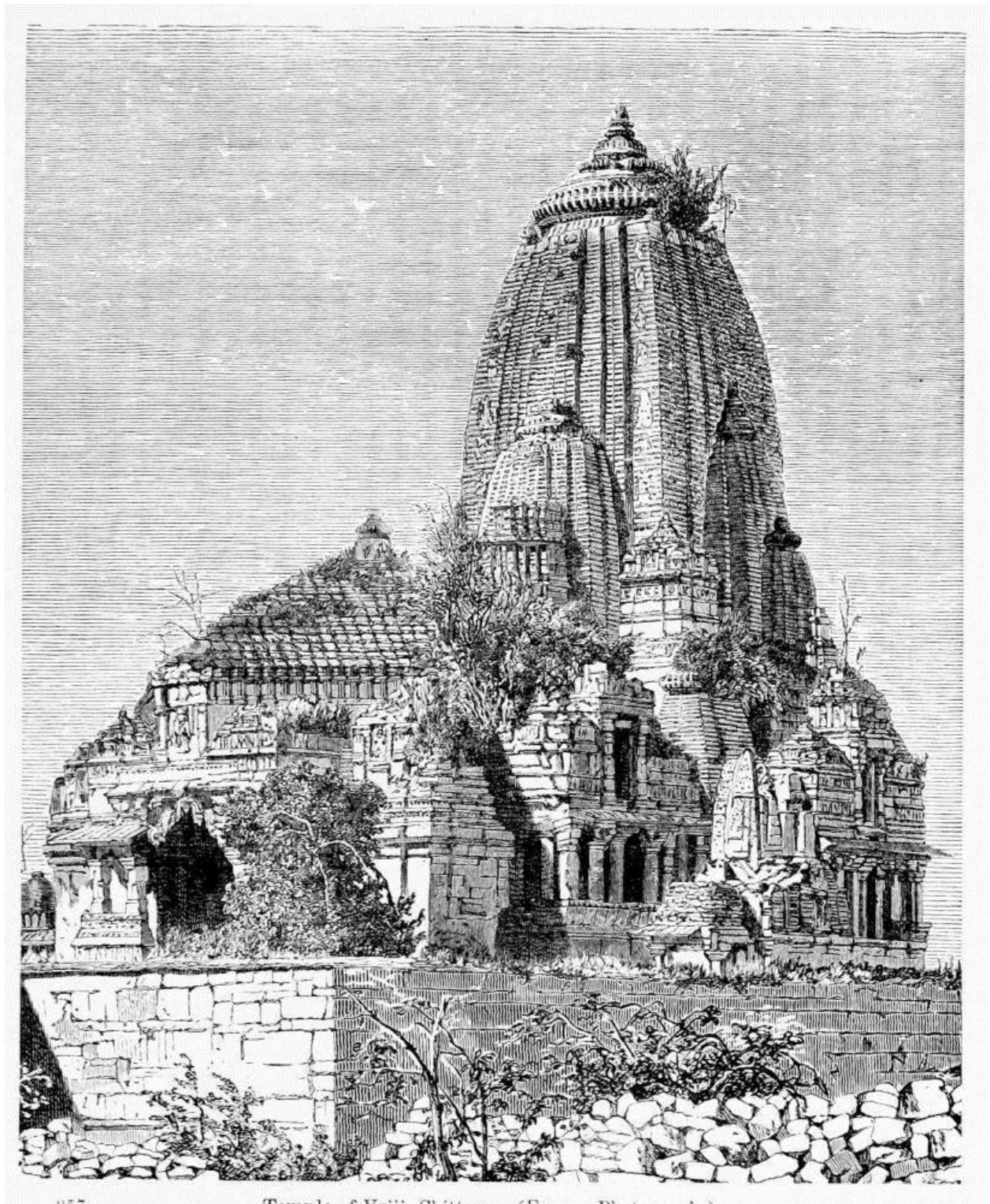

[back](#)

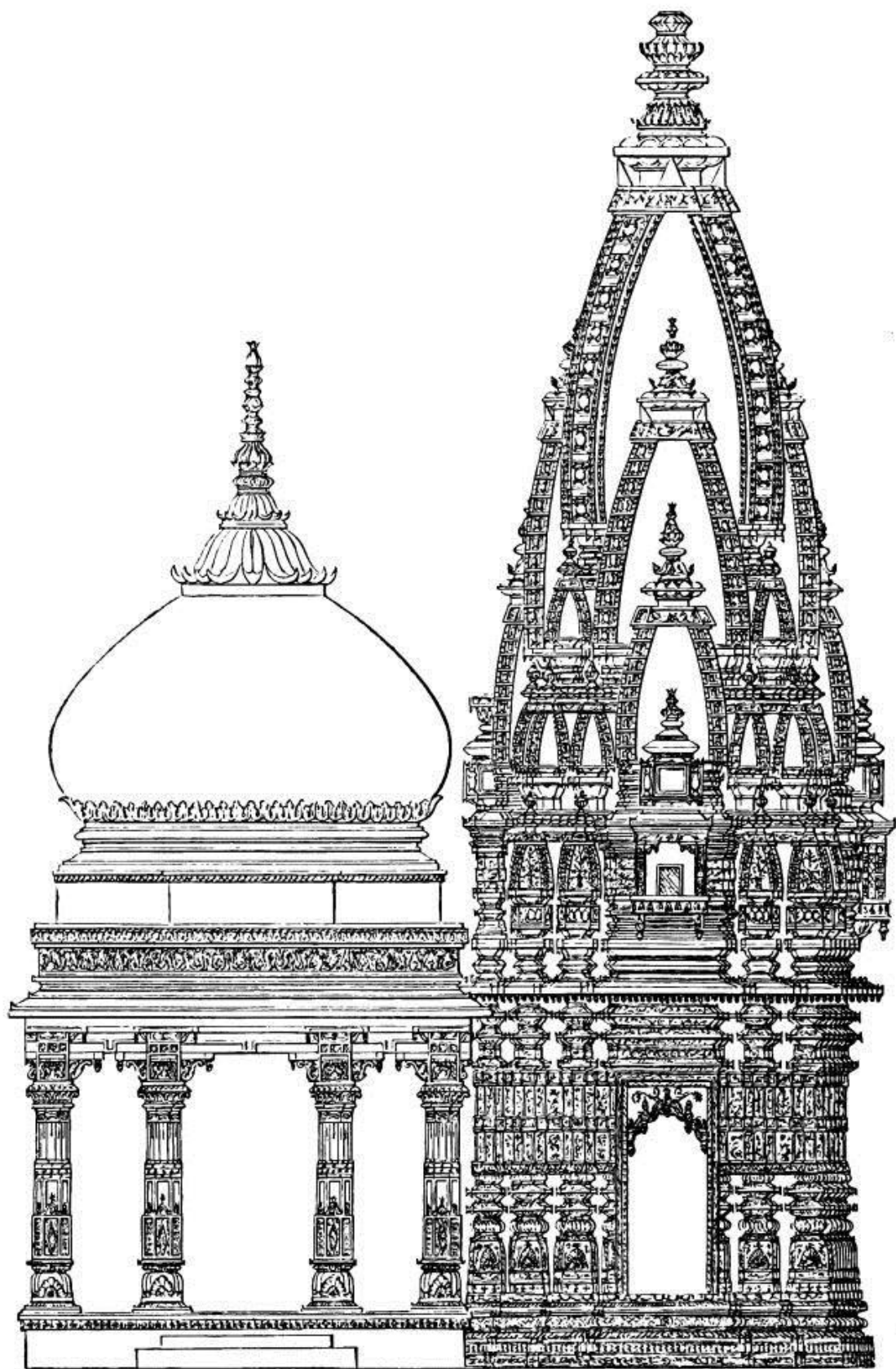
[back](#)

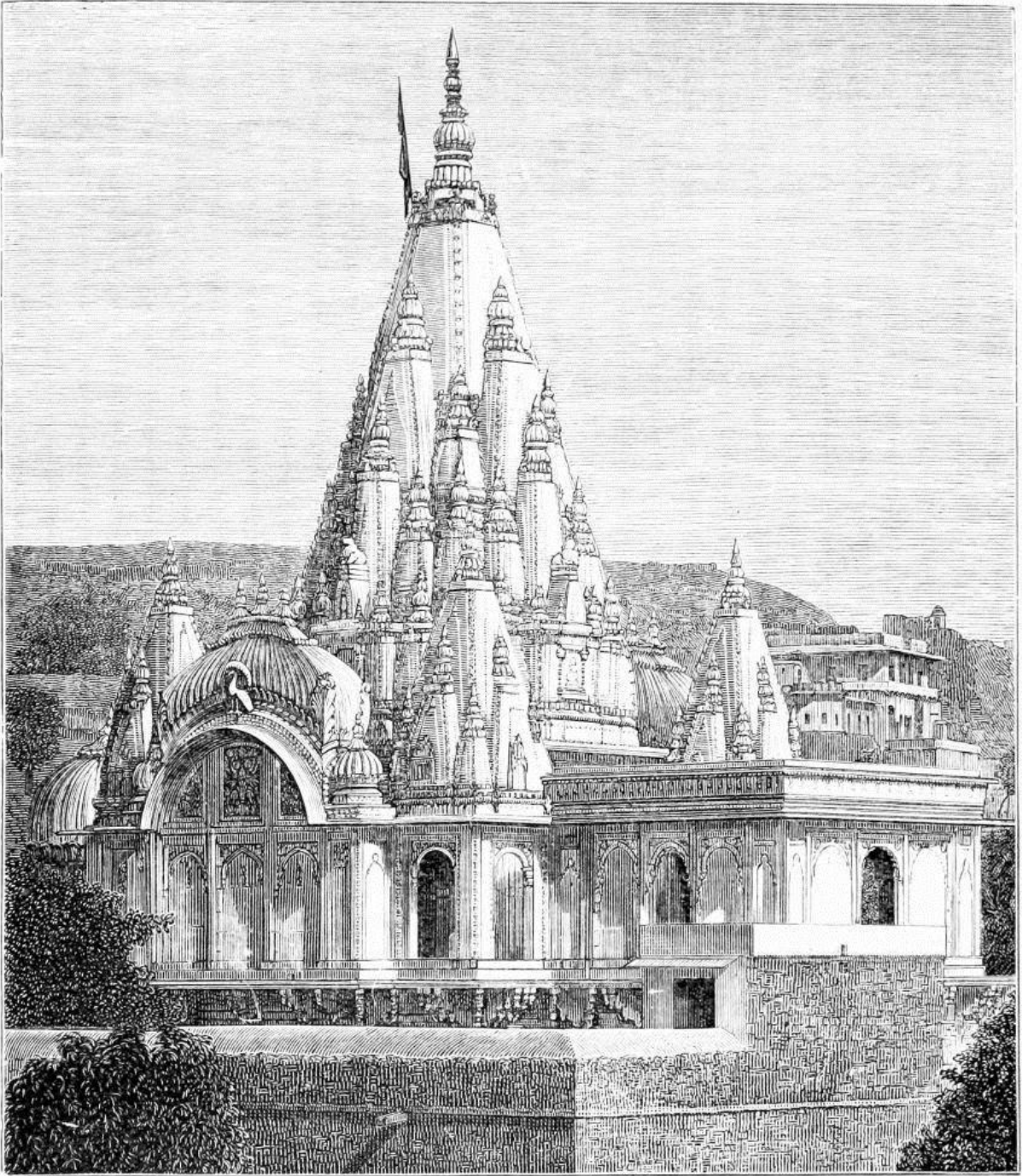
[back](#)

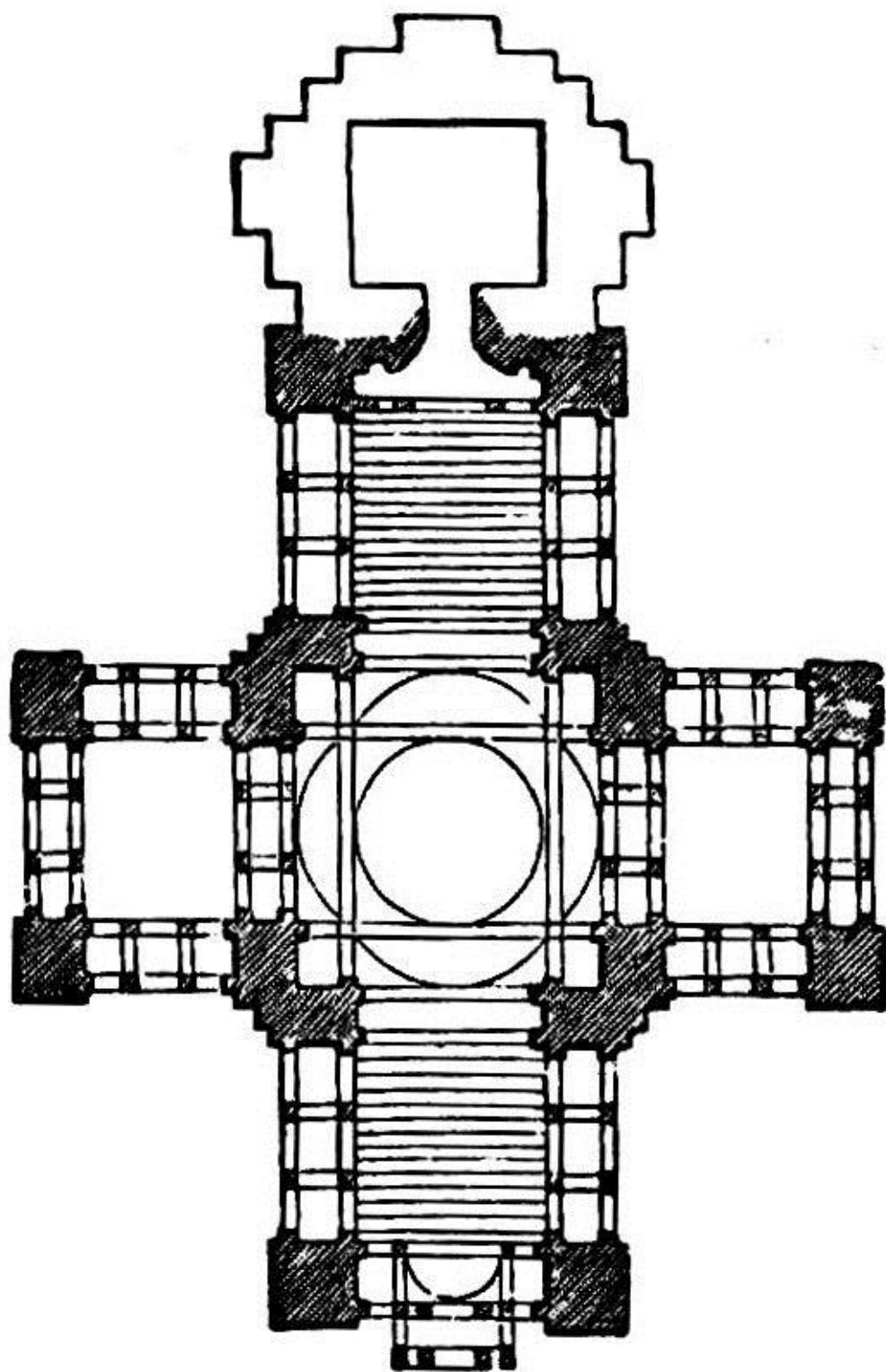

[back](#)

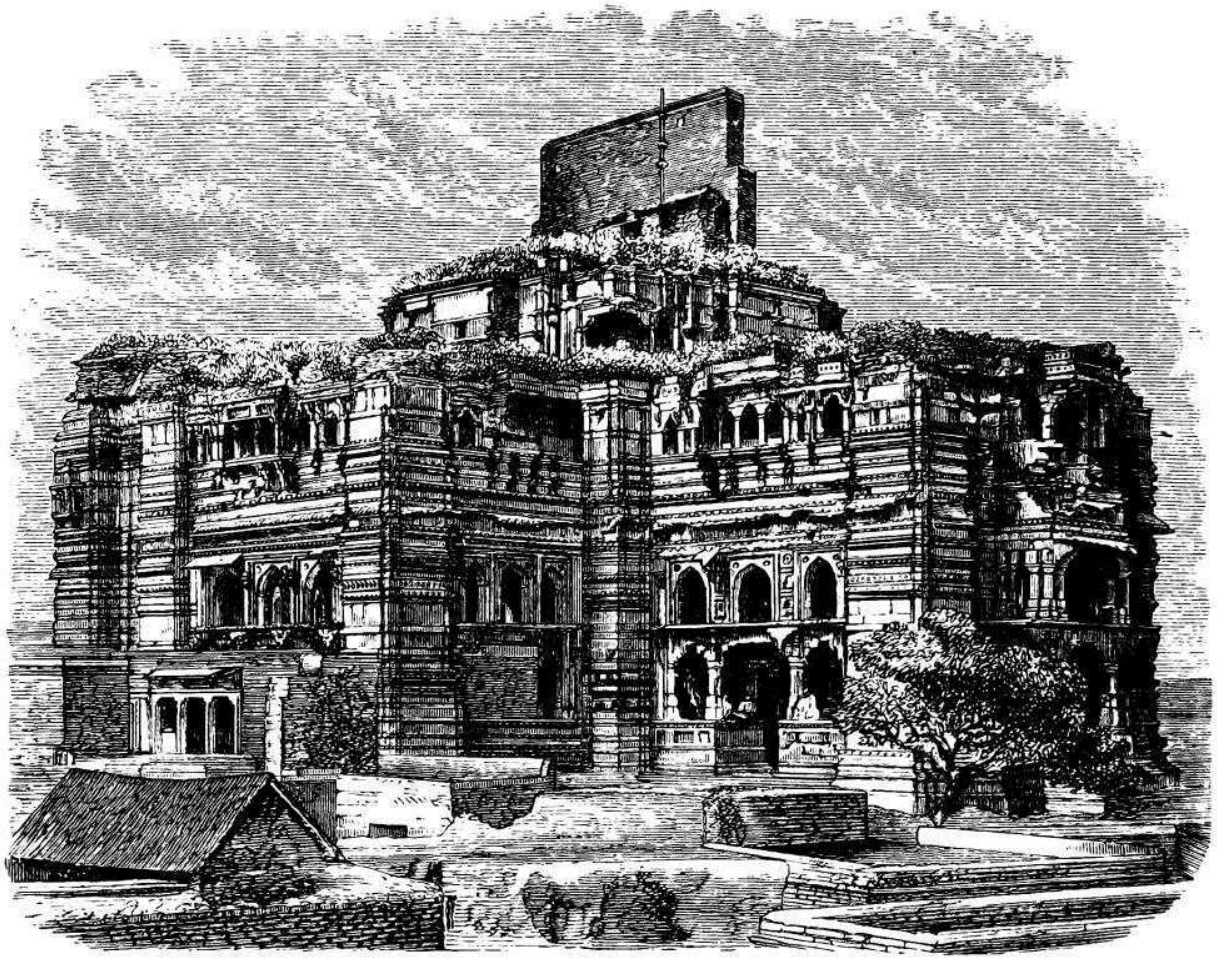

[back](#)

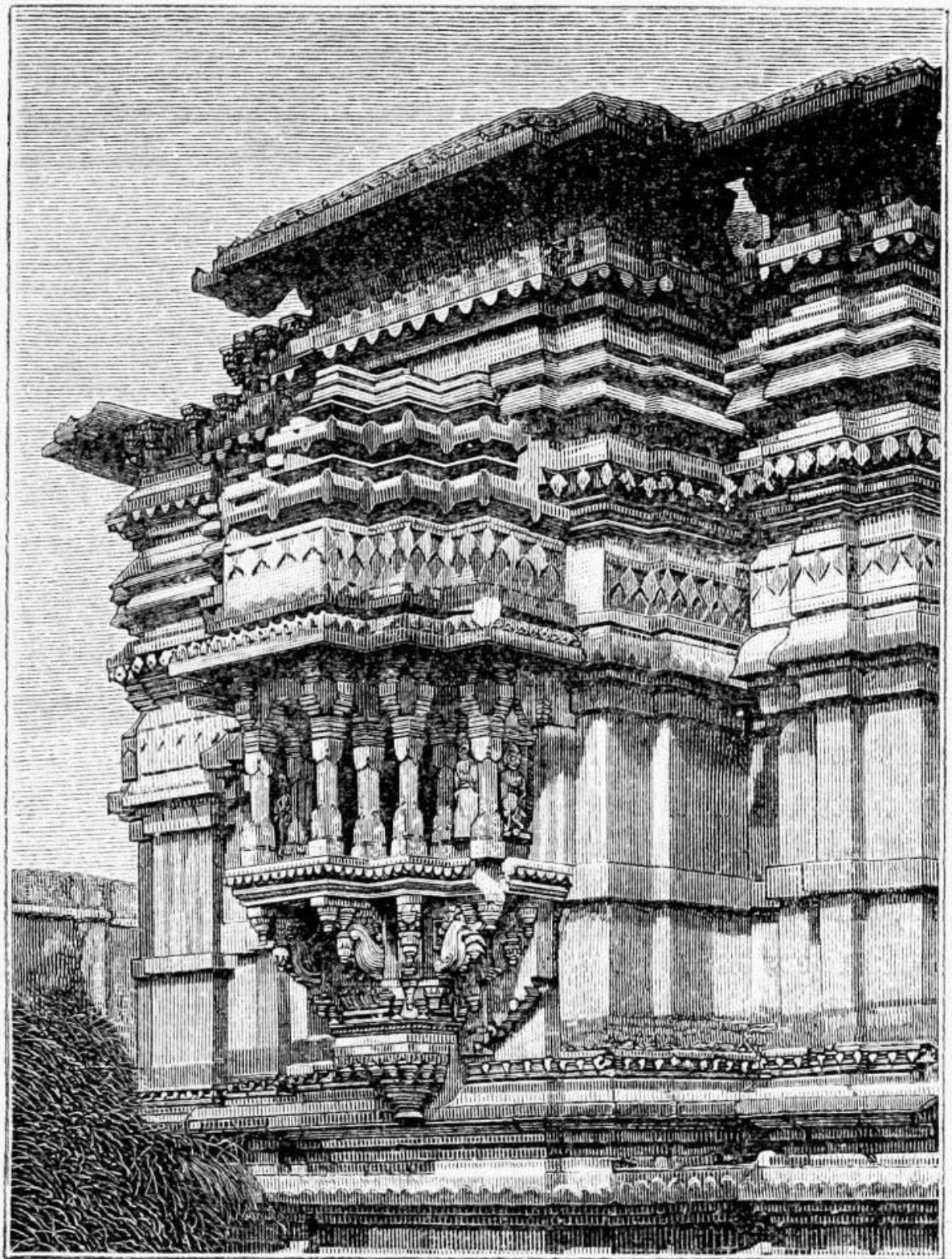
[back](#)

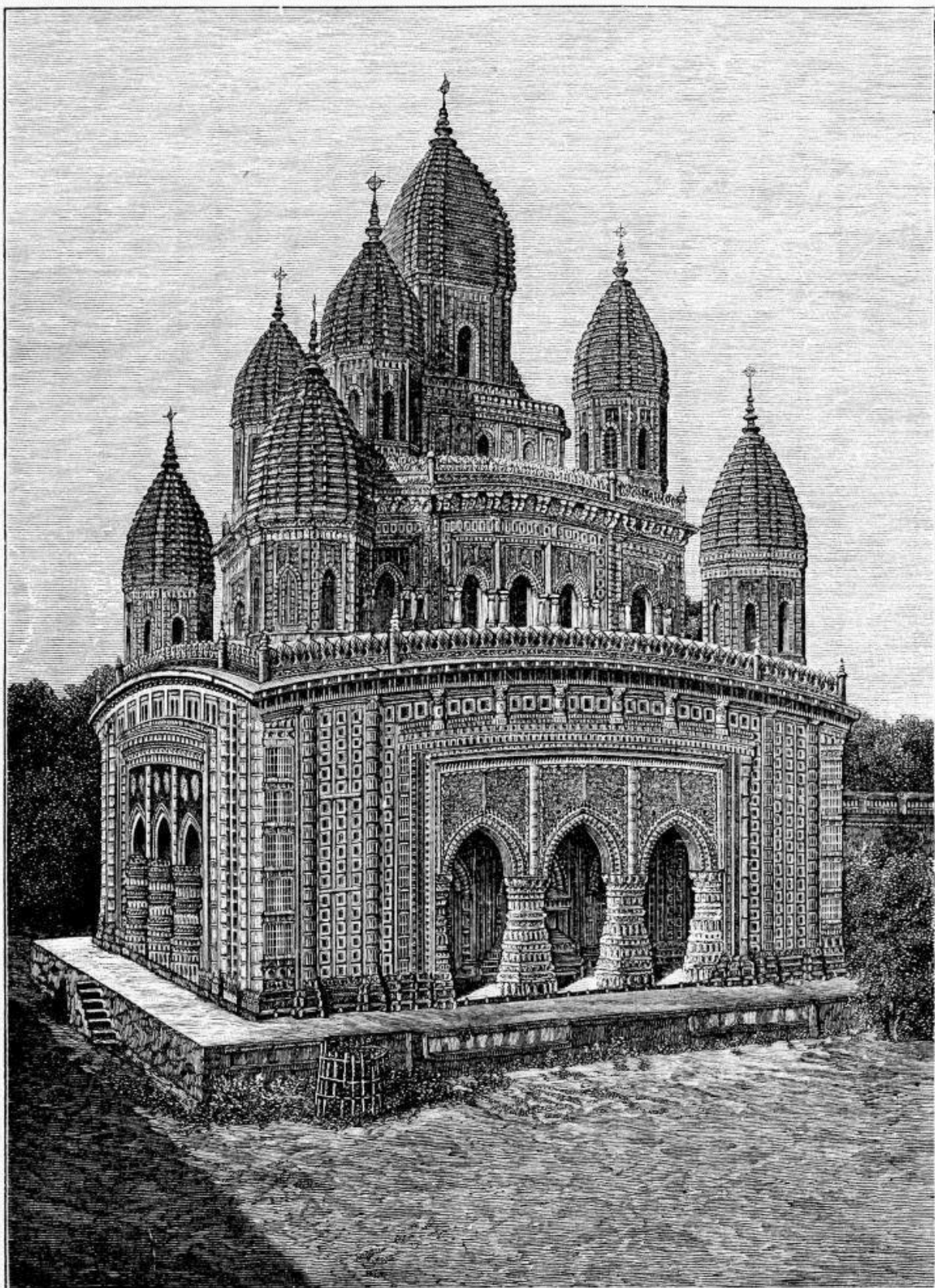
[back](#)

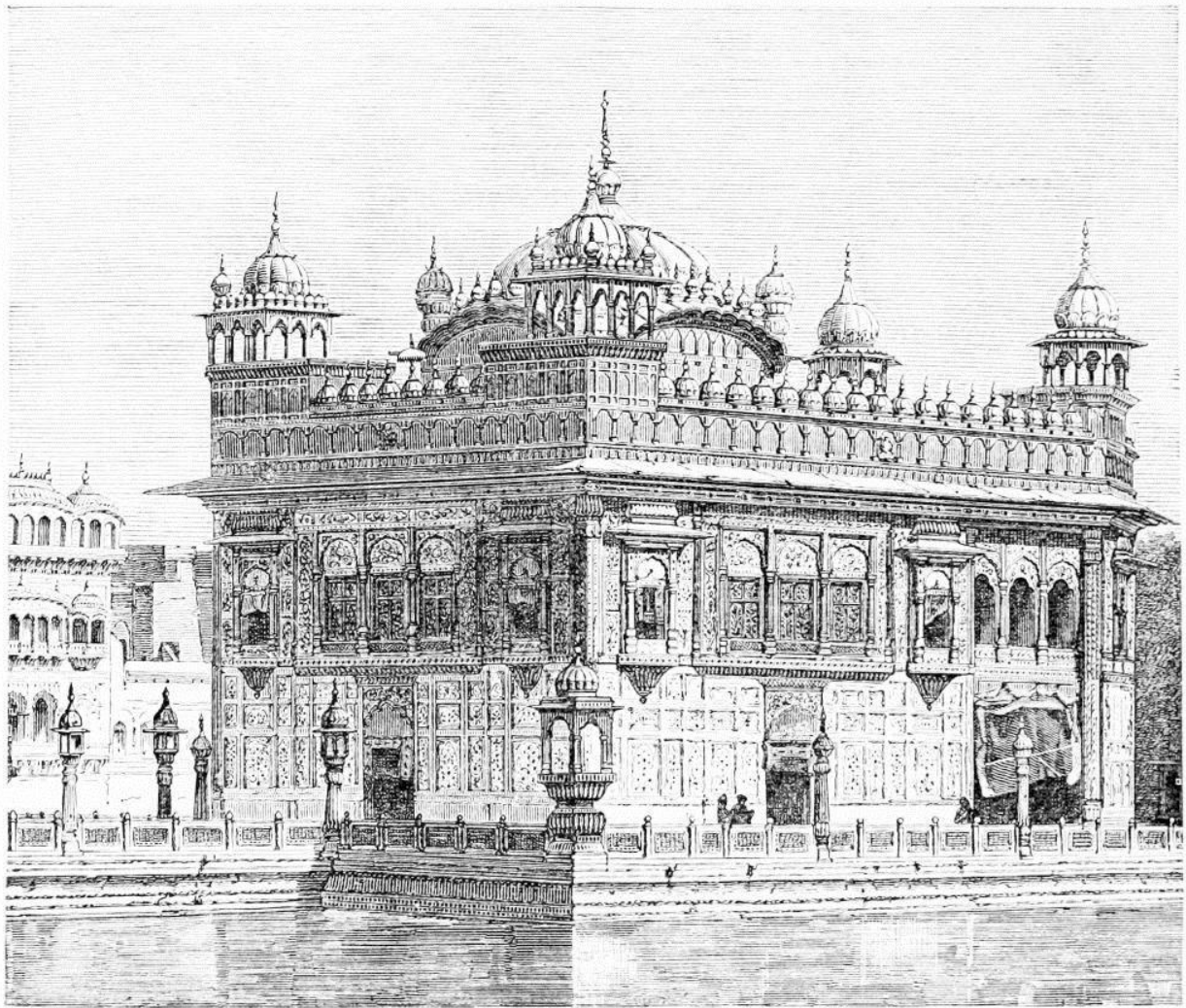
[back](#)

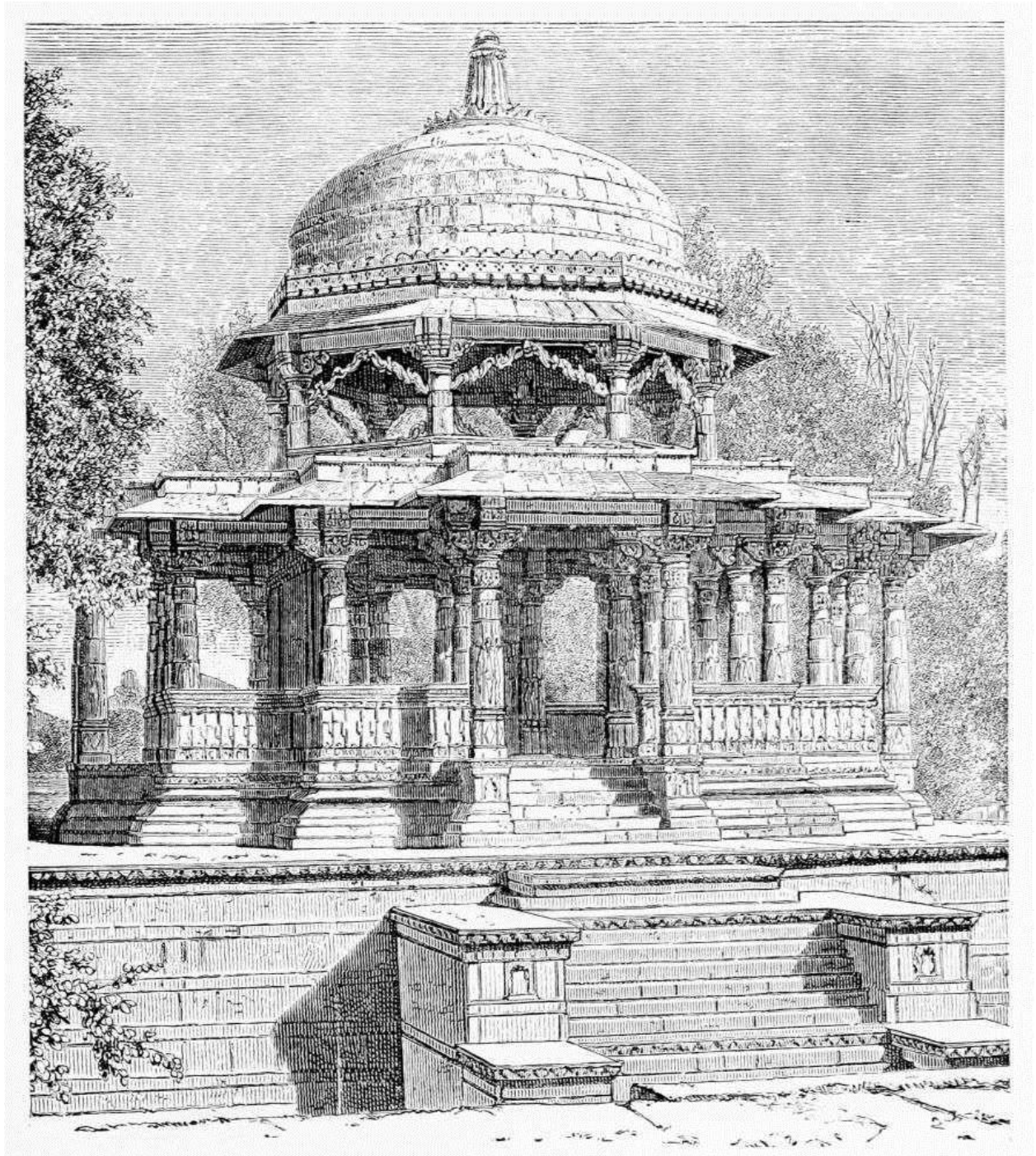
[back](#)

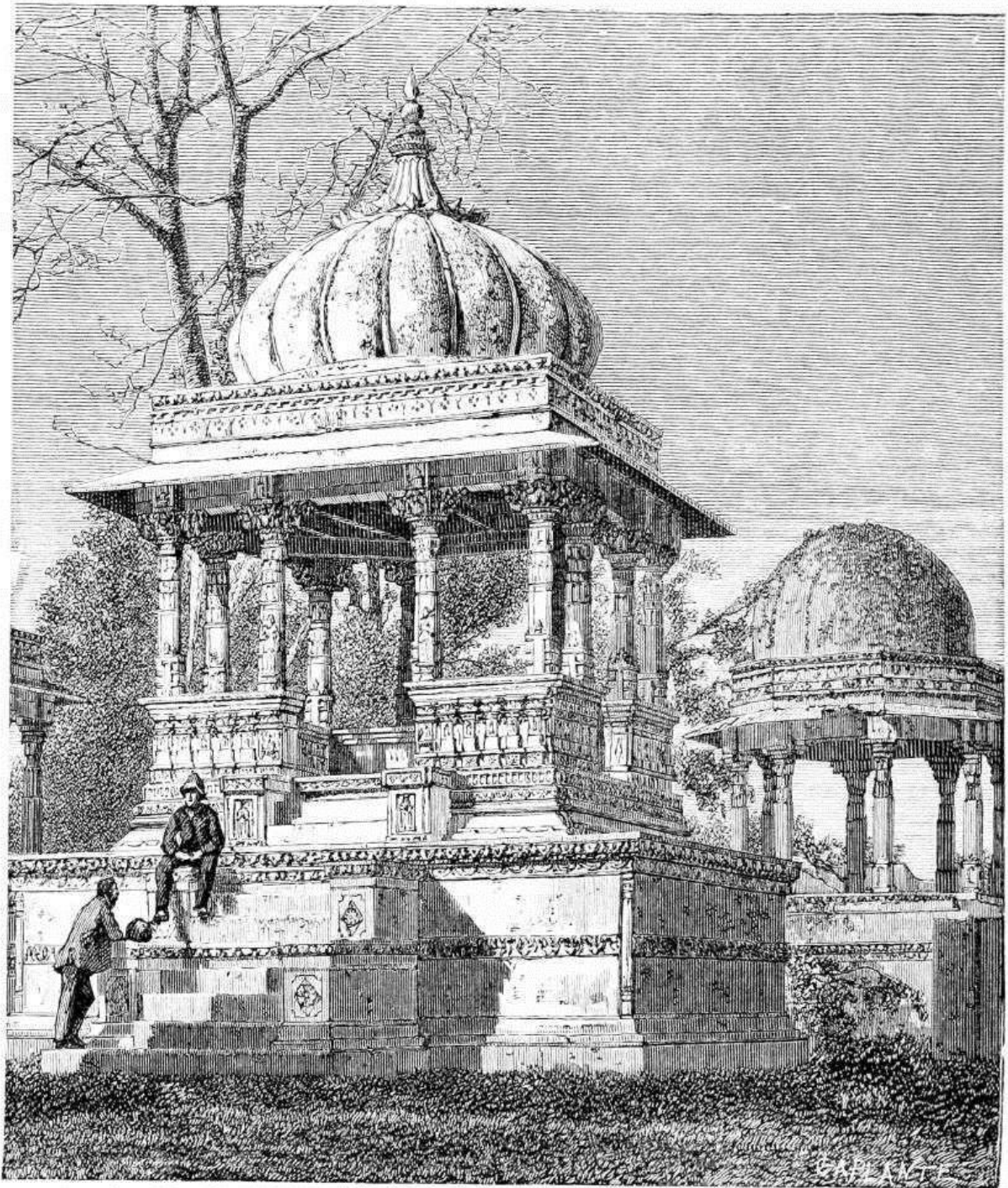
[back](#)

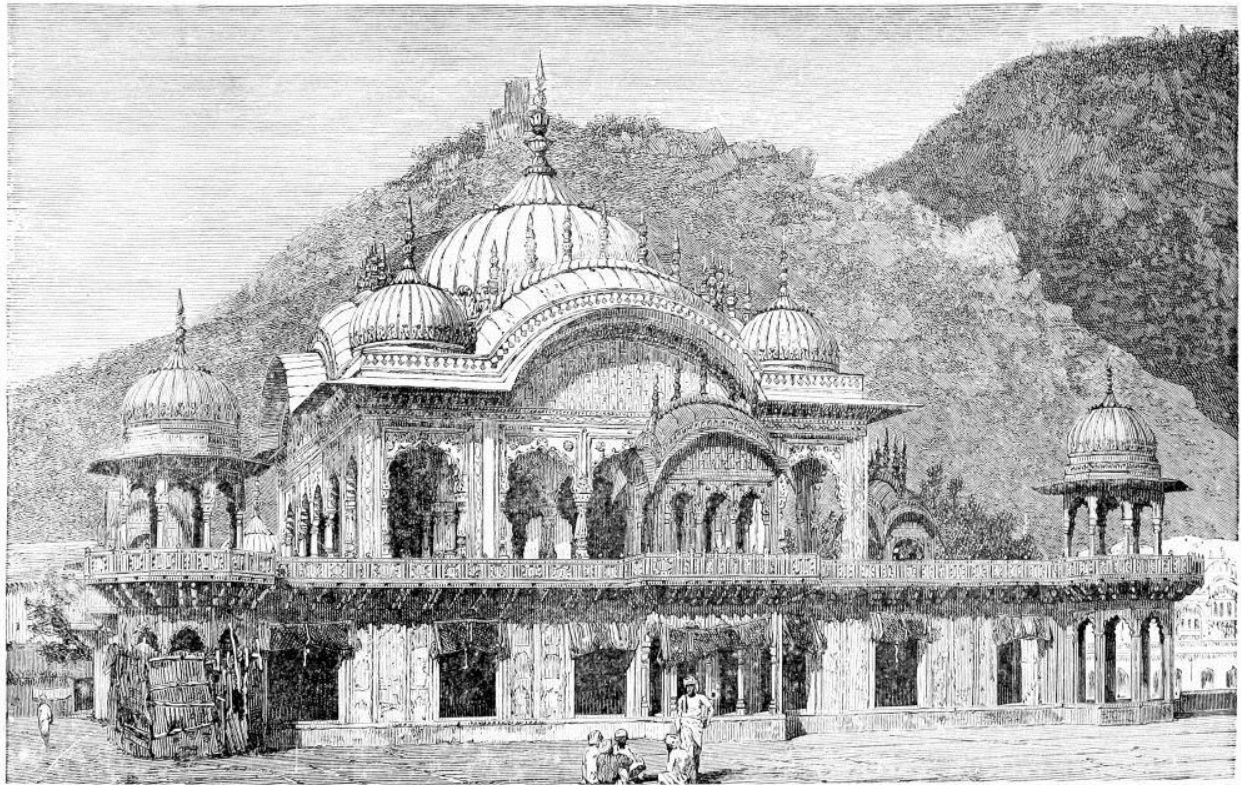
[back](#)

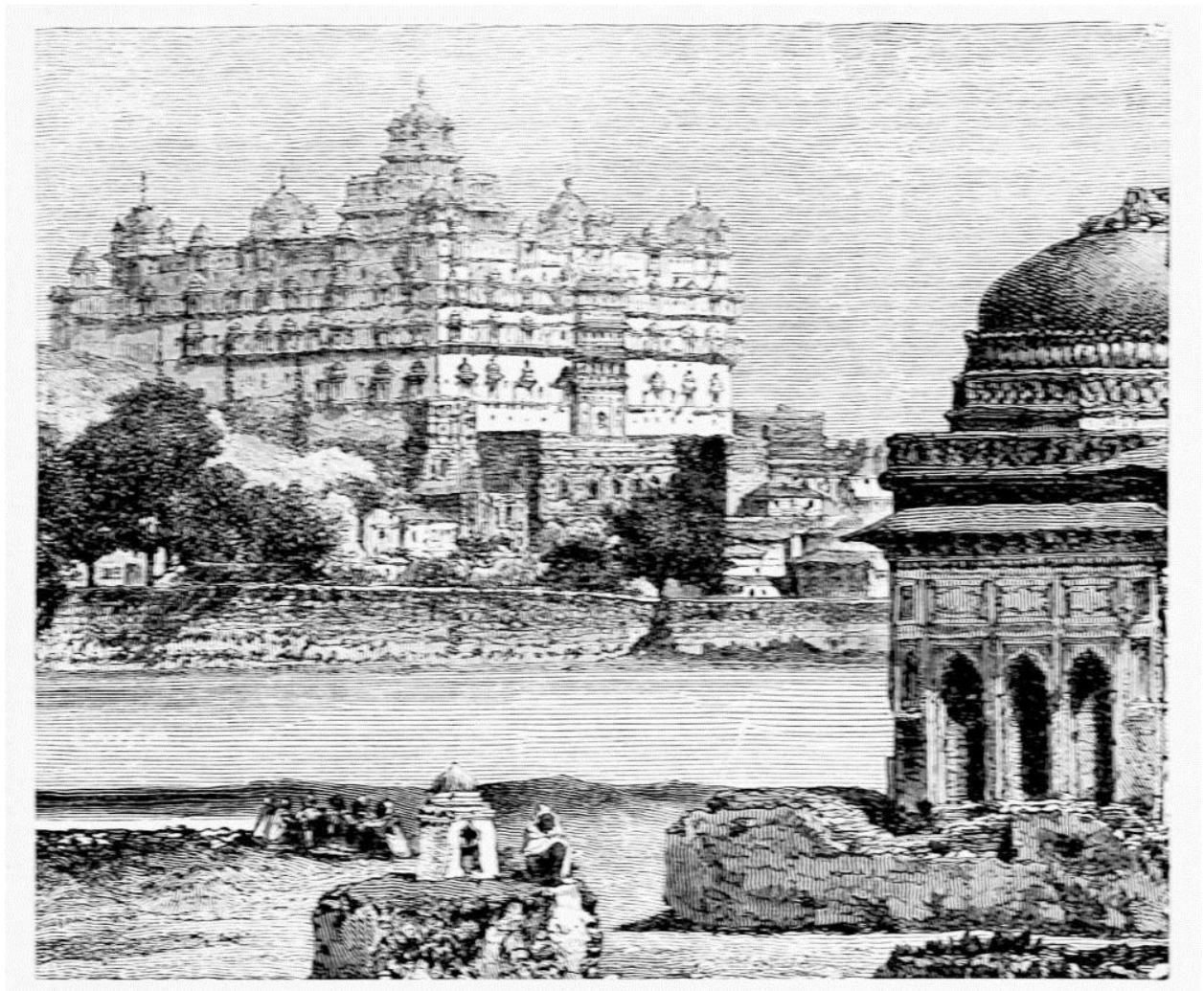

[back](#)

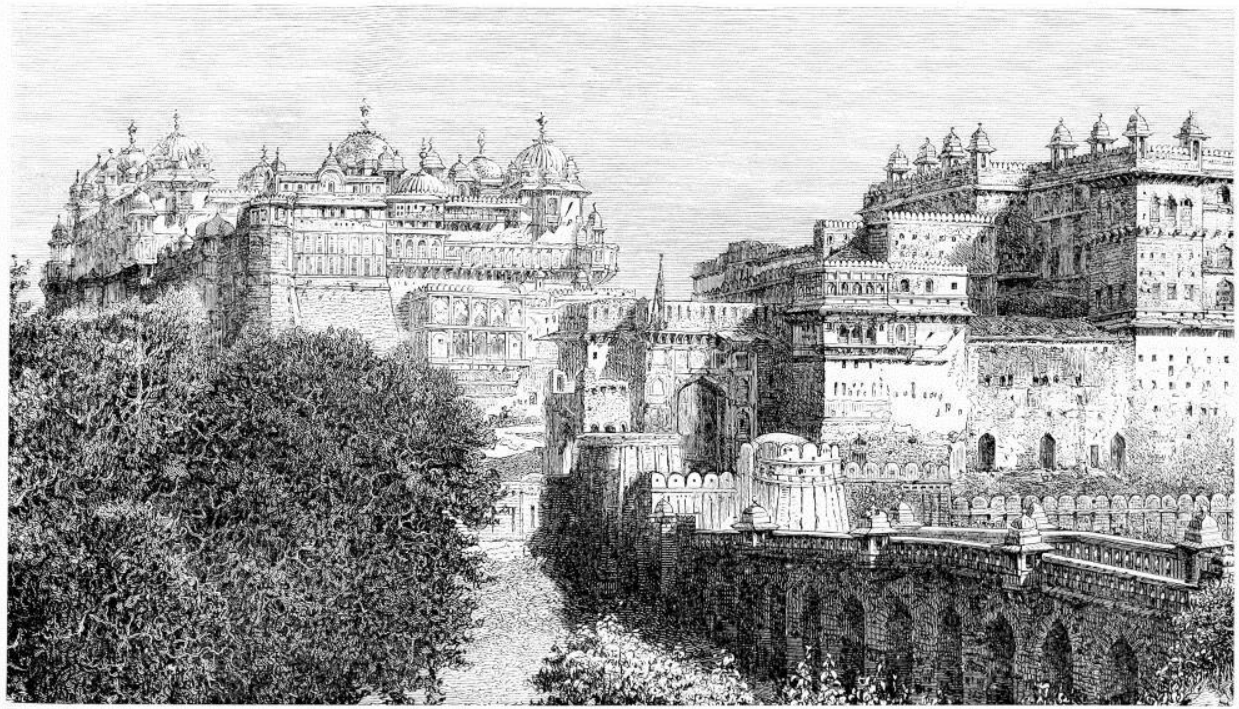

[back](#)

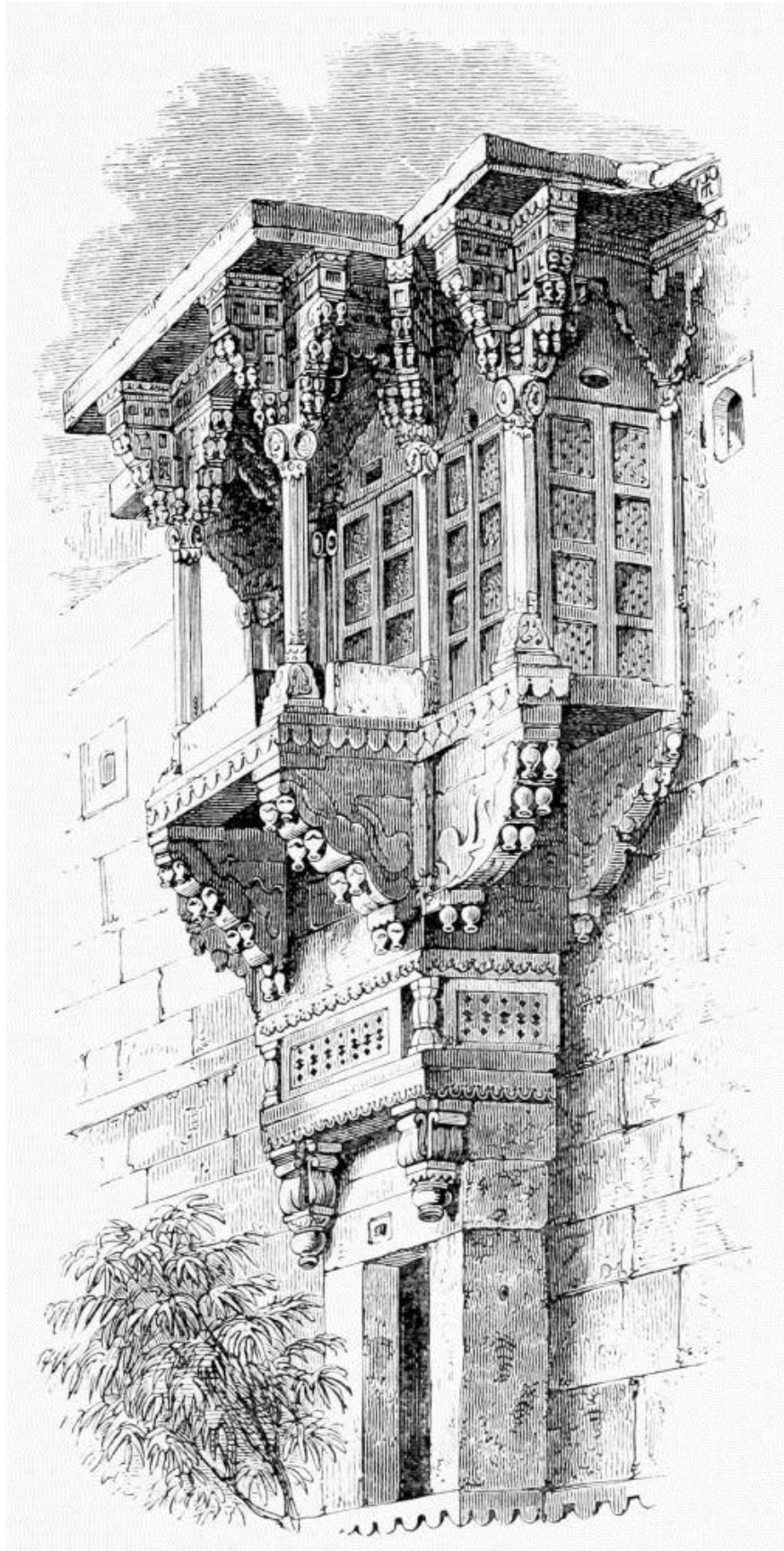

[back](#)

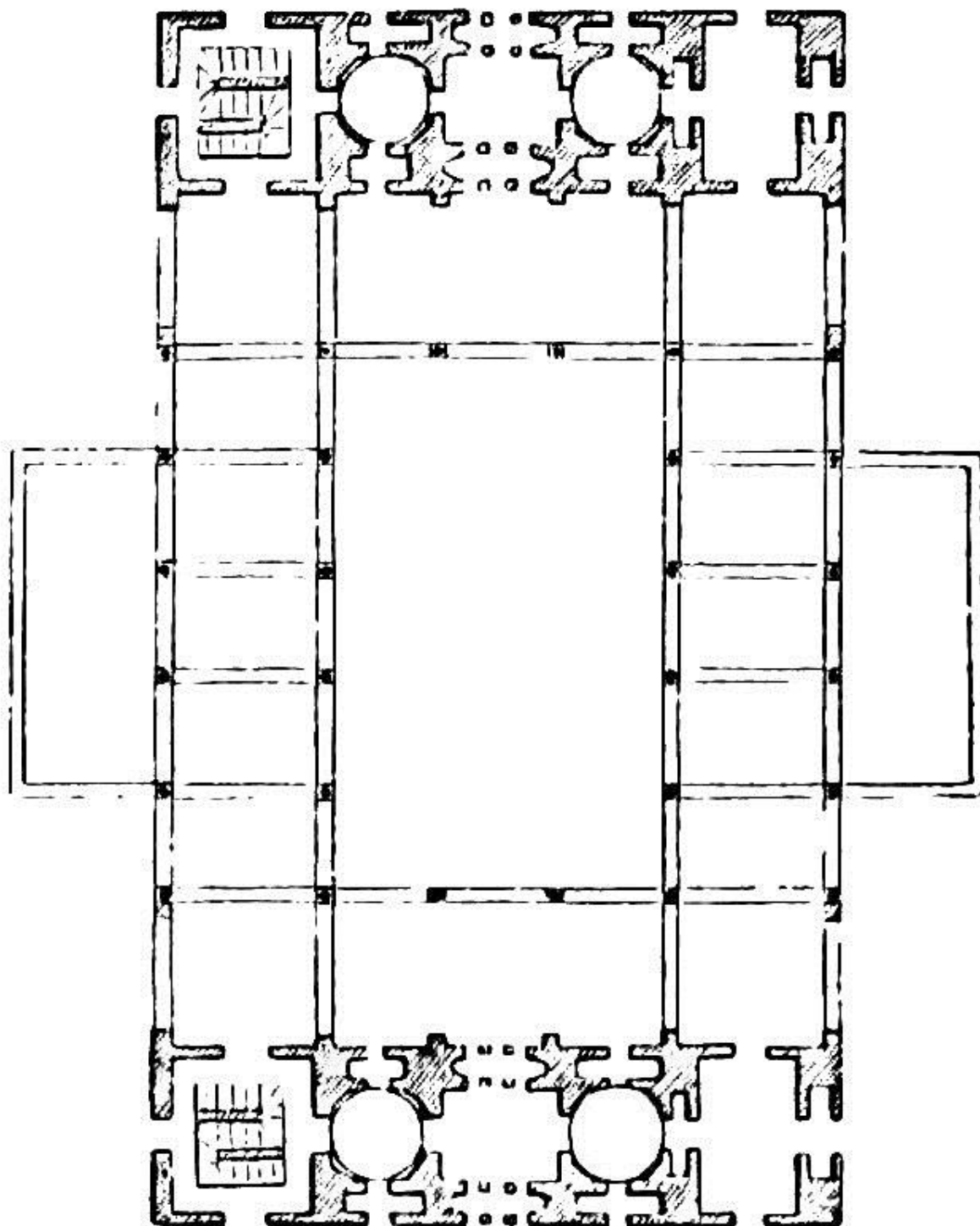

[back](#)

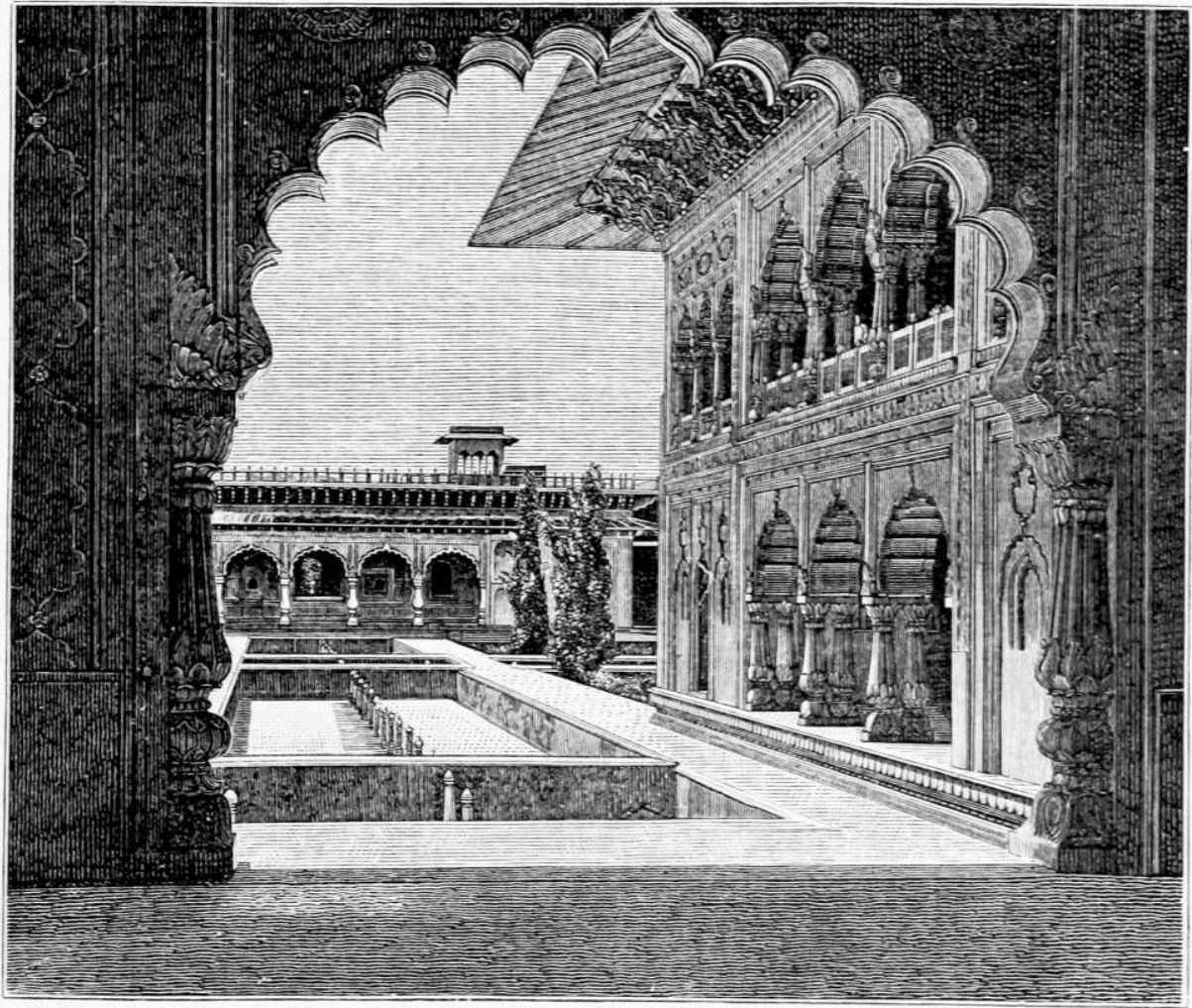

[back](#)

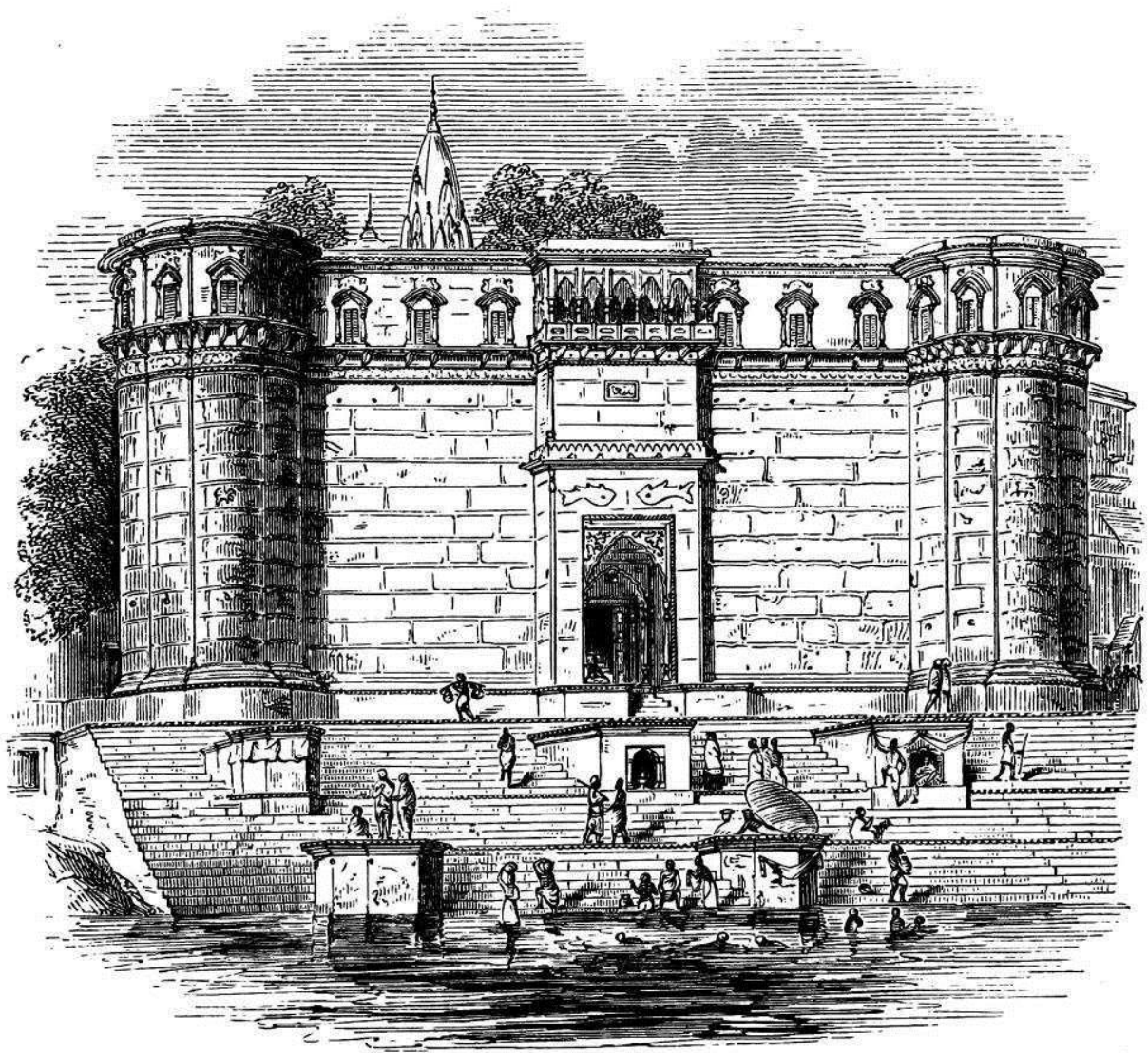
[back](#)

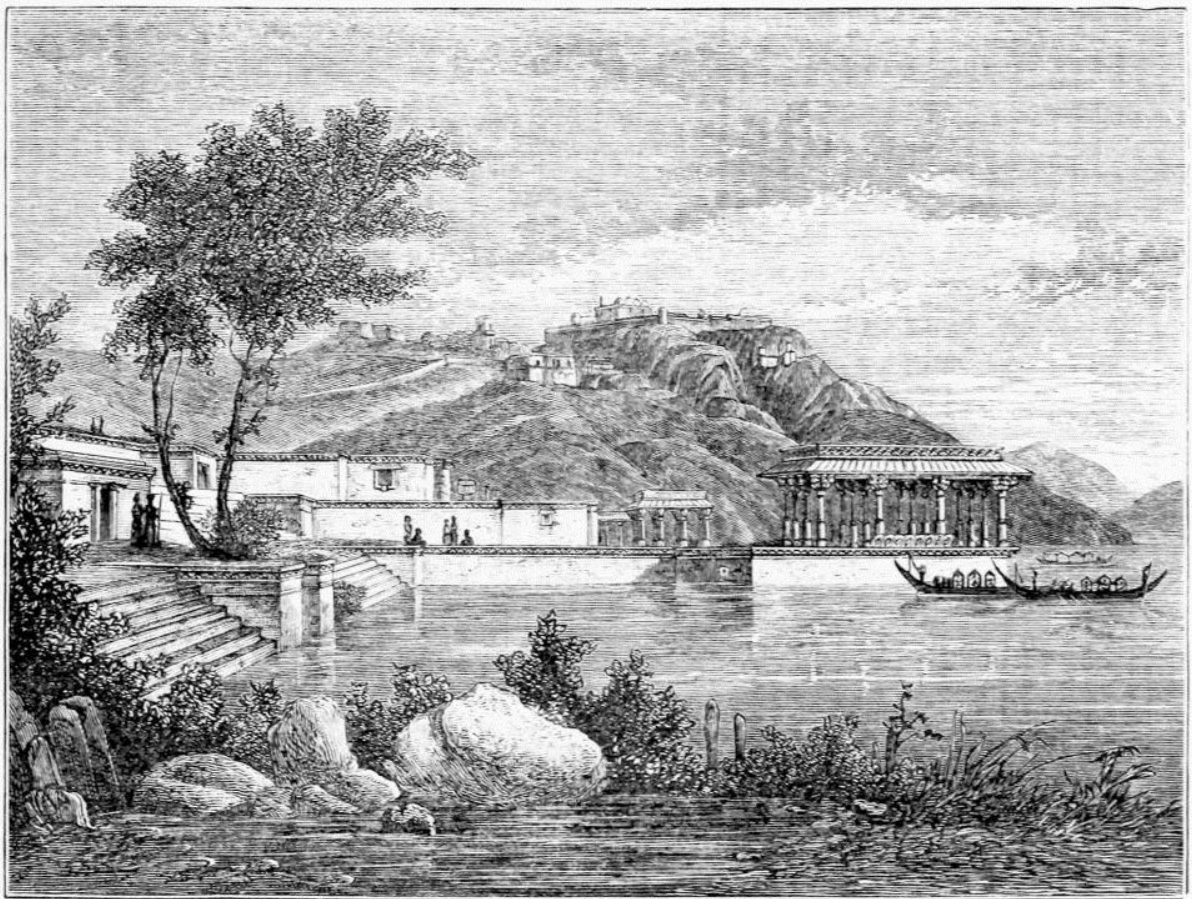
273. View from the Central Pavilion of the Delwara Temple, Rajasthan.

[back](#)

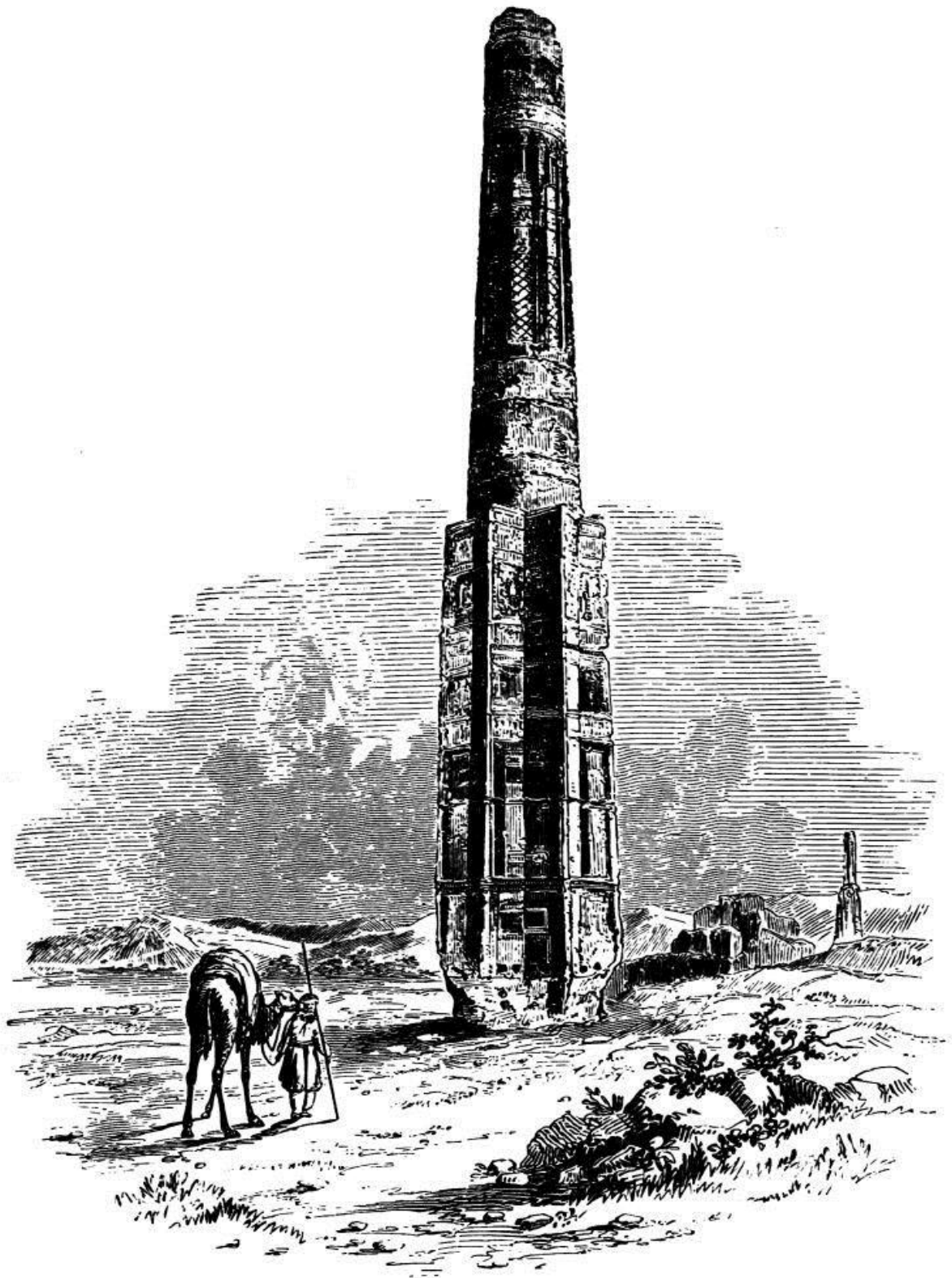

[back](#)

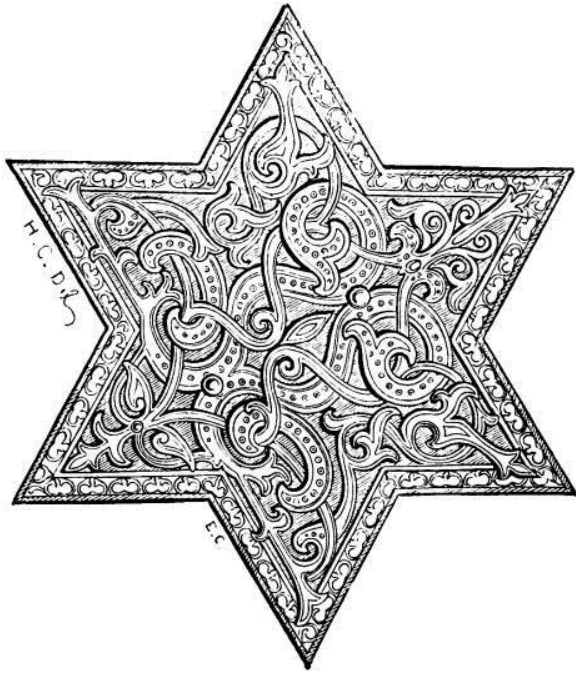

[back](#)

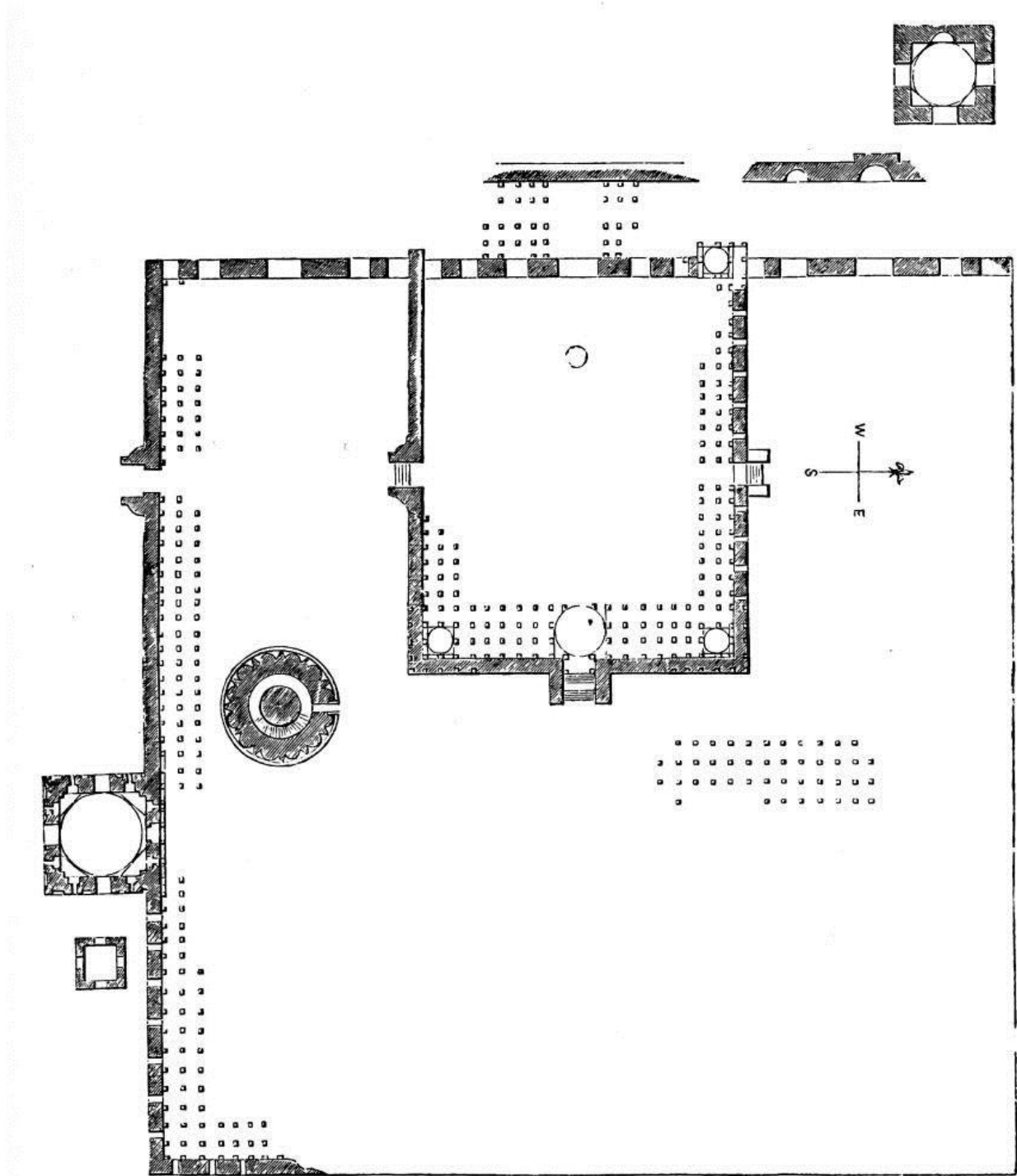

[back](#)

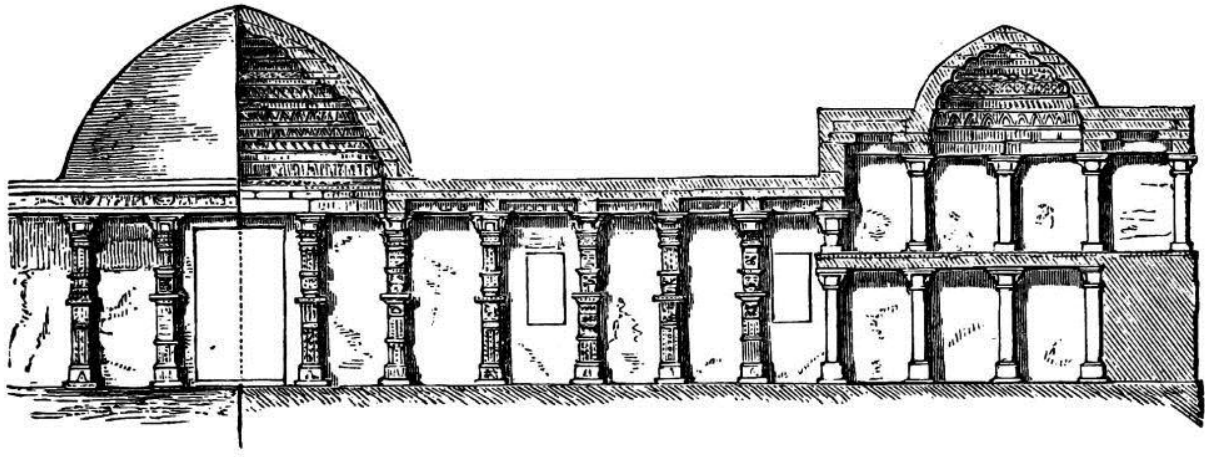

[back](#)

[back](#)

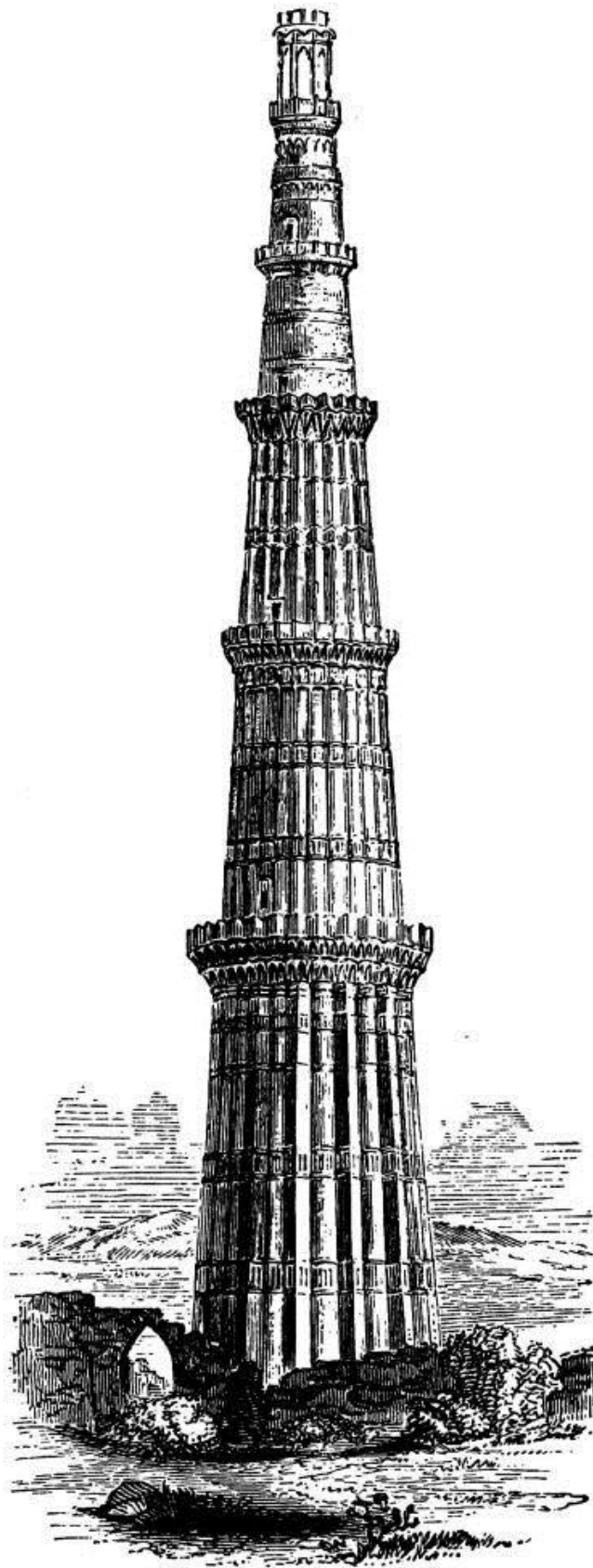

[back](#)

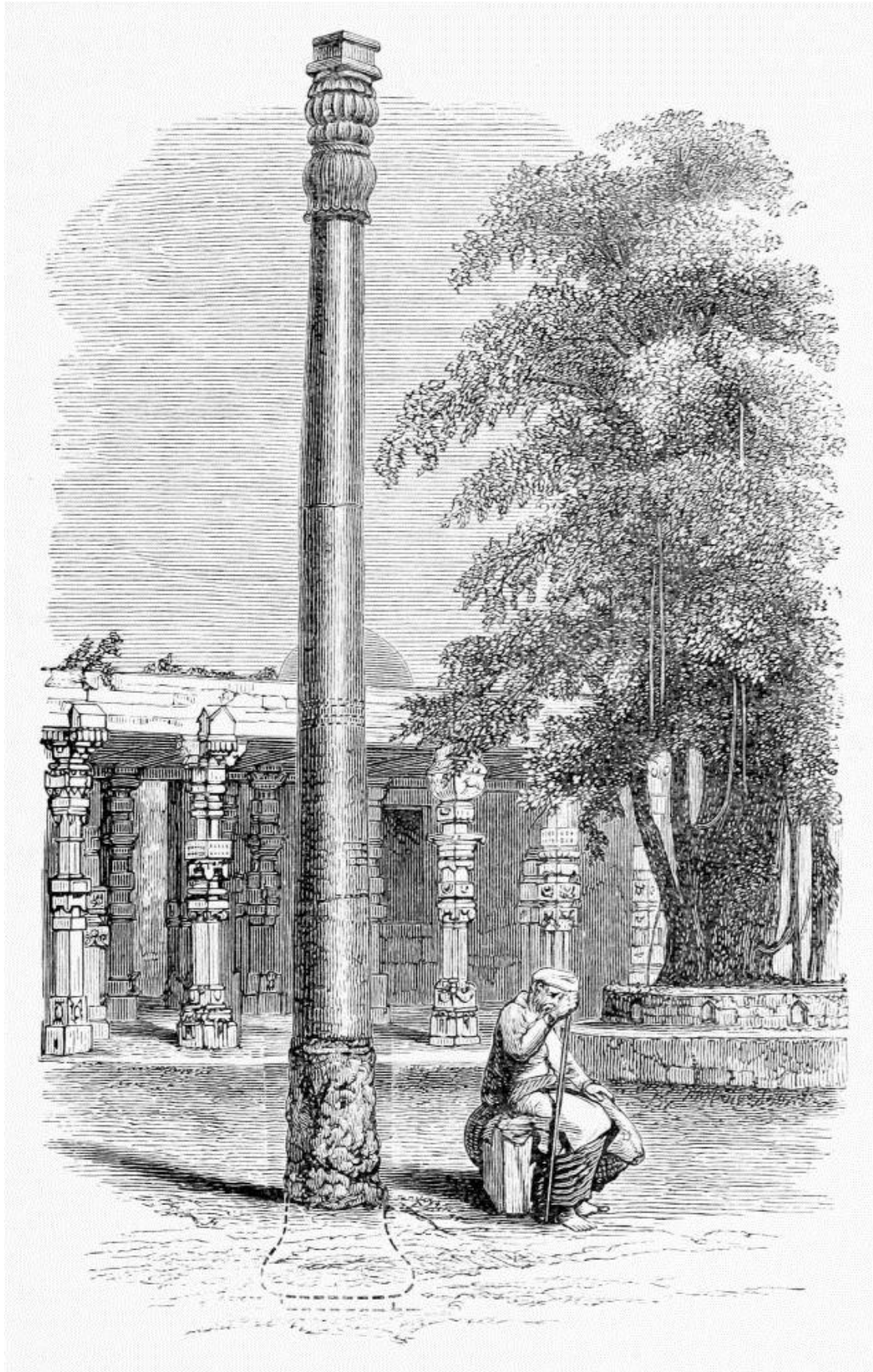

[back](#)

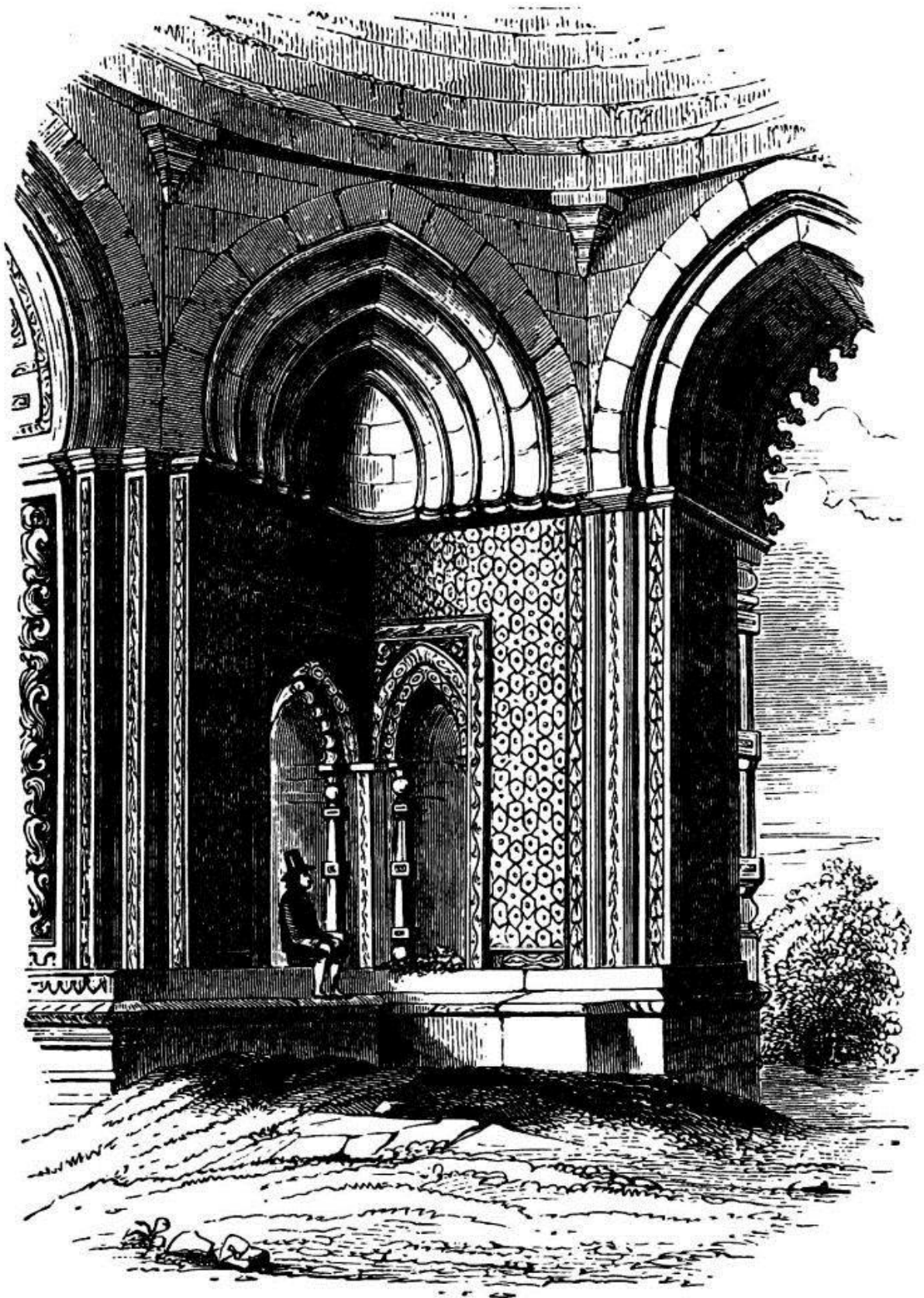
[back](#)

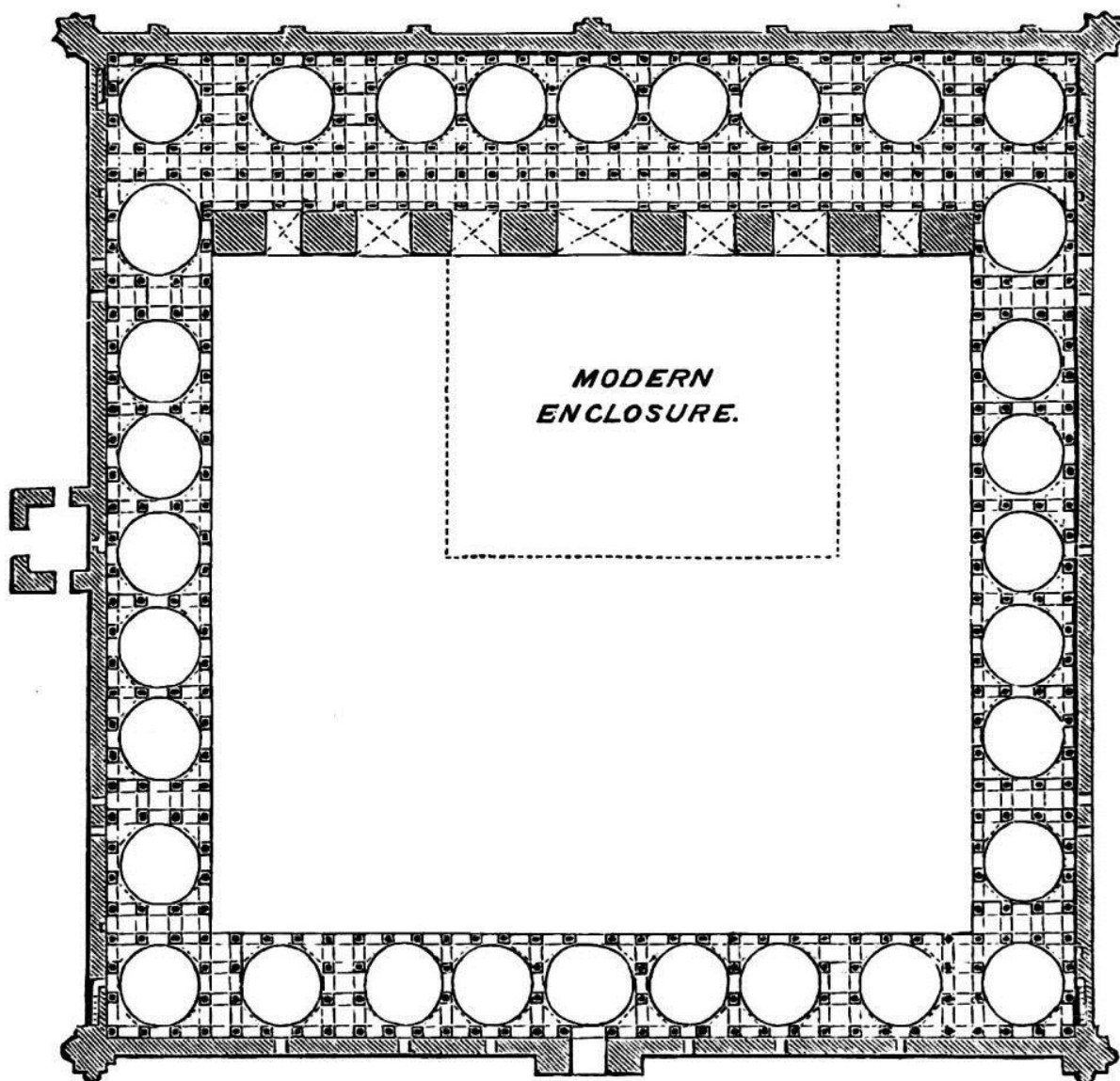
[back](#)

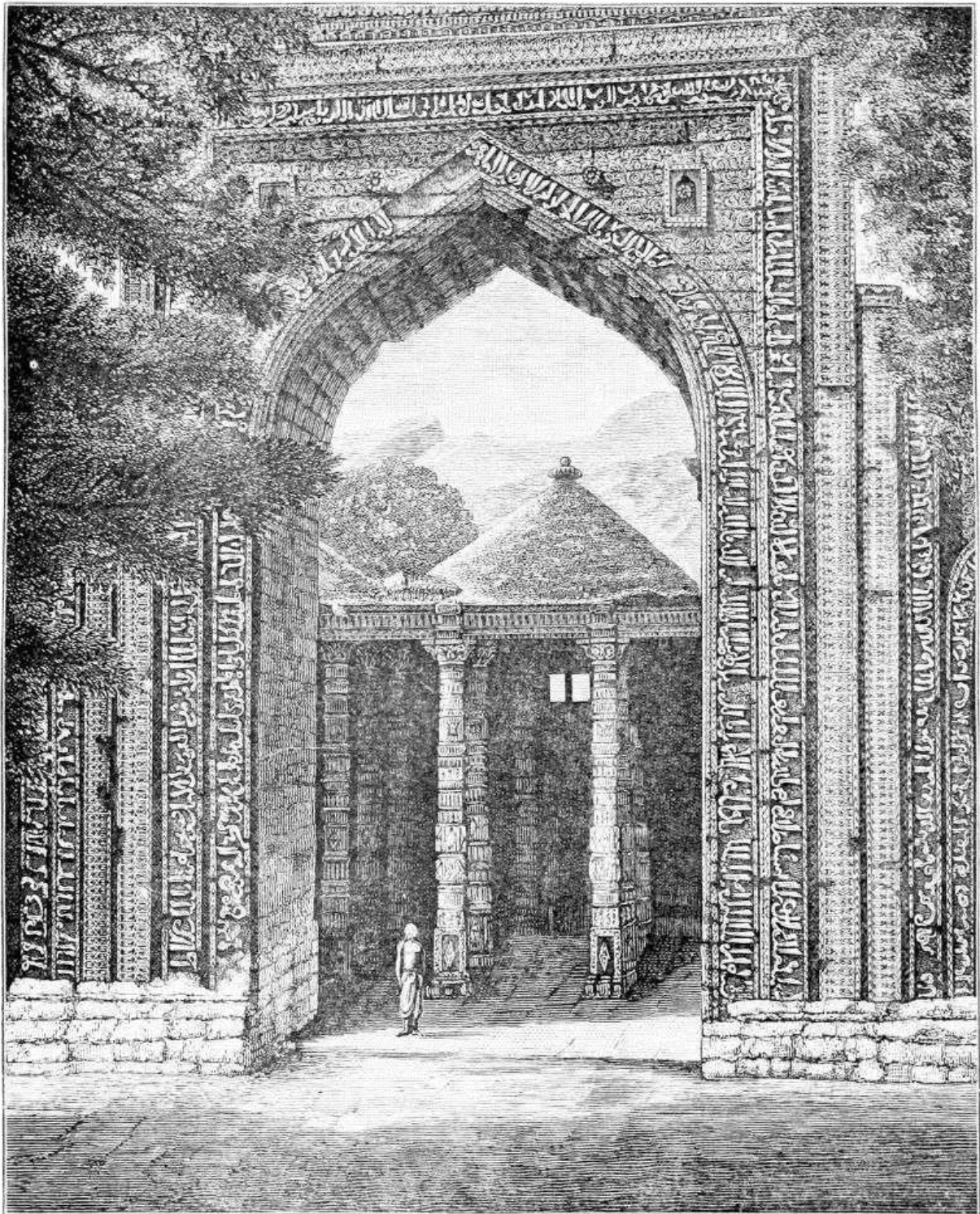
[back](#)

[back](#)

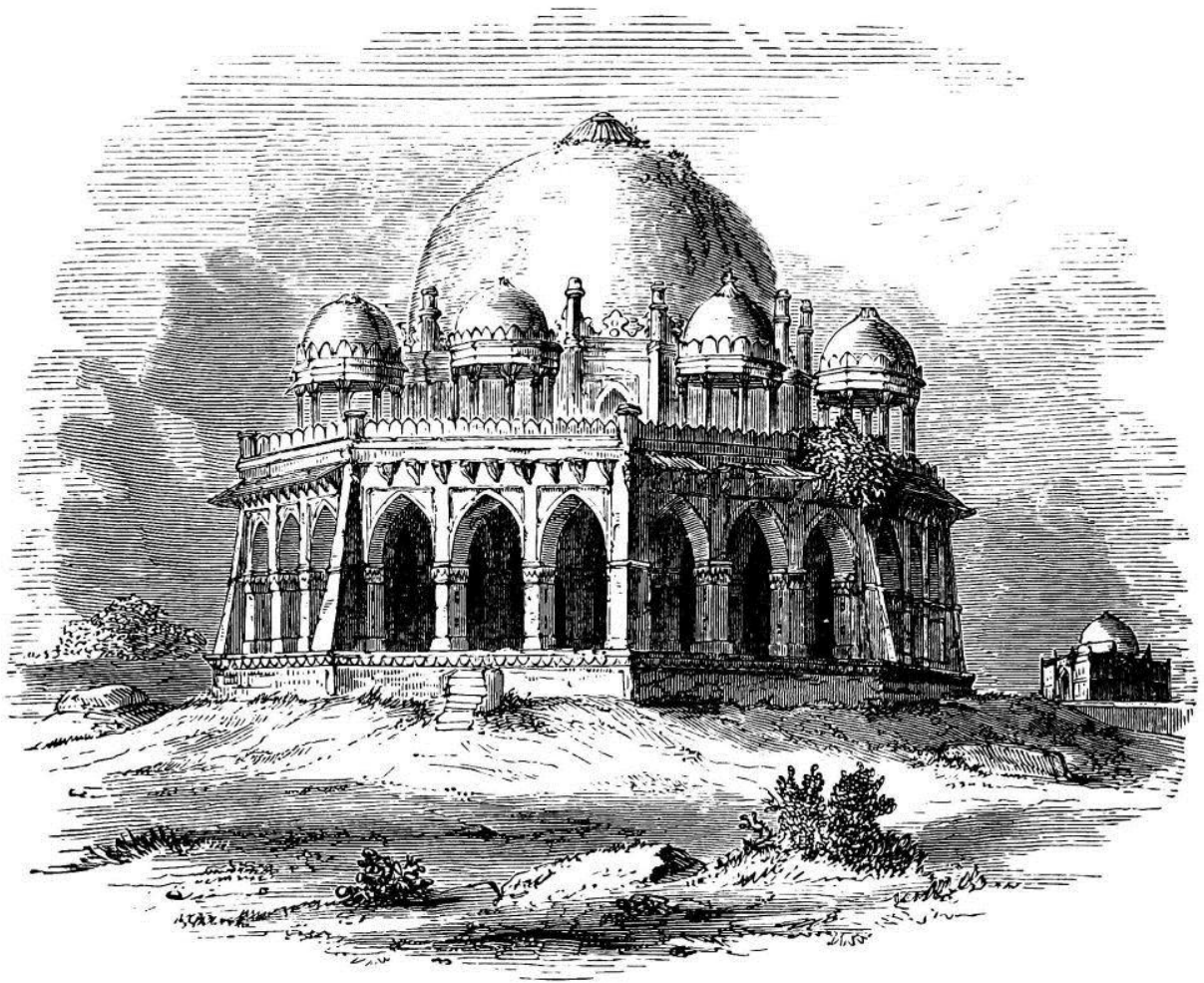

[back](#)

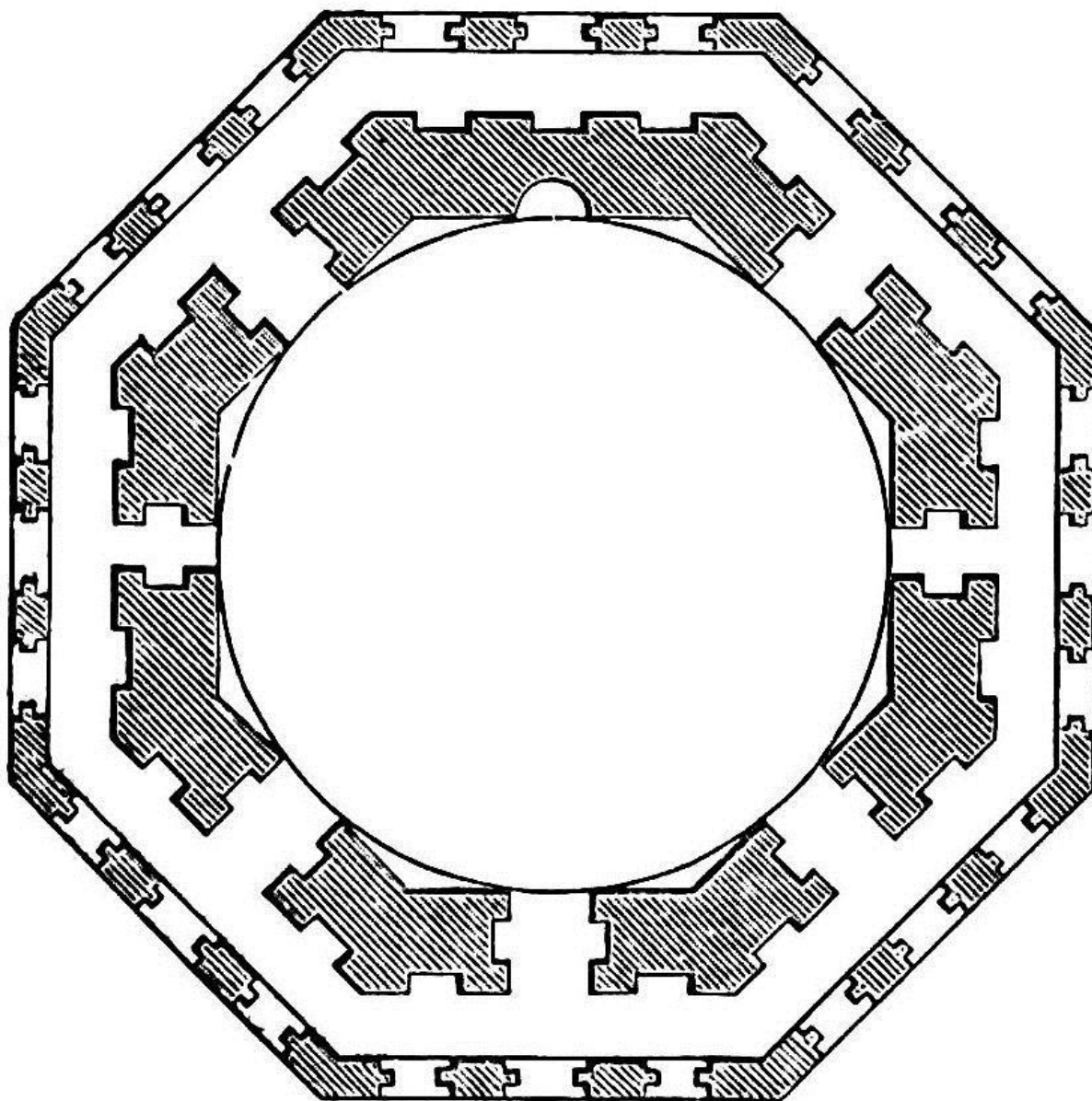

[back](#)

[back](#)

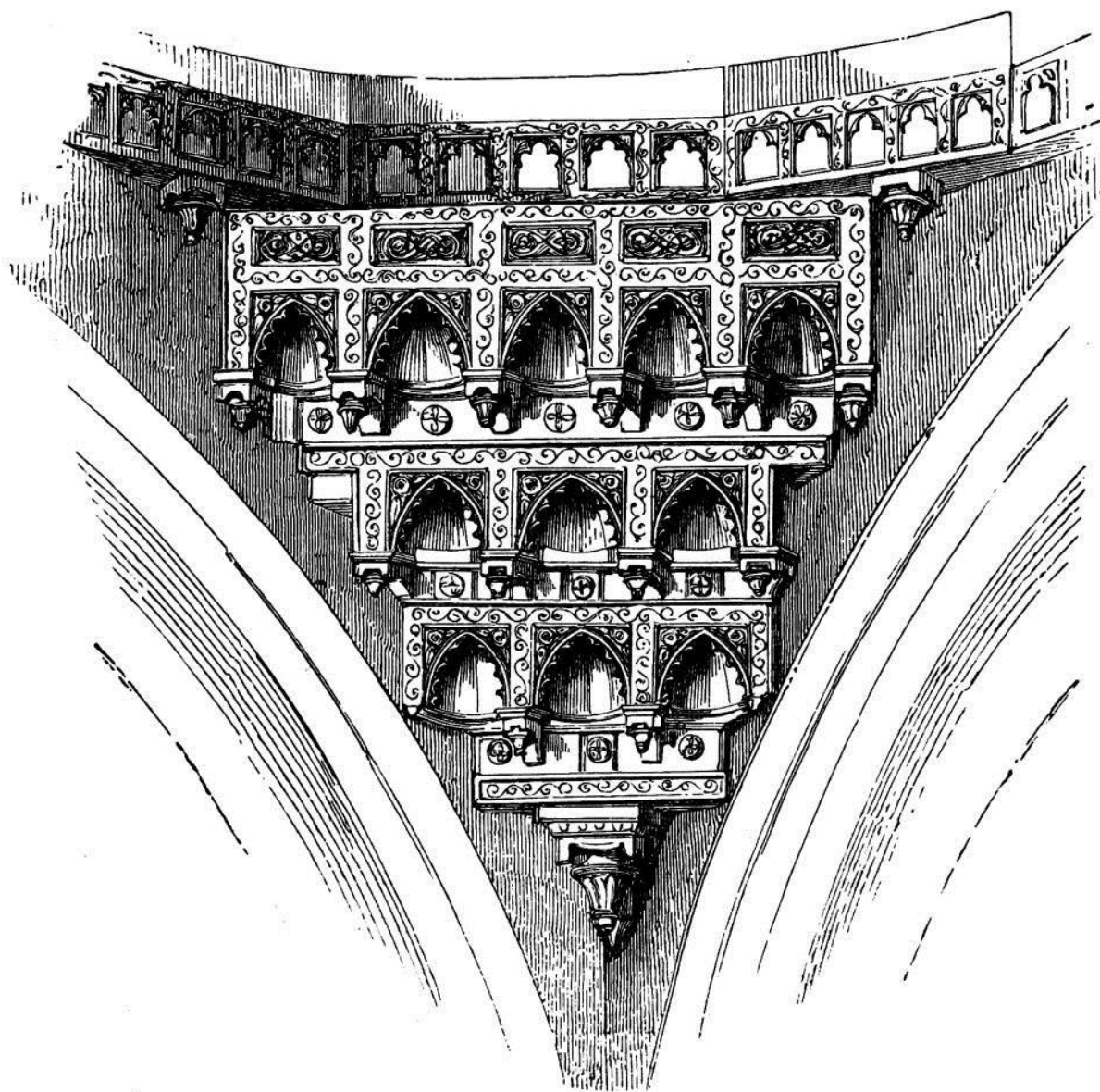

[back](#)

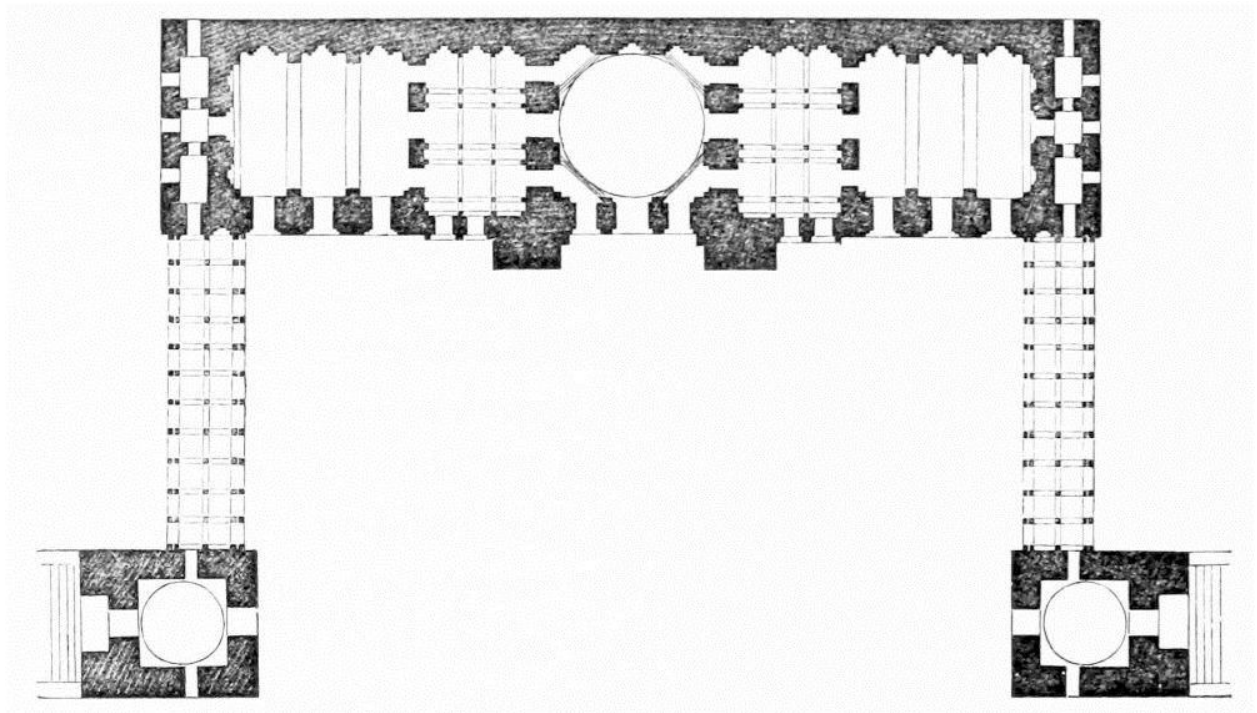

[back](#)

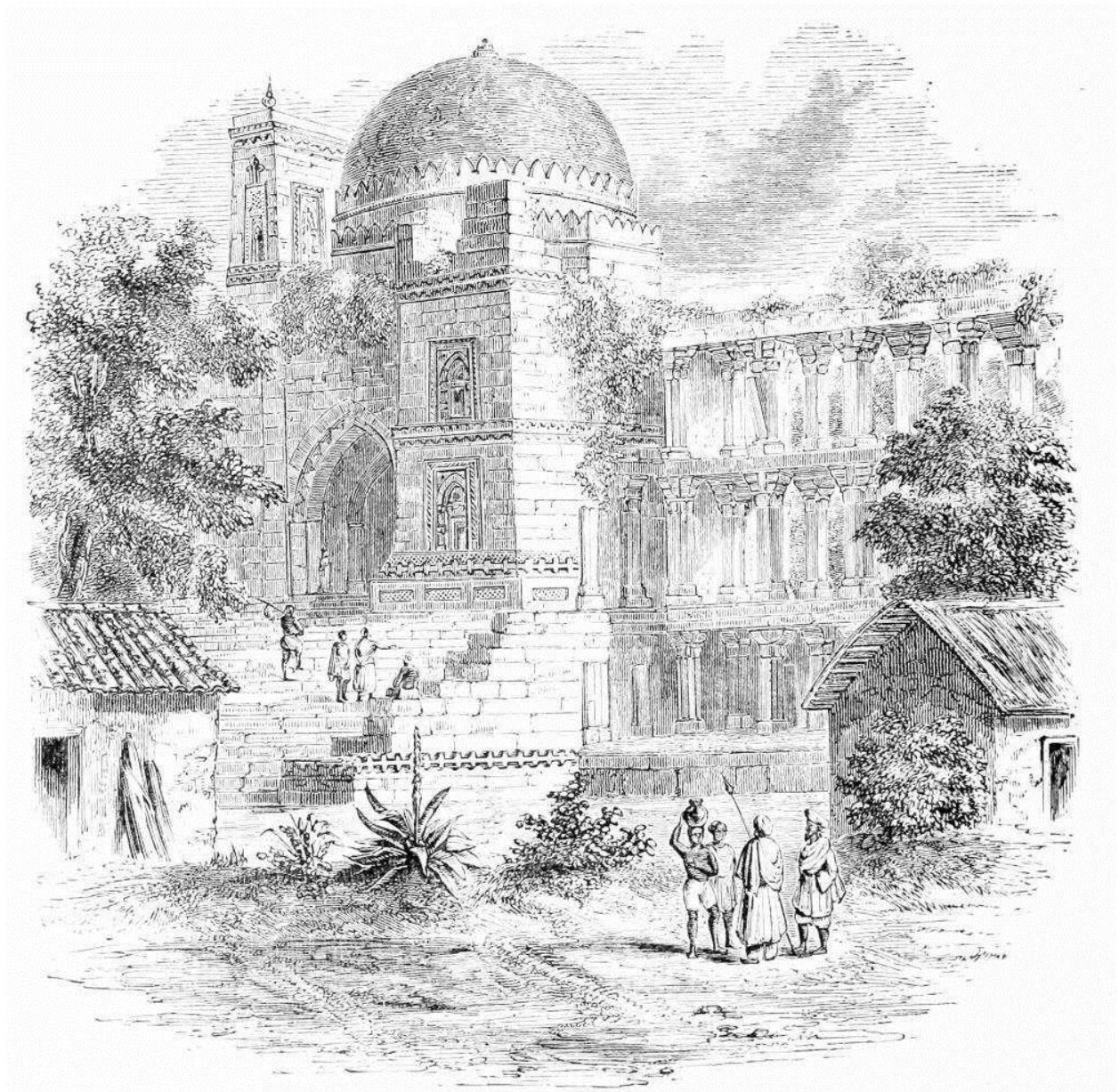

[back](#)

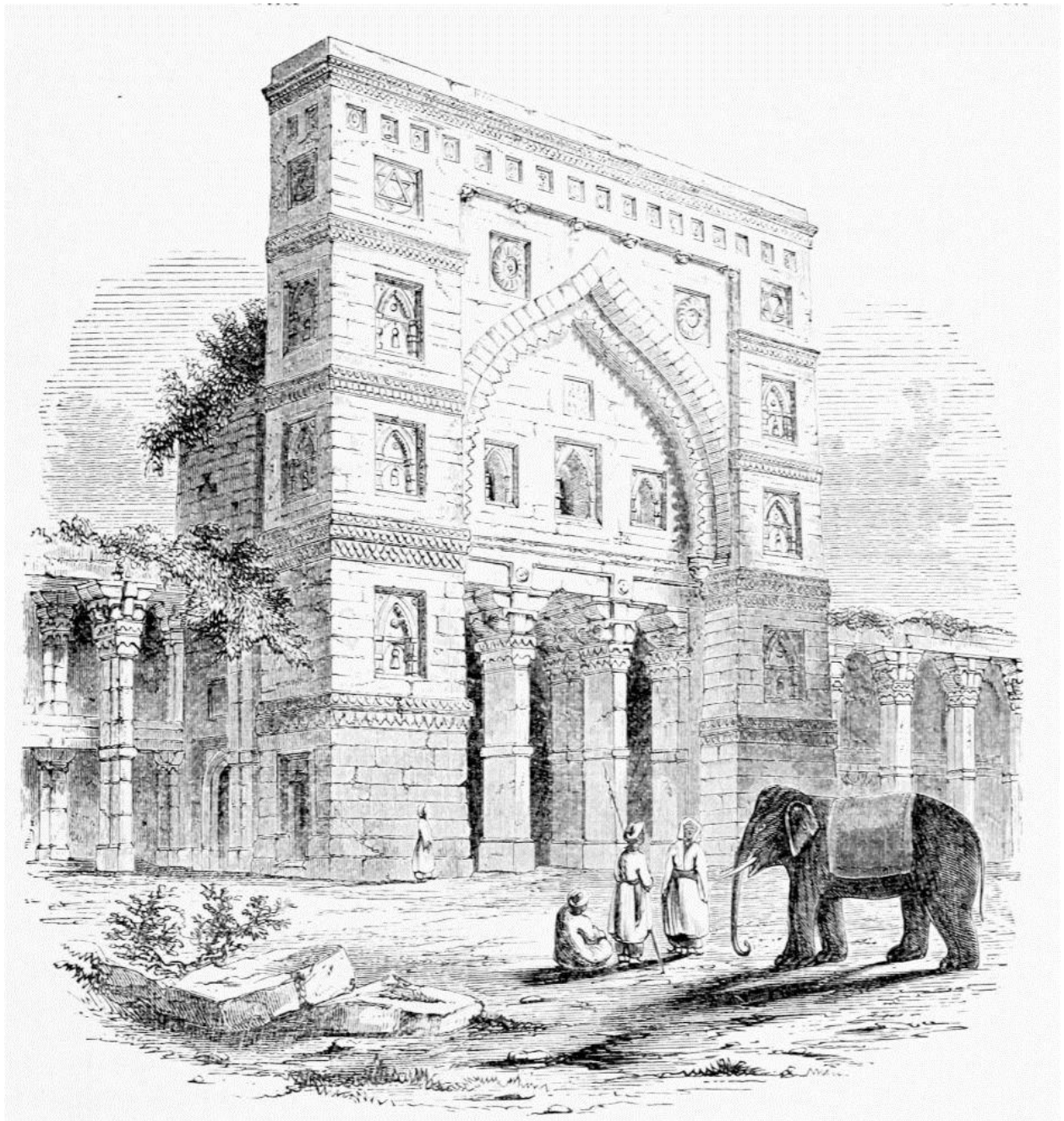
[back](#)

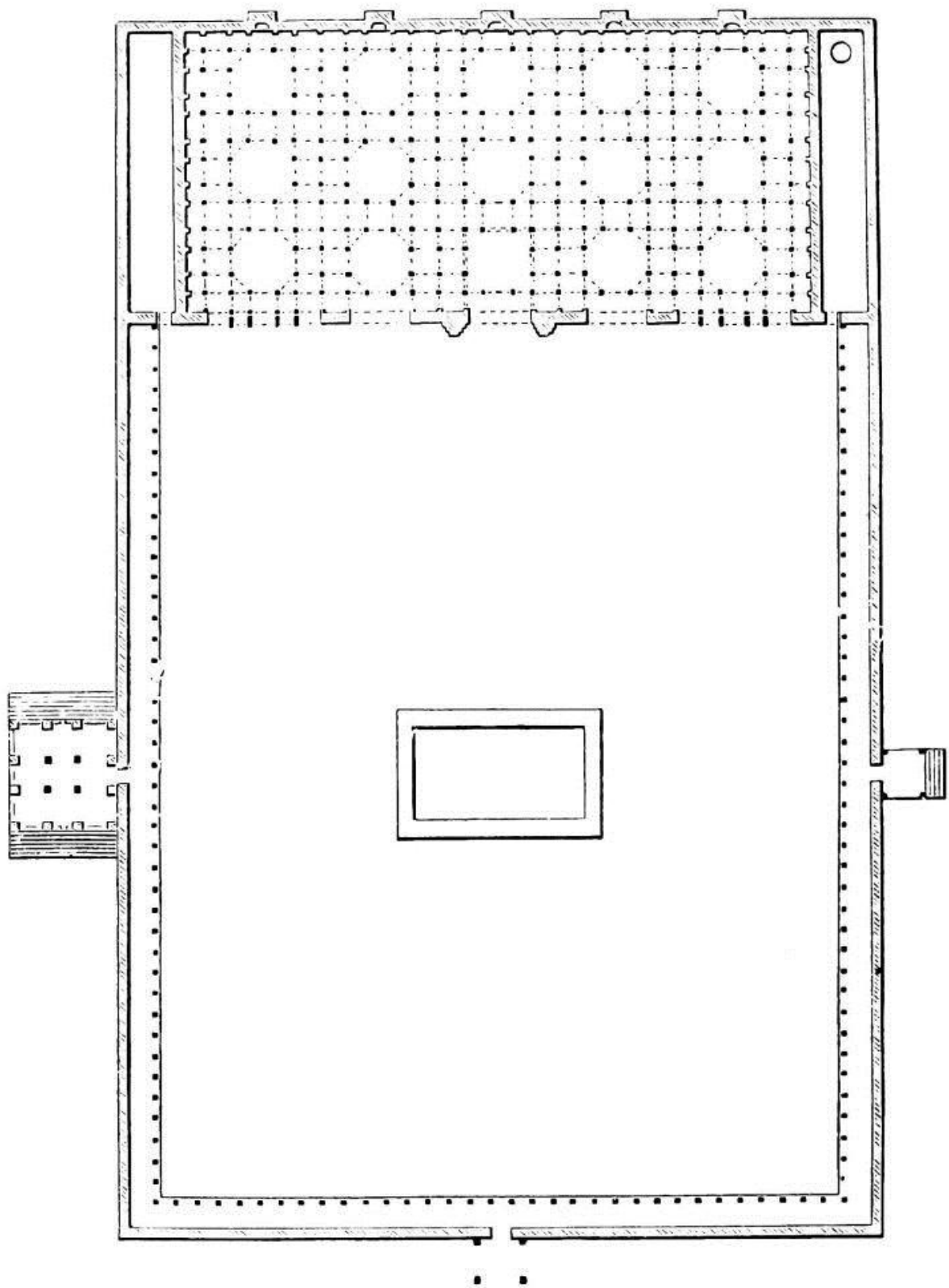
[back](#)

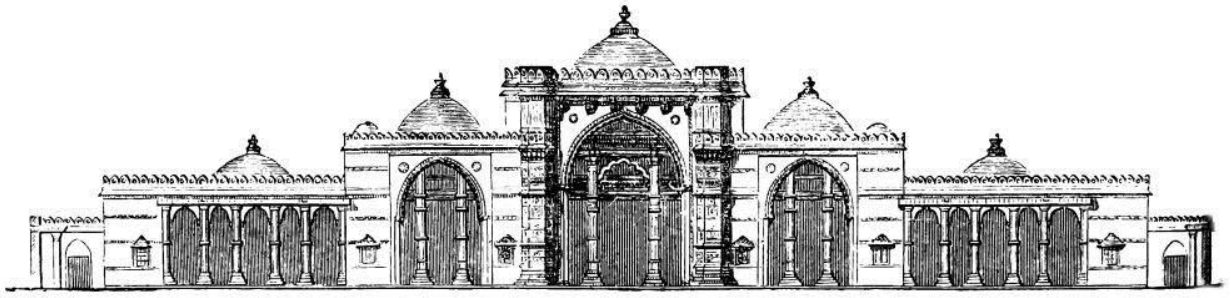

[back](#)

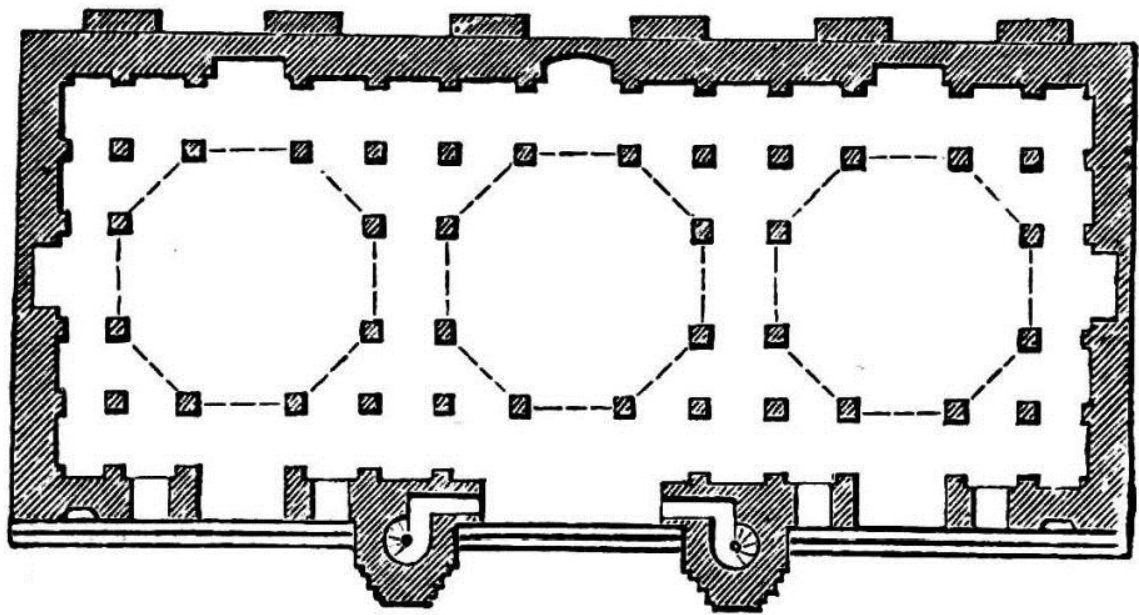

[back](#)

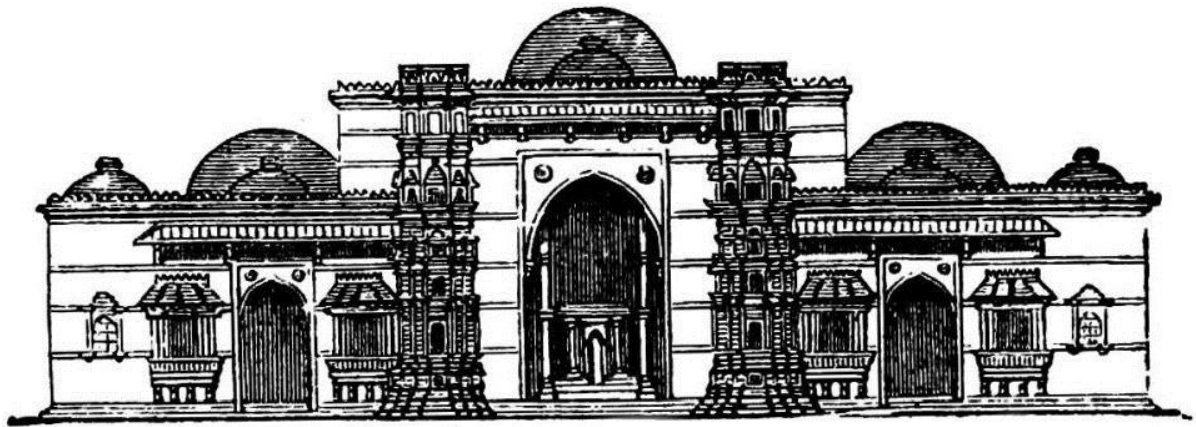

[back](#)

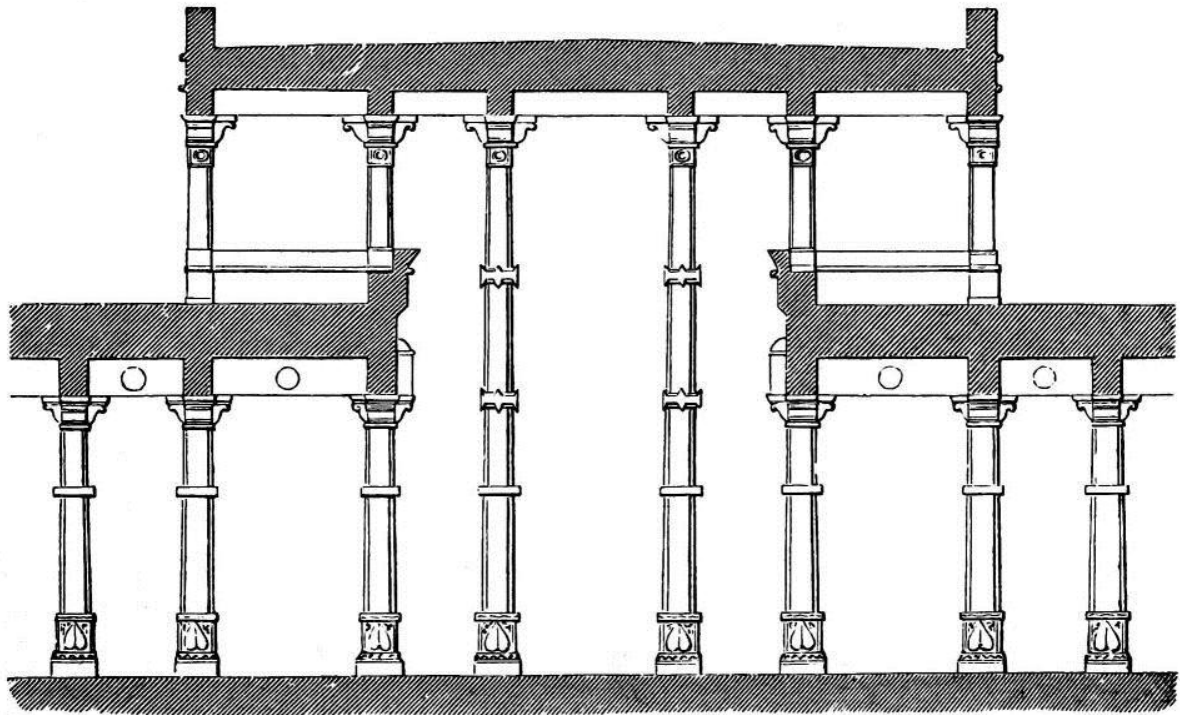

[back](#)

[back](#)

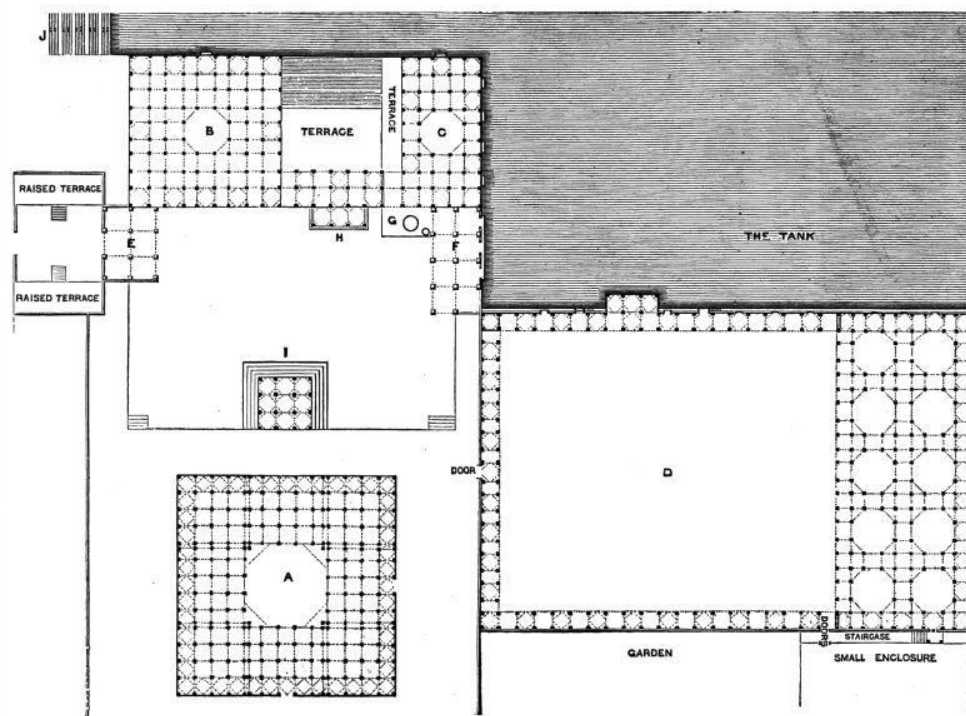

[back](#)

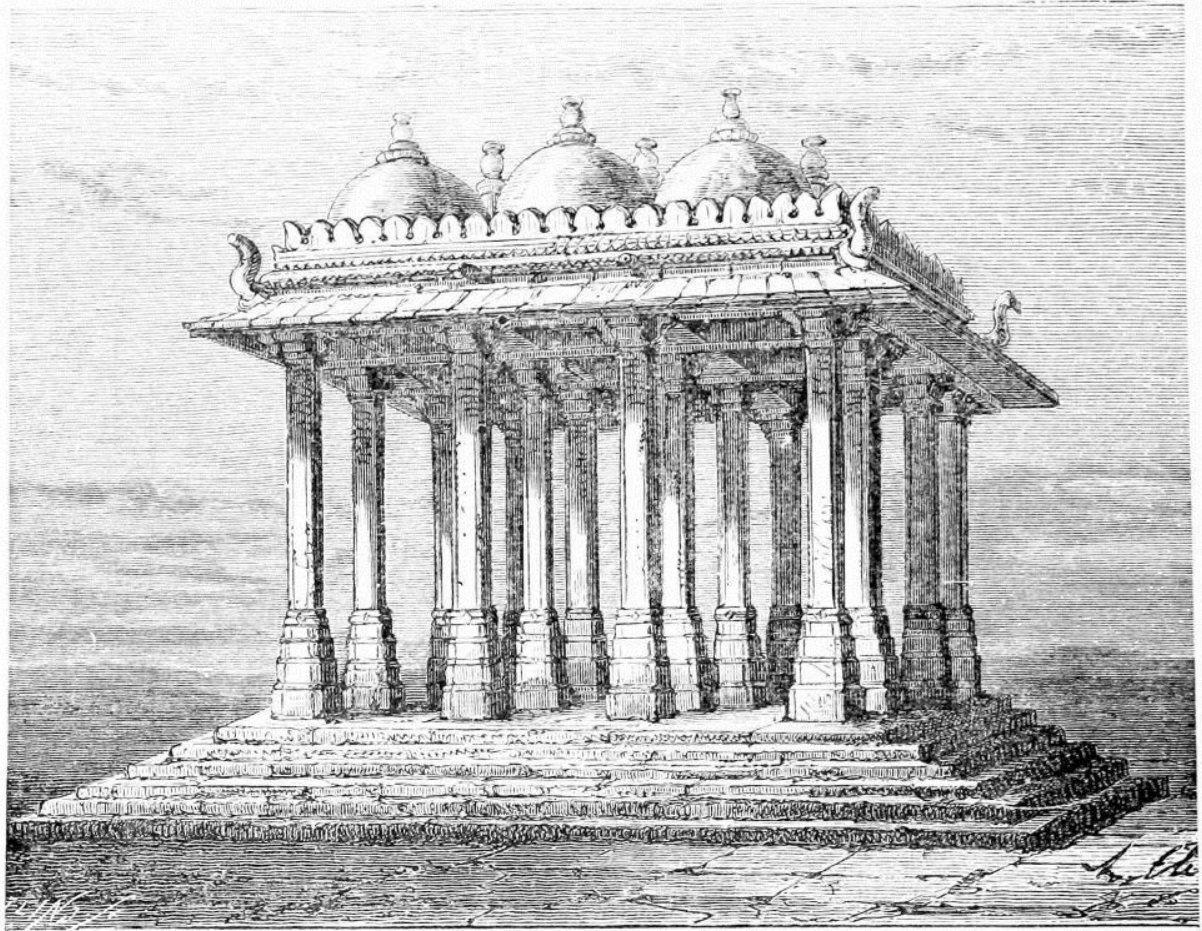
REFERENCES.

- A. Tomb of Gunj Bukh.
- B. Tomb of Mahmūd Begurra and his Sons.
- C. Tomb of Beebee Rājale, his Queen.
- D. The Mosque.
- E. Covered Gateway.
- F. Covered Hall overlooking the Tank.
- G. Well and Fountain.
- H. Portico leading to Terrace and Steps down to the Tank.
- I. Pavillon.
- J. Portions of the Steps surrounding the Tank.

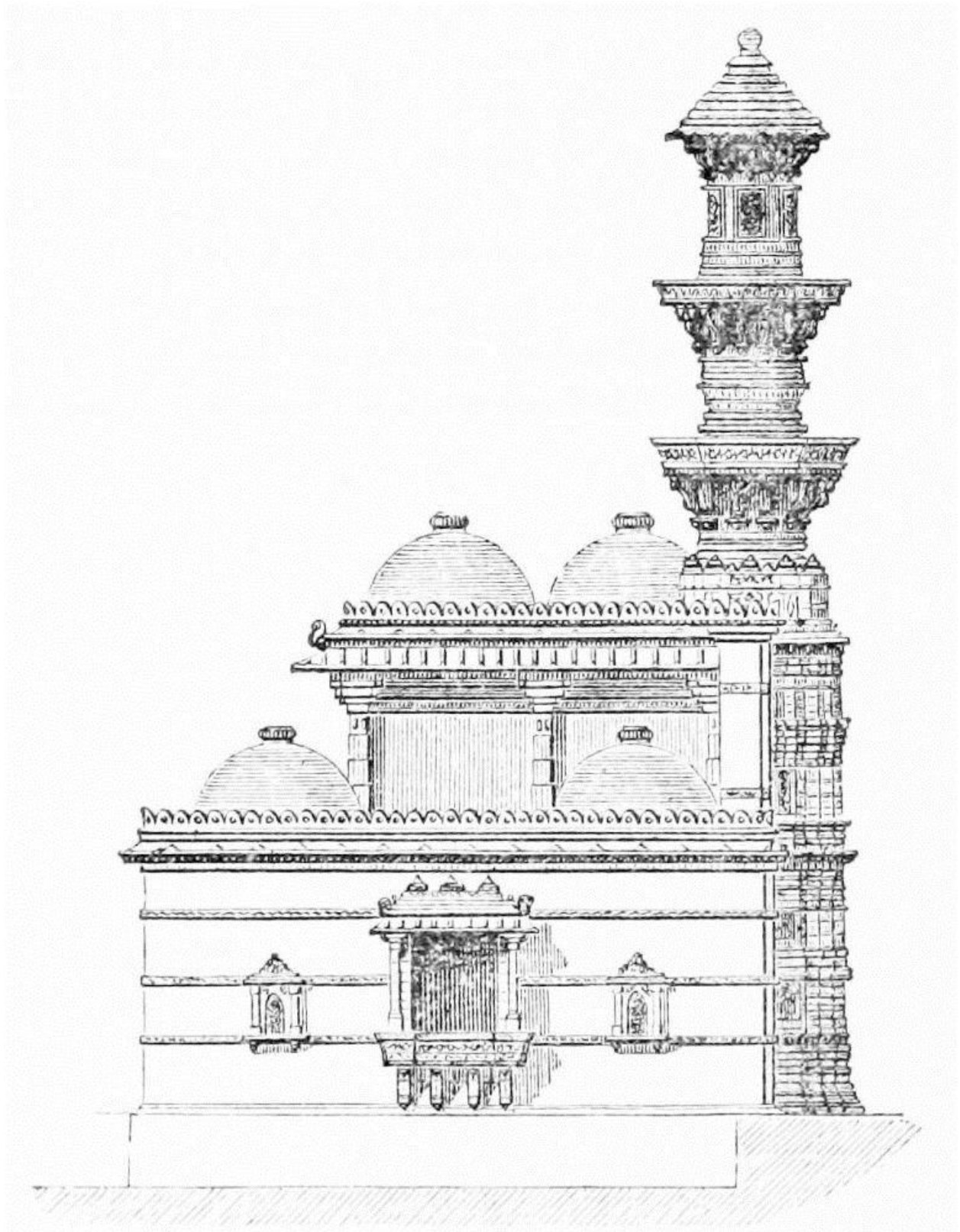

[back](#)

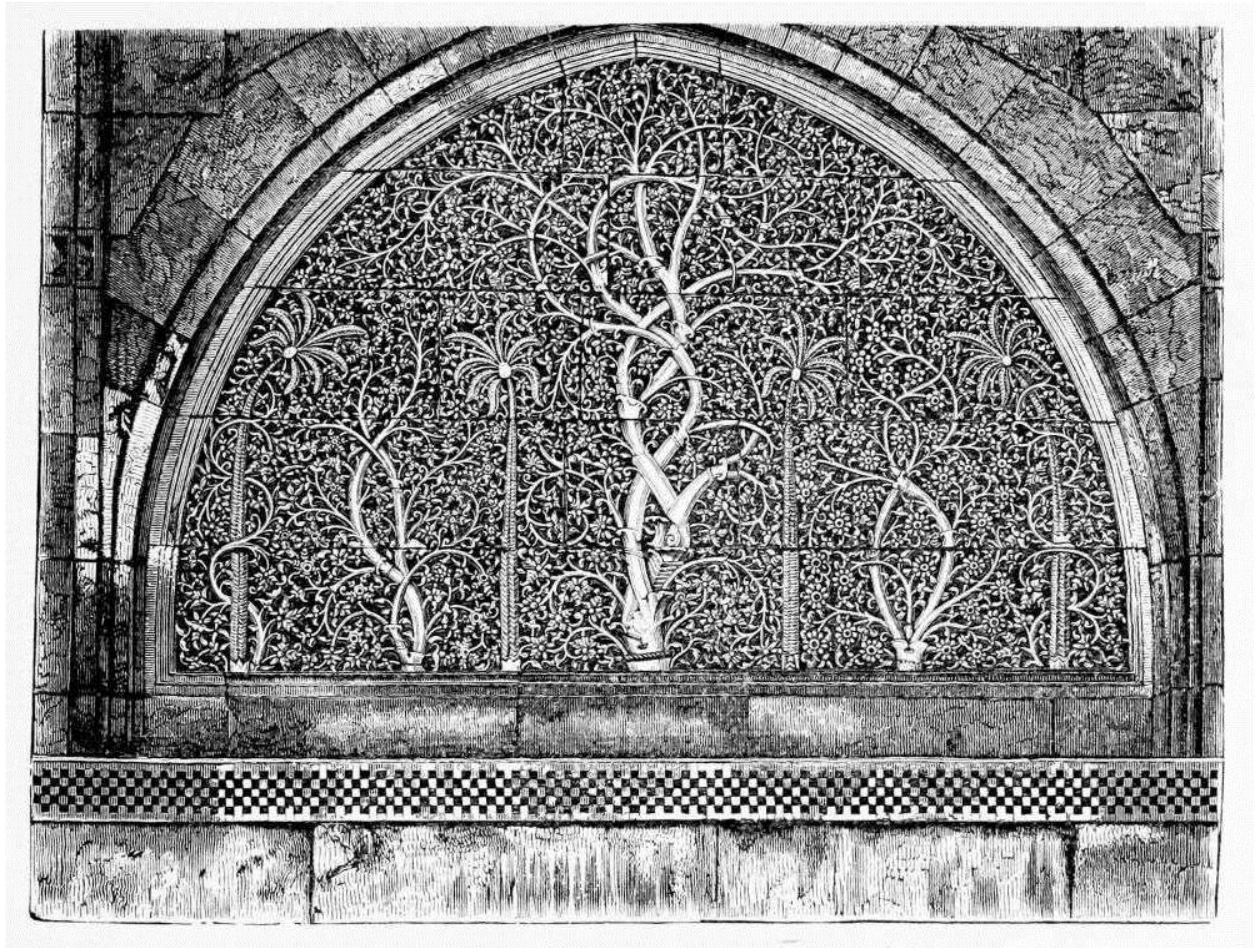

[back](#)

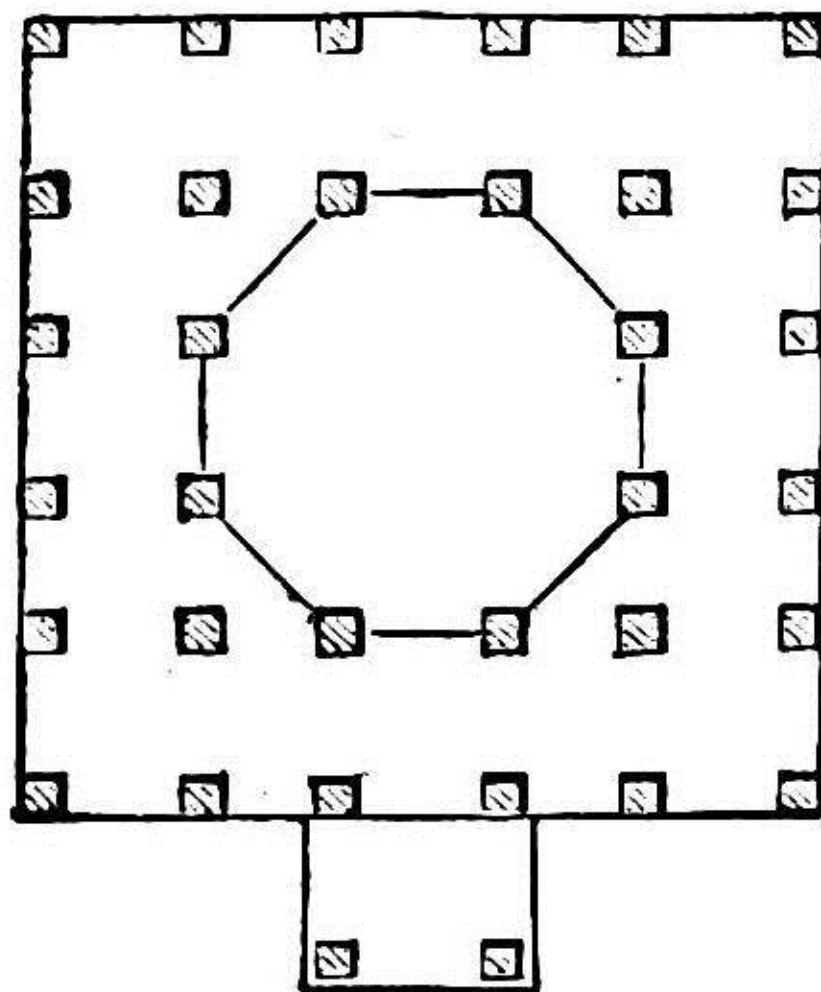

[back](#)

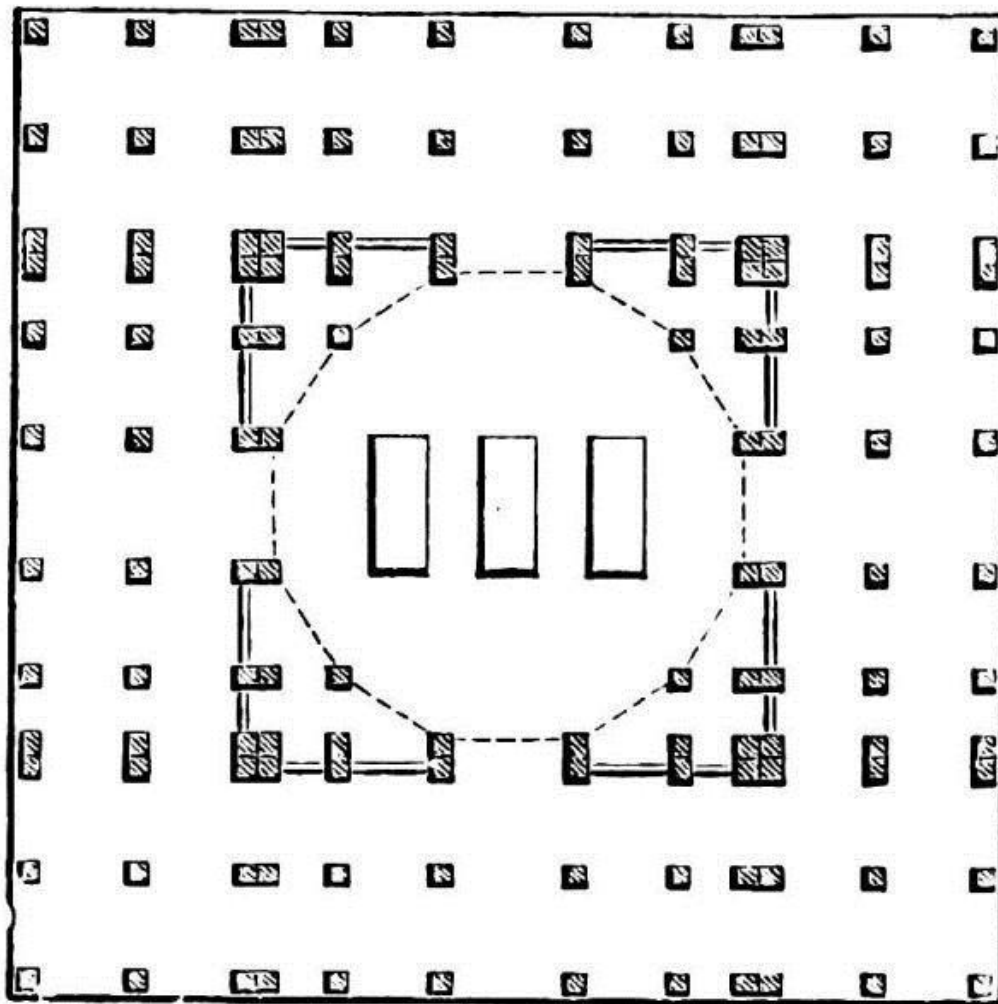
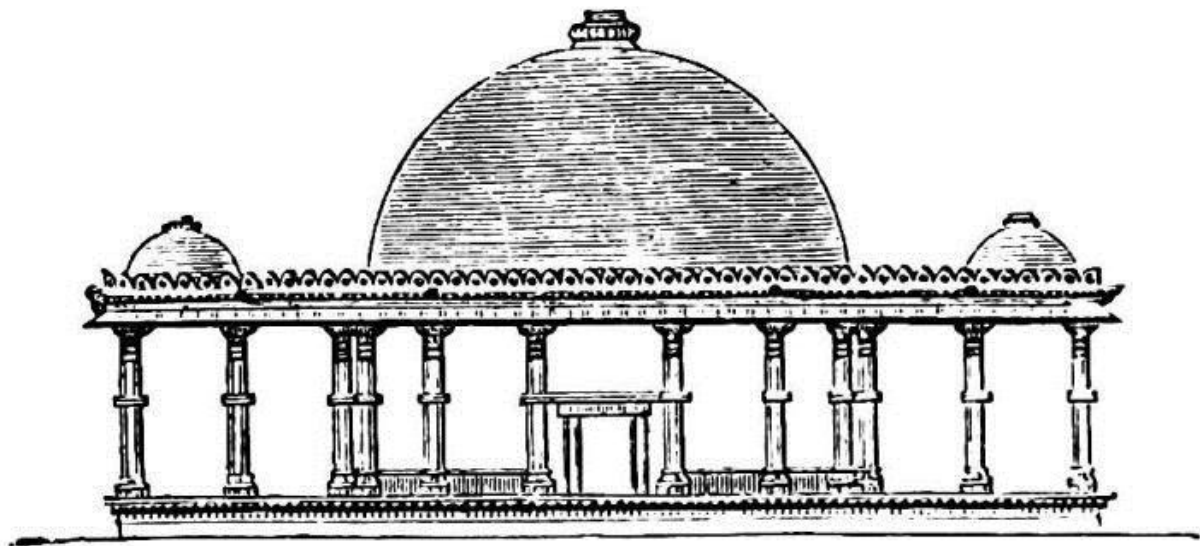

[back](#)

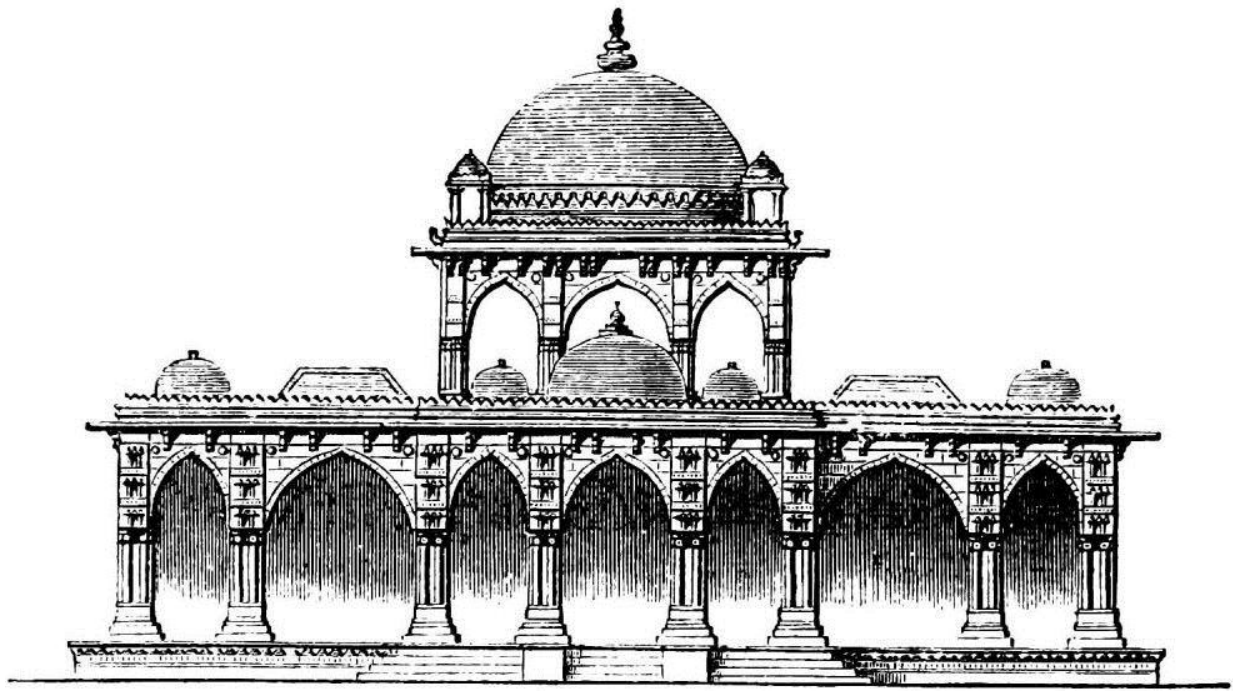

[back](#)

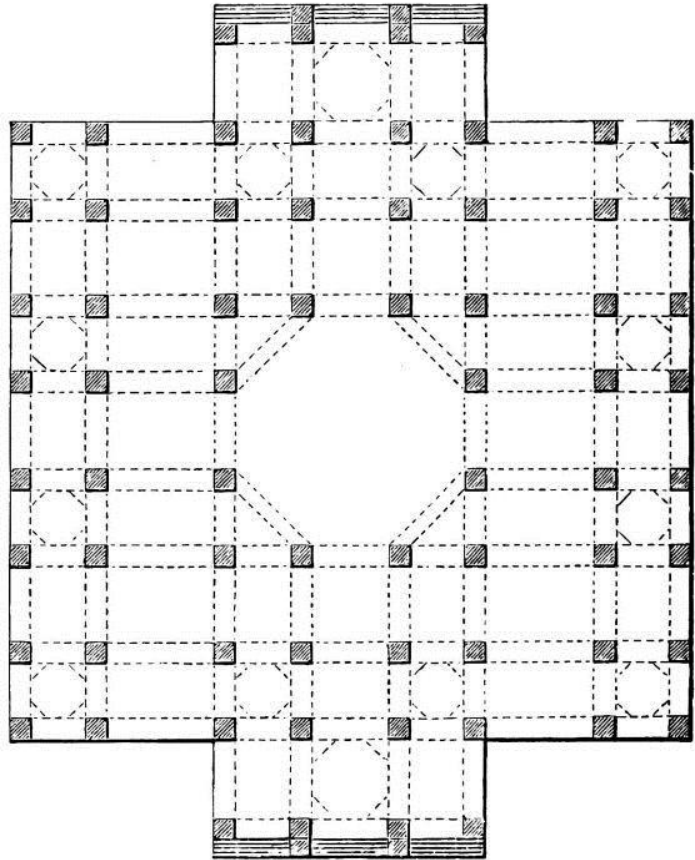
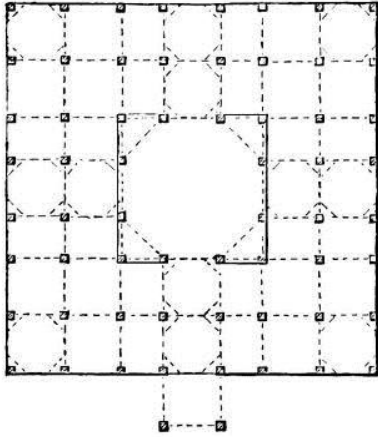

[back](#)

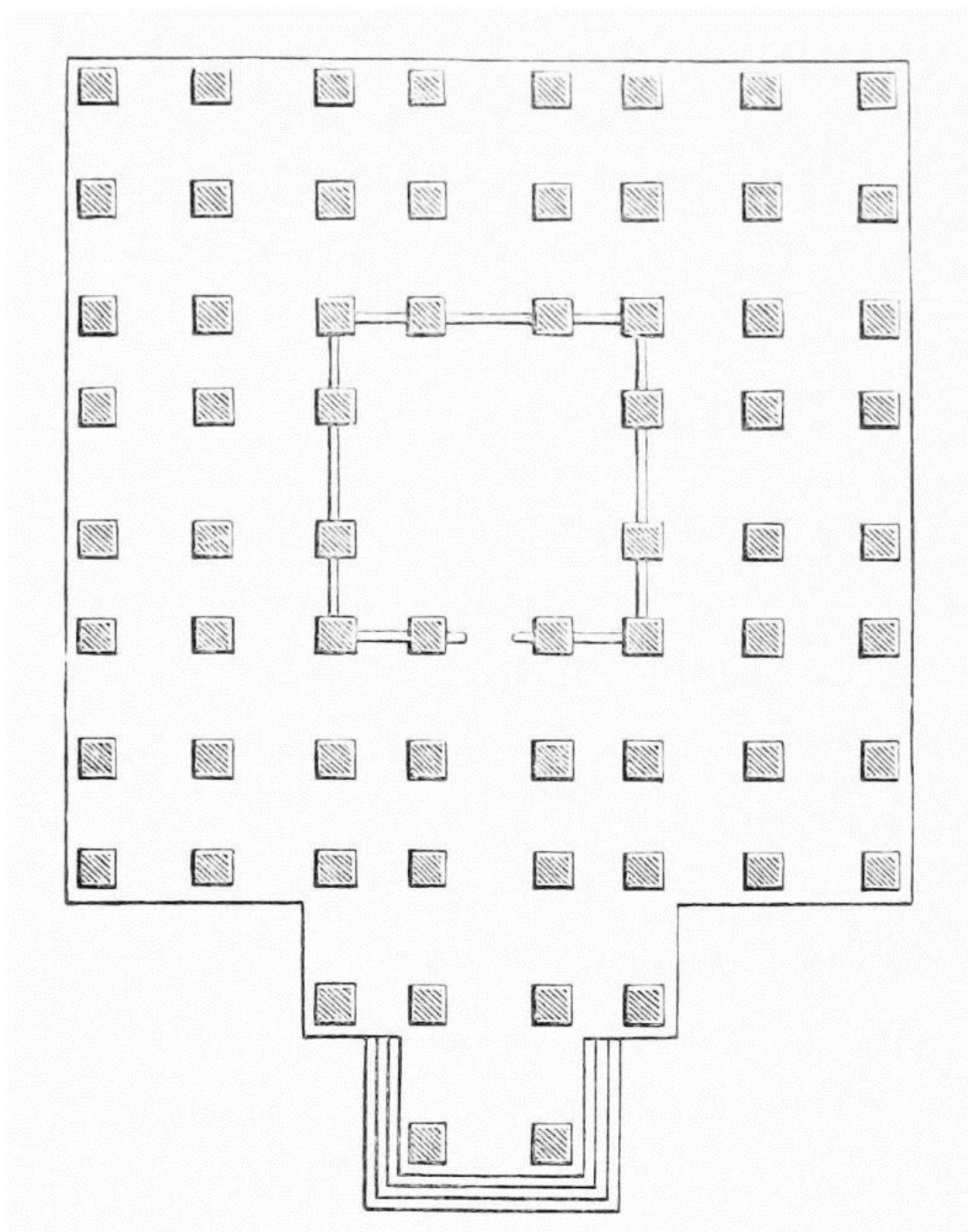

[back](#)

[back](#)

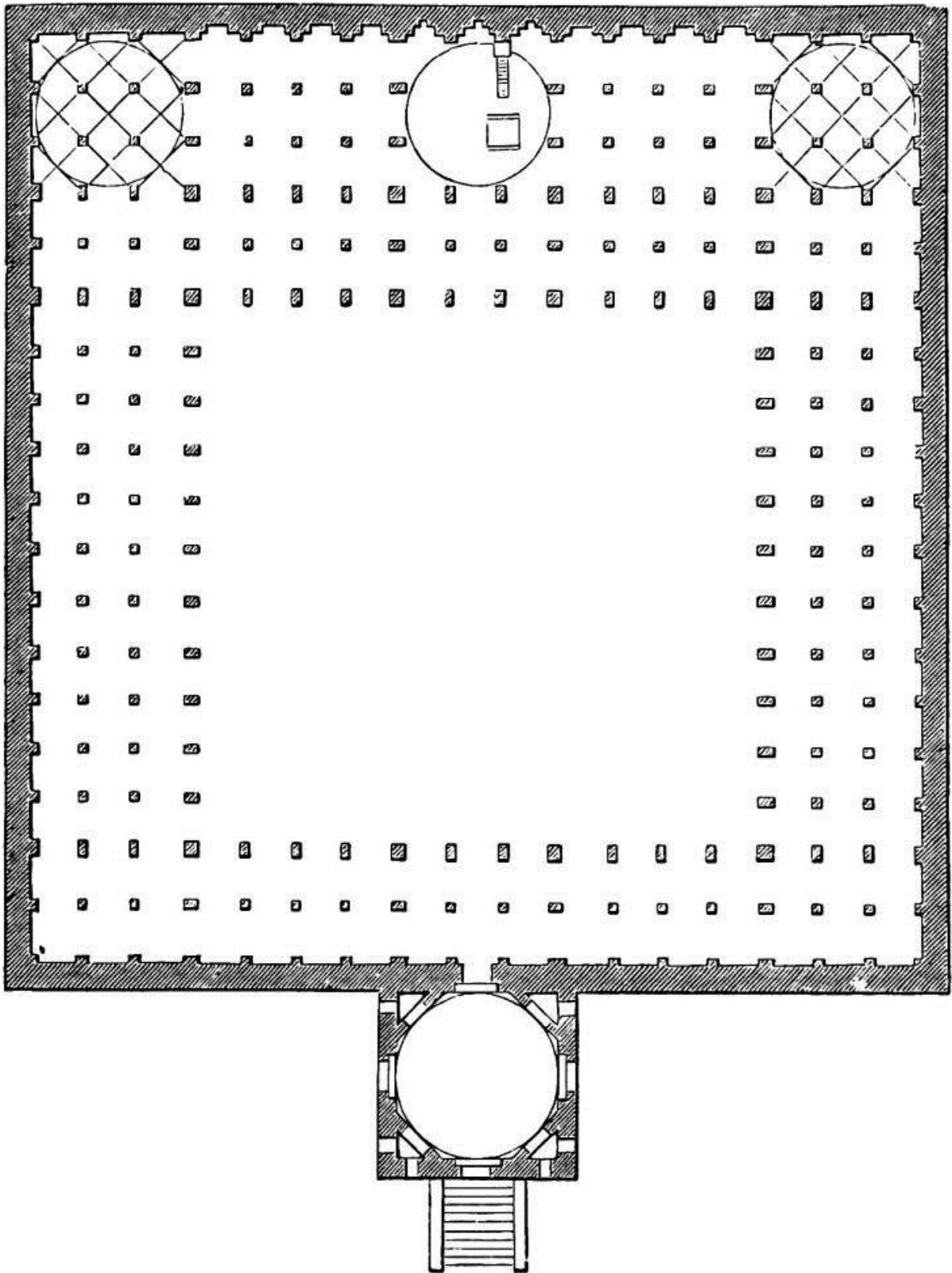

[back](#)

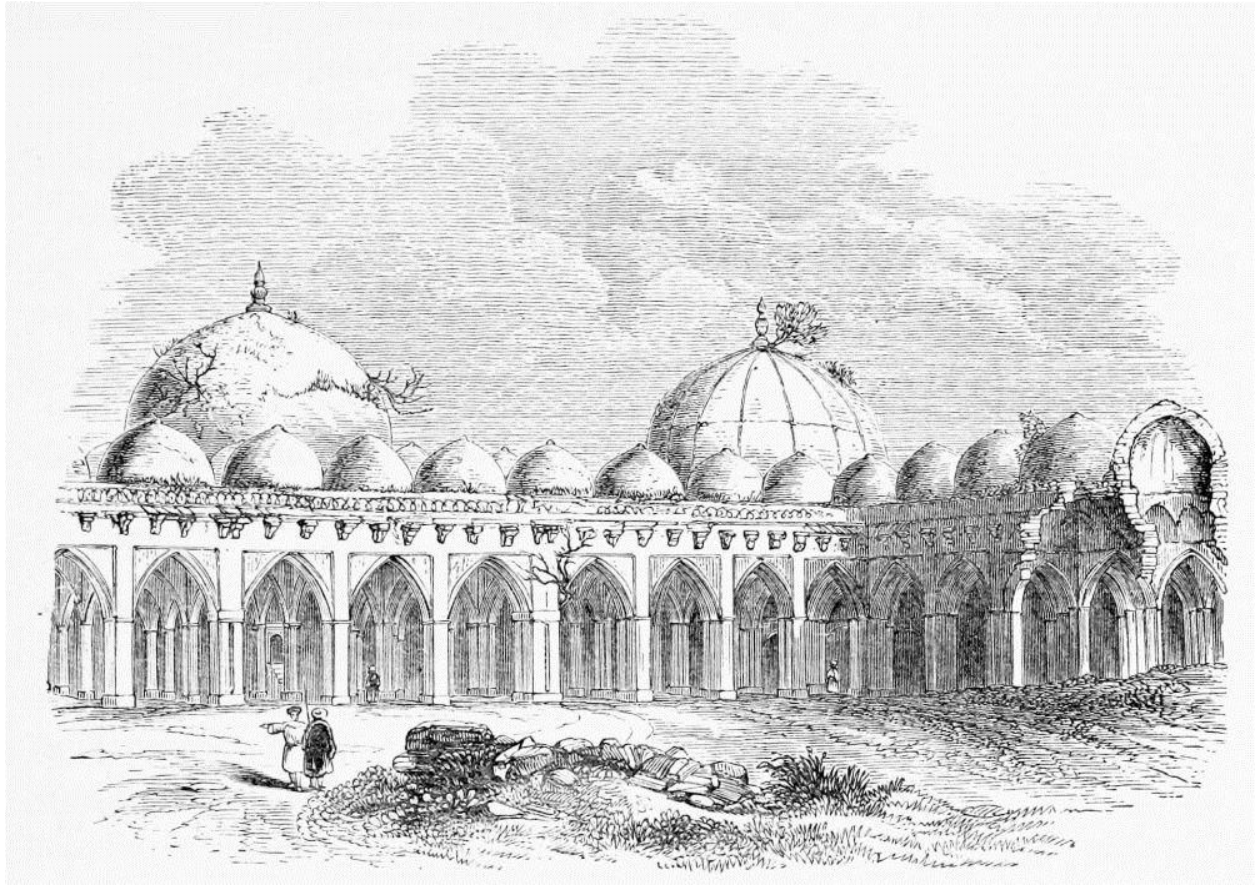

[back](#)

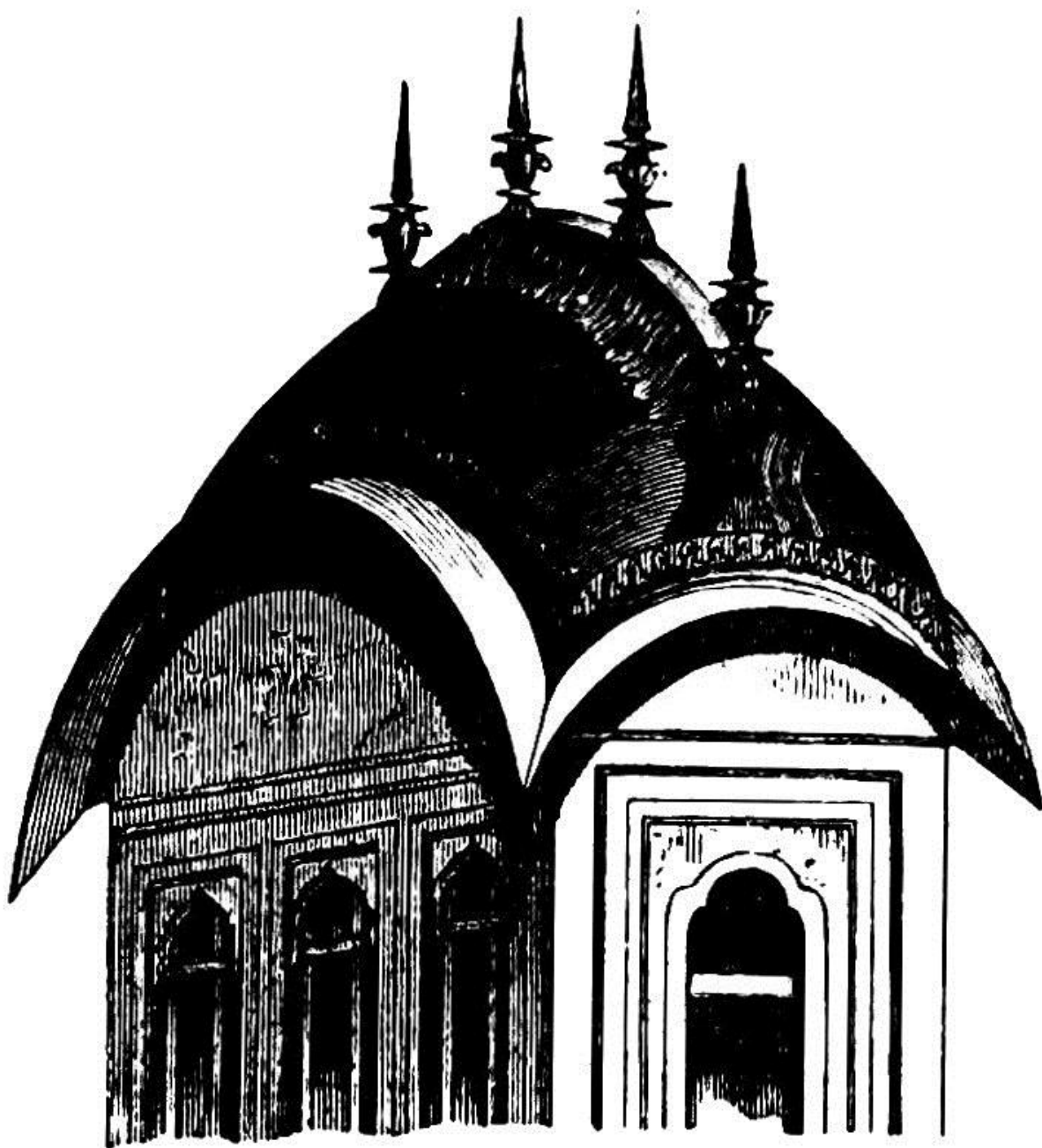

[back](#)

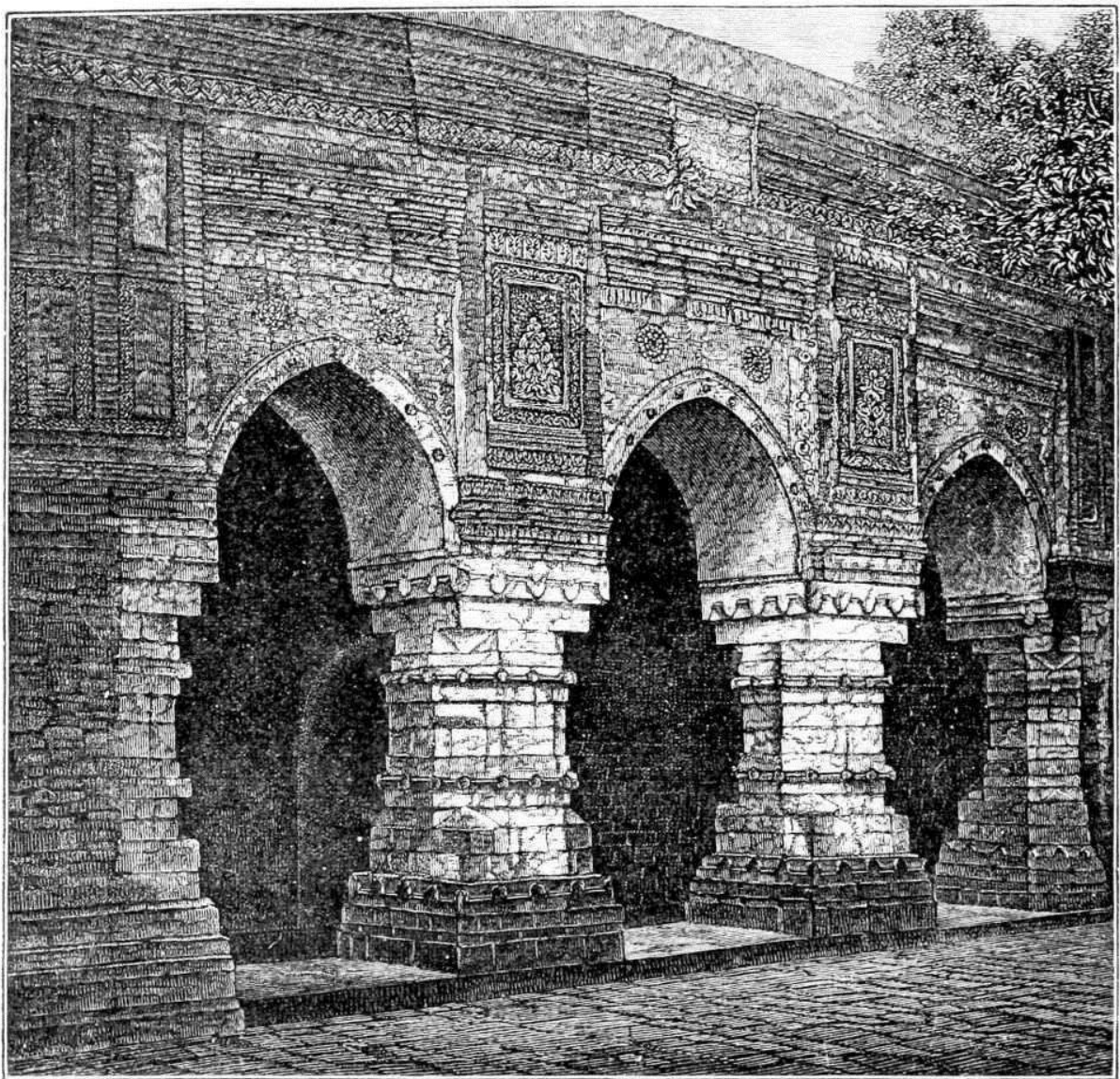

[back](#)

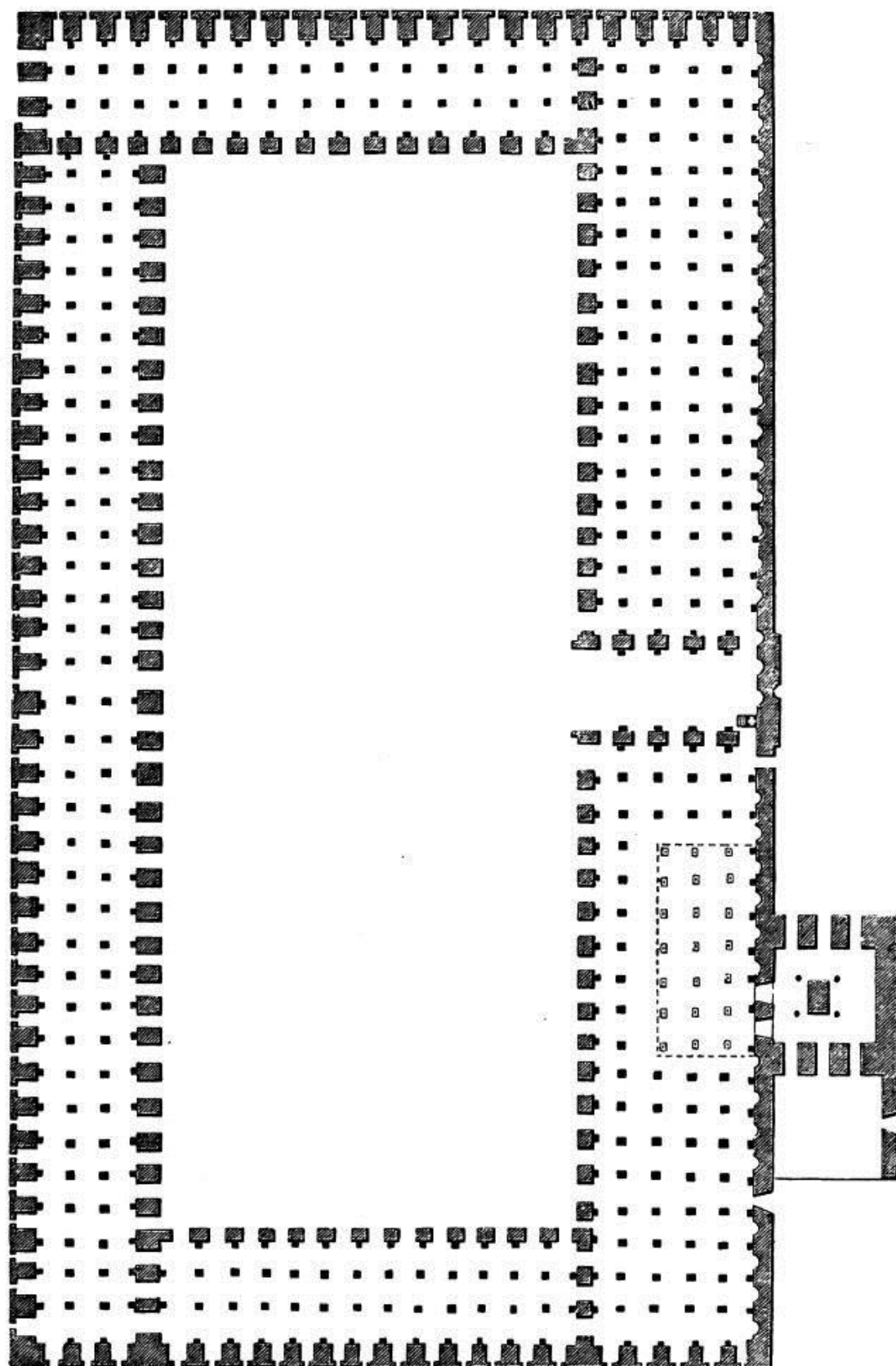

[back](#)

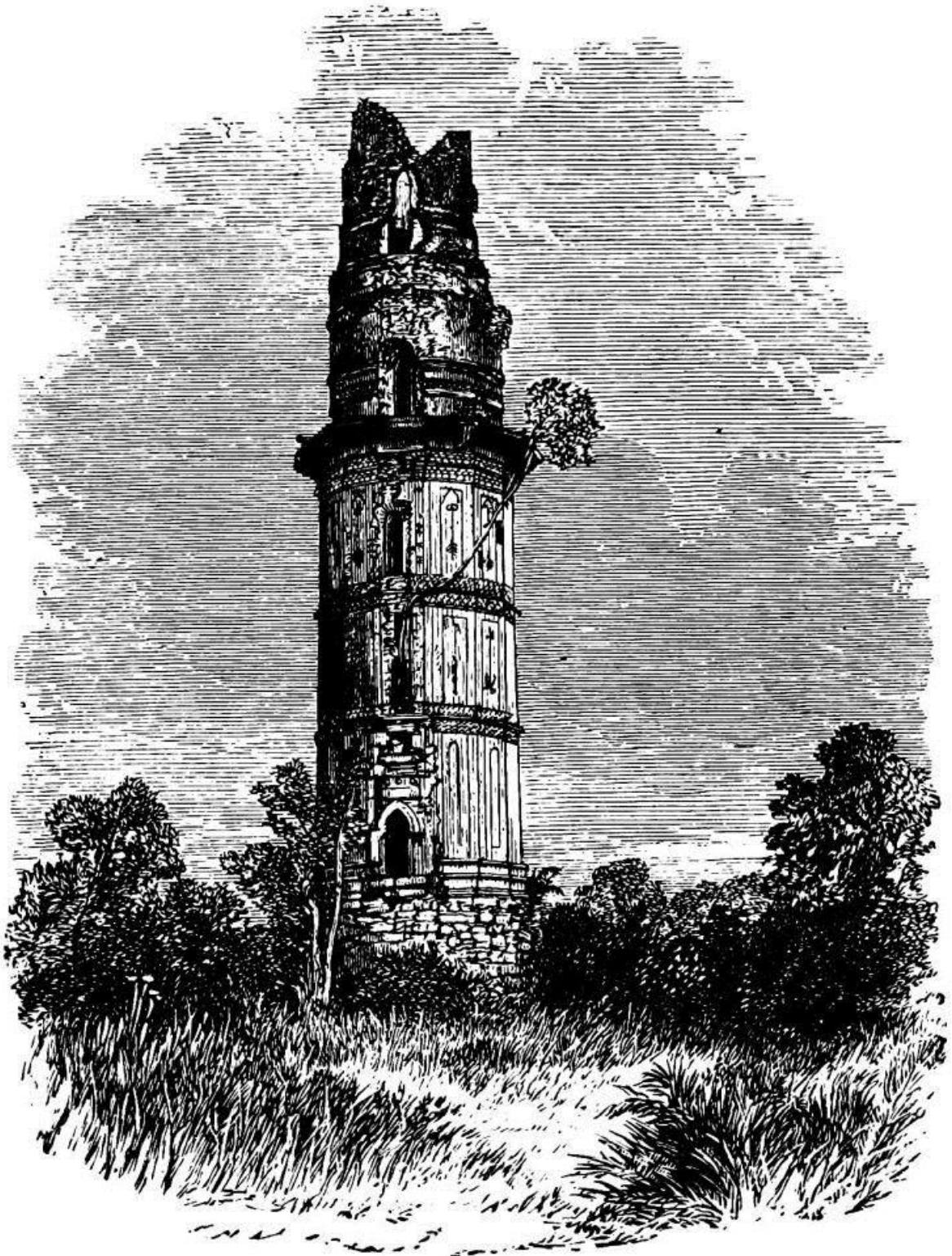

[back](#)

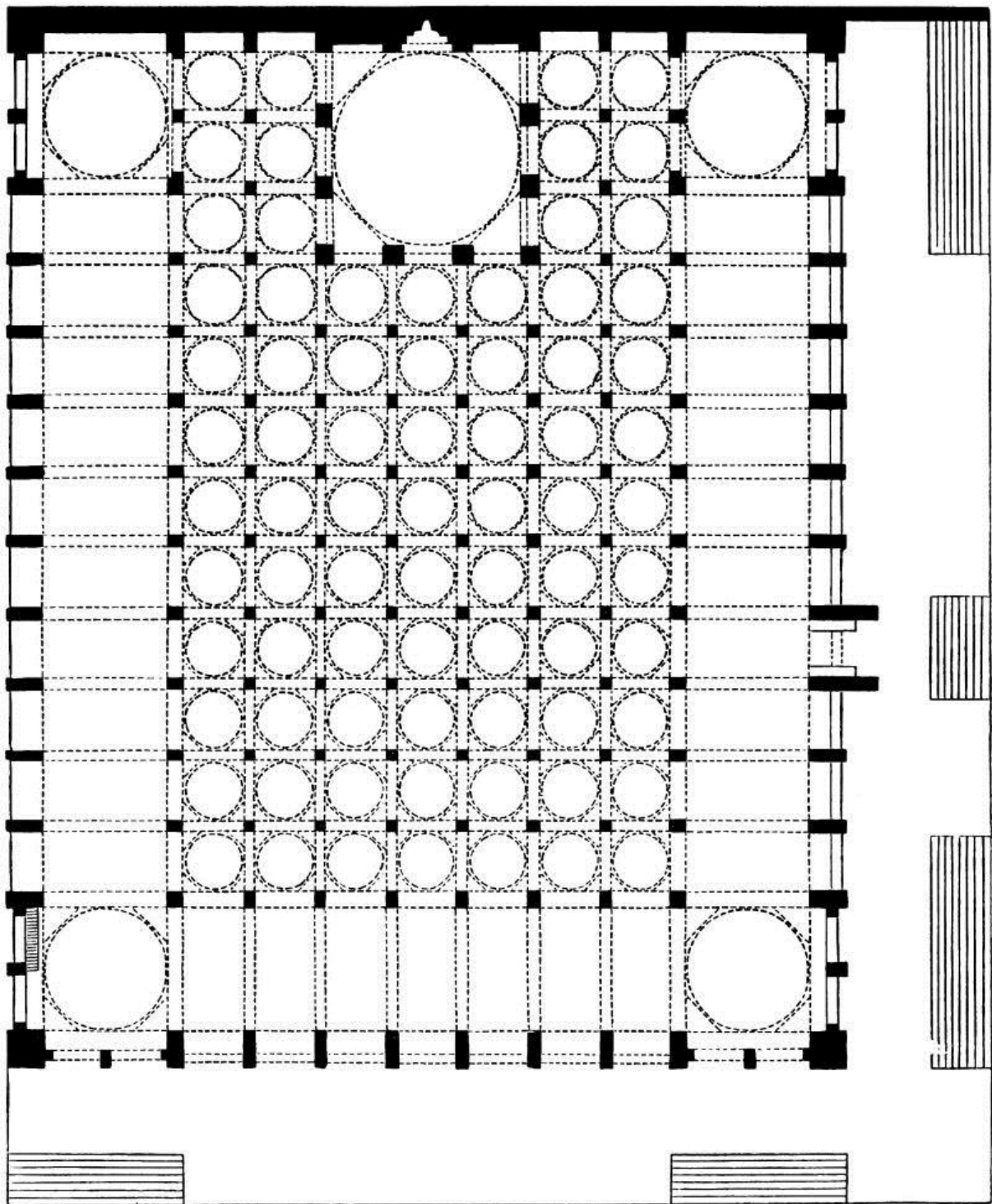

[back](#)

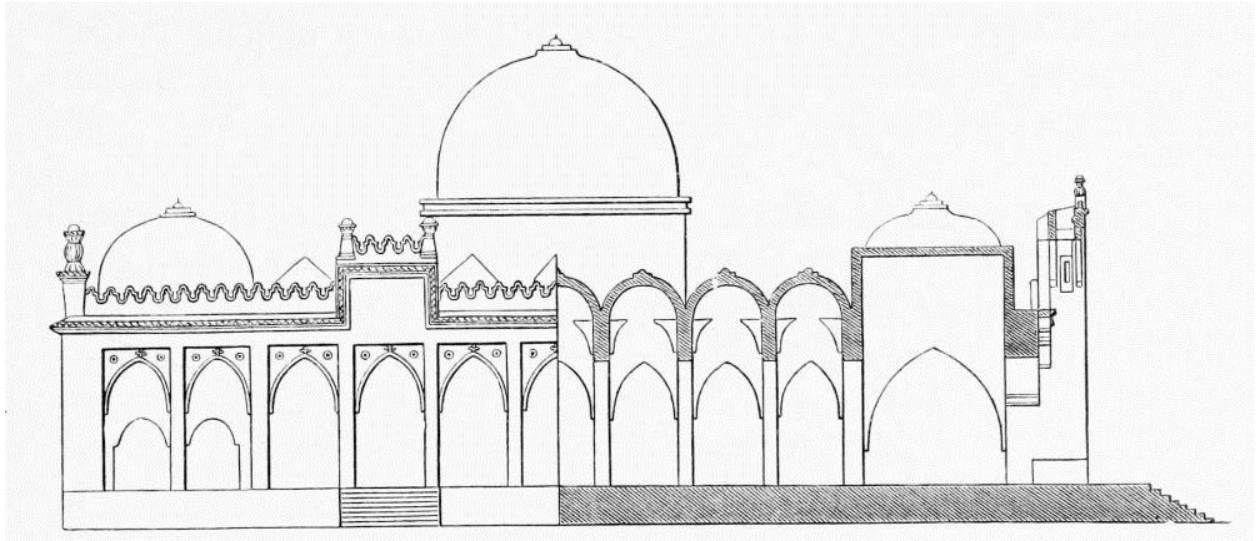

[back](#)

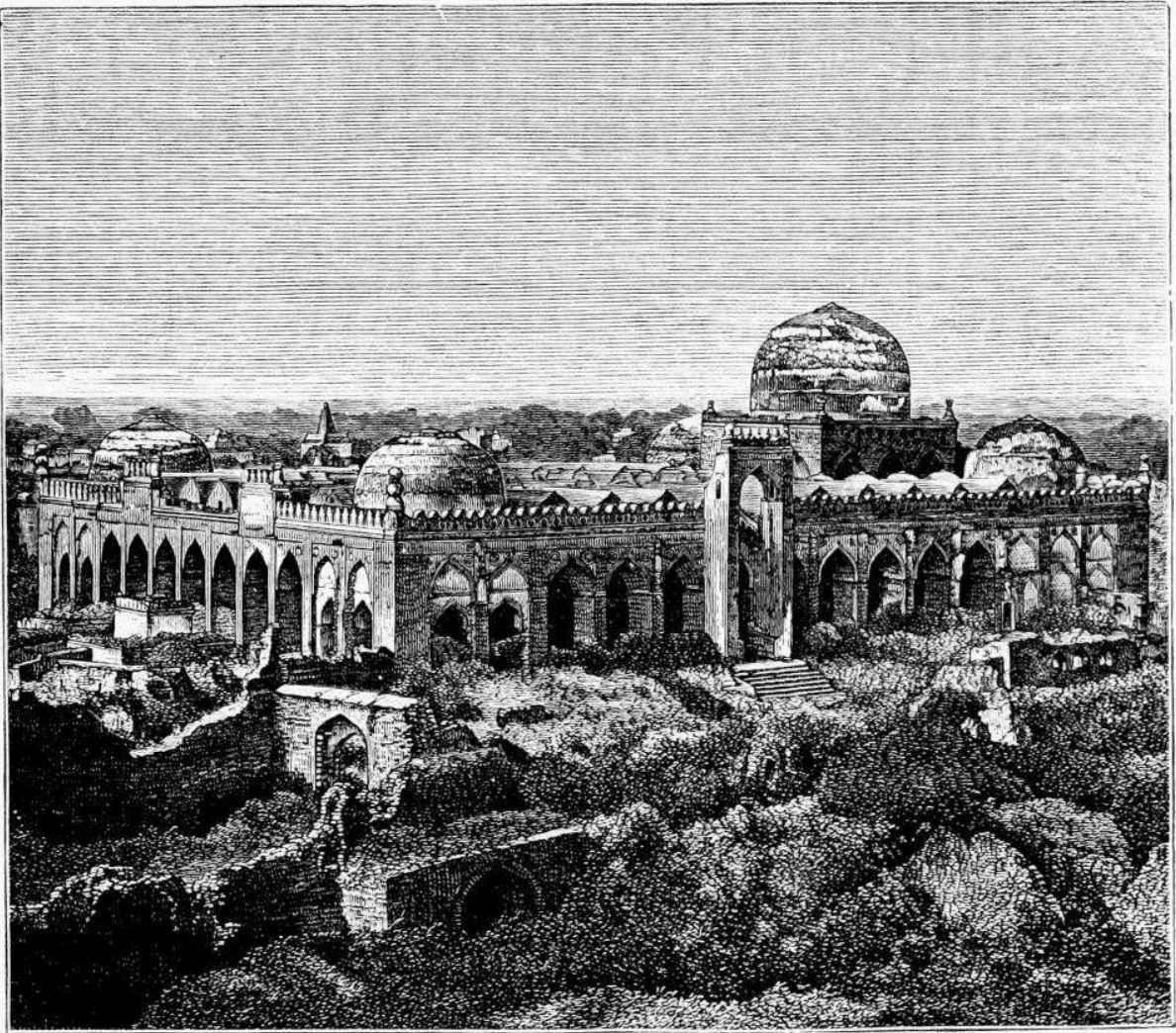

[back](#)

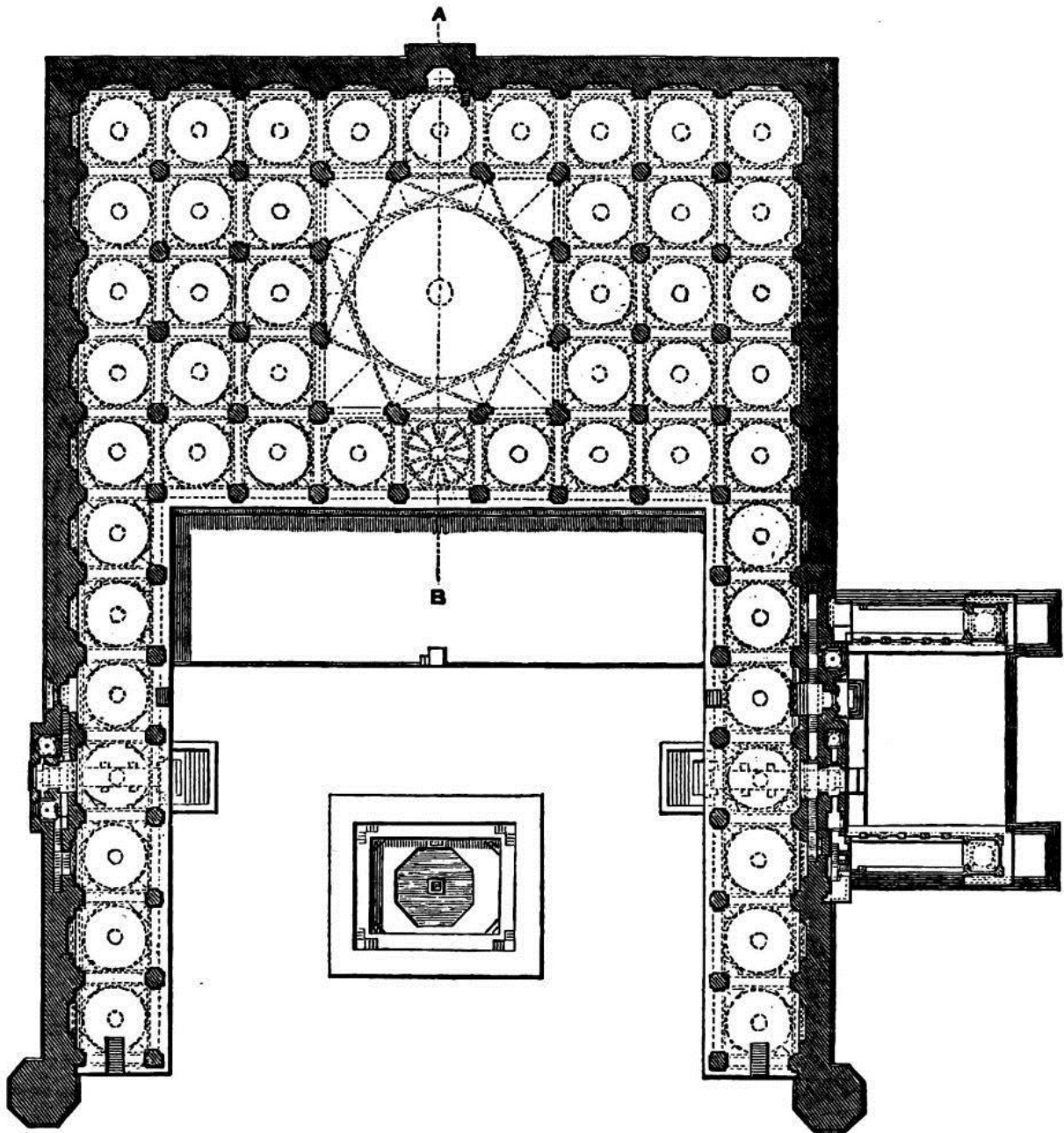

[back](#)

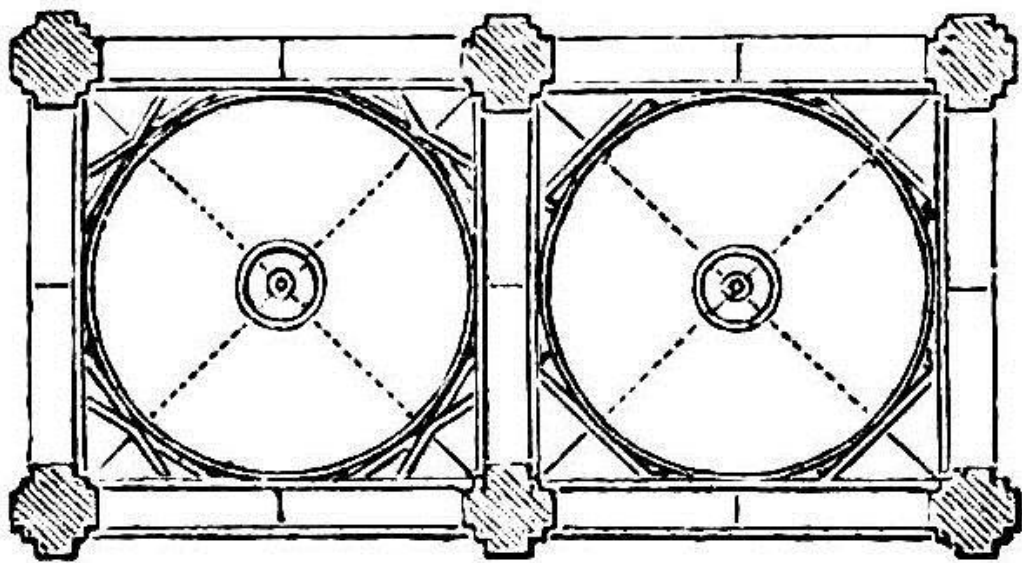
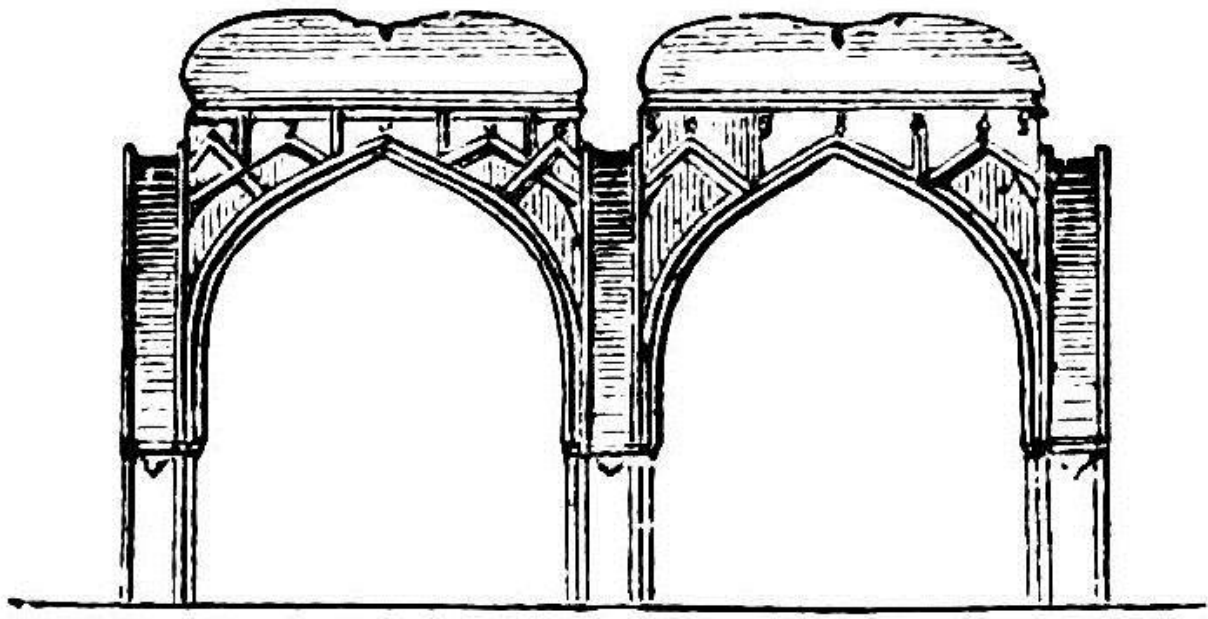

[back](#)

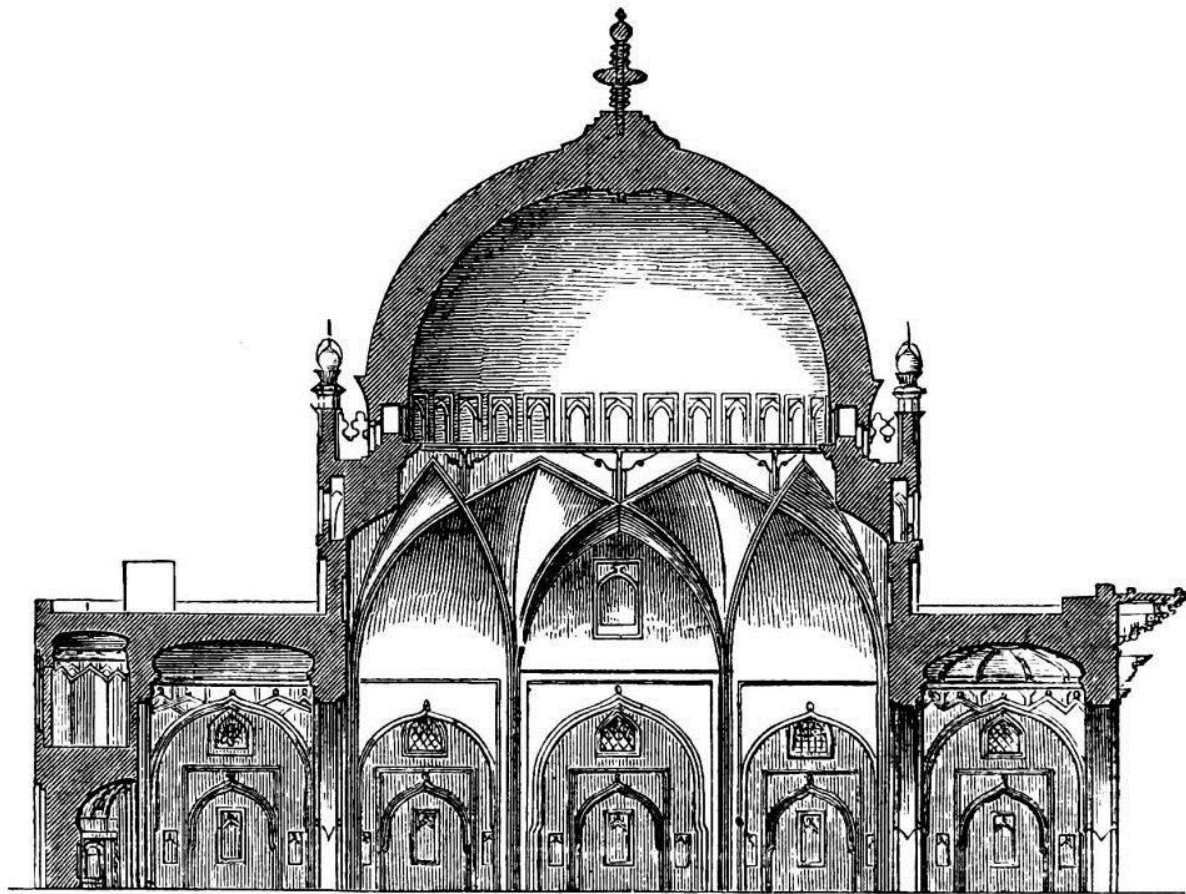

[back](#)

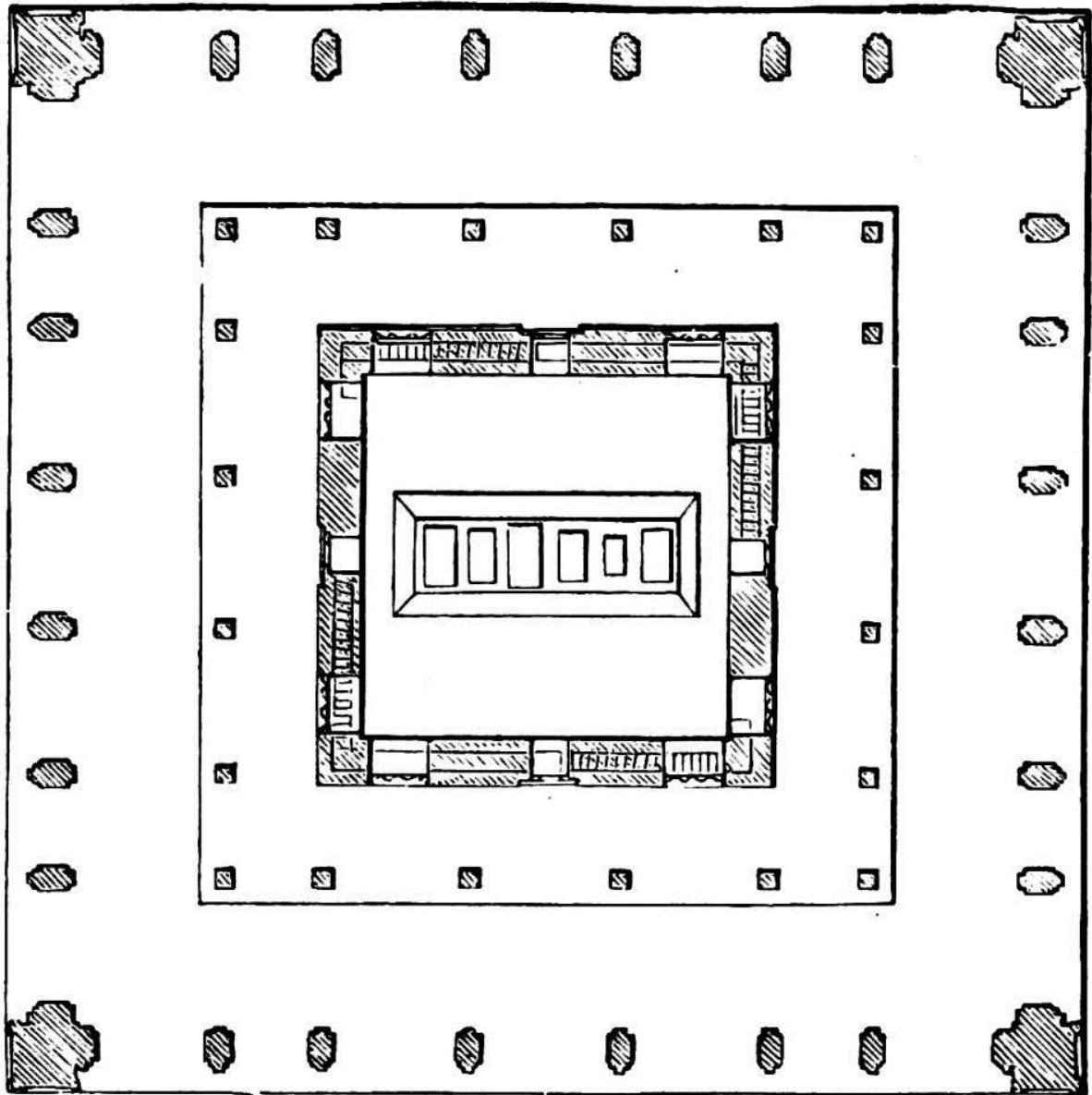

[back](#)

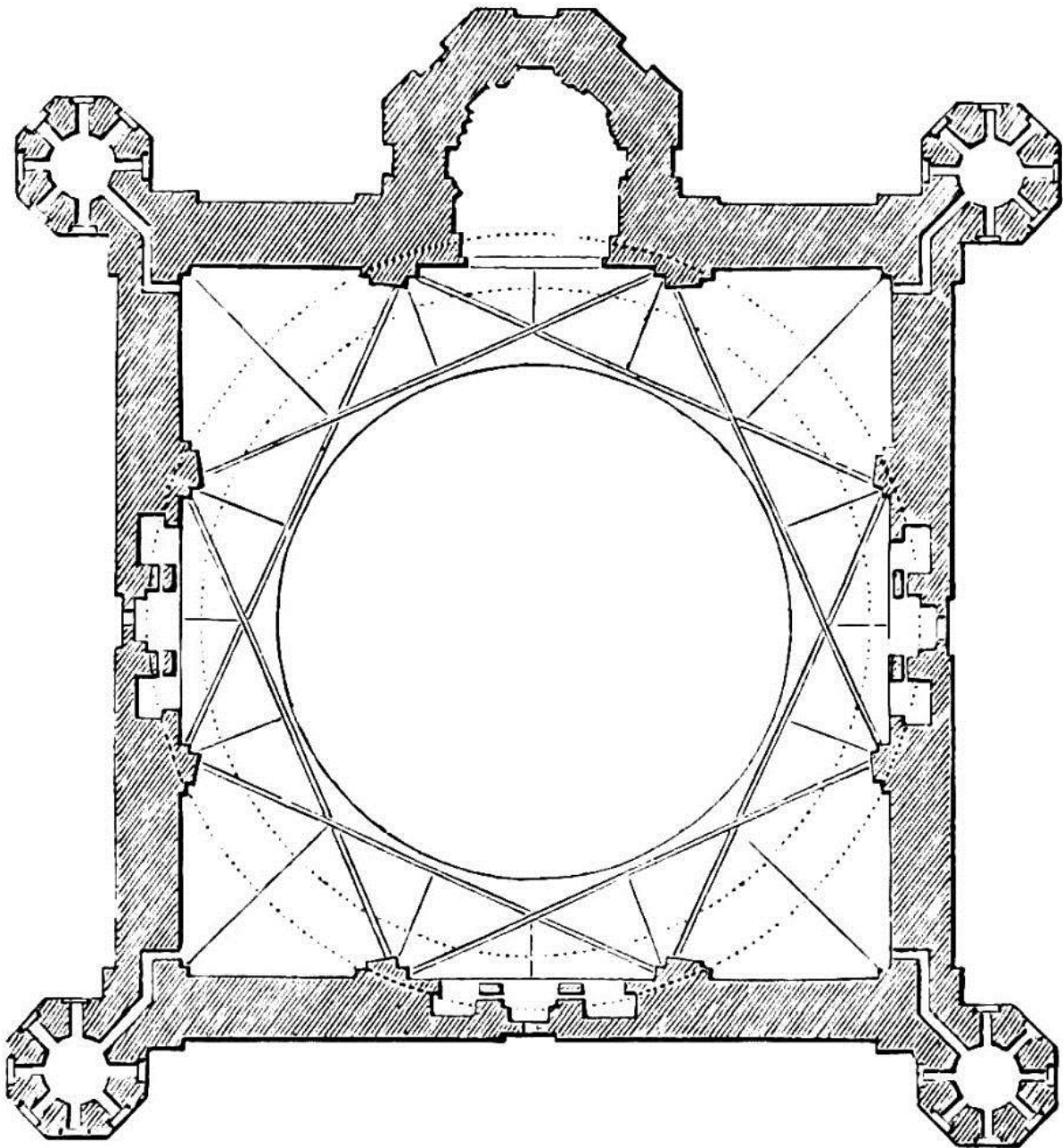

[back](#)

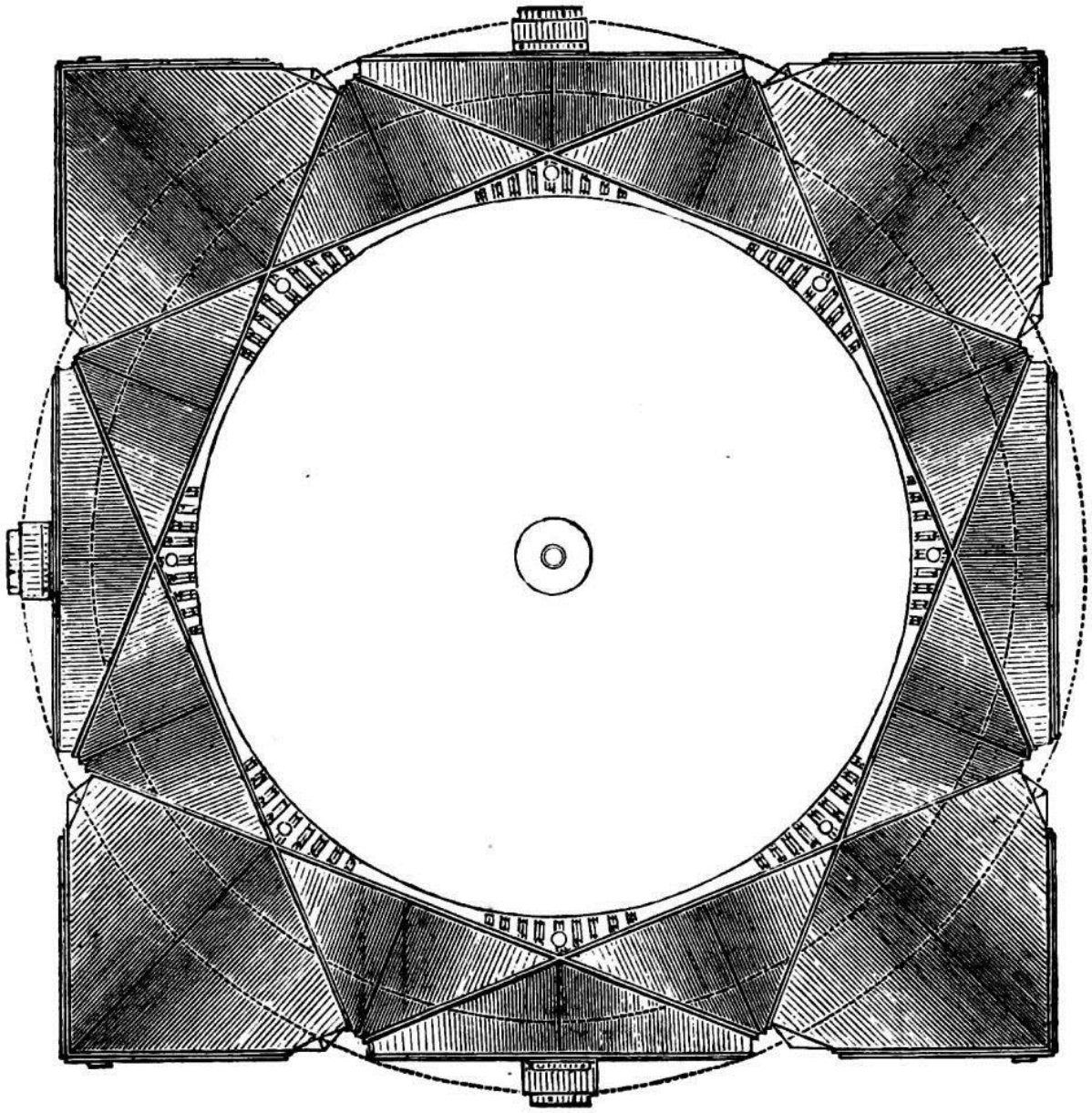

[back](#)

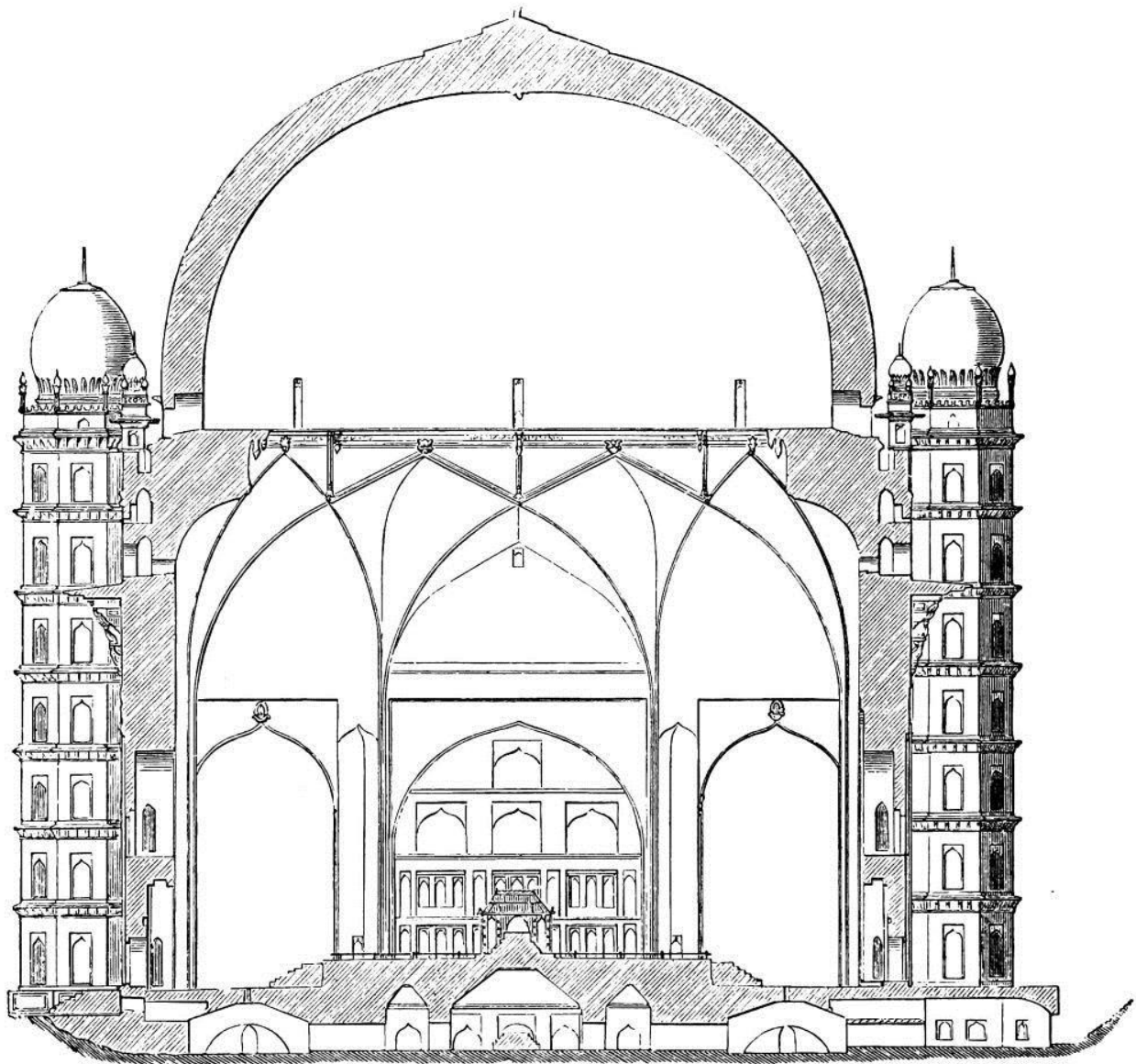

[back](#)

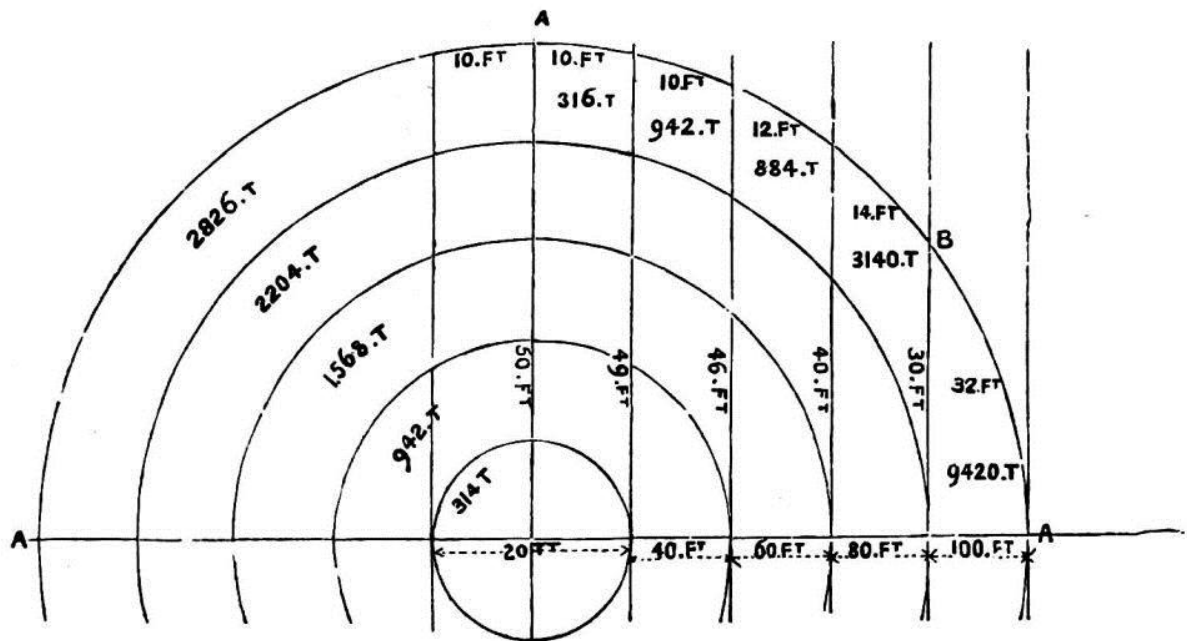

[back](#)

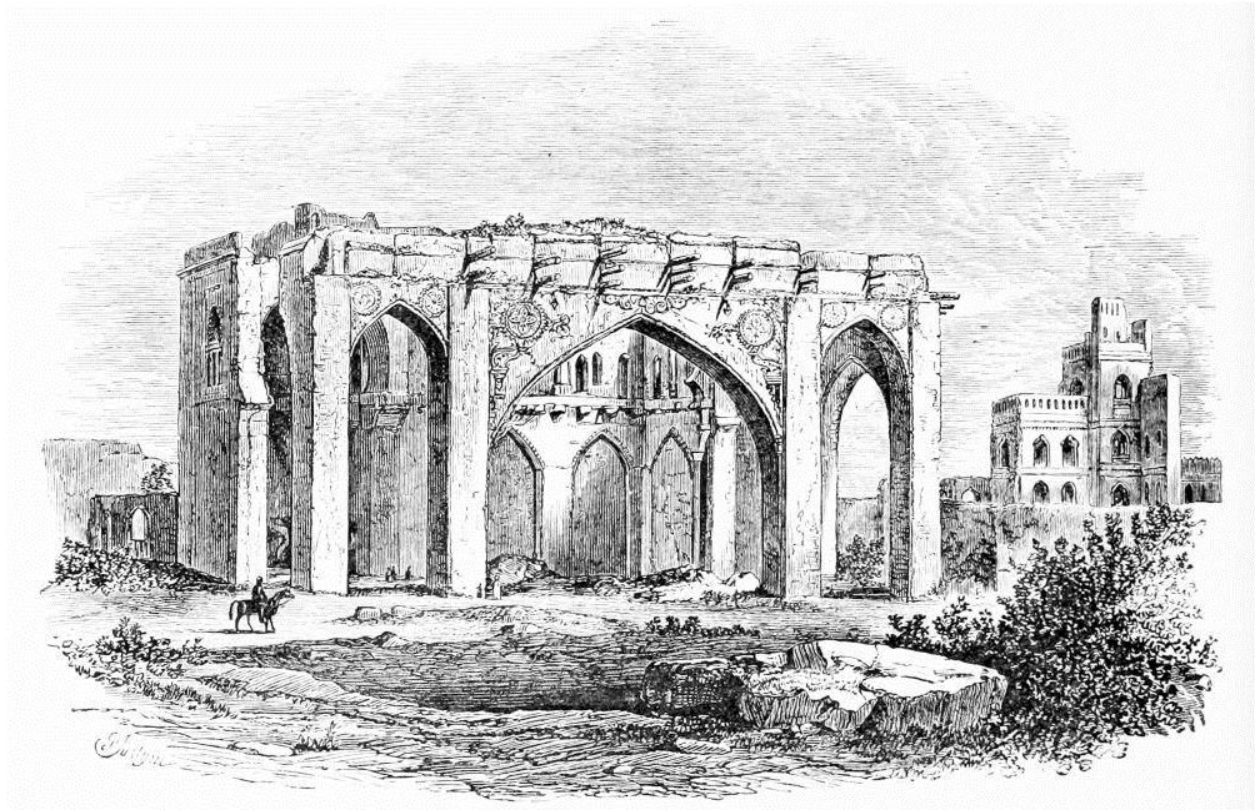

[back](#)

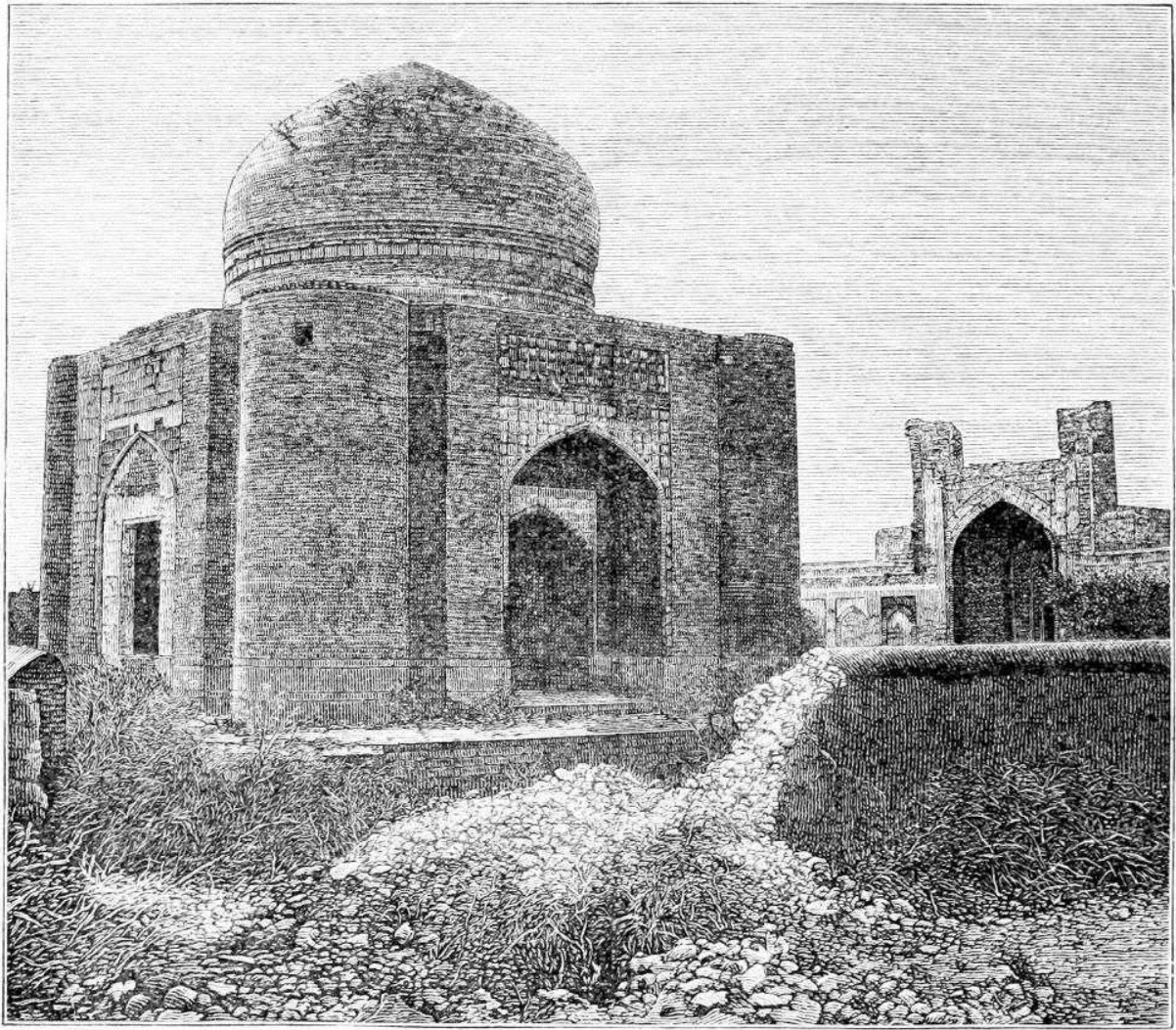

[back](#)

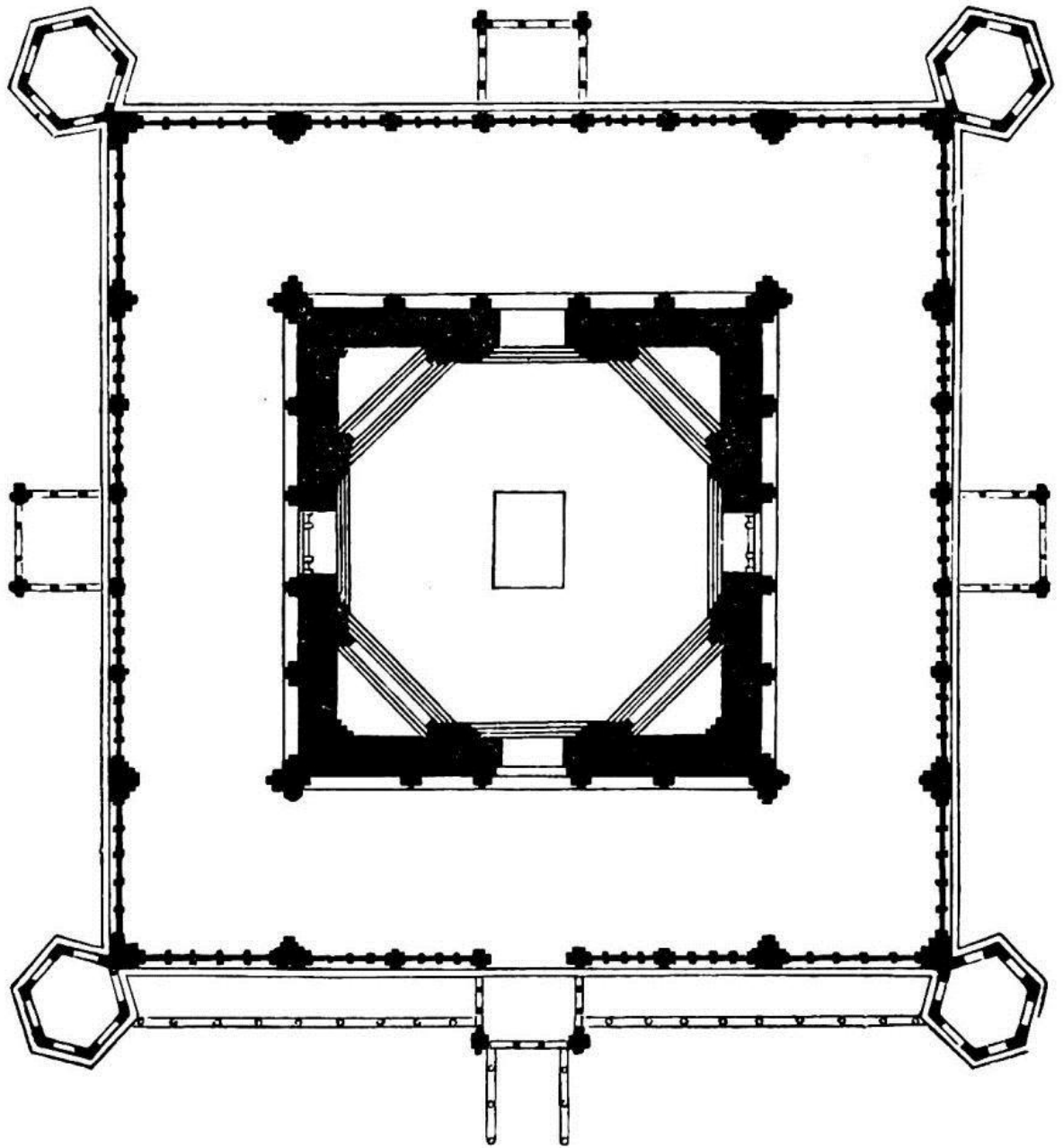

[back](#)

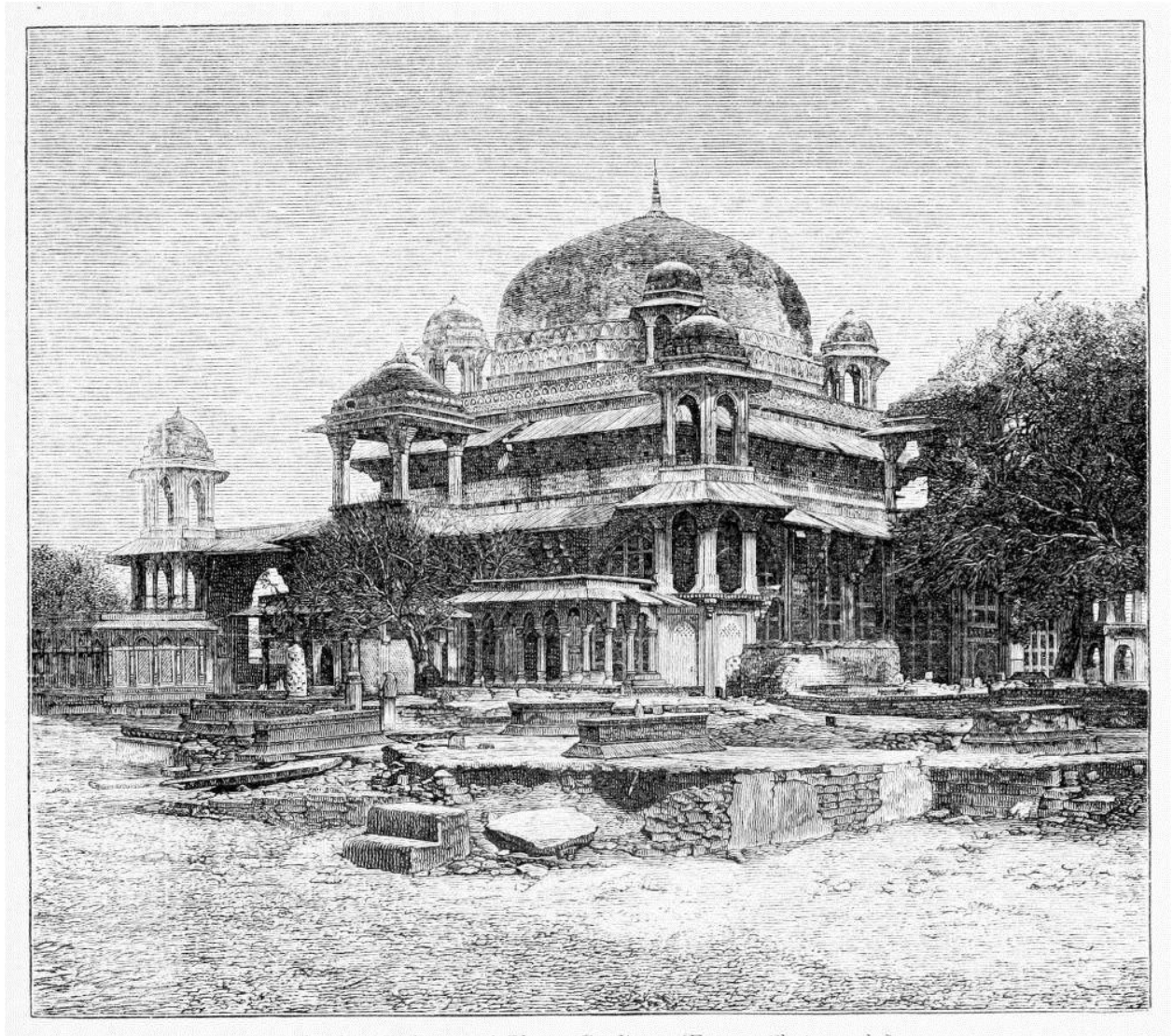

[back](#)

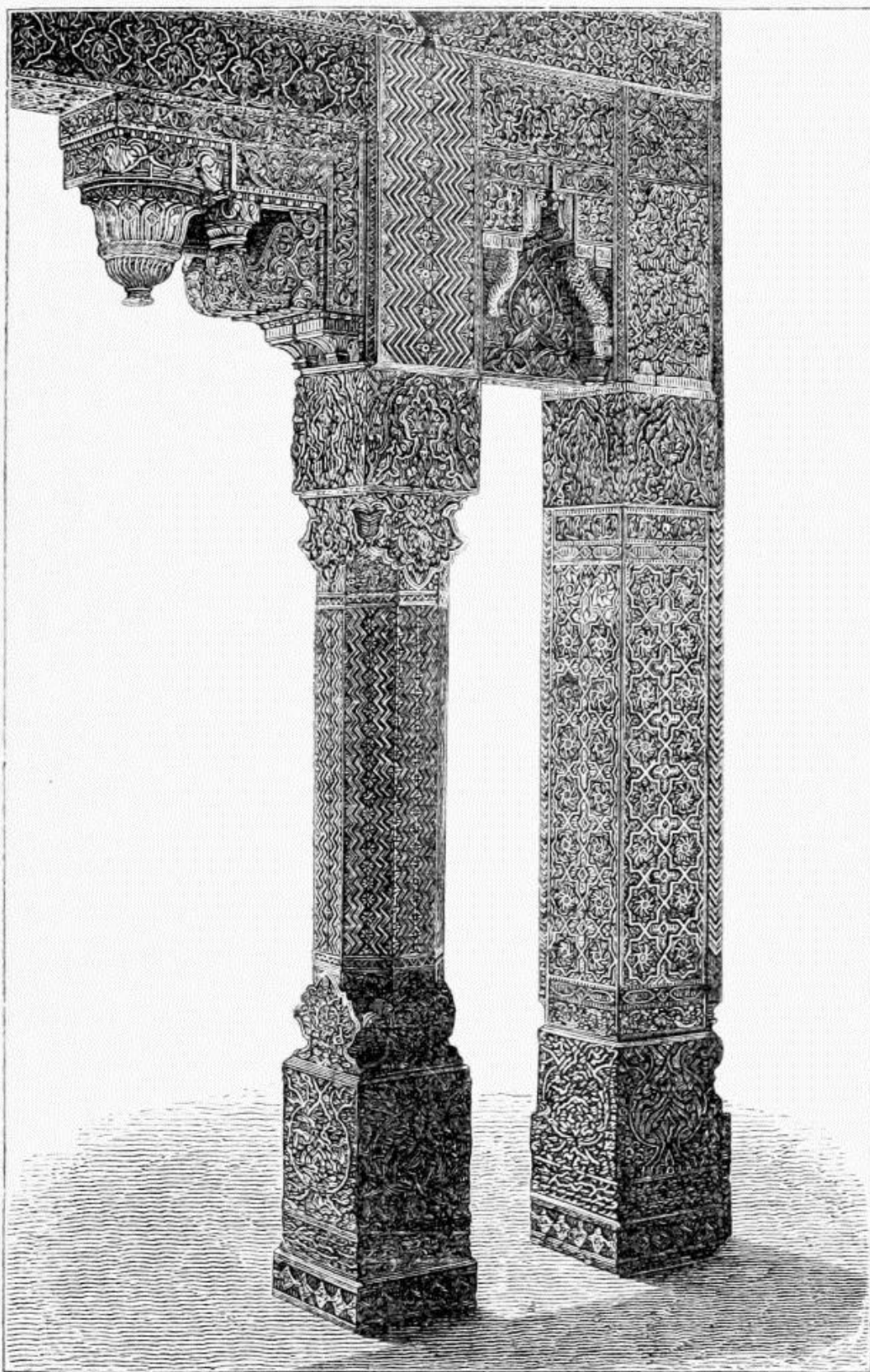

[back](#)

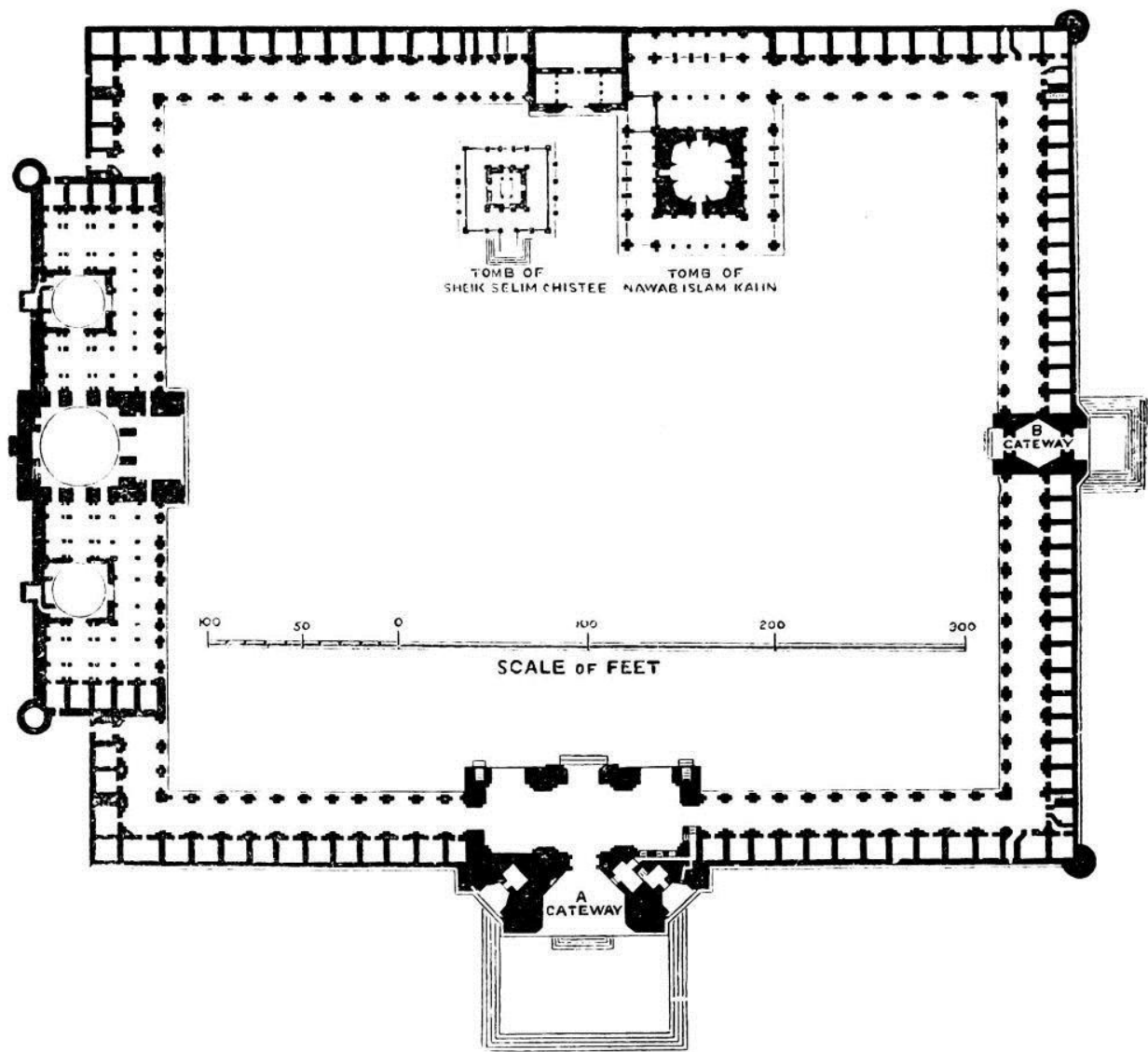

[back](#)

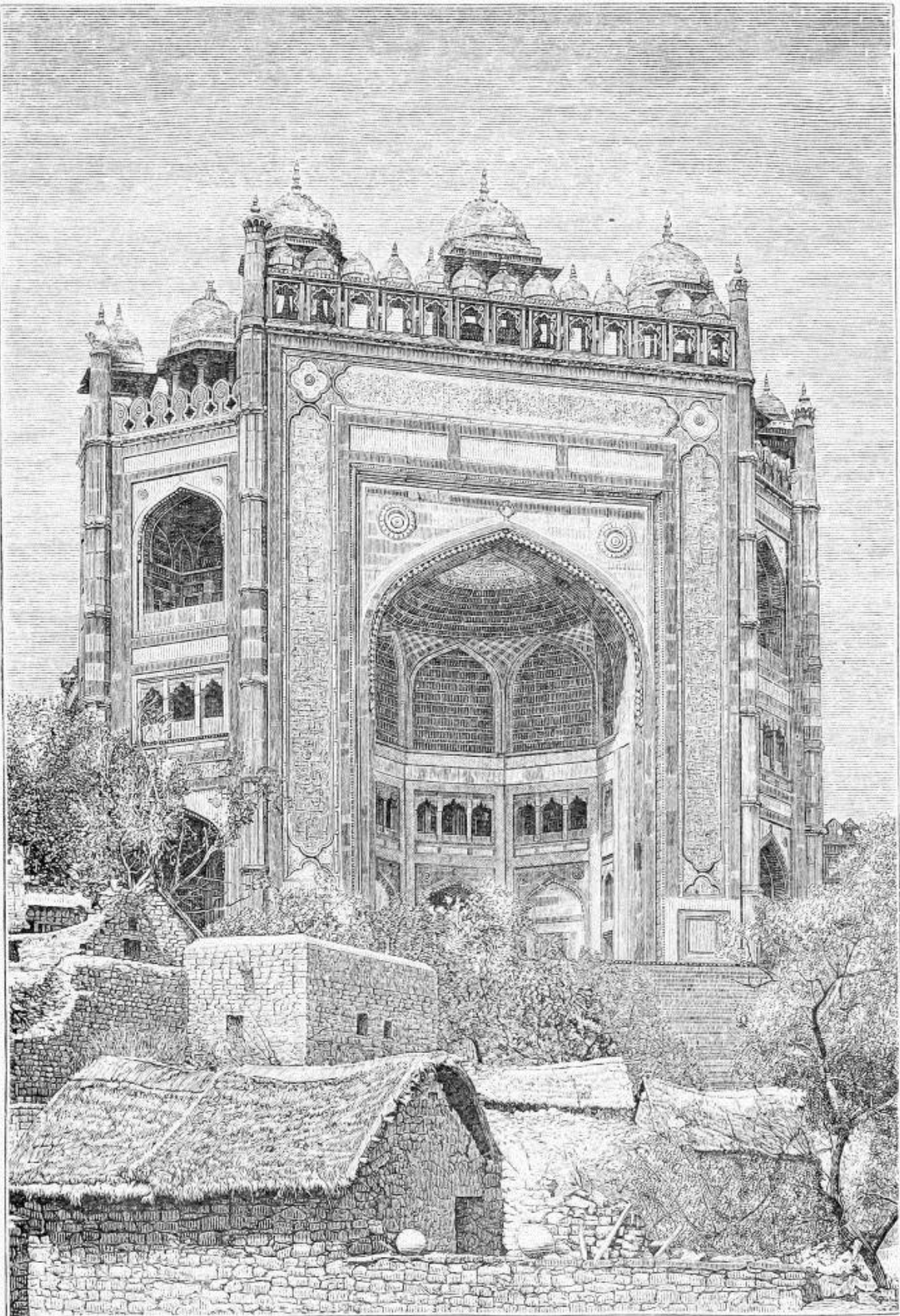

[back](#)

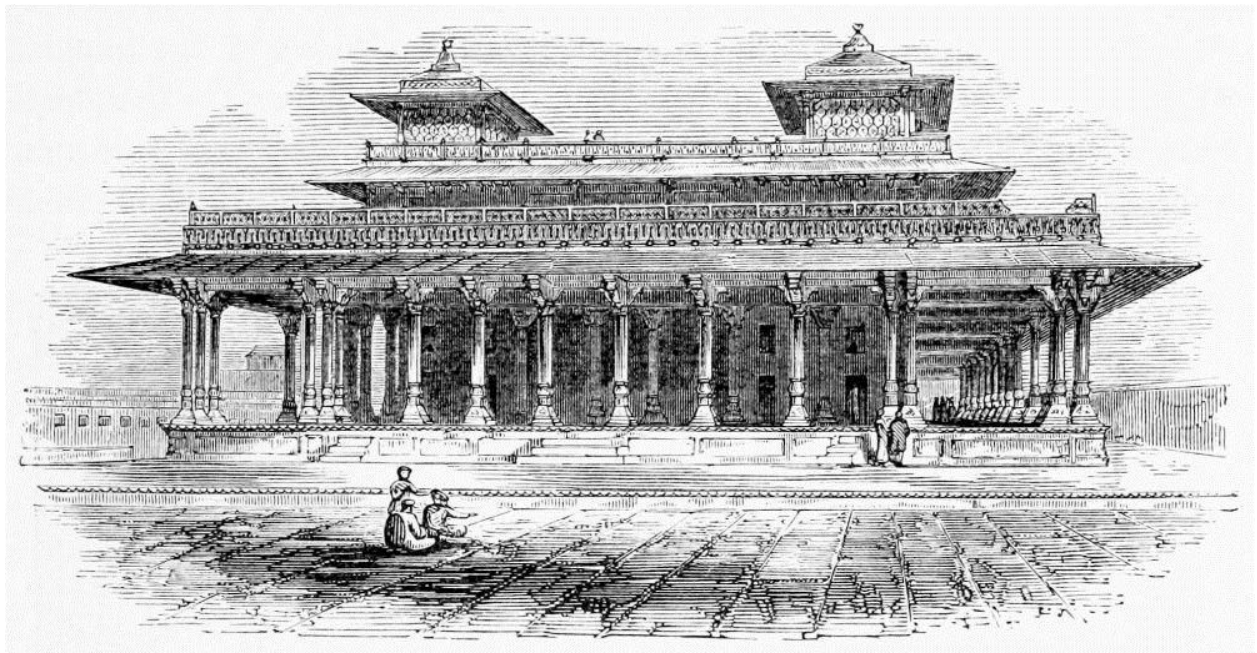
[back](#)

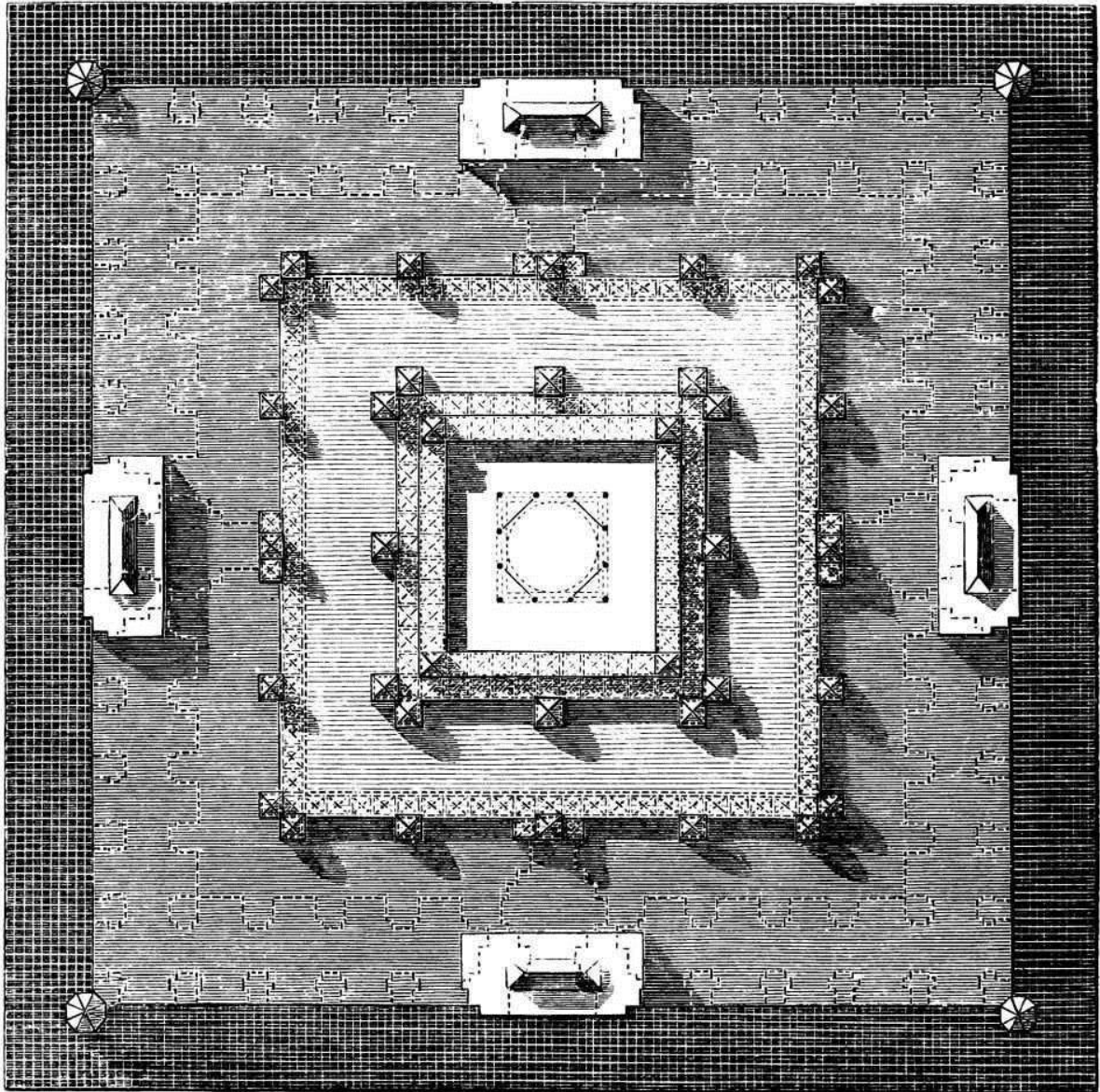
[back](#)

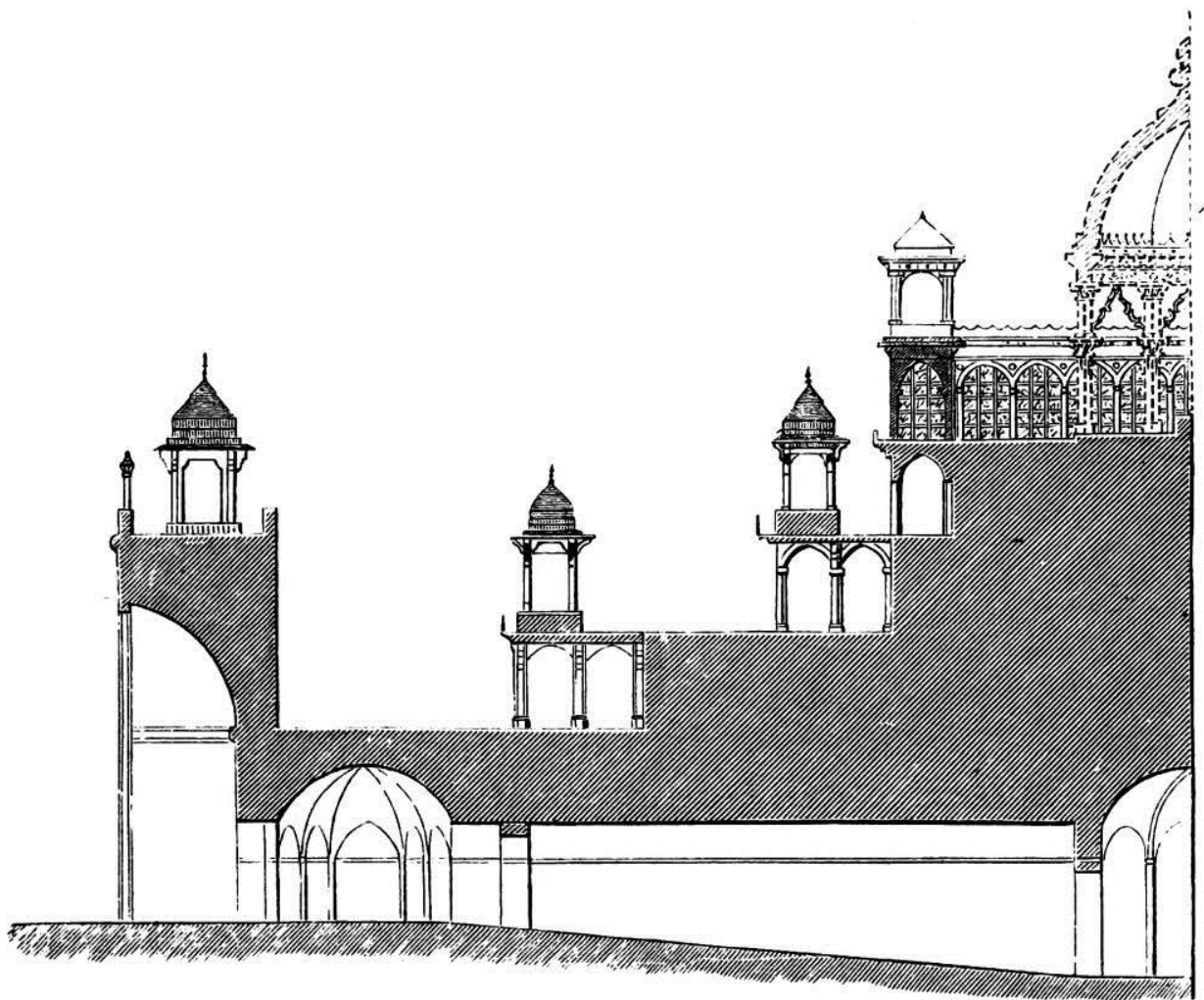

[back](#)

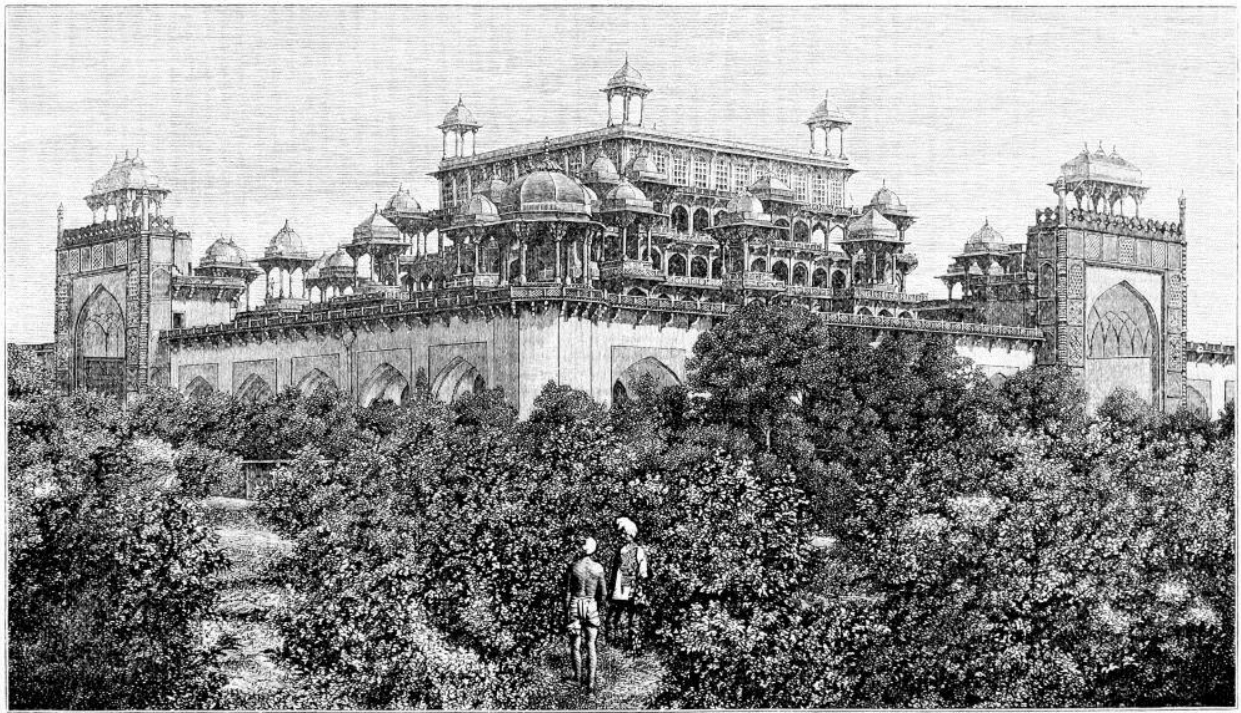

[back](#)

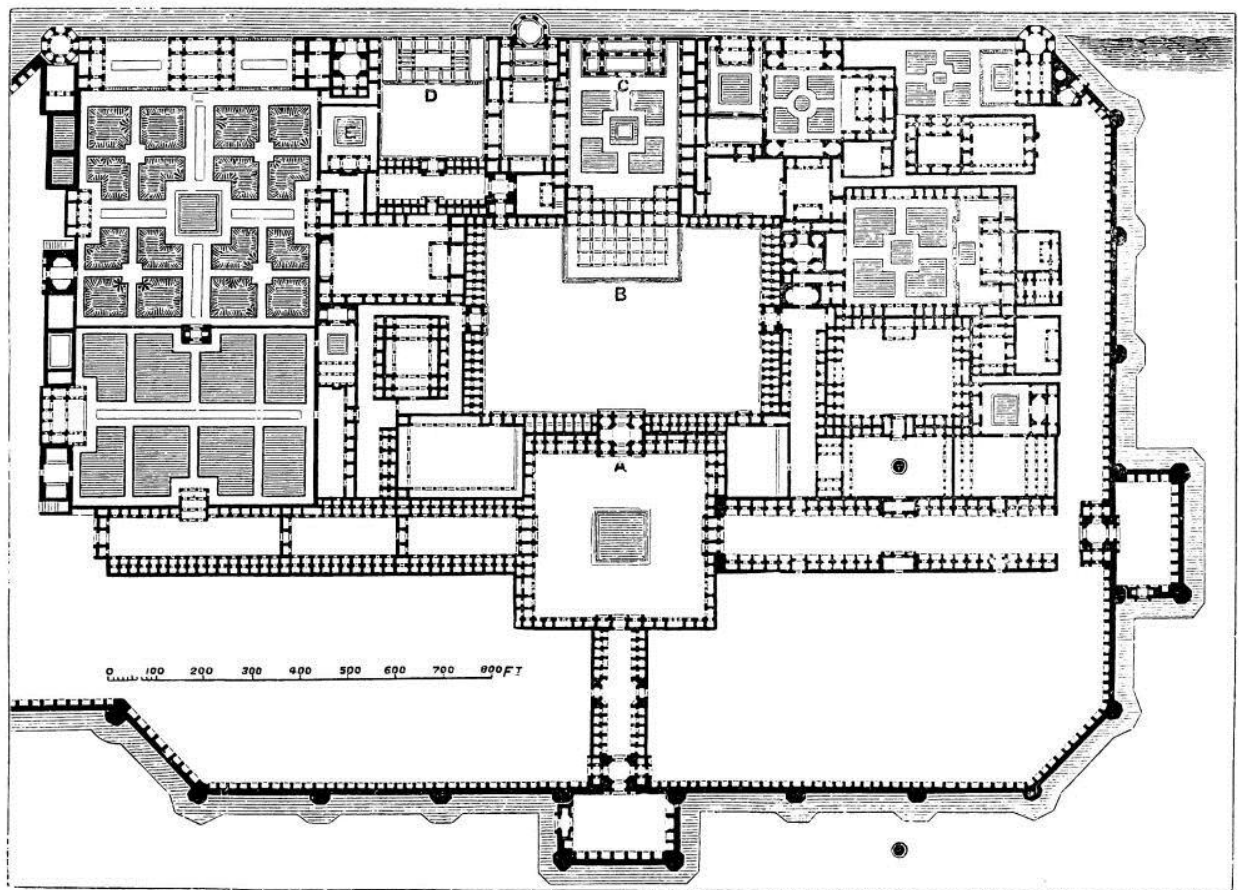

[back](#)

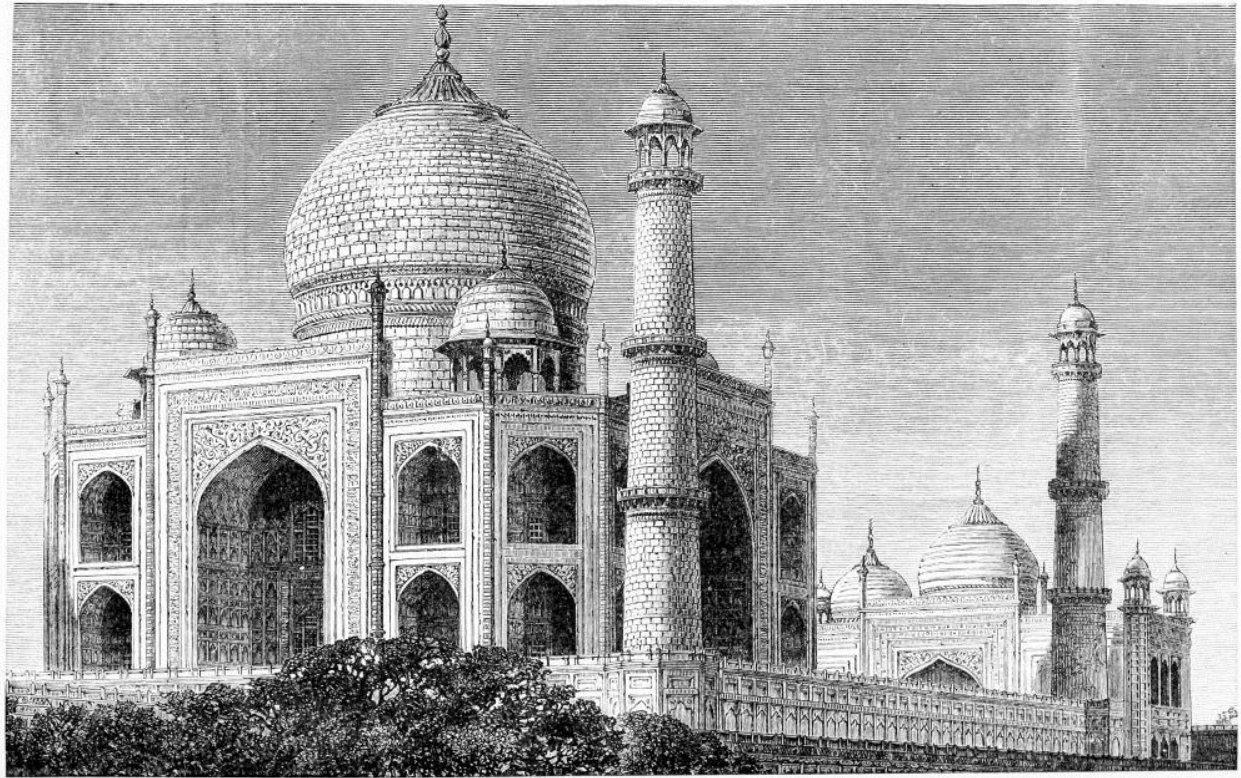

[back](#)

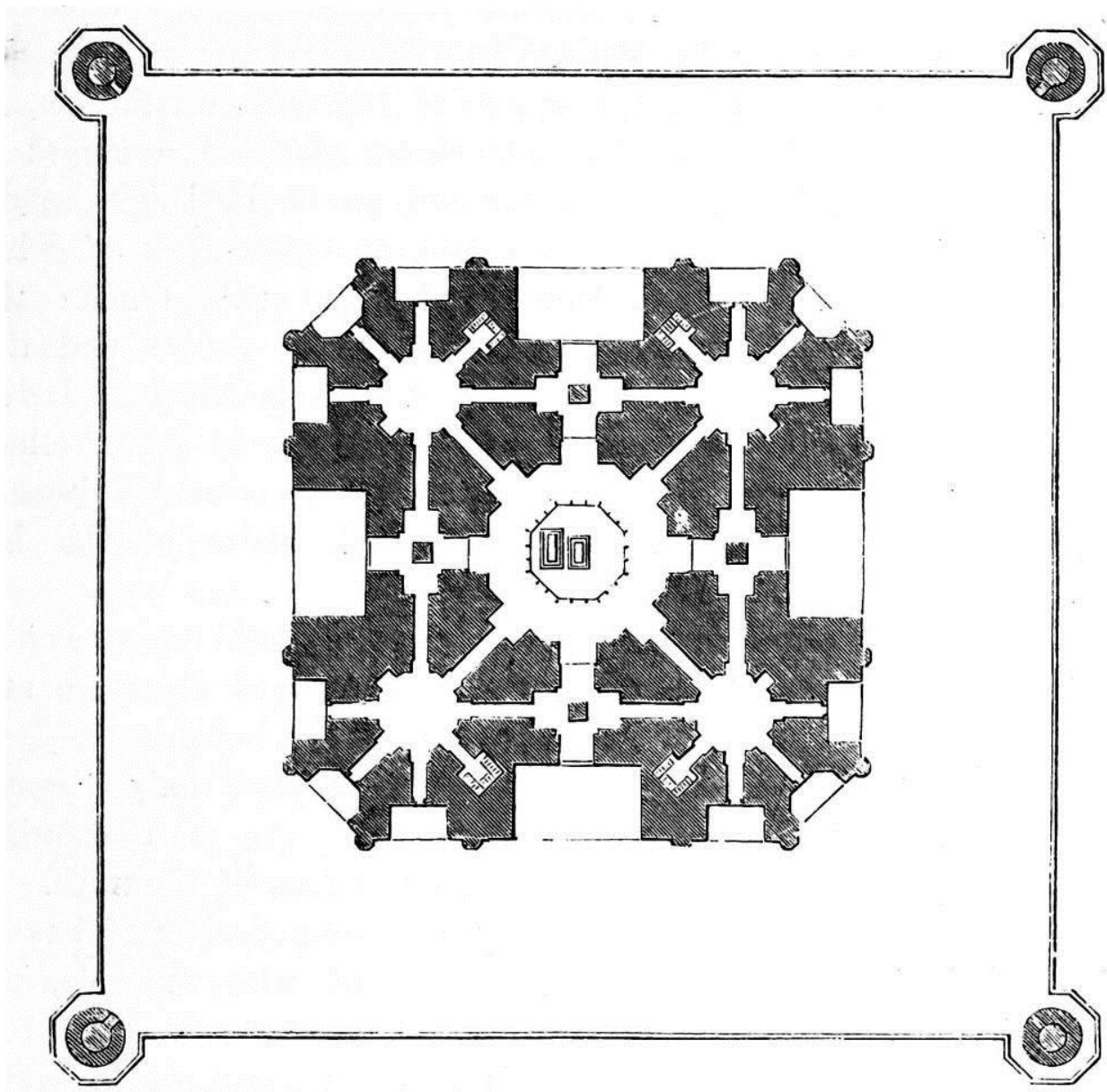

[back](#)

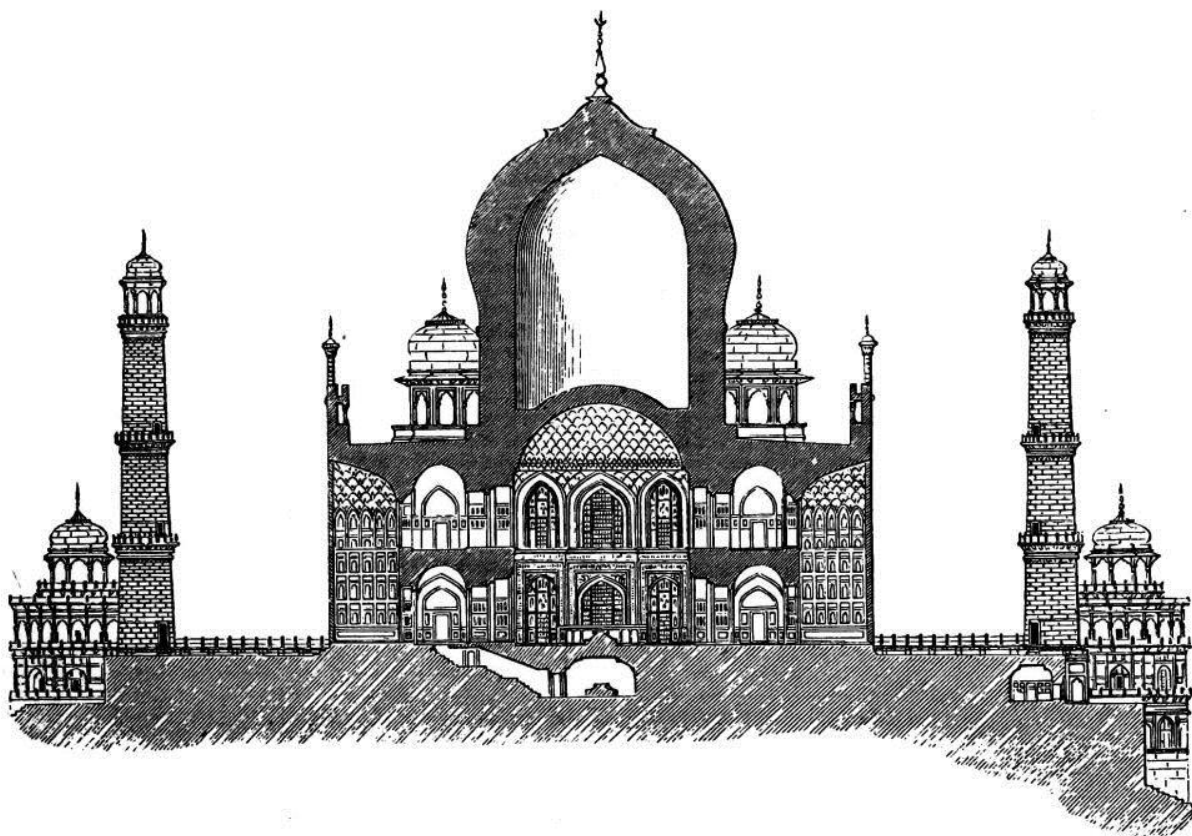

[back](#)

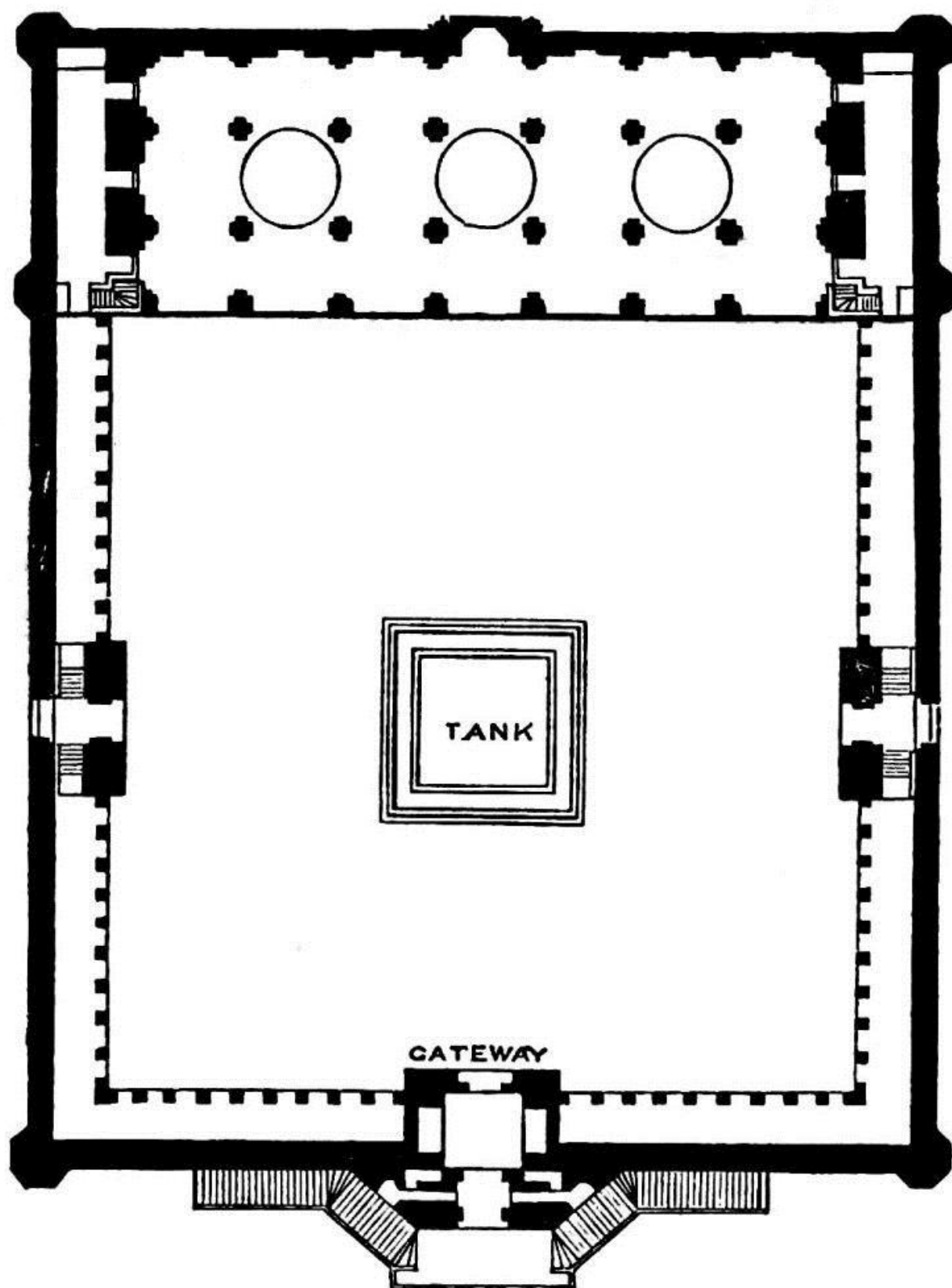

[back](#)

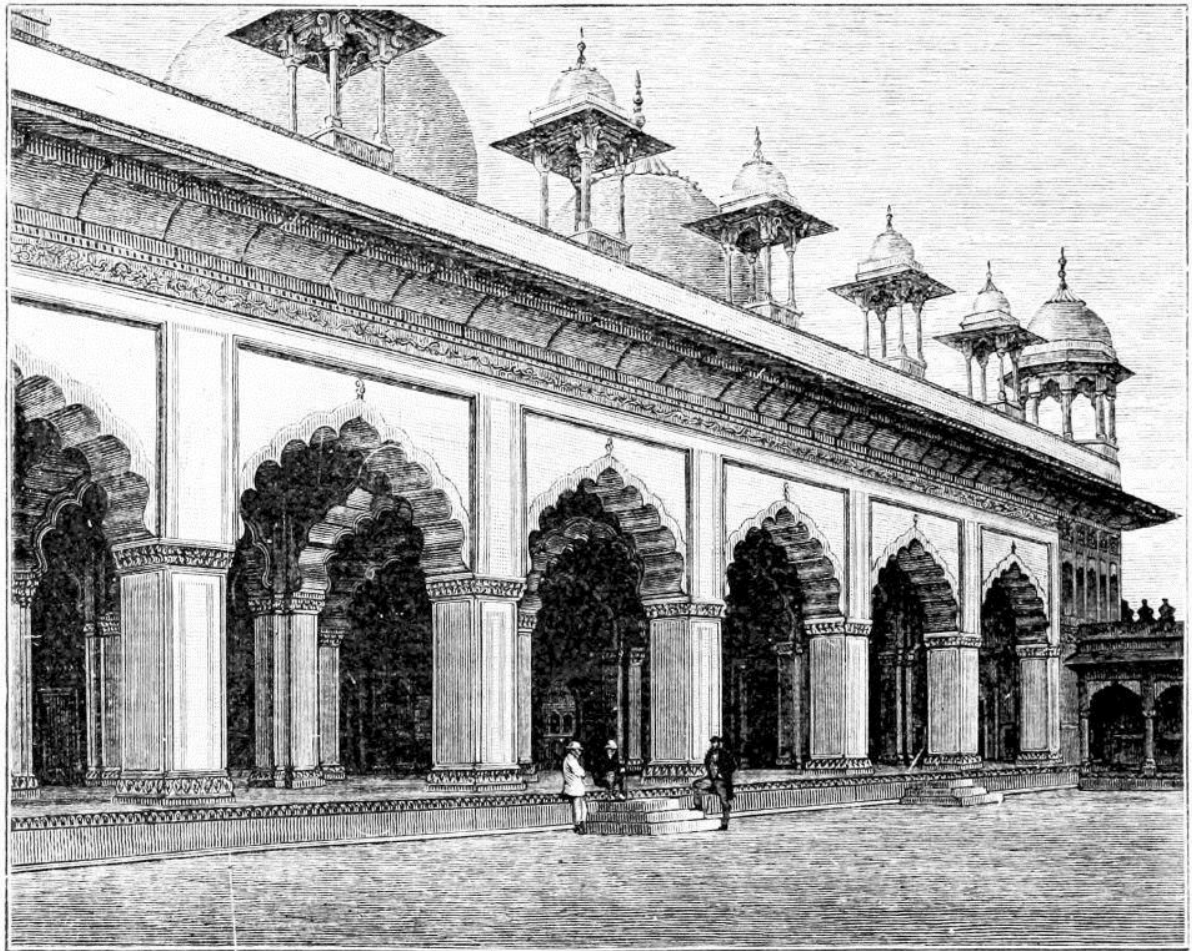

[back](#)

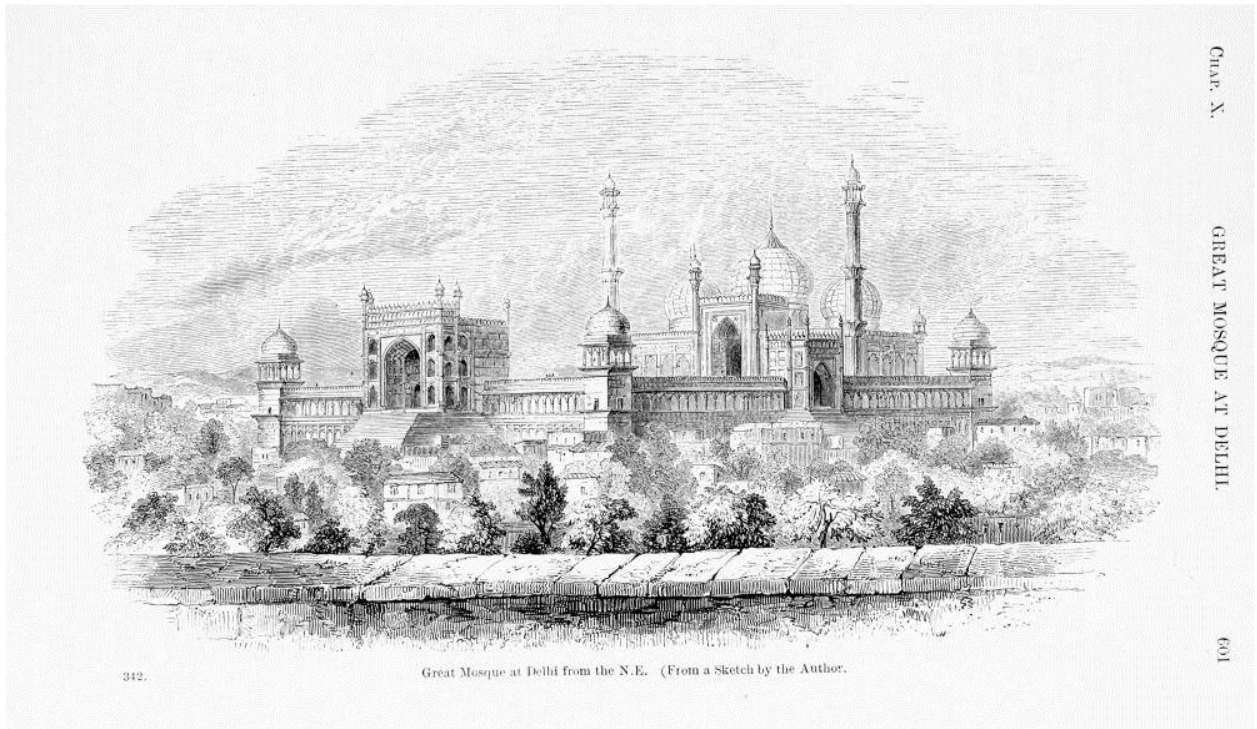

[back](#)

[back](#)

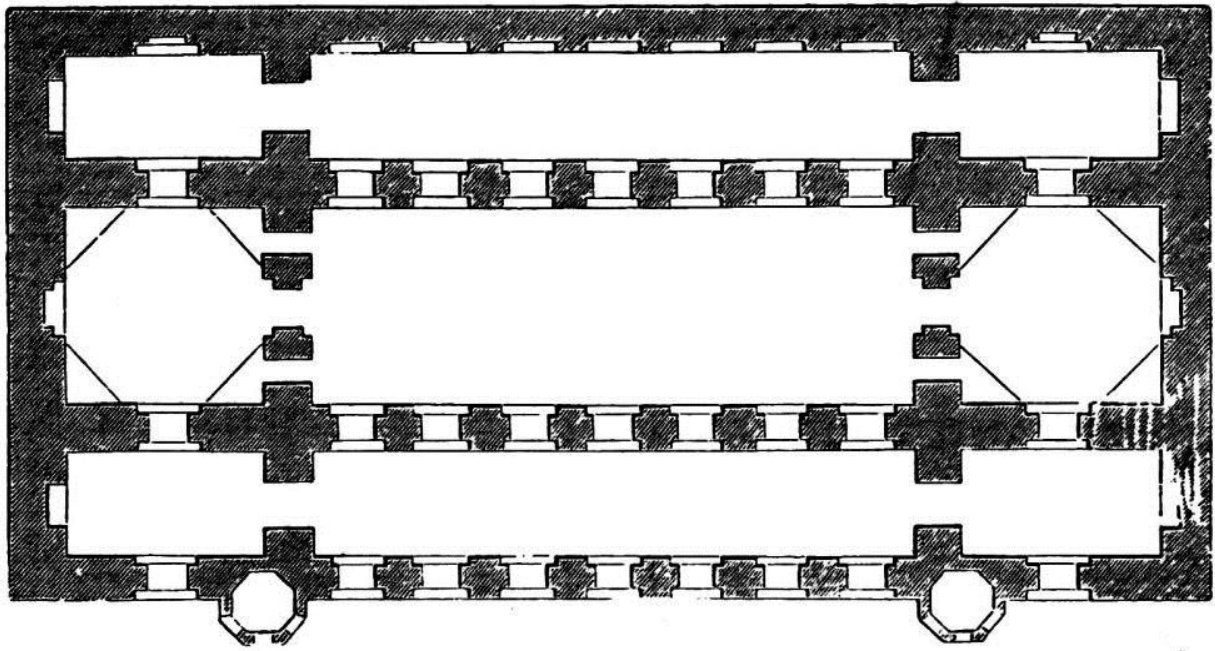

342.

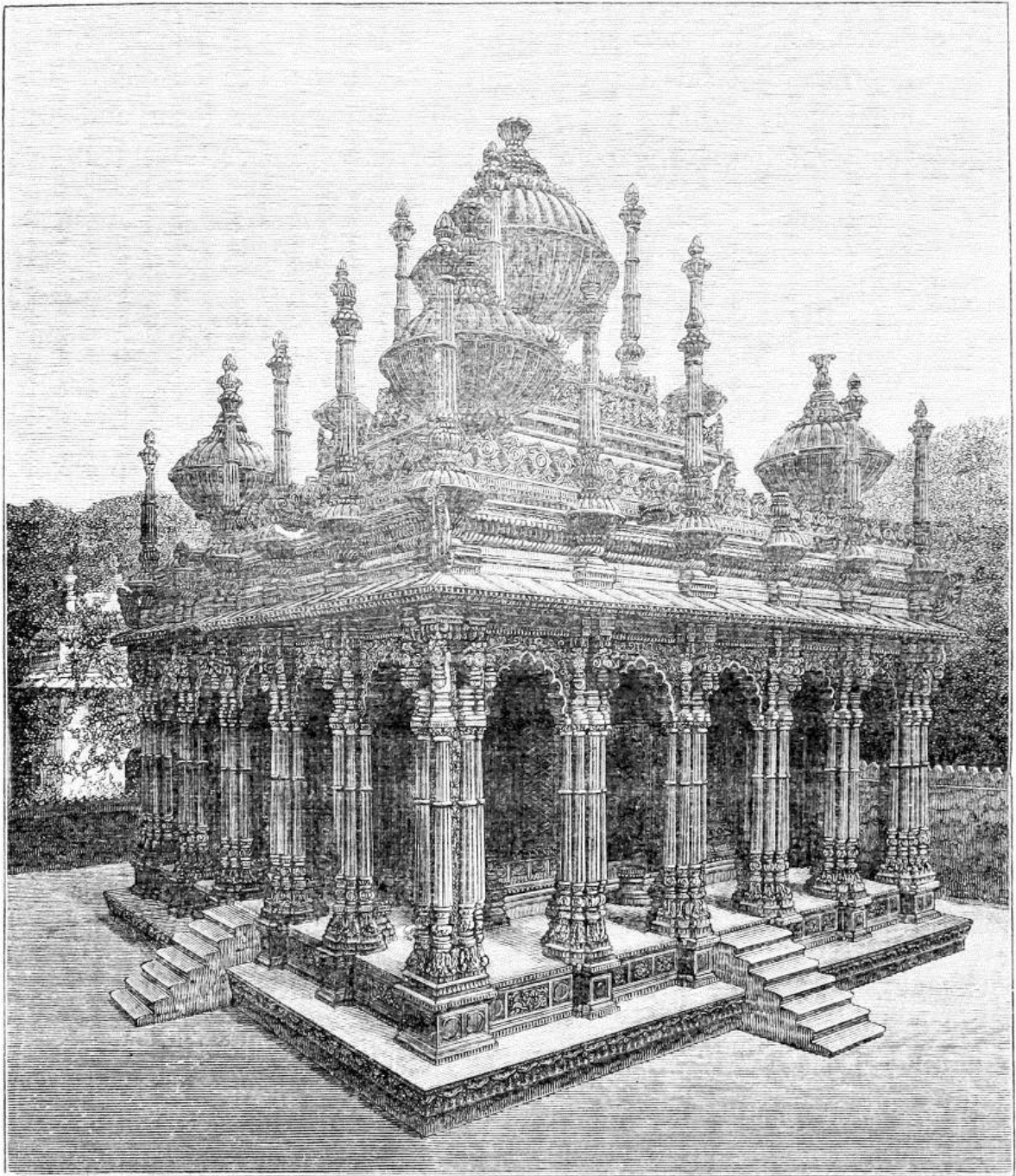
Great Mosque at Delhi from the N.E. (From a Sketch by the Author.

[back](#)

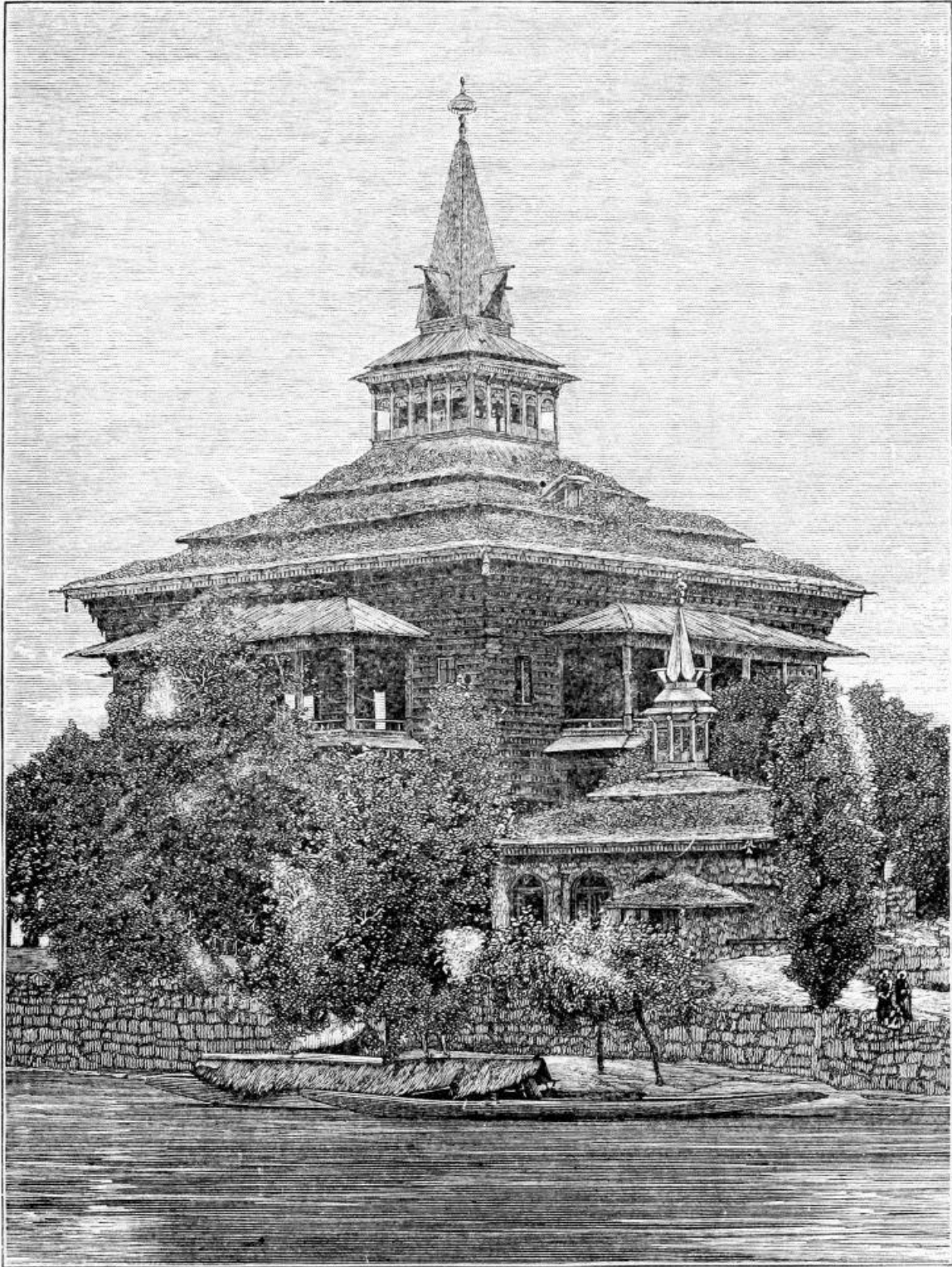

[back](#)

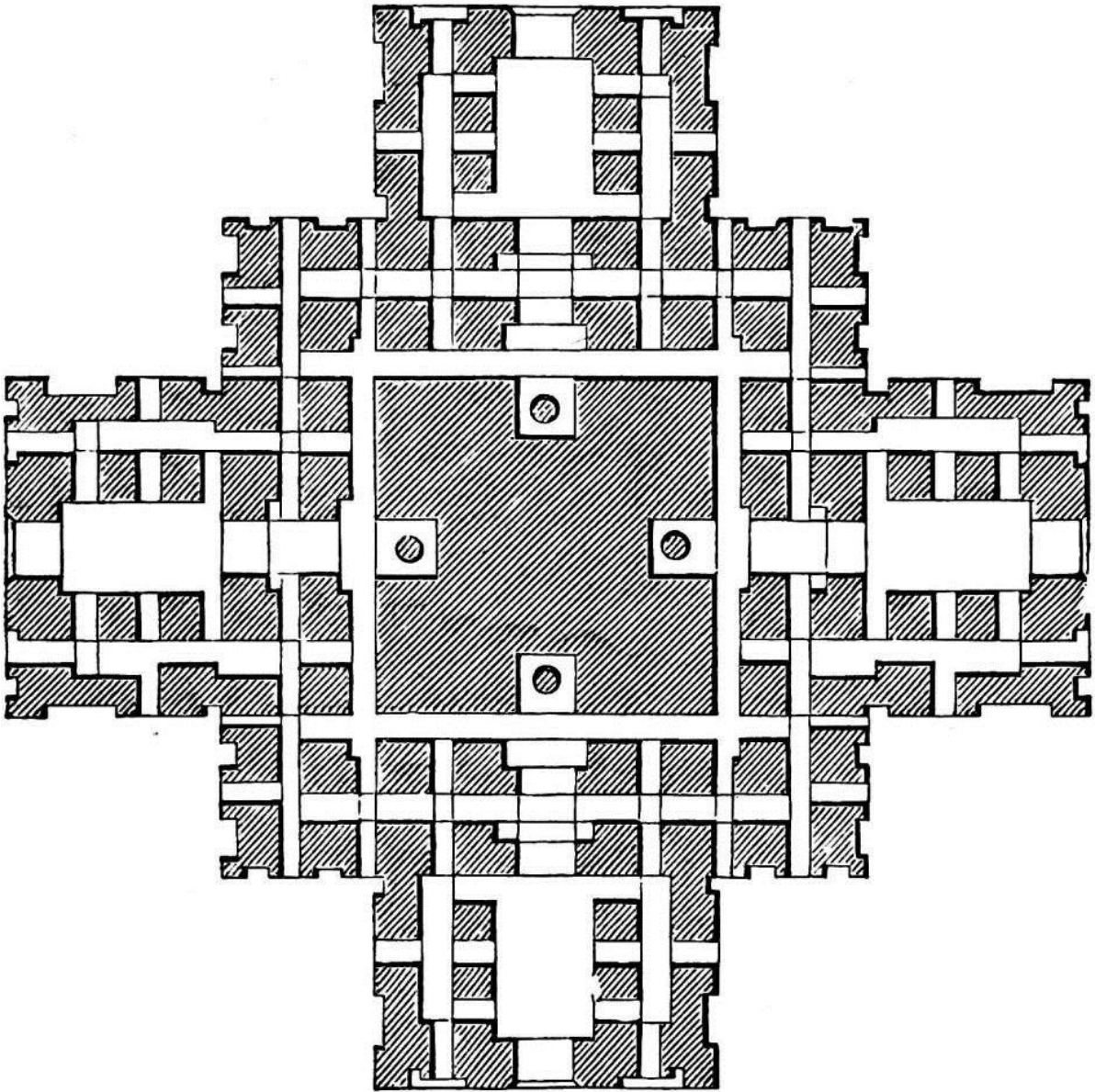
[back](#)

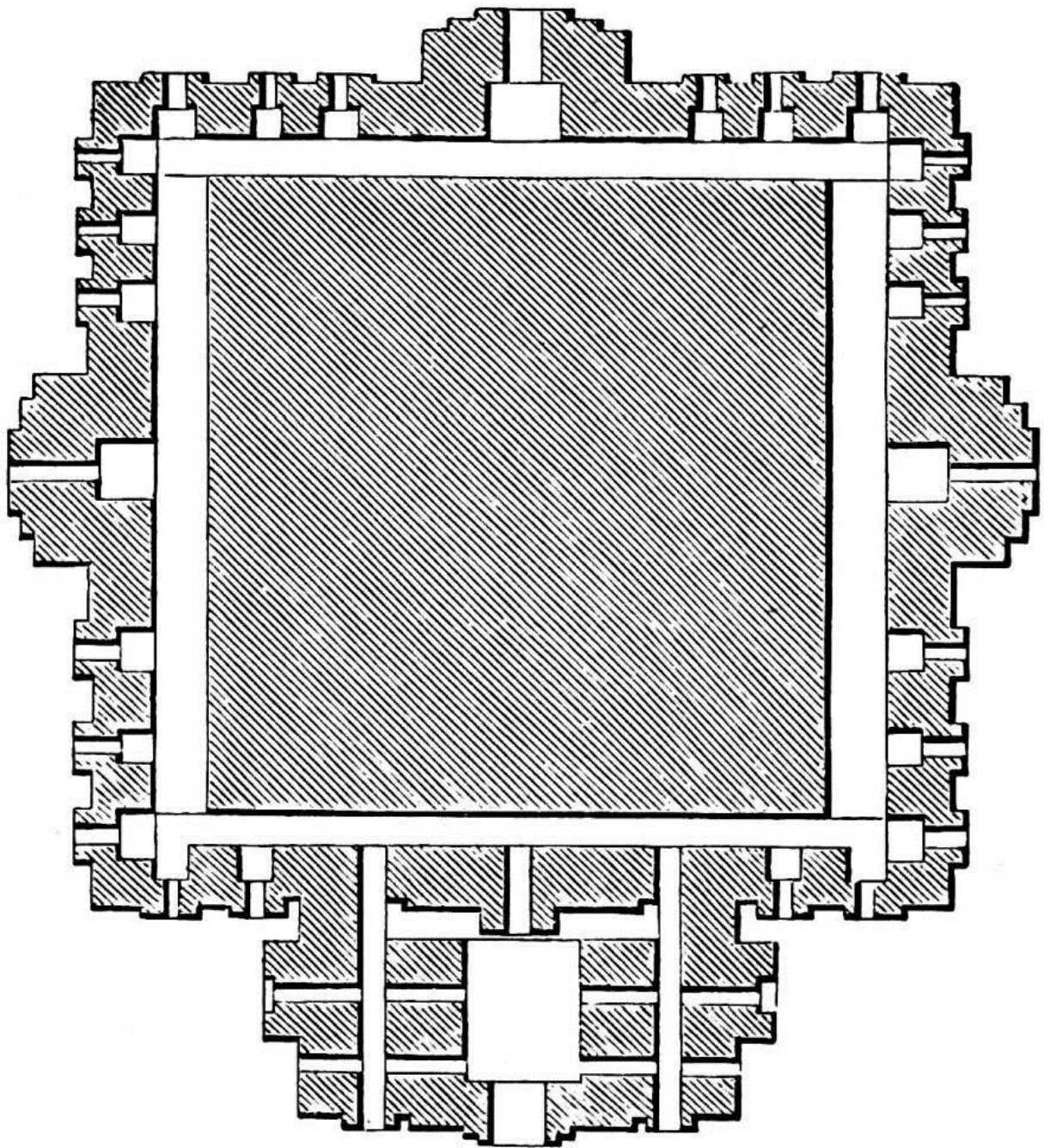
[back](#)

[back](#)

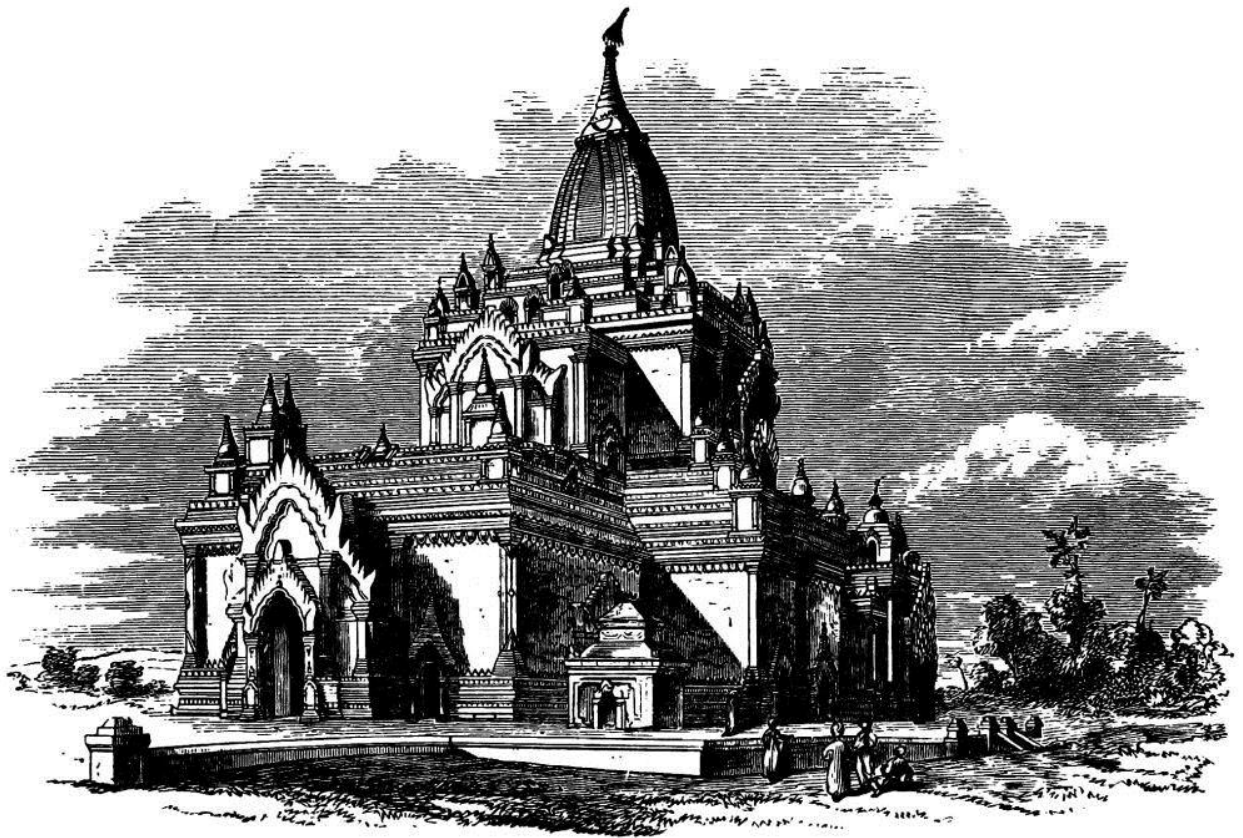

[back](#)

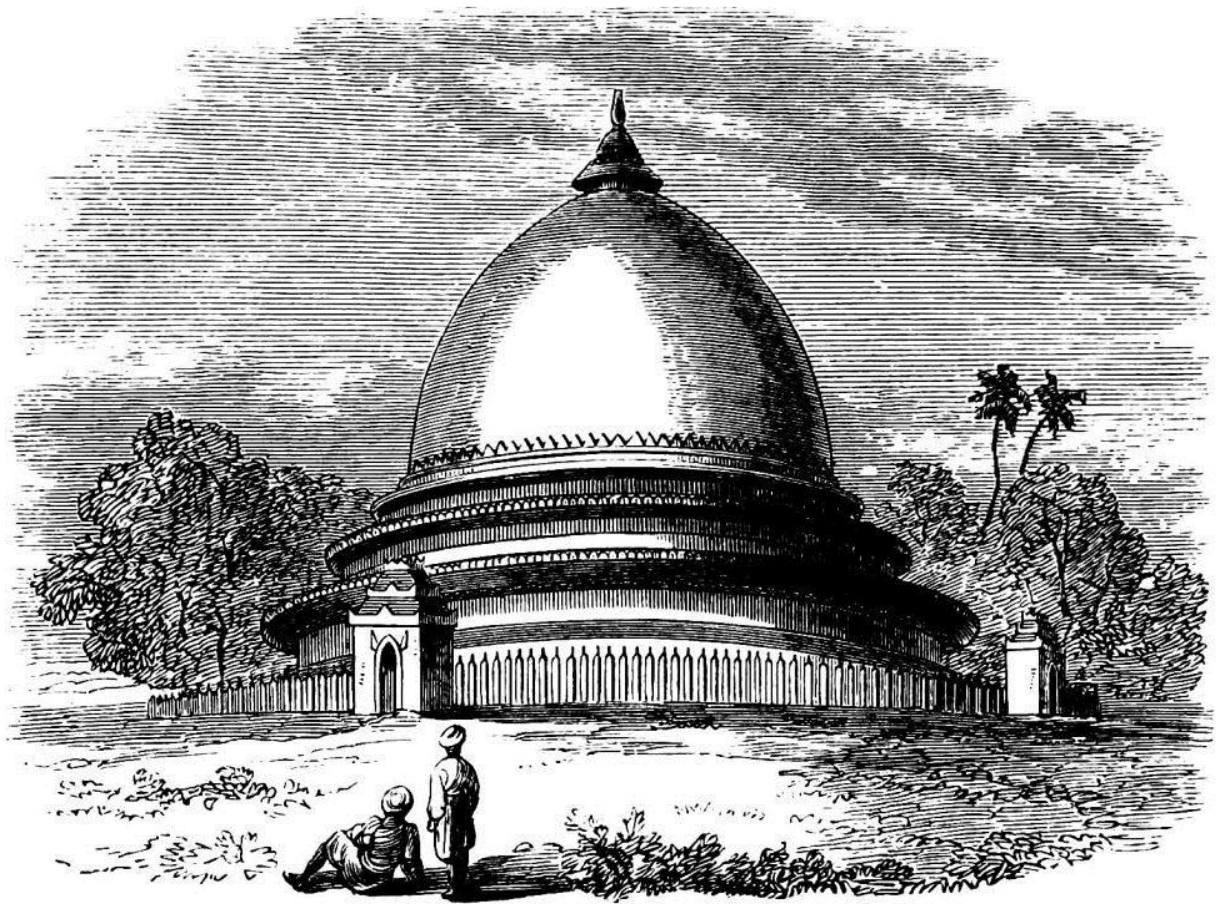

[back](#)

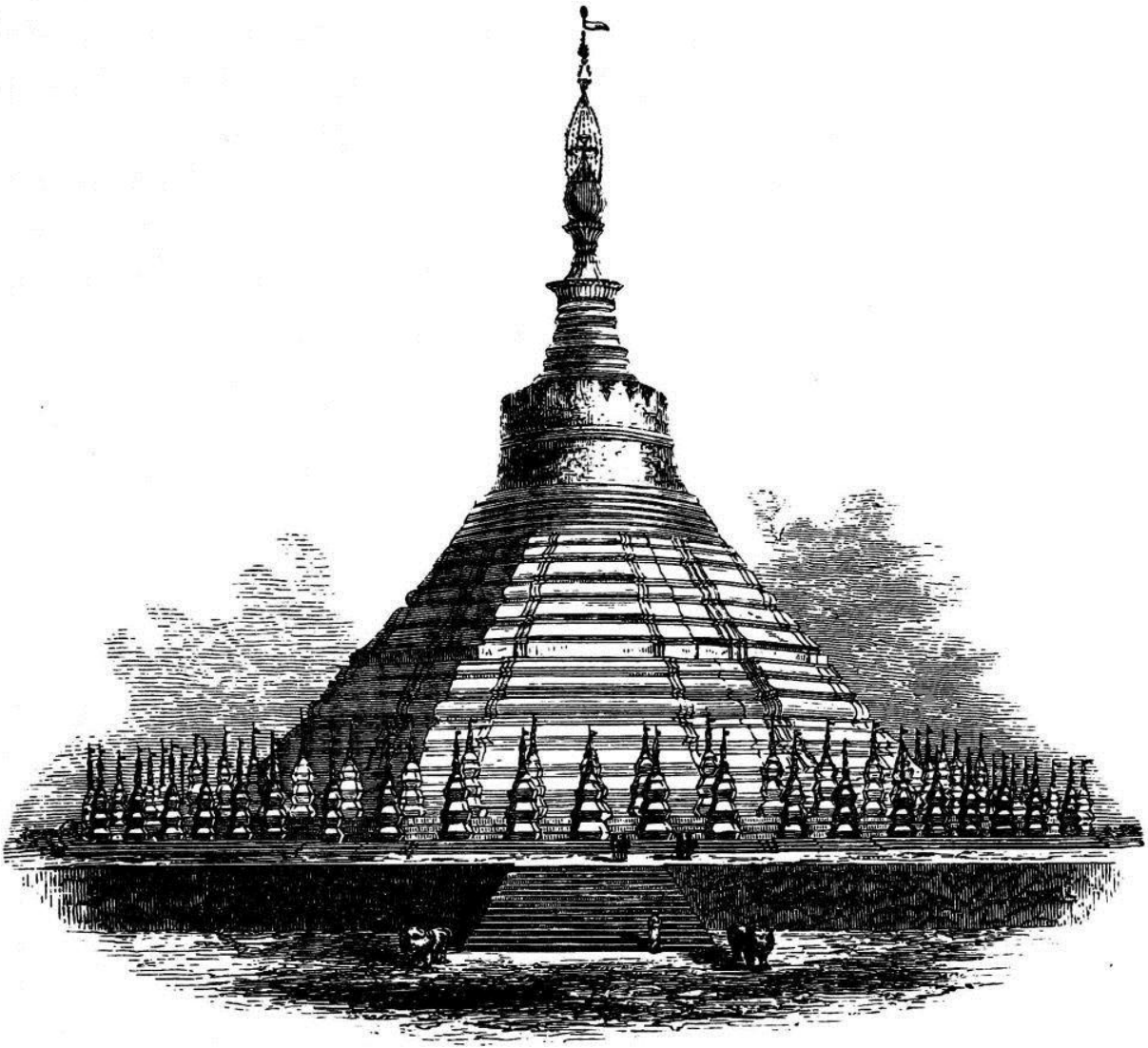

[back](#)

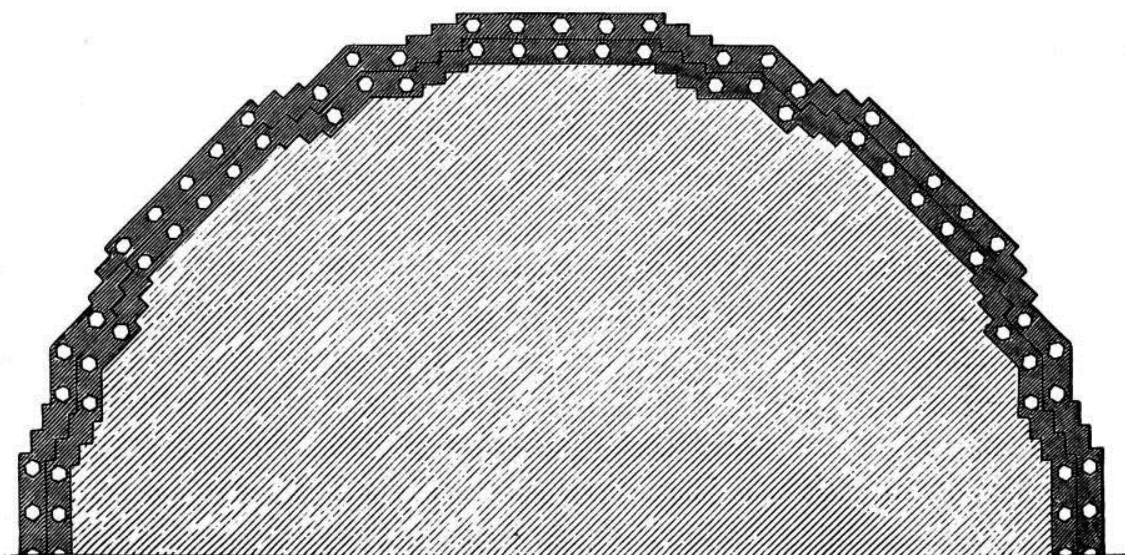

[back](#)

[back](#)

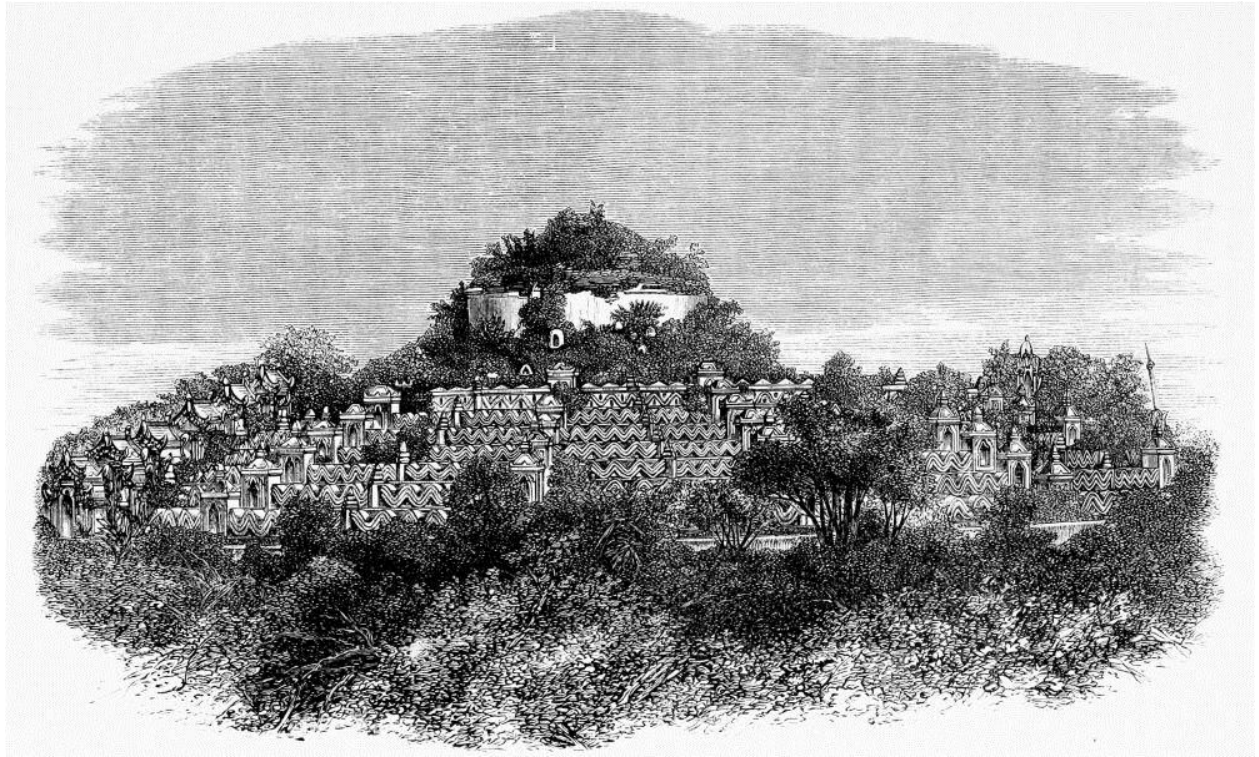
[back](#)

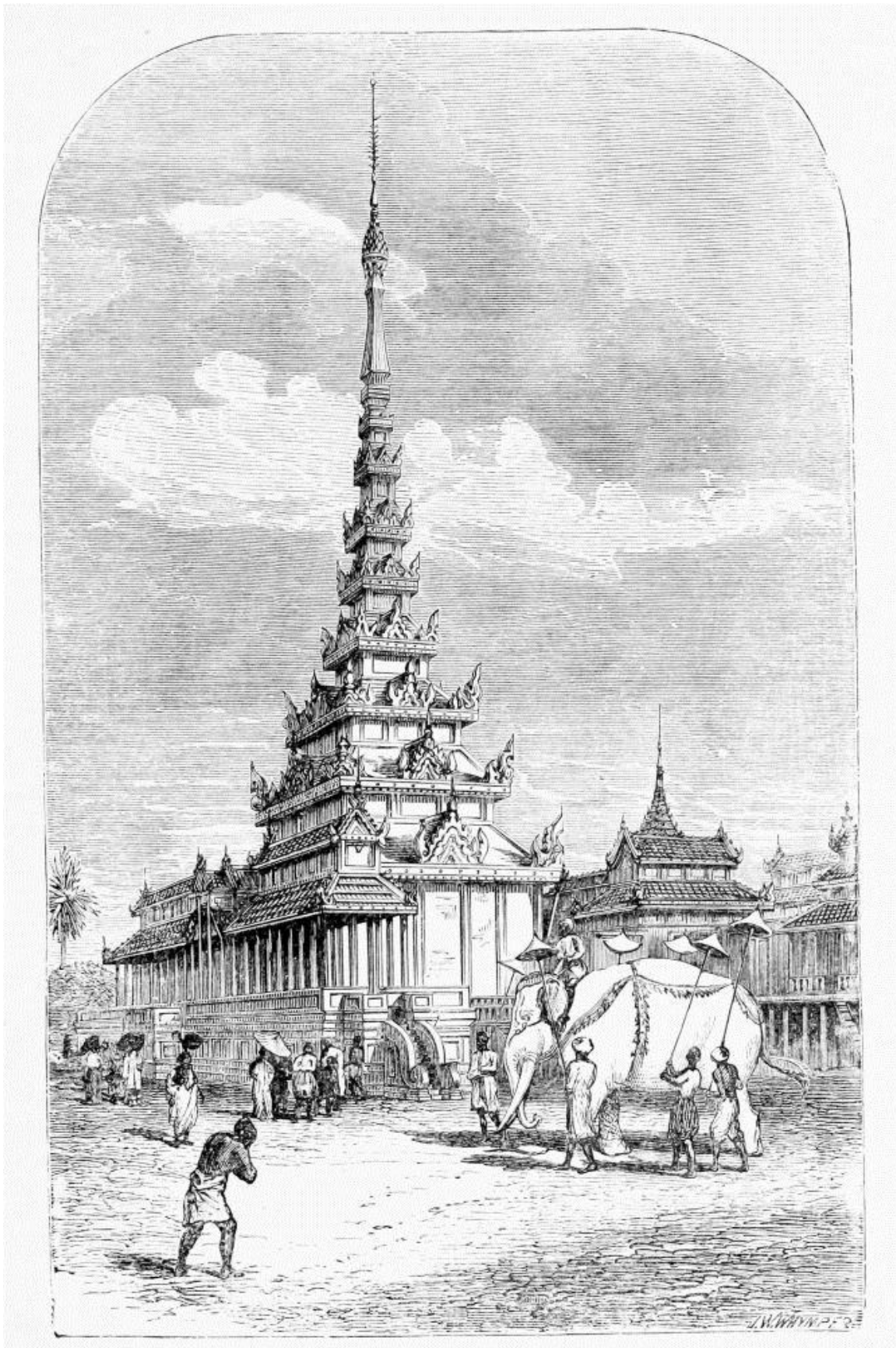
[back](#)

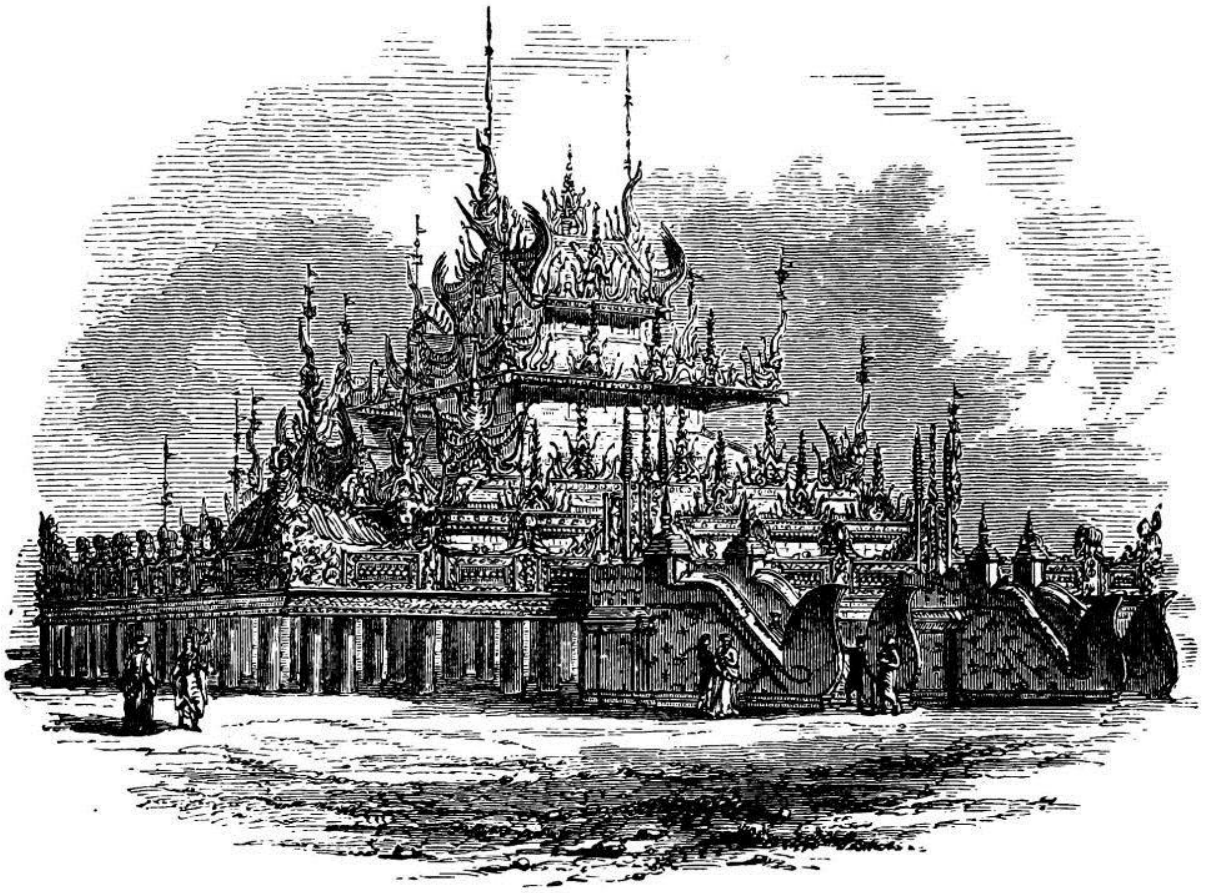

[back](#)

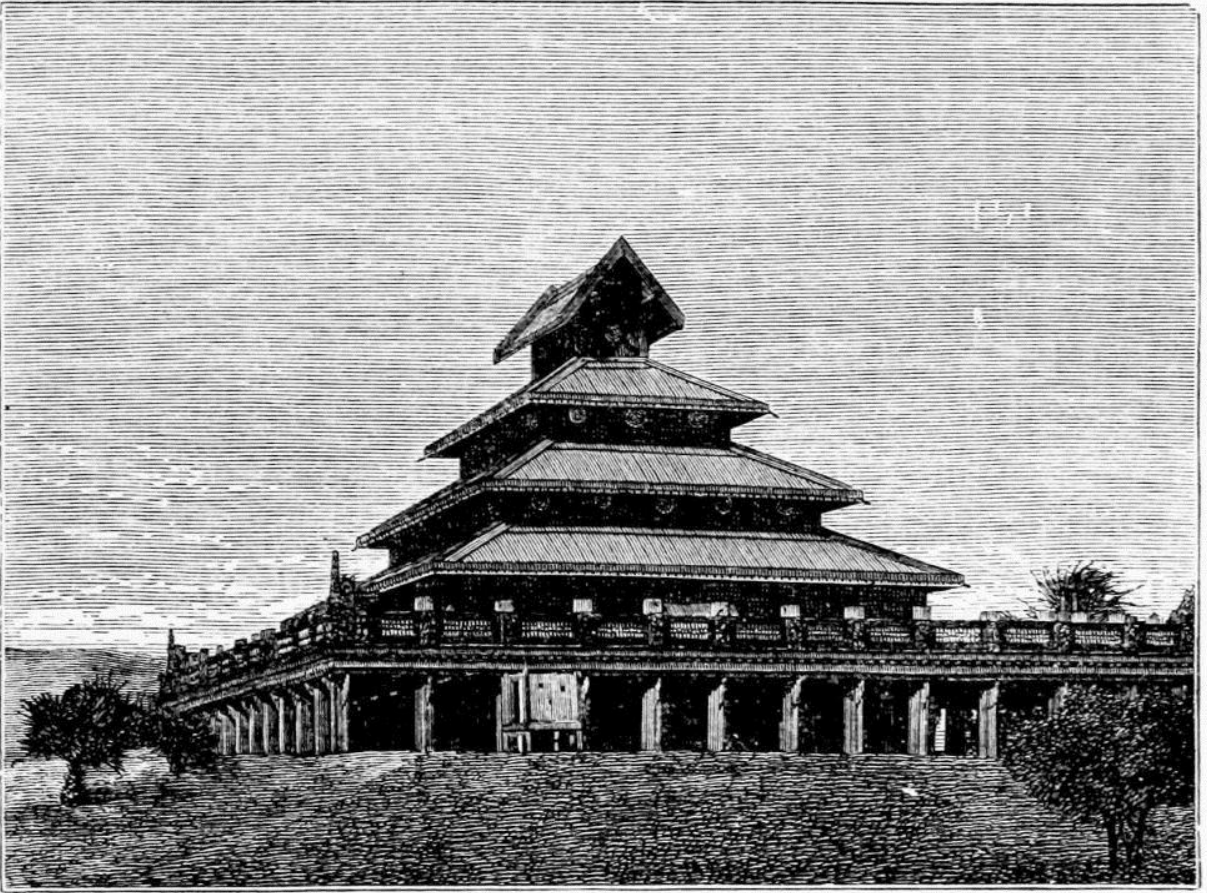

[back](#)

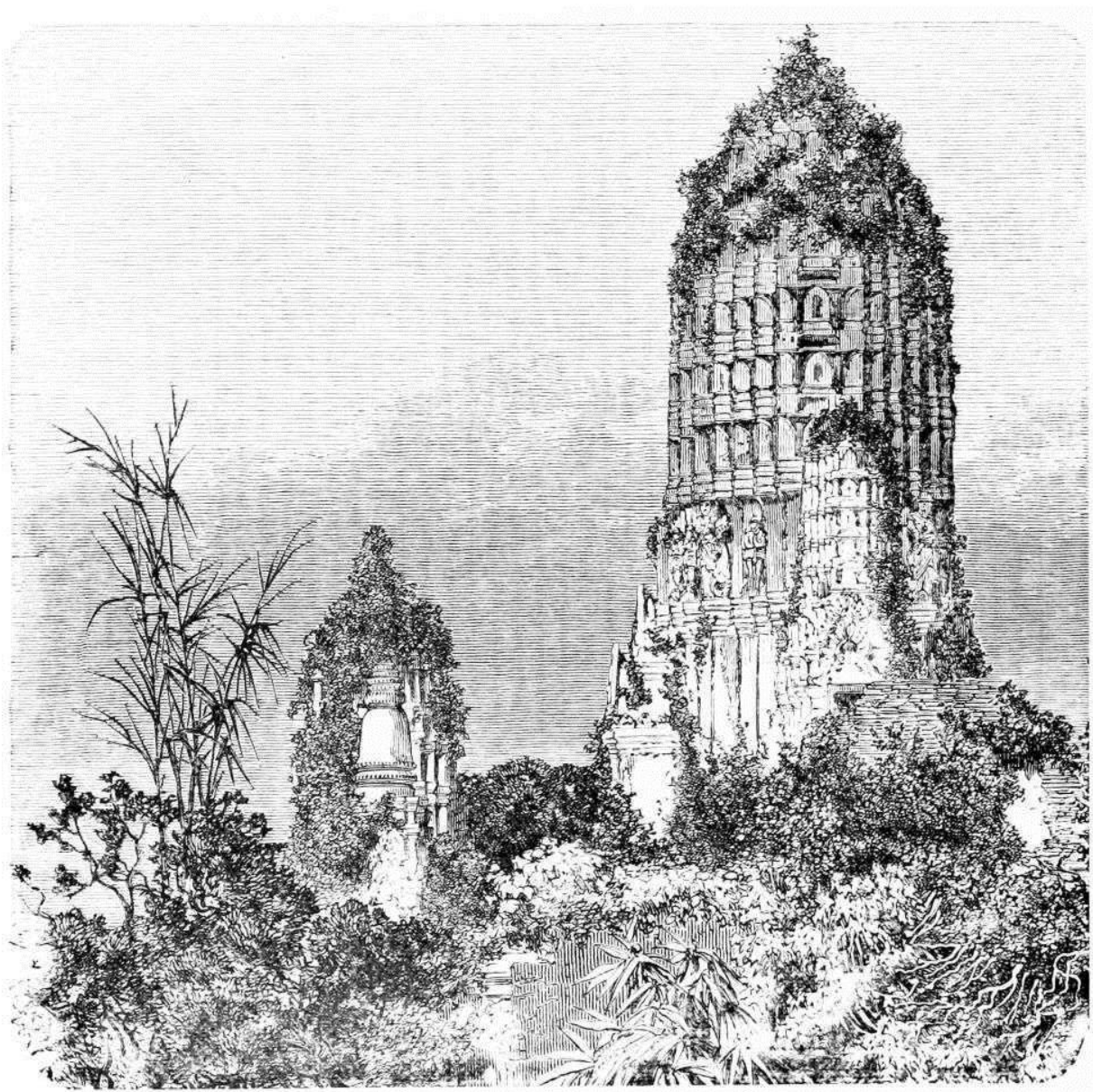

[back](#)

[back](#)

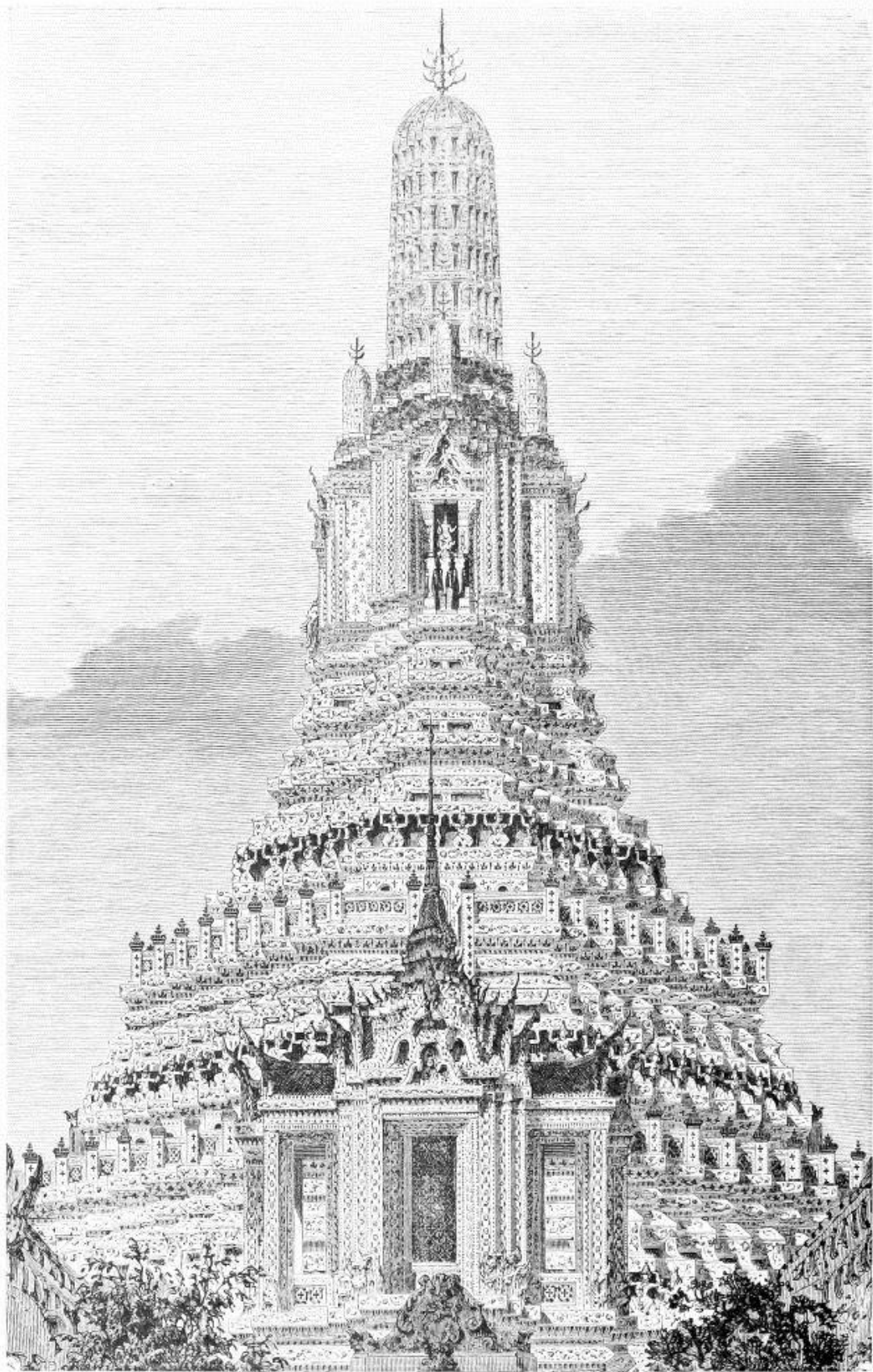

[back](#)

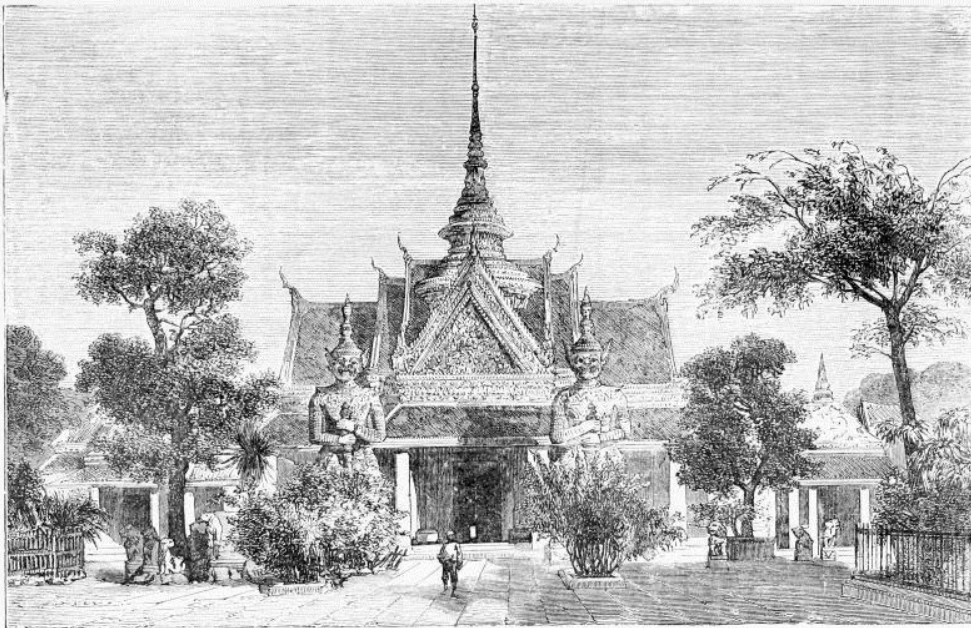

[back](#)

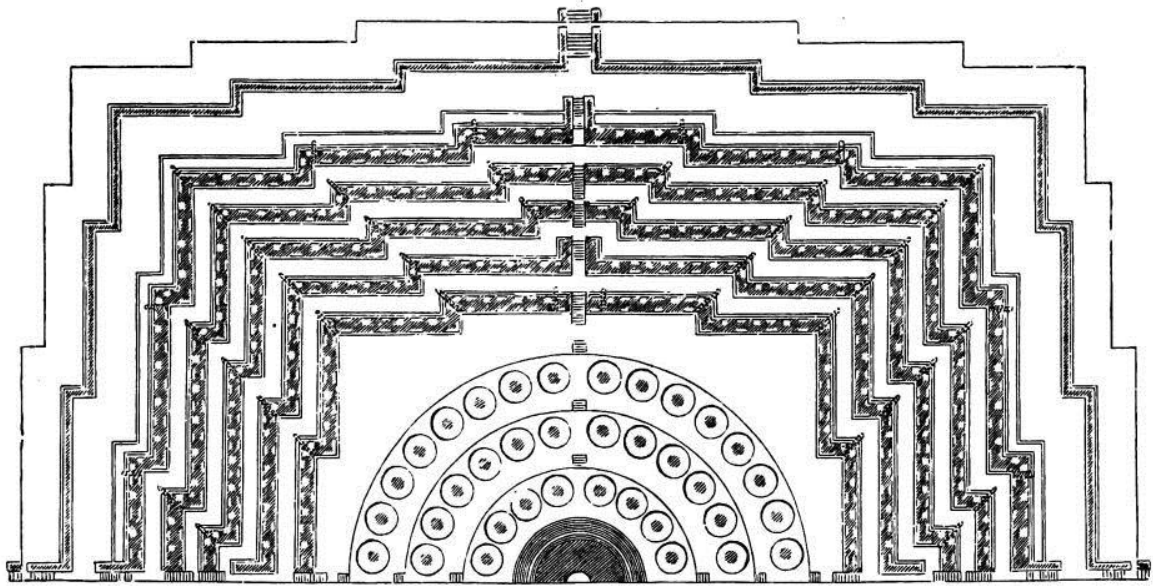

Hall of Audience at Bangkok. (From Monhot.)

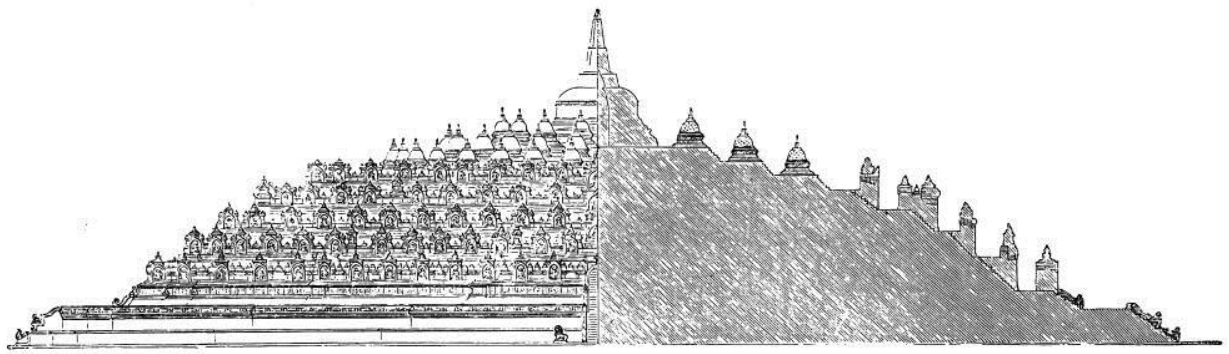
The same remarks apply to their civic buildings: palaces and
 porches, and even dwelling-houses, are all as rich as carving and

[back](#)

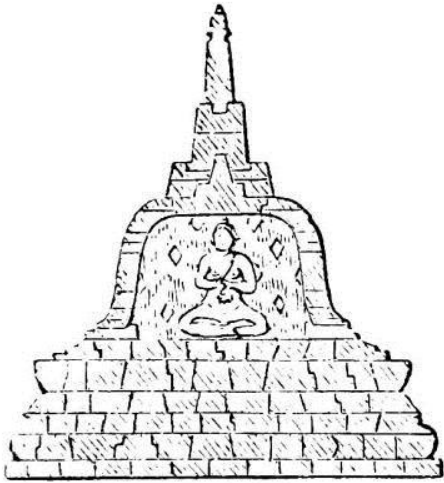

[back](#)

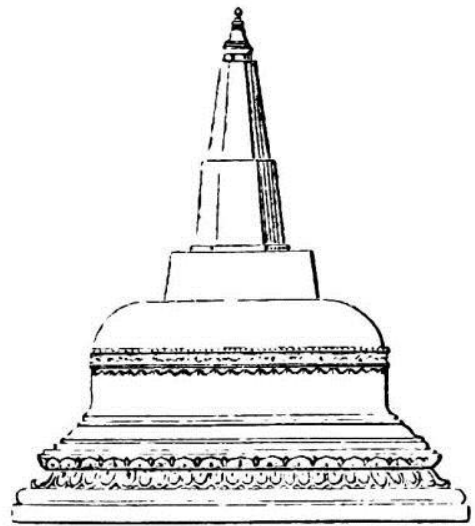

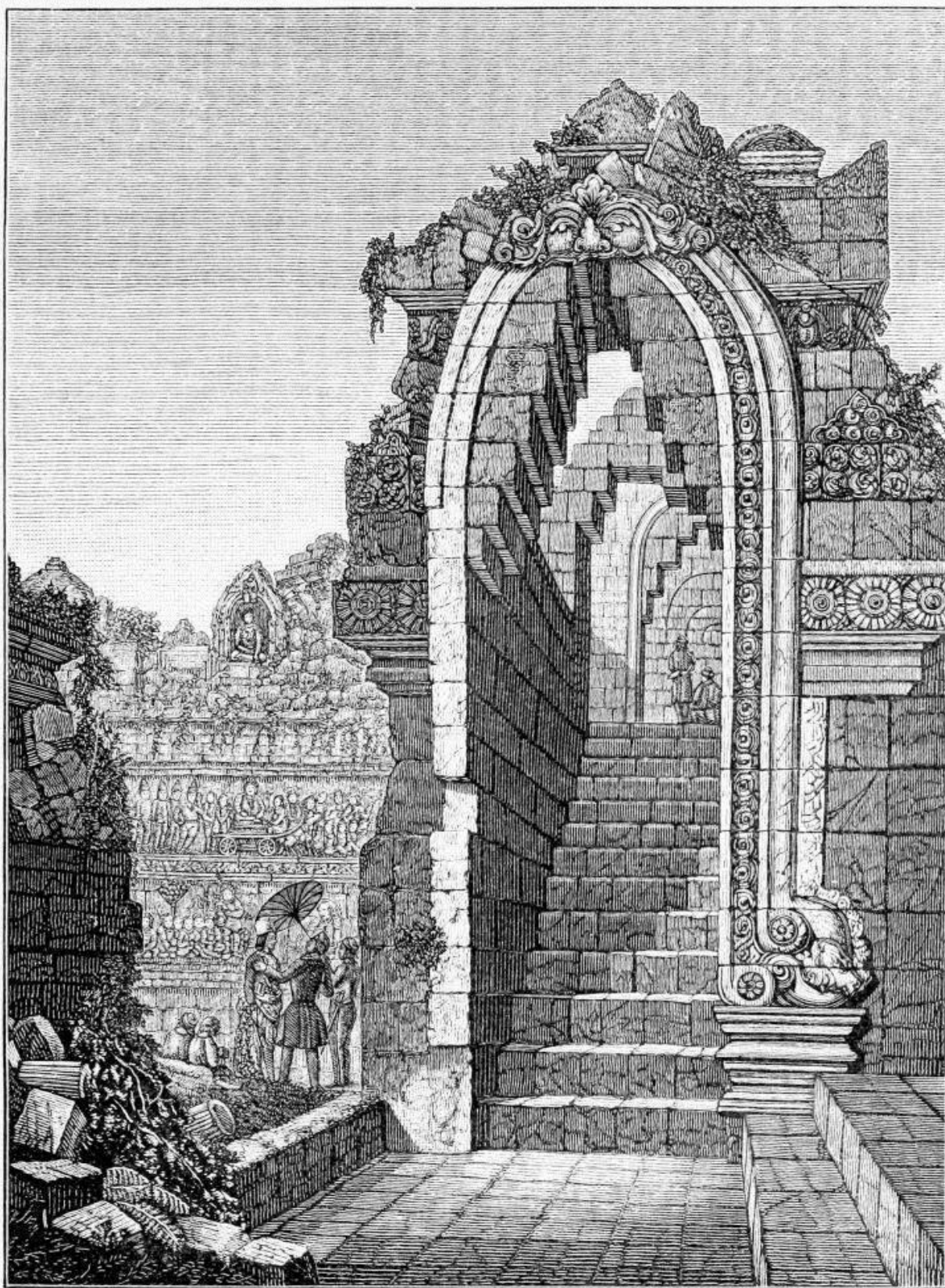
[back](#)

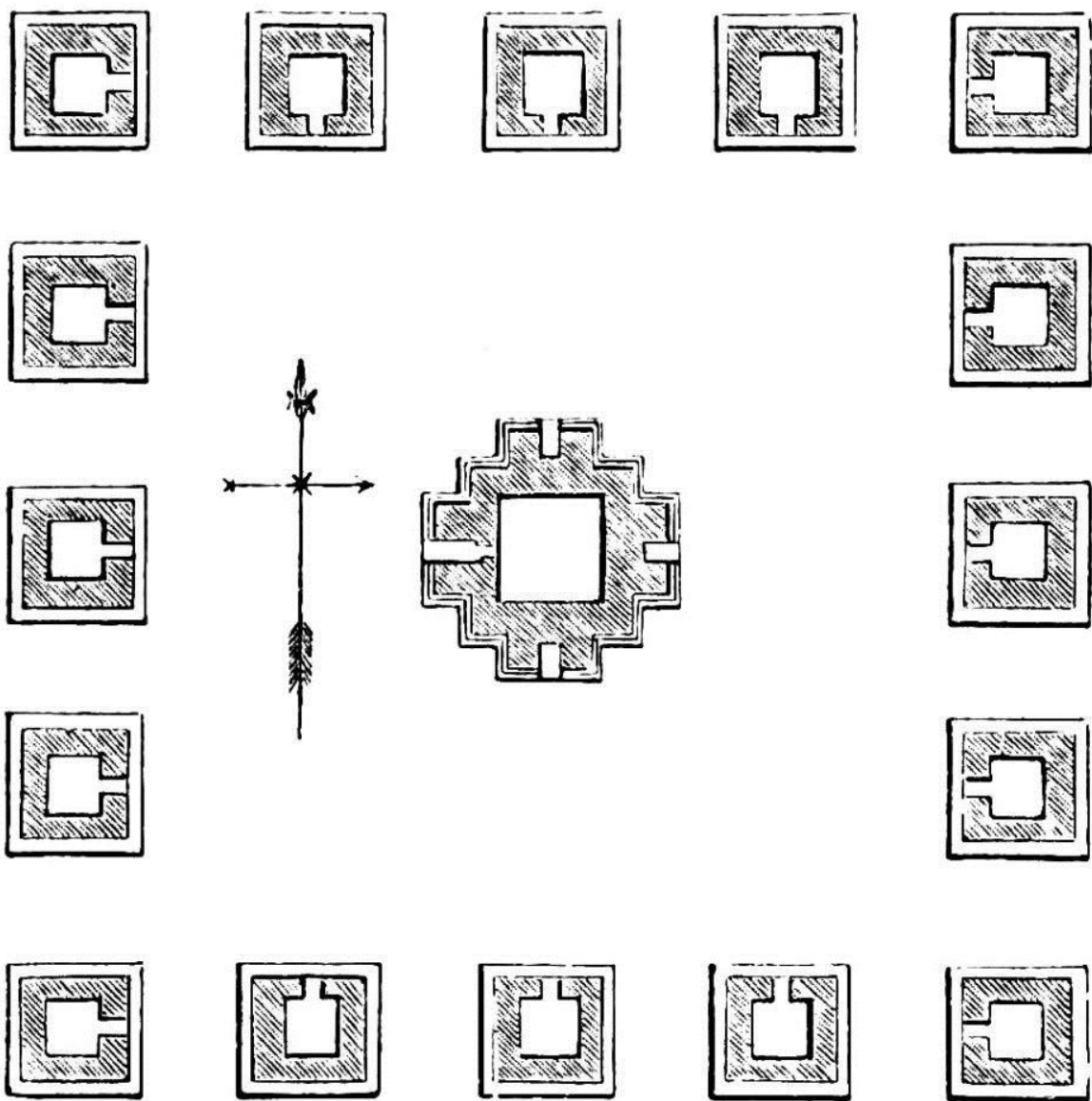
[back](#)

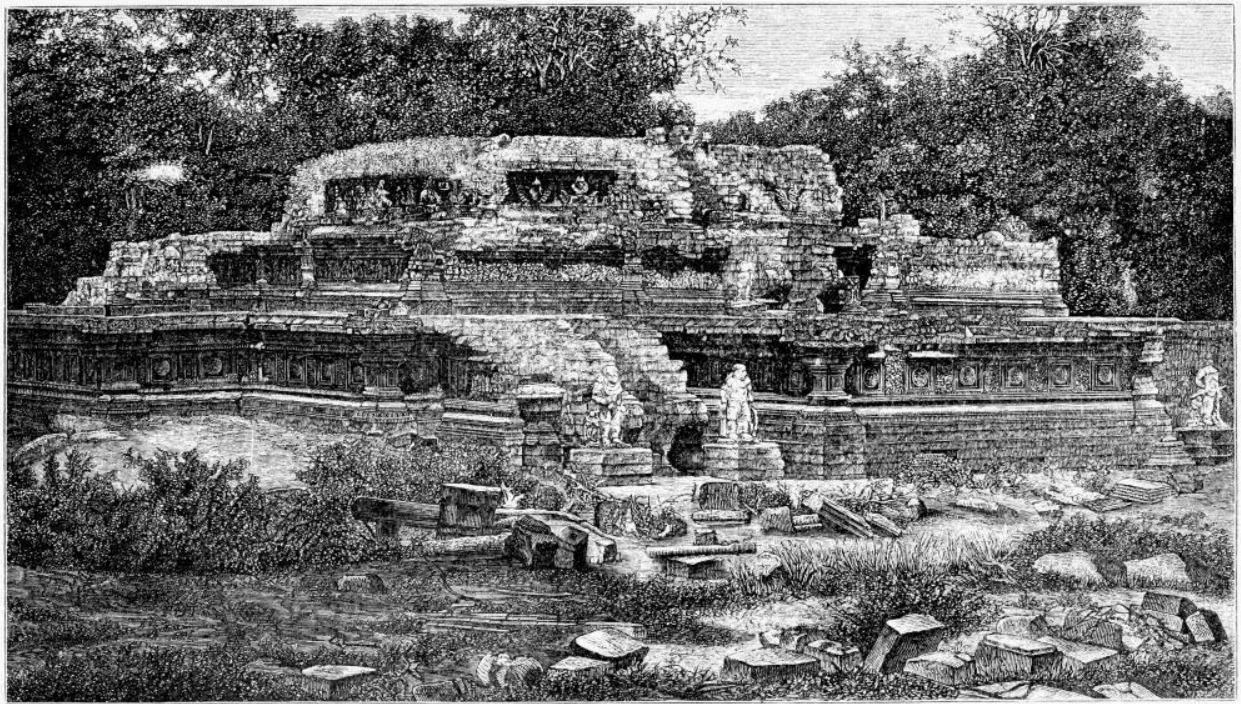

[back](#)

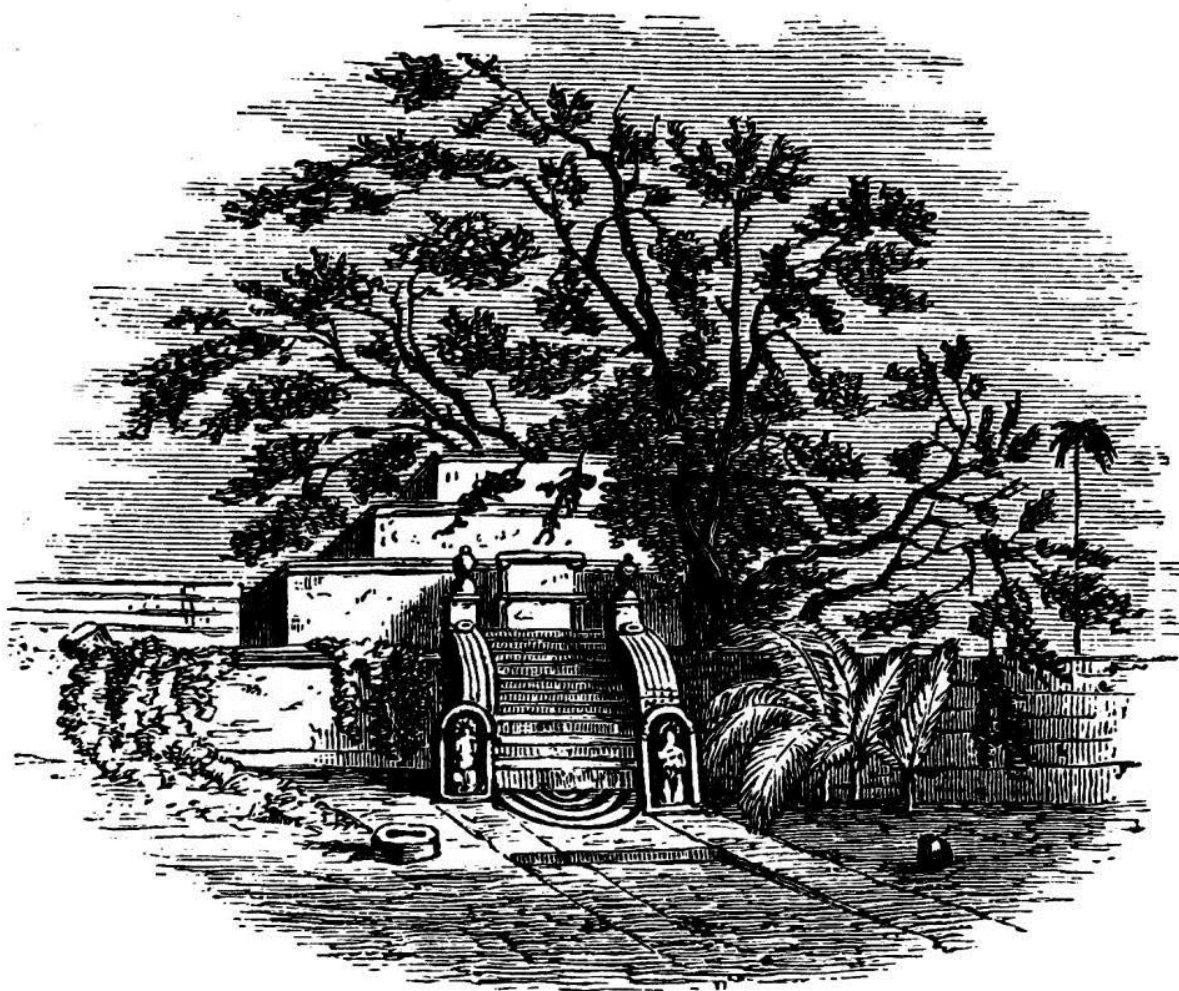

[back](#)

[back](#)

[back](#)

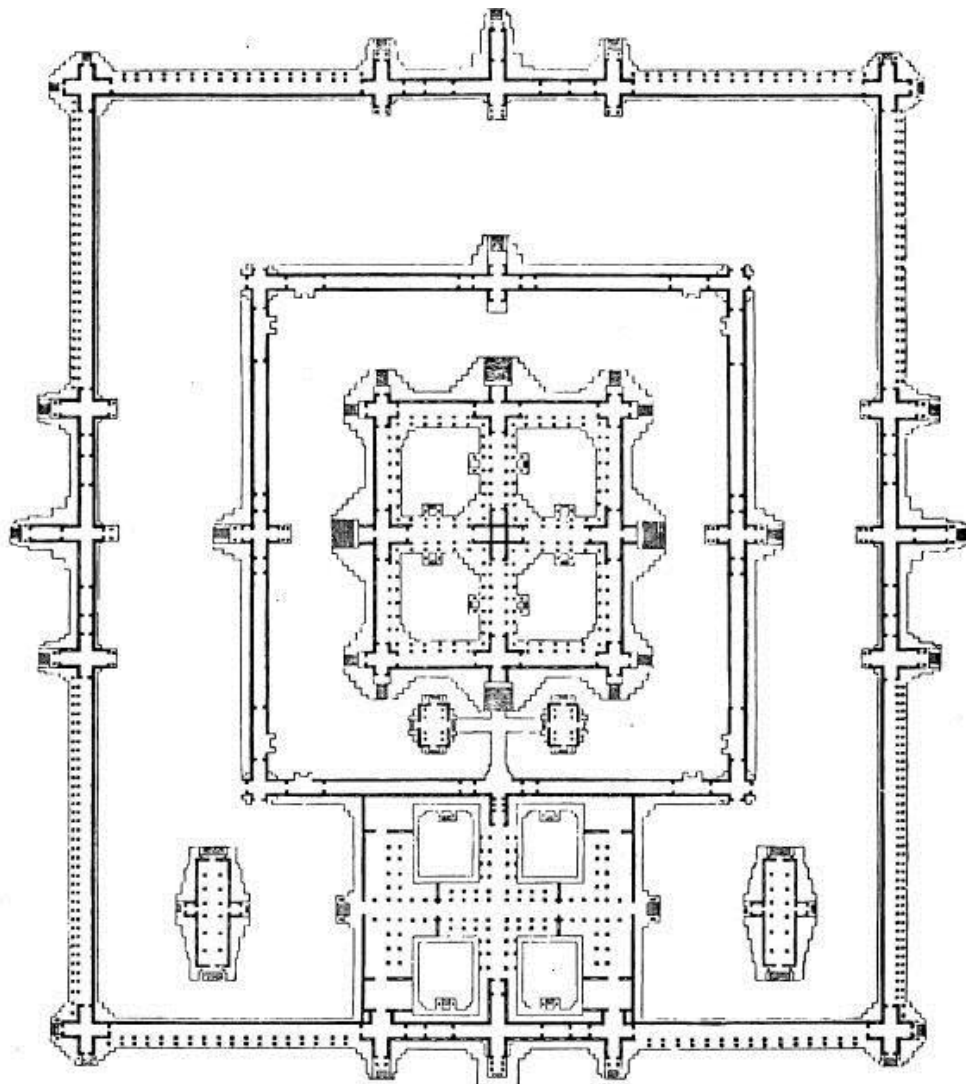

Fig 1.

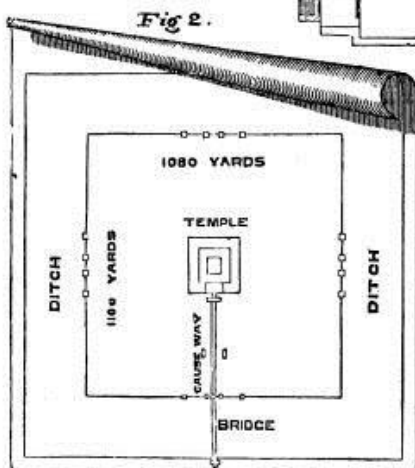
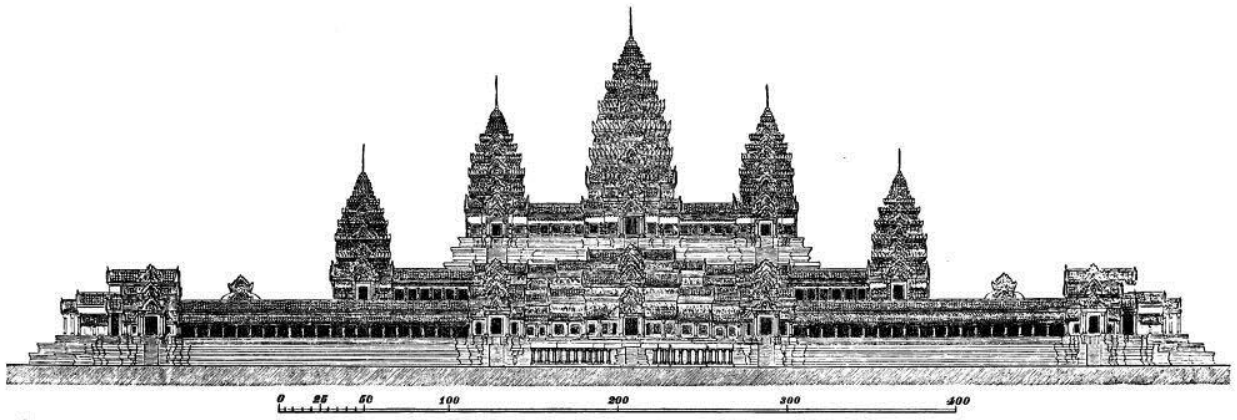

Fig 2.

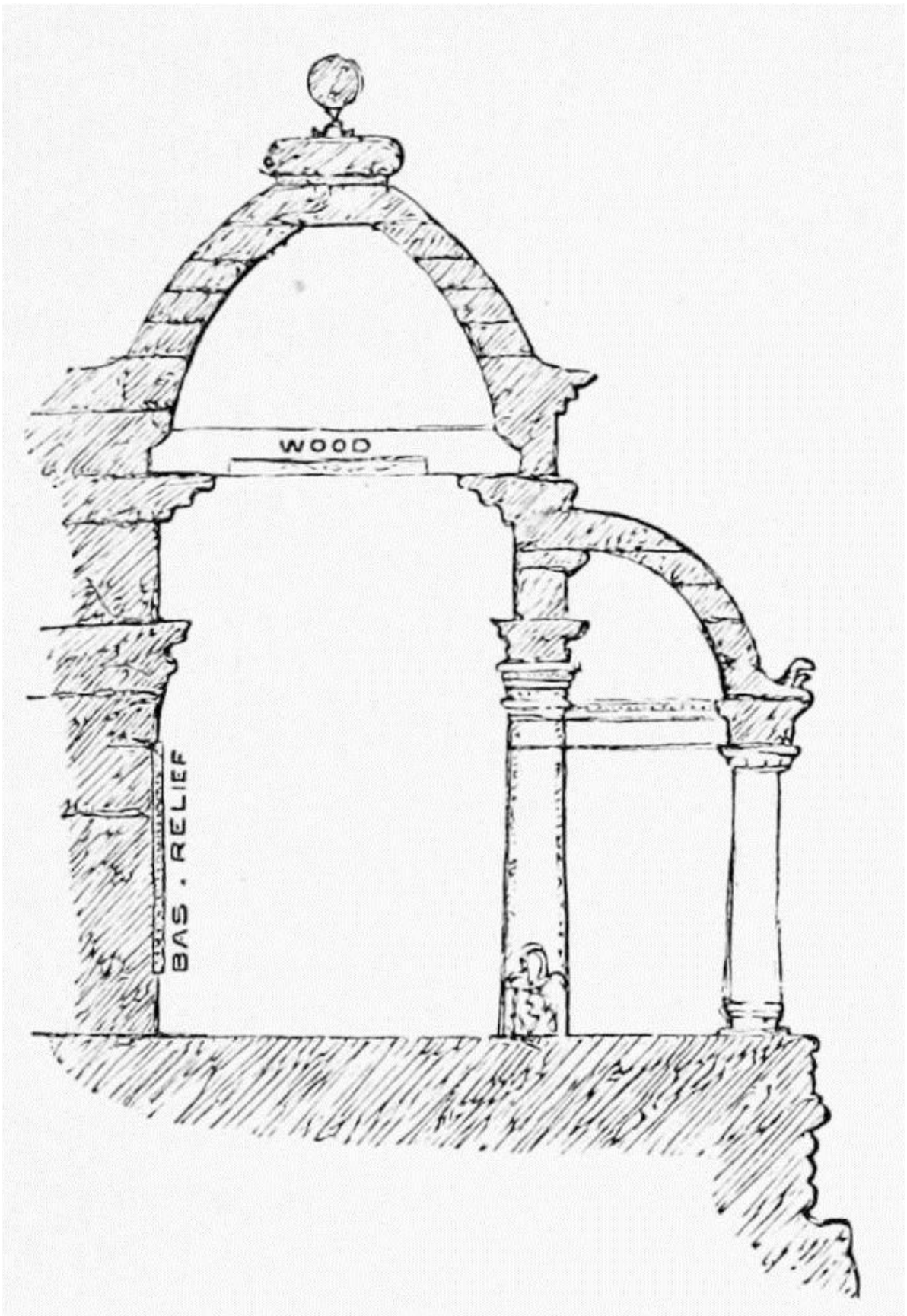
0 50 100 150 200 250 FE

[back](#)

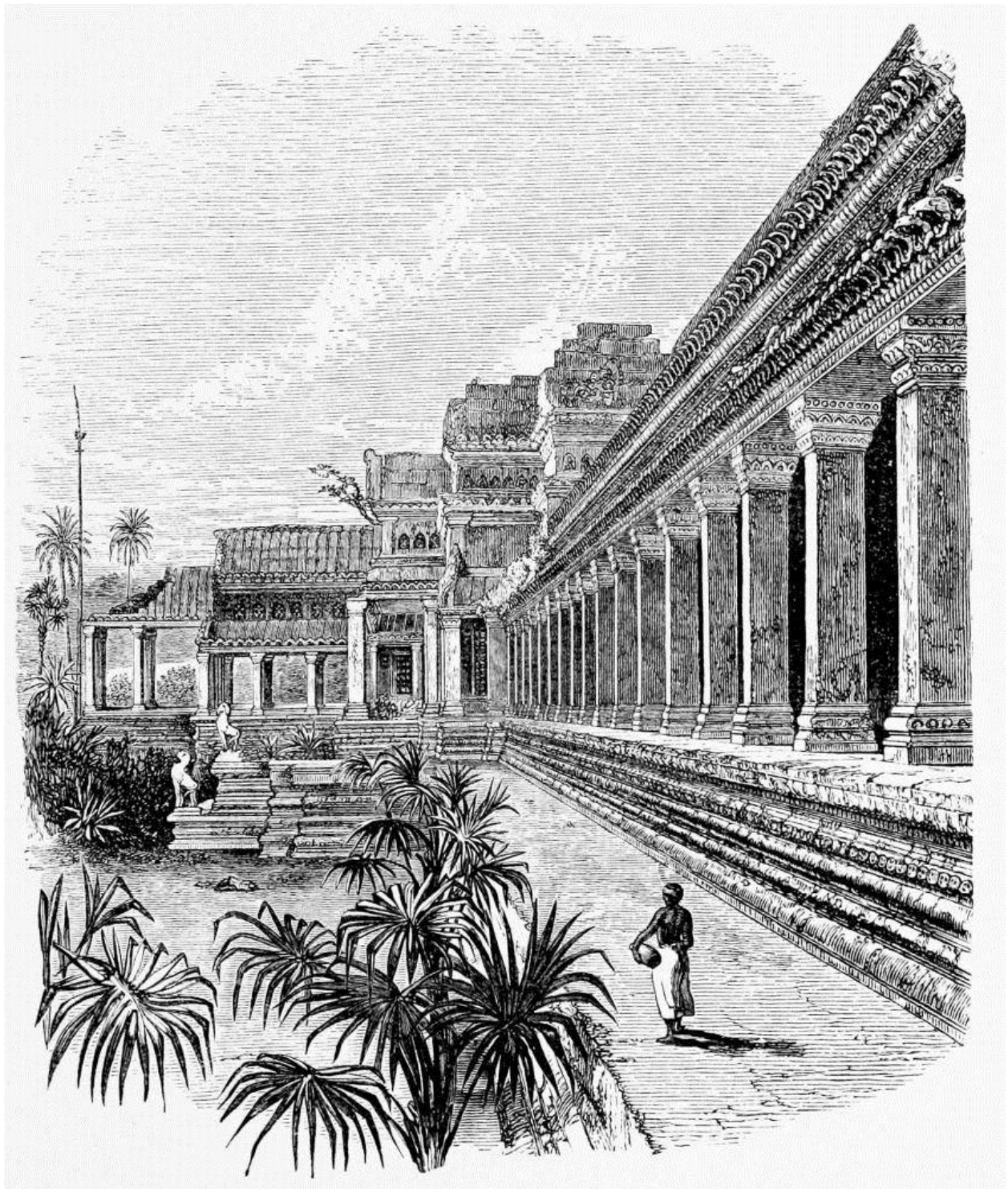
[back](#)

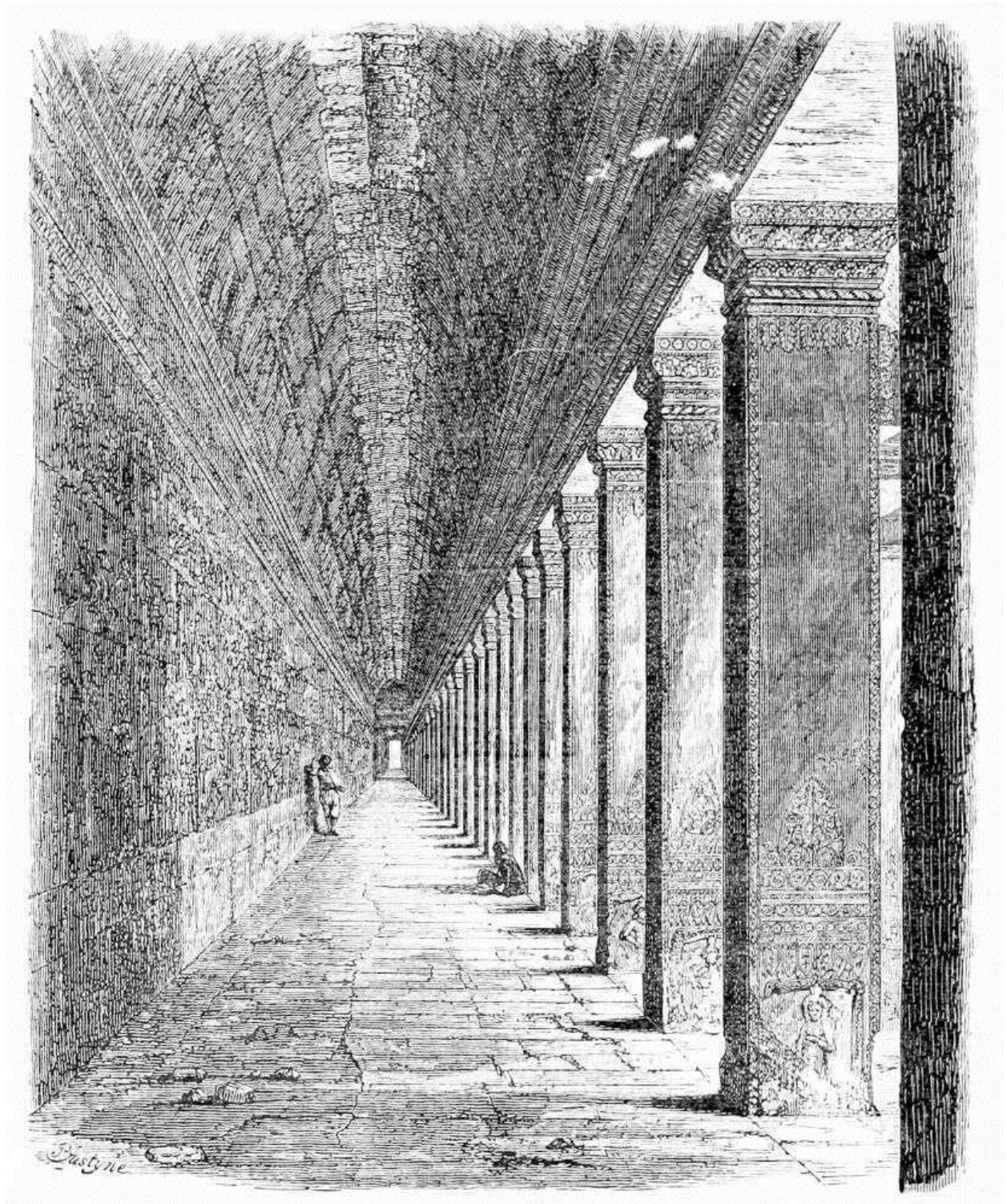
[back](#)

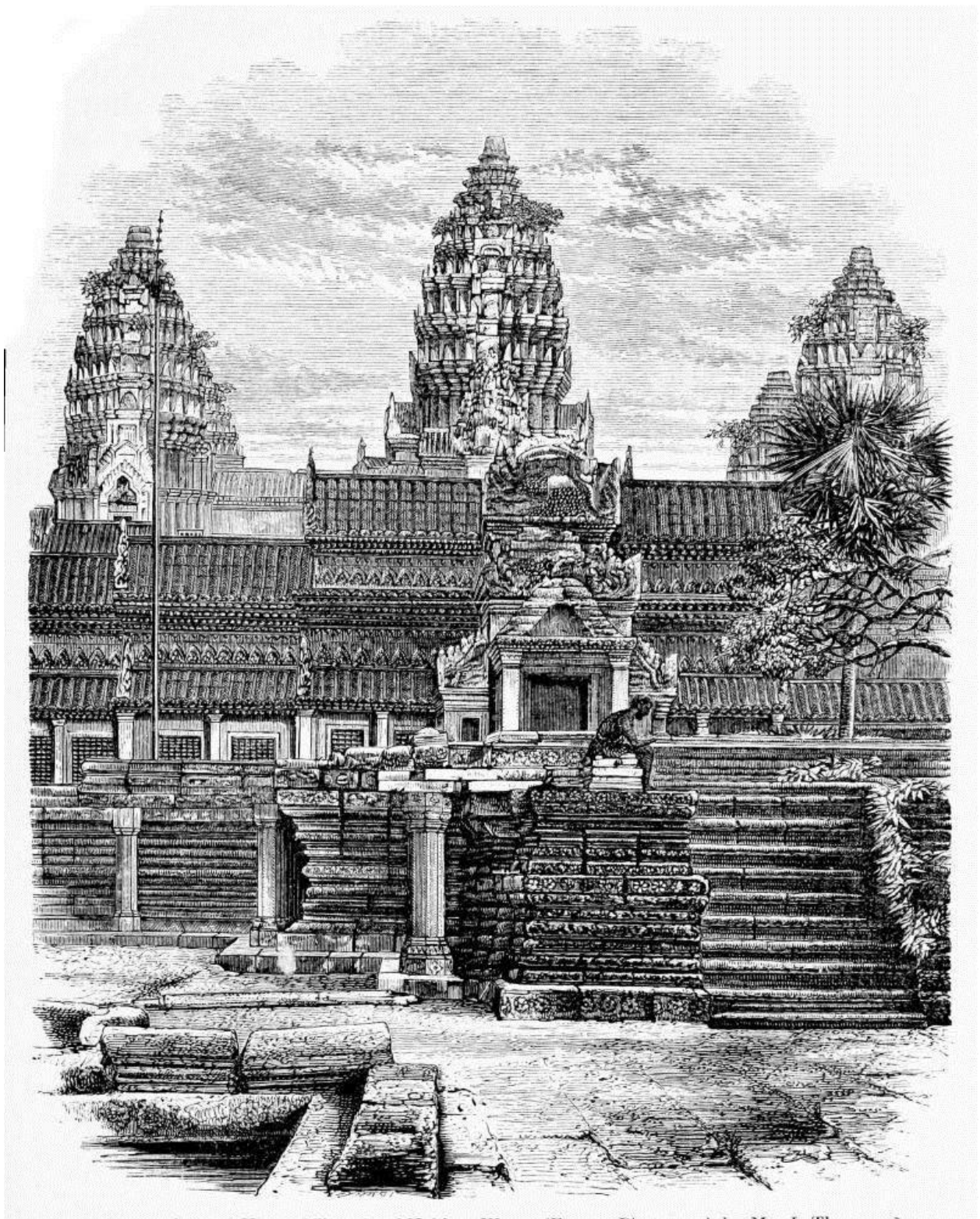
[back](#)

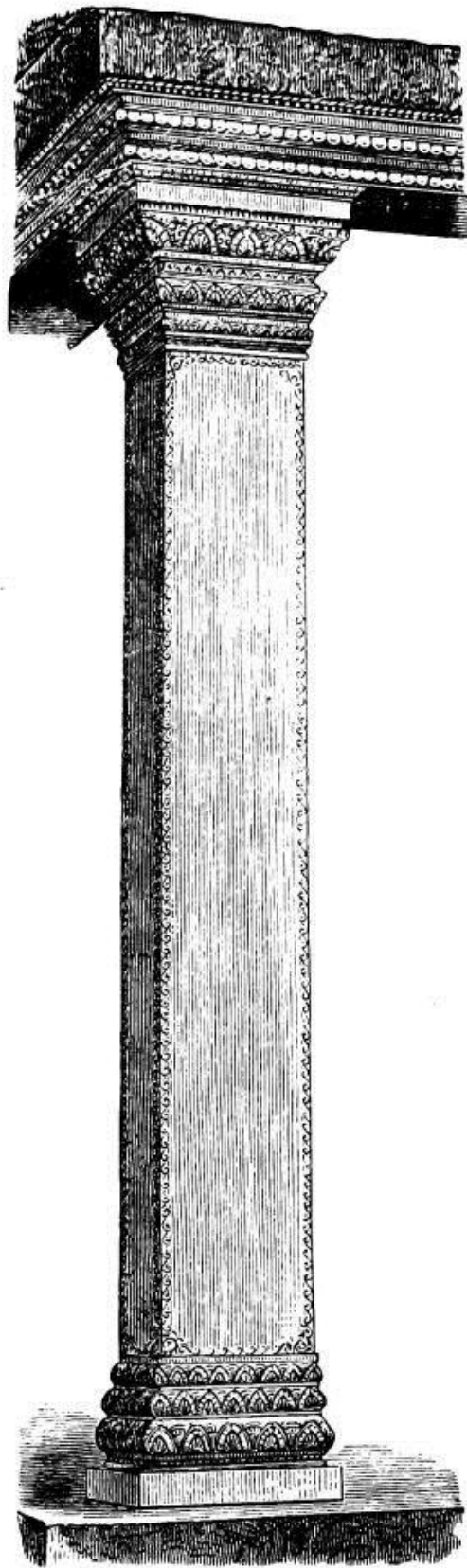
[back](#)

[back](#)

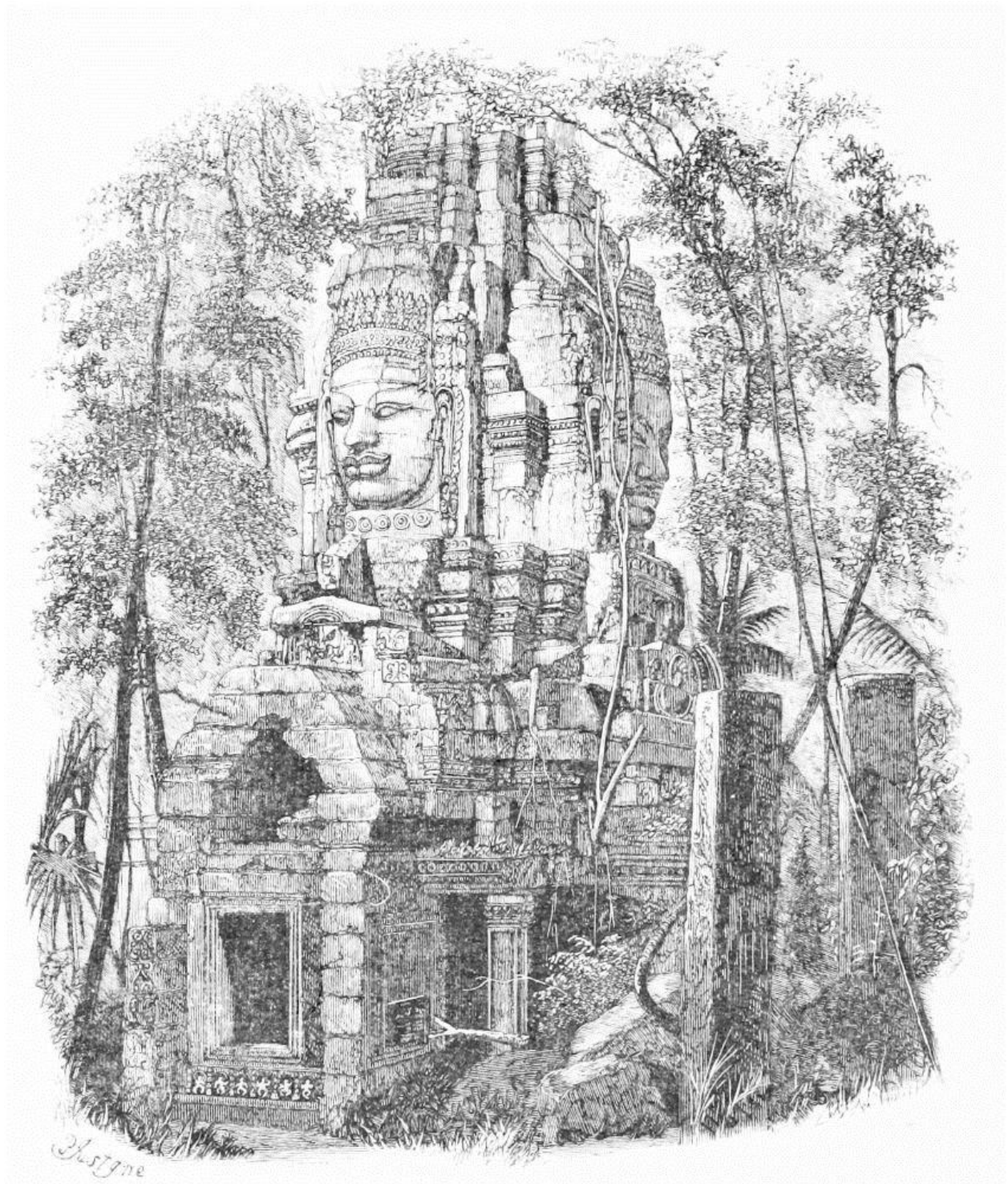

[back](#)

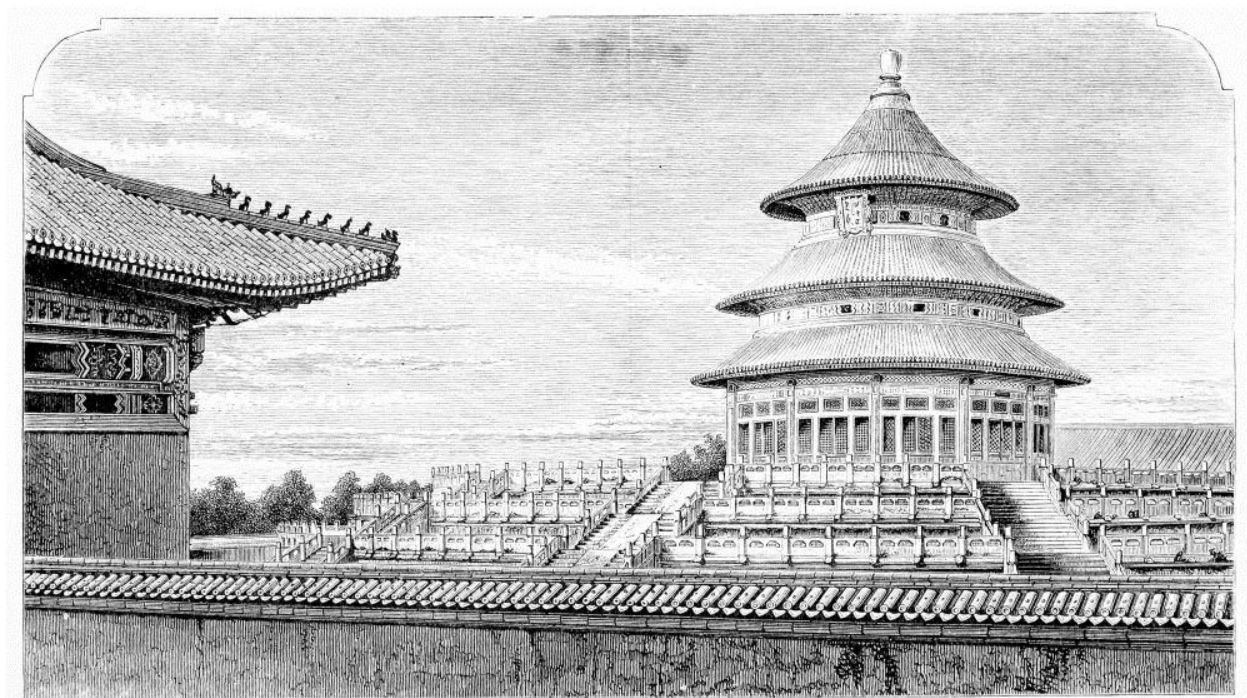

[back](#)

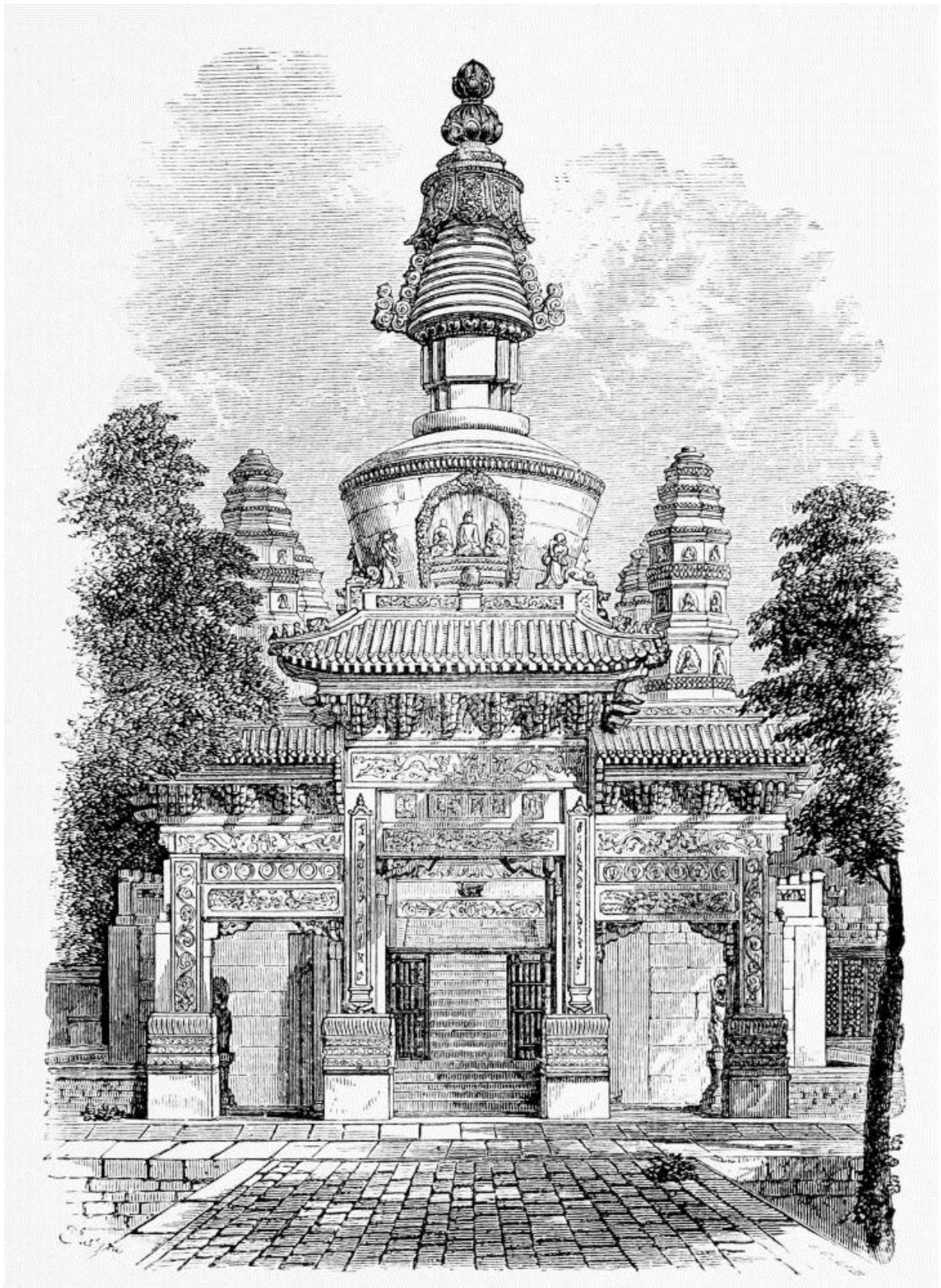

[back](#)

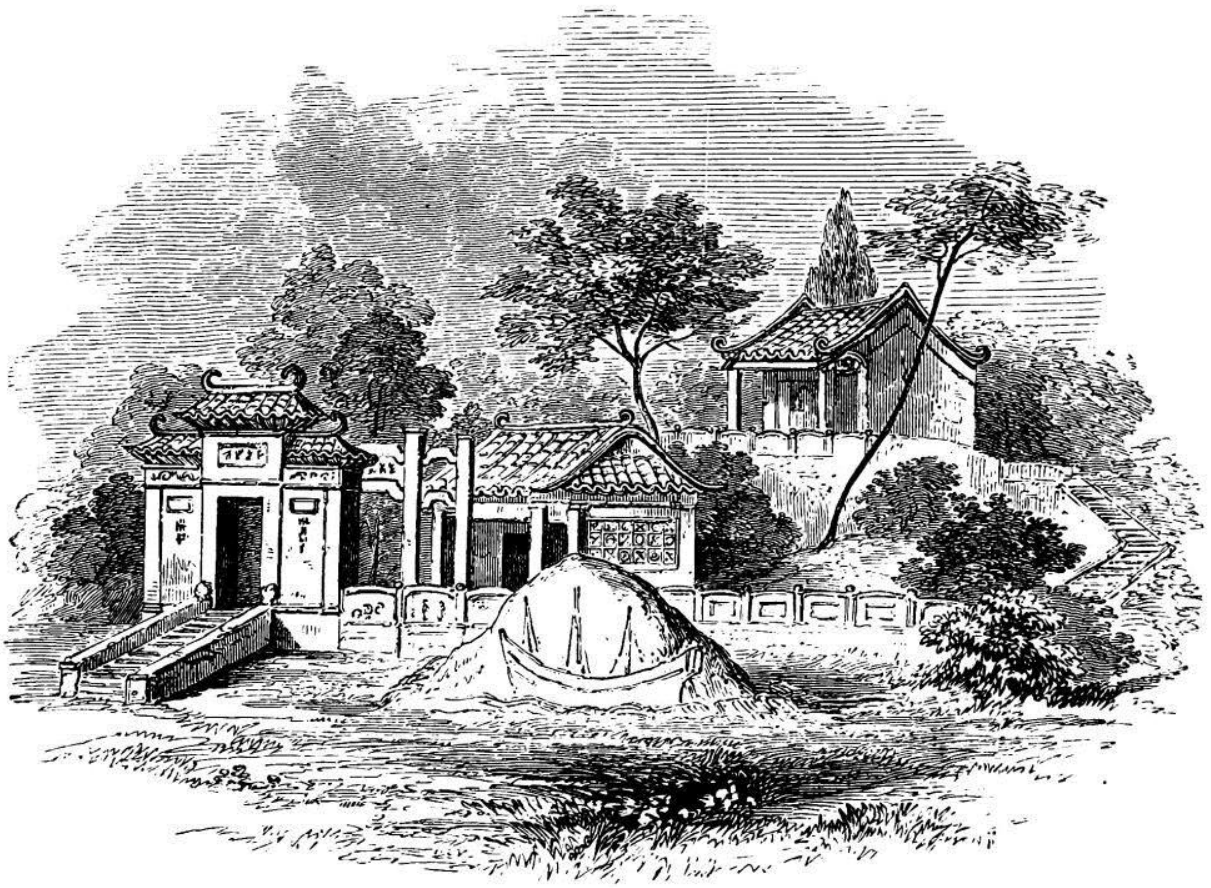
[back](#)

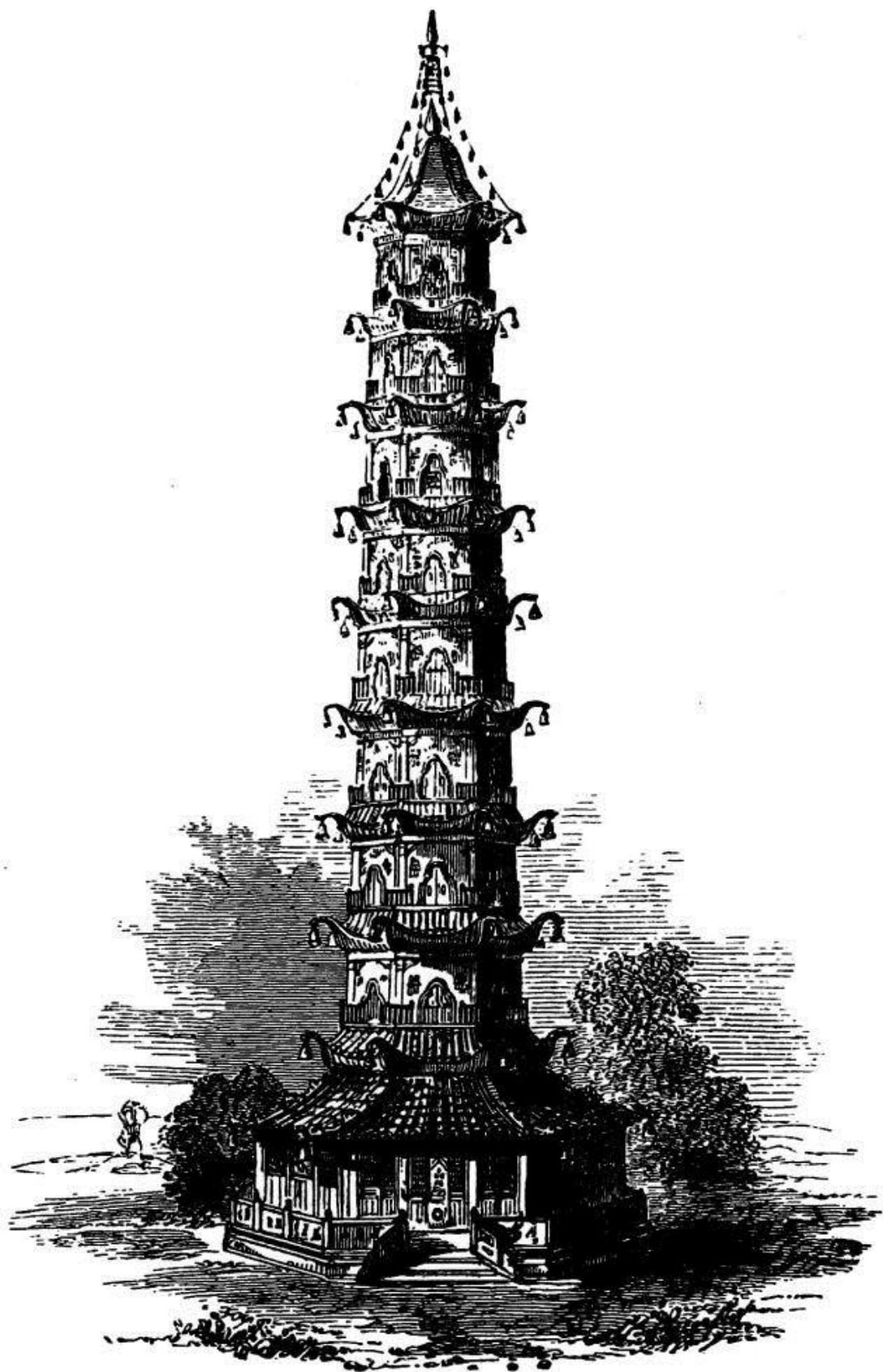
[back](#)

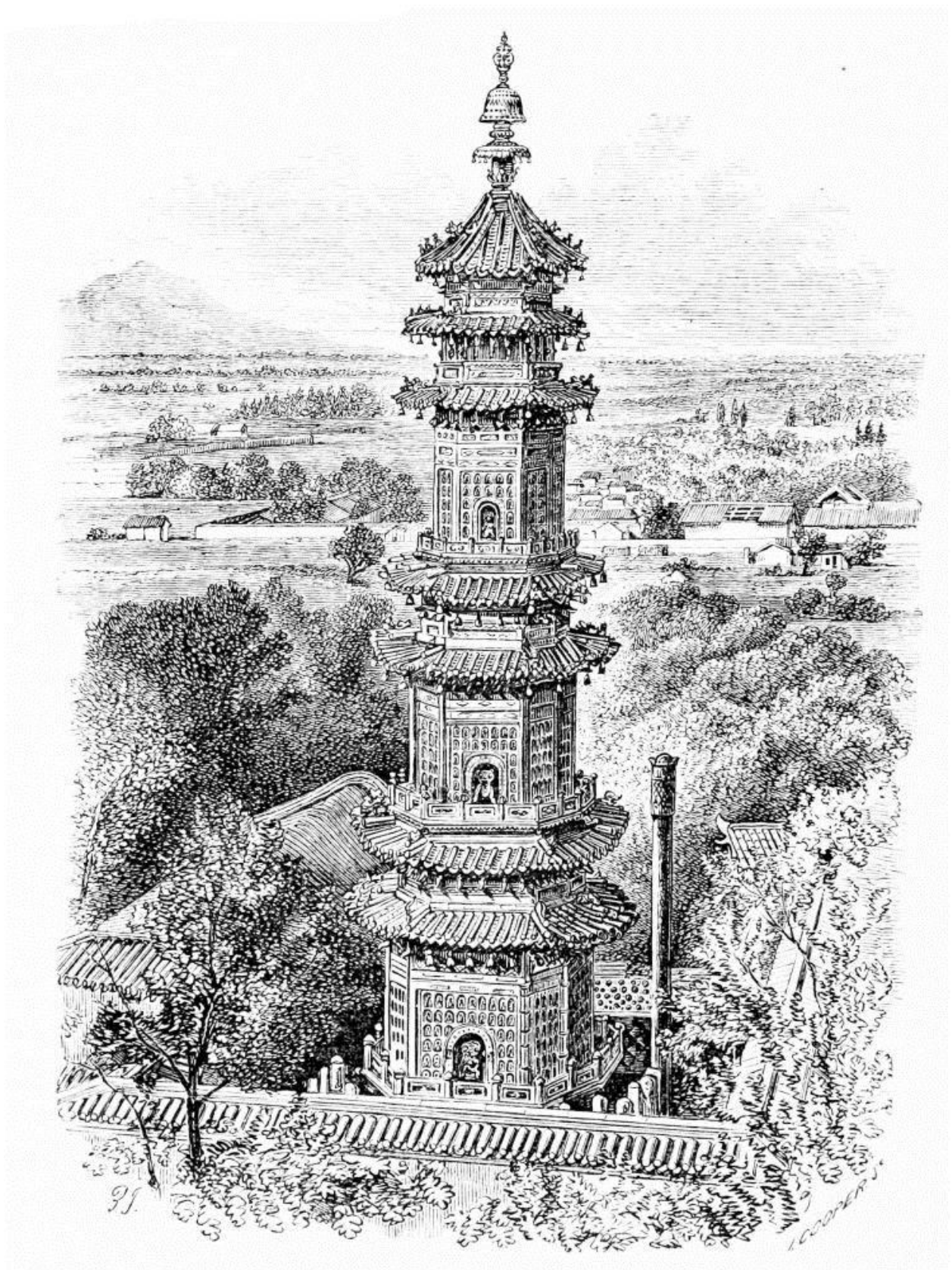
[back](#)

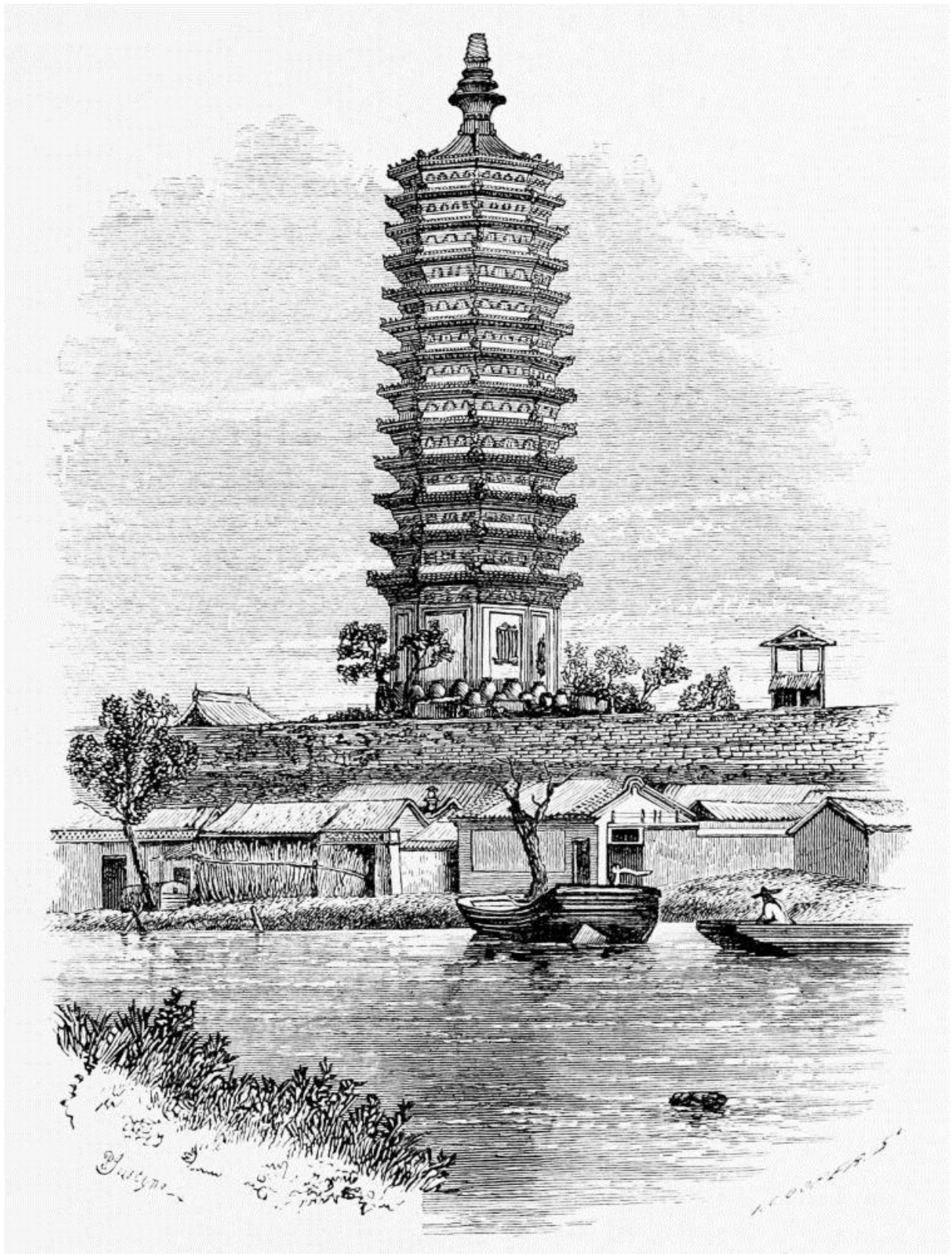
[back](#)

[back](#)

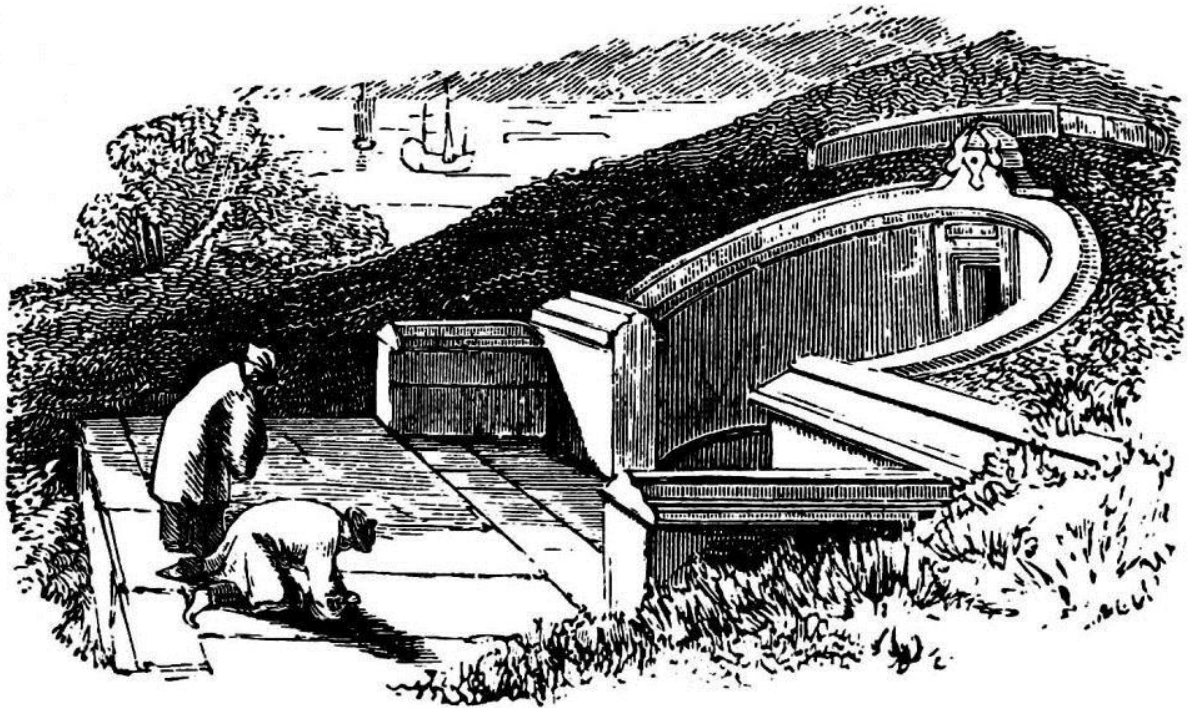

[back](#)

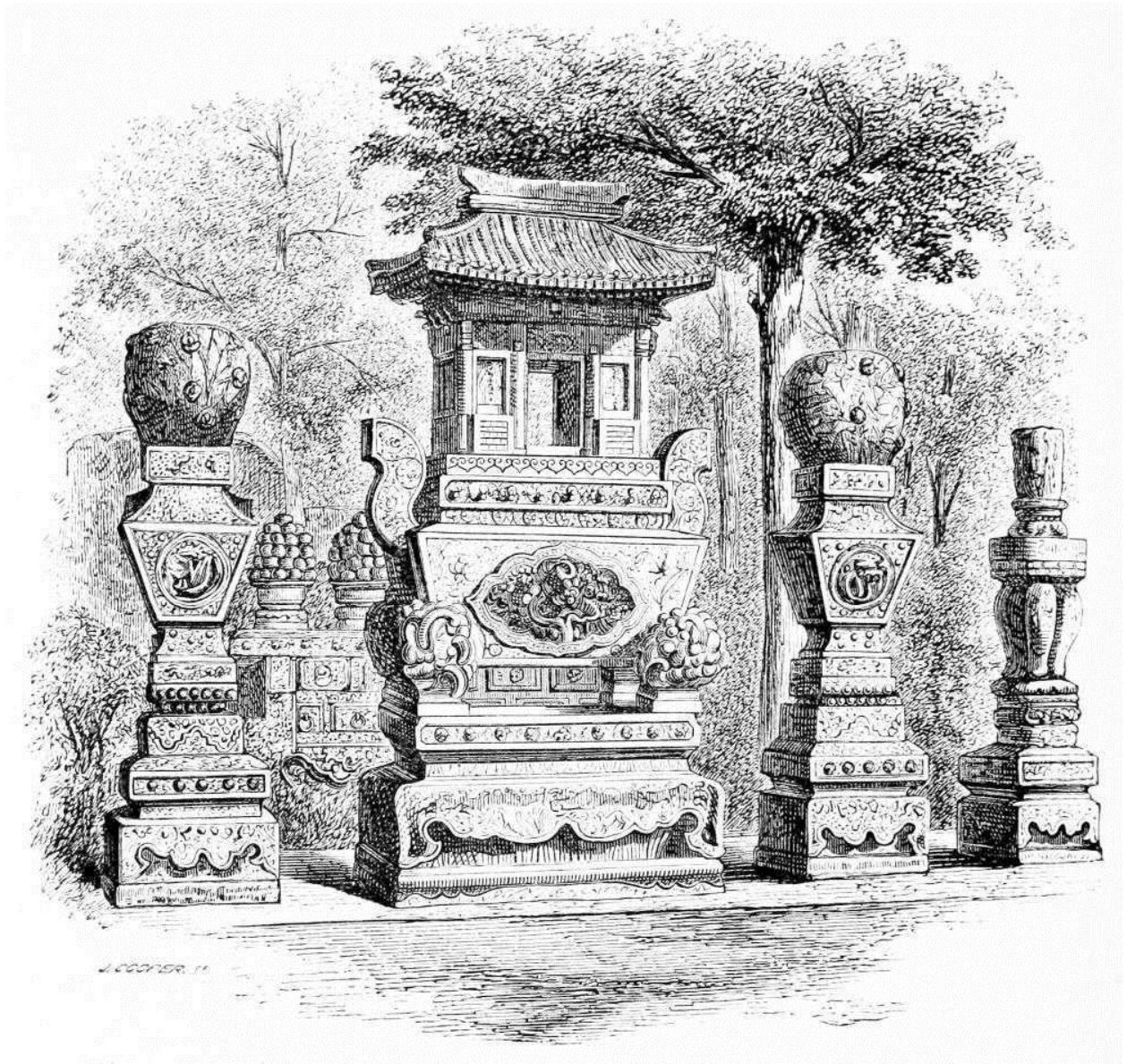

[back](#)

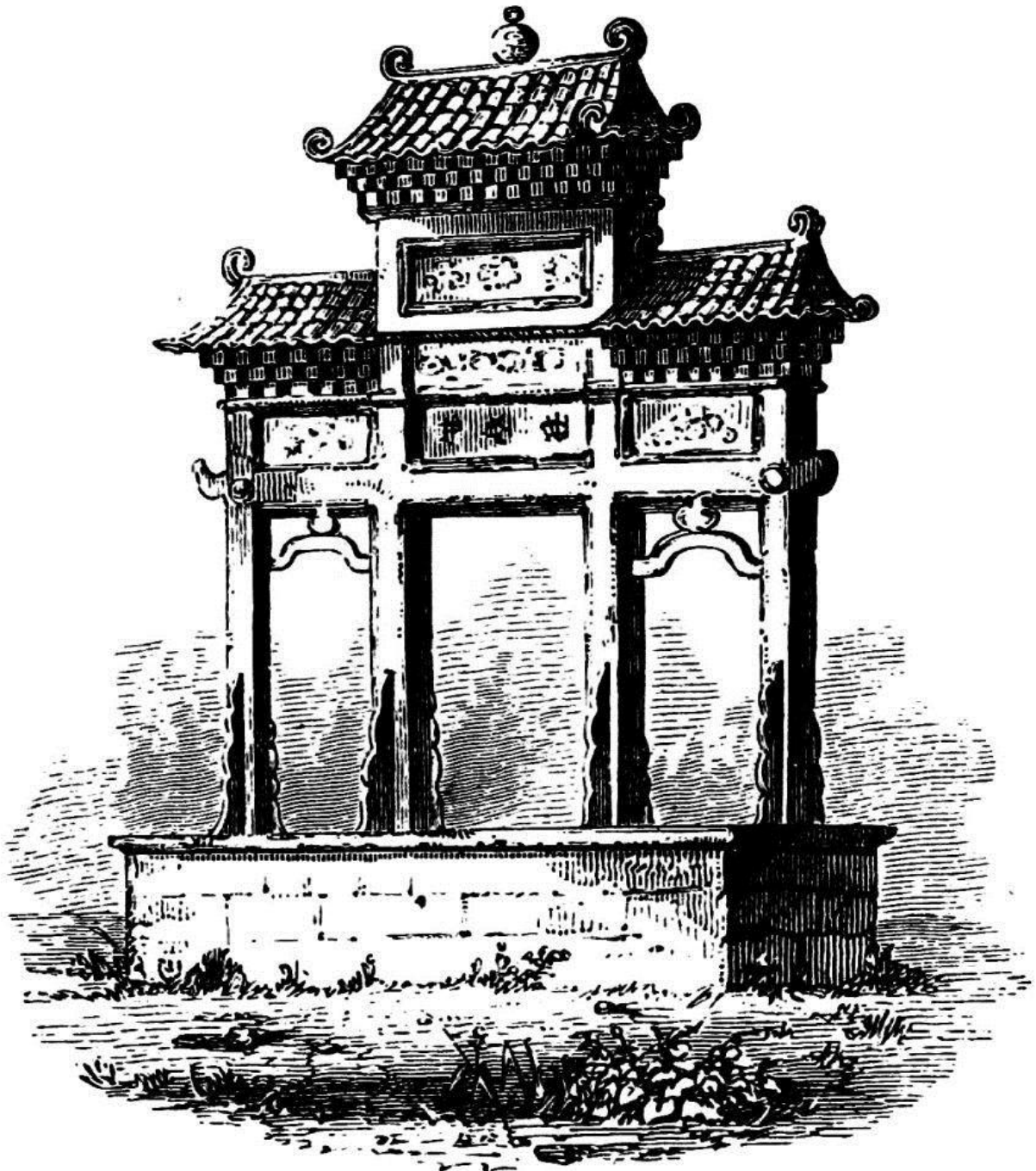

[back](#)

[back](#)

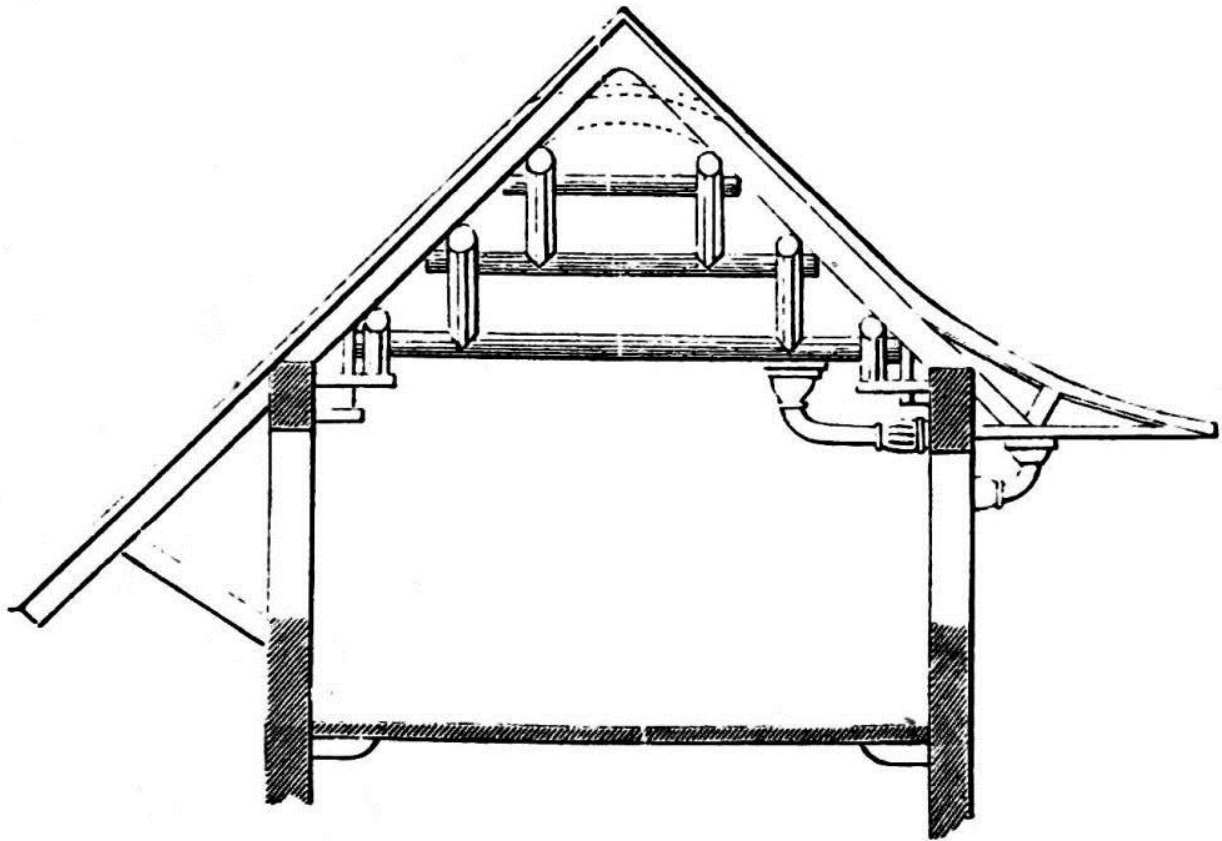

[back](#)

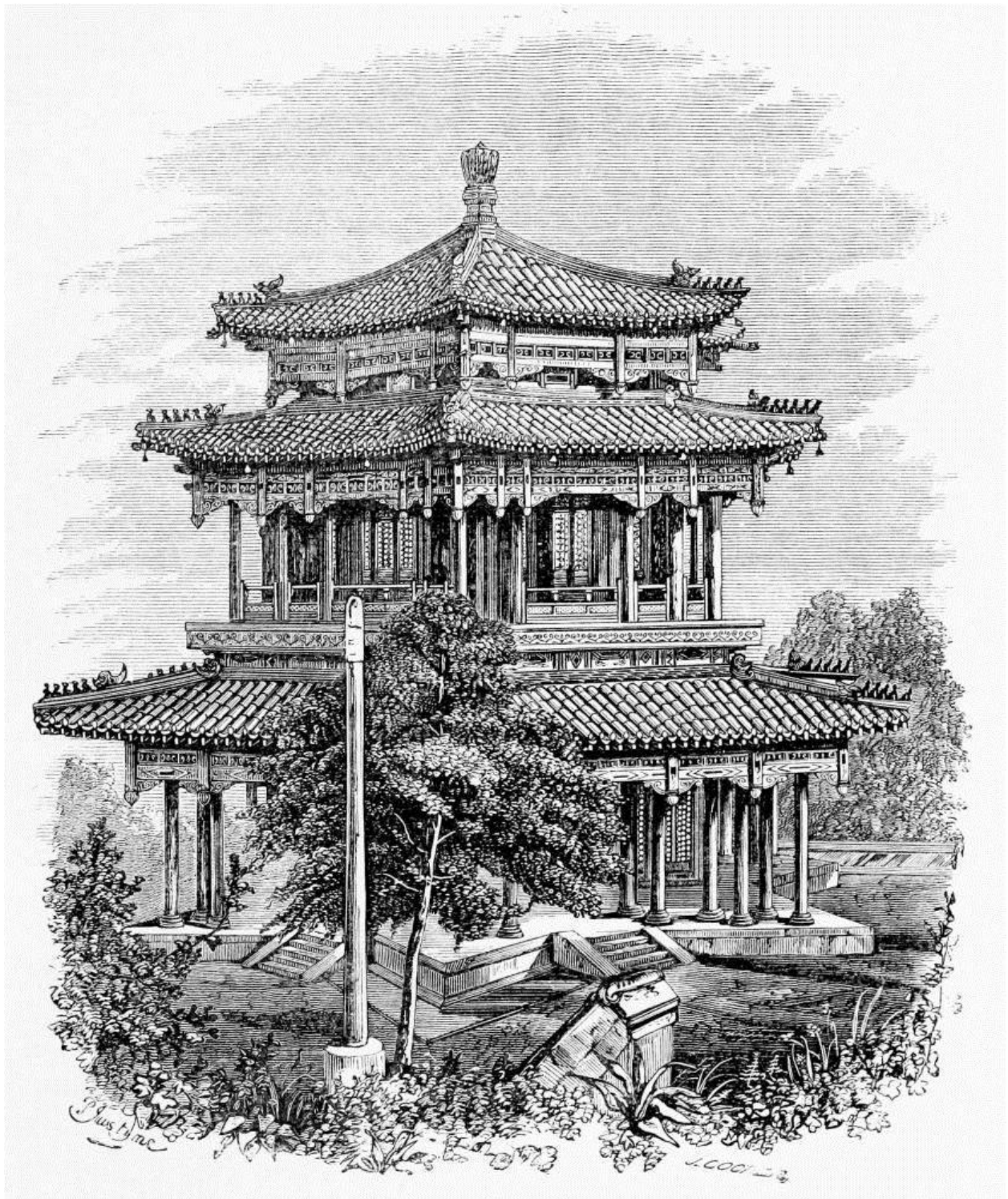

[back](#)

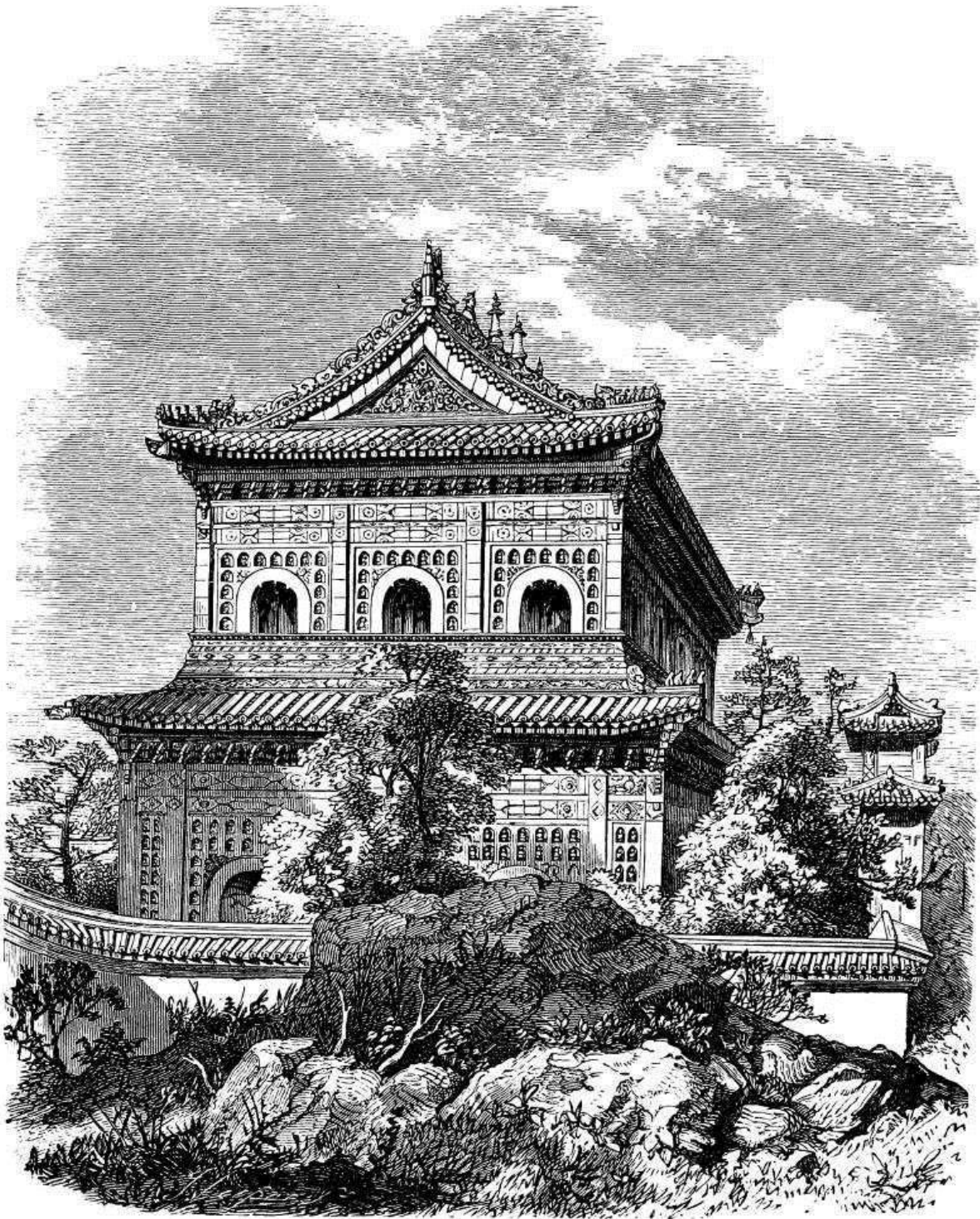

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)